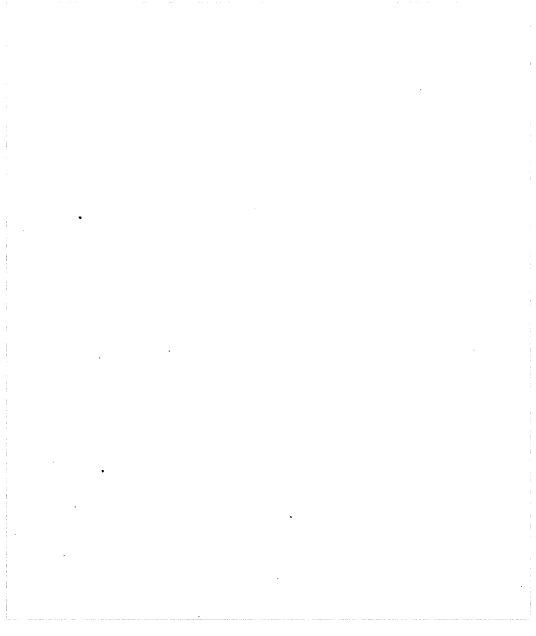
На славномъ посту

(1860—1900).

Литературный
Сборникъ,
посвященный
К. К. Михайловскому.

Изданіе ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Литературнаго Фонда“.
1906.



На славномъ посту

(1860—1900).

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Литературный
Сборникъ,
посвященный
К. К. Михайловскому.

РО Т.Б.Б
Б
PV
1349
На сл
41909

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

Предисловіе къ первому изданію.

Настоящій сборникъ, поздно задуманный и спѣшно выполненный, можетъ служить лишь слабымъ и далеко не исчерпывающимъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыми полны и о которыхъ желали бы заявить литературные друзья Н. К. Михайловскаго въ день его юбилейнаго чествованія. Отъ 6 апрѣля, когда исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности Николая Константиновича и когда возникла первая мысль о сборникѣ, до 15 ноября—дня торжественнаго его чествованія, когда нужно закончить настоящій трудъ, — срокъ очень небольшой. До многихъ вѣсть о задуманномъ изданіи даже не дошла своевременно; другіе, уже изъявившіе желаніе принять въ немъ участіе, не могли осуществить его по разнымъ случайнымъ причинамъ; наконецъ, тѣ, имена которыхъ читатели встрѣтятъ въ настоящемъ сборникѣ, стѣсненные срокомъ, не говоря уже о тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, которыя сами собою подразумѣваются, чувствовали

себя далеко не вполнѣ свободными въ выборѣ темъ и посильной ихъ разработкѣ. Пусть такъ: въ сборникѣ сказано не все, что нужно и сказано не такъ сильно, какъ бы намъ хотѣлось. Его недочетовъ мы уже не восполнимъ на этой страницѣ.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ—мы вправѣ это думать—нашъ коллективный трудъ имѣетъ извѣстный смыслъ. На славномъ посту, на которомъ Н. К. Михайловскій остается безспорно уже десятки лѣтъ, на которомъ у него были великіе предшественники и славные соратники, на которомъ—мы всей душой вѣримъ въ это— у него будутъ не менѣе сильные преемники, на этомъ не только славномъ, но и трудномъ посту приходится вести жизнь вождя, неустанно борющагося за правду-истину и правду-справедливость. Юбилейный день засталъ его среди не оконченной борьбы. Но пусть же онъ увидитъ, что не одинъ онъ въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ завѣтной цѣли. Съ нимъ и за нимъ,—одни, тѣсно примыкая, другіе нѣсколько поодаль,—идутъ многочисленные друзья-единомышленники. И пусть въ этотъ день съ привѣтственными кликами друзей-читателей сольется и нашъ привѣтъ, привѣтъ друзей-писателей.

Ноябрь, 1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

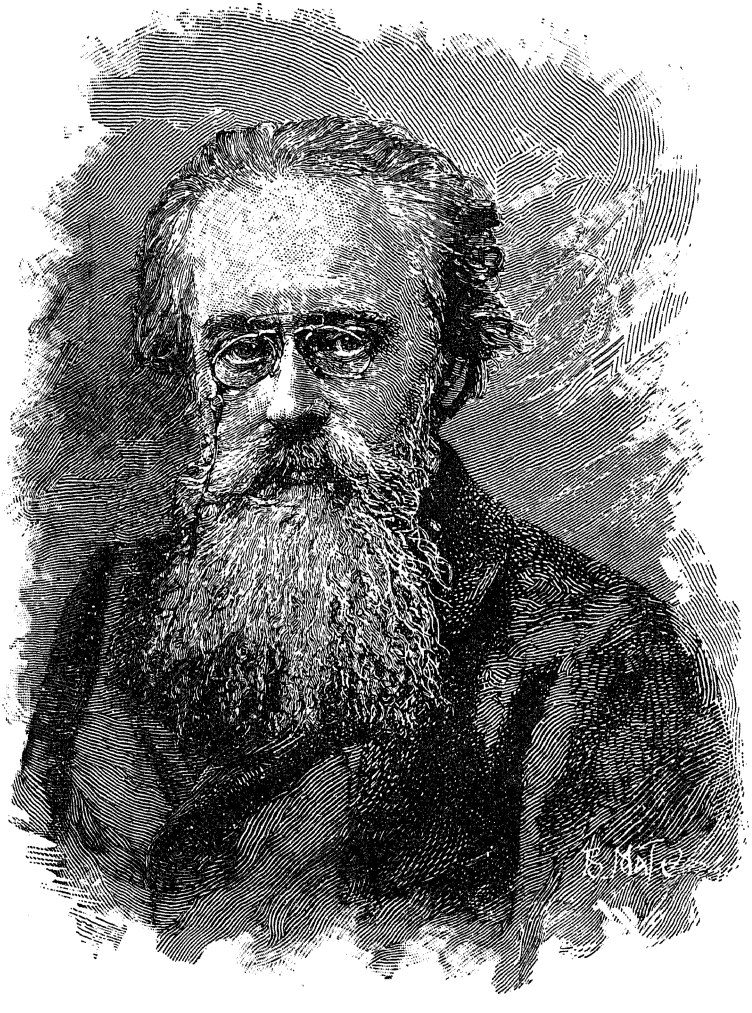
ЧАСТЬ I.

		Стран.
1.	Чайный цвѣтокъ. Сказка. **Д. Мамина-Сибиряка.**	1— 14
2.	Майна-вира. Эскизъ. **В. І. Дмитріевой**	15— 37
3.	**Н. К. Михайловскому.** Стихотвореніе. **П. Я.**	38
4.	Мгновеніе. Очеркъ. **Влад. Короленко.**	39— 48
5.	Безъ фамиліи: I. Софья Петровна.—II. Таня. **Ек. Лѣтковой**	49— 66
6.	У огонька. Набросокъ. **П. Хотымскаго**	67— 77
7.	Ночь. (Изъ Ады Негри). Стихотвореніе. **М. Ватсонъ**	78
8.	Отливъ. (Глава изъ романа). **Ольги Шапиръ**	79— 90
9.	Старуха. **Каз. Баранцевича**	91—104
10.	„Эксельсіоръ". **Діонео**	105—118
11.	Въ глуши. (Изъ записной книжки). **А. Погорѣлова.**	119—143
12.	Сверкая роемъ звѣздъ въ небесной вышинѣ.. Стихотвореніе. **А. Вербова**	144
13.	Во французскомъ вагонѣ III класса. (Путевые наброски). **С. Елпатьевскаго**	145—154
14.	Спутники. Очеркъ. **Е. Ганейзера**	155—167
15.	Игме. (Финская легенда объ Иматрѣ). **Юліи Бездородной**	168—170
16.	Искорка. Разсказъ. **Л. Мельшина**	171—188
17.	Нагорная проповѣдь. (Крымская картинка). **С. Елпатьевскаго**	189—192
18.	Изъ старыхъ воспоминаній и наблюденій. **Н. Соколовскаго**	193—212
19.	„Собака". Морской разсказъ. (Изъ далекаго прошлаго). **К. Станюковича**	213—229
20.	Н. К. Михайловскому. Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**	230

ЧАСТЬ II.

	Стран.
21. Чѣмъ русская общественная жизнь обязана Н. К. Михайловскому? **Н. Кудрина**	1— 44
22. Некрасовъ-художникъ. **И. Игнатова**	45— 57
23. Изъ исторіи чести и совѣсти. (По Гл. И. Успенскому). **А. Пѣшехонова**	58— 80
24. Изъ наблюденій присяжнаго засѣдателя. **Н. Карышева**	81— 97
25. Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ. **В. Семевскаго**	98—152
26. Страничка изъ „воспоминаній". **Вл. Лесевича** . .	153—156
27. Крестьянинъ и рабочій, какъ категоріи хозяйственнаго строя. **Виктора Чернова**	156--197
28. Система правды и наши общественныя отношенія. **М. Рафаилова**	198—230
29. Въ мірѣ случайностей. **Владиміра Розенберга** . .	231—254
30. Встрѣча съ С. Ѳ. Дуровымъ. **Г. Потанина** . . .	255—265
31. Индивидуальность и культура. **П. Мокіевскаго** . .	266—296
32. Эстетика Глѣба Успенскаго. **Ар. Горнфельда** . .	297—313
33. Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ. **Л. Пантелѣева.**	314—326
34. Размагниченный интеллигентъ. (Изъ частной переписки половины 90-хъ годовъ). **Н. Рубакина** . .	327—340
35. Общественное мнѣніе. **М. Цебриковой**	341—351
36. Соціологическая доктрина Н. К. Михайловскаго. **С. Н. Южакова**	352—369
37. Роль личности и общества въ современномъ кооперативномъ движеніи. **А. Чупрова**	370—408
38. Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго. (По поводу новаго изданія сочиненій *Бѣлинскаго* подъ редак. *С. А. Венгерова*). **П. Милюкова** . .	409—430
39. Сорокъ лѣтъ назадъ. Страничка изъ недавняго прошлаго. **Н. Ѳ. Анненскаго**	431—450
40. На зарѣ русской общественности. **В. А. Мякотина.**	451—509
41. Къ библіографіи сочиненій Н. К. Михайловскаго (1860—1900 гг.). **Д. П. Сильчевскаго**	510—519

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



Дозв. ценз. Спб. 21 Сентября 1905 г.

Тип. Клобукова.

ЧАЙНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Сказка.

I.

Старый сумасшедшій Чангъ опять по своему обыкновенію, послѣ періода лѣтнихъ дождей, ушелъ въ Манчжурію, а старая, полуслѣпая Хунъ-Мы, состоявшая изъ однѣхъ морщинъ, осталась, конечно, дома, т. е. на своей старой джонкѣ.

— Ты опять придешь съ пустыми руками, — ворчала Хунъ-Мы, когда мужъ уходилъ.—Охъ, эта мнѣ Манчжурія... Если бы собрать всѣ деньги, какія ты истратилъ тамъ, и все потерянное рабочее время, то давно можно было бы купить небольшой домикъ въ самомъ Пекинѣ или, по крайней мѣрѣ, выстроить себѣ гдѣ-нибудь на берегу рѣки фанзу. Да, настоящую фанзу, со своимъ огородомъ, садикомъ...

Чангъ обыкновенно не спорилъ съ женой и не обращалъ никакого вниманія на ея ворчаніе, а тутъ вдругъ разсердился до того, что чуть не задохся отъ старческаго кашля.

— Замолчи, старый гнилой пень! Развѣ женщины когда нибудь что понимали? Если бы я въ прошлый разъ не пролежалъ трехъ недѣль въ лихорадкѣ, такъ у насъ была бы и фанза, и домикъ въ Пекинѣ, и новая джонка... Какъ я могу говорить съ тобой, если ты ничего не понимаешь? Одинъ манчжуръ нашелъ же жень-шень и продалъ его за такую кучу золота, какая не помѣстится въ твоей пустой головѣ. У него сейчасъ своя лавка въ Мукденѣ... Отчего же я не могу найти жень-шень, глупая женщина?

— То манчжуръ, а то ты...

— Даже никакой разницы нѣтъ,—спорилъ Чангъ, зады-

хаясь отъ кашля.—Все дѣло въ томъ, что у манджура жена умнѣе, чѣмъ у меня. О, это много значитъ... Если бы мнѣ дать жену манчжура, такъ я нашелъ бы два жень-шеня.

Это уже было обидно, и Хунъ-Мы обругала мужа старой кочерыжкой, а потомъ расплакалась, какъ дѣлаютъ женщины всего міра. Если бы у нея былъ другой мужъ... О, она не голодала бы всю жизнь, не дрожала бы по ночамъ отъ холода на своей лодкѣ, не ходила бы въ жалкихъ лохмотьяхъ и умерла бы спокойно на рукахъ у своихъ дѣтей. А теперь, послѣ такой жизни, на кого она походитъ? Осталась одна кожа да кости...

Когда упрямый Чангъ ушелъ, Хунъ-Мы опять плакала. Вѣдь старикъ хотя и упрямъ, но очень добръ и всегда заботился о ней. И теперь оставилъ ей два мѣшка рису, а съ собой взялъ только нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Какъ онъ, бѣдный, будетъ жить на чужой сторонѣ? Спать придется подъ открытымъ небомъ, питаться кореньями, мокнуть на дождѣ и жариться на солнцѣ. Такая жизнь впору только молодому, а Чангъ старъ. Можетъ заболѣть въ дорогѣ, можетъ попасть въ лапы манчжурскаго тигра или еще того хуже—въ руки страшныхъ разбойниковъ хунхузовъ. Старый Чангъ въ свою очередь тоже жалѣлъ старуху и на прощаніи сказалъ ей совсѣмъ ласково:

— Потерпи, Хунъ-Мы, скоро мы разбогатѣемъ... Да, мы долго терпѣли, а отъ бѣдности люди дѣлаются несправедливыми. Богатому человѣку не трудно быть справедливымъ, и мы, когда разбогатѣемъ, не будемъ ссориться. Конечно, я много истратилъ времени, труда и денегъ въ поискахъ жень-шеня, это правда, но вѣдь я не считаю тѣхъ денегъ, которыя ты истратила на курительныя бумажки и палочки изъ благовоннаго дерева для жертвы богамъ...

— Ну, это уже не твое дѣло... Я должна заботиться о своей душѣ.

— Хе-хе... Кому твою душу нужно? — смѣялся развеселившійся Чангъ.—Это тебѣ наговорилъ бонза Ма... Бонзы всѣ хитрые, и всѣ обманываютъ насъ, потому что не хотятъ работать. Не работать и жить на счетъ довѣрчивыхъ, глупыхъ людей—ремесло не трудное...

Изъ-за бонзы Ма старики опять чуть не поссорились. У стараго Чанга была дурная привычка дразнить жену этимъ

бонзой. Онъ придумывалъ самыя смѣшныя исторіи про него и, вообще, относился къ нему очень непочтительно.

На джонкѣ жилъ еще третій человѣкъ, горбунъ Чжинъ, безродный сирота, подобранный съ улицы. Этотъ молодой человѣкъ отличался большой молчаливостью, почти никогда не улыбался и всѣмъ завидовалъ.

— Въ немъ сидитъ злой духъ,—объяснялъ бонза Ма.— Всѣ уроды населены злыми духами... Мнѣ не одинъ разъ приходилось знакомиться съ ними.

Горбунъ относился къ своимъ воспитателямъ совсѣмъ равнодушно и никогда не интересовался, куда такъ надолго уходилъ старый Чангъ.

— А если онъ не вернется, старый Чангъ? — говорила ему Хунъ-Мы.

— Что же, будемъ жить и безъ стараго Чанга,—отвѣчалъ Чжинъ.—Другіе живутъ безъ него, и мы проживемъ...

— И тебѣ не будетъ нисколько его жаль, если онъ гдѣ нибудь умретъ, и мы даже не будемъ знать, гдѣ его могила?

— Чего же жалѣть? Въ свое время каждый человѣкъ долженъ умереть... Богдыханы—и тѣ умираютъ.

— Чжинъ, у тебя вмѣсто сердца камень...

— Я не виноватъ, что такимъ родился. Да и мои родители, выбросившіе меня на улицу, не лучше меня.

Чжинъ былъ правъ, и старая Хунъ-Мы только качала головой. Развѣ можно такъ говорить о своихъ родителяхъ?

Когда Чангъ уходилъ, Хунъ-Мы провожала его по берегу рѣки, пока могла идти, а потомъ долго сидѣла на берегу одна и горько плакала. Вѣдь никто-никто не зналъ, какой это добрый и хорошій человѣкъ. Нѣтъ, впрочемъ, зналъ бонза Ма, который зналъ рѣшительно все на свѣтѣ. Сидя на берегу, Хунъ-Мы припоминала всю свою жизнь и тяжело вздыхала. Она родилась вотъ на этой самой рѣкѣ, тамъ, въ верховьяхъ, гдѣ раскинулись бамбуковыя рощи, рисовыя поля и чайныя плантаціи. Она помнила родную фанзу, которая стояла на берегу, и въ которой жилъ еще отецъ отца. Старая бабушка водила ее по крутому, обрывистому берегу и разсказывала старыя сказки о томъ блаженномъ времени, когда всѣ жили хорошо, потому что всѣ уважали предковъ, бонзы усердно молились въ кумирняхъ, а мандарины не брали взятокъ и не обманывали богдыхана.

— Теперь много бѣдныхъ и несчастныхъ людей,—говорила бабушка, при чемъ у нея тряслась сѣдая голова, какъ у фарфоровой куклы:—потому что богатые притѣсняютъ всѣхъ, а богдыханъ объ этомъ не знаетъ. Но будетъ время, когда воцарится молодой богдыханъ, который будетъ все знать, и всѣ будутъ счастливы. Мандарины не будутъ брать взятокъ, купцы не будутъ обманывать, богатые не будутъ притѣснять бѣдныхъ, а бонзы будутъ молиться цѣлые дни.

Потомъ, оглянувшись кругомъ, не подслушиваетъ ли кто, бабушка по секрету прибавляла шопотомъ:

— Нашъ теперешній богдыханъ старъ и не понимаетъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, но растетъ молодой богдыханъ, съ которымъ растетъ и счастье всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Молодой богдыханъ все устроитъ, и у каждаго китайца будетъ про запасъ горсточка рису...

Бабушка улыбалась, и ея голова тряслась еще сильнѣе, точно она дѣлалась тяжелѣе отъ мыслей о всеобщемъ китайскомъ счастьѣ. Маленькая, черноглазая, хорошенькая Хунъ-Мы вѣрила каждому слову бабушки и часто думала о молодомъ принцѣ, который принесетъ и ея счастье. Когда воцарился молодой богдыханъ и все осталось по прежнему, бабушка никакъ не могла понять, какъ все это случилось.

— Что нибудь да не такъ,—увѣряла она.—Вѣроятно, настоящаго принца подмѣнили...

Сидя на берегу, старая Хунъ-Мы любила вспоминать о старой бабушкѣ, и ей начинало казаться, что бабушка совсѣмъ не умирала, и что она живетъ въ ней, и что настоящій принцъ, который осчастливитъ всѣхъ китайцевъ, долженъ непремѣнно родиться.

II.

Проводивъ мужа и выплакавшись на берегу, старая Хунъ-Мы обыкновенно отправлялась въ кумирню, чтобы принести жертву добрымъ духамъ и поговорить съ бонзой Ма. Кумирня стояла на берегу рѣки. Когда-то она была очень красива, но безпощадное время разрушало ее день за днемъ.

— Не стало благочестивыхъ людей, которые починяютъ на храмахъ крыши, подновляютъ стѣны и украшаютъ идоловъ,—жаловался бонза Ма и потомъ прибавлялъ:—Но это

только пока... Будутъ и благочестивые люди, и у моей кумирни будетъ новая крыша.

Сгорбленный, сухой, какъ скелетъ, бонза Ма кое-какъ перебивался въ своей кельѣ, которая тоже очень нуждалась во вниманіи благочестивыхъ людей, какъ и желудокъ стараго бонзы. Когда его начиналъ мучить голодъ особенно сильно, онъ отправлялся на джонку стараго Чанга, гдѣ всегда находилось что-нибудь съѣстное, конечно, благодаря благочестію старой Хунъ-Мы, приберегавшей лучшіе куски бонзѣ для возстановленія его вѣры въ людей. Горбунъ Чжинъ, какъ никто, умѣлъ ловить рыбу, у стараго Чанга можно было найти чашечку рисовой водки, и бонза Ма начиналъ вѣрить въ лучшее будущее. Ему не нравилось только одно, именно, когда онъ и Чангъ садились играть въ кости—выигрывалъ всегда Чангъ и еще смѣялся, припрятывая деньги вѣрнаго слуги боговъ.

Когда въ кумирню приходила старая Хунъ-Мы, бонза ничѣмъ ее не угощалъ, а только старался продать побольше палочекъ и благовоннаго дерева, и священныхъ бумажекъ. Впрочемъ, бонза Ма считалъ нужнымъ успокаивать старуху и говорилъ:

— Ничего, твой Чангъ вернется, если будешь жечь больше бумажекъ и палочекъ.

— А если не вернется?

— Можетъ быть и не вернется. Я знаю нѣсколько такихъ печальныхъ случаевъ.. Но Чангъ хитеръ, какъ лисица, и навѣрно вернется.

Иногда, глядя на горевавшую Хунъ-Мы, бонза Ма улыбался и говорилъ:

— Кто-бы могъ подумать, что тебя называли Чайнымъ-Цвѣткомъ... Помнишь, тамъ, на чайной лодкѣ подъ Пекиномъ?

Это напоминаніе заставляло Хунъ-Мы краснѣть остатками крови, и она только смотрѣла на жестокаго бонзу умоляющими глазами.

— Знаю, знаю, что ты была не виновата... да... Послѣ того, какъ мандаринъ Ли отнялъ у твоего отца фанзу, чтобы увеличить свой садъ, а отца повѣсилъ для примѣра другимъ строптивымъ китайцамъ—тебѣ ничего не оставалось дѣлать, хотя мандаринъ и любилъ тебя цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ его дворцѣ завялъ не одинъ прекрасный цвѣтокъ...

Бонзѣ Ма оставалось только прибавить, какъ онъ самъ когда-то заходилъ на чайную барку и даже писалъ стихи въ честь красавицы Чайный-Цвѣтокъ, но его воспоминанія на этомъ пунктѣ останавливались, и бонза переводилъ разговоръ на что-нибудь другое. Какъ время-то идетъ, какъ люди кругомъ портятся, и даже земля не даетъ столько рису, какъ бывало прежде. Да, все идетъ къ худшему, и страшно подумать о будущемъ, когда въ людяхъ погаснетъ послѣдняя искра благочестія.

— Напримѣръ, какъ вы живете, т. е. чѣмъ? — заканчивалъ свою рѣчь хитрый бонза.—У васъ нѣтъ рисовыхъ полей, нѣтъ чайныхъ плантацій, а, между тѣмъ, я не замѣчалъ, чтобы вы голодали...

— Чжинъ ловитъ рыбу, я плету циновки, — объясняла Хунъ-Мы.—И Чангъ тоже работаетъ...

— Но только никто не видитъ его работы... Можно подумать, что вы живете какимъ нибудь воровствомъ. Куда вы пропадаете зимой по цѣлымъ мѣсяцамъ?

— Чангъ любитъ путешествовать...

Бонза Ма смѣялся и качалъ своей головой, а Хунъ-Мы старалась поскорѣе уходить, чтобы не проболтаться.

— Для чего у васъ на джонкѣ живутъ пять черныхъ пѣтуховъ?—допытывался бонза.—Для чего Чжинъ держитъ маленькую обезьяну? О, тутъ что нибудь кроется, хотя это и не мое дѣло. Я не люблю соваться въ чужія дѣла: это мое правило. Но пѣтухи Чанга не даютъ мнѣ по ночамъ спать, и я буду жаловаться нашему амбаню...

— Это все Чангъ,—оправдывалась Хунъ-Мы.—Онъ говоритъ, что не можетъ жить безъ этихъ пѣтуховъ... И Чжинъ такой-же упрямый. Для чего ему обезьяна?

— Такъ, такъ,—поддакивалъ бонза, ехидно улыбаясь.—Совсѣмъ вѣрно, т. е. я хочу сказать, что хочу вѣрить. Вѣдь каждый хочетъ обмануть выжившаго изъ ума стараго бонзу...

То, что скрывала Хунъ-Мы, составляло строгую семейную тайну. Послѣ того, какъ отецъ Хунъ-Мы былъ повѣшенъ, она сначала попала въ руки сластолюбиваго мандарина, а оттуда прямо на чайную барку. Она была очень красива, умѣла пѣть, танцовала, и всѣ гости очень любили Чайный-Цвѣтокъ. На этой баркѣ она познакомилась съ бонзой Ма, тогда еще молодымъ человѣкомъ, мечтавшемъ добиться зва-

нія ученаго мандарина. Здѣсь-же она встрѣтила и Чанга, который былъ уличнымъ фокусникомъ и приходилъ на барку потѣшать всегда здѣсь веселую публику. Одинъ изъ лучшихъ его фокусовъ былъ слѣдующій. Онъ выходилъ въ одномъ трико, объяснялъ, что очень простудился, и начиналъ кашлять, при чемъ изъ его рта летѣли пухъ и перья. Когда образовывалась цѣлая гора пуха, Чангъ доставалъ изъ ушей и носа до десятка яицъ и бросалъ ихъ въ пухъ, а потомъ взмахивалъ шелковымъ платкомъ, и изъ кучи перьевъ съ неистовымъ крикомъ вылетали пять черныхъ живыхъ пѣтуховъ. Этотъ фокусъ составлялъ его гордость и славу.

Молодые люди полюбили другъ друга, какъ умѣютъ любить только въ молодости, и Чангъ выкралъ Чайный-Цвѣтокъ съ барки. Хунъ-Мы сдѣлалась его помощницей, и они вдвоемъ бродили по всему Китаю. Чангъ вездѣ имѣлъ успѣхъ, но не любилъ своего ремесла. Его завѣтной мечтой было скопить столько денегъ, чтобы купить свою фанзу и жить собственнымъ хозяйствомъ. Вѣроятно, такъ-бы и было, если бы онъ не помѣшался на мысли разбогатѣть сразу и скопленные тяжелымъ трудомъ гроши не тратилъ на поиски жень-шеня. Ремесло уличнаго фокусника оплачивалось очень скудно, Чангъ началъ старѣть и половину года вынужденъ былъ отдыхать на своей джонкѣ. Онъ стыдился своего ремесла, и никто не долженъ былъ знать, что онъ презрѣнный уличный фокусникъ, который ломается для потѣхи праздной толпы.

Такъ шелъ годъ за годомъ. Чангъ и Хунъ-Мы исколесили весь Китай вдоль и поперекъ, „работали“ и въ Тибетѣ, и въ Монголіи, и главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, какъ Пекинъ, Тонкинъ, Шанхай. Они частенько голодали и жалѣли только объ одномъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, которыя могли-бы покоить ихъ старость. А кто будетъ молиться за нихъ, когда они умрутъ—это было самое ужасное, и эта мысль особенно убивала Хунъ-Мы. Въ минуту отчаянія она подобрала на улицѣ ребенка, калѣку-Чжина, и на немъ сосредоточилось ея неудовлетворенное материнство.

Печальная личная судьба развила въ Хунъ-Мы болѣзненную мечтательность, а безконечное шатаніе по Китаю дало массу матеріала. Хунъ-Мы обо всѣхъ судила по самой себѣ и отъ всего сердца жалѣла каждаго несчастнаго. А сколько

такихъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей въ Китаѣ — страшно даже подумать. А вѣдь каждый хотѣлъ быть счастливымъ, каждый старался устроить свою жизнь, какъ можно лучше... Когда Хунъ-Мы начинала объ этомъ думать, ей казалось, что она сойдетъ съ ума. Никто не зналъ, какъ ея сердце обливалось кровью, а что можетъ сдѣлать бѣдная китайская старуха? Въ отчаяніи Хунъ-Мы обращалась къ бонзѣ Ма съ вопросомъ, когда-же, наконецъ, родится тотъ принцъ, который сдѣлаетъ всѣхъ китайцевъ счастливыми, и о которомъ говорила еще ея бабушка.

— Твоя бабушка мало жгла священныхъ бумажекъ, — объяснялъ хитрый старикъ.—И твоя мать тоже... О, нужно сжечь очень-очень много священныхъ бумажекъ!

III.

Горбунъ Чжинъ говорилъ мало, но за то думалъ очень много. Онъ не мечталъ о счастьѣ всего человѣчества, какъ Хунъ-Мы, не желалъ богатства, какъ старый Чангъ, а всѣ его мысли были направлены къ славѣ. Да, прославиться, прославиться во что бы то ни стало, чтобы всѣ знали, что на свѣтѣ существуетъ Чжинъ, горбунъ Чжинъ, и чтобы самъ богдыханъ пожелалъ его видѣть. Богдыханъ такъ и скажетъ:— Я желаю видѣть горбуна Чжина...—Какъ всѣ мандарины позеленѣютъ отъ злости, придворные потеряютъ аппетитъ отъ зависти, самыя красивыя женщины въ Китаѣ будутъ съ благоговѣніемъ ловить каждый его взглядъ.

Закрывъ глаза, Чжинъ видѣлъ самого себя, какъ онъ на четверенькахъ ползъ къ трону богдыхана, и слышалъ голосъ богдыхана, пріятный, какъ весенній благоухающій вѣтерокъ:

— Горбунъ Чжинъ, проси у меня, чего хочешь...

— Великое свѣтило земли, мнѣ ничего не нужно,—отвѣчалъ Чжинъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ словъ.— Если богдыханъ хочетъ сдѣлать счастливымъ несчастнаго горбуна, то пусть пошлетъ мнѣ со своего стола одну горсточку риса...

Долго и много думалъ горбунъ Чжинъ, какъ и чѣмъ прославиться, пока не разрѣшилъ этого рокового вопроса. Извѣстно, что всѣ великія открытія дѣлались геніальными людь-

ми при помощи самыхъ простыхъ средствъ и непремѣнно случайно. Такъ было и съ горбуномъ Чжиномъ. Какъ оказалось для славы нужны были слѣдующіе предметы: длинная, очень прочная и эластичная веревка, дюжина яицъ, маленькая обезьянка—и только.

Это открытіе горбунъ Чжинъ сдѣлалъ всего года три назадъ, когда они „работали“ въ Шанхаѣ. Старый Чангъ показывалъ фокусъ со своими черными пѣтухами, а тысячная толпа уличныхъ зѣвакъ галдѣла, какъ громадное осиное гнѣздо, по которому ударили палкой. Чжинъ всегда презиралъ эту глупую толпу, которая хохочетъ и удивляется глупымъ фокусамъ стараго Чанга. Онъ прислушивался къ галдѣнію этой толпы и ничего, кромѣ глупостей, никогда не слыхалъ. Только въ Шанхаѣ ему пришлось подслушать довольно интересный разговоръ. Говорилъ, собственно, одинъ человѣкъ, одѣтый не по китайски, съ бронзовымъ, точно отполированнымъ тѣломъ и горящими, круглыми, большими черными глазами. Этотъ иностранецъ бранилъ стараго Чанга, вмѣстѣ съ его пѣтухами.

— Развѣ это фокусъ? Развѣ такіе бываютъ фокусы? Вотъ я видѣлъ въ Индіи два настоящихъ фокуса... Въ одномъ храмѣ при мнѣ танцовала баядерка, и во время танцевъ двѣнадцать яицъ кружились около ея головы на одной высотѣ, образуя вѣнокъ. Да... А потомъ я видѣлъ на берегу священнаго Ганга одного дервиша, который бралъ клубокъ изъ тонкой веревки, подбрасывалъ его на воздухъ и начиналъ крутить, дѣлая круги все меньше, пока клубокъ не поднимался совсѣмъ вверхъ. Тогда по веревкѣ поднималась на клубокъ маленькая обезьянка...

Чжину сдѣлалось даже страшно, точно ему въ видѣ странника сама судьба указывала прямой путь къ славѣ. О, онъ всему выучится... Всѣ будутъ знать горбуна Чжина. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ онъ упорно работалъ надъ этими двумя индѣйскими фокусами, и первый ему почти совсѣмъ удавался, хотя онъ пока танцовалъ только съ деревянными яйцами. Но фокусъ съ веревкой доводилъ его до отчаянія. Горбунъ никакъ не могъ добиться, чтобы клубокъ поднялся въ совершенно вертикальномъ положеніи. Клубокъ поднимался вверхъ до извѣстной высоты, образуя все меньшіе и меньшіе круги, но до вертикальной линіи было далеко.

Обезьянка тоже доставляла Чжину не мало огорченій, потому что совсѣмъ не желала взбираться по кружившейся веревкѣ, постоянно падала и отчаянно кричала.

— Нѣтъ, я добьюсь своего,—уговаривалъ упрямый горбунъ самого себя. — Еще немного поработать—и слава будетъ твоя, Чжинъ. Ничего даромъ не дается...

Старый Чангъ иногда наблюдалъ, какъ работаетъ горбунъ, и молча его одобрялъ. Да, хорошій выйдетъ фокусникъ со временемъ, хотя и не добьется, чтобы клубокъ поднялся кверху совершенно прямо. Горбуну онъ, конечно, ничего не говорилъ, чтобы напрасно его не огорчать. Пусть его работаетъ, до чего нибудь добьется. И фокусы не даются даромъ... Въ свое время онъ тоже достаточно поработалъ.

Чжинъ былъ всегда радъ, когда старый Чангъ уходилъ въ Манчжурію, потому что не любилъ его наблюдающихъ глазъ. Но на этотъ разъ ему не пришлось поработать вволю, что было особенно обидно, потому что дѣло у него шло на ладъ. Еще бы немного поработать—и все было бы готово. Нужно же было этому старому дураку помѣшать въ самый интересный моментъ...

Чангъ вернулся домой ночью, измученный, усталый, весь въ лохмотьяхъ, точно его рвали бѣшеныя собаки, но улыбающійся и счастливый.

— Радуйся, старуха,—шепнулъ онъ женѣ, хлопая себя по отдувшейся пазухѣ.—Только никому ничего не говори...

— Ты нашелъ жень-шень?!—изумилась Хунъ-Мы.

— Тссъ...—зашипѣлъ Чангъ, какъ старый гусь, закрывая ротъ Хунъ-Мы рукой.—И не одинъ корень, а цѣлыхъ три... Знаешь, какъ онъ растетъ: стебель узловатый, въ локоть высоты, иногда больше, на верхушкѣ сидятъ кружкомъ четыре листа, - листья лапчатые... немножко зубчатые... сверху темно-красный цвѣтокъ... да... Сколько я его искалъ... Даже во снѣ видѣлъ не одинъ разъ. И, наконецъ...

Старая Хунъ-Мы заплакала отъ радости, и мелкія старческія слезы катились по ея морщинамъ, какъ льется вода по канавамъ на обожженныхъ солнцемъ рисовыхъ поляхъ.

Свою драгоцѣнную находку Чангъ показалъ женѣ только на другой день. Три разной величины корня были завернуты въ разныя тряпки и широкіе листья травы. Сами по себѣ они рѣшительно ничего особеннаго собой не представляли, и

старая Хунъ-Мы про себя удивлялась, что богатые люди платятъ за нихъ такія бѣшеныя деньги.

— Хе-хе... Въ этихъ корешкахъ притаилось величайшее счастье, какое только доступно человѣку,—объяснялъ старый Чангъ, прижимая корни къ своей груди:—да, въ нихъ секретъ молодости... Мы нашу настоящую молодость изнашиваемъ, не замѣчая, какъ не замѣчаемъ своего здоровья, а эти корни даютъ вторую молодость, когда человѣкъ умѣетъ ею воспользоваться. О, богатые люди умѣютъ пожить... А деньги самое пустое дѣло. Если бы я былъ богатымъ человѣкомъ, то постоянно покупалъ бы себѣ молодость.

Старики не замѣтили, какъ неслышными шагами подошелъ къ нимъ хитрый бонза Ма и засмѣялся какимъ-то высохшимъ смѣхомъ. Чангъ хотѣлъ спрятать свое сокровище, но было уже поздно.

— Рано ты обрадовался, Чангъ,—говорилъ бонза, продолжая смѣяться. — Если бы это были настоящіе корни женьшеня, я донесъ-бы объ этомъ амбаню, и онъ бы отрубилъ тебѣ твою глупую голову. Да... Развѣ ты не знаешь, что всѣ корни жень-шеня принадлежатъ одному богдыхану? Но, на твое счастье, это совсѣмъ не жень-шень, а просто трава...

Бѣдный старый Чангъ такъ и обомлѣлъ, точно его кто ударилъ ножомъ прямо въ сердце, а потомъ вдругъ дико захохоталъ. О, его не проведутъ: вѣдь всѣ бонзы на свѣтѣ врутъ...

IV.

Бонза Ма заболѣлъ. Да, и бонзы бываютъ больны... Собственно, опредѣленной болѣзни не было, а такъ, общая старческая слабость, потому что старикъ разлагался заживо. Главнымъ образомъ, онъ страдалъ отъ безсонницы, когда его начинали мучить галлюцинаціи. Днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, мысли успокаивались и дѣлались ясными, а ночью онѣ превращались въ какой-то бѣшеный потокъ. Ахъ, какъ страдалъ и мучился бонза Ма... Весь Китай спалъ, а бѣдный старикъ мучился за всѣхъ и по тысячѣ разъ переживалъ всю свою жизнь. Онъ вѣрилъ въ своихъ добрыхъ и злыхъ боговъ, вѣрилъ въ души предковъ и не боялся смерти—и всетаки ему было невыносимо тяжело.

Думая о смерти и вспоминая, какъ всѣ другіе ея боятся, бонза Ма даже смѣялся.

— Вѣдь каждый китаецъ когда-нибудь долженъ умереть — чего же бояться?—думалъ онъ вслухъ.—И этого мало... Каждый день, ложась спать, развѣ я не умиралъ до слѣдующаго утра? Когда я смотрѣлъ молодыми, жадными, безумными глазами на красивыхъ женщинъ—развѣ я не умиралъ? Сладкое безуміе любви—развѣ не смерть, какъ всякое сумасшествіе? А каждый обманъ, каждая несправедливость, каждая фальшивая улыбка — развѣ не смерть? Вся наша жизнь одна иллюзія, длящійся самообманъ...

Келья бонзы была устроена въ стѣнѣ кумирни и отдѣлялась отъ алтаря, гдѣ стояли боги, всего одной полупрозрачной циновкой. Сейчасъ циновка была приподнята, и бонза могъ видѣть своихъ любимыхъ боговъ. Тутъ были и Аволокитесвара (владыка міра), и Амитабга (богъ небеснаго свѣта), и Шинъ-Хуанъ (покровитель Китая), и Дзи-Вей-Ди-Кюнъ (распредѣлитель счастья) и Фо-Текъ (богъ веселья), и Куо-Нинъ (богиня домашняго очага), и Фу-Цзинь (богиня безплодныхъ женщинъ) и т. д., и т. д. Всѣ эти боги и богини, какъ казалось больному бонзѣ, смотрѣли на него съ глубокой скорбью. Кто будетъ приносить имъ жертвы и жечь священныя палочки и бумажки, когда бонза Ма умретъ?

Что было—утро, вечеръ, день или ночь, когда бонза Ма очнулся отъ своего тяжелаго забытья—онъ не могъ сказать. Онъ чувствовалъ только одно, что въ кумирнѣ есть живой человѣкъ. Когда онъ открылъ свои отяжелѣвшія вѣки, то чуть не крикнулъ отъ ужаса: передъ нимъ стояла сама смерть... Бонза Ма видѣлъ ее въ первый разъ и чувствовалъ, какъ его сердце перестаетъ биться. А смерть стояла надъ его изголовьемъ, вся бѣлая, съ изрытымъ глубокими морщинами лицомъ, сквозь которыя можно было разсмотрѣть лицевыя кости и... улыбалась. Послѣднее было всего ужаснѣе. А когда она подняла свою костлявую руку, бонза Ма вскрикнулъ отъ ужаса.

— Не бойся, это—я, Хунъ-Мы,—отвѣтилъ на его крикъ старческій знакомый голосъ, и ужасное, совсѣмъ мертвое лицо улыбнулось кокетливой улыбкой.—Ты меня не узналъ?

— Что съ тобой сдѣлалось?—въ ужасѣ шепталъ бонза,

приподнимаясь на локоть. — У тебя вмѣсто лица какая-то маска...

Въ отвѣтъ Хунъ-Мы засмѣялась хриплымъ старушечьимъ смѣхомъ, присѣла къ нему на постель и проговорила:

— Я была увѣрена, что ты меня не узнаешь... Такъ и должно было быть. Я вѣдь опять Чайный Цвѣтокъ...

— Понимаю: ты накрасила себѣ все лицо...

— А когда я жила въ чайной баркѣ, развѣ я не красила себѣ и лицо, и брови, и губы, и рѣсницы? Всѣ хорошенькія и молодыя женщины должны краситься, если желаютъ понравиться мужчинѣ... Развѣ ты забылъ, какъ писалъ мнѣ, когда я была раскрашена, какъ кукла, свои любовные стихи?

Бонза Ма въ ужасѣ закрылъ глаза и тяжело застоналъ, точно каждое слово Хунъ-Мы падало на его сердце тяжелымъ камнемъ. А живая ужасная маска продолжала кокетливо улыбаться и говорила:

— Все дѣло въ томъ, бонза, что я украла у Чанга одинъ изъ его трехъ корней... Да, украла, потихоньку украла, потому что, когда я у него просила—онъ не далъ. Я съѣла цѣлый корень и помолодѣла, какъ видишь, до того, что ты даже не узналъ меня...

Бонза Ма опять застоналъ, закрывая глаза.

— Да вѣдь я это сдѣлала не для себя, бонза,—оправдывалась Хунъ-Мы.—Я желала помолодѣть для другихъ... для всѣхъ... О, я теперь сумѣю воспользоваться своей молодостью, не такъ, какъ тогда, въ первый разъ, когда попала въ руки нашего добраго мандарина. Положимъ, онъ повѣсилъ моего отца, но всетаки любилъ меня цѣлыхъ двѣ недѣли, а это для настоящаго мандарина слишкомъ много... Я была глупа и ничего не понимала. За то теперь... о, какъ я умѣю любить, и какъ будетъ счастливъ тотъ, которому я подарю свою молодость, красоту и первыя ласки.

Для бонзы Ма было ясно теперь, какъ день, что сумасшедшій Чангъ вмѣсто жень-шеня принесъ корни дурмана, и что старая Хунъ-Мы, съѣвъ одинъ изъ нихъ, сошла съ ума.

— А я къ тебѣ съ большой просьбой... — продолжала Хунъ-Мы, наклоняя свое ужасное лицо къ самому лицу бонзы.—Обѣщай мнѣ во имя тѣхъ счастливыхъ минутъ, какія я тебѣ дарила тамъ .. тогда на чайной баркѣ...

— Что тебѣ нужно, сумасшедшая?

— О, очень не много... Молодой, красивой и невинной дѣвушкѣ неудобно отправляться одной въ Пекинъ, гдѣ такъ много добрыхъ мандариновъ. Понимаешь? Ты меня проводишь туда, а ужъ тамъ я сама сдѣлаюсь женой богдыхана, который такъ любитъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, и рожу того принца, который сдѣлаетъ всѣхъ китайцевъ счастливыми...

— Ты сошла съ ума, Хунъ-Мы,—уговаривалъ ее старый бонза.—Да, сошла...

— И не думала... Это ты сошелъ съ ума, потому что не можешь понять такой простой вещи...

Теперь ужъ бонза Ма засмѣялся надъ сумасшедшей старухой, которая вообразила себя молодой красавицей.

— Ты всю жизнь, какъ твоя мать и бабушка, вѣрила въ принца... да... А я дѣлалъ видъ, что соглашаюсь съ тобой. Я обманывалъ тебя, какъ обманывалъ всѣхъ другихъ... да... Міромъ управляютъ не принцы и богдыханы, а покойники, которые мирно лежатъ сейчасъ въ своихъ могилахъ. Намъ только кажется, что мы все дѣлаемъ, какъ того желаемъ, а въ дѣйствительности только исполняемъ строго волю этихъ покойниковъ. Они намъ дали нашихъ боговъ, наши законы, обычаи, нравы и порядокъ каждаго нашего дня отъ рожденія до смерти... Добрые покойники оставили намъ добро, злые покойники—зло... Чтобы добро окончательно побѣдило зло, нужно много-много хорошихъ, добрыхъ, великодушныхъ и смѣлыхъ покойниковъ. Въ этомъ весь секретъ нашей жизни...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

МАЙНА-ВИРА.

Эскизъ.

Микола Ситниковъ пришелъ въ Батумъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Тамбовской губерніи, откуда его выгнала злая голодуха и гдѣ, въ деревнѣ Зашибиной, у него была своя изба на курьихъ лапахъ и свой кусокъ земли, давно уже отъ истощенія переставшей родить. Бились-бились съ ней,—не родитъ, да и шабашъ, даже тоска всѣхъ взяла. Собрали семейный совѣтъ и всѣмъ гуртомъ рѣшили идти Миколѣ на заработки. Микола сталъ собираться. Былъ выправленъ годовой паспортъ; жена напекла Миколѣ изъ заемной муки лепешекъ, наклала яицъ на дорогу, выдернула на огородѣ пятокъ луковицъ; старикъ-отецъ отсчиталъ дрожащими руками полтину денегъ изъ завѣтнаго кошеля—и Микола отправился въ невѣдомый путь. Въ городѣ ему сказали, что надо тянуть на Кубань, гдѣ, будто бы, хлѣба родилось не „впроворотъ“, и, пристроившись къ артели такихъ же босыхъ и голодныхъ мужиковъ, Микола пошелъ съ ними „на линію“. Шли они очень долго, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ зайцами на чугункѣ; однажды Миколѣ пришлось ѣхать въ товарномъ вагонѣ съ сѣномъ, въ которомъ онъ чуть было не задохся, а въ другой разъ даже въ трубѣ холоднаго паровоза; когда же онъ, послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ, добрался, наконецъ, до Кубани, растерявъ по дорогѣ всѣхъ своихъ случайныхъ спутниковъ, оказалось, что наемка давнымъ-давно уже кончилась, и толпы голодныхъ горемыкъ тянули обратно. Но Миколѣ возвращаться домой было не зачѣмъ, и, пошатавшись туда и сюда по Кавказу, онъ, тоже по чьему-то совѣту, „подался“ на Батумъ.

Когда утренній поѣздъ Закавказской желѣзной дороги выбросилъ Миколу на платформу вокзала, онъ въ первую минуту совершенно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать и куда идти. Кругомъ толкались черномазыя, усастыя рожи; слышалась незнакомая, странная рѣчь; какой-то огромный турокъ, блестя яркими бѣлками большихъ глазъ, чуть не сшибъ его съ ногъ, и, увлекаемый этимъ пестрымъ, говорливымъ потокомъ человѣческихъ тѣлъ, Микола, самъ не зная какъ очутился на улицѣ. Здѣсь онъ передохнулъ немного и оглядѣлся. Улица была широкая, гладкая, какъ полъ; по тротуару росли невиданныя деревья, покрытыя то бѣлыми, то розовыми цвѣтами; Микола, разинувъ ротъ, полюбовался на нихъ; дома были все хорошіе, съ балконами и широкими окнами, которыя наглухо закрыты были зелеными рѣшетчатыми ставнями. Красивые парные фаэтоны, безшумно подпрыгивая на резиновыхъ шинахъ, катились по мостовой; въ фаэтонахъ сидѣли нарядные господа и барыни въ бѣлыхъ костюмахъ, съ розанами на груди и въ рукахъ, съ веселыми, безпечными и улыбающимися лицами. „Ишь ты!“ подумалъ Микола, тоже безпричинно чему-то улыбаясь. „Ничего, хорошій городъ, хорошо, знать, живутъ“... Но знакомое, острое и болѣзненное ощущеніе подъ ложечкой сбило его съ этой мысли, и мгновенный подъемъ духа, вызванный въ немъ благоуханіемъ диковинныхъ цвѣтовъ, мягкимъ тепломъ утренняго солнца и зрѣлищемъ чужой сытости и нарядности, смѣнился озабоченностью и усталостью. „Да... хорошо живутъ... а жрать-то чего будешь? Жрать-то вѣдь, небось, надо“... прозвучалъ въ его душѣ чей-то грубый, насмѣшливый голосъ, и, повинуясь этому голосу, Микола покорно зашагалъ впередъ. Машинально прошагалъ онъ одну улицу, потомъ другую, потомъ какой-то переулокъ и, наконецъ, вышелъ на широкій бульваръ. Передъ нимъ открылось море, безгранично-огромное, тихо волнующееся, сладко нѣжащееся подъ лучами яркаго солнца. Микола, вообще равнодушный къ красотамъ природы, отъ неожиданности ахнулъ и остановился, какъ столбъ. Онъ и раньше еще, изъ окна вагона, видѣлъ это море, но тамъ оно только просвѣчивало сквозь деревья узкою, бирюзовою полоской, теперь же оно раскинулось и вдаль и вширь и, казалось, уходило въ самое небо. Микола даже испугался. Ему стало трудно дышать; мурашки

...ИБЛІОТЕКА ...ЦІОНАЛЬНОЇ ...КАДЕМІЇ

поползли у него по спинѣ къ затылку и забѣгали въ волосахъ. Онъ потрогалъ себя за носъ, чтобы убѣдиться, не спитъ ли онъ и не видитъ ли все это во снѣ. Но нѣтъ, не спитъ: и носъ на мѣстѣ, и море все тутъ, передъ глазами, колышется и течетъ, какъ живое, и бѣлыя волны тихонько всползаютъ на берегъ и убѣгаютъ назадъ, а вонъ и лодка плыветъ, и треугольный бѣлый парусъ качается и трепещетъ, какъ большая птица...

— О Господи!—во всю грудь вздохнулъ Микола и перекрестился.—Господи Боже мой, и чудеса же... Точно и не взаправду! Зашибино-то, Зашибино-то наше теперь гдѣ? И, Господи милостивый, земля-то какая большущая...

И Миколѣ даже удивительно стало, что вотъ онъ,—тотъ самый Микола Ситниковъ, который когда-то жилъ въ деревнѣ Зашибиной и, лежа, бывало, въ полѣ, подъ телѣгой, глядѣлъ въ звѣздное небо и думалъ: „вотъ теперича здѣсь Зашибино наше, а за Зашибиной—Керша, а за Кершей—Зеленые Гаи, а тамъ губерня, а тамъ Москва, а за Москвой—Питеръ, да вотъ и вся Россія“... Анъ, глядь, вонъ еще какія мѣста есть, и какая же она огромная Россія, до самаго моря дошла; а за моремъ, небось, тоже земля есть, и тоже вѣдь разные народы живутъ... Микола вдругъ показался себѣ такимъ маленькимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ громадною землей, громадность которой онъ впервые созналъ и почувствовалъ при видѣ моря, что ему снова стало страшно.

А море все шептало и вздыхало, и молочно-бирюзовая грудь его тихонько вздрагивала подъ горячими солнечными лучами.

Подъ ложечкой у Миколы снова засосало, и эта старая, голодная боль заставила его опомниться. „Эхъ, закусить бы!“ Онъ посмотрѣлъ на море, на зелень бульвара и потомъ на себя. Видъ у него былъ неказистый: сбитые, пропыленные насквозь лапти, грязныя онучи, заплатанная, холщевая рубаха и такіе же штаны. И странно было видѣть эту мрачную фигуру съ мѣшкомъ за плечами, ни къ селу—ни къ городу торчащую среди наряднаго бульвара, на фонѣ вѣчно-прекраснаго моря и празднично-голубыхъ небесъ. Микола это понялъ, и опять ему стало страшно за свое собственное ничтожество и убогость. А его уже запримѣтилъ городовой

и съ строгимъ лицомъ, съ строгими усами, съ строго нахмуренными бровями грозно надвигался на него.

— Ты чего сюда залѣзъ? А?—внушительно произнесъ онъ, останавливаясь передъ Миколой.—Здѣсь не полагается! Слышь ты?

Микола виновато улыбнулся.

— Да вѣдь кабы знамо было...—началъ онъ.—А то, вишь ты, я впервой... Ну и того... заблудился кабыть.

— Ну и поворачивай оглобли. Шляются тутъ... черти оголтѣлые!

Микола стоялъ и радостно смотрѣлъ на городового. Онъ такъ давно не слышалъ русской рѣчи, русской настоящей ругани, что теперь даже этотъ сердитый городовой казался ему милѣе отца родного.

— Я сичасъ уйду,—сказалъ онъ, когда городовой истощилъ, наконецъ, весь запасъ своей полицейской брани.—Мнѣ бы вотъ только закусить гдѣ... Отъ самаго Тифлица не жрамши,—ей Богу!

— Да ты откудова?—смягчился городовой и даже въ карманъ полѣзъ за табакомъ, что служило признакомъ полнаго умиротворенія его души.

Микола сказалъ.

— Ишь ты, откуда прутъ!.. Зачѣмъ? Нешто дома хлѣба нѣту?

— Да, конешно, нѣту. Обѣдняла Россея, братъ ты мой, вотъ какъ обѣдняла! До самаго корня!..

— Ну!.. Затянуться хочешь? На! Я, братъ, самъ нездѣшній, понимать могу. Въ Россіи восемь годовъ не былъ,—ажъ сердце сосетъ... Вспомянешь иной разъ... да что!... И толковать не стоитъ.

— А что, нешто плохо здѣсь?—со страхомъ спросилъ Микола.

— Да не въ томъ, что плохо... Жить можно. А только, одно слово,—туречина!

И, бросивъ на земь окурокъ, городовой сердито затопталъ его ногой, точно это и была самая туречина.

Вдругъ гдѣ-то близко, почти надъ самой головой, что-то грохнуло, рявкнуло и раскатилось. Точно земля развералась и грозно дохнула своимъ огненнымъ дыханіемъ. Микола отъ неожиданности подпрыгнулъ, зажмурился и присѣлъ.

— Батюшки! Заступница Матушка, что это такое?—пролепеталъ онъ.

Городовой хохоталъ, кашляя и захлебываясь отъ смѣха.

— Ахъ ты, дубина стоеросовая! Чего испужался? Это пушка!

Микола открылъ глаза и, видя, что городовой хохочетъ, ободрился.

— Ну, бѣды! Я ужъ думалъ, свѣтопреставленіе! Пушка, говоришъ? Ахъ окаянная, вотъ напугала-то! Да на кой она здѣсь?

— Какъ на кой? Батарея! Каждый день ученіе идетъ, бонбы въ море пущаютъ, чтобы, напримѣръ, ежели непріятель подойдетъ, ему для острастки. Вотъ, еще!

Пушка опять бухнула, и Микола опять присѣлъ.

— Фу ты, страсти Господни!.. Да къ чему же это она?

— Говорю, непріятель чтобы не подходилъ. Вѣдь ты здѣсь, небось, не въ Тамбовѣ у себя; здѣсь, братъ, надо на чеку. Видишь, вонъ горы-то? Не эти, не эти, а во-онъ, вонъ, словно тучи оказываютъ! Ну, вотъ: здѣсь вотъ мы, а тамъ ужъ и турки живутъ; понимаешь теперь, зачѣмъ пушка стрѣляетъ.

Микола поглядѣлъ на горы-тучи, на безконечное море и вздохнулъ.

— И впрямь туречина!—вымолвилъ онъ, качая головой. И вспомнились тихія тамбовскія поля, тихое Зашибино, тихая рѣка Керша, протекающая въ тихихъ лознякахъ. Тамъ и люди живутъ тихіе, и не нужно имъ быть постоянно на чеку, не нужно пушекъ, не нужно „пущать бонбы...“ „Эко вѣдь, куда меня занесло,—на край земли!“ подумалъ Микола и заторопился поскорѣе уйти отъ этого страшнаго мѣста, гдѣ грохочутъ невидимыя пушки, гдѣ синѣютъ далекія горы, за которыми сидитъ невидимый непріятель.

По указаніямъ городового онъ вышелъ на пристань—и сразу точно въ муравейникъ ввалился. У пристани разгружалась паровая шкуна, пришедшая изъ-за границы. На палубѣ безостановочно работалъ паровой кранъ; колеса оглушительно гремѣли, и длинная цѣпь (шкентель), лязгая и содрогаясь отъ натуги, точно змѣя, то вылѣзала изъ трюма съ огромными тюками на гакѣ (крюкъ), то снова съ рычаніемъ уползала обратно подъ однообразные крики разгрузчиковъ:

„Вира! Майна! Вира! Майна!“ *). По двойнымъ сходнямъ вереницей тянулись носильщики,—одни внизъ, другіе вверхъ: у каждаго на спинѣ былъ такъ называемый „куртанъ“—утолщавшаяся книзу подушка для переноски тяжестей,—и, согнувшись подъ куртаномъ въ три погибели, опустивъ руки къ землѣ, съ хмурыми отъ напряженія лицами, они осторожно передвигали трясущіяся ноги, а, освободившись отъ ноши, тяжко вздыхали и ругались между собою. Гортанная турецкая рѣчь сливалась съ картавымъ говоромъ грузинъ; иногда въ эту разноголосицу врѣзывалась непечатная россійская ругань, а надо всѣмъ этимъ хаосомъ звуковъ властно грохотала лебедка и слышалось сдавленное, сердитое шипѣніе „донки“ **). Микола совсѣмъ растерялся и не зналъ, куда ему дѣться съ своимъ мѣшкомъ и своею неуклюжею фигурой, всѣмъ мѣшавшей и всѣмъ попадавшейся на дорогѣ. Вотъ прямо на него претъ здоровенный турокъ въ красной, полинявшей фескѣ съ оторванной кистью, въ дырявыхъ, порыжѣлыхъ шароварахъ, до того узкихъ у колѣна, что, того и гляди, лопнутъ по всѣмъ швамъ; онъ широко открылъ ротъ, какъ умирающая рыба, тяжко дышетъ и злобно косится чернымъ глазомъ на Миколу. А вотъ статный аджарецъ въ черномъ башлыкѣ, обмотанномъ на подобіе чалмы вокругъ бритой головы; куртанъ немного сдвинулся у него на сторону, и оттого ему неловко нести свою ношу; красивое лицо его искажено мучительной судорогой, и по лбу струится потъ. За аджарцемъ, легко и свободно ступая мягкими чувяками, идетъ тощій грузинъ въ бѣлой и войлочной шляпѣ, а сзади бѣгутъ зоркіе армяне въ своихъ низенькихъ шапочкахъ, въ синихъ курткахъ, и только длинные носы ихъ смѣшно торчатъ изъ подъ тюковъ, нагроможденныхъ на ихъ выносливыя спины. Настоящіе муравьи, когда разворошатъ ихъ гнѣздо, и они засуетятся, торопясь попрятать въ землю свои драгоцѣнныя яйца! И всѣхъ ихъ, этихъ турокъ, армянъ, грузинъ, аджарцевъ, братски соединилъ здѣсь одинъ властитель міра—Голодъ, и, корчась отъ страшнаго напряженія, обливаясь потомъ, они ползали и пресмыкались по землѣ,

*) Слова, употребляемыя при нагрузкѣ пароходовъ, при чемъ «майна» соотвѣтствуетъ опусканію, «вира»—подыманію.

**) Донка—малая паровая машина.

подбирая жалкія крохи хлѣба, которыя снисходительно бросалъ имъ другой царь—Капиталъ.

— Ишь ты! Ишь ты!—шепталъ про себя Микола, глядя на эту суматоху и поворачиваясь то вправо, то влѣво, чтобы дать дорогу носильщикамъ.—Господи ты, Боже мой, видно оно вездѣ трудно жить, не то что нашему брату-мужичку. Ишь ты, какъ ворочаютъ, гляди-кось, какую махинищу волочатъ! Чисто быки, а не люди, прости ты меня, Господи..

А лебедка все грохотала, одинъ за другимъ выбрасывая на пристань тюки заморскаго товару, донка злилась и шипѣла, матросы выкрикивали: „Вира по малу! Вира веселѣе! Майна! Стопъ!" И раскаленное солнце безпощадно жгло землю, и въ горячемъ воздухѣ изрѣдка бухала пушка, и носильщики, задыхаясь подъ тяжкою ношей, ползали взадъ и впередъ, какъ жалкіе черви.

Вдругъ прямо на Миколу налетѣлъ съ ручной тачкой какой-то жиденькій человѣкъ и, выронивъ на земь часть нагруженнаго на тачкѣ товару, разразился крупной бранью на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

— Эй ты, чучело лупоглазое, чего ѣдало-то растяпилъ? Съ дороги, тебѣ говорятъ, а ты тутъ разъѣхался, словно печка голландская! Мало тебѣ мѣста, полѣно дубовое? Шелъ бы на чугунку, да и стоялъ тамъ замѣсто столба телеграфнаго!

— Чего ты лаешься?—добродушно сказалъ Микола, подбирая разсыпанные мѣшки и укладывая ихъ обратно въ тачку.—Я тебѣ вѣдь не нарокомъ подъ ноги подвернулся, а ты бы и самъ глядѣлъ хорошенько, по сторонамъ-то не зѣвалъ! Ну, вотъ тебѣ и мѣшки твои, волоки, что-ль съ Господомъ!

Они поглядѣли другъ на друга. Низенькій человѣкъ такъ же, какъ и другіе носильщики, былъ одѣтъ въ грязные лохмотья, въ стоптанные чувяки на босу ногу и съ куртаномъ за спиною, но его скуластое, обожженное солнцемъ лицо, покрытое рыжею, давно небритою щетиной, его приплюснутый носъ и голубенькіе глазки рѣзко выдѣлялись среди всѣхъ этихъ горбоносыхъ, бронзовыхъ, черномазыхъ турокъ и аджарцевъ и указывали на его несомнѣнное россійское происхожденіе. Микола сейчасъ же это сообразилъ и, забывъ происшедшую распрю, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на человѣчка, а тотъ, въ свою очередь, уставился на Миколу и пересталъ ворчать.

— Земляки, что ли?—отрывисто спросилъ онъ.

— Аль призналъ? Землякъ и есть. То-то и я гляжу, будто обличье-то у тебя рассейское оказываетъ. Анъ оно и взаправду...

— То-то взаправду! А подъ ноги-то зачѣмъ суешься? И отколѣ ты взялся? Чего здѣсь дѣлаешь-то?

— Да чего? Ничего! Глаза вотъ продаю.

— Ну, братъ, это дѣло плохое. Буркалъ твоихъ тутъ и задаромъ не возьмутъ; тутъ, братъ, хлѣбушко-то горбомъ надо выколачивать, на манеръ хорошаго буйвола, а глаза,— это ни къ чему. Хребетъ здоровый есть? Иди сюда. Нѣту? Вонъ пошелъ. Вотъ какъ у насъ.

— А что-жъ, хребетъ такъ хребетъ,—я, землячокъ, и за хребтомъ не постою. Мнѣ чего ни продать, все равно, только бы хлѣбомъ кормили. А хребта не жалко, небось, не купленный.

Человѣчекъ еще разъ пристально оглядѣлъ Миколу.

— Хребетъ, это точно, хребетъ у тебя здоровый,— съ завистью сказалъ онъ и изо всей силы вытянулъ Миколу по спинѣ кулакомъ.—Ишь, спинища-то,—чисто печь! Ну, ладно, заболтался я съ тобой и про дѣло забылъ. Отойди покамѣсть къ сторонкѣ, послѣ потолкуемъ.

Онъ взялся было за свою тачку, но въ это время у лебедки произошла какая-то заминка, и оба остановились...

Лебедка только что сбросила съ гака огромнѣйшій тюкъ, и носильщики озабоченно суетились около него, очевидно не зная, что дѣлать съ такою громадиной. Всѣ неистово кричали, лѣзли другъ на друга и такъ энергично жестикулировали, какъ будто бы собирались вышибить другъ у друга зубы. Нѣкоторые пытались прилаживать тюкъ къ собственной спинѣ, но ничего не выходило, и тюкъ снова грузно шлепался на земь, подымая цѣлый столбъ ѣдкой пыли. Надсмотрщикъ выходилъ изъ себя и сыпалъ ругательствами направо и налѣво; пріемщикъ товара, толстый армянинъ съ бронзовой цѣпочкой на животѣ и съ карандашомъ въ рукахъ метался по палубѣ и, сверкая глазами, визгливо увѣрялъ всѣхъ, что ему ждать некогда, и что каждая минута ему стоитъ пятьдесятъ рублей, а рабочіе этого не понимаютъ и жалѣютъ своей спины, которая ничего не стоитъ.

— Ишь ты, жирная сатана!—проворчалъ новый Миколинъ

знакомый, сердито поглядывая на армянина.—Разъѣлся, въ три дня не обойдешь, а, небось, тоже мушà *) былъ, самъ на пристани тюки ворочалъ. Подымай самъ, коли хочешь!

— Гдѣ Верблюдъ? Позовите его сюда! Эй, Верблюдъ! Живѣе!—кричали на палубѣ.

Къ толпѣ носильщиковъ подошелъ высокій и тощій грузинъ съ длинной, коричневой шеей, на которой выпукло обозначался большой кадыкъ, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, загибавшимся къ самому подбородку, и большими, полузакрытыми глазами, надъ однимъ изъ которыхъ былъ видѣнъ глубокій шрамъ. Это и былъ тотъ, котораго называли „Верблюдомъ“, и, дѣйствительно, всею своей нескладной фигурой, длинною шеей съ торчащимъ наружу кадыкомъ, запрокинутою назадъ головой и мѣрною поступью онъ удивительно напоминалъ это терпѣливое, покорное животное, какъ бы самою природой обреченное на тяжкій трудъ и вѣчное рабство. Улыбаясь во весь свой широкій ротъ и блестя жемчужными зубами, онъ подошелъ къ тюку и, привычнымъ движеніемъ поправивъ куртанъ, подставилъ согбенную спину.

— Клади!—отрывисто скомандовалъ надсмотрщикъ.

Четверо здоровенныхъ мушà съ усиліемъ взвалили тюкъ на Верблюда и, снявъ шапки, вытерли струившійся по лицамъ потъ. Верблюдъ сдѣлалъ два шага, но пошатнулся, остановился и сбросилъ тюкъ обратно.

— Нельзя. Больно тяжелъ была!—сказалъ онъ, выпрямляясь.

Съ палубы снова посыпался градъ ругательствъ, и толстый армянинъ еще отчаяннѣе забѣгалъ взадъ и впередъ.

— Эхъ ты, кацò **)! А еще верблюдъ называешься. Какой ты верблюдъ? Баба! Сало морское!

Верблюдъ, кротко улыбаясь, отошелъ въ сторону. Наблюдавшій всю эту сцену, Микола вдругъ тряхнулъ плечами, поплевалъ на руки и вопросительно взглянулъ на своего знакомца. Все тѣло его такъ и зудѣло отъ желанія по-деревенски, по-мужицки показать свою силу.

— А семъ-ка я попробую, а?—нерѣшительно вымолвилъ онъ.

---

*) Мушá—носильщикъ.

**) Кацò—по грузински человѣкъ.

— Ты?—проворчалъ знакомецъ недовѣрчиво.—А ну... постой-ка-сь...

Онъ подбѣжалъ къ кучкѣ носильщиковъ и началъ что-то объяснять имъ, пуская въ ходъ всѣ извѣстныя ему грузинскія, турецкія и армянскія слова. Потомъ махнулъ рукой Миколѣ и торопливо прошепталъ ему на ходу.

— Иди... На чай дадутъ... Ты не сумлѣвайся!

Микола живо снялъ съ себя мѣшокъ, приладилъ къ спинѣ чей-то куртанъ и нагнулся. Тюкъ взвалили на него, и онъ, легонько крякнувъ, отнесъ его на мѣсто, при одобрительныхъ возгласахъ носильщиковъ. Его окружили, хлопали по спинѣ, щупали ему руки, а онъ только улыбался во всѣ стороны и крякалъ. Онъ былъ радъ, что дорвался, наконецъ, до какой нибудь работы, и теперь, сгоряча, ему казалось, что не только какой-то паршивый тюкъ, а даже и цѣлый пароходъ онъ подыметъ на своихъ плечахъ.

— Ну, молодчина! — прохрипѣлъ его знакомецъ. — Потому—русакъ, а супротивъ русака ни одна сатана заморская не выстоитъ. А ты, братъ—верблюдъ, отставной козы барабанщикъ, вотъ что! Иди на ять, голубей гонять, только тебѣ и всего! Мы теперь съ землякомъ всему отродью вашему носъ утремъ. Тебя какъ звать-то, землякъ?

— Миколай.

— А меня Иванъ Рогуля. Знакомы будемъ. Ты не робь, землячокъ, не пропадемъ! Съ эдакой спиной-то, да пропадать... Ни за мятный пряникъ! Покуримъ, что ли, братъ ты мой любезный?

Онъ рылся по всѣмъ прорѣхамъ своего костюма, шарилъ за пазухой, наконецъ, вывернулъ карманы, но табаку нигдѣ не было. Въ это время, воспользовавшись короткою передышкой, носильщики расположились группами, кто прямо на землѣ, кто приткнувшись къ тюкамъ и, выпрямляя сгорбленныя подъ куртанами спины, наскоро закусывали хлѣбомъ, огурцами, помидорами или свертывали папиросы и съ наслажденіемъ затягивались. Верблюдъ, сидя по-турецки на землѣ, тоже полѣзъ къ себѣ за пазуху.

— Тютюнъ есть?—спросилъ его Рогуля.

— Есть, мало.

— Давай сюда, мы съ землякомъ воскуримъ. Эхъ, Верблюдъ-Верблюдъ, осрамился ты нынче, зашибъ тебя Микола

Верблюдъ, между тѣмъ, вытянулъ изъ-за пазухи висѣвшій на веревочкѣ кожаный кошель и развязалъ его. Тамъ, вмѣстѣ съ звякавшими мѣдяками, оказался и табакъ. Микола смотрѣлъ на Верблюда съ удивленіемъ.

— Ишь ты, гдѣ табакъ-то носишь! — сказалъ онъ. — Замѣсто креста! А крестъ гдѣ?

— Крестъ нема! — съ дѣтской улыбкой отвѣчалъ Верблюдъ.

— Какому же Богу молишься?

— Богъ?—переспросилъ Верблюдъ и задумался, стараясь вникнуть въ смыслъ вопроса. Лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и полураскрытые глаза смотрѣли на небо, какъ бы ища тамъ отвѣта. Но вдругъ лицо его снова озарилось улыбкой, и, торопливо перекрестившись, онъ отвѣчалъ:— Вотъ Богъ!.. На небѣ... Иса. Вотъ какъ молись!

— Ишь ты! Крестится... воскликнулъ Микола. — Стало быть, Богъ-то у насъ одинъ, а я думалъ, ты нехристь. И чудно же, братецъ ты мой, — сколько годовъ живу на бѣломъ свѣтѣ, и не зналъ, что земля эдакая огроменная, и вездѣ одинъ Господь-батюшка...

Его философствованія были прерваны возобновившимся грохотаніемъ колесъ и лязганіемъ шкентеля; на пароходѣ снова заходила лебедка; носильщики нехотя поднимались, бросали докуренныя папироски и, жуя на ходу, возвращались къ прерванной работѣ. А на палубѣ опять послышались однообразные выкрики: „Вира! Майна! Вира по малу! Вира веселѣй!..“

— Ну, заревѣла чортова дочка! — пробормоталъ Иванъ Рогуля.—Пойдемъ, Верблюдушка, наша барыня голосокъ подала. А ты, Микола, обожди тутъ, мы еще съ тобой потолкуемъ, а коли жрать захочешь, вонъ тебѣ лавка, тамъ и хлѣбъ есть, и всякая всячина... А то къ Османкѣ въ духанъ иди,—спроси только Османку, тебѣ всякій укажетъ...

Вечеромъ, когда небо чернымъ бархатомъ обогнуло землю, и сладкій запахъ цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій заглушилъ даже керосиновую вонь, разлитую надъ Батумомъ, Иванъ Рогуля сидѣлъ съ Миколой у Османки въ духанѣ, угощалъ его дешевымъ виномъ и вонючимъ сулучаномъ (овечій грузинскій сыръ) и рисовалъ ему широкія перспективы будущаго житья.

— Что-жъ, братъ, здѣсь ничего,—говорилъ онъ.—Здѣсь

жить можно. Наймешься въ муши, горбъ у тебя здоровый, а въ нашемъ дѣлѣ горбъ — первое дѣло. Кабы мнѣ эдакій горбъ, да я бы...

Онъ такъ же, какъ и давеча, потрепалъ Миколу по „горбу“, и Микола скромно крякнулъ.

— Работа, оно правда, тяжелая, много нашего брата на этой работѣ пропало, да за то и деньга хорошая, — рупь двадцать въ день.

— Рупь-двадцать!—захлебываясь, повторилъ Микола, и въ умѣ его пронеслись сейчасъ же самыя радужныя соображенія. Двадцать копѣекъ за глаза проѣсть довольно, а рупь — въ мошну. Въ мѣсяцъ — это тридцать рублей, а въ два—и всѣ шестьдесятъ... Поправиться можно. Корова—двадцать... лошадь... одежа... сѣмена... Счастливо улыбаясь, онъ подѣлился этими соображеніями съ Рогулей.

Но Рогуля отнесся къ его мечтамъ скептически. Онъ давно уже потерялъ свою родину и свое настоящее званіе, скитаясь по широкой Руси и живя гдѣ день, гдѣ ночь—сутки прочь. Если у него когда нибудь и было свое Зашибино, то онъ уже такъ основательно порвалъ съ нимъ всякія связи, что у него и воспоминанія объ этомъ не сохранилось. И планы Миколы, связанные съ какимъ-то Зашибинымъ, затеряннымъ Богъ знаетъ гдѣ, чуть не за двѣ тысячи верстъ отсюда, показались ему пустыми и нелѣпыми. У него были свои планы...

— Ну, братъ, ты еще съ коровой подожди!—насмѣшливо остановилъ онъ Миколу.—Какая тамъ корова? Ты еще сначала влѣзь въ куртанъ, а потомъ и думай о коровѣ. Первое дѣло—въ куртанъ надо влѣзть, потому—здѣсь все армяшки заграбастали, у нихъ артель, а нашему брату ходу не даютъ. Ну, да это наплевать, обладимъ какъ нибудь, а главная вещь—ты пустяки брось: тутъ не коровой дѣло пахнетъ...

— А что?—спросилъ Микола и невольно пощупалъ себя за гаманокъ, висѣвшій на крестѣ, какъ бы уже чувствуя въ немъ тяжесть заработанныхъ денегъ.

Рогуля таинственно оглянулся. Въ духанѣ было мало посѣтителей: только два грузина съ азартомъ играли въ кости, кидая другъ на друга горящіе враждебнымъ огнемъ взоры, да самъ хозяинъ, представительный турокъ съ окладистой черной бородой, сидя на коврикѣ, безстрастно тянулъ каль-

янъ. Въ отворенную дверь вмѣстѣ съ сладкимъ запахомъ акацій доносились нѣжные звуки музыки, игравшей на бульварѣ, и могучіе вздохи моря.

— Что говоришь?—прохрипѣлъ Рогуля.—А то, братецъ ты мой, что со сноровкой здѣсь такихъ дѣловъ можно надѣлать,—мое почтеніе! Потому—кругомъ деньга, только подбирай!

— Ну?

— Вотъ тебѣ и ну! Видишь, вонъ Османка сидитъ, кальянъ куритъ? Тоже мушà былъ, а теперь у него духанъ, а потомъ магазинъ откроетъ, либо гостиницу, а потомъ будетъ въ каретѣ ѣздить,—вотъ тебѣ и мушà!

— Какимъ родомъ?

— А такимъ, что здѣсь земля такая.

— Родитъ дюже?—съ благоговѣніемъ спросилъ Микола.

— Э, дура!—разсердился Рогуля.—Ничего не родитъ, камень одинъ. Не въ этомъ сила, а въ томъ, что деньга кругомъ. Копнулъ въ одномъ мѣстѣ—чистая мѣдь; копнулъ въ другомъ—цѣлый фонтанъ керосину. Вѣдь это что? Тыщи!

Товарищи поглядѣли другъ на друга разгорѣвшимися глазами и умолкли. Нѣжные звуки музыки продолжали литься въ отворенную дверь, и все такъ же загадочно и мощно вздыхало море.

— Ну, пойдемъ!—тяжело поднимаясь, сказалъ Рогуля.—Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто видѣлъ, тотъ не обидѣлъ. Завтра на пристань выйдемъ пораньше... а на корову плюнь!

Сытый, отяжелѣвшій, вышелъ Микола на улицу, голова у него кружилась, какъ пьяная, но не отъ вина, а отъ удивительныхъ рѣчей Рогули. Въ глазахъ у него стлался золотистый туманъ, и сквозь этотъ туманъ на яву мерещились груды денегъ, фонтаны керосину, глыбы сверкающей, какъ золото, мѣди. „Тыщи“! какъ въ бреду прошепталъ онъ и, проходя мимо, съ уваженіемъ посмотрѣлъ на Османку, который въ созерцательной дремотѣ все еще сидѣлъ на коврѣ и курилъ кальянъ. Можетъ быть, и ему въ сизыхъ волнахъ дыма чудились груды золота, блестящій магазинъ на Святополкъ-Мирской улицѣ, карета и домъ съ зеркальными окнами...

На улицѣ онъ немного пришелъ въ себя и, взглянувъ на бархатное небо, расшитое золотыми и серебряными узорами, глубоко вздохнулъ. Ему казалось, что онъ спитъ и видитъ

все это во снѣ. Отдаленная музыка будила въ его душѣ какія-то новыя, необычныя ощущенія и желанія, высказать которыхъ онъ и самъ бы не могъ. Но вотъ музыка смолкла: только море немолчно пѣло во мракѣ свою вѣчную пѣсню далекому небу.

Микола остановился.

Постой-ка...—прошепталъ онъ.—Слышишь?

— А что?—спросилъ Рогуля тоже шопотомъ и насторожился, какъ травленный волкъ, всегда готовый къ встрѣчѣ съ врагами.

— Море-то... Шумитъ!

— А, чтобъ тебя!—проворчалъ Рогуля, плюнувъ.—Я думалъ, бо-знать что...

— Зашибино-то, Зашибино-то гдѣ теперича? Спятъ, небось, и не чуютъ ничего. И во снѣ не видятъ, гдѣ ихній Миколка гуляетъ?

— Э, ну тебя съ Зашибинымъ! Нашелъ объ чемъ думать. Спать пойдемъ,—сказалъ Рогуля и во весь ротъ аппетитно зѣвнулъ.

Микола побрелъ за нимъ, но душа его ныла, и ему до тоски жалко было Зашибино, которое спало въ эту минуту тяжелымъ сномъ въ тѣни своихъ тощихъ лозняковъ.

Влѣзъ Микола въ куртанъ и вмѣстѣ съ другими, подъ команду: „Майна-Вира“! сталъ ворочать на пристани тюки съ товарами. Сначала было трудно, но потомъ онъ приспособился и привыкъ къ своему воловьему труду такъ, какъ будто и родился въ куртанѣ. За свою огромную силу и здоровый „горбъ“, способный поднимать не одинъ пятокъ пудовъ, онъ пріобрѣлъ среди товарищей всеобщее уваженіе и кличку „Большого Дяди“. Слава Верблюда, какъ перваго силача, померкла, но добродушный кацо́ безропотно уступилъ Миколѣ свое первенство и даже полюбилъ Большого Дядю, ухитряясь вести съ нимъ продолжительныя бесѣды во время передышекъ. Предметомъ этихъ бесѣдъ были преимущественно религіозные вопросы, и Микола всячески старался вразумить Верблюда насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ его символа вѣры, которые казались ему сомнительными.

— Всѣмъ бы ты хорошій человѣкъ, Верблюдушко, да

вотъ нѣту въ тебѣ этого самаго, настоящаго, стало быть, вѣры-то истинной въ тебѣ нѣту, вотъ что!—говорилъ онъ, озабоченный спасеніемъ Верблюдовой заблудшей души.— Вотъ хоть бы взять посты: постъ, напримѣръ, а ты шашлыкъ жрешь; садишься кушать, а лобъ перекрестить забылъ; замѣсто креста у тебя табакъ на шеѣ, — какой же ты послѣ этого хрестьянинъ выходишь, а?

— Богъ одинъ,—упрямо твердилъ Верблюдъ, кротко глядя на Миколу своими наивными полузакрытыми глазами.— Одинъ Богъ—Иса!..

— Иса-то Иса, а шашлыкъ въ Петровки всетаки жрешь. Неладно, милый человѣкъ. Или хоть бы, къ примѣру, имя у тебя... Какъ тебя звать-то, говоришь?

— Цица.

— Ну, вонъ видишь какъ—Цыцъ! Нешто это настоящее имя? Ну, звали бы тебя скажемъ, Иванъ, или Андрей, или еще какъ, а то, ишь ты вѣдь что—Цыцъ! Эхъ, жалко мнѣ тебя, Верблюдушка, пропадешь ты, право-слово!..

— Одинъ Богъ,—продолжалъ свое Верблюдъ, указывая на небо.—Богъ—тамъ, люди—здѣсь; Богъ большой—люди маленькіе...

Онъ устремлялъ свой туманный, загадочный взоръ на небо и задумывался. Задумывался и Микола, стараясь вникнуть въ смыслъ безсвязныхъ рѣчей Верблюда. „Ишь ты вѣдь что лопочетъ?“—думалъ онъ.—„Богъ большой, а мы маленькіе... Что-жъ, вѣдь оно и правда...“ Онъ, въ свою очередь, принимался глядѣть на небо, и небо было такое далекое и огромное, а они—такіе маленькіе и ничтожные...

Иногда въ ихъ бесѣды вмѣшивался Рогуля и своимъ грубымъ скептицизмомъ разрушалъ созерцательное настроеніе собесѣдниковъ, въ которое оба любили погружаться.

— И что вы тутъ болты-болтаете?—сердито ворчалъ онъ.— Богъ да Богъ... попы вы, что ли? Есть когда нашему брату, рабочему человѣку, о Богѣ думать, за это, чай, намъ денегъ не платятъ. Я ужъ давно и забылъ, гдѣ бога-то въ церкви стоятъ, а они тутъ разводятъ... Богъ! Вонъ онъ, нашъ богъ, ишь какъ забулдыриваетъ,—айда, ребята, на работу пора!

И пустивъ по адресу хрипящей донки крѣпкое словцо, онъ молодецки встряхивалъ куртаномъ и шелъ на палубу, гдѣ уже давно грохотала лебедка.

Къ концу перваго мѣсяца въ гаманѣ у Миколы уже было 15 рублей, которые онъ не безъ гордости и отослалъ домой, въ Зашибино. Почему 15, а не 30, какъ разсчитывалъ раньше Микола? Увы, у Миколы явились новыя потребности, развились особенные вкусы, и двугривеннаго въ день „на проѣжу“ оказалось мало. Во первыхъ, послѣ тяжелаго рабочаго дня необходимо было выпить и закусить какъ слѣдуетъ, а Иванъ Рогуля зналъ такія соблазнительныя мѣста насчетъ выпивки и закуски, что устоять противъ нихъ не было никакой возможности. При этомъ Рогуля всегда такъ вразумительно доказывалъ законность и выпивки, и закуски, что Миколѣ только оставалось съ нимъ согласиться. Затѣмъ Микола полюбилъ во время досуга сыграть съ хорошими людьми въ кости и въ дамки, и не одинъ цѣлковый выскочилъ изъ его гамана на это удовольствіе. Наконецъ, онъ привыкъ курить настоящій турецкій табакъ и пить въ духанѣ настоящее кахетинское вино, а это тоже чего нибудь да стоило. Правда, армяне и турки, работавшіе тутъ же, на пристани, питались одними помидорами съ хлѣбомъ и ухитрялись каждый грошъ прятать въ свои лохмотья, но, по словамъ Рогули, на то они и свиньи были, а православный человѣкъ такъ жить не могъ, потому что онъ привыкъ къ пищѣ тяжелой, и брюхо у него такъ устроено, что помидоръ ему все равно, что наплевать.

Микола и съ этимъ соглашался, и хотя на душѣ у него немного скребло, когда онъ высчитывалъ, сколько у него останется денегъ на посылку домой, но всетаки и селянку заказывалъ, и кахетинское пилъ, и табакъ курилъ, въ 13 копѣекъ четвертка, вмѣсто Злобинскаго, шестикопѣечнаго.

На слѣдующій мѣсяцъ онъ уже совсѣмъ не посылалъ денегъ въ Зашибино, и на сердцѣ у него не только не скребло, но было довольно легко и пріятно. Онъ справилъ себѣ приличную одёжу и въ свободные часы ходилъ гулять на бульваръ, гдѣ слушалъ музыку, щелкалъ сѣмячки и угощалъ ими разныхъ „мамошекъ“, которыя, точно бабочки у огня, постоянно толклись въ боковыхъ аллеяхъ. Изъ деревни писали ему жалостныя письма и просили деньжонокъ, и хотя у Миколы въ гаманѣ оставалась еще завѣтная десятка, но онъ не торопился ее посылать. Теперь уже не корова и не лошадь были у него на умѣ; воображеніе его работало въ

другомъ направленіи, и, отравленный фантастическими планами Рогули, онъ лелѣялъ другія мечты. Вѣдь богатѣютъ-же другіе, отчего-же и ему не разбогатѣть? Чѣмъ онъ хуже какаго нибудь Аветки или Седраха, которые вотъ такъ-же, какъ и онъ, таскали кули, а теперь имѣютъ свои дома, свои кареты, свои пароходы? Каждый день между грязными, оборванными носильщиками, отдыхавшими среди груды чужихъ товаровъ, шли безконечные разговоры о томъ, что вотъ такой то „мушà“ скопилъ сотню рублей, купилъ участокъ земли, сталъ копать и выкопалъ цѣлый милліонъ. Говорятъ, что на дняхъ ему изъ Петербурга прислали вагонъ съ деньгами, а деньги-то всѣ были въ чистомъ золотѣ, въ кованыхъ сундукахъ, и когда эти сундуки выгружали, ихъ охраняла цѣлая рота солдатъ съ ружьями и примкнутыми штыками... Усталые, голодные, измученные люди слушали эти разсказы и вѣрили имъ; вѣрилъ и Микола и, судорожно ощупывая гаманокъ, шепталъ про себя: „о Господи“! Глаза бѣдняковъ разгорались алчнымъ огнемъ, дыханіе спиралось въ груди, и, когда съ палубы доносилось властительное грохотавіе лебедки, они нехотя, точно буйволы, которыхъ ткнули въ бокъ вилами, подымались съ своихъ мѣстъ и возвращались къ своей каторжной работѣ. „Вира-Майна!...“

Иногда, впрочемъ, разговоры носильщиковъ имѣли другой характеръ. Разсказывалось, какъ въ прошломъ году съ гака сорвался тюкъ въ 80 пудовъ и задавилъ двоихъ „мушà“; какъ рябой Муратка оступился со сходней, полетѣлъ въ море и сломалъ себѣ ногу; какъ у Сафатки хрястнула спина, и его замертво стащили въ больницу. Но эти разсказы производили мало впечатлѣнія, и каждый мушà думалъ про себя, что это именно ему суждено получать вагоны съ золотомъ, а сломаетъ спину кто нибудь другой.

„Надо это дѣло обмозговать“! думалъ Микола, и днемъ, сгибаясь подъ куртаномъ, и ночью, ворочаясь на жесткихъ нарахъ „фатеры“. „Копить надо... Вотъ доколочу до сотни, а тогда и шабашъ,—тоже землю рыть начну. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, а вдругъ и мнѣ счастье?“

Онъ засыпалъ горячечнымъ сномъ, и во снѣ ему снились исполинскіе фонтаны нефти, столбомъ вылетавшіе изъ земли, горы мѣди, сундуки съ золотомъ. Послѣ этихъ сновъ онъ вставалъ разслабленный, невыспавшійся, и долженъ былъ

передъ тѣмъ, какъ идти на работу, выпить хорошій стаканъ водки. Водка бросалась ему въ голову, а шумъ улицы, знойное солнце, тонкій запахъ цвѣтущихъ мимозъ, блестящіе магазины, веселыя или озабоченныя лица людей, мчащихся куда-то въ красивыхъ экипажахъ, еще болѣе возбуждали въ немъ желаніе получить свою долю на праздникѣ жизни. По временамъ замечтавшемуся Миколѣ начинало казаться, что онъ уже не Микола, не бѣдный мушà въ лохмотьяхъ, а какой-то совсѣмъ другой человѣкъ, и весь этотъ городъ его, и туманныя горы, синѣющія вдали, принадлежатъ ему, и грозныя пушки на батареяхъ бухаютъ для него, охраняя его несмѣтныя богатства отъ невидимаго непріятеля...

Отъ этихъ думъ Микола даже похудѣлъ, сгорбился и раслабъ. А изъ Зашибина ему писали: „Сынъ нашъ единородный, Николай Савельевичъ! шлемъ тебѣ наше родительское благословленіе, на вѣки не рушимо, и низкій поклонъ, и слезно просимъ васъ, утри ты наши горькія слезы, пришли деньжонокъ хоть самую малую-малость“... Микола получалъ эти письма и ничего не отвѣчалъ на нихъ. „Пущай подождутъ!“ думалъ онъ. „Вотъ доколочу до сотни, тогда что Богъ дастъ“... Ему хотѣлось сначала затѣять дѣло, а потомъ ужъ и объявиться во всемъ блескѣ передъ зашибинцами. Онъ даже отъ Рогули началъ таиться и не говорилъ ему, сколько у него въ гаманѣ денегъ. Ему не нравились въ Рогулѣ его легкомысліе и безшабашный характеръ, и онъ рѣшилъ, что Рогуля—человѣкъ ненадежный, и полагаться на него нельзя. Когда у Рогули не было денегъ, онъ ворчалъ, хрипѣлъ и подлаживался къ тѣмъ, кто могъ угостить, но какъ только въ карманѣ у него заводились гроши, онъ становился заносчивъ, дерзокъ, суетливъ, и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не спускалъ всего. Онъ любилъ производить вокругъ себя шумъ, любилъ, чтобы передъ нимъ все ходило ходуномъ, жужжала зурна, лились пьяныя безсвязныя пѣсни,—для этого онъ не жалѣлъ ничего, собиралъ съ пристани всякую рвань, нанималъ музыкантовъ, поилъ всѣхъ виномъ и самъ, лежа растерзанный въ центрѣ оргіи, оралъ дикимъ голосомъ:

Чудный ммѣсяцъ плыветъ надъ рѣко-о-ю!..

На Миколу онъ сердился за то, что тотъ уклонялся отъ его пиршествъ, и часто упрекалъ товарища.

— Скупой ты человѣкъ, прижимистый! Надо же рабочему человѣку потѣшить себя, а ты и не развернешься никогда. Копишь, что-ли?

— Можетъ, и коплю,—отвѣчалъ Микола.

— Зачѣмъ? Коровушку купить, лошадушку?—иронически хрипѣлъ Рогуля.

— А можетъ, и не коровушку... — загадочно говорилъ Микола.

Рогуля устремлялъ на него свои пронзительные голубенькіе глазки и долго всматривался въ похудѣвшее, серьезное лицо Миколы.

— Ну, ну, копи!—задумчиво говорилъ онъ.—Шутъ тебя знаетъ, можетъ, и достукаешься до дѣла... Тогда, братъ, и Рогулю попомни!

„Ладно!—думалъ Микола.—Подожди... вотъ какъ доколочу до сотни“...

А до сотни оставалось еще далеко.

Былъ жаркій полдень. Даже небо побѣлѣло отъ нестерпимаго зноя и тяжело висѣло надъ роскошнымъ городомъ. На горахъ клубились сѣрыя, пухлыя тучи, и море, молочно-бирюзовое у береговъ, чуть-чуть темнѣло на горизонтѣ подъ набѣгавшимъ вѣтеркомъ. Все изнемогало отъ жары, и мушй, черные отъ пыли, мокрые отъ пота, едва волочили ноги, таская тюкъ за тюкомъ и непремѣнно ругаясь. Наконецъ, и ругаться перестали,—лѣнь было ворочать языкомъ,—и усталые, озлобленные, молча подставляли спины подъ ношу. Гора тюковъ на пристани росла, разгрузка подходила къ концу. „Ахъ, скорѣе бы ужъ!“ шевелилось въ усталыхъ мозгахъ, и эта мысль объединяла всю разноплеменную толпу рабочихъ, жаждавшихъ отдыха и прохлады. Даже неугомонная донка какъ будто устала и не такъ ретиво ворочала колеса крана.

У Миколы давно уже во рту пересохло отъ жажды, колѣнки тряслись и глаза заливалъ какой-то красный туманъ, но онъ не отставалъ отъ другихъ. „Ну, ужъ жара!“—думалъ онъ, медленно передвигая ноги по сходнямъ. — „Никогда такой не бывало... Въ головѣ такъ и гудетъ, словно на колокольнѣ“...

— Вира! Вира веселѣй!..—охрипшимъ голосомъ кричалъ на палубѣ надсмотрщикъ.—Вира, вира... Майна! Стопъ!

„Ну, и гудетъ же...“—продолжалъ думать Микола, под-

ставляя спину. — „Ну, и пущай гудетъ... не пропадать же цѣлковому“.

Ему взвалили на спину громадный тюкъ. Микола крякнулъ и подался впередъ, красный туманъ еще пуще застлалъ ему глаза. „О, идолъ же, и здоровый только! Ишь, черти, какой навалили... Ну, да ладно, мнѣ бы только до сотни доколотить“...

Вдругъ ему показалось, что сходни уплываютъ куда-то у него изъ подъ ногъ, красный туманъ залилъ и пристань, и тюки, и шумную толпу, въ ушахъ загудѣло, въ груди что-то лопнуло, и онъ тяжело рухнулъ на земь со своей ношей.

На пристани поднялся страшный гвалтъ. Донка замолчала; крюкъ, безпомощно покачиваясь, такъ и повисъ надъ трюмомъ, и носильщики, побросавъ тюки, окружили Миколу

— Черти! Дьяволы!—кричалъ Рогуля, грозя кому-то кулакомъ.—Нешто можно на человѣка экую махину грузить? Буйволъ онъ, что-ль? Анафемы треклятыя!

Прибѣжалъ Верблюдъ и, увидѣвъ распростертаго и придавленнаго тюкомъ Миколу, взвылъ и принялся стаскивать тюкъ.

Когда бѣднягу извлекли изъ подъ тюка, онъ былъ безъ памяти. Изъ подъ полузакрытыхъ вѣкъ видны были только налитые кровью бѣлки; на губахъ пѣнилась сукровица, въ горлѣ что-то скрипѣло и хлябало, точно развинтившаяся гайка. Одинъ изъ носильщиковъ принесъ воды, и Рогуля, ругаясь и плача, мочилъ товарищу голову, а Верблюдъ сидѣлъ около на корточкахъ, смотрѣлъ на небо и вылъ что-то по своему.

На мостикѣ показался капитанъ.

— Эй вы, чего побросали работу? Что тамъ такое? — закричалъ онъ.

— Человѣкъ упалъ, ваше благородіе!—отвѣчали ему изъ толпы.

— Въ больницу! Носилки тащи! Гдѣ носилки, черти?

— Есть!

— Ишь ты, сейчасъ и носилки! Убили человѣка, да и носилки!—оралъ Рогуля.— Ты самъ, жирный дьяволъ, ложись на нихъ, на носилки-то! Разлопался на нашей кровушкѣ, хрякъ тамбовскій!..

— Эй, кто это тамъ оретъ? Дайте ему въ зубы, такому-сякому! На работу, на работу живо! Уберите тѣло!

— Есть, ваше благородіе!

Лебедка опять загрохотала, но никто и не думалъ возвращаться къ работѣ. Мушй волновались и шумѣли, съ тупымъ страхомъ заглядывая въ искаженное лицо Миколы. Вѣдь не сегодня, такъ завтра каждаго изъ нихъ подстерегала такая же неожиданная и жестокая смерть.

Явились носилки, и матросы приготовились поднимать Миколу.

— Не трожь, дьяволъ!—закричалъ Рогуля.—Постой, говорю, онъ отлежится!

— Гдѣ ужъ отлежится!—сказалъ матросъ равнодушно.—Небось, давно всѣ пульцы остановились.

— Говорю, не трожь, черти! Верблюдъ, скачай, братъ, за водкой, живымъ манеромъ! Отъ водки онъ у насъ сейчасъ очухается.

Верблюдъ вскочилъ и своею обычною иноходью, вытянувъ шею и закинувъ голову назадъ, понесся за водкой.

Вдругъ полузакрытыя вѣки Миколы дрогнули и поднялись, по лицу промчалась судорога. И взглядъ помутившихся глазъ прояснился. Онъ пришелъ въ себя и съ удивленіемъ смотрѣлъ на склоненныя надъ нимъ испуганныя лица, на плачущаго Рогулю, на свѣтлое, горячее небо вверху.

— Братцы... что это?—хотѣлъ было онъ сказать, но языкъ не ворочался, и только хриплый стонъ вылетѣлъ изъ разбитой груди.

— Очнулся, очнулся!—радостно закричалъ Рогуля.—Миколушка, подлецъ ты эдакій, живъ? Ахъ, ты анафема! Братцы, еще водицы! Лей, лей, вотъ такъ... Теперь бы еще водочки,—первое дѣло! Ну что, Микола, какъ?

Лицо Миколы опять задергалось.

— Ни-чего... — прошепталъ онъ съ мучительнымъ усиліемъ.—О-шибся маненько... ничего...

Онъ попробовалъ подняться, но ни руки, ни ноги не двигались. „Чудно!.. Легко такъ и нигдѣ не больно, а владанія ни въ чемъ нѣту... А небушко-то какое большое, да свѣтлое... правду Верблюдъ говорилъ: небо большое, а мы—маленькіе...“ И чудится Миколѣ, что небо становится все шире и ближе, а онъ самъ—все меньше и легче, и тѣла у него совсѣмъ

уже нѣтъ, и только въ головѣ что-то еще жужжитъ и вертится...

— Рогуля...—коснѣющимъ языкомъ проговорилъ онъ.— Гаманъ... гаманъ-то... возьми... тутъ... 40 цѣлковыхъ... въ Зашибино... я тебѣ сказывалъ...

Онъ заикнулся, подавившись собственной кровью, которая густымъ, чернымъ клубомъ хлынула у него изо-рта.

Небо стало еще шире и свѣтлѣе. Микола все смотрѣлъ на него и съ улыбкой, безъ всякой боли чувствовалъ, что уходитъ въ это огромное, открытое небо,—наконецъ, ушелъ совсѣмъ.

На пристань мчался Верблюдъ съ бутылкой водки, а за нимъ торопливо шагалъ городовой, уже освѣдомленный о „происшествіи“.

— Кончился!..—мрачно сказалъ Рогуля, держа въ рукахъ Миколинъ кошель и обильно орошая его слезами.

Верблюдъ сунулъ бутылку въ одну изъ своихъ прорѣхъ, поднялъ руки къ небу и началъ молиться. Микола кончился, Миколы уже не было здѣсь, на землѣ. Но Микола былъ тамъ, наверху, у Большого Бога, о которомъ онъ такъ любилъ говорить съ Верблюдомъ. И Верблюду казалось, что Микола теперь все знаетъ, все слышитъ и все понимаетъ, — понимаетъ даже то, что говоритъ ему Верблюдъ. И Верблюдъ просилъ Миколу сказать Большому Богу о томъ, какъ тяжко и горько живется на землѣ маленькимъ людямъ.

Между тѣмъ, раздавленное тѣло положили на носилки и унесли. Донка зашипѣла, и мушй, понуривъ головы и еще ниже согнувъ спины, молча поползли по сходнямъ. Все пришло въ свой обычный порядокъ, только Рогули не было. Рогуля исчезъ.

Онъ пропадалъ цѣлую недѣлю. На пристани разсказывали, что видѣли его въ разныхъ злачныхъ мѣстахъ и мертвецки пьянаго. Онъ водилъ за собою цѣлую толпу пьянаго сброда, пилъ самъ и другихъ заставлялъ пить за упокой души какого-то раба Божія, Николая, и то рыдалъ и дикимъ голосомъ пѣлъ „вѣчную память“, то разъярялся и кричалъ на весь Батумъ, что довольно уже имъ, лохмотникамъ, гнуть свои горбы для милліонщиковъ, что онъ скоро самъ будетъ богаче всѣхъ богачей, и что тогда пусть самый послѣдній муша посмотритъ, каковъ-таковъ есть человѣкъ онъ, Иванъ

Рогуля. И въ отвѣтъ ему жужжала зурна, гремѣли бубны, и босая, пьяная, буйная толпа кричала: „Ура, Иванъ Рогуля!“

Но черезъ недѣлю, опухшій, желтый, какъ тыква, и еще болѣе обносившійся и обтрепавшійся, Иванъ Рогуля появился на пристани, надѣлъ куртанъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова пошель таскать тюки. Къ нему подошелъ было Верблюдъ. „А Микола-то?“—сказалъ онъ съ чувствомъ. Но Иванъ Рогуля такъ поглядѣлъ на него своими оплывшими глазами, что Верблюдъ уже не продолжалъ и торопливо зашагалъ отъ него въ сторону.

Работа на пристани кипѣла. Тюкъ громоздился на тюкъ, лязгали шкентели, донка хрипѣла и задыхалась отъ напряженія. И среди всей этой адской музыки монотонно повторялись одни и тѣ же крики: „Вира! Майна!“

В. І. Дмитріева.

Н. К. Михайловскому.

Не въ эти сумрачные годы
Ты близокъ мнѣ и дорогъ сталъ:
Какъ свѣточъ правды и свободы,
Ты въ дни весны моей сіялъ.

Я помню съ мига пробужденья
Твой голосъ честный и живой...
Красѣ и цвѣту поколѣнья
Ты лозунгъ выбралъ боевой!

Когда заслышу сквозь туманы
Я и теперь твой бодрый зовъ,—
Смѣлѣй гляжу, забывши раны,
Во мракъ нависшихъ облаковъ.

П. Я.

МГНОВЕНІЕ.

Очеркъ.

I.

— Будетъ буря, товарищъ.

— Да, капралъ, будетъ сильная буря. Я хорошо знаю этотъ восточный вѣтеръ. Ночь будетъ очень безпокойна на морѣ.

— Святой Іосифъ пусть хранитъ нашихъ моряковъ. Рыбаки успѣли всѣ убраться.

— Однако, посмотрите: вонъ тамъ, кажется, я видѣлъ парусъ.

— Нѣтъ, это мелькнуло крыло птицы... Отъ вѣтра можешь скрыться за зубцами стѣны... Прощай. Смѣна—черезъ два часа...

Капралъ ушелъ, часовой остался на стѣнкѣ небольшого форта, со всѣхъ сторонъ окруженнаго колыхающимися валами.

Дѣйствительно, близилась буря. Солнце садилось, вѣтеръ все крѣпчалъ, закатъ разгорался пурпуромъ, и, по мѣрѣ того, какъ пламя разливалось по небу,— синева моря становилась все глубже и холоднѣе. Кое-гдѣ темную поверхность его уже прорѣзали бѣлые гребни валовъ, и тогда казалось, что это таинственная глубь океана пытается выглянуть наружу, зловѣщая и блѣдная отъ долго сдержаннаго гнѣва.

На небѣ тоже водворялась торопливая тревога. Облака, вытянувшись длинными полосами, летѣли отъ востока къ западу, и тамъ загорались одно за другимъ, точно ураганъ кидалъ ихъ въ жерло огромной раскаленной печи... Дыханіе близкой уже грозы вѣяло надъ океаномъ.

Надъ темною зыбью, точно крыло испуганной птицы,

мелькалъ парусъ: запоздалый рыбакъ, убѣгая передъ бурей, видимо не надѣялся уже достигнуть отдаленнаго берега и направилъ свою лодку къ форту.

Дальній берегъ давно утонулъ въ туманѣ, брызгахъ и сумеркахъ приближавшагося вечера. Море ревѣло глубоко и протяжно, и валъ за валомъ катился вдаль, къ озаренному еще горизонту. Парусъ мелькалъ, то исчезая, то появляясь, лодка лавировала, трудно побѣждая волны и медленно приближаясь къ острову. Часовому, который глядѣлъ на нее со стороны форта, казалось, что сумерки и море съ грозной сознательностью торопятся покрыть эту единственную лодку мглою, гибелью, плескомъ своихъ пустынныхъ валовъ.

Въ стѣнкѣ форта вспыхнулъ огонекъ, другой, третій. Лодки уже не было видно, но рыбакъ могъ видѣть огни— нѣсколько трепетныхъ искръ надъ безпредѣльнымъ взволнованнымъ океаномъ.

II.

— Стой! кто идетъ?

Часовой со стѣны окликаетъ приближающуюся лодку и беретъ ее на прицѣлъ...

Но море страшнѣе этой угрозы. Рыбаку нельзя оставить руль, потому что волны мгновенно бросятъ лодку на камни... Къ тому же, старыя испанскія ружья не очень мѣтки. Лодка осторожно, точно плавающая птица, выжидаетъ прибоя, поворачивается на самомъ гребнѣ волны и вдругъ опускаетъ парусъ... Прибоемъ ее кинуло впередъ, и киль скользнулъ по щебню въ маленькой бухтѣ.

— Кто идетъ?—опять громко кричитъ часовой, съ участіемъ слѣдившій за опасными эволюціями лодки.

— Братъ!—отвѣчаетъ рыбакъ. — Отворите ворота, ради святителя Іосифа. Видишь, какая буря!

— Погоди, сейчасъ придетъ капралъ.

На стѣнѣ задвигались тѣни, потомъ открылась тяжелая дверь, мелькнулъ фонарь, послышались разговоры. Испанцы приняли рыбака: за стѣной, въ солдатской казармѣ онъ найдетъ тепло и пріютъ на всю ночь. Хорошо будетъ вспоминать на покоѣ о сердитомъ грохотѣ океана и о грозной темнотѣ надъ бездной, гдѣ еще такъ недавно качалась его лодка.

Дверь захлопнулась, какъ будто фортъ заперся отъ моря, по которому, таинственно поблескивая вспышками фосфорической пѣны, набѣгалъ уже первый шквалъ широкою, во все море, грядою.

Да еще неувѣренно свѣтилъ огонекъ въ окнѣ угловой башни, и лодка, введенная въ бухту, мѣрно качалась и тихо взвизгивала подъ ударами отраженной и разбитой, но все еще крѣпкой волны....

III.

Въ угловой башнѣ была келья испанской военной тюрьмы. На одно мгновеніе красный огонекъ, свѣтившій изъ ея окна, затмился, и за рѣшеткой силуэтомъ обрисовалась продолговатая голова. Человѣкъ посмотрѣлъ оттуда на темное море и отошелъ. Огонекъ опять заколебался красными отраженіями на верхушкахъ валовъ.

Это былъ Хуанъ-Марія-Хозе Мигуэль-Діацъ, инсургентъ и флибустьеръ. Въ прошлое возстаніе испанцы взяли его въ плѣнъ и приговорили къ смерти, но затѣмъ, по прихоти чьего-то милосердія, онъ былъ помилованъ. Ему подарили жизнь, т. е. привезли на этотъ островъ и посадили въ башню. Здѣсь съ него сняли оковы. Онѣ были не нужны: стѣны были изъ камня, въ окнѣ—толстая ржавая рѣшетка, за окномъ—море. Его жизнь состояла въ томъ, что онъ могъ смотрѣть въ окно на далекій берегъ, и вспоминать, и, можетъ быть, еще—надѣяться..

Первое время, въ свѣтлые дни, когда солнце сверкало на верхушкахъ синихъ волнъ и выдвигало далекій берегъ, онъ подолгу смотрѣлъ туда, вглядываясь въ очертанія родныхъ горъ, въ выступившія неясными извилинами ущелья, въ чуть замѣтныя пятнышки далекихъ деревень... Угадывалъ бухты, дороги, горныя тропинки, по которымъ, казалось ему, бродятъ легкія тѣни, и среди нихъ одна, когда-то близкая ему... Онъ ждалъ, что въ горахъ опять засверкаютъ огоньки выстрѣловъ съ клубками дыма, что по волнамъ оттуда, съ дальняго берега, понесутся паруса съ роднымъ флагомъ возмущенія и свободы. Онъ готовился къ этому и терпѣливо, осторожно, настойчиво долбилъ камень около ржавой рѣшетки.

Но годы шли. На берегу все было спокойно, въ ущельяхъ

лежала синяя мгла, отъ берега отдѣлялся лишь небольшой испанскій сторожевой катеръ, да мирныя рыбачьи суда сновали по морю, какъ морскія чайки, за добычей...

Понемногу все прошлое становилось какъ сонъ. Какъ во снѣ, дремалъ въ золотистомъ туманѣ усмирившійся берегъ, и во снѣ же бродили по немъ призрачныя тѣни давно прошедшаго... А когда отъ берега отдѣлялся дымокъ и, разрѣзая волны, бѣжалъ военный катеръ,—онъ зналъ: это везутъ на островъ новую смѣну тюремщиковъ и стражи...

И еще годы прошли въ этой летаргіи. Хуанъ-Марія-Мигуэль-Хозе Діацъ успокоился и сталъ забывать даже свои сны... Подаренная ему испанцами жизнь текла мирно и незамѣтно... Даже на дальній берегъ онъ смотрѣлъ уже съ тупымъ равнодушіемъ и давно пересталъ долбить рѣшетку: къ чему?..

Только когда подымался восточный вѣтеръ, особенно сильный въ тѣхъ мѣстахъ, и начиналъ шевелить камнями на откосѣ маленькаго острова, въ глубинѣ его души, какъ эти камни на днѣ моря, начинала глухо шевелиться тоска, неясная и тупая. Отъ затянувшагося мглою берега, казалось ему, опять отдѣляются какія-то тѣни и кричатъ о чемъ-то громко, торопливо, жалобно, тревожно... Онъ зналъ, что это кричитъ только море, но не могъ не прислушиваться поневолѣ къ этимъ крикамъ... И въ глубинѣ души подымалось тяжелое, хотя еще темное волненіе.

Въ его каморкѣ, отъ угла къ углу, по діагонали, была обозначена въ каменномъ полу углубленная дорожка. Это онъ вытопталъ босыми ногами камень, бѣгая въ бурныя ночи по своей клѣткѣ. Порой въ такія ночи онъ опять царапалъ стѣну около рѣшетки. Но въ первое-же утро, когда море, успокоившись, ласково лизало каменные уступы острова,—онъ тоже успокаивался и забывалъ минуты изступленія...

Онъ зналъ, что его держитъ здѣсь не рѣшетка... Его держало это коварное, то сердитое, то ласковое море, и еще... сонное спокойствіе отдаленнаго берега, лѣниво и тупо дремавшаго въ своихъ туманахъ...

IV.

Такъ прошли еще годы, которые казались уже днями. Время сна не существуетъ для сознанія, а его жизнь уже вся была сномъ тупымъ, тяжелымъ и безслѣднымъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ этомъ снѣ опять начинали мелькать странныя видѣнія. Въ фортѣ происходило странное движеніе; испанцы принялись чинить старыя стѣны; изъяны, образовавшіеся въ годы безмятежной тишины, торопливо задѣлывались, чаще прежняго мелькали между берегомъ и островомъ паровые баркасы съ военнымъ испанскимъ флагомъ. Раза два, точно грузныя спины морскихъ чудовищъ, тяжело проползли мониторы, съ башенками надъ самой водой. Діацъ смотрѣлъ на нихъ тусклымъ взглядомъ, въ которомъ порой пробивалось удивленіе. Одинъ разъ ему показалось даже, что въ ущельѣ и по уступамъ знакомой горы, въ этотъ день ярко освѣщенной солнцемъ, встаютъ бѣлые дымки отъ выстрѣловъ, маленькіе, какъ булавочныя головки, выплываютъ внезапно и ярко на темно-зеленомъ фонѣ и тихо таютъ въ свѣтломъ воздухѣ. Одинъ разъ длинная черная полоса монитора продвинулась къ бухтѣ, и нѣсколько короткихъ, оборванныхъ ударовъ толкнулось съ моря въ его окно... Онъ схватился руками за рѣшетку и крѣпко затрясъ ее... Она звякнула и задрожала. Щебенка и мусоръ посыпались изъ гнѣздъ, гдѣ желѣзныя полосы были вдѣланы въ стѣны...

Но прошло еще нѣсколько дней... Берегъ опять затихъ и задремалъ; море было пусто, волны тихо, задумчиво накатывались одна на другую и, какъ будто отъ нечего дѣлать, хлопали въ каменный берегъ... И онъ подумалъ, что это опять былъ только сонъ...

Но въ этотъ день съ утра море начинало опять раздражать его. Нѣсколько валовъ уже перекатилось черезъ волнолом, отдѣляющій бухту, и слѣва было слышно, какъ камни лѣзутъ со дна на откосы берега... Къ вечеру въ темномъ четыреугольникѣ окна то и дѣло мелькали сверкающія брызги пѣны. Прибой заводилъ свою глубокую пѣсню, берегъ отвѣчалъ глубокими стонами и гуломъ.

Діацъ только повелъ плечами и рѣшилъ лечь пораньше.

Пусть море говоритъ, что хочетъ, пусть, какъ хочетъ, выбирается изъ безпорядочной груды валовъ и эта запоздалая лодка, которую онъ замѣтилъ въ окно. Рабья лодка, съ рабскаго берега.. Ему нѣтъ дѣла ни до нея, ни до голосовъ моря... Онъ легъ на свой матрацъ. Когда сторожъ-испанецъ въ обычный часъ принесъ фонарь и вставилъ его изъ коридора въ отверстіе надъ запертой дверью, то свѣтъ его озарилъ спящую фигуру и блѣдное лицо, съ закрытыми глазами. Казалось, Діацъ спалъ спокойно; только по временамъ брови сжимались, и по лицу проходило выраженіе тупого страданія, какъ будто въ глубинѣ усыпленнаго сознанія шевелилось что-то глухо и тяжко, какъ эти прибрежные камни въ морской глубинѣ..

Но вдругъ онъ сразу проснулся, точно кто назвалъ его по имени. Это шквалъ, перелетѣвъ цѣликомъ черезъ волнолом, ударилъ въ самую стѣну. Въ темномъ четыреугольникѣ еще неслись бѣлые клочья фосфорической пѣны, и даже, когда грохотъ стихъ, камера была полна шипѣніемъ и свистомъ. Отголоски проникли за запертую дверь и понеслись по корридорамъ. Казалось, что-то сознательно-грозное пронеслось надъ островомъ, и затихаетъ, и замираетъ вдали...

Діацъ сразу сталъ на ноги. Ему казалось, что онъ спалъ лишь нѣсколько секундъ, и онъ посмотрѣлъ въ окно, ожидая еще увидѣть вдали бѣлый парусокъ лодки. Но въ окнѣ было черно, море бѣсновалось въ полной тьмѣ, и были слышны смѣшанные крики убѣгавшаго шквала. Хотя такія бури бывали не часты, но все же онъ зналъ и этотъ грохотъ, и свистъ, и шипѣніе, и подземное дрожаніе каменнаго берега. Но теперь, когда этотъ разнузданный гулъ уменьшался, подъ нимъ слышалось еще что-то тихое, ласковое и незнакомое...

Онъ кинулся къ окну и, опять ухватившись за рѣшетку, заглянулъ въ темноту. Море было безформенно и дико. Дальній берегъ весь былъ поглощенъ тяжелою мглой. Только на нѣсколько мгновеній между нимъ и тучей продвинулся красивый, затуманенный мѣсяцъ... Далекіе неувѣренные отблески безпорядочно заколебались на гребняхъ бѣшеныхъ валовъ и погасли... Остался только шумъ, могучій, дико-сознательный, суетливый и радостно зовущій...

Хозе-Марія-Мигуэль Діацъ почувствовалъ, что внутри его все дрожитъ, и что душа его проснулась отъ долгаго сна.

Память прояснилась, и онъ вспомнилъ ясно то, что видѣлъ на берегу, нѣсколько дней назадъ... Вѣдь это былъ не сонъ! Какъ могъ онъ считать это сномъ? Это было движеніе, это были выстрѣлы, это было возстаніе!..

Налетѣлъ еще шквалъ, опять пронеслись сверкающія брызги, и опять изъ подъ шипѣнія послышалось что-то незнакомое и ласковое. Діацъ кинулся къ рѣшеткѣ и, въ порывѣ страннаго одушевленія, сильно затрясъ ее. Посыпалась опять известь и щебенка, разъѣденныя солеными брызгами, упало нѣсколько камней, и рѣшетка со звономъ повалилась на полъ... А подъ окномъ, въ бухтѣ, тихо качалась и визжала лодка.

На стѣнѣ въ это время смѣнился караулъ...

— Св. Іосифъ... Maria santa!—пробормоталъ новый часовой и, покрывъ голову капюшономъ, скрылся за выступъ стѣны. По морю, во всю ширину, вставая и падая, поблескивая въ темнотѣ гребнями пѣны, летѣлъ новый шквалъ. Вѣтеръ, казалось, сходилъ съ ума, островъ впередъ уже вздрагивалъ и стоналъ. Со дна, какъ блѣдные призраки, лѣзли на откосы огромные камни, цѣлыми годами лежавшіе въ глубинѣ.

Шквалъ налетѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда Діацъ выскочилъ изъ окна. Его сразу залило водой, оглушило и сшибло съ ногъ... Онъ лежалъ нѣсколько секундъ безъ сознанія, съ однимъ ужасомъ въ душѣ, озябшій и несчастный, а надъ нимъ съ воемъ неслось что-то огромное, дикое, враждебное... Когда грохотъ нѣсколько стихъ, онъ открылъ глаза.

По небу неслись темныя тучи, безъ просвѣтовъ, безъ очертаній. Скорѣе чувствовалось, чѣмъ видѣлось, движеніе этихъ громадъ, которыя все такъ же неудержимо неслись на западъ. А вдалекѣ опять вставало что-то еще невидимое, но грозное, и гудѣло угрюмо, зловѣще, непрерывно.

Только каменныя стѣны форта оставались неподвижными и спокойными среди общаго движенія. Въ темнотѣ можно было различить жерла пушекъ, выступившія изъ амбразуръ... Изъ дальней казармы, въ промежутки сравнительнаго затишья, доносились звуки вечерней молитвы, барабанъ недавно пробилъ послѣднюю зорю... Тамъ, за стѣнами, казалось, замкнулось спокойствіе. Огонекъ въ его башнѣ свѣтился ровнымъ, немигающимъ свѣтомъ.

Діацъ поднялся и, точно прибитая собака, пошелъ къ тому огоньку... Нѣтъ, море обманчиво и ужасно. Онъ войдетъ

въ свою тихую келью, наложитъ рѣшетку, ляжетъ въ своемъ углу, на свою постель и сладко заснетъ тяжелымъ, но безопаснымъ сномъ неволи.

Надо будетъ только тщательно задѣлать рѣшетку, чтобы не замѣтилъ патруль... Могутъ еще подумать, что онъ хотѣлъ убѣжать въ эту бурную ночь... Но онъ не хочетъ бѣжать... На морѣ гибель...

Онъ схватился руками за карнизъ и поднялся къ окну...

И вдругъ отшатнулся въ испугѣ... Въ камерѣ было пусто и сравнительно тихо. Ровный желтоватый свѣтъ фонаря падалъ на стѣны, на вытоптанный полъ, на матрацъ, лежавшій въ углу... Постель была пуста; надъ изголовьемъ, вырѣзанная глубоко въ камнѣ, виднѣлась надпись:

„Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль Діацъ, инсургентъ. Evviva la libertà".

И всюду по стѣнамъ, крупныя и мелкія, глубокія и едва намѣченныя, мелькали тѣ-же надписи:

„Хуанъ-Мигуэль Діацъ"... „Мигуэль-Діацъ... 187"...

За этимъ годомъ тянулись другіе, отмѣченные недѣлями, потомъ мѣсяцами. „Madre de Dios, уже два года!"... „три года... Господи, сохрани мой разумъ! Діацъ... Діацъ... Діацъ..

Десятый годъ отмѣченъ простой цифрой, безъ восклицаній. Далѣе счетъ прекращался... Имя продолжало еще мелькать, вырѣзанное слабѣющей и лѣнивой рукой... И на все это безстрастно и ровно падалъ желтоватый свѣтъ фонаря...

На одно мгновеніе имъ овладѣлъ странный обманъ зрѣнія: ему показалось, что его постель опять занята. На ней лежалъ человѣкъ и спалъ тяжелымъ сномъ. Грудь вздымалась тихо, съ тупымъ спокойствіемъ... Неужели это онъ самъ — Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль Діацъ, вошедшій сюда полнымъ силъ, съ любовью къ свободѣ и жизни?..

Спокойная камера съ этимъ мелькнувшимъ лишь на мгновеніе призракомъ показалась ему страшнѣе бури... Онъ отпустилъ руки и опять спрыгнулъ на берегъ. Новый шквалъ пронесся и сталъ затихать... Ровный огонекъ опять свѣтилъ изъ окна въ темноту...

V.

Часовой на стѣнѣ, повернувшись спиной къ вѣтру и охвативъ руками ружье, чтобы его не вырвало ураганомъ, читалъ про себя молитвы, прислушиваясь къ адскому грохоту моря и неистовому свисту вѣтра. Небо еще потемнѣло; казалось, весь міръ поглотила уже эта безформенная тьма, охватившая одинаково и небо, и море. Лишь по временамъ, среди шума, грохота, плеска, съ пугающей внезапностью обозначались бѣлые гребни, и волна кидалась на островъ, далеко отбрасывая брызги черезъ низкія стѣны...

Когда всѣ молитвы были прочитаны, часовой повернулся и замеръ въ удивленіи. Вдоль бухты, среди сравнительнаго затишья, едва замѣтная въ темнотѣ, двигалась лодка, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, уже незащищенное отъ вѣтра, море кипѣло и металось во мракѣ. Внезапно бѣлый парусъ взвился и надулся вѣтромъ. Лодка качнулась, поднялась и исчезла...

Въ это мгновеніе Діацу показалось, что темный островокъ колыхнулся и упалъ въ бездну, вмѣстѣ съ ровнымъ огонькомъ, который въ этого мгновеніе слѣдилъ за нимъ своимъ мертвымъ свѣтомъ. Впереди были только хаосъ и буря. Странный восторгъ переполнилъ его застывшую душу. Онъ крѣпче сжалъ руль, натянулъ парусъ и громко крикнулъ... Это былъ крикъ неудержимой радости, безграничнаго восторга сознавшей себя и пробудившейся жизни... Сзади раздался заглушенный ружейный выстрѣлъ, потомъ гулъ пушечнаго выстрѣла понесся вдаль, разметанный и разорванный ураганомъ. Сбоку набѣгалъ шквалъ, подхватывая лодку... Она поднималась, поднималась, казалось, цѣлую вѣчность... Хозе-Марія-Мигуэль Діацъ съ сжатыми бровями, съ твердымъ взглядомъ глядѣлъ только впередъ, и тотъ-же восторгъ переполнялъ его грудь... Онъ зналъ, что онъ свободенъ, что никто въ цѣломъ мірѣ теперь не потягается съ нимъ.

Лодка встала на самой вершинѣ вала, дрогнула, колыхнулась и начала опускаться... Со стѣны ее видѣли въ послѣдній разъ... Но еще долго маленькій фортъ посылалъ, съ промежутками, выстрѣлъ за выстрѣломъ бушующему морю...

VI.

А на утро солнце опять взошло въ ясной синевѣ. Послѣдніе клочки тучъ безпорядочно неслись еще по небу, море стихало, колыхаясь и будто стыдясь своего ночного разгула... Синія, тяжелыя волны все тише бились о камни, сверкая на солнцѣ яркими, веселыми брызгами.

Дальній берегъ, освѣженный и омытый грозой, рисовался въ прозрачномъ воздухѣ. Всюду смѣялась жизнь, проснувшаяся послѣ грозовой тучи. Небольшой пароходъ крейсировалъ вдоль берега, разстилая по волнамъ длинный хвостъ бураго дыма.

Кучка испанцевъ слѣдила за нимъ со стѣны форта.

— Навѣрное погибъ,—сказалъ одинъ.—Это было чистое безуміе... Какъ вы думаете, донъ Фернандо?

Молодой офицеръ повернулъ къ говорившему задумчивое лицо...

— Да, вѣроятно, погибъ,—сказалъ онъ.—Но... что за дѣло! Можетъ быть, онъ лежитъ на днѣ моря, можетъ быть, смотритъ на свою тюрьму съ этихъ горъ. Во всякомъ случаѣ море дало ему нѣсколько мгновеній свободы... А кто знаетъ, не стоитъ-ли одинъ мигъ настоящей жизни цѣлыхъ годовъ прозябанія!..

— Однако, что это тамъ, посмотрите...—И офицеръ указалъ на южную оконечность гористаго берега. На одномъ изъ крайнихъ мысовъ, занятомъ лагеремъ инсургентовъ, въ синѣющей полосѣ замелькали кучками бѣлыя вспышки дыма. Звука не было слышно, только суетливые дымки появлялись и гасли, странно оживляя пустынныя ущелья. Съ моря, въ отвѣтъ, отрывисто грянулъ пушечный выстрѣлъ, и, когда дымъ весь легъ на сверкающія искрами волны,—все опять стихло. И берегъ, и море молчали...

Офицеры переглянулись... Что значило это непонятное оживленіе на позиціяхъ возставшихъ туземцевъ?.. Отвѣтъ-ли это на вопросъ объ участи бѣглеца?.. Или просто случайная тревога внезапной перестрѣлки?..

Отвѣта не было...

Сверкающія волны загадочно смѣялись, набѣгая на берегъ острова и звонко разбиваясь о камни...

Влад. Короленко.

БЕЗЪ ФАМИЛІИ.

I.

Софья Петровна.

Блѣдный петербургскій вечеръ подходилъ къ концу. На встрѣчу къ нему шла такая же блѣдная петербургская ночь. Въ отворенное окно лѣниво струился сыроватый майскій воздухъ.

Бесѣда тоже подходила къ концу. Двѣ блѣдныя женщины, усталыя и грустныя, тихо разговаривали съ сѣдымъ человѣкомъ, котораго старшая изъ собесѣдницъ называла Левушкой.

Всѣ они работали въ одномъ и томъ же изданіи и по вечерамъ собирались иногда отдохнуть и попить чайку: хозяйка дома Вѣра Андреевна, лѣтъ сорока пяти, и ея гостья Клавдія Александровна, еще молодая дѣвушка,—были пріятельницами: къ Левушкѣ—Льву Александровичу Ѳеофилову, обѣ онѣ относились съ бережностью и нѣжной почтительностью.

Всѣ они заработались, устали, и ихъ бесѣда, дружная, но грустная, то потухала, то опять слабо вспыхивала, чтобы сейчасъ же оборваться; говорили о необходимости отдыха послѣ трудовой зимы, о недоступности этого отдыха, о тяготѣ жизни, ея вѣчныхъ невзгодахъ.

— И къ чему все это?—вяло проговорила Вѣра Андреевна.—Въ сущности, человѣку нужно такъ мало: три аршина земли и больше ничего.

— Опять вы съ вашей мрачной философіей...—горячо воскликнула Клавдія.—Я ненавижу смерть и считаю, что все лучше смерти...

— И лишенія, и болѣзни, и несправедливости,—все?

— Конечно... Со всѣмъ этимъ возможна борьба. И не только возможна, но обязательна. А со смертью что вы сдѣлаете? Вотъ ужъ подлинно: ложись и умирай. И я ненавижу ее за это.

Разговоръ опять оборвался.

— А вотъ по поводу смерти,—опять заговорила Клавдія Александровна.—Я прочла сегодня въ газетѣ, что умерла какая-то Софья Петровна Кончакова. Не та ли это Софья Петровна, о которой вы мнѣ говорили, Вѣра Андреевна?

— Не знаю... Я никогда не знала фамиліи моей Софьи Петровны... Я хороша съ Макаровыми, гдѣ она живетъ.

— Ну да... Макаровы и объявляютъ объ ея смерти: значитъ, это она,—съ тѣмъ чувствомъ удовлетворенности, какое всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, заявила Клавдія Александровна.

— Неужели макаровская Софья Петровна умерла?—грустно сказала Вѣра Андреевна. — Вотъ имъ тяжело-то! Они безъ нея, какъ безъ рукъ... Да и ее жаль, бѣдную! Марья Дмитріевна хотѣла зайти сегодня отъ Макаровыхъ... Она разсказала-бы намъ... Вѣдь я на цняхъ была у нихъ и видѣла Софью Петровну, совсѣмъ здоровую, бодрую... Она хлопотала, бѣгала, торопилась укладывать вещи и везти ихъ въ банкъ на сохраненіе... Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы это она умерла.

Вѣра Андреевна пошла за газетой.

— Представьте: она... Вотъ какъ напечатано: „Елисавета Ивановна Макарова съ глубокимъ горемъ извѣщаетъ о смерти Софьи Петровны Кончаковой“... Что же съ ней сдѣлалось? была здоровая, бодрая... Такъ она Кончакова? Никогда не знала.

— У насъ, въ Ольскѣ, предводитель дворянства Кончаковъ былъ... И, Господи, сколько эта фамилія напоминаетъ мнѣ хорошаго, молодого!—сказалъ Левъ Александровичъ.

— Навѣрное любовь?

— Навѣрное! Что же можетъ быть хорошаго безъ любви?—шутя, проговорилъ Левъ Александровичъ.—И какая любовь?—первая.

— Я думала, что эти „первыя любви“ только въ книгахъ остались, — сказала Клавдія Александровна. — Каждая любовь кажется первой... Каждый разъ искренно думаешь:

нѣтъ, я еще не любила по настоящему, вотъ моя первая любовь.

— И представьте себѣ — нѣтъ. Потомъ любишь, можетъ быть, и сильнѣе, и умнѣе, но такая первая любовь, глупая и смѣшная, не забудется всю жизнь... Вотъ какъ только вы назвали Кончакову—меня уже всего перевернуло, и сколько, сколько воспоминаній хлынуло!.. Цѣлые дни въ ожиданіи вечера, когда пойдешь въ городской садъ и будешь смотрѣть, не пройдетъ ли она съ матерью и, можетъ быть, позволитъ проводить себя до дому; безсонныя ночи, полныя мечтаній и жажды подвига, любовь—безъ всякихъ требованій и надеждъ, ясная и радостная сама по себѣ. Для насъ, гимназистовъ Ольской гимназіи, Сонечка Кончакова была недосягаемой... Позвольте!.. Да вѣдь она тоже была Софья Петровна, дочь Петра Ѳедоровича Кончакова. Не она ли и умерла? Какая она была: тоненькая, бѣленькая, хрупкая?

— О нѣтъ! эта Софья Петровна была толстая, сѣрая и очень некрасивая: носъ картофелиной, черные зубы.

— Нѣтъ, это не та... У той Сонечки были удивительно тонкія черты и зубы маленькіе и бѣленькіе, какъ у кошки; и вся она была такая бѣленькая, такая поэтичная...

— Ну, конечно, макаровская Софья Петровна не ваша идеальная Сонечка. Она прекрасный человѣкъ, но очень некрасивая и, главное, не поэтичная... Да и то сказать: когда ей о себѣ думать было?

— Кѣмъ же, собственно, она была у Макаровыхъ?..

— Прежде гувернанткой... Всѣхъ дѣтей выучила грамотѣ, а двухъ барышень довела почти до послѣдняго класса, и только тогда онѣ поступили въ гимназію. Теперь барышни замужемъ, сыновья всѣ на службѣ, а она такъ и осталась въ домѣ, какъ своя!..

— Что же она дѣлала у нихъ?

— Какъ вамъ сказать? Все... Разливала чай, завѣдывала хозяйствомъ, вела весь домъ.. Бывало, заболѣетъ кто-нибудь—Софья Петровна и за докторомъ поѣдетъ, и лѣкарство дастъ, и цѣлыми ночами не спитъ. Родится у одной изъ дочерей Макаровыхъ ребенокъ—Софья Петровна не отойдетъ отъ него, пока не направитъ и кормилицу, и няню... Новую квартиру подыскать, перевести, устроить—все Софья Петровна. И не только для Макаровыхъ, а для всѣхъ ихъ родственниковъ и

друзей. Софью Петровну всѣ знали, всѣ любили, и всѣ брали, какъ должное, ея услуги... И я увѣрена, что половина изъ ея знакомыхъ не знала какъ ея фамилія... Только вотъ теперь, послѣ смерти, услышатъ въ первый разъ, что она была Кончакова, а не просто Софья Петровна, какой мы всѣ знали ее; узнаютъ, что у нея была когда-то своя семья, и, можетъ быть, своя жизнь гдѣ-то—внутри ея, до которой никому изъ насъ не было дѣла. Можетъ быть, она даже любила когда-нибудь, если ее не любили... Ужъ очень она некрасива была, не то, что ваша Сонечка.

— Да... Та была необыкновенной красоты, и не столько физической, сколько душевной... Тогда мы цѣнили особенно это... Если бы вамъ разсказать про Соню Кончакову, вы сами согласились бы, что нельзя было не полюбить ее...

— Ну, разскажите.

— Да вѣдь это долго, да и старо, пожалуй... Вдругъ заснете.

— Не бойтесь. Левушка... разсказывайте.

— Вы знаете, что я не мастеръ разсказывать... У меня сейчасъ старинной повѣстью отзывается, ужъ очень я начиненъ ими.

— Да вы безъ предисловія, прямо разсказывайте.

Левъ Александровичъ откашлялся, мотнулъ головой, точно рѣшался на какой-то безразсудный поступокъ, и началъ:

— Это было въ семидесятыхъ годахъ... Эхъ, время-то какое было!..

И онъ опять замолчалъ. Всѣ молчали тоже.

— Ну да...—опять заговорилъ онъ.—Такъ вотъ... я учился въ Ольской гимназіи вмѣстѣ съ Юріемъ Кончаковымъ, братомъ этой Сонечки... Или, вѣрнѣе, такъ бы надо разсказывать, а у этого Юрія была сестра Софья. Она тоже училась въ гимназіи и не чуждалась насъ, товарищей ея брата... Мы книжки ей носили, спорили, разсуждали и, конечно, втайнѣ всѣ были влюблены въ нее... Но и подумать не смѣли признаться ей, или намекнуть, что ли... Когда я былъ въ послѣднемъ классѣ, она уже начала выѣзжать, т. е. ее „вывезли“ на дворянскій балъ. И очень это мнѣ, почему-то, больно было... Я не того ждалъ отъ нея... Она мнѣ говорила, что хочетъ учиться, развиваться и вдругъ—дворянскій балъ... Какъ-то я и сказалъ ей объ этомъ прямо... И тутъ она въ первый разъ вся

мнѣ высказалась... Ей надо было „дѣть“ себя куда нибудь, отдать себя на что нибудь... Вы скажете: откуда это у дѣвочки семнадцати лѣтъ такія мысли? Да вѣдь надо не забывать ни на минуту, какое это время было... Въ женскихъ гимназіяхъ не меньше, чѣмъ въ мужскихъ, и читали, и „стремились“... Слово, надъ которымъ теперь смѣются...

Левъ Александровичъ остановился и умолкъ.

— Ну что-же?—спросила Клавдія Александровна.—Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ?

— Нѣтъ, сейчасъ... чего размазывать и вздыхать о прошломъ?.. Можетъ быть, мы были неправы, можетъ, нынѣшніе побѣдятъ... Соня Кончакова была вся—жажда жертвы... Прежде всего она хотѣла пожертвовать собой для счастья (или спокойствія, какъ тамъ разобрать) матери... Ея мать-аристократка—плакала день и ночь, что ея дѣти не то, чего она ждала отъ нихъ. Юрій протестовалъ рѣзко и ежеминутно. Соня—молчаливо и упорно. Послѣ одного горячаго разговора съ матерью она рѣшила жить такъ, какъ та захочетъ. Но, когда она мнѣ говорила это—я не могъ вѣрить ей... Потомъ я уѣхалъ въ Петербургъ, въ технологическій институтъ. Юрій Кончаковъ пошелъ въ университетъ. Мы видѣлись рѣдко, у каждаго была уже своя жизнь, свои интересы... Разъ прибѣжалъ онъ ко мнѣ, взволнованный до бѣшенства; я невольно спросилъ его сейчасъ-же, что съ нимъ.

— Софья замужъ выходитъ.

— Ну, такъ что-же? Этого надо было ожидать...

А самого меня такъ и перевернуло всего.

— Да за кого? за этого мерзавца Крушинина!..

Крушининъ былъ у насъ вице-губернаторомъ... Я зналъ, что онъ привезъ съ собой изъ Петербурга какую-то чужую жену, держитъ ее взаперти, и намъ, юношамъ, было это противно до чрезвычайности. Я еще и не предчувствовалъ, что онъ будетъ женихомъ нашей Сонечки, а уже ненавидѣлъ его прилизанныя баки и розовый проборъ на плоской головѣ... И вдругъ узнаю, что этотъ-то господинъ женится на Сонѣ Кончаковой. Разозлился я тогда страшно, хотѣлъ сейчасъ же бросить Петербургъ и летѣть домой... Зачѣмъ? Самъ не знаю. Но время-то тогда было такое горячее, какъ уѣхать? Потомъ въ институтѣ пошли „исторіи“, вы не помните этого? Многіе пострадали, въ томъ числѣ и я... Приказали намъ

уѣхать изъ Петербурга, и я очутился опять въ Ольскѣ... Въ первый же день увидалъ я Соню Она ѣхала одна, и меня поразило ея грустное лицо и грустная улыбка, съ какой она поклонилась мнѣ. Мнѣ хотѣлось броситься къ ней, да не посмѣлъ... Такъ она и скрылась за поворотомъ улицы, а у меня осталась въ памяти одна ея горькая улыбка. Прошло недѣли двѣ, я все ждалъ пріѣзда Юрія: идти къ Кончаковымъ безъ него мнѣ, исключенному технологу, было неудобно. Пришла весна, наступили вотъ такія же бѣлыя ночи, только тогда онѣ были какія-то теплыя, душистыя, поэтичныя... Я все ждалъ встрѣчи съ Соней, хотя не знаю, любилъ ли я ее еще тогда... Уже въ Петербургѣ у меня было увлеченіе одной милой, хоть и некрасивой дѣвушкой... Но Соня съ ея грустнымъ лицомъ не давала мнѣ покоя. Я искалъ ее всюду, даже въ церковь ходилъ. Она была постоянно съ матерью. Иногда съ женихомъ... Этого я совсѣмъ не могъ переносить. Наконецъ, разъ—иду я домой съ вокзала, куда ходилъ такъ, самъ не знаю зачѣмъ,—ѣдетъ Соня; крикнула мнѣ:

— Ѳеофиловъ!.. здравствуйте!

Я такъ и остолбенѣлъ, стою и не знаю, что отвѣтить.

Она остановила лошадь, вышла изъ экипажа и пошла со мной. Сначала разговоръ шелъ самый обыкновенный: почему не бываю у нихъ? что въ Петербургѣ? что я думаю дѣлать дальше? Сдерживался я, сдерживался, да и выпалилъ:

— А зачѣмъ вы замужъ выходите?

Она помолчала и потомъ отвѣтила совершенно просто:

— Такъ мама хочетъ.

— Ну, ужъ это, простите, подло.

Она добродушно улыбнулась и сказала:

— Докажите.

Тутъ ужъ я закусилъ удила и все высыпалъ ей:

— Подло относительно себя: отдавать жизнь свою на пустую прихоть мамаши, подло относительно жениха: идти за него, не любя и, наконецъ, подло относительно той, которая...

Тутъ я, помню, запнулся... Уже тогда сообразилъ, что самъ на подломъ пути. Но она, Соня, такъ пристала ко мнѣ, такъ ласково и просто убѣдила меня, что только я могу открыть ей правду, что она окружена ложью и чувствуетъ это и не можетъ побороть ее—я все и сказалъ ей...

— То есть, что-же все?

— Да вотъ про ту барыню... Вы знаете, какъ въ провинціи все знаютъ. И я зналъ, т. е. слышалъ, что Крушининъ отнялъ ее отъ мужа, отъ дѣтей, слышалъ, что она, любя его, всѣхъ бросила, а онъ спряталъ ее, какъ затворницу, обращается съ нею чортъ знаетъ какъ, да еще жениться вздумалъ. Соня спросила меня:

— Вы знаете, какъ ее зовутъ.

Я сказалъ.

— А гдѣ она живетъ?

Я тоже сказалъ. Самъ не знаю хорошо, зачѣмъ сказалъ. И какъ провелъ весь тотъ вечеръ и всю ночь, не могу вамъ передать словами. Мучилъ меня страшно вопросъ: честно или безчестно поступилъ я?.. Да и теперь не знаю, какъ рѣшить его...

Левъ Александровичъ вздохнулъ, закурилъ папироску и заговорилъ снова.

— На другой день записка отъ Сони: „Приходите ко мнѣ сегодня въ семь часовъ“. И только. Долго я хранилъ эту записку... Прихожу. Старики Кончаковы спятъ послѣ обѣда, барышня дома одна. Вышла ко мнѣ Соня блѣдная, но спокойная, и просто сказала:

— Я сегодня была у нея. Она любитъ Семена Ивановича (это Крушинина—Семеномъ Ивановичемъ звали). Я обѣщала ей, что не выйду за него замужъ. Я уже сказала своимъ. Они, бѣдные, конечно, огорчены... Я просила ихъ только не спрашивать меня, отъ кого я все узнала. Я не назвала васъ, но сочла нужнымъ сказать вамъ все.

Эта исторія, конечно, надѣлала много шума въ Ольскѣ. Для насъ, молодежи, Соня Кончакова стала героиней, тогда мы еще вѣрили въ жертву. Теперь надъ ней смѣялись бы.

— Не смѣялись бы, а пожалѣли... Что за жертвоприношеніе!—горячо воскликнула Клавдія.—Да и нужно ли оно кому-нибудь? Жертва всегда безсмысленна.

— Всегда?—съ удивленіемъ спросилъ Левъ Александровичъ.

— Почти... Она—добровольное устраненіе себя изъ борьбы, изъ жизни... Это не нормально... Да, въ концѣ концовъ, никто и не оцѣнитъ ее... Развѣ *тамъ?!*

И она указала рукой наверхъ.

Левъ Александровичъ грустно посмотрѣлъ на Клавдію.

— Они вѣдь теперь, Левушка,—мягко сказала Вѣра Андреевна,—и къ Лизѣ Калитиной съ презрѣніемъ относятся...

— Къ кому?—переспросила Клавдія.

— Неужели не помните?.. Къ Лизѣ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“... Вы бы сейчасъ потребовали, чтобы Лаврецкій развелся съ женой и женился бы...—добродушно сказала Вѣра Андреевна.

— Конечно, это было бы лучше, и честнѣе, и разумнѣе... И всѣ были бы счастливѣе.. А такъ—что же оказалось? Варвара Павловна всетаки бросила мужа, у Лаврецкаго жизнь была разбита... А Лиза? Какъ-то не вѣрится, что она была счастлива въ монастырѣ... Но и то сказать: Лиза—дѣвушка 40-хъ годовъ... Сонѣ надо было требовать иного. Что же сталось съ ней?

— Такъ случилось, что мнѣ необходимо было съѣздить въ Петербургъ. Я спѣшно уѣхалъ изъ Ольска и... больше туда не возвращался. Въ Петербургѣ насъ всѣхъ забрали, и я черезъ два мѣсяца уже былъ въ мѣстахъ, довольно отдаленныхъ... Мнѣ писали изъ Ольска... Старикъ Кончаковъ умеръ, и Соня уѣхала въ Петербургъ. Потомъ я слышалъ, что она пошла въ сестры милосердія и работала въ Плевнѣ... Потомъ кто-то говорилъ, что она умерла тамъ отъ тифа, я написалъ въ Ольскъ, спросилъ—правда ли это? Извѣстіе не подтвердилось. Ну, да вы знаете, какъ жизнь береть свое; прошло десять, двадцать лѣтъ, я, конечно, и не вспоминалъ о ней... И вотъ сегодня, случайный разговоръ о смерти какой-то Кончаковой вдругъ всколыхнулъ воспоминанія. Я, какъ сейчасъ, вижу ея милую улыбку и ясные, хотя немного косые, глазки.

— Косые?! И макаровская Софья Петровна косила, очень, можетъ быть, что это ваша Сонечка... Вѣдь она уже больше двадцати лѣтъ въ домѣ Макаровыхъ... Можетъ быть, такъ измѣнилась, что и не узнать... Горе не краситъ...

Въ прихожей раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вбѣжала женщина лѣтъ сорока и быстро и нервно заговорила:

— Простите, что такъ поздно... засидѣлась у Макаровыхъ... Лизавета Ивановна, бѣдная, такъ разстроена...

— Да! Да! Софья Петровна!..

— Представьте: третьяго дня была совсѣмъ здорова... Попросила ее m-me Богачева дачу ей въ Павловскѣ подыскать...

Madame Богачева—пріятельница Лизаветы Ивановны... Софья Петровна весь день бѣгала по Павловску, а вечеромъ у Лизаветы Ивановны гости... Она непремѣнно должна была попасть на семичасовой поѣздъ... Непремѣнно! Бѣжала на вокзалъ, страшно торопилась, вскочила въ вагонъ уже съ третьимъ звонкомъ и только сказала: „Ну слава Богу, поспѣла!“ и конецъ...

— Умерла?

— Да... Такъ мертвую и привезли... Ну, потомъ полиція, установленіе личности... Сколько хлопотъ Лизаветѣ Ивановнѣ было—ужасъ!

— Бѣдная Софья Петровна!

— Дохлопоталась!

— Опять жертва! И кто ее оцѣнитъ?

Всѣ молчали. Бѣлая ночь уныло смотрѣла въ окно, безстрастная, безмолвная.

II.

Таня.

— Опять онъ ее зоветъ! Опять говоритъ, что онъ виноватъ передъ ней, молитъ простить его... Мамочка! Милая! Надо-же послать за ней.

— Да за кѣмъ? Если бы я знала, кто она, гдѣ живетъ? Вѣдь я ничего не знаю! Да, если говорить правду, и не желаю знать... Особенно въ такую тяжелую минуту...

Лизавета Ивановна говорила эти слова обиженно, сквозь рыданія и, сказавъ, заплакала еще тяжелѣе. Ея дочь, толстушка Лена, тоже не могла сдержать слезъ. Она заговорила шопотомъ, жалобно складывая губы:

— Мамочка! Ты потише... Онъ слышитъ и думаетъ, что это плачетъ та... его Таня... И это его мучаетъ ужасно. Онъ бредитъ совершенно ясно! Все время умоляетъ ее не плакать, простить его! Смотритъ на меня, а видитъ ее, проситъ беречь Туську!.. Мама! Кто это Туська? Его дочь?

Мать молчала и только плакала.

— Онъ никогда не проститъ намъ, что мы не дали ей знать объ его болѣзни.

— Некому будетъ прощать,—чуть слышно сказала Лизавета Ивановна.

— Что ты говоришь, мама?

— Докторъ сказалъ сейчасъ...

Она не могла договорить, слезы сжали ей горло. Но Лена догадалась и испуганно зашептала:

— Господи... Да нѣтъ... Это невозможно. Господи, что же это такое?

Она заметалась и бросилась въ комнату старшей сестры—Саши. Та лежала, уткнувшись лицомъ въ подушку, и вся вздрагивала. Лена знала, что сестра страдаетъ какою-то нервной болѣзнью, и не рѣшилась даже окликнуть ее. Черезъ минуту она опять была у брата.

Онъ лежалъ на узкой постели и что-то бормоталъ, перебирая пальцами простыню. Лена прильнула къ нему и, сама не понимая, что дѣлаетъ, стала шептать ему:

— Николай! Родной! Очнись!.. Вѣдь это же невозможно... Богъ не допуститъ этого. Очнись только!

Больной пріоткрылъ глаза, и они странно блеснули изъ подъ опухшихъ вѣкъ. Жалкая улыбка искривила его губы: онъ узналъ сестру.

— Лена! —тихо прошепталъ онъ.

Она прижалась къ нему, пряча голову на его груди.

— Неужели это конецъ?

Она молчала: не смѣла ему солгать и не рѣшалась сказать правду. Онъ понялъ это и заговорилъ возбужденно и громко:

— А Таня-то какъ-же? Таня, Туся? Какъ-же это? Конецъ!.. Нѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ съ отчаяніемъ заметался на подушкѣ, твердя одно и то же „нѣтъ“.

Лена поднялась, чтобы идти за матерью, онъ схватилъ ее за руку и сталъ опять говорить:

— Ты одна у меня! Одна!.. Мать, сестры!.. Онѣ—свои... Вотъ какъ руки: я берегу руки, жалѣю... А ты—душа! Безъ тебя не жизнь. Когда ты—свѣтло! Нѣтъ тебя—смерть... Понимаешь? И не дамъ я тебя никому... Вѣдь ты моя? моя?

Онъ заглядывалъ въ глаза Ленѣ, и она понимала, что онъ видитъ не ее, а свою Таню.

— Николай! Милый!—съ отчаяніемъ сказала она, — ты скажи только, гдѣ она живетъ? Я пойду, я приведу ее...

Онъ вдругъ тяжело застоналъ и мучительно закашлялся. А потомъ заговорилъ:

— Нѣтъ, это не конецъ... Убѣжимъ, брось его, никто не найдетъ... Туську съ собой... Довольно прятаться... Я усталъ, Таня, усталъ... Уходи отъ него... И я уйду отъ своихъ... Пора!.. Усталъ!..

Хрипы въ груди смѣшивались со словами, онъ широко раскрывалъ ротъ, хватая воздухъ.

— Николай! Милый! Да очнись же! Скажи только слово: гдѣ живетъ Таня?

Лена взяла его за плечи и смотрѣла въ его смотрящіе, но ничего не видящіе глаза, желая вырвать у него отвѣтъ на свой вопросъ.

Больной продолжалъ говорить безсвязно и громко, потомъ сталъ отмахиваться отъ кого-то и что-то шептать, страшное и мучительное.

Онъ уже болѣе не приходилъ въ себя.

Тѣло Николая Дмитріевича, въ бѣломъ глазетовомъ гробу, занимало чуть не половину его кабинета. Панихида отошла, голубыя волны ладана почти разсѣялись, въ комнатѣ было полутемно и душно; громкій шопотъ слышался въ разныхъ углахъ; говорили обо всемъ томъ, о чемъ полагается говорить въ такихъ случаяхъ: о горѣ родственниковъ, о послѣднихъ минутахъ умершаго, о томъ, какой онъ былъ особенный человѣкъ.

Рядомъ, въ столовой собрались „свои“ и старались развлечь мать покойнаго. Разговаривали о разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Она сказала, что, при первой возможности, онѣ уѣдутъ въ провинцію. Всѣ знали, что отъѣздъ этотъ связанъ съ замужествомъ старшей дочери, но говорить теперь о такомъ веселомъ событіи, какъ свадьба, никто не рѣшался.

— А Лена какъ-же? Надо же ей кончить гимназію,— спросила тетя Соня.

— Не знаю, ничего еще не знаю, — отвѣтила Лизавета Ивановна обиженнымъ тономъ.—Это горе совершенно убило меня.. Господи! За что? За что Ты покаралъ меня?

Она безпомощно вся осѣла въ креслѣ и опять стала плакать горько и безнадежно.

Старшая дочь, съ широкими плечами и необыкновенно тонкой таліей, сидѣла съ пожилой дамой и сдержанно-грустно отвѣчала на ея вопросы. Братъ умеръ отъ воспаленія въ легкихъ, а вовсе не отъ переутомленія. Имъ очень тяжело, когда говорятъ, что онъ слишкомъ много работалъ. Конечно, жизнь такъ дорога, что приходилось работать не мало. И онѣ сознавали это и желали бы помочь ему, но его дѣло было такое спеціальное, что онѣ не могли быть ему полезными. Мать только ждала, чтобы Лена окончила гимназію, а Саша вышла замужъ, такъ какъ она уже второй годъ невѣста, и тогда онѣ освободили бы Николеньку, сошли бы съ его шеи... Онъ не дождался этого... Умеръ!

— Гдѣ же онъ простудился?

— Не знаемъ... Мы никогда не знали, куда онъ уходилъ вечеромъ... Онъ не любилъ, чтобы его спрашивали... Обѣдалъ всегда дома, а послѣ обѣда сейчасъ же уходилъ... Послѣдній разъ ушелъ уже совсѣмъ больной... Вернулся поздно, никого не позвалъ... Утромъ мы застали его уже въ бреду... Докторъ думаетъ, что онъ половину болѣзни перенесъ на ногахъ. Можетъ быть, этимъ и загубилъ себя...

Она такъ горько и искренно разрыдалась, что и ея собесѣдница заплакала. Лизавета Ивановна, услышавъ послѣднія слова дочери, тоже стала безпомощно всхлипывать.

Лена вошла въ столовую и остановилась въ дверяхъ. Она сдѣлала какой-то знакъ Сашѣ, но то не замѣтила его, а замѣтила Лизавета Ивановна. Она быстро встала, утерла глаза и пошла къ покойнику. Тамъ она сначала увидала только все тѣ же никому не нужныя растенія кругомъ гроба, большіе черные банты на восковыхъ свѣчахъ и странно выступившій изъ бѣлой глянцевитой подушки лобъ Николеньки. И опять слезы заволокли ей глаза, и она бросилась на колѣни у гроба и заплакала, неудержимо всхлипывая. Вдругъ она услыхала шорохъ. Въ комнатѣ никого не было, и Лизавета Ивановна тревожно оглянулась. У изголовья гроба, за растеніями стояла высокая, тоненькая женщина и не спускала глазъ съ лица покойника. Лизавета Ивановна уже на паникидѣ замѣтила эту женщину и сейчасъ же рѣшила, что это „она“, Таня, заѣвшая жизнь ея бѣднаго сына. Она давно уже ненавидѣла ее; изъ-за нея бѣдный Николенька не могъ жениться до тридцати двухъ лѣтъ, т. е. до самой смерти, изъ

за нея онъ бѣдствовалъ всю жизнь, такъ какъ она запрещала ему брать тѣ дѣла, которыя она считала сомнительными, и онъ долженъ быть защищать только праведниковъ. Лизавета Ивановна узнала это отъ самого Николая, когда онъ разъ, не называя имени „этой особы", сталъ говорить объ ея благородствѣ и великодушіи, объ ея честныхъ и непоколебимыхъ принципахъ. Онъ не сказалъ тогда ничего особеннаго, но тонкое чутье матери досказало ей остальное, и она сразу возненавидѣла эту неизвѣстную женщину, наговорила рѣзкостей, обидѣла Николая, и онъ объявилъ, что никогда ни слова не позволитъ ни себѣ, ни другимъ сказать о ней.

Съ тѣхъ поръ Лизавета Ивановна путемъ разныхъ ухищреній узнала, что „она"—замужняя женщина, что у нея дѣти и одна дочь—Туся, очевидно, его—Николая. Лизавета Ивановна вскрыла „нечаянно" телеграмму, говорившую о болѣзни этой Туси, и ей стало ясно, что такъ пишутъ только отцу. Потомъ, случайно, она поняла, что Николай видѣлся съ „ней" тайно, въ какой-то квартирѣ, куда онъ ходилъ заниматься и ждать ее... И по тому, какъ входилъ утромъ въ столовую Николай, мать уже видѣла, дождался онъ вчера „свою" или просидѣлъ одинъ въ тоскѣ и ожиданіи. Она очень хорошо понимала, что сынъ несъ той женщинѣ каждую свою мысль, каждое сомнѣніе, всю свою душу, и за это ненавидѣла ее. Саша тоже знала про любовь брата и иногда повѣряла матери свои наблюденія. Но Лизавета Ивановна находила неудобнымъ говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ съ незамужней дочерью и, обыкновенно, не поддерживала этихъ разговоровъ. Она была довольна, что ея Лена, шестнадцатилѣтняя гимназистка, не догадывалась ни о чемъ. Она иногда такъ наивно приставала къ брату.

— Куда ты такъ торопишься? Разскажи, Николай, гдѣ ты пропадаешь каждый вечеръ?

Онъ отшучивался добродушно и ласково.

— Сегодня я не пущу тебя... Или пойду вмѣстѣ съ тобой.

— А завтра опять изъ математики двойку принесешь...

Но когда мать и старшая сестра начинали говорить ему:

— Хоть бы одинъ вечеръ посидѣлъ съ нами, — онъ или отмалчивался, или раздраженно обрѣзывалъ ихъ. Разъ даже сказалъ Сашѣ:

— Я считаю, что совершенно достаточно отдаю вамъ... Ни отъ одного сына и брата нельзя требовать большаго.

Мать тогда приняла это за упрекъ и не выдержала:

— Ты думаешь, намъ легко сидѣть на твоей шеѣ? Ты думаешь, пріятно принимать подачки? Вѣрь, гораздо тяжелѣе принимать, чѣмъ давать. Я знаю, что тебѣ не весело содержать мать и двухъ сестеръ. Да намъ-то что же дѣлать? Я стара, работать не могу... Саша больная, Лена учится...

— Да развѣ я говорю — идите работать? — пытался остановить Николай.

Но Лизавета Ивановна была слишкомъ разстроена и уже не могла остановиться.

— Пока былъ живъ отецъ, привыкли тратить, не считая... А теперь? Вѣдь я знаю, что ты намъ отдаешь чуть не до послѣдней копѣйки? Я вижу, какъ ты во всемъ обрѣзываешь себя... Легко мнѣ это? А сестрамъ развѣ легко? Неужели ты думаешь, мы не освободили бы тебя, если бъ явилась хоть малѣйшая возможность?

— Да я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

— Неужели ты не видишь, какъ мы тебя любимъ?—продолжала мать.—Сестры обожаютъ тебя... Ты наше солнышко... А ты все бѣжишь изъ дому, точно тебѣ нехорошо съ нами. Мы даже не знаемъ, гдѣ ты пропадаешь цѣлыми вечерами... Берешь портфель, дѣла, и уходишь куда-то работать. Точно мы тебѣ мѣшаемъ... Скажи слово,—мы и не войдемъ къ тебѣ въ кабинетъ.. Саша броситъ музыку... Никто не шелохнется.. Только скажи.. А ты уходишь заниматься къ чужимъ людямъ, приносишь твои рѣчи, написанныя чужой рукой,—ты думаешь намъ не обидно это? Точно Саша не могла бы писать тебѣ...

Онъ все молчалъ и только выжидалъ удобной минуты, чтобы встать и уйти.

Такіе разговоры повторялись не часто, но всегда можно было ожидать ихъ. Даже въ тотъ вечеръ, когда Николай Дмитріевичъ слегъ,—обожавшая его Саша чуть не со слезами просила его остаться.

— Мнѣ необходимо... Неотложное дѣло...

— Да ты взгляни на себя.. Ты совсѣмъ боленъ...

— Вздоръ, простудился немного...

— Ну, и ложись въ постель.

— Не приставай, пожалуйста, Саша, ты знаешь, я терпѣть этого не могу.

— У тебя жаръ. Позволь мнѣ смѣрить температуру.

Она пошла къ себѣ за термометромъ, онъ взялъ портфель и уѣхалъ. А утромъ у него уже было 39,9.

И теперь Лизавета Ивановна, глядя на худенькую женщину, притаившуюся у гроба, вспомнила, что, по разсказамъ швейцара, его въ ту ночь привезла домой „дама, тоненькая, какъ тростиночка", и ввела его по лѣстницѣ до двери, потому что онъ едва передвигалъ ноги. Нѣтъ сомнѣнія, что это была она, его Таня, осмѣлившаяся придти теперь къ нимъ въ квартиру. И вдругъ вся злоба, столько лѣтъ лежавшая безъ дѣйствія въ сердцѣ матери, забушевала и потребовала исхода. Она подошла къ тоненькой женщинѣ и, стараясь быть сдержанной, сказала:

— Уходите, пожалуйста... Вамъ тутъ не мѣсто...

Та точно не понимала, что говорятъ ей. Она глядѣла на Лизавету Ивановну ясными близорукими глазами и молчала Это еще бо ьше раздражило ее.

— Какъ вы могли придти ко мнѣ въ домъ? У меня дочери—молодыя дѣвушки.

Таня инстинктивно, точно прося защиты, схватила руку покойнаго. Она была недвижна; только образокъ, всунутый въ пальцы, задрожалъ и выпалъ.

— Уходите сію же минуту... Вы слышите?—властно прошептала Лизавета Ивановна.

Таня опять, точно ничего не понимая, посмотрѣла на говорившую и тихо пошла изъ комнаты. Въ дверяхъ она столкнулась съ Леной. Та взяла ее за руку и громко, странно нарушая тишину этой комнаты, сказала:

— Что ты, мама, дѣлаешь?!

Таня незамѣтно освободила свою руку и тихо ушла.

На похоронахъ было людно и особенно тягуче. Собрались всѣ родные съ дѣтьми, товарищи покойнаго, подруги сестеръ и просто знакомые. Николая Дмитріевича жалѣли искренно: смерть въ тридцать два года, когда человѣкъ только что пробилъ себѣ путь и вышелъ на широкую дорогу, всѣмъ

казалась несправедливой. Жалѣли семью, потерявшую въ покойникѣ единственную поддержку.

— Барышни работать будутъ... Теперь женщинамъ всѣ дороги открыты...

— Трудно, братъ избаловалъ ихъ. Онъ все, что зарабатывалъ, отдавалъ въ домъ, а зарабатывалъ онъ въ послѣдніе годы не мало...

Въ другомъ углу церкви шелъ другой разговоръ. Двѣ подруги Лены волновались, что она стоитъ не налѣво съ родными, а совсѣмъ отдѣльно, съ правой стороны гроба, и не сводитъ глазъ съ какой-то дамы съ необыкновенно блѣднымъ лицомъ.

— Кто это?

— Не знаю. Никогда не видала.

— Она все время смотритъ на Николая Дмитріевича... Видишь?

— Да... Можетъ быть, невѣста.

— Онъ говорилъ, что никогда не женится.

— Всѣ они такъ говорятъ,—серьезно замѣтила одна изъ подругъ, дѣвочка лѣтъ пятнадцати.

Лена дѣйствительно стояла вдали отъ матери и точно избѣгала ея упорнаго взгляда. Лизавета Ивановна сквозь рыданія и искреннія слезы ни на минуту не забывала о Ленѣ. Эта дѣвочка серьезно безпокоила ее. Вчера она такъ болѣзненно закричала: „Мама! Что ты дѣлаешь?“, что Лизавета Ивановна совсѣмъ растерялась.

— Верни ее!—умоляла Лена.—Не намъ, а ей здѣсь мѣсто... Вѣдь она имѣетъ всѣ права на него, не мы! Мы исковеркали его жизнь, а она дала счастье... Мама! Верни! Она проститъ... Я брошусь на колѣни передъ ней...

— Милая! Успокойся,—пыталась остановить ее Лизавета Ивановна.—Ты не знаешь жизни, не знаешь ея требованій...

— И не хочу я знать ее!—вдругъ истерично закричала дѣвочка.—Не хочу! Не хочу!

Изъ столовой выбѣжала Саша и испуганно прошептала:

— Тише! Тише! А если *онъ* слышитъ?

Лена поняла это по своему и, странно глядя въ глаза матери, тоже прошептала:

— Да, мама! Если онъ слышалъ? Если онъ видѣлъ?..

Лена не замѣтила, какъ отошла обѣдня и ей сунули въ руку свѣчу для панихиды; потомъ взяли назадъ свѣчу... Она оглянулась и увидала, что пошли „прощаться“ съ Николаемъ. Надъ нимъ склонялись свои и чужіе, цѣловали его лобъ и руки, а онъ лежалъ неподвижно, сжавъ губы, съ такимъ выраженіемъ, точно онъ понялъ что-то, но долженъ молчать. Когда Лена взошла на ступеньки катафалка, ее опять охватило такое безнадежное чувство горя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія вины передъ братомъ, что она чуть не стала каяться всенародно. Но по ту сторону гроба стояла мать; Лена взглянула на нее, приложилась къ холодному, костяному лбу брата и осторожно сошла со ступенекъ. Когда она стала на свое мѣсто—Тани, около которой она стояла всю обѣдню, не было. Она оглянулась на гробъ и увидала ея гибкій станъ, склонившійся надъ покойникомъ. Она не цѣловала его, а взявъ обѣими руками его лицо, близко и нѣжно смотрѣла на него. Крупныя рѣдкія слезы капали изъ ея глазъ прямо на его лицо и, катясь по его блѣднымъ щекамъ, точно оживляли ихъ,—оно потеряло свою неподвижность и безстрастность, вдругъ ожило и заплакало. И Ленѣ, глядѣвшей на плачущее мертвое лицо брата, вдругъ такъ стало жалко его и ее—Таню, что она зарыдала громко и неудержимо. Подруги подошли къ ней, и она услыхала, какъ одна изъ нихъ говорила ей:

— Ну, перестань, Леночка. Слезами не поможешь... Перестань, сейчасъ закрывать будутъ.

Лена взглянула на гробъ. Тани около него не было, а Лизавета Ивановна заботливо обтирала своимъ платкомъ мокрое лицо покойника; и оно опять стало безжизненно и бездушно.

И по дорогѣ на кладбище, и тамъ, у могилы, Лена искала Таню. Она мелькнула раза два въ толпѣ, вдали отъ Николая. Кругомъ же него все время были родственники. Особенно бросалась Ленѣ въ глаза закутанная въ черный крепъ фигура тети Сони, которую не выносилъ Николай за ея разговоры о приличіи и звалъ гувернанткой. Она была все время тутъ у гроба, а Тани не было. И только при отъѣздѣ съ кладбища Лена опять увидала ее. Таня пробиралась къ песочному холмику, придавившему того, въ комъ была, можетъ быть, вся ея жизнь. Мать взяла Лену подъ руку и попросила

довести ее до кареты. Кто-то, видя, что Лена все огляды вается на Таню, спросилъ:

— Кто эта барышня? Она такъ плакала надъ Николаемъ Дмитріевичемъ?

Лизавета Ивановна, сквозь слезы, поторопилась отвѣтить:

— Какая-то знакомая Николеньки... Мы не знаемъ ея фамиліи... Должно быть и не узнаемъ никогда.

Ек. Лѣткова.

У ОГОНЬКА.

Набросокъ.

Лежавшій у костра старый пастухъ вдругъ встрепенулся, уловивъ чуткимъ ухомъ шорохъ медленныхъ, словно подкрадывающихся шаговъ. Напряженно слушая и пытливо вглядываясь въ окружающій его мракъ безлунной, тихой, но прохладной сибирской ночи,—пастухъ, опираясь на громадную дубину, осторожно приподнялся съ земли и сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ вдругъ изъ мрака словно выплыла какая-то маленькая, опирающаяся на костыль, сгорбленная фигурка. Черезъ нѣсколько мгновеній фигура еще болѣе приблизилась, и старческій, разбитый голосъ произнесъ:

— Помогай Богъ!

— Помогай Богъ!—какъ эхо, отозвался пастухъ, зорко при свѣтѣ костра оглядывая подошедшаго. Это былъ древній старикъ, сгорбившійся подъ тяжестью большой котомки, помѣщавшейся у него за плечами. Снявъ съ себя котомку, старикъ, кряхтя, усѣлся у костра и кратко сказалъ:

— Притомился малость.

— А ты почто не окликаешь? Собакъ натравить могъ,— недовольно произнесъ пастухъ. Голосъ у него былъ хриплый; загорѣлое, словно изъ темной бронзы, лицо при свѣтѣ костра казалось суровымъ.

— Собакъ, говоришь? А я не зналъ, не зналъ, что собаки есть. Вижу огонекъ, думаю: подойду къ православнымъ, отдохну. А про собакъ ничего не зналъ,—спокойно отвѣтилъ старикъ.

Пастухъ молчалъ, а старикъ посмотрѣлъ на него, глубоко

вздохнувъ, и продолжалъ своимъ разбитымъ старческимъ голосомъ:

— Старость! Думалъ за-свѣтло до села дойти, а вотъ и ночь захватила. Ноги не дѣйствуютъ: старость! Охъ-охъ-охъ! грѣхи наши, грѣхи! Да ты что не сядешь? Садись,—пригласилъ онъ пастуха, а самъ еще ближе подвинулся къ костру. Теперь лицо старика было ясно видно: маленькое, изборожденное глубокими морщинами, оно было удивительно спокойно и безмятежно. Выцвѣтшіе глаза ласково и дружелюбно смотрѣли на пастуха, усѣвшагося по другую сторону костра.

— А ты, землякъ, должно, рассейскій,—послѣ небольшого молчанія не то спросилъ, не то подтвердилъ старикъ.

— Рассейскій,—послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

— То-то. Я сразу призналъ. Я православнаго человѣка сразу признаю, даромъ что столько уже годовъ изъ Рассеи.

— А ты откуда?—нехотя спросилъ пастухъ.

— Нижегородскій. Мы нижегородскіе, а теперь въ Шемонаихѣ живемъ. Знаешь Шемонаиху? Деревня такая есть, верстъ за двѣсти отсюда. Тамъ теперь нашихъ много, и сынъ у меня тамъ...

— Сынъ? Такъ ты почто-жъ ушелъ?—оживившись, перебилъ пастухъ

— А на что я ему, старикъ-то? Только задаромъ хлѣбъ ѣмъ. Вотъ и надумалъ къ Иннокентію пойти, самое оно стариковское дѣло—Богу помолиться.

Старикъ костылемъ своимъ расковырялъ начавшій потухать костелъ. Искры съ трескомъ поднялись на воздухъ, пламя на мгновеніе ярко вспыхнуло, освѣтивъ еще разъ бронзовое, хмурое лицо пастуха.

— Ты не думай,—заговорилъ снова старикъ.—Мы съ сыномъ честь-честью разстались. Благословилъ я его, какъ слѣдуетъ, потому, доведется ли, нѣтъ свидѣться—Богъ знаетъ,—года-то мои не такіе. Денегъ, вотъ, два рубля на дорогу далъ. Только бѣда, братецъ мой: и двухъ сотъ верстъ отъ дому не отошелъ, а ужъ тридцать копѣекъ какъ и не бывало, и куда уходятъ, не знаю; а вѣдь путина-то эвонъ еще какая. Хоть на свѣчку-бы святителю принести...

— Ты съ кѣмъ это?—неожиданно прервалъ старика сонный молодой голосъ, донесшійся откуда-то изъ глубины окружавшаго костеръ мрака. Оттуда же вдругъ послышалось глу-

хое и грозное ворчанье нѣсколькихъ собакъ. Неслышно подошли онѣ къ костру и, не переставая ворчать, уставились на незнакомаго человѣка.

Пастухъ, не поворачивая головы, крикнулъ въ пространство:

— Прохожій!

— Что, пёсики, чужого почуяли? — тѣмъ же тономъ, какимъ говорилъ съ пастухомъ, обратился старикъ къ ворчащимъ собакамъ. — Такъ, такъ, правильно; справляйте свою должность, потому лихихъ людей на свѣтѣ не мало.

Собаки словно поняли эту ласковую рѣчь, и одна за другой также неслышно опять потонули въ ночной тьмѣ. Старикъ замолчалъ, но не надолго. Онъ, очевидно, любилъ поболтать, и его не останавливали ни угрюмый видъ пастуха, ни его лаконичные, явно неохотные отвѣты и реплики.

— Это кто же съ тобой? Сынъ, что ли? — спросилъ старикъ.

— Товарищъ.

— А-а! Извѣстно, безъ товарища такую службу справлять нельзя, хлопотно одному-то... А твой домъ тутъ же али гдѣ?

Пастухъ отвѣтилъ не сразу. Онъ нагнулся къ костру, довольно долго поправлялъ головешки и послѣ того, какъ костеръ опять ярко разгорѣлся, произнесъ глухимъ голосомъ:

— Нигдѣ... Нѣту у меня дома.

— То ись, какъ это нѣтъ дома?—удивился старикъ.—Ребята-то, поди, есть?

— Нѣту! Никого нѣтъ: ни дома, ни ребятъ,—голосъ пастуха звучалъ еще глуше.

— Какъ же это? Куды подѣвались? — уже совсѣмъ изумился старикъ.

— Какъ? Такъ... Растерялъ... Двоихъ въ солдаты угнали, троихъ похоронилъ одного за другимъ... одного за другимъ... вотъ и нѣтъ никого,—что-то злобное, надорванное послышалось въ этомъ отвѣтѣ.

— Ра-сте-рялъ?—со страхомъ прошепталъ старикъ.

— Растерялъ! — словно злорадствовалъ пастухъ. — Пятерыхъ съ собою привезъ въ эту Сибирь проклятущую, а она всѣхъ рѣшила.

— Померли, померли...— И старикъ вдругъ сталъ на ко-

лѣни, снялъ мохнатую шапку и началъ креститься широко, медленно, торжественно.

— Да, померли; всѣ померли... И тѣ померли, что въ солдаты ушли... Что мнѣ въ нихъ? Все единственно оторвались. Я-то, вотъ, берегъ, ни на шагъ никого отъ себя не отпускалъ, да вотъ и не уберегъ, растерялъ... Теперя вотъ съ Трезоркой стадо караулимъ; съ Трезоркой вмѣстѣ...

Одна изъ собакъ, очевидно та, кличка которой была нѣсколько разъ повторена, снова появилась и, виляя хвостомъ, стала приближаться къ пастуху. Тотъ схватилъ свою громадную дубину и злобно замахнулся; собака съ визгомъ скрылась.

— Божья воля, Божья воля, землякъ, ничего не подѣлаешь,—тихо и покорно заговорилъ старикъ.—Богъ-отъ лучше знаетъ, что и какъ. Суждено, значитъ, было...

— Суждено? По что-жъ другимъ не суждено, а мнѣ, вотъ, одному только?—Голосъ пастуха окрѣпъ, злобная нота зазвучала еще рѣзче, сверкавшіе и злобой, и отчаяніемъ глаза уставились на присмирѣвшаго старика, и въ кроваво-красномъ свѣтѣ костра взглядъ этотъ былъ особенно страшенъ. Чувствовалось, что весь этотъ неожиданный разговоръ разбередилъ больное мѣсто пастуха, и онъ самъ растравливаетъ страшную рану, словно находитъ дикое наслажденіе въ горькихъ насмѣшкахъ надъ собственными бѣдами. Старикъ какъ-то не рѣшался продолжать разговоръ.

— Божья воля,—повторилъ онъ и замолкъ.

Тихо стало. Послышалось заунывное позвякиваніе колокольцовъ. Кто-то ѣхалъ по дорогѣ, пролегавшей неподалеку отъ мѣста бесѣды стариковъ.

Пастухъ вдругъ сорвался съ мѣста и скрылся въ темноту, но черезъ минуту вернулся, усѣлся по прежнему и хрипло спросилъ:

— Къ Иннокентію, говоришь, идешь?

— Къ Иннокентію, къ Иннокентію,—обрадовался старикъ этому вопросу.—Поклониться святителю, свѣчечку поставить, о грѣхахъ помолиться.

— Не близко мѣсто. Тысячи за двѣ верстъ, поди, будетъ.

— Такъ что-жъ такое? Отчего для Бога не потрудиться? Всю жизнь для себя трудились, такъ хоть передъ смертью о Богѣ-то вспомнить.

— Надо бы и мнѣ,—скорѣе вслухъ подумалъ, чѣмъ выговорилъ пастухъ.

— Извѣстно, надо, землякъ, извѣстно,—сейчасъ же подхватилъ старикъ.—Годы-то наши эвонъ какіе—каждый часъ Господь по душу послать можетъ,—время о грѣхахъ-то подумать. Всю жизнь грѣшили, да такъ и умремъ, не отмоливъ. Молодымъ-то ждать, да откладывать можно, успѣютъ, а намъ...

Старикъ поперхнулся, сообразивъ, что коснулся опаснаго пункта. Понизивъ голосъ до шопота, онъ вкрадчиво и мягко продолжалъ:

— А которые въ молодыхъ лѣтахъ померли, тѣ, значитъ, и грѣшили меньше... Богу, значитъ, понадобились и взялъ ихъ Себѣ...

— Богу понадобились?—весь встрепенулся пастухъ. Онъ всталъ на колѣни, оперся рукой объ землю и снова уставился на старика.—А ежели кто да безъ покаянной смерти померъ, тогда какъ?

— Христосъ съ тобой, землякъ! Не говори такъ,—дрожащимъ голосомъ попросилъ не ожидавшій такого оборота старикъ.

— Не говори, не говори,—озлобленно повторялъ пастухъ. Онъ на четверенькахъ подползъ къ своему собесѣднику и не спуская съ него воспаленныхъ, злобно-страдальческихъ глазъ, вдругъ крикнулъ:

— Семенъ то у меня, сынъ, руки на себя наложилъ.

Старикъ застоналъ.

— Господи, Господи! Да что ты это, землякъ, шутишь, что ли? Какъ это руки наложилъ?—прошепталъ онъ и быстро, быстро началъ креститься.

— Такъ... изъ петли вынули...—какъ бы хвастая, крикнулъ пастухъ, оборвалъ и круто отвернулся отъ старика.

Наступило молчаніе. Ошеломленный и перепуганный, старикъ робко поглядывалъ на пастуха, опасаясь заговорить.

— Совсѣмъ еще теплый былъ, думали: отойдетъ, да нѣтъ... Не далъ Богъ вѣку ему,—неожиданно, какъ бы припоминая и совсѣмъ другимъ тономъ—покорнаго отчаянія—прошепталъ пастухъ. Все оживленіе его сразу упало, онъ какъ-то ослабѣлъ весь и сидѣлъ, низко, низко опустивъ голову.

— Ахъ, ты горе какое, горе, Господи! — съ живѣйшимъ участіемъ шепталъ старикъ.

— Горе, братъ... Восемнадцать годовъ вѣдь только было... — тѣмъ же тономъ продолжалъ пастухъ и сейчасъ же прибавилъ оживленно:

— А парень какой былъ!.. Росту выше моего, плечи широкія; работать зачнетъ—удержу нѣтъ, даромъ, что молодой... Двужильнымъ, слышь, называли; вотъ какъ, знаешь, кони бываютъ двужильные, крѣпкіе... А тихій какой, покорный!.. Всѣ они были у меня ребята ладные, а этотъ изо всѣхъ удался...—пастухъ примолкъ.

— Давно уже это?—справился несмѣло старикъ.

— Великимъ постомъ. Видишь вонъ заводъ? —пастухъ показалъ рукой куда-то въ темноту.—Тамъ оно и случилось. Григорій—сосѣдъ, значитъ, хозяина, гдѣ Семка служилъ,—ѣдетъ это, видитъ, Семенъ бѣжитъ, скоро такъ, скоро, да не по дорогѣ, а прямо по снѣгу, и веревка въ рукахъ.—Ты это куды, Семенъ?—Григорій, значитъ, спрашиваетъ, а онъ, слышь, и отвѣтъ приготовилъ:—коней, молъ, ищу; ушли, говоритъ... Коней ищу,—повторилъ пастухъ и вздохнулъ, потомъ энергично тряхнулъ головой и продолжалъ:

— Ну, а какъ пришли потомъ къ Григорію спрашивать, не у него ли Семенъ, онъ и говоритъ, что повстрѣчалъ его, за конями, молъ, побѣгъ. Посмотрѣли, а кони-то всѣ дома. Стали тутъ искать, сумлѣнье, вишь, взяло, потому съ самой масляной Семка все не въ себѣ былъ, скучный все ходилъ. Ну, невзначай и въ заводъ заглянули, тутъ и нашли, виситъ... Привезли домой, откачивать стали, дохтуръ былъ... не помогло,—едва слышно закончилъ пастухъ.

— Ахъ, несчастье какое!—сорвалось у старика.

— Не говори. Чего ужъ чужой человѣкъ—хозяинъ—и тотъ жалѣлъ; любилъ, вишь, его... Да и какъ не жалѣть! Этакій парень, этакій парень, золото, однимъ словомъ...—пастухъ опять поникъ головой.

— Отчего же оно приключилось съ нимъ такое?—не успокоивался старикъ.

— Изурочили, не иначе... Жили мы съ нимъ тутъ у одного чалдона, вольную гоняетъ; безъ малаго годъ прожили. Не шибко-то мнѣ нравилось у него, да не хотѣлъ уходить, потому, главное, что не скоро найдешь мѣсто, гдѣ бы вдвоемъ; а отпускать Семку отъ себя все опасался я: набаловаться не долго... Любилъ я его, шибко любилъ... Послѣдній вѣдь былъ

у меня, ну, и думалъ я—хоть одного, Богъ дастъ, въ люди выведу; вотъ и терпѣлъ, да жилъ, все для него, для Семена... И съ нимъ у насъ ничего, все, какъ слѣдуетъ... Извѣстно, когда и покричишь, — досада. тамъ, возьметъ на кого али такъ что не по душѣ, — ну, на него и накричишь, только этимъ сердце и успокоишь .. А онъ хоть бы тебѣ слово какое, али на перекоръ сдѣлалъ: либо молчитъ, либо дѣломъ какимъ займется. Жалованье свое и такъ что̀, бывало, заработаетъ отъ проѣзжающихъ, — все мнѣ приносилъ, себѣ ни копѣечки не оставлялъ. А ежели попроситъ что, да вижу я, что пустое, скажу:—не надо,—ни слова не отвѣтитъ, никому и не пожалуется... Не было у него упрямства этого, тихій былъ, покорный.

Пастухъ съ минуту помолчалъ. Онъ сидѣлъ, не шевелясь, словно застылъ въ одной позѣ, чувствовалось, что всѣ эти факты составляютъ для него предметъ постоянныхъ думъ и, вѣроятно, неоднократныхъ разсказовъ. Не мѣняя ни позы, ни тона, онъ продолжалъ:

— И накопилъ я, братецъ мой, такимъ манеромъ за пятьдесятъ цѣлковыхъ. Моихъ тутъ было немного, а больше Семеновыхъ, что мнѣ отдавалъ. И надумалъ я его женить. Дѣвку подыскалъ — тутъ, у одного нашей же губерніи мужика. Славная дѣвка! Обличьемъ хоть и не совсѣмъ, за то такъ... Однимъ словомъ, наша дѣвка, рассейская, какъ слѣдуетъ... Съ отцомъ ейнымъ столковался, на масляной по рукамъ ударили и порѣшили послѣ свѣтлаго праздника и свадьбу справить. Оно, Семену-то невѣста и не совсѣмъ нравилась, да не посмѣлъ мнѣ перечить. Говорю тебѣ: тихій былъ, покорный,—опять повторилъ пастухъ, которому, очевидно, доставляло особенное удовольствіе воспоминаніе объ этой чертѣ характера погибшаго, безотвѣтнаго сына.

— Со мной не говорилъ, а вотъ стряпухѣ, что у хозяина жила, когда и толковалъ: не по душѣ, молъ, мнѣ невѣста, некрасивая-де, да грязная, бабы, вишь, надъ нимъ смѣяться будутъ, что такую беретъ. Стряпуха-то всѣ эти Семеновы слова мнѣ передавала, а я и во вниманіе не беру,—мало ли что!.. А онъ, слышь, не унимается, все свое: не хороша невѣста, не по душѣ, не возьметъ ее; проситъ ее, стряпуху эту самую, чтобы со мной поговорила. А та дура, замѣсто того, чтобы урезонить парня, слушаетъ его, потакаетъ, да всѣмъ

въ уши жужжитъ, что вотъ-де Прохоръ силкомъ хочетъ сына женить.... Баба—много ли понимаетъ!.. Ну, а мнѣ и непріятно, потому дойдетъ до свата—обидѣться можетъ, все и разстроится. А я, видишь, такъ надумалъ, что женю я Семена, сниметъ онъ землю въ аренду, хоть небольшимъ хозяйствомъ на первое время обзаведется, а я и перейду къ нему, и будетъ у меня хоть одинъ сынъ пристроенный, и мнѣ на старости покой будетъ, поживу хоть немного по настоящему...

Мысль о неосуществившемся счастьѣ вызвала изъ груди пастуха глубокій вздохъ. Старикъ сочувственно качалъ головой, прислушиваясь къ монотонному разсказу, ни однимъ словомъ не прерывая собесѣдника, который и не нуждался въ поощреніи, весь охваченный воспоминаніями пережитой драмы. Онъ опять заговорилъ.

— Вотъ и сказалъ я Семену, что нечего ему артачиться, да привередничать, что женю я его безпремѣнно... Извѣстно, парень молодой, насмотрѣлся на сибирячекъ на этихъ, ну и думаетъ себѣ, что только и счастья, ежели жена великатная, да съ лица пригожая, а настоящаго и не знаетъ еще... Смолчалъ онъ и тутъ; и такъ то все молчитъ со мной, а тутъ ужъ и вовсе: ругай его, хвали—молчитъ. Скажешь что—сдѣлаетъ и ни слова. И не со мной однимъ. Вотъ—дня этакъ за два, какъ случилось съ нимъ, стряпуха и зачни ему напѣвать, знаешь, по бабьему:—„Худое, молъ, твое житье будетъ, Семенъ. Бабу берешь не по душѣ, батька съ тобой жить станетъ, все, говоритъ, по своему захочетъ; воли-то тебѣ не будетъ... Попросилъ бы, говоритъ, отца: можетъ, смилуется, а то отъ этакой жизни и въ петлю, говоритъ, полѣзешь“... Наворожила, проклятая!—съ ненавистью прибавилъ пастухъ.— Слышу я все это,—не знала она, что я на полатяхъ;—жду, что Семенъ скажетъ; а онъ, знаешь, рукой этто махнулъ и говоритъ:—„нечего просить“, да и вышелъ. А я это и обрадовался, думаю: слава тебѣ, Господи, начинаетъ парень образумляться, авось, дѣло на ладъ пойдетъ... И пошло бы, братецъ ты мой, пошло, кабы не лиходѣи, что изурочили парня... И чѣмъ только помѣшалъ онъ имъ?..—скорбнымъ восклицаніемъ закончилъ пастухъ.

— Все отъ Бога, землякъ, все отъ Бога! Можетъ, это испытаніе тебѣ посылается, — послѣ небольшого раздумья попробовалъ утѣшить старикъ.

— Испытаніе?—недовѣрчиво переспросилъ пастухъ и, подвинувшись къ старику, понизилъ голосъ и быстро заговорилъ:

— А, слышь! Они говорятъ, что это я, будто, виноватъ; что черезъ меня пропалъ Семенъ, потому какъ хотѣлъ я его женить, а ему невѣста не нравилась, такъ вотъ, будто, черезъ это.

— Что ты, землякъ? Да развѣ можно такое говорить? Худого развѣ хотѣлъ ты ему?—удивился старикъ.

— Во-во! То же и я имъ говорю, а они—свое... Такъ неправда, думаешь?—обрадовался пастухъ.

— Неправда, неправда, землякъ; тутъ просто изурочили... Да неужто ты такъ и не дознался, кто это на парня зло имѣлъ?

— Какъ не дознаться,—дознался! Сосѣди. Тобольскіе, они самые... На масляной у нихъ гулянка была, потомъ драку завели съ гостями; одинъ изъ гостей къ намъ на дворъ забѣжалъ, а они, тобольскіе эти, за нимъ,—бить хотѣли, а Семенъ заступился, не далъ. Вотъ за это и разсердились: попомнишь, говорятъ, ты насъ, ужъ мы тебя доймемъ! Вотъ послѣ этого и случилось.

— Ну, такъ извѣстно—они, и думать тутъ нечего,—увѣренно произнесъ старикъ.—А что тебѣ говорятъ, такъ пустое. Ты сыну добра хотѣлъ, а тутъ—этакій грѣхъ... Шутка-ли—безпокаянная смерть.

— Охъ, грѣхъ! охъ, грѣхъ!..—застоналъ пастухъ, хватаясь за сердце.—Ночи не сплю, все боюсь—не проститъ его Господь: быть ему въ геенѣ... Вѣдь этого грѣха больше нѣтъ!

Пастухъ задохся отъ усилій удержать рыданія, уже давно слышавшіяся въ его голосѣ. Хриплые, точно воющіе звуки, въ которыхъ ничего нельзя было разобрать, вырывались изъ груди его. Старикъ растерялся. Онъ не ожидалъ такого страшнаго наружнаго проявленія накопившагося въ душѣ горя, заметался на мѣстѣ, безтолково размахивая руками, бормоча что-то о Божьемъ милосердіи и твердя, что надо читать.

— Читать, говоришь?—поднявъ заплаканное, искривленное страданіемъ лицо, спросилъ пастухъ.

— Да, да, читать! Ты найди такого человѣка, который, значитъ, на счетъ псалтыря... Обскажи ему все, и пускай отчитываетъ.

— И поможетъ?

— Да какъ же не поможетъ! Кабы онъ это отъ себя сдѣлалъ, ну, тогда... А ежели на него злые люди наслали, чѣмъ-же онъ виноватъ? Нѣтъ, ты безпремѣнно найди человѣка, заплати ему, пускай отчитываетъ.

— Ходилъ вѣдь я, нашелъ одного; читалъ онъ, да не знаю,—сомнительно качая головой, сказалъ пастухъ.

— А кто такой—изъ духовныхъ?

— Нѣтъ, такъ мужикъ, въ Савиновой деревнѣ живетъ. Сказывали про него, что читаетъ и денегъ даже не беретъ. Я и пошелъ, обсказалъ, что и какъ; ну, онъ тоже говоритъ, что пустое-де бабы болтаютъ, и что взялъ Семенъ на свою душу грѣхъ не отъ своего ума, а было это напущено на него злыми людьми, и читать по немъ согласье далъ. Денегъ не взялъ, только два фунта масла, и велѣлъ на четвертый день приходить:—скажу, говоритъ. Ну, а я уже назадъ до дому не пошелъ, терпѣнія не было, хотѣлось поскорѣе узнать. Всѣ три дня въ Савиновой и прожилъ. Пришелъ къ нему на четвертый раненько, а онъ еще спитъ, а у меня, знаешь, терпѣнія нѣтъ, разбудилъ я его, а онъ, слышь, разсердился, зачѣмъ будилъ, потому, говоритъ, для моей пользы спалъ, а какъ разбудилъ я его, то онъ и сна, стало быть, не досмотрѣлъ... Испугался я, просить сталъ еще читать, а онъ говоритъ—никакъ невозможно, потому три уже ночи читалъ и нельзя ему больше, а надо теперь другого найти... Такое, братъ, горе!..—съ мукой въ голосѣ произнесъ пастухъ и хрустнулъ пальцами рукъ.—Одначе сказывалъ онъ, что какъ первую ночь отчиталъ, ничего не видалъ; на вторую видѣлъ тьму страшенную, а на третью—вижу, говоритъ, будто тьма, потомъ откуда-то свѣтъ, да свѣтлый такой... И стою я, говоритъ, будто въ церкви, а въ церкви съ лѣвой стороны все черное такое, а справа анделы, бѣлые, пребѣлые анделы и мой Семенъ съ ними, съ анделами... И которое черное, такъ все плачетъ, а анделы поютъ, поютъ, сладко такъ... Вотъ тутъ-то, слышь, и разбудилъ я его, и не знаетъ онъ навѣрно, пѣлъ-ли Семенъ съ ними или не пѣлъ, не разслышалъ... А кабы, говоритъ, не разбудилъ я его, да услыхалъ-бы онъ, что и Семенъ поетъ, такъ, значитъ, простилъ его Господь милосердный... Хоша, говоритъ, и то хорошо, что Семенъ направо стоялъ, а не налѣво,—и то, говоритъ, знакъ добрый...

— Направо? съ анделами?

— Съ анделами. Слѣва, будто, все черное, а справа анделы и Семенъ съ ними.

— Ну, такъ простилъ его Господь!—радостнымъ тономъ глубокаго убѣжденія сказалъ старикъ и перекрестился.— Простилъ.

— Думаешь?—волнуясь, спросилъ пастухъ.

— Безпремѣнно, потому—съ анделами... Кабы тамъ, гдѣ черное... А жаль, землякъ, что не далъ ты ему сна досмотрѣть; тогда-бы уже доподлинно...

— И не говори... Такъ-то мнѣ жаль, такъ жаль...

— Ну, ничего; и то хорошо!—поспѣшилъ успокоить старикъ, видя, что пастухъ снова заволновался.

— Богъ его знаетъ! Вишь, велѣлъ-же онъ мнѣ другого найти, который-бы отчиталъ.

— А что-жъ! и это можно. Ты пойди, найди, пусть читаетъ.

— Есть тутъ одинъ, брался читать; дорого только проситъ—шесть рублей. Меньше, говоритъ, никакъ невозможно, потому грѣхъ страшный, долго отчитывать надо.

— Ничего не подѣлаешь, землякъ, душа-то дороже.

— Да я развѣ жалѣю? Нѣтъ у меня. А кабы были!.. Вотъ, можетъ, къ зимѣ накоплю, такъ первымъ дѣломъ... Да покуда-то нѣтъ спокою...

— Ничего, землякъ, ничего. Покуль и то ладно, а накопишь—и наймешь человѣка. Вотъ оно и совсѣмъ ладно будетъ...

— Далъ бы Богъ...

Глубокой скорбью звучалъ шопотъ пастуха. Старикъ вздыхалъ, не спуская своихъ ласковыхъ, свѣтившихся сердечнымъ участіемъ глазъ съ собесѣдника.

Костеръ догоралъ. Мракъ сгущался все больше, ласково и безшумно охватывая примолкшихъ стариковъ. Въ мертвой тишинѣ прохладной ночи лишь со стороны села чуть слышно доносился замиравшій и заунывный звонъ колокольцовъ.

П. Хотымскій.

НОЧЬ.

(*Изъ Ады Негри*).

Сгустилися тѣни ночныя,
Окутали въ черный покровъ
Причудливый садъ, напоенный
Дыханьемъ цвѣтовъ.

Но, чудится—чьи-то печали
И думы разлиты кругомъ,
И носится трепетъ незримый
Въ безмолвьи ночномъ.

Гарденіямъ блѣднымъ и розамъ
Печальное что-то твердитъ
Тьма черная... Словно могилой,
Могилой грозитъ!

Быть можетъ...—Не даромъ вѣдь льется
Прозрачною, свѣтлой слезой
Въ закрытыя чашечки влага
Обильной росой...—

Быть можетъ, надъ тяжкою долей,
Надъ быстро увядшей мечтой,
Надъ радости бѣглымъ мгновеньемъ,
Вѣнчаннымъ тоской,

Надъ призракомъ счастья, смѣненнымъ
Безвыходной скорбью (помочь
Которой нѣтъ силы) льетъ слезы
Безмолвная ночь.

М. Ватсонъ.

ОТЛИВЪ.

(Глава изъ романа).

Графиня З*** давала прощальный вечеръ своимъ друзьямъ передъ отъѣздомъ за границу. Сезонъ 186** года кончался. У графини давно уже была нанята дача на Елагиномъ, и даже она пригласила жить съ собою семью племянника, потому что лѣтнее затишье всегда пугало ее скукой, но „всѣ эти событія“ такъ разстроили ей нервы, что она внезапно измѣнила свои планы и послала безцеремонный отказъ родственникамъ.

Графиня не выносила мрачной атмосферы, а послѣ памятнаго утра благодарственнаго молебствія въ Исаакіевскомъ соборѣ вокругъ темнѣло все больше и больше... Хуже всего то, что въ этомъ было еще очень мало опредѣленнаго, совершившагося—такого, о чемъ позволительно говорить и что можно оплакивать; не болѣе какъ опасенія и слухи, гдѣ мѣра достовѣрности извѣстна немногимъ, но и эти немногіе держатъ себя такъ таинственно, что уже по одному этому легко судить о серьезности момента...

Во всякомъ случаѣ, старая графиня внезапно почувствовала себя не при чемъ со своимъ побѣдоноснымъ молодымъ энтузіазмомъ. Она къ нему привыкла, какъ къ нарядному платью, за которое увѣришься разъ навсегда, что оно къ лицу намъ. Но какъ-то само собою все показное, все напускное ступшевывается въ той безошибочной и быстрой сортировкѣ, какая вызывается крупными событіями. Говорильня графини З*** опустѣла. Графиня все еще считала своихъ многочисленныхъ „друзей“—однако ей долго не удавалось собрать ихъ на прощальный вечеръ, не смотря на патетиче-

скія записочки, въ которыхъ возвѣщалась резолюція послѣдняго консиліума, пославшаго ее на воды. Даже ея chère ange, прелестная баронесса Ферзенъ, забывала свою патронессу, всецѣло поглощенная собственными душевными волненіями.

Что касается благотворительнаго общества, то, какъ хорошо налаженная машина, дѣла его шли своимъ очереднымъ порядкомъ. Только графиня вдругъ поняла теперь,—до чего, въ сущности, всѣ эти дѣла мелочны, скучны... и какъ мало сами по себѣ они способны интересовать ее! Изъ нихъ также грозило исчезнуть то, что ихъ украшало и привлекало ее: обще увлеченіе, искрившееся и въ этихъ маленькихъ дѣлахъ, какъ искрится солнечный лучъ, пробиваясь въ самую ничтожную щелочку. Теперь тѣ же люди становились равнодушны, раздражительны и несговорчивы. Графиня все чаще и чаще ощущала на своихъ плечахъ обузу предсѣдательства. Кто-то даже намекнулъ ей, что, чего добраго, „могутъ добраться“ и до нея. Общество—обществомъ, но кто же не знаетъ, что она съ баронессой занимаются разными дѣлами и покровительствовали Богъ знаетъ кому. Вотъ тутъ-то графиня вспомнила, что ей скоро стукнетъ шестьдесятъ, и впервые созналась въ этомъ, объявляя на собраніи о своемъ внезапномъ удаленіи отъ дѣлъ.

Наконецъ, слава Богу, все уладилось. Правда, графиня чувствовала себя сразу жестоко постарѣвшей, точно съ нея слиняли послѣднія нарядныя краски... тѣмъ не менѣе въ эту минуту пріятно было ускользнуть отъ необходимости разбираться въ внезапно нахлынувшихъ осложненіяхъ. Что грѣха таить—пріятно отдохнуть попросту, по стариковски.

Со своимъ прощальнымъ вечеромъ графинѣ вздумалось намѣренно стѣсниться въ двухъ комнатахъ, чтобы придать походный видъ—à la guèrre comme à la guèrre. Она извинялась передъ гостями, что ея столовая „больше не существуетъ“. Тутъ же въ кабинетѣ разливала чай молоденькая родственница, выписанная нарочно изъ провинціи. Тетушка брала ее съ собою въ качествѣ demoiselle de compagnie, сообразивъ, что родственное благодѣяніе обойдется дешевле всякой наемной особы.

Знаменитый письменный столъ былъ поставленъ вдоль стѣны и (о, профанація!)—на столѣ этомъ красовались фрукты и конфекты, разставленные по старинной фамильной скатерти,

шитой золотомъ и жемчугомъ по выцвѣтшему атласу. Эта русская старинка вызвала настоящую сенсацію среди гостей. Ее разглядывали, щупали. Знатоки опредѣляли ея возрастъ по узорамъ и характеру шва, и всѣ недоумѣвали, почему такая диковинка оставлялась до сихъ поръ безъ вниманія. Графиня, привыкшая считать это „русскимъ безвкусіемъ", была тѣмъ не менѣе польщена и тутъ же, сгоряча, обѣщала какому-то старичку пожертвовать скатерть въ музей. Старичекъ былъ въ восторгѣ. Такимъ образомъ, драгоцѣнная старинка явилась въ роли pièce de resistance для начала вечера.

Въ одиннадцатомъ часу Ольга Николаевна Ферзенъ еще не пріѣхала. О ней всѣ спрашивали, что еще больше волновало хозяйку,не знавшую, какъ объяснить это отсутствіе. Баскина тоже не было, но его графиня и не ждала сегодня.

Сергѣй Львовичъ почти никуда не показывался въ послѣднее время. Громко это объяснялось болѣзнью жены и отъѣздомъ ея и дочери за границу; но вполголоса передавалось за вѣрное, что Баскину ни въ какомъ случаѣ не удержаться на его крутомъ посту въ тѣхъ перемѣщеніяхъ, какія готовились, а кое-гдѣ уже и комментировались.

Многіе изъ сегодняшнихъ гостей графини З*** сознавали себя въ положеніи не лучшемъ, однако это не мѣшало имъ показываться въ обществѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Поведеніе Баскина всегда носило на себѣ печать юношескаго чистосердечія. И теперь онъ не разыгрывалъ ни равнодушнаго, ни отчаявающагося. Онъ считалъ необходимымъ открыто бороться, разгоняя зловѣщій туманъ темныхъ угрозъ и застращиваній. Одинъ изъ немногихъ Баскинъ говорилъ и писалъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Говорилъ открыто и безстрашно, съ неподдѣльной вѣрой въ то, что все это не болѣе какъ временное недоумѣніе; въ то, что сила вещей должна взять верхъ надъ шатаньемъ взволнованнаго общества, слишкомъ быстро и слишкомъ много заразъ переживавшаго...

Понятно, что при такомъ настроеніи Сергѣй Львовичъ не считалъ нужнымъ тратить время на свѣтскіе вечера. На пригласительную записку графини онъ отвѣтилъ теплымъ письмомъ, въ которомъ прощался съ нею, какъ съ товарищемъ. Но, по своей привычкѣ, и тутъ не утерпѣлъ: перешелъ къ обобщеніямъ, къ общимъ размышленіямъ и гаданіямъ на животрепещущія злобы дня.

Всѣ, знавшіе Баскина, давно привыкли къ такому направленію его мыслей. Графиня З*** именно это всегда и цѣнила въ немъ, тяготѣя инстинктивно къ тѣмъ, за кого можно держаться, чьи мнѣнія пріятно повторять—въ увѣренности, что они выдѣлятъ васъ изъ заурядной толпы повторителей чужихъ мнѣній. Однако на этотъ разъ горячее письмо Баскина не произвело впечатлѣнія; она пробѣжала разсѣянно знакомую философію, изъ которой въ эту минуту ничего нельзя было извлечь для себя; она никому не сказала о письмѣ, тогда какъ мѣсяцъ тому назадъ, навѣрное, занимала бы имъ поочередно всѣхъ своихъ гостей. . . . . .

. . . . . .

— La voici, à la fin des fins!—воскликнула радостно хозяйка, когда въ сосѣдней гостиной послышалось какое-то движеніе и знакомые звуки молодого голоса.

Дѣйствительно, это входила Ольга, въ простомъ черномъ суконномъ платьѣ и полотняныхъ воротничкахъ, съ блѣднымъ разстроеннымъ лицомъ.

— Ah! chère perfide, faut bien que je vous adore pour vous l'embrasser tout de même!—привѣтствовала ее нѣжно старуха.

— Но если-бъ вы только предчувствовали, дорогая, чего мнѣ стоило сегодня пріѣхать!—воскликнула баронесса Ферзенъ.

— Ну, еще бы—все вѣдь у насъ дѣла государственной важности!—процѣдила саркастически ей во слѣдъ хорошенькая дама съ золотой лорнеткой.

— Меня это не удивляетъ—вѣдь здѣсь нѣтъ Баскина!—улыбнулся выразительно ея кавалеръ.

— Dites donc, c'est la dernière mode—ou bien, madame est en deuil?—спрашивали дальше.

— C'est à la *nihiliste*, tout court.

— La mode d'hier, alors!

— Цѣлая масса непріятностей,—объясняла Ольга Николаевна наскоро графинѣ: —Вчера на моемъ пріемѣ было столько народу, что я теряла голову... Иначе и быть не могло, конечно! Сегодня все утро писала, не поднимая головы... И вдругъ мнѣ дѣлаютъ нелѣпѣйшую сцену... c'est à recommencer, однимъ словомъ!

Она замолчала, чувствуя, что опять начинаетъ волноваться. У нея покраснѣли глаза, и стало сейчасъ же замѣтно, что они сильно наплаканы.

— Et c'est moi, qui vous quitte, qui vous abandonne, on ne sait plus que devenir allez! — восклицала патетически старуха.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогая—вы вѣдь знаете, что я никогда не унываю,—поспѣшила успокоить ее молодая женщина:— Je vous apporte seulement mes excuses...

. . . . . .

Въ гостиной, въ уютномъ уголкѣ подъ большой японской вазой два господина очень серьезно бесѣдовали подъ общій гулъ разговоровъ.

— Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится... Это еще можно допустить, съ грѣхомъ пополамъ. Но скажите на милость, теперь-то что же?! Пора или нѣтъ оглянуться, куда, наконецъ, мы идемъ?—желчно спрашивалъ красивый старикъ съ рѣзкимъ профилемъ и надменнымъ ртомъ.

— Извините меня—*куда идемъ*, слѣдуетъ знать раньше всего, чтобы не сбиться съ дороги,—возразилъ горячо его моложавый собесѣдникъ:—нельзя же по поводу каждаго случайнаго осложненія начинать все сначала и сомнѣваться во всемъ: даже и въ томъ, слѣдовало ли вообще отправиться направо или налѣво. Согласитесь, это какъ разъ то, что теперь происходитъ!

— Любимая пѣсня всѣхъ теоретиковъ!—усмѣхнулся снисходительно первый.—Вотъ эти-то „случайныя осложненія", какъ вы изволите выражаться, и обнаруживаютъ теперь весьма наглядно, сколько можно знать заранѣе.

— Но, однако! никто—вы первый, напримѣръ,—не сомнѣвались ни минуты въ томъ, что вы знаете это очень твердо.

Солидный господинъ переложилъ ногу на ногу, и его благообразное лицо стало еще внушительнѣе.

— Я лично, если припомните, всегда относился скептически,—процѣдилъ онъ сквозь зубы:—Entendons-nous: я не въ идею не вѣрю... но общество наше—невоспитанное, легкомысленное общество!

— Тѣмъ болѣе пора этому обществу, наконецъ, вырости, хотя бы только начать курсъ общественнаго воспитанія.

— О-о!.. большіе успѣхи, большіе!—разсмѣялся тотъ внезапно.—Вотъ, къ примѣру, хотя бы эта молодая особа, qui fait son apparition pour le moment. Кому, скажите, лѣтъ двадцать тому назадъ пришло бы на умъ, что подобная мило-

видная дамочка призвана быть одной изъ пружинъ нашей „внутренней политики“—ха, ха, ха!—вѣдь это же надо привыкнуть,—pour prendre au serieux!..

Онъ смѣялся неподдѣльнымъ смѣхомъ внутрь себя, отчего длинное тѣло его слегка подкидывало въ креслѣ, и по изможденному лицу разлилась краска.

— Вездѣ и во всѣ времена женщины занимались такого рода внутренней политикой,—отвѣтилъ сдержанно его собесѣдникъ.

— Je vous demande pardon! Это всегда и вездѣ называлось закулисными интригами. Только нынче открыто возводится на пьедесталъ.

Онъ рѣзко поднялся съ кресла, съ видомъ человѣка, внезапно замѣчающаго, что онъ высказалъ нечаянно больше, нежели хотѣлъ.

— Когда-то мы были пріятелями съ супругомъ,—прибавилъ онъ уже равнодушно.—Несчастный человѣкъ, который хочетъ во что бы то ни стало все спасти. Несчастная ошибка! Она и его карьеру погубитъ.

— Не безпокойтесь... этого не случится. Бароны Ферзены пойдутъ въ гору.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ одобренія.

— Очень знающій человѣкъ и труженикъ, какихъ мало.

— Vous y êtes—труженикъ. Изъ тѣхъ, кого поглощаетъ процессъ работы. Содержимое можетъ при этомъ перемѣниться и не одинъ разъ.

— Изъ тѣхъ, почтеннѣйшій Павелъ Ильичъ, кто дѣлаетъ дѣло, въ то время, какъ геніальныя головы забавляются. Ah, ma charmante baronne! vous avez l'air tout á fait malade ce soir? Но что же остается въ такомъ случаѣ намъ, старикамъ!

И старый скептикъ любезно скользнулъ по паркету на встрѣчу Ольгѣ Николаевнѣ.

Она явилась послѣдней, и потому нѣкоторое время на ней естественно сосредоточивалось общее вниманіе.

— ...Вы представьте себѣ, что это такъ прямо и говорится: отчего же баронесса Ферзенъ выхлопотала для какой-то учительницы или переводчицы, je ne sais trop? Она, конечно, глупа, эта особа—но, какъ бы то ни было, это же бросаетъ тѣнь на все наше общество!

Нарядная дама неопредѣленныхъ лѣтъ произнесла это

съ большимъ жаромъ, а ея молодая собесѣдница даже вспыхнула вся румянцемъ.

— Я одного не понимаю — какъ ей удаются подобныя вещи?!—почти прошептала она.—Вѣдь мужъ не такъ поставленъ, чтобы позволить себѣ...

— Allez donc!—un homme tout à fait serieux. Объясняется какъ нельзя проще: обворожительная женщина... много друзей.

— Но, позвольте—это, наконецъ, старо, какъ свѣтъ! Зачѣмъ же тогда презирать обыкновенныхъ женщинъ и проповѣдывать всѣ эти новыя идеи!

— Отчего же не проповѣдывать, если, какъ видите, одно другому не только не мѣшаетъ, но даже помогаетъ! Нѣтъ, вы еще очень, очень юны, ma belle.

Но молодая дама обидѣлась и стала пространно доказывать всю непослѣдовательность поведенія баронессы Ферзенъ.

. . . . . .

—... Онъ напрасно бравируетъ и слишкомъ много шумитъ! — донеслось внезапно до Ольги Николаевны чье-то рѣзкое восклицаніе.

Она инстинктивно почувствовала, что рѣчь идетъ о Баскинѣ, и искала глазами говорившаго. Это былъ тотъ же Павелъ Ильичъ, бесѣдовавшій у японской вазы. Теперь онъ стоялъ въ дверяхъ рядомъ съ только что появившимся очень полнымъ старикомъ во фракѣ со звѣздой.

Графиня съ громкими восклицаніями понеслась ему на встрѣчу. Гость извинился, что опоздалъ: прямо изъ засѣданія, не заѣзжалъ даже разоблачиться.

Хозяйка сыпала пышными фразами о высокихъ обязанностяхъ, о скромныхъ правахъ старинной дружбы и въ безчисленный разъ въ этотъ вечеръ принялась оправдывать свой внезапный вояжъ, не замѣчая, вѣроятно, что никто изъ друзей и не подумалъ ее отговаривать.

Старикъ поддерживалъ разговоръ незначущими замѣчаніями и въ то же время оглядывалъ комнату незамѣтными, быстрыми взглядами человѣка, легко оріентирующагося въ многолюдномъ обществѣ; издали обмѣнивался улыбками.

Павелъ Ильичъ стоялъ рядомъ съ непроницаемымъ лицомъ жертвы, пережидающей досадную помѣху.

— Dieu de Dieu—est-il maussade ce soir!—замѣтила, наконецъ, его мину словоохотливая хозяйка:—держу пари, что у

васъ есть какая-то зловѣщая новость... Allez toujours, не щадите меня... ne la gardez donc pas pour la bonne bouche, votre mechante nouvelle!

— Увѣряю васъ, графиня, совсѣмъ напротивъ. Самъ питаю надежды повывѣдать что-нибудь у вашего поздняго гостя.

— Je vous gêne, c'est ça. — Садитесь, садитесь. Вотъ къ этому столику, тутъ вамъ никто не помѣшаетъ... Но только... ich bin im Bunde die dritte. Vous me devez toujours cela!

Она усадила ихъ къ шахматному столику и перешла къ ближайшей группѣ гостей.

Въ нѣсколькихъ шагахъ дальше, элегантный молодой человѣкъ съ таинственнымъ видомъ увѣрялъ баронессу Фервенъ, что въ самомъ скоромъ времени земство будетъ отмѣнено и въ печати введена цензура на прежнихъ основаніяхъ.

— Скажите ужъ лучше — крѣпостное право! — оборвала она съ досадой.

— И вы увѣрены, что это такъ ужъ невозможно?—прищурился юнецъ глубокомысленно.

— Если бы я, какъ вы, считала *все* возможнымъ—я сію минуту вышла бы въ сосѣднюю комнату и пустила себѣ пулю въ лобъ! Есть ли возможность жить чѣмъ нибудь, а потомъ разсуждать спокойно, какъ отъ всего этого завтра слѣдовъ не останется!

— Лучше разсуждать во-время, нежели получить это сюрпризомъ.

— Ошибаетесь! о невозможномъ вовсе не разсуждаютъ!— а вотъ вы пойдете къ вашему почтенному дядюшкѣ и подобными разговорами, чего добраго, зароните въ него такія мысли, на какія, можетъ быть, никогда не хватило бы смѣлости.

Молодой человѣкъ оскорбился.

— Вы хотите сказать, что я способенъ внушать подобныя мысли?

— Есть много способовъ внушать даже безсознательно, — отвѣтила она холодно и отошла отъ него.

Она какъ-то разомъ думала тревожно обо всемъ вмѣстѣ: о нелѣпыхъ слухахъ, которые въ одно и то же время волнуютъ общество и притупляютъ его впечатлительность, заставляя мысленно свыкаться съ самыми невѣроятными вещами...

И о вліятельномъ дядюшкѣ своего поклонника, чье имя все чаще упоминается въ этихъ толкахъ... И объ утреннемъ столкновеніи съ мужемъ, и о томъ, что уже два дня она не видалась съ Сергѣемъ Львовичемъ. Въ разговорѣ баронъ Ферзенъ упомянулъ съ нескрываемымъ торжествомъ о непрочности положенія Баскина—здѣсь ее спрашивали, видѣлась ли она съ нимъ сегодня...

Павелъ Ильичъ и его важный собесѣдникъ съ озабоченными лицами разговариваютъ за шахматнымъ столикомъ. У нея не выходила изъ памяти подхваченная фраза, и ей мучительно казалось, что они продолжаютъ говорить о Сергѣѣ...

Толстякъ, случайно, вѣроятно, взглянулъ на нее и послалъ издали одну изъ своихъ тонкихъ улыбокъ. Ей мучительно хотѣлось подойти къ нимъ, но какъ на зло ни одинъ приличный предлогъ не приходилъ въ голову.

— Ah! chère âme en peine, allons, reposons nous un petit moment!—сжалилась хозяйка надъ ея потеряннымъ видомъ и увела въ свой будуаръ, гдѣ была отрадная прохлада и тишина въ полусвѣтѣ китайскаго фонарика.

. . . . . .

— Нѣтъ, какъ хотите, — это переходитъ границы! Одно изъ двухъ: или быть литераторомъ, или—служить. Кто же не знаетъ, наконецъ, что это его статьи?—говорилъ съ неудовольствіемъ звѣздоносецъ.

— Важно, чтобы не знала публика.

— A d'autres, cher. Зачѣмъ говорить пустяки. Публика знаетъ всегда и все.

— Вы читали статью?—освѣдомился осторожно Павелъ Ильичъ.

— Не читалъ, положимъ. Откуда я возьму время все читать! Но мнѣ докладываютъ. Знаю. Повторяю вамъ — я очень, очень сожалѣлъ. Газетамъ оно, разумѣется, на руку, эти господа не разсчитываютъ впередъ: чѣмъ сильнѣе замутятъ, тѣмъ и лучше. Досадно. Серьезный человѣкъ, какихъ у насъ немного, коли говорить правду, но при этомъ совсѣмъ мальчишескія выходки.

Онъ съ досадой повернулся въ креслѣ, такъ что оно подъ нимъ скрипнуло.

— Вы полагаете, это можетъ имѣть рѣшающее значеніе?—выговорилъ сдержанно Павелъ Ильичъ.

Старикъ откинулся на спинку,—ему было тѣсно сидѣть, и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Не это...—произнесъ онъ, наконецъ, многозначительно и посмотрѣлъ зорко на своего собесѣдника, какъ бы рѣшая, стоитъ или нѣтъ говорить съ нимъ.

— У насъ своя литература...—процѣдилъ онъ черезъ минуту, прищуривъ одинъ глазъ и разглядывая пристально ногти на рукѣ.—Вчера удостоился приглашенія на чтеніе. Подробнѣйшая записка: съ одной стороны, вполнѣ законченный историческій взглядъ на сегодняшній день, а съ другой — цѣлая стройная система реставрацій. Не безъ ума и дарованія, весьма и весьма.

Онъ опустилъ руку и посмотрѣлъ собесѣднику въ лобъ, какъ будто впечатлѣніе словъ ничуть не интересовало его.

— Реставраторовъ не оберешься! — выговорилъ тотъ съ горечью.

— Н-нѣтъ... Это, пожалуй, изъ ряда вонъ. По законченности и продуманности.

Онъ вдругъ усмѣхнулся презрительно и встрѣтился, наконецъ, съ глазами Павла Ильича.

— Вы какъ полагаете? — вотъ этотъ-то *историческій взглядъ* — то есть, самая-то очевидная нелѣпость — можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Мы устали. Мы оглушены всевозможными хлопушками. Будемъ рады-радешеньки, чтобы кто-нибудь спокойно и авторитетно взялъ за ручки и отвелъ въ сохранное мѣсто. Эта записка тѣмъ и опасна, что она не кликушествуетъ à la Страстной бульваръ... Говоритъ сухо и категорически о томъ, какъ взяться за дѣло сегодня.

— Любопытно..

— Мнѣ обѣщано на одинъ вечеръ для просмотра. Если интересуетесь...—протянулъ милостиво старикъ.

— Несказанно обяжете...—наклонилъ тотъ съ чувствомъ голову.

Старикъ опять посмотрѣлъ на него, потомъ бѣгло оглянулъ комнату, какъ будто поискалъ кого-то глазами — и продолжительно выпустилъ воздухъ изъ своей обширной груди.

— Ну-съ!..—а теперь—pour la bonne bouche, какъ говоритъ наша милѣйшая хозяйка, не повѣдать ли ужъ вамъ кстати имени того, кто... не авторъ, bien entendu —посланецъ,

доставившій сіе произведеніе изъ сердца Россіи, откуда разумѣется, только и можетъ исходить спасеніе.

По тому, какъ блеснули при этомъ его глаза, по тому, какъ на мигъ все искусственное слетѣло съ лица, и оно стало только глубоко печально—Павелъ Ильичъ понялъ, что главная соль именно тутъ и заключается.

— Константинъ Баскинъ!—отчеканилъ тотъ, строго покачивая сѣдой головой и на этотъ разъ глядя прямо въ его пораженное лицо.

— Невозможно!.. Вамъ сказали? Баскинъ...—ронялъ растерянно Павелъ Ильичъ.

— De mes propres yeux, mon brave. Вы вѣдь знакомы?

— Еще бы! Извините... я... я не соображаю этого.

— Да! Вотъ вы и сообразите послѣ этого, каковы шансы вашего enfant terrible..

Старикъ съ новымъ вздохомъ грузно поднялся изъ кресла, какъ человѣкъ, рѣшающій покончить на сегодня съ серьезными темами.

. . . . . .

Передъ ужиномъ, сервированнымъ à la fourchette въ обѣихъ комнатахъ, въ гостиной опять появилась баронесса Ферзенъ. Она сейчасъ же отыскала глазами Павла Ильича и подошла къ нему.

— У васъ, кажется, былъ здѣсь очень интересный разговоръ?—спросила она, улыбаясь условно-безпечной улыбкой, но вглядываясь откровенно-тревожными глазами.

— Чрезвычайно. Скажите—рѣшился онъ внезапно—вы не видали сегодня Сергѣя Львовича?

Улыбка не удержалась на ея лицѣ.

— Два дня не видала.—Неправда ли, вы о немъ разговаривали? Я угадала.

Онъ видѣлъ, какъ она мѣнялась въ лицѣ, но отнюдь не собирался посвящать въ то, что ее терзало.

— Я узналъ, что братъ его пріѣхалъ изъ Москвы. Съ нимъ вы также не видались?—спросилъ онъ.

— Я вовсе незнакома съ братомъ. Они въ ссорѣ, вы знаете.

— Н-нѣтъ, я не совсѣмъ зналъ,—протянулъ онъ, спрашивая себя, сколько она можетъ знать объ этомъ.

— Но вы вѣдь знакомы съ тѣмъ? Ничего общаго, не

правда ли? Я знаю только, что примиреніе не состоялось. Сергѣй Львовичъ вернулся изъ Москвы очень разстроенный.

— „По крайней мѣрѣ, тебя не нужно выспрашивать“ —думалъ онъ, и досадуя на такую болтливость, и въ то же время жалѣя ее, что она такъ беззащитно выдаетъ всю себя.

— Это чрезвычайно умный человѣкъ... и упорный. Я слышалъ о немъ сегодня очень странныя вещи,—проговорилъ онъ въ раздумьѣ, какъ будто самому себѣ.

Ольга Николаевна смотрѣла на него въ смутной надеждѣ, что онъ еще перейдетъ къ тому, что ей нужно; чувствуя, что прямо спросить она не можетъ: не совладаетъ съ волненіемъ.

— У васъ сегодня ужасно мрачный видъ, Павелъ Ильичъ... и таинственный! Впрочемъ, это теперь повѣтріе...

— Отъ котораго наша хозяйка спасается даже въ теплые края! Кто же, однако, наслѣдуетъ ей въ обществѣ? Вы?

— „Боже мой... Неужели ты такъ ничего и не скажешь мнѣ!“—мучилась она, не отвѣчая на вопросъ, не сознавая, что мука эта мелькаетъ откровенной мольбой въ ея измѣнчивыхъ глазахъ.

— Приглашаютъ ужинать... Хорошо бы теперь исчезнуть незамѣтно... Поздно... Если-бъ вы захотѣли взять меня подъ свою защиту, Ольга Николаевна?

...„Онъ узналъ что-нибудь очень, очень серьезное“—рѣшила она окончательно.

Павелъ Ильичъ дружески пожалъ ея руку. Еще разъ пожалѣлъ искренно, видя ея въ конецъ разстроенное лицо—но такъ и не подѣлился съ нею печальными новостями.

. . . . . .

Ольга Шапиръ.

СТАРУХА.

I.

Семенъ Ивановичъ, выйдя за чѣмъ-то на кухню, совершенно неожиданно обнаружилъ въ ней присутствіе тещи, деревенской старухи (жена его была „изъ простыхъ"), сухой и желтой, иконописнаго образца, закутанной въ большой байковый платокъ и обутой въ старые валенки.

— Здравствуйте, батюшка Семенъ Иванычъ!—поклонилась старуха,—какъ здоровьице ваше?

— Здравствуйте! Ничего, благодарю!—пробурчалъ Семенъ Иванычъ и скрылся за дверью.

— Это что же?—вопросилъ онъ жену, полную пожилую женщину, сидѣвшую въ распашномъ капотѣ въ гостиной за огромной, такъ называемой, „аппетитной" чашкой кофе.

— А что?

— Опять появилась?—метнулъ Семенъ Иванычъ на кухню выразительный взглядъ.

— Ну, она скоро уѣдетъ!—отвѣчала жена.

— Да, предварительно содравши съ меня контрибуцію.

Жена вздохнула и засопѣла носомъ надъ чашкой.

Старуха, между тѣмъ, разболоклась, прибралась съ мѣшкомъ, который опустила съ плечъ, и присѣла на табуретъ. Двѣ молодыя дѣвушки, прислуги, смотрѣли на нее недружелюбно и молчали, и она, въ свою очередь, награждала ихъ такими же недружелюбными взглядами. Въ прошлый ея пріѣздъ, весною, прислуга была другая, — двѣ старухи ея лѣтъ, съ которыми Матрена Поликарповна сошлась быстро и даже подружилась, такъ что, когда она уѣзжала, старухи, обѣ простоволосыя, провожали ее за ворота и плакали. Эта же

прислуга, молодая, дерзкая, смотрѣла на нее не то насмѣшливо, не то съ презрѣніемъ.

Анна Самсоновна, дочь, вышла на кухню и начала наливать изъ кастрюли въ тарелку супъ. Старуха сидѣла, пригорюнившись, обкусывая тонкія губы.

— Садись, пообѣдай! — сказала дочь, ставя тарелку на столъ.

— Не хочется!—ломаясь, отвѣчала старуха.

— Чего не хочется! Проголодалась, поди, съ дороги-то!

— Я хлѣбушка поѣла.

— Что за ѣда—хлѣбъ! Похлебай горяченькаго!

— Спасибо, не хочется!

— Чего не хочется,—ѣшь!

— Сыта, наѣлась!

— Полно! Говорятъ—ѣшь! Не объѣшь, не безпокойся!

— Мало-ли у васъ народу-то!

— Всѣмъ хватитъ!

Старуха почванилась еще немного и принялась за супъ. Такая же исторія произошла и съ кусочкомъ жаркого, который дочь положила передъ старухой, и съ большой чашкой кофе, который она ей налила.

II.

Когда все предложенное было съѣдено и выпито, старуха подошла къ окну и стала смотрѣть на дворъ, по которому ходилъ дворникъ, черный мужикъ въ красной рубахѣ, то вѣшалъ веревки, то рубилъ что-то топоромъ, то мазалъ что-то глиной.

— А у васъ дворникъ-то прежній?—обратилась старуха къ дочери, сидѣвшей въ сосѣдней съ кухней комнатѣ, дверь которой была открыта настежь.

— Тотъ же! Куда ему дѣваться! Онъ у насъ хозяинъ!—недовольнымъ тономъ отвѣчала дочь.

— Такъ, такъ!—промолвила старуха,—а Степанида вышла изъ больницы?

— Эка, давно! Лѣтомъ вышла! Маша, поди, закрой за бариномъ!

Семенъ Иванычъ уходилъ со двора. Онъ возился въ пе-

редней, ища пальто и галоши, пыхтя, отдуваясь и кого-то тихонько проклиная.

Одна изъ дѣвушекъ вышла въ переднюю, подала барину галоши и открыла передъ нимъ дверь на лѣстницу.

III.

Когда Семенъ Иванычъ ушелъ, и старухѣ, и дочери стало вольготнѣе.

— Мама, ты что же тамъ сидишь, иди въ комнату!— пригласила дочь.

— Ладно и тутъ!—заломалась старуха.

— Иди, иди! Что-жъ такое! Что тебѣ на кухнѣ! Тамъ прибираться будутъ.

— Просижу и тутъ!

— Иди, говорятъ!

Старуха медленно, какъ бы нехотя, перешла сперва въ столовую, гдѣ пили чай дѣти, Саша—10-лѣтняя гимназистка и Вася 4-лѣтній карапузъ съ гладко остриженной головою, потомъ въ гостиную, гдѣ принялась обходить стѣны, разглядывая картины.

— Картинъ-то у васъ прибавилось!—сказала она,—вонъ какая большущая! Это что же будетъ?

— Война какая-то, не знаю.

— Война и есть! А это что же, святой, что-ли, какой?

— Кто его знаетъ!

— Правда, что кто его знаетъ! Похоже, будто святой!

Затѣмъ она сѣла противъ дочери и, смотря на нее своими слезящимися, старческими глазами, принялась сообщать деревенскія новости. Все это было очень далекое отъ того настоящаго, которымъ жила Анна Самсоновна, давнишнее, почти забытое, но все напоминало лучшую пору жизни, дѣтство, дѣвичество и, не смотря на то, что касалось самыхъ повседневныхъ, скучныхъ и тусклыхъ мелочей деревенской жизни, волновало и возбуждало живѣйшій интересъ въ Аннѣ Самсоновнѣ.

— А Федька-то рыжій, помнишь, что женился на Пашкѣ Плѣтановой...—сообщила старуха.

— Ну?—волнуясь, перебивала ее дочь.

— Утонулъ!

— Утонулъ? Какъ же это такъ?

— Поѣхалъ на озеро рыбу ловить и утонулъ.

— Пьяный былъ?

— Ни-ни! Онъ хмѣльного въ ротъ не бралъ, нешто не помнишь! А такъ, ужъ должно судьба его такая. Съ недѣлю времени искали, не нашли, а тамъ выплылъ за мельницей. Разду-у-у-тый, страсть!

— Дѣти-то были у него?

— Ну, нешто забыла? Трое дѣтей: Пашутка, Николка да Федька, старшенькій по 12 году!

Онѣ сидѣли обѣ, одна передъ другой, оживленныя, съ блестящими глазами, и вспоминали деревню, перебирая по косточкамъ всѣхъ ея обитателей. Это былъ настоящій, живой интересъ, которымъ жила одна, сообщая новости по свѣжей памяти, другая — по этимъ новостямъ составляла картину прошлаго и переживала его.

Но когда интересъ деревни былъ исчерпанъ, и старуха начала, въ свою очередь, пытать, какъ живетъ дочь, какія у нихъ новости, то и въ спрашивавшей, и въ отвѣчавшей стало замѣчаться какое-то опасеніе. Вяло спрашивала старуха, вяло отвѣчала дочь.

— Жалованье-то прибавили?

— Нѣтъ еще, говорятъ, къ Новому году.

— Который годъ манятъ, а не даютъ! А жить годъ отъ году тяжелѣе!

— Не говори! Рубль даетъ на обѣдъ, а что я съ нимъ сдѣлаю?

— Велики-ли деньги рубль! Небось, на пріятелей больше угоститъ. Этотъ, черномазый-то, ходитъ?

— Какой черномазый?

— Да этотъ, Трошкинъ, али Трешкинъ, что-ли?

— Троешкинъ, а не Трешкинъ. Ходитъ!

— А этотъ, брюхатый?

— И брюхатый—тоже!

— Брюхатый до пива охочъ! И лакаетъ же, прости Господи, этого пойла! А этотъ старичекъ бываетъ? Онъ, кажись, праведный!

— Это Кокановъ-то? Ну, нашла праведнаго! Всѣ однимъ мѵромъ мазаны.

— О-хти-хти!—вздохнула старуха.

Она долго и пристально смотрѣла на дочь съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія, какъ будто вся эта, такъ называемая „интеллигентная“ жизнь, которую вела ея дочь, будучи замужемъ за чиновникомъ, человѣкомъ образованнымъ—была однимъ сплошнымъ страданіемъ, а дочь ея—не смотря на ея распустившуюся, обрюзглую фигуру—мученицей.

IV.

Въ одну изъ рѣдкихъ минутъ хорошаго расположенія духа, Семенъ Иванычъ снизошелъ до бесѣды съ тещей. Сколько ни было такихъ бесѣдъ раньше, за всю пятнадцатилѣтнюю супружескую жизнь Семена Иваныча,—онѣ всегда кончались ссорой не ссорой, а взаимнымъ неудовольствіемъ, тѣмъ же самымъ окончилась и эта бесѣда. „Глупая, деревенская старуха!—думалъ Семенъ Иванычъ,—ей никакъ не втолкуешь, что жить по ихнему, по деревенски, здѣсь нельзя! Стала на одномъ, и хоть ей колъ на головѣ теши!“

— Эхъ, батюшка, Семенъ Иванычъ, родной!—пѣла, между тѣмъ, иконописная старуха, подперевъ рукой щеку и раскачивая въ тактъ головой, покрытой большимъ, изъ темнаго ситца, платкомъ, — друзья-то, пріятели до чернаго, сказываютъ, дня! Покуль есть что—не обобраться друзей-то, а не стало ничего, такъ ихъ съ собаками не сыщешь! Такъ-то!

— Такъ по вашему, почтенная Матрена Поликарповна, я долженъ всѣхъ друзей и знакомыхъ по шеямъ разогнать, не такъ-ли?—съ ядовитостью въ тонѣ спрашивалъ Семенъ Иванычъ.

— Зачѣмъ по шеямъ! Принимать не нужно, ну, а который не внемлетъ, того и по шеѣ!

— Такъ, такъ, почтеннѣйшая! А знаете-ли, что они всѣ мнѣ нужны?

— А на что они тебѣ нужны, болѣзный?

— А это ужъ мое дѣло на что, а только нужны, вотъ и все!

— Ни на что они тебѣ не нужны, акромя того, что пьютъ они у тебя да ѣдятъ не въ свою голову.

— Они у меня ѣдятъ да пьютъ, и я у нихъ тоже.

— И этого не нужно, родной! Отъ большой ѣды да питья болѣзнь только приключается! Живите тихонько да скром-

ненько, оно и лучше будетъ! Вамъ нечего друзей да знакомыхъ кормить,—этакая пропастина,—ихъ всѣхъ и не накормишь, у васъ дѣти есть малыя, вамъ для дѣтей нужно беречь.

Семенъ Иванычъ сидѣлъ совсѣмъ зеленый отъ злости, злыми глазами смотрѣлъ на старуху и качалъ головою: „такъ-такъ!“ а она разливалась:

— Сашенька подростетъ — приданое нужно! Нынче безприданницъ не берутъ! Нынче какой женихъ, самый что ни на есть горькій—и тотъ приданаго спрашиваетъ!

— Сашенькѣ приданаго не нужно! Ея приданое—образованіе!..—буркнулъ Семенъ Иванычъ.

— Какое такое образованіе?—окрысилась старуха,—это что въ гимназію-то ходитъ, такъ что съ того? А приданое-то всетаки нужно! Вонъ у нашего лавочника, — первый человѣкъ не токмо на деревнѣ, а, можно сказать, по всей округѣ,—такъ вонъ у лавочника, Андрея Карпыча, дочь въ гимназію ходила-ходила, и ученой кончила, и медаль серебряную получила, а пришлось выдавать замужъ—не отвертѣлся,—приданаго подай! Сорокъ тысячъ чистоганчикомъ отвалилъ, да лавку въ Опохмѣловкѣ за ней записалъ, да вещами тысячъ на пять одарилъ! Вотъ какъ! Такъ и то сказать, у насъ Андрей Карпычъ первый человѣкъ.

— Первый воръ, кулакъ!

— Зачѣмъ воръ! Нѣтъ, Семенъ Иванычъ, это ты напрасно, „воръ!“ Какой онъ воръ? У кого укралъ? Это ты не моги: потому грѣхъ тебѣ за это будетъ, Семенъ Иванычъ!

— Да онъ всю округу грабитъ! Всѣ мужики на него работаютъ, всѣхъ въ кабалѣ держитъ!

— Работаютъ, это точно, потому онъ имъ пропитаніе даетъ. Кабы не онъ, такъ мужикамъ совсѣмъ была бы киса, а только ты его не ругай, не годится ругать, потому онъ какъ есть благодѣтель... Ты посмотрѣлъ бы, какъ его уважаютъ! Исправнику такого почета нѣтъ, потому исправникъ что?.. Извѣстно, все изъ-подъ палки, а Андрея Карпыча любятъ вотъ какъ! По улицѣ идетъ—земно кланяются! „Андрей Карпычъ, наше почтеніе!“ Народъ его вотъ какъ уважаетъ!.. Да!

— Ну и пускай уважаетъ... кровопійцу!

— Ахти-хти, какія ты, Семенъ Иванычъ, слова говоришь!—качала головой старуха, и на стѣнѣ качалась огромная, уродливая тѣнь отъ ея головы, закутанной въ платокъ.

V.

Нѣсколько дней спустя, Семенъ Иванычъ праздновалъ день своего рожденія, хотя, какъ онъ всѣмъ говорилъ, лучше было бы, если бы этого дня не было вовсе. Къ нему пришли кое-кто изъ родныхъ и обычные его гости, тотъ же Кококовъ-старичекъ, тотъ же „Трешкинъ“, или Троешкинъ, тотъ же „брюхатый“, персонажи, явно ненавидимые иконописной старухой.

Семенъ Иванычъ выпилъ съ пріятелями и разошелся: говорилъ въ довольно свободномъ духѣ и о начальствѣ, да не только своемъ, но и посторонняго вѣдомства, и о разныхъ высшихъ властяхъ и высокихъ лицахъ. Семенъ Иванычъ любилъ поговорить такъ, что пріятели его только ухали про себя и боялись, какъ бы за „это самое“ да не влетѣло, чего добраго, Семену.

— А что всего досаднѣе, господа,—говорилъ въ заключеніе Семенъ Иванычъ,—что въ народѣ-то не видишь этого свободнаго, человѣческаго, какъ быть надлежитъ, духа, что и въ народѣ, не смотря на всѣ его прекрасныя основныя качества, не смотря на его близость къ природѣ, которая сама по себѣ должна была бы способствовать развитію свободы духа,—свободы этой не замѣчается, духъ подавленъ какимъ-то страннымъ кошмаромъ рабства, подавленъ сознаніемъ своей духовной бѣдности, ничтожества, разными отжившими свой вѣкъ дѣдовскими традиціями и завѣтами и условностями текущей безобразной дѣйствительности.

Очень хорошо умѣлъ иногда говорить Семенъ Иванычъ.

Черезъ двадцать минутъ Семенъ Иванычъ, горячо возражая кому-то изъ своихъ пріятелей, кричалъ, даже руками размахивалъ.

— Да, я былъ народникомъ, да! Ну, что же съ того! Я увлекался! но я не ставлю себѣ этого въ вину! Только тотъ, кто любитъ, кто горячо принимаетъ всякое дѣло къ сердцу, только тотъ увлекается! И кто же отъ этого что потерялъ, кромѣ меня самого? Мнѣ же за это, за эти самыя увлеченія мои, и попало, да еще какъ! За то я ужъ теперь знаю, что все это—чепуха и больше ничего! Я знаю теперь, что есть

два сорта людей, все равно, какъ два сорта пчелъ, то-есть, дикія и культурныя. Меду отъ дикихъ пчелъ никто не пробовалъ, никто не добывалъ и никому онъ, кромѣ этихъ дикихъ пчелъ да медвѣдей,—не нуженъ, а медъ культурныхъ пчелъ идетъ намъ на потребу и пользу. Вотъ вамъ и народъ, а если вы этимъ недовольны и хотите видѣть единую изъ представительницъ его во всей некультурной прелести,—то вотъ у меня тамъ сидитъ старушка, хорошая, богобоязненная... не хотите-ли...

— Сеня!—говорила жена, ни слова не понимавшая изъ рѣчей мужа, но угадавшая, что дѣло идетъ объ ея старухѣ.—Сеня, оставь, не нужно! Ну, что-жъ такое, пріѣхала повидаться и уѣдетъ! Ты ужъ ей синенькую дай!

— Всеконечно, всенепремѣнно дамъ!.. Съ огромнымъ удовольствіемъ дамъ, только бы поскорѣе... Это что,—взывалъ онъ, воспаленными глазами смотря то на одного, то на другого пріятеля,—съ меня взять непремѣнно нужно, потому что я не „ихній“, я изъ другого, враждебнаго лагеря, а вы бы посмотрѣли, какъ они деруть со своихъ: съ матерей, женъ, дочерей, сестеръ, какою страшною контрибуціей въ пользу „деревни“ обложены несчастные труженики и въ особенности труженицы, пріѣзжающія сюда на огороды, на фабрики, заводы, на мѣста, убивающія здѣсь свое здоровье, развращающія свою душу. О, какъ, должно быть, сильно представленіе у этихъ несчастныхъ о призрачной свободѣ, волѣ, тамъ, на родимыхъ поляхъ, когда они, валяющіеся въ грязныхъ „ночлежкахъ“, вѣчно недосыпающіе, недоѣдающіе, вѣчно болѣющіе отъ работы и голода, отдаютъ послѣднія крохи чудовищному деревенскому минотавру!

— Сеня, она скоро уѣдетъ!—уговаривала жена, дѣлая плачущее лицо.

— Ахъ, мнѣ все равно! Меня она не съѣстъ, и я не о себѣ вовсе! Мнѣ такія старухи не страшны, а смѣшны со всей ихъ деревенской философіей; но Боже мой, если бы я былъ мужикъ, плотникъ, печникъ, штукатуръ и имѣлъ бы роденьку въ деревнѣ! О, я не знаю, что сдѣлалъ бы съ этакой старухой,—или просто плюнулъ бы на все, послалъ бы все къ чорту, и запилъ бы такъ, что небу стало бы жарко! А тамъ—хоть въ Неву,—все равно!

— Сеня! Вотъ ты всегда такъ!—стонала жена.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, вѣдь я же тебѣ говорю, что мнѣ, понимаешь, мнѣ это не страшно!

А старуха, между тѣмъ, сидѣла въ кухнѣ на табуретѣ и, подперевъ щеку сухою, морщинистой рукой, вела, время отъ времени, вялый, сонный разговоръ съ обѣими дѣвушками, изъ которыхъ одна лежала на койкѣ во всю растяжку, а другая что-то копошилась у нея въ головѣ.

— Часто у васъ такъ-то?—спрашивала старуха.

— Что это?—недоумѣвала та, которая копошилась у подруги въ головѣ.

— Да вотъ *это* самое?—мотнула старуха головой на дверь въ комнату,—сборища-то эти?

— Нѣтъ! Какъ придется!

— Поди-ко, пива выпьютъ страсть сколько, и водки тоже?

— Пьютъ, ничего.

— Еще бы тебѣ! Чиновники! У нихъ первое дѣло—водка да вотъ еще... карты.

— Наши господа въ карты не играютъ.

— Еще бы играли! И такъ-то еле-еле концы съ концами сводятъ! А еще гостей приглашаютъ! Я бы этихъ гостей,—взяла бы мокрую швабру, да по плечамъ, да по плечамъ! Какой отъ нихъ толкъ, какая прибыль? Придутъ, нажрутся, напьются, прости Господи, накурятъ, нагрязнятъ, окурковъ да спичекъ вездѣ накидаютъ, а ты за ними прибирай! Насмотрѣлась я, да не токмо насмотрѣлась, а и наработалась! Дивья бы еще люди нужные или какіе знатные приходили, а то такъ, шантрапа, чиновничишки.

— Матрена!—показалась изъ за-двери голова хозяйки,—дай еще парочку стаканчиковъ чистыхъ! Мама, ты что же не идешь?

— Ну, вотъ еще! Пойду я!—махнула рукой старуха,—что мнѣ съ вашими гостями? Они люди образованные! Возьми, Матрена, со стола стаканы, да и подай! — продолжала она, когда голова хозяйки скрылась за дверью,—чего тамъ еще мыть! И такъ хороши!.. Гости! О-хо-хо, Господи помилуй! Жалованья-то сколько получаете?

— По шести рублей.

— Немного жалованья-то, немного! Не разгуляешься! А доходовъ нѣтъ?..

— Какіе тамъ доходы! Сама все покупаетъ.

— То-то и оно! Знаю я, дѣвоньки, знаю! Нешто я не знаю! Родная мать.

— А вы изъ какихъ же будете? Изъ купцовъ, или такъ... мѣщане?—спросила старшая дѣвушка, Матрена.

— Крестьяне мы, дѣвонька, крестьяне... новгородцы!

— Вона что?—удивилась Матрена,—сосѣди, значитъ! Мы псковскія.—И она тутъ же рѣшила, что совсѣмъ не зачѣмъ мыть стаканы, которые спросила барыня. Да и какая она барыня, если мать родная—крестьянка.

Гости уходили поздно,—часа въ три. Старуха и Матрена спали,—обѣ на кухнѣ рядомъ. Младшая дѣвушка, услыша шумъ въ передней, вышла заспанная, босая, накинувъ юбку и платокъ. Въ передней, съ лампой въ рукѣ, стоялъ Семенъ Иванычъ, державъ Троешкина за пуговицу пальто и заплетавшимся языкомъ говорилъ:

— Нужно, братецъ, постичь политику бла..а..родства... д-да... это постичь нужно! Вотъ что! Намъ не нужно ни угрозъ, ни бряцанія оружіемъ... намъ это, братецъ, ни къ чему... не пристало... не идетъ... А мы просто заявляемъ, что ничего не хотимъ... ну, вотъ, все равно, какъ моя старуха... теща... пон...нимаешь, ничего! Не желаемъ, вотъ и все! Поняли,—хитро подмигнулъ хозяинъ, — вѣдь вотъ она, Россія-то! А?

— Ну, однако, прощай, поздно!—промолвилъ Троешкинъ.

— Позволь,—еще крѣпче ухватилъ его за пуговицу Семенъ Иванычъ,—ты слушай... ка-ккая политика!.. Ничего не нужно, такъ? А между проч-чимъ...

— Ну, прощай,—стремительно проговорилъ Троешкинъ и такъ же стремительно выскочилъ на площадку лѣстницы.

Семенъ Иванычъ уныло поплелся изъ передней въ гостиную, потомъ въ спальню, гдѣ Анна Самсоновна давно уже покоилась глубокимъ сномъ.

— Рѣшительно не п-понимая, какъ это можно такъ относиться къ людямъ! — ворчалъ Семенъ Иванычъ, стаскивая носки и бросая ихъ на полъ, — взять и преспокойно уйти спать!.. Уд-дивительно! Двѣнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ, и никакъ не можете войти въ мою жизнь... Вести бесѣды съ вашей прислугой пріятнѣе и даже, можетъ быть, поучительнѣе, нежели съ людьми интеллигентными! Я вамъ говорю, Анна Самсоновна!—повернулся онъ къ женѣ, при чемъ на

стѣнѣ отъ ночника появилась тѣнь его головы съ длиннымъ носомъ.

— Ахъ, отстань! Ложись, пожалуйста, спать!—слегка басомъ, сквозь сонъ, произнесла жена и повернулась на другой бокъ.

— Это не отвѣтъ, — ворчалъ Семенъ Иванычъ, — когда человѣка спрашиваютъ, — нужно отвѣчать. Вы даже этому не научились за двѣнадцать лѣтъ! Уди-ви-тельно!

— Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ! Кто же это спрашиваетъ ночью, когда люди спятъ! Мучитель этакой!

Семенъ Иванычъ замолчалъ. Онъ лежалъ на своей кровати на спинѣ, слѣдилъ при свѣтѣ ночника за обозначившимися на потолкѣ черными тѣнями и думалъ объ ошибкѣ, которую сдѣлалъ, женившись на Аннѣ Самсоновнѣ. Это даже была не ошибка, а просто глупость. Онъ всетаки былъ въ университетѣ, хотя только на первыхъ двухъ курсахъ, любилъ читать, интересовался политикой и общественной жизнью, хотя и поверхностно, но всетаки зналъ, что такое марксизмъ и разсуждалъ съ пріятелями о четвертомъ сословіи,—жена же его съ трудомъ разбирала по печатному и, хотя за двѣнадцать лѣтъ, слыша споры его съ пріятелями, наслышалась въ вопросахъ отвлеченнаго свойства, но, по незнанію, часто попадала въ забавныя qui pro quo. Впрочемъ, по природѣ, она была женщиной неглупой, и сужденія ея, хотя не отличались правильностью выраженій, были мѣтки, вѣрны, а иногда даже остроумны.

Рѣшивъ, что, женившись на Аннѣ Самсоновнѣ, онъ всетаки принесъ жертву своему увлеченію народничествомъ, Семенъ Иванычъ мысленно потужилъ о себѣ и заснулъ уже съ нѣкоторымъ облегченіемъ...

VI.

Матрена Поликарповна собрала у дочери что могла, и, наполнивъ старыми платьями, карточками, зонтиками (въ числѣ прочихъ вещей попали даже старыя панталоны Семена Иваныча) и разнымъ хламомъ два довольно большихъ мѣшка, съ пятирублевкой, полученной въ придачу, въ видѣ „отступного“, непосредственно отъ Семена Иваныча,—отправилась на вокзалъ. Анна Самсоновна ее провожала. Сидя въ

третьемъ классѣ на деревянной скамьѣ, обѣ вспомнили снова деревню,—при чемъ дочь дала слово пріѣхать лѣтомъ хоть на двѣ недѣли,—немного обѣ всплакнули, и старуха, перекинувъ чрезъ плечо связанные полотенцемъ оба мѣшка, заняла мѣсто въ вагонѣ у окошка.

Она смотрѣла на дочь, и дочь на нее, и обѣимъ хотѣлось сказать другъ другу еще что нибудь, и одна не рѣшалась опустить окно, другая—надоумить ее сдѣлать это. Такъ и просмотрѣли другъ на друга до того момента, когда поѣздъ тронулся. Анна Самсоновна медленно уходила съ вокзала съ мыслью о томъ, что она, можетъ быть, въ послѣдній разъ видится со старухой, что та можетъ и умереть, а старуха сидѣла у окна, смотрѣла на мелькавшія мимо взмокшія, побурѣвшія поля, перемежавшіяся ржавыми болотцами, и припоминала, что везетъ въ своихъ двухъ мѣшкахъ. Въ этомъ году ей удалось увезти больше, нежели въ прошломъ: Аннушка расщедрилась, да и мужъ не препятствовалъ...

Подъ мѣрное постукиваніе колесъ и вагонныхъ цѣпей мысли старухи все болѣе и болѣе варьировались въ этомъ направленіи, и подъ вліяніемъ какого-то самовнушенія ея духовныя очи проникли въ погребицу, находившуюся подъ избой, и осмотрѣли весь тотъ скарбъ, который она, какъ муравей, годами собирала и прятала въ этомъ темномъ, сыромъ хранилищѣ, и прятала такъ сокровенно, такъ искусно, что никто даже не догадывался.

И, убаюканная покачиваніемъ вагона и пріятнымъ воспоминаніемъ, старуха заснула.

Раннимъ утромъ, когда горизонтъ былъ еще затянутъ осеннимъ туманомъ, сквозь который чуть выяснились деревянныя намокшія отъ дождей зданьица маленькой станціи и пара-другая оголенныхъ деревьевъ станціоннаго садика, старуха вышла на этой станціи, нашла мужиченку-попутчика въ родную деревню; оба соединенными усиліями взвалили на телѣгу мѣшки, сѣли сами, и брюхастая со всклочившейся шерстью пѣгая лошаденка шагомъ потащилась по размокшей грунтовой дорогѣ.

Жидкая, шоколаднаго цвѣта грязь хватала по щиколки лошади, колеса глубоко увязали въ колеи, залитыя водою, сильный, холодный вѣтеръ гналъ по сѣрому небу свинцовые клочки тучъ, гнулъ камышъ и подергивалъ рябью поверх-

ность небольшихъ болотцъ; старуха куталась въ большой байковый платокъ и дремала, а возница тоскливо смотрѣлъ впередъ своими маленькими рысьими глазками, тыльной поверхностью ладони безпрестанно проводилъ подъ носомъ и все крѣпче, все плотнѣе надвигалъ на уши ветхую шапченку изъ такъ называемаго „поддѣльнаго“ барашка...

Пятыя сутки, какъ пріѣхала старуха въ деревню и сидитъ безвыходно въ своей избѣ, расположенной на самомъ концѣ, у околицы. Сходитъ на рѣку за водой, принесетъ ведерко,—ей и того довольно, и къ окну, сидитъ и смотритъ. Въ погребицѣ все прибрано: особый транспортъ „подарковъ“ присоединенъ въ порядкѣ къ старымъ, и все разложено по сортамъ: платье—къ платью, рубаха—къ рубахѣ, кофточка—къ кофточкѣ... Второй сундукъ почти съ краями сталъ вровень,—дастъ Богъ вѣку да здоровья Аннушкѣ, да благополучія зятю,—третій придется заводить. Во второмъ сундукѣ и шкатулка завѣтная на самое дно зарыта; тамъ бумажками да золотомъ—сотъ пять будетъ; не великъ капиталъ, а старухѣ на ея вѣкъ хватитъ.

Какіе у нея расходы? На хлѣбъ, да на чай съ сахаромъ, вотъ и все! Это не то, что у тѣхъ, въ Петербургѣ! Имъ всего надо—и бифштексовъ, и рыбки, и сладкаго, имъ и гостей надо кормить да поить, и въ театры ходить да на собранія разныя, да въ гости на извозчикахъ ѣздить, а ей что? Ничего ей не нужно, и все-то „ихнее“—однѣ глупости, тлѣнъ, суета...

И старуха по цѣлымъ днямъ сидитъ у покосившагося маленькаго оконца своей тоже покосившейся, ветхой избушки, сидитъ и смотритъ... Отсюда прямо спускъ къ рѣкѣ, здѣсь и по воду ходятъ, и бѣлье полоскать, здѣсь и лодка привязана, — такъ себѣ, челночекъ старенькій, плохонькій, одинъ на всю деревню, и кому ежели рыбу ловить вздумается... Только давно ужъ рыбу никто не ловитъ,—перевелась что-ли, кто ее знаетъ. Прежде на спускѣ, у старой ивы, парни и дѣвки собирались, пѣсни пѣли, нынче и того нѣтъ, молодежь какая-то неживая стала, не собирается. И ива ужъ не та, поистрепалась, посохла листами, въ стволѣ дуплистая, руку насквозь просунуть можно. Отживаетъ свой вѣкъ...

И все отживаетъ свой вѣкъ. Деревня не богатѣетъ, а бѣднѣетъ, половина народу на заработки разбѣжалась, а все не легче—бѣдности, какъ будто, даже больше стало.

Отчего это? И будетъ ли лучше впереди?

Старуха не задается этими вопросами. Она знаетъ, что на ея вѣкъ хватитъ годами накопленнаго добра и бережетъ свой хламъ, и дрожитъ за него потому, что въ его силу, въ его могущество только и вѣритъ, а больше ни въ чье.

А, кажется, будетъ что-то новое, но когда и кто его дождется?

Каз. Баранцевичъ.

„ЭКСЕЛЬСІОРЪ“.

Громадный океаническій пароходъ *Аталанта* ждалъ лишь отлива, чтобы тронуться въ далекій путь, за два океана, въ Новую Зеландію. Не смотря на то, что было еще совершенно темно, на палубѣ кишѣла жизнь. Эмигранты, устроившись кое-какъ въ каютахъ, высыпали всѣ на палубу, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на спящій вдали городъ. Но они видѣли лишь черную мглу, перерѣзанную правильными рядами золотыхъ огоньковъ, расплывавшихся въ легкомъ туманѣ. Кое-гдѣ въ морѣ мрака ярко сверкали блѣдные электрическіе фонари. И они казались факелами въ рукахъ призраковъ, поднявшихся изъ тьмы бѣдныхъ кварталовъ, чтобы взглянуть на толпу бѣглецовъ, взыскующихъ новой жизни. На палубѣ *Аталанты* стоялъ гулъ отъ человѣческихъ голосовъ, дѣтскаго плача, глухого мычанія коровъ и быковъ, ржанія лошадей, испуганныхъ тѣмъ, что ихъ подняли воротомъ на воздухъ, чтобы опустить въ трюмъ, да отъ плавнаго грохота паровыхъ лебедокъ.

И были въ толпѣ преклонные старики, которые тронулись на поиски въ далекій край, хотя всего лишь нѣсколько недѣль отдѣляло ихъ отъ могилы; были на рукахъ матерей младенцы, которые всего лишь нѣсколько недѣль какъ родились. Всѣ были закутаны въ платки, въ старыя пальто, въ плащи, въ одѣяла, во все, что было теплаго.

Однимъ изъ этихъ переселенцевъ былъ Ястрембскій. Онъ искалъ страну, гдѣ человѣкъ не порабощенъ еще паровымъ дракономъ. По его разсчетамъ, такимъ краемъ должна была быть далекая страна смѣлыхъ опытовъ—Новая Зеландія. Закутавшись въ теплый твидовый плащъ, молодой изобрѣтатель

сидѣлъ неподвижно на одномъ изъ неубранныхъ еще тюковъ и присматривался къ своимъ многочисленнымъ попутчикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ расположились группами у бортовъ, другіе съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ спѣшно заканчивается нагрузка, третьи, наконецъ, сидѣли, какъ онъ. Ястрембскій обратилъ особенное вниманіе на группу длиннобородыхъ переселенцевъ, повидимому, не англичанъ, которые сидѣли, какъ застывшіе, на носу. Изрѣдка лишь доносился оттуда дѣтскій плачъ, да тихіе голоса матерей, успокаивавшихъ дѣтей; но фигуры сидѣвшихъ терялись въ ворохахъ платковъ и одѣялъ.

Въ группахъ ѣли и, въ особенности, пили многіе; но слышался лишь одинъ пьяный голосъ. Онъ принадлежалъ высокому, не старому еще, высохшему, какъ скелетъ, человѣку, на плечахъ котораго сдѣланное, повидимому, хорошимъ портнымъ и изъ хорошаго матеріала платье висѣло, какъ на вѣшалкѣ. Пассажиръ то пилъ, то плакалъ пьяными слезами, то прерывалъ плачъ злобными ругательствами и несвязными угрозами. Рядомъ съ этимъ пассажиромъ, закутанная въ теплую, старомодную мантилью, сидѣла пожилая дама, вздрагивавшая при каждомъ ругательствѣ. Ястрембскаго въ особенности поразилъ цвѣтъ гладко выбритаго лица, восковой, лоснящійся, какой бываетъ у людей, очень долго пробывшихъ взаперти. Когда же пассажиръ поправилъ съѣхавшую дорожную шапочку, вниманіе молодого человѣка привлекла еще особая форма остриженныхъ волосъ.

— Ого! Тюремная птица на пароходѣ!—сказалъ толстый джентельмэнъ, взглянувъ на остриженнаго пассажира. Толстый только что вышелъ изъ буфета и вытиралъ платкомъ пахнувшій водкой ротъ.

— Вы сейчасъ на берегъ, мистеръ Снэлгравъ?—подобострастно спросилъ буфетчикъ въ форменной курткѣ.

— Нѣтъ, надо заглянуть еще въ трюмъ. У меня тамъ особая партія бочекъ съ водкой, которую нужно сдать въ Зеллѣ.

Мистеръ Снэлгравъ скрылся въ толпѣ, бормоча про себя: „тюремная птица. Понимаю, изъ джентельмэновъ. Отбылъ срокъ. Ѣдетъ скрыть позоръ въ Новой Зеландіи!..

Изъ каюты перваго класса, между тѣмъ, вышелъ новый пассажиръ: маленькій, крайне подвижный старичекъ, странно

одѣтый во что-то въ родѣ суконнаго хитона, перехваченнаго шнуркомъ съ кистями. Хитонъ доходилъ до колѣнъ; дальше виднѣлись длинные, толстые мохнатые шотландскіе чулки и тяжелые подкованные башмаки на шнуркахъ. Изъ подъ маленькой вязаной, сильно смятой шапочки старика падали ниже плечъ растрепанные, жидкіе волосы. Старичекъ нервно потиралъ руки и безпрерывно хихикалъ, какъ будто въ голову ему все приходили очень смѣшныя мысли. И Ястрембскій узналъ въ немъ того, кто въ рабочемъ кварталѣ Южнаго Лондона извѣстенъ былъ подъ кличкой „доктора“. Иногда, для большей точности, населеніе квартала прибавляло еще прилагательное: *сумасшедшій* докторъ.

— Хи-хи-хи!—засмѣялся докторъ, узнавъ Ястрембскаго.—Такъ всетаки рѣшили поплыть за призракомъ на край свѣта?

— За какимъ призракомъ, докторъ?

— Хи-хи-хи!—истерически залился докторъ, нервно потирая бѣлыя, костлявыя, дрожащія руки.—Вы ищете осуществленія новой, разумной жизни въ Новой Зеландіи? Нѣтъ идеала нигдѣ, да цѣль жизни и не въ достиженіи его.

— А въ чемъ же?—тихо спросилъ Ястрембскій.

— Въ исканіи его,—отрывисто сказалъ докторъ.—До сихъ поръ человѣчество еще не додумалось до такой великой истины, которая, въ концѣ концовъ, не обратилась бы въ орудіе тираніи, въ новое патентованное средство порабощать личность и волю другихъ. Хи-хи-хи! Обыкновенно каждая идея переживаетъ три фазиса: первый, когда за нее преслѣдуютъ, второй, когда съ нею мирятся, и третій, когда она канонизируется и во имя ея начинаютъ угнетать міръ. Такъ было до сихъ поръ. Думаете ли вы, что того же не будетъ съ идеями другой категоріи? Или вы вѣрите, что принадлежность къ извѣстному классу выработаетъ новыя, не существовавшія до сихъ поръ добродѣтели? Мы плывемъ теперь на край свѣта, въ страну, которая сдѣлала наиболѣе смѣлые новые опыты и которая, въ то же время, въ усиленной формѣ переняла отъ остального міра худшее изъ старыхъ опьяненій, опьяненіе блескомъ солдатскаго мундира. Хи-хи-хи! Сколько разъ приходилъ я въ отчаяніе отъ того, что не великій поэтъ. Тогда бы все это я выразилъ въ одной поэмѣ, которую назвалъ бы, какъ Лонгфелло, „Эксельсіоръ“, и больше ничего не писалъ бы.

— Что именно выразили бы?—разсѣянно спросилъ Ястрембскій. Его вниманіи привлекли два эмигранта, только что вышедшіе изъ каюты и усѣвшіеся на скамьѣ, хорошо освѣщенной большимъ фонаремъ со стеклами, забранными сѣткой. Эмигранты были—еще не старый, хотя совершенно сѣдой мужчина въ длинномъ плащѣ съ пелериной, да молодая еще дама, закутанная въ большой плэдъ въ зеленыхъ и красныхъ клѣткахъ.

Эмигрантъ нѣсколько минутъ внимательно осматривалъ различныя группы на палубѣ, вытащилъ записную книжку, постоялъ минуты двѣ, не записывая ничего, затѣмъ съ глубокимъ вздохомъ бросилъ книжку и сжалъ обѣими руками голову. На лицѣ его отразилось глубокое отчаяніе. Дама тревожно и заботливо зашептала что-то, прижавшись къ плечу спутника.

— Да то самое, о чемъ мы говорили! Въ чемъ цѣль жизни!—продолжалъ между тѣмъ докторъ.—Хи-хи-хи! Вы смотрите на Чарльза Ньюнеса, не правда ли?—оборвалъ онъ вдругъ.

Ястрембскій мало читалъ, но про Ньюнеса, выдвинувшагося сразу двумя блестящими произведеніями, о которыхъ заговорили всѣ,—слыхалъ. Зналъ также Ястрембскій, что Ньюнесъ перемѣнился совершенно впослѣдствіи. Критики, восторгавшіеся прежде искрометнымъ стилемъ автора, теперь не узнавали тяжелыхъ, неправильно построенныхъ, запутанныхъ періодовъ, въ которыхъ одни и тѣ же слова повторялись по многу разъ.

— Я знаю хорошо Ньюнеса и могу вамъ сказать, почему онъ бѣжитъ изъ Англіи туда же, куда и мы. Нашъ пароходъ нагруженъ живыми обломками. Ньюнесъ—тоже обломокъ. Общество высосало изъ него индивидуальность и вышвырнуло за бортъ. Голова Ньюнеса перестала создавать образы, тѣ же, которые являлись порой, вымученные долгой работой, были холодны, какъ ледъ, и тусклы, какъ лондонскій туманъ. Прежде, когда Ньюнесъ писалъ, онъ чувствовалъ себя подхваченнымъ мощнымъ потокомъ, который мчалъ его до конца работы. Затѣмъ во время работы онъ сталъ испытывать особое раздвоеніе: одно *я* писало, другое—внимательно слѣдило за процессомъ и съ ужасомъ констатировало, до какой степени все написанное выходитъ холодно и сухо. Когда-то окончаніе работъ приносило, вмѣстѣ съ усталостью, пріятное чувство сознанія, что вышло хорошо. Затѣмъ ко-

нецъ работы сталъ сопровождаться отчаяніемъ отъ сознанія, что все вышло холодно и сѣро. Ньюнесъ отправлялъ рукопись, не имѣя силъ прочитать ее. О, я хорошо изучилъ Ньюнеса! Наконецъ, пришелъ день, когда издатель прислалъ вѣжливое письмо съ заявленіемъ, что фирма находитъ необходимымъ измѣнить прежнія условія. Къ отчаянію писателя, убѣдившагося, что творчество оставило его,—прибавился еще ужасъ предъ призракомъ нищеты. И въ это время прибываетъ приглашеніе изъ Новой Зеландіи отъ издателя „Нью-Плимутской Почты“ стать редакторомъ газеты. У „Нью-Плимутской Почты“ появился сильный конкуррентъ въ видѣ „Нью-Плимутскаго Телеграфа“, издатель которой выписалъ редактора изъ Мельбурна. Тогда издатель „Почты“ заявилъ читателямъ, что, безпрерывно заботясь объ улучшеніи газеты, онъ никогда не щадилъ расходовъ. И теперь тоже онъ не остановился предъ крупной денежной затратой и выписалъ въ редакторы извѣстнаго писателя изъ Лондона. И такимъ-то образомъ Ньюнесъ очутился на *Аталантѣ*. Вы наблюдали его? Онъ вышелъ изъ каюты по инстинкту беллетриста, чтобы набросать типичную картину отъѣзда. Онъ въ отчаяніи закрылъ лицо руками. Какое сильное произведеніе навѣялъ бы на него отъѣздъ прежде! Но теперь его воображеніе придавлено свинцовой рукой творческаго безсилья. Сонно проходятъ впечатлѣнія одно за другимъ; но не фиксируются, не отливаются въ пластическіе образы, а уплываютъ, не оставляя слѣда, какъ на хмуромъ небѣ облака, гонимыя вѣтромъ. О, мнѣ знакомо это сознаніе. Сколько оно мучило меня, когда я пытался отлить мою единственную поэму. Хотите, я вамъ разскажу содержаніе ея?

Въ голосѣ доктора зазвучали особыя, тревожныя нотки автора, читающаго въ первый разъ постороннему свое первое произведеніе.

— Ну, слушайте! Хи-хи-хи!—истерически залился онъ,—если хотите, впрочемъ, можете и вздремнуть.—„Удручающая нищета давила часть населенія великаго города, лежавшаго у подошвы высокой горы. И явились вдохновенные и самоотверженные пророки и стали говорить населенію про то, что на самой вершинѣ недоступной горы, за глетчерами, живетъ Страстно Желанный, который можетъ показать новые горизонты, если хватитъ только въ груди мужества добраться до него.

И вначалѣ словамъ пророковъ вняли люди чуткіе и добросердечные; самимъ имъ жилось хорошо, но сердца ихъ обливались кровью при видѣ чужихъ страданій. И этихъ добросердечныхъ пророки увлекали, кого огнемъ слова, кого несокрушимыми, какъ бронза, доводами. И люди оставили богатство и послѣдовали за пророками. Затѣмъ ужъ пристали тѣ, чьи спины гнулись подъ непосильнымъ бременемъ подневольной жизни, а глаза слѣпли надъ неблагодарной работой. И этихъ пророки увлекли, потому сказали имъ: слѣдуйте за нами къ Страстно Желанному. Вы теряете лишь лохмотья, а должны выиграть міръ вѣчнаго счастья.

И пошли также пророки къ іоменамъ, что жили за большимъ городомъ, и стали звать ихъ. И были такіе, что не хотѣли оставить полей, потому что довольствовались іомены малой и скудной жатвой.

— Эксельсіоръ!—говорили пророки горожанамъ.—Увлекайте всѣхъ. Остающіеся могутъ удержать тѣхъ, что согласны идти.

— Гдѣ же живетъ Страстно Желанный?—переспрашивали робкіе и нерѣшительные.

— Тамъ!—указывали вдохновенно пророки на бѣлую вершину, слабо выдѣлявшуюся въ синей дали. И отъ этой синевы крутые бока горы глядѣли еще болѣе грозно.—Тамъ, гдѣ сверкаетъ снѣгъ, за поясомъ зеленыхъ глетчеровъ.

— Тамъ!—стономъ вырвалось изъ груди даже не робкихъ.—Но туда и хода нѣтъ!

— Эксельсіоръ!—въ отвѣтъ воскликнули пророки.

Не по силамъ болѣе былъ людямъ тяжелый, неблагодарный, одурманивающій трудъ, а краснорѣчіе пророковъ было бурно. Оно порождало сладкія надежды, которыя, какъ крѣпкое, дорогое вино, зажигали кровь и окрыляли даже наиболѣе забитыхъ. И оставили люди свои мрачныя, сырыя мурьи и послѣдовали за вождями. Вначалѣ подъемъ на гору былъ почти незамѣтенъ. Съ пѣснями приставали изъ попутныхъ селъ все новыя и новыя толпы взыскующихъ. Но стала приближаться гора. И чѣмъ ближе подходили къ ней, тѣмъ она казалась грознѣе. Начался крутой, окруженный пропастями подъемъ по острому ребру горы. У робкихъ и слабыхъ кружились головы. Имъ казалось, что вся гора качается, какъ лодка въ бурю. Иные изъ взыскующихъ сорвались въ про-

пасть; иные, обезсиленные усталостью, свалились на подъемѣ, потому что ноги ихъ распухли и покрылись язвами. И были люди, которые хотѣли остановиться и помочь упавшимъ.

— Эксельсіоръ!—звали пророки.—Впередъ, къ Страстно Желанному! Оставьте обезсилѣвшихъ! Такъ нужно. Помогая слабымъ, вы задержите лишь всѣхъ. Чѣмъ больше падаетъ людей, тѣмъ крѣпнетъ увѣренность, что близится вершина.

Съ грохотомъ прорвалъ берега глетчеръ, покрытый сѣрыми камнями. По крутому откосу горы, пробуждая стократное эхо въ ущельяхъ, покатились громадныя глыбы камня. Онѣ сокрушали все на пути. Вздувшіеся потоки, что подтачивали глетчеръ, хлынули широкимъ водопадомъ по катившимся камнямъ, догоняя ихъ. И много взыскующихъ погибло тогда.

— Эксельсіоръ! Впередъ!—звали тѣ пророки, которые не были задавлены камнями.—Вамъ терять нечего! Мы прошли большую часть пути. Ужель теперь возвращаться?

И путники съ мужествомъ отчаянія перебирались черезъ заваленный сорвавшимися скалами путь. Не разъ взыскующіе встрѣчали груды человѣческихъ костей. И говорили скептики, что то останки тѣхъ, которые прежде искали Страстно Желаннаго.

— Куда насъ ведутъ?—стали роптать упавшіе духомъ.—Есть ли на вершинѣ горы за глетчерами Страстно Желанный?

— Эксельсіоръ! Впередъ! —звали вдохновенные пророки.—Страстно Желанный долженъ быть, потому что мы такъ вѣримъ!

Послѣ великихъ мученій и горькихъ страданій добрались странники до вершины горы. И дошла туда лишь малая часть всѣхъ взыскующихъ. Кости остальныхъ или усѣяли подъемъ, или валялись въ пропастяхъ, дна которыхъ никто еще не мѣрилъ. И прежде всего замѣтили сомнѣвающіеся, что широкаго кругозора, обѣщаннаго пророками, нѣтъ. Все окрестъ было покрыто густымъ, пронизывающимъ туманомъ. Но радостно прозвучалъ въ чистомъ горномъ воздухѣ крикъ, вырвавшійся согласно изъ множества грудей:—есть, есть!—И всѣ узрѣли Страстно Желаннаго. Неподвижно сидѣлъ онъ и съ невыразимой скорбью глядѣлъ на покрытыхъ рубищемъ, измученныхъ странниковъ, изнуренныхъ не столько страда-

ніями пути, сколько страхомъ сомнѣнія и предстоящимъ ужасомъ разочарованія. И вершина горы огласилась ликованіемъ и пѣснями, и счастливымъ смѣхомъ, перемѣшаннымъ съ рыданіями, и нестройнымъ хлопаніемъ въ ладоши. И плакали въ восторженномъ умиленіи измученные странники, и самые заклятые враги, которымъ лицо недруга было противнѣе вида жабы, падали въ объятія другъ другу.

— Онъ существуетъ, Страстно Желанный!—выплывали изъ нестройнаго гомона рыданій и обрывковъ пѣсенъ ликующіе возгласы.—Правду сказали пророки! Міръ вѣчнаго счастья и совершенной справедливости завоеванъ! Эксельсіоръ! Эксельсіоръ!

Отдѣлились впередъ пророки и подошли къ Страстно Желанному. Къ Страстно Желанному подошли они, чтобы узнать ворота въ новый міръ. И замерло сердце въ груди у пророковъ, когда прочитали они великую скорбь на лицѣ Страстно-Желаннаго и узрѣли слезы въ печальныхъ очахъ его...

Ястрембскій слушалъ съ все возроставшимъ вниманіемъ.

— Ну!—воскликнулъ онъ, когда докторъ остановился.

— У меня еще нѣтъ конца, или, точнѣе, имѣются двѣ варіаціи его,—тихо началъ докторъ. Онъ теперь ужъ не хихикалъ своимъ истерическимъ смѣшкомъ. Лицо старика еще болѣе поблѣднѣло. Растрепанные жидкіе волосы выбились космами изъ-подъ засаленной твидовой шапочки. У Ястрембскаго мелькнуло въ головѣ, что, по всей вѣроятности, одинъ изъ пророковъ былъ похожъ на этого старика.

— По одной варіаціи Страстно Желанный говоритъ: „Мнѣ нечего вамъ сказать“. По другой—онъ отвѣчаетъ: „Спуститесь и опять начните взбираться той дорогой, которую прошли. Ибо нѣтъ идеала, а есть лишь исканіе его!“ У Лонгфелло искателя истины находятъ мертвымъ, но съ яснымъ, счастливымъ лицомъ. У меня—горные кречеты на другое утро видятъ груду истерзанныхъ, застывшихъ отъ холода тѣлъ. Здѣсь, очевидно, былъ жестокій бой. Одни лица выражали лишь страданія; на другихъ—застыло смѣшанное выраженіе скорби и отчаянія. И послѣднія тѣла были особенно истерзаны. То лежали пророки, что вели странниковъ.

— Хи-хи-хи!—вдругъ залился рѣзкимъ и непріятнымъ смѣхомъ докторъ.—Вѣдь это только ненаписанная поэма. Теперь мы сами взыскующіе. И, какъ видите, авторъ плыветъ

на край свѣта, чтобы посмотрѣть на Мемнона, твердо рѣшившаго быть современнымъ мудрецомъ.

— На какого Мемнона?—переспросилъ удивленно Ястрембскій.

— А это сказка такая есть у Вольтера. Memnon conçut un jour le projet insensé d'être parlaitement sage,— заговорилъ докторъ по-французски съ типичнымъ англійскимъ акцентомъ.—Мемнонъ твердо рѣшилъ разъ утромъ быть совершеннымъ мудрецомъ. „Люди несчастны,—аргументировалъ онъ,—потому что глупы и потому, что дѣлаютъ ошибки. А такъ какъ я уменъ, вижу ошибки и имѣю предъ собою долгій опытъ всего человѣчества, то мнѣ ничего не стоитъ идти вѣрнымъ путемъ и быть счастливымъ". Такъ рѣшилъ Мемнонъ и въ тотъ же день надѣлалъ рядъ глупостей, какъ всѣ люди. Глупости и ошибки повели къ тому, что къ вечеру Мемнонъ былъ избитъ, искалѣченъ и потерялъ все состояніе.

Издалека, не смотря на раннее утро, сталъ доноситься однообразный, все возроставшій гулъ. Можно было подумать, что то реветъ море во время прибоя. Громадный городъ просыпался. Негоціантъ, отправлявшій спиртъ въ Зеллу, поднялся изъ трюма, убѣдившись, повидимому, что все обстоитъ въ порядкѣ.

— Вы спускаетесь теперь?—спросилъ у него вахтенный офицеръ.

— Нѣтъ, близь Маргета, вмѣстѣ съ лоцманомъ,—отвѣтилъ негоціантъ. Онъ закурилъ толстую сигару и сталъ спиной къ борту, чтобы, какъ любопытныхъ звѣрей, лучше видѣть переселенцевъ. Близился моментъ отъѣзда, такъ какъ начался отливъ. Вода оставляла на лѣстницахъ набережной валы жидкаго, вонючаго ила, въ которомъ, не смотря на холодъ и на ранній часъ, копошилось уже нѣсколько „болотныхъ жаворонковъ" *), вытаскивая жестянки отъ сардинокъ, бутылки, раскисшіе въ водѣ старые башмаки и пр. Пронзительно прозвучалъ третій свистокъ. Въ глубинѣ громаднаго парохода затрещала и зазвенѣла приводимая въ движеніе машина. Казалось, трещатъ суставы только что проснувшагося великана, который, прежде чѣмъ приняться за работу,

*) Болотными жаворонками называютъ мальчишекъ, занимающихся особымъ промысломъ на берегахъ Темзы.

зѣваетъ и вытягиваетъ могучія руки. Огромные винты медленно шлепнули, грязная вода запѣнилась и забила ключемъ. Пароходъ тихо тронулся.

— „Родина, дорогая родина!“—пронеслось надъ грязной рѣкой нестройное пѣніе сотенъ голосовъ. То собравшіеся на палубѣ пѣли прощальный гимнъ англійскихъ эмигрантовъ. Въ пѣснѣ говорилось про обвитые плющемъ котэджи предковъ, про сѣрыя надгробныя плиты, скрытыя подъ тѣнью лопушистыхъ каштановъ, на которыхъ пучки цвѣтовъ красуются, какъ свѣчи на рождественской елкѣ.

„Родина, дорогая родина!“—жалобно, какъ стонъ чайки съ подстрѣленнымъ крыломъ, проносится надъ мутной рябью просыпающейся рѣки. И все большій и большій хаосъ чуется въ нестройномъ пѣніи. Ужъ кое-гдѣ слышатся слезы. А пѣсня растетъ да растетъ.

Весело звучитъ перезвонъ на старой колокольнѣ родной церкви. Дѣти въ бѣлыхъ передничкахъ, счастливыя и довольныя, бѣгутъ изъ школы къ тому мѣсту, гдѣ подъ низко свѣсившимися кустами ивы тихо журчитъ ручей. На берегу его играли, когда были дѣтьми, еще тѣ древніе старики, кости которыхъ тлѣютъ теперь подъ сѣрыми плитами, изъѣденными лишаями. Родина, милая родина!

И звонко гудятъ въ чистомъ воздухѣ протяжные звуки волынки. Какъ хорошо играетъ старый Дикъ! неумолчно вторитъ эхо въ покрытыхъ верескомъ холмахъ звонкимъ пѣснямъ и серебристому дѣвичьему смѣху. Свадебная процессія возвращается изъ церкви. Дѣти осыпаютъ молодыхъ рисомъ и пшеницей. Стройнѣе осокоря красавецъ-женихъ въ шляпѣ, повитой вѣткой плюща; румяная, какъ макъ, невѣста, косы которой переплетены душистой павиликой... Дѣвушки срываютъ маргаритки, ощипываютъ лепестки и шепчутъ: „котельщикъ, портной, солдатъ, морякъ“!—Онѣ загадываютъ, съ кѣмъ имъ придется возвращаться изъ церкви...

— „Родина, милая родина!“—на этотъ разъ воплемъ отчаянія проносится припѣвъ въ туманномъ воздухѣ; кое гдѣ слышатся стоны. Женщины плачутъ навзрыдъ. Мужчины жмутъ имъ руки, говорятъ слова утѣшенія, хотя у самихъ по щекамъ текутъ слезы. Лишь длиннобородые иностранцы-переселенцы сидятъ неподвижно, закутавшись въ одѣяла и платки.

— Хи-хи-хи!— залился докторъ:—заблужденіе сладко, какъ медъ, а дѣйствительность горька, какъ полынь. Поющіе увезутъ въ глубь Новой Зеландіи представленіе не о дѣйствительной родинѣ съ низкой заработной платой, съ холодомъ и голодомъ, съ порядкомъ, при которомъ сорокалѣтніе работники выбрасываются на улицу, какъ старики, не о родинѣ, вынудившей всѣхъ этихъ переселенцевъ бѣжать къ моарисамъ,—а о подрумяненной отчизнѣ, какой она изображена въ пѣснѣ. Видите этихъ переселенцевъ, что рыдаютъ у бортовъ? Это—дѣти трущобъ, изъ Ламбета. Въ своей великой пустынѣ кирпичныхъ домовъ они никогда не видѣли того, что оплакиваютъ въ пѣснѣ. „Чистый ручей“ для нихъ такая же метафора, какъ для насъ—„райскія струи“. Въ Ламбетѣ знаютъ лишь грязный, вонючій обводный каналъ, въ водѣ котораго, отравленной сосѣдними фабриками, подохли даже жабы и тритоны. „Родина, милая родина! краснощекія дѣти!“ Хи хи-хи! Въ Ламбетѣ фабрика убила дѣтскія грезы. „Играющія дѣти“!—передразнилъ докторъ.—Откуда они возьмутся? Съ пяти лѣтъ ребята уже не „дѣти“, а „рабочія руки“, приспособленныя для клейки коробочекъ..

Аталанта проходила между двухъ рядовъ пароходовъ всѣхъ странъ. Парусныя суда стояли такъ тѣсно, что мачты ихъ казались гигантскимъ прибрежнымъ тростникомъ. Въ просвѣтѣ между мачтами виднѣлись черныя отъ ихъ копоти стѣны складовъ и верфей. Кое-гдѣ, борясь съ копотью и грязью, выглядывали на цѣпяхъ громадныя буквы крикливыхъ рекламъ. Лаконическія, какъ геометрическія формулы, онѣ властно и назойливо твердили на тысячу ладовъ о добротной водкѣ и о бархатномъ пивѣ. Медленно стали надвигаться высокія каменныя, безконечныя стѣны домовъ. На палубѣ перестали пѣть. Нѣчто другое заняло вниманіе переселенцевъ. Громадная толпа оборванцевъ жалась у запертыхъ воротъ домовъ. Казалось, по какой-то громадной сточной трубѣ выплыло сюда изъ города все, что было въ немъ наиболѣе грязнаго, оборваннаго и несчастнаго.

— Это докеры дожидаются, покуда наймутъ ихъ,—объяснялъ докторъ Ястрембскому, который, какъ прикованный, стоялъ у борта.— Смотрите, въ этой толпѣ смѣшались люди, потерпѣвшіе крушеніе во всѣхъ слояхъ общества. Тутъ есть едва грамотные, принесенные въ городъ обратнымъ потокомъ

изъ умирающей деревни; не мало, затѣмъ, горожанъ, брошенныхъ сюда мотылями вновь изобрѣтенной машины, но есть и такіе, которые говорятъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ. Ихъ всѣхъ прибило теченіемъ къ послѣдней ступени общественной лѣстницы. Ниже доковъ—есть лишь смерть на улицѣ.

За запертыми воротами загудѣлъ колоколъ. Отворилась боковая калитка. Огромное, грязное, голодное и неподвижное до тѣхъ поръ стадо сильно заволновалось. Началась давка. Стоявшіе позади ожесточенно стали работать локтями и кулаками, чтобы пробиться къ калиткѣ, на порогѣ которой стоялъ пухлый мужчина, съ подвитымъ клокомъ на лбу, съ густыми усами и съ листомъ бумаги въ рукахъ.

— Пришелъ подрядчикъ,—объяснилъ докторъ.—Теперь для каждаго идетъ вопросъ о томъ, удастся ли получить работу или нѣтъ, т. е. о томъ, придется ли провести ночь въ пріютѣ или же на улицѣ.

Съ парохода отчетливо были видны нервныя движенія оборваннаго стада. Поднимали вверхъ руки; задніе прыгали на плечи стоящимъ впереди.

— Они стараются обратить на себя вниманіе и напомнить подрядчику, что работали ужъ у него,—пояснялъ докторъ

Крики и гомонъ до такой степени увеличились, что доплыли совершенно явственно до стоящихъ на палубѣ *Аталанты*.

— Рыжій тутъ! Помнишь меня, хозяинъ?—крикнулъ одинъ изъ оборванцевъ, съ рыжими волосами и такою же всклокоченной бородой.

— Перебитый Носъ! — хрипло возгласилъ одутловатый мужчина въ поломанномъ цилиндрѣ и въ остаткахъ чернаго сюртука.

— Коротышка!

— Обдери-Козу!

— Батька!—хозяинъ, Батька всегда хорошо работаетъ!

— Они выкликаютъ свои прозвища,—продолжалъ свои объясненія докторъ,—въ надеждѣ, что такъ ихъ подрядчикъ скорѣе узнаетъ и возьметъ на работу. Сколько умильныхъ улыбокъ нужно затратить имъ, чтобы получить возможность продать силу своихъ мышцъ.

Ворота распахнулись, впустили часть стада, затѣмъ снова захлопнулись.

— Подрядчикъ нанялъ сколько ему нужно на весь день.

— Почему же не расходятся остальные?—спросилъ Ястрембскій, котораго видъ этой толпы совершенно придавилъ. Онъ стоялъ, пораженный, не имѣя силъ оторваться.

— Да имъ некуда уходить. Къ тому же, они все еще питаютъ надежду на чудо, которое доставить имъ и хлѣбъ, и ночлегъ. Какого рода чудо? А вотъ, быть можетъ, при низкомъ приливѣ понадобится ввести въ доки огромный, океаническій пароходъ. Тогда впрягутъ въ лямку всѣ свободныя руки.

— Гипъ-гипъ-ура!—донеслось съ берега.

Толпа замѣтила пароходъ и пожелала счастливаго пути. Эмигранты замахали платками и шляпами.

— Bloody dogs!—пронеслось надъ рѣкой пьяное ругательство тюремной птицы. Въ ругательствѣ звучали слезы безсильнаго бѣшенства и отчаянія. „Тюремная птица“ грозилъ кулакомъ громадному городу, довольно ясно уже вырисовывавшемуся вдали, въ утреннемъ туманѣ.

— Проклятье вамъ! Проклятье, бездушные, злые, подлые и гнусные лицемѣры!—кричалъ онъ, грозя кулакомъ, съ зажатой бутылкой въ немъ. И, какъ испуганная птица съ подстрѣленнымъ крыломъ, прижалась къ нему старая дама съ выбившимися изъ-подъ шляпы сѣдыми буклями.

— О, сынъ мой! дорогой мой мальчикъ!—запептала она, вздрагивая, какъ отъ удара хлыстомъ, при каждомъ ругательствѣ.—Не надо этого, не надо!

— Какъ хорошо, что отчаянные уѣзжаютъ отсюда!—шепнулъ отправитель спирта въ Зеллу, младшему офицеру.—Жаль, что ссылка въ Ботани-Бей отмѣнена,—со вздохомъ продолжалъ онъ.—Этихъ отчаянныхъ развелось столько, что всѣ честные люди скоро будутъ находиться въ серьезной опасности!

Аталанта поплыла быстрѣе. Оба берега стали убѣгать. Утренній вѣтерокъ погналъ послѣдніе остатки тумана, который поплылъ, припадая своею волокнистой, бѣлесоватой грудью къ ряби мутной рѣки. Пахло иломъ и гніющими водорослями. Громадный городъ остался позади. Виднѣлись еще лишь громадныя фабричныя трубы. И въ утренней мглѣ онѣ казались чудовищными драконами, которые вытянулись высоко и приподнялись, чтобы взглянуть на убѣгающихъ отъ

нихъ людей. Что-то заклокотало въ груди пифоновъ; съ шипѣньемъ и стономъ вырвалось изъ пасти ихъ черное облако дыма.

— Хи-хи-хи! — залился докторъ. — Слышите, что трубы говорятъ переселенцамъ? „Вы не уйдете отъ насъ. На краю свѣта, въ странѣ моарисовъ, мы нагонимъ васъ!“

На горизонтѣ блеснулъ пучекъ багровыхъ лучей восходящаго солнца. На *Аталантѣ* все замерло. Въ душѣ всѣхъ этихъ взыскующихъ новаго града въ болѣе или менѣе ясной формѣ вставалъ одинъ и тотъ же вопросъ: „Что сулитъ новое солнце *тамъ*, далеко, за нѣсколькими морями: ведро ли, бурю, или же монотонное, сѣрое прозябаніе, какъ то, что осталось позади?

Діонео.

ВЪ ГЛУШИ

(Изъ записной книжки).

Солнце садилось за гребни далекихъ горъ, золотя вершины старыхъ сосенъ, когда мы въѣзжали въ ворота колпаковской поскотины. Послѣ обстоятельнаго совѣщанія старосты съ тремя мужиками и двумя бабами, вышедшими изъ сосѣднихъ дворовъ, мнѣ отвели квартиру въ лачугѣ стараго солдата Пименыча. На немъ остановились потому, что баба его не страдуетъ, на покосъ не ходитъ, слѣдовательно, можетъ прислуживать мнѣ безъ ущерба своему хозяйству—это во-первыхъ; во-вторыхъ, оба они люди „мірскіе", знаютъ обхожденіе съ господами: онъ бывалъ цѣловальникомъ, куритъ цыгарки, пьетъ чай и, вообще, свободенъ отъ деревенскихъ предразсудковъ; она—изъ заводскихъ, знаетъ порядки, стряпала однажды на самого исправника, и исправникъ ее похвалилъ.

Собственно, квартира моя—бывшій кабакъ съ дверями прямо на улицу, изъ котораго еще не выдохся совершенно сивушный запахъ; съ боку приткнулся маленькій, совсѣмъ развалившійся дворикъ; сзади пристроены новыя сѣни съ окномъ, въ которое еще не вставлена рама. Въ этихъ-то сѣняхъ я и расположился. Сижу у окна на колченогомъ табуретѣ. На столѣ кипитъ самоваръ. На землю спускается тихій, благодатный вечеръ. Солнце уже закатилось, и я съ невольною грустью наблюдаю, какъ все постепенно темнѣетъ и тухнетъ кругомъ. Окно выходитъ въ огородъ, откуда открывается наивный и милый пейзажъ, полный простора, воздуха и мягкихъ, задумчивыхъ полутоновъ. Прямо подъ окномъ разсти-

лаются конопляники, за ними, окаймленная кустами, сверкаетъ рѣка Айва; за ней тянутся луга, за лугами горы, покрытыя лѣсомъ. На все опускается сумракъ ночи. Тишина... Только въ огородѣ неугомонно стрекочутъ кузнечики, да за рѣкой на лугахъ слышенъ звонъ колокольчика. Отъ рѣки подымается туманъ. Изъ-за него бѣлѣется церковь села Степанова, лѣвѣе другая церковь въ Старомъ Посадѣ. Сильно пахнетъ коноплей. Изрѣдка доносится съ луговъ тонкій ароматъ свѣжаго сѣна. Все полно кругомъ такого безмятежнаго покоя и задумчивой печали, что мнѣ хочется плакать и почему-то жаль стараго Пименыча, который стоитъ въ дверяхъ и говоритъ:

— У насъ больше все столовѣры, ваше благородіе необразованность, поповъ не признаютъ, въ церковь не ходятъ.

— А ты православный?

— Вотъ видишь—цыгарку курю. Солдатомъ былъ—нельзя.

— Остальные всѣ старовѣры?

— Коренные жители—столовѣры, а припущенники православные. Наприпущали въ общество старики вятскихъ и всякихъ другихъ народовъ, Богъ знаетъ какихъ, теперь маются.

— Отчего?

— Совѣтъ не беретъ. Извѣстно, одни—столовѣры, другіе—церковные.

— Зачѣмъ же принимали?

— А водочка—матушка! Все она дѣйствуетъ.

— Но вѣдь старовѣры не пьютъ?

— Кто? столовѣры-те? Ну, сказалъ ты, не пьютъ! Только поднеси! Какъ псы, жадны до вина, будь они прокляты, стриженныя макушки!

— А ты пьешь?

— Я-то? Пью. Я пью, прямо сказать, запоемъ.

— Ты чѣмъ занимаешься?

— Чѣмъ? Ничѣмъ.

— Можетъ быть, землю пашешь?

— Станетъ солдатъ землю пахать! Военный человѣкъ не пахарь. Да и годы мои не такіе.

— Чѣмъ же живешь?

— А вотъ такъ и живу. То да се, вотъ и живешь, переколачиваешься. Цѣловальникомъ былъ, сторожемъ былъ въ волости, десятничаю. Мало ли.

— Ты чаю не хочешь ли?

— Можно. Ничего, наливай. Я не столовѣръ. Пью и грѣхомъ не считаю.

Пименычъ безъ церемоніи присѣлъ къ столу и долго молча глоталъ горячій чай, обливаясь потомъ.

— А главное,—заговорилъ онъ послѣ третьей чашки,—насчетъ земли пошло у насъ утѣсненіе.

— Земли мало?

— Не то. Земли у насъ довольно. Да вотъ, стало быть, заковычка выходитъ, въ родѣ какъ тяжба заводится.

— Вы на башкирской землѣ живете?

— Почто? Нѣту, на своей, на собственной.

— Какая же заковычка?

— А такая, что случись у насъ съ башкиремъ драка, да отъ этого все и пошло. И выходитъ теперь, что землю-те у насъ отбираютъ.

— Какъ отбираютъ? вѣдь вы собственники?

— То-то. И мы такъ же толкуемъ. Знамо, собственники. А вотъ господа начальники не туда гнутъ, на пять десятинъ насъ ссажаютъ, остатки въ казну, а вятскимъ и прочимъ народамъ, такъ тѣмъ и совсѣмъ ничего. Вотъ оно какъ.

Я попытался разспросить Пименыча пообстоятельнѣе, но оказалось, что онъ ничего толкомъ не зналъ, городилъ какую-то околесицу и, наконецъ, отдѣлался такой фразой:

— А шутъ ихъ разберетъ! Мнѣ что? Я не вникаю въ эти дѣла. Мнѣ они все равно не даютъ земли, подлецы.

Въ комнату вошелъ староста, нарядившійся въ новый суконный кафтанъ, съ прицѣпленнымъ на груди знакомъ. Онъ долго молится на икону, затѣмъ здоровается за руку сначала съ Пименычемъ, потомъ со мной.

— Чай съ сахаромъ!—говоритъ староста.

Глаза его тревожно бѣгаютъ, и, видимо, онъ неспокоенъ. Онъ вятскій, православный, изъ припущенниковъ, и положеніе его, какъ начальника, крайне щекотливо. Уже изъ того, какъ онъ долго и обстоятельно совѣщался по поводу квартиры, можно было заключить, что власть его сильно ограничена. Впослѣдствіи оказалось, что ни одно его дѣйствіе не признается правильнымъ, если оно не было предварительно одобрено сходомъ (въ болѣе важныхъ случаяхъ), или понятыми (въ случаяхъ маловажныхъ.)

Вслѣдъ за старостой вошли трое мужиковъ суроваго, угрюмаго вида. Не молясь, они низко, въ поясъ поклонились мнѣ и молча стали у дверей. Староста, нервный и взволнованный, спросилъ меня, не будетъ ли какихъ нибудь распоряженій, и тотчасъ же, не пускаясь въ излишніе разговоры, вышелъ. Слѣдомъ за нимъ молча и также угрюмо вышли мужики.

— Какъ за арестантомъ слѣдятъ,—сказалъ Пименычъ съ злорадной усмѣшкой:—глазъ не спускаютъ, не даютъ воли вятскому чужеѣду. Хе, хе! вотъ ты, голубчикъ, и потанцуй подъ столовѣрскую дудку!.. Тоже начальникъ! староста называется... Эхъ, ты баба! Нѣтъ, другой бы... Доведись до меня: я бы имъ показалъ кузькину мать! я бы ихъ обучилъ артикулу!.. Опѣхтюи!.. По вашему, солдатъ, такъ и не человѣкъ! Идолы!.. Да вотъ, погоди, я вамъ еще покажу!.. Ты, ваше благородіе, имъ въ зубы-то не смотри. Вонъ урядникъ надъ ними какъ изъѣзжается!—терпятъ. Съ ними что строже, то лучше...

И, сердито перевернувъ чашку вверхъ дномъ и положивъ на него огрызокъ сахару, Пименычъ перекрестился и поднялся съ лавки.

— Учить ихъ надо, кержаковъ!.. Слабость вонѣ пошла—волю забрали! Прежде вонъ—помню—эге-ге! какъ ихняго брата взбарабанивали!..

— Что ты больно сердитъ?

— Небось, будешь сердитъ съ эдакими съ идолами!.. Пусти-ка меня въ начальники, я бы ихъ всѣхъ усмирилъ! по военному!.. За чай, за сахаръ покорно благодарю.

— Пей еще.

— Сытъ. Спасибо. Пойти народишко на сходъ наряжать. Десятничаю я. Десятникомъ изобрали на старости лѣтъ, а земли не даютъ... Паршивые!

И, добывъ откуда-то суковатую палку, безъ которой, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ десятскій при исполненіи своихъ обязанностей, старикъ вышелъ на улицу.

На другой день утромъ, чуть свѣтъ, меня разбудилъ староста, сказавъ, что собрался сходъ, и все готово. Я наскоро одѣлся и, не дожидаясь самовара, который усердно при помощи сапога раздувалъ Пименычъ у крыльца, послѣдовалъ за старостой.

На площадкѣ передъ „земской“ избой собралась кучка

народа. На первомъ планѣ стояли старики съ хмурыми и суровыми лицами въ какихъ-то высокихъ остроконечныхъ войлочныхъ шляпахъ, картинно опираясь на батоги и понуривъ головы, какъ библейскіе патріархи. Молодые въ картузахъ (нѣкоторые даже въ солдатскихъ фуражкахъ) глядѣли бойко, заложивъ руки назадъ, и непринужденностью своей осанки какъ бы протестовали противъ чопорной важности и степенности стариковъ. Мужики среднихъ лѣтъ имѣли смиренный, запуганный и озабоченный видъ, скромно помѣщаясь въ заднихъ рядахъ. Я подошелъ и поздоровался. Мужики сняли шапки, при чемъ обнаружилось, что у всѣхъ стоявшихъ впереди патріарховъ выстрижены на головѣ гуменца, какъ это дѣлаютъ раскольники. Еще издали я замѣтилъ, что у нихъ идетъ о чемъ-то горячій споръ. Я видѣлъ, какъ высокій, худой старикъ съ длинной бѣлой бородой и сѣдыми кудрями сердито стучалъ концомъ палки о землю, а молодой парень въ фуражкѣ, крича что-то, съ азартомъ размахивалъ руками. Разговоръ стихъ, когда мы подошли, и только старикъ, еще разъ стукнувъ палкою, проговорилъ внушительно:

— Вотъ такъ опредѣляемъ, больше ничего.

— О чемъ рѣчь?—спросилъ я.

Старикъ бросилъ на меня суровый, презрительный взглядъ и ничего не отвѣтилъ. Другіе тоже молчали.

— А вотъ законъ разсудитъ,—произнесъ парень, переходя въ задніе ряды.

— Не законъ, а тутъ воля общества,—опять внушительно и важно молвилъ старикъ, злобно оглянувшись на парня.

— Спросите-ка барина, онъ скажетъ.

— Что баринъ! ты барина не шевели, не бариново это дѣло,—продолжалъ старикъ, уже явно теряя самообладаніе.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Такъ... ни въ чемъ... свое дѣло у насъ...

— Вотъ какое дѣло, — началъ парень, приближаясь ко мнѣ.

— Молчи!.. молчи!.. не мути!.. — разомъ зашипѣли нѣсколько стариковъ, стукнувъ палками.

Парень на минуту растерялся и замолкъ, потомъ вдругъ быстро заговорилъ, возвышая голосъ:

— Да вы чего, въ самомъ дѣлѣ?.. На вотъ! какого, прости Господи... Пусть баринъ разскажетъ, какъ оно тамъ... по за-

кону... Спрошу барина—вотъ и все! кто мнѣ запретитъ? Скажетъ—спасибо, не скажетъ—его воля..

— Смотри, парень, смотри! кабы тебѣ не того... смотри!..— угрожающе бормотали старики.

— Вотъ какое дѣло, — обратился ко мнѣ парень, уже не обращая на старика никакого вниманія:—у женщины усадьбу они отбираютъ.

— У вдовы?—спросилъ я.

— Такъ точно.

— Почему же отбираютъ?

— А такъ,—угрюмо вступился старикъ,—вотъ приговоръ даемъ, больше ничего.

— Избу сломать, а мѣсто Ивану Перфильеву... Вотъ они какіе!..

— Ну, тамъ все равно... хоть кому...

— А гдѣ же жить она станетъ, ироды вы, супостаты долгобородые?

— А хоть гдѣ живи! намъ что!

— На воздухѣ, что ли?

— Не на воздухѣ, а гдѣ хочешь, тамъ и живи. Усадьбу мы ей не даемъ. Воля общества. Пусть въ Петрововку идетъ, она изъ Петрововки.

— Но развѣ это по-Божьи?

— Подати она не платитъ, ваше благородіе, огородовъ не городитъ, повинностевъ не несетъ,—какá ей усадьба! Мы и туды и сюды: и огороды городи, и дороги чини, и въ сотники, и въ десятники, а она—Господи благослови—нако-ся, никуда! Добро бы у ней парень былъ, на парня усадьбу, а то одна, какъ перстъ!

— Да ей пропадать, что ли?

— Живи она, мы ее не нудимъ: хоть живи, хоть пропадай.

— Идолы вы полосатые! будьте вы со свѣту прокляты!— закричалъ парень:--дьяволы!..

— Что-о?.. какъ?.. что ты сказалъ?..—зловѣще зарычали старики, но парень уже не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онъ сталъ разсказывать, какъ въ прошломъ году пропивали половину Маринкиной усадьбы, отдавши ее сосѣду Маринки, „полномочному“ мужику Ивану Перфильеву, и какъ нынче хотятъ отобрать остальную половину. Мнѣ

живо представилось это пропиваніе. На сходѣ староста сказалъ, примѣрно, слѣдующее: „Еще такое дѣльце, старички: половину Марининой усадьбы Иванъ Перфилычъ, спасибо ему, на себя принять согласенъ. Какъ на счетъ этого?“ Самое дѣло, конечно, было заранѣе улажено: обществу обѣщано ведро вина, да староста со старичками уже выпили четвертуху, поэтому на сходѣ одни промолчали, другіе сказали съ видомъ полнѣйшаго безпристрастія:

— Хорошее дѣло. Съ Господомъ, со Христомъ. Коли приматъ на себя, то и дай ему Богъ здоровья. Куда ей эко мѣсто. Она вдова.

— Коли Марина не препятствуетъ, то и разговору конецъ,—тонко замѣтили осторожные политики.

— А ей чего препятствовать? У ней еще, слава тебѣ Господи, достаточно останется мѣста. Куда ей! у другого у полномочнаго мужика эдакой усадьбы нѣту.

— Судите старики,—говорилъ староста:—хоть такъ, хоть эдакъ. Мнѣ что! мое дѣло сторона, какъ общество...

— А чего тутъ! Пущай на голоса.

— Согласны, что ли?

— Согласны, согласны, — дружнымъ хоромъ закричали мужики.

— Всѣ согласны?

— Всѣ, всѣ... чего тутъ!.. видимое дѣло...

— Даете руки?

— Даемъ, даемъ...

— Пусть, старики, и Марина руку даетъ.

— Ну, что жъ! пусть и Марина.

Послали за Мариной. Та пришла ни жива, ни мертва: ужъ если позвали на сходъ, значитъ—добра не жди.

— Вотъ что, Маринушка,—ласково началъ староста съ видомъ самаго крайняго доброжелательства:—усадебка у тебя, слава тебѣ Господи, пожалуй, что изо всей деревни добрая усадебка, надобно только Господа благодарить...

Марина въ безмолвномъ испугѣ тупо смотрѣла на мужиковъ и на старосту.

— За эку усадьбу, пожалуй что, сколько сходитъ теперь съ общества разныхъ повинностевъ... Вотъ мы и удумали всѣмъ міромъ .. тебя ослобонить... Оно и тебѣ послободнѣе, да и обществу повеселѣе: все оно не того... не тотъ-воно...

Иванъ Перфилычъ, спасибо ему, приметъ на себя... И ему хорошо: мужикъ онъ полномочный, а своя усадебка у него непросторàнна...

Марина такъ и не сказала на сходѣ ни одного слова и только потомъ, придя домой, долго причитала и выла на огородѣ. На сходѣ давали руки, говорили хорошія слова, пили водку, и Марину заставили руку дать и выпить стаканъ вина.

Разсказавъ все это, парень, постоянно прерываемый стариками, спросилъ меня, правильно ли это по закону.

Я объяснилъ, что по 110 статьѣ мѣстнаго великороссійскаго положенія, усадебная земля, находясь въ наслѣдственномъ пользованіи домохозяевъ, не подлежитъ мірскимъ передѣламъ, и что всѣ общественные приговоры о передѣлѣ усадебныхъ мѣстъ не должны имѣть никакого значенія. Мои слова вызвали цѣлую бурю. Вся декоративная степенность схода моментально исчезла. Безпокойные элементы колпаковскаго міра заволновались и загалдѣли. Молодой парень, защитникъ Маринки, торжествующе размахивалъ руками и что-то кричалъ, должно быть, ругалъ стариковъ. Старики огрызались, какъ волки. Сходъ загудѣлъ, словно потревоженный улей. Только вятскіе припущенники, оставаясь безучастными зрителями, пугливо сбились въ кучу и робко посматривали на волнующійся міръ. Откуда-то вдругъ появилась Маринка, полная, красивая баба лѣтъ за тридцать, и, узнавъ, что усадьбу ея пропили незаконно, кричала, что умретъ, а не уступитъ, дойдетъ до самого губернатора, до самого исправника, до прокурора. Выступилъ на сцену и Перфильевъ, котораго я тотчасъ же узналъ по тому взволнованному и напряженному виду, съ какимъ онъ прислушивался къ моимъ словамъ и рѣчамъ мужиковъ. Онъ все время поддакивалъ мнѣ и говорилъ: „Правильно... такъ, такъ... по закону это какъ есть“, но дѣлалъ видъ, что слова мои нисколько до него не относятся. Онъ нѣсколько минутъ вертѣлся около меня.

— Необразованность!—говорилъ онъ, съ какою-то особенною, напряженною ласковостью заглядывая мнѣ въ глаза:— извѣстно, мужики... объ законѣ понятія не имѣютъ.. Вамъ стульчикъ не принести ли? скамеечку? все послободнѣе, чѣмъ на ногахъ.

— Не нужно, благодарю.

— А то бы я живой рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— А позвольте, хочу я спросить, ежели по согласу али, къ примѣру, купить—дозволяетъ законъ?

— Что купить?

— А вотъ, напримѣръ, я бы купилъ у сосѣда усадьбу, али онъ по согласу уступилъ мнѣ—можно это?

— Можно.

— Стало быть, можно?

— Да, можно.

— Не воспрещается?

— Нѣтъ, не воспрещается.

Получивъ отвѣтъ и что-то уяснивъ про себя, Иванъ Перфильевъ скрылся въ толпѣ и началъ какую-то агитацію.

— Вѣрно, вѣрно... согласье дала... Чего тутъ...—долетали до меня отрывочныя фразы говорившихъ съ нимъ мужиковъ:—она всѣхъ подведетъ... видишь, говоритъ, не по закону... въ случаѣ всѣ отвѣчать должны... Кабы не по согласу, а то по согласу дѣло было...

Подъ вліяніемъ агитаціи Перфильева настроеніе схода быстро измѣнилось. Всѣ вдругъ притихли и стали подозрительно посматривать на меня. Наконецъ, вынырнулъ откуда-то Перфильевъ и торжественно заявилъ, что онъ у Маринки усадьбу купилъ.

— Вотъ при всемъ сходѣ говорю: купилъ.

Маринка ахнула и накинулась на него.

— Купи-илъ? Ахъ ты, окаянный! Кабы купилъ, ты бы деньги мнѣ заплатилъ. Ну-ка, говори: получила я отъ тебя хоть расколотый грошъ?

Перфильевъ отвѣчалъ уклончиво:

— Коли продала, то стало быть... извѣстно, коли продала...

— Нѣтъ, получала я отъ тебя хоть одинъ грошъ?

— А, можетъ, и получала... у меня документъ... приговоръ... Кабы безъ приговора, ну такъ, а то у меня приговоръ... по согласу...

— Купилъ!—кричала Маринка:—купилъ ты у меня, безсовѣстный!..

— Да вѣдь ты согласна была? ну-ка? Все честь-честью.

Ты согласилась, старички не препятствовали, приговоръ дали, все, какъ быть должно.

Маринка какъ-то сразу потеряла самоувѣренность, притихла и стала рукавомъ утирать глаза.

— Если бы ты не согласилась,—продолжалъ Перфильевъ,—ты бы сказала: ступайте домой, старички, нѣту вамъ моего согласія,—вотъ бы ты что сказала. Мы бы разошлись честь-честью: не согласна, только и есть—твоя воля... А то вѣдь ты руку давала, вино пила. Вотъ что, миленькая. А теперь на попятный... Это не хорошо. Все общество теперича ты подъ топоръ подводишь. Въ случаѣ чего—всѣ отвѣчать должны—вотъ что!

— Чего тутъ! мы всѣ свидѣтели!—закричало нѣсколько голосовъ:—дѣло обоюдное, по согласу... Руку давала—чего тутъ!.. Въ случаѣ жаловаться, тебя же оштрафуютъ, потому какъ ты и вино пила...

Въ заднихъ рядахъ опять начался безпокойный гулъ.

— Постойте, господа,—сказалъ я, возвышая голосъ:—вы просили меня разъяснить, какъ по закону,—я разъяснилъ. А теперь поговоримъ о другомъ.

И я заговорилъ о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ.

Вернувшись на квартиру, я засталъ у крыльца дожидавшуюся меня Маринку. Она плакала, кланялась мнѣ въ ноги, просила пожалѣть ея бабье убожество, бранила мужиковъ, высчитывая всѣ свои злоключенія. Изъ всего, что я ей говорилъ, она, видимо, не поняла ни одного слова и осталась въ полномъ убѣжденіи, что все зависитъ исключительно отъ меня одного. Потомъ пришелъ Иванъ Перфильевъ, но я принялъ его очень сухо и сказалъ, что разговаривать намъ съ нимъ не о чемъ. „Такъ, такъ“,—сказалъ онъ съ видомъ человѣка, понимающаго скрытую суть дѣла: „совершенно вѣрно, правильно, это такъ“,—и ушелъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Подъ вечеръ ввалилась ко мнѣ цѣлая депутація съ старостою во главѣ, который, вытащивъ изъ-подъ полы четверть водки и проворно сунувъ ее подъ лавку, истово помолился въ передній уголъ, раскланялся весьма церемонно, по-гостинному, и сказалъ:

— Ишшо здорово, ваше благородіе.

Также церемонно поклонились и другіе, въ томъ числѣ Иванъ Перфильевъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ какой-то

узелокъ. Всѣ были одѣты по-праздничному, и у всѣхъ былъ веселый, праздничный видъ.

— Ну-ка, староста, давай того...—радостно и шутливо заговорилъ наряднѣе другихъ одѣтый мужикъ съ широкой свѣтлорусой бородой и важной, осанистой фигурой (мужики называли его Петромъ Парамонычемъ и относились къ нему съ видимымъ почтеніемъ).—Пошто подъ лавкой добро хоронить? Эхъ ты! принесъ гостинецъ да подъ лавку спряталъ... А ты, Пименычъ, того... тотъ-воно... чего нибудь поскорѣе...

— Сичасъ, сичасъ,—также весело отвѣчалъ Пименычъ и принесъ двѣ рюмки, хлѣбъ, соль и тарелку, въ которую Перфильевъ высыпалъ изъ узла пряники и орѣхи. Затѣмъ староста торжественно извлекъ изъ подъ лавки четверть и поставилъ на столъ.

— Ну-ка, ваше благородіе, нельзя-ли съ пріѣздомъ проздравить,—заговорилъ Петръ Парамонычъ. На лицѣ его расплылась широкая гостепріимная улыбка, онъ весь такъ и сіялъ благорасположеніемъ. У остальныхъ мужиковъ были такія лица, точно они предвкушали предстоящее мнѣ удовольствіе и радовались за меня.

— Я водки не пью,—промолвилъ я сухо.

— Ну-у?..—недовѣрчиво отвѣчалъ Петръ Парамонычъ.— Чтой-то, Господи!.. Неужто... Эка, не догадались мы красненькаго припасти... Эхъ-мы!.. Ну-ка, Иванъ Перфилычъ, ты бы живой рукой...

— И краснаго не пью, ничего не пью.

— Ну-у!.. Господь съ нами!.. какъ такъ?.. Красненькаго можно, Иванъ Перфилычъ сейчасъ живой рукой сбѣгаетъ... Ты не думай... мы не то, чтобы какъ... мы отъ души, отъ пріятности.

— Выкушайте, не обезсудьте на нашемъ угощеніи, ваше благородіе,—сказалъ Иванъ Перфилычъ.—Староста кланяйся барину.

— Милости просимъ откушать,—сказалъ староста и низко поклонился. За нимъ также низко поклонились и всѣ остальные.

— Говорю вамъ, не пью ничего хмѣльного.

— Господи!.. да вѣдь... что это!.. какое хмѣльное!.. Съ нами пречистая мать-Богородица!.. не Богъ знаетъ что!..

— Съ устатку ничего, съ устатку можно.

— Пожалуйте, ваше благородіе.

— Для пріятства.

— Для добраго здоровья.

— Водки я не пью, господа... Милости прошу садиться: сейчасъ подадутъ самоваръ, будемъ чай пить.

— Что это, что это!—говорили мужики, съ замѣшательствомъ переглядываясь.

Послѣ долгихъ церемоній и отнѣкиваній усѣлись за столъ: староста, Иванъ Перфильевъ и Петръ Парамонычъ. Остальные отказались.

— Ты ихъ не безпокой: они не пьютъ,—сказалъ староста.

— Мы не пьемъ,—пояснили тѣ.

— Отчего же?—спросилъ я,—грѣхомъ считаете?

— Быдто такъ, по нашему... конечно, глупость...

Я пригласилъ и Пименыча, и даже ему первому подалъ стаканъ, хотя, по деревенскому этикету, его, какъ послѣдняго въ деревнѣ человѣка, совсѣмъ не слѣдовало приглашать.

— Ну, ты хозяинъ—тебѣ первому,—сказалъ Петръ Парамонычъ въ оправданіе моей неловкости.

Довольно долго всѣ мы, обливаясь потомъ, усердно пили чай въ совершенномъ молчаніи, лишь изрѣдка перекидываясь короткими фразами на счетъ „погодья“, будущаго „урождая“ и т. п. Мужики каждый разъ перевертывали чашки вверхъ дномъ и благодарили. Не обращая на это вниманія, я снова наполнялъ чашки и подавалъ имъ. Мужики съ необычайной энергіей говорили: „довольно, довольно! что ты! будетъ!“ и снова пили.

— Итакъ, въ чемъ же дѣло?—спросилъ я, когда каждый изъ нихъ выпилъ чашекъ по десяти:—вѣдь не даромъ же вы пришли: какое-нибудь дѣло есть?

— Ужъ больно ты, баринъ, догадливъ,—съ добродушной улыбкой отвѣчалъ Петръ Парамонычъ: — есть небольшое дѣльце—это вѣрно, а главное,—захотѣлось намъ тебѣ пріятство сдѣлать... для перваго знакомства... ну, ты водочку не потребляешь...

— Безъ водки говорите.

Мужики съ обычными экивоками объяснили, что пришли посовѣтоваться на счетъ Маринкиной усадьбы. Маринка хочетъ жаловаться по начальству, и они опасаются, какъ бы отъ этого не пострадало все общество. Я отвѣчалъ, что по жа-

лобѣ можетъ быть возвращена Маринѣ усадьба, но что обществу опасаться нечего.

— Такъ, такъ. А что, баринъ, если бы ты попугалъ маленько Маринку, а?... Мы бы въ ножки тебѣ поклонились.. Попугай ты ее...

— Это еще зачѣмъ?

— А то она... шибко носъ задирать зачнетъ.

— Ну, и пусть.

— Сказалъ бы такъ, къ примѣру: въ случаѣ чего ты сама въ острогъ попадешь, потому водку пила, руку дала. Тебѣ она повѣритъ.

Попугать Маринку я наотрѣзъ отказался.

— Эхъ-хе-хе! Ну, что дѣлать!.. Видно, ужъ на Господа упованіе,—вздыхали мужики.

По всѣмъ признакамъ, настоящая цѣль визита была еще впереди. Пименычъ, закуривъ трубку, вышелъ на крыльцо но не затворилъ двери, чтобы не пропустить интереснаго разговора.

— Еще у насъ до твоей милости маломальское дѣльце,— опять началъ Петръ Парамонычъ.

— Ну?

— На счетъ земли. Хотѣли съ тобой посовѣтовать.

— Говорите,—сказалъ я и съ интересомъ приготовился слушать.

Мужики разсказали, что земля, которою владѣютъ они, колпаковцы, вмѣстѣ съ другими двумя деревнями, Митюхиной и Петровановкой, была куплена восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ у башкиръ-вотчинниковъ выходцемъ изъ „Расеи", крестьяниномъ Колпаковымъ. Вскорѣ началась съ башкирами тяжба, продолжавшаяся десятки лѣтъ. Дѣло доходило до сената, и, въ концѣ концовъ, земля была признана за мужиками; но прошлою осенью произошла ссора съ башкирами, окончившаяся дракой, и вотъ съ тѣхъ поръ началось что-то неладное... Что собственно,—я никакъ не могъ понять.

— Надо быть, опять башкиры заспорили,—объясняли мужики:—сурьезная у насъ драка была...

— Что же, собственно, вышло?

— А больше ничего, что у насъ двадцать три тысячи десятинъ земли было, а теперь оказываетъ ее только четыре тысячи.

— Кто? что оказываетъ?

— Членъ выѣзжалъ, объявлялъ.

— Ничего не понимаю.

— Требовали съ насъ, видишь ли, двѣ тысячи рублей.

— Кто требовалъ?

— Въ казну требовали.

— За что?

— А вотъ за это самое... кто его знаетъ!.. Какъ вышло намъ изъ сената рѣшеніе, тогда и зачали взыскивать. А замѣсто того, намъ шестнадцать тысячъ выходило.

— Какія шестнадцать тысячъ?

— А изъ казны. Мы въ казну двѣ, а намъ оттедова, изъ казны-то, шестнадцать тысячъ.

— Чортъ знаетъ что!

— Никакъ не могли мы въ ту пору по изможенію собрать сумму, безъ малаго по десяткѣ со двора сходило. Грѣхъ большой былъ! соберемся на сходку: одни кричатъ—всѣмъ вровнѣ, другіе—по душамъ... Погалдимъ, погалдимъ и безъ пути разойдемся. Такъ и попустились. Можетъ, еще и отъ этого... Глупость-то наша! оно ежели разсудить, по десяткѣ не Богъ знатъ что... Ну, думали, такъ обойдется. Теперь бы, пожалуй, и можно собрать сумму, да членъ говоритъ: теперь, говоритъ, все равно ужъ...

— Что же вамъ еще говорилъ непремѣнный членъ? Говорилъ еще что нибудь?

— Какъ же, говорилъ. Съ часъ говорилъ и все насъ ругалъ: „дураки“, говоритъ, „вы дураки“. Станешь ему объяснять—„молчать!“—потомъ уѣхалъ.

Я ровно ничего не понималъ.

— Есть у васъ какіе нибудь документы?—спросилъ я, теряя всякую надежду уловить въ разсказѣ малѣйшую тѣнь правдоподобія.

— Видишь ли, главные-то документы у насъ отправили въ Петербургъ.

— Въ Петрбургъ? зачѣмъ?

— А вотъ все изъ-за той драки.

— Чудеса!

— Какіе-то остались еще, знать-то.

— Ну, давайте, что есть.

— Староста, сбѣгай за Петромъ Крысанычемъ.

Староста безмолвно повиновался.

— Сію минуту... Онъ тутъ недалече, на завалинкѣ дожидается.

— Кто это Петръ Крысанычъ?—спросилъ я.

— А Колпаковъ, сынъ того Колпакова, на котораго всѣ бумаги писались... И документы всѣ у него, у Петра Крысаныча; у себя держитъ, никому не довѣряетъ. Крѣпкій старикъ, все потерять боится.

Вскорѣ, дѣйствительно, вошелъ въ избу, едва передвигая ноги, дряхлый, сгорбленный, какъ лунь сѣдой старикъ и, опираясь на костыль, оглядѣлъ насъ подслѣповатыми прищуренными глазами.

— Вотъ, Петръ Крысанычъ, кажи барину документы,— крикнулъ ему подъ самое ухо Петръ Парамонычъ.

— А?—переспросилъ старикъ.

— Кажи барину документы.

— О!.. слышу, слышу... сичасъ.

И старикъ вытащилъ изъ-за пазухи какой-то свертокъ завернутый въ грязную тряпицу, и, подойдя къ окну, сталъ его развязывать дрожащими руками. Долго онъ копался подъ первой тряпицей оказалась другая, менѣе грязная, наконецъ, вытащилъ какія-то бумаги, согнутыя въ нѣсколько разъ, и подалъ мнѣ. Документами оказались: довѣренность на хожденіе по дѣламъ, въ формѣ приговора отъ трехъ сельскихъ обществъ, на имя какого-то Ивана Оверьянова, нѣсколько судебныхъ повѣстокъ, печатное наставленіе объ истребленіи кобылки, воззваніе отъ монаховъ Аѳонской горы и, вообще, разный хламъ, который, конечно, не уяснилъ мнѣ ничего. Я сказалъ, какіе это документы.

— То-то, говоримъ тебѣ, настоящіе-те отослали въ Петербургъ.

Старикъ пожелалъ узнать, что я сказалъ объ его документахъ. Ему, крича подъ ухо, передали мои слова.

— Такъ, такъ,—прошамкалъ старикъ,—много было всякихъ гумагъ, все взяли... Я отдалъ, какъ было мнѣ не отдать?.. Съ ножомъ къ горлу пристали писарь да старшина, я и отдалъ.

— Не безпокойся, не пропадутъ,—крикнулъ я ему на ухо.

— Ну, ну, знамо, не пропадутъ... Не пропадутъ, говоришь?.. Ну, спасибо, спасибо... Эдакъ-то тоже, давно ужъ одинъ при-

казный у меня гумагу взялъ... „Поглядѣть“, говоритъ... Я и отдалъ... Пять годовъ у него гумага была: вотъ погоди, да вотъ погоди, да завтра, да послѣ-завтра, да шуточки-прибауточки, а гумага въ ту пору нужна была до зарѣзу... Ну, все-таки отдалъ, спасибо ему... Пять сотенныхъ ему отвалилъ за гумагу, да когда меду, когда рыбы, чаю, сахару, всякой всячины, а ужъ вина сколь выпоилъ, такъ это и не припомнишь... Спасибо, отдалъ: „не хочу, говоритъ, обижать тебя, мужичекъ; хоть ты и отдалъ мнѣ гумагу зря, безъ росписки, однако не хочу противъ совѣсти“... Ну, можетъ, и теперь отдадутъ... Все думаю,—заботитъ меня, ночи не сплю — все думаю... А вонъ зимой-то ночи долгія... О, Господи!.. Такъ, говоришь, не пропадутъ гумаги?

— Не пропадутъ, дѣдушка, не пропадутъ.

— Ну, ну... и хорошо... спасибо.

Старикъ помолчалъ, пожевалъ губами, пристально посмотрѣлъ на меня своими слѣпыми глазами и опять заговорилъ:

— Жаловаться тебѣ, баринъ, хочу... Вотъ не кормятъ они меня... до чего дожилъ... Сынъ былъ, померъ... невѣстка въ городъ ушла... Племянникъ былъ, ушелъ въ солдаты, не вернулся... Теперь одинъ я, какъ перстъ. Что было продалъ, просудилъ, прожилъ... Отъ родителя деньгами осталось шесть тысячъ да домъ полная чаша: десять лошадей, восемь коровъ, овецъ полторы сотни, сколь хлѣба въ кладяхъ и въ амбарахъ, меду, всякой всячины—все просудилъ, продалъ, ничего не осталось... Изба была, усадьба была, и то продалъ, теперь на вдовьемъ положеніи въ клѣтушкѣ живу... Покойникъ родитель, дай Богъ ему царство небесное, какъ зачалъ умирать, говорилъ мнѣ: „охлопочи землю, не попускайся, не отдавай нехристямъ, земля наша, куплена, на все гумаги есть; денегъ не жалѣй; все продай, самъ себя закабали, а не поддавайся...“ И все мнѣ разсказалъ, всему научилъ: и какіе чиновники бываютъ, и кто по какой части, и кто гдѣ живетъ и какой нравъ имѣетъ, и какъ съ господами говорить надо, и кому сколько давать—все растолковалъ мнѣ... Глупъ я въ ту пору былъ, но Господь вразумилъ меня: все понялъ я и родительскія слова запомнилъ... Изъ рукъ въ руки передалъ мнѣ родитель шесть тысячъ рублей,—подъ печкой они у него хоронились, въ лапоть запрятаны... И все имущество передалъ, и всѣ гумаги... И я родительскій за-

вѣтъ исполнилъ, охлопоталъ землю, до сената дѣло доходило, и сенатъ вырѣшилъ въ нашу пользу... Экое мѣсто земли: двадцать три тысячи десятинъ!.. Боже мой! а сколько горя, сколько нужды изъ-за нея я принялъ!.. Бывало, стоишь гдѣ-нибудь въ палатѣ, — ноги отекутъ, потомъ сапоги не снимешь... Сколько тысячъ верстъ пѣшкомъ исхожено! Я, бывало, все пѣшечкомъ—берегъ копѣйку... Самъ не доѣшь, не допьешь, а приказныхъ угощаешь, за одинъ вечеръ, бывало, четвертная улыбнется, а у тебя съ утра куска во рту не было... А для кого старался? для себя, что-ли? Для міра, для общества. Вотъ умру, землю съ собой не возьму, все имъ останется... Говаривалъ мнѣ одинъ приказный: „ты, говоритъ, дуракъ, дядя, сути не понимаешь: вѣдь вся земля твоя, ты какъ помѣщикъ, а прочіе какъ твои арендатели...“ Да я, однако, на такую подлость не согласился.. Нѣтъ! я для Бога старался, бился до послѣдняго, все отдалъ. все просудилъ, ничего себѣ не оставилъ... А вѣдь они, баринъ (старикъ показалъ на мужиковъ), мѣднаго гроша своихъ не издержали.. Повѣреннаго выбрали, какъ не стало мнѣ вѣры, старику, такъ я на свой счетъ его содержалъ—вотъ какъ!.. Теперь состарился, оглохъ, плохо вижу, робить уже не могу... пока могъ, робилъ, — теперь не могу... Чего! видишь, едва ноги волочу, вѣтромъ шатаетъ.. Вѣрно: восѣдъ, когда буря поднялась, я въ канаву упалъ, подулъ вѣтеръ, не могъ удержаться—упалъ... вотъ до чего дѣло дошло!.. Они говорятъ, будто землю у нихъ отбираютъ... Вздоръ! не можетъ этого быть. Сенатъ рѣшилъ, не выскребешь — это я хорошо знаю.

Старикъ выпрямился, голосъ его окрѣпъ, и потухшіе глаза заблистали. Я съ любопытствомъ и невольнымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на него.

— Такъ вотъ какъ, баринъ,—продолжалъ онъ:—обѣщали міромъ кормить меня, чего бы, кажется? велика-ли тягость міру одного человѣка прокормить? Я не сумнѣвался... О, Господи! не много время и кормить-то осталось, помру скоро... Не чаялъ и такъ до лѣта дожить... Дожилъ... А живу—все пить-ѣсть надо.

— Неужели это правда?—спросилъ я мужиковъ:—неужели вы точно его не кормите?

Мужики, сильно сконфуженные, молчали, понуривъ го-

ловы. Только Иванъ Перфильевъ, скосивъ глаза, промолвилъ какимъ-то до крайности фальшивымъ голосомъ:

— Охъ-хо-хо!.. Старость не радость... Старичекъ сталъ Петръ Крысанычъ, старичекъ... Все-то жалуется, все-то обижается старичекъ Божій...

— Мы кормимъ его, ваше благородіе, нечего Бога гнѣвить,—сказалъ Петръ Парамонычъ:—чужихъ кормимъ, ницую братію пропитываемъ, неужели же эдакого человѣка?.. Господи! слава Богу, мы понимаемъ, что онъ потрудился, и кормимъ... Какъ не кормить! кормимъ.

— У насъ положена ему плепорція.

Старикъ захотѣлъ узнать, что говорятъ мужики.

— Они говорятъ, что кормятъ тебя,—сказалъ я ему.

— Кормятъ,—съ горькой улыбкой произнесъ онъ, – съ голоду не даютъ умереть—это вѣрно... А ты спроси, какъ кормятъ? Они, видишь, установили плепорцію: полпуда муки, два фунта крупы, да фунтъ соли въ недѣлю... Вотъ и все. Да хоть бы давали добромъ, и того нѣту: все черезъ старосту. Выйдетъ мука, крупы нѣту, соль вся — ходи, проси. кланяйся. Если бъ не бабы, онѣ сердобольныя, издохъ бы я: спасибо, онѣ меня, старика, жалѣютъ... Вотъ и живу, прямо надо говорить, бабьимъ подаяніемъ. Вотъ рубаха на мнѣ одна, перемѣны нѣту. Когда, вонъ, Марина забѣжитъ: „сними, дѣдушко, рубаху, накинь полушубокъ, я выстираю“. Ну, и сидишь безъ рубахи въ полушубкѣ, пока рубаха высохнетъ. Маринку вы обижаете, а она баба добрая... Вотъ какъ они меня кормятъ... Безъ бабы живу, безъ обиходу, въ избѣ грязь, духота, срамота, нивѣсть когда мыто... Вымоетъ иная баба для Бога—ладно, а нѣтъ—и такъ живетъ. Зимой три дня въ нетопленной избѣ сидѣлъ, дровъ не было, хоть ты что—не везутъ, ужъ я и такъ на дрова все крыльцо изрубилъ.. Еще ладно, вотъ, пока — на своихъ ногахъ, чуть чего—выпрошу, раздобудусь, а свались — издохнешь, какъ песъ, въ холодной избѣ замерзнешь, всѣ тебя позабудутъ... Вонъ захворалъ лонись, просился въ больницу,—и всего-то за десять верстъ, — недѣлю перекорялись, никому везти не охота: очередь они, видишь-ли, перепутали... Спасибо, молодой солдатикъ, Савельевъ сынъ, согласился не въ очередь, увезъ меня въ больницу,—а то хоть издыхай.

— Неужели все это правда? — спрашивалъ я, почти съ

ужасомъ глядя на добродушныя, сконфуженныя лица мужиковъ.

— По ночамъ не сплю, все думаю, все думаю... Какъ только Господь грѣхамъ терпитъ! Одолѣлъ насъ грѣхъ, кругомъ обошелъ насъ, затмилъ разсудокъ и совѣсть... Не стало жалости къ человѣку... не стало согласу... одна свара и грѣхъ... всѣ врозь, всѣ другъ противъ дружки!.. Люди мы или звѣри?.. Звѣрь разумъ имѣетъ и совѣсть, а мы не имѣемъ... Пошлину надо было заплатить, — не могли по десяткѣ со двора собрать!.. А собрали бы да заплатили,—вѣдь шестнадцать тысячъ вамъ въ руки давалось!.. Богъ разсудка лишилъ, смѣшалъ языки... Вѣдь что было! что было! сколько ругани, сколько ссоры!.. Меня моими же деньгами корили, зачѣмъ-де зря растранжирилъ, съ приказными пропилъ?.. Ну, тогда я еще въ силахъ былъ, я ихъ отчиталъ!.. А теперь что? Теперь я имъ не нуженъ, да и силъ не стало... Кормятъ пока Христа-ради—живу, а перестанутъ—издохну... Баринъ, ты меня извини: я сяду, хоть и знаю, что при господахъ нехорошо сидѣть, а не могу...

Я тутъ только спохватился, что старикъ все время стоялъ на ногахъ.

— Старъ сталъ... охъ, старъ... Ужъ ты извини... ноги подкашиваются.

Я предложилъ ему чаю.

— Налей чашечку, ничего, налей... Пью, избаловался съ господами, грѣшенъ, пивалъ.

Не безъ усилія сдерживая жадность голоднаго человѣка, старикъ пилъ чай и ѣлъ хлѣбъ, однако, безъ торопливости и степенно. Выпивъ три чашки, онъ замѣтно развеселился.

— Согрѣлся маленько, слава Богу, хорошо, — говорилъ онъ съ дѣтской улыбкой непосредственнаго удовольствія.— Спасибо... Вотъ ровно и на сердцѣ полегче... А то вѣдь такая тоска... все одинъ да одинъ, лежишь на печи—чего въ голову не придетъ!.. Все звонъ какой-то слышу да голоса... А зимой ночи темныя, а теперь и лѣтомъ для меня стаютъ не свѣтлѣе... Чего! ужъ и днемъ-то едва вижу... Другой разъ кажется, и конца ночи не будетъ, да ровно ей и начала-то не было, а все ночь была, инда страшно станетъ... Вотъ смерти Богъ не даетъ, а пора бы... подходитъ девяносто годовъ...

Напившись чаю, старикъ ушелъ. На мои укоризненныя рѣчи сконфуженные мужики какъ-то вяло и нерѣшительно оправдывались. Они не виноваты: они назначили старику харчевую препорцію, чего еще старику надо? Виноватымъ оказывался то Петруха Ергуновъ, который пропустилъ свою очередь, то староста, что плохо понуждалъ народъ, то самъ Колпаковъ, что во-время не покучился. При этомъ выяснились оригинальные порядки общественнаго „прокормленія“ Колпакова. Кормили его три деревни, доставляя дрова и провизію по очереди, понедѣльно. Очереди то и дѣло умышленно и неумышленно забывались, и старикъ часто сидѣлъ то безъ хлѣба, то безъ дровъ; кромѣ того, многія статьи были совсѣмъ упущены изъ виду, какъ, напримѣръ, чистота помѣщенія, стряпня, одежда и обувь.

— Конешно, старику обидно: прежде онъ великатно жилъ, да и горденекъ онъ,—говорили мужики,—а только у насъ ему ни въ чемъ отказу нѣту. Гли-ка, въ прошломъ году печку просилъ поправить, а мы ему новую сбили, крышку починили, полъ перебрали, валенокъ не было—валенки завели, шляпу купили... Еще сколько любовался старикъ—понравилась ему шляпа... Чего еще! слава тебѣ, Господи...

Когда мужики ушли, я вдругъ почувствовалъ себя почему-то совершенно разбитымъ, у меня разболѣлась голова. Уже поздно вечеромъ я пошелъ прогуляться по деревнѣ. Около кабака на бревнахъ шелъ дымъ коромысломъ: распивали ту самую четверть, которая предназначалась мнѣ Нестройно орали пѣсни, кричали и ругались пьяными голосами.

Я круто повернулъ назадъ, но меня замѣтили и закричали хоромъ:

— Баринъ! а, баринъ!.. ваше благородіе!.. ау!..

Какой-то совершенно пьяный мужикъ, шатаясь, бросился догонять меня, но споткнулся и грузно свалился въ канаву.

На слѣдующій день, проработавъ до вечера, я, усталый и голодный, вернулся въ лачугу Пименыча. Напившись чаю, я долго сидѣлъ у окна, наблюдая надвигавшуюся грозу. Но гроза прошла мимо, и я, сдѣлавъ себѣ на полу постель, улегся передъ раскрытымъ окномъ, зажегъ лампу и сталъ читать. Не успѣлъ я прочесть и одной страницы, какъ отворилась дверь, и вошелъ староста. По его движеніямъ и,

главное, по тому, какъ онъ пролѣзалъ въ двери, я заключилъ, что онъ сильно выпивши. Переступивъ порогъ, онъ вдругъ оробѣлъ и, видимо, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

— Ишшо здорово, ваше благородіе!—сказалъ онъ и сталъ глядѣть куда-то въ сторону.

— Что скажешь?—спросилъ я довольно сухо.

Будто не разслышавъ моихъ словъ, староста продолжалъ слащавымъ голосомъ:

— Все благополучно, слава Богу... Все благополучно, царица небесная... Караульные на мѣстахъ... Я поглядываю когда... нельзя... для порядку.

— У тебя дѣло есть до меня?

— Дѣловъ-то, пожалуй, что, такъ сказать, никакихъ нѣту... некасаемо вашего благородія... Много довольны... Мужики и то говорятъ: экой, говорятъ, баринъ! эдакого барина, пожалуй, что непривидано... право... Я говорю: вотъ, робята, какія господа бываютъ!.. Ужъ извините нашему мужицкому обнаковенію.

Поболтавъ, такимъ образомъ, еще нѣсколько минутъ о моихъ, яко-бы, необыкновенныхъ достоинствахъ и, повидимому, исчерпавъ этотъ предметъ, староста, наконецъ, замолчалъ, тяжело вздохнулъ и потомъ долго пыхтѣлъ, зѣвалъ и даже икалъ, стоя у двери.

— Эко погодье, Господи благослови,—снова заговорилъ онъ:—пра, эко погодье!...

И, помолчавъ немного, опять:

— Истинная благодать Господняя...

Послѣ того опять слѣдовалъ вздохъ и опять молчаніе.

— Надо быть, ваше благородіе, шибко я тебя избезпокоилъ?.. Устали, за день-то намаялись... Тоже дѣла ваши трудовыя—сами видимъ...

— Если у тебя, староста, дѣла нѣту, ступай домой: я, въ самомъ дѣлѣ, усталъ и спать хочу.

— Какъ не устать!—обрадованнымъ голосомъ подхватилъ староста:—цѣлый-то день... Господи! до удивленія даже, то-есть, какъ это столько вы трудовъ принимаете... То я и говорю: избезпокоилъ я васъ... Нашъ братъ мужикъ, извѣстно, сами знаете, лѣзетъ во всякую пору по дурацкому своему разуму безо всякаго вниманія, а, между прочимъ, начальни-

камъ безпокойство, потому иной и безъ дѣла претъ, а единственно отъ глупой своей націи...

— Истинно до чего утруждаются начальники,—продолжалъ онъ, городя всю эту околесицу, какъ мнѣ казалось сначала, съ единственною цѣлію затушевать неловкость несвоевременнаго ко мнѣ визита:—прямо сказать, стараются по опредѣленію своего дѣла вполнѣ и, какъ въ случаѣ мужикъ не понимаетъ, долбятъ ему въ башку, опредѣляютъ законъ по порядку. Я говорю: робята, гдѣ начальники вникаютъ, то и хорошо, а чуть не касаемо, безъ наблюденія, тутъ и есть безпорядокъ, а этого нельзя по закону... Коль скоро есть законный листъ, то и требуется по этому самому епархіальнымъ порядкомъ...

Наконецъ, я убѣдился, что вся эта чепуха говорится не спроста, и что старостѣ хочется прежде всего обнаружить всю разсудительность и благонамѣренность своихъ взглядовъ на вещи, и уже нѣсколько сурово попросилъ его или говорить дѣло, или уходить домой.

Староста обнаружилъ вдругъ чрезвычайную подвижность. Отворивъ дверь, онъ заглянулъ въ сѣни, потомъ, какъ можно плотнѣе затворилъ ее, подозрительно осмотрѣлся по сторонамъ и, подойдя ко мнѣ, заговорилъ таинственнымъ шопотомъ:

— Ваше благородіе, здѣсь все столовѣры! въ церковь не ходятъ, ни-ни, у попа не исповѣдываются, сами крестятъ, сами и свадьбы вѣнчаютъ, ироды, сущіе ироды!.. Насъ, православныхъ, хуже собакъ почитаютъ, вѣрное слово, хуже собакъ... Истинно Сидонскому царству подобны, и все безпоповщина...

— Ну, такъ что жъ? Я знаю.

— А? извѣстны объ этомъ? То-то—какъ, поди, неизвѣстны. Стало быть, кладбище у нихъ свое... Хоронятъ, какъ собаки, безъ благословенія, прямо такъ, на свой хвостъ, по своему глупому обыкновенію... Вотъ я и думаю: нельзя ли ихъ какъ нибудь того?..

— Чего?

— А по закону?

— Что по закону?

— Приструнить, напримѣръ, а?.. Какъ это—принадлежитъ или не принадлежитъ?

— Что принадлежитъ?

— А хоронить-то, значитъ, на свой хвостъ, безъ согласу начальства?..

Я сердито молчалъ, углубившись въ книгу.

— Мы народъ темный, не вполнѣ знаемъ порядокъ закону и что гласитъ по статьѣ, извините, не вникаемъ, то-есть, на счетъ того ихняго кладбища.. Конечно, это, можетъ быть, и не касаемо меня, само начальство видитъ, гдѣ непорядокъ, но собственно потому, что ироды они для нашего брата, православнаго, какъ сущіе псы—вотъ въ чемъ причина.

Я отвѣчалъ, что у всякаго можетъ быть своя вѣра, и по закону не воспрещается вѣровать въ Бога, кто какъ можетъ и хочетъ.

— Это правильно,—поспѣшилъ согласиться староста.

— А правильно, такъ и разговаривать не о чемъ.

— Такъ, такъ.. Главная причина—изъ-за земли пошло отъ нихъ утѣсненіе... Не зачали намъ давать землю..

— Иди-ка ты, староста, домой.

— Слушаю-съ.

Однако староста не ушелъ.

— Это вѣрно,—снова началъ онъ разводить канитель:— вполнѣ, слѣдственно, по своей вѣрѣ располагай, а чужой не касайся—такъ, стало быть? По закону такъ?

— Я тебѣ сказалъ: иди домой.

— Сичасъ, сичасъ... извините.

Староста сдѣлалъ движеніе къ выходу: „ну, такъ ино до свиданія, ваше благородіе“,— затѣмъ, держась за ручку двери, долго стоялъ въ раздумьѣ...

— Часовъ-то, поди, много ужъ...

— Ступай, ступай.

— То-то, поди, ужъ довольно времени... Охъ-хо-хо!.. До пріятнаго свиданія!..

Нѣсколько дней спустя, я сидѣлъ у мѣстнаго мирового судьи и говорилъ съ нимъ о колпаковскихъ дѣлахъ. Къ крайнему моему изумленію, все, что разсказывали о себѣ колпаковцы, оказалось сущею правдой. Они, дѣйствительно, вели долгую и упорную тяжбу съ башкирами и выиграли ее во всѣхъ инстанціяхъ, до сената включительно; оставалось послѣднее усиліе: уплатить около двухъ тысячъ рублей пошлинъ и получить данную. Однако пошлинъ они уплатить не

могли и данной не получили. Вѣрнымъ оказалось и то, что имъ слѣдовало получить изъ казны около шестнадцати тысячъ неправильно взысканныхъ съ нихъ выкупныхъ платежей.

— Да, да,—говорилъ судья,—и представьте, что все это, кажется, пойдетъ прахомъ.

— Но почему же?

— Во-первыхъ, они пропустили десятилѣтній срокъ на полученіе данной,—прошло слишкомъ двадцать лѣтъ и башкиры имѣютъ возможность снова оспаривать ихъ права. Но дѣло, разумѣется, не въ башкирахъ, которые мало въ этомъ заинтересованы... Тутъ кой-что другое...Во-вторыхъ, въ недалекомъ будущемъ предстоитъ размежеваніе Бурминской башкирской дачи, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что колпаковцевъ признаютъ башкирскими припущенниками и, стало быть, дадутъ имъ пять десятинъ на ревизскую душу, т. е. вчетверо меньше того, чѣмъ они теперь владѣютъ.

— Но какъ же это?..

Судья пожалъ плечами.

— Безъ сомнѣнія, ихъ слѣдуетъ признать собственниками, но вѣдь мало ли чего не бываетъ... Коммиссія можетъ имѣть свои взгляды... Тѣмъ болѣе, что данной колпаковцы всетаки не имѣютъ, а уже и это одно можетъ быть достаточнымъ поводомъ для отнесенія ихъ къ разряду припущниковъ.

— Но зачѣмъ это? кому это нужно?

— Оно таки нужно кой-кому. Вы, конечно, слыхали о нѣкоемъ фонъ-Кнопѣ?

— Да, кое-что слышалъ...

— Стало быть, вы помните эту исторію: фонъ-Кнопъ мошенническимъ образомъ пріобрѣлъ у башкиръ участокъ земли, на которомъ оказалось нѣсколько русскихъ поселеній, очутившихся, такимъ образомъ, въ кабалѣ у фонъ-Кнопа. Описаніе границъ этого участка въ документахъ, по обыкновенію, было сдѣлано по живымъ урочищамъ,—и вотъ при отграниченіи въ натурѣ оказалось, между прочимъ, что въ предѣлахъ его находится и часть колпаковской земли, кажется, около двухъ или трехъ тысячъ десятинъ. Кнопъ полагаетъ, что настала пора осуществить свои права полностію... Само собой разумѣется, что овладѣть этимъ участкомъ ему всетаки удастся только въ томъ случаѣ, если участокъ окажется собственностью башкиръ, у которыхъ онъ, яко-бы,

купленъ... Вы понимаете, слѣдовательно, какая выходитъ комбинація?

Затѣмъ судья пустился въ подробности. По мнѣнію его, даже и въ томъ случаѣ, если размежеваніе Бурминской дачи окончится для колпаковцевъ благополучно, положеніе ихъ будетъ всетаки совершенно необезпеченнымъ.

— Собственники! но какіе жъ они собственники! Вѣдь собственникъ-то никто иной, какъ Петръ Колпаковъ, а они? Что они такое? Пролетаріи въ полномъ смыслѣ. Вотъ то-то и оно-то. Пока живъ старикъ—хорошо, а умретъ—тогда какъ? У него наслѣдники,—кто поручится, что они не объявятъ себя помѣщиками? Нельзя думать, чтобы они, подобно старику Колпакову, сохранили въ полной неприкосновенности первобытные взгляды на земельную собственность... Да, да... Дѣло осложняется еще тѣмъ, что ихъ раздѣлили на три отдѣльныхъ общества и не позволяютъ собраться на соединенный сходъ... Однимъ словомъ, подводятся мины подъ фортеціи правды... Въ будущемъ году вводится у насъ реформа, и помяните мое слово, что г. фонъ-Кнопъ окажется въ роли народнаго радѣтеля.

Разставшись съ судьей, я уѣхалъ и больше не бывалъ въ деревнѣ Колпаковой, какъ и вообще въ томъ краю; чѣмъ кончилось дѣло — не знаю. Годъ тому назадъ я прочелъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о какихъ-то возникшихъ въ той мѣстности безпорядкахъ, прекращенныхъ единственно силою слова и убѣжденія со стороны ближайшей къ народу власти. Въ заключеніе корреспондентъ довольно пространно говорилъ о томъ, какъ умиротворенные мужики въ порывѣ раскаянія падали на колѣни и въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарили земскаго начальника, господина фонъ-Кнопа, за преподанное имъ вразумленіе. Въ чемъ выразились безпорядки, изъ-за чего они произошли, и относилось ли сообщенія корреспондента къ колпаковцамъ или къ другимъ крестьянамъ – осталось для меня невыясненнымъ.

А. Погорѣловъ.

* * *

Сверкая роемъ звѣздъ въ небесной вышинѣ,
Безмолвно ночь плыветъ, всѣ чары расточая,
Дыханіемъ садовъ и нивъ благоухая,
Истомой нѣжною сжимая сердце мнѣ
И хмѣлемъ сладкихъ грезъ мой разумъ усыпляя.
Міръ грязной суеты, постылый міръ исчезъ.
Стою, окутанъ тьмой, обвѣянный прохладой,
И, мнится, вотъ сейчасъ въ безмолвной мглѣ небесъ
Глазамъ предстанетъ міръ невиданныхъ чудесъ,—
И дышетъ тишина покоемъ и отрадой.

Но тамъ, на днѣ души, какъ строгій судія,
Уже въ тиши встаетъ суровое сознанье.
Разсѣялись мечты... Печали полонъ я,
И вновь меня томитъ загадка бытія
Съ мгновеньемъ радости и вѣчностью страданья.
О ночь, твоей красой на мигъ лишь опьяненъ,
Уже очнулся я, стряхнулъ обманъ жестокій:
Твой сладкій поцѣлуй отравой напоенъ,
И въ тишинѣ твоей—ревъ пушекъ, вой и стонъ,
И въ ароматной мглѣ—кровавые потоки.

Природа! Атомъ твой, исполненъ горькихъ думъ,
Тревогою своей хотѣлъ бы міръ встревожить...
И то, что вызвалъ въ немъ кипучей жизни шумъ,
Ту мысль, что о тебѣ-жъ родилъ строптивый умъ,
Ты, всемогущая, безсильна уничтожить...
И, видя вкругъ себя ожесточенный бой
И силы торжество—законъ жестокій твой,
Полна моя душа тоски и отвращенья.
И средь красотъ твоихъ, съ поникшей головой,
Взываю скорбно я: „О гдѣ-жъ ты, Богъ живой,
Источникъ милости, любви и всепрощенья?“

А. Вербовъ.

Во французскомъ вагонѣ III класса.

(Путевые наброски).

Французы? Они милые...
Изреченіе русской дамы.

Они удивительные... Всякій разъ, когда я переѣзжаю границу—итальянскую или швейцарскую, нѣмецкую, англійскую и попадаю во Францію, въ ея скверненькіе вагоны 3-го класса, я испытываю одно и то-же ощущеніе,—мнѣ становится весело,—единственное опредѣленіе, которое я могу сдѣлать.

Быть можетъ, до извѣстной степени въ этомъ виновата природа. Послѣ плоскихъ, унылыхъ равнинъ Пруссіи, ея насаженныхъ лѣсовъ, гдѣ сосны стоятъ, какъ солдаты въ строю, послѣ громоздящихся и давящихъ горъ Швейцаріи, послѣ покрытыхъ туманами луговъ Англіи и ея сѣрыхъ, угрюмыхъ волнъ, такъ весело, такъ радостно видѣть озаренныя солнцемъ французскія поля, зеленые, смѣющіеся лѣса, свѣтлыя рѣки и каналы, что причудливо вьются между красными черепичными крышами деревенскихъ фермъ, между веселыми городками, за которыми опять тянутся поля, зеленые холмы, веселые лѣса... Мягкія линіи, что-то свѣтлое и ласковое и удивительно гармоничное... И чѣмъ дальше врѣзываешься въ глубь Франціи къ ея сердцу—Парижу, тѣмъ мягче и нѣжнѣе пейзажъ, зеленѣе и разнообразнѣе лѣса и парки, и тѣмъ веселѣе становится вамъ въ скверненькомъ, душномъ французскомъ вагонѣ, между вплотную сидящими кругомъ васъ французами.

Въ этотъ разъ я ѣхалъ во Францію не съ тѣмъ настроеніемъ, съ которымъ въѣзжалъ въ нее въ прежнее время.

Вся грязь, поднятая со дна французской жизни дѣломъ Дрейфуса,—подлая мораль генеральнаго штаба, люди, кричавшіе: „Conspuez Zola“ и стрѣлявшіе въ Лабори,—всѣ эти Анри, Мерсьѐ, Дрюмоны, Мелины,—эта „нечистая сила“ Франціи,—все это осѣло на моей душѣ темнымъ осадкомъ, давившимъ меня и заволакивавшимъ печальнымъ и горестнымъ флёромъ ту веселую, гуманную и великодушную Францію, какою она еще такъ недавно рисовалась мнѣ. Я зналъ, что восторжествовала правда, что нравственную побѣду одержала именно та старая великодушная Франція, хорошо понималъ значеніе того, что грязь *могла* быть поднята съ самаго дна французской жизни, что *могли* побѣдить тѣ благородные люди, которыхъ оплевывали; но я не думалъ, что такъ много грязи во Франціи, не ожидалъ, чтобы та современная гнусность, которая называется антисемитизмомъ, свила себѣ гнѣздо именно во Франціи, чтобы въ ней могли такъ широко разлиться волны человѣконенавистничества, тупой жесткости, звѣриной злобы,—не думалъ, чтобы „нечистая сила“ Франціи оказалась такъ сильна...

Ахъ, они совсѣмъ не то, что вы думаете! Они милые...

Захлопнулись дверцы вагона. Побѣжали мимо маленькіе домики маленькаго Бельфора. Долго провожалъ меня грандіозный Бельфорскій левъ,—этотъ удивительный левъ, словно глыба скалы, прислонившійся къ скалѣ, на которой стоитъ крѣпость,—измученный, обезсиленный, поднявшій голову съ крикомъ предсмертной тоски, съ воплемъ о помощи... Скрылся и онъ.

Поѣздъ экспрессъ, кажется, устроенный спеціально для выставки. Неважный поѣздъ, съ среднимъ ходомъ, съ старомодными третьеклассными вагонами, но—экспрессъ.

— Экспрессъ!..—выговариваетъ кто-то съ уваженіемъ.

Мы многозначительно сдвигаемъ брови, съ почтеніемъ смотримъ другъ на друга и серьезно повторяемъ:

— О, да—экспрессъ!..

Отдѣленіе третьекласснаго вагона полно. Мы сидимъ вплотную, плечо къ плечу, молчимъ, разсматриваемъ другъ друга. Я чувствую, что мой визави имѣетъ успѣхъ. У него зеленая

шляпа съ перомъ, длинная англійская палка и миленькое личико только-что окончившаго лицеиста. Съ нимъ заговариваютъ, разсматриваютъ его палку; глаза двухъ дамъ, ѣдущихъ съ нами, смотрятъ на него ласково и одобрительно. Понемножку знакомимся, завязывается разговоръ. Альпинистъ угощаетъ публику папиросами, сидящіе въ противоположномъ углу отдѣленія два усача,—одинъ черный, другой рыжій,—въ не особенно модныхъ костюмахъ, но оба великолѣпные—съ блестящими булавками въ яркихъ галстукахъ,—очевидно, первые кавалеры своей деревни—вынимаютъ изъ-подъ лавки литръ бѣлаго вина и, въ свою очередь, начинаютъ угощать публику. Мы куримъ дрянненькія французскія папиросы, пьемъ кисленькое мутноватое вино и дѣлаемъ пріятныя лица, хвалимъ табакъ и находимъ вино прекраснымъ. Дамы отказываются,—двѣ барышни-сестры, ѣдущія съ дядей, сельскимъ нотаріусомъ, въ Парижъ посмотрѣть „exposition“: одна, потерявшая надежды—въ огромной яркой шляпѣ, съ басовыми нотами низкаго контральто, съ фигурой гренадера великой арміи; другая,—удивительно похожа на нее, но худенькая, тоненькая, съ нѣжнымъ голосомъ и въ полномъ разгарѣ надеждъ. Онѣ отказываются и жеманятся, говорятъ, что еще не завтракали и не привыкли пить въ это время дня. Черный усачъ встаетъ со стаканомъ въ рукѣ и обращается къ старшей сестрѣ съ галантной рѣчью:

— Сударыня! Я умоляю васъ выпить, хотя-бы одинъ глотокъ изъ этого стакана, только для того, чтобы я имѣлъ счастье осушить его послѣ васъ...

Противъ такой politesse ни одна дама, имѣющая чувствительное сердце, хотя-бы и защищенное броней стекляруснаго панцыря, устоять не можетъ, и стаканъ выпивается. Младшая отказывается категорически. Тогда встаетъ рыжій усачъ, беретъ бутылку и стаканъ изъ рукъ своего товарища и говоритъ еще галантнѣе:

— Сударыня! Ваша сестра осчастливила моего камрада,—неужели вы будете жестокой и сдѣлаете меня несчастнымъ?

Она была милая и не сдѣлала несчастнымъ рыжаго камрада. Они всѣ милые... Черезъ полчаса мы имѣли другъ о другѣ обстоятельныя свѣдѣнія: кто изъ какой общины, куда ѣдетъ, и зачѣмъ ѣдетъ, и надолго-ли ѣдетъ, черезъ полчаса мы, чужіе другъ другу, случайно встрѣтившіеся люди, бол-

таемъ, какъ старые знакомые, и обмѣниваемся папиросами и виномъ, и газетами, и свѣдѣніями о выставкѣ.

И всѣмъ уютно и весело въ душномъ и тѣсномъ вагонѣ 3-го класса... Только старый нотаріусъ молчитъ, за то онъ улыбается. Онъ улыбается привычной улыбкой своей профессіи, отчего мелкія складки его высохшаго пергаментнаго лица расходятся вѣеромъ кругомъ рта,—улыбается при удачной остротѣ, при взрывѣ смѣха, улыбается всѣмъ и каждому, какъ всѣмъ и каждому вписываетъ акты въ свои нотаріальныя книги...

Я рѣшилъ, что пришла и моя очередь выступить на сцену и предлагаю публикѣ свои папиросы домашней набивки. Кто-то узналъ cigarettes russes и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, изъ какой мѣстности мой табакъ. Я не зналъ въ точности и неопредѣленно отвѣтилъ, что изъ Крыма или съ Кавказа. Оказалось, что неожиданно для себя я сдѣлалъ удачный ходъ. Слава зеленой шляпы и альпійской палки поблѣднѣла, и на нѣкоторое время я сдѣлался предметомъ общаго вниманія—ко мнѣ обращались съ вопросами, на меня ласково смотрѣли глаза барышень, мнѣ улыбался старый нотаріусъ. Когда я выходилъ на маленькой станціи, за моей спиной раздался чей-то почтительный шопотъ: „L'homme du Caucase!“, а на большой станціи, гдѣ поѣздъ стоялъ 15 минутъ, я получилъ отъ обоихъ усачей любезное приглашеніе „prendre quelque chose“. За столомъ buvette сидѣло уже 12 усачей, и все молодцы съ великолѣпными булавками въ пестрыхъ галстухахъ, и одинъ стулъ былъ оставленъ для меня, а передъ нимъ стоялъ boc пива. Я такъ жалѣлъ, что не могъ раздѣлить чудесной компаніи,—былъ голоденъ и долженъ былъ спѣшить съѣсть что-нибудь... И опять за моей спиной раздалось:

— L'homme du Caucase!

— Экспрессъ!.

— Экспрессъ...

Альпинистъ ушелъ, входятъ новые пассажиры. Мы молчимъ, какъ молчитъ интимный кружокъ, когда въ него являются новые, незнакомые люди. Тѣмъ не менѣе, мы какъ-то быстро узнаемъ, что одинъ изъ нихъ—молодой солдатикъ,

возвращающійся изъ побывки въ свой полкъ, назначенный къ отправкѣ въ Китай, а другой—дѣдъ его, крестьянинъ-фермеръ, отправившійся проводить внука до Парижа и кстати посмотрѣть „exposition".

Новые пассажиры тоже неразговорчивы. Худенькій старичекъ съ щетинистымъ подбородкомъ и крючковатымъ носомъ долго усаживается на своемъ мѣстѣ, сердито отодвигаетъ изъ-подъ лавки чьи-то вещи и недовѣрчиво и подозрительно осматривается кругомъ своими маленькими острыми глазками.

Юный солдатикъ, худенькій, щупленькій, съ такимъ же крючковатымъ носомъ, весь перекинулся въ окно и, не отрываясь, смотритъ на бѣгущія поля и зеленые лѣса и красныя черепичныя крыши, на уходившую отъ него милую Францію. Мнѣ показалось, что тамъ, у желѣзнодорожной насыпи, на краю деревушки съ черепичными крышами мелькнуло свѣтлое платьице и бѣлокурая головка... На юношѣ была соломенная шляпа и приколотый къ ней аленькій цвѣточекъ. Вѣтеръ сорвалъ соломенную шляпу и унесъ аленькій цвѣточекъ, и худенькій юноша откинулся въ уголъ вагона и, вынимая изъ саквояжа старое измятое солдатское кэпи, проговорилъ мнѣ съ блѣдной и жалкой улыбкой:

— Все равно скоро надѣвать!..

Мнѣ такъ жаль его... У меня всегда являлось какое-то чувство жалости, когда я видѣлъ,—въ особенности послѣ прусскихъ солдатъ, крупныхъ, упитанныхъ, идущихъ, какъ слоны,—французскую пѣхоту,—эту толпу маленькихъ, щупленькихъ людей, словно подпрыгивающихъ на ходу, такихъ нервныхъ, съ тонкими лицами, и такъ мало похожихъ на военныхъ людей...

Начинаютъ завтракать. На вокзалѣ, кромѣ меня, никто не ѣлъ. Раскрываются саквояжи,—удивительные, провинціальные саквояжи, съ вышитыми шерстями покрышками, съ давно не дѣйствующими замками. Я тотчасъ узналъ ихъ,—это были тѣ самые саквояжи, съ которыми не разставались наши бабушки въ былыя времена, когда ѣздили на долгихъ и запасались провизіей въ долгій путь. И такъ же вынимаются „подорожники"—и вареныя яица, и жареная курица, и сыръ, и какія-то домашнія печенья, и чарочки, и бутылочка.

Ѣдятъ вдумчиво и проникновенно, собирая крошки, мед-

ленно разжевывая, словно смакуя необыкновенно тонкіе деликатессы,—словно не ѣдятъ, а священнодѣйствуютъ. И у всѣхъ серьезныя, глубокомысленныя лица.. Я наблюдаю, какъ наблюдалъ десятки разъ эти проникновенныя, священнодѣйствующія лица, и мнѣ невольно приходитъ въ голову, что самыя серьезныя и глубокомысленныя минуты въ жизни французовъ—тѣ, когда они кушаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что французу скучно дѣлать что бы то ни было одному, и что даже кусокъ не такъ сладокъ, когда онъ ѣсть его одинъ, безъ общества, безъ камрадовъ... Снова начинается всеобщее угощеніе. Старый нотаріусъ глубокомысленно,—отчего ротъ его становится серьезнымъ, и всѣ складки собираются на лобъ,—рѣжетъ маленькими кусочками какую-то тоненькую, высохшую колбасу и угощаетъ по очереди всѣхъ сидящихъ въ отдѣленіи, серьезно поясняя, что такую колбасу дѣлаютъ только въ ихъ общинѣ, и нигдѣ еще такой колбасы найти нельзя. По рукамъ ходятъ тоненькіе ломтики чьего-то сыра; усачи, повидимому, устроившіе подъ лавкой цѣлый погребъ, угощаютъ публику пивомъ; старшая барышня вынимаетъ изъ ридикюльчика коробочку и предлагаетъ всѣмъ мятныя лепешки и обижается, что я беру одну, а не двѣ, три лепешки. Даже сердитый старикъ, кончившій завтракъ и отхлебнувшій нѣсколько длительныхъ глотковъ изъ оловянной фляги, чудной формы, навѣрное доставшейся ему отъ дѣдушки,—проявилъ нѣкоторые признаки общественности: вынулъ изъ какого-то таинственнаго кармана маленькую табакерку съ нюхательнымъ табакомъ и сталъ угощать и меня, и стараго нотаріуса, и всѣхъ, кто понимаетъ толкъ въ хорошихъ вещахъ. Я безропотно ѣмъ мятныя лепешки—и три, и четыре, и пять, нюхаю табакъ изъ дѣдушкиной табакерки, удивляюсь колбасѣ нотаріуса, прислушиваюсь къ оживленію, вновь вспыхнувшему въ нашемъ отдѣленіи,—къ остротамъ, взрывамъ смѣха и чувствую себя тепло и уютно въ нашемъ тѣсномъ вагонѣ.

А усачи—въ зенитѣ славы и совсѣмъ завладѣли барышнями-сестрами и отпускаютъ имъ самыя замысловатыя, самыя пронзительныя любезности своей деревни.

Слава—дымъ, слава—сонъ: слава и альпиниста, и „человѣка изъ Кавказа“, даже слава великолѣпныхъ усачей. На одной изъ большихъ станцій, когда усачи отправились въ буфетъ пополнить истощившійся запасъ,—въ наше отдѣленіе ввалился огромный господинъ въ гороховомъ пиджакѣ съ крупнымъ брилліантомъ на пальцѣ и, не смотря на наши протесты, грузно усѣлся на мѣсто чернаго усача. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, чѣмъ это кончится, такъ какъ за нѣсколько станцій передъ тѣмъ видѣлъ, какъ оба молодца весьма невѣжливо выпроводили какихъ-то рабочихъ съ котомками, занявшихъ было ихъ мѣста. Къ моему удивленію, дѣло окончилось совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Послѣ короткаго и бурнаго протеста оба владѣльца пестрыхъ галстуховъ и великолѣпныхъ булавокъ какъ-то сразу присмирѣли и скромненько усѣлись на свободныя мѣста, а толстякъ только цыкнулъ и, пренебрежительно отпихнувши отъ себя узелокъ чернаго усача, сидѣлъ въ углу величественный, съ выкаченными, налитыми кровью глазами и шевелилъ сѣдѣющими косматыми бровями и какъ-то хрюкалъ.

Въ вагонѣ снова воцарилось молчаніе, и снова какъ-то сразу сдѣлалось извѣстно, что толстякъ—entrepreneur и что у него есть établissement.

Мнѣ кажется,—какъ въ природѣ есть horror vacui, такъ у французовъ „horror“ молчанія. Насъ такъ томило оно. Выручилъ старикъ съ крючковатымъ носомъ.

— Говорятъ, Парижъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ сожгли Тюльери...—ни къ кому не обращаясь, выговорилъ онъ.

Мы постарались другъ передъ другомъ показать, что мы въ курсѣ парижскихъ дѣлъ, и на перебой разсказывали старику, какъ измѣнился Парижъ, что́ теперь на мѣстѣ Тюльери, какъ выглядитъ набережная Сены. Заговорилъ толстякъ сиплымъ, хрюкающимъ голосомъ, и мы внимательно слушали авторитетную рѣчь „предпринимателя“ и владѣльца „заведенія“. О, онъ зналъ Парижъ!.. И не только сады и зданія, но зналъ, и кто живетъ около Тюльери, какіе мерзавцы и дрейфусары управляютъ теперь Франціей... Онъ вынималъ изъ кармана „Presse“ и старался объяснить намъ всю возмутительность положенія страны, когда этотъ „каналья“ Мильеранъ является хозяиномъ выставки и, какъ представитель Франціи,

принимаетъ иностранныя делегаціи и даже, говорятъ, будетъ принимать „суверенова“. И брови его двигались, и въ горлѣ клокотало что-то хриплое и злобное, и глаза наливались кровью...

Центромъ сдѣлался тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ этотъ центральный человѣкъ Франціи... И самъ онъ—этотъ entrepreneur и владѣлецъ établissement'а—чувствовалъ, что онъ первый персонажъ страны, чувствовали это и другіе, такъ почтительно слушавшіе, такъ пріятно улыбавшіеся. Даже усы лихихъ усачей какъ-то поблекли и опустились внизъ. Должно быть, чувствовалъ это и жалкій солдатикъ, ѣхавшій въ Китай для того, чтобы антрепризы перваго персонажа Франціи расширялись, и чтобы ея „заведенія“ процвѣтали...

Сердитое настроеніе—не французское настроеніе и, мнѣ кажется, такъ же утомляетъ ихъ, какъ и молчаніе. Скоро толстякъ обратился съ какой-то любезностью къ сестрамъ-барышнямъ, какъ-то очутившихся рядомъ съ нимъ и все время ласково смотрѣвшихъ на него,—и глаза у него сдѣлались соловые, и въ горлѣ замурлыкало, и одна бровь поднялась, а другая опустилась, отчего лицо его сдѣлалось похожимъ на лицо провинціальнаго комика, добродушнаго и недалекаго. Черный усачъ тоже понималъ толкъ въ вещахъ и читалъ настоящія газеты и прошелся насчетъ дрейфусаровъ и Мильерана,—толстякъ улыбался дружелюбно и одобрительно и, въ отвѣтъ на стаканъ пива, предложенный чернымъ усачемъ, удостоилъ его сигарой.

Вплоть до Парижа никакихъ больше конфликтовъ не было, не было сердитыхъ разговоровъ, не было молчанія... И опять стало весело и дружелюбно, слышались остроты и любезности, раздавались взрывы смѣха. Усачи снова вступили въ слегка нарушенныя права владѣнія барышнями, а толстякъ пилъ пиво и ѣлъ мятныя лепешки...

— Экспрессъ!..

О, да экспрессъ... Мы, маленькіе провинціальные люди, сидѣвшіе по своимъ угламъ, воздѣлывавшіе картошку и виноградъ и колбасу, занимавшіеся своими маленькими провинціальными дѣлишками, ѣздившіе только въ гости къ роднымъ и друзьямъ за нѣсколько станцій, въ ближайшій городокъ, гдѣ сбывали свои продукты, къ нотаріусу заключать разныя сдѣлки,—ѣздившіе на тѣхъ поѣздахъ, которые заглядываютъ

въ каждую деревеньку и тихо посвистываютъ и, не спѣша, бѣгутъ — мы взяли „Экспрессъ“ и ѣдемъ въ Парижъ, на exposition, гдѣ будетъ все человѣчество, гдѣ будетъ все, кромѣ нашихъ маленькихъ провинціальныхъ дѣлъ; и потому мы въ праздничномъ настроеніи, съ приподнятыми нервами и кутимъ на пропалую,—на весь двугривенный...

Я закрываю глаза и подъ шумъ разговоровъ все думаю о томъ, что это за народъ, и какъ въ немъ умѣщаются героизмъ съ пошлостью, дерзкія мысли и стремящіяся перевернуть міръ теоріи съ самымъ узкимъ рутинерствомъ, тупая злоба и звѣриная жестокость съ гуманностью и этимъ заражающимъ весельемъ? Я не знаю, кто они, и мнѣ только приходитъ въ голову, что изъ всѣхъ „общественныхъ животныхъ“, называемыхъ людьми, французы—самыя общественныя, и что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, собраны всѣ плюсы и минусы человѣчества, вся смѣсь Бога и скотины. Быть можетъ, если произвести подсчетъ этихъ минусовъ и плюсовъ, то именно французъ окажется *среднимъ* человѣкомъ, и потому такъ легко чувствуютъ себя съ нимъ другіе *крайніе* человѣки. Быть можетъ, потому онъ такъ гармониченъ, такъ уравновѣшенъ и такъ увѣренъ...

У меня суммируются впечатлѣнія прежнихъ поѣздокъ во Францію, вспоминается парижская толпа, рабочіе праздники, гдѣ всѣ такъ привѣтливы и такъ искренно, такъ заразительно веселы...

Я не знаю, кто они, но вижу, какъ эти случайно встрѣтившіеся незнакомые люди дружелюбно разговариваютъ другъ съ другомъ и, какъ старые знакомые, обмѣниваются сыромъ и виномъ, табакомъ и мятными лепешками, и политическими мнѣніями, и я, „человѣкъ съ Кавказа“, чувствую себя уютно и весело среди этихъ чужихъ людей, какъ я не чувствовалъ себя между нѣмцами, англичанами и итальянцами...

Они милые, они веселые...

Когда мы будемъ поменьше нѣмцами, англичанами, русскими и побольше людьми, когда мы кончимъ наши будни и прекратимъ наши маленькія ссоры,—такія маленькія и такія глупыя,—и перестанемъ посылать нашихъ юношей на смерть къ китайцамъ, такъ какъ перестанемъ грабить Китай,—тогда мы возьмемъ „Экспрессъ“ и поѣдемъ на будущую „exposition“ въ Парижъ—столицу человѣчества, во Францію, гдѣ людямъ

такъ весело, гдѣ чужіе люди не чувствуютъ себя чужими.

Если это будетъ... Тогда мы возьмемъ „Экспрессъ“ и станемъ обмѣниваться нашими запасами, науками и искусствами, идеями и чувствами и будемъ учиться другъ у друга,—у нѣмцевъ—думать, у итальянцевъ—чувствовать, у англичанъ—дѣлать, у русскихъ—мечтать и тосковать и... „не противляться злу“, а у французовъ—веселиться и быть общественными и милыми. Если это сбудется...

Мы крѣпко жмемъ другъ другу руки и расходимся по улицамъ Парижа. Поздній часъ, но такъ много народу на улицахъ Парижа, такъ много веселыхъ и—какъ мнѣ всегда кажется въ Парижѣ—всю жизнь веселящихся людей. Смутными силуэтами встали вдали въ свѣтѣ электрическихъ фонарей дворцы выставки,—что-то изящное, веселое и гармоничное. Съ вершины Эйфелевой башни льются потоки свѣта и широкими бѣлыми снопами бродятъ надъ выставочными зданіями, по всему Парижу—на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, словно свѣтлая улыбка, встрѣчающая гостей оттуда—съ сѣвера, юга, востока и запада...

С. Елпатьевскій.

СПУТНИКИ.

Очеркъ.

Въ общей каютѣ перваго класса на пароходѣ „Казакъ“ было только три пассажира.

Власовъ, высокій, плотный блондинъ, пилъ за столомъ пиво и непрерывно курилъ папиросы, заваливая пепельницу окурками. Сидѣвшій напротивъ Бѣляковъ, длинный и тонкій, какъ жердь, читалъ книгу и пилъ чай. Изрѣдка онъ недружелюбно поглядывалъ на страшно дымившаго сосѣда. Когда Власовъ предложилъ ему папиросу, онъ съ нѣсколько тенденціозной поспѣшностью отвѣтилъ:

— Благодарю васъ... Я этимъ не занимаюсь.

— А я не могу безъ папиросы,—сказалъ Власовъ и, потушивъ окурокъ, закурилъ новую.

— А я совсѣмъ не могу выносить табачнаго дыма,—сухо произнесъ Бѣляковъ.

— Почему?

— Я отъ него страдаю сердцебіеніемъ...

— Что-жъ дѣлать? Мнѣ очень жаль... Я нахожу, что табачный дымъ полезенъ. Онъ обладаетъ свойствомъ убивать вредные микроорганизмы. А вотъ, что дѣйствительно вредно, такъ это лампы: онѣ уничтожаютъ кислородъ и наполняютъ комнату ядовитой гарью. Это ложится на легкія... Дымъ очищаетъ воздухъ... Напрасно вы не хотите выкурить папиросу,—обратился онъ къ третьему пассажиру, корчившемуся на диванѣ отъ зубной боли,—въ зубѣ вѣдь тоже сидитъ микробъ.

— Я пробовалъ,—не помогаетъ,—отвѣтилъ третій пассажиръ, маленькій черноволосый человѣчекъ, не поднимая головы съ подушки.

— А что бы вы дѣлали,—продолжалъ Власовъ, снова обращаясь къ Бѣлякову,—если-бы вся каюта была наполнена пассажирами и всѣ курили?

— Ушелъ-бы на палубу.

— И всю ночь сидѣли-бы на палубѣ?

— Всю ночь сидѣлъ-бы. Не могу выносить табачнаго дыма.

— Хотите, я велю открыть всѣ окна? Сегодня тепло...— примирительно сказалъ Власовъ.

— Пожалуйста, не открывайте!—воскликнулъ, приподнимаясь, пассажиръ, страдавшій зубной болью.—Я боюсь сквозняка. Охъ, Боже мой!—простоналъ онъ и, отбросивъ подушку, засунулъ голову въ уголъ, гдѣ сходились два дивана.

Власовъ поглядѣлъ на него и покачалъ головой.

— Я ни за что не легъ-бы такъ, какъ *они*, головой прямо на здѣшній диванъ. Да какъ-же!.. Можно надышаться микробами Богъ знаетъ какихъ болѣзней.

— Какъ-же вы спать будете?

— Я постелю пледъ, свою простыню, свою подушку.

— И все это потомъ привезете къ себѣ домой?—сказалъ пассажиръ съ больными зубами.

— Да, но я предварительно дезинфецирую диванъ. У меня все съ собой. Растворомъ сулемы я опрыскиваю диванъ и тогда уже готовлю постель. Сулема дѣйствуетъ моментально и убиваетъ все. Табачный дымъ убиваетъ микробовъ, носящихся въ воздухѣ... Вы пьете чай, а я увѣренъ, что вода здѣсь не кипяченая, и вы поглощаете массу микробовъ въ водѣ. Слѣдуетъ пить пиво или вино. Въ нихъ алкоголь убиваетъ бациллы.

— А какъ вы думаете,—спросилъ больной,—не затихнетъ-ли зубъ отъ сулемы?

— Не знаю... У меня есть зубныя капли. Хотите?

— Дайте... Охъ, Боже мой...

Власовъ открылъ большой чемоданъ и вынулъ оттуда красную деревянную шкатулку. Это была его аптека. Въ шкатулкѣ находилось множество отдѣленій съ лѣкарствами.

Бѣляковъ смотрѣлъ на Власова и дивился про себя, почему этотъ громадный человѣкъ такъ боится какихъ-то микроорганизмовъ. Онъ разсматривалъ его неуклюжую, но крѣпкую фигуру, пока тотъ копался въ своей шкатулкѣ. По мнѣ-

нію Бѣлякова, Власовъ былъ похожъ на древнюю каменную бабу. Особенно находилъ онъ это сходство въ его безбородомъ лицѣ: круглое, плоское, неподвижное, безъ опредѣленныхъ очертаній въ деталяхъ, оно, дѣйствительно, немножко напоминало произведеніе первобытной скульптуры нашихъ доисторическихъ предковъ.

— У васъ, вѣроятно, порокъ сердца?— вдругъ спросилъ Власовъ, обращаясь къ Бѣлякову.

— Нѣтъ. Откуда вы это взяли?

— А вотъ, что вы не любите табачнаго дыма. По моему мнѣнію, вамъ не слѣдуетъ пить чай. Чай хуже табаку,— прибавилъ онъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ тощую, сухую фигуру Бѣлякова.—Чай сушитъ.

Бѣлякову, видимо, не понравилось это замѣчаніе, и онъ, выйдя изъ каюты, отправился наверхъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Вся нижняя палуба „Казака“ была биткомъ набита народомъ: рабочіе, крестьяне, мелкіе торговцы, женщины и дѣти стояли, сидѣли, лежали вездѣ, гдѣ только можно было приткнуться. Одни ѣли арбузы, колбасу, хлѣбъ съ саломъ, сухую рыбу, другіе пили чай изъ жестяныхъ чайниковъ, третьи грызли сѣмечки, четвертые спали. У самаго входа въ первый классъ расположилось на полу семейство обратныхъ переселенцевъ, въ рваныхъ малороссійскихъ „свиткахъ“, съ кучей какого-то тряпья, на которомъ спали дѣти. Старуха-бабушка съ озабоченнымъ видомъ вытаскивала изъ мѣшка сухіе заплесневѣлые куски хлѣба и тщательно очищала ихъ корявыми, тонкими пальцами. Бѣляковъ не могъ дышать въ этой атмосферѣ, пропитанной испареніями всевозможныхъ яствъ, махорки, обуви и человѣческаго тѣла. Онъ спѣшилъ выбраться поскорѣе на верхнюю палубу, куда не впускали пассажировъ III класса. Но возлѣ узенькой лѣстнички, которая вела на капитанскую площадку, онъ остановился, пораженный болѣзненнымъ видомъ человѣка, лежавшаго возлѣ самаго люка. Онъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми вдоль тѣла руками. Въ его худомъ, истощенномъ лицѣ не было ни кровинки. Длинная, рѣдкая русая борода, лежавшая на груди, слиплась въ косички; блѣдныя, сухія губы были полуоткрыты. Съ перваго взгляда Бѣлякову показалось, что это мертвецъ. Его поразили ввалившіяся щеки, закрытые

въ глубокихъ впадинахъ глаза и холодная блѣдность совершенно неподвижнаго лица. Онъ машинально подошелъ къ лежавшему, наклонился и спросилъ.

— Что съ вами? Вы больны?

Тотъ открылъ глаза и, не мѣняя положенія, прошепталъ чуть слышно:

— Нездоровъ...

Бѣлякову, при его ростѣ, трудно было стоять, согнувшись. Онъ присѣлъ на корточки возлѣ больного и сталъ разспрашивать про его болѣзнь. Больной жаловался на отсутствіе аппетита, на сильныя боли въ животѣ. Онъ четыре дня ничего не ѣлъ и совершенно не могъ принимать пищи, вслѣдствіе возбуждаемой ею тошноты.

— Кабы достать аппетитныхъ капель, — сказалъ онъ, — можетъ, тогда съѣлъ-бы хлѣба кусокъ. Безъ ѣды не доживу, до мѣста не доѣду... Помру, видно, тутъ ..

Онъ сильно ослабѣлъ отъ разговора, тяжело вздохнулъ и, прикрывъ глаза, опять погрузился въ апатичную неподвижность.

Бѣляковъ вернулся въ каюту.

— Нѣтъ-ли у васъ лѣкарства отъ тошноты? — спросилъ онъ Власова.

— Что? Началось? Я говорилъ! — съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ Власовъ.

Онъ вынулъ изъ кармана ключи и подошелъ къ чемодану.

— Это отъ воды, — продолжалъ онъ, — вы напились чаю изъ сырой воды.

— Нѣтъ, я не для себя. На палубѣ лежитъ больной крестьянинъ...

— А-а! — протянулъ Власовъ. Онъ спряталъ ключи въ карманъ и вернулся на мѣсто. Передъ нимъ стоялъ приборъ и полубутылка лафита.

— Зачѣмъ же онъ ѣдетъ, больной?—спросилъ Власовъ.— Сидѣлъ бы дома, если больной. Вы говорите, его тошнитъ?

— Да.

— И у него поносъ?

— Да.

— И уже четыре дня? Гм... Это дизентерія, а, можетъ быть, и холера... Зачѣмъ пускаютъ больныхъ на пароходъ! Сперва вылѣчись, а потомъ поѣзжай. Куда онъ ѣдетъ?

Бѣляковъ разсказалъ то, что узналъ отъ больного. Это былъ пильщикъ, крестьянинъ Курской губерніи. Онъ каждый годъ послѣ уборки хлѣба отправлялся въ Поднѣпровье искать работы. Въ послѣднее время онъ распиливалъ бревна на пристани въ Черкассахъ, но, заболѣвъ, долженъ былъ оставить работу. Онъ ѣхалъ въ Екатеринославъ, потому что надѣялся попасть тамъ въ безплатную больницу. Въ курской деревнѣ у него остались жена и двое ребятъ.

— Вы его и раньше знали?—спросилъ Власовъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

Власовъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть, это и не холера,—сказалъ онъ,—но ужъ во всякомъ случаѣ дизентерія. Впрочемъ, мнѣ одинъ докторъ говорилъ, что спорадическіе случаи холеры всегда возможны...

— Онъ жалуется на сильныя боли. Нѣтъ-ли у васъ опія?—спросилъ Бѣляковъ.

— Вы не прикасались къ нему?—спросилъ, въ свою очередь, Власовъ.—Хотите вымыть руки сулемой?

Бѣляковъ не далъ отвѣта. Онъ стоялъ черезъ столъ напротивъ Власова, которому лакей принесъ щи съ помидорами и судокъ со сметаной. Власовъ положилъ двѣ ложки сметаны, размѣшалъ щи, выпилъ стаканчикъ лафита и тотчасъ снова наполнилъ его.

— Вы докторъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, я не могу дать вамъ своихъ капель для мужика. У меня есть опій и капли Боткина, но я не могу дать. Вдругъ вашему мужику отъ моихъ капель сдѣлается хуже? Еще умретъ, пожалуй... Сами вы говорите, что онъ очень плохъ. Вотъ, если бы вы были докторъ... Увѣрены-ли вы, что ему не станетъ хуже?

— Какой вздоръ!—воскликнулъ Бѣляковъ.

Власовъ даже тарелку отодвинулъ, собираясь подробно возразить, но Бѣляковъ поспѣшно вышелъ изъ каюты.

Съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, переступая длинными ногами черезъ лежавшихъ, онъ отыскалъ каюту помощника капитана, у котораго надѣялся найти пароходную аптечку. Но молодой человѣкъ съ заспаннымъ лицомъ, котораго онъ увидѣлъ въ маленькой каюткѣ, только иронически ухмыльнулся и пожалъ плечами.

— Нѣ-этъ! — протянулъ онъ, — этого у насъ нѣтъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—у меня есть своя маленькая аптечка.

Онъ вынулъ изъ-подъ подушки нѣчто вродѣ кожанаго портсигара и вручилъ Бѣлякову.

— Вотъ. Здѣсь много разныхъ средствъ... Вы говорите—опасно-больной? Какъ это не усмотрѣли. Всегда непріятности отъ этихъ больныхъ. Пойдемте взглянуть. Недѣлю тому назадъ былъ у насъ очень непріятный случай. Впустили на пароходъ чахоточнаго... Совершенно больного... Не досмотрѣли... Онъ совсѣмъ дышать не могъ, только хрипѣлъ. Къ счастью, замѣтили во время... Высадили въ Кременчугѣ. Онъ на другой же день тамъ умеръ. Не усмотришь за ними въ этой толпѣ...—какъ-бы извиняясь, закончилъ помощникъ. Мелькомъ взглянувъ на пильщика, онъ опять пошелъ къ себѣ на верхъ; но уже стоя на лѣстничкѣ, крикнулъ:

— У меня еще есть капли Иноземцева. Я вамъ пришлю.

Въ портсигарѣ оказалось двѣнадцать крошечныхъ флаконичковъ съ гомеопатическими крупинками. Спустившійся въ каюту Бѣляковъ съ унылымъ видомъ положилъ ихъ на столъ и ждалъ капель Иноземцева.

— Напрасно вы ему этого не дадите. Вреда не будетъ,— сказалъ Власовъ.

Онъ вытиралъ тарелку платкомъ, смоченнымъ спиртомъ.

— Алкоголь прекрасная дезинфекція,—пояснилъ онъ.— Я всегда вожу съ собой бутылку спирта...

Матросъ принесъ капли Иноземцева.

— Вы напрасно обидѣлись,—продолжалъ Власовъ,—что я не далъ вамъ лѣкарства. Вѣдь вы не врачъ. Я также не могу взять на себя отвѣтственности за послѣдствія. Мужикъ вашъ умретъ, и скажутъ, что я его отравилъ... Давайте ему гомеопатію. Это не опасно.

Бѣляковъ отсчитывалъ капли въ рюмку съ водой.

— Сколько вы даете?—спросилъ Власовъ.

— Двадцать.

— Это много...

— Позвольте, не мѣшайте считать.

Но Власову хотѣлось говорить.

— А знаете ли вы, что я вамъ скажу?—продолжалъ онъ.— Что вся ваша филантропія происходитъ отъ эгоизма. Вы— эгоистъ. Это несомнѣнно. Я читалъ у одного философа, что

состраданіе — это высшій эгоизмъ. Вамъ непріятно видѣть больного, и вы спѣшите освободиться отъ этой непріятности. У меня нѣтъ состраданія, потому что я избѣгаю смотрѣть на то, что мнѣ непріятно. А вы эгоистъ. Вы не любите табачнаго дыма,—значитъ, вы не любите людей. Вамъ нужно жить въ особыхъ условіяхъ. Вы никого не можете принять у себя... Вы, какъ всѣ эгоисты, стремитесь жить внѣ общества.

— Къ чему вы мнѣ это говорите?—спросилъ Бѣляковъ.

— Я хочу доказать вамъ, что вы эгоистъ, и что все это вы дѣлаете изъ эгоизма.

— Мнѣ рѣшительно все равно, изъ чего я это дѣлаю!—сердито сказалъ Бѣляковъ и вышелъ изъ каюты съ каплями для больного.

Пильщикъ былъ такъ слабъ, что не могъ приподняться, чтобы принять лѣкарство. Бѣляковъ сталъ на одно колѣно и осторожно помогъ больному повернуться. Тотъ перекрестился слабой, дрожащей рукой и выпилъ капли.

— Спаси васъ Богъ!—прошепталъ онъ.

— Вы очень ослабѣли отъ голода,—сказалъ Бѣляковъ.—Не съѣдите ли чего нибудь?

— Не могу. Квасу глотнулъ—худо стало... Воды выпилъ—тоже не хорошо.

— Вамъ нельзя ни квасу, ни воды. Вамъ только чай можно.

— Гдѣ чаю взять? Нѣтъ у меня...

— Я сейчасъ вамъ принесу.

— Спаси васъ Богъ!

Бѣляковъ спустился въ каюту, позвонилъ и потребовалъ кипятку.

— Что вашъ больной?—спросилъ Власовъ.

— Хочу напоить его чаемъ.

— Изъ сырой воды?

Бѣляковъ поспѣшно вышелъ за лакеемъ, чтобы посмотрѣть, откуда онъ беретъ воду, и черезъ минуту вернулся.

— Вода въ котлѣ кипитъ ключемъ,—сказалъ онъ.

— А! въ такомъ случаѣ,—спокойно замѣтилъ Власовъ,—и я чаю выпью послѣ обѣда.

Когда, спустя нѣкоторое время, Бѣляковъ, напоивъ пильщика чаемъ (онъ самъ носилъ ему чай на палубу), вернулся въ каюту, Власовъ опять спросилъ:

— Что, какъ вашъ паціентъ?

— Ему стало лучше, послѣ чая.

— Вы бы ему рюмку портвейна дали,—иронически улыбаясь, замѣтилъ Власовъ,—или коньяку.

Онъ самъ въ это время пилъ чай съ коньякомъ.

— Это вѣрно!—воскликнулъ Бѣляковъ.—Какъ это я не догадался... А я все думаю, чего бы дать ему, чтобы поднять силы... Хорошо ли только вино натощакъ? А, какъ вы думаете?

Совершенно не замѣчая иронiи Власова, онъ стоялъ, озабоченно сдвинувъ брови, и вертѣлъ худыми пальцами свою жиденькую бородку.

— Вы ему яичко сварите...—все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ сказалъ Власовъ.

— Да, это вѣрно... Яйцо вѣдь можно. Надо предложить... А какъ вы думаете, въ смятку?—спросилъ Бѣляковъ, стоя уже въ дверяхъ.

— Нѣтъ, въ мѣшечкѣ...—отвѣтилъ Власовъ, и ему стало такъ смѣшно, что онъ закрылъ ротъ салфеткой, чтобы не фыркнуть.

Когда Бѣляковъ вышелъ, онъ громко расхохотался.

Пассажиръ съ зубной болью, лежавшiй все время неподвижно, теперь поднялъ голову и спросилъ:

— Чего вы смѣетесь?

— Да какъ же... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы подумайте,—началъ Власовъ, обрадовавшись, что можетъ съ кѣмъ нибудь говорить,—человѣкъ дѣлаетъ все изъ чистѣйшаго эгоизма, а воображаетъ, что онъ необыкновенный филантропъ! Да какъ же, подумайте .. Нѣтъ, вы представьте себѣ... Что ему этотъ мужикъ родственникъ, другъ, знакомый? Нѣтъ. Просто ему непрiятно видѣть... лестно заслужить благодарность. Знаемъ мы эти штуки. Самообожанiе, и больше ничего... А почему вы не прикладываете капель?—вдругъ спросилъ онъ.

— А если мнѣ отъ вашихъ капель хуже станетъ? Можетъ быть, отъ нихъ умереть можно...

— Вотъ вы что... Куда загнули!.. Какъ это вы сравниваете: интеллигентный человѣкъ—и мужикъ; зубная боль—и опасная болѣзнь. Извините, это не то. Такъ не угодно капель?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Пассажиръ съ больными зубами опять отвернулся къ стѣнкѣ, уткнувшись головой въ уголъ.

— Я, главнымъ образомъ, говорю о томъ, что слѣдуетъ вѣрно понимать вещи,—не унимался Власовъ. Онъ взялъ пузырекъ съ каплями и спряталъ въ чемоданъ.

— Да какъ же: бѣгаетъ, суетится, нюхаетъ тамъ всякую вонь... Изъ-за чего? Изъ-за того, что у мужика животъ болитъ? Изъ-за этакого пустяка! Да, какъ же!.. Изъ-за того, чтобы сказали: ахъ, какой это добрый, какой сострадательный человѣкъ! Мнѣ это, право, смѣшно. Я всѣхъ этихъ филантропическихъ маскарадовъ не признаю...

Власовъ довольно долго распространялся на эту тему. Ему хотѣлось вызвать возраженія, втянуть въ споръ пассажира съ больными зубами. Но тотъ упорно молчалъ. Умолкъ и Власовъ. Бѣляковъ вернулся съ радостно сіяющимъ лицомъ.

— Съѣлъ яйцо, и не стошнило!—воскликнулъ онъ, входя въ каюту.

— Удивительно!—замѣтилъ Власовъ.—Но вѣдь одного яйца мало.

— Да, конечно... Но, я думаю, нужно постепенно пріучать его къ пищѣ. Главное, онъ съѣлъ—и не стошнило! Онъ выпилъ рюмку портвейна. Такая простая вещь, а я не догадывался. Я вамъ очень благодаренъ за совѣтъ.

Его наивные свѣтло-голубые глаза блестѣли, и все лицо освѣтилось ихъ блескомъ.

— Не стоитъ,—отвѣтилъ Власовъ.—Такъ ему лучше?—спросилъ онъ, уставивъ свои смѣющіеся, узкіе, маленькіе зеленоватые глазки на Бѣлякова.

— Гораздо лучше! Я очень радъ. Это такое удовольствіе видѣть, что человѣкъ поправляется.

— Какъ же, какъ же... Удовольствіе... гм... Удо-вольствіе...

Во второй разъ онъ произнесъ это слово медленно и съ удареніемъ.

— Такъ, по вашему, это не эгоизмъ? Вамъ, конечно, пріятно, что этотъ *мужичекъ* называетъ васъ благодѣтелемъ, обѣщаетъ за васъ вѣчно Бога молить...

— Онъ вовсе не разговорчивъ... Тихій такой, и очень симпатичный...

— Симпатичный!—какъ эхо, повторилъ Власовъ.

— И онъ уже можетъ сидѣть!..

— Замѣчательно!

Бѣляковъ вдругъ снова принялъ озабоченный видъ и нѣсколько разъ прошелся по каютѣ.

— Пойду,—рѣшилъ онъ.—Пожалуй, можно дать и второе яйцо.

— И чашку шеколаду.

— Шеколаду?—повторилъ Бѣляковъ. — Пожалуй, здѣсь нѣтъ.

Онъ вышелъ. Между тѣмъ, Власовъ, покончивъ съ чаемъ, занялся приготовленіемъ постели. Онъ вынулъ изъ шкатулки пульверизаторъ, налилъ въ него изъ бутылки какой-то жидкости, прибавилъ воды и началъ тщательно опрыскивать свое мѣсто: сверху, край, въ особенности уголъ, въ которомъ должна была лежать подушка.

Пассажиръ съ больными зубами повернулъ къ нему блѣдное лицо и нѣсколько секундъ не сводилъ съ него большихъ черныхъ, лихорадочно блестѣвшихъ глазъ.

— Вы давеча сказали: „высшій эгоизмъ“, „чистѣйшій эгоизмъ“?—произнесъ онъ, наконецъ, и остановился, какъ бы ожидая отвѣта.

Власовъ оглянулся и стоялъ въ-полоборота, держа въ рукахъ пульверизаторъ.

— Да, да...—согласился онъ.

— А какъ вы полагаете,—продолжалъ пассажиръ съ больными зубами,—если возможенъ высшій эгоизмъ, то возможенъ, значитъ, и низшій, и если возможенъ чистѣйшій, то возможенъ и грязнѣйшій?

— Это все равно,—отвѣтилъ Власовъ.

Онъ отвернулся и принялся дуть въ пульверизаторъ. Больной ничего не сказалъ; онъ опять уткнулся въ подушку. Въ каюту спустился Бѣляковъ.

— Очень похолодало...—сказалъ онъ озабоченно.—Ночью будетъ еще холоднѣй.

— А что вашъ паціентъ?—спросилъ Власовъ.

— Ему стало лучше... Вотъ холодно очень... Какъ бы онъ не замерзъ ночью. У него ничего теплаго нѣтъ.

— Дайте ему вашъ пледъ.

— Пледъ?.. Я думалъ... Видите ли, пледъ мнѣ нуженъ...

— Странно,—замѣтилъ Власовъ.

Онъ уже успѣлъ раздѣться и лечь на свой продезинфецированный диванъ.

— Вотъ что,—сказалъ вдругъ, приподнимаясь, больной пассажиръ,—переведите его сюда. Мѣста здѣсь много. Я заплачу за билетъ.

Власовъ быстро, не смотря на свою неповоротливость, сѣлъ на диванѣ.

— Но какъ же? Позвольте... Нужно согласіе всѣхъ пассажировъ,—заявилъ онъ.

— Это относительно собакъ,—сказалъ больной,—человѣку нужно только имѣть билетъ...

Бѣляковъ покачалъ головой и сдвинулъ узкими плечами.

— Я ему предлагалъ перейти во второй классъ, — сказалъ онъ,—не хочетъ... Стѣсняется... У меня въ багажѣ есть пальто... Какъ вы думаете, можно взять изъ багажа?

— Конечно, можно, — поспѣшно отвѣтилъ Власовъ и, успокоенный, легъ на свою постель.

— Пальто я могу дать,—продолжалъ Бѣляковъ.—Я ему предложу.

Онъ вышелъ. Оставшіеся пассажиры лежали, отвернувшись другъ отъ друга, и не чувствовали ни малѣйшей охоты продолжать разговоръ.

Бѣляковъ спустился въ каюту, совсѣмъ огорченный.

— Отказался, легъ возлѣ трубы. Тамъ, говоритъ, тепло...

Власовъ уже храпѣлъ. Онъ лежалъ на спинѣ въ одномъ бѣльѣ, вытянувъ огромныя ноги и растопыривъ толстые пальцы обѣихъ рукъ, лежавшихъ на животѣ. Пассажиръ съ больными зубами, услышавъ храпъ Власова, поднялъ голову, поглядѣлъ на него и сказалъ тихо, какъ бы про себя:

— Низшій эгоизмъ.

Потомъ опять спряталъ лицо въ подушку. Бѣляковъ читалъ до поздней ночи, а передъ сномъ еще разъ сходилъ взглянуть на своего паціента.

На другой день утромъ „Казакъ“ подходилъ къ Екатеринославу. На пароходѣ, какъ всегда бываетъ передъ послѣдней пристанью, поднялась обычная суета. Пассажиры сбились въ одну плотную кучу въ средней части парохода, гдѣ матросы приготовляли причальные канаты, съ трудомъ отодвигая толпу. Пассажиры перваго класса также сложили

свои вещи и, приготовившись къ выходу, разговаривали стоя. Бѣляковъ только что возвратился съ палубы.

— Что вашъ пильщикъ?—спросилъ Власовъ.—Совсѣмъ поправился?

— Ему значительно лучше,—отвѣтилъ Бѣляковъ,—онъ хорошо спалъ. Я его уже напоилъ чаемъ.

У Бѣлякова былъ какой-то странный видъ, не то сконфуженный, не то обезпокоенный.

— Вы и въ больницу его повезете?—спросилъ Власовъ, не оставляя ироніи.

— Нѣтъ, онъ пойдетъ. Онъ можетъ ходить. У него въ Екатеринославѣ есть братъ, тоже пильщикъ...

Пассажиръ, страдавшій зубной болью, которому, повидимому, стало легче, подошелъ къ Бѣлякову и, протянувъ серебряный рубль, сказалъ:

— Передайте ему отъ меня.

Бѣляковъ совсѣмъ растерялся... Даже легкій румянецъ вспыхнулъ на его безкровныхъ щекахъ.

— Онъ не возьметъ,—сказалъ онъ, сдвигая плечи.—Вообще, это неловко... предлагать деньги. Я попробовалъ предложить подъ видомъ, будто, на извозчика,—отказался... Досадно, что мнѣ не пришло въ голову предложить довезти его съ собой...

Прогулявшись по каютѣ, онъ вышелъ на палубу. Его паціентъ стоялъ въ сторонѣ отъ толпы, прислонившись всѣмъ своимъ слабымъ тѣломъ къ столбу, поддерживающему верхнюю палубу. Увидѣвъ Бѣлякова, онъ какъ-то съежился и опустилъ глаза, точно ему хотѣлось остаться незамѣченнымъ. Онъ былъ такъ бѣдно и плохо одѣтъ, что его можно было принять за нищаго. Полы сѣраго пиджака висѣли лохмотьями; красная рубаха на выпускъ, перетянутая веревочкой, вся просвѣчивала узкими, длинными щелями, сквозь которыя виднѣлось голое тѣло; полосатые, грязные тиковые штаны оканчивались внизу зазубринами; между ними виднѣлось тѣло голыхъ ногъ, обутыхъ въ рыжіе отъ времени обрѣзки сапоговъ. На головѣ была теплая, зимняя шапка, изъ которой со всѣхъ сторонъ торчали клочья грязной ваты. Замѣтивъ, что Бѣляковъ направляется къ нему, мужикъ сдѣлалъ даже движеніе въ сторону. И отъ Бѣлякова не укрылось это. Нѣсколько мгновеній онъ коле-

бался—подойти или пройти мимо. Но пильщикъ поднялъ голову, и глаза ихъ встрѣтились.

— Далеко ли ваша больница?—спросилъ Бѣляковъ.

— Нѣтъ, не очень далеко... близко...—отвѣтилъ крестьянинъ. Онъ медленно, съ трудомъ нагнулся, поднялъ свой мѣшокъ, лежавшій на полу, и стоялъ въ нерѣшимости, не зная, что сказать еще барину, знакомство съ которымъ, видимо, стѣсняло его.

— Не хотите ли, я подвезу васъ къ больницѣ на своемъ извозчикѣ? Вещей у меня мало... Вы меня не стѣсните.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...—совсѣмъ уже испуганно отвѣчалъ пильщикъ, какъ будто Бѣляковъ звалъ его въ опасную экспедицію. — Награди васъ Богъ... Я вами много доволенъ... За труды ваши, за безпокойство...

Онъ замолчалъ, не зная, что еще сказать чудаку-барину. Молчалъ и Бѣляковъ. И оба они стояли съ такимъ растерянным видомъ, точно въ чемъ провинились другъ передъ другомъ.

Въ это время пароходъ далъ свистокъ и сталъ причаливать къ пристани; Бѣляковъ вернулся внизъ. Вслѣдъ за нимъ вбѣжалъ лакей и, желая угодить своимъ пассажирамъ, захватилъ вещи всѣхъ троихъ. Нагрузившись до невозможности, онъ, пыхтя и задыхаясь, потащился на верхъ. Вдругъ Власовъ съ криками бросился его догонять.

— Дуракъ! Безмозглый дуракъ! Кто тебя просилъ выносить мои вещи? Отнеси назадъ!

Лакей не сразу сообразилъ, чего отъ него требуютъ.

— Отнеси назадъ!—кричалъ Власовъ.—Я всегда выхожу послѣдній. Я ненавижу толкаться въ этой вони...

Онъ кричалъ на всю палубу:

— Идіотъ!.. Отнеси назадъ мои вещи!

Испуганный лакей, наконецъ, бросилъ все, что держалъ, на полъ, и съ чемоданомъ Власова побѣжалъ обратно въ каюту.

На минуту эта сценка привлекла общее вниманіе палубныхъ пассажировъ, но пароходъ уже былъ на мѣстѣ. Спустили сходни, и толпа, смѣшавшись въ одну пеструю массу, хлынула на берегъ.

Е. Ганейзеръ.

ИГМЕ.

(Финская легенда объ Иматрѣ).

Многіе ли знаютъ, что у сестры славнаго Вейнемейнена была дочь, прелестная Игме?

Она родилась въ странѣ темныхъ озеръ, среди зеленыхъ мшистыхъ камней и высокихъ лиственицъ съ осыпающимися мелкими иглами. Всѣ любили ее, и она также всѣхъ любила. Юноши восторгались ея красотою, старцы съ гордостью произносили ея имя; пѣвцы слагали въ ея честь звучныя руны, распѣваемыя по всей странѣ подъ аккомпаниментъ мелодической кантелы.

Прекрасная, юная Игме была у всѣхъ желанной гостьей, потому что всѣмъ она приносила съ собой утѣшеніе и радость. Для каждаго она находила ласковое слово и въ самомъ печальномъ сердцѣ умѣла зажечь свѣтлую искру надежды.

Усталый пахарь при встрѣчѣ съ Игме радостно улыбался, забывая на мгновеніе тяжесть своего труда; рыбакъ спокойно пускался въ бурное море, когда она желала ему успѣшнаго лова; охотнику не казались опасными обрывистыя скалы и снѣжныя мятели въ горахъ, если она напутствовала его своей улыбкой.

Всѣ они знали, что во время ихъ отсутствія добрая Игме посѣтитъ каждый домъ, гдѣ ласково побесѣдуетъ съ женщинами, а дѣтямъ разскажетъ сказку о страшномъ волшебникѣ Сьюве, что живетъ въ серебряномъ дворцѣ, на днѣ рѣки Вуоксы...

Далеко, по всему свѣту, разнеслась слава о необыкновенной добротѣ и прелести красавицы Игме.

Услыхалъ про нее также могущественный Вестлингъ въ

далекой странѣ Запада. Онъ пожелалъ увидѣть красавицу и во главѣ храброй дружины, закованной въ тяжелые доспѣхи, отправился въ страну темныхъ озеръ, зеленыхъ мшистыхъ камней и высокихъ лиственицъ съ осыпающимися мелкими иглами.

И когда пріѣхалъ Вестлингъ, увидалъ прелестную Игме, свѣтлокудрую, съ голубыми глазами, то сейчасъ же спросилъ ее:

— Хочешь ли ѣхать со мною? Я дамъ тебѣ лучшаго коня, я сдѣлаю тебя своей женою, ты будешь жить въ драгоцѣнномъ дворцѣ и носить златотканныя одежды. Скажи лишь мнѣ, чья ты дочь, чтобы я могъ потолковать съ твоими родителями?

— Я—всѣхъ и ничья,—отвѣтила прекрасная Игме,—я пойду съ тобой, если ты найдешь здѣсь хоть одного человѣка, который согласится отпустить меня.

Долго искалъ рыцарь Вестлингъ такого человѣка, но не могъ найти: всѣ любили Игме, и никто не хотѣлъ разстаться съ нею.

Тогда рыцарь Вестлингъ задумалъ похитить Игме; но она, угадавъ его злыя мысли, скрылась у друзей своихъ, а друзья были въ каждомъ домѣ.

Разсердился Вестлингъ! Онъ грозилъ смертью тому, кто скрываетъ прекрасную дѣвушку; но люди въ странѣ озеръ больше смерти боялись потерять свою Игме.

— Я разорю всю страну, — грозилъ Вестлингъ,—я не оставлю въ ней камня на камнѣ, я истреблю всѣхъ людей, если Игме не поѣдетъ со мною.

И онъ собралъ свою дружину на берегу многоводной Вуоксы, чтобы оттуда идти походомъ на страну озеръ.

Тогда Игме вышла изъ своего убѣжища.

— Зачѣмъ ты хочешь отнять утѣшеніе и радость у бѣдныхъ людей моей родины?—спросила она рыцаря Вестлинга.

— Никто не долженъ радоваться, когда Вестлингъ печаленъ!—гнѣвно отвѣтилъ рыцарь.

— Слушай, злой Вестлингъ, что я скажу тебѣ,—воскликнула Игме:—страшная участь ожидаетъ тебя, если ты осмѣлишься взять меня силой.

Однако рыцарь Вестлингъ не убоялся пророчества дѣвушки. Онъ поднялъ руку и приказалъ схватить Игме. Но быстрѣе

вѣтра устремилась прекрасная дѣвушка съ развѣвающимися волосами къ крутому берегу Вуоксы.

— О, Сьюве, спрячь меня!—воскликнула она и бросилась въ быстрыя волны.

Старый колдунъ Сьюве откликнулся на призывъ. Онъ подхватилъ Игме и спряталъ ее въ серебряномъ дворцѣ своемъ, на днѣ Вуоксы.

Съ крикомъ пришпорилъ коня отважный Вестлингъ, стремясь также проникнуть въ серебряный дворецъ Сьюве. Дружина его понеслась за нимъ. Но только приблизились они къ берегу, какъ раздался страшный шумъ, отъ котораго закачались могучія ели.

Это старый Сьюве разсердился. Онъ всколыхнулъ дно Вуоксы, и она сразу опустилась на неизмѣримую глубину. Бурнымъ потокомъ устремилась вода на встрѣчу рыцарю и его воинамъ, бросая тысячи камней, вырванныхъ изъ рѣчной глубины.

Боевой конь Вестлинга задрожалъ отъ страха. Не слушаясь всадника, остановился онъ надъ высокимъ обрывомъ, крѣпко упершись ногами о твердую землю. Тогда рыцарь занесъ мечъ надъ его головою... Но тутъ заколебалась земля, и высокій берегъ низко спустился къ водѣ вмѣстѣ съ людьми и конями. Гнѣвный Сьюве ударилъ въ нихъ страшными волнами, и храбрый рыцарь Вестлингъ вмѣстѣ съ дружиной превратился отъ ужаса въ камень.

Такъ безразсудный рыцарь Вестлингъ лишилъ страну озеръ красавицы Игме. Много прекрасныхъ рунъ сложили пѣвцы въ память этой утраты; въ нихъ непрерывно прославляется прелесть и доброта исчезнувшей Игме, но печально звучатъ съ этихъ поръ струны мелодической кантелы! За то по всей странѣ разносится теперь несмолкающій ропотъ водопада—это Игме продолжаетъ говорить съ любимымъ народомъ. И онъ вѣритъ, что наступитъ день, когда быстрый потокъ сокрушитъ неподвижные камни, когда Сьюве выпуститъ на волю плѣненную Игме. И снова бѣлокурая дѣвушка возвратится, радостная, въ страну темныхъ озеръ, зеленыхъ мшистыхъ камней и высокихъ лиственицъ съ мелкими осыпающимися иглами...

Юлія Безродная.

ИСКОРКА.

Разсказъ.

I.

Суровая забайкальская зима вступила въ свои права. Затихли, опустѣли и закутались въ бѣлыя покрывала сопки; красивымъ узоромъ раскинулись въ вышинѣ опушенныя бѣлымъ инеемъ мертвыя деревья. Ни звука живого кругомъ... Настоящее царство смерти! Только холодный вѣтеръ расхаживаетъ по вершинамъ, мететъ снѣгъ и поднимаетъ въ ущельяхъ протяжный вой...

На склонѣ одной изъ сопокъ угрюмо и непривѣтливо высится остроконечный „колпакъ“, деревянное строеніе, которымъ прикрыта шахта. Гремя кандалами, къ нему приблизилось пять человѣкъ арестантовъ, подъ конвоемъ четверыхъ солдатъ. Отомкнули дверь, вошли внутрь. Вѣтеръ ворвался, взвился къ потолку и тамъ, въ полумракѣ, между сложенными конусообразно досками, таинственно зашуршалъ и загудѣлъ.

— А вѣдь это мертвяки, братцы, на свою долю плачутся,— сказалъ Николка Полудовъ, оглядывая товарищей.

— Мертвяки?! — всполошился безусый арестантикъ, недавно прибывшій изъ партіи и потому съ чрезвычайнымъ почтеніемъ относившійся къ „старикамъ“.

Николку оборвалъ другой каторжный, маленькій, чернявый, желчный, пожилыхъ лѣтъ:

— Городитъ, ботало коровье, самъ не знай что! Не Полудовымъ, а Полудуровымъ-бы тебѣ прозываться!

Николка не обратилъ вниманія на эту бранную выходку.

— Ну, да,—отвѣчалъ онъ безусому,—тѣ, что раньше насъ тутъ рóбили...

Новичокъ широко раскрылъ довѣрчивые голубые глаза и робко покосился на мрачную дыру шахты, лежавшую какъ разъ по среди нѣ колпака.

— Бойся, не бойся—всѣ тамъ будемъ! Айда, братцы, полѣземъ!—сказалъ молчавшій до тѣхъ поръ арестантъ съ длинными бѣлокурыми усами и умнымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, направляясь къ шахтѣ.

Всѣ потянулись за нимъ слѣдомъ и скоро скрылись въ бездонной черной ямѣ. Шахта была около двѣнадцати саженъ глубины, и на дно ея вела цѣлая система боковыхъ лѣстницъ. Привычные арестанты очень бойко спускались по нимъ, освѣщая себѣ дорогу маленькими огарками сальныхъ свѣчекъ. Черезъ минуту въ глубинѣ колодца замелькали тамъ и сямъ огоньки,—это арестанты ходили, постукивая по каменному дну молотками, прилаживаясь—гдѣ бы удобнѣе забуриться. Еще минута—и молотки весело защелкали по головкамъ буровъ. Работа спорилась, порода попалась мягкая. Одному только Николкѣ Полудову не „пофартило“, и у него то искривлялась дырка, то увязалъ буръ; онъ не переставалъ громко жаловаться, ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, „законъ и вѣру“ и звать на помощь товарищей. Чаще другихъ подходилъ къ нему арестантъ съ бѣлокурыми усами, степенный и солидный Кирьяновъ. Сѣрые глаза его свѣтились въ полумракѣ шахты какой-то грустной иронiей, а въ длинныхъ, широкихъ усахъ пряталась добродушная усмѣшка. Наконецъ, благодаря Кирьянову, и у Николки дѣло пошло на ладъ. На радостяхъ онъ проплясалъ какой-то несуразный танецъ и, звеня въ тактъ кандалами, пропѣлъ:

Въ Питеръ я прибывъ изъ Клина,
Торопливъ, мальчишка, былъ:
Въ двѣ недѣльки съ половиной
Все имѣнье порѣшилъ.
Раскидалъ по развеселымъ
Питенбургскимъ островамъ...

Потомъ, принявъ серьезный и даже удрученный видъ, обратился неожиданно къ отдыхавшимъ съ трубками въ зубахъ бурильщикамъ:

— Старички! А, старички! Лѣто-то и опять, вотъ, прошло!..

Всѣ вопросительно подняли головы.

— И никто-то у насъ на волюшку не вырвался. Сидимъ всѣ на цѣпи, ровно псы дворовые... ровно добро какое стережемъ! И всему-то, всему покоряемся! Гàлятся надъ нами, изгнущаются, а мы все терпимъ!

— Потому цѣна намъ грошъ ломаный,—произнесъ изъ угла желчный голосъ черняваго.

Николка, быть можетъ, изъ шутовства начавшій свою обличительную тираду, теперь, поощренный сочувственнымъ замѣчаніемъ, вдругъ загорѣлся, вошелъ въ роль, и въ голосѣ его послышались искреннія нотки:

— И чего жъ мы, въ самъ-дѣлѣ, живемъ такъ, братцы? Развѣ не одинъ конецъ? Всѣхъ вѣдь на сопку отнесутъ... Робь, робь, изъ жилъ тянись, не доѣдай, не досыпай, а тебѣ, глядишь, и набавили строку за какой ни-на-есть пустякъ. Такъ въ тюрьмѣ и сгніешь. Ну, а и въ вольную команду вышелъ,—что за сласть? То же, что и здѣсь. Уркѝ задаютъ большіе, кормятъ тѣмъ, чего свиньи не ѣдятъ, и табачишка даже ни у кого нѣтъ... Развѣ жъ это жизнь? Да теперь ежели и поселеніе взять... Знаемъ мы это поселеніе! Либо съ голоду помирай, либо вдругорядь въ каторгу иди! И выходитъ, значитъ, одно остается...

— Что же, братецъ, остается?!—пожирая оратора глазами, почти задыхаясь, спросилъ новичокъ-арестантъ.

Даже равнодушно сосавшій носогрѣйку татаринъ, плохо понимавшій по русски,— огромный, какъ медвѣдь, съ безобразнымъ, корявымъ лицомъ,—пересталъ курить и съ любопытствомъ насторожился.

— Что!.. Лататы задавать, лыжи навастривать,—понялъ, телятина?

Кирьяновъ тихонько разсмѣялся.

— Ты бъ ему, Николка, дорогу указалъ. Онъ вновѣ, а тебѣ, поди, не впервой лыжи-то навастривать?

— Да вѣдь, дяденька, Степанъ Иванычъ!—съ живостью подскочилъ Николка къ Кирьянову:—данныхъ-то теперь никакихъ нѣтъ... Зима, холодъ... На первой вѣдь верстѣ пропадешь!

— А пропадешь, такъ нечего и канючить.

— И молчи, значитъ, черная тебя немочь задави,—разра-

зился бранью чернявый,—не трепли языкомъ, вѣчный тюремный житель!

— Дурной языкъ сѣкать нада!—подтвердилъ татаринъ:—своя голова думай... Пришла дѣла—ступай дѣлай!

Онъ философически сплюнулъ на сторону и снова вложилъ трубку въ ротъ.

— Старички, да я вѣдь что жъ?—говорилъ, виновато оглядываясь по темнымъ угламъ шахты, Николка.—Я развѣ хвалюсь? Самъ-то я, можетъ, всѣхъ дешевле, всѣхъ долѣ терпѣть стану... Я на тѣхъ только дивлюсь, что гремѣли когда-то, Львовыми, Орловыми, Алмазовыми прозывались... А теперь, гляди, тоже, поджавши хвостъ, со мной вмѣстѣ сидятъ! Я, вотъ, къ этому и заговорилъ: весна, молъ, и лѣто прошли...

— Да, прошли, другъ, прошли, это ты вѣрно,—уже ласково и безо всякой иронiи произнесъ Кирьяновъ, какъ бы вслухъ думая свою думу.

И всѣ зачуяли, что этотъ бывалый, но обыкновенно молчаливый человѣкъ хочетъ что-то разсказать.

— Вѣрно-то оно вѣрно,—продолжалъ Кирьяновъ, свертывая цыгарку и ни на кого не глядя,—только напрасно ты, братъ, думаешь, что бѣжать настоящему арестанту такое ужъ плевое дѣло. Да ты-ль одинъ? Вонъ хоть и духи тоже... Черезъ ограду, молъ, перескочилъ, аль съ работы сорвался—и поминай, какъ звали! Сейчасъ же въ Расеѣ очутился! Ну, вотъ и караулятъ день и ночь, съ ружьями кругомъ ходятъ, глаза пялятъ... Эхъ, миляги почтенные! не въ васъ тутъ вовсе сила. Захочетъ духовой человѣкъ—онъ и зимой, и лѣтомъ, и осенью скрозь штыкъ пройдетъ! Ну, да дальше-то что? Вотъ въ чемъ, братъ, заковыка.

— Какъ что, Степанъ Иванычъ? Отсидѣлся гдѣ по близу, покамѣсть стрёма утихнетъ, одежонку потомъ челдонскую раздобылъ—и айда, куда твоя душенька пожелаетъ.

Кирьяновъ усмѣхнулся.

— Да ты бѣгивалъ?

Николка завертѣлся...

— Разъ, везли меня мужики въ волость...

— Му-жи-ки! Нѣтъ, ты мужиковъ оставь. Я, братецъ ты мой, три раза за свою бытность съ каторги уходилъ... Кобылка знаетъ, соврать не дастъ.

— Чего говорить!

— Ну, вотъ. А повѣришь ли: какъ привидится инова во снѣ, что опять ушелъ, такъ ажно потъ холодный всего прошибетъ!.. Таково оно, братъ, сладко.

— Пошто же такъ?..

— А вотъ такъ. Оно, конечно, и то взять—кому чего надо. Ежели просто думать: „хоть часъ, да мой“!—ну, тогда особливая опять рѣчь. Я такъ не бѣгивалъ. Я такихъ бродягъ не обожаю... У меня завсегда цѣль была—въ Расею пройти, на свое мѣсто. Ахъ, медвѣдь тебя, Николка, задери, какую ты жилу во мнѣ расшевелилъ! Такъ ажно за сердце и заскребло!.. Двадцать вѣдь лѣтъ, какъ я изъ дому... Жену молодую оставилъ... Любила меня и въ Сибирь бы со всей охотой пошла, кабы у меня не то на умѣ лежало. Молодой я былъ, горячій... Изъ-за горячки своей и пропалъ,—обиды не стерпѣлъ... Чтобъ всю жизнь въ Сибири прожить, въ гиблой странѣ? Да ни за какія, то есть, коврижки! Вернусь домой, возьму жену и либо за австрійскую, либо за турецкую границу уйду. Нашихъ тамъ, старой вѣры, безъ числа. Такъ рѣшилъ, такъ, значитъ, и линію гнулъ... Ну, да меня перегнули! Разъ всего только до Святого Моря дошелъ, два—до Пермской губерніи; ну, а дома... во снѣ только бывалъ!

— А письма отъ жены получаешь?—полюбопытствовалъ чей-то голосъ.

— Да мнѣ ихъ нешто сорока на хвостѣ принесетъ? За двадцать-то лѣтъ сколько разъ я имя смѣнялъ... Ну, а только все-жъ, братцы, доходили до меня вѣсти черезъ земляковъ. Замужъ Груня моя второй разъ не вышла, а годовъ этакъ шесть назадъ въ скитъ ушла...

Разсказчикъ опустилъ голову и замолкъ. Казалось, тихій ангелъ пролетѣлъ въ шахтѣ... Но вдругъ колпакъ весь вздрогнулъ подъ налетомъ вѣтра, вверху что-то загудѣло, заплакало...

Николка засуетился, заволновался.

— Въ чемъ же тутъ штука, Степанъ Ивановичъ, объясни.

— А ты полагаешь, въ чемъ?

— Я полагаю,—коли бѣжать, такъ надо въ отчаянность войти. Чтобы, значитъ, навѣрняка. Купца, какого ни-есть, или попа устосать, ограбить... Безпремѣнно, чтобы пачпортомъ хорошимъ и капиталомъ разжиться... Это первая статья.

— Ну, вотъ и я то же думалъ. Про это самое и разскажу, коли хочешь. Только ступай раньше огонь разведи, да чай намъ согрѣй; а я за тебя тутъ дырку досверлю.

II.

Полчаса спустя всѣ сидѣли наверху подъ колпакомъ и пили кирпичный чай, грѣясь вокругъ небольшого костра. Заглянулъ на минуту дежурный солдатъ, молча пересчиталъ глазами арестантовъ и опять ушелъ къ солдатскому костру, разведенному снаружи.

Кирьяновъ началъ свой разсказъ:

— Семь тому годовъ будетъ, какъ я въ послѣдній разъ съ Кары ушелъ. Такая передъ тѣмъ тоска меня одолѣла, что хоть въ петлю полѣзай! Особливо, какъ подошла весна, жаворонки запѣли.. Небо такое ласковое, синее... Сопки въ цвѣтахъ, въ зелени; духъ отъ нихъ сладкій идетъ... А сердце, ровно птица въ клѣткѣ, трепыхается! Повѣрите-ль, братцы, ѣды, сна рѣшился... Работа изъ рукъ валится.. Нарядчикъ подойдетъ, ругается, а я только глаза таращу, ни слова не понимаю... Ну, вотъ и рѣшилъ я: чѣмъ безъ пути, безо всякаго толку гибнуть, лучше попытать счастья. Подхожу разъ къ Гришкѣ Безсонову—можетъ, слыхали? На Соколиный островъ недавно угнали—и говорю: „такъ и такъ-молъ, не пойдешь ли въ товарищи?“ А Гришка—горячка-парень. Что-жъ, отвѣчаетъ, распрекрасное дѣло, давай обмозгуемъ. Ну, и точно—обмозговали! Перво-на-перво, я барахольщикомъ сталъ, скупать всякое тряпье у кобылки зачалъ, особливо же рушники.. И набрался у насъ этихъ рушниковъ цѣлый возъ. Выбрали мы тогда дождливый, темный вечеръ, передъ самой повѣркой. Громъ гремитъ, дождь по крышамъ стучитъ... Мы и прикинулись пьяными, затѣяли ссору съ надзирателемъ. Насъ, рабовъ божьихъ, само собой, въ карецъ поволокли, а намъ того только и надо. Карецъ былъ прямо курамъ на смѣхъ, изъ старыхъ досокъ сколоченъ, что твой чуланъ... Пьяные люди—чего ихъ караулить? Надзиратель приволокъ насъ, заперъ—„спите, собачьи дѣти!“—и ушелъ. Какъ только повѣрка кончилась да стемнѣло хорошенько, мы стѣнку разобрали и выбрались на дворъ. Тамъ

ужъ у насъ въ укромномъ мѣстечкѣ рушники припасены... Связали мы ихъ всѣ вмѣстѣ и залѣзли на кухонную крышу. Темень кругомъ такая, что у чертей въ аду, надо быть, посвѣтлѣе; дождь сталъ поменѣ, а громъ такъ и рычитъ, словно звѣрь; молынья инова̀ какъ полыснетъ,—все, будто солнцемъ, освѣтитъ. Вотъ и стали мы закидывать петлю: на̀ли съ сажень мѣста отъ кухни—насилу закинули. И вышелъ у насъ споръ, кому, значитъ, первому лѣзть. Я говорю: Гришкѣ,—я напередъ полѣзу, потому ты, дьяволъ, шибко чижолый, канатъ нашъ, того и гляди, оборвешь... Надо на мнѣ раньше спробовать.—Онъ и завонялъ—отступился. Вотъ и полѣзъ я... Только высунулъ голову за ограду, а молнія—какъ шарахнетъ! Все небо пожаромъ освѣтила,—часовой у будки и глаза со страху зажмурилъ... Я себѣ въ усъ усмѣхнулся... Привязалъ живой рукой другую веревку и—Господи благослови!—чебурахнулся за пали. Только бы молнія погодила, молъ, чуточку... Громъ вдругъ какъ ахнетъ! Я въ кусты! Часовому и въ башку даже не вошло... Вотъ добѣжалъ я, какъ уговорились, до опушки тайги—и жду моего Гришки. Чего онъ, дьяволъ, такъ долго канителится? Жду-пожду—Гришки моего и помину нѣтъ. Только громъ рычитъ, да дождь поливаетъ... Ахъ, чтобъ тебя язвило! Такое, значитъ, сумлѣнье взяло его насчетъ каната, что такъ и остался на крышѣ сидѣть да думать...

Слушатели дружно засмѣялись.

— Неужто-жъ тамъ и рестовался?..

— Ну, нѣтъ. На это-то мозговъ хватило. Слѣзъ потихоньку, да и опять въ карецъ. Задѣлалъ стѣнку и прикинулся, что всю ночь пьяный спалъ. А я, чтобъ лѣшій его задавилъ, вплоть до свѣта прождалъ: потому нельзя—товарищъ! Какъ мочалку, всего дождемъ налило, зубъ на зубъ отъ холоду не попадаетъ. Ударился я, что твой добрый иноходецъ, въ тайгу; все въ глубь да въ глубь забираюсь, подальше отъ дороги. Тамъ,—слыхали, можетъ?—страшенная тайга, сотни на двѣ или на пять верстъ раскинулась, и изъ нашего брата—бѣглецовъ заходятъ туда только самые, что ни есть отчаянные; да и тѣ на половину пропадаютъ. Большая же часть по столбовой дорогѣ идетъ. Ну, только я заблудиться не боялся: перво-на-перво, я взросъ въ лѣсу,—по цвѣту коры сказать могу, гдѣ полдень, гдѣ полночь, знаю, какъ листъ къ солнцу тянется... Окромя же того, я махонькимъ конпасикомъ запасся.

У насъ же въ тюрьмѣ арестантъ—часовщикъ жилъ, много работы съ воли имѣлъ, были у него брелоки разные, цѣпочки съ печатками, ну, и съ этими вотъ конпасиками. Я и купилъ одинъ за 30 копѣекъ... Иду себѣ, этакимъ манеромъ, по самымъ, что ни есть, глухимъ мѣстамъ, иду, ровно по своей пашнѣ, ни вправо, ни влѣво не склоняюсь. Отмахалъ верстъ тридцать, чтобъ отъ погони отбиться, и тутъ только остановился—на лѣвую руку заворотилъ. Потому зналъ—тайга въ эту сторону уже; а иди я все прямо—да и съ конпасомъ ни въ жисть бы не вышелъ! За то другая бѣда: оборониться отъ медвѣдя али другого звѣря? У меня съ собой ничего, окромя палки да махонькаго самодѣльнаго ножичишка... Однако днемъ еще туда-сюда, идешь—не робѣешь; ну, а вотъ какъ стемнѣетъ, да по лѣсу какъ голоса разные да гулы зачнутъ ходить... Тамъ волкъ завоетъ, тамъ филинъ, ровно лѣшій, захохочетъ .. Ну, тутъ ужъ обо снѣ вплоть до утра не подумаешь! Положимъ, и днемъ всего было... Разъ, помню, иду, ни объ чемъ не думаю,—глядь, изъ куста ноги человѣческія торчатъ, одна нога въ штанинѣ, другая—кость голая... Какъ я шарахнусь въ сторону! Признаться, съ полверсты бѣжалъ безъ оглядки, покамѣсть духъ остановился перевести. Потомъ ужъ только одумался: попарить было-бъ надо... Даже вернуться хотѣлъ,—ну, да гдѣ-жъ разыщешь! Такъ ровно семь дней, семь ночей шелъ. Насчетъ пищи лѣтомъ хорошо: тайга-матушка пропитаетъ! Ягоды, коренья, грибы... Тьфу, не хочу! Разъ даже петелекъ на косачей наставилъ (мѣстечко хорошее запримѣтилъ): пока роздыхъ дѣлалъ—одинъ и попался... Вышелъ я изъ тайги чортъ чортомъ: изодранный, весь въ крови, сучьями да колючками исцарапанъ... Подошвы наскрозь чуть не до кости пробиты... Вышелъ на большіе луга—вижу, челдоны траву косятъ. Собакъ, по счастью, нѣтъ. Дождался ночи, живой рукой одежу вольную раздобылъ и—айда назадъ въ тайгу. Опушкой еще верстъ съ десятокъ отмахалъ и тутъ только на дорогу вышелъ. У челдоновъ косить нанялся. Проробилъ двѣ недѣли, зашибся малость капиталомъ и—опять въ путь дорогу. А въ Читѣ, вотъ, и приключилась со мной эта самая исторія...

Кирьяновъ подбросилъ въ костеръ пучекъ лиственичныхъ прутьевъ. Сырое дерево задымило, затрещало, закоробилось, потомъ, будто съ гнѣвомъ и неохотой, ярко вспыхнуло.

— Разыскалъ я одного человѣка, съ которымъ вмѣстѣ

когда-то въ Сибирь шелъ,—продолжалъ разсказчикъ.—Покамѣсть сидѣлъ я да бѣгалъ, онъ ужъ строкъ свой кончилъ, домомъ и женой обзавелся; торговлишку кой-какую наладилъ. Фартовыми дѣлами хоть и продолжалъ займоваться, но по малости и съ опаской, да и меня принялъ потому только, что зналъ—хоть и бѣглый я, а глупостями никакими займоваться не стану. Были у него въ Читѣ благопріятели даже изъ хорошихъ купцовъ и довѣріе большое къ нему имѣли. Можетъ статься, и на жену заглядывались, потому баба была красивая, привѣтливая, улестительная... И вотъ, только я поселился у нихъ, отдыхиваться зачалъ, какъ меня чуть не сцапали, да и добрые люди изъ-за меня же чуть не пропали. Случилось какое-то убивство съ ночнымъ грабежомъ, и по городу большая стрѣма пошла, обыскивали тѣхъ даже, на комъ замѣчанія не было. Спимъ мы разъ ночью—вдругъ стучатъ: „Отпирайте! Полиція!“ Фонари блестятъ, сабли брякаютъ... Куда тутъ дѣваться? Погибель!—Вотъ хозяйка и говоритъ: „полѣзай, Степанъ, въ трубу“. Я—въ трубу. Залѣзъ, сколь было можно высоко, и вишу тамъ, ни живой, ни мертвый... А печка-то, какъ на грѣхъ, съ вечера топлена,—кирпичъ горчій, такъ и жжетъ! Чуть я, братцы, не изжарился! А духи вошли—весь домъ перерыли: въ голбецъ лазили, шестокъ осмотрѣли—нѣтъ ли сажи. Спасибо хозяйкѣ—догадливая была, шельма: какъ только я въ трубу улепетнулъ, она передникомъ сажу послѣ меня стерла... Такъ и ушли духи ни съ чѣмъ! Однако, я шибко закручинился послѣ этого случая. Думаю: гдѣ же дойти? Сибирь пространна, блоха не перескочитъ, а по Расеѣ идти и того страшнѣе.. А хозяйка, смотрю, все около меня ходитъ да ходитъ; поглядываетъ умильно... Правда, я тогда помоложе былъ, побравѣе... „Что ты, Степанушка, такой скучный? Объ невѣстѣ, что-ль, думаешь?“—Нѣтъ у меня невѣсты.—А нѣтъ, такъ пошто на меня ни разу не взглянешь?“ Далѣ да болѣ... И короче сказать, не успѣлъ я оглянуться (а и всего-то у нихъ двѣ недѣли прожилъ), какъ передъ товарищемъ своимъ пришлось подлецомъ стать... Да и то сказать: очень ужъ сладко цѣловалась, проклятая баба! „Я, говоритъ, за тобой на край свѣта готова пойтить. Только зачѣмъ, говоритъ, тебѣ въ Расею надо?“—Ну, конечно, настоящей причины, касательно жены, я ей не высказалъ. Но во всемъ прочемъ открылся. Такъ и такъ, молъ,

два ужъ раза срывался, и оба раза засыпался... Боюсь, и въ третій то же будетъ... Только лучше я въ петлю головой согласенъ, не ежели снова въ тюрьму идти! Испугала ее моя отчаянность: „Надо, говоритъ, тебѣ безпремѣнно пачпортъ хорошій достать, настоящій, да хоть тыщу—другую денегъ. Тогда вмѣстѣ и уѣдемъ“.—Тыщу—другую?! смѣюсь,—да гдѣ-жъ ихъ на полу найдешь?—„На полу, вѣстимо, говоритъ, не найдешь, но ежели ты настоящій каринецъ, то я дѣло это тебѣ устрою“. И точно вѣдь устроила, шутъ ее возьми! Раньше всего мужа улестила, чтобъ безпремѣнно на мѣсто меня рекомендовалъ; сама указала—и мѣсто какое.

III.

— Поступилъ я въ родѣ камардина къ приказчику одному, богатѣйшей чайной фирмы въ городѣ Хабаровскѣ довѣренному. Этакого чудного человѣка я, признаться, и въ жизни своей не видывалъ. Деньжищъ, прямо сказать, куры не клюютъ: два своихъ дома каменныхъ, одинъ въ Благовѣщенскѣ, другой въ Читѣ, да отъ хозяевъ тысячъ шесть въ годъ получаетъ. Ни жены, ни дѣтей, вдовецъ; въ карты не играетъ, виномъ не зашибается, женскимъ поломъ не займуется. И куды только человѣку этакая прорва денегъ? Для чего старается, съ мѣста на мѣсто мыкается, на пароходахъ мерзнетъ, всю жизнь чужимъ людямъ поблажаетъ? А живетъ совсѣмъ по-простецки. Отлучилась куда прислуга—схватитъ швабру и самъ полъ подмететъ, сапоги себѣ вычиститъ, самоваръ наставитъ; ничѣмъ, то есть, не гнушается. Разговорится съ кучеромъ али стряпкой—чай съ собой пить усадитъ: чохъ-мохъ не разбираетъ! Подумаешь со стороны—асмодей, на саванъ себѣ копитъ. Нѣтъ, и то невѣрно. Приди бѣдный человѣкъ, слово только скажи—руку сейчасъ въ карманъ, и что только найдетъ въ кошелькѣ—все и отдастъ. На школы тоже много давалъ, на больницы, на храмы... Короче сказать, съ чудинкой былъ, и многіе вовсе полоумнымъ его считали; однако, дѣла такъ обдѣлывалъ, что хозяева нахвалиться не могли, и что ни годъ, то жалованья набавляли. Вотъ и заявляюсь къ нему. Выходитъ шкелетъ-человѣкъ, тощій и долгій, какъ палка, платье, ровно на вѣшалкѣ

а голова, какъ колѣнко, вовсе, что есть, голая... Шары большіе, зеленые, глядятъ—въ душу такъ и залѣзаютъ.. „Что жъ, говоритъ, поступай ко мнѣ. Человѣкъ ты, я вижу, хорошій, только... несчастный, видно? А? Какъ и что, обсказывай". Ну, что я ему обскажу?! Нѣтъ, говорю, Павелъ Артёмычъ, никакого особливаго несчастья за мной нѣтъ, а вотъ заминка одна точно есть...—„Какая, говоритъ, такая?"—Такъ и такъ, молъ, пачпортъ потерялъ... Самъ я тобольскій, и коли ежели хлопотать, то вѣрныхъ полгода пройдетъ, а самому воротиться домой, ничего не заробивъ, обидно.—„Ну, это, говоритъ, пустое! не заботься! Живи у меня, какъ у Христа за пазухой, никакого пачпорта не нужно". Короче сказать, такъ обошелся, что мнѣ стыдно даже стало, что на этакого человѣка я недобрò замышляю... Съ того жъ дня, самъ не знаю за что, Павелъ Артёмычъ такъ меня полюбилъ, точно родного брата. Призоветъ инова поздно вечеромъ: „Посиди со мной, Степа, скучно! Такія все мысли нехорошія въ голову лѣзутъ, не заснуть. Разскажи сказку какую али быль". И сидимъ мы за полночь, балакаемъ. А то зачнетъ при мнѣ деньги считать, которыя за день съ хозяйскихъ должниковъ получилъ.—„Такъ я, говоритъ, Степа, эти деньги ненавижу!.. Все чудится мнѣ, что кажная бумажка въ слезахъ человѣчецкихъ, а то и въ крови вся".—Пошто такъ?—спрашиваю.—„Деньги злобу на землѣ сѣютъ, бѣсы имъ радуются, а анделы небесные плачутъ, какъ увидятъ,—и въ Писаніи сказано". Разъ насчитали мы съ нимъ этакимъ манеромъ 30 штукъ однѣхъ радужныхъ...

— Ну?! — не утерпѣлъ кто-то изъ слушателей, — ну, и что жъ ты?..

Глаза арестантовъ заискрились алчнымъ блескомъ. Кирьяновъ продолжалъ:

— Ну, вотъ и начало меня мутить, далѣ да болѣ... Опять же и краля моя подзуживаетъ: „Не зѣвай, пользуйся случаемъ". Объ убивствѣ я, однако, съ первоначалу и мысли не держалъ; возьму, думаю, на тихóй манеръ и уйду. Но легко сказать „возьму", а какъ сдѣлать? Деньги у него завсегда при себѣ; ночью спитъ—сумку подъ подушку кладетъ. Словомъ, приступу никакого. Одинъ только и былъ случай, что самъ мнѣ въ руки 300 рублей далъ, велѣлъ къ знакомому купцу отнести, подъ росписку сдать.

— Отнесъ?!—почти съ ужасомъ спросилъ Николка Полудовъ.

— Отнесъ.

Николка всплеснулъ руками, а чернявый объяснилъ:

— Дуракъ! онъ выше мѣтилъ... Что за деньги триста рублей, коли можно всѣ три али пять тысячъ взять?

Кирьяновъ, не объясняя своего поступка, продолжалъ:

— Время шло, и я все болѣе увѣрялся, что на тихóй манеръ ничего у меня не выйдетъ. А тутъ разъ Павелъ Артёмычъ и объяви: „Черезъ недѣлю я въ Благовѣщенскъ ѣду“.— Какъ такъ? Надолго-ли?—„Да мѣсяца на два“. Такъ меня, словно варомъ, всего и обдало...—„Да ты чего это, говоритъ, всполошился? Я тебѣ вѣдь не отказываю. Ты у меня здѣсь съ Марьей (стряпку такъ его звали) жить станешь, домъ караулить, за лошадьми ходить“. Я показываю видъ, что обрадовался, а самъ весь, какъ въ огнѣ, горю. Значитъ, молъ,— теперь, либо никогда! Къ тому-же у хозяина, знаю, большія суммы передъ отъѣздомъ скопятся... Того-жъ часу началъ я обсахаривать Марью: „Давно ты, говорю, Марьюшка, къ сестрѣ въ гости собираешься. Хвораетъ она, слышно. Сходи, я за тебя все тутъ барину сдѣлаю“. Она и обрадовалась. Уговорились, что на другой вечеръ на всю ночь закатится... Ровно въ семь часовъ я спровадилъ старуху, заперъ наглухо всѣ двери и ставни и подалъ барину самоваръ. Вижу, опять онъ деньги считаетъ—на столѣ ужъ цѣлая куча накладена. Ворчитъ мой Павелъ Артёмычъ: „надоѣли проклятыя... Погибели на васъ нѣтъ!“ Это онъ деньги ругаетъ... Задрожалъ я отъ радости, иду назадъ къ себѣ, ровно пьяный, шатаюсь... Пересчиталъ онъ капиталы—ужъ и ночь на дворъ. Слышу—спать ложится; а огня онъ у себя никогда ночью не тушилъ. Прождалъ я этакъ съ часъ время, взялъ топоръ (еще утромъ онъ у меня отточенъ былъ), снялъ сапоги и иду потихонечку къ спальнѣ (а дверь въ спальню давеча, будто, забылъ затворить). Остановился у порога, заглядываю: лежитъ съ закрытыми глазами, спитъ крѣпко... „Чортушка-батюшка, благослови!“ Только хотѣлъ броситься—вдругъ... вѣрьте, не вѣрьте, братцы,—онъ какъ заплачетъ, какъ застонетъ, да не своимъ, а тонкимъ такимъ, будто ребячьимъ голосомъ! Ажно морозъ подралъ по кожѣ... Кинулся я назадъ въ кухню, бросилъ топоръ подъ лавку... Слышу, кличетъ меня: „Степанъ!

А, Степанъ!“ Ни живой, ни мертвый, иду.—„Степанушка, родной, посиди коло меня... Какой мнѣ сонъ страшный привидѣлся! Я вѣдь плакалъ во снѣ, ты слышалъ? По душу мою, будто, пришли... *Они*... черные, страшные... Только хотѣли взять, сзади кто-то какъ обовьетъ меня руками... Черные такъ и отпрянули! зубами скрыжечутъ, а сдѣлать ничего не могутъ... Смотрю—руки бѣлыя-бѣлыя, женскія... Оглядываюсь—покойница-жена!.. Глаза свѣтлые, добрые, глядятъ таково ласково и ничего не боятся. Тутъ-то, вотъ, я и заплакалъ и проснулся“.—Пошто это, спрашиваю, вамъ сны такіе нехорошіе снятся?—Сидитъ мой Павелъ Артёмычъ въ постели, блѣдный, какъ мертвецъ. руки ломаетъ—пальцы хрустятъ. „Мнѣ, говоритъ, часто такое снится, и она кажную ночь приходитъ... Пошто, спрашиваешь? Скажу тебѣ все, какъ на духу. Я—грѣшникъ великій, человѣчецкую душу я загубилъ... Пятнадцать лѣтъ тому время, и никто въ цѣломъ свѣтѣ даже понятія не имѣетъ, всѣ добрымъ человѣкомъ меня почитаютъ. Одна только совѣсть моя знаетъ, покою ни днемъ, ни ночью не даетъ...

— Слушай. Имѣлъ я жену молодую, красивую. Жили мы хорошо и крѣпко любили другъ дружку. И вотъ пропали у меня разъ изъ стола полторы тысячи рублей. Никто не могъ взять, окромя жены, зналъ я хорошо, что никто. Прихожу къ ней и спрашиваю, по доброму этакъ спрашиваю: „Не ты-ль, Даша, взяла?“—Нѣтъ, не я.—А сама, вижу, такъ заревомъ вся и вспыхнула...—Ой, говорю, Даша,—ты! уже со злостью говорю, потому ударило мнѣ въ голову: ревнивецъ я былъ страшный... Она и запираться больше не стала: „Ну, я! Я взяла. А только зачѣмъ взяла—не скажу. Хоть зарѣжь, не скажу“. Упрямая была, какъ я-же...—А, не скажешь? Ну, ладно. Посмотримъ.—И тутъ ужъ я окончательно утвердился: не иначе какъ отдала она эти деньги полюбовнику. На одного проходимца я мѣтилъ, который все около насъ кружился, и Даша съ нимъ ласковой была. Прошло сколько-то дней. Собрался я въ дорогу по своимъ торговымъ дѣламъ, запрёгъ коня и говорю женѣ: „Одѣвайся, ѣдемъ“. Слова не сказала противъ—сѣла. И повезъ я ее въ тайгу. Въ такую глушь завезъ, что, можетъ, и звѣрь дикій не заглядывалъ! Отпрёгъ коня и говорю:—Ну, скажешь теперь, паскуда, куда мои полторы тысячи подѣвала? — „Нѣтъ, не скажу“.—Не скажешь?

Посмотримъ.—Раздѣлъ ее до нага, скрутилъ назадъ руки вожжами и повѣсилъ на сукъ. Крѣпится—молчитъ; только бѣлая вся, какъ молоко.—Скажешь?—„Нѣтъ“.—Зачалъ кнутомъ ее жарить; всю до крови исполосовалъ — молчитъ.—Скажешь, сволочь?—„Нѣтъ“.—А, такъ!.. Развелъ огонь, вынулъ изъ телѣги желѣзный шкворень, накалилъ до красна да каленымъ желѣзомъ и сталъ припекать... — Теперь скажешь, кто твой полюбовникъ? Кому деньги мои отдала?—Тутъ она впервой заплакала, застонала: а все одно твердитъ: „Кому деньги отдала — не скажу, а полюбовника не имѣю. Безъ вины погибаю!“—Безъ вины?! Вовсе тутъ озвѣрѣлъ я, красный туманъ въ глазахъ пошелъ... Схватилъ ножикъ и съ одного маху въ грудь ей всадилъ!.. И тутъ только опамятовался... Гляжу: виситъ она, голая, вся въ крови, на куски исполосована, голова на грудь упала... Лицо, какъ снѣгъ, бѣлое.. Волосы черные распустились, одинъ глазъ закрылся, а другой, большой, страшный, на меня глядитъ... И губы еще шевелятся: „Злодѣй, что ты сдѣлалъ?!“ — Пятнадцать, говорю, лѣтъ, прошло, а не бываетъ того дня, той ночи, когда-бъ я ее не видалъ, словъ этихъ не слыхалъ...

Отъ волненія-ли, для пущаго-ли эффекта, разсказчикъ умолкъ на минуту и началъ свертывать новую цыгарку.

— Вишь, сволочи эти бабы,—бросилъ замѣчаніе Николка Полудовъ,—при жизни отъ мужей гуляютъ, да еще и мертвыя мучаютъ нашего брата!..

— Да она-жъ не гуляла вовсе, -- съ сердцемъ оборвалъ Кирьяновъ,—потомъ все дѣло раскрылось. Деньги она отцу отдала... Картежникъ былъ, мотишка, казенныя деньги слизнулъ, и выходила ему тюрьма... Павелъ Артёмычъ шибко его не любилъ! Ну, а она, извѣстно,—дочь...

— Что жъ, такъ и не открылось убивство?

— Нѣтъ. Заявилъ Павелъ Артёмычъ въ полицію, что жена съ полюбовникомъ убѣжала. Зачали искать—ну, и по сей день ищутъ. Даже и подозрѣнья никто не имѣлъ, потому знали всѣ, что онъ въ женѣ души не чаялъ. — Вотъ, какъ обсказалъ онъ мнѣ свою жизнь, да узналъ я, что такой же онъ, какъ мы, несчастный, такъ ровно что перевернулось во мнѣ: вижу—не могу я своего дѣла сдѣлать. И такое отчаянье на меня напало: эстолько времени даромъ загубилъ! Гдѣ бы я теперь могъ быть? Прихожу къ своей

кралѣ и все ей объясняю. Какъ вспыхнетъ она, какъ напустится: „Ты, говоритъ, не каринецъ, а—бабій башмакъ. Нашелъ несчастнаго! Да, можетъ, онъ все это выдумалъ, навралъ тебѣ, чтобъ разжалобить? Зачуялъ, что убить его хочешь,—вотъ и сплелъ сказку". Ну, такъ она меня этимъ словомъ пронзила, что порѣшилъ я въ первый же удобный вечеръ пришить его! Воротился домой и все стараюсь злобу въ себѣ разжечь.

— Тебѣ бъ выпить еще для храбрости не мѣшало,—заднимъ числомъ подалъ совѣтъ молчаливый, чернявый арестантъ.

— Это самое я и сдѣлалъ. Купилъ двѣ бутылки водки и весь день тяну понемножку, не даю парамъ изъ себя выйти. Сплавилъ опять на всю ночь Марью и жду своего купца.

IV.

— Я ужъ боялся, совсѣмъ не придетъ: вернулся поздно вечеромъ. Смотрю—сума раздувается!.. Ну, значитъ, опять, деньжищъ гору приволокъ! Въ шляпѣ дѣло! — Будете-ль, спрашиваю, чай пить?—Не хочетъ. Жду—не позоветъ ли деньги считать, нѣтъ—не зоветъ. Невеселый чего-то, задумчивый... Гляжу, и спать ужъ ложится. Выждалъ полчаса время—опять къ спальнѣ его съ топоромъ подхожу. Поджилки дрожатъ, на ногахъ гири пудовыя... Топоръ, будто, не своя рука держитъ... И хмѣль изъ головы весь выскочилъ! „Кабы,—думаю въ себѣ,—догадывался онъ, что я дѣло такое замышляю и сказкой своей глаза мнѣ отводилъ, нешто сталъ бы опять вдвоемъ со мной ночевать? Вретъ она, сволочная баба. Давно бъ ужъ я теперь въ острогѣ сидѣлъ". А въ другое ухо, ровно, кто шепчетъ: „Да тебѣ-то, дураку, какая объ томъ забота? Ты объ своемъ дѣлѣ помышляй. Онъ пожилъ въ свое, теперь ты поживи. Добро бъ еще, святой жизни былъ человѣкъ, а то душу невинную загубилъ". Даже вспотѣлъ я весь... Рубашка, слышу, — хоть выжми! — И такая, братцы мои, вдругъ злоба закипѣла во мнѣ къ этому человѣку, такая злоба, что постылѣе онъ мнѣ гадины сталъ... Башка его лысая, ноги долгія да худыя, рѣчи ласковыя... Такъ бы и разорвалъ на клочки! Подошелъ къ постели, глаза въ сторону отвелъ и топоромъ замахнулся...

— Ахъ, язви тебя!.. какъ шкваркну объ земь топоръ, какъ заору не своимъ голосомъ:—Павелъ Артёмычъ, вставай! Павелъ Артёмычъ!—Вскочилъ онъ,—я съ одного маху все и обсказалъ ему: и зачёмъ на мѣсто къ нему поступилъ, и какъ вторую ночь убить его хочу, да силъ не имѣю... Удивился онъ, вижу, а чтобъ испужаться—не испужался. „Читалъ ты, говоритъ, въ Библіи, какъ Богъ Каина печатью своей отмѣтилъ, чтобъ никто на него руки поднять не смѣлъ? Вотъ и меня тоже... Разъ пароходъ горѣлъ, на которомъ я ѣхалъ... на Амурѣ... Всѣ пассажиры до одного пропали, только я да еще одинъ мужичекъ уцѣлѣли. Тоже, разъ, въ Китаѣ разбойники на нашъ обозъ напали: троихъ обозчиковъ убили, двухъ моихъ товарищей ранили, а потомъ, какъ все ужъ во власти ихней было, испужались чего-то вдругъ и убѣжали... Тонулъ я сколько разъ—цѣлъ остался... Стало быть, особливый разсчетъ со мной будетъ... Казни мнѣ еще не выбралъ Богъ... Смѣло, значитъ, Степанъ, оставайся со мной, ничего не бойся! Коли хочешь—въ Хабаровскъ вмѣстѣ поѣдемъ“.—Ну, только я на своемъ уперся. Какъ вы тамъ знаете—объ себѣ думайте, Павелъ Артёмычъ, а я больше не согласенъ эту муку мученскую примать. Потому не зарекаюсь—могу опять въ смущенье придти... Пожалуйте разсчетъ! — „А сколько ты, говоритъ, денегъ думалъ сегодня взять у меня?..“—Да тыщонки двѣ либо три...—Засмѣялся... Отпираетъ сумку и показываетъ: туго-на-туго набита разными векселями да бумагами, и всѣ они мнѣ безъ пользы были бъ... Открываетъ потомъ кошелекъ и отдаетъ все, что тамъ было: шестьдесятъ девять рублей съ копѣйками... Тутъ же, ночью, простились мы, и я ушелъ. Не хотѣлъ и утра ждать...

— Что-жъ краля твоя? Шибко ругалась?

— А я къ ней и не заходилъ вовсе... Такъ прямо и пошелъ далѣ, покамѣсть въ Пермской губерніи не засыпался...

Кирьяновъ кончилъ. Помолчали немного...

— Грѣхъ хорошій человѣкъ убивать!—рѣшилъ великанъ-татаринъ:—Добрай человѣкъ—грѣхъ!

Мятель на дворѣ, очевидно, стихла — все тише и рѣже слышались завыванія вѣтра въ верху колпака. Костеръ потухалъ, и никто не подбрасывалъ въ него новыхъ сучьевъ.

— Эй вы, сонныя тетери, чего тутъ дѣлаете?—раздался

громкій окликъ солдатъ, вошедшихъ въ колпакъ:—шабашить пора.

Взглядъ старшого упалъ на тлѣющій костеръ.

— Это что? Кто позволилъ?!—яростно завопилъ онъ, весь покраснѣвъ и выпучивъ глаза, какъ быкъ, готовый броситься на врага:—Кольки разъ говорено вамъ, сучьи дѣти, что внутрѣ не полагается огня разводить? Строго запретилъ полковникъ.

— Не серчай, аспадинъ! Твоя не говорилъ, моя не слыхалъ...—добродушно ухмыляясь, сказалъ татаринъ.

— А! не слыхалъ, татарская образина?..

Прикладъ загремѣлъ и съ силой ткнулъ татарина въ грудь, затѣмъ послышался звукъ двухъ пощечинъ.

— Я вамъ покажу, варначье мясо, какъ начальства ослушàться, какъ подъ плети насъ подводить!—гремѣлъ расходившійся воинъ.

Остальные солдаты молчали, но, крѣпко держа въ рукахъ берданы, зорко поглядывали на сбившихся въ тѣсную кучку арестантовъ. На лицахъ этихъ послѣднихъ не читалось, однако, страха: напротивъ, они были подняты и глядѣли въ упоръ съ какимъ-то страннымъ, гордымъ достоинствомъ.

— Ты бы потише, господинъ старшій,—сказалъ чернявый:—мы тоже, небось, люди-человѣки... Чего взъѣлся, самъ не знаешь? Лѣтомъ запрещено огонь разводить, это точно,—на случай пожара; а зимой—это ужъ ты отъ себя. Сами у костра грѣетесь, а намъ околѣвать?..

Эта неожиданная гнѣвная выходка, видимо, ошеломила зарвавшагося солдата: нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, точно размышляя, не броситься ли ему на черняваго съ кулаками... Но почему-то не сдѣлалъ этого и ограничился тѣмъ, что погрозилъ прикладомъ, да пустилъ въ воздухъ залпъ отборныхъ ругательствъ.

— Тоже человѣкъ выискался... Да откудова ты взялъ это, бритая твоя башка? Захочемъ, вотъ—въ порошокъ сичасъ всѣхъ изотремъ, морды всѣмъ разворотимъ!..

Новой реплики со стороны черняваго не послѣдовало... Николка Полудовъ, новичокъ-арестантъ и побитый татаринъ суетливо хлопотали вокругъ костра, заливая его остатками чая, засыпая снѣгомъ, землей, топча ногами. Кирьяновъ стоялъ въ сторонѣ, и не то грустная, не то ироническая

улыбка свѣтилась въ его умныхъ сѣрыхъ глазахъ, пряталась въ углахъ губъ, за длинными сѣдѣющими усами...

— Живо — мар-ршъ!.. — скомандовалъ грозный ефрейторъ.

„Колпакъ“ поспѣшно замкнули; кандалы залязгали, и шествіе тронулось. Сверху сопки спускались рабочіе изъ другихъ шахтъ. Внизу, въ глубокой лощинѣ, на ярко-бѣлой скатерти снѣговъ большимъ чернымъ пятномъ вырисовывались высокія тюремныя пали...

Туда, въ могилу живыхъ людей, гдѣ рѣдкой гостей бываетъ совѣсть и еще болѣе рѣдкой—радость!

Л. Мельшинъ.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Крымская картинка).

Тамъ было пустынно и дико... Угрюмой стѣной вздымаются высокія голыя скалы; прижавшись къ нимъ, высоко повисли въ воздухѣ одинокія сирыя сосны, изуродованныя бѣшеными вѣтрами, съ искалѣченнымъ тѣломъ, обломанными вѣтвями. Проносятся надъ вершинами облака, задѣвая гребни скалъ, сумрачныя, клубистыя облака,—оттуда, съ дальняго сѣвера въ сторону южную... Какъ темное облако, паритъ орелъ надъ горами...

А ниже—все камни... Они летѣли оттуда съ вершины горъ огромными глыбами, цѣлыми скалами, нагромождаясь другъ на друга, разбиваясь на тысячи кусковъ, и остановились и замерли въ дикомъ хаосѣ разрушенія. Покрыли ихъ разноцвѣтные лишаи, разросся колючій кустарникъ, кривые дубы вытянулись между грудами камней, кое-гдѣ проглянули пятна виноградниковъ, табачныхъ плантацій. Изрѣдка бѣлѣютъ одинокіе домики, и, какъ сторожа, обступили ихъ пирамидальные тополя, темной иглой встаетъ печальный кипарисъ,—а тамъ опять камни и камни,—сѣрые, желтые, зеленые...

Пустынно и дико въ горахъ...

Зеленая ящерица выглянетъ любопытными глазками изъ расщелины скалы; беззвучно темнымъ жгутомъ проползетъ ужъ; какъ пучки змѣй, ползутъ по землѣ твердые, какъ камень, вѣтви плюща, взбираются по тѣмъ отвѣснымъ голымъ скаламъ, обвиваютъ старые обросшіе мхомъ камни и стѣны домовъ и смертельными объятіями сжимаютъ тѣ кривые

дубы и стройный тополь, и печальный кипарисъ... Только море все волнуется и шумитъ и все говоритъ свои вѣчныя слова...

Блѣднымъ призракомъ вставала весна, медленная, тихо плывущая, неувѣренная крымская весна. Въ темныхъ почкахъ голыхъ дубовъ, въ желтой зелени просыпающихся тополей, въ горячемъ воздухѣ, волнами лившемся надъ камнями и деревьями и зеленовато-синимъ моремъ, — всюду чуялось ея присутствіе. Лиловая фіалка выглядывала изъ подъ старыхъ сухихъ листьевъ, пестрѣли бѣлыя, желтыя и розовыя примулы между сѣрыми камнями.

Было беззвучно, мирно и радостно. Пронеслось по шоссе тяжелое ландо; блѣдныя, больныя, измученныя дальнимъ сѣверомъ лица жадными расширенными глазами смотрѣли на свѣтлое море и голубое небо—и снова стало тихо, только море сладко вздыхало внизу.

Такъ хорошо было бродить въ горахъ, въ этой сладкой тишинѣ просыпающейся весны.

До меня донесся разговоръ. Кто-то говорилъ суровымъ голосомъ, кого-то строго упрекалъ, но голоса отвѣчавшаго было не слышно. Я невольно убавилъ шагъ, до меня явственно донеслись прерываемые короткими промежутками рѣзкіе, громкіе возгласы.

— Горе вамъ!.. Горе вамъ!.. Горе вамъ!..

Я обогнулъ скалу, повисшую надъ шоссе, и потихоньку взобрался наверхъ, откуда доносились звуки.

Высоко надъ шоссе, подъ зеленой сосной, прислонившись къ каменной глыбѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, почти юноша, въ домотканной сѣрой свиткѣ, въ истоптанныхъ пастолахъ, загорѣлый, покрытый пылью. Рядомъ съ нимъ лежалъ старый выцвѣтшій картузъ, длинная палка съ крючкомъ, сдѣланная изъ тыквы баклага для воды и открытая котомка, изъ которой выглядывалъ черный запыленный хлѣбъ, холщевая вышитая рубашка, какая-то исписанная тетрадь. Онъ сидѣлъ, вытянувши ноги, держалъ передъ собой раскрытую книгу и громко, нараспѣвъ, съ малороссійскимъ акцентомъ, читалъ:

— „Горе вамъ, книжники—онъ выговаривалъ „кныжныки“—и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ“.

„... такимъ образомъ, вы сами противъ себя свидѣтельствуете, что вы сыновья тѣхъ, которые избили пророковъ".

Онъ былъ большой, угловатый, несложившійся, съ длиннымъ худымъ тѣломъ, выступающими лопатками, съ коротко остриженной черноволосой головой. Темное отъ загара лицо съ еле пробивающимися усами и густыми черными бровями, изъ подъ которыхъ смотрѣли большіе сѣрые глаза, глядѣло сурово и строго.

„Посему, вотъ, я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ, и книжниковъ, и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ"...

По прежнему строго и укоризненно звучали низкія ноты молодого, несложившагося голоса.

„Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ!"

Онъ дочиталъ главу, вздохнулъ долгимъ, труднымъ вздохомъ и замеръ. Раскрытая книга лежала на землѣ, широко открытые глаза словно подернулись туманомъ и, не мигая, смотрѣли вдаль,—туда, гдѣ разстилалось широкое море... Я стоялъ почти прямо передъ нимъ,—онъ не видѣлъ меня, камень вырвался изъ подъ моей ноги и, прыгая, съ сухимъ звукомъ покатился далеко внизъ,—онъ не обернулся. Кругомъ не было ни звука; мнѣ слышно было, какъ переворачивались листы книги. Онъ снова началъ читать тихимъ, глухимъ, точно испуганнымъ голосомъ, медленно роняя слово за словомъ, словно вдумываясь въ каждое, словно пугаясь смысла ихъ...

— „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся"...

Онъ закрылъ глаза и еще тише повторилъ про себя:

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся"...

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть Царство Небесное"...

„Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать"...

Голосъ звучалъ еще тише... Лицо оставалось суровымъ, но на него легло выраженіе чего-то мягкаго, кроткаго, совсѣмъ юнаго, и уцѣлѣвшій отъ загара высокій бѣлый лобъ такъ странно выдѣлялся на фонѣ темнаго запыленнаго лица.

Онъ снова закрылъ глаза и поднялъ голову къ небу, и лицо его сдѣлалось какъ лицо слѣпого, незрячими очами ищущаго солнца—и губы беззвучно шевелились, повторяя святыя слова...

И вдругъ мнѣ сдѣлалось стыдно, словно я воровалъ что-то, подслушивалъ нѣчто тайное и сокровенное, что хоронилось отъ всѣхъ,—я тихо спустился съ каменнаго откоса и снова пошелъ по шоссе.

Кругомъ было тихо, молодо и сладостно. Желтыя пушистыя кисточки висѣли на голыхъ вѣтвяхъ орѣшника, юно и радостно смотрѣли нѣжныя примулы, дѣвственная фіалка. Волнами лился горячій воздухъ надъ просыпающейся землей, сладко вздыхало море внизу,—шла тихо просыпающаяся, медленно плывущая, кроткая крымская весна...

А я все думалъ о немъ, оставшемся въ горахъ съ своей книгой,—откуда онъ пришелъ и куда онъ идетъ?..

С. Елпатьевскій

Изъ старыхъ воспоминаній и наблюденій.

Постройка Дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ была первой попыткой ввести у насъ систему одиночнаго заключенія для подслѣдственныхъ арестантовъ. Традиціонный острогъ съ его угрюмыми башнями, лязгомъ цѣпей, бубновыми тузами, раскатистой бранью и зуботычинами шелъ въ разрѣзъ съ судебными уставами и новыми порядками, водворившимися въ судѣ; для нѣкоторой гармоніи съ этими новыми порядками воспользовались готовыми, получившими право гражданства на Западѣ, образцами, ничего не измѣняя, ничѣмъ не дополняя ихъ. Распущенность острожнаго сидѣнья замѣнилась неуклонной строгостью келейнаго заключенія.

По своей внѣшности Домъ предварительнаго заключенія ничѣмъ, кромѣ казеннаго стиля, не отличается отъ сосѣднихъ домовъ; его можно пройти, не замѣтивъ, тѣмъ болѣе, — что передъ воротами не торчитъ караулъ, а сзади — не грохочутъ тяжелые запоры, такъ ошеломлявшіе вступавшихъ въ острогъ. Попасть въ „Домъ“ такъ же легко, какъ и въ любой сосѣдній: единственный сторожъ, и то стоящій не на улицѣ, а за воротами, не требуетъ пропускныхъ листовъ.

Въ „Домѣ“ два двора: наружный и внутренній; на первый дворъ выходятъ квартиры служащихъ и окна камеръ, назначенныхъ для свиданій заключенныхъ съ приходящими. Здѣсь въ большинствѣ оконъ виднѣются занавѣски, цвѣты; на дворѣ весело играютъ дѣти, звонко перебранивается прислуга; словомъ, на первомъ дворѣ иллюзія свободы достигается полная, ее нарушаетъ только тѣсная кучка ожидающихъ своей очереди для свиданія съ заключенными; на нѣкоторыхъ лицахъ этой кучки невольно бросается въ глаза отпечатокъ боль-

шого горя и страданія. Иногда, особенно въ лѣтнюю пору, на этомъ дворѣ замѣчается особенное движеніе: окна поспѣшно захлопываются, публика удаляется надзирателями... Во дворъ въѣзжаетъ извозчичья карета, черезъ грязныя стекла которой виднѣется жандармъ и чье-то другое лицо. Карета и привезенный въ ней исчезаютъ подъ вторыми воротами.

За этими-то вторыми воротами, собственно, и начинается тюрьма. Кромѣ служащаго персонала, калитка этихъ заповѣдныхъ воротъ отворяется только передъ лицами, занимающими какое либо оффиціальное положеніе: передъ защитниками, представителями прокурорскаго надзора и т. п. Всѣ окна келій выходятъ именно на этотъ второй, внутренній дворъ.

Громадные этажи „Дома“, замыкающіе со всѣхъ сторонъ внутренній дворъ, разбиты на „одиночки“, какъ зовутъ свои кельи и самихъ себя заключенные въ нихъ. Число „одиночекъ“, судя по окнамъ, отъ 250 до 300. Двери всѣхъ „одиночекъ“ выходятъ не въ корридоры, но на сплошные висячіе балконы, соединные между собой винтовыми желѣзными лѣстницами. Устройство и расположеніе келій, лѣстницъ и балконовъ приспособлено къ тому, чтобы дать возможность, по первому свистку, сосредоточить многочисленный персоналъ служащихъ и стражи въ томъ или другомъ мѣстѣ. Высокіе, во всѣ этажи, пролеты „Дома“ отличаются необыкновенной гулкостью и резонансомъ.

Всѣ кельи похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Полы вездѣ асфальтовые, размѣры же и обстановка келій таковы: шесть шаговъ длины и три ширины; желѣзная узкая кровать, привинченная къ стѣнѣ, такая же желѣзная, привинченная къ стѣнѣ небольшихъ размѣровъ доска, замѣняющая столъ, раковина для спуска нечистотъ, газовый рожокъ и небольшое подъ самымъ потолкомъ окно съ желѣзной рѣшеткой. Вотъ и все. Только „одиночки“, попавшіе въ верхніе этажи „Дома“, видятъ въ это окно клочекъ неба. Въ массивной двери кельи вырѣзано отверстіе вершка въ $1^1/_2$ длины, въ которое со стороны балкона вставлено стекло, со стороны же кельи проволочная сѣтка. Въ это отверстіе производится наблюденіе надъ заключеннымъ.

Таково устройство келій, въ которыхъ суждено нѣкоторымъ проводить цѣлые мѣсяцы, а инымъ и цѣлые годы.

Въ традиціонномъ острогѣ (по крайней мѣрѣ, прежде такъ было) арестантовъ, во время уборки камеръ и въ цѣляхъ гигіеническихъ, выгоняли на дворъ, гдѣ они или безцѣльно шлялись изъ угла въ уголъ, или сокращали свой досугъ игрой въ чехарду, въ бабки, въ свайку; заключенныхъ же въ „Домѣ“ по временамъ „водятъ на прогулку“.

Для этой прогулки отведено по срединѣ двора особое мѣсто. Заключенные зовутъ это мѣсто звѣринцемъ. Звѣринецъ представляетъ изъ себя кругъ, раздѣленный на десять или двѣнадцать частей непроницаемыми, сажени въ три вышиной, заборами. Съ передней стороны каждая изъ этихъ клѣтокъ замкнута высокой рѣшеткой, въ задней же продѣлана дверь, въ которую впускается арестантъ. На глазомѣръ, длина клѣтокъ—сажени три, ширина—сажени полторы. Въ каждую клѣтку впускается по одному человѣку.

По срединѣ звѣринца устроена вышка, съ которой производится зоркое наблюденіе.

Со стороны, эта прогулка „одиночекъ“ производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Запертые въ свои тѣсныя клѣтки, точно звѣри, большими шагами, низко опустивъ головы, толкаются изъ стѣны въ стѣну арестанты. Недостаетъ только толпы зѣвакъ да рычанія, чтобы сходство съ настоящимъ звѣринцемъ было полное.

Одинъ изъ интеллигентныхъ подсудимыхъ, пересылавшійся этапнымъ порядкомъ изъ острога въ острогъ и въ концѣ своихъ подневольныхъ странствованій очутившійся запертымъ въ кельѣ, такъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія:

— Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но теперь мнѣ завидно мое прошлое; я съ радостью промѣнялъ бы на самый скверный острогъ мою настоящую могилу. Пусть тамъ люди живутъ въ грязи, среди всякой мерзости, пусть съ ними обращаются, какъ со скотами, но тамъ, въ утѣшеніе, рядомъ со мной, бокъ о бокъ живетъ и страдаетъ такое же двуногое существо, какъ и я. Поймите, это мой товарищъ; онъ умѣетъ говорить, онъ понимаетъ меня. Съ нимъ вмѣстѣ я ѣмъ, съ нимъ бранюсь, съ нимъ и горюю вмѣстѣ! Всю сладость этого „вмѣстѣ“ можемъ оцѣнить только мы, заживо погребенные. Клянусь вамъ, это отсутствіе звука, голоса, это одиночество въ теченіе безконечныхъ дней и ночей—такая утонченная мука, съ которой не сравнятся никакіе клоповники.

Послѣ моихъ, довольно многочисленныхъ, наблюденій надъ „одиночками“, мнѣ пришлось придти къ заключенію, что въ словахъ подневольнаго скитальца была большая доля правды.

Вводя систему одиночнаго заключенія, мы, не мудрствуя лукаво, позаимствовали готовые образцы. Насъ поразила стройность, законченность системы, ея педантичность, ея выставочная сторона, ея ежедневный обиходъ, разсчитанный съ математической точностью по часамъ и минутамъ. Дѣйствительно, все выходило очень прямолинейно и, пожалуй, красиво. Самая борьба съ преступнымъ человѣчествомъ, при помощи этой системы, казалась легкой и удобной. Но, увлекшись выставочной стороной дѣла, мы проглядѣли холодную, фарисейскую жестокость, чертившую планы всѣхъ этихъ келій, звѣринцевъ, ажурныхъ балконовъ и создававшую ужасный, математически точный обиходъ.

Впрочемъ, и результаты не особенно оправдали радужныя надежды, возлагавшіяся на „Домъ“, какъ прототипъ, при его закладкѣ. Если остроги играли роль высшихъ школъ для преступнаго человѣчества, то болѣе чѣмъ сомнительны результаты келейной системы въ обратномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ исправленія человѣчества. Вопреки ожиданіямъ, человѣкъ оказался прежде всего животнымъ стаднымъ, жизнь же, направляемая наперекоръ присущимъ природѣ потребностямъ, преисполнилась такими терзаніями, что исчезла даже самая возможность исправленія путемъ „самопознанія“ и „самоуглубленія“,—этихъ краеугольныхъ камней келейной системы.

Полное разобщеніе съ окружающимъ міромъ, отсутствіе движенія, плохое питаніе, отрицаніе человѣческой личности съ ея прирожденными качествами, гробовое молчаніе, ничѣмъ не прерываемое въ теченіе безконечно тянущихся дней и ночей, дѣйствуютъ губительнѣйшимъ образомъ одинаково какъ на физическое, такъ и на моральное состояніе заключеннаго.

На первыхъ же порахъ келейнаго заключенія нервы доходятъ до той черты болѣзненной возбужденности и раздражительности, за которой начинаются галлюцинаціи и сумасшествіе. Человѣкъ теряетъ сонъ, аппетитъ и живетъ однѣми горячечными грезами. Этотъ міръ грезъ, несбыточныхъ представленій, фантастическихъ образовъ наполняетъ дни и

ночи заключеннаго; въ немъ одномъ онъ ищетъ спасенія отъ снѣдающей тоски, имъ однимъ заглушаетъ свои страданія. Всѣ душевныя отправленія человѣческаго организма пріостанавливаются, за исключеніемъ воображенія, которое работаетъ за все и всѣхъ.

За этимъ періодомъ крайняго возбужденія обыкновенно наступаетъ періодъ апатіи, полнѣйшаго упадка физическихъ и нравственныхъ силъ. Даже судьба близкихъ сердцу, покинутыхъ за стѣнами кельи людей, дѣйствительно любимыхъ, перестаетъ интересовать заключеннаго; онъ не болѣетъ за нихъ, не живетъ съ ними; онъ на все махнулъ рукой. Безконечно тянущіеся дни и ночи заключеннаго проходятъ въ какомъ-то странномъ полубодрствованіи, полуснѣ; они не чередуются, какъ у насъ, но сливаются въ одно. Человѣкъ утрачиваетъ способность надѣяться, думать, желать; онъ становится существомъ „не отъ міра сего“.

Этотъ внѣмірный періодъ заключеннаго обыкновенно продолжается до какого-нибудь толчка извнѣ, чаще всего, благодаря свиданію съ близкими людьми, приносящими, вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха, напоминаніе того, что утрачено— и утрачено, быть можетъ, безвозвратно. Данный толчокъ, нарушая установившееся равновѣсіе могилы, снова вызываетъ къ жизни заснувшій было міръ горячечныхъ сновъ и представленій...

Такими-то приливами и отливами, переходами отъ крайней степени возбужденности къ столь же крайней степени апатіи исчерпывается вся внутренняя жизнь кельи. Эти приливы и отливы идутъ безсмѣнной чередой, и выбиться на болѣе здоровый путь, направить свои душевныя способности на работу болѣе производительную заключенный лишенъ силъ и возможности. Мнѣ приходилось встрѣчаться въ кельяхъ съ людьми глубоко религіозными; они раздѣляютъ общую участь: ихъ вѣра, до сихъ поръ стоявшая внѣ сомнѣній, подвергается великому испытанію и далеко не всегда выходитъ съ торжествомъ изъ этого испытанія. Въ стѣнахъ кельи вѣра утрачиваетъ свою цѣлительную силу...

Замѣчательно, что на людей физическаго труда, на людей, выхваченныхъ изъ народной среды, повидимому болѣе крѣпкихъ и способныхъ переносить невзгоды, система одиночнаго заключенія дѣйствуетъ еще быстрѣе въ смыслѣ

разрушенія. Подъ молчаливыми сводами келій они буквально таютъ, „какъ свѣча воску ярова“.

I.

Въ 1870-хъ годахъ, въ пору наиболѣе острыхъ политическихъ теченій, на ряду съ людьми стойкими, глубоко убѣжденными, конечно, встрѣчались типы иного закала. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Ѳеденька. Отпрыскъ стариннаго дворянскаго рода, Ѳеденька росъ баловнемъ семьи и вышелъ „добрымъ малымъ“, чуть-ли не до тридцати лѣтъ сохранившимъ свое полуимя „Ѳеденьки“. Никакихъ опредѣленныхъ, мало-мальски установившихся убѣжденій онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть по всему своему складу. Сегодня Ѳеденька увлекался „Государственностью и анархіей“ Бакунина, а на завтра съ такой же искренностью увлекался произведеніями, не имѣющими ничего общаго съ „государственностью и анархіей“. Толкаясь одновременно въ кружкахъ, ни въ чемъ между собою не сходныхъ, Ѳеденька ежедневно сжигалъ то, чему поклонялся вчера. Въ выборѣ своихъ скоропреходящихъ кумировъ Ѳеденька не останавливался ни на минуту, но за то, не задумываясь ни минуты, Ѳеденька и свергалъ свои кумиры. Словомъ, вся жизнь Ѳеденьки представлялась довольно безтолковой суетней и погоней Богъ вѣсть куда и зачѣмъ.

Все это было бы ничего, если бы за Ѳеденькой не числилось одного, очень крупнаго по тѣмъ временамъ грѣха: страсти няньчиться съ контрабандно-печатнымъ товаромъ. Добывъ какими-нибудь судьбами запретную брошюру, иногда двѣ-три, Ѳеденька носился съ ними по всему городу (знакомыхъ у него была масса). Самъ онъ, собственно, интересовался не содержаніемъ брошюры, а брошюрой, какъ новостью, къ тому же дававшей возможность порисоваться. Во всякомъ случаѣ, въ бѣготнѣ Ѳеденьки нельзя было найти признаковъ „пропаганды“. Какъ политическій дѣятель, Ѳеденька представлялъ изъ себя безобиднѣйшее существо, отрицательную величину: онъ больше вредилъ, чѣмъ помогалъ.

Однако по тогдашнимъ временамъ и эта роль была не безопасна... Въ одно прекрасное утро Ѳеденька исчезъ. Въ тѣ времена такія исчезновенія были явленіемъ обыкновеннымъ,

тѣмъ не менѣе исчезновеніе Ѳеденьки возбудило между знавшими его нѣкоторое недоумѣніе: кому онъ могъ понадобиться? Всѣ жалѣли Ѳеденьку, какъ человѣка вполнѣ добропорядочнаго и добродушнаго.

На этотъ разъ, однако, предположенія не оправдались: онъ не исчезъ, а только объявился за границей, въ качествѣ эмигранта. Опять таки: зачѣмъ онъ эмигрировалъ, зачѣмъ не уѣхалъ гораздо проще, при помощи паспорта, который достать имѣлъ полную возможность? Никто этого не понималъ, но всѣ предвидѣли, что эмиграція для Ѳеденьки дѣло рискованное, что роль изгнанника онъ долго не выдержитъ, что эмигранты не только не признаютъ его своимъ, но, пожалуй, заподозрятъ въ такихъ замыслахъ, на которые Ѳеденька, въ силу прирожденной порядочности, не былъ способенъ, и что, въ концѣ концовъ, онъ накличетъ на свою голову большую бѣду.

Все это сбылось, какъ по писанному.

Протолкавшись за границей съ небольшимъ годъ безъ всякаго дѣла, безъ всякаго желанія что-нибудь дѣлать, не приставши ни къ какому кружку, Ѳеденька стосковался по Россіи, повернулъ домой, на границѣ былъ схваченъ и прямо съ вокзала попалъ въ келью.

Ѳеденька просидѣлъ „въ одиночкѣ“ мѣсяцевъ 5—6. Какъ ни была велика подозрительность и строгости, однако, отсутствіе признаковъ „злонамѣренности“ въ дѣйствіяхъ Ѳеденьки было настолько осязательно, что его позволили взять „на поруки“.

Эти „поруки“ нѣсколько запоздали. Въ сравнительно небольшой періодъ времени келья успѣла сдѣлать изъ веселаго Ѳеденьки полумертвеца и полусумасшедшаго. Положеніе его было настолько серьезно, что меня, въ видѣ исключенія, допустили вмѣстѣ съ докторомъ не только во внутренній дворъ тюрьмы, но и въ самую келью. Я, конечно, не ожидалъ встрѣтить ничего пріятнаго, но то, что встрѣтилъ, поразило и меня, достаточно подготовленнаго: отъ здороваго, жизнерадостнаго Ѳеденьки ничего не осталось; на койкѣ лежалъ живой трупъ... Радостная вѣсть освобожденія не произвела на Ѳеденьку никакого впечатлѣнія. Онъ полуоткрылъ глаза, глаза, совершенно, безумные, и судорожно хватался обезсиленными, дрожащими руками за подушку, одѣяло; его губы что-то шеп-

тали, но что—понять было невозможно; черезъ короткіе промежутки онъ впадалъ въ обморочное состояніе.

Бѣднаго Ѳеденьку вынесли изъ кельи на носилкахъ.

II.

Если бы въ тюрьмахъ велись списки о степени криминальной талантливости, то, конечно, одно изъ видныхъ мѣстъ въ такомъ спискѣ было бы отведено К—скому.

По своимъ похожденіямъ К—скій годился въ герои романа, тѣмъ болѣе, что женщины въ его бурной жизни играли выдающуюся роль. Даже когда романъ К—скаго кончился одиночнымъ заключеніемъ, женщины все еще не могли освободиться отъ его обаянія, не вѣрили, чтобы судьба окончательно смяла ихъ любимца, и отправляли ему пламенныя посланія.

Послѣдняя страничка изъ романа К—скаго была такова: какъ инженеръ довольно крупнаго чина, К—скій въ теченіе 5 лѣтъ занималъ въ провинціи соотвѣтственныя должности и тамъ же женился на дѣвушкѣ изъ очень хорошей семьи. Года черезъ полтора послѣ женитьбы К—скій по какимъ-то „непріятностямъ“ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Петербургъ. До пріисканія подходящаго своему чину мѣста, онъ занимался частными работами по составленію чертежей и смѣтъ. Жена К—скаго осталась въ провинціи, въ Петербургѣ же онъ сошелся съ другой женщиной. Жизнь на два дома требовала большихъ расходовъ (К—скій любилъ жить широко), частные заработки не покрывали ихъ, и К—скій, совершивъ замѣчательный по остроумію и тонкости исполненія подлогъ, получилъ изъ одного учрежденія очень крупную сумму. Довольно долго на К—скаго не падала даже тѣнь подозрѣнія, но любовь и соперничество женщинъ выдали его.

Съ этого момента, собственно, и начинается „исторія“.

Чтобы собрать свѣдѣнія о прошломъ К—аго, были запрошены всѣ учрежденія, гдѣ онъ состоялъ на службѣ. Нить этихъ свѣдѣній обрывалась послѣдними пятью годами, все же предшествующее оказалось сказкой;—какъ сказкой оказался и самъ К—скій: передъ слѣдственной властью, вмѣсто инженеръ-статскаго совѣтника, очутился „таинственный незнакомецъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Должно сказать, что за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста произошелъ такой случай. Въ знакомую семью К—скаго поступила старуха няня „изъ солдатскихъ вдовъ“. Однажды въ этомъ домѣ сошлись гости, въ числѣ которыхъ былъ и К—скій. Новая няня, увидѣвъ импозантнаго инженера, остановилась, какъ вкопанная, а затѣмъ съ крикомъ радости бросилась къ нему на шею: она узнала въ немъ своего давно пропавшаго сына.

Гости, конечно, были поражены нежданно-негадано разыгравшейся сценой; одинъ только виновникъ ея, К—скій, сохранилъ невозмутимое спокойствіе. Не моргнувъ глазомъ, онъ выдержалъ свою роль съ такимъ хладнокровіемъ и такъ артистично, что всѣ вынесли убѣжденіе въ несомнѣнной ошибкѣ старухи.

Когда К—скій былъ арестованъ, слухи о его встрѣчѣ съ няней дошли до начальства. Усомнилась-ли старуха въ тождественности К—скаго съ сыномъ, пропавшимъ безъ вѣсти болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, пожалѣла-ли ухудшить дальнѣйшую судьбу сына настойчивостью признанія, только на слѣдствіи она уже не настаивала на безошибочности своего „опознанія“. Ссылаясь на давность времени, на отсутствіе у сына особыхъ примѣтъ, старуха давала самые неопредѣленные отвѣты: ни да, ни нѣтъ.

Такимъ образомъ, вопросъ, что за личность скрывается подъ маской инженера К—скаго?—остался открытымъ.

Самъ К—скій относился къ „опознанію“ старухи иронически, говоря, что онъ хотя и Дмитрій Самозванецъ, но не изъ захудалаго рода Отрепьевыхъ.

Свой дебютъ въ роли инженера К—скій объяснялъ простой случайностью:

— Въ то время дѣло было такъ поставлено, что для меня было безразлично, чѣмъ бы ни нарядиться: попомъ—такъ попомъ, офицеромъ—такъ офицеромъ, инженеромъ—отчего не инженеромъ. Я выбралъ первую попавшуюся мнѣ роль и псевдонимъ.

Вообще, К—скій тщательно старался избѣгать всего, что могло приподнять таинственную завѣсу съ его происхожденія и причинъ, заставившихъ его отречься отъ своего имени. Правда, онъ намекалъ на какую-то дуэль, на возможность рано или поздно снова занять въ обществѣ принадлежащее

ему мѣсто, но эти намеки отличались такимъ туманомъ, что различить сквозь него истину отъ лжи не было возможности.

Во время изученія подлиннаго дѣла, одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ, почему-то не возлюбившій К—скаго, сказалъ довольно громко:

— Съ этимъ господиномъ правосудію придется еще не однажды имѣть дѣло.

К—скій всталъ и поклонился.

— Вы не ошиблись.

— Въ такомъ случаѣ, интересно было бы знать, какую роль вы возьмете для слѣдующаго дебюта?

— Глупаго нѣмецкаго барона,—спокойно отвѣтилъ К—скій.

Спрашивавшій принадлежалъ къ остзейскимъ баронамъ.

Что́ не вязалось „съ солдатскимъ сыномъ“ и „бѣглымъ военнымъ писаремъ“, помимо манеры держать себя, это—разносторонность знаній К—скаго. По отзыву людей, близко знавшихъ его еще тогда, когда онъ щеголялъ въ инженерномъ мундирѣ, К—скій былъ замѣчательный математикъ: самыя сложныя задачи, встрѣчавшіяся при сооруженіяхъ и постройкахъ, разрѣшались имъ съ удивительной быстротой и точностью. Лично я могъ убѣдиться, что онъ знаетъ отечественную и иностранную литературу, какъ знаютъ немногіе. Чуть не пѣшкомъ онъ обошелъ всю Европу и половину Азіи и изъ своихъ странствованій вынесъ богатый запасъ свѣдѣній и наблюденій. Дѣлясь охотно своими наблюденіями, К—скій умалчивалъ только объ одномъ: за что судьба гоняла его изъ конца въ конецъ.

К—скому, по его словамъ, было 36 лѣтъ, но на видъ онъ казался старше: невысокаго роста, сильный брюнетъ, съ легкой просѣдью. Въ общемъ, наружность его производила хорошее впечатлѣніе, за исключеніемъ сѣрыхъ, глубоко посаженныхъ глазъ. Холодная жестокость сквозила въ этихъ глазахъ и портила первое впечатлѣніе.

Слѣдствіе о К—скомъ тянулось долго, года полтора. Не смотря на всѣ усилія освѣтить интересную личность новымъ матеріаломъ, ничего, кромѣ ни да, ни нѣтъ старухи, не удалось собрать.

Поступилъ-ли К—скій въ тюрьму съ зародышами чахотки, или чахотка явилась послѣдствіемъ одиночнаго заключенія,—

не знаю, только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ произнесенія приговора, онъ умеръ.

Съ перваго же моего визита къ К—скому я былъ сбитъ съ оффиціальнаго тона.

— Какъ я радъ, что вы пришли!—говорилъ порывисто К—скій.—Радъ не потому, что вы можете сдѣлать что-нибудь, нѣтъ! Не только въ ихъ снисхожденіи, но и въ оправданіи я мало нуждаюсь: слишкомъ поздно! Я вѣдь знаю очень хорошо—мнѣ осталось жить недолго. Уходила меня проклятая могила.

К—скій волновался, на лицѣ его выступали красныя пятна. Какъ и чѣмъ могъ, я старался успокоить его. К—скій слушалъ меня съ какимъ-то особенно напряженнымъ вниманіемъ, съ тѣмъ, пожалуй, вниманіемъ, съ какимъ мы прислушиваемся къ звукамъ музыки, откуда-то доносящейся до насъ въ ночной тишинѣ. Замѣтивъ, что К—скій перестаетъ волноваться, я замолчалъ.

— Продолжайте, ради Бога продолжайте! Вы не можете представить себѣ, какое наслажденіе доставляетъ мнѣ вашъ голосъ! Вѣдь это первые человѣческіе звуки, которые я слышу; я ихъ понимаю, могу отвѣчать на нихъ; наконецъ, я слышу себя. Скажите мнѣ: кто изобрѣлъ эту муку молчанія, кому человѣчество обязано благодарностью?

Я, между прочимъ, спросилъ его: чѣмъ онъ занимается въ долгіе дни заключенія?

— Чѣмъ занимаюсь? О, на это и трудно, и легко отвѣтить. Ходишь, ходишь по своей клѣткѣ, ходишь до того, что ноги начинаютъ горѣть, какъ въ огнѣ,—боль въ нихъ дѣлается нестерпимой. Сядешь... Сидишь... Уставишься въ одну точку и смотришь... Сколько времени смотришь,—право, не могу сказать, должно быть, очень долго... А кругомъ ни звука, ни шороха. Схватишься за голову: да думай же что-нибудь, бѣдная голова! Нѣтъ и нѣтъ; ни одной мысли, ни одного представленія. Это новая форма сумасшествія, сумасшествія пустоты...

К—скій сжалъ виски обѣими руками.

— А ночью, знаете, еще хуже. Днемъ хоть полоска свѣта напоминаетъ жизнь: въ ней есть что-то манящее, что-то подающее надежду. Ночью мы не спимъ, нашъ сонъ—не вашъ сонъ, это даже не сонъ, а цѣпь мученій, цѣпь невозможныхъ ощущеній. Что-то виситъ надъ тобой, душитъ тебя за горло.

Вскочишь—весь въ холодномъ поту, а голова горитъ, какъ въ огнѣ. Кругомъ темнота и опять ни звука, ни шороха...

При прощаньѣ К—скій со слезами просилъ меня хоть изрѣдка навѣщать его.

— Если нельзя удѣлить часъ,—такъ дайте хоть минуту. Вы для меня—нить жизни: я наговорился—какъ меду напился.

Грѣшно было отказать въ такой скромной просьбѣ.

III.

Прошлое Мирона С-ва было также чревато треволненіями, но треволненіями другого характера.

Такіе люди, какъ Миронъ С-въ, складывались, вырабатывались и крѣпли подъ вліяніемъ и подъ преслѣдованіемъ „публичнаго оказательства раскола“.

Крестьянинъ по рожденію, мистикъ по натурѣ, С-въ не гонялся за благами міра сего, но взвалилъ „отъ младыхъ лѣтъ“ (С-овъ выражался книжнымъ языкомъ) на свои плечи болѣе тяжелую ношу: искать Божью правду. Въ этихъ поискахъ, ссылаемый и возвращаемый, преслѣдуемый и прощаемый, С-въ успѣлъ нѣсколько разъ разориться, похоронить жену, дѣтей и состариться: ему было за 50 лѣтъ. Но всѣ бури, проносившіяся надъ его головой, только закрѣпляли въ немъ убѣжденіе, что рано или поздно, а обѣтованная земля отыщется.

Поиски С-ва носили строго-религіозный характеръ, и весь вопросъ жизни сводился къ тому, гдѣ лежитъ кратчайшій путь къ обѣтованной землѣ? „Нѣсть числа шатаніямъ души моей“, говорилъ онъ о своихъ поискахъ.

Эти „шатанія души“ выражались въ томъ, что С-въ, еще молодымъ человѣкомъ отступивъ отъ православія, не могъ найдти душевнаго покоя ни въ одной изъ многочисленныхъ сектъ отчественнаго раскола. Узкій догматизмъ, слѣпое, недопускающее критики преклоненіе передъ фразами, внѣшнее благочестіе, часто несоотвѣтствующее внутреннему содержанію, были очень далеки отъ той правды, которую искалъ С-въ. Принимаемый въ секты съ распростертыми объятіями, онъ своими поисками и протестами противъ религіознаго формализма скоро вносилъ острый разладъ въ среду принявшихъ

его, становился бѣльмомъ на глазу главарей и, въ концѣ концовъ, изгонялся изъ секты съ анаѳемой. За этими изгнаніями слѣдовали обыкновенно безконечные, самые ожесточенные доносы, въ которыхъ С-въ рисовался человѣкомъ, готовымъ по первому слову на всякое зло и преступленіе: за черными красками въ доносахъ не стояли.

Предпослѣднее „шатаніе души“ С-ва была такъ называемая хлыстовщина.

— Бабьихъ сказокъ объ этихъ самыхъ хлыстахъ разсказываютъ много,—говорилъ мнѣ С-въ:—даже слушать омерзительно, но доподлинно никакихъ пакостей я тамъ не видалъ. Только же и хорошаго мало: на радѣніяхъ Христа ищутъ, а поди-ка послѣ радѣнья не свой братъ, попроси Христа ради кусокъ хлѣба,—охотнѣе собакѣ кинутъ. Гдѣ жъ тутъ правда? Развѣ батюшка-то Христосъ такъ повелѣлъ?

Ядъ доносовъ, исходившихъ изъ среды еще недавнихъ друзей и единовѣрцевъ, почти,—если не сказать вовсе,—не дѣйствовалъ на С-ва. Нетерпимый въ сферѣ религіозныхъ убѣжденій, до фанатизма преданный тому, что составляло въ данный моментъ его культъ, готовый претерпѣть всякія невзгоды и муки за торжество этого культа, С-въ въ то же время вносилъ въ процессъ своего душевнаго „шатанья“ почти младенческое незлобіе къ тѣмъ, по чьей винѣ переживалъ тяжелыя минуты. С-въ хорошо узнавалъ мстительныя руки, писавшія доносы, зналъ, по чьимъ злобнымъ навѣтамъ онъ познакомился со множествомъ тюремъ, но всѣ эти люди не были его личные враги, а только „слѣпотствующіе“, „во тьмѣ бродящіе“.

Пораженный сочетаніемъ страстной нетерпимости въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій и незлобіемъ въ дѣлѣ личной судьбы, я однажды, когда рѣчь зашла о догматической сторонѣ нѣкоторыхъ вѣроученій, разсказалъ С-ву легенду о Натанѣ Мудромъ, о трехъ кольцахъ. С-въ никогда не слыхалъ чудной сказки. Содержаніе ея произвело на него глубокое впечатлѣніе.

Недѣли черезъ полторы я опять зашелъ къ С-ву.

— Великое дѣло наука!—были первыя слова С-ва.—Повѣрите-ли: у меня только и въ умѣ, что вы изволили разсказать. По истинѣ боговдохновенный мудрецъ... Какъ вы его назвали?

— Натанъ.

— Такъ-съ. Теперь до смерти не забуду. Натанъ... Натанъ... Вы сказали, что это сказка, только, по моему глупому разуму, эту сказку въ церквахъ слѣдуетъ читать, а Натана-Мудраго за престоломъ поминать. Не даромъ мусульманинъ просвѣтился, и мнѣ, многогрѣшному, онъ очи открылъ. Ищемъ мы правду, гордостью превозносимся, а правда-то: прежде всего не возносись передъ другими, вѣрь, что только Отецъ Небесный вѣдаетъ, кто изъ братьевъ обладаетъ драгоцѣннымъ кольцомъ. Велика сія тайна, и не намъ, сударь, постичь ее.

Незадолго передъ заключеніемъ С—въ, какъ сектантъ-пропагандистъ, притихъ; такая перемѣна произошла съ нимъ, благодаря встрѣчѣ въ Закавказьѣ съ какимъ-то „старичкомъ“:

— Тоже изъ мужичковъ, сѣрякъ, какъ и я, многогрѣшный, только духа святаго.

Этотъ „старичекъ духа святаго“ внесъ въ убѣжденія С—ва полное отрицаніе внѣшней, обрядовой стороны религіи.

— Уразумѣлъ я, что все это не отъ божественнаго, а отъ разума человѣческаго, отъ немощи нашей. Издали—точно какъ самоцвѣтный камень, а ближе—одна фальшь. Бархатъ и виссонъ, кадильницы и жертвы, а Христа во власяницѣ не видимъ и гласа Его не слышимъ.

Вмѣстѣ съ бархатомъ, виссономъ и жертвами отвергнувъ всѣ творенія древнихъ и новѣйшихъ ересіарховъ, онъ въ своей отрицательной работѣ оставилъ нетронутымъ одно только Евангеліе.

По своей профессіи С—въ былъ столяръ. Проводя дни за верстакомъ, а вечера за „божественнымъ“, онъ рѣдко выходилъ изъ своей мастерской. Благодаря-ли наступившей старости и перенесеннымъ невзгодамъ, или совершившейся перемѣнѣ въ самомъ характерѣ религіозныхъ убѣжденій, только мятежный духъ сектанта-пропагандиста, звавшій въ толпу, споры и свалку, угомонился. Рѣдкіе выходы С—ва изъ дома ограничивались двумя-тремя стариками, съ которыми онъ могъ, безъ опаски нескромныхъ слушателей, бесѣдовать „по душѣ“ о божественномъ.

Однако прежніе друзья С—ва ничего не забыли и ничего не простили. Послѣдовалъ новый доносъ, гдѣ былъ очень хитро переплеталась съ небылицами, и С—въ рисовался создателемъ новой, очень опасной секты, отвергающей,

вмѣстѣ съ авторитетомъ земныхъ властей, таинства, священство и иконы. За С—вымъ враги зорко слѣдили и каждому его слову въ духѣ новаго вѣроученія придали значеніе попытки совратить истинно-вѣрующихъ въ „діявольскую и скотоподобную ересь“. Отрицаніе С—вымъ обрядовой стороны было возведено въ степень „публичной хулы“ священныхъ предметовъ почитанія. Чтобы усилить значеніе доноса, въ немъ съ особой силой подчеркивалась мастерская С—ва, какъ аудиторія, готовая принять, если уже не принявшая, зловредное ученіе.

Началось слѣдствіе...

Широкоплечій и жилистый, С—въ, повидимому, долженъ былъ бы легче мириться и выносить одиночное заключеніе, тѣмъ болѣе, что вдали отъ міра, въ ничѣмъ ненарушаемой тишинѣ кельи ничто не мѣшало ему предаваться религіозно-мистическому созерцанію; но достаточно было взглянуть на осунувшееся изжелто-мертвенное лицо, на потухшіе глаза, чтобы понять, что ни крѣпость организма, ни сила убѣжденія не могутъ противодѣйствовать вліянію „одиночки“.

— Ни на что, сударь, пожаловаться не могу, только неможется все, вотъ здѣсь сосетъ. Лѣкарь приходилъ, спрашивалъ: „что ты, старикъ, съ тѣла очень спалъ и пищи не принимаешь?“ Лѣкарства обѣщалъ. За ласковое слово я ихъ поблагодарилъ, а лѣкарства не взялъ,—все одно.

На мою параллель остроговъ съ келейнымъ заключеніемъ, С—въ отвѣчалъ:

— Точно, сударь, сквернословія, брани и всего прочаго такого здѣсь не услышишь. Тамъ другой озорникъ, вмѣсто жалости, норовитъ надъ тобой же надругаться... Только знаете поговорку: „на людяхъ и смерть красна“...

Въ одно изъ посѣщеній я засталъ С—ва въ особенно угнетенномъ состояніи. На мой вопросъ: что съ нимъ? С—въ отвѣтилъ только:

— И не спрашивайте! Звѣремъ, окаянный, становлюсь. Бога сталъ клясть!

IV.

Про первую половину жизненной карьеры Б—на можно было сказать, что онъ родился въ сорочкѣ: природа дала ему рѣдкую красоту, бойкій умъ и воловье здоровье; бабушка же, ворожившая при рожденіи, присоединила къ этимъ дарамъ родовитость и связи. Вначалѣ Б—нъ умѣлъ пользоваться этими благами: блестящій карьеристъ, въ тридцать лѣтъ носившій густые эполеты, раздушенный, розовый, веселый, наглый, онъ переходилъ отъ наслажденія къ наслажденію, отъ побѣды къ побѣдѣ. Все удавалось ему, и, казалось, не было конца-краю его жизнерадостному пиру. Самыя безпутныя оргіи, самое отчаянное прожиганіе жизни, повидимому, дѣйствовали только благотворно на этого красавца-атлета. На зависть своихъ хилыхъ друзей онъ только крѣпъ и свѣжѣлъ.

Б—ну оставалось выдержать характеръ: не зарываться, не торопиться, а брать отъ жизни то, что она безъ боя сама давала въ руки. Но наступила восточная война, и Б—нъ не выдержалъ: онъ крупно проворовался.

— Война сама по себѣ грабежъ,—оправдывалъ онъ свои операціи на солдатскомъ пайкѣ нѣсколько страннымъ парадоксомъ:—на войнѣ всѣ воруютъ; если хотите, воровалъ и я, но не больше тѣхъ, чьи эполеты украшены въ настоящее время вензелями.

Благодаря связямъ, Б—ну посчастливилось не попасть въ число уголовныхъ героевъ приснопамятной эпохи, но, какъ ни краснорѣчиво было заступничество (операціи съ солдатскимъ пайкомъ носили слишкомъ откровенный характеръ), Б—на, безъ излишней огласки, всетаки заставили выйти въ отставку. Такимъ образомъ, блестящая служебная карьера его была испорчена.

Б—нъ исчезъ съ петербургскаго горизонта. Одно время говорили довольно много о его заграничныхъ похожденіяхъ; имена искательницъ сильныхъ ощущеній соединялись съ его именемъ, говорили, что онъ „чуть не сорвалъ банкъ“ въ Монако и проч. Вообще, скандальная хроника того времени пользовалась довольно часто фамиліей Б—на. Этимъ-ли

ограничивалась заграничная дѣятельность Б—на—не знаю, но самъ онъ говорилъ, что въ Европѣ онъ изучалъ условія культуры, заводилъ и укрѣплялъ дѣловыя связи, учился самъ, чтобы учить другихъ.

Курсъ своего ученія Б—нъ какъ разъ окончилъ къ тому времени, когда повѣсть объ операціяхъ съ солдатскими пайками и снаряженіями стала переходить въ область исторіи и преданій, а ея герои уступили мѣсто другимъ. Умудренный европейскимъ опытомъ, Б—нъ возвратился въ отечество, по прежнему веселый, наглый и элегантный, и открылъ „универсальное бюро", при посредствѣ котораго можно было сноситься со всѣми частями свѣта и по какимъ угодно дѣламъ. Торговля, земледѣліе, архитектура, брачныя дѣла, промышленность, литература,—всѣ проявленія экономической, семейной, общественной и умственной жизни входили въ обширный кругъ дѣятельности бюро.

На одной изъ бойкихъ улицъ по всему фасаду дома протянулась вывѣска, на черномъ полѣ золотыми буквами: „Универсальное бюро Б—нъ и К°".

Желающимъ познакомиться съ бюро, Б—нъ такъ объяснялъ его разнообразную дѣятельность:

— Купцу требуется бархатъ, шелкъ, сукна,—ему не зачѣмъ ѣхать въ Ліонъ, Лондонъ, Парижъ: всѣ образцы самыхъ ходкихъ товаровъ, заграничныхъ и отечественныхъ, ихъ цѣны онъ найдетъ въ нашемъ бюро... Вы—землевладѣлецъ, вамъ нужно произвести осушку, анализъ почвы или что бы тамъ ни было, обращайтесь къ намъ: мы командируемъ спеціалистовъ, они произведутъ изслѣдованіе и работы, а вы—сидите себѣ спокойно и берите готовое... Разводъ устроить? Опять таки не брезгуйте нами: вы не будете знать никакихъ адвокатовъ, взятокъ и секретарей... У васъ рудныя залежи и нѣтъ денегъ? Не думайте о такихъ пустякахъ: у насъ капиталы подъ рукой и ждутъ только дѣла...

Рекламы, шикарная дѣловитость обстановки (золоченныя рѣшетки, ясень, горы гросбуховъ, анонсы), вдумчивыя физіономіи выдрессированныхъ служащихъ, именовавшихся „клерками" и агентами, наконецъ, предупредительная любезность принципала и его связи на первыхъ порахъ дѣлали свое дѣло; бюро „работало" отлично, добродушно-довѣрчивые кліенты шли, какъ рыба на хорошую приманку, и несли деньги.

Но на этотъ разъ счастье оказалось не прочнымъ, путь, избранный Б—нымъ, очень скользкимъ: довѣрчивые кліенты несли деньги, деньги же уходили не на исполненіе ихъ порученій, а на безпутно-широкую жизнь принципала. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что бюро скоро закрыли, и блестящій принципалъ превратился въ обвиняемаго въ подлогахъ и растратѣ.

Началось слѣдствіе, а вмѣстѣ съ нимъ и одиночное заключеніе.

Года три тому назадъ, въ самую пышную пору расцвѣта его бюро Б—нъ стоялъ передо мной красивый, элегантный, окруженный атмосферой тончайшихъ духовъ; съ его губъ, изъ-подъ холеныхъ усовъ, неудержимо лилась рѣчь о культурныхъ задачахъ бюро, о подъемѣ отечественной производительности при помощи иностранныхъ капиталовъ, готовыхъ по мановенію его руки явиться къ услугамъ Россіи... Все это, вмѣстѣ взятое, было очень красиво, и все это еще болѣе увеличивало тяжесть впечатлѣнія при свиданіи съ нимъ въ тюрьмѣ. Можно было подумать, что отъ моей первой встрѣчи съ нимъ на волѣ прошли десятки лѣтъ. Отъ прежней красоты Б—на на испещренномъ глубокими бороздами лицѣ, съ длиннымъ заострившимся носомъ, съ безсильно-полуоткрытымъ ртомъ,—не осталось и слѣда. Ноги и руки Б-на дрожали такъ, что онъ, чтобы написать нѣсколько строкъ, долженъ былъ поддерживать лѣвой рукой правую. Съ большой просѣдью борода покрывала клочьями весь бортъ сюртука; голова безсильно опускалась на грудь. Передо мной была жалкая развалина и, вѣроятно, родная мать не признала бы теперь въ Б—нѣ своего, еще такъ недавно, красавца-сына.

Отъ Б—на я услыхалъ тѣ же жалобы, что и отъ К—скаго, тѣ же проклятія „могилѣ“ и ту же готовность идти куда угодно, чтобы только скорѣе вырваться изъ нея. Б—нъ говорилъ отрывочно, несвязно, какъ человѣкъ, утрачивающій способность доводить свою мысль до конца. Свои жалобы этотъ искалѣченный человѣкъ закончилъ характернымъ пожеланіемъ:

— Хоть бы мышь завелась,—и ей обрадовался бы какъ другу!

Въ одно изъ посѣщеній я засталъ Б—на въ ужасно возбужденномъ состояніи: онъ отвѣчалъ не впопадъ, лицо еще болѣе осунулось, воспаленные глаза бѣгали еще безпокойнѣе. Я постарался узнать причину перемѣны къ худшему

— Совсѣмъ спать не могу, все онъ стоитъ передо мной. Какой ужасъ! Какъ онъ стоналъ!

— Кто онъ?

Б—нъ закрылъ глаза, его лицо нервно подергивалось... Я едва могъ добиться отвѣта на свой вопросъ.

Оказалось, что въ сосѣдней кельѣ заключенный страдалъ галлюцинаціями, припадки усилились къ ночи; больной началъ кричать, метаться, биться объ стѣны, объ дверь; явилась тюремная стража и завязалась отчаянная борьба...

Не смотря на толщину стѣнъ, при гулкости тюремныхъ пролетовъ, крики и стоны, вырывавшіеся изъ груди больного, долетали до Б—на и лишили его послѣдняго покоя...

— Я чувствую, что съ ума схожу. Приложите вашу руку,— какъ горитъ моя голова. Все онъ, онъ передо мной! Господи! Да прекрати же мои муки...

V.

Однажды мнѣ пришлось присутствовать при свиданіи „одиночекъ“ съ родными.

Для свиданій отведена особая камера нижняго этажа, спеціально приспособленная для этой цѣли. Камера раздѣлена на двѣ половины: задняя, примыкающая къ тюремному корридору, предназначена для заключенныхъ, передняя—для пришедшихъ на свиданіе. Первая половина раздѣлена на нѣсколько небольшихъ клѣтокъ; въ каждую изъ этихъ клѣтокъ запирается, на время свиданія, по одному арестанту. Между обѣими половинами камеры протянуто вплоть до потолка два ряда очень частой проволочной сѣтки; разстояніе между рядами четверти полторы, двѣ. Проволочная сѣтка настолько часта, что съ трудомъ и то въ общихъ чертахъ можно разглядѣть лицо заключеннаго. Въ дни свиданій камера набивается биткомъ, преимущественно женщинами. Благодаря разстоянію и сѣткамъ, отдѣляющимъ заключенныхъ отъ пришедшихъ на свиданіе, въ камерѣ стоитъ безформенный гулъ, точно въ громадномъ ульѣ. Судя по усиліямъ выдѣлить своей голосъ изъ общаго гула, надо думать, что половина словъ не доходитъ до слушателя.

Трудно понять, какая именно цѣль преслѣдуется лишеніемъ „одиночекъ“, при помощи клѣтокъ и рѣшетокъ великаго и

при томъ столь рѣдкаго наслажденія: пожать руку, видѣть близко отъ себя дорогое лицо... Во всякомъ случаѣ и здѣсь, въ этихъ клѣткахъ съ двойными рѣшетками, какъ и въ „звѣринцѣ“, есть нѣчто ужасное, безчеловѣчное.

Такова обыкновенная обстановка свиданій.

На этотъ разъ,—о которомъ я говорю,—вѣроятно, наплывъ пришедшихъ на свиданіе былъ настолько великъ, что пришлось отступить отъ общаго правила и нѣкоторыхъ помѣстить „въ часовнѣ“—особой комнатѣ, гдѣ отправляется богослуженіе христіанъ не православнаго исповѣданія.

Дѣло было въ августѣ мѣсяцѣ.

Большинство пришедшихъ на свиданіе состояло изъ женщинъ и дѣтей. Каждый принесъ съ собой въ узелкахъ, въ корзинкахъ яблоки, ягоды, молоко... двѣ дѣвочки принесли даже по маленькому букету цвѣтовъ.

Заключенные, вызванные на свиданіе, большею частью входили въ часовню съ какой-то глупо-напускной развязностью и съ такой-же глупо-снисходительной усмѣшкой разсматривали принесенное. Но это былъ только напускной куражъ, бравада, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока арестанту думалось, что на него устремлены чьи-то любопытные взоры. Бравада исчезала и на сцену являлся живой человѣкъ, мужъ, отецъ, любовникъ... Группа прижималась гдѣ нибудь на скамейкѣ и вся отдавалась радости мимолетнаго свиданія, горю близкой разлуки...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня сидѣлъ З—овъ. Я его тоже встрѣчалъ при другой обстановкѣ и тоже въ качествѣ „дѣльца“, всюду принимаемаго съ распростертыми объятіями. Около З—ова помѣстилась жена, сынъ-гимназистикъ и дочь, дѣвочка лѣтъ 11. Приложивъ къ плечу отца свою черненькую головку, дѣвочка такъ тѣсно, тѣсно прижалась, точно приросла къ отцу; рука З—ова все время гладила дорогую головку и замѣтно дрожала.

Подошелъ надзиратель и объявилъ, что свиданіе кончилось.

Медленно, шатаясь, всталъ З—овъ, поцѣловалъ руку у жены, перекрестилъ и поцѣловалъ сына, перекрестилъ дочку, судорожно припалъ къ ея головкѣ... и истерически зарыдалъ...

Н. Соколовскій.

„СОБАКА“.

Морской разсказъ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Въ исходѣ девятаго часа прелестнаго лѣтняго утра, когда на военномъ корветѣ „Могучій“ приканчивалась обычная „чистота“ и затихло дѣловое артистическое сквернословіе старшаго офицера Ивана Ивановича и боцмана Рябова, просвистали:

— На капитанскій вельботъ!

Черезъ пять минутъ изъ каюты вышелъ высокій, худощавый, рыжеватый капитанъ лѣтъ сорока, въ статскомъ мѣшковатомъ платьѣ, съ цилиндромъ на головѣ и въ желтыхъ перчаткахъ. Видимо сердитый, нервно подергивавшій рыжую бакенбарду, торопливо прошелъ онъ мимо фронта офицеровъ, обязанныхъ провожать и встрѣчать командира,—мимо караула и фалгребныхъ, спустился въ свою щегольскую шлюпку и уѣхалъ на берегъ,—въ Санъ-Франциско.

Въ ту же минуту на бакъ прибѣжалъ Никишка.

Такъ всѣ звали капитанскаго вѣстового, шустраго, черняваго матроса, лѣтъ за тридцать, съ плутоватыми глазами продувной шельмы.

Онъ вошелъ въ кружокъ матросовъ, собравшихся выкурить трубченку махорки у ведра съ водой, не безъ нѣкоторой важности закурилъ у фитиля капитанскую „чирутку“ и, пых-

нувъ, послѣ двухъ-трехъ отчаянныхъ затяжекъ, дымкомъ сигары, видимо торопившійся „огорошить“ интересной новостью, значительно и серьезно проговорилъ:

— Ну, и вовсе взбѣсился „Собака“!

Никишка остановился и бросилъ взглядъ бѣгающихъ черныхъ глазъ на присутствующихъ—какова, молъ, сила впечатлѣнія?

Но „серьезные“ матросы, постарше, не обнаружили особеннаго любопытства. Дескать, „Собака“ и есть собака.

Однако всетаки насторожились. Не даромъ же Никишка околачивается около капитана и, хоть „безпардонная душа“, а не всегда вретъ.

И Никишка загадочно прибавилъ:

— А по какой такой причинѣ „Собака“ взъерепенился и заспѣшилъ на берегъ, ровно съ шиломъ въ спинѣ...

Никто изъ матросовъ не догадывался. Снова старики не считали приличнымъ обнаружить нетерпѣливое желаніе узнать о причинѣ.

Но одинъ матросикъ-первогодокъ съ любопытствомъ испуга спросилъ:

— А что, Никишка?

— Вернулся, братцы вы мои, „Собака“ ночью съ берега, и не треснумши, а въ трезвомъ понятіи!—говорилъ Никишка, обращаясь не къ простоватому матросику, а къ „серьезнымъ“ матросамъ.—И какъ влетѣлъ этто въ каюту: Ррразъ-два... три!.. Прямо звѣзданулъ въ морду!.. Не бойсь, ловко! Поглядика!—не безъ оживленія и точно хвастаясь, разсказывалъ Никишка, показывая на подтекъ подъ глазомъ.—И затѣмъ, братцы, пошелъ: „Собачій ты сынъ, сукина ты дочь“!.. А сегодня проснулся и давай чесать... И какъ всталъ, сей секундъ: „позвать, Никишка разсякой, старшаго офицера!..“

Никто не спросилъ: за что „звѣзданули“ Никишку? Всѣ знали, что „Собака“ дрался и зря, да, повидимому, и не особенно жалѣли Никишку.

Обиженный такимъ равнодушіемъ, Никишка внезапно нарочно оборвалъ разсказъ о причинѣ съѣзда капитана на берегъ, возбудившій любопытство, и, разсчитывая на сочувствіе, воскликнулъ не безъ пафоса:

— Просто силъ нѣтъ моего терпѣнія. Вотъ возьму да и убѣгу, какъ въ прошломъ году сбѣжалъ Трофимовъ...

Слушатели деликатно молчали. На нѣкоторыхъ лицахъ промелькнули сдержанныя, недовѣрчивыя улыбки.

Только Лещиковъ не промолчалъ.

Пожилой, коренастый и далеко не казистый форъ-марсовой, не воздержанный на языкъ, особенно послѣ возвращенія съ берега, когда пьянѣе пьянаго вслухъ мечталъ о такомъ „законъ-положеніи“, по которому всѣхъ капитановъ и офицеровъ „собакъ“ будутъ гонять „скрозь-строй - войди, молъ, въ понятіе,—этотъ „занозистый“ матросъ, какъ называла его команда корвета, не безъ презрительной усмѣшки, спокойно кинулъ:

— Скажи, какой обидчистый!.. Такъ и сбѣжитъ?

— Начху на „Собаку“ и сбѣгу!—хвастливо повторилъ Никишка, разумѣется, и не думавшій о побѣгѣ.

— Меня и безъ денегъ форменно лупцуютъ и за дѣло, и по спопутности, а ты, безпардонная вѣстовщина, въ отместку за бой и лупцовку, не бойсь, шаришь капитанскіе карманы?.. Сколько вчера нашелъ монетъ, Никишка?

Въ кучкѣ засмѣялись.

— А если бъ и нашелъ?—съ нахальнымъ задоромъ отвѣтилъ Никишка.

— То-то, прикопливаешь къ Россіи.

— Такъ что же? Я и послѣ берега въ полномъ своемъ разсудкѣ и по присягѣ, завсегда въ вѣжливомъ повиновеніи у „Собаки“! Можешь это понять, Лещиковъ, по своей отчаянности?.. А „Собака“ какъ со мной? И боемъ донимаетъ, и на бакъ гоняетъ: „для полировки, молъ, крови!.. Ты обмозгуй, что я безотлученъ при „Собакѣ“ и день, и ночь. Такъ ежели онъ въ такомъ подломъ, можно сказать, „характерѣ“ со своимъ вѣстовымъ, я и не смѣй когда упользоваться какой-нибудь мелочишкой?

— Шкуру твою велитъ снять, ежели поймаетъ тебя, Никишка, въ своихъ карманахъ!.. Это ты помни!—промолвилъ Лещиковъ.

— Меня, Никишку, поймаетъ?

— А ты думалъ ни разу не поймалъ, такъ не попадешься?

— Это, который дуракъ, тотъ влопается, а я, слава Богу, матросъ съ разсудкомъ!—самодовольно воскликнулъ Ни-

кишка, видимо увѣренный въ томъ, что шкуру съ него не снимутъ...

И послѣ паузы, не безъ апломба продолжалъ:

— „Собака“ и не знаетъ, сколько у него по карманамъ мелкихъ денегъ. Въ „портаметѣ“ считаетъ, а мелочью брезгуетъ. И что ему, „Собакѣ“, ежели вѣстовому перепадетъ? Не бойсь, я „портамета“ евойнаго не касаюсь... Коснись, тогда форменно укралъ. А ежели да за свою каторжную жизнь франокъ, шильникъ да много-много пятьдесятъ центовъ прибралъ—это въ родѣ быдто нашелъ... Все равно, оборонить могъ на берегу „Собака“!.. Или взялъ цигарку... Скажи, пожалуста... какая бѣда!..

Никишка такъ горячо и возбужденно защищалъ право деликатныхъ находокъ въ карманахъ капитана, котораго можно звать „Собакой“, и при томъ такъ моргалъ лукавыми глазами, что едва-ли всѣ слушатели повѣрили его защитительной рѣчи и вѣрно подозрѣвали, что Никишка несравненно шире пользуется забычивостью капитана, чѣмъ говоритъ.

Всѣ молчали. Даже Лещиковъ не поднималъ спора.

Тогда Никишка проговорилъ:

— Очень „Собака“ надѣется... Пожалуй, и поймаетъ на берегу!

— Да ты про кого это?—нетерпѣливо спросилъ кто-то.

— Про Трофимова... „Собака“ вчера встрѣлъ его въ городѣ и сегодня поѣхалъ за нимъ. Со дна, говоритъ, достану, подлеца!

II.

Эта новость произвела сильное и тяжелое впечатлѣніе. Вся команда любила и жалѣла бѣглеца—тщедушнаго матроса, не стерпѣвшаго частыхъ порокъ и сбѣжавшаго съ корвета.

Нѣсколько мгновеній стояло молчаніе.

И, наконецъ, Лещиковъ рѣшительно проговорилъ:

— Такъ и поймалъ?!

— То-то и есть!—радостно подтвердилъ молодой матросикъ.

— Нѣтъ такого закона, чтобы вернуть бѣглаго, ежели

онъ ничего дурного не сдѣлаетъ... Не бойсь, какъ въ прошломъ году Трофимовъ скрылся, его и не ловили .. Концырь тогда сказывалъ, что никакъ, молъ, нельзя!..

Такъ говорилъ Лещиковъ, а въ душѣ трусилъ за товарища. Просвѣтлѣли и матросы.

— Вотъ то-то и есть! „Собака“ изъ-за самаго этого и распалился!—сказалъ Никишка.—И вчера звѣрствовалъ надо мной, и сегодня. А старшаго офицера призвалъ и ему обсказалъ, какъ этто встрѣлъ на улицѣ Трофимова. Идетъ, говоритъ, подлецъ, и ровно господинъ какой... Форсисто одѣтый въ вольной одежѣ, въ штиблетахъ и цигарку куритъ. „Можешь, говоритъ, это понять?“ Это „Собака“ старшаго офицера спрашиваетъ, а самъ со злости ажно побѣлѣлъ. Старшій офицеръ молчитъ, а „Собака“ шипитъ, точно глотку перехватило: „И вѣдь смотритъ на меня; измѣнникъ присяги и, подлецъ, еще смѣетъ смотрѣть... Хучь бы не смѣлъ показываться“... Ну, говоритъ, и окликнулъ: „такой, молъ, сякой... Ты присягу нарушилъ и обязанъ вернуться, ежели не есть подлецъ!“ А онъ-то: „я, говоритъ, здѣсь не такой-сякой, а вольный человѣкъ и вернуться не согласенъ. А ты, говоритъ, проваливай“. И еще шляпу, въ насмѣшку, приподнялъ и пошелъ... Послѣ этого „Собака“ къ концырю... да не засталъ концыря. И сказывалъ старшему офицеру, что ежели концырь не поймаетъ Трофимова, то дойдетъ до губернатора и всю полицію грозитъ поставить, чтобы вернули ему измѣнника... Узнаетъ, молъ, тогда, какъ присягу нарушать! Я, говоритъ, ему шкуру сниму да подъ судъ отдамъ... Пусть скрозь строй пройдетъ!“

Никишка не безъ удовольствія передавалъ эти подробности. И, словно бы желая возбудить въ слушателяхъ мрачныя опасенія, прибавилъ:

— Какъ бы не сцапали Трофимова... Не показывайся „Собакѣ“ на глаза! Не дерзничай!

Матросскія лица омрачились.

И вдругъ раздались подавленные голоса:

— Тогда Трофимову крышка!

— „Собака“ злодѣй изничтожитъ!

— И какой душевный матросъ былъ!

— А въ гробъ вгонитъ человѣка!

А Никишка, словно бы подтверждая этотъ приговоръ, проговорилъ:

— Очень даже просто!

— А ты не каркай!—взволнованно и сердито сказалъ Лещиковъ.—Ты вѣдь и врать поперекъ себя толще!

— Что мнѣ врать?.. Какая такая причина врать!.. Что слышалъ, то и обсказалъ...

— Довольно даже подло обсказываешь... Развѣ не знаешь, что мериканская полиція не можетъ забрать Трофимова... Да онъ, можетъ, теперь и не Трофимовымъ прозывается, а мериканцемъ... Не бойсь, у ихъ и пачпортовъ нѣтъ, а не то́, что прописка... Поймай-ка. Выкуси! Такъ и поймалъ со своей „Собакой“, безпардонная душа!

— Ты что лаяшься?.. Развѣ я ловить буду?.. А я тоже беру въ понятіе, что люди говорятъ... Очень даже хорошо понимаю на счетъ пачпортовъ, а, не бойсь, полиція и безъ прописки все знаетъ... Розыщетъ... И россійскаго человѣка не трудно розыскать... Онъ сейчасъ себя окажетъ!—настаивалъ Никишка не столько изъ увѣренности въ поимкѣ бѣглеца, сколько изъ злобнаго чувства къ Лещикову.

— И опять врешь... Теперь Трофимовъ въ вольной одежѣ совсѣмъ другой сталъ на видъ человѣкъ... Какъ, молъ, найти, что онъ Трофимовъ... Всѣхъ жителевъ, что ли, пересмотритъ „Собака“?

— На пристани увидитъ нашъ офицеръ да сейчасъ городовому: бери, молъ!

— Офицеръ на такую подлость не пойдетъ... И городовой не послушаетъ... Это ты по своей подлой выдумкѣ врешь...

Чѣмъ болѣе Лещиковъ втайнѣ смущался доводами Никишки, тѣмъ сильнѣе горячился и презрительнѣе взглядывалъ на Никишку, испытывая желаніе раскровянить его „продувную морду“.

Никишка увидалъ, что Лещиковъ „на точкѣ“, примолкъ и снова закурилъ сигару.

III.

Въ это время въ кружокъ вошелъ баталеръ Ивановъ.

— Вы это о чемъ?—небрежно спросилъ онъ, закуривая трубку.

— Да вотъ насчетъ Трофимова, Петровичъ! — взвол-

нованно проговорилъ Лещиковъ, питая къ старому унтеръ-офицеру нѣкоторую слабость, какъ къ завѣдующему раздачей водки, который иногда позволялъ Лещикову выпить двѣ чарки вмѣсто положенной одной, если Лещиковъ покупалъ вторую чарку у кого-нибудь изъ непьющихъ.

— Относительно какого, примѣрно сказать, обстоятельства?—задалъ вопросъ баталеръ, любившій, въ качествѣ бывшаго писаря, выражаться, какъ онъ говорилъ, „по благородному".

— Да вотъ шельма Никишка брешетъ, что Трофимова обязательно поймаютъ... Для этого и „Собака" на берегъ уѣхалъ—ловить!

— Ни въ жисть. Это одно „благоуханіе!"—авторитетно произнесъ баталеръ.

Онъ любилъ это слово и употреблялъ его въ разныхъ, имъ же придуманныхъ смыслахъ, когда хотѣлъ выразить что-нибудь невозможное или не стоющее вниманія.

И нерѣдко, когда кто-нибудь просилъ Петровича разрѣшить вторую чарку, онъ отвѣчалъ:

— Проваливай! Это одно благоуханіе!

— Такъ не поймаютъ, Петровичъ?—обрадованно спросилъ Лещиковъ.

— Никто и ловить не станетъ, хоть десять концыревъ проси у всѣхъ губернаторовъ...

— Ну?—недовѣрчиво протянулъ Никишка.

— То-то „ну". А ты не нукай, „безпардонная Никишка", коли тебѣ объясняютъ, чего ты понять не въ силѣ своего разсудка... Тоже о себѣ много полагаешь!

— Диковинно что-то, по моему разсудку, Иванъ Петровичъ!—заискивающе промолвилъ Никишка.

— Нѣтъ ничего диковиннаго для образованнаго человѣка! Обмозгуй, ежели въ маломъ понятіи, Никишка! Ничего концырь не подѣлаетъ, какъ ни постарайся для твоей „Собаки!" Онъ скажетъ здѣшнему начальству: „Пожалуйте мнѣ бѣглаго россійскаго матроса первой статьи Ѳедора Трофимова, сдѣлайте такое одолженіе, господа сенаторы! А сенаторы ему въ отвѣтъ: „По какой такой причинѣ? Чѣмъ виноватъ мистеръ Трофъ?" Это американцы, навѣрно, такъ ужъ обозвали по своему Трофимова, чтобъ не копаться!—вставилъ баталеръ и продолжалъ за сенаторовъ:—„Убилъ ли Трофъ, или

укралъ? Ежели, молъ, дадите доказательство, мы будемъ ловить Трофа и судить по своимъ законамъ-положеніямъ. А ежели оказательства нѣтъ, то какія мы имѣемъ права ловить и судить человѣка... У насъ вольная сторона... Живи, кто хочетъ".

На лицахъ матросовъ свѣтились удовлетворенныя улыбки.

Матросикъ радостно промолвилъ:

— Не бойсь, Петровичъ зря не скажетъ. Онъ все знаетъ!

— Ну что, вѣстовщина, слышалъ?—насмѣшливо спросилъ Лещиковъ.

— Уши-то есть... Только и „Собаку" слышалъ... Онъ въ увѣренности поѣхалъ на берегъ!—замѣтилъ Никишка.

— Сдурѣлъ отъ бѣшенства и въ увѣренности... Вродѣ быдто подъ хвостъ перцу „Собакѣ" подсыпали... А какъ вернется, не бойсь, пойметъ образованіе!—категорически промолвилъ баталеръ...

И прибавилъ:

— Вотъ новый адмиралъ пріѣдетъ изъ Россіи, такъ „Собаку" утихомиритъ... Нынче другія пойдутъ права... Адмиралъ не любитъ, чтобы безо всякаго образованія тиранили матроса...

Матросы жадно слушали баталера.

— Скоро ли пріѣдетъ?..—раздались многіе голоса.

— Слышно, скоро!—отвѣчалъ баталеръ.

И кто-то спросилъ:

— Пожалуй, адмиралъ ослобонитъ насъ отъ „Собаки"? Какъ ты полагаешь, Петровичъ?

— Адмиралъ съ большимъ разсудкомъ. Нижняго чина не считаетъ въ родѣ арестанта. Не бойсь, не станетъ держать на эскадрѣ такую „Собаку"! Обязательно отрѣшитъ и отправитъ въ Россію!—увѣренно проговорилъ баталеръ.

Всѣ, повидимому, были въ большой радости отъ адмиральскаго разсудка. Только Лещиковъ, казалось, не удовлетворился имъ.

— Ежели адмиралъ съ большимъ разсудкомъ, то по настоящему слѣдовало бы „Собаку" скрозь строй!—сказалъ Лещиковъ.

Это замѣчаніе вызвало веселый сочувственный смѣхъ.

— Какъ полагаешь, Петровичъ? Не вышло такого законъположенія?—прибавилъ Лещиковъ.

— То-то не вышло!—засмѣялся баталеръ.

— Довольно таки жалко, что не вышло! А въ здѣшней сторонѣ есть такой законъ-положеніе?

— Скрозь строя нѣтъ...

— И у мериканцевъ, значитъ, нѣтъ строгости для начальства?—допрашивалъ Лещиковъ.

— Очень даже строго... Ежели ты здѣсь хоть начальникъ да начхалъ на законъ, не похвалятъ... Отдадутъ подъ судъ и въ тюрьму... А то и повѣсятъ!.. Одно благоуханіе!—прибавилъ Петровичъ, придавая любимому своему слову положительный смыслъ.

— Это правильно... Ловко съ „собаками!“ Не бойсь, не смѣютъ идолы!.. А наши-то, которые шкуры снимаютъ, ничего не боятся!—проговорилъ Лещиковъ.

— Вотъ новыя права дадутъ—побоятся... Скоро шабашъ поркѣ! — сказалъ баталеръ. — Пріѣдетъ адмиралъ, выйдетъ объявка! А ужъ „Собаку“ безпремѣнно уберутъ.

— Еще когда уберутъ, а онъ задастъ сегодня благоуханіе!—не безъ злорадства бросилъ Никишка.

Съ этими словами онъ захихикалъ и вышелъ изъ круга курильщиковъ.

IV.

Капитанскій вельботъ присталъ къ берегу во второмъ часу.

Вахтенный мичманъ Загорскій встрѣтилъ капитана у входа на палубу, въ оффиціально-почтительной позѣ, приложивъ руку къ козырьку бѣлой фуражки, и юное жизнерадостное лицо мичмана слегка улыбалось.

Капитанъ остановилъ на немъ тяжелый холодный взглядъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ злобу къ мичману именно за то, что онъ улыбался. Капитану казалось, что мичманъ радуется оттого, что капитанъ „оскандалился“, потерпѣвъ полную неудачу на берегу.

И онъ рѣзко кинулъ:

— Брамъ-штагъ не вытянутъ. Полюбуйтесь!

Загорскій тогда догадался, откуда „разносъ“, и взглянулъ на озлобленное худое лицо капитана.

„Опрохвостился, опрохвостился, опрохвостился!„—говорили, казалось, веселые, улыбающіеся глаза мичмана.

Лицо капитана позеленѣло.

Онъ отвелъ глаза и быстро прошелъ, ни на кого не глядя, въ свою каюту.

— Видно, не выгорѣло. Не запоретъ Трофимова!—шепнулъ мичманъ, обращаясь къ старшему штурману.

— Еще бы. Мы вѣдь въ Америкѣ!..

Черезъ пять минутъ Никишка, только что подавшій капитану форменное платье, вбѣжалъ въ каютъ-кампанію и доложилъ старшему офицеру:

— Капитанъ просятъ, ваше благородіе!

Никишка вернулся изъ каютъ-кампаніи и сказалъ:

— Сей секундъ придутъ, вашескобродіе!

Съ этими словами Никишка скрылся въ своей крохотной каюткѣ за дверью капитанской каюты и сталъ обшаривать карманы штановъ и жилетки статскаго платья. Онъ съ большею свободой, чѣмъ обыкновенно, выбиралъ мелкія деньги и пряталъ ихъ въ карманъ своихъ штановъ.

„Теперь хоть всю мелочь обирай!“—весело думалъ Никишка, хорошо знавшій, что забывчивость „Собаки“ прямо пропорціональна его гнѣвному настроенію.

Однако Никишка деликатно отложилъ двѣ десятицентныя монетки и принесъ ихъ въ капитанскую каюту.

— Въ штанахъ, вашескобродіе!—доложилъ онъ и положилъ двѣ монетки на столъ.

— Вонъ!—крикнулъ капитанъ.

И, когда Никишка исчезъ, капитанъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу, присѣвшему на кресло, заговорилъ:

— Нечего сказать, хорошъ русскій консулъ. Никакого содѣйствія. Скотина этакая!

И въ безсильной злости продолжалъ:

— Я напишу управляющему министерствомъ. Я буду жаловаться на консула. Такъ нельзя... Я къ нему пріѣзжаю, объясняю, а онъ еще смѣется... Отказался даже съѣздить къ губернатору. Говоритъ: безполезно. И это консулъ!.. Ну, и страна тоже подлѣйшая. Укрываютъ бѣглыхъ. Но если они не желаютъ вернуть мнѣ бѣглаго, я самъ распоряжусь...

— Какъ, Петръ Александровичъ?—осторожно спросилъ старшій офицеръ.

— А такъ, какъ долженъ поступить русскій капитанъ... Надо схватить Трофимова и привезти на корветъ. Этотъ мер-

завецъ навѣрно придетъ на пристань, чтобы подговаривать другихъ.

— Какъ бы чего не вышло, Петръ Александровичъ!—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А что можетъ выйти? Развѣ я не могу взять своего матроса?

— Онъ въ чужомъ государствѣ, Петръ Александровичъ.

— А наплевать мнѣ. Онъ мой матросъ!—упрямо говорилъ капитанъ, очевидно имѣвшій довольно смутныя понятія о международномъ правѣ.

Старшій офицеръ дипломатически молчалъ.

— И я попрошу васъ,—продолжалъ капитанъ,—объявить унтеръ-офицерамъ, что если они доставятъ на корветъ бѣглеца, получатъ награду.

Это приказаніе покоробило старшаго офицера.

Иванъ Ивановичъ считалъ капитана слишкомъ крутымъ, убѣжденнымъ поклонникомъ жестокихъ мѣръ и при томъ неумнымъ человѣкомъ, который не понималъ новыхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ и во флотѣ.

Но вышколенный строгой морской дисциплиной и разсчитывавшій на скорое командирство, Иванъ Ивановичъ не смѣлъ и подумать о неисполненіи приказанія капитана, какъ оно ни безнравственно, и отвѣтилъ:

— Слушаю-съ, Петръ Александровичъ!

Однако всетаки послѣ паузы прибавилъ:

— Боюсь только, Петръ Александровичъ, что унтеръ-офицеры не исполнятъ приказаніе.

Капитанъ угрюмо молчалъ. Казалось, онъ и самъ мало на это надѣялся.

— Вы думаете?—спросилъ онъ.

— Почти увѣренъ.

— Кто поѣдетъ съ первой вахтой на берегъ?

— Мичманъ Невѣринъ.

— Пошлите его ко мнѣ... И всетаки отдайте мое приказаніе!

— Есть!—проговорилъ старшій офицеръ оффиціально-недовольнымъ тономъ.

Черезъ минуту явился мичманъ Невѣринъ.

Когда капитанъ приказалъ ему схватить Трофимова, если

онъ будетъ на пристани,—мичманъ вспыхнулъ и, негодующій, отвѣтилъ, что не можетъ исполнить такого приказанія.

На мгновеніе капитанъ опѣшилъ.

— Подъ арестъ!—крикнулъ онъ и этимъ, казалось, разрѣшилъ вопросъ о своемъ капитанскомъ престижѣ.

V.

— Первая вахта собирайся на берегъ!—весело прокричалъ боцманъ Рябовъ послѣ того, какъ продѣлалъ руладу на свисткѣ.

И боцманъ хотѣлъ было спуститься на кубрикъ, чтобы пріодѣться на берегъ, гдѣ разсчитывалъ основательно попробовать виски, о которомъ разсказывали шлюпочные,—какъ съ вахты крикнули:

— Подшкиперъ, баталеръ, боцманъ и унтеръ-офицеры первой вахты на ютъ!

Они тотчасъ же явились къ старшему офицеру, недоумѣвающіе, что ихъ позвали не на бакъ, гдѣ обыкновенно объяснялся старшій офицеръ по служебнымъ дѣламъ.

Передъ этими „баковыми аристократами“, которыхъ Иванъ Ивановичъ, случалось, безъ малѣйшаго стѣсненія, въ минуты служебнаго гнѣва, и билъ, и наказывалъ линьками,—въ настоящую минуту чувствовалъ себя сконфуженнымъ, словно бы виноватымъ и заслуживающимъ больше чѣмъ неодобренія. Но, чтобы скрыть свое смущеніе, онъ представился сердитымъ и старался таращить свои круглые, далеко не злые глаза, когда умышленно строгимъ тономъ сообщилъ, что будетъ выдана денежная награда тѣмъ изъ собравшихся, которые доставятъ на корветъ измѣнника, нарушившаго царскую присягу—бѣглеца Трофимова.

И словно бы показать, что не онъ отдаетъ это приказаніе, Иванъ Ивановичъ еще суровѣе прибавилъ:

— Капитанъ приказалъ мнѣ передать это вамъ... Слышали?

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И боцманъ Рябовъ первый проговорилъ, опуская глаза:

— Слушаю, ваше благородіе, но только никакъ невозможно, ни за какія деньги.. Вовсе обидно боцману, ваше благородіе! Я, кажется, не замѣченъ...

— И гдѣ его найти, ваше благородіе!—прибавилъ болѣе дипломатичный подшкиперъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе: нѣтъ такого законъ-положенія, чтобы ловить людей въ Америкѣ!.. За это тебя-жъ обвиновятъ американцы... И не дадутъ ихняго Трофа,—промолвилъ баталеръ.

— Какого тамъ Трофа?—спросилъ старшій офицеръ.

— Да самаго Трофимова, ваше благородіе... Онъ теперь во всей формѣ быдто американецъ!

Другіе молчали. Но ихъ подавленныя лица явно показывали, что приказаніе капитана не будетъ исполнено.

— Я вамъ передалъ приказаніе... Живо собирайся на берегъ!—вдругъ свирѣпо крикнулъ старшій офицеръ.

Но, не смотря на этотъ тонъ, всѣ понимали, что Иванъ Ивановичъ не сочувствуетъ приказанію капитана.

Вѣсть о приказаніи капитана вызвала среди матросовъ чувство негодованія.

— Чѣмъ выдумалъ облещивать „Собака“!—говорилъ, одѣвая чистую рубаху, Лещиковъ.—Полагаетъ, найдутся Іуды...

И, увидавъ одного унтеръ-офицера, на котораго не надѣялся, Лещиковъ громко прибавилъ:

— Посмѣй кто тронетъ Трофимова, искровянимъ до смерти! Ты это помни, шилохвостый унтерцеръ!

— А ты что зря лаешься, Лещиковъ!—вступился, подходя боцманъ.—Не бойсь, не найдется безсовѣстной души на конвертѣ, чтобы заманить бѣглаго... Такъ и стали ловить!.. Пусть „Собака“ зря посылаетъ.

Матросы первой вахты, пріодѣтые, стали выходить на палубу, какъ вдругъ сигнальщикъ крикнулъ вахтенному мичману:

— „Конвертъ“ подъ адмиральскимъ флагомъ идетъ, ваше благородіе!

Мичманъ Загорскій взглянулъ въ бинокль въ даль рейда.

Дѣйствительно, изъ-за острова показался русскій корветъ, который полнымъ ходомъ шелъ на рейдъ, слегка попыхивая изъ бѣлой горластой трубы.

— Позывные!—весело скомандовалъ мичманъ.

На крюйсъ-брамъ-стеньгѣ взвились позывные: „Могучій“. На адмиральскомъ корветѣ отвѣтили своими позывными: „Чайка“.

— Къ салюту! Дать знать капитану и старшему офицеру!— сдѣлалъ распоряженіе Загорскій.

Всѣ глаза жадно устремились на приближавшійся корветъ подъ флагомъ адмирала съ „большимъ разсудкомъ“, и лица матросовъ свѣтились надеждой.

Съѣздъ на берегъ былъ отставленъ. Барказные подали барказъ на бакштовъ и поднялись на палубу.

— Къ салюту приготовиться!—крикнулъ выбѣжавшій наверхъ капитанъ.

Но въ ту же минуту на адмиральскомъ корветѣ былъ поднятъ сигналъ: „не салютовать“.

Корветъ приближался. Капитанъ спустился и черезъ двѣ-три минуты поднялся на мостикъ въ мундирѣ, треуголкѣ, при саблѣ на боку, готовый ѣхать къ адмиралу съ рапортомъ, какъ только „Чайка“ броситъ якорь.

Капитанъ былъ чуть-чуть блѣденъ.

— Не бойсь, боится адмирала!—шептали матросы.

Ужъ „Чайка“ была близко и неслась прямо на корму „Могучаго“.

— Команду во фронтъ!

Матросы выстроились по обѣимъ сторонамъ шкафута. Офицеры—на шканцахъ. Капитанъ, старшій штурманъ и старшій офицеръ, повернувшись лицами къ приближающемуся корвету, стояли на мостикѣ и могли разглядѣть „новаго“ начальника эскадры, высокаго и серьезнаго адмирала, моложаваго, не смотря на сѣдые бакенбарды, который зорко оглядывалъ „Могучаго“.

Стояла мертвая тишина. Слышно было, какъ на „Чайкѣ“ скомандовали:

— Малый ходъ!

„Чайка“ „рѣзала“ корму „Могучаго“.

Всѣ офицеры на „Могучемъ“ держали руки у козырьковъ. Приложилъ руку къ козырьку и адмиралъ, но, казалось, не взглянулъ на капитана.

Пройдя почти вплотную около „Могучаго“, адмиральскій корветъ круто повернулъ и пошелъ по борту „Могучаго“.

— Здорово, ребята!—раздался громкій и пріятный голосъ адмирала.

— Здравія желаемъ, ваше-ство!—раздался отвѣтный крикъ полутораста матросовъ.

„Чайка“ обошла „Могучаго“ и бросила якорь.

Въ ту же минуту капитанъ отвалилъ отъ борта и направился къ адмиралу.

Матросовъ распустили изъ фронта.

Между ними шли разговоры объ адмиралѣ. Всѣ находили, что, судя по лицу, онъ съ большимъ разсудкомъ. Даже по голосу его нашли признаки того, что онъ вѣрно „доберъ“.

Еще бы! Имъ такъ хотѣлось, чтобы онъ былъ „доберъ“ и освободилъ, наконецъ, отъ „Собаки“.

Капитанъ что-то долго не возвращался.

Наконецъ, вельботъ приставъ:

— Была, значитъ, выволочка,—шепнулъ боцманъ.

VI.

Дѣйствительно, капитанъ взошелъ на палубу, видимо разстроенный.

Что-то растерянное, жалкое и недоумѣвающее было въ его осунувшемся и словно постарѣвшемъ лицѣ.

Онъ вошелъ въ каюту, безпомощно опустился въ кресло и задумался.

Наконецъ, онъ переодѣлся и велѣлъ Никишкѣ позвать старшаго офицера.

— Не приказывайте унтеръ-офицерамъ ловить этого подлеца... Оказывается, нельзя!—съ кислой усмѣшкой проговорилъ Нерѣшимовъ.

— Я уже передалъ ваше приказаніе, Петръ Александровичъ!

— Отмѣнить.

— Есть!

— Мичмана Невѣрина выпустить изъ-подъ ареста.

— Слушаю-съ.

— И... и новый адмиралъ недоволенъ мною... Я, видите ли, безцѣльно жестокъ съ командой... Очень недоволенъ... И показалъ мнѣ газеты... Нынче и газеты принимаются во вниманіе... Какъ-же-съ.

— Какія газеты?

— Прошлогоднія, американскія... когда мы были въ Санъ-Франциско...

— Что-жъ тамъ, Петръ Александровичъ?

— Адмиралъ нашелъ, что въ газетахъ писали позорныя обо мнѣ вещи... Что на рейдѣ раздавались крики наказываемыхъ людей... Видно, не надо было пороть въ чужомъ городѣ, да еще у подлецовъ, которые всякіе пустяки печатаютъ въ газетахъ... Это, конечно, ошибка съ моей стороны... Надо было пороть въ морѣ .. И адмиралъ—онъ вѣдь нынче противъ строгихъ наказаній, а давно ли отлично перепарывалъ всѣхъ марсовыхъ, если работали на минуту позже?—такъ онъ спрашивалъ: правда ли хоть часть того, что описано въ газетахъ... Я-конечно, не вралъ ему... Мнѣ нечего было стыдиться... Я сказалъ, что дѣйствительно строго наказывалъ матросовъ и считалъ себя въ правѣ наказывать, чтобы корветъ былъ въ исправномъ видѣ, какъ слѣдуетъ военному судну... И не скрылъ, что хотѣлъ поймать бѣглеца, если консулъ не хотѣлъ мнѣ поймать негодяя... И доложилъ, что если я и строгъ, то ради пользы службы... За то у меня и работаютъ!.. Марселя въ пять минутъ мѣняютъ... Но... адмиралъ нашелъ, что будто бы всего этого можно достичь и безъ порки... Новыя, видите ли, вѣянія, а я не умѣю приспособляться, какъ его превосходительство... Вчера „дантистъ“, а сегодня пишетъ противъ тѣлесныхъ наказаній... Читали статью адмирала въ „Морскомъ Сборникѣ“?..

— Читалъ.

— Сказалъ, что назначитъ слѣдствіе, а пока... пока...

Челюсти капитана затряслись...

— А пока адмиралъ отрѣшилъ меня отъ командирства... Завтра съѣду на берегъ и уѣду въ Россію... Совѣтуетъ подать въ отставку... Новые, говоритъ, порядки... Тѣлесныя наказанія отмѣнены... Требованія отъ капитановъ иныя... А я-то чѣмъ виноватъ!—прибавилъ капитанъ.

Онъ, видимо, не понималъ, за что долженъ подавать въ отставку. До сихъ поръ его считали образцовымъ капитаномъ и вдругъ...

— Больше не будетъ приказаній, Петръ Александровичъ?

— Отпустить команду на берегъ и сегодня же примите отъ меня корветъ...

Старшій офицеръ ушелъ.

На корветѣ скоро узнали о новости, и корветъ точно ожилъ. Обрадованные матросы благословляли адмирала. Многіе крестились, что избавились отъ „Собаки“.

— Одно благоуханіе!—говорилъ, заплетая языкомъ баталеръ, возвратившись вечеромъ съ берега.

— „Собакѣ“ бы скрозь строй!—кричалъ Лещиковъ, поднятый съ барказа на гордешкѣ.

„Собака“ слышалъ эти слова и не приказалъ „снять шкуру“ съ Лещикова.

Капитанъ долго ходилъ въ эту ночь взадъ и впередъ по шканцамъ и о чемъ-то думалъ и, казалось, чего-то не понималъ.

Съ берега, горѣвшаго огнями ярко освѣщенныхъ домовъ, доносились звуки музыки. А усѣянное звѣздами небо было такъ красиво. И ночь была такъ тепла и обаятельна.

Но капитанъ ничего этого не чувствовалъ.

Ему жаль было разставаться съ „Могучимъ“, которымъ командовалъ пять лѣтъ. Ему тяжело было оставлять морскую службу, которую любилъ и съ которой свыкся.

И онъ ходилъ по палубѣ, и по временамъ его вздрагивающія губы шептали:

— За что? За что?

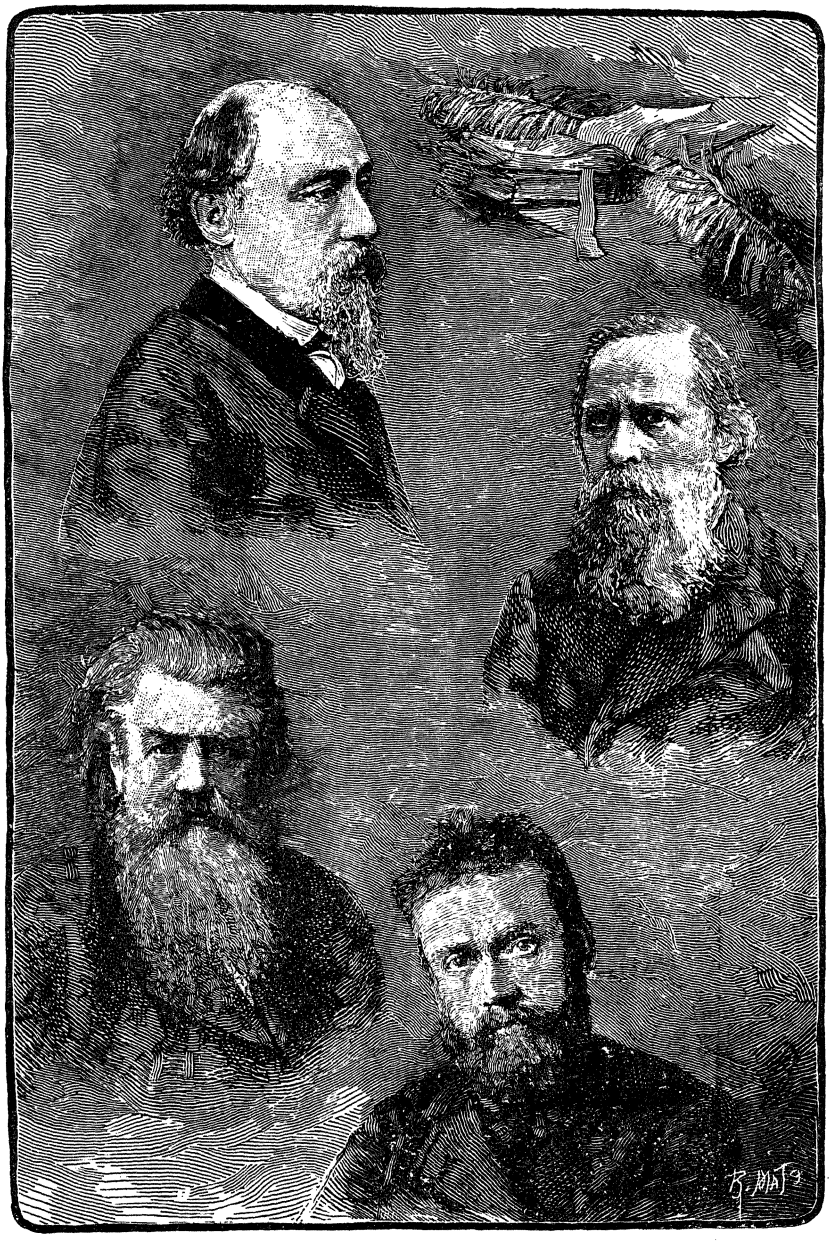
К. Станюковичъ.

Н. К. Михайловскому.

Когда среди недвижности унылой,
Среди тупой покорности судьбѣ,
По временамъ несется съ гордой силой
Призывный кличъ къ безтрепетной борьбѣ;
Когда на все, что зло, нелѣпо, лживо,
То здѣсь, то тамъ встаетъ рука бойца,
Свидѣтелемъ, что въ человѣкѣ живо
Еще добро, что есть еще сердца,
Что есть умы, въ которыхъ мощно, стройно
Бьютъ свѣтлыхъ чувствъ и мыслей родники,—
Тогда во тьму грядущаго спокойно,
Съ отрадою глядимъ мы, старики,
И сходимъ въ гробъ съ блаженнымъ упованьемъ,
Что рано ли, иль поздно, но придетъ
Побѣдный день— и сокрушится гнетъ
Враждебныхъ силъ, и умъ, въ союзѣ съ знаньемъ,
Властительно свѣтильникъ свой зажжетъ.
Пусть эта мысль лишь греза золотая;
Но только съ ней, нося ее въ себѣ,
Возможно жить и, ею духъ питая,
Не изнемочь въ страданьяхъ и борьбѣ.

Петръ Вейнбергъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



Дозв. ценз. Спб. 21 Сентября 1905 г.

Тип. Клобукова.

Чѣмъ русская общественная жизнь обязана Н. К. Михайловскому?

Другіе, быть можетъ, остановятся на философской, научной, критической, вообще чисто литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго. Я же попробую выяснить значеніе этой необыкновенно крупной и богатой талантами личности для общественной жизни. Писатель, о которомъ будетъ идти рѣчь въ моей статьѣ, заключаетъ въ себѣ столько сторонъ, и эти разныя стороны такъ ярки и выпуклы, что на долю каждаго изъ насъ, его почитателей, учениковъ, личныхъ и идейныхъ друзей, хватитъ надъ чѣмъ подумать и поработать въ области различныхъ спеціальностей, на которыхъ оставила свою творческую печать могучая и своеобразная индивидуальность автора. Два соображенія побудили меня взяться за тему, смыслъ которой приблизительно передаетъ заглавіе статьи. Во-первыхъ, самая важная вещь для общества людей это жить, т. е. вырабатывать возможно совершенныя формы коллективнаго союза между членами, а затѣмъ уже философствовать, заниматься наукой, предаваться эстетическому творчеству,—словомъ primum vivere, deinde philosophari, какъ утверждалъ писатель, котораго нельзя заподозрить въ какомъ нибудь грубомъ матеріализмѣ. Во-вторыхъ, на общественной сторонѣ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго останавливались, какъ мнѣ кажется, очень мало; а между тѣмъ, часто ли встрѣчаются писатели, которыхъ бы болѣе проникало горячее трепетаніе жизни даже въ самыхъ отвлеченныхъ и философскихъ вопросахъ?

Задача моя будетъ выполнена, если читатель, кончивъ эту статью, раздѣлитъ мое чувство идейнаго энтузіазма къ человѣку, который, не выходя изъ предѣловъ литературы, сумѣлъ всю свою жизнь — да продлится она еще на долгіе-долгіе годы! — служить высшимъ цѣлямъ своей родной страны и всего человѣчества.

Лично я обязанъ очень многимъ Н. К. Михайловскому: на его сочиненіяхъ я пробуждался къ сознательной жизни, и онъ

былъ однимъ изъ немногихъ «добрыхъ учителей»,—которые оставили наиболѣе прочный слѣдъ на моемъ міровоззрѣніи въ періодъ его выработки. Немудрено, что и позже, когда подробности этого міровоззрѣнія выяснились путемъ болѣе обширнаго чтенія и прямого наблюденія надъ жизнью, я много разъ возвращался мыслью къ человѣку, бывшему однимъ изъ моихъ духовныхъ отцовъ. Въ особенности часто меня занималъ при этомъ вопросъ: что было бы съ Н. К. Михайловскимъ и чѣмъ былъ бы онъ, если бы родился и дѣйствовалъ не въ Россіи, а въ Западной Европѣ? Всегда, конечно, есть много гипотетическаго въ варіаціяхъ на тему:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ.

Но одно можно предположить съ значительною вѣроятностью: въ противоположность поговоркѣ о безрыбьѣ и безлюдьѣ, настоящій свой ростъ и освѣщеніе фигура Н. К. Михайловскаго получила бы лишь при болѣе развитыхъ условіяхъ общественности, лишь тамъ, гдѣ пульсъ коллективной жизни бьется скорѣе и полнѣе, гдѣ больше личностей участвуютъ въ сознательномъ процессѣ соціальнаго творчества. Человѣкъ, въ которомъ такъ тѣсно и оригинально сплелись интересы отвлеченной мысли и интересы непосредственной жизни, произвелъ бы неизмѣримо большее дѣйствіе на общечеловѣческій прогрессъ, живи онъ среди такой дѣйствительности, которая позволила бы ему вполнѣ удовлетворять двумъ основнымъ потребностямъ своей натуры въ различныхъ, хотя вовсе не необходимо разъединенныхъ между собою сферахъ дѣятельности. Помните могучія, благородныя и безстрашныя слова литературной исповѣди, къ которой Н. К. Михайловскій былъ вынужденъ прибѣгнуть въ отвѣтъ на нападенія одного сердитаго, но слабосильнаго критика:

Разно меня называютъ, но меня самого никогда не интересовало, къ какому я вѣдомству причисленъ. Тѣ небольшія достоинства, которыя признаетъ за мной критикъ, конечно, позволили бы мнѣ... успокоиться на области теоретической мысли. Къ этому, признаться, и тянуло меня часто; потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своею яркою и шумною пестротой, всею своею плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить. Но все это росло изъ одного и того же корня, все это связалось такъ жизненно-тѣсно въ одно, можетъ быть, странное и неуклюжее цѣлое, что вотъ я не могу исполнить желаніе критика: „распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее“... Отсюда же и вся моя неумѣренность и неаккуратность... *)

*) См. стр. VI предисловія къ первому тому „Сочиненій“ (изд. „Русскаго Богатства“).

Я думаю, трудно срисовать съ самого себя болѣе вѣрный психологическій портретъ, поскольку онъ выражается въ чертахъ литературной дѣятельности. Дѣйствительно, что оскорбляетъ, возмущаетъ, сбиваетъ съ толку умѣренныхъ и аккуратныхъ критиковъ Н К. Михайловскаго, это—бурный, сильный, какъ стихія, но и, какъ стихія же, непокорный потокъ мысли, въ которомъ борются, временно соединяются и снова вступаютъ въ борьбу за преобладаніе два одинаково могучія теченія: ровный, широкій, ясный океанъ теоретической мысли, заключающій въ своей безбрежной поверхности отраженіе всѣхъ явленій жизни и идеи, и бурливый потокъ вливающейся въ него исполинской рѣки дѣйствительности, которая прорѣзываетъ въ своемъ бѣгѣ все разнообразіе, всю толщу житейскихъ вопросовъ, задачъ и коллизій и катитъ свои волны, замутненныя кровью, грязью, слезами, пóтомъ живыхъ людей, но и скрашенныя цѣлыми островами, цѣлыми оазисами цвѣтовъ поэзіи и идеала. И вотъ только что усядется въ бумажномъ корабликѣ умѣренное и аккуратное существо и вооружится различными инструментами для опредѣленія вида, цвѣта, глубины, содержанія соли въ океанѣ—вдругъ трахъ!—свое вольный потокъ дѣйствительности ворвался, шумя, сверкая и гнѣвно пѣнясь, въ еще столь недавно спокойное море и—смотришь—къ чорту корабликъ, ко дну инструменты, а самъ изслѣдователь барахтается въ волнахъ, проклиная ихъ фантастичный, капризный, неразмѣренный, однимъ словомъ «ненаучный» бѣгъ...

Впрочемъ, надо разсуждать по человѣчеству; и если умѣренные и аккуратные критики грѣшатъ противъ основного требованія литературной оцѣнки, отказываясь прежде всего войти, проникнуть въ характеръ разбираемаго ума, то мы-то, наоборотъ, можемъ понять ихъ затрудненія и даже принять болѣе или менѣе близко къ сердцу ихъ горести, стараясь перенестись въ ихъ душу и понять ихъ психологію. И, дѣйствительно, заключивъ себя въ рамки этого узкаго, но строго опредѣленнаго горизонта, мы можемъ даже признать, что литературная дѣятельность Н. К. Михайловскаго носила бы болѣе законченный, болѣе стройный характеръ, если бы этотъ авторъ могъ отказаться отъ свойственной ему манеры обработывать одновременно, въ «перемежку» и въ переплетъ, двѣ стороны «правды», правду—истину и правду—справедливость... *) Да, но какъ «мочь», когда по волѣ богини необходимости Н. К. Михайловскому суждено жить и дѣйствовать

*) Замѣчу кстати, что близкое родство истины и справедливости схвачено уже въ античномъ мірѣ Присціаномъ, который прямо говоритъ, что римляне часто употребляютъ justum и verum одно вмѣсто другого, какъ греческіе аттики δίκαιον и ἀληθές.

среди русскихъ общественныхъ условій, которыя фатально способствуютъ развитію у всякаго писателя-человѣка публицистической стороны и примѣшиванію ея къ самымъ, казалось бы, отвлеченнымъ вопросамъ мысли и требованіямъ эстетическаго творчества.

У Анатоля Леруа-Болье, рядомъ со многими поверхностными, плоско-либеральными и неумными замѣчаніями о Россіи встрѣчаются, однако, вѣрныя мысли, подсказываемыя наблюдателю самымъ контрастомъ русской жизни и западно-европейской. Въ числѣ этихъ замѣчаній находится объясненіе публицистическаго, «политическаго» элемента, встрѣчаемаго столь часто въ русской беллетристикѣ: по мнѣнію Леруа-Болье иначе и быть не можетъ при нашихъ условіяхъ дѣйствительности, мѣшающихъ писателю проводить свои идеалы непосредственно въ жизнь. Желаніе видѣть свои стремленія осуществленными въ процессѣ общественнаго творчества есть одно изъ законнѣйшихъ желаній всякаго живого человѣка.

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно, и русскій писатель, часто даже безсознательно, не говоря уже о сознательномъ планѣ,—болѣе и чаще, чѣмъ западноевропеецъ, превращаетъ своихъ героевъ и героинь или свои отвлеченныя мысли въ носителей своихъ политическихъ идеаловъ.

Какъ же могло быть иначе съ Н. К. Михайловскимъ, у котораго работа мысли направлена по преимуществу въ сторону общественно-философскихъ построеній? И тутъ-то будетъ какъ нельзя болѣе кстати нарисовать гипотетическій образъ нашего автора, родившагося и дѣйствующаго среди западно-европейскихъ условій. Настоящая сознательная жизнь Н. К. Михайловскаго начинается, судя по его литературнымъ воспоминаніямъ, съ первой половины шестидесятыхъ годовъ, къ концу которыхъ онъ вырабатываетъ въ общихъ чертахъ все свое міровоззрѣніе, отличающееся уже въ этотъ моментъ такою опредѣленностью, что дальнѣйшая умственная дѣятельность пойдетъ лишь на выясненіе второстепенныхъ частностей. Но этотъ періодъ характеризуется въ экономической жизни западной Европы небывалымъ расцвѣтомъ капиталистическаго производства, лихорадочной спекуляціей господствующихъ классовъ, которая была прервана лишь на время хлопчатобумажнымъ кризисомъ; а въ политической и идейной,—послѣ реакціи начала 50-хъ годовъ,—выработкой мѣщанскаго міросозерцанія на основѣ успѣховъ естествознанія и перенесенія теоріи борьбы за существованіе изъ міра зоологіи въ міръ соціологіи, равно какъ половинчатой борьбой противъ клерикализма и цезаризма со стороны третьяго сословія, которое боится слишкомъ далеко зайти въ этой либеральной компаніи, безпокойно вглядыа-

ваясь въ смѣлые аллюры слѣдующаго за нимъ сословія. А этотъ послѣдній классъ, въ свою очередь, вноситъ больше сознанія въ свое міровоззрѣніе, заполняя болѣе реальнымъ пониманіемъ экономическихъ и политическихъ условій развитія въ общемъ глубоко вѣрныя, но черезчуръ абстрактныя формулы соціализма 40-хъ годовъ; а въ практической жизни впервые создаетъ организацію всемірнаго труда, не обращающаго вниманія на цвѣтъ пограничныхъ столбовъ и языкъ людей...

Какую крупную роль могъ бы сыграть при этихъ условіяхъ молодой Михайловскій, направляя могучій потокъ своей мысли по двумъ сообщающимся, но различнымъ каналамъ, т. е. и работая на поприщѣ абстрактной науки, и цѣлесообразно тратя свой общественный пылъ, свой гражданскій энтузіазмъ на аренѣ политической борьбы! Въ самомъ дѣлѣ, возьмите сферу отвлеченной науки: въ то время, какъ буржуазная интеллигенція то съ какимъ-то свирѣпымъ кокетствомъ исповѣдуетъ евангеліе зоологической грызни между людьми, то, сыто улыбаясь, развиваетъ теорію объективнаго прогресса на основаніи безконечной «эволюціи» и «перехода отъ простого къ сложному», теоретическіе выразители четвертаго сословія разрабатываютъ почти исключительно экономическіе и соціально-политическіе вопросы и за малыми исключеніями неохотно и лишь мимоходомъ ступаютъ на почву естественныхъ наукъ. Но именно здѣсь-то, — здѣсь, говорю я, — Н. К. Михайловскій поднялъ бы брошенную буржуазіей перчатку, мнимой научности и въ рядѣ строго-научныхъ, цѣльныхъ, исполненныхъ фактами и оригинальными идеями трудовъ развилъ бы то, что лишь обозначено глубоко прорѣзанными, но прерывающимися контурами въ его этюдахъ «Что такое прогрессъ», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и т. д., этюдахъ, испещренныхъ всевозможными жизненными отступленіями, экскурсіями, зигзагами нетерпѣливой, столь же теоретизирующей, сколько практически воинствующей мысли. Такимъ образомъ, уже въ шестидесятыхъ годахъ четвертое сословіе Европы знало бы, что именно строгое естествознаніе осуждаетъ всѣ эти «эволюціи» и «прогрессы», увѣковѣчивающіе современное раздѣленіе труда между индивидуумами и классами, низводящіе живого человѣка на степень простой безсмысленной гайки въ сложной машинѣ общественнаго организма. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, упомянутое сословіе знало бы, что выставленная его истолкователемъ въ извѣстномъ смыслѣ объективная формула общественнаго прогресса — цѣлостность личности, орудующей всѣми своими органами, и солидарность общества, сводящаго до минимума раздѣленіе труда между своими членами — есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, субъективная истина даннаго періода, «господствующая идея» четвертаго

сословія, являющагося центромъ и фокусомъ современной жизни. Безсовѣстнымъ дарвинятамъ и спенсеровымъ дѣтямъ, кокетничающимъ звѣриной борьбой между людьми и яко бы необходимой кристаллизаціей занятій въ обществѣ, былъ бы зажатъ ротъ соціальныхъ авгуровъ и выщипаны крылья лженауки именно въ той области, которую они избрали ареной своихъ буржуазныхъ подвиговъ. И центромъ жизненной философіи явилась бы современная человѣческая «индивидуальность», борющаяся за идеалы справедливѣйшаго общежитія и знающая, что, хотя ея личныя стремленія не совпадаютъ въ данный моментъ съ объективнымъ ходомъ вещей, но она, живая личность, отнюдь не принесена, по недоразумѣнію, въ жертву этому ходу вещей, какъ это столь часто случается въ наиболѣе популярныхъ среди четвертаго класса теоріяхъ. Я, конечно, отказываюсь продолжать въ деталяхъ это гипотетическое построеніе научной дѣятельности Н. К. Михайловскаго въ Европѣ; но не могу не указать, какимъ цѣннымъ вкладомъ въ общественную психологію была бы хотя теорія «героевъ и толпы», лишь одинъ обломокъ которой — «подражаніе» — доставилъ такую извѣстность Тарду, какъ соціологу...

Но выработка научныхъ теорій, критически связывающихъ естественныя и общественныя науки, заняла бы лишь одну часть жизни Н. К. Михайловскаго. Другая—и, вѣроятно, не меньшая—доля его существованія прошла бы въ кипучей политической дѣятельности среди разнообразныхъ комбинацій, дѣятельности, которою онъ могъ бы удовлетворить всевозможнымъ велѣніямъ того демона или, если хотите, того генія общественности, который своимъ властнымъ голосомъ заставляетъ пищущаго въ Россіи Н. К. Михайловскаго прервать строго научную статью или изукрашать ее причудливыми арабесками гнѣва, любви, проклятій, благословеній, трактуя съ тѣмъ же идейнымъ паѳосомъ о малѣйшемъ жизненномъ фактѣ, какъ и о носящемся въ воображеніи мыслителя грандіозномъ научномъ обобщеніи.

Перомъ и словомъ, или однимъ перомъ, Н. К. Михайловскій служилъ бы доблестно и неустанно той политической партіи, которую бы онъ сознательно избралъ во имя своего теоретическаго міровоззрѣнія и общественныхъ идеаловъ и въ рядахъ которой онъ занималъ бы исключительное мѣсто. Дѣло шло бы о приложеніи къ практикѣ тѣхъ могучихъ теоретическихъ идей, которыя въ строго научной формѣ мыслитель развилъ бы въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, ибо много — увы! — «ненаписанныхъ книгъ», какъ свидѣтельствуютъ о томъ обѣщанія и замѣчанія самого автора, было бы тогда написано. Дѣло шло бы о томъ, чтобы ежедневно, ежечасно откликаться на запросы дѣйствительности и активно

вмѣшиваться въ ея ходъ, защищать друга, нападать на врага, проводить политическую партію цѣлою, невредимою и все усиливающеюся среди подводныхъ камней, враждебныхъ теченій, обманныхъ знаковъ пиратовъ. Тотъ неподражаемый талантъ полемиста, который испытали на своихъ доспѣхахъ, а то и просто бокахъ, безчисленные теоретическіе и жизненные противники Н. К. Михайловскаго, получилъ бы надлежащее приложеніе и развернулся бы во всей полнотѣ на широкой аренѣ политической дѣятельности, которая только и даетъ большому кораблю большое плаваніе. А то извольте воевать съ Буренинымъ-Дуренинымъ, Марковымъ-Болванковымъ и Аверкіевымъ-Перекаверкіевымъ, какъ галантно называли другъ друга обитатели всего этого царства «мѣдныхъ лбовъ и вареныхъ душъ»; и при этомъ воевать не въ открытомъ бою, а гдѣ-то въ закоулкѣ, въ глухую осеннюю ночь, когда бдительный стражъ отнюдь не защищаетъ васъ своей эгидой внѣпартійнаго безпристрастія, а отъ времени до времени и съ просонокъ подаетъ своей аллебардой знакъ къ нападенію на васъ же разныхъ «средиземныхъ эскадръ» и безчисленныхъ жучекъ и левретокъ съ ошейниками или добровольно свирѣпствующихъ псовъ...

И, однако, воздадимъ благодарность богинѣ необходимости, заставившей Н. К. Михайловскаго родиться, жить и дѣйствовать не въ западной Европѣ, а въ Россіи: тѣмъ хуже для него, но тѣмъ лучше для насъ! Пусть тѣсно этому крупному человѣку въ дѣтскихъ латахъ, подающихъ поводъ умѣреннымъ и аккуратнымъ критикамъ совѣтовать задыхающемуся порою борцу за правду обрубить все, что не умѣщается въ доспѣхахъ ребенка. Намъ, ребятамъ, нужны не только

. . . . . великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ,—

намъ еще нужны живые большіе люди, страдающіе за насъ и поучающіе насъ. Посмотримъ же, чему училъ и продолжаетъ насъ учить не гипотетическій западно-европейскій, а живой русскій Михайловскій, дѣятельности котораго исполнилось въ нынѣшнемъ году сорокъ лѣтъ, т. е. чуть не трижды тотъ великій въ жизни человѣка промежутокъ времени—grande mortalis aevi spatium,—о которомъ говоритъ Тацитъ. Итакъ, чѣмъ русская общественная жизнь обязана Н. К. Михайловскому?

Для удобства изложенія я сейчасъ же отвѣчу на этотъ вопросъ, а затѣмъ лишь перейду къ подробностямъ. Н. К. Михайловскій является все время чуткимъ выразителемъ и философскимъ обоснователемъ общественныхъ стремленій наиболѣе передовой части

русской интеллигенціи, активно вліяющей на ходъ прогресса. При этомъ онъ смотритъ настолько шире и дальше всей этой группы, взятой въ ея цѣломъ, что въ данный моментъ та или другая фракція ея—иногда меньшая, иногда большая—считаетъ своимъ долгомъ быть не согласной съ Михайловскимъ, ополчается, по недоразумѣнію, противъ мыслителя-публициста и той группы, которую онъ ближе выражаетъ; а потомъ, смотришь, послѣ нѣсколькихъ эпизодовъ этой братоубійственной «вражды — войны», оказывается присоединившеюся къ авангарду прогрессивной арміи, подвергающейся новымъ «разногласіямъ». Я говорю это не съ чужого голоса, а по собственному опыту и личнымъ воспоминаніямъ: и мнѣ казалось, что въ тѣ или другія времена Н. К. Михайловскій не выражаетъ вполнѣ моихъ желаній и идеаловъ; это же, хотя пріуроючивая къ инымъ временамъ, скажутъ другіе русскіе люди, принимавшіе живое участіе въ общественной жизни.

Не надо только забывать, что если мыслитель-публицистъ выражаетъ и философски обосновываетъ стремленія людей прогресса, то первоначальный толчекъ къ этой руководительной дѣятельности онъ получаетъ именно отъ общаго настроенія слѣдующаго за нимъ авангарда. Н. К. Михайловскій — человѣкъ, какъ и всѣ мы, и какъ таковой не творитъ изъ ничего; но, какъ увеличительное стекло, онъ концентрируетъ разсѣянные въ обществѣ лучи сознанія и, какъ увеличительное же стекло, зажигаетъ... Хотя литература является, по русскимъ условіямъ, исключительною и любимою цѣлью существованія Н. К. Михайловскаго, силу и идейный огонь энтузіазма этотъ писатель беретъ у всѣхъ насъ, у меня, у васъ, дорогой читатель и единомышленникъ, у всякаго, кто стремится сознательно участвовать въ исторической жизни страны, а не метаться изъ стороны въ сторону и не вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ капризныхъ вѣтровъ Сѣвера. Корни литературы Н. К. Михайловскаго лежатъ въ «жизни», или, употребляя модную еще (такъ-ли?) формулу, его «сознаніе» вытекаетъ изъ нашего «бытія». Поэтому я прошу читателя, когда я буду говорить о той или другой полосѣ литературной дѣятельности этого писателя, постоянно держать въ умѣ, передъ своими духовными очами картину соотвѣтствующаго общественнаго движенія, и не только картину вообще, а и ея детали, въ которыя я, къ сожалѣнію, не могу входить здѣсь. Пусть читатель и для своего собственнаго поученія обращаетъ вниманіе на эпоху написанія той или другой статьи Н. К. Михайловскаго и мысленно загляды ваетъ при этомъ въ мартирологъ русской общественной жизни. Говорю «мартирологъ» потому, что человѣческая исторія вообще есть до сихъ поръ повѣсть о страданіяхъ безсмертной идеи общественной солидарности, ищущей все болѣе и болѣе подходящихъ

формъ и носителей для своего окончательнаго выраженія и торжества; а мы, русскіе, не составляемъ исключенія изъ этого общаго правила, какъ бы ни лгали на этотъ счетъ наши націоналисты, самобытники и торгаши «патріотическимъ» дурманомъ...

Мы во второй половинѣ 60-хъ годовъ—тяжелая пора! «Аннибалова клятва» освобожденія крестьянъ перестала служить объединяющимъ знаменемъ для лучшихъ русскихъ людей, которые всего нѣсколько времени тому назадъ забывали изъ-за этого великаго общаго дѣла разъединявшіе ихъ сѣрые, розовые, красные оттѣнки общественно-политическихъ идеаловъ. Рабство пало,—слишкомъ поздно, по мнѣнію однихъ, слишкомъ рано по мнѣнію другихъ; связь съ рухнувшимъ крѣпостничествомъ была порвана,—не достаточно рѣзко, по мнѣнію первыхъ, черезчуръ радикально, по мнѣнію вторыхъ. Народная жизнь была переставлена съ фундамента подневольнаго труда на фундаментъ труда свободнаго. Но увы! какъ сильно была сужена при этомъ экономическая поверхность этого фундамента: идеалъ передовыхъ людей—«освобожденіе крестьянъ съ землей»—перешелъ въ дѣйствительность съ такими урѣзками и искаженіями, что сейчасъ-же началась борьба между правымъ и лѣвымъ крыльями освободительной арміи за наилучшее устройство жизни освобожденнаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ знамена различныхъ фракцій стали враждебно другъ противъ друга, и оттѣнки общаго міровоззрѣнія каждой фракціи пріобрѣли болѣе яркій, болѣе опредѣленный колоритъ: сѣрые такъ посѣрѣли, что ихъ знамя трудно было отличить отъ грязнаго знамени мракобѣсцевъ и крѣпостниковъ; розовые или перешли въ сѣрые, или приблизились къ краснымъ; красные вызывали своимъ рѣзкимъ цвѣтомъ бѣшенство защитниковъ стараго строя, и изъ устъ тѣхъ борцовъ лѣваго крыла, что были послабѣе, вырывалось нѣчто чрезвычайно похожее на припѣвъ баллады:

Enfants, voici les boeufs qui passent,
Cachez vos rouges tabliers!...

И поколебалось знамя, и было сломано лѣвое крыло... Какъ только еще столь недавно цѣльная оппозиція распалась на враждовавшія части, сторонники павшаго режима подняли голову. Изъ экономически-соціальной посылки раскрѣпощенія народа и превращенія всего населенія въ людей не были сдѣланы обще-гражданскіе выводы. На новомъ фундаментѣ стѣны были выведены едва до половины, а отсутствіе крыши дѣлало тѣмъ чувствительнѣе переходы отъ пригрѣвающихъ лучей высокаго, далекаго—и, охъ! какого—своевольнаго солнца сѣвера къ сѣвернымъ же свирѣпымъ

бурямъ и ливнямъ. А тутъ еще историческая Немезида снова бросила въ кровавый семейный споръ близкихъ родственниковъ, «кичливаго Ляха» и «вѣрнаго Росса», и дала поводъ общественной реакціи перейти отъ окраинъ къ центру; а вскорѣ пронесся и по всей Россіи мрачный ураганъ взаимнаго недовѣрія, подозрѣній, обвиненій, вырывая «невѣрные звуки» даже со струнъ глубоко-демократической лиры Некрасова. То было время, когда передовая интеллигенція, лишенная «общенароднаго дѣла», шла въ розсыпь и въ разбросъ, уныло дотягивая оставшуюся ей отъ блестящаго періода дѣятельности Писарева пѣсню о «личномъ совершенствованіи молодыхъ русскихъ людей обоего пола» *), между тѣмъ, какъ самъ вождь «мыслящаго пролетаріата» и «трезвыхъ реалистовъ» уже переживалъ новый нравственный кризисъ и, какъ кажется, задумывался надъ безплодностью проповѣди того, если можно такъ выразиться, буржуазно-индивидуалистическаго радикализма, не имѣющаго широкихъ соціальныхъ цѣлей, который характеризуетъ «писаревщину». Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось слышать отъ одного изъ товарищей Писарева по сидѣнію его въ крѣпости разсказъ о попыткѣ знаменитаго популяризатора изложить въ полубеллетристической формѣ содержаніе только что вышедшаго въ то время перваго тома «Капитала». И мой собесѣдникъ передавалъ съ волненіемъ чарующее впечатлѣніе, которое производила на его друга теорія Маркса, неподражаемо переданная Писаревымъ въ «Разговорахъ въ зеленой комнатѣ»,—такъ назывался этотъ этюдъ, недоконченный и, повидимому, уничтоженный самимъ авторомъ въ припадкѣ меланхоліи...

Какъ бы то ни было, активная часть интеллигенціи переживала въ то время тяжелые дни, стараясь выработать соотвѣтствующее общественнымъ задачамъ эпохи міровоззрѣніе, которое бы соединяло въ одно цѣлое мысль и жизнь, требованія строгой науки и проснувшуюся снова безмѣрную жажду жить и умереть за нравственно-соціальный идеалъ. Для выполненія этой задачи надо было связать тогдашнюю работу мысли съ лучшими традиціями «Современника», продѣлать операцію возвращенія къ дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова, но на основаніи увеличившейся и расширившейся потребности къ фактическому знанію, особенно въ области естественныхъ наукъ, которыя были тогда въ такомъ почетѣ среди «мыслящихъ реалистовъ». Эту задачу блистательно разрѣшилъ Н. К. Михайловскій, явившись въ 1869 г. передъ читателями съ совершенно опредѣленной и оригинальной физіономіей писателя, столь же знакомаго съ выводами естествознанія, сколько и съ результатами современныхъ общественныхъ наукъ, столь же

*) Я беру нѣкоторыя выраженія у Н. К. Михайловскаго (т. I, стр. 817—818).

жадно стремившагося къ познанію истины, сколько и къ воплощенію справедливости, словомъ, удачно сочетавшаго требованія развитія личности и служенія общественной солидарности.

Къ этому-то періоду и можно отнести возникновеніе своеобразной и очень замѣчательной «русской соціологической школы», школы субъективизма, которая начинаетъ возбуждать теперь интересъ и на Западѣ, и къ которой тяготѣютъ—правда, на половину безсознательно—выдающіеся мыслители въ родѣ (нынѣ покойнаго) юриста Іеринга и историка Майера. Н. К. Михайловскій раздѣляетъ заслугу и честь быть творцомъ ея наравнѣ съ другимъ русскимъ мыслителемъ. Такъ смотрѣлъ, по крайней мѣрѣ, и самъ этотъ мыслитель, съ которымъ судьба поставила меня въ близкія отношенія и который неоднократно говорилъ мнѣ, что онъ считаетъ Н. К. Михайловскаго хотя и очень родственнымъ по міровоззрѣнію писателемъ, но формулировавшимъ основанія соціологическаго субъетивизма съ другой стороны и совершенно независимо отъ него.

Какъ бы то ни было, міровоззрѣніе Михайловскаго разрѣшало не только въ теоретической области проклятую, мучительную антиномію, надъ которой и у насъ, и на Западѣ «билось столько головъ въ слезахъ», антиномію между категоріей необходимаго и категоріей нравственнаго, между естественнымъ ходомъ вещей и идеаломъ; оно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало и удовлетворяло настроенію и жаждѣ дѣятельности двухъ группъ тогдашней интеллигенціи, составившихъ прогрессивную армію эпохи: «кающихся дворянъ» (великолѣпный терминъ, изобрѣтенный Н. К. Михайловскимъ), вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами или остатками проѣдавшихся выкупныхъ свидѣтельствъ, и «разночинцевъ», составлявшихъ переходъ отъ имущихъ—если не правящихъ—сословій къ великой массѣ трудящихся. До какой степени передовой отрядъ интеллигенціи переживалъ именно такое настроеніе, можно заключить изъ поразительнаго успѣха, который выпалъ приблизительно въ это же время на долю одного небольшого, но замѣчательнаго сочиненія, принадлежащаго перу уже упомянутаго нами родственнаго по духу съ Михайловскимъ автора,—сочиненія, гдѣ говорилось о безконечной «цѣнѣ прогресса», стоившаго столько труда, слезъ и лишеній массамъ, которыя поддерживаютъ зданіе современной цивилизаціи, и о неоплатномъ долгѣ «критически мыслящей личности» передъ этими массами, передъ народомъ, которому можно хоть нѣсколько помочь, лишь перерабатывая въ его интересахъ данныя формы «культуры»...

Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ броженія, тяжелаго нравственнаго кризиса и строжайшаго пересмотра своего умственнаго и нрав-

ственнаго багажа, активная часть интеллигенціи поняла свою историческую роль: къ началу 70-хъ годовъ относится возникновеніе того могучаго движенія, которое лишь во второй половинѣ этого десятилѣтія получитъ названіе «народничества»,— названіе, увы! вскорѣ .захватанное столькими нечистыми руками и сдѣлавшееся въ слѣдующемъ десятилѣтіи знаменемъ реакціонной демагогіи, а еще позже, въ устахъ нашихъ марксистовъ, общей презрительной кличкой для всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ всѣхъ членовъ ихъ символа вѣры. Но начало 70-хъ годовъ было героическимъ періодомъ упомянутаго идейнаго теченія, и кто былъ самомалѣйшей частицей въ его молодыхъ, веселыхъ и брызжущихъ жизнью волнахъ, надъ которыми горѣла яркая радуга идеала, тотъ, навѣрное, скажетъ, что оно являлось наиболѣе реальнымъ и насущнымъ движеніемъ тогдашней русской дѣйствительности. Интересы народа и борьба во имя ихъ съ врагами трудящихся массъ стали общимъ лозунгомъ передовой интеллигенціи. Къ тому времени уже выяснилось, что экономическое положеніе освобожденнаго народа далеко не соотвѣтствуетъ оптимистической картинѣ, которую развертывали передъ своей аудиторіей борзописцы и говоруны умѣренно-либеральнаго лагеря. Надъ сѣрымъ мужицкимъ царствомъ, кромѣ тяготѣвшихъ наслѣдій прошлаго гнета, стали нависать силы новой крѣпи, новой экономической эксплуатаціи. То былъ медовый мѣсяцъ нашего капиталистическаго «первоначальнаго накопленія», устроенія нашей капиталистической храмины съ верховъ, со средствъ перемѣщенія и обмѣна скудно производимыхъ, а то и просто гипотетическихъ продуктовъ: проводились желѣзныя дороги, по большей части не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, но къ вящшей выгодѣ концессіонеровъ; устраивались банки и кредитныя общества, и ходко циркулировали дутыя бумаги разныхъ учрежденій, взывавшихъ къ правительству о воспособленіяхъ; между старымъ и новымъ міромъ народной эксплуатаціи выростало, какъ посредствующее звено, цѣлая туча облѣпившихъ народъ кулаковъ и міроѣдовъ, роль которыхъ заключалась въ накопленіи, путемъ ростовщичества, первыхъ капиталовъ и подготовленіи ихъ къ будущему производству, а пока въ питаніи ими ажіотажа и спекуляціи. То было время, когда даже пресловутые сорокъ-сороковъ славянофильства явственно и оживленно выговаривали: жарь-грабь, жарь-грабь; когда тароватые ораторы воспѣвали на нескончаемыхъ обѣдахъ доблести Поляковыхъ и Губониныхъ; когда сіяніе «мѣднаго таза либерализма» (выраженіе Н. К. Михайловскаго) лишь отражало сіяніе серебрянаго цѣлковика; когда негодующая муза Некрасова иронически взывала къ художнику:

Хочешь быть ты равенъ Фидію,
Антокольскій,—изваяй
„Гарантію“ и „Субсидію“...

Передъ мыслящею частію русскаго общества возставалъ грозный вопросъ: должна-ли Россія среди этого опьяненія буржуазнымъ либерализмомъ упустить единственный въ своемъ родѣ моментъ для того, чтобы рѣшительно сойти съ торнаго пути капиталистической эксплуатаціи, на которомъ она уже стояла одной ногой, и вступить на трудную, но все еще исторически возможную для нея дорогу народнаго производства? И въ дополненіе къ этому «матеріальному» вопросу возникалъ вопросъ «идеологическій»: какую цѣну въ этотъ моментъ для насъ могли имѣть требованія свободы и гражданственности, которыя столь часто повертывались на капиталистическомъ Западѣ противъ трудящагося большинства и на пользу привилегированныхъ классовъ?

Я не берусь здѣсь за разсмотрѣніе того, въ какой степени заднимъ числомъ и на разстояніи чуть не тридцати лѣтъ можно отыскать изъяны въ этихъ вопросахъ. Такъ во всякомъ случаѣ они формулировались въ сознаніи тогдашнихъ дѣятелей прогресса, дѣлая величайшую честь самостоятельности,—не употребляю пошлаго слова «самобытности»,—ихъ мышленія и энергіи ихъ практической дѣятельности.

А теперь разверните статьи Н. К. Михайловскаго, относящіяся къ началу 70-хъ годовъ, и вы увидите, что онъ является именно выразителемъ и обоснователемъ историческихъ идеаловъ тогдашней интеллигенціи; но опять таки съ нѣкоторыми поправками и ограниченіями, указывающими на то, что лично онъ смотрѣлъ шире и дальше, хотя, подъ давленіемъ общаго энтузіазма прогрессивнаго авангарда, и не считалъ удобнымъ, что называется, бить всегда по забралу своихъ же единомышленниковъ, уже завязавшихъ на всемъ фронтѣ борьбу во имя интересовъ народа.

Въ виду того, что изъ лагеря русскихъ марксистовъ раздавались за послѣдніе годы упреки по адресу Н. К. Михайловскаго, какъ фантазера-идеолога, не понимающаго-де значенія матеріальныхъ потребностей, я начну съ слѣдующей цитаты, въ которой мыслитель-публицистъ не только борется противъ заправскихъ идеологовъ, но даетъ одновременно, можно сказать, философію и поэзію матеріальныхъ потребностей, дѣлая ихъ отправнымъ пунктомъ для крупнаго общественнаго переустройства. Итакъ, слушайте, читатель (дѣло идетъ о Ренанѣ и его русскомъ сумбурномъ комментаторѣ, Н. Страховѣ):

Ренанъ самъ не знаетъ, съ чѣмъ онъ борется. Въ числѣ атрибутовъ политическаго матеріализма онъ желаетъ видѣть стремленіе надѣлять всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ. Онъ полагаетъ, и г. Страховъ съ

нимъ соглашается, что здѣсь играетъ главную роль *зависть*. Не говоря уже о томъ, что всѣ желающіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія, желаютъ и равномѣрнаго распредѣленія духовныхъ благъ и наслажденій; не говоря о томъ, что странно называть завистью желаніе снабдить сосѣда тѣмъ, чего у него нѣтъ; не говоря обо всемъ этомъ,- -развѣ желаніе надѣлить всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ не способно составить идеалъ, вызвать высокія чувства, великія мысли? Развѣ, наконецъ, мы не видимъ этого и въ дѣйствительности, хотя бы и въ слабомъ размѣрѣ? *).

Мало того, неоднократно Н. К. Михайловскій развиваетъ и ту мысль, что извѣстная форма удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, опредѣляющая общественное положеніе человѣка, его принадлежность къ той или другой соціальной группѣ, классу, сословію, отражается на его воззрѣніяхъ, его умѣ, его характерѣ. А вѣдь это, согласитесь сами, та самая идея, которую—съ каррикатурными нерѣдко преувеличеніями — развиваютъ сторонники экономическаго матеріализма. Опять таки, извольте прислушать:

...Если для изслѣдователя есть хотя бы малѣйшая выгода въ существованіи того или другого факта, то пріемы естествознанія (замѣтьте, читатель, даже естествознанія, а что ужъ говорить объ общественныхъ наукахъ! Н. К.) всегда готовы къ его услугамъ. Нѣтъ даже надобности, чтобы выгода эта преслѣдовалась совершенно сознательно. Общественное положеніе человѣка всегда подсказываетъ ему рѣшеніе, выгодное если не прямо для него лично, то для той соціальной группы, которой онъ состоитъ членомъ **).

Или еще вотъ:

...Когда извѣстная доктрина, извѣстный строй мысли преломляются въ *общественной средѣ* извѣстнымъ образомъ, то это фактъ соціологическій... Возьмемъ, напр., Геккеля или Спенсера. Это ученѣйшіе люди, вдобавокъ люди, которые въ частностяхъ не прочь щегольнуть демократизмомъ. Но они отстаиваютъ презрѣнную и при томъ ошибочную соціальную доктрину, и ученость ихъ въ этомъ направленіи служитъ только ко вреду общества. Почему они это дѣлаютъ? Потому, что ихъ положеніе въ обществѣ и ихъ обычныя занятія не даютъ имъ нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья. Чѣмъ ученѣе они, тѣмъ хуже, разъ остальныя условія остаются нетронутыми ***).

Совѣтую также читателю просмотрѣть по истинѣ замѣчательную и по мысли, и по разнообразію содержанія, и по формѣ статью Н. К. Михайловскаго, появившуюся въ февралѣ 1874 г. и заключающую въ себѣ, между прочимъ, соціальное объясненіе типовъ людей сороковыхъ годовъ и пришедшаго затѣмъ въ литературу разночинца ****).

---

*) Соч., т. I, стр. 731—732 (статья напечатана въ сентябрѣ 1872 г.).
**) Ibid., стр. 796 (изъ статьи, появившейся въ декабрѣ 1872 г.).
***) Ibid., стр. 805.
****) Т. II., особенно стр. 628 — 639 (нѣсколько раньше на стр. 617 авторъ говоритъ о коренной причинѣ перемѣны мнѣній людьми: „подобнаго коренного факта, коренной причины я всегда склоненъ искать въ соціальныхъ отношеніяхъ".

Вообще же можно сказать, что большинство текущихъ статей нашего мыслителя-публициста въ этотъ періодъ посвящено самому жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, вопросу экономическому. Не разъ и не два, но постоянно, но придираясь къ каждому предлогу, но прибѣгая къ общественно-научной полемикѣ, къ беллетристической критикѣ, Н. К. Михайловскій развиваетъ и положительно и отрицательно «идею труда». Вооруженный этимъ критеріемъ, онъ безстрашно обнажаетъ противорѣчивый характеръ цивилизаціи, неустанно указываетъ на противоположность «націи» и «народа», богатства первой и нищеты второго, пронзая острой иглой критики гордо надутые пустотой пузыри грошоваго либерализма и стяжательнаго славянофильства, пѣвшихъ гимны «національному преуспѣянію отечества». Неоднократно же онъ ставитъ въ различныхъ — одна другой рельефнѣе, одна другой ярче — формахъ проклятый вопросъ о возможности для Россіи сознательно выбирать между двумя путями прогресса, капиталистическимъ и народнымъ. Формулировка этого историческаго распутія не оставляетъ желать ничего лучшаго и не уступаетъ нисколько позднѣйшимъ нашимъ формулировкамъ, когда, умудренные опытомъ и конкретнымъ погруженіемъ въ знаменитый фабричный котелъ для выварки изъ мужика пролетарія, мы, благодаря давленію соціально-политическихъ условій, пошли на выучку къ капитализму. Помните, читатель, хотя бы объясненіе безсилія тогдашней либеральной печати изъ самой чудовищности ея идеаловъ:

Колесо національнаго богатства только-что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики надо отобрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Во-вторыхъ, отобраніе это надо производить сознательно, потому что прислушиваемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа. Въ-третьихъ, отобраніе это должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отобранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе—вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ, какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума *).

Но интересно, что если не прямо, то косвенно, а порою и довольно опредѣленно Н. К. Михайловскій вводилъ уже въ это время элементъ «политики» въ наше міровоззрѣніе, черезчуръ исключительно пропитанное вѣрой въ народную «экономику», ес-

*) Т. I, стр. 837 (изъ статьи отъ января 1873 г.).

тественная игра которой въ нѣдрахъ трудящихся массъ, благодаря—самое бо̀льшее—уясняющемуся или подталкивающему процессу съ нашей стороны, должна была, по нашему мнѣнію, вывести Россію на путь заправскаго народнаго производства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, рисуя двѣ перспективы историческихъ возможностей, раскрывавшихся въ то время передъ Россіей, авторъ говоритъ о «преніяхъ», о борьбѣ между «двумя діаметрально противоположными политическими программами» *). Въ другомъ мѣстѣ онъ ставитъ передъ «публицистами, т. е., значитъ, вообще передъ людьми, желающими сознательно участвовать въ исторической жизни страны, требованіе цѣлесообразно организованной дѣятельности въ пользу народа, дѣятельности, которая не ограничивается одной вѣрой въ народную экономику, но пытается создать благопріятное послѣдней теченіе въ сферѣ государственной политики:

...Представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Преставимъ себѣ, что они не только не провоцируютъ учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что, вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда—отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Что будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? **).

И авторъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что тогда, молъ, будутъ развиваться и производство, и потребленіе, но не въ ущербъ, а благодаря благосостоянію народа. И, однако, въ данномъ случаѣ интересенъ не самъ этотъ отвѣтъ, а тотъ фактъ, что мыслитель-публицистъ видѣлъ въ «государственной помощи», въ организованной дѣятельности на пользу народа надлежащій путь для осуществленія народныхъ идеаловъ въ то время, какъ мы во имя этихъ идеаловъ были, если можно такъ выразиться, рѣшительными «аполитиками». Я не хочу, впрочемъ, перелицовывать Н. К. Михайловскаго начала 70-хъ годовъ въ прямолинейнаго выразителя взглядовъ, къ которымъ лучшая часть русской интеллигенціи придетъ лишь въ самомъ концѣ десятилѣтія. Онъ былъ бы не че-

*) Т. I, стр. 807 (статья отъ декабря 1872 г.).
**) Ibid., стр. 834 (январь 1873 г.).

ловѣкомъ, а ангеломъ или звѣремъ, — простите подвернувшееся мнѣ подъ перо выраженіе Паскаля,—если бы не раздѣлялъ тогда хотя отчасти нашихъ молодыхъ народническихъ иллюзій. Наоборотъ, оцѣнивая съ точки зрѣнія «идеи труда» различныя драгоцѣнныя вещи въ родѣ науки, свободы, Н. К. Михайловскій, подобно всѣмъ намъ, опасался, какъ бы достиженіе этихъ благъ цивилизаціи лишь привилегированными классами и даже пропитанной любовью къ народу интеллигенціей не усилило классового характера цивилизаціи, не увеличило разстояніе между нами и трудящимися массами, не легло лишнимъ гнетомъ на плечи мужика Яркая фраза «пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же»,—фраза, которою въ началѣ 80-хъ годовъ Н. К. Михайловскій характеризуетъ крайнее настроеніе интеллигенціи 70-хъ годовъ и надъ которой начнутъ точить зубы разные пошляки, — эта фраза въ той или иной формѣ являлась однимъ изъ опредѣляющихъ элементовъ нашей дѣятельности въ то, казалось бы, и недавнее и далекое время. Но у самого истолкователя нашихъ думъ и стремленій колючесть этой фразы, жгучесть этого жертвеннаго настроенія завертывалась въ ограниченія, условія и смягченія, которыя рѣшительно дѣлаютъ честь политическому чутью Н. К. Михайловскаго. Я позволю себѣ процитировать одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ его полемики противъ Достоевскаго по поводу «Бѣсовъ» и «Дневника писателя»:

...Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти, и мы его отдать желаемъ. Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли, что она значитъ? Для „общечеловѣка“, для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ! А, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже мечтать объ ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало для нея самой и для себя самого. Вы, значитъ, знаете, что гнать отъ

себя эти мечты, воздерживаться отъ прямыхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія... *)

Итакъ, наше презрѣніе къ общественной «политикѣ» во имя народной «экономики» смягчается у Н. К. Михайловскаго всякій разъ ограниченіемъ, выясненіемъ задачъ момента, вздохомъ искренняго сожалѣнія. Станетъ-ли онъ опредѣлять условія, способствующія у насъ развитію стремленій къ рѣшенію «соціальнаго вопроса», и въ числѣ ихъ онъ не забудетъ указать на то обстоятельство, что

широкая и заманчивая область собственно политическихъ, конституціонныхъ вопросовъ, поглощающая столько литературныхъ силъ въ Европѣ, для насъ заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель, въ тридесятое царство **).

Придется-ли ему констатировать, что

самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помышленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физіономію литературы ***),

онъ тутъ же ставитъ зависимость преобладающей «струны» въ литературѣ «отъ разныхъ обстоятельствъ, опредѣляемыхъ самой жизнію» и не исключаетъ изъ своего разсужденія той гипотезы, что

такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы ****).

Противопоставитъ ли онъ, по поводу извѣстной иронической параллели Успенскаго (въ «Большой совѣсти») между западомъ и Россіей, наши «зародышевыя», безсознательныя добродѣтели яркимъ общественнымъ проявленіемъ добра и зла въ Европѣ, нашу цензуру плутократической европейской, нашего солдатика Кудиныча, который машинально перебилъ на своемъ вѣку много народу, лично очень ему симпатичнаго, версальскому судьѣ, который сознательно пригибаетъ право, чтобы раздавить своего общественнаго врага, коммунара,—и это противопоставленіе нисколько не мѣшаетъ ясной логикѣ и общественному чутью философа-публициста вскрыть недоразумѣніе и предостеречь читателя противъ идеализаціи домашнихъ незлобивыхъ, но и невѣжественныхъ потемокъ:

Дѣло въ томъ, что и Прудонъ, и Вильмесанъ, и фигурирующіе въ „Запискахъ" Успенскаго версальскій неправедный судія и свирѣпый берлинскій по-

*) Т. I, стр. 868—869 (статья отъ февраля 1873 г.).
**) Ibid., стр. 753 (октябрь 1872 г.).
***) Ibid., стр. 838 (январь 1873 г.).
****) Ibid, нѣсколько выше.

бѣдитель,—всѣ эти люди живутъ по совѣсти и шибко живутъ: каково бы ни было дѣло, которому они отдались, но они ему отдались цѣликомъ, совѣстью не болѣютъ, ненавидятъ сильно и сильно любятъ, смѣло заявляютъ, чего они хотятъ, и дѣлаютъ только то, во что вѣрятъ, что хотятъ дѣлать. Въ Европѣ дѣйствуютъ и величіе и подлость, и скромность и наглость, и самоотверженіе и эгоизмъ, и продажность и неподкупность, но каждый шагъ тамъ во всякомъ случаѣ сознателенъ. А у насъ?.. Хорошо, конечно, что Кудинычъ добрый, и не хорошо, что версальскій несправедливый судья—злой. Но хорошо-ли, что Кудинычъ перебилъ ни въ чемъ неповиннаго, съ его, Кудиныча, точки зрѣнія, черкеса? И такъ ли ужъ дурно то, что версальскій судія бьетъ коммунара, который есть въ его глазахъ дикій звѣрь и врагъ человѣческаго рода? Вообще, что лучше, или, пожалуй, что хуже,—врага ли человѣческаго рода бить, или чудеснѣйшаго человѣка, какого другого не сыщешь? *).

Вдумайтесь въ эти разсужденія, въ эту полушутливую, полутрагическую дилемму, и вы подивитесь той смѣлости, съ какою Н. К. Михайловскій сводилъ на очную ставку западную классовую цивилизацію и нашу зародышевую, и чуть-чуть не отдавалъ преимущества первой, отдавалъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ свѣта, опредѣленности и познанія добра и зла, въ то самое время, какъ большинство изъ насъ, въ пику буржуазности запада, черезчуръ подслащивало и подкрашивало соціальную сторону народныхъ русскихъ инстинктовъ.

Но особенно въ срединѣ 70-хъ годовъ Н. К. Михайловскій сослужилъ замѣчательную службу общественному движенію, взявъ надлежащую среднюю ноту между двумя враждебными теченіями, выработавшимися среди народничества. Собственно говоря, эти два теченія существовали и въ періодѣ первоначальнаго молодого энтузіазма, направленнаго въ сторону народа; но на этомъ идейномъ пиру ихъ разница не особенно замѣчалась и по большей части могла объясняться различіемъ въ темпераментахъ. А когда за пиромъ наступило похмѣлье, пора подведенія итоговъ, подсчитыванія успѣховъ и неудачъ, словомъ, критическій періодъ, слѣдующій, какъ полагается по штату, за органическимъ,—о, тогда большія или меньшія различія въ тактикѣ и самая психологія темпераментовъ вылились въ два особыя міровоззрѣнія, объединенныя между собою лишь неизсякавшею струею любви къ народу. Одна часть активной интеллигенціи дѣйствовала во имя «интересовъ» народа, но къ значительной части его «мнѣній» **)—можетъ быть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ традицій, какъ-то общины, артели и т. п.—относилась отрицательно. Она старалась распространять свои основанные на «знаніи» идеалы среди трудящихся массъ и постепенно замѣнить ими мнѣнія этой среды.

*) Т. I, стр. 895—897, passim (мартъ 1873 г.).

**) Терминологія эпохи, слѣдъ которой остался въ тогдашней печати, и которая встрѣчается и въ сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго.

Катясь по наклонной плоскости методическаго распространенія этихъ идеаловъ, она скоро изъ группы общественныхъ дѣятелей превратилась въ группу, такъ сказать, соціальныхъ педагоговъ; перестала удовлетворять жаждѣ дѣятельности наиболѣе живыхъ сторонниковъ, оскудѣла, изсякла и выродилась въ неподвижное доктринерство, съ которымъ долженъ былъ, наконецъ, порвать какъ разъ одинъ изъ главнѣйшихъ иниціаторовъ этого направленія.

Другая часть активной интеллигенціи ставила своей программой дѣятельность не только во имя «интересовъ», но и во имя «мнѣній» народа, беря и тѣ, и другія исходной точкой своего участія въ общественномъ прогрессѣ. Но такъ какъ значительная доля мнѣній, воззрѣній, стремленій народа поражала ее своею неосмысленностью, а порою чудовищностью, то эта горячая и нетерпѣливая интеллигенція принуждена была, для поддержанія своего энтузіазма къ народу въ его цѣломъ, усиленно предаваться процессу идеализаціи народнаго міровоззрѣнія, стараясь, насколько возможно, приблизить его по содержанію и по цвѣту къ своимъ сознательнымъ идеаламъ. Не умышленно, конечно, производилась эта операція растягиванія, расширенія или, наоборотъ, обрубанія и вообще подкрашиванія. Но въ результатѣ пылкая интеллигенція добилась таки совпаденія—въ своей, разумѣется, горячей головѣ и нетерпѣливомъ сердцѣ—своихъ собственныхъ идеаловъ и мнѣній народа, и не только въ сферѣ экономической, но и въ сферахъ философской, общественной и т. п. И чего-чего только мы не идеализировали въ то время: деревенскіе сходы, на которыхъ, молъ, нѣтъ ни подавляющаго большинства, ни подавляемаго меньшинства, а царитъ трогательное единодушіе, до котораго, какъ до звѣзды небесной, далеко всякимъ буржуазнымъ парламентаризмамъ; вольные казацкіе круги, которые въ нашемъ воображеніи охватывали истинно-демократическіе принципы прошедшаго, настоящаго и будущаго и затыкали за поясъ даже «анархію» Прудона; русскій расколъ, приверженцевъ котораго мы цѣликомъ перекрашивали въ нашихъ братьевъ по раціонализму и свободной критикѣ, насчитывая 13 милліоновъ—такъ и говорилось: три-на-дцать милліоновъ!—независимыхъ мыслителей; «трудовое начало», которое, молъ, проникаетъ всю психологію народа,—словомъ, всѣ явленія народной жизни были для насъ предметомъ упоительной фантасмагоріи, заволакивавшей своимъ радужнымъ туманомъ различія между нашими идеалами и народными идолами. Для насъ народъ былъ настоящимъ геніемъ по части соціальнаго творчества; а извѣстно, что

Геній, не учась,
Ученъ, коль придетъ въ восхищенье!..

Не учить, значитъ, должны мы были народъ, а приводить его въ состояніе «восхищенія». И тутъ былъ единственный пунктъ, гдѣ грубая и жесткая дѣйствительность разрывала нашу золотую фантасмагорію и заставляла насъ дѣлать уступки реальному міру. Народъ не приходилъ въ состояніе восхищенія: ему не доставало, — думали мы, — для этого именно лишь иниціативы, «активности». Мы должны были, значитъ, развить въ немъ это чувство активности, помогая ему постоянно «упражняться» въ немъ, создавая предлоги для такого упражненія и вызывая въ немъ сознаніе постоянно ростущей собственной силы. И мы торжественно ссылались на такую-то страницу сочиненій Спенсера, страницу, на которой находили слѣдующую не особенно трансцендентальную мысль: «мускулъ отъ упражненія дѣлается сильнѣе, и въ мышечномъ ощущеніи элементъ усталости играетъ все меньшую и меньшую роль», или что-то въ родѣ этого. Народъ, привыкшій упражнять свою психологію по Спенсеру, сдѣлается, наконецъ, активнымъ дѣятелемъ прогресса и разомъ осуществитъ то «обобществленіе труда», которое на западѣ будетъ вызвано лишь діалектическимъ процессомъ капитализма, — и опять цитата изъ заграничной книги, на сей разъ «Капитала» Маркса...

Пусть читатель не подумаетъ, что я умышленно занимаюсь каррикатурами на прошлое и предаюсь осмѣянію такъ называемыхъ «увлеченій молодости». Во-первыхъ, съ этимъ прошлымъ я связанъ кровными узами глубокой и непоколебимой вѣры въ торжество общечеловѣческой солидарности, и сомнѣнію для меня могутъ подлежать лишь пріемы, лишь тактика дѣятельности, ведущей къ этому торжеству. Во-вторыхъ, не злорадный смѣхъ вызываютъ во мнѣ эти «увлеченія», а — немножко стыдно признаться — неудержимо набѣгающія слезы идейнаго энтузіазма, когда я вспоминаю, какое мужественное сердце билось въ юношеской, почти дѣтской груди моихъ сверстниковъ. Какъ бы то ни было, наши «ученыя» цитаты въ спорахъ о программѣ были, можно сказать, единственною умственною роскошью, которую мы позволяли себѣ въ дѣятельности во имя «интересовъ» и «мнѣній» народа. Въ пику группѣ, названной мною соціальными педагогами, мы очень недовѣрчиво относились къ «наукѣ», и главную роль въ общественномъ прогрессѣ приписывали не «уму», а «чувству» активности. Педантичное и безталанное эхо этого настроенія, этой — какъ бы сказать? — соціологической вѣры, читатель можетъ найти въ тогдашнихъ статьяхъ (въ «Недѣлѣ») Юзова-Каблица, который, благодаря своему преклонному — какъ казалось намъ тогда — возрасту (ему было, кажется, въ то время лѣтъ около 35) и терпѣливому, чисто начетчицкому корпѣнію надъ русскими переводами Спенсера, Милля, Бэна, а также трудолюбивому выписыванію пи-

татъ изъ отечественныхъ сочиненій по расколу, народнымъ движеніямъ и т. п., игралъ среди насъ роль авторитетнаго старшаго брата, совѣтника, руководителя, а главное, печатнаго выразителя нашихъ воззрѣній.

И вотъ между этими-то двумя группами передовой интеллигенціи — сторонниками распространенія знаній и развивателями чувства активности — и сталъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ Н. К. Михайловскій, сталъ, вооруженный настоящею «наукою» и въ то же время понимающій общественное значеніе «чувства», и попытался примирить односторонности обѣихъ направленій, призывая обѣ группы къ болѣе трезвому истолкованію тогдашнихъ задачъ. Въ какой степени была важна эта полоса литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго, видно изъ самой судьбы, постигшей не малую долю приверженцевъ того и другого прогрессивнаго міровоззрѣнія. Большинство руководителей первой группы — за исключеніемъ наиболѣе сильнаго теоретика ея—превратились въ скоромъ времени въ самыхъ заурядныхъ небокоптителей и въ погонѣ за общественнымъ положеніемъ и «жирными говядами» побросали свой прежній умственный и нравственный багажъ. Да и въ средѣ сторонниковъ «активности» неудачи въ области упражненія чувства вызывали порою очень сильное разочарованіе, особенно у слабыхъ душой. Я помню, какъ, послѣ одной такой очень ужъ наглядной и обидной неудачи, одинъ изъ наиболѣе пылкихъ партизановъ «чувства» — изящная, артистическая, но кисельная натура — изобразилъ свое настроеніе въ красивомъ, но крайне уныломъ и по существу фальшивомъ стихотвореніи:

Были дни у насъ шумные, бурные,
Звуки чудные всюду неслись,—
Колыхаясь, знамена мишурныя
Надъ ребячьей толпою взвились...
И иного не слышалось голоса,
И другихъ не кричалося словъ:
„Въ Днѣпръ Перуна, Стрибога и Волоса,
Въ воду старыхъ, отжившихъ боговъ!..
. . . . . .
Но на мѣсто разбитаго идола
Не пришелъ воскрешающій Богъ...

Съ другой стороны, я попрошу читателя припомнить, что тотъ самый Юзовъ-Каблицъ, который во второй половинѣ 70-хъ годовъ вырабатывалъ свое мозаичное, но очень буйное соціологическое міровоззрѣніе, скоро передвинулся съ своей идеализаціей народа такъ далеко вправо, что въ 80-хъ годахъ, самъ того не замѣчая, очутился среди народничествующей демагогіи. Вотъ какіе подводные камни лежали, и не особенно глубоко, въ руслѣ того

теченія, которое сливало въ одно «интересы» и «мнѣнія» народа, и во имя яко бы безошибочнаго соціальнаго инстинкта, во имя «упражненія чувства» пренебрегало «умомъ» и «критическою мыслію».

Первою по времени выработалась идеализація народа, и въ русской печати едва-ли не первымъ явственнымъ выраженіемъ ея,—выраженіемъ, которое было бы несправедливо смѣшивать съ простымъ славянофильствомъ,—явилась «Недѣля» и именно въ статьяхъ П. Ч. во второй половинѣ 1875 г. Самъ П. Ч.,—если не ошибаюсь, очень почтенный и очень хорошій земецъ изъ молодыхъ, — былъ чуждъ воинственныхъ элементовъ міровоззрѣнія той интеллигенціи, которая шла въ сторону упражненія чувства и уже стала вырабатывать въ эту пору соотвѣтствующую доктрину. Но съ П. Ч. упомянутую интеллигенцію сближали принятіе къ свѣдѣнію и исполненію не только интересовъ, но и мнѣній народа и рѣшительное предпочтеніе деревни городу. И, однако, именно противъ этой огульной идеализаціи, горѣвшей яркимъ пламенемъ въ душѣ наиболѣе передовой интеллигенціи того времени, не побоялся возстать Н. К. Михайловскій, обращаясь черезъ голову П. Ч. къ молодой, энергичной и страстной, но увлеченной на скользкій путь аудиторіи. Вспомните горячія строки, съ которыми къ намъ обращался философъ-публицистъ и которыя въ извѣстной части авангарда движенія вызывали временно не только разочарованіе въ любимомъ писателѣ, но прямой гнѣвъ, чуть не идейную ненависть къ предостерегавшему:

Можетъ быть, г. П. Ч., основательно изучивъ „русскую жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями", убѣдился, что она не выражаетъ ничего иного, какъ принципъ солидарности и нравственной связи? Въ такомъ случаѣ ему жить просто, и я ему глубоко завидую, какъ вообще ученымъ людямъ. Я—профанъ и тутъ. У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я всетаки сказалъ бы, по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже истины и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я всетаки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ *).

Припомните также ту многозначительную программу, которую

*) Т. III, стр. 692 („Записки профана", декабрь, 1875 г.).

Н. К. Михайловскій противопоставлялъ нашему крайнему народничеству:

Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы искренно и честно, признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что дѣйствительно этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей. О, если бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же народа! О, если бы и вы всѣ читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи *)..

Минуя рядъ статей, въ которыхъ въ теченіе цѣлаго 1876 г. Н. К. Михайловскій боролся съ идеализаціей деревни и «провинціи», нравственнаго элемента и соціальнаго «чувства», доставшагося яко бы на долю чуть не одного только мужика, я перехожу къ той группѣ статей 1877—1878 гг., которая была направлена противъ односторонности міровоззрѣнія, основаннаго исключительно на упражненіи активности и которая возбудила опять таки рѣзкое неудовольствіе какъ среди крайнихъ выразителей этого теченія, такъ и среди умиравшей уже фракціи соціальныхъ педагоговъ,— тамъ и здѣсь по совершенно противоположнымъ, конечно, причинамъ. Скромное и слегка маниловствующее «чувство» П. Ч. превратилось въ буйное и воинственное «чувство» Юзова и противопоставило себя «уму» не только какъ тактическій пріемъ, но и какъ исключительный источникъ общественнаго міровоззрѣнія. И вотъ, когда Н. К. Михайловскій рѣшилъ поднять противъ этой односторонности знамя цѣльнаго двуединаго человѣка, вооруженнаго нравственнымъ стремленіемъ къ добру, но и критической оцѣнкой этого добра, съ крайнихъ крыльевъ передовой интеллигенціи на него попыпались упреки противоположнаго характера: сторонники активности негодовали за то, что онъ недостаточно сокрушилъ «умъ» во славу «чувства»; соціальные педагоги укоряли, наоборотъ, мыслителя за то, что онъ призналъ правомѣрность чувства на ряду съ умомъ.

Я разумѣю, во-первыхъ, его страстно читавшіяся «Письма о правдѣ и неправдѣ», гдѣ онъ призывалъ насъ къ одновременному служенію правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, и гдѣ онъ выставилъ верховнымъ критеріемъ идейной жизни и дѣятельности

*) Т. III, стр. 707.

очень важный для того историческаго момента принципъ «личности». Помните его очень смѣлыя по тому времени строки, въ которыхъ онъ, вмѣсто того, чтобы строить себѣ народническаго идола изъ общины,—а вѣдь его недавно упрекали въ этомъ марксисты, вылупившіеся изъ запамятовавшихъ народниковъ,—вмѣсто того, говорю я, чтобы растекаться вмѣстѣ съ нами въ безусловномъ умиленіи передъ общиной, развивалъ слѣдующую мысль:

Сторонники общины, по крайней мѣрѣ благоразумные, не дѣлали себѣ, однако, изъ нея фетиша, передъ которымъ надо лбы разбивать. Они не говорили, что община дорога, потому что она—община. Они видѣли въ ней надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка. Правда была на ихъ сторонѣ, потому что съ распущеніемъ общины, если не явится какой-нибудь противовѣсъ со стороны, у насъ долженъ повториться процессъ европейскаго экономическаго развитія, а тамъ, какъ мы видѣли, личность вовсе не торжествуетъ *).

Вспомните далѣе еще болѣе широкую постановку имъ упомянутаго принципа личности, какъ пробнаго, такъ сказать, камня при опредѣленіи годности различныхъ формъ общественной организаціи,—что опять таки имѣло очень большое значеніе для насъ, препиравшихся въ то время объ абсолютахъ «федерализма», «централизаціи» и т. п.:

...Мѣриломъ достоинства всякаго союза-партіи, кружка, семьи, націи и проч.—долженъ служить интересъ личности... Значитъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а—личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза **).

Но въ особенности я обращу вниманіе читателя на полемику Н. К. Михайловскаго противъ уже упомянутыхъ крайностей направленія сторонниковъ активности и въ частности противъ статей Юзова «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» и т. п. Теперь весь этотъ споръ можетъ показаться академическимъ; но тогда Юзовъ выговаривалъ суконнымъ языкомъ лишь то, что кипѣло и бурлило въ нашемъ молодомъ сердцѣ, во имя чего мы хотѣли жить и умирать. Какое намъ дѣло было до того, что нашъ адвокатъ не блисталъ талантомъ и завертывалъ въ безконечныя, до комичности точныя цитаты наше міровоззрѣніе, разъ онъ провозглашалъ главный членъ нашего тогдашняго символа вѣры, неизмѣримое преимущество «дѣла» и «примѣра» надъ «словами» и «книжкой»! «Не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и

*) Т. IV, стр. 452 (январь 1878 г.).
**) Ibid., стр. 460.

усиливаютъ это чувство»—выговаривалъ суконный языкъ Юзова, и мы готовы были прижать къ сердцу нашего истолкователя, который проводитъ въ печати - замѣтьте, «печати»!—наше практическое міровоззрѣніе. Можете себѣ представить, какимъ негодованіемъ пылали наши сердца на любимаго—да, всетаки на любимаго писателя (о, тайна юношескаго, сотканнаго изъ противорѣчій энтузіазма!) на писателя, говорю я, который обливалъ насъ ушатомъ холодной воды и обидно-презрительно отзывался объ упражненіяхъ Юзова, стараясь въ то же время присоединить къ нашимъ парусамъ «чувства» и необходимый грузъ «ума»:

Читатель можетъ сказать, что статья „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса" совсѣмъ не требовала столь длиннаго объ ней разговора. Это отчасти—правда, но только отчасти. Не въ самой статьѣ тутъ дѣло, а въ читателяхъ, въ тѣхъ особенностяхъ нашего темперамента, о которыхъ рѣчь шла выше. Если авторъ перегибаетъ лукъ въ извѣстную сторону, то читатели, при извѣстныхъ условіяхъ, перегибаютъ его еще сильнѣе. Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, „голову", „книжку"—отнюдь не приходится. Это совсѣмъ не такіе предметы, которые не могутъ ужиться рядомъ. Тяжба между умомъ и чувствомъ безобразна и не имѣетъ рѣшительно никакого raison d'être *).

Я лишь мимоходомъ упомяну, что конецъ этой статьи былъ посвященъ защитѣ Иванова (Успенскаго), который усмотрѣлъ изъяны въ нашемъ идолѣ-мужикѣ, при чемъ Н. К. Михайловскій доказывалъ, что тутъ дѣло не въ самомъ «мужикѣ», а въ «пагубныхъ условіяхъ»... Это я къ слову и въ назиданіе читателямъ, которые въ послѣдніе годы могли присутствовать при перелицовываніи нашего автора въ типичнаго народника.

И снова, скрипя и лязгая, развертывается желѣзная цѣпь исторической необходимости, и новыя звенья ея проходятъ передъ глазами и приковываютъ вниманіе и сердце участниковъ въ русскомъ прогрессѣ. На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ это и трагически-печальное и хорошее время, все общество какъ будто просыпается, и было отчего: герцеговинское возстаніе, а затѣмъ освободительная война, стоившая столькихъ жертвъ и приведенная къ болѣе или менѣе благополучному концу цѣною очень значительныхъ усилій; безстыдная эпопея хищенія, продѣланная нашими рыцарями первоначальнаго накопленія и тепличнаго производства, такъ сказать, въ самомъ пылу борьбы, по пятамъ, а то и внутри арміи, служившей экспериментомъ для грандіозныхъ продѣлокъ подрядчиковъ, поставщиковъ, интендантовъ, желѣзнодорожниковъ;

*) Т. IV., стр. 545—546 (апрѣль 1878 г.).

явные признаки истощенія платежныхъ силъ народа въ особенности въ связи съ введеніемъ новыхъ, вызванныхъ войною налоговъ; рядъ политическихъ процессовъ,—все это создавало нервную, насыщенную электричествомъ атмосферу, въ которой барометръ общественной жизни, отражая вліяніе надвигавшихся и удалявшихся грозъ, неистово прыгалъ, то вверхъ, то внизъ, и разные авгуры въ обществѣ и печати старались тщетно предугадать завтрашнюю погоду...

Всѣхъ чутче отражала на себѣ, по обыкновенію, задачи современности передовая интеллигенція, которая принуждена была подъ давленіемъ обстоятельствъ значительно видоизмѣнить и расширить свое міровоззрѣніе. Ея идеализація народа сильно поколебалась. Присматриваясь къ деревенской дѣйствительности, она видѣла, что усердно насаждавшійся послѣ крестьянской реформы капитализмъ уже дѣлалъ свое дѣло, и, перелистывая наивныя и горячія статьи этой эпохи, читатель встрѣтитъ въ иныхъ изъ нихъ довольно интересную амальгаму народничества и ма ксизма,—констатированіе разложенія общины и одновременное приглашеніе бороться во имя интересовъ народа, опираясь отчасти и на зарождающагося пролетарія.

Съ другой стороны, наиболѣе активная часть интеллигенціи, сознательно обрекавшая себя въ теченіе 70-хъ годовъ на жертву народной «экономіи», не могла, наконецъ, не убѣдиться, что даже во имя этой экономики она должна была внести въ свою программу и одновременное преслѣдованіе задачъ гражданственности или, выражаясь возвышенно, «политики», какъ общественныхъ условій или какъ общей арены, въ широкихъ барьерахъ которой могли бы заявлять о своей правомѣрности не только земельные идеалы народа, но и всяческія проявленія народной души, энергіи, чувства, воли... Въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ готовы были и въ эту пору раствориться въ народѣ съ «свѣточемъ истины и идеала» въ рукахъ; но что было дѣлать, когда бури и ливни гасили этотъ свѣточъ и надо было охранить его ровный, теплый и нелицепріятный свѣтъ? Поневолѣ вопросъ становился не только народнымъ, а и общественнымъ, можно сказать, общечеловѣческимъ вопросомъ русскихъ людей. Центръ тяжести временно переносился изъ деревни въ городъ; и авангарду интеллигенціи приходилось брать на себя не только роль искренняго защитника народа, но и ускорителя, упредителя естественнаго развитія русской цивилизаціи. Снова, со времени отмѣны крѣпостного права, передъ всѣми хорошими русскими людьми ставился общенародный великій вопросъ, на почвѣ котораго могли временно сойтись люди различныхъ направленій, за исключеніемъ, конечно, прямыхъ наслѣдниковъ крѣпостническаго міровоззрѣнія. И въ первыхъ рядахъ

новой освободительной арміи естественно должна была очутиться та часть интеллигенціи, которая всегда отличалась способностью приносить историческія жертвы и которая цѣлое десятилѣтіе подавляла свои естественныя стремленія къ широкой гражданственности во имя сѣраго, трудомъ и лишеніями жившаго, но кровно дорогого ей народа. И какимъ блестящимъ выраженіемъ и объясненіемъ перелома въ нашемъ міровоззрѣніи были огнемъ писанныя въ то время статьи Н. К. Михайловскаго! Перечитайте хоть нѣкоторые отрывки ихъ: неизмѣримо лучше, чѣмъ могу это сдѣлать я, они передаютъ и обосновываютъ новую историческую программу, выводя ее изъ недостатковъ прошлой:

Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя... „Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“ — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства... Та теоретическая возможность, въ которую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ... и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ“ (выраженіе Достоевскаго, съ которымъ здѣсь, между прочимъ, полемизируетъ Н. К. Михайловскій) рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться. Грубѣе, разумѣется, у насъ все это выходитъ, наглѣе, безформеннѣе, но, спрашивается, какого добраго почина не задавитъ всемогущій братскій союзъ, пока мы только себя въ себѣ искать будемъ? Пусть-ка г. Достоевскій попробуетъ, ну хоть въ сельскіе учителя поступить, да тамъ поговорить, напр., о томъ, что, дескать, „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ человѣчествомъ, какъ рабомъ“. Пусть попробуетъ въ этомъ направленіи поработать на родной нивѣ, а мы посмотримъ, въ какомъ видѣ онъ оттуда выскочитъ. Вотъ о себѣ, въ себѣ, надъ собой, это точно что вездѣ и всегда можно, на виду у всякаго союза, потому что это союзу на руку... Въ отношеніи аппетита, наглости и фактическаго могущества, нашъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ. И какъ же, значитъ, запоздалъ

г. Достоевскій и комп. съ своимъ хихиканьемъ надъ западомъ! Вотъ, если бы онъ протестовалъ тогда, когда нашъ союзъ только еще слагался—то другое дѣло, а онъ хладнокровно присутствовалъ при снятіи головы и теперь плачетъ по волосамъ... Ахъ, господа, дѣло, въ сущности, очень просто. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій. Какія это будутъ гарантіи—европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь-ли"—не все-ли это равно, лишь бы онѣ были гарантіями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно *).

Такъ само историческое развитіе Россіи сближало разорванныя половины одного великаго цѣлаго, «экономику» и «политику», соединявшіяся въ живое и могучее тѣло общественнаго прогресса; и въ печати, по крайней мѣрѣ, роль главнаго объединителя родственныхъ, но враждовавшихъ стремленій принадлежала Н. К. Михайловскому...

Катастрофа 1-го марта 1881 г., отразившись и преломившись въ нашей киселеобразной средѣ, легла трагическою гранью между начавшимся было здоровымъ общерусскимъ движеніемъ и рефлективными, чаще всего попятными, а то разрозненными и въ лучшемъ случаѣ односторонними попытками послѣдующихъ десятилѣтій. Прежде всего, надъ страной пронесся ураганъ общественной реакціи: общество и печать, потерявъ въ моментъ бури и компасъ, и грузъ общерусскаго дѣла, и чувство самообладанія, побросавъ въ одинъ мѣшокъ и больныя, и здоровыя головы, самообвиняли, самозащищали, самоуничтожали себя, приготовляя для самихъ же себя власяницу и неудобоносимыя вериги. Въ ночи, наступившей за потерей яснаго сознанія въ обществѣ, царили безраздѣльно фантасмагоріи, ходили призраки болѣзненнаго воображенія и чудовищныя созданія страха и ненависти. А скоро, на почвѣ, подготовленной галлюцинаціями, появились и настоящіе выходцы съ того свѣта: тѣ самые злые колдуны и вампиры, которыхъ само общество всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похоронило, казалось, безвозвратно, вбивъ въ ихъ ненавистническое сердце осиновый колъ, выходили изъ своихъ гробовъ, съ необсохшей еще исторической кровью на губахъ и требовали свѣжей горячей крови и новыхъ молодыхъ жизней. Проснулись въ развалинахъ дореформенныхъ храминъ сычи и нетопыри, тяжело ширяя крыльями; пришелъ и пресловутый страшный «Вій» изъ «Московскихъ Вѣдомостей» (великолѣпное выра-

*) Т. IV, стр. 952, 957—958, passim („Литературныя замѣтки" отъ сентября 1880 г.).

женіе, которымъ Н. К. Михайловскій заклеймилъ Каткова), пришелъ и показалъ своимъ желѣзнымъ пальцемъ на всю Россію. И произошло то, что мы читали съ замирающимъ сердцемъ у Гоголя, не дойдя лишь до освободительнаго пѣнія пѣтуха...

Въ эту-то тяжелую ночь Н. К. Михайловскій стоялъ, какъ отважный левъ, на посту цивилизаціи, защищая грудью самоубивавшееся общество и нашу сѣрую, какъ заяцъ, и какъ заяцъ-же трусливую печать противъ шакаловъ, псовъ и ядовитыхъ змѣй, — стоялъ, презирая и волчьи пасти, и обезьяньи гримасы, и ослиныя копыта. Нельзя читать безъ волненія эти то негодующія, то саркастическія, то исполненныя глубокой печали статьи, въ которыхъ свѣтлая мысль и гражданское мужество философа-публициста тщетно боролись противъ хаотическаго смѣшенія понятій и возмутительнѣйшей исторической подтасовки, продѣлываемой общественными шулерами на спинѣ народа, но яко бы во имя интересовъ его. То была, дѣйствительно, пора разсвѣта народничествующей демагогіи, которая, каррикатурно исказивъ наслѣдіе 70-хъ годовъ, «высаживала днище» у цивилизаціи во имя будтобы истинныхъ идеаловъ мужика. Я напоминаю лишь ожесточенную полемику, завязавшуюся въ литературѣ по поводу опредѣленія слова «интиллигенція» и имѣвшую, вопреки своему на первый взглядъ схоластическому характеру, глубоко жизненный, исторический и, если хотите, трагическій смыслъ. Шулерамъ-демагогамъ надо было, дѣйствительно, во что-бы то ни стало, выдать передовую часть интеллигенціи за злѣйшаго врага русскаго народа и, раздавивъ ее во имя этого народа, расправиться затѣмъ съ послѣднимъ уже по своему, не смущаясь отнынѣ предостереженіями и негодующими криками авангарда прогрессивной арміи.

Споръ о значеніи слова «интиллигенція» былъ, такимъ образомъ, въ сущности, отраженіемъ въ литературѣ жизненной борьбы между истинными друзьями народа и рядившимися въ маску народолюбія господами его и эксплуататорами. Слишкомъ извѣстны перепитіи этой полемики и слишкомъ памятна роль въ ней Н. К. Михайловскаго, чтобы я могъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ литературной дѣятельности нашего автора. Я напомню лишь кой-какія мысли одной изъ самыхъ многозначительныхъ статей его:

... Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому-что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой: слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ... Русской интеллигенціи стыдно и должно быть стыдно идти нога въ ногу съ буржуазіей, потому что ей, этой интеллигенціи, извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно европейской... Мы не можемъ призвать къ себѣ буржуазію

не то что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности... Въ противность той дружбѣ интересовъ, какая существовала одно время въ Европѣ между интеллигенціей и буржуазіей, наша интеллигенція съ буржуазіей дружить не можетъ. Но можетъ-ли, въ свою очередь, *наша* буржуазія дружить съ интеллигенціей? Тоже нѣтъ. Интеллигенціи, по самой ея сущности, нужна свобода мысли и слова... А между тѣмъ буржуазіи нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сопредѣльныя съ ними... Нашъ капитализмъ въ настоящую минуту нуждается не въ свободѣ, а напротивъ, въ привилегіи, покровительствѣ, регламентаціи, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А, не нуждаясь въ свободѣ вообще, онъ всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова *).

Возвращаясь еще разъ къ жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, Н. К. Михайловскій ставитъ такъ дилемму внутренней «политики»:

Русская интеллигенція и русская буржуазія не одно и то же и до извѣстной степени даже враждебны и должны быть враждебны другъ другу; предоставьте русской интеллигенціи свободу слова и мысли—и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія—и народъ будетъ навѣрное съѣденъ **)...

Читатель схватитъ сейчасъ-же центръ аргументаціи этихъ по необходимости отрывочныхъ мыслей, заключенныхъ въ отрывочныхъ цитатахъ, если не упуститъ изъ вниманія, что, въ сущности, подъ интеллигенціей здѣсь разумѣется не группа ученыхъ мандариновъ, измѣряющихъ свою умственность количествомъ полученныхъ оффиціальныхъ дипломовъ, и даже не просто такъ называемые культурные люди, могущіе членораздѣльно выражать нечленораздѣльное урчаніе утробы различныхъ привилегированныхъ классовъ, но то все, ростущее по мѣрѣ прогресса, ядро служителей убѣжденія, значеніе котораго постоянно увеличивается среди современнаго общества. Въ тотъ моментъ, когда Н. К. Михайловскій писалъ упомянутыя строки, этимъ ядромъ являлся авангардъ русской прогрессивной арміи, прочно объединившій въ своемъ міровоззрѣніи народную «экономику» и общерусскую «политику»...

И потянулись надъ русскимъ обществомъ сѣрые, нескончаемые дни прозябанія, дни

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

*) Т. V, стр. 538—544, passim („Записки современника“ отъ декабря 1881 г.).

**) Ibid., стр. 566 (январь 1882 г.).

Приходилось вооружиться героизмомъ терпѣнія и, когда болотные огоньки мнимо-народной политики завели пятившуюся назадъ страну въ трясину возобновлявшагося крѣпостничества, вести скучную, но необходимую борьбу за каждый маленькій клочекъ остававшейся еще подъ ногами твердой почвы, отстаивать по самомалѣйшему поводу интересы мысли и развитія, снова и снова возвращаться къ запамятованнымъ рѣшеніямъ общественныхъ задачъ, снова и снова повторять «забытыя слова». Такова была въ 80-хъ годахъ роль Н. К. Михайловскаго, которому пришлось перемѣнить тяжелую палицу на простую азбучную указку и повторять зады короткопамятнымъ ученикамъ. Послѣ одной изъ попытокъ напоминанія «забытыхъ словъ»—на этотъ разъ «совѣсти» и «чести»,—философъ-публицистъ превращается въ «посторонняго», письма котораго свидѣтельствуютъ, не смотря на забавно-контрастирующій съ ними характеръ литературнаго псевдонима, о живѣйшемъ, о кровномъ интересѣ писавшаго ко всѣмъ задачамъ тогдашней современности.

Обычная чуткость и обычная дальновидность Н. К. Михайловскаго ставятъ порою и на этотъ разъ его взгляды не то что въ прямое противорѣчіе, а въ самостоятельную позицію по отношенію къ господствующимъ воззрѣніямъ передовой интеллигенціи. Я разумѣю хотя-бы очень интересную оцѣнку Н. К. Михайловскимъ выводовъ, заключенныхъ въ извѣстной книгѣ г. В. В. Большинство изъ насъ слишкомъ безусловно принимало всѣ заключенія этого умнаго и оригинальнаго, но односторонняго писателя. Дѣйствительно, автору «Судебъ капитализма въ Россіи» принадлежитъ честь чуть-ли не самой самостоятельной попытки рѣшить вопросъ объ экономической будущности Россіи, исходя изъ анализа экономическихъ-же условій ея. Но иронія исторіи было угодно, чтобы въ тотъ самый моментъ, когда его взгляды пользовались среди насъ наибольшею популярностью, факты и цифры, заключенныя въ его книгѣ и послѣдующихъ статьяхъ и по необходимости передававшіе положеніе вещей, бывшее нѣсколько лѣтъ назадъ, стали отставать отъ дѣйствительности, которая именно въ эту пору начала обнаруживать, наконецъ, могущественное вліяніе «политики» на «экономику». Субсидіи и гарантіи произвели, наконецъ, свое дѣйствіе, и тепличное растеніе капитализма, поливаемое въ оградѣ покровительственныхъ тарифовъ золотымъ дождемъ всяческихъ воспособленій, отнынѣ могло быть пересажено на болѣе или менѣе вольный воздухъ, подъ болѣе или менѣе открытое небо и здѣсь расцвѣсти и войти въ силу, хотя-бы спорадически и лишь въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности.

Какъ бы то ни было, забывая именно тѣсное взаимодѣйствіе

между политикой и экономикой, и могущественное вліяніе первой на вторую въ эту эпоху, мы черезчуръ вѣрили въ невозможность развитія русскаго капитализма. Но посмотрите, какія ограниченія уже въ первой половинѣ 80-хъ годовъ вносилъ Н. К. Михайловскій въ эту абсолютную теорію и съ какимъ мастерствомъ онъ изъ самыхъ выводовъ г. В. В. извлекалъ дополняющія ихъ возраженія. Я не могу, къ сожалѣнію, входить въ подробности и отсылаю читателя къ самой статьѣ Н. К. Михайловскаго, изъ которой я позволю себѣ сдѣлать лишь слѣдующія, по необходимости отрывочныя выдержки:

...Вотъ, значитъ, въ чемъ дѣло. У насъ, значитъ, возможно въ обширныхъ размѣрахъ и уже практикуется: во-первыхъ, отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя; возможно то, что сейчасъ казалось невозможнымъ—законченныя формы капитализма; только онѣ безсильны охватить все производство страны. Этого онѣ не могутъ. Ну, а въ Европѣ могутъ? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, тоже не могли... Для истиннаго пониманія его (г. В. В.) оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'être; для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть въ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ. Безъ сомнѣнія, нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ удобствомъ выбирать характеры своей экономической политики. Но положеніе о невозможности, химеричности нашего капитализма надо понимать съ тѣми ограниченіями, которыя я сейчасъ заимствовалъ у самого г. В. В.: эта невозможность далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью *).

Послѣдующіе годы показали проницательность и дальновидность этихъ дополняющихъ и ограничивающихъ возраженій: именно въ то самое время, какъ шулера народничествующей демагогіи старались отводить глаза публики криками и изліяніями любви къ народу, къ нему, доброму, вѣрному, трудолюбивому и, на подобіе карасей, въ свою очередь, «любящему» быть подаваемымъ на столъ господамъ подъ соусомъ изъ сметаны,—именно въ это самое время практиковалась система самаго послѣдовательнаго водворенія капитализма; интересы фабрикантовъ и заводчиковъ становились центромъ національнаго производства; все выше и выше поднимались стѣны охранительныхъ «раціональныхъ» — о, иронія названія!— тарифовъ; и изъ «зачаточнаго состоянія» капиталъ быстро переходилъ въ состояніе жизнеспособнаго, жаднаго, прожорливаго чудовища, которое и здѣсь, и тамъ впустило свои цѣпкіе присоски

*) Т. V, стр. 781—782 (іюль 1883 г.).

въ тѣло труда и принялось его «организовать» по своему, вознаграждая интенсивностью выкачиванія прибавочной стоимости спорадичность этого процесса.

Но эти годы «здравой, быстрой и истинно-русской» политики... капиталистовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ—и отчасти по тому самому—годами отсутствія всякой настоящей политики, если разумѣть подъ этимъ словомъ то, что разумѣлъ подъ нимъ старикъ Аристотель а именно—общеніе людей, имѣющее цѣлью удовлетвореніе коллективной потребности «жить и хорошо жить» (τὸ ζῆν καί τὸ εὖ ζῆν). Общественная реакція, обнаруживая поразительную слабость положительной мысли, занималась жалкимъ подогрѣваніемъ остатковъ и отбросовъ крѣпостнической кухни. Съ количественнымъ, а главное качественнымъ ослабленіемъ передовой интеллигенціи, мѣсто здоровыхъ соціальныхъ стремленій заняли болѣзненные личные идеалы не связанныхъ ничѣмъ между собою людей, уныло или комично-самоувѣренно бредшихъ куда попало. Ренегаты, измѣнившіе своему прошлому ради пироговъ, спокойной жизни и дѣтишекъ, нуждавшихся въ молочишкѣ, не ограничивались ролью Ивановъ не помнящихъ родства, но еще требовали себѣ почета, уваженія и прочихъ «вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній», требовали именно за это самое запамятованіе и за каждый плевокъ въ своихъ бывшихъ, живыхъ и мертвыхъ товарищей. Порядочные слабые люди и просто непорядочная шушера занялись различными операціями «надъ собой, о себѣ, въ себѣ», какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскій охарактеризовалъ дѣятельность Достоевскаго. Г. Минскій хоронилъ «при свѣтѣ совѣсти» свой недавно еще свѣжій, гуманный и симпатичный талантъ и, въ потугахъ полуторавершковаго титанизма, гримасничалъ, мололъ и мэонилъ Богъ знаетъ что; г. Волынскій, стоя передъ зеркаломъ своего самомнѣнія, усердно трепанировалъ собственную голову и безъ всякой жалости—къ читателямъ - «обнажалъ» тамъ «новыя мозговыя линіи» и «новыя душевныя складки»; гг. Дистерло и Единицы—взяли на себя подрядъ поставлять «новыя слова»; добросовѣстные, но измельчавшіе, выродившіеся «народники» 80-хъ годовъ приставали къ Н. К. Михайловскому съ микроскопическими недоумѣніями и вопросиками, какъ же, наконецъ, имъ быть «съ интересами» и «мнѣніями» народа; гг. Ясинскіе, не довольствуясь своими беллетристическими лаврами, въ значительной мѣрѣ подтибренными у французскихъ натуралистовъ, закладывали основаніе той претенціозной эстетической галиматьѣ, которая должна была расцвѣсти и принести свой плодъ въ 90-хъ годахъ...

И соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей,—

Ну, соловей, не соловей, а цѣлый хоръ поэтиковъ и виршеплетовъ, пѣвшихъ, впрочемъ, хуже не только Щербины, но и обыкновеннаго соловья...

И на всю эту пустопорожнюю, самоувѣренную, лишенную настоящихъ идей и просто здраваго смысла дребедень долженъ былъ критически откликаться Н. К. Михайловскій, пытаясь сохранить душу живу у своихъ читателей и довести ихъ людьми среди тяжелаго путешествія сквозь бурю и мракъ реакціонной ночи въ направленіи къ солнцу общечеловѣческаго идеала. И если невольная гордость охватываетъ душу единомышленниковъ Н. К. Михайловскаго, когда они оглядываются на героическую кампанію, веденную имъ противъ могущественныхъ и безстыдныхъ враговъ съ конца 60-хъ и до половины 80-хъ годовъ, то горячая идейная любовь къ философу-публицисту загорается въ сердцѣ этихъ людей, когда они ясно отдаютъ себѣ отчетъ, какую бездну терпѣнія и самоотверженной преданности правдѣ обнаружилъ Н. К. Михайловскій во второй, трижды ненавистной половинѣ 80-хъ годовъ, когда крупная идейная борьба должна была по необходимости размѣняться на рядъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, съ безчисленными мелкими, зачастую даже не вѣдающими, что́ творятъ, противниками.

Вотъ ужъ, можно сказать, было время, когда другой даже менѣе крупный, но болѣе эгоистичный, чѣмъ Н. К. Михайловскій, писатель ушелъ бы въ область чисто теоретическаго мышленія и внѣшней чисто литературной обработки своего міровоззрѣнія. Заманчива была эта задача и легокъ былъ этотъ трудъ: роль мыслителя ограничивалась лишь чисто формальнымъ сведеніемъ воедино его столь цѣльнаго и такъ давно выработаннаго въ общихъ чертахъ міросозерцанія. Въ эту никчемную пору Н. К. Михайловскій могъ бы, несомнѣнно, «заново написать книгу», о которой онъ говоритъ въ уже цитированномъ мною отвѣтѣ сердитому, но слабосильному критику; и лично его научная репутація ужасно выиграла бы. Говорю это такъ, обращая вниманіе читателей на то обстоятельство, что очень многіе изъ насъ до сихъ поръ чрезчуръ увлекаются внѣшнимъ, порою лишь голо-формальнымъ и педантическимъ распредѣленіемъ элементовъ данной системы по томамъ, книгамъ, главамъ, параграфамъ, подпараграфамъ и разсыпающимся въ пыль микроскопическимъ рубрикамъ. И, однако, и на этотъ разъ, Н. К. Михайловскій устоялъ передъ эгоистическимъ искушеніемъ составить себѣ репутацію записного ученаго и у многочисленыхъ, если не читателей, то писателей объемистыхъ и симметрично расчлененныхъ трудовъ. Дѣло въ томъ, что въ это время дѣйствительность подтверждала все болѣе и болѣе опасеніе, выраженное Н. К. Михайловскимъ еще въ самомъ на-

чалѣ общественной реакціи: «вша заѣстъ» русскую жизнь. Вотъ противъ этой-то «вши», этихъ-то «безконечно-малыхъ», но опасныхъ своею многочисленностью враговъ общественнаго организма и направилъ свою уничтожающую и оздоровляющую дѣятельность Н. К. Михайловскій. И эту печально-героическую, но необходимую роль надо не упускать ни на мигъ изъ вниманія, когда подводишь итоги этой полосѣ жизни Н. К. Михайловскаго.

Лишь одинъ разъ за это время судьба ставитъ философа-публициста лицомъ къ лицу съ достойнымъ его противникомъ: я разумѣю блистательную аттаку Н. К. Михайловскаго противъ Л. Н. Толстого, который, благодаря самой силѣ, искренности и энергіи своей выходящей изъ ряду личности, явился выразителемъ, а въ значительной мѣрѣ и созидателемъ одной изъ опаснѣйшихъ формъ общественной реакціи. Смѣлость отрицательной критики Толстого, его оригинальный «аполитизмъ», который заставляетъ иныхъ непроницательныхъ анархистовъ на Западѣ считать его своимъ, его могучее стремленіе связать въ одно цѣлое сферу своей мысли и сферу своей личной жизни, слово и дѣло, ученіе и примѣръ,—все это мѣшало усталой, разочарованной, обезсиленной русской интеллигенціи понять противообщественный характеръ проповѣди новаго апостола. Въ сущности, еще разъ дѣло общерусскаго и, если хотите, въ извѣстномъ смыслѣ общечеловѣческаго прогресса тормазилось перенесеніемъ центра тяжести съ соціальной почвы преобразованія условій на узко-индивидуальную почву личнаго усовершенствованія. Личность снова стала занимать непомѣрно большое мѣсто въ міровоззрѣніи интеллигенціи, — не та живая, активная, глубоко общественная личность, о которой говорилъ намъ Н. К. Михайловскій въ концѣ 70-хъ годовъ и которая потому только и «разсѣивала вокругъ себя лучи Правды», что предварительно концентрировала въ себѣ лучшія стремленія всего общества; но та пассивная, созерцательная, копающаяся въ себѣ, разсматривающая въ микроскопъ свои грѣхи и грѣшки личность, которая, словно паукъ, тянула изъ себя нескончаемую моральную нить-канитель и думала на этой тонкой-претонкой нити вытащить погрязшій въ скверне міръ...

Снова операція «надъ собой, въ себѣ, о себѣ» замѣняла воздѣйствіе на внѣшнюю среду; возрождалась новая писаревщина съ узко-личными задачами индивидуума и ближайшихъ единомышленниковъ-сектантовъ, и писаревщина съ тѣмъ усугубленіемъ, что мѣсто черезчуръ наивнаго восхищенія «наукою», заняло еще болѣе наивное отрицаніе науки, а «борьба противъ авторитетовъ» смѣнилась «непротивленіемъ злу». Ахъ, это непро-

тивленіе! Какою горькою ироніею надъ русскою жизнію была проповѣдь его, когда и безъ того тогдашняя интеллигенція, у которой исторія только-что перебила спину, находилась въ положеніи «бѣднаго раба на лыкахъ» и не могла даже отвѣчать простыми рефлексами на дальнѣйшіе удары судьбы! Какой манной небесной и лѣкарствомъ противъ внутренняго стыда была толстовщина для тѣхъ людей, у которыхъ «совѣсть» такъ же не знала, куда дѣлась ея сестра—«честь», какъ Каинъ игнорировалъ судьбу брата Авеля! А вѣдь это были еще лучшіе люди! Что же сказать о большинствѣ другихъ?..

Въ это-то тяжелое время философія и поэзія борьбы нашли яркое выраженіе въ пламенныхъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго противъ Толстого. Никому, какъ выражался самъ мыслитель-публицистъ, никому онъ не уступалъ въ уваженіи къ талантамъ, къ геніальности Толстого. Онъ давно изучалъ эту могучую индивидуальность и внимательно слѣдилъ за различными переливами ея. Защищалъ, между прочимъ, автора оригинальныхъ статей о народной педагогикѣ еще въ серединѣ 70-хъ годовъ противъ воинственнаго грома и блеска «мѣднаго таза либерализма». Онъ цѣнилъ въ немъ перваго, «великаго художника земли русской». Но уже тогда онъ ясно видѣлъ и отмѣтилъ одновременное существованіе у Толстого «десницы» и «шуйцы», смѣлаго, безстрашнаго полета мысли, глядящей орлинымъ окомъ прямо на солнце Правды, и вдругъ наступающаго затѣмъ робкаго переминанья на мѣстѣ, чуть не ползанья передъ обычными формами культуры, и т. п. А когда эта «шуйца» указала русскому обществу на фальшивый путь безплоднаго морализированія и стала заводить интеллигенцію все дальше и дальше въ пески и болото, Н. К. Михайловскій всталъ на защиту лучшихъ идеаловъ и здоровыхъ традицій, и изъ подъ пера его вылились, какъ лава, горячія строки. Помните эту глубоко правдивую и вмѣстѣ негодующую оцѣнку психологіи Толстого:

Онъ такъ занятъ происходящимъ въ немъ самомъ душевнымъ процессомъ, такъ прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ, что внѣшніе предметы теряютъ для него свое самостоятельное, живое значеніе... Завидна участь гр. Толстого. Завидны это спокойствіе сердца, приставшаго къ странѣ, гдѣ рѣки въ кисельныхъ берегахъ молокомъ текутъ; эта чистота совѣсти передъ любовной и радостной дѣятельностью; эта ясность разума, который говоритъ: я все понялъ! Да, это завидно. Но мы, мятущіеся, мы, ищущіе, мы, не сумѣвшіе выскочить изъ водоворота жизни ни на кисельный берегъ молочной рѣки, ни на облака, вѣнчающія вершины Олимпа, мы не вѣримъ гр. Толстому! Онъ, конечно, говоритъ правду: онъ спокоенъ, счастливъ, онъ достигъ того душевнаго состоянія, которое даже не всѣмъ угодникамъ усвоиваютъ житія святыхъ. Но это только потому, что графъ прислушивается къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Отверзи онъ ихъ на минуту для воспрія-

тія живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, и онъ долженъ ужаснуться того страннаго, противорѣчиваго положенія, въ которомъ онъ находится *).

Или хотя бы эта великолѣпная отповѣдь, брошенная въ лицо теоріи «непротивленія злу»:

...Какая, однако, все это удивительная путаница! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души? Какое холодное, резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ внимаютъ, говорятъ, молодые люди, у которыхъ естественно „кровь кипитъ" и „силъ избытокъ"... Я не понимаю этого. Это какое-то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такія мрачныя, тусклыя времена, какія переживаемъ мы. Пусть ломятся къ вамъ въ домъ, пусть бьютъ отцовъ и дѣтей вашихъ,—такъ надо, убійцы спасаютъ вашихъ близкихъ и кровныхъ отъ вящшихъ грѣховъ; но горе вамъ, если вы сами пальцемъ коснетесь убійцъ! Увы, гр. Толстой является въ этомъ случаѣ даже не учителемъ, онъ съ улицы поднялъ свое поученіе, ибо вся улица поступаетъ именно такъ, какъ желательно гр. Толстому. Но зачѣмъ же онъ иронизируетъ надъ „философіей духа", „по которой выходило, что все, что существуетъ, то разумно, что нѣтъ ни зла, ни добра, и что бороться со зломъ человѣку не нужно". Зачѣмъ издѣвается онъ надъ Спенсеромъ, который, въ другихъ только терминахъ, тоже требуетъ невмѣшательства и непротивленія злу и въ „Соціальной статикѣ" рекомендуетъ отнюдь не критиковать божій міръ „съ точки зрѣнія своего кусочка мозга", ибо, дескать, вы думаете поправить зло, а выходитъ еще хуже **).

И, можно сказать, что Н. К Михайловскій ни на минуту не перестаетъ слѣдить за литературно-общественной дѣятельностію Толстого, зорко вглядываясь въ малѣйшія перипетіи ея, съ радостью останавливаясь на здоровыхъ проявленіяхъ художественнаго творчества этого геніальнаго писателя, со скорбію констатируя противо-общественные подвиги его «шуйцы», предостерегая читателей не увлекаться силою и переливами этой обаятельной, но порою—увы! столь опасной для слабыхъ людей—личности. Въ отрезвленіи русскаго общества отъ наркотическаго дѣйствія толстовщины одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ Н. К. Михайловскому, который и въ 90-ые годы переноситъ свою проницательную и нелицепріятную критику Толстого, прибѣгая къ собственнымъ «литературнымъ воспоминаніямъ», объясняющимъ нѣкоторыя стороны толстовскаго міровоззрѣнія, или же стараясь внести свѣтъ мысли и сознанія въ «современную смуту». Я отсылаю читателя къ статьямъ, появившимся, въ числѣ прочихъ, въ двухъ только что вышедшихъ томахъ сочиненій Н. К. Михайловскаго именно подъ общимъ заглавіемъ «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты», не охватывающихъ, впрочемъ, еще статей за вторую половину 90-хъ годовъ.

---

*) Т. VI, стр. 369—370 (изъ „Дневника читателя" отъ мая 1886 г.).
**) Ibid., стр. 398 (статья отъ іюня 1886 г.),

Придвигаясь къ изображенію литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго за послѣднее десятилѣтіе, я испытываю немалое затрудненіе: мы всѣ еще стоимъ въ потокѣ движущейся, дѣлающейся исторіи; у насъ нѣтъ еще окончательно пройденнаго твердаго пункта, стоя на которомъ, мы могли бы, съ достаточнымъ для общаго взгляда удаленіемъ, окинуть историческую перспективу послѣднихъ лѣтъ. Какъ же оцѣнить руководящую дѣятельность человѣка, который плыветъ вмѣстѣ съ нами въ общемъ историческомъ потокѣ и старается пока лишь оріентировать наше движеніе въ наиболѣе благопріятномъ для прогресса направленіи? Заднимъ числомъ оглядываясь уже на пройденный, отмѣченный неизгладимыми вѣхами путь, мы могли съ достаточной точностью опредѣлить, взвѣсить общественныя заслуги Н. К. Михайловскаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ 70-хъ, на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ, въ теченіе 80-хъ, пожалуй, еще въ началѣ 90-хъ. Но что касается дальнѣйшаго, настоящаго времени, то лично я не беру на себя, по крайней мѣрѣ, отвѣтственности за точное пророчество; а чѣмъ, какъ не пророчествомъ, была бы попытка съ такою же опредѣленностью установить роль философа-публициста для 90-хъ годовъ, особенно принимая во вниманіе сравнительно упавшій пульсъ общественной жизни и относительную медленность серьезной идейной эволюціи за послѣднее время?

Я попытаюсь, однако, указать на двѣ—три черты въ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго за этотъ періодъ времени, черты, которыя свидѣтельствуютъ, что и теперь, какъ прежде, общественная роль этого писателя состоитъ въ обоснованіи и выясненіи стремленій лучшей части интеллигенціи. Такъ, рядомъ съ борьбою противъ толстовщины, противъ нанесеннаго изъ Западной Европы пустопорожняго декадентства и ницшеанства, противъ россійскаго изувѣрства гг. Розановыхъ и комп., противъ узкаго народничества г. В. В. и Юзова (совсѣмъ присмирѣвшаго въ послѣдніе годы своей жизни), Н. К. Михайловскій велъ борьбу противъ односторонностей русскаго марксизма. И по всѣмъ этимъ пунктамъ, насколько настоящее позволяетъ судить о будущемъ, философъ-публицистъ съ честью и успѣхомъ отстоялъ интересы нормальнаго общественнаго развитія.

Толстовщина отмираетъ, если не совсѣмъ умерла, и наиболѣе энергичные ученики Толстого самою логикою дѣйствительности толкаются съ пути непротивленія злу на путь противленія. Ребяческая золотуха декадентства, обезобразившая одно время своею сыпью часть молодежи и перезрѣлыхъ юношей лѣтъ этакъ сорока пяти съ хвостикомъ, шелушится и исчезаетъ: гг. декадентовъ и ницшеанцевъ, по собственному ихъ признанію, теперь человѣкъ семь въ pendant къ семи мудрецамъ Греціи; и что бы они тамъ

ни бальмонствовали, этого достаточно для образованія общества взаимнаго обожанія, но черезчуръ мало для общественно-литературнаго теченія. Изувѣрство школы г. Розанова, хотя и выражаетъ претензію держаться на неистребимомъ будто бы порывѣ духа купаться въ глубокомъ океанѣ замоскворѣцкой лампадки, на самомъ-то дѣлѣ держится на регламентахъ управы благочинія, и исчезнетъ безповоротно, какъ только скромная вѣтка Палестины перестанетъ играть передъ «символомъ святыхъ» обидную для самихъ искренно вѣрующихъ роль властной лозы. Преувеличенія узкаго народничества тоже, кажется, навсегда отходятъ въ область исторіи, и вдунуть духъ жизни и активности въ эту полинялую и выдохшуюся формулу не способенъ, не смотря на свой сильный и оригинальный умъ, и самъ г. В. В., единственно крупный человѣкъ этого направленія.

Что касается до марксизма, то онъ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться нѣсколько дольше, и заслуживаетъ именно потому, что, не смотря на свои преувеличенія, является единственнымъ здоровымъ общественнымъ теченіемъ среди перечисленныхъ нами выше элементовъ «современной смуты». Я думаю, намъ, единомышленникамъ и въ большей или меньшей степени идейнымъ ученикамъ Н. К. Михайловскаго, не стоитъ особенно героическихъ усилій признаться, что это теченіе является до сихъ поръ преобладающимъ среди активной интеллигенціи,—преобладающимъ, по крайней мѣрѣ, по числу сторонниковъ. Точно также намъ нечего скрывать отъ себя и отъ другихъ, что охваченная марксизмомъ интеллигенція до самаго послѣдняго времени преслѣдовала своею идейною ненавистью философа-публициста, который не убоялся подвергнуть критикѣ ея односторонность, ея самомнѣніе, доктринерское запамятованіе ею лучшихъ общественныхъ традицій, наконецъ, черезчуръ слѣпую вѣру ея во всѣ члены Credo,—всѣ эти качества, или, вѣрнѣе сказать, свойства, которыя характеризуютъ русскій марксизмъ.

Но такое отношеніе къ Н. К. Михайловскому упомянутой части интеллигенціи не должно насъ ни смущать, ни особенно печалить,—говорю, конечно, смущать и печалить съ общественной точки зрѣнія, ибо тѣмъ, кто позволяетъ своей идейной ненависти переходить въ личную, мы сумѣемъ отвѣтить такой же... Мы раньше видѣли, сколько разъ приходилось Н. К. Михайловскому задѣвать больныя стороны той или другой фракціи и подвергаться ея гнѣву, упрекамъ и неудовольствію, пока само выясненіе общественныхъ задачъ не заставляло объединяющуюся активную интеллигенцію съ удвоенною силою возвращаться на вѣрный путь, указанный ея истолкователемъ, и смѣнять гнѣвъ на милость, а ненависть на сугубую любовь къ учителю-товарищу. Пока здоро-

вое прогрессивное теченіе, заключающееся въ соціальной сторонѣ марксизма, не освободится отъ мусора и ила сопровождающихъ его преувеличеній и каррикатурныхъ односторонностей, до тѣхъ поръ намъ нечего, значитъ, ждать справедливой оцѣнки заслугъ человѣка, который занялся расчисткою русла. И если въ чемъ мы могли бы упрекнуть Н. К. Михайловскаго, такъ развѣ въ томъ, что онъ недостаточно вплотную принялся за эту работу и велъ борьбу противъ ошибокъ и увлеченій русскаго марксизма съ нѣкоторою неохотою. Спора нѣтъ, что многіе изъ ополчившихся на Н. К. Михайловскаго идейныхъ враговъ не поражали своею величиной, а тѣ, что покрупнѣе, какъ нарочно тратили свою эрудицію, умъ и талантъ на паясничаніе и полемику въ присядку и присвистку. Но вѣдь и П. Ч., и Юзовъ, а тѣмъ паче разные гг. Единицы и Нули тоже не блистали своими качествами, и, однако, философъ публицистъ не брезговалъ возвращаться снова и снова къ черной работѣ критики такихъ, самихъ по себѣ не важныхъ оппонентовъ: они извлекали всю силу свою и способность вредить дѣлу прогресса изъ общественныхъ условій, изъ идейной стремительности аудиторіи, изъ недостаточно развитой у насъ, русскихъ, привычки къ охраненію здоровыхъ, прогрессивныхъ традицій... Такъ и русскіе марксисты!..

Но, повторяю, единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать нашему истолкователю и выразителю, это упрекъ въ томъ, что онъ въ данномъ случаѣ не развернулъ противъ марксизма всей своей тяжелой и всегда побѣдоносной артиллеріи. Для безпристрастія не мѣшаетъ прибавить, что и «независящія обстоятельства», преслѣдовавшія марксистовъ, мѣшали ихъ противникамъ вести борьбу вплотную: въ честномъ идейномъ бою у васъ поневолѣ выпадаетъ полемическій клинокъ, когда вы видите, что вашъ врагъ споткнулся о камень, хотя и не вами положенный, а даже угрожающій вамъ самимъ... Какъ бы то ни было, перечитайте статьи Н. К. Михайловскаго, направленныя противъ русскаго марксизма, и вы убѣдитесь, что въ нихъ отмѣчены тѣ самыя больныя мѣста этого направленія, отъ которыхъ оно уже пытается само отдѣлаться, да и отдѣлывается путемъ разслойки и внутренняго броженія,—что и заставило меня нѣсколько выше умышленно выразиться въ прошедшемъ времени, что марксистская интеллигенція «до самаго послѣдняго времени *преслѣдовала* своею идейною ненавистью Н. К. Михайловскаго». Теперь, дѣйствительно, уже начинается процессъ «діалектическаго» распаденія среди этой интеллигенціи, а въ частности все слышнѣе и слышнѣе становятся ноты болѣе справедливаго отношенія къ философу-публицисту, уже въ половинѣ 90-хъ годовъ указавшему на вредныя односторонности русскаго марксизма.

Прислушайтесь хотя бы къ словамъ новой оцѣнки Н. К. Михайловскаго наиболѣе оригинальнымъ и наиболѣе правдоискательствующимъ изъ русскихъ марксистовъ: я говорю о г-нѣ Петрѣ Струве, что нисколько насъ не обязываетъ, однако, горячо благодарить этого мыслителя. Ибо, если г. Петръ Струве пересталъ быть въ глазахъ наиболѣе правовѣрныхъ марксистовъ тѣмъ Петромъ, тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ они хотятъ воздвигнуть—ну, церковь не церковь,—а часовню для сектантовъ своего толка, то онъ не сдѣлался еще и нашимъ Павломъ. Онъ еще на пути къ Дамаску. И у него, видите-ли, какъ у графа Толстого есть своя «десница» и своя «шуйца»; и если мы съ интересомъ вглядываемся въ движенія его десницы, которую онъ вооружилъ нынѣ скальпелемъ критики по отношенію къ своему прежнему догматизму, то насъ очень смущаютъ подвиги его шуйцы, той самой шуйцы, которая жертвуетъ ради марксовской историко-философской теоріи марксовскою же теоріею стоимости и пишетъ въ Брауновскомъ «Архивѣ» очень филистерскія вещи...

Во всякомъ случаѣ, среди русскаго марксизма происходитъ теперь, повторяю, броженіе, и броженіе какъ разъ по тѣмъ пунктамъ, на которые съ обычною проницательностью и дальновидностью указывалъ уже пять лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскій и не переставалъ указывать съ тѣхъ поръ. Дѣло, дѣйствительно, представляется такъ: злой бабушкѣ—исторіи, которая сидитъ у изголовья недомогающихъ и разсказываетъ имъ печальныя сказки, зловѣще скрипя своей желѣзной табакеркой, угодно было, чтобы русской интеллигенціи, какъ опасался того чуть не два десятка лѣтъ назадъ Н. К. Михайловскій, была наложена на уста печать молчанія. Благодаря этому, исполняется и вторая часть пророческаго опасенія: русская буржуазія принялась ѣсть русскій народъ, отлучая его отъ средствъ производства, особенно въ годы хозяйственнаго остраго кризиса, недорода и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и капиталистическое производство сильно развилось въ извѣстныхъ центрахъ и извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Эти измѣнившіяся условія «бытія» отразились и на «сознаніи» трудящихся массъ, которыя въ деревнѣ страдаютъ отъ разрушающихся, не поддерживаемыхъ раціональнымъ законодательствомъ формъ, а въ городѣ отъ создающихся новыхъ. Прибавьте къ этому вліяніе медленно, но все же просачивающагося культурнаго прогресса, который, комбинируясь при болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ городскихъ центрахъ съ основными потребностями трудящихся, создаетъ здѣсь пока и наиболѣе подходящую почву для просвѣтлѣнія сознанія массъ. Такимъ образомъ, старый вопросъ объ интересахъ и мнѣніяхъ народа пріобрѣтаетъ ту новую форму, что въ городѣ все болѣе и болѣе „интересы“ трудящихся совпадаютъ и съ „мнѣ-

ніями“ ихъ, но съ мнѣніями, подвергшимися просвѣтляющему вліянію „интеллигенціи“, и интеллигенціи, рабочей-ли, или вышедшей изъ привилегированной среды, но во всякомъ случаѣ интеллигенціи, ибо наиболѣе сознательное меньшинство всегда является необходимымъ ферментомъ броженія при выработкѣ „классового самосознанія“.

Въ этой дѣятельности заключается здоровое зерно русскаго марксизма, которому, однако, не мѣшало бы не забывать, что и дѣятельность въ городахъ, и даже въ его смыслѣ, началась далеко не съ него, а по малой мѣрѣ въ концѣ 70-хъ годовъ. Интеллигенціи въ вышеприведенномъ опредѣленіи приходилось, такимъ образомъ, идти къ прежней цѣли общественнаго прогресса по пути «интересовъ» народа, но при расширившемся содѣйствіи просвѣтляющихся «мнѣній» народа же, исходя отъ городской части его. Такъ ставилась задача; но, отражая усложнившіяся и расширившіяся условія жизни, русскій марксизмъ не успѣлъ разобраться въ нихъ и завернулъ здоровое зерно общественной дѣятельности—унаслѣдованной отъ прошлаго—во вредныя преувеличенія и односторонности. И главною ошибкою при этомъ было пренебреженіе къ «личности», къ организаціи личностей, къ «интеллигенціи», которую непремѣнно полагалось заключать въ ядовитыя кавычки. Возобновлялась, но въ болѣе вредной формѣ—въ виду общественной апатіи—народническая идеализація 70-хъ годовъ, съ тою только разницею, что тогда процессъ раскрашиванія и подслащиванія производился по отношенію къ мужику, а теперь къ городскому рабочему; и тогда, по крайней мѣрѣ, преклоняясь передъ идеалами народа, упражняли въ немъ чувство «активности», а теперь все больше ставятъ его подъ душъ «естественнаго хода вещей». И дошло дѣло до того, что, позубоскаливъ надъ прошлымъ, наиболѣе активные изъ марксистовъ, приглашаютъ теперь вернуться къ этому «славному прошлому»—и на томъ спасибо!—и стараются даже самый терминъ «экономическій матеріализмъ» замѣнить какимъ-нибудь другимъ, хотя бы «діалектическимъ», ибо чувствуютъ, что черезчуръ забросили «политику».

Въ этомъ смыслѣ старанія активныхъ марксистовъ,—старанія, кажущагося для непосвященныхъ схоластическимъ — пріискать какой-нибудь новый эпитетъ къ своему міровоззрѣнію... Ну, а натуры менѣе активныя—тѣ по уши погрязли въ «экономику» и, возмущаясь «политиканствомъ» болѣе живыхъ темпераментовъ, должны вотъ-вотъ по закону реакціи превратиться въ обыкновенныхъ рыцарей культуры и «малаго дѣланія». Симптомовъ этого процесса не мало... Но намъ нечего входить въ подробности его, а слѣдуетъ порадоваться тому, что, благодаря внутреннему броженію среди догматическаго дотолѣ марксизма, снова освобож-

даются здоровыя общественныя силы, и снова мы возвращаемся если не къ Канту, то къ Н. К. Михайловскому, какъ наиболѣе замѣчательному обоснователю и выразителю двуединаго міровоззрѣнія, основаннаго на взаимномъ проникновеніи «экономики» и «политики». Слава же безсмертной идеѣ человѣческой солидарности, снова поднимающейся у насъ на новую высшую ступень для выраженія, и слава ея вѣрному, мужественному, непоколебимому защитнику, Н. К. Михайловскому!..

Очень можетъ быть, что самъ авторъ, которому посвященъ этотъ этюдъ, найдетъ, что я слишкомъ сузилъ его личность, что она не совсѣмъ укладывается въ рамки той роли, которую я ей приписалъ. Пусть такъ: человѣкъ совершенно опредѣленнаго убѣжденія, я взялъ лишь одну излюбленную, дорогую и близкую мнѣ грань этой драгоцѣнной, переливающей всевозможными цвѣтами индивидуальности. Дѣло другихъ почитателей Н. К. Михайловскаго обратить вниманіе на иныя грани. Мнѣ же остается лишь печатно выразить глубокую идейную любовь къ человѣку, столь блистательно служащему той же общечеловѣческой правдѣ, которой, по мѣрѣ силъ и возможности, служимъ всѣ мы, и я, и вы, дорогіе читатели и единомышленники, служимъ съ непоколебимой вѣрой въ близкое и окончательное торжество нашего великаго общаго дѣла...

Н. Кудринъ.

Некрасовъ-художникъ.

«Прежде Русь стихи писала, риѳмамъ не было числа, а теперь практичнѣй стала: на проекты налегла»,—писалъ Некрасовъ въ 1875 году. Измѣнила-ли теперь Россія свое пристрастіе къ проектамъ, трудно сказать, но по отношенію къ риѳмамъ и стихамъ между нашимъ временемъ и 1875 годомъ существуетъ несомнѣнная разница. Стихи пишутся въ большомъ количествѣ, риѳмамъ нѣтъ числа, поэты появляются и почти не исчезаютъ, и «кристальный ключъ поэзіи» бьетъ съ непрерывною силой. Означаетъ-ли это практичность или непрактичность нашего времени, опять таки трудно сказать, какъ трудно принять безъ ограниченій утвержденіе Веневитинова, будто «многочисленность стихотворцевъ въ каждомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія». Легкомысленное или практическое, наше время даетъ начало массѣ стихотвореній, изъ которыхъ многія отличаются недурной формой, звучностью, счастливымъ подборомъ риѳмъ и кое-какими другими достоинствами. Но, не желая ни возвеличивать, ни унижать современныхъ поэтовъ, мы должны признать, что, лишь за очень небольшими исключеніями, въ ихъ произведеніяхъ проглядываютъ замѣтные признаки старости, — не болѣзненности, не надорванности, а именно старости и дряхлости, къ какому бы возрасту ни принадлежали сами авторы этихъ произведеній. Мы не намѣрены входить здѣсь въ разборъ отдѣльныхъ поэтовъ, но и безъ представленія примѣровъ не трудно указать на признаки дряхлости, на морщины и прочія старческія свойства нашей поэзіи.

Основной чертой ея (по крайней мѣрѣ, той ея части, которая претендуетъ на новизну пріемовъ и служеніе истинной красотѣ) является своего рода культъ формы, стремленіе облечься въ одежду неупотреблявшихся еще или мало употреблявшихся эпитетовъ, риѳмъ, сравненій и образовъ. Содержаніе играетъ второстепенную роль (въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не играетъ никакой

роли) и между нимъ и формой нѣтъ той органической связи, которая одна только придаетъ жизнь и долговѣчность поэтическому произведенію. Въ большинствѣ случаевъ это стремленіе къ оригинальности въ эпитетахъ, сравненіяхъ и риѳмахъ оканчивается самыми печальными послѣдствіями, при которыхъ одинаково страдаютъ и смыслъ, и красота; но, независимо отъ результатовъ подобнаго стремленія, сама по себѣ исключительность въ культивированіи формы служитъ признакомъ старчества и отсутствія истинной поэтической непосредственности. Доказательство этому мы можемъ найти въ только что вышедшихъ любопытныхъ признаніяхъ Сюлли Прюдома «Testament d'un poète». Сюлли Прюдомъ занимаетъ особое положеніе среди такъ называемыхъ Парнасцевъ. Подобно послѣднимъ, онъ поклоняется совершенной формѣ, но, по его мнѣнію, она служитъ для того, чтобы полнѣе и ярче передать другимъ «идеалъ» поэта. Безъ совершенной формы нѣтъ долговѣчнаго произведенія, говоритъ онъ, «ибо что такое форма, какъ не содержаніе, сдѣлавшееся внѣшнимъ и доступнымъ?» И для того, чтобы передать съ точностью свои чувства, мысли, наблюденія, свой поэтическій «идеалъ», Сюлли Прюдомъ старается подыскать наиболѣе вѣрные эпитеты, наиболѣе соотвѣтствующія случаю сравненія и наиболѣе опредѣленные образы. Такъ, конечно, долженъ поступать всякій поэтъ. Но чрезмѣрное приближеніе къ Парнасцамъ не прошло безнаказанно для Сюлли Прюдома; преувеличенное преклоненіе передъ формой отразилось на его творчествѣ, и, разсматривая теперь свои произведенія, онъ находитъ въ первыхъ, написанныхъ до знакомства съ Парнасцами, меньшее внѣшнее совершенство, но большую свѣжесть, большую непосредственность, большую поэзію, чѣмъ въ продуктахъ позднѣйшаго творчества. Эти послѣдніе менѣе оскорбляютъ его ухо, онъ чувствуетъ себя «болѣе артистомъ, но менѣе поэтомъ», чѣмъ прежде. Поэзія, если не исчезла, то поблекла послѣ того, какъ авторъ сталъ проявлять большую склонность къ тому, чтобы быть поэтичнымъ, подобно тому, какъ стремленіе молодиться является вѣрнѣйшимъ признакомъ уже исчезнувшей молодости.

Но Сюлли Прюдомъ—всетаки поэтъ, цѣль котораго заключается въ болѣе совершенномъ выраженіи своихъ чувствъ, и который сдѣлался «менѣе поэтомъ» лишь вслѣдствіе того, что онъ называетъ «нѣкоторымъ преувеличеніемъ въ культѣ формы». Въ нашей же современной поэзіи, кромѣ стремленія къ прихорашиванію и моложавости, въ большинствѣ случаевъ незамѣтно ничего. За этимъ стремленіемъ исчезаетъ все,—исчезаетъ непосредственность, искренность, исчезаетъ прежде всего поэзія, и весь «поэтическій идеалъ» ограничивается желаніемъ скрыть подъ слоемъ косметическихъ украшеній старческія морщины и старческое без-

силіе. Старость прибѣгаетъ къ искусственнымъ средствамъ для самовозбужденія, — къ необыкновеннымъ риѳмамъ, рискованнымъ сравненіямъ, непонятнымъ сюжетамъ. Но «богъ старости—неумолимый богъ»: возбуждающія средства дѣлаютъ еще больше рѣзкимъ контрастъ между кажущимся здоровьемъ и дѣйствительной старческой немощью. Когда и при какихъ условіяхъ удастся стряхнуть съ себя эту немощь нашей поэзіи—неизвѣстно, но теперь лишь въ исключительныхъ случаяхъ обнаруживаетъ она оживленіе, и эти исключительные случаи бываютъ тогда, когда она обращается къ прошедшему.

...Живи,
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старѣться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови...

И это самое лучшее, что можно сдѣлать теперь, если желаешь нарвать истинныхъ «цвѣтовъ поэзіи». Среди могилъ, на которыхъ растутъ они, есть одна, закрывшаяся почти 25 лѣтъ назадъ въ присутствіи 3-хъ—4-хъ тысячной толпы, которая хоронила въ ней выразителя своихъ лучшихъ чувствъ и наиболѣе властныхъ стремленій. Съ тѣхъ поръ чувства и стремленія мѣнялись, мѣнялось, конечно, и отношеніе къ умершему поэту, и когда, года три назадъ исполнилось двадцатилѣтіе со дня смерти Некрасова, то въ печати поднимался даже вопросъ, читаются-ли теперь его стихотворенія и знакомо-ли современное поколѣніе съ некрасовской поэзіей. Кто-то высказывалъ тогда мысль, что идейное вліяніе Некрасова поблекло, а художественнаго значенія его стихи не имѣли.

И вотъ теперь, когда отъ современныхъ стихотворцевъ обращаешься къ Некрасовской поэзіи, находишь, что «срываніе цвѣтовъ», растущихъ на его могилѣ, способно «обновить сердце» не только потому, что, выражаясь словами его неизвѣстнаго друга, «весь міръ любить сильнѣе хочется, стихи его читая», а и потому, что онъ былъ дѣйствительный поэтъ, былъ большой художникъ, какъ бы низко самъ онъ ни ставилъ свой «суровый неуклюжій стихъ» и какъ бы мало ни прибѣгалъ къ косметическимъ украшеніямъ. И только потому его поэзія могла имѣть вліяніе, что значительности сюжета соотвѣтствовала въ большинствѣ случаевъ сила выраженія, картинность образовъ, точность опредѣленій, умѣнье выразить чувство и «заразить» имъ читателя, т. е. другими словами, вполнѣ художественная форма.

Мы возвращаемся вновь къ упомянутымъ уже признаніямъ Сюлли Прюдома «Testament d'un poète». Въ большую заслугу Парнасцамъ французскій поэтъ ставитъ ихъ страхъ передъ ба

нальными эпитетами. Банальный эпитетъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ вѣрно опредѣляетъ предметъ, явленіе, состояніе души; онъ не точенъ и потому долженъ быть исключенъ поэтомъ, желающимъ дать читателю вполнѣ ясное понятіе о своемъ настроеніи или объ изображаемомъ имъ явленіи природы. Первоначальныя причины, возбудившія этотъ страхъ передъ банальностью, заключались, такимъ образомъ, въ боязни передать не вполнѣ точно желаемое и удалиться отъ истины. Прямымъ результатомъ этого были, по словамъ Сюлли-Прюдома, забота о красотѣ и изяществѣ языка, но было и еще послѣдствіе, о которомъ онъ не упоминаетъ: ненависть къ банальности превратилась у нѣкоторыхъ поэтовъ въ изысканность, въ щеголянье неупотребительными словами, своего рода спортъ или охоту за экстраординарными эпитетами, которые именно въ силу своей экстраординарности оставались непонятными читателю и, такимъ образомъ, были гораздо дальше отъ цѣли, чѣмъ самыя банальныя опредѣленія. Въ качествѣ подражательнаго явленія образовалась и современная наша старческая поэзія, не пережившая тѣхъ ступеней, по которымъ шла французская, и принявшая уродливыя отклоненія отъ поэзіи за самые красивые поэтическіе цвѣты. Но если задачей поэта является, между прочимъ, подборъ точныхъ, ясныхъ и, не смотря на краткость, исчерпывающихъ понятіе о предметѣ эпитетовъ, то и въ этомъ отношеніи современнымъ нашимъ поэтамъ, даже самымъ крупнымъ изъ нихъ, далеко, очень далеко до соперничества съ Некрасовымъ.

Конечно, онъ не искалъ новыхъ эпитетовъ, неупотребительныхъ словъ, притянутыхъ за волосы сравненій. Въ его стихотвореніяхъ нельзя найти такихъ выраженій, какъ «зелень скелетствуетъ», которое употребляется однимъ изъ современныхъ стихотворцевъ для того, чтобы показать, какъ при лунномъ свѣтѣ зелень принимаетъ «мертвый» оттѣнокъ. Но его молодая и оставшаяся молодой поэзія не нуждалась въ румянахъ, необходимыхъ для прикрытія жалкихъ морщинъ и «скелетствующаго» вдохновенія. Въ Некрасовѣ прежде всего жилъ ясный умъ, который наложилъ свою печать на его поэтическое вдохновеніе, придавъ ему свою опредѣленность и ясность и отнявъ отъ него все смутное и не яркое. Нѣтъ сомнѣнія, что полутоны, блѣдныя краски, лишенные отчетливости контуры имѣютъ право на существованіе какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи; нѣтъ сомнѣнія, что при соблюденіи другихъ существенныхъ условій они могутъ давать богатые результаты и высокопоэтическія произведенія. Но и по свойству своего дарованія, и по жизненнымъ условіямъ Некрасовъ не былъ склоненъ къ неопредѣленности и въ каждую минуту жизни отдавалъ себѣ отчетъ какъ въ происходящемъ вокругъ него, такъ и

въ собственныхъ ощущеніяхъ. Даже въ очень молодые годы, «среди забавъ его и отроческихъ думъ», муза «мечтой *неясною* не волновала умъ»; какою бы она ни представлялась—«согбенною-ль трудомъ, убитою-ль кручиной», «всечасно жаждущей, униженно просящей», или взывающей о мщеніи и «буйнымъ языкомъ въ сообщники свои» зовущей Божій громъ, или, наконецъ, шепчущей «прощай врагамъ своимъ»—она не могла препятствовать дѣятельному и свѣтлому уму Некрасова разбираться въ противорѣчіи его ощущеній. Даже въ тѣ минуты, когда поэтъ былъ «и звуковъ, и смятенья полнъ», когда его взору представились въ «смѣшеніи безумномъ»

Разсчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы,—

даже тогда продукты его творчества, вмѣстѣ съ непосредственной стремительностью воодушевленія, носили на себѣ печать рѣзкаго въ анализѣ и точнаго въ характеристикѣ наблюденій ума. Поэтому въ эпитетахъ и характеристикахъ Некрасова мы въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ замѣчательную вѣрность природѣ и полное соотвѣтствіе тому оригиналу, который потребовалъ поэта «къ священной жертвѣ». Когда эта точность въ опредѣленіяхъ, вполнѣ передававшихъ чувства поэта, соединялась съ силою самыхъ чувствъ, тогда способность Некрасова заражать ими читателя, при помощи образовъ и картинъ, достигала высшей степени и доставляла тѣ образцы, которые Достоевскій называлъ «безсмертной красоты стихами». При этомъ эффекты, которыхъ желали бы достигнуть и достигали Парнасцы при помощи кропотливаго труда надъ словомъ, обусловливались самими свойствами яснаго Некрасовскаго ума, умѣвшаго находить ясныя выраженія.

Эти свойства неизмѣнно сохраняются, какихъ бы темъ ни касалась Некрасовская муза, рисовала ли она картины природы, или занималась психологіей постороннихъ людей, или, наконецъ, изображала душевный міръ самого автора.

Картины природы занимаютъ сравнительно малое мѣсто въ поэзіи Некрасова, спрашивавшаго:

...Намъ ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природы наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья?

Поэту стыдно спать, говоритъ «гражданинъ» въ извѣстномъ монологѣ, но

Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря,
И ласку милой воспѣвать.

Понятно, поэтому, что картины природы входятъ въ его произведенія какъ бы украдкой, независимо отъ желанія поэта и почти противъ его воли. Но уже въ очень раннихъ произведеніяхъ видна склонность къ точной и краткой передачѣ своихъ наблюденій надъ природой, къ пользованію эпитетами, настолько же чуждыми банальности, какъ и расплывчатости. Стихотвореніе «Передъ дождемъ», написанное въ 1846 г., изображаетъ, между прочимъ, какъ набѣжавшій вѣтеръ мѣняетъ гладкую поверхность ручья. Некрасовъ даетъ только два слова, немедленно возстановляющія въ памяти читателя выбранную имъ картину:

На ручей, *рябой* и *пестрый*,
За листкомъ летитъ листокъ.

Въ «Псовой охотѣ» опять таки два слова рисуютъ видъ утренняго неба, на которомъ яркія солнечныя линіи чередуются съ линіями различно освѣщенныхъ облаковъ; когда поэтъ говоритъ о лѣсѣ, на который бросается свѣтъ «зарей *полосатой*», то это, можетъ быть, недостаточно для выраженія восторга автора передъ «пробужденной природы картиной», но въ данномъ случаѣ сжатость и лаконизмъ въ описаніяхъ природы составляютъ одно изъ самыхъ главныхъ художественныхъ требованій, такъ какъ весь разсказъ передаетъ чувства самихъ охотниковъ, отношеніе которыхъ къ природѣ достаточно характеризуется стихами:

Но равнодушно встрѣчаютъ псари
Яркую ленту огнистой зари,
И пробужденной природы картиной
Не насладился изъ нихъ ни единый.

И вся поэма Некрасова построена согласно художественному правилу, по которому детали картины вырисовываются лишь постольку, поскольку онѣ дѣлаютъ рельефнѣе и понятнѣе главный предметъ, т. е. въ данномъ случаѣ душевный міръ помѣщика крѣпостныхъ временъ, для котораго вся природа не имѣла значенія, равнаго картинѣ, изображенной въ стихахъ:

...Въ обагренные кровью усы
Зайцевъ лизали голодные псы.

Но тамъ, гдѣ природа должна была оказывать свое дѣйствіе на настроеніе, Некрасовъ находилъ иные эпитеты, которые, какъ и въ указанныхъ выше примѣрахъ, обладали краткостью, ясностью и способностью немедленно возстановлять въ воображеніи читателя знакомые ему образы или невиданныя до того картины. Такъ, въ первой части «Несчастныхъ» узникъ, вспоминающій въ тюрьмѣ о петербургской природѣ, видитъ передъ собой

. . . Не лучезарный, золотистый,
Но рѣдкій солнца лучъ... о нѣтъ!
Твой день *больной*, твой вечеръ мглистый,
Туманный, медленный разсвѣтъ...

И этотъ «больной» день, гармонируя съ болѣзненнымъ настроеніемъ узника, указываетъ впечатлѣніе тоски и страданія, получающееся отъ всей первой главы поэмы.

Въ «Рыцарѣ на часъ» въ «простыхъ, какъ молодость рѣчахъ», изображается картина «окружающей бодрой природы». И здѣсь Некрасовъ, оставаясь вѣренъ наблюденіямъ, чуждъ банальности и безъ труда находитъ нужныя слова для передачи всего видѣннаго имъ

Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что, какъ иней, къ землѣ прилегли.

Всѣ детали картины, видимыя глазомъ, или воспринимаемыя слухомъ и обоняніемъ, до изображенія того, какъ

Грудью къ сѣверу, воронъ *тяжелый*—
Видишь—дремлетъ на старой ели—

всѣ эти подробности собраны для того, чтобы вызвать представленіе о необыкновенной возбужденности ощущеній, усиленномъ реагированіи на внѣшніе импульсы, реагированіи, которое связано именно съ «бодрящими» свойствами свѣтлой морозной осенней ночи, вызывающей къ жизни «силу юности, мужество, страсть и великое чувство свободы!» И это впечатлѣніе «окружающей бодрой природы» цѣликомъ передается читателю, дѣлая еще болѣе понятной для него ту жажду обновленія, которою томится пораженная скорбью и отчаяніемъ душа поэта.

Но здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ описаніяхъ природы, и потому детали картины могутъ ускользать отъ читателя; тамъ же, гдѣ настроеніе, навѣянное природой, составляло главную цѣль автора, Некрасовъ достигалъ порою рѣдкаго совершенства. Я не знаю, напр., много-ли найдется во всей русской поэзіи образцовъ, превосходящихъ по красотѣ, т. е. по силѣ настроенія и выраженія, по образности, сжатости и звучности заключительныя строки стихотворенія «Въ столицахъ шумъ».

Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

Но «въ годину горя» Некрасовъ считалъ постыднымъ «красу долинъ, небесъ и моря, и ласку милой воспѣвать», и потому его

поэтическое дарованіе не могло въ описаніяхъ природы найти такой богатый матеріалъ, какъ при изображеніи душевныхъ движеній и характеристикѣ личностей. Рядъ по истинѣ блестящихъ характеристикъ до такой степени великъ, что положительно затрудняешься рѣшить, въ какой изъ нихъ болѣе рѣзко выразились основныя черты Некрасовской поэзіи: строгость и точность опредѣленій, сжатость стиля и образность выраженій. Мимолетныя и случайныя движенія души такъ же, какъ типичныя особенности изображаемыхъ лицъ одинаково улавливались Некрасовымъ, и для ихъ характеристики онъ умѣлъ находить такія краткія и образныя выраженія, которыми навсегда удерживались въ памяти читателя основныя черты изображаемаго типа. Вспомните, напр., характеристику главнаго героя въ «Сашѣ». Нѣсколькими чертами вырисовывается типъ, которому, вѣроятно, долго еще суждено существовать, и который всегда найдетъ свое лучшее опредѣленіе въ словахъ:

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!..
Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.

Распространяя далѣе характеристику своего героя, Некрасовъ замѣчаетъ въ природѣ явленія, аналогичныя описанному типу, и немедленно находитъ выраженіе, дѣлающее и для читателя легко постижимой эту аналогію. Ему видится оврагъ, сухой, безводный, «песчаный и нагой»; но наступитъ весна, солнце растопитъ снѣгъ, вскроются рѣки, и тогда

Чуждыя волны кругомъ разливая,
Будетъ и дерзокъ, и полонъ до края
Жалкій оврагъ...

Вспомните, напр., стихотвореніе «Самодовольныхъ болтуновъ», нѣсколько строкъ котораго также вошли въ обычный обиходъ русскаго литературнаго языка. Короткій отрывокъ, едва-ли превышающій 50 строкъ, вполнѣ характеризуетъ и жизнь человѣка, и его душевный обликъ, и столь обычную для слабыхъ людей разницу между полной честныхъ помысловъ зарей жизни и засасывающей животностью послѣдующаго состоянія. Вспомните дальше въ «Медвѣжьей охотѣ» характеристики различныхъ людей 40-хъ годовъ отъ самыхъ сильныхъ до «рыцарей добраго стремленія и безпутнаго житья». И здѣсь способность Некрасова обрисовать нѣсколькими штрихами лицо съ его индивидуальными особенностями и типическими чертами проявляется съ такой силой,

какая доступна лишь очень немногимъ первоклассным художникамъ. Вспомните, наконецъ, «Власа», многими стихами котораго такъ восхищался Достоевскій, не могшій сдержать восторга передъ «великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ» Некрасова, не смотря на все свое отрицательное отношеніе къ «высоко-либеральнымъ» идеямъ автора.

Полонъ скорбью неутѣшною
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ...
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ
И желѣзною вервіою
Тихо на ходу звенитъ.

Подчеркнутыя Достоевскимъ слова заставляютъ *видѣть* Власа, въ то время какъ предыдущія строки даютъ необыкновенно ясное понятіе о пережитомъ имъ душевномъ переломѣ. «Великій Власъ», «великое поэтическое вдохновеніе»,—говорилъ Достоевскій уже послѣ смерти Некрасова; и дѣйствительно, только великое поэтическое вдохновеніе могло такъ глубоко анализировать движенія человѣческой души и такъ рельефно изображать ихъ, какъ это удавалось Некрасову во многихъ его произведеніяхъ. Что-то отчеканенное, что-то недопускающее распространенности и объяснительныхъ дополненій отличаетъ характеристики Некрасова, ясныя, точныя, какъ бы гравирующія портретъ изображаемаго лица. Когда онъ разсказываетъ, напр., о мятущейся, страстной, никогда не знающей отдыха, натурѣ «пріятеля», полнаго порывовъ, но въ то же время твердаго въ своемъ стремленіи, онъ довольствуется однимъ стихомъ, исчерпывающимъ всѣ эти свойства:

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли.

Когда ему нужно вывести противоположный типъ, онъ находитъ достаточно яркія выраженія, чтобы изобразить его въ двухъ стихахъ, сдѣлавшихся теперь банальными, вслѣдствіе слишкомъ частаго ихъ цитированія, но не потерявшихъ ничего въ своей силѣ и мѣткости:

Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Когда цѣлью его является изображеніе психологіи цѣлаго провинціальнаго города съ его отсутствіемъ кипучей дѣятельности и осмысленной жизни, онъ пользуется образомъ, въ обрисовкѣ котораго каждая черта дополняетъ общее впечатлѣніе:

Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.

Если, наконецъ, ему нужно изобразить время безправія, произвола, приниженности, онъ влагаетъ въ уста «гражданина» блестящее опредѣленіе «ночи»,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ и характеристикахъ виденъ замѣчательный мастеръ слова, не только поэтъ извѣстнаго настроенія, обладавшій огромнымъ талантомъ при передачѣ своихъ чувствъ, но «артистъ» въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, художникъ, владѣвшій тайнами рѣчи и тонкостями стиля. Конечно, въ большой массѣ Некрасовскихъ стихотвореній можно найти много неудачныхъ; и даже въ наиболѣе сильныхъ произведеніяхъ можно указать мѣста, гдѣ его удивительный даръ находить подлинное выраженіе для своей мысли измѣнялъ ему.

Много неудачнаго встрѣчается и въ попыткахъ передать народную рѣчь. Но въ ряду произведеній этого рода можно указать не мало такихъ, гдѣ именно народная рѣчь увеличиваетъ драматизмъ изображаемаго событія. Напомнимъ, хотя бы, извѣстное стихотвореніе «Въ дорогѣ», за которое Бѣлинскій, по словамъ Панаева, обнялъ Некрасова и «чуть не со слезами на глазахъ» назвалъ его «истиннымъ поэтомъ». Здѣсь наивная рѣчь ямщика, его недоумѣвающіе возгласы, попытки объяснить что-то своими «то-исъ», «слышь», «вишь-ты»—являются необходимой формой для изображенія страшной драмы, основанной на невозможности для ямщика понять истинные мотивы страданій его жены. И, независимо отъ гражданскаго значенія, которое имѣло это произведеніе, во всей русской литературѣ трудно найти примѣръ, гдѣ бы форма народной рѣчи такъ органически сплеталась съ содержаніемъ, гдѣ изложеніе событія въ иной болѣе «цивилизованной» формѣ въ такой степени отняло бы у изображаемой драмы характеръ ея неизбѣжности и безвыходности. Сравните съ этимъ драматическимъ и истинно-художественнымъ по формѣ произведеніемъ поддѣлки подъ старую народную рѣчь въ произведеніяхъ А. Толстого, который, какъ бы къ нему ни относиться, самъ себя считалъ поэтомъ чистаго искусства и требовалъ, чтобы на всѣхъ противниковъ такого искусства не жалѣлись «палки суковатыя...»

Описанія природы и анализъ чужой души не составляютъ еще наибольшихъ камней преткновенія для поэта. «Красивое дерево, которое я хочу описать,—говоритъ Сюлли-Прюдомъ,—не исчезаетъ; оно даетъ мнѣ достаточно времени для выбора эпитетовъ,

наиболѣе способныхъ точно нарисовать его. Но можно-ли сказать то же самое о движеніяхъ души, потрясеніяхъ сердца, моральныхъ впечатлѣніяхъ, когда мои собственныя горести или радости служатъ мнѣ моделью? Могу-ли я сохранить достаточно хладнокровія, необходимаго для изысканія богатой рифмы? И если я буду ждать конца своего взволнованнаго состоянія, то не повредитъ-ли отсутствіе внутренней модели, которую я долженъ скопировать, точности самой копіи? Какъ можно въ одно и то же время быть искренно взволнованнымъ и внимательнымъ къ средствамъ для выраженія этого волненія? Не чудовищна-ли забота о версификаціи, сопровождающая дѣйствительное горе?.. Поэтъ долженъ обладать большой силой воли для того, чтобы его писательская честность нисколько не пострадала. Онъ долженъ пріобрѣсти привычку надолго фиксировать въ своей душѣ мимолетныя впечатлѣнія, останавливать ихъ и помѣщать, такъ сказать, внѣ себя и передъ собой... При этомъ происходитъ очень странное явленіе: нисколько не вредя живости впечатлѣнія, это возвращеніе души къ своему собственному состоянію даетъ ей болѣе глубокое познаніе послѣдняго и заставляетъ ее со вкусомъ наслаждаться (savourer) не только своими радостями, но и скорбями, возвышая свое взволнованное состояніе до сферы красоты, гдѣ оно становится музыкальнымъ и преображается. Кто объяснитъ ту глубокую сладость, которую ощущаетъ художникъ въ баюканіи ритмомъ и рифмой своего самаго искренняго отчаянія? Онъ облегчаетъ свои страданія, выражая ихъ заботливо отдѣланными стихами, какъ будто бы въ этомъ заключалось медленное оплакиваніе самихъ страданій. Горе и потери не только не профанируются артистической отдѣлкой, но выходятъ изъ нея освященными».

Ощущалъ-ли Некрасовъ «сладость» въ «баюканіи» стихами своихъ горестей? Вѣроятно, ощущалъ; по крайней мѣрѣ, онъ постоянно возвращался къ послѣднимъ, заявляя, что для него «избытокъ слезъ и жгучаго страданья отраднѣй мертвой пустоты». Онъ чувствовалъ неодолимую потребность дѣлиться слезами съ своими читателями, каясь въ прегрѣшеніяхъ и сводя счеты съ угрызеніями совѣсти. И хотя Некрасовъ писалъ, обращаясь къ своимъ стихамъ:

Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ,—

но его лирическія стихотворенія размягчали сердца читателей, прокладывая путь къ нимъ именно благодаря дару поэта находить такое же точное выраженіе для описанія картинъ природы

или характеристики общественныхъ типовъ. Для тѣхъ, кто расплывчатость принимаетъ за поэтичность, а неопредѣленность выраженій за воспроизведеніе душевнаго смятенія, лирическія стихотворенія Некрасова покажутся далекими отъ художественной формы; но читатели, требующіе отъ лирическаго произведенія прежде всего *точной* передачи чувствъ поэта, при чемъ эта точность вполнѣ познакомитъ съ силой или слабостью поэтическаго чувства, съ значительностью или ничтожностью послѣдняго, съ его общечеловѣческимъ или случайнымъ содержаніемъ, такіе читатели найдутъ въ Некрасовской лирикѣ столь же большое мастерство, какъ и «великое поэтическое вдохновеніе».

Первое произведеніе, которое приходитъ въ голову, когда дѣло идетъ о Некрасовской лирикѣ,—это «Рыцарь на часъ». По силѣ чувства и по тому впечатлѣнію, которое оно оставляетъ у читателя, эта поэма дѣйствительно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди стихотвореній Некрасова. Вспомнимъ, хотя бы, разсказъ Н. К. Михайловскаго о томъ, съ какимъ волненіемъ пришлось ему вмѣстѣ съ Г. И. Успенскимъ перечитывать знакомыя строки «Рыцаря на часъ». Но если сила чувства, подсказавшаго автору эти строки, такъ цѣльно передается читателю, то причина опять таки лежитъ въ способности поэта найти точное выраженіе для своихъ ощущеній. Достаточно процитировать то мѣсто, гдѣ авторъ молитъ о спасеніи его отъ засасывающей тины «мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей». Здѣсь каждое выраженіе даетъ образъ, чуть не каждое слово вызываетъ представленіе о цѣлой категоріи побужденій, страстей, человѣческихъ отношеній, а весь періодъ говоритъ о неудержимомъ стремленіи къ обновленію и лучшей жизни. Даже музыкальность стиха почти не страдаетъ отъ обилія причастій, до такой степени всѣ слова входятъ необходимыми составными частями въ періодъ, противополагающій ликованію—гибель «за великое дѣло любви». Такой же силой противоположенія отличаются заключительныя строки поэмы, гдѣ изображаются истинныя причины душевной драмы, заключающіяся въ несоотвѣтствіи порывовъ съ средствами для борьбы. И нигдѣ мастерство Некрасова не достигало, можетъ быть, такой силы, какъ въ изображеніи ощущеній при помощи контрастовъ, столь свойственныхъ его поэзіи, проповѣдывавшей «любовь враждебнымъ словомъ отрицанья».

Такъ глубоко ненавижу,
Такъ безкорыстно люблю,—

писалъ онъ въ обращеніи къ «Демону». И это соединеніе ненависти и любви, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей неспособности дать имъ надлежащій просторъ, легло въ основу некрасовской лирики.

Временами онъ стремился отдѣлаться отъ «злобы», которою сердце уставало питаться, но, ясно сознавая, что «то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть», онъ продолжалъ воспѣвать «необузданную, дикую къ лютой подлости вражду». Когда сознаніе, если не измѣны своей чувствамъ ненависти и любви, то временнаго ихъ забвенія представлялось его уму,—самая сила отчаянія могла бы вредить отдѣлкѣ стиха, если бы въ Некрасовѣ не жилъ тотъ истинный художникъ, который, слѣдуя выраженію Сюлли-Прюдома, «надолго фиксируетъ въ своей душѣ мимолетныя впечатлѣнія, помѣщая ихъ, такъ сказать, внѣ себя и передъ собой». «Рыцарь на часъ», «Неизвѣстному другу», «Ликуетъ врагъ» представляютъ образцы этого умѣнія фиксировать и ставить «внѣ себя» въ качествѣ модели наиболѣе сильныя и глубокія чувства и въ законченной формѣ передавать ихъ читателю. Особеннымъ совершенствомъ формы отличается послѣднее изъ цитированныхъ стихотвореній, состоящее только изъ двѣнадцати стиховъ, но сконцентрировавшее въ себѣ и радость враговъ, и смущеніе друзей, и восторги безличныхъ, и собственное безграничное отчаяніе поэта. Къ этому стихотворенію трудно прибавить хотя бы одно слово, точно такъ же, какъ трудно найти въ немъ выраженіе, не совершенно передающее чувство или мысль поэта. Намъ остается только назвать: «Тишину», «На Волгѣ», «Несчастныхъ» (первую часть), чтобы напомнить о произведеніяхъ, написанныхъ, по выраженію Достоевскаго, «безсмертной красоты стихами».

Много или мало читаются теперь эти «безсмертной красоты стихи», мы не знаемъ. Но если (какъ это высказывалось нѣсколько лѣтъ назадъ) Некрасовъ неохотно вспоминается современнымъ поколѣніемъ, то послѣднее теряетъ отъ своего забвенія не только источникъ, изъ котораго онъ черпалъ бы импульсы для того, чтобы «весь міръ сильнѣй любить» и не идти «во станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можно быть», но и образцы совершенной формы, далекой отъ расплывчатости, туманности и искусственности.

. . . . Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

Подъ всей поэзіей Некрасова струилась «живая кровь» истиннаго поэтическаго вдохновенія, и потому, какъ бы ни относился къ ней современный читатель, живой интересъ къ «угрюмой красотѣ» некрасовской поэзіи несомнѣнно долженъ пробудиться съ новой силой. И чѣмъ скорѣе онъ проснется, тѣмъ, конечно, лучше, потому что

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

И. Игнатовъ.

Изъ исторіи чести и совѣсти.

(По Гл. И. Успенскому).

„Насъ одушевляютъ два чувства: одно я назову чувствомъ долга или совѣсти, а другое чувствомъ чести. Первое говоритъ намъ, что мы виноваты передъ народомъ, на счетъ котораго мы живемъ, а второе говоритъ намъ, что и передъ нами виноваты тѣ, которые насъ ежечасно, ежеминутно оскорбляютъ"...

Н. К. Михайловскій.

I.

Про честь и совѣсть въ наши дни совсѣмъ почти не слышно. Для значительной части литературы это во истину «забытыя слова», почти вовсе вышедшія изъ употребленія. И для литературы, и для прикосновеннаго къ ней обывателя... При мысли о послѣднемъ невольно вспоминаются слова Сидора Коробкова:

«Можетъ ли онъ быть гнѣвенъ, или можетъ ли быть онъ добръ? Нѣту! Плюнь ему въ рожу—у него рука не осмѣлится на оплеуху! Понадѣйся на него—не выручитъ, будетъ спать спокойно, хотя бы ты стоналъ у него всю ночь подъ окномъ. Не гнѣвенъ и не любовенъ; со всѣми ласковъ, но у него всѣ подлецы... Вотъ нонѣшнее поколѣніе!» *).

Рѣзкія эти слова, но къ современному интеллигентному обывателю примѣнимыя. Плевковъ въ его сторону и стоновъ вокругъ него черезчуръ ужъ много, а гнѣва оскорбленной чести и скорби наболѣвшей совѣсти, какъ будто, въ немъ и вовсе нѣтъ.

Однако нельзя на одного обывателя валить всю вину въ запамятованіи такихъ словъ, какъ честь и совѣсть. Не безвинна въ этомъ и современная литература. Въ разработываемыхъ ею міро-

---

*) Сочиненія Гл. Успенскаго, т. III. Заячья совѣсть.

созерцаніяхъ нѣтъ мѣста либо обществу съ его потребностями, либо личности съ ея сознаніемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—въ равной мѣрѣ—отрицается и обязанность личности отвѣтствовать передъ обществомъ, и ея право звать къ отвѣту ближняго. Другими словами: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обыватель «на законномъ основаніи» освобождается отъ обязанности судить себя и другихъ судомъ чести и совѣсти.

Не нужныя въ его и литературномъ обиходѣ слова, конечно, забываются.

Къ счастью, кромѣ современнаго литературнаго прейсъ-куранта, изъ котораго при начавшейся «переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей», можетъ быть, вовсе будутъ вычеркнуты такія слова, какъ честь и совѣсть, намъ доступна и иная литература—литература «самой совѣстливой эпохи» въ русской жизни. Поколѣніе той эпохи видѣло честь и совѣсть in statu nascendi—въ моментъ ихъ зарожденія, въ самый лучшій, какъ знаютъ химики, моментъ для изученія элементовъ и свойственныхъ имъ реакцій. И оно оцѣнило ихъ очень высоко. Къ явленіямъ этого порядка обращались тогда художники, публицисты и мыслители, желая «обозначить, въ чемъ заключается будущее народа и въ чемъ состоитъ дѣйствительное благо. Въ этой области люди искали и находили мѣрило для оцѣнки личности и общественныхъ отношеній. На этомъ основаніи строились общественныя программы. Этотъ лозунгъ давался дѣятелямъ, бравшимся за ихъ осуществленіе. Некрасовская «муза мести и печали» неумолчно будила тогда въ читателѣ

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

Сатиры Щедрина, какъ гнѣвный бичъ, разсѣкали удушливую атмосферу мертвящаго бюрократизма, застарѣлаго крѣпостничества и быстро отъѣдавшагося кулачества, съ удивительною мѣткостью настигая людей безъ чести и совѣсти всякаго вида и званія. Скорбь наболѣвшаго сердца, возмущеннаго пережитками крѣпостной неправды и зачатками надвигавшейся ей на смѣну неправды «купонной», на ряду съ неослабною вѣрою въ цѣлебную силу и грядущую побѣду «разума, оживленнаго сердцемъ и сердца, обобщеннаго разумомъ»,—сквозили въ каждомъ образѣ, въ каждой строкѣ Гл. Успенскаго... Исчерпать въ одной замѣткѣ все, что видѣли, перечувствовали, передумали лучшіе люди цѣлой эпохи, чѣмъ они жили и чѣмъ намъ жить завѣщали, - немыслимо. Изъ цѣлаго поколѣнія возьмемъ Успенскаго, изъ всего Успенскаго перечитаемъ лишь нѣкоторыя страницы.

II.

— Вы чьи будете?

— Мы? мы шереметьевскіе-съ! *)

Этимъ лаконичнымъ разговоромъ можно было бы начать книгу бытія чести въ россійскомъ государствѣ. Было время, когда чести не было. Развѣ могла быть честь у не-своего «человѣка», всю жизнь котораго опредѣляла воля барина, воля нерѣдко «глупая, грубая, пустомысленно жестокая, несуразная»? Да и у той горсточки людей, которые при встрѣчѣ рекомендовались «своими», развѣ могла быть честь?

Развѣ могла она быть у купца, который «былъ дойною коровою всѣхъ, кто представлялъ собою какую-нибудь власть? Онъ давалъ взятки, подносилъ хлѣбъ-соль, жертвовалъ, подписывался на альбомъ видовъ... дѣлалъ иллюминаціи «въ честь»... участвовалъ карманомъ въ какомъ-то аллегри «въ пользу»... Квартальный, городничій, частный приставъ, брандмейстеръ, судейскій крючекъ, ходатый и т. д.—все это шло къ нему въ домъ, въ лавку и брало деньги, ѣло икру, рыбу, пило водку, постоянно грозилось и требовало благодарности «за снисхожденіе». И купецъ всѣмъ платилъ, всѣхъ кормилъ, «въ глубинѣ души чувствуя, что дѣло его «нечисто», что каждую минуту его могутъ уличить и поступить на законномъ основаніи, да и на томъ свѣтѣ, пожалуй, будетъ не очень хорошо» **).

Развѣ могла быть честь у духовенства? «Баринъ,—разсказываетъ намъ Тяпушкинъ про жизнь своего отца-священника,—желая узнать, кто изъ дворовыхъ укралъ у него мѣшокъ овса, принимался гадать. Для этого онъ открывалъ псалтирь, гдѣ придется, съ закрытыми глазами, тыкалъ куда попало, и, прочитавъ строчку, которую указывалъ палецъ, начиналъ думать, что эта строчка означаетъ, на кого указываетъ? На кучера? На лакея или на бабу-солдатку Аксинью? Отецъ мой получалъ множество приказаній разъяснять текстъ и представлять соображенія, на кого именно изъ прислуги слѣдуетъ согласно смыслу текста обратить наказаніе? И отцу приходилось служить этой подлости»... ***). Служилъ онъ одновременно и подлости барина, и невѣжеству забитыхъ этимъ бариномъ крестьянъ, «предъявлявшихъ къ нему нерѣдко чистоязыческія требованія».

Это—въ деревнѣ. А въ городѣ того же священника ждало до-

*) Гл. Успенскій. Непривычное положеніе, т. III, ст. 189.

**) Книжка чековъ, т. I, ст. 481—482.

***) Волей-неволей, т. II, ст. 491.

брохотное даяніе купца, желавшаго и Бога обмануть, какъ онъ обманывалъ своихъ покупателей. Тамъ священника обступали иныя требы, не менѣе подлыя, а подчасъ еще болѣе жестокія.

— Ваше благословеніе, «къ скрозь строю» пора... Приготовляются... *)

И невольный ассистентъ творившихся жестокостей спѣшилъ на мѣсто казни. Онъ приносилъ съ собой св. крестъ и св. дары, но съ нимъ не было святыни сердца—праведнаго гнѣва. И въ городѣ и въ деревнѣ, и въ палатахъ барина и въ хатѣ крестьянина, и въ частномъ домѣ и на лобномъ мѣстѣ служитель Бога неизмѣнно являлся покорнымъ рабомъ царившихъ всюду невѣжества, подлости и жестокости.

Развѣ была честь у чиновника? Но какъ бы онъ сталъ съ нею выполнять завѣтъ, перешедшій къ нему отъ предковъ:

— «Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови поболѣ!» **)

Для этого не честь нужна была, а задній ходъ въ домѣ, цапкія руки, гибкая шея и другіе испытанные пособники лихоимства и казнокрадства. «Взяточничество и казнокрадство было распространено повсюду, считалось настоящимъ дѣломъ жизни, доходило до аматерства. Нажива ловкая и умѣлая поглощала плохо или почти неразвитый умъ большинства неплательщичьихъ классовъ, знавшихъ большею частію на своей близкой роднѣ, а то и на собственномъ дѣтствѣ, что такое нужда, что такое голодное брюхо. Въ наживаніи не было другихъ цѣлей, кромѣ этого наживанія, кромѣ простой волчьей потребности удовлетворить аппетитъ, голодъ желудка» ***). Правда, это волчье нутро прикрывалось человѣчьимъ обличьемъ: «о грабежахъ не было и помину: толковали объ отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствіи небесномъ; ходили къ обѣднѣ, ѣли, пили, спали, цѣловали другъ у друга ручки»... и изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывали въ себѣ не сознаніе человѣческаго достоинства, а привычку «ежеминутно лгать, притворяться и рабствовать» ****).

Развѣ была честь у барина? Да, была... но только особая... Требованія этой чести, нужно думать, создали «настоящаго» барина, образъ котораго сохранила народная память. «Въ высокой оградѣ своихъ казенныхъ правъ, возсоздаетъ его намъ художникъ, онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи... Мозгъ, умъ, сердце плохо и нездорово дѣлали свое дѣло въ этихъ обширныхъ, когда-то блистательныхъ господскихъ дворцахъ... Изъ всѣхъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, ко-

*) Волей-Неволей, т. II, ст. 288.
**) Разоренье, т. I, ст. 259.
***) На старомъ пепелищѣ, т. I, ст. 570.
****) Разоренье, т. I, ст. 259.

торые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, вы услышите объ ужасныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, объ ужасныхъ безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ поповъ и чиновниковъ,—безчинствахъ, тоже имѣвшихъ цѣлью потѣху, развлеченіе, и волей-неволей увидите, что нашъ феодалъ не могъ выдумать ни удовольствія, ни потѣхи, ни развлеченія, мало-мальски похожихъ на развлеченія здороваго человѣка. Пороть и наслаждаться этимъ—надо быть больнымъ; приклеить попу бороду къ столу - надо быть пьянымъ; вывалять станового въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему - затѣя человѣка и нетрезваго, и неумнаго» *). И ничѣмъ этимъ не гнушался настоящій баринъ. Культъ помѣщичьяго достоинства, доведенный до своихъ «настоящихъ» предѣловъ, неизмѣнно приводилъ къ поруганію въ себѣ и другихъ достоинства человѣческаго. Помѣщичья честь, какъ и всякая иная сословная или классовая, въ самой себѣ носила отрицаніе того, что краситъ человѣка.

Да, было время, когда чести не было. Рабство милліоновъ оподлило самое имя человѣка, сдѣлавъ его синонимомъ холопа, лишеннаго собственнаго достоинства и пригоднаго лишь для помыканія. Всѣ отношенія—личныя, семейныя, общественныя—были насквозь проникнуты самымъ безцеремоннымъ отрицаніемъ правъ человѣческой личности и прежде всего ея физической и душевной неприкосновенности. Чувство собственнаго достоинства, если и возникало въ комъ, то подъ давленіемъ окружавшей среды принимало самыя уродливыя формы, обращаясь въ самодурство у сильныхъ и прикрываясь юродствомъ у слабыхъ. Иной сживаемый со свѣта человѣкъ въ отчаяніи хватался за собственные сапоги, желая хотя бы въ отношеніяхъ къ нимъ сохранить свою самостоятельность:

— «Что жъ... Ничего! Возьму вотъ сыму... сапогъ... д-да! а потомъ надѣну... Ничего? и другой сыму... И преотлично!» **).

Читатели, конечно, помнятъ этого мѣщанина, въ пьяномъ бормотаніи котораго заключалась цѣлая драма поруганной личности и испорченной жизни. Помнятъ и того благообразнаго старичка, который засѣлъ на берегу съ удочкой:

— «Теперь пусть-ка они меня поищутъ!—твердилъ онъ, довольный своей выдумкой уйти отъ людей.—Пускай!.. А ужъ душу свою я соблюду... Буду вотъ сидѣть подъ кустомъ, да рыбу ловить, ничего мнѣ не нужно... Ничего!..» ***).

Соблюсти душу отъ всевозможныхъ надругательствъ и можно было только уйдя отъ жизни. Смутныя идеи правды и добра, за-

*) Изъ деревенскаго дневника, т. II, ст. 7.
**) Наблюденія одного лѣнтяя, т. I, ст. 419.
***) Ibid. ст. 416—417.

рождавшіяся въ этой средѣ или заносившіяся въ нее извнѣ, были безсильны возстановить человѣка и только отягощали лежавшія на немъ цѣпи.

— «Все соблюди, подъ козырекъ сдѣлай, и ножкой шаркни, и въ бумагѣ нашабарши иеромъ что слѣдуетъ, да свое-то слово вверни,— если ты человѣкъ съ совѣстью... Извивайся, коли такъ, передъ высшими, ползай, да изловчайся же сказать и свое! *).

Вотъ что требовало сердце отъ раба, въ душу котораго пробралась совѣсть,—совѣсть робкая, рабская, безсильная. Отдѣльныя личности и постепенно подбиравшіеся изъ нихъ маленькіе кружки интеллигенціи были еще безсильны согрѣть и освѣтить эту почти безпросвѣтную мглу, которая висѣла надъ страной.

Да, было время, когда ни чести заправской, ни совѣсти настоящей не было. Человѣка не было.

У Успенскаго есть очеркъ **), въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ группа людей изъ этой «безчеловѣческой» среды попала было на дорогу, «по которой можно было дойти до сознанія правъ живого человѣка на землѣ». Передъ нами семья, каких было много,— «если не вся тогдашняя русская толпа»; «семья, угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ»: «еще наживешь хлопотъ». Вѣчное безпрерывное безпокойство о виновности самаго существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы... Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого: напротивъ: именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ. Всѣ простые, обыкновенные люди не жили:—«мыкались» или просто «кормились», но не жили.

И вотъ въ такую-то мыкавшуюся семью является Парамонъ. Парамонъ—это юродивый, мужикъ, крайне недалекій, неграмотный. «Было у него выдумано или измышленно нѣсколько фразъ, которыя по всей вѣроятности должны были выражать какую-нибудь мысль, но по безграмотству мужика-подвижника не означали ничего, кромѣ чепухи». Но этотъ «разженившійся» и изуродовавшій себя человѣкъ «шелъ по дорогѣ въ небо» и шелъ «съ безбоязненною увѣренностью въ своей правотѣ». Съ его приходомъ открылась масса новыхъ, небывалыхъ и немыслимыхъ до того перспективъ: рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги. Оказывалось, что есть что-то выше и лучше того, чего вчера еще всѣ боялись, чему завидовали. Весь домъ, вся семья начала ощущать цѣль и смыслъ жизни человѣческой. «*Мы* что-то должны... *мы* что-то можемъ... Не все кто-то можетъ надъ нами и не всѣмъ мы должны». Вотъ

*) Заячья совѣсть, т. III, ст. 100.

**) Парамонъ Юродивый, т. I.

какія необыкновенныя ощущенія пришли вмѣстѣ съ Парамономъ въ забитую семью.

Пришли... и исчезли при первомъ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. Достаточно было появленія квартальнаго съ вопросомъ о паспортѣ, чтобы разрушить все обаяніе Парамоновой личности. Безбоязненая увѣренность въ своей правотѣ, не покинувшая Парамона и при квартальномъ, не только не привлекла, а еще болѣе оттолкнула людей, которые «не могли» понимать вѣрности себѣ, казавшейся имъ глупостью. «Не показать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что боишься»— вотъ что диктовала житейская мудрость. И если Парамонъ не отрекся отъ себя, то вся увлеченная имъ семья — отъ мала до велика — отреклась отъ Парамона и предала его, предала даже тамъ—въ глубинѣ своего сердца. Передъ лицомъ квартальнаго, вооруженнаго правомъ протокола, исчезло все, что принесъ съ собой Парамонъ. Занесенныя имъ понятія правды, искренности, простоты; пробужденныя имъ чувства права и долга—улетучились. Осталось прежнее, отягченное совершоннымъ предательствомъ, сознаніе собственнаго ничтожества, да воспитанная вѣковымъ рабствомъ привычка «чтить руку бьющаго паче ближняго и самого себя».

III.

«Вотъ въ этакомъ-то видѣ, какъ выражался купецъ Таракановъ, и всунулись мы рыломъ въ леформы» *).

Теперь—спустя почти полвѣка—трудно себѣ и представить то потрясающее дѣйствіе, какое имѣли эти реформы и даже не столько реформы, сколько нахлынувшія въ это время идеи, нашедшія себѣ въ реформахъ лишь частичное осуществленіе. Собственно была одна идея, сразу заявившая о себѣ въ цѣломъ рядѣ формулъ, хотя ее легко было охватить однимъ словомъ. Слово это — *человѣкъ*, живой человѣкъ на землѣ, понятіе совершенно неизвѣстное крѣпостной философіи, понятіе неизмѣримо великое по объему и неисчерпаемо богатое по содержанію. Будучи найдена, эта идея однимъ своимъ появленіемъ въ сознаніи упразднила все крѣпостное міросозерцаніе, однимъ своимъ распространеніемъ дѣлала немыслимымъ весь дореформенный строй жизни. Въ однихъ случаяхъ на много опережая реформы, въ другихъ — дѣлая ихъ неизбѣжными, она начала рвать путы, связывавшія по рукамъ и ногамъ личность. Казалось, все старое должно было рухнуть и начаться все новое. Ощущеніе «всемірнаго потопа» было господствующимъ чувствомъ того времени.

*) Затрудненія купца Тараканова, т. II, ст. 788.

— «Теперь не то!» —заговорили чиновники.

— «Нонѣ не то время!»—тараторили мужики.

— «Не тѣ нонѣ времена!» —охали купцы.

«Иные отъ этихъ новыхъ временъ плакали, разорялись, ожесточались; другіе радовались имъ, пріободрялись, похваливали» *).

Кузьма Егорычъ Гвоздевъ, напримѣръ, только что блистательно начавшій карьеру дореформеннаго чиновника и въ изобиліи запасшійся всѣми необходимыми для этого качествами, на первыхъ порахъ былъ кругомъ запутанъ этими новыми вѣяніями. «Съ одной стороны слышалось: «честь нужна, честь»... Съ другой—«совѣсть», «благо». Кузьма Егорычъ только повертывался, совершенно убитый, и съ умоляющими глазами лепеталъ то направо, то налѣво: «Честь? Ты говоришь, честь? Ваня! Что жъ я... голубчикъ! Совѣсть! Опять... Петръ Иванычъ, отецъ, развѣ я? Господи!» Но ни откуда не было ни пощады, ни милосердія... «Я видѣлъ его, разсказываетъ авторъ, однажды въ жалчайшемъ видѣ: онъ стоялъ въ соборѣ, въ темномъ уголкѣ, положивъ кисти обѣихъ рукъ на набалдашникъ палки и, закинувъ голову назадъ, какъ бы въ изступленіи отчаянія пѣлъ вслѣдъ за хоромъ: «конецъ приближается!».. и слезы дрожали въ его голосѣ» **).

И въ это же время Михаилъ Ивановичъ,—выгнанный съ завода рабочій, получившій «просіяніе ума своего»,—на встрѣчнаго и поперечнаго насѣдалъ съ своей необузданной вѣрой въ эти самыя новыя времена:

— «Пора ее шваркнуть, палку-то!—выкрикивалъ онъ.—Д-да! Поразсказать въ Питерѣ—ахнутъ! Нонѣ она объ двухъ концахъ стала... Д-да!.. Пора простому человѣку дать дыханіе! Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать... Дайте ходъ!..» ***).

Теперь мы уже знаемъ—и, къ сожалѣнію, слишкомъ доподлинно знаемъ,—что благословенія и проклятія, которыми были встрѣчены новыя времена, оказались чрезмѣрными. Не все старое рушилось и не все новое осуществилось. Многое изъ стараго уцѣлѣло,—тотъ же Кузьма Егорычъ выплылъ,—и даже изъ того, что казалось исчезнувшимъ, многое въ тѣхъ же или иныхъ формахъ ожило и по прежнему налегло на простого человѣка. Еще больше оказалось новаго, не умѣстившагося въ жизни, а и то, что умѣстилась, съ теченіемъ времени какъ-то принизилось и поблекло. Великая задача утвердить права человѣка въ русской землѣ—оказалась много труднѣе, чѣмъ думало поколѣніе, взявшееся за ея осуществленіе. Унаслѣдованныя отъ вѣкового рабства привычки, еще не расшатанные научнымъ знаніемъ пред-

*) Своекорыстный поступокъ, т. II, ст. 355.

**) Наблюденія одного лѣнтяя, т. I, ст. 422.

***) Наблюденія Михаила Ивановича, т. I, ст. 238.

разсудки, связанные съ наличными экономическими отношеніями интересы, оставшіеся нереформированными правовые институты,— все это до нельзя затруднило проникновеніе великой идеи въ сознаніе отдѣльныхъ личностей и распространеніе ея въ массѣ. Радостный актъ творенія новыхъ общественныхъ формъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ. Начался медлительный процессъ пробужденія человѣческаго самосознанія, процессъ, пошедшій крайне неровно, процессъ, осложнившійся цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій.

Чтобы привести къ «сознанію правъ живого человѣка на землѣ», этотъ процессъ долженъ былъ быть двустороннимъ. Мои права и права ближняго моего—въ равной мѣрѣ права живыхъ людей. Но можно очень чутко относиться къ первымъ, совсѣмъ не заботясь о вторыхъ, и, наоборотъ, можно всецѣло отдаться на служеніе ближнему, совсѣмъ забывая о своихъ правахъ, какъ живой личности. Болѣзненно развитое чувство собственнаго достоинства, въ одномъ случаѣ, и болѣзненно утрированное чувство общественности, въ другомъ,—таковы были неизбѣжные результаты душевнаго процесса, нормальное теченіе котораго было чѣмъ либо нарушено. По дорогѣ къ сознанію правъ живого человѣка на землѣ легко было заболѣть болѣзнью чести, не уравновѣшенной соотвѣтственно развитой совѣстью, или болѣзнью совѣсти, не поддержанной въ ея трудномъ дѣлѣ чувствомъ чести.

Изъ раба или самодура сдѣлаться человѣкомъ не легко. Для этого нужно свои и чужія права усвоить мыслью, пережить чувствомъ, сдѣлать опредѣляющимъ моментомъ своей воли. Но въ процессѣ этого всесторонняго перерожденія мысль нерѣдко опережала чувство, сердце часто оказывалось безсильно порвать путы, связывавшія волю. Одновременно съ болѣзнью чести или совѣсти человѣкъ нерѣдко заболѣвалъ болѣзнью мысли или болѣзнью сердца.

Гл. И. Успенскому—отзывчивому и правдивому историку переходнаго времени—значительную часть своего таланта пришлось отдать изображенію и анализу этихъ болѣзненныхъ явленій, болѣзней мысли и сердца, чести и совѣсти.

И мы не можемъ миновать ихъ.

VI.

Одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ болѣзни чести данъ Успенскимъ подъ заголовкомъ «Темный деревенскій случай» *). Произошелъ этотъ случай въ молодой семьѣ сельскихъ торгов-

*) Изъ деревенскаго дневника, т. II, ст. 94—107.

цевъ Кузнецовыхъ, въ семьѣ, которой все, казалось, сулило счастье. «Вѣдь какъ, братецъ ты мой, чудесно жили-то въ первомъ году,—разсказывалъ про ихъ жизнь односелецъ,—ангелы преподобные! Торговлю начали чисто, на готовыя денежки, всего много, домъ съ иголочки, оба любо глянуть, ужъ объ ней и говорить нечего: королева—одно слово! Да и онъ парень складный... Бывало, взойдешь въ лавку-то къ нимъ, соли тамъ или что-нибудь взять—сидятъ оба, какъ птички, и ласковы, и веселы... И самому-то, ей-Богу, весело станетъ... Вдругъ, какъ нечистый попуталъ, сразу, братецъ ты мой, оба какъ оглашенные стали». Эта гармонія готовыхъ денежекъ, новенькаго дома и красивой пары молодыхъ животныхъ по новымъ временамъ оказалась очень неустойчивой. Началось съ того, что умеръ отъ удара всѣмъ сердцемъ почитаемый родитель Кузнецова, а потомъ въ однѣ сутки сгорѣла трехмѣсячная дочка, Ольгунька, въ которой и онъ, и жена его, Милочка, души не чаяли. Несчастія, постигшія Кузнецовскую семью, конечно, были велики, но съ точки зрѣнія людей ихъ уровня не такія ужъ неизбывныя. Конечно, «на счетъ родителя—дѣло ужъ совсѣмъ плевое, не воротишь», ну, а на счетъ дѣвочки, по мнѣнію всѣхъ окружавшихъ, печалиться особенно не стоило: другія будутъ. И, вѣроятно, переболѣвъ душою, Кузнецовы довольно скоро нашли бы себѣ утѣшеніе въ этой возможности имѣть дѣтей, въ возможности вновь такимъ путемъ наладить не затронутое критическою мыслью счастье, если бы сердце Кузнецова, въ связи съ постигшими его несчастіями, не поразилъ другой ударъ, гораздо болѣе тяжкій—сознаніе собственнаго ничтожества. Случайно зашедшій въ лавку аптекарь не усомнился бросить ему въ лицо упрекъ, что они сами виноваты въ смерти дѣвочки: «Рожать, говоритъ, умѣете, а даже ходить не умѣете, не знаете, что вредно, что полезно... Это и свиньи такъ-то за поросятами ходятъ... Тоже «родители» называются... почитай ихъ!» Нанесъ ударъ и ушелъ.

А въ душѣ Кузнецова начался невидный и непонятный окружающимъ процессъ. Съ малыхъ годовъ «лѣтъ пятнадцать кряду онъ только и дышалъ Милочкиной любовью; пережилъ съ нею годъ такого счастья, какого иному и во снѣ не приснится; зналъ, что такое радости семейной жизни, что за счастье быть отцомъ, и вдругъ, одно за другимъ, два несчастья, потомъ пустота голая и сознаніе собственнаго невѣжества»... А на счетъ невѣжества онъ понялъ сразу, съ одного разговора. Понялъ—и прежняя, скорѣе животная, чѣмъ человѣческая, жизнь для него сдѣлалась невозможной. «Поднялась моя любовь по этому случаю, разсказывалъ онъ потомъ, градусомъ выше, сталъ я любить другое. Сталъ я влюбляться въ размышленія, въ разсужденія... И, повѣ-

рите ли, въ слова, въ мысли, которыя пошли у меня ходить въ головѣ, я такъ же точно сталъ влюбляться, какъ въ Милочку... Однова аптекарь (это ужъ въ городѣ какъ-то случилось) показалъ мнѣ такую штуку: чашка съ водой; вода какъ есть чистая, комнатная, и вдругъ подсыпали чего-то... что же?—въ одну минуту замерзла, а было лѣто... Такъ что́ со мной было, если бы вы только знали!.. Такое охватило меня невѣдомое блаженство, такая радость какая-то (и, истинно, самъ не знаю отчего), ну, ни съ чѣмъ сравнить невозможно... Прямо вамъ сказать—началась у меня другая любовь, выше и много любопытнѣй, такъ по крайности въ ту пору мнѣ представлялось!.. И рвусь я, что дальше, то больше. И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй... А, между прочимъ, слышу, что Милочка не тѣмъ норовитъ вылѣчиться».

Мы можемъ сдѣлать перерывъ въ нашей сжатой передачѣ высоко-художественнаго очерка. Передъ нами вполнѣ обрисовался душевный процессъ, пережитый Кузнецовымъ. Жизнь, можетъ быть, и черезчуръ сурово, но за то тѣмъ болѣе неуклонно привела его къ сознанію одного изъ основныхъ правъ живого человѣка на землѣ—права быть умнымъ, знающимъ. Это право, какъ право личное, имъ было сознано вполнѣ: и мыслью усвоено, и чувствомъ пережито, и волей уже осуществляется. Отказаться отъ этого права за себя онъ уже не могъ—этого не позволило бы чувство чести, этотъ властный инстинктъ самосохраненія сознавшей себя личности. Но дѣло личное въ его сознаніи еще не претворилось въ дѣло общее. И при столкновеніи съ окружающей средой проснувшійся одной стороной человѣкъ легко могъ обратиться опять въ животное, даже въ звѣря.

А это столкновеніе для Кузнецова было неизбѣжно. Милочка, оставшаяся на томъ берегу, норовила вѣдь не тѣмъ вылѣчиться И она, и всѣ окружающіе «полагали, что необходимъ опять ребенокъ, чтобы вновь жизнь получила смыслъ». «Наскочившій на другой смыслъ» Кузнецовъ попробовалъ замкнуться въ себѣ, но не выдержалъ напора ожесточившейся среды. Его личность, не доросшая до признанія человѣческаго достоинства вообще и до сознанія своихъ обязанностей къ ближнему, не нашла лучшихъ средствъ для защиты своей неприкосновенности, какъ кулакъ, пьянство, развратъ. Когда же родственники Милочки захотѣли его «силкомъ къ этому самому порядку привести», то въ немъ окончательно проснулся звѣрь. Въ домѣ началась невообразимая свалка, закончившаяся тѣмъ, что самъ Кузнецовъ угодилъ въ тюрьму за истязанія жены, а синяя вся отъ побоевъ Милочка очутилась въ сумасшедшемъ домѣ.

Такъ окончилось дѣло чести, не уравновѣшенное обобщающей

работой совѣсти. Предпринятое въ защиту личности, оно привело ее къ новому, еще болѣе глубокому паденію. Сознай Кузнецовъ свое право, какъ частицу права общаго, онъ, конечно, нашелъ бы иныя, болѣе цѣлесообразныя средства для самообороны.

Теперь, послѣ пережитой драмы, этотъ не только добрый, но, по наблюденію автора, и старающійся быть добрымъ человѣкъ, очевидно, понялъ, что есть еще любовь, много выше и любопытнѣй даже любви къ размышленіямъ. Эта любовь—любовь къ человѣку. И въ Милочкѣ онъ увидитъ теперь не только хорошенькую и милую женщину, какъ видѣлъ сначала, и не невѣжду только, какъ видѣлъ потомъ, а такую же, какъ и онъ самъ, правоспособную человѣческую личность. «Теперь, Богъ дастъ, воротится она, онъ все ей сдѣлаетъ, все предоставитъ, словомъ — теперь у нихъ съ ней совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ»...

V.

Въ параллель съ этой тяжелой драмой чести можно поставить не менѣе тяжкій случай болѣзни совѣсти, художественное изображеніе котораго дано Успенскимъ въ классическомъ по выполненію очеркѣ «Неизлѣчимый» *). По обстановкѣ разсказанная въ этомъ очеркѣ драма имѣетъ много общаго съ Кузнецовской. Больной — изъ той же среды сельскаго полукультурнаго люда: сельскій діаконъ (Милочка и вся ея родня — тоже духовнаго званія). До заболѣванія это—человѣкъ до края переполненный, какъ онъ выражался, «свинымъ элементомъ». Такъ въ молодости, «когда онъ былъ мальчикомъ лѣтъ семнадцати, у него еще было что-то грустное, тяжелое на душѣ, что-то какъ будто саднило». Но жизнь до конца, казалось, выѣла эти зародыши чести и совѣсти, и онъ сжился со средой, въ которой «все было воспитано уважать домъ, землю, деньги больше, чѣмъ правду своей души». Съ мыслью о домѣ онъ женился, съ мыслью о доходахъ и жирномъ бокѣ жены посвящался, съ непрестанной заботой о деньгахъ жилъ и исполнялъ свои обязанности. Для него «только рубль было настоящее дѣло, только кусокъ въ желудкѣ, да жена ночью рядомъ — настоящее удовольствіе, а все остальное только *такъ*“... И школа только такъ, и реформы только такъ, для видимости, а въ сущности, только для того, чтобы получать деньги и получать ихъ удобнѣе. Однимъ словомъ, всѣ подлецы... Другой теоріи онъ не зналъ. «И въ такой-то дѣвственной душѣ проснулась совѣсть».

Разбудилъ ее сторонній человѣкъ: чѣмъ для Кузнецова былъ

*) Т. I, ст. 590 - 628.

аптекарь, тѣмъ для о. діакона — учительница. Эта характерная особенность почти всѣхъ драмъ чести и совѣсти переходнаго времени. Разрушительная для «свиного элемента», критическая мысль не сама собой зарождалась, а заносилась извнѣ, часто помимо воли и участія лица, ее воспринимавшаго, а иногда и лица ее занесшаго. Благодаря этому, заболѣванія имѣли видимый характеръ случайности, внезапности.

И съ о. діакономъ это внезапно случилось. «Шелъ себѣ человѣкъ *такъ*, просто чаю попить, напримѣръ, и вдругъ ему этакъ... чуть не воръ». Да иначе и быть не могло: учительница была изъ новыхъ, т. е. изъ зараженныхъ уже критическою мыслью. И вотъ передъ нею-то, бросившей мужа, домъ, склады, капиталъ, убѣжденной, что «всю душу надо отдать на помощь бѣдному», случайно зашедшему о. діакону вздумалось развить свою, казавшуюся ему несомнѣнною, теорію заполученія рубля. Онъ это и сдѣлалъ, предпославъ ей нѣсколько «юмористическихъ» анекдотовъ изъ собственной практики (въ родѣ насильнаго захвата курицы у мужика, не имѣющаго чѣмъ заплатить за требу) и сопроводивъ ее поучительнымъ заключеніемъ, что «смотрѣть имъ (мужикамъ) въ зубы нечего, что надо съ ними не очень, чтобы тонко»... А та, вся позеленѣвъ отъ гнѣва, «съ этакою неделикатностью прямо ему, можно сказать, въ морду»: «Это — денной грабежъ! говоритъ. Да точно ли вы въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаете? Точно ли, молъ, вамъ платить надо»? И не сумѣлъ свиной человѣкъ не только ей, но и самому себѣ дать надлежащаго отвѣта.

А отвѣтъ былъ нуженъ. Критическая мысль, проникнувъ въ сознаніе, уже начала свою работу. Какъ ферментъ, усиливаясь въ вызваннымъ ею самою процессѣ душевнаго броженія, она разложила усвоенные съ дѣтства взгляды и принудила захваченнаго ею субъекта сознательно отнестись и къ самому себѣ, и къ окружающей его дѣйствительности. Прежняя жизнь сдѣлалась для него немыслимой. Но тутъ-то и настигла его бѣда, мученія, болѣзнь. «Выходило такъ, что надо бросить домъ, имущество, духовное званіе — и во вретищѣ идти въ потѣ лица своего зарабатывать хлѣбъ». А съ другой стороны, «стало представляться, какъ это хорошо дома, съ женой и все прочее такое»... То совѣсть вонъ куда вознесетъ, то свиной человѣкъ низвергнетъ. Отсюда и пошло: то побои, пьянство, развратъ и всяческое безобразіе стремящагося возстановить свои права свиного элемента, то мучительная мысль, что надо «либо — помирать, либо все — вновь», и сознаніе своей безконечной вины предъ людьми, вины, потому что, «если они и животныя, то ты только посодѣйствовалъ имъ быть ими, а не что либо другое сдѣлалъ».

Это чувство собственной виновности, неуравновѣшенное созна-

ніемъ правоты, и является характерною особенностью болѣзни совѣсти. Къ Кузнецову, болѣвшему другою болѣзнью, это чувство пришло, какъ мы видѣли, лишь при выздоровленіи. Въ разгарѣ же болѣзни тотъ не себя считалъ виновнымъ передъ другими, а только другихъ — передъ собою за ихъ намѣреніе «привести его къ своему порядку». До отца діакона «сознаніе правъ живого человѣка на землѣ» дошло совсѣмъ въ иной формѣ. Въ сущности, имъ сознано не менѣе великое, чѣмъ и Кузнецовымъ, право человѣка—право быть добрымъ, но сознано не какъ личная потребность, а какъ обязанность передъ другими, имѣющими право отъ него это требовать. И новая жизнь ему нужна не для себя, — для себя ему по прежнему нуженъ лишь вкусный кусокъ въ желудкѣ да жирный бокъ жены рядомъ, — а для другихъ, права которыхъ безнаказанно нарушить онъ уже не можетъ, такъ какъ этого не позволитъ ему заговорившая совѣсть, — этотъ не менѣе властный, чѣмъ и инстинктъ личнаго самосохраненія, инстинктъ общественности. И если Кузнецовъ болѣлъ тѣмъ, что право личное въ его сознаніи не претворилось въ дѣло общее, что дѣло чести осталось неуравновѣшеннымъ совѣстью, то болѣзнь Неизлѣчимаго какъ разъ, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что голосъ совѣсти не былъ поддержанъ въ немъ чувствомъ собственнаго достоинства, что право общее оказалось въ противорѣчіи съ потребностями личными.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ этотъ разладъ оказался гибельнымъ для личности съ ея неокрѣпшимъ еще и не пріобрѣвшимъ устойчиваго равновѣсія самосознаніемъ.

VI.

Необходимо, однако, замѣтить, что та острая форма болѣзни совѣсти, которой былъ пораженъ Неизлѣчимый, не была единственной и не можетъ считаться типической для переходнаго времени. Гораздо распространеннѣе и потому несравненно важнѣе въ общественномъ смыслѣ была другая ея форма, къ которой то и дѣло возвращается въ своихъ очеркахъ Успенскій.

Къ Неизлѣчимому сознаніе правъ человѣка пришло, какъ мы видѣли, въ формѣ признанія чужого права и то лишь постольку, поскольку оно должно было найти себѣ осуществленіе въ его личности, т. е. въ формѣ искового требованія, предъявленнаго къ нему, какъ къ отвѣтчику Но права другихъ людей далеко не исчерпываются тѣми требованіями, которыя могутъ быть предъявлены ко мнѣ, какъ къ сознавшей ихъ личности. Несравненно больше такихъ требованій можетъ быть предъявлено къ соціаль-

нымъ условіямъ, среди которыхъ протекаетъ и моя жизнь, и жизнь моихъ однообщественниковъ. Въ этомъ большомъ искѣ нѣтъ и не можетъ быть противоположенія между моими и чужими правами. Чужое право, проходя черезъ мое сознаніе, не обращается въ мою обязанность, а сознается, какъ общее право человѣка—и мое, и моего ближняго. Къ дѣлу истребованія такихъ правъ сознаніе привлекаетъ личность не въ качествѣ отвѣтчика, а въ качествѣ истца, истца за себя — по чувству чести, за другихъ — по долгу совѣсти. При нормальномъ ходѣ этого душевнаго процесса потребности личныя и задачи общественныя сознаются, какъ нѣчто единое, цѣльное и нераздѣльное: то, что нужно мнѣ, нужно и моимъ ближнимъ; то, что нужно обществу, нужно, въ сущности, прежде всего мнѣ, какъ входящей въ составъ его личности.

Это совпаденіе личныхъ потребностей и стоящихъ на очереди общественныхъ задачъ можетъ быть разсматриваемо и изучаемо даже независимо отъ того, каковы эти потребности и эти задачи. У Успенскаго есть очеркъ—публицистическій съ массой беллетристическихъ вкраплинъ — подъ заголовкомъ «Больная совѣсть». Цѣлымъ рядомъ параллелей онъ какъ нельзя ярче оттѣняетъ въ немъ разницу, какая наблюдается въ отношеніяхъ личности къ общественному дѣлу у насъ и на Западѣ. Очеркъ относится къ самому началу семидесятыхъ годовъ, когда нѣмцы торжествовали побѣду надъ французами, а французская буржуазія разстрѣливала коммунаровъ. Впечатлѣнія отъ заграничной поѣздки, отъ тѣхъ дѣлъ, которыми занималась въ это время Европа, могли быть и были самыя ужасныя. «Я даже и говорить не могу,—замѣчаетъ Успенскій,—ни о чемъ, кромѣ самыхъ непріятныхъ вещей, но, въ концѣ концовъ,—какъ бы ни было дурно то, что попадается вамъ на глаза,—на душѣ будетъ хорошо». «Версальскій неправедный судья (безъ стыда и жалости приговаривавшій къ разстрѣлу своихъ братьевъ), и берлинскій звѣрь (упоенный побѣдой)... всѣ они дѣлаютъ только то, къ чему влекутъ ихъ личныя нравственныя требованія. Неправедный версальскій судія, убивая въ коммунарѣ ненавистную ему идею, дѣлаетъ это потому, что, допустивъ идею врага, онъ долженъ отказаться отъ своей, которою онъ живетъ и которую *считаетъ справедливою*... Звѣровидный берлинецъ потому такъ охотно исповѣдуетъ религію пропарыванія кишекъ ближняго, что вслѣдствіе множества мельчайшихъ причинъ, о которыхъ можете прочитать въ книжкахъ, эта религія составляетъ идею его личной жизни; она ему нужна за кружкой пива, за трубкой. Съ своей точки зрѣнія онъ можетъ представить тысячи, по его головѣ, совершенно логическихъ доводовъ, которые его совершенно оправдываютъ. На своемъ знамени въ данную минуту онъ можетъ написать такое словечко, которое ему дороже жизни.. Ощути онъ

за своей трубкой, за своей пивной кружкой потребность не пропарывать кишекъ—и на знамени надо будетъ писать другое слово, а старымъ, пожалуй, не стащишь его съ мѣста Заберись коммунарская идея въ голову, въ сердце, словомъ, въ будничный обиходъ версальскаго неправеднаго судіи—и пожалуй, не онъ будетъ убивать, а его»... *).

Вотъ отчего становилось хорошо на душѣ у наблюдателя русской жизни, удрученнаго переполнявшими эту жизнь явленіями больной совѣсти, ненужной для общаго дѣла личной жизни. Изъ цѣлаго ряда характерныхъ для русской дѣйствительности типовъ, мѣтко — подъ часъ двумя-тремя штрихами — очерченныхъ Успенскимъ въ томъ же очеркѣ, напомнимъ отставного солдата Кудиныча, для котораго всѣ былые враги—самые добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтовавшіе и неизвѣстно зачѣмъ имъ усмирявшіеся;—прокурора, который въ залѣ суда упекаетъ крестьянина Андронова за порубку дубковъ, въ перерывѣ засѣданія сочувствуетъ ему и даетъ деньги, а дома является демагогомъ; — посланнаго «для изученія народнаго быта» агента одного отдѣленія одной канцеляріи, считающаго возможнымъ доказывать, что гораздо лучше, если это гнусное дѣло будетъ находиться въ рукахъ честнаго человѣка;—купца-раскольника, не рѣшающагося напиться чаю изъ чужой посуды, хотя и сознающаго, что это глупость... Этотъ характерный для несознавшей своихъ правъ личности разладъ идей и личной жизни у многихъ въ переходное время достигъ «большой огромности», принявъ одну изъ специфическихъ формъ болѣзни совѣсти.

Идеи, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе права человѣка, не съ нами выросли, а пришли къ намъ извнѣ, въ качествѣ послѣдняго слова европейской мысли и европейскаго опыта. «Русскій сознательный человѣкъ, говоритъ Тяпушкинъ, въ своемъ духовномъ развитіи волей-неволей долженъ былъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно *послѣднее слово*, точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремневое ружье» *). «Послѣднее слово» было воспринято и сдѣлалось обязательнымъ, какъ обязательна всякая заявившая о себѣ истина. Но между великими идеями и мизерными потребностями приниженной вѣковымъ рабствомъ личности, воспринявшей эти идеи, оказалась цѣлая пропасть. Благодаря этому, многіе и многіе восприняли эти идеи лишь въ общей, отвлеченной формѣ. Они сознали, что нужно человѣку вообще, и въ то же время чувствовали, что это, нужное вообще, имъ лично совсѣмъ не нужно. «Лично, говоритъ тотъ же Тяпуш-

*) Больная совѣсть, т. I, ст. 713.
**) Волей-неволей, т. II, ст. 481.

кинъ, я могу переносить школу съ «гигіенической» (для порки) скамейкой... Лично я могу терпѣть голодъ, насиліе, несправедливость... Лично я могу поддерживать несправедливость, дать взятку, примазаться къ откупамъ... Лично я могу переносить глупую и пустую семейную жизнь, лично я знакомъ съ трусостью... У меня лично нѣтъ матеріала для общественнаго дѣла» *).

Однихъ этотъ разладъ привелъ къ драмѣ, другихъ надѣлилъ тупой болью хронически больной совести. Припомните «возмутительный случай»—этотъ самый драматическій моментъ въ драматической и безъ того біографіи Тяпушкина. Первое личное дѣло, первая личная его обязанность, первая проба предъявить размѣры личной смѣлости жить на свѣтѣ, личной опрятности отношеній человѣческихъ, личнаго уваженія къ личности другихъ»,—отозвались въ его сердцѣ желаніемъ измѣнить общему дѣлу. И его сердце содрогнулось отъ неописаннаго ужаса, когда онъ созналъ, что «отъ общаго дѣла къ его личному дѣлу—нѣтъ дороги, даже нѣтъ тропинки». Припомните Долбежникова, несчастнаго героя очерка «Не воскресъ». Тотъ только и зналъ, что бѣгалъ отъ одного дѣла къ другому, не умѣя привести въ равновѣсіе внутренняго содержанія своего, уходящаго въ мелочи, *я* съ размѣрами великаго общаго дѣла, необходимость котораго имъ сознана, или, наоборотъ, будучи не въ силахъ отказаться отъ зачатковъ своей личности въ пользу общаго дѣла, необходимость котораго для него была сомнительна. «Не человѣкъ ты, говорили ему, а пассажиръ!» Да, не человѣкъ... Но не человѣкъ, а если и человѣкъ, то самый маленькій,—былъ и „Читатель“, весь ушедшій отъ жизни въ книги и газеты и не замѣчавшій, что „обиліе и превосходное качество идей, исповѣдуемыхъ имъ, ничуть, однако же, не мѣшало быть ему самому вовсе не тѣмъ, чего требовали эти идеи“ **). И ужъ совсѣмъ не человѣкъ былъ тотъ, кто, узнавъ „послѣднее слово“, не нашелъ въ себѣ силъ не только для борьбы, но и для личной опрятности,—этотъ „интеллигентный гвоздь, который вбиваетъ на извѣстное мѣсто посторонняя рука и который оказывается способнымъ держать все, что эта посторонняя рука на него ни повѣситъ“ ***).

VII.

Но были и люди... люди, до которыхъ двуединая идея о правахъ человѣка дошла въ цѣломъ видѣ и, глубоко проникнувъ въ

*) Волей-неволей, ст. 518.
**) Изъ записокъ маленькаго человѣка, т. I. ст. 827.
***) Неплательщики, т. I, ст. 512.

сознаніе, объединила ихъ мысль, чувство и волю въ неуклонномъ стремленіи къ жизни честной и благородной, люди, для которыхъ постулаты общаго блага сдѣлались потребностями личными, а полнота личной жизни—немыслимой внѣ широкой жизни общественной.

Напомнимъ трогательный образъ призваннаго такимъ образомъ къ жизни человѣка, данный Успенскимъ въ очеркѣ «Голодная смерть». Ѳедюшка—герой этого очерка—не жилъ, такъ какъ нельзя назвать жизнью первыя впечатлѣнія бытія, которыя выпали на его долю. Сынъ солдатки, промышлявшей на половину поденщиной, на половину проституціей, «росъ онъ безъ всякаго призора, голодный, буквально раздѣтый, вѣчно выброшенный на улицу: на улицѣ ерзалъ онъ, когда у матери пили и гуляли гости, на улицѣ торчалъ, когда она гдѣ-нибудь мыла полы или стирала или работала какую-нибудь другую поденную работу. И тутъ, и тамъ онъ мѣшалъ, корявый, неуклюжій и совершенно дикій. Онъ мѣшалъ даже и въ дѣтской компаніи»... Однимъ словомъ, все и всѣ говорили ему: «ничего у тебя нѣтъ, ничего не будетъ и дѣло твое пропащее въ конецъ!» И самъ онъ «уже ребенкомъ маленькимъ, только начинающимъ ходить ребенкомъ, зналъ, что ему надежды нѣтъ ни на что, что ему никто ничего не дастъ и что самъ онъ ничто». Случайно, хотя и въ связи съ теченіями времени, этотъ приговоренный къ погибели ребенокъ попалъ въ барскія хоромы, чтобы «играть съ Мишей», родители котораго были захвачены смутнымъ еще въ ту пору стремленіемъ слиться съ народомъ. Капризная барыня надумала даже ставить его въ примѣръ своему ребенку и Ѳедюшка вдругъ сдѣлался образцомъ ума, изящества, словомъ—всевозможныхъ добродѣтелей. Безчисленное количество указаній на умъ, понятливость и прочія хорошія качества Ѳедюшка, «въ качествѣ деревянной куклы, переносилъ съ величайшимъ терпѣніемъ, памятуя, что все это его вовсе не касается и что, слава Богу, что кормятъ». Но «однажды во время такихъ похвалъ бѣлое, безцвѣтное лицо его вспыхнуло, и онъ, не позволявшій себѣ сказать ни одного своего слова, произнесъ какъ-то необыкновенно радостно и торжественно: «ко мнѣ батька вотъ придетъ ишо!» Даже на лбу при этихъ словахъ у него загорѣлось красное пятно, точно звѣзда». Онъ припомнилъ единственный серьезный резонъ въ пользу того, что и онъ не совсѣмъ пропащая тварь,—таившуюся въ глубинѣ души смутную надежду на возвращеніе отца, а припомнилъ потому, что на мгновеніе—послѣ двухлѣтнихъ похвалъ и одобреній—позволилъ себѣ повѣрить, что и онъ человѣкъ. И звѣзда у него во лбу загорѣлась отъ этого. Разъ появившись, она загоралась все чаще и чаще. Факты показывали, что онъ дѣйствительно человѣкъ, а, мо-

жетъ быть, еще и лучше, чѣмъ другіе Ѳедюшки. Онъ оказался способнѣе и умнѣе господскаго Миши, научившись читать незамѣтно для себя и другихъ, лишь стоя за спиной барчука. Звѣзда, разъ начавъ свѣтить, продолжала свѣтить вопреки всякимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностью, даже въ лачугѣ матери, куда Ѳедюшка былъ выдворенъ изъ господскихъ хоромъ.

Онъ набросился на книги. Случайно, хотя опять таки въ связи съ особенностями времени (господа, у которыхъ Ѳедюшка доставалъ книги, были «слѣдящіе»), прямо отъ складовъ онъ принялся за чтеніе книгъ, отвѣчающихъ самымъ настоятельнымъ и насущнымъ требованіямъ мысли. «Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чуялъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое и доброе... Всякая тогдашняя книжка, независимо отъ формы, въ сущности своей отвѣчала именно Ѳедину положенію, говорила, хотя и робко, и нѣжно, о его бѣдовомъ житьѣ». Книга заразила его сердце жалостью къ себѣ, къ матери, ко всей ихъ жизни. Она же и обобщила это жалостливое сердце. «Всѣ будутъ ласковы другъ къ другу»—вотъ что мерещилось ему, какъ непремѣнное условіе жизни по хорошему.

Счастливый Ѳедюшка!—впрочемъ, уже не Ѳедюшка, а Ѳедоръ,—онъ избѣжалъ тяжкихъ мукъ, въ которыхъ родится человѣкъ въ нашей странѣ. Несчастный Ѳедоръ! онъ не ушелъ всетаки отъ драмы, для которой было слишкомъ много элементовъ и внѣ его. Такъ долго жданный отецъ первымъ дѣломъ по возвращеніи поставилъ два ведра міру, чтобы тотъ высѣкъ Ѳедора за его первую попытку возстать на защиту обиженнаго. Возвращенный этою операціею, казалось, въ свое первобытное состояніе—въ ничто, Ѳедоръ всетаки не погибъ. Бѣжавшій съ родины и лишь другими удержанный отъ самоубійства, онъ вновь ожилъ. «Мысль его пошла дальше, онъ сталъ понимать, что всѣ эти на смерть испугавшіе его люди—такіе же испуганные, какъ и онъ, что кто-то или что-то исковеркало, изуродовало ихъ, и ему еще жальче стало всѣхъ ихъ, чѣмъ было жалко прежде». «Нужно растолковать имъ»—вотъ что встало передъ нимъ въ качествѣ самой насущной задачи. Годы онъ думалъ и излагалъ свои думы на бумагѣ прежде, чѣмъ явился въ столицу, въ редакцію. Но тамъ высмѣяли его стихи, съ презрѣніемъ отнеслись къ его нелѣпымъ идеямъ и даже пригрозили за нихъ начальствомъ. До начальства дѣло, конечно, не дошло. Редакторъ—о, онъ былъ добрый человѣкъ!—въ минуту хорошаго расположенія «сунулъ» даже ему бумажку...

Безпощадно поруганный въ своемъ личномъ достоинствѣ и

жестоко осмѣянный въ своихъ общественныхъ чувствахъ, Ѳедоръ умеръ голодною смертью. Пить, ѣсть и быть животнымъ, звѣремъ или неодушевленнымъ гвоздемъ — онъ уже не могъ, а жить по-человѣчески ему не дали.

Чтобы быть человѣкомъ, нужно не только пережить душевный процессъ въ опредѣленномъ направленіи, но нужна еще и среда опредѣленнаго характера. Права человѣка не только должны быть сознаны, но еще и завоеваны. Для систематической работы надъ средой, для упорной борьбы за высокіе идеалы, конечно, не годился неокрѣпшій организмъ Ѳедора. Для этого нужны были другіе люди, менѣе наивные и робкіе, болѣе знающіе, лучше вооруженные. Нашлись и такіе.

Уже чисто по внѣшнимъ условіямъ, не говоря о прочемъ, Г. И. Успенскій не могъ дать намъ яркихъ и цѣльныхъ образовъ этихъ людей труда и борьбы во имя человѣка, особенно изъ числа тѣхъ которые шли въ передней шеренгѣ. Но для характеристики ихъ жизни, полной подвига и энтузіазма, достаточно привести двѣ-три выдержки изъ письма Лиссабонскаго, изъ письма, въ которомъ онъ говоритъ не только за себя, но и вообще за идейную молодежь своего времени. «Идеи свободы и народнаго блага, писалъ онъ, не выдуманы мною или, вѣрнѣе, нами, Лиссабонскими, въ минуты праздности, а сами пришли къ намъ помимо нашей воли, стали обязательными... И если мы тронулись, какъ говорится «въ народъ», то не съ злостными намѣреніями и не по прихоти или фанаберіи, а потому же, почему весною таютъ снѣга... Я преслѣдовалъ въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ, ту же самую тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освобожденіи милліоновъ крѣпостныхъ людей. Ту же новую тенденцію я старался по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ примѣнить, а главное *отстоять* въ глухой, далекой деревнѣ... И это могли сдѣлать только такіе, какъ я, люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору жизни новыми благотворными идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всею искренностью, со всѣмъ жаромъ безкорыстія и самоотверженія. Но насъ выгнали оттуда; съ позоромъ выгнали. За то, что было потомъ,—не я, Лиссабонскій, отвѣтчикъ. Не успѣвъ даже прикоснуться къ дѣлу, я уже подвергся остракизму. Меня только и дѣлали, что наказывали» *).

Изгнаніе изъ деревни—не единственный и не послѣдній драматическій эпизодъ въ біографіи Лиссабонскихъ. Ихъ одушевляли два чувства: и если чувство долга говорило имъ, что они вино-

*) Своекорыстный поступокъ, т. II, ст. 355—359.

ваты передъ народомъ, передъ массой трудящагося люда, за счетъ котораго наростали и развивались мыслящіе слои общества, то чувство чести сказало имъ, что и передъ ними виноваты тѣ, которые ихъ ежечасно, ежеминутно оскорбляли. Мотивы совѣсти, почти безраздѣльно владѣвшіе ими и увлекшіе ихъ въ деревню, по изгнаніи оттуда, нашли себѣ поддержку въ чувствѣ чести . .

. . . . . .

VIII.

Права человѣка—это право быть умнымъ, добрымъ и дѣятельнымъ и быть такимъ не по чужому приказу, а по своей волѣ, въ мѣру свойственныхъ ему силъ и способностей. По формѣ это право неограниченное: что либо одно—или своя воля или чужая указка, или самоопредѣляющаяся личность или гвоздь для чужихъ надобностей. Но по объему права человѣческой личности очень эластичны. Мы видѣли, что они могутъ быть сжаты прямо до микроскопическихъ размѣровъ,—до права быть умнымъ и дѣятельнымъ въ отношеніяхъ лишь къ собственному сапогу, до возможности «соблюсти душу» лишь путемъ воздержанія отъ участія въ процессѣ жизни, до необходимости сдѣлаться уродомъ, чтобы сохранить нѣкоторыя черты душевнаго облика, свойственнаго человѣку. Впрочемъ, за примѣрами сжимаемости человѣческихъ правъ нѣтъ особенной надобности обращаться къ прошлому: ихъ, сколько угодно, можно найти въ современности. Только «въ ресторанѣ современный петербуржецъ, иронизируетъ Успенскій, можетъ предъявить дѣйствительно собственныя желанія; онъ можетъ *самъ*, не слушая ничьихъ приказаній, безъ всякаго принужденія выбрать себѣ котлету или бифштексъ, или рыбу, курицу,—словомъ, что только *душѣ* угодно. Однако, дальше отбивной котлеты, кажется, и въ этомъ не пошло. Ждетъ, ждетъ лакей, предоставляетъ барину полную свободу дѣйствій, и твердо знаетъ, что, въ концѣ концовъ, ничего, кромѣ отбивной котлеты, не получится» *). А всетаки:

— Д-да! Захочу вотъ котлету спрошу, захочу—осетрину по-русски.

Вотъ она какова бываетъ въ иныя времена полнота правъ человѣческой личности! И, неправда-ли, какъ надѣленный ею обыватель напоминаетъ дореформеннаго мѣщанина, ухватившагося за собственные сапоги. Легко найти и другіе сходные образы, хотя бы въ pendant тому благообразному старичку, который

*) Послѣ урожая, т. I, ст. 1022.

улегся на берегу рѣки съ удочкой. Развѣ не похожи на него всѣ эти хорошіе люди, плотно засѣвшіе «на такого рода мѣстахъ, гдѣ не требуется ни мнѣній, не убѣжденій служащаго, а платятся деньги только за механическій трудъ... на такихъ мѣстахъ, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что изъ этихъ цифръ вышло, хотя размышлять и *молча*. Что-жъ? Молча можно съ безпристрастьемъ и неустрашимостью раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій» *).

— Да! «Статистикой необходимо заняться серьезно, это самый подходящій, нейтральный и благородный трудъ» **).

Пожалуй, не менѣе нейтральный, не менѣе благородный и не менѣе подходящій, чтобы «соблюсти душу», чѣмъ и лежанье съ удочкой.

Позволимъ себѣ еще одинъ вопросъ: много ли найдется и теперь людей, у которыхъ даже легонькое напоминаніе о паспортѣ не вызоветъ трепета и не заставитъ забыть и предать всѣ мечты о правдѣ и подвигѣ?

Два десятилѣтія пережиты не безслѣдно. И мы вновь стоимъ лицомъ къ лицу съ обезчеловѣченной дѣйствительностью. Нѣтъ человѣка, нѣтъ людей, ихъ опять не больше, чѣмъ въ пустынѣ. Но между опустошенной современностью и дореформенной пустыней есть всетаки разница. Эту разницу можно найти и въ той маленькой возможности жить по-человѣчески, хотя бы въ узенькой сферѣ семейныхъ отношеній и личныхъ дружескихъ связей, которая уже отвоевана у среды и отнята быть не можетъ; и въ томъ запасѣ элементовъ, необходимыхъ для созданія человѣка, который хотя и медленно, но неуклонно наростаетъ не только въ маленькихъ кружкахъ интеллигенціи, но и въ широкой народной массѣ; и въ томъ количествѣ усложненій, которыми обогатилась жизнь и которыя съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе требуютъ людей для неотложной творческой работы... Но не только въ этомъ. Разница—и въ историческомъ моментѣ. Доисторическая, такъ сказать, эпоха, время «до человѣка» кончилось и не вернется. И въ нашемъ прошломъ какъ-никакъ, а было довольно широкое общественное теченіе, и въ нашей странѣ были люди чести и совѣсти. И какъ бы ни углублялся современный обыватель въ размышленія объ осетринѣ, образы этихъ людей нѣтъ-нѣтъ да и ворвутся къ нему въ душу, напоминая о томъ,

*) Чуткое сердце, т. III, ст. 430—431.
**) Развеселилъ господъ, т. I, ст. 960.

что было выстрадано, вымучено для него. «Жалкая, отвратительная тварь! говорятъ эти непрошенные гости. Чтобы чувствовать себя живымъ, легко живущимъ, тебѣ не надо поддерживать вещи, которыхъ никто уже сознательно не считаетъ нужными, разумными. У тебя есть задачи, полныя глубокаго значенія, и если онѣ владѣютъ хоть одной каплей твоей крови, стой за нихъ, потому что все другое—вздоръ, старый хламъ, тряпье... Ты измучился скучать, ты измучился отъ продолжительныхъ размышленій, не имѣющихъ результата, такъ начинай же жить, бейся за то, о чемъ ты думалъ. Воюй за твою мысль, за движеніе твоего сердца, которое воспитано или, по крайней мѣрѣ, пріучено страдать за ближняго...» *).

И если ничто другое, то, можетъ быть, эти ооразы заставятъ встрепенуться интеллигентнаго обывателя и заронятъ въ его негнѣвное и нелюбовное сердце «живое желаніе жить, да, жить! Непремѣнно на *бѣломъ* свѣтѣ, а не на черномъ, не въ черную ночь!... Да непремѣнно честно, благородно! Именно благородно, на всей своей волѣ...» **).

Тогда въ прерванную исторію чести и совѣсти будутъ вписаны новыя страницы...

А. Пѣшехоновъ.

---

*) Не воскресъ, т. I, ст. 643.
**) Развеселилъ господъ, т. I, ст. 969.

Изъ наблюденій присяжнаго засѣдателя.

Не такъ давно мнѣ пришлось (не въ первый уже разъ) быть присяжнымъ засѣдателемъ. Нашъ составъ принадлежалъ къ «интеллигентнымъ». Сессія была изъ серьезныхъ — случайно или нѣтъ, именно нашему отдѣленію суда предстояло рѣшить нѣсколько отвѣтственныхъ дѣлъ. Насколько въ этой подгруппировкѣ можно было видѣть простую случайность — будетъ упомянуто ниже. Представители магистратуры и защитники не разъ подчеркивали свое особое вниманіе къ намъ и говорили комплименты по адресу столь «рѣдкаго», «серьезнаго» и проч. состава присяжныхъ. Словомъ, сессія, въ которой я теперь участвовалъ, носила нѣсколько исключительный, не будничный характеръ; чувствовался приподнятый тонъ судоговоренія. Казалось, что и предварительное слѣдствіе нѣсколько подтянулось бы, если бы слѣдователи знали напередъ, что судить подсудимыхъ будемъ «мы». Такая обстановка, конечно, отчасти мѣшаетъ правильности наблюденій надъ жизнью одного изъ величайшихъ обломковъ «эпохи великихъ реформъ»—института присяжныхъ: халатъ, прирожденный каждому рядовому россійскому обывателю, въ томъ числѣ и жрецамъ Ѳемиды, при этихъ условіяхъ снимается, а взамѣнъ его на первый планъ выдвигается желаніе щегольнуть своей лойяльностью и даже «просвѣщенностью». Съ другой же стороны, упомянутая исключительная обстановка сессіи помогала рельефнѣе выступать и такимъ черточкамъ судебныхъ нравовъ, которыя, вѣроятно, сглаживаются и тушуются въ складкахъ обычнаго халата въ будни. Поэтому-то мнѣ и кажется нелишнимъ подѣлиться съ читателемъ кое-какими наблюденіями, которыя удалось сдѣлать въ этотъ разъ и которыя можно было сравнить съ прежними. Предупреждаю: ничего «систематичнаго» и «исчерпывающаго» я не имѣю въ виду сообщить; будутъ лишь бѣглыя замѣчанія, приходившія въ голову, вѣроятно, не одному мнѣ.

Начнемъ хоть-бы съ коллегіи присяжныхъ засѣдателей. Только что сказано, что въ данномъ случаѣ она составлена была изъ лицъ, которыхъ принято называть «интеллигенціей». По весьма распространенному мнѣнію, правосудіе можетъ только выигрывать оттого, что оно попадаетъ исключительно въ руки лицъ, получившихъ университетское образованіе. Такой взглядъ, однако, требуетъ нѣкоторой поправки въ томъ смыслѣ, что *полная однородность* состава присяжныхъ едва-ли можетъ служить къ «торжеству справедливости». И это не парадоксъ. Постараемся объясниться.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что извѣстные роды занятій, извѣстныя профессіи накладываютъ особый, до нѣкоторой степени, своеобразный отпечатокъ на умственный складъ и нравственныя воззрѣнія людей. При большомъ запасѣ жизненнаго опыта можно, въ силу этого, въ крупныхъ случаяхъ съ значительной долей вѣроятія предсказать сужденія и образъ дѣйствія лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ по занятіямъ классамъ общества. Всѣмъ извѣстна, напр., строгость присяжныхъ-крестьянъ къ конокрадамъ и вообще къ нарушителямъ хозяйственнаго благополучія. Мнѣ приходилось слышать о чрезмѣрной снисходительности присяжныхъ-купцовъ къ злостнымъ банкротамъ. Обвинительный вердиктъ весьма трудно получается отъ людей, занимающихся общественными науками и привыкшихъ вдумываться въ причинную связь соціальныхъ явленій. Замѣчено также, что самымъ «строгимъ» ко всѣмъ преступникамъ вообще составомъ присяжныхъ бываетъ тотъ, въ которомъ господствуютъ учителя среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ классъ педагоговъ, дѣйствующихъ всю жизнь подъ суровымъ режимомъ безусловнаго подчиненія начальственнымъ предписаніямъ и обязанныхъ воспитывать въ своихъ питомцахъ духъ того же формальнаго повиновенія безъ права критики и простого человѣческаго обсужденія, — повидимому, такъ сживается съ такой «формальной логикой», что всякая другая для него въ большинствѣ случаевъ является чуждой. Для такого педагога, какъ Фонвизинскій Скотининъ, въ концѣ концовъ, «всякая вина виновата». На фактѣ «преступленія» онъ останавливается и не считаетъ возможнымъ входить въ дальнѣйшее его обсужденіе. Говоря такъ, я, конечно, не имѣю въ виду исключеній, которыхъ, вѣроятно, найдется не мало и среди учителей. Большее или меньшее развитіе, возрастъ, болѣе или менѣе здоровая среда, въ которой тому или другому изъ нихъ приходится вращаться — все это и многое другое, конечно, даютъ извѣстныя модификаціи и въ этомъ классѣ. Но не объ исключеніяхъ (подчасъ — весьма почтенныхъ) я говорю. Я говорю о типѣ, о массѣ. Мнѣ приходилось наблюдать сказанное даже и

не въ заброшенныхъ, захолустныхъ городахъ. Насколько такая отличительная черта присяжныхъ изъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній бросается въ наше время въ глаза, можно судить по тому, что иные повѣренные теперь ужъ систематически отводятъ ихъ, а при невозможности сдѣлать это — стараются «сорвать» дѣло, выжидая новаго состава присяжныхъ засѣдателей, въ которомъ учителя не представляли бы видной величины.

Ниже придется намъ еще коснуться того важнаго замѣчанія, что предсѣдательская точка зрѣнія на дѣло и подсудимаго нерѣдко, къ сожалѣнію, ближе къ точкѣ зрѣнія прокурора, чѣмъ къ точкѣ зрѣнія защитника. Не составляетъ-ли это результатъ того, что весьма многіе члены и предсѣдатели судовъ бываютъ ранѣе товарищами прокуроровъ и прокурорами, но не бываютъ защитниками? И вотъ такой «благопріятный» прокурорскому надзору «нейтралитетъ» не побуждаетъ-ли иногда концентрировать въ сессію съ даннымъ составомъ присяжныхъ именно тѣ, а не другія дѣла? Утверждать это не берусь, но характерно уже то, что существуетъ убѣжденіе въ томъ, что такіе пріемы практикуются. Составилась же, напр., у одного секретаря суда такая репутація, что онъ можетъ по желанію, изучивъ списки присяжныхъ, «направить» любое дѣло на «обвиненіе» или на «оправданіе». Въ частности, и нѣкоторымъ изъ насъ казалось, и не безъ основанія, что не случайно въ нашу сессію были назначены именно тѣ дѣла, которыя намъ пришлось разрѣшать: нашъ составъ былъ изъ наиболѣе благопріятныхъ для обвиненія, что можно было легко предугадать, будучи хоть немножко знакомымъ съ «классовой моралью».

Большія неудобства возникаютъ и тогда, когда въ составѣ присяжныхъ въ одну и ту же сессію оказываются рядомъ начальники и подчиненные. Мнѣ не приходилось наблюдать, отражается ли на свободѣ мнѣній одновременное присутствіе въ совѣщательной комнатѣ людей, находящихся другъ отъ друга въ хозяйственной зависимости (напр., купца и его приказчика); но мои личныя наблюденія не оставляютъ во мнѣ сомнѣній въ томъ, что присяжный-чиновникъ (и опять таки—особенно учебнаго вѣдомства) чувствуетъ себя далеко не свободнымъ при голосованіи вердикта въ присутствіи своего непосредственнаго начальства. Прежде всего, присяжные бываютъ поставлены въ необходимость выбрать изъ своей среды старшину еще тогда, когда они даже по фамиліямъ не успѣли узнать другъ друга. Это одно уже наталкиваетъ чиновниковъ на мысль предложить эту роль своему начальству, если таковое находится въ ихъ составѣ. Но рядомъ съ этимъ мотивомъ есть, конечно, и другой—привычка къ чинопочитанію, «мудрость змѣиная», не покидающая чиновника даже тогда, когда онъ

снимаетъ свой вицъ-мундиръ и обращается на время въ простого обывателя. Такимъ образомъ, начальство становится старшиной и бываетъ имъ иногда безсмѣнно во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ только ему приходится участвовать. Другими словами, товарищъ присяжныхъ — старшина, по закону всего только primus inter pares (первый между равными), становится фактически нѣкотораго рода начальствомъ и въ совѣщательной комнатѣ. Никто же вѣдь не можетъ ожидать, чтобы привычныя, годами сложившіяся отношенія между Иваномъ Ивановичемъ и Петромъ Петровичемъ — отношенія сверху внизъ и снизу вверхъ — радикально измѣнились по щучьему велѣнію за порогомъ «совѣщательной». До такой «политической зрѣлости» намъ еще, какъ до звѣзды небесной, далеко. И при томъ завтра тотъ же Ив. Ив. можетъ снова потерпѣть болѣе или менѣе чувствительныя непріятности по службѣ отъ Петр. Петр. Вѣдь если этотъ Ив. Ив. подаетъ на глазахъ у Петр. Петр. часто оправдательные вердикты, то вѣдь, чего добраго, можетъ попасть во мнѣніи начальства на линію «либерала», или просто человѣка слабаго, «колпака», каковые на службѣ нежелательны, а иногда и неудобны, — со всѣмъ этимъ надо считаться... Не думайте, читатель, чтобы эти соображенія были присущи какимъ-либо исключеніямъ. Далеко нѣтъ. Съ ними считаются весьма многіе, которыхъ мы съ вами находимъ и милыми, и добрыми, и честными... И очень считаются. Старшина подаетъ голосъ послѣднимъ. Если дѣло маловажное, и вердиктъ проходитъ почти или совсѣмъ безъ преній, все только что сказанное особеннаго значенія не имѣетъ. Но лишь только встрѣтится дѣло поважнѣе, лишь только въ вердиктѣ долженъ сказаться хоть нѣсколько принципіальный оттѣнокъ, положеніе значительно видоизмѣняется. Мнѣніе начальства болѣе или менѣе выясняется напередъ изъ преній, а затѣмъ... нерѣдко какъ-то такъ случается, что подчиненные при голосованіи высказываютъ то же самое мнѣніе, и старшинѣ остается лишь съ удовольствіемъ примкнуть къ большинству.

Говорить, далѣе, о вердиктахъ по существу мнѣ, по многимъ причинамъ, кажется неудобнымъ. Это—дѣло совѣсти. Есть, однако, и въ этой области одна черта, которую слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ она, повидимому, является довольно распространенной. Черта эта состоитъ въ смѣшеніи *констатированія факта* съ понятіемъ о *виновности* того, кто этотъ фактъ совершилъ, что ведетъ за собой нерѣдко весьма грустныя послѣдствія для подсудимаго. Положимъ, что какой-нибудь слесарь Ивановъ или Сидоровъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ какой-нибудь Чухломы на родину, ну, хоть въ Ташкентъ. Допустимъ, что этотъ Ивановъ сызмала жилъ въ Чухломѣ, гдѣ у него

имѣются всякаго рода связи и знакомства, помогающія ему найти заработокъ, прокормиться такъ или иначе и т. п., а въ Ташкентѣ, гдѣ онъ приписанъ, онъ никогда не бывалъ, никто его тамъ не знаетъ. Извѣстно, къ чему ведетъ этотъ странный порядокъ высылки «на родину»: высадятъ Иванова въ Ташкентѣ на улицѣ, потолкается онъ по ней, а вечеромъ постарается направиться снова въ Чухлому съ ближайшимъ поѣздомъ, а то и per pedes apostolorum. Добирается онъ до своей Чухломы, положимъ—работаетъ въ ней зиму, скрываясь отъ глазъ начальства, затѣмъ случайно теряетъ заработокъ, дѣлаетъ копѣечную кражу съ голоду и попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Условія такого примѣра не придуманы мной; они вполнѣ конкретны. Присяжнымъ ставится вопросъ, между прочимъ, и о виновности Иванова въ самовольномъ возвращеніи изъ Ташкента въ Чухлому. Каковъ долженъ быть вердиктъ? Ивановъ, конечно, нарушилъ законъ. Но для присяжныхъ этого соображенія не существуетъ. Присяжные лишь должны отвѣтить по совѣсти, виновенъ-ли Ивановъ. Но могутъ-ли быть два мнѣнія въ этомъ вопросѣ? У кого же можетъ хватить духу обвинить человѣка въ томъ, что онъ бѣжитъ отъ голодной смерти въ неизвѣстномъ ему городѣ туда, гдѣ онъ можетъ хоть какъ-нибудь прожить? Въ нарушеніи закона виновенъ, очевидно, не Ивановъ, а тотъ порядокъ, который логически ведетъ людей къ «правонарушеніямъ въ родѣ того, въ какомъ обвиняется этотъ Ивановъ. А обвинительные вердикты въ подобныхъ случаяхъ все же нерѣдко выносятся присяжными. Если причина ихъ не лежитъ въ принципѣ «всякая вина виновата» и не въ нравственномъ давленіи предсѣдательствующаго (о чемъ рѣчь ниже), то, очевидно,—въ смѣшеніи факта съ виновностью лица. Вина переносится съ больной головы на здоровую; терпитъ подсудимый за то, чего онъ *не могъ не сдѣлать* въ силу логическаго порядка вещей. А между тѣмъ, сознательный оправдательный приговоръ присяжныхъ, если бы онъ повторялся систематически, могъ бы имѣть не малое культурное вліяніе: развивается же и законодательство согласно требованіямъ жизни; могутъ же вердикты играть роль проводника этихъ требованій, сообразно измѣняющимся общественнымъ условіямъ и роду правосознанія. Насколько жизненность судебныхъ рѣшеній, ихъ соотвѣтствіе съ духомъ времени можетъ способствовать совершенствованію права—блестящимъ примѣромъ тому служитъ право римское, эволюція котораго неуклонно шла сообразно развитію преторскаго права, права, подсказаннаго эволюціей общественныхъ отношеній.

Впрочемъ, указываютъ еще на одну причину «строгости» вердиктовъ—на имущественный цензъ присяжныхъ засѣдателей. За-

мѣчаютъ, что съ увеличеніемъ этого ценза названная «строгость» возрастаетъ. Такую нежелательную тенденцію вердиктовъ, въ самомъ дѣлѣ, можно подмѣтить особенно въ мелкихъ дѣлахъ, въ которыхъ подсудимые обвиняются въ преступленіяхъ противъ имущества. При мелкихъ кражахъ, совершаемыхъ, очевидно, по крайней нуждѣ, для пропитанія людьми, сидѣвшими передъ тѣмъ недѣлями безъ работы, подсудимые чаще и чаще подвергаются роковому вердикту, «да, виновенъ», и даже и безъ снисхожденія. Въ одномъ случаѣ обвиненъ человѣкъ за кражу на улицѣ вещи, оцѣненной въ 75 к., въ другомъ—за кражу 15 коп.,—а такъ какъ въ обоихъ случаяхъ подсудимые были рецидивисты, то они дорого заплатили за эти копѣйки... Одинъ изъ нихъ носилъ на себѣ безспорныя черты полнаго вырожденія. Особенно строго карается прислуга, въ чемъ нельзя не видѣть проявленія инстинктовъ собственника: трудно ей получить снисхожденіе при какихъ угодно смягчающихъ обстоятельствахъ.

Сказанное было бы неполно, если бы я обошелъ молчаніемъ другихъ дѣятелей судоговоренія, личности и пріемы которыхъ не остаются безъ вліянія на вердикты присяжныхъ.

Не малая доля этого вліянія принадлежитъ, конечно, предсѣдательствующему, если онъ настолько мало объективенъ, что захочетъ его имѣть, и если онъ настолько уменъ, что сумѣетъ это сдѣлать. Что касается до желанія, то оно встрѣчается, повидимому, довольно часто, во всякомъ случаѣ чаще, чѣмъ это, быть можетъ, желательно въ интересахъ правосудія. Черта эта довольно сложнаго происхожденія. Обусловливаютъ ее и обвинительныя привычки бывшаго товарища прокурора, и оффиціальность положенія, которая, яко-бы, обязываетъ держать судоговореніе «въ порядокѣ»: «обрывать» защитниковъ, относиться къ ихъ «лирическимъ отступленіямъ» съ цензорской строгостью, словомъ—держать себя по-начальнически, по-генеральски, и присущая вообще менѣе культурнымъ народамъ слабая выдержка, слабая лойяльность, обусловливающая весьма распространенное у насъ явленіе: кто въ своемъ маленькомъ дѣлѣ поставленъ только regner, тотъ непремѣнно начинаетъ въ немъ и gouverner. Нужно пройти долгую и строгую школу законности, чтобы избавиться отъ этой несносной черты, которую vulgo можно-бы назвать нравственнымъ превышеніемъ власти. Словомъ, предсѣдательствующій лишь въ рѣдкихъ случаяхъ остается только судьей; присвоенная ему по закону небольшая доза административной власти легко разростается до совсѣмъ нежелательныхъ предѣловъ. Что-же касается другого, поставленнаго выше ограниченія—умѣнія «обговорить» присяжныхъ, то это ужъ дѣло таланта. Конечно, иной бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ—и тогда присяжные остаются

болѣе наединѣ со своею совѣстью, и благо имъ. Ну, а если «талантъ» такой имѣется, если многолѣтняя опытность даетъ возможность предсѣдательствующему, взглянувъ на скамьи присяжныхъ, угадать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и быстро сообразить пріемы, при помощи которыхъ съ ними можно «разговоры разговаривать», то плохо приходится этимъ представителямъ общественной совѣсти—какимъ только экспериментамъ можно подвергать ихъ, «освѣщая», «подчеркивая», «оставляя безъ вниманія» и «принимая во вниманіе» факты, слова, обмолвки, дѣйствительное или притворное волненіе, признанія и пр., и пр. Для неискушеннаго въ этомъ лабиринтѣ обывателя можно и совсѣмъ заблудиться, потерять нить сужденій, не отличить правды отъ лжи, бѣлаго отъ чернаго... Тутъ-то на помощь и является любезный предсѣдатель. Вѣдь это опытный судья, ведущій такой твердой рукой засѣданіе, такъ хорошо знаетъ дѣло, такъ умѣло и красиво говоритъ, такъ своевременно умѣетъ обнаружить ложь и увертки подсудимаго или свидѣтеля, такъ ловко обрываетъ коварнаго адвоката, когда тотъ хочетъ сбить съ толку свидѣтеля своимъ злокозненнымъ вопросомъ: онъ внушаетъ къ себѣ такое довѣріе, что, кажется, сама Ѳемида возсѣдаетъ на предсѣдательскомъ креслѣ въ его образѣ (кстати—онъ такъ много и горячо говорилъ въ своей вступительной рѣчи при началѣ сессіи о великолѣпномъ составѣ присяжныхъ, о ихъ мудрости и прозорливости, подчеркивая эти ихъ свойства при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ). И вотъ довѣріе присяжныхъ предсѣдательствующимъ завоевано, а съ нимъ—пріобрѣтена возможность вліять на нихъ. Во-время сказанное замѣчаніе, простой возгласъ, переспросъ, тонъ обращенія—все ясно указываетъ присяжнымъ, на чьей сторонѣ покоятся симпатіи предсѣдательствующаго. Происходитъ все это едва замѣтно. Лишь постепенно присяжному начинаетъ сообщаться «истина» въ томъ видѣ, въ какомъ она желательна «опытному руководителю» засѣданія. Наконецъ, въ резюме симпатіи предсѣдательствующаго сообщаются уже довольно открыто и прикрываются часто черезчуръ легкимъ флеромъ, такъ какъ почва для этого уже достаточно подготовлена предшествующимъ судоговореніемъ. Бываютъ, конечно, дѣла, въ которыхъ ничего этого не требуется — они или очень неважны, или очень несложны и просты. Бываютъ и судьи, искренно стремящіеся быть дѣйствительно объективными. Но черты, только-что указанныя, опять таки не выдуманы мной, а составляютъ принадлежность типа, знакомаго мнѣ на практикѣ. И какихъ цвѣтовъ краснорѣчія не переслушаешь отъ такого лица. Въ резюме попадаются подчасъ цѣлыя художественныя картины, если дѣло даетъ для нихъ хоть кое какой матеріалъ. Не на всякаго присяжнаго онѣ,

впрочемъ, дѣйствуютъ. Иной разъ выстрѣлъ попадаетъ и въ воздухъ.

Случается, что словоохотливость предсѣдательствующаго въ его обращеніяхъ къ присяжнымъ принимаетъ и принципіальный оттѣнокъ. Желая «покорить» ихъ себѣ и воздавая хвалу ихъ мудрости (иногда авансомъ, въ кредитъ—еще до начала перваго дѣла, подлежащаго ихъ сужденію), онъ бываетъ вынужденъ коснуться и тѣхъ незаслуженныхъ обвиненій, которыя направляются нерѣдко на институтъ присяжныхъ. Это, конечно, еще не бѣда. Но бѣда въ томъ, что, вступая въ полемику съ этими обвиненіями, ораторъ беретъ иногда ненадлежащую ноту, идетъ на компромиссы и тѣмъ сознательно или безсознательно безспорно искажаетъ въ извѣстной степени духъ судебныхъ уставовъ. Мнѣ, напр., приходилось слышать съ предсѣдательскаго кресла такую удивительную теорію, что присяжные призваны судить, яко-бы, только *фактъ*, а не *виновность* подсудимаго, что ихъ обязанность — лишь просто установить: было или не было совершено даннымъ лицомъ то-то или то-то. Если *да*, то вопросъ о виновности, молъ, рѣшается уже самъ собой въ положительномъ смыслѣ. При этомъ прибавлялось, что смѣшеніе обоихъ понятій и влечетъ за собой «необдуманные» оправдательные вердикты, которые даютъ благородное оружіе врагамъ института и т. д., и т. д. Но ораторъ не подумалъ при этомъ хотя-бы о такой простой вещи, какъ самая форма, въ которую законодатель обязалъ его облекать вопросы присяжнымъ. Не пишетъ-же онъ въ вопросномъ листѣ: «убилъ-ли Сидоровъ свою жену изъ ревности», и не требуетъ онъ отъ присяжныхъ отвѣта «да, убилъ», а—«*виновенъ-ли* Сидоровъ» и т. д., и ждетъ отвѣта о *виновности* этого Сидорова и о томъ, заслуживаетъ-ли онъ снисхожденія даже въ томъ случаѣ, если виновенъ. Право *вмѣненія* и право *снисхожденія* почеловѣчески, по понятіямъ, установившимся въ жизни, а не на бумагѣ—вотъ то великое право, которое принадлежитъ суду присяжныхъ и, пользуясь которымъ, онъ и можетъ служить гарантіей человѣческой личности отъ случайностей суда формальнаго, мертваго, въ которомъ summum jus часто fit summa injuria. Кто умаляетъ, измѣняетъ духъ, смыслъ этого права безсознательно, тотъ обнаруживаетъ плохую философскую и юридическую подготовку, а кто дѣлаетъ это сознательно, тотъ роняетъ независимость суда, подчиняетъ идею законности временнымъ, переходящимъ вѣяніямъ, вступаетъ въ компромиссъ, деморализующій общество и заставляющій усиленно болѣть чубы у хлопцевъ подсудимыхъ — отъ драки пановъ между собой... Вѣдь не всѣ присяжные уловятъ эту фальшивую и чуждую судебнымъ уставамъ ноту: вѣдь они гипнотизируются блескомъ расточаемыхъ имъ комплиментовъ.

Но тѣмъ большій «грѣхъ противъ духа» ложится на совѣсть образованнаго юриста, обязаннаго быть прежде всего воплощеніемъ законности. Мнѣ пришлось однажды слышать съ высоты той-же предсѣдательской каѳедры сильное утвержденіе, что «мы»—судьи коронные—и «вы—присяжные—вполнѣ одно и то же». «Мы» и «вы» призваны дѣлать одно и то же дѣло, законы, молъ, «вамъ» и «намъ» одинаковы. Но развѣ-же это не софистика? Выходитъ, что законодатель не довѣряетъ тремъ мундирнымъ судьямъ и призвалъ для контроля ихъ, что-ли, еще двѣнадцать обывателей. Между этими категоріями судей, слѣдовательно, совершается только маленькое раздѣленіе труда; одни «устанавливаютъ факты», а другіе присуждаютъ наказаніе. Присяжный, выслушавъ это категорическое утвержденіе изъ устъ авторитетнаго превосходительнаго судейскаго олимпійца, въ правѣ недоумѣвать, зачѣмъ-же его оторвали отъ дѣла и призвали въ судъ? Развѣ трехъ опытныхъ судей не достаточно для установленія факта преступленія? Не всякій вѣдь знаетъ, что законодатель не далъ этимъ тремъ права обсуждать вопросъ о виновности подсудимаго, что именно это великое право вмѣстѣ съ правомъ снисхожденія (а не простое установленіе факта) законъ рѣшился вручить не тремъ назначеннымъ ихъ начальствомъ чиновникамъ, а только представителямъ общества.

Но иные присяжные могутъ отчетливо и понять то, что совершается передъ ихъ глазами, и дать надлежащую критическую оцѣнку тому «образу дѣйствій», объектомъ котораго имъ волею судебъ приходится становиться. И нехорошія минуты имъ приходится переживать, нехорошія чувства испытывать, чувства, во всякомъ случаѣ, препятствующія нормальному, хладнокровному отправленію правосудія. Они, во всякомъ случаѣ, хотѣли-бы видѣть болѣе независимаго, болѣе соблюдающаго достоинство своего званія, болѣе нелицепріятнаго, болѣе объективно относящагося къ интересамъ обѣихъ сторонъ, болѣе благожелательнаго къ подсудимому, еще не осужденному,—представителя закона, стоящаго выше всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя носятъ случайный, временный характеръ и ничего общаго съ правосудіемъ не имѣютъ... Такимъ представителямъ общественной совѣсти хотѣлось-бы слышать поменьше цвѣтовъ краснорѣчія, видимо увлекающихъ нашего оратора, поменьше безпочвенныхъ комплиментовъ по ихъ адресу, полныхъ натяжекъ, непріятно рѣжущихъ ухо мыслящихъ людей, но за то и больше дѣйствительнаго, внутренняго уваженія, къ нимъ, какъ къ представителямъ общества, уваженія, которое сказалось-бы въ предоставленіи большей нравственной самостоятельности ихъ сужденіямъ, въ дѣйствительномъ отсутствіи желанія руководить ихъ мнѣніями и мыслями, въ отсутствіи стрем-

ленія вызывать тотъ или другой вердиктъ, въ томъ, чтобы были отброшены всѣ эти ненужныя разжевыванія, повторенія, наставленія, въ которыхъ недвусмысленно слышится убѣжденіе въ плохой компетентности «суда улицы» сравнительно съ мундирной магистратурой...

Приходится дѣлать крупный скачокъ, переходя отъ предсѣдательствующаго къ защитѣ—отъ центральной фигуры, держащей въ своихъ рукахъ весь ходъ процесса, къ наиболѣе «скромнымъ», чтобы не сказать больше, дѣйствующимъ лицамъ судебной драмы. Оговариваюсь, что я въ послѣдующемъ не буду говорить о «генералахъ» отъ адвокатуры – ихъ не встрѣчалось въ моей практикѣ присяжнаго засѣдателя. Мнѣ пришлось видѣть «въ дѣлѣ» обычнаго, рядового чернорабочаго—помощника присяжнаго повѣреннаго, достающаго каштаны изъ огня для своего патрона, или присяжнаго повѣреннаго, но изъ начинающихъ, или вообще—помельче, изъ не знаменитостей, о нихъ только и будетъ рѣчь.

Я назвалъ ихъ «скромными» дѣятелями судебной драмы. Общій характеръ и значеніе тѣхъ адвокатовъ, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать въ работѣ, представляется, дѣйствительно, болѣе чѣмъ скромнымъ. Тотъ апломбъ, тотъ «орлиный полетъ», которые составляли характерныя черты защитника въ «медовое» время новаго суда блаженной памяти шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, повидимому, стали теперь достояніемъ исторіи. Лишь изрѣдка проскальзывала въ томъ или другомъ адвокатѣ нѣкоторая самоувѣренность, нѣкоторое желаніе импонировать на судъ и присяжныхъ, но и оно быстро исчезало послѣ перваго замѣчанія предсѣдательствующаго. Это наблюденіе повторялось у меня почти въ каждомъ дѣлѣ. Мнѣ становилось почти всегда даже неловко, когда защитникъ начиналъ свою рѣчь. Знакомо ли вамъ такое чувство, читатель? — положимъ, вы находитесь въ обществѣ хорошо знакомыхъ и хорошо относящихся другъ къ другу людей; всѣ чувствуютъ себя свободно, безъ стѣсненій, но вотъ въ такую компанію по неизвѣстнымъ причинамъ попалъ человѣкъ, остальнымъ мало знакомый и заслуживающій въ глазахъ остальныхъ мало довѣрія. Онъ всѣхъ стѣсняетъ, не такъ-ли? Пріятели начинаютъ говорить недомолвками черезъ его голову. Самый томительный моментъ наступаетъ тогда, когда начинаетъ говорить онъ самъ – этотъ чужакъ. Всѣ смолкаютъ, изъ вѣжливости его выслушиваютъ и, внутренно посылая его къ чорту, думаютъ лишь о томъ, скоро ли онъ замолчитъ. Онъ чувствуетъ это, конфузится, готовъ провалиться сквозь землю, путается, говоритъ неубѣдительно и переживаетъ адскія муки. Тяжело присутствовать при такой сценѣ, жалко становится этого безтактнаго чужака, затесавшагося въ чуждое ему и почти враж-

дебно къ нему настроенное общество. Еще тягостнѣе бываетъ переживать тѣ минуты, когда хозяинъ дома позволяетъ себѣ «обрывать», останавливать этого чужака, даже покрикивать на него совсѣмъ по-генеральски. Совсѣмъ жутко вчужѣ становится за достоинство человѣка...

Ничуть не преувеличивая, я могу сказать, что переживалъ такое именно чувство, наблюдая защиту почти во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ наблюденіе было мнѣ доступно. Въ однихъ, конечно, больше, въ другихъ меньше—разница получалась только количественная, но не качественная.

Послѣ всего сказаннаго понятны мотивы, по которымъ между предсѣдательствующимъ и «интеллигентнымъ», т. е. чиновничьимъ составомъ присяжныхъ, довольно скоро наступаетъ трогательное entente cordiale—«сердечное соглашеніе». Чиновникъ чиновника, какъ рыбакъ рыбака, понимаетъ весьма быстро—психологія-то у всѣхъ одна. Хотя подсудимый, по закону, еще не осужденъ, но по обывательской чиновничьей логикѣ—близъ сего. Разница при судоговореніи, правда, дѣлается, но... въ воздухѣ носится убѣжденіе, что это почти только одна «видимость», одна «проформа», исполняемая только во избѣжаніе поводовъ къ кассаціи, что интересъ собственности стоитъ выше всего, что укравшій 15 к. есть «воръ», которому, въ концѣ концовъ, не избѣжать тюрьмы или арестантскихъ ротъ, что всѣ «либеральные» разговоры о «причинности» общественныхъ явленій всѣмъ набили оскомину, что представители извѣстнаго имущественнаго ценза должны прежде всего стоять quand même на стражѣ неприкосновенности этого ценза, а вся прочая приложатся и ихъ не касается... Когда въ головѣ моей складывалось такое наблюденіе, мнѣ впервые стала искренно до безконечности смѣшною наивность реакціонной печати, бьющей въ набатъ противъ института присяжныхъ въ его теперешнемъ видѣ.—Такое настроеніе чувствуется всѣми присутствующими на судѣ, имѣющими уши слышать и очи видѣть, а слѣдовательно—и представителемъ обвиненія. Поэтому рѣчи прокурора звучатъ увѣренно, произносятся спокойно, обдуманно, солидно, не въ примѣръ «трепещущимъ» рѣчамъ защитниковъ; чаще всего каждое слово ихъ напередъ взвѣшено и разсчитано на то, что оно западетъ въ душу присяжныхъ. Да и какъ можетъ быть иначе? Ужъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе имѣетъ правъ считать присяжныхъ «своими» людьми обвинитель, чѣмъ защитникъ.

И эта солидность, увѣренность импонируетъ еще больше и еще больше «портитъ обѣдню» защитника.

Не угодно-ли говорить адвокату при такой атмосферѣ?! Задача неблагодарная, и я не желалъ-бы имѣть ее передъ собой. Въ данномъ случаѣ даже не важно — крупное-ли разбирается дѣло, или

мелкое. Это все равно — вопросъ въ принципѣ, вопросъ въ томъ, что такая атмосфера подрываетъ въ корнѣ достоинство и цѣлесообразность защиты подсудимаго на судѣ, подрываетъ достоинство защитника, задача котораго *по идеѣ*—одна изъ крупнѣйшихъ и почетнѣйшихъ. «Лучше оправдать 10 виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго»... Но куда ужъ! Вѣдь это было сказано болѣе ста лѣтъ назадъ, когда философія была въ большемъ фаворѣ. А за столѣтіе вѣдь много воды утекло во всѣхъ рѣкахъ Россійской Имперіи.

Итакъ, «слово принадлежитъ защитнику». Водворяется тишина— готовятся продѣлать законную «обрядность» — выслушать этого единственнаго (при чиновничьемъ составѣ присяжныхъ) немундирнаго дѣятеля судебной драмы. Встаетъ краснѣющій, волнующійся фрачникъ, которому, видимо, приходится употребить надъ собой усиліе, чтобы хоть связно начать. «Вѣдь вы мнѣ всѣ не вѣрите, говоритъ вся его фигура, и не повѣрите, во-первыхъ, потому, что моего кліента «вора», «убійцу» вы давно уже мысленно осудили, а во-вторыхъ, потому, что въ вашихъ глазахъ я, котораго вы видите въ первый разъ въ жизни, уже напередъ причисленъ къ лику прелюбодѣевъ мысли и софистовъ XIX вѣка. Но мнѣ надо кормиться... Нечего дѣлать, надо влѣзать въ хомутъ». И такое настроеніе настолько чувствуется, настолько мало уваженія сохранилось у насъ къ *идеѣ* защиты, что мнѣ приходилось наблюдать откровенныя ироническія улыбки на лицахъ мундирной магистратуры уже передъ первымъ словомъ, которое вымучитъ изъ себя защитникъ... «Ну, молъ, теперь начинается водевиль... Балалайкинъ!»

Нельзя, конечно, ждать убѣдительности рѣчи при такихъ условіяхъ. Нуженъ выдающійся умъ, выдающіяся ораторскія способности, чтобы хоть заинтересовать своей точкой зрѣнія слушателей, которые относятся къ говорящему съ такимъ откровеннымъ недовѣріемъ, почти съ враждебностью. Но этого мало. Внѣшнія условія, въ которыя поставлена рѣчь защитника, слишкомъ неблагопріятны для его цѣлей. Въ огромномъ большинствѣ дѣлъ фактъ преступленія устанавливается довольно опредѣленно. Всѣ огромные недочеты предварительнаго слѣдствія относятся по большей части къ обстановкѣ, къ деталямъ преступленія, но не къ лицу. Правда, былъ на моихъ глазахъ случай, когда единственный свидѣтель воровства категорично заявилъ, что лицо, сидящее на скамьѣ подсудимыхъ, совсѣмъ не то, которое онъ изловилъ. Но вѣдь такая чудовищная ошибка слѣдователя, не потрудившагося «предъявить» обвиняемаго свидѣтелю на предварительномъ слѣдствіи, засадившаго ни въ чемъ неповиннаго прохожаго въ острогъ, гдѣ тотъ провелъ мѣсяцевъ семь, такая

ошибка повторяется, конечно, не часто даже у тѣхъ юныхъ дебютантовъ въ судебной карьерѣ, которыми у насъ бываютъ обыкновенно судебные слѣдователи, хотя указать имъ на ихъ ошибки вообще бываетъ некому, ибо защитниковъ при слѣдственномъ производствѣ, какъ извѣстно, не полагается. Но, повторяю, въ массѣ случаевъ ошибки ad hominem не могутъ быть часты. Слѣдовательно, отрицать фактъ, что его кліентъ сдѣлалъ такое-то преступленіе, защитнику приходится рѣдко. Копаться въ деталяхъ часто не представляется никакой надобности, особенно въ мелкихъ, несложныхъ дѣлахъ. Какую-же «систему защиты» можно избрать адвокату? Да, конечно, ту, которая подсказывается самымъ существомъ дѣла. Въ чемъ же заключается это «существо»? Очевидно, въ причинахъ, которыя обусловили совершеніе факта. А эти *причины* вѣдь не тождественны съ *поводами* къ преступленію. Человѣкъ укралъ на улицѣ вещь, стоящую 75 к. Судъ останавливается на фактѣ «преступленія» и не идетъ дальше его поводовъ. Но разбирается-ли его причина, которою въ данномъ случаѣ является та экономическая обстановка, въ которой находился «преступникъ»? Другой самовольно вернулся изъ административной ссылки — причиной служитъ опять его хозяйственная обстановка: условія его заработка упраздняются фактомъ высылки и не замѣняются ни чѣмъ инымъ, что могло бы возсоздать эту обстановку «на родинѣ». Третій убиваетъ своего хозяина при такихъ условіяхъ, которыя ясно свидѣтельствуютъ о полной ненормальности, исключительности отношеній, существовавшихъ между обоими дѣйствующими лицами трагедіи, ненормальности, вытекавшей опять таки изъ нѣкоторыхъ общихъ условій, которыя окружаютъ хозяина и рабочаго, и т. д. Не трудно, словомъ, понять, что *причиной* всякаго такого прискорбнаго факта служитъ нѣкоторое явленіе *общаго* свойства, котораго нельзя не коснуться на судѣ защитнику, если онъ желаетъ добросовѣстно освѣтить всѣ обстоятельства, корни и нити, касающіеся факта, который ему приходится истолковывать. Присяжные могутъ отнестись къ его толкованію такъ или иначе— съ своей классовой точки зрѣнія или съ высоты объективной правды. Но судъ, «сидящая магистратура» непремѣнно должна быть заинтересована въ томъ же, и ея представитель — предсѣдатель, казалось бы, долженъ поощрять защитника раскрывать всѣ глубины дѣла, нерѣдко скрывающіяся отъ глазъ присяжныхъ за массой фактическихъ мелочей, деталей, за массой *индивидуальныхъ* особенностей даннаго дѣла, а не генерическихъ признаковъ, свойственныхъ множеству однородныхъ дѣлъ, особенностей, имѣющихъ часто неизмѣримо меньшее значеніе для торжества правды и справедливости, чѣмъ то, какое приписывается на судебномъ слѣдствіи. Казалось бы, что только попытки искусствен-

наго заметанія слѣдовъ, сознательно неправильнаго толкованія «корней и нитей» должны бы подвергаться преслѣдованію предсѣдательствующаго. Къ сожалѣнію, приходится наблюдать на практикѣ иное. Мои наблюденія говорятъ мнѣ, что *всякая* попытка защитника возвыситься надъ уровнемъ мелочей, *всякое* проявленіе въ немъ желанія построить защиту на принципіальной, общей сторонѣ дѣла, *всякое* уклоненіе его отъ банальныхъ, избитыхъ пріемовъ защиты—стремленія установить alibi, высмѣять слѣдствіе и обвиненіе, высмѣять главныхъ свидѣтелей факта и подорвать довѣріе присяжныхъ къ ихъ показаніямъ, объяснить преступленіе невѣжествомъ, убожествомъ кліента и пр., и пр., что всякая попытка соскочить съ этихъ рельсовъ встрѣчаетъ суровый, рѣшительный, часто неделикатный отпоръ со стороны предсѣдательствующаго. Если защитникъ, краснѣя и теряясь, обнаруживаетъ робкія поползновенія хоть къ крошечному протесту противъ такого отпора, онъ наталкивается на рѣзкую фразу: «за силой такой-то статьи мое замѣчаніе для васъ обязательно; ему вы обязаны подчиниться»—и дѣло съ концомъ. Разговоры кончены, остается долепетать финалъ рѣчи. Эффектъ потерянъ, присяжные остались при однихъ обвинительныхъ аргументахъ, при одномъ фактѣ, при однихъ конкретныхъ доказательствахъ, но не получили ничего для освѣщенія «подоплеки» дѣла, я сказалъ бы — для философскаго обоснованія своего вердикта. Пусть читатель судитъ самъ, насколько при этомъ достигнута истинная, объективная цѣль судоговоренія, насколько при такихъ условіяхъ судъ можетъ дѣйствительно возвышаться до роли «соціальнаго фактора», а судебный ораторъ—до значенія учителя, могущаго на самомъ дѣлѣ вліять на общественные нравы. И это не случайность. Если въ лицѣ предсѣдательствующаго судья отступаетъ на второй планъ, уступая мѣсто администратору и цензору,—судъ навсегда осужденъ на копаніе въ конкретныхъ мелочахъ, лишь затемняющихъ разборъ соціальныхъ условій, производящихъ преступленія, избирающихъ своею жертвой того или другого Ивана или Сидора, которые попадаютъ на скамью подсудимыхъ; судъ никогда не будетъ имѣть никакихъ шансовъ выполнить свою важнѣйшую функцію—играть надлежащую роль въ эволюціи общественной задачи.

Я позволилъ-бы себѣ грубую натяжку, если бы взялся утверждать, что мои наблюденія убѣждаютъ меня въ достаточной подготовленности членовъ корпораціи защитниковъ въ массѣ выполнять свои соціальныя обязанности съ достаточнымъ совершенствомъ. Едва ли кто-нибудь могъ-бы быть достаточно убѣдительнымъ, если бы принялся доказывать, что они въ данномъ случаѣ стоятъ на высотѣ своей задачи. Это не служитъ, конечно, извиняющимъ обстоятельствомъ для магистратуры. Въ такой не-

подготовленности защиты слѣдуетъ, кажется, въ значительной степени винить именно то двусмысленное, болѣе чѣмъ подчиненное положеніе, въ которое она ставится въ процессѣ самой магистратурой. Былъ бы спросъ на «общественно-историческое» освѣщеніе дѣла, явилось бы и предложеніе. Только исключительно скорбный главою защитникъ не принялся бы, въ своихъ собственныхъ интересахъ, за пополненіе недочетовъ своего общаго философско-экономическаго образованія, если бы приложеніе такового требовалось, поощрялось въ его профессіи. Къ сожалѣнію, магистратура такого спроса совсѣмъ не предъявляетъ, а посему всѣ пробѣлы общаго развитія средняго студента, мало работавшаго надъ самообразованіемъ, остаются въ силѣ на всю его жизнь, сквозятъ въ его пріемахъ защиты, въ его рѣчахъ; а къ нимъ съ годами присоединяются иногда еще и несимпатичныя черты профессіональнаго адвоката, внесенныя въ практику защиты нѣкоторыми дѣйствительными клоунами былыхъ временъ и, къ сожалѣнію, не совсѣмъ еще забытыми и въ наши дни. Послѣднія черты намъ пришлось, однако, наблюдать весьма рѣдко, что и спѣшу оговорить. Tempora mutantur, и теперь ужъ просто неумно и нецѣлесообразно ѣздить на избитыхъ конькахъ разныхъ театральныхъ эффектовъ, дѣланнаго негодованія, приподнятыхъ жестовъ, позъ и т. п. Удивительно всетаки, что и это еще встрѣчается, хотя и вызываетъ только улыбку и топитъ дѣло самого актера. Но за то недохватка развитія, образованія, глубины мысли, къ сожалѣнію, видится теперь очень часто, въ чемъ несомнѣнно сказываются результаты того временнаго замиранія умственной работы среди молодежи, того обмельчанія идеаловъ, того пренебреженія къ историко-общественному образованію, которое мы пережили въ восьмидесятыхъ годахъ. Только этотъ возрастъ, «восьмидесятниковъ», мнѣ и приходилось наблюдать.

Выше было упомянуто, что, въ силу внѣшнихъ условій, защитительныя рѣчи часто бываютъ лишены убѣдительности. Но не поэтому одному. Часто встрѣчается въ нихъ самихъ нѣкоторый органическій недостатокъ, приводящій къ тому-же результату. Это—отсутствіе убѣжденія, личнаго убѣжденія оратора въ правильности его точки зрѣнія, въ правдивости того, защитникомъ чего онъ выступаетъ. И это чувствуется, неминуемо сообщается присяжнымъ, вслѣдствіе чего вся защита бываетъ выстрѣломъ на воздухъ. Да и какъ можетъ быть иначе при нынѣшней обстановкѣ дѣла? Иванъ укралъ. Отрицать этого нельзя. Попытайтесь не входить въ болѣе глубокій разборъ общихъ причинъ, однимъ изъ ничтожнѣйшихъ проявленій которыхъ служитъ преступленіе нашего Ивана—что останется? Голый фактъ присвоенія чужой собственности. Если Иванъ укралъ разъ, онъ можетъ, говоритъ ба-

нальная логика, украсть еще и еще разъ у васъ, у меня, у предсѣдателя, у присяжнаго, у прокурора — да и у защитника. Адвокатъ проситъ дать кліенту снисхожденіе по его убожеству, а въ его рѣчи сквозитъ мысль, что, въ сущности, онъ самъ, адвокатъ, будетъ спокойнѣе, если всѣ эти Иваны, обладающіе «злой волей», будутъ прибраны въ безопасное мѣсто и не будутъ угрожать его носовому платку и ротондѣ его супруги. Выходитъ одна «проформа». Говорильщикъ говоритъ, слушатель слушаетъ, понимаетъ и на усъ мотаетъ. Въ результатѣ—«да, виновенъ»—и Иванъ отправляется въ «безопасное» мѣсто. Убѣжденность можетъ явиться у защитника лишь въ томъ случаѣ, если онъ сумѣетъ дѣйствительно отвлечься отъ индивидуальныхъ свойствъ даннаго дѣла и познакомиться съ соціальной его сущностью. Только тогда можно понять его истинный смыслъ и значеніе, только тогда можно установить надлежащую точку зрѣнія на него, только тогда и можно найти въ себѣ «глаголы», которыми можно «жечь сердца» и присяжныхъ, и той публики, которая слушаетъ дѣло и читаетъ судебную хронику. Но вѣдь для этого надо имѣть подготовку, надо имѣть привычку и умѣніе «видѣть на аршинъ подъ землей». Часто-ли встрѣчаются эти свойства у той группы людей, о которой идетъ рѣчь? Можно возразить, что если «внѣшнія условія» не позволяютъ имъ обнаружиться, то и трудно судить о ихъ наличности. Но не совсѣмъ такъ. Въ извѣстномъ кругѣ идей и дѣйствій, считающихся дозволенными защитнику, кругѣ, хотя узенькомъ, но дающемъ ему все-таки нѣкоторый относительный просторъ дѣйствій, все-ли можно считать использованнымъ? Все-ли то говорится и подчеркивается, что можетъ быть сказано и подчеркнуто? Далеко нѣтъ, и противное едва-ли станутъ защищать добросовѣстные представители корпораціи, положа руку на сердце. Сколько промаховъ, неумѣлости, непродуманности можно встрѣтить въ этомъ смыслѣ... Нельзя-же, напр., считать серьезнымъ такой фактъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть. Поговоривъ съ полчаса о деталяхъ дѣла, защитникъ продолжаетъ: «теперь мнѣ необходимо сказать объ общихъ соціальныхъ недочетахъ нашей жизни»... Понятно—звонокъ. Да и вся фраза была, повидимому, только и разсчитана на «звонокъ». Вѣдь это-же только эффектъ и ничѣмъ другимъ считаться въ устахъ не юноши и не можетъ.

Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что даже та тѣнь убѣжденности, которую силятся изобразить защитники, въ корень подрывается разнаго рода внѣшними дѣйствіями, которыя ей безусловно противорѣчатъ. Такъ, послѣ рѣчи, въ которой заключалось немало шпилекъ по адресу прокурора, когда очередные присяжные ушли совѣщаться, защитникъ, на глазахъ у остальныхъ, подходитъ къ

обвинителю, противъ котораго только что сильно фрондировалъ, и приноситъ ему свои извиненія... Мнѣ вспомнилась сцена, видѣнная мной въ молодости въ захолустномъ провинціальномъ театрѣ: въ надлежащемъ мѣстѣ пьесы актеръ падаетъ, убитый выстрѣломъ; ему хлопаютъ—онъ поднимается, раскланивается и ложится снова. Аналогія полная. Но за спиной актера не стоитъ никто, никто не страдаетъ отъ его наивности, неумѣлости; а за спинами защитниковъ—судьба цѣлой арміи людей, томящихся по острогамъ и ждущихъ своей участи...

Остановимся на сказанномъ, не затрагивая другихъ грустныхъ наблюденій, которыя невольно приходится дѣлать «свѣжему» человѣку, обывателю, когда онъ выполняетъ одну изъ величайшихъ своихъ гражданскихъ обязанностей въ роли присяжнаго засѣдателя. Недочеты нашего «инквизиціоннаго» предварительнаго слѣдствія, превращеніе прокурорскаго надзора изъ блюстителя закона въ профессіональнаго обвинителя и кое-что другое достаточно общеизвѣстно и говорить о такихъ вещахъ—значитъ, повторять очень старые зады. А то, что я старался выяснить въ этой бѣглой замѣткѣ, вопіетъ лишь объ одномъ—о необходимости подъема, крупнаго подъема нашего гражданскаго и умственнаго уровня. Безъ серьезной работы въ этомъ направленіи отъ идеальныхъ началъ, вложенныхъ въ судебные уставы шестидесятыми годами, останется лишь мертвая форма безъ оживляющаго ее духа.

Н. Карышевъ.

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ.

I.

Въ «Русской Старинѣ» печатаются въ настоящее время весьма любопытныя записки барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, члена Государственнаго Совѣта и директора Публичной Библіотеки, который по своему высокому служебному положенію могъ знать очень многое, происходившее при дворѣ и въ высшихъ служебныхъ сферахъ въ царствованіе императора Николая. Это былъ къ тому же человѣкъ умный и способный, какъ видно изъ написанной имъ (уже въ царствованіе императора Александра II) біографіи Сперанскаго, и потому его записки несомнѣнно имѣютъ большое значеніе. Но среди весьма интересныхъ фактовъ, хотя и сообщаемыхъ обыкновенно въ одностороннемъ оффиціальномъ освѣщеніи, попадаются иной разъ извѣстія, изложенныя не только тенденціозно, но и уснащенныя свѣдѣніями прямо вымышленными. Таковы, напр., показанія барона Корфа о Пушкинѣ, товарищѣ автора записокъ по лицею, котораго Корфъ просто ненавидѣлъ и на котораго взвелъ жестокія небылицы, опровергнутыя въ особой статьѣ покойнымъ Л. Н. Майковымъ *).

Мы предполагаемъ остановиться на другомъ эпизодѣ записокъ Корфа, а именно посвященномъ кружку Петрашевцевъ, о дѣлѣ которыхъ авторъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ извѣстій, но о которыхъ судитъ слишкомъ субъективно, допуская при томъ и фактическія невѣрности. Мы полагаемъ, что наша статья, основанная, кромѣ печатныхъ данныхъ, и на неизданныхъ источникахъ, правильнѣе освѣтитъ это дѣло, имѣющее очень большое значеніе въ исторіи движенія общественныхъ идей къ концѣ 40-хъ гг.

*) „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа". „Русск. Стар." 1899, т. 99, стр. 297—311, 517—530.

„Среди революціоннаго вихря“ (говоритъ баронъ Корфъ), „который послѣ нѣсколько спокойнѣйшаго, какъ казалось, направленія дѣлъ, вдругъ весною 1849 г., съ новою силою охватилъ Западную Европу, въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля, всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстью объ открытомъ у насъ заговорѣ. Къ Россіи покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась... гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революціи вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ и, не смотря ни на этотъ живой примѣръ, ни на память событій 14-го декабря 1825 г., нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада. Уже съ полгода секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, слѣдили за этою шайкою и, наконецъ, въ ночь съ 21-го на 22-ое апрѣля захватили до 40 человѣкъ, обличенныхъ въ тайныхъ замыслахъ“ *).

Въ такомъ повышенномъ тонѣ писалъ о Петрашевцахъ баронъ Корфъ въ моментъ ихъ ареста въ апрѣлѣ 1849 г. Но въ концѣ того же года, когда уже былъ опубликованъ и исполненъ суровый приговоръ надъ ними, баронъ Корфъ сильно понизилъ тонъ: «Результаты изслѣдованія вскорѣ обнаружили, что *дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія вначалѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувеличивающіе.* Всѣхъ замѣшанныхъ было около 50 человѣкъ... Цѣль замысла была—измѣнить общественное наше устройство по образцу западныхъ понятій, приготовивъ сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціальныхъ сочиненій, разныхъ разглашеній, рѣчей и порицанія всего существующаго, предметовъ и лицъ... Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 г., не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ «кромѣ только успѣвшаго пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность своими повѣстями отставного инженеръ-поручика Достоевскаго», оговаривается баронъ Корфъ), «учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій. Покушеній или приготовленія къ бунту съ достовѣрностью открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія... Члены (слѣдственной коммиссіи) называли это *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то *какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?*» **).

Баронъ Корфъ не замѣчаетъ того, что послѣднія слова его

*) „Рус. Стар.“ 1900, № 4, стр. 39.

**) „Рус. Стар.“ 1900 г., № 5, стр. 278—279. Курсивъ нашъ.

представляютъ самое сильное осужденіе крайней суровости приговора надъ Петрашевцами.

Отмѣтимъ прежде всего невѣрныя свѣдѣнія въ разсказѣ барона Корфа. Наблюденіе надъ Петрашевцами продолжалось не полгода, а тринадцать мѣсяцевъ и находилось въ теченіе цѣлаго года въ исключительномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, который поручилъ надзоръ за М. В. Буташевичемъ-Петрашевскимъ чиновнику своего министерства д. с. с. Липранди. По отзыву одного изъ его сослуживцевъ по министерству, Липранди, бывшій нѣкогда офицеромъ генеральнаго штаба, «былъ человѣкъ рѣдкаго ума и весьма образованный. Его Перовскій употреблялъ по двумъ спеціальностямъ: по дѣламъ раскольниковъ, преимущественно скопцовъ, и по дѣламъ политическаго свойства. Это было время самаго безпощаднаго преслѣдованія раскола, сопровождавшагося ссылкою раскольниковъ, опечатаніемъ и уничтоженіемъ ихъ молеленъ и скитовъ и отобраніемъ ихъ церковныхъ книгъ и другихъ предметовъ богослуженія.» Допросы раскольниковъ и скопцовъ Липранди производилъ у себя въ квартирѣ за самоваромъ, подтчивая ихъ чаемъ съ ромомъ и располагая ихъ такимъ фамильярнымъ отношеніемъ къ большей откровенности... Липранди имѣлъ большую и разнообразную библіотеку, и разъ, когда у него былъ Н. А. Милютинъ» (служившій также въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), «и хозяинъ просилъ его ознакомиться съ находящимися въ ней книгами, Ник. Ал. отвѣтилъ, что по надписямъ на корешкахъ онъ уже познакомился съ содержаніемъ книгъ, но опасается,—не спрятаны-ли за ними шпіоны» *). И отзывъ Шумахера, и слова Милютина показываютъ намъ, что за человѣкъ былъ Липранди, сыгравшій такую важную роль въ дѣлѣ Петрашевцевъ.

Поводомъ къ началу наблюденія за самимъ Петрашевскимъ послужила литографированная записка по крестьянскому вопросу, розданная имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ началѣ марта 1848 г. въ количествѣ 200 экз. **). Перовскій поручилъ Липранди достать эту записку, и когда это было легко исполнено, снесся о ней съ шефомъ жандармовъ графомъ Орловымъ. Оба они нашли, что «это должно быть плодомъ тайнаго обдуманнаго предначертанія». По соглашенію графа Л. Перовскаго съ графомъ Орловымъ, по свидѣтельству Липранди, около 10-го марта 1848 г.

---

*) *А. Д. Шумахеръ*. „Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ". „Вѣстн. Евр." 1899 г., № 3, стр. 123—125.

**) См. о ней въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ", II, 376–377. Полностью записка до сихъ поръ неизвѣстна. У Петрашевскихъ было имѣніе въ 240—250 д. въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., не раздѣленное послѣ смерти отца Михаила Васильевича между нимъ, его матерью и 4 сестрами.

на него было возложено собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, при чемъ агенты III-го Отдѣленія вовсе не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. 20-го апрѣля 1849 г. графъ Орловъ объявилъ Липранди Высочайшую волю о прекращеніи имъ дальнѣйшаго веденія дѣла и о передачѣ его въ III-е отдѣленіе *), а въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля были произведены аресты. Слѣдовательно, показаніе барона Корфа, что арестъ былъ произведенъ сутками ранѣе, неточно. Противорѣчіе между показаніемъ Корфа, что за Петрашевцами слѣдили „секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, и свидѣтельствомъ Липранди, желавшаго приписать заслугу раскрытія всего дѣла себѣ, разъясняется запискою секретной слѣдственной коммиссіи, изъ которой видно, что въ мартѣ 1848 г. шефъ жандармовъ учредилъ надзоръ за Петрашевскимъ, а въ то же время началось наблюденіе за нимъ и по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ «столкновеніе агентовъ двухъ вѣдомствъ могло имѣть вредное послѣдствіе—открыть Буташевичу-Петрашевскому тайну надзора и отнять у правительства возможность обнаружить его преступные замыслы, — то шефъ жандармовъ приказалъ агентамъ III-го отдѣленія прекратить свои наблюденія, предоставивъ весь ходъ этого дѣла графу Перовскому».

Ревность, обнаруженную въ этомъ дѣлѣ Перовскимъ, объясняютъ тѣмъ, что онъ, признавая «отдѣльное существованіе III-го отдѣленія ненужнымъ, старался доказать, что и общая полиція министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ предупредить всякіе политическіе перевороты и знать о зародышахъ такихъ стремленій ранѣе III-го отдѣленія» **).

Баронъ Корфъ утверждаетъ, что среди арестованныхъ Петрашевцевъ «не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ нибудь родѣ», кромѣ Достоевскаго: «учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій», и противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Петрашевцевъ декабристамъ. Дѣйствительно, среди декабристовъ были люди болѣе высокопоставленные и по своему происхожденію, и по служебному положенію. Тамъ было нѣсколько князей (Трубецкой, Евг. Оболенскій, Щепинъ-Ростовскій, Серг. Волконскій, Барятинскій, Одоевскій, Вал. Голицынъ), графы (Ник. Булгари, Коновницынъ I-ый, Чернышевъ), бароны (Штейнгель и Черкасовъ), люди со старыми дворянскими фамиліями. Огромное большинство

*) „Рус. Стар." 1872 г., т. VI, 70—73.

**) *Шумахеръ*. „Позднія воспоминанія". „Вѣстн. Евр." 1899 г., № 8 стр. 123—124.

декабристовъ были военные, иные даже съ генеральскими чинами, среди нихъ также было много отставныхъ военныхъ и лишь ничтожное количество статскихъ. Но декабристы блистали не только титулами и чинами,—среди нихъ былъ и цвѣтъ интеллигенціи—поэты, писатели и ученые: Рылѣевъ, Александръ и Николай Бестужевы, В. Кюхельбекеръ, Корниловичъ, Ѳ. Глинка и, наконецъ, Ник. Ив. Тургеневъ, который, конечно, могъ гораздо болѣе гордиться своею книгою «Теорія налоговъ», чѣмъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Петрашевцы не могли похвастать участіемъ въ ихъ кружкахъ князей, графовъ и бароновъ, хотя на собраніяхъ у Кашкина и бывали князья П. Трубецкой и С. Черкасскій; въ ихъ средѣ было, дѣйствительно, не мало учителей и чиновниковъ, члены этихъ кружковъ вообще принадлежали къ нѣсколько болѣе демократическому слою общества, чѣмъ декабристы, но Петрашевцы не только не менѣе, но даже болѣе, чѣмъ декабристы, имѣли въ своей средѣ писателей, и не одинъ Достоевскій заслуживаетъ тутъ упоминанія. Въ оффиціальномъ спискѣ арестованныхъ въ ночь на 23-е апрѣля 1849 г. отмѣчены, какъ «литераторы», кромѣ «отставного инженеръ-поручика Ѳедора Достоевскаго», еще его братъ, отставной поцпоручикъ Михаилъ Достоевскій *), отставной кол. ас. Сергѣй Дурново, поручикъ л.-гв. Московск. полка Ник. Момбелли, поручикъ л.-гв. егерскаго полка Александръ Пальмъ и неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ. Буташевичъ-Петрашевскій значился въ спискѣ чиновникомъ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, но онъ былъ также и писателемъ, такъ какъ участвовалъ въ составленіи изданнаго имъ подъ именемъ другого лица (Кириллова) «Словаря иностранныхъ словъ». Такимъ образомъ, изъ числа 39 лицъ, арестованныхъ утромъ 23-го апрѣля, было 7 писателей, т. е. почти пятая часть **). Затѣмъ арестованы были еще 10 лицъ—преимущественно чиновники Наконецъ, призывались къ допросу въ слѣдственную коммиссію черезъ III-е отдѣленіе еще 60 человѣкъ, въ томъ числѣ тит. сов. Аполлонъ Майковъ (извѣстный поэтъ), губ. секр. Василій Толбинъ (писатель), писатель Влад. Раф. Зотовъ и кол. секр. Ник. Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ, начавшій

*) Онъ печаталъ повѣсти и переводы въ стихахъ иностранныхъ классиковъ въ тогдашнихъ журналахъ и велъ внутреннее обозрѣніе въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Рус. Стар.“, т. XXX, 700). Впрочемъ, первоначально вмѣсто него былъ арестованъ третій братъ Достоевскихъ—Андрей.

**) Изъ числа арестованныхъ 23-го апрѣля 1849 г. были освобождены черезъ нѣкоторое время безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ секретнаго надзора, 12 лицъ, но въ числѣ этихъ послѣднихъ не было ни одного писателя.

литературную дѣятельность въ 1850 г.). Лишь случайное обстоятельство удержало Н. П. Огарева и К. Д. Кавелина отъ посѣщенія пятницъ Петрашевскаго предъ самымъ его арестомъ, хотя это не избавило Огарева отъ обвиненія въ «фаланстерныхъ началахъ» въ первой половинѣ 50-хъ гг. Были и такія лица, которыхъ только ссылка «въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія» избавила отъ привлеченія къ дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ, начавшій тогда уже свою литературную дѣятельность: его видѣли одинъ разъ у Петрашевскаго. Такимъ образомъ, весьма значительное число писателей было такъ или иначе прикосновенно къ дѣлу Петрашевцевъ. Если только ссылка избавила Салтыкова отъ привлеченія къ этому дѣлу, то былъ еще одинъ писатель, не менѣе знаменитый, чѣмъ впослѣдствіи Салтыковъ и Достоевскій, котораго только смерть освободила отъ весьма тяжелой кары: Бѣлинскій былъ живъ еще, когда началось наблюденіе за Петрашевскимъ и его собраніями по пятницамъ. Когда Петрашевцы были арестованы, сдѣлалась извѣстной та значительная роль, которую играло, въ качествѣ орудія пропаганды, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; и этимъ объясняется, конечно, что Л. В. Дубельтъ «яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ», и обмолвился весьма характерными словами: «Мы бы сгноили его въ крѣпости».

Изъ всего сказаннаго видно, что умственное движеніе, представителями котораго явились Петрашевцы, выдвинуло значительныя имена вопреки мнѣнію бар. Корфа.

Бар. Корфъ отмѣчаетъ весьма любопытную черту, характеризующую отношеніе императора Николая къ дѣлу Петрашевцевъ въ моментъ ихъ ареста: государю пришло въ голову, что къ ихъ числу могутъ «втайнѣ принадлежать» не одни офицеры, молодые чиновники, литераторы и проч., но и кто нибудь *повыше*» *). 24-го апрѣля 1849 г., т. е. на другой день послѣ ареста Петрашевцевъ, принимая двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, государь сказалъ:

«Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ* **). Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc l'affaire des pères de famille de veiller dans leur interieur,

*) Курсивъ бар. Корфа.
** Курсивъ бар. Корфа.

d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les intéresser tout autant que moi!..» *).

Слухи объ открытомъ «заговорѣ» были такъ преувеличены и нелѣпы, что бар. Корфъ отмѣтилъ даже, какъ проявленіе особаго мужества со стороны государя то, что въ тотъ же день онъ «прохаживался по улицамъ, какъ всегда, совершенно одинъ, а вечеромъ посѣтилъ публичный маскарадъ въ Большомъ театрѣ. 25-го онъ смотрѣлъ рекрутъ и принималъ доклады министровъ, тоже какъ всегда» **).

Мысль, пришедшая въ голову императору Николаю о возможномъ прикосновеніи къ дѣлу Петрашевцевъ лицъ высокопоставленныхъ, быть можетъ, объясняется предположеніями декабристовъ избрать во временное правленіе Сперанскаго, Мордвинова и Ермолова. Въ февралѣ 1826 г. былъ сдѣланъ доносъ одновременно на П. С. Мордвинова, П. Д. Киселева, А. П. Ермолова и и вмѣстѣ съ тѣмъ на А. А. Закревскаго, кн. А. Н. Голицына и Балашова ***). Вѣроятно, вслѣдствіе предположеній декабристовъ, а быть можетъ, и вслѣдствіе доноса, который могъ сдѣлаться ему извѣстнымъ, либералъ-конституціоналистъ Мордвиновъ нашелъ нужнымъ подать императору Николаю записку съ осужденіемъ «умствованій и толковъ о конституціи» въ Россіи ****).

Другою любопытною чертою въ приведенныхъ выше словахъ императора Николая является его рѣзкій отзывъ о шпіонахъ. Между тѣмъ въ дѣлѣ Петрашевцевъ въ высшей степени важную роль сыгралъ агентъ Липранди, Антонелли.

Это былъ родственникъ Липранди, студентъ, котораго тотъ уговорилъ оставить университетъ и примкнуть къ кружку Петрашевскаго. И самъ Петрашевскій, и лица, его посѣщавшія, были крайне довѣрчивы и неосторожны: не смотря на то, что Антонелли ни на кого не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія, ему не только удалось быть на шести вечерахъ у Петрашевскаго, еженедѣльно съ 11-го марта по 15-е апрѣля 1849 г., а 16-го апрѣля у П. А. Кузмина, но даже педагогъ Толль, пострадавшій впослѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевцами, поселился съ нимъ на одной квартирѣ. Правда, попытка Антонелли устроить вечеръ у себя плохо удалась, отчасти, впрочемъ, вслѣдствіе разведенія мостовъ на Невѣ, но тѣмъ не менѣе его подробныя, хотя во многомъ не-

*) „Обязанность отцовъ слѣдить за ихъ домашними дѣлами, тѣмъ болѣе, что это близко ихъ касается и должно ихъ интересовать столько же, сколько и меня".

**) „Рус. Стар.", 1900 г., № 4, стр. 39—40.

***) „Рус. Стар.", 1881 г., т. XXX, стр. 187—190.

****) См. извлеченія изъ нея въ моей статьѣ „Изъ исторіи общ. теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.", „Историч. Обозр." IX, 281—282.

правдивыя донесенія, послужили главнымъ основаніемъ для ареста Петрашевцевъ. Такъ какъ арестованнымъ удалось увидѣть въ III-мъ отдѣленіи въ день ареста списокъ, въ которомъ противъ имени Антонелли было поставлено слово «агентъ», то его предательская роль стала извѣстна всѣмъ, и онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ презрѣніи къ нему общества *); даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ его не пожелали опредѣлить на службу, такъ какъ ни одинъ изъ столоначальниковъ не захотѣлъ принять его въ свой столъ.

Бар. Корфъ даетъ очень неблагопріятный отзывъ о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ; онъ говоритъ, что во главѣ «замѣшанныхъ» въ дѣло стоялъ «28-лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій, сынъ «бывшаго» петербургскаго штадтъ-физика и бывшій воспитанникъ Царскосельскаго лицея **), человѣкъ полоумный (?), уже давно признанный такимъ между своими товарищами, но, можетъ быть, отъ того именно и чрезвычайно дерзкій» ***). Относительно личности Петрашевскаго мы можемъ противопоставить отзыву Корфа отзывъ товарища Петрашевскаго по дѣлу, еще и по нынѣ здравствующаго, извѣстнаго врача Д. Д. Ахшарумова: «Это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». Далѣе Д. Д. Ахшарумовъ свидѣтельствуетъ о «выдающихся качествахъ» Петрашевскаго, его «увлеченіи дѣломъ и уваженіи, которымъ онъ пользовался среди людей его окружающихъ». Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ показаніи на слѣдствіи говоритъ: «я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго». Отзывъ Корфа о Петрашевскомъ, что онъ былъ «человѣкъ полоумный», можетъ быть, вызванъ его временнымъ психическимъ заболѣваніемъ во время заключенія въ тюрьмѣ и нѣкоторыми странностями его характера ****). Что же касается эпитета «дерзкій», то, во-первыхъ, всѣ люди со смѣлыми и новыми взглядами кажутся дерзкими представителямъ оффиціальнаго міра, а, во-вторыхъ, Петрашевскій былъ, дѣйствительно, не изъ тѣхъ лю-

---

*) „Изъ записокъ ген.-лейт. Кузьмина". „Русск. Стар.", 1895, № 2, стр. 160—162, 167, № 3, 78—79, № 4, 77—78.

**) Петрашевскій окончилъ курсъ въ лицеѣ въ 1839 г. „Рус. Стар.", 1900 № 9, стр. 449. Корфъ не упоминаетъ, что Петрашевскій получилъ въ университетѣ степень кандидата, „такъ какъ", по свидѣтельству слѣдственной коммиссіи, онъ „дѣйствительно, учился отлично и съ большою охотою".

***) „Рус. Стар.", 1900, № 5, стр. 278.

****) Еще въ юности онъ нерѣдко высказывалъ желаніе быть не такъ, какъ „всѣ люди". „Рус. Стар.", 1900 г., № 9, стр. 449—451.

дей, которые позволяютъ себѣ наступить на ногу *). На допросѣ онъ не только не скрывалъ своихъ убѣжденій, не только пытался на обломкахъ штукатурки написать товарищамъ, что́ они должны показывать на слѣдствіи, но даже переходилъ, такъ сказать, въ наступленіе, грозя слѣдователямъ судомъ Западной Европы, чѣмъ и заслужилъ съ ихъ стороны весьма неодобрительную аттестацію человѣка «дерзкаго», «наглаго», не изъявившаго раскаянія. *) Но дѣло въ томъ, что Петрашевскій былъ настолько глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, что до самой смерти считалъ себя невинно осужденнымъ и требовалъ не прощенія, а пересмотра своего дѣла.

II.

Мы не знаемъ, на какомъ основаніи Липранди утверждаетъ, что «общество» существовало уже съ 1842 г. **), между тѣмъ какъ знаменитыя пятницы Петрашевскаго начались съ 1845 г., быть можетъ, въ связи съ изданнымъ имъ въ то время первымъ выпускомъ «Словаря иностранныхъ словъ». Вѣроятно, Липранди имѣлъ при этомъ въ виду попытки пропаганды, начатой Петрашевскимъ по окончаніи имъ курса въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету (въ 1841 г.). Положимъ, Петрашевскій былъ замѣченъ въ «либеральномъ образѣ мыслей» еще въ 1836 г. въ лицеѣ, когда ему было всего 14 лѣтъ; въ университетѣ также не были тайною его «чрезвычайно либеральныя идеи» ***). Въ запискѣ слѣдственной коммиссіи приводятся отрывки изъ его черновыхъ набросковъ 1840 г. подъ заглавіемъ: «Мои афоризмы или обрывочныя понятія обо всемъ, мною самимъ порожденныя». Здѣсь Петрашевскій, между прочимъ, высказывался за сохраненіе принципа національности при устройствѣ государствъ, за децентрализацію и за республиканскую форму правленія: «Государства должны быть основаны по народамъ», писалъ онъ, «отношенія же между народами должны быть какъ Штаты Сѣверной Америки или провинціями одного и того же государства.

---

*) Такъ, напр., когда онъ однажды попался на глаза въ цензурномъ комитетѣ грозному попечителю петербург. уч. окр. Мусину-Пушкину, то на вопросъ послѣдняго: „Вы что за птица? Что вамъ нужно?“—онъ отвѣчалъ: „я, ваше п—во, не птица, а человѣкъ“, и этимъ смѣлымъ отвѣтомъ заставилъ попечителя ретироваться. *Ѳ. Н. Устряловъ*, „Воспомин. о Спб. универс.“, „Ист. Вѣстн.“, 1884 г., т. XVI, 600.

**) „Рус. Стар.“ 1872 г., т. VI, 75.

***) Вѣроятно, поэтому Петрашевскій былъ выпущенъ изъ лицея съ чиномъ только XIV класса. „Рус. Стар.“, 1900 г. № 9, стр. 449.

Пошлинъ и таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цѣль назначенія человѣчества была постигнута, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное, республиканское. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не нужны, ибо война не должна бы имѣть мѣста. Въ религіи: совершенная терпимость». Въ другомъ мѣстѣ Петрашевскій писалъ: «мнѣ думается, что Сибирь замѣнитъ настоящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народность русская безъ примѣси, и правленіе республиканское въ ней будетъ господствующимъ».

По окончаніи университетскаго курса Петрашевскій продолжалъ набрасывать свои мысли. Слѣдственная коммиссія отмѣтила заглавія слѣдующихъ предположенныхъ имъ статей: «а) О необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, и о преимуществахъ открытыхъ судовъ предъ закрытыми. б) О учрежденіи новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда выходили бы люди—людьми и граждане—гражданами. в) О негодности Свода законовъ. г) О введеніи мирныхъ судей. д) О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе признакъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, и показаніе на основаніи философіи, въ чемъ долженъ состоять патріотизмъ». Подозрительнымъ показалось коммиссіи даже слѣдующее заглавіе: «объ общихъ началахъ для опредѣленія степени совершенства всякаго рода».

Въ разсужденіи на тему: «Неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпѣненія?» Петрашевскій указывалъ на трудность освободиться отъ вреднаго вліянія предразсудковъ, говорилъ о «гибельной опасности возстать противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ общества, въ которомъ не существуетъ суда присяжныхъ изъ истинныхъ знатоковъ всякаго дѣла», сравнивалъ «призваніе и участь нововводителей съ судьбою проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ христіанства», а «судъ надъ ними общества» называлъ «сатанинскою насмѣшкою надъ природою и человѣчествомъ».

Во всѣхъ этихъ невинныхъ общихъ размышленіяхъ и предположеніяхъ о необходимости суда присяжныхъ, гласнаго судопроизводства, мировыхъ судей и проч. слѣдственная коммиссія не только усмотрѣла, что «по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болѣе укореняться» въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ нихъ «преступное стремленіе къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей», однако объ основаніи «общества» въ 1842 г. въ запискѣ коммиссіи все-таки нигдѣ не упоминается.

Напротивъ, коммиссія относитъ первую попытку Петрашевскаго вести пропаганду къ 1844 г., когда онъ хлопоталъ о мѣстѣ вос

питателя въ лицеѣ и о допущеніи его преподавать въ этомъ заведеніи «юридическія науки», но, получивъ отказъ, «началъ приглашать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ младшаго курса по праздничнымъ днямъ, прельщая», по словамъ коммиссіи, «ихъ умы объясненіемъ новыхъ идей». У Петрашевскаго бывали слѣдующіе воспитанники лицея: Алексѣй Унковскій, Владиміръ Константиновъ и Александръ Бантышъ, въ то время уже выключенный изъ лицея. Какъ только это дошло до свѣдѣнія начальства, Унковскій и Константиновъ были тотчасъ допрошены, и оказалось, что вліяніе на нихъ Петрашевскаго «обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, яко бы несовмѣстнаго съ благоденствіемъ людей». Вслѣдствіе этого Унковскій, «въ особенности склонный къ подобнымъ увлеченіямъ», былъ исключенъ изъ лицея изъ опасенія дурного вліянія его на товарищей, а Константиновъ былъ подвергнутъ исправительному наказанію. Алексѣй Унковскій—это извѣстный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ Тверской губ. Въ своей обширной запискѣ объ упраздненіи крѣпостного права (1859 г.), не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій: введенія суда съ присяжными и допущенія мѣстнаго самоуправленія *). Теперь оказывается, что о необходимости всего этого еще въ ранней молодости онъ слышалъ отъ Петрашевскаго, вліяніе и примѣръ котораго могли дать ему и тотъ нравственный закалъ, который онъ проявилъ въ защитѣ дорогихъ ему взглядовъ.

Въ 1845 г. Петрашевскій, по свидѣтельству слѣдственной коммиссіи, сталъ собирать по пятницамъ своихъ знакомыхъ, «преимущественно изъ воспитателей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, съ цѣлью, нынѣ обнаруженною, чтобы потрясать умы соціальными книгами, разговорами и рѣчами», дѣйствовать на молодое поколѣніе, «не производить самому возстанія», но «мало-по-малу нанести ударъ правительству и настоящему порядку вещей... Въ 1848 г. собранія эти были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться»: начавшись съ 10, 15, а затѣмъ и 30 человѣкъ, число лицъ, посѣщавшихъ эти собранія, стало далеко значительнѣе **), «потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ: одни оставляли Петрашевскаго такъ же легко, какъ другіе съ нимъ знакомились».

Сохранилось нѣсколько описаній пятницъ Петрашевскаго въ

*) *Скребицкій.* „Крестьян. дѣло", т. I, 785—799.

**) Собиралось до 50 человѣкъ.

разное время; наиболѣе раннее изъ нихъ, относящееся къ началу 1846 г., принадлежитъ В. Р. Зотову. Явившись на одну изъ пятницъ, по приглашенію Михаила Васильевича, Зотовъ нашелъ, что «общество у него было довольно многочисленно, человѣкъ 20, все больше студенты, учителя, писатели. Я пришелъ поздно», продолжаетъ Зотовъ, «и засталъ только конецъ чтенія какой-то записки, гдѣ дѣло шло о необходимости освобожденія крестьянъ. Затѣмъ начались пренія о прочитанномъ. Говорили, какъ всегда у насъ, нескладно, длинно, неубѣдительно, горячась безъ толку, перебивая другъ друга, поминутно отвлекаясь предметами, вовсе не идущими къ дѣлу, не умѣя ни возражать, ни выслушивать чужихъ доводовъ... Посыпались предложенія всякаго рода, и возможныя, и совершенно фантастическія, но все это было не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, а главная черта—непрактично» *). Эти упреки Зотова мало основательны: никто не далъ еще въ то время полной, удовлетворявшей требованіямъ передовыхъ людей программы рѣшенія крестьянскаго вопроса; это впервые сдѣлалъ Герценъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ, въ первой половинѣ 50-хъ гг., заслуга же Петрашевскаго, во всякомъ случаѣ, состояла въ томъ, что онъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ интересъ къ этому дѣлу первѣйшей важности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространялъ освободительныя идеи.

Двумя годами позднѣе описываетъ пятницы Петрашевскаго въ своихъ воспоминаніяхъ ген.-лейт. П. А. Кузминъ:

„Я посѣщалъ эти вечера,—говоритъ онъ,—съ весны 1848 г., и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были не безынтересны для каждаго изъ присутствующихъ. Да и могло-ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло бы быть лучше, если бы было иначе". Поэтому весьма естественно, что вездѣ, гдѣ собирались люди выше средняго уровня, „они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ... Съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что до ужина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо общественный вопросъ, въ какомъ видѣ онъ осуществляется нынѣ въ Россіи, удобства или неудобства, осязаемыя отъ такого, а не иного положенія дѣла, и, наконецъ, изысканіе и, если возможно, то указаніе средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими", а послѣ ужина Н. Я. Данилевскій (извѣстный впослѣдствіи публицистъ-славянофилъ) продолжалъ „изложеніе соціальныхъ теорій". Въ концѣ каждаго вечера „объявлялось, о какомъ предметѣ, касаю-

*) „Истор. Вѣстн." 1890 г. № 6, стр. 540.

щемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и кѣмъ именно: кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ какъ въ Россіи, такъ и за границею".

Въ 1848 г. П. А. Кузминъ уѣхалъ изъ Петербурга и возвратился къ 1-му апрѣлю 1849 г. Въ тотъ же день (въ страстную пятницу) онъ отправился вечеромъ къ Петрашевскому, гдѣ изъ 20—30 посѣтителей нашелъ большинство старыхъ знакомыхъ, но гдѣ уже въ это время раскидывалъ свои сѣти Антонелли. На этотъ разъ, за неимѣніемъ другихъ охотниковъ, говорилъ самъ Петрашевскій о тѣхъ «трехъ главныхъ предметахъ», о которыхъ такъ часто у него бесѣдовали: уничтоженіи крѣпостного права, свободѣ книгопечатанія и улучшеніи судопроизводства и судоустройства. Рѣчь Петрашевскаго имѣла цѣлью «на основаніи статистическихъ данныхъ показать», въ какой послѣдовательности нужно рѣшить эти вопросы. На этотъ разъ, если память не измѣнила Кузмину, Петрашевскій доказывалъ, что на первый планъ слѣдуетъ поставить вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права *). Кузминъ же утверждалъ, что прежде всего необходимо рѣшить вопросъ объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства. Введеніе публичнаго и гласнаго судопроизводства неизбѣжно вызоветъ разборъ хода дѣлъ въ газетахъ и въ журналахъ, а это, парализуя строгость цензуры, постепенно приведетъ къ свободѣ книгопечатанія: «затѣмъ уже общество, подготовленное двумя предыдущими мѣрами, легко перейдетъ къ уничтоженію крѣпостного права» **). Въ пятницу 15 апрѣля у Петрашевскаго читалось письмо Бѣлинскаго къ Гоголю ***).

Такова картина пятницъ Петрашевскаго, нарисованная рукою человѣка умѣреннаго и безпристрастнаго, который хотя и привлекался къ дѣлу, но былъ освобожденъ безъ всякаго наказанія ****),

*) Напротивъ, въ письмахъ къ Кузмину въ Тамбовъ Петрашевскій писалъ: „Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ (объ эманципаціи крестьянъ) не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury".

**) Напротивъ, Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ же день. Подробное изложеніе взглядовъ Петрашевцевъ на отмѣну крѣпостного права см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ" т. II, 370—385.

***) Пятницы Петрашевскаго пользовались въ Петербургѣ широкою извѣстностью: такъ, нѣкто Петровъ въ письмѣ къ знакомому отъ 1-го декабря 1848 г. въ числѣ удовольствій петербургской жизни исчисляетъ: проповѣди Нильсена, „пропаганду Петрашевскаго", публичныя лекціи и фельетоны Плещеева.

****) Любопытно впечатлѣніе, которое произвели въ 1849 г. пятницы Петрашевскаго на молодого піаниста А. Г. Рубинштейна, только что пріѣхавшаго изъ-за границы; онъ нашелъ здѣсь „большое собраніе мужчинъ молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ—разсказываетъ Рубинштейнъ,—

но слѣдственная коммиссія даже и въ разговорахъ о крестьянскомъ вопросѣ, реформѣ судопроизводства и свободѣ книгопечатанія увидѣла тяжкое преступленіе, — тѣмъ болѣе строго отнеслась она къ бесѣдамъ о соціалистическихъ ученіяхъ, о формахъ правленія и о религіи.

Собранія происходили не только у Петрашевскаго, но и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Поручикъ л.-гв московскаго полка Николай Момбелли зимою 1846—47 гг. завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера, гдѣ читались оригинальныя и переводныя сочиненія «въ либеральномъ духѣ». Собранія эти обратили на себя вниманіе его начальства, но Момбелли объяснилъ, что они имѣютъ чисто литературный характеръ; напротивъ, Липранди въ своей запискѣ утверждалъ, что содержаніе преній на этихъ вечерахъ едва-ли можетъ имѣть прямое отношеніе къ литературѣ. Момбелли прекратилъ свои собранія въ февралѣ 1847 г. и затѣмъ, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его пятницы.

Въ послѣдніе два мѣсяца 1848 г. собранія происходили также еженедѣльно, но не въ опредѣленные дни, у служившаго въ азіатскомъ департаментѣ тит. сов. Кашкина *). По свидѣтельству слѣдственной коммиссіи, «въ этомъ кружкѣ было гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго: въ немъ была опредѣленная цѣль—изученіе системъ соціальныхъ и коммунистскихъ и по преимуществу системы Фурье. Кружокъ этотъ составляли (кромѣ коллеж. сов. Дебу 1-го) молодые люди высшаго гражданскаго воспитанія, всѣ одинаково образованные, равные и по положенію своему въ обществѣ, и по своему состоянію **).

помню одного,—то былъ Пальмъ, но хозяинъ все не появлялся. „Спрашиваю о немъ; мнѣ отвѣчаютъ: „подождите—увидите, насъ всѣхъ позовутъ“. Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери, и мы входимъ въ большую комнату, гдѣ передъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата... все это меня чрезвычайно удивило, и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.—„Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что-либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такіе мысли и принципы высказываются за границей, — тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста!“ Петрашевскій навѣщалъ потомъ Рубинштейна и давалъ ему читать „разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги“ и толковалъ съ нимъ „о конституціи, о парламентахъ и проч.“. „Воспоминанія А. Г. Рубинштейна“, „Рус. Стар.“ 1889 г., № 11, стр. 539—540.

*) Съ новаго года они на нѣкоторое время перемѣщались къ товарищу Кашкина по лицею Отто, но съ половины февраля 1849 г. снова перешли къ Кашкину.

**) На собраніяхъ у Кашкина бывали изъ числа арестованныхъ Н. А

Нѣкоторые изъ нихъ съ безотчетнымъ энтузіазмомъ предались соціальнымъ утопіямъ въ смыслѣ науки; нѣкоторые зачали примѣнять ихъ къ быту Россіи, другіе-же помышляли уже и о возможно скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ дѣйствіе и читали на собраніяхъ рѣчи.., далеко опередившія всѣ рѣчи и всѣ разговоры на собраніяхъ у Петрашевскаго».

Съ начала марта до половины апрѣля 1849 г. бывали еще по субботамъ собранія у двухъ жившихъ вмѣстѣ молодыхъ литераторовъ: С. Ѳ. Дурова и подпоручика л. гв. егерск. полка А. И. Пальма (съ ними жилъ еще кол. секр. Щелковъ).

Сергѣй Ѳед. Дуровъ родился въ 1816 г. въ имѣніи своего отца. Получивъ довольно хорошее для своего времени воспитаніе, Дуровъ поступилъ на гражданскую службу, которую и продолжалъ до конца 40-хъ гг., послѣ чего вышелъ въ отставку. Очень рано онъ сталъ посвящать досуги отъ службы литературной дѣятельности. Первыя стихотворенія, помѣщенныя имъ въ современныхъ альманахахъ, печатались довольно долго безъ имени автора. Только начиная съ 1843 г. имя его стало появляться на страницахъ журналовъ. Однимъ изъ первыхъ подписанныхъ имъ стихотвореній былъ переводъ изъ Байрона, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. Начиная съ слѣдующаго года, стихотворенія Дурова, а также повѣсти въ прозѣ стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Финскомъ Вѣстникѣ», въ «Иллюстраціи» (1846—1847 гг.) и нѣкоторыхъ альманахахъ. Стихотворенія эти были частью оригинальныя, частью переводныя — изъ Байрона, А. Шенье, В. Гюго, Мильвоа; одно стихотвореніе Барбье—«Кіая» было напечатано *) безъ имени автора, очевидно, по цензурнымъ причинамъ.

Изъ напечатаннаго Дуровымъ до ссылки всего значительнѣе въ идейномъ отношеніи именно этотъ переводъ изъ Барбье, не смотря на всѣ его погрѣшности какъ зависящія, такъ и независящія отъ переводчика: подъ послѣдними мы разумѣемъ пропуски, сдѣланные цензурой. Эта пьеса Барбье состоитъ изъ разговора художника Сальватора Розы съ неаполитанскимъ рыбакомъ и превосходно изображаетъ тогдашнее тяжелое положеніе Италіи; оно очень нравилось товарищамъ Дурова по кружку, очевидно

Спѣшневъ, К. М. Дебу 1-ый, его братъ кол. секр. И. М. Дебу 2-ой, его пріятель кандидатъ университета Д. Д. Ахшарумовъ, чиновники: Европеусъ, Ващенко, Есаковъ и студентъ Ханыковъ. Изъ небывшихъ арестованными: чиновникъ IX-го класса Отто, студ. Европеусъ 2-ой, губ. секр. Пенскій, отст. кол. секр. Ахшарумовъ 1-ый (извѣстный впослѣдствіи писатель Ник. Дм.), кн. Петръ Трубецкой, кн. Семенъ Черкасскій и чиновники Николаевъ и Рахманиновъ. Участіе въ кружкѣ неарестованныхъ, по оффиціальному свидѣтельству, было „болѣе отрицательное, чѣмъ положительное".

*) Въ „Финскомъ Вѣстникѣ" 1846 г., т. X, стр. 5—12.

находившимъ въ немъ аналогію съ явленіями имъ близкими, а также и симпатичную имъ вѣру въ лучшее будущее. Рыбакъ жалуется, что они, «какъ волы, осуждены судьбою нести ярмо тяжелаго рабства». Художникъ вторитъ ему и кончаетъ свой монологъ словами:

Изъ двухъ друзей, бесѣдующихъ вмѣстѣ,
Всегда одинъ безнравственный доносчикъ.

Однако рыбакъ не теряетъ надежды на лучшія времена; онъ вѣритъ, что провидѣніе...

. . . . . облегчитъ
Путь къ счастью. Мы, спящіе на камнѣ
И цѣлый день трудящіеся въ потѣ,
Когда нибудь узнаемъ лучшій жребій *).
Изъ насъ теперь немного легковѣрныхъ!
Придетъ пора, и явятся межъ насъ
Мыслители, въ устахъ съ желѣзнымъ словомъ.
Объѣвши кость, захочется намъ мяса,
За осенью для насъ наступитъ лѣто...
Когда нибудь въ заливѣ голубомъ,
На золотомъ пескѣ береговъ Кіаи,
Я уловлю въ сѣтяхъ моихъ свободу.

Но художникъ настроенъ гораздо болѣе скептически; онъ отвѣчаетъ:

О, рыболовъ, ужель ногою бѣлой
На палубу къ тебѣ свобода встанетъ?
Ужель она рукой твоихъ собратій
Введется къ намъ въ Неаполь? Я боюсь,
Чтобъ рѣчь твоя напрасно не погибла,
Какъ звукъ пустой и лживый. Эта гостья,
Которую свободой мы зовемъ,
Нисходитъ къ тѣмъ, которые достойны
Ея любви, а мы погрязли въ лѣни...

Рыбакъ защищаетъ народъ:

... Народъ всегда надеженъ,
Народъ всегда—хорошая земля,
Удобная къ богатой разработкѣ **)...

---

*) Въ подлинникѣ это мѣсто гораздо сильнѣе:

Nous n'irons pas toujours, comme des chiens honteux,
Le long du vieux marché, sous ses antres bourbeux,
Chercher à nos petits un peu de nourriture:
Nous qui suons le jour et couchons sur la dure,
Qui n'avons ici-bas que le peine et le mal,
Nous n'irons pas toujours mourir à l'hôpital,
Nos crocs ne seront plus chargés d'étoupes molles.

**) Заключеніе этого монолога „Aussi, malheur! malheur à qui pése sur lui!"

Барбье оставался любимымъ поэтомъ Дурова и въ концѣ его жизни: въ 60-хъ гг. онъ напечаталъ еще нѣсколько переводовъ изъ произведеній этого поэта и на этотъ разъ, по отзыву компетентнаго цѣнителя, прекрасно перевелъ нѣкоторыя его стихотворенія.

Сожитель Дурова — Пальмъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній (а также одну повѣсть) въ тѣхъ-же журналахъ, гдѣ помѣщалъ свои произведенія и Дуровъ, т. е. въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Финскомъ Вѣстникѣ».

О вечерахъ у Дурова и Пальма подробныя свѣдѣнія сообщаетъ А. П. Милюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. М. Достоевскомъ. Этотъ кружокъ, по его словамъ, «состоялъ изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніемъ». Вопреки приведенному выше оффиціальному свидѣтельству, Милюковъ утверждаетъ, что «это была кучка молодежи болѣе умѣренной... Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался... организованный (?) кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди не богатые... то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на прокатъ рояля». Здѣсь бывали Ник. Александ. Спѣшневъ и студентъ Пав. Ник. Филипповъ, «люди очень образованные и милые», кромѣ того, Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе, Порф. Ив. Ламанскій, Момбелли *). Милюковъ говоритъ о кружкѣ Дурова, который онъ «посѣщалъ постоянно и считалъ какъ бы своей дружеской семьей... что въ немъ не было никакихъ чисто революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры большею частью обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто», а именно: вопросы объ освобожденіи крестьянъ и отмѣнѣ цензуры.

Въ кружкѣ Дурова, продолжаетъ А. П. Милюковъ, «было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало

отсутствуетъ въ переводѣ такъ же, какъ и одно сильное мѣсто въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ Сальватора Розы: „je suis las d'attendre l'ouragan". „Iambes et poémes par Auguste Barbier". P. 1849, p. 153—164.

*) Кромѣ нихъ, въ запискѣ слѣдственной коммиссіи названы изъ числа арестованныхъ: литераторъ А. Н. Плещеевъ, штабсъ-капит. Ѳ. Н. Львовъ, поруч. Григорьевъ и тит. сов. Головинскій, а изъ числа неарестованныхъ: тит. сов. Ламанскій I (Евг. Ив.), тит. сов. Кашевскій, кол. секр. Милюковъ и кол. секр. Мордвиновъ.

новой религіи, долженствующей пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности, о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ».

На одномъ изъ собраній у Дурова Достоевскій прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, которое онъ читалъ и въ разныхъ другихъ знакомыхъ домахъ и съ котораго давалъ списывать копіи. Оно ходило по рукамъ вмѣстѣ съ привезенною также изъ Москвы статьею Герцена «Петербургъ и Москва», Милюковъ прочелъ переведенную имъ на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ. Дуровъ нерѣдко читалъ свои стихотворенія *).

На первомъ вечерѣ у Дурова Момбелли прочелъ свое разсужденіе о томъ, что всѣ они, люди болѣе или менѣе одинаковаго направленія и образа мысли, должны тѣснѣе сближаться, чтобы, вліяя другъ на друга, «тверже укрѣпиться въ этомъ направленіи и успѣшнѣе поддерживать свои идеи въ общественномъ мнѣніи». Предложеніе это, однако же, не было принято, и Момбелли тогда же разорвалъ свою статью **). Послѣ первыхъ четырехъ-пяти вечеровъ Момбелли и совсѣмъ отказался бывать въ этомъ кружкѣ, а Плещеевъ уѣхалъ въ Москву ***).

Студентъ Филипповъ предложилъ заняться составленіемъ статей, по выраженію Милюкова, «обличительнаго содержанія» относительно современнаго состоянія Россіи въ юридическомъ и административномъ отношеніяхъ. Развивая эту мысль, Филипповъ сказалъ:

— Каждый изъ насъ долженъ не только не скрывать своихъ мнѣній, а, напротивъ, всегда и вездѣ поддерживать ихъ смѣло и открыто... Должно вмѣнить себѣ въ обязанность распространять свои мнѣнія и представлять въ разоблаченномъ видѣ всѣ злоупотребленія и недостатки администраціи.

Когда члены кружка Дурова изъявили желаніе имѣть копіи съ прочитанныхъ у него на собраніяхъ статей, то Филипповъ предложилъ для распространенія ихъ устроить домашнюю литографію.

---

*) „Рус. Стар." 1886 г., т. XXX, 694—698.

**) Сравни ниже подобное же предложеніе Момбелли Львову и Петрашевскому.

***) Откуда и прислалъ копію съ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Почти всѣ согласились, но М. М. Достоевскій убѣдилъ отказаться отъ этого предпріятія въ виду его опасности.

18-го апрѣля 1849 г. (за нѣсколько дней до ареста) Пальмъ и Дуровъ разослали извѣщеніе, что вечеровъ у нихъ болѣе не будетъ.

Зимою 1848—49 г. были также собранія у поэта А. Н. Плещеева, который въ это время былъ еще очень молодъ (онъ родился 22-го ноября 1825 г.).

Опредѣленный родителями въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Плещеевъ скоро вышелъ оттуда и впослѣдствіи (въ 1843 г.) вступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета, но курса здѣсь не кончилъ. Литературныя наклонности очень рано проявились въ немъ: переводъ одного стихотворенія Рюккерта онъ напечаталъ еще студентомъ въ 1844 г. въ «Современникѣ» Плетнева, т. е. когда переводчику не исполнилось 19-ти лѣтъ. Затѣмъ, кромѣ этого журнала, онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Иллюстраціи» Кукольника, въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича, въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго и въ нѣсколькихъ альманахахъ. Какъ напечатанныя въ этихъ журналахъ, такъ и новыя стихотворенія были изданы имъ небольшою книжкою въ 1846 г., гдѣ, между прочимъ, было помѣщено и знаменитое «Впередъ безъ страха и сомнѣнья!» Введеніемъ къ этому сборнику служило стихотвореніе «Сонъ» (съ эпиграфомъ изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ), въ которомъ богиня дѣлаетъ такое предсказаніе избранному ею пророкомъ, т. е. самому поэту:

Скажу-ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждетъ?
Подыметъ на тебя каменья твой народъ
За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты;
За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ!
Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ богиня предсказываетъ, что «зерно любви въ сердце глубоко западетъ», и міръ воскреснетъ къ новой жизни.

И истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.
Мой падшій духъ возсталъ... и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь.

Другое стихотвореніе: «Поэту» написано на мотивъ изъ Барбье: «Le poète doit être un protestant sublime du droit et de l'humanité».

Сборникъ стихотвореній Плещеева носилъ явные слѣды (въ видѣ многихъ строкъ точекъ) внимательнаго ихъ чтенія цензоромъ.

А. В. Никитенкомъ *), и это обезцвѣтило многія пьесы. Но, «не смотря на это, произведенія молодого поэта были всетаки благосклонно встрѣчены почти всѣми тогдашними журналами и газетами, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» извѣстный критикъ В. Н. Майковъ далъ о нихъ очень сочувственный отзывъ **). Въ 1847—49 гг. Плещеевъ напечаталъ въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько повѣстей въ прозѣ ***).

Писателю такого направленія, какое ясно видно въ сборникѣ стихотвореній Плещеева, трудно было не увлечься новыми соціалистическими вѣяніями. Его собранія посѣщали тѣ же лица, которыхъ мы встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ: Спѣшневъ, Дуровъ, Пальмъ, Момбелли, братья Достоевскіе, Н. Я. Данилевскій, Порф.

---

*) Приведемъ два примѣра: къ заглавію стихотворенія: „На зовъ друзей" прибавлено: „Съ французскаго", между тѣмъ въ „Репертуарѣ" и „Пантеонѣ" (1845 г., т. IX, 850) было названо имя автора—Огюста Барбье. Въ этомъ стихотвореніи были исключены цензоромъ три строки, которыя возстановлены въ позднѣйшихъ изданіяхъ (а четвертая строка измѣнена):

Сижу-ли окруженъ шумящею толпою
На пиршествѣ большомъ, мнѣ слышенъ звукъ цѣпей;
И предстаетъ вдали, какъ призракъ предо мною
Распятый на крестѣ Великій Назарей!

Въ стихотвореніи „Поэту" не пропущены цензоромъ, между прочимъ, слѣдующіе два стиха:

И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель,
Учениковъ ты на пути.

(„Стихотворенія А. Плещеева" изд. 1846 г, стр. 5—6, 14—15; сравни 3-е изд. 1898 г., стр. 10—11, 500).

**) Онъ началъ такъ свою рецензію: „Стихи къ дѣвѣ и лунѣ кончились навсегда. Настаетъ другая эпоха: въ ходу сомнѣніе и безконечныя муки сомнѣнія, страданіе общечеловѣческими вопросами, горькій плачъ на недостатки и бѣдствія человѣчества, на неустроенность общества... проникнутыя лирическимъ паѳосомъ воззванія на доблестный подвигъ, стремленіе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ... вотъ что теперь въ ходу!.. Направленіе, о которомъ мы говоримъ, отразилось и на русской литературѣ, и отразилось не безплодно. Въ нынѣшнемъ году, въ лицѣ г. Плещеева, оно имѣетъ своего представителя исключительно въ русской поэзіи.—Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со времени Лермонтова, г. Плещеевъ—безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время. Какъ великъ чинъ перваго поэта въ такое время, какъ наше, знаютъ всѣ тѣ, которые сколько нибудь слѣдятъ за нашими нынѣшними стихотворцами и ихъ произведеніями. Мы знаемъ только, что г. Плещеевъ—первый нашъ поэтъ". За этимъ вступленіемъ, которое отнюдь не слѣдуетъ принимать за иронію, слѣдуетъ весьма одобрительный разборъ стихотвореній Плещеева. *Валер. Майковъ.* „Критическіе опыты". СПБ., 1891 г., стр. 129.

***) „Стихотворенія А. Н. Плещеева", изд. 3-е, 1898 г., стр. VIII—XV".

Ламанскій. Здѣсь однажды Спѣшневъ вызвался печатать за границею книги, не пропущенныя цензурою. На одномъ изъ вечеровъ у Плещеева Н. Я. Данилевскій соглашался печатать вмѣстѣ съ другими за границею общепонятное изложеніе ученія Фурье на русскомъ языкѣ, но это предположеніе не было исполнено.

Тою же зимою 1848—49 г. были собранія у К. М. Дебу, гдѣ преимущественно шли толки о системѣ Фурье.

Наконецъ, былъ еще въ апрѣлѣ обѣдъ у Спѣшнева, гдѣ поручикъ Григорьевъ, въ присутствіи почти все тѣхъ же лицъ, которыя посѣщали собранія Дурова и Пальма, прочелъ статью подъ названіемъ «Солдатская бесѣда» *).

Нужно замѣтить, однако, что, по признанію самой слѣдственной коммиссіи, всѣ эти собранія хотя и отличались «вообще духомъ, противнымъ правительству и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка вещей», однако не обнаружили «*ни единства дѣйствій, ни взаимнаго согласія; къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ они также не принадлежали*», и не было доказано никакими положительными данными, чтобы они «имѣли какія либо сношенія внутри Россіи». Заявленіе это настолько сильно говорило въ пользу лицъ арестованныхъ по этому дѣлу, что генералъ-аудиторіатъ, повторивъ его въ своемъ докладѣ, счелъ нужнымъ ослабить это заявленіе слѣдующею оговоркою: «За всѣмъ тѣмъ преступныя начинанія подсудимыхъ **), при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, *могли-бы* имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, если-бы оныя не были своевременно предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами, тѣмъ болѣе, что превратныя мысли распространялись между многими лицами».

Приведенная выше оцѣнка слѣдственною коммиссіею дѣятельности описанныхъ кружковъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорили ея члены разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. По свидѣтельству бар. Корфа, уже приведенному нами, члены коммиссіи называли это дѣло *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо если можно обнаруживать факты, то «*какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе*».

Каковы же были тѣ идеи, не за осуществленіе, но лишь за высказываніе которыхъ такъ жестоко пострадали Петрашевцы? Мы отчасти уже познакомились съ ними изъ приведенныхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ кружкахъ, связанныхъ съ разсматриваемымъ

*) Объ обѣдѣ въ память Фурье у Европеуса см. ниже.

**) Собственно „начинаній“ почти не было, если не считать покупки нѣкоторыхъ типографскихъ принадлежностей Филипповымъ и Спѣшневымъ, а были лишь разговоры и неосуществленныя предположенія.

дѣломъ, но необходимо сгруппировать въ болѣе систематическомъ порядкѣ тѣ идеи, которымъ сочувствовали большинство членовъ этихъ кружковъ.

III.

Между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 30-хъ гг. русская молодежь увлекалась сенъ-симонизмомъ, теперь самымъ популярнымъ ученіемъ былъ фурьеризмъ.

Петрашевцы знакомились съ соціалистическими ученіями изъ сочиненій Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, представившаго въ своемъ главномъ сочиненіи „Destinée sociale“ (1835—44 г.) увлекательное изложеніе системы Фурье, сочиненія Кантагреля, защищавшаго идеи Фурье въ сатирической формѣ, журнала „Phalange“, издававшагося съ 1836 г. почти до самаго конца 40-хъ гг. подъ редакціею Консидерана при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенела, изъ „Almanach phalansterien“, изъ сочиненій Кабэ, Луи-Блана, Прудона, Ламеннэ и трудовъ о соціализмѣ Бидермана и Лоренца Штейна. Болѣе всего были распространены, повидимому, сочиненія самого Фурье, а сочиненія Консидерана упоминаются гораздо рѣже.

Самымъ пламеннымъ фурьеристомъ былъ Петрашевскій, вѣрившій въ возможность осуществленія утопическихъ плановъ Фурье въ ближайшемъ будущемъ *).

Еще въ 1846 г. Петрашевскій горячо рекомендовалъ сочиненія Фурье въ своей статьѣ «Организація производства» въ изданномъ имъ подъ именемъ другого лица, Кириллова, «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ». Согласно ученію Фурье, Петрашевскій считалъ «главными производительными силами или началами» во всякомъ производствѣ талантъ, капиталъ и трудъ.

«Предпочтеніе, оказываемое капиталу, овеществившемуся труду, простирается до того, что личность и права человѣка, какъ человѣка, иногда приносятся въ жертву овеществленному труду (travail consolidé) предшествовавшихъ поколѣній человѣчества, часто незаконно и несправедливо усвоенному». То вліяніе, «которое пріобрѣли на общественную жизнь овеществленный трудъ— капиталъ и ихъ представитель — деньги или денежная аристократія... не могло долго оставаться незамѣченнымъ и не обратить на себя вниманія всѣхъ тѣхъ, кому близки къ сердцу прогрессъ и счастье человѣчества и не заставить ихъ отыскивать способы къ устраненію этого общественнаго зла. Такимъ образомъ, возникнулъ вопросъ объ *организаціи производства*, который

*) О томъ, съ какимъ усердіемъ Петрашевскій распространялъ сочиненія Фурье, см. „Рус. Стар.“ 1900 г., № 9, стр. 454.

сталъ теперь жизненнымъ вопросомъ современнаго общества и породилъ цѣлую литературу, которая должна составить эпоху въ исторіи человѣчества по тому благотворному вліянію, которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устроеніе его благосостоянія».

Не упоминая о различныхъ другихъ способахъ организаціи производства и отсылая желающихъ ознакомиться съ историческимъ развитіемъ этого вопроса къ книгѣ фурьериста Виллегарделя *), Петрашевскій на этотъ разъ ограничивается указаніемъ на ученіе Шарля Фурье, «преимущественно замѣчательное потому, что оно не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ сихъ агентовъ производства въ жертву другого, и черезъ это дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* **) установленіе солидарности интересовъ, ни мало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній. Въ своихъ сочиненіяхъ „Nouveau monde industriel“ и „La fausse industrie“ онъ показываетъ эти способы согласованія. Предложенный имъ способъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, признавая значеніе всѣхъ этихъ производительныхъ силъ, даетъ каждой изъ нихъ постоянное безобидное вознагражденіе — дивидендъ, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе капитала». Указавъ на то, какъ предлагаетъ Фурье дѣлить «всю массу вновь произведенныхъ цѣнностей» между представителями капитала, труда и таланта (за вычетомъ издержекъ производства), Петрашевскій поясняетъ, что Фурье «не всякому труду предлагаетъ равное вознагражденіе, но всякому труду предлагается доля *прямо пропорціональная его полезности и обратно пропорціональная его привлекательности*“ ***).

---

*) *Villegardelle.* „Histoire des idées sociales avant la Révolution française, où les socialistes modernes devancés et dépasseés par les anciens penseurs“.

**) Курсивъ автора.

***) Курсивъ автора. „Карм. слов. иностр. словъ, вошедш. въ составъ рус. яз., издав. Кирилловымъ“. ст. 317—319. Объ отношеніи Петрашевскаго къ фурьеризму см. мою статью „Крѣпостное право и крестьян. реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова“, „Сборн. Правов. и Общ. Зн.“, т. I, стр. 129—132. Въ статьѣ словаря Кириллова „Нормальное состояніе“, авторъ говоритъ: «*Нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ*... будетъ то, которое *доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу, безъ самозакланія личности.—Человѣчество тогда только можно почесть достигшимъ *нормальнаго развитія* или *состоянія*, когда духъ единства и единенія проникнетъ всѣхъ людей... когда все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ *источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью* (стр. 251, курсивъ автора).

7-го апрѣля 1849 г., въ день рожденія Фурье, былъ устроенъ въ квартирѣ Европеуса обѣдъ, на которомъ присутствовали: Петрашевскій, два брата Дебу, Спѣшневъ, Кашкинъ, Д. Д. Ахшарумовъ, Ханыковъ, два брата Европеуса, Есаковъ и Ващенко. Приглашенный на обѣдъ *) Н. Я. Данилевскій, считавшійся большимъ знатокомъ ученія Фурье и читавшій о немъ лекціи на собраніяхъ у Петрашевскаго, не явился. Ахшарумовъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и *всѣ они здѣсь*, десять человѣкъ» (кромѣ самого оратора), «немногимъ болѣе». Дѣйствительно, не всѣ, причастные къ дѣлу Петрашевскаго, увлекались до такой степени, какъ Ахшарумовъ и нѣкоторые другіе, ученіемъ Фурье.

И. М. Дебу и Ханыковъ, человѣкъ очень живой, имѣвшій массу знакомыхъ, стали интересоваться соціалистическими ученіями еще на университетской скамьѣ. У нихъ составился свой кружокъ, и подъ вліяніемъ лекцій профессора Порошина **) они вообще занимались экономическими и общественными вопросами, стали изучать сочиненія Луи Блана, Фурье, Прудона, сочиненія Л. Штейна о соціализмѣ во Франціи, а свѣдѣнія о Россіи почерпали, между прочимъ, изъ сочиненія Гакстгаузена. Въ этомъ кружкѣ принималъ также участіе Фонъ-Визинъ (сынъ декабриста), выѣхавшій изъ Петербурга на югъ въ 1847 г. ***). На обѣдѣ въ память Фурье Ханыковъ произнесъ въ честь его пламенную рѣчь ****), а И. М. Дебу сдѣлалъ предложеніе о переводѣ на русскій языкъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, и всѣ присутствовавшіе согласились принять участіе въ этомъ переводѣ. И. М. Дебу былъ очень друженъ съ Д. Д. Ахшарумовымъ, который сообщалъ

*) См. о немъ подробнѣе въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130 Кашкинъ прочелъ здѣсь въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Беранже „Les foux", гдѣ прославлялись Сенъ-Симонъ, Фурье и Анфантенъ.

**) Вѣроятно, къ нимъ относится отзывъ предсѣдателя коммиссіи, разбиравшей бумаги арестованныхъ, кн. Голицына, объ университетскихъ лекціяхъ по политической экономіи, найденныхъ у Ханыкова: „Онѣ доказываютъ вредное направленіе, даваемое учащимся, черезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о соціализмѣ и коммунизмѣ, и при томъ не въ духѣ благонамѣренномъ, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго порядка".

***) *О. Миллеръ.* „Матер. для жизнеоп. Ѳ. М. Достоевскаго". Въ „Полн. Собр. соч. Достоевскаго" изд. 1883, т. I, 79—80. Замѣтимъ кстати, что и самъ декабристъ Фонъ-Визинъ обнаружилъ большой интересъ къ соціалистическому ученію и старался примѣнить его и къ русской дѣйствительности. Такъ, въ своей запискѣ „О соціализмѣ и коммунизмѣ" онъ выдвигалъ, какъ и другой декабристъ Н. А. Бестужевъ, великое значеніе общиннаго землевладѣнія, вѣроятно, познакомившись съ нимъ также изъ сочиненія Гакстгаузена.

****) Она изложена въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130.

ему свои наброски въ духѣ фурьеризма *). Оба брата Дебу, Ахшарумовъ, Спѣшневъ, Ханыковъ, Европеусъ старшій, Ващенко и Есаковъ входили, какъ мы видѣли, въ составъ спеціально занимавшагося изученіемъ сочиненій Фурье кружка Кашкина, по воспитанію лицеиста, также служившаго въ азіатскомъ департаментѣ. Они начали было составлять вторую библіотеку изъ соціалистическихъ сочиненій, которою завѣдывалъ К. М. Дебу. Д. Д. Ахшарумовъ произнесъ на обѣдѣ также въ высшей степени характерную рѣчь въ духѣ фурьеризма, которая понята была слѣдователями буквально и вызвала обвиненіе ея автора въ желаніи «разрушить города и храмы».

Среди бумагъ одного молодаго фурьериста было найдено стихотвореніе подъ заглавіемъ «Европа 1845 г.,» которое начинается описаніемъ смутъ и борьбы на Западѣ и оканчивается предсказаніемъ о преобразованіи всей земли въ духѣ Фурье. Въ записной книжкѣ его-же 1848 г. были найдены наброски отдѣльныхъ мыслей. Такъ, на первой страницѣ, въ видѣ оглавленія того, о чемъ слѣдуетъ писать, есть такая запись: «О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами... проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ, и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую и пустую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь» (слѣдовательно, не о полномъ ихъ отрицаніи, а объ измѣненіи ихъ формъ), «государства никуда не годнаго съ его министрами... и ихъ вѣчной безполезной политикой, объ уничтоженіи законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ, въ которыхъ люди томятся и не перестаютъ страдать, проводятъ жизнь въ однѣхъ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ».

Въ бумагахъ И. М. Дебу была найдена тетрадь того же лица съ разсужденіями по поводу трехъ вопросовъ: «1) Какія мои мысли и убѣжденія? 2) Свободенъ-ли я? 3) Готовъ-ли я?» Здѣсь, между прочимъ, онъ писалъ: «Жизнь, какъ она идетъ теперь, слишкомъ тяжела, обременительна, переполнена всякаго рода непріятностями и гадостями. — Все это томленіе, все, что поневолѣ терпимъ каждый день, происходитъ отъ того, что человѣкъ соединился въ слишкомъ огромномъ множествѣ для устроенія общественнаго блага. Отъ того милліоны людей, желавшихъ лучшаго, не могли достигнуть свое цѣли. Они дѣлали ужасную ошибку, хотѣли устроить все перемѣною однѣхъ формъ управленія и не замѣтили

*) Оба они служили въ азіатскомъ депдртаментѣ, т. е. Ахшарумовъ служилъ собственно при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, состоявшемъ при названномъ департаментѣ.

того, что государство нельзя устроить, государство должно погибнуть... Необходимо, чтобы вмѣсто него произошли небольшія общества, но которыя имѣли бы въ себѣ цѣлость, полноту, разнообразіе, независимость одного отъ другого, и представляли бы, такъ сказать, интегралы человѣчества». Далѣе, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую, по его мнѣнію, отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, авторъ пишетъ, что «уничтожить это есть одно средство — фаланстеръ Фурье» *).

Приведемъ съ разрѣшенія автора одно стихотвореніе Д. Д. Ахшарумова въ духѣ ученія Фурье, написанное имъ во время заключенія въ крѣпости, въ августѣ 1849 г., такъ какъ оно живо рисуетъ его увлеченіе фурьеризмомъ:

«Будущее земли и ея обитателей (по Фурье)
Etude psycho-physique (Fourier).

Земля, несчастная земля,
Міръ стоновъ, жалобъ и мученья!
На ней вся жизнь подъ гнетомъ зла
И всюду плачъ—со дня рожденья!
Въ дѣлахъ людскихъ раздоръ и крикъ,
И трубный звукъ, и гулъ орудій,
И вопль, и дикой славы кликъ:
Другъ друга бьютъ и рѣжутъ люди!
Но время лучшее придетъ:
Война кровавая пройдетъ,
Земля произрастетъ плодами,
И жалкій мученикъ—народъ
Свободу жизни обрѣтетъ
Съ ея высокими страстями:
Обильный хлѣбъ взрастетъ надъ взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами.
Тогда и для земной планеты
Настанетъ періодъ иной...
. . . . . .
Тогда измѣнятся и люди, и природа,
И будутъ на землѣ миръ, счастье и свобода.

Выдающимся членомъ кружка, собиравшагося у Кашкина, былъ Н. А. Спѣшневъ, человѣкъ замѣчательно красивый, въ высшей степени симпатичный, проведшій четыре года за границей **). По

*) Рѣчь въ томъ же духѣ на обѣдѣ Фурье напечатана въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 130—131.

**) Н. А. Огарева-Тучкова въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Спѣшневъ „обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица, темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе, сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью. Разсказывали, что онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ, гдѣ недавно похоронилъ женщину, для которой въ продолже-

возвращеніи въ Россію онъ сталъ посѣщать собранія Петрашевскаго, съ которымъ былъ знакомъ еще въ лицеѣ (они были товарищи и ровесники), говорилъ тамъ рѣчи, участвовалъ въ преніяхъ. Онъ былъ одинъ изъ наиболѣе радикальныхъ людей и въ религіозномъ, и въ политическомъ отношеніи изъ числа привлеченныхъ по дѣлу Петрашевскаго, какъ это будетъ видно ниже, и болѣе многихъ другихъ рвался перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 г., онъ бывалъ на собраніяхъ у Дурова, Кашкина и Плещеева. Какъ уже было упомянуто, на вечерѣ у Плещева онъ вызывался печатать за границей запрещенныя книги, у Дурова участвовалъ въ совѣщаніяхъ завести тайную типографію. Когда это предложеніе не осуществилось, онъ, вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ, задумалъ устроить у себя типографію, и для этого, за день до ареста Спѣшнева, Филипповъ уже доставилъ къ нему купленныя на деньги Спѣшнева *) нѣкоторыя типографскія принадлежности **). Когда Тимковскій въ октябрѣ 1848 г. на собраніи у Петрашевскаго предложилъ для изученія и пропаганды системы Фурье устраивать кружки съ тѣмъ, чтобы они собирались у тѣхъ, кто глубже изучилъ науку, а хозяева этихъ кружковъ, какъ люди болѣе свѣдующіе, составляли-бы особый кругъ, который руководилъ-бы прочихъ, разъяснялъ вопросы темные или спорные и распоряжался пропагандой, то изъ всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи къ его мнѣнію присоединился только Спѣшневъ. На другой день они, по взаимному соглашенію, рѣшили, что Тимковскій до возвращенія своего изъ Ревеля прекратитъ всякія сношенія съ кружкомъ Петрашевскаго (гдѣ, какъ мы видѣли, его мысль не встрѣтила сочувствія), а затѣмъ, «смотря по дѣйствіямъ лицъ, посѣщавшихъ Петрашевскаго, будетъ видно, слѣдуетъ ли съ ними сблизиться, или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тутъ же рѣшили, по возвращеніи Тимковскаго изъ Ревеля, а Н. Я. Данилевскаго—изъ деревни (котораго Тимковскій никогда не видѣлъ и котораго, слѣдовательно, рекомендовалъ Спѣшневъ) составить втроемъ особый кружокъ и дѣйствовать, какъ предлагалъ Тимковскій у Петрашевскаго, но предложеніе это не осуществилось, и Спѣшневъ, у котораго съ Петрашевскимъ было нѣкоторое сорев-

---

ніе нѣсколькихъ лѣтъ оставлялъ свою страну, свою престарѣлую мать. Онъ вернулся, убитый этою потерей, съ двумя дѣтьми, которыхъ его мать взяла на свое попеченіе". „Рус. Стар." 1890 г., т. 68.

*) Средства доставляло ему имѣніе въ Курской губ.

**) При обыскѣ у него были найдены только четыре пустыхъ ящика. Спѣшневъ на допросѣ принялъ все это дѣло на себя, утверждая, что „Филипповъ дѣйствовалъ лишь по его указанію".

нованіе *), вошелъ въ составъ кружка Кашкина. Относительно Тимковскаго еще отмѣтимъ, что онъ даже высказывалъ мысль о подачѣ правительству просьбы объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго общества для изученія и распространенія системы Фурье **). Петрашевскій также полагалъ, что было-бы весьма полезною мѣрою со стороны правительства, если бы оно дало средства на устройство перваго фаланстера. Это напоминаетъ мечты членовъ «Союза Благоденствія» при Александрѣ I о возможности для этого общества работать съ вѣдома и одобренія правительства.

Данилевскій на слѣдствіи заявилъ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды видѣть скорое осуществленіе ученія Фурье, и потому съ мая 1848 г. онъ совсѣмъ пересталъ бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, но не пересталъ считать это ученіе справедливымъ даже и теперь, когда имѣлъ много времени обдумать и обсудить его.

Люди, живо интересующіеся соціализмомъ вообще и фурьеризмомъ въ частности, были и въ провинціи, гдѣ они распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдовали. Таковы были Тимковскій и Беклемишевъ въ Ревелѣ (гдѣ первый переводилъ сочиненія Кантагреля и Консидерана) и Кайдановъ въ Ростовѣ. Горячій интересъ послѣдняго къ соціализму виденъ изъ его переписки съ братомъ.

Въ маѣ 1848 г. Кайдановъ проситъ брата достать ему книгу Консидерана „Destinée sociale", и „кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье, напр. Muiron" ***). Всего болѣе я желалъ бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого-нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр., Прудона, Луи-Блана. Не худо-бы мнѣ прочесть Saint-Simon. Что-же касается до Кабэ, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что нибудь получше „Voyage en Icarie". Въ іюнѣ того же года онъ увѣдомляетъ, что получилъ книги, „прочиталъ Muiron и началъ читать Прудона". Онъ горячо благодаритъ брата „за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ" его и „*всей здѣшней небольшой паствы*". Проситъ прислать еще сочиненія Консидерана или журналъ Phalange; „деньгами", прибавляетъ онъ, „не стѣсняйся: я скорѣе откажусь отъ сапоговъ не-

*) *О. Миллеръ*, 90.

**) О горячемъ сочувствіи фурьеризму Тимковскаго и Данилевскаго, а также Баласогло, Ястржембскаго и Момбелли см. въ моей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 132—134. Ястржембскій, между прочимъ, утверждалъ, что „государство не имѣетъ никакой цѣли" и „что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье".

***) Just Muiron, первый послѣдователь Фурье: это былъ молодой французскій чиновникъ, который уже въ 1816 г. сошелся съ Фурье, оказалъ ему матеріальную помощь при напечатаніи его произведеній, а съ 1824 г. самъ выступилъ на литературное поприще въ защиту ученія Фурье (*Muiron*. „Vices de nos procédés industriels", Besançon, 1824). *Warschauer* „Geschichte des Social. u. Kommunismus in XIX Jahrh", II Abth.

жели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье". Въ октябрѣ Кайдановъ пишетъ: Biedermann'a я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, и мнѣ такъ понравился ясный и безпристрастный взглядъ его на соціализмъ и соціальныя теоріи, что я началъ переводить его, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка. За Phalange я не знаю, какъ и благодарить тебя, хотя успѣлъ прочитать только первый livraison, но почти могу составить о ней мнѣніе... Не стану скрывать отъ тебя, что Doherty *) мнѣ не нравится. „La guerre des paysans" **) я прочиталъ съ самымъ живымъ интересомъ. Статья Les trois unités externes—превосходна ***). Я еще не читалъ Cosmogonie, и, признаюсь, она меня нѣсколько пугаетъ, не смотря на то, что это манускриптъ Фурье ****). Это не покажется тебѣ страннымъ, потому что ты знаешь, что я, будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считалъ себя обязаннымъ свято вѣрить á toutes les extravagances de notre maitre. Documents phalansteriens и L'introduction,—вѣроятно, статьи Консидерана, привели меня въ такой восторгъ, что я не могъ ихъ вдругъ прочитать. Нѣсколько разъ я долженъ былъ бросать книгу и по получасу ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться отъ волненія и быть въ состояніи опять читать". Наконецъ, въ декабрѣ 1848 г. Кайдановъ, между прочимъ, писалъ: „Вчера я получилъ Phalange, за которую тебѣ и шлю благодарность. Кажется, что этотъ годъ еще лучше 45-го" *****)

Мы указывали выше на сочувствіе соціализму вообще и въ особенности фурьеризму членовъ кружка Дурова, хотя и не всѣхъ. «Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ», разсказываетъ А. П. Милюковъ, «но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія сенъ-симонистовъ. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги ******).

Впрочемъ, по свидѣтельству И. М. Дебу, и фурьеристы придавали значеніе русской общинѣ, съ которою ихъ познакомилъ Гакстгаузенъ.

---

*) *Hugt Doherty*. „La question religieuse". „La Phalange" 1845 т. I и слѣд:

**) Статья Alex. Viell' я.

***) Изъ рукописей Фурье. Ibid.

****) Въ томъ же I т. этого изданія.

*****) „Общ. Проп." 79—82.

******) „Рус. Стар." 1881 г., т. XXX, 696—697. Отзывъ Ѳ. М. Достоевскаго о фурьеризмѣ на допросѣ см. въ „Космополисѣ" 1898 г., № 9, стр. 209—211.

Въ тѣсной связи съ увлеченіемъ фурьеризмомъ находилось отрицаніе семьи въ ея современной формѣ, что было однимъ изъ символовъ вѣры этого ученія. Рѣзче всего это отрицаніе было выражено Ханыковымъ въ его рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье: «Семья», сказалъ онъ здѣсь, «есть угнетеніе, семья есть деспотизмъ, владычество исключительно привилегированныхъ группъ, нарушенная гармонія страстей... Принципъ нашего ученія есть страсти, основное (питательное) начало всемірнаго движенія, глаголу и велѣнію которыхъ подчинено все сущее». Д. Д. Ахшарумовъ въ своей рѣчи также утверждалъ, что современное общество— «скопище, разрозненное семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ». Современная семья считалась помѣхою и для общественой дѣятельности. Такъ, напр., Дуровъ на собраніяхъ у Петрашевскаго доказывалъ, что «родственныя связи опутываютъ человѣка».

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ мы находимъ вылазки противъ современной формы брака въ цивилизованномъ обществѣ во второмъ выпускѣ «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова.

Такъ какъ «установленіе формы брака», сказано здѣсь, «было болѣе результатомъ столкновенія случайностей общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій (какъ, напр., у римлянъ, грековъ, евреевъ и т. п.), нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы человѣческой, то мы находимъ во всѣхъ формахъ брака безъ различія, установленныхъ положительно разными законодательствами, введеніе многихъ постороннихъ элементовъ, ни мало не вытекающихъ изъ сущности самаго брака и дѣлающихъ этотъ священный союзъ любви... тривіальнымъ орудіемъ достиженія разныхъ побочныхъ цѣлей. Такъ что *любовь*— высокое правило, провозглашенное христіанствомъ для междучеловѣческихъ отношеній, а тѣмъ уже болѣе для супружескихъ, является почти совершенно позабытымъ и изгнаннымъ въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ . . . бракъ . . . въ жизни дѣйствительной есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ, чѣмъ святого единенія... Такъ что мы ни одну изъ положительно существующихъ формъ брака не можемъ почесть удовлетворяющей раціональнымъ требованіямъ природы человѣческой» (стр. 199—200).

Въ статьѣ «Мораль» въ томъ же словарѣ авторъ говоритъ: «Отличительная черта всѣхъ положительныхъ нравоученій, преимущественно основывающихся на религіозныхъ ученіяхъ, есть односторонность или исключительность и нетерпимость» (стр. 203). Очевидно, въ этомъ смыслѣ говорилъ, по свидѣтельству слѣдственной коммиссіи, на собраніи у Кашкина Европеусъ-старшій

«о ненадобности морали, какъ науки, лишенной всякаго значенія въ настоящее время».

У многихъ Петрашевцевъ, какъ-то: самого Петрашевскаго, Спѣшнева, Ястржембскаго, Толля, Кашкина, Ханыкова, Балласогло, Момбелли, Кузмина, Тимковскаго и привлекавшихся по этому же дѣлу Катенева, Толстова и Утина—было замѣчено отрицательное отношеніе къ религіи; напротивъ того—Достоевскій, а по свидѣтельству его, и Дуровъ были люди религіозные. Среди нерелигіозныхъ людей отрицательное отношеніе къ религіи нерѣдко объясняется изученіемъ сочиненій Фейербаха. Такъ, напр., учитель Ф. Г. Толль, впослѣдствіи извѣстный педагогъ, посѣщавшій собранія Петрашевскаго около трехъ лѣтъ, по просьбѣ его читалъ на нѣкоторыхъ вечерахъ разсужденіе о происхожденіи религіи, основанное на изученіи произведеній Фейербаха, Бауера и др. Такъ, напр., 11-го марта 1849 г. онъ говорилъ на собраніи у Петрашевскаго рѣчь на тему: «Нужна-ли религія въ соціальномъ смыслѣ»? 25-го марта Толль также читалъ разсужденіе о религіи. Чтеніе Толля породило много жаркихъ преній. Отсутствіе религіознаго чувства обнаружено было и въ найденномъ у Толля его сочиненіи подъ названіемъ «Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ», въ которомъ онъ сравнивалъ Іисуса Христа съ основателями языческихъ религій. Спѣшневъ читалъ у Петрашевскаго трактатъ объ атеизмѣ; Ястржембскій очень рѣзко отзывался о богословіи. Кашкинъ на одномъ изъ своихъ собраній читалъ рѣчь, въ которой отрицалъ бытіе Бога на основаніи существованія страданій человѣчества. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Но истина ни въ слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ другомъ метафизическомъ ученіи,—истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы, остается примѣнить ихъ къ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство, пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство лжи и зла». Ханыковъ въ рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье, между прочимъ, сказалъ: «Преображеніе близко! но не въ вѣрѣ... а въ наукѣ чистой будемъ пріобрѣтать мы бодрость нашихъ страстей на терпѣніе, на дѣло!» Агентъ добылъ отъ Катенева написанную этимъ послѣднимъ тетрадь, заключающую переводъ сочиненія Фейербаха «Религія будущности» и представилъ ее своему начальству. Катеневъ списалъ эту тетрадь съ экземпляра, даннаго ему мѣщаниномъ Шапошниковымъ, отъ ко-

тораго онъ бралъ и сочиненія Вольтера «Нравственный законъ». Въ бумагахъ купеческаго сына Утина былъ найденъ переводъ этого сочиненія Фейербаха.

Студентъ Филипповъ написалъ объясненія 10-ти заповѣдей съ цѣлью провести нѣкоторые либеральные взгляды по крестьянскому вопросу, протестовать противъ войны и проч. Ѳ. М. Достоевскій и нѣкоторые другіе, напр., Катеневъ, высказывали мысль о необходимости пропаганды среди раскольниковъ.

Петрашевскій въ своихъ письменныхъ показаніяхъ на допросахъ во время слѣдствія предлагалъ «предоставить старообрядцамъ и раскольникамъ свободное публичное отправленіе ихъ вѣроученія, чрезъ что вольется въ общежитіе русское 700 тыс. народа, отъ него отошедшаго».

Что касается политическихъ взглядовъ Петрашевцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ конституціонализму, и такое мнѣніе поддерживалось, между прочимъ, тѣмъ, что при высокомъ избирательномъ цензѣ лишь сравнительно незначительное количество гражданъ пользуется политическими правами. Въ бесѣдахъ на собраніяхъ Петрашевскаго, Кашкина и др. одни (напр., Момбелли) прямо высказывались за республику *), другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе, но для фурьеристовъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его государями, министрами, войскомъ и столицами и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. Въ одной изъ рѣчей фурьериста Кашкина находимъ такое мѣсто: «Форма правленія не достаточна, чтобы привести человѣка къ осуществленію стремленія его къ счастью». Другой молодой фурьеристъ полагалъ, что осуществить планы Фурье легче при конституціонномъ правленіи; въ своей записной книжкѣ онъ писалъ: «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія проектовъ и улучшенія общественной жизни, и чтобы не было никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Стоять и дожидаться упрямо республиканскаго правленія значитъ терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго». Авторъ высказывается за учрежденіе одной палаты, президентъ которой избирается на короткое время. Впослѣдствіи, «когда собраніе получитъ довѣренность народа», то можно перейти къ республи-

*) Точно также высказывались Катеневъ, студентъ Толстовъ и мѣщанинъ Шапошниковъ въ бесѣдахъ между собою. Петрашевскій, какъ мы видѣли, высказался за республику въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ университетѣ.

канской формѣ правленія. Здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ возбуждать простой народъ къ возстанію. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ мартѣ и 1-го апрѣля 1849 г. также обсуждался вопросъ, какъ вооружать народъ, служащихъ и проч. противъ начальства *).

Въ своемъ показаніи на слѣдствіи Ѳ. М. Достоевскій писалъ: «Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ» (т. е. не требуетъ), «его реформа экономическая; она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягательства на фамилію» (т. е. на семью). «Наконецъ, эта система—кабинетная и никогда не будетъ популярною» (т. е. не распространится въ народѣ?). «Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры». Но Достоевскій не зналъ, или не нашелъ нужнымъ объ этомъ заявлять, что послѣ февральской революціи школа фурьеристовъ осудила прежнее индифферентное отношеніе своихъ единомышленниковъ къ политикѣ, и въ палатѣ депутатовъ Консидеранъ вмѣстѣ съ 20 лицами, раздѣлявшими его взгляды и примкнувшими къ крайней лѣвой, энергично защищалъ соціальныя идеи Фурье и интересы рабочихъ **).

Въ откровенныхъ бесѣдахъ молодежи и найденныхъ при обыскѣ рукописяхъ не было недостатка въ рѣзкихъ выходкахъ противъ правительства; указывалось и на тяжелое положеніе народа. Такъ, напр., Момбелли въ одномъ разсужденіи писалъ: «О, Россіяне! Ради Бога опомнитесь, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопе и компаніи, сравнительно съ богатствами Россіи, еще не очень значительны, хотя огромны. И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губ.: мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою». Въ другомъ найденномъ у него листкѣ Момбелли, между прочимъ, писалъ: «Въ Россіи десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнью,

*) Въ этихъ преніяхъ принимали участіе Баласогло, Дуровъ, Н. Кайдановъ, Филипповъ, Берестовъ и друг.

**) *Warschauer.* «Geschichte des Socialismus und Communismus im XIX Jahrhundert", II, Abtheilung.

лишены правъ человѣческихъ или ради плебейскаго происхожденія своего,или ради ничтожности общественнаго положенія, или по недостатку средствъ существованія; за то въ то же время небольшая часть привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ проявленій мелочнаго тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью».

Въ толкованіи 10-ти заповѣдей студ. Филиппова мы находимъ рѣзкій протестъ противъ войны; въ «Солдатской бесѣдѣ» Григорьева яркими красками описывается тяжелое положеніе солдата, а въ дневникѣ поручика Момбелли раздаются громкія проклятія военной службѣ, которая «въ самое короткое время разрушаетъ здоровье, останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности,— и все переносишь», продолжаетъ Момбелли, «съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы,— ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству—косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы».

Въ кружкахъ, гдѣ было такъ много писателей, не могли не раздаваться безпрестанно жалобы на цензуру. Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «показаніи», между прочимъ, писалъ: «Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время... Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ, и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что нибудь либеральнаго, вольнодумнаго, противнаго нравственности, а, напр., потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончаются, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозривала никого въ обществѣ». Въ подтвержденіе этого Достоевскій ссылался и на отношеніе цензуры къ его собственнымъ произведеніямъ. Слышалось и принципіальное отрицаніе существованія цензуры, которая, по словамъ студента Филиппова на собраніи у Петрашевскаго, «стѣсняетъ свободу и развитіе мысли для того, чтобы народъ не могъ сознательно относиться къ своему положенію». Филипповъ высказывалъ убѣжденіе, что этому надо противодѣйствовать энергическимъ «распространеніемъ идей, которыя могутъ сообщить публикѣ истинный взглядъ на вещи, пробудить въ ней сознаніе настоящаго и желаніе лучшаго въ буду-

щемъ». Во время одного разговора у Петрашевскаго о цензурѣ Дуровъ сказалъ, что «литераторы должны писать такъ, какъ будто бы не было никакой цензуры: тогда, если многое будетъ вымарано, то останется еще кое-что изъ идей автора».

Таковы были идеи, которыя объединяли участниковъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова, Плещеева, Момбелли и др. Весьма естественно, что они вездѣ старались распространять свои убѣжденія. Липранди въ своей запискѣ нарисовалъ фантастическую картину дѣятельной пропаганды, охватившей чуть-ли не всю Россію *). Пока онъ утверждалъ, что въ кружкахъ Петрашевцевъ шли разговоры о *желательности* такой повсемѣстной пропаганды, онъ стоялъ на почвѣ фактовъ, но когда онъ хотѣлъ найти въ этихъ кружкахъ, не объединенныхъ общимъ планомъ дѣйствія (по признанію самой слѣдственной коммиссіи), какой-то «заговоръ», охватывающій всю Россію, тутъ начиналась уже область фантазіи **). Указывая далѣе на желаніе членовъ «общества» возмущать народъ, Липранди могъ сослаться на два случая разговора съ легковыми извозчиками ***). Для усиленія опасности «заговора» Липранди указывалъ на цѣлый рядъ весьма тревожныхъ симптомовъ въ государствѣ: на записки «вреднаго содержанія», разбрасываемыя въ разныхъ губерніяхъ, на «настоящій заговоръ» въ Вильнѣ, Минскѣ и Лидѣ, «имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками», въ которомъ участвовали «дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущест-

*) „Наибольшая часть членовъ", пишетъ онъ, „предполагала идти... путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на *массы*. Съ этою цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастья; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать *на Кавказѣ*, *въ Сибири*, *въ Остзейскихъ губерніяхъ*, *въ Финляндіи*, *въ Польшѣ*, *въ Малороссіи* (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями *Шевченки*, и т. д.)".

**) „Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе", продолжалъ Липранди, „что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько *всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія* (?!). Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, очевидно, нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать (?), что всѣ пружины уже устраиваются, а, можетъ быть, отчасти и устроены". Курсивъ принадлежитъ Липранди.

***) Въ одномъ изъ нихъ учитель Ястржембскій совѣтовалъ не платить господамъ оброка, а если будутъ требовать его, то „давать имъ колотушку". При этомъ извозчикъ сказалъ: „хотѣли, было, насъ освободить, да государь не захотѣлъ".

венно-же—учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту, и слѣдствіе дѣятельно продолжается». Далѣе, онъ обращалъ вниманіе правительства на то, что становятся чаще убійства помѣщиковъ и неповиновенія крестьянъ, увеличивается число дворовыхъ, посылаемыхъ помѣщиками въ съѣзжіе дома для наказанія за грубость и неповиновеніе, усиливаются пожары и поджоги, наконецъ, указывалъ на «почти поголовное движеніе всей Витебской губерніи къ Петербургу» въ 1847 г. *), а также одновременныя движенія въ губерніяхъ—Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, по мнѣнію Липранди, «не могло происходить безъ *двигателя*, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата—безпорядка, анархіи». До анархіи дѣло не доходило, что-же касается единаго двигателя всѣхъ указанныхъ явленій, очевидно, не имѣющихъ никакой связи съ кружками Петрашевцевъ, то Липранди, какъ человѣкъ очень умный, безъ сомнѣнія, понималъ, но только не считалъ для себя выгоднымъ высказать, что такимъ двигателемъ было тяжелое положеніе народа и недовольство извѣстныхъ слоевъ общества тогдашними порядками.

Не случайнымъ казался Липранди и самый составъ общества **). Мы уже говорили о томъ, что составъ кружковъ Петрашевцевъ былъ болѣе демократическій, чѣмъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, но утвержденіе Липранди, что кружки Петрашевцевъ состояли изъ людей, не близкихъ другъ другу, — совершенно неосновательно. Если не имѣть въ виду нѣкоторыхъ случайныхъ посѣтителей собраній Петрашевскаго и исключить мѣщанина Шапошникова, на котораго намекаетъ Липранди, студента Толстова и сына почетнаго гражданина Катенева, составляющихъ совершенно особую группу, довольно искусственно притянутую къ дѣлу Петрашевцевъ и арестованную по доносу осо-

*) Дѣйствительною причиною движенія въ Витебской губ. было то, что помѣщики не кормили своихъ голодающихъ крестьянъ. Число всѣхъ волновавшихся было около 10.000. См. мою книгу „Крестьянскій Вопросъ", II, 600—604.

**) „Безъ сомнѣнія", увѣрялъ онъ, „не для чего иного, какъ съ цѣлью произвесть всеобщее повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и неслужащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенно заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 г. участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ-же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся неокончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ", продолжаетъ Липранди, „что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобы дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюдно".

баго агента за ихъ неосторожные разговоры, то всѣ остальные были людьми болѣе или менѣе близкими: это были или писатели прогрессивнаго лагеря, участвующіе въ однихъ и тѣхъ же журналахъ, или товарищи по университету и лицею, или педагоги, которыхъ сближала ихъ преподавательская дѣятельность и общее стремленіе развивать юношество въ духѣ симпатичныхъ имъ идей.

На этотъ послѣдній разрядъ привлеченныхъ къ дѣлу Липранди обратилъ особенное вниманіе въ своей запискѣ, такъ какъ предсѣдатель коммиссіи для разбора бумагъ арестованныхъ, статсъ-секретарь кн. А. Ѳ. Голицынъ, поручилъ ему, какъ члену коммиссіи, ознакомиться съ учебными тетрадями, лекціями и литографированными курсами. Липранди указываетъ, напримѣръ, на нѣкоторыя классныя сочиненія, одобренныя преподавателемъ проф. Ламанскимъ въ 1841—42 г., на тему о римской республикѣ и Александрѣ Невскомъ *).

Въ одномъ литографированномъ курсѣ, найденномъ въ бумагахъ Бѣлецкаго, Липранди отмѣтилъ слѣдующій отзывъ о республиканскомъ правленіи: «При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ» («а объ нихъ ни слова», язвительно замѣчаетъ Липранди), «республика имѣетъ то особенное свойство, что, не смотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней *всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи* и, слѣдовательно, долженъ получить образованіе, достойное этого участія. Оттого республиканское правительство въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. *Самыя даже безпрерывныя возмущенія и международныя войны, неразлучныя съ этимъ*

*) Въ этомъ послѣднемъ было, напр., слѣдующее мѣсто: указывая на пагубныя послѣдствія татарскаго ига, составитель сочиненія писалъ: „деспотизмъ глубоко пустилъ свои корни, и униженное рабство надолго осталось въ народѣ. Князья, по сверженіи татарскаго ига, увидѣли для себя выгоду власти деспотической, и съ тѣхъ поръ являются притѣснителями народа, сохранившаго еще благородныя чувства подъ грубою корою рабства, оставшагося на немъ со времени ига; народъ еще не могъ опомниться отъ бѣдствій и не смѣлъ думать объ улучшеніи своего состоянія, а ждалъ этого отъ князей, которые совершенно не заботились о своихъ подданныхъ". Болѣе видные педагоги-Петрашевцы были, во-первыхъ,—Ястржембскій—помощникъ инспектора классовъ и преподаватель въ Технологическомъ Институтѣ, преподаватель въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ Путей сообщенія и въ Дворянскомъ Полку; онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи (см. благодарное воспоминаніе о немъ М. И. Венюкова въ „Русск. Стар." 1890 г., № 4, стр. 245), и, во-вторыхъ, Толль, преподаватель русской словесности въ Главномъ Инженерномъ училищѣ и исторіи—въ школѣ кантонистовъ.

образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа“ *).

Липранди указывалъ также на найденное въ бумагахъ одного арестованнаго упоминаніе о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, которыя едва-ли и существовали, и о желательности учрежденія которыхъ былъ, вѣроятно, только разговоръ, подобно тому, какъ желаніе Толля и Петрашевскаго ввести на собранія у послѣдняго нѣсколькихъ «умныхъ женщинъ», чрезъ которыхъ «идеи скорѣй расходятся» и усваиваются, осуществлено не было. Еще Липранди ссылался на упоминаніе Петрашевскаго о какомъ-то «литературномъ обществѣ пропаганды», которымъ, быть можетъ, былъ просто кружокъ Дурова **). Такова картина пропаганды, охватившей, по мнѣніе Липранды, всю Россію. Въ дѣйствительности-же, кромѣ описанныхъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова и др. и желанія педагоговъ вліять на учениковъ соотвѣтственно своимъ убѣжденіямъ, сѣть пропаганды, будто-бы распространенной по всей Россіи, сводилась, въ сущности, къ попыткамъ двухъ-трехъ лицъ проводить соціалистическіе взгляды въ провинціи: Тимковскаго, который устроилъ ***) въ Ревелѣ два кружка для изученія соціализма, и Кайданова въ Ростовѣ. Липранди называетъ еще: 1) Кузмина въ Тамбовѣ, который, однако, не былъ убѣжденнымъ фурьеристомъ, и слѣдовъ энергической пропаганды котораго вообще не обнаружено, чѣмъ и объясняется, что онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости безъ наказанія; 2) Черносвитова въ Сибири, который занимался тамъ, кажется, болѣе золотопромышленностью и лишь въ С.-Петербургѣ, очевидно совершенно случайно, впутался въ дѣло Петрашевцевъ, судя по тому, что въ началѣ 40-хъ гг. онъ былъ усерднымъ исправникомъ на Уралѣ ****), и 3) А. Н. Плещеева въ

*) Курсивъ Липранди. Въ другомъ литографированномъ курсѣ (найденномъ въ бумагахъ Филиппова) авторъ изъ исторіи французской революціи „выводитъ заключеніе, что «*государственная система*, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско—непрочно, потому что, разъ войско разбито—все пропало“. Въ лекціяхъ законовѣдѣнія, найденныхъ у Пальма, Липранди отмѣтилъ слѣдующее мѣсто: „Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода“. „Рус. Стар.“ 1872, т. VI. Кн. Н. С. Голицынъ, бывшій тогда директоромъ училища правовѣдѣнія, говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ старшемъ классѣ 1848—49 учебнаго года „на половину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты)“. „Рус. Стар.“ 1890 г., т. 68, стр. 376.

**) Зап. Липранди напеч. въ „Рус. Стар.“ 1872, т. VI, 75—83.

***) При участіи Беклемишева.

****) Черносвитовъ съ 1838 по 1842 г. былъ исправникомъ на границѣ Пермской губ. съ Сибирью и во время бунта въ Шадринскомъ уѣздѣ, вызваннаго слухами объ обращеніи государственныхъ крестьянъ въ собствен-

Москвѣ, который вращался въ тамошнихъ литературныхъ кружкахъ, нашелъ людей «сочувствующихъ», какъ онъ писалъ Дурову, «нашимъ мыслямъ о способахъ дѣятельности», но также ничѣмъ не обнаружилъ особенно пропагаторскаго усердія. Къ названнымъ лицамъ Липранди нашелъ возможнымъ причислить еще лишь одно имя, да и то съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: Аристова въ Костромѣ.

IV.

Какъ уже было замѣчено выше, однимъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ кружковъ Петрашевцевъ былъ Н. А. Спѣшневъ, проведшій за границей четыре года (1842—46 г.). Въ это время онъ, между прочимъ, занимался исторіею тайныхъ обществъ и, по его показанію, составилъ проектъ подписки, который былъ найденъ въ его бумагахъ въ неоконченномъ видѣ *). Вотъ эта подписка:

«Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ Русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) когда распорядительный Комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющіеся случаи, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, т. е. по извѣщенію отъ Комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мнѣ мѣстѣ, обязываюсь явиться туда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или

ность министра государственныхъ имуществъ Киселева (такъ наз. картофельнаго бунта), дѣйствовалъ, по оффиціальной аттестаціи, „съ примѣрнымъ благоразуміемъ“, и на мѣстѣ о немъ отзывались, какъ объ „отлично распорядительномъ исправникѣ“.

*) Ратчъ въ своей книгѣ о польскомъ вопросѣ утверждаетъ, будто бы польки-патріотки изъ семейства Цѣхановецкихъ увлекли Спѣшнева за границу, чтобы сдѣлать его сторонникомъ своего дѣла (особенно указываетъ онъ на Изабеллу Цѣхановецкую, урожденную Кобылинскую). Если вѣрить Ратчу, Спѣшневъ „привезъ въ Россію статуты польской революціонной организаціи“. Онъ увѣряетъ, что „въ заговорѣ Петрашевцевъ роль поляковъ обнаружилась яснѣе“. (*Ratch.* „La question polonaise dans la Russie occidentale. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863“. P. 1868, p. 103). Но слѣдственная коммиссія по дѣлу Петрашевцевъ не обнаружила никакихъ слѣдовъ польскихъ революціонныхъ вліяній, да и вообще на первомъ мѣстѣ въ кружкѣ Петрашевцевъ стояли вопросы не національные, а соціальные. Ястржембскій на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго сказалъ: „я полякъ душой и тѣломъ, за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый однимъ взмахомъ топора отрубилъ бы ей голову“.

холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и, какъ только могу, споспѣшествовать успѣху возстанія. 2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы Общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правиломъ Русскаго общества, обязываюсь самъ лично больше пятерыхъ не афильировать. 3) Афильировать, т. е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ, обязываюсь не наобумъ, а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня. Вслѣдствіи чего обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, все отъ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ Комитетъ, тотъ своему и т. д. Для сего я переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ» *).

Слѣдственная коммиссія, въ виду важности этого документа, употребила всѣ усилія, чтобы побудить Спѣшнева дать относительно него откровенное показаніе. Но онъ, не смотря на всѣ настоятельные допросы, положительно утверждалъ, что никакого Русскаго тайнаго общества никогда не существовало, и что подписка, найденная въ его бумахахъ,—лишь проектъ, который написанъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «давно имъ забытъ и никому не былъ показанъ, что, проведя нѣкоторое время за границей и возвратясь затѣмъ въ Россію, проникнутый коммунистскими идеями», онъ, хотя и мечталъ о способахъ «въ томъ-же духѣ, произвести переворотъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, однако-жъ, все это было только предметомъ его разсужденій безъ примѣненія къ дѣлу».

Слѣдственная коммиссія допрашивала по этому поводу всѣхъ арестованныхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ со Спѣшневымъ, однако всѣ единогласно показали, что никто изъ нихъ этой подписки не видѣлъ, и ни у кого въ бумагахъ копіи съ нея не оказалось.

Коммиссія все не убѣждалась въ правдивости показанія Спѣшнева и требовала откровеннаго признанія. Тогда, вѣроятно, полагая, какъ и нѣкоторые другіе Петрашевцы, что если онъ откровенно покается рѣшительно во всемъ, даже и въ томъ, что еще неизвѣстно коммиссіи, то будетъ видно, какъ, въ сущности, невелики ихъ вины сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ, Спѣшневъ, «въ доказательство искренности своего пока-

*) Слѣдующій затѣмъ пунктъ, обозначенный цифрою 4, написанъ не былъ.

занія», добровольно вызвался открыть два неосуществленныхъ замысла, въ которыхъ онъ участвовалъ и которые не имѣли, однако, никакой связи съ приведенною выше подпискою.

Относительно перваго замысла Спѣшневъ показалъ, что въ концѣ 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго появился отставной офицеръ Черносвитовъ, «человѣкъ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ». Онъ разсказывалъ, что Восточная Сибирь, гдѣ онъ постоянно живетъ, «совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой, вѣрно, когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, при чемъ звалъ всѣхъ въ Сибирь», говоря, что «это славная страна, и что люди тамъ славные» *), и разсказывалъ о бунтѣ, бывшемъ въ 1841 г. въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ. На Спѣшнева, много думавшаго о тайныхъ обществахъ, Черносвитовъ произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ или эмиссаръ, или глава какого-нибудь тайнаго общества въ Сибири. Подстрекаемый любопытствомъ, Спѣшневъ въ слѣдующую пятницу хотѣлъ было сблизиться съ Черносвитовымъ, но случая не представилось, и онъ успѣлъ перекинуться съ нимъ лишь нѣсколькими словами.

— Вотъ бѣда: мы — русскіе къ палкѣ-то привыкли, — сказалъ какъ-то Черносвитовъ.

— Да палка-то о двухъ концахъ,—замѣтилъ Спѣшневъ.

— Да другого-то конца мы схватить не успѣемъ,—возразилъ Черносвитовъ.

На этомъ разговоръ оборвался, но по разъѣздѣ гостей Петрашевскій свелъ Черносвитова со Спѣшневымъ, и первый сталъ наводить ихъ на мысль, что въ Россіи существуетъ тайное общество, и доказывалъ это пожарами въ 1848 г. и происшествіями въ низовыхъ губерніяхъ **). Петрашевскій его поддерживалъ, однако-жъ разговоръ не вязался, и Спѣшневъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ Черносвитовымъ. Дорогою Черносвитовъ спросилъ Спѣшнева:

— Какая, по его мнѣнію, была бы теперь самая полезная реформа въ Россіи?

— Реформа крѣпостного состоянія,—отвѣчалъ Спѣшневъ.

— И я такъ думаю,—согласился Черносвитовъ.

Дня черезъ два послѣ этого Спѣшневъ заѣхалъ навѣстить заболѣвшаго Черносвитова и по его просьбѣ излагалъ ему свои

*) Черносвитовъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ дѣйствительно часто называлъ Сибирь Америкою, Калифорніею, русскою Мексикою и проч., и „увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее великою имперіею“.

**) Выше приведено было упоминаніе Липранди о волненіи въ Саратовской губерніи.

мнѣнія о фурьеризмѣ, а Черносвитовъ вскорѣ послѣ того отдалъ ему визитъ и началъ, между прочимъ, намекать на готовность быть откровеннымъ, если и его собесѣдникъ будетъ говорить откровенно. Когда Спѣшневъ изъявилъ на это готовность и притворно намекнулъ, что и онъ кое-что знаетъ, то Черносвитовъ просилъ его послать за Петрашевскимъ, и самъ написалъ и отправилъ къ нему пригласительную записку. Затѣмъ Черносвитовъ сталъ допытываться, гдѣ есть Общество,—здѣсь или въ Москвѣ, и когда Спѣшневъ сказалъ: «разумѣется, въ Москвѣ», то онъ выразилъ сомнѣніе относительно существованія тамъ тайнаго общества, но прибавилъ: «а впрочемъ, можетъ быть». Затѣмъ Черносвитовъ сталъ разспрашивать о планѣ дѣйствія.

— Плана, собственно, еще нѣтъ: онъ зависитъ отъ случая,— отвѣчалъ Спѣшневъ.—Вотъ теперь на Волыни не такъ смирно.

— Возстанія должно ожидать не на Волыни,—замѣтилъ Черносвитовъ:—тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 т. народа, оружіе подъ рукою, и все только и ждетъ первой вспышки.

И Черносвитовъ сталъ излагать планъ возстанія въ Восточной Сибирѣ и на Уралѣ. По его мнѣнію, было необходимо, чтобы сначала загорѣлось возстаніе въ Восточной Сибири; туда пошлютъ корпусъ, но едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ поднимется все уральское населеніе, и тогда весь корпусъ останется въ Сибири. Тогда съ 400 т. заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и землю Донскихъ казаковъ *). На усмиреніе этого возстанія потребуются всѣ войска, если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла. На всѣ приготовленія къ возстанію нужно было, по мнѣнію Черносвитова, по крайней мѣрѣ, годъ, но, «впрочемъ, можно въ теперешнемъ положеніи попридержать это еще лѣтъ 5—6».

Замѣтивъ, что у Спѣшнева много прислуги, Черносвитовъ не сталъ ждать Петрашевскаго, а просилъ его вмѣстѣ съ Петрашевскимъ пріѣхать къ нему. По приходѣ Петрашевскаго, Спѣшневъ тотчасъ отправился съ нимъ къ Черносвитову и по дорогѣ сказалъ:

— Только я буду представляться, что я глава цѣлой партіи; пожалуйста, и ты сдѣлай то же, а то онъ ничего не скажетъ.

Петрашевскій нѣсколько съ сердцемъ отвѣчалъ:

— Ну, на что это?—и всю дорогу молчалъ.

Когда они пришли къ Черносвитову, тотъ усадилъ ихъ и сказалъ:

---

*) Спѣшневъ, по показанію Черносвитова, назвалъ это „Пугачевскимъ путемъ“. Черносвитовъ надѣялся также повліять и на раскольниковъ.

— Ну, господа, теперь надо вести дѣло на чистоту!

— Ну да,—сказалъ Петрашевскій и, круто обратившись къ Спѣшневу, прибавилъ:—вотъ не угодно ли вамъ, напр., сказать, какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію, именно крѣпостной вопросъ.

Тогда Петрашевскій сталъ настаивать, чтобы онъ объяснилъ, гдѣ и какъ можетъ произойти возстаніе?

— Черносвистовъ часъ или полтора тому назадъ говорилъ мнѣ,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—что у него весь Уралъ подъ рукою: 400 т. народу—это сила страшная.

— Все то, что говоритъ Черносвитовъ, относится лишь до него одного,—замѣтилъ Петрашевскій.

Тогда Черносвистовъ, обращаясь къ Спѣшневу, сказалъ:

— Вѣдь вы мнѣ говорили про Москву?

Петрашевскій, зная, что Спѣшневъ сказалъ неправду, сталъ ясно намекать на это:

— Разумѣется, можно строить химеры, — сказалъ онъ, — но нужно говорить серьезно.

— Не существуетъ ли чего въ гвардіи?—спросилъ Черносвитовъ, и когда ему отвѣчали отрицательно, прибавилъ:—а это было бы очень важно!

Тогда Петрашевскій сталъ говорить вообще противъ бунта и возстаній черни, развивалъ фурьеристскія воззрѣнія и въ заключеніе сказалъ, что онъ надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ *). Спѣшневъ послѣ этого уѣхалъ.

Разсказавъ все это въ своемъ показаніи, Спѣшневъ прибавилъ, что его отвѣты Черносвитову «не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы развѣдать его мысли», и что послѣ ихъ послѣдняго разговора втроемъ онъ совершенно съ нимъ разстался.

Петрашевскій, съ своей стороны, вполнѣ подтвердилъ показаніе Спѣшнева и добавилъ, что во время послѣдняго разговора Черносвитовъ, между прочимъ, сказалъ: «надобно всѣхъ запереть и разомъ схватить». На вопросъ коммиссіи о значеніи этихъ словъ Петрашевскій отвѣчалъ, что смыслъ ихъ понятенъ, и что, конечно, они не могутъ не относиться «къ высшему правительству безъ исключенія». Въ другой разъ Петрашевскій заявилъ,

*) Черносвитовъ въ своемъ показаніи подтвердилъ, что между Петрашевскимъ и Спѣшневымъ произошелъ споръ. Послѣдній полагалъ, что для улучшенія настоящаго положенія Россіи долженъ произойти насильственный переворотъ, а Петрашевскій утверждалъ, что этого можно достигнуть легальнымъ путемъ, благоразумно улучшая и направляя законы.

что Черносвитовъ «неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества въ высшемъ аристократическомъ кругу». Нужно замѣтить, что Петрашевскій во время заключенія въ крѣпости страдалъ психическою болѣзнью, и что Черносвитову, который, вслѣдствіе показанія Спѣшнева, былъ арестованъ близъ Омска и привезенъ въ Петербургъ, очевидно, не повредило показаніе Петрашевскаго, такъ какъ онъ не только не былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ смертной казни, но даже по конфирмаціи государя былъ лишь сосланъ на житье въ Кексгольмскую крѣпость безъ лишенія заслуженной имъ пенсіи.

Такъ какъ Черносвитовъ отрицалъ справедливость показанія Спѣшнева, а также и заявленій Петрашевскаго, то ему была дана очная ставка со Спѣшневымъ, который, однако, подтвердилъ свое показаніе, пояснивъ только, что «Черносвитовъ никогда не приглашалъ его приступать къ дѣйствію по изложенному имъ плану, а разсказывалъ это единственно, какъ возможность». Что касается очной ставки съ Петрашевскимъ, то, въ виду того, что онъ недавно подвергался разстройству умственныхъ способностей, слѣдственная коммиссія сочла нужнымъ прежде узнать, въ какомъ положеніи онъ находится и вызвала его въ свое присутствіе. «Сдѣлавъ ему нужные разспросы, коммиссія убѣдилась, что Петрашевскій и нынѣ еще находится подъ вліяніемъ нервнаго разстройства, и по раздражительности своего характера не только не можетъ быть употребленъ для сдѣланія уликъ Черносвитову, но еще, по извѣстному его упорству, скорѣе затмитъ съ умысломъ сдѣланныя по настоящее время открытія, а потому коммиссія опредѣлила: очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не дѣлать» *).

Разсказы Черносвитова о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ заставили правительство сдѣлать запросъ о томъ генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову. Но онъ отвѣчалъ, что не находитъ никакого повода опасаться нарушенія спокойствія и общественнаго порядка въ этой части Сибири.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 23-го сентября 1849 г. по поводу секретнаго письма кн. Горчакова и отвѣта на предписаніе военнаго министра о принятіи мѣръ предосторожности въ Западной Сибири было сказано:

„Предположеніе о возможности возбудить мятежъ въ Западной Сибири съ цѣлью разлить оный по внутреннимъ губерніямъ кн. Горчаковъ считаетъ неудобоисполнимымъ. Онъ ручается за сохраненіе въ Западной Сибири *общаго*

*) Въ крѣпости началась также душевная болѣзнь Григорьева, сошелъ съ ума Катеневъ и временно былъ боленъ психически К. М. Дебу.

спокойствія, если только измѣненіемъ быта тамошнихъ жителей не будетъ подано повода къ превратнымъ толкамъ, могущимъ возбудить ихъ сомнѣніе. Увѣренность въ удержаніи общаго порядка въ Западной Сибири онъ основываетъ не на самонадѣянности на свое управленіе и не на надежности мѣстныхъ способовъ укрощенія, въ сущности, далеко не достаточныхъ, а на 14-ти-лѣтнемъ изученіи быта и нравовъ народонаселенія, нисколько не отягощающагося не токмо требованіями правительства, но даже и тѣми болѣе или менѣе добровольными дарами, которые часто подносятся второстепеннымъ властямъ. Это вошло въ обыкновеніе и рѣдко о какомъ либо поборѣ доводятся жалобы, не взирая на извѣстную его, кн. Горчакова, строгость въ преслѣдованіи взяточниковъ.

„Конечно, отдаленность Зауральскаго края, недостатокъ въ немъ, соразмѣрно пространству, полицейскаго надзора и, можетъ быть, надежда на бездѣйствіе войскъ, составленныхъ изъ туземцевъ и людей сблизившихся съ ними, могли-бы подать мысль о начатіи мятежа въ Сибири; но планъ этотъ, при здравомъ разборѣ, болѣе заманчивъ, чѣмъ удобоисполнимъ. Благодаря Бога и мудрости правительства, масса народа въ Россіи не доведена до степени того образованія, коему Европа обязана нынѣ своими смутами; у насъ не предоставлено еще толпѣ полуграмотныхъ пролетаріевъ, составляющихъ собою подвижной цехъ революціонеровъ, публично проповѣдывать самыя пагубныя бредни и гласно склонять народъ къ ниспроверженію порядка. Чтобы возмутить нашего поселянина, нужны не политическія сказки, а двигатель, болѣе ему близкій и непосредственно до его благосостоянія касающійся. Но чего-же недостаетъ у сибиряка? Свободы? онъ пользуется ею даже съ излишествомъ.—Благосостоянія? онъ имъ обладаетъ вполнѣ и вообще доволенъ своимъ бытомъ".

По этимъ причинамъ кн. Горчаковъ просилъ отложить до болѣе удобнаго времени „всякое нововведеніе, какъ-бы оно полезно ни было, дабы не возродить толковъ, могущихъ иногда принять направленіе вредное..." *).

Выразивъ увѣренность, „что проповѣдованіе соціализма не поколеблетъ вѣрности сибиряковъ къ Государю, и что населеніе зажиточное не легко склонится къ теоріи, уничтожающей собственность, кн. Горчаковъ разсматриваетъ возможность произвести мятежъ въ Сибири другимъ двигателемъ, болѣе для нея заманчивымъ, а именно предположеніе о возможности отложиться отъ Россіи.

„Безспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, къ коей привязаны болѣе внутреннихъ обывателей, что они съ излишествомъ цѣнятъ ея изобиліе, удобства, наконецъ, что возникаетъ уже классъ, взирающій не совсѣмъ равнодушно на пользы, извлекаемыя имперіею отъ сибирской торговли, отъ тамошнихъ произведеній и въ особенности отъ золота, сокровищъ, составляющихъ, яко-бы, частную собственность Сибири,—коснувшись сей струны, можно скорѣй найти отголосокъ въ сердцѣ сибиряка и, можетъ быть, возбудить желаніе къ составленію независимаго владѣнія; но и это направленіе *молодой только части* не представляетъ еще существенной опасности. Для подобнаго предпріятія нужны способы, коихъ въ Сибири не имѣется, а еще болѣе непосредственныя сношенія съ чужестранцами, которые могли-бы за золото доставить мятежникамъ оружіе, снаряды и товары для житейскихъ потребностей. Сіи послѣдніе, при недостаткѣ въ Сибири фабрикъ, получаются изъ Россіи и уже сдѣлались для зажиточныхъ сибиряковъ необходимостью.—Къ счастью, географическое положеніе края противится сему предпріятію, и Сибирь недоступна иноземцамъ".

---

*) По сообщенію кн. Горчакова, „сибиряки, въ особенности, чуждаются управленія Государственныхъ Имуществъ и опасаются учрежденія вольныхъ почтъ.

Оренбургскій военный губернаторъ, генералъ Обручевъ, также извѣстилъ, что «къ нему не поступало отъ мѣстныхъ начальниковъ никакихъ донесеній о неблагонамѣренныхъ толкахъ во вверенномъ ему краѣ», и что въ послѣднее время онъ «проѣзжалъ большое пространство Оренбургскаго края и самый Уралъ по двумъ направленіямъ, гдѣ находятся заводы съ значительнымъ населеніемъ, и вездѣ видѣлъ одно спокойствіе, жители занимаются своими обычными работами, и нигдѣ не было приносимо жалобъ». Тѣмъ не менѣе для предосторожности Обручевъ приказалъ мѣстному начальству еженедѣльно представлять ему донесеніе о всѣхъ пріѣзжающихъ лицахъ.

Относительно «второго замысла» Спѣшневъ показалъ, что вскорѣ послѣ разговора съ Черносвитовымъ, въ томъ же декабрѣ 1848 г., одинъ изъ посѣтителей Петрашевскаго, поручикъ Момбелли, предложилъ Петрашевскому и ему, Спѣшневу, составить товарищество для взаимнаго поддержанія другъ друга *). Петрашевскій согласился на это и предложилъ, съ своей стороны, въ члены товарищества Конст. М. Дебу, а Момбелли — штабсъ-капит. Ѳ. Львова, и черезъ нѣсколько времени всѣ они собрались у Спѣшнева. Здѣсь Момбелли, развивая свою мысль и указывая на выгоды такой солидарности или товарищества, предлагалъ составить капиталъ посредствомъ вкладовъ, считая ихъ нужными и для опредѣленія числа членовъ, которые согласились бы поступить въ товарищество. Кассу онъ полагалъ ввѣрить Комитету, составленному изъ пяти основателей общества, въ которое онъ «думалъ принимать соціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній“ **). Послѣ этого Спѣшневъ набросалъ планъ тайнаго общества, главныя основанія котораго состояли въ слѣдующемъ: «Есть три внѣправительственные пути дѣйствія: іезуитскій, пропагандный и возстанія; каждый изъ нихъ не вѣренъ, и оттого больше шансовъ, если взять всѣ три дороги». Для этого нуженъ «одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и моральной, и, наконецъ, 4) комитета тайнаго общества на воз-

*) На допросахъ выяснилось, что Момбелли сообщилъ о своемъ проектѣ прежде всего Львову, потомъ Петрашевскому, а по желанію послѣдняго и Спѣшневу. Изъ этого видно, что Петрашевскій признавалъ способности Спѣшнева и желалъ работать съ нимъ сообща.

**) На допросахъ другіе присутствовавшіе назвали его обществомъ „изъ людей передовыхъ мнѣній и прогрессистовъ, которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ“. Момбелли предлагалъ критиковать мѣры пртвительства и указывать на заслуги членовъ общества какъ литераторовъ, такъ и другихъ. Изъ собраннаго капитала Момбелли предлагалъ оказывать помощь пострадавшимъ членамъ.

станіе. Момбелли указывалъ на необходимость откровенности, предлагалъ, чтобы каждый изъ членовъ написалъ свою біографію и при томъ «упомянулъ про смерть измѣннику», а Львовъ разсуждалъ о формахъ общества *), но различныя предложенія вызвали разногласія, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшія совѣщанія были прекращены и остались безъ послѣдствій, а планъ, составленный Спѣшневымъ, былъ сожженъ. Много содѣйствовалъ тому, что проектъ Момбелли не былъ осуществленъ, К. М. Дебу, который заявилъ, что участвовать въ тайномъ обществѣ не желаетъ и совѣтовалъ и Петрашевскому не принимать въ немъ участія.

V.

Секретная слѣдственная коммиссія по дѣлу Петрашевцевъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателемъ ея былъ комендантъ крѣпости ген.-ад. Набоковъ, членами: д. т. с. членъ Госуд. Совѣта кн. Гагаринъ, товарищъ военнаго министра ген.-ад. кн. Долгоруковъ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ ген.-лейт. Дубельтъ; нѣсколько позднѣе къ нимъ былъ присоединенъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній ген.-ад. Ростовцевъ.

По окончаніи допроса всѣхъ арестованныхъ, слѣдственная коммиссія нашла, что нѣкоторые изъ нихъ, а именно отставной капит.-лейт. Кузминъ **), служившій въ государственномъ заемномъ банкѣ кол. ассес. Ольдекопъ, назначенный исправ. должность олонецкаго губернскаго прокурора Александръ Барановскій и отст. подпор. Достоевскій 2-ой (Мих. Мих.) бывали на собраніяхъ у Петрашевскаго «совершенно случайно, сами въ предосудительныхъ разговорахъ не участвовали, въ бумагахъ ихъ ничего подозрительнаго не найдено и, вообще, къ обвиненію ихъ въ какомъ-либо злоумышленіи по дѣлу нѣтъ никакихъ основаній; изъ нихъ Достоевскій хотя бывалъ также у колл. ассес. Дурова на музыкально-литературныхъ вечерахъ, но когда вечера сіи начали въ послѣднее время получать направленіе политическое, то Достоевскій тотчасъ же отклонилъ это». Поэтому, съ разрѣшенія государя, коммиссія освободила этихъ лицъ.

Затѣмъ, по докладу о дѣйствіяхъ коммиссіи, 27 іюня 1849 г.

*) Онъ предлагалъ сначала принять не менѣе 9 или 11 членовъ, „а когда послѣ составятся афильяціи, то чтобъ въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена". Петрашевскій также читалъ записку о необходимости образованія общества по системѣ Фурье съ тою цѣлью, чтобы, „когда придетъ время, были люди готовы".

**) Алексѣй Алексѣевичъ, братъ Павла Алексѣевича (записки послѣдняго напечатаны въ «Рус. Стар.» 1895 г.).

государь повелѣлъ: тѣхъ изъ арестованныхъ, которые будутъ признаны невиновными или мало виновными, выпустить изъ подъ ареста.

Къ разряду мало виновныхъ коммиссія отнесла 12 лицъ *) и исходатайствовала освобожденіе ихъ изъ подъ ареста съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ не имѣлъ никакого вліянія на ихъ службу, но при томъ всѣ они были обязаны подпискою содержать въ строгой тайнѣ всѣ разспросы въ коммиссіи, впредь никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять какимъ бы то ни было образомъ «идей соціальныхъ и коммунистскихъ и вообще либеральныхъ (въ томъ числѣ и ученія Фурье» **). Кромѣ того, всѣ они были отданы подъ секретный надзоръ.

Затѣмъ коммиссія обратилась къ обсужденію виновности тѣхъ арестованныхъ, которые не имѣли никакого сношенія съ Петрашевскимъ, и были взяты по другимъ обстоятельствамъ дѣла. Къ числу ихъ были отнесены: учитель исторіи 2-го кадетскаго корпуса Петръ Бѣлецкій и студентъ университета Григ. Данилевскій (вѣроятно, извѣстный впослѣдствіи беллетристъ). Въ запискѣ Липранди приведенъ отрывокъ изъ найденнаго у Бѣлецкаго курса отзывъ о республиканскомъ правленіи (см. выше), а въ запискѣ слѣдственной коммиссіи Бѣлецкому поставлены въ вину его слова, что «у него есть приготовленный классъ, и что изъ этого класса выйдутъ люди, которые двинутъ Россію впередъ».

Данилевскій же обвинялся, на основаніи донесеній агентовъ, въ томъ, что былъ знакомъ съ почет. гражд. Катеневымъ, зналъ о его намѣреніи разбросать въ маскарадѣ-аллегри билеты съ надписями, что въ Москвѣ былъ бунтъ и что государь убитъ, и кромѣ того, на найденной у него книгѣ Устрялова «Ист. обозр. царствованія госуд. имп. Николая I» его рукою были сдѣланы выписки изъ сочиненія Лун-Блана «Histoire de dix ans», заключающія въ себѣ неблагонамѣренные отзывы о Россіи. Коммиссія признала Бѣлецкаго мало виновнымъ, а Данилевскаго невиновнымъ и, потому испросила разрѣшеніе государя освободить ихъ съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ «не имѣлъ никакихъ послѣдствій на ихъ бу-

*) Вольнослушателя петерб. унив. Мадерскаго, бывшаго вольносл. того же унив. сына колл. сов. Дѣева, художника Берестова, учителя рисованія Бернардскаго, кандидата унив. Михайлова, тит. сов. Кайданова (брата того, который жилъ въ Ростовѣ), кол. секр. Серебрякова (изъ москов. универс.), надв. сов. Чирикова, увол. отъ службы капит.-лейт. Тимковскаго, шт.-капит. Кропотова, кол. секр. Щелкова и губ. секр. (Порф.) Ламанскаго. Всѣ они были арестованы 23 апрѣля.

**) Коммиссія и въ другихъ случаяхъ не проводила надлежащаго различія между соціализмомъ, коммунизмомъ и либерализмомъ.

дущность», но, однако, Бѣлецкаго велѣно было не опредѣлять на службу ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ; относительно же Данилевскаго, который по случаю ареста не могъ сдать экзамена, повелѣно было допустить къ экзамену въ университетъ и «подтвердить ему, чтобы онъ не увлекался чувствами и вредными мечтаніями».

Кромѣ арестованныхъ, коммиссія имѣла въ виду еще 232 человѣка, упоминавшихся въ донесеніяхъ агентовъ и въ показаніяхъ обвиняемыхъ при допросахъ. Хотя къ обвиненію этихъ лицъ «не представлялось никакихъ явныхъ уликъ и положительныхъ показаній», хотя многія изъ нихъ были извѣстны по однѣмъ фамиліямъ безъ дальнѣйшихъ подробностей, тѣмъ не менѣе коммиссія испросила разрѣшеніе призывать ихъ для допросовъ чрезъ III-е отдѣленіе Соб. Его Вел. Канцеляріи, опечатывать ихъ бумаги, и если они окажутся виновными или нужными коммиссіи для дальнѣйшихъ допросовъ, то немедленно арестовывать ихъ, въ противномъ же случаѣ отпускать; тѣхъ же изъ этихъ лицъ, которыя признаны будутъ изобличенными только въ томъ, что они иногда посѣщали собранія Петрашевскаго или другія имъ подобныя, «безъ участія въ зловредномъ ихъ направленіи»,—подъ арестомъ не оставлять, взявъ у нихъ установленную подписку, но учреждать надъ ними секретный надзоръ.

Коммиссія скоро убѣдилась, что изъ этихъ лицъ 106 человѣкъ, «по явной неприкосновенности къ дѣлу, не должны быть вовсе привлекаемы къ допросамъ», а потому опредѣлила всѣхъ этихъ лицъ къ допросу не призывать. Затѣмъ 60 человѣкъ, относительно которыхъ были указанія, что они посѣщали собранія или лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, были призываемы къ допросу *), но такъ какъ изъ ихъ отвѣтовъ и изъ показаній обвиняемыхъ оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ не принимали никакого участія «въ дѣлѣ злоумышленія», а другіе вовсе непричастны къ дѣлу, то всѣ они были тотчасъ же освобождены. Призванные къ допросу студентъ Пав. Европеусъ, чинов. IX-го класса Оскаръ Отто, кол. секр. Николай Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ), Николай Мордвиновъ и Аполлонъ Сидоровъ, губ. секр. Василій Толбинъ (писатель) и тит. совѣтникъ Аполлонъ Майковъ (извѣстный поэтъ), Ник. Кашевскій, Евг. Ламанскій и кол. секр. Александръ Милюковъ (педагогъ)—первые 9 человѣкъ хотя и бывали на собраніяхъ одни у Петрашевскаго, а другіе у Дурова или Кашкина, но «въ дѣлѣ злоумышленія» участія не принимали, и потому признаны были коммиссіею мало виновными и подвергнуты

*) Ср. разсказъ объ обыскѣ и допросѣ В. Р. Зотова въ его воспоминаніяхъ „Петербургъ въ 40-хъ годахъ“. „Ист. Вѣст.“ 1890 г., № 6, стр. 548—551

секретному надзору. Относительно-же Милюкова, который самъ показалъ, что читалъ у Плещеева статью сатирическаго содержанія «Петербургъ и Москва» (Герцена), а у Дурова отрывокъ изъ сочиненія Ламеннэ, то, хотя коммиссія «и замѣтила въ немъ либеральный образъ мыслей, но, принявъ во вниманіе искреннее и глубокое раскаяніе и отзывъ его, что 9-тилѣтняя его служба учителемъ всегда одобрялась начальствомъ, и что въ ученикахъ своихъ онъ никогда не распространялъ и не будетъ распространять непозволительнаго образа мыслей», рѣшила отнести его къ разряду мало виновныхъ, но сообщить о немъ его начальству.

Затѣмъ 52 человѣка, въ виду того, что они находятся въ другихъ губерніяхъ и въ войскахъ дѣйствующей арміи, между тѣмъ какъ ни на одного изъ нихъ не падало никакого существеннаго обвиненія, кромѣ того только, что они прежде посѣщали собранія или Петрашевскаго, или Дурова, или Момбелли, коммиссія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго военнымъ министромъ отъ 16-го августа 1849 г., опредѣлила допросамъ не подвергать. Но Владиміръ Кайдановъ, жившій въ Ростовѣ и обнаруживній «наклонность къ соціальнымъ идеямъ», былъ отданъ подъ секретный надзоръ.

Наконецъ, «въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ обвиняемыми, были и такія, которыя сосланы въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія, именно Салтыковъ (Мих. Евграф., извѣстный сатирикъ), Ромашевъ, Бердяевъ и Яшвиль. «Хотя ни одно изъ показаній обвиняемыхъ», сказано въ запискѣ слѣдственной коммиссіи, «не давало повода предполагать, чтобы эти лица принимали какое-либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу, тѣмъ болѣе, что Салтыкова видѣли у Петрашевскаго одинъ только разъ; другіе-же, какъ-то: Ромашевъ съ 1846 г. содержится въ заключеніи въ Шлюссельбургской крѣпости, Бердяевъ находится не въ здравомъ умѣ, а о прежнихъ дѣйствіяхъ Яшвиля, который въ настоящемъ дѣлѣ также ни въ чемъ не оговоренъ, неизвѣстно даже и Ш-му отдѣленію Соб. Его Вел. Канцеляріи, однако за всѣмъ тѣмъ, имѣя въ виду относительно сихъ лицъ Высочайшее повелѣніе, объявленное военнымъ министромъ отъ 29-го іюня 1849 г., коммиссія всѣ извѣстныя ей объ нихъ свѣдѣнія сообщила г. управляющему Ш-мъ отдѣленіемъ Соб. Его Вел. Канцеляріи для дальнѣйшаго распоряженія».

Дѣйствія секретной слѣдственной коммиссіи начались 26-го апрѣля, а 17-го сентября она подписала свой докладъ или записку съ изложеніемъ всего дѣла, но безъ всякаго съ ея стороны заключенія, котораго отъ нея и не требовалось. Государь повелѣлъ учредить для постановленія приговора не верховный уголовный судъ, какъ въ 1825 г., а военно-судную коммиссію, «судъ

смѣшанный»: изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ ген.-ад., бывш. Оренб. ген.-губ. Вас. Алексѣев. Перовскаго *).

Кромѣ названныхъ выше лицъ, въ концѣ сентября былъ освобожденъ П. А. Кузминъ. Вѣроятно, въ это-же время были выпущены на свободу: купеческій сынъ Утинъ, тит. сов. Есаковъ, кол. рег. Ващенко, чинов. особ. поруч. мин. внут. дѣлъ Беклемишевъ и корресп. Вольн. Экон. Общ. Николай Данилевскій (впослѣдствіи извѣстный славянофилъ). Студента Толстова, еще во время дѣйствія слѣдственной коммиссіи, государь, «принимая во вниманіе откровенность, съ которою» онъ «изложилъ самыя тайныя мысли свои», повелѣлъ опредѣлить въ отдѣльный кавказскій корпусъ, дабы предоставить ему случай «загладить заблужденіе молодости».

Затѣмъ суду было предано 23 человѣка. Судъ продолжался съ 30-го сентября по 16-ое ноября **).

Приговоръ военно-судной коммиссіи поступилъ въ генералъ-аудиторіатъ, который, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни ***), но въ своемъ докладѣ государю указывалъ на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства и ходатайствовалъ объ опредѣленіи имъ, вмѣсто смертной казни, наказаній по мѣрѣ вины. Государь уважилъ это ходатайство при утвержденіи (19-го декабря 1849 г.) доклада генералъ-аудиторіата.

Относительно Петрашевскаго государь утвердилъ наказаніе, предложенное генералъ-аудиторіатомъ,—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Момбелли, Спѣшневъ и Григорьевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, были приговорены къ работамъ въ рудникахъ: первый и третій на 15 лѣтъ, а Спѣшневъ на 10 лѣтъ (вмѣсто 12-ти, пред-

*) Членами коммисіи были: генералъ-адъютанты гр. Строгановъ 2, Анненковъ 2 и Толстой 1, и сенаторы: кн. Лобановъ-Ростовскій, Дурасовъ и Веймарнъ.

**) Судъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, къ каторжнымъ работамъ на заводахъ: Ястржембскаго на 6 лѣтъ, Ханыкова, Кашкина, Европеуса и Плещеева—на 4 года, Тимковскаго, по лишеніи правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а Черносвитова „въ злоумышленномъ изъясненіи подсудимымъ Петрашевскому и Спѣшневу средствъ къ произведенію возстанія въ Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго и въ умыслѣ на цареубійство, за неоткрытіемъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи". Между тѣмъ, Спѣшневу и Петрашевскому были поставлены въ вину разговоры съ Черносвитовымъ о возстаніи на Уралѣ и въ Сибири.

***) Катеневъ сошелъ съ ума, и его велѣно было предать военному суду въ случаѣ выздоровленія, а Черносвитовъ былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ ссылкѣ на жительство въ Вятку подъ строгій полицейскій надзоръ, не лишая его получаемой за раны пенсіи.

ложенныхъ генер.-аудиторіатомъ). Львова, Филиппова и Д. Д. Ахшарумова генералъ-аудиторіатъ предлагалъ сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, но государь назначилъ Филиппова и Ахшарумова въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, а потомъ въ рядовые на Кавказъ, относительно же Львова утвердилъ приговоръ генералъ-аудиторіата. Студентъ Ханыковъ (вмѣсто 10-ти лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ) былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Дурову, Ѳ. М. Достоевскому и К. М. Дебу, вмѣсто 8-ми лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ, опредѣлено: двумъ первымъ 4 года каторги, а потомъ рядовыми, а К. М. Дебу назначенъ на 4 года въ арестанты инженернаго вѣдомства и затѣмъ также въ рядовые. И. М. Дебу, вмѣсто 4-хъ лѣтъ каторжной работы на заводахъ, былъ назначенъ въ арестанты инженернаго вѣдомства на 2 года, а потомъ рядовымъ. Ястржембскаго и Толля генералъ-аудиторіатъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 4 года, но государь повысилъ наказаніе Ястржембскому до 6-ти лѣтъ, а Толлю понизилъ до 2-хъ лѣтъ. Плещеевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки на поселеніе, былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Кашкина ген.-аудиторіатъ предложилъ, во вниманіе къ его молодости (20 лѣтъ), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на житье въ Холмогоры подъ строгій полицейскій надзоръ, но государь назначилъ его рядовымъ въ кавказскіе линейные батальоны. Головинскій «за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства *), въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ», (20 л.) былъ, согласно предложенію генералъ-аудиторіата, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣленъ рядовымъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ. Пальмъ, согласно предложенію генералъ-аудиторіата, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, Тимковскаго и Европеуса, «во вниманіе, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслію», генералъ-аудиторіатъ предложилъ выслать подъ секретный надзоръ: Тимковскаго въ Олонецъ, а Европеуса въ Вятку, но государь назначилъ Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты, а Европеуса, «во вниманіе къ молодости лѣтъ», (22 года) рядовымъ, безъ лишенія дворянства, въ кавказскіе линейные батальоны. Мѣщанина Петра Шапошникова «за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и о возможности введенія въ Россіи республиканскаго прав-

*) Въ опубликованномъ въ газетахъ приговорѣ: „за возмутительные въ высшей степени разговоры у Петрашевскаго и Дурова".

ленія, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на себя сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій», относящихся къ особѣ государя, генералъ-аудиторіатъ предложилъ лишить всѣхъ правъ состоянія и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 6 лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска». Государь написалъ: «рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны». Черносвитова, оставленнаго «въ сильномъ подозрѣніи», государь, вмѣсто отправленія на житье въ Вятку, велѣлъ водворить на житье въ Кексгольмскую крѣпость съ сохраненіемъ заслуженной имъ пенсіи (Черносвитовъ былъ старше всѣхъ подсудимыхъ: ему было 39 лѣтъ*).

О публичномъ объявленіи приговора есть подробный разсказъ въ запискахъ барона Корфа. «Государь», говоритъ Корфъ, «велѣлъ: прочитавъ подсудимымъ (первоначальный) приговоръ» генералъ-аудиторіата «и совершивъ надъ ними всѣ обряды, предшествующіе смертной казни, объявить, что Его Величество даруетъ имъ жизнь, и затѣмъ подвергнуть ихъ разнымъ другимъ наказаніямъ.

«Уже 22-го декабря появилась о семъ... статья въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ формѣ, впрочемъ, не манифеста или указа, а простого объявленія.

«Въ тотъ же день приговоръ былъ приведенъ и въ дѣйствительное исполненіе, при многочисленномъ стеченіи народа, хотя помянутое объявленіе и не могло еще вездѣ огласиться. Въ 8 часовъ утра преступниковъ вывезли изъ крѣпости. Всѣ они были разсажены порознь въ извозчичьихъ возкахъ, и въ каждомъ сидѣло по рядовому внутренней стражи, а по обѣ стороны возковъ и впереди поѣзда ѣхали жандармы верхами. На Семеновскомъ плацѣ, передъ самымъ валомъ, возвышалась нарочно устроенная платформа и на ней три столба. Лицевая сторона была оставлена открытою, а съ трехъ другихъ ее окружали по одному батальону л.-гв. московскаго и л.-гв. егерскаго и эскадронъ л.-гв. конно-гренадерскаго полковъ, т. е. тѣхъ, къ которымъ принадлежали заговорщики военнаго званія. На плацѣ находились: командиръ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса Сумароковъ, военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и оба городскіе коменданта. Преступниковъ, по прибытіи ихъ туда, высадили изъ возковъ, провели вдоль всего фронта и поставили на платформу, спиною къ валу, послѣ чего прочитанъ былъ приговоръ генералъ-аудиторіата въ первоначальномъ его видѣ, т. е. безъ смягчавшаго его Высочайшаго повелѣнія. Тутъ многихъ изъ зрителей тронули

*) См. приговоръ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1849 г., № 276 и „С.-Петерб. Вѣд.“ 1849 г., № 287.

слезы, покатившіяся по блѣдному лицу 20-тилѣтняго Кашкина, имѣвшаго престарѣлаго отца. Священникъ, выйдя впередъ, произнесъ осужденнымъ послѣднее увѣщаніе и, поставя ихъ на колѣни, далъ каждому приложиться ко кресту. Тогда начались прочіе обряды, предшествующіе растрѣлянію. Палачъ сталъ ломать надъ ихъ головами шпаги, и когда всѣхъ одѣли въ бѣлыя рубашки съ колпаками, комендантъ повелъ первыхъ трехъ съ праваго фланга: Петрашевскаго, Момбелли и Спѣшнева къ столбамъ, къ которымъ ихъ и привязали. Петрашевскій сорвалъ съ себя колпакъ, говоря, что не боится смерти и можетъ смотрѣть ей прямо въ глаза. Начальствовавшій войсками скомандовалъ «къ заряду», и они приступили къ исполненію команды. Вдругъ прискакалъ фельдъегерь, и раздался отбой! Привязанныхъ къ столбамъ отвязали и привели на прежнее мѣсто, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ прочесть царскую сентенцію... Петрашевскому, осужденному къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, тотчасъ же начали надѣвать кандалы; но какъ, по неловкости палача, эта операція замедлилась, то Петрашевскій самъ заковалъ себѣ руки и ноги, испросивъ позволеніе обнять сперва Момбелли и Спѣшнева *). Закованнаго его посадили въ заложенныя тройкою сани и въ сопровожденіи жандарма прямо отправили къ окончательному мѣсту назначенія. Прочихъ повезли въ ордонансъ-гаузъ **) для отсылки впослѣдствіи ***).

По свидѣтельству Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя» почти всѣ приговоренные были увѣрены, что приговоръ «будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти».

Генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ не только предложилъ наказанія обвиненнымъ, но, кромѣ того, счелъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь «подобныхъ замысловъ». Такими мѣрами онъ, съ своей стороны, считалъ: «1) особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія. 2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза ино-

*) По свидѣтельству одного очевидца, Петрашевскій «нѣжно» простился и со всѣми остальными товарищами: «особенно замѣчательны показались всѣмъ изъявленія дружбы и уваженія осужденныхъ къ Петрашевскому,—первому виновнику общей ихъ бѣды». Замѣтка *Ив. Вуича* въ «Порядкѣ» 1881 г., № 48.

**) Не въ ордонансъ-гаузъ, а въ крѣпость. См. письмо Ѳ. М. Достоевскаго въ тотъ же день къ брату изъ крѣпости. «Рус. Стар.» 1881 г., т. XXX, 706—707.

***) «Рус. Стар.» 1900 г., № 5, стр. 279—280; ср. объ объявленіи приговора *О. Миллеръ*, 117—123.

странныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ. 3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями. 4) Возможно строгое наблюденіе со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за движеніемъ общественнаго состава, не только въ его цѣломъ, но въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы, при настоящемъ развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей, не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу».

Предложенія эти были одобрены государемъ.

В. Семевскій.

Страничка изъ „воспоминаній".

Въ «Дневникѣ» А. В. Никитенка за 1864-й годъ говорится о частныхъ лекціяхъ П. Л. Лаврова по философіи и по этому поводу, на основаніи однихъ только пустыхъ слуховъ, Лавровъ выводится проповѣдникомъ матеріализма, матеріализмъ-же — ужъ безъ всякаго основанія—представляется источникомъ растлѣнія нравовъ и вырожденія. Теперь есть немало людей, которые рады схватиться за этотъ вздоръ и, прибавивъ къ нему столько-же отъ себя, пустить въ обращеніе въ качествѣ оттѣненія своего мнимаго величія и превосходства лжеизмышленіями о шестидесятыхъ годахъ. Зная эти годы не по слухамъ, будучи знакомымъ съ Лавровымъ съ 63-го, я нахожу возможнымъ представить къ указанному мѣсту «Дневника» Никитенка нѣкоторый комментарій, который для характеристики шестидесятыхъ годовъ, быть можетъ, и не окажется излишнимъ.

Въ «Дневникѣ» Никитенка подъ 13 марта отмѣчено: «Лавровъ учитъ философіи женщинъ, которыя гдѣ-то собираются слушать его лекціи. Сегодня прямо съ его лекціи заѣхала къ намъ милая, умная молодая дѣвушка К. С. С. Она сама посмѣивается надъ философіею Лаврова. Вотъ одна изъ его фразъ: «Человѣка составляютъ чувственныя впечатлѣнія, что касается до ума, то это есть только географическое наименованіе». Вотъ какой великій философъ Петръ Лаврычъ».

Цитируемая фраза явно извращена, но все-же въ ней не трудно признать извѣстное изреченіе Юма о томъ, что, «оставляя въ сторонѣ метафизиковъ, можно отважиться утверждать объ остальномъ человѣчествѣ, что оно представляетъ собою лишь пучекъ или собраніе воспріятій»; и въ другомъ мѣстѣ того-же «Трактата о человѣческой природѣ»: «умъ есть не что иное, какъ куча или собраніе воспріятій».

Для Никитенка такое изреченіе было все одно, что «темна вода во облацѣхъ», и онъ могъ, конечно, искренно воскликнуть: «вотъ какой великій философъ Петръ Лаврычъ!» Вѣдь не далеко еще было то время, когда одинъ изъ Скалозубовъ, выхваляя

книгу о фланкерской службѣ, изволилъ выразиться: «это не философскій трактатъ, но сущее дѣло»!

Затѣмъ, вопросъ о томъ, могъ-ли Лавровъ приписать себѣ это, столь прославленное изреченіе всѣмъ свѣтомъ признаннаго великимъ философомъ—Юма, остается на отвѣтственности «милой и умной К. С. С.». Одно несомнѣнно, что, «оставляя въ сторонѣ» тѣхъ, для которыхъ терминъ «матеріализмъ» является своего рода «жупеломъ», можно «отважиться утверждать», что для остального человѣчества Юмъ матеріалистомъ никогда не былъ и быть не могъ.

Свѣдѣнія Никитенка идутъ, конечно, отъ одной изъ тѣхъ юркихъ особъ, которыя обладаютъ талантомъ втираться къ «извѣстнымъ» писателямъ—будь то Лавровъ или Никитенко—имъ все равно, и не разобравъ ровно ничего, бѣгаютъ потомъ туда-сюда, тараторятъ о слышанномъ, да еще и «посмѣиваются», а заслуженный старецъ потомъ отвѣчай!

Никитенко считалъ, конечно, совершенно излишнею роскошью критику своихъ «источниковъ»:—«милая и умная молодая дѣвица!»—Чего еще? И вотъ, фонтанъ краснорѣчія, пользовавшійся, вѣроятно, нѣкоторымъ отдыхомъ, почувствовавъ, что терпѣть долѣе ему не въ мочь,—забилъ;—забилъ съ тою силою и блескомъ, которыя его не даромъ прославили. «Вотъ эти растлѣнные умы!» восклицаетъ онъ, казня Юма, принимаемаго имъ за Лаврова; «прежде, чѣмъ научиться мыслить самостоятельно, они дѣлаются апостолами матеріализма, который составляетъ грустное, но далеко не единственное пріобрѣтеніе науки тамъ, гдѣ она живетъ уже давнею и ботатою жизнью. У насъ же, что значитъ въ настоящую минуту это философствованіе, какъ не преждевременная похоть, порождающая хилыя, болѣзненныя созданія, способныя только бредить и заниматься сладострастными мечтами (ого! вотъ оно матеріализмъ-то «у насъ» что!), а не строго мыслить (какъ г. Никитенко, напримѣръ, который не знаетъ даже, о чемъ именно говоритъ) и дѣйствовать».

Репримандъ вышелъ важный! Онъ представится еще болѣе эффектнымъ, если мы вообразимъ себѣ, что журчаніе фонтана сопровождалось аккомпаниментомъ эпиграммы Тургенева:

Исполненный ненужныхъ словъ
И мыслей, ставшихъ общимъ мѣстомъ,
Онъ краснорѣчья прѣснымъ тѣстомъ
Всю землю вымазать готовъ.

Одно только:—тѣсто на сей разъ оказалось не совсѣмъ-то прѣснымъ... И все эта «милая и умная дѣвица» подвела!

Года черезъ два послѣ того, какъ Никитенко занесъ въ свой «Дневникъ» сплетню этой дѣвицы, Лавровъ имѣлъ случай выска-

заться по поводу матеріализма совершенно категорически. Разъ какъ-то въ началѣ 66-го года, я зашелъ къ нему и засталъ его за чтеніемъ только-что вышедшей «Исторіи матеріализма» Фр. Альб. Ланге. «Жестоко досталось матеріалистамъ въ этой книгѣ», сказалъ Лавровъ,—«и по-дѣломъ».

Заявленіе это было такъ рѣшительно, что самъ Кассельскій курфюрстъ могъ бы повторить о Лавровѣ слова, сказанныя имъ о Либихѣ: „sein Vater war Materialist (т. е. торговецъ аптекарскими товарами), nicht er".

Очень ошибся бы тотъ, кто принялъ бы вышесказанное за проявленіе желанія защитить, оправдать, обѣлить Лаврова. Отъ такой мысли я слишкомъ далекъ. Матеріалистъ — такъ матеріалистъ; — почему нѣтъ, если это дѣйствительно такъ, если это вѣрно. Я очень хорошо знаю, кто выставляетъ матеріализмъ, какъ пугало, и кто приходитъ отъ этого пугала въ серьезный ужасъ. Продѣлками однихъ и замѣшательствомъ другихъ я нисколько не озабоченъ, я желаю только возстановить факты въ ихъ чистомъ видѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ свести къ истинному значенію тѣхъ усердствующихъ, въ которыхъ Никитенко еще не умеръ и, пожалуй, еще долго не умретъ.

Недавнее наше прошлое—какъ на то указываютъ многіе признаки—всего менѣе намъ извѣстно, и всякая страничка воспоминаній объ этомъ прошломъ лишнею — я думаю — не должна считаться, а потому я и продолжу нѣсколько тотъ рядъ припоминаній, на который я попалъ, благодаря попавшемуся мнѣ на глаза отрывку изъ «Дневника» Никитенка, имѣя въ виду, что рѣчь будетъ идти все же о матеріалистахъ.

Около того времени, къ которому относится этотъ отрывокъ, мнѣ случилось быть на частномъ литературномъ вечерѣ, на которомъ читали свои произведенія П. Л. Лавровъ, Н. С. Курочкинъ и другіе писатели. Петръ Лавровичъ читалъ «о тенденціозности». Случайно у меня сохранилась запись резюмэ этого чтенія; я ее и приведу теперь сполна. «Переносясь за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, мы встрѣчаемъ людей, уважавшихъ науку, боровшихся съ суевѣріемъ,— такихъ людей, которыхъ приравниваютъ къ дѣятелямъ эпохи просвѣщенія. И, однако же, мы знаемъ, что восторжествовали не ихъ воззрѣнія, а одно изъ тѣхъ мистическихъ ученій, которыхъ въ то время было такъ много. Является вопросъ: почему же это такъ случилось? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать, разсмотрѣвъ внимательно произведенія представителей разума въ ту эпоху. Люди эти борются за науку, за знаніе,— проводятъ свѣтлыя идеи въ общество; все это такъ. Но, какъ они проводятъ ихъ? Они проводятъ ихъ, сами достаточно не уважая ни науку, ни знаніе. По ихъ мнѣнію, изученіе, основательность, подробности, не имѣютъ важнаго зна-

ченія; — всего важнѣе — тенденція. Достаточно было — думали они,—что всегда и неизмѣнно стремились они къ свѣту, къ торжеству знанія, но если въ данную минуту они и давали не совсѣмъ вѣрное, или даже ложное, и всегда не точное, не провѣренное знаніе, то большой бѣды еще въ томъ не было. Они были склонны къ обобщеніямъ, къ выводамъ, для которыхъ не было еще собрано достаточнаго числа фактовъ, всетаки-жъ они думали, что принесли большую пользу уже тѣмъ только, что сдѣлали такіе выводы,—для нихъ довольно было, что выводы ихъ становились въ разрѣзъ съ мистицизмомъ, съ невѣжествомъ. Такой взглядъ на дѣло погубилъ это самое дѣло: тенденціозность должна явиться сама собой, какъ результатъ доказанной истины. Она не должна быть предвзятою. Если это условіе не соблюдено, то является цѣлый рядъ вредящихъ дѣлу просвѣщенія послѣдствій: дается въ руки враговъ вѣрное оружіе для опроверженій; подрывается уваженіе къ собственному авторитету, отчего проводимыя идеи неизбѣжно должны терпѣть; теряется, пропадаетъ вся сила идеи,— сила, которая — въ противоположность идеѣ враговъ — въ томъ и заключается, что идея эта можетъ опираться на доказательства неопровержимыя, ясныя и полныя. Вотъ эта-то вредная тенденціозность и сгубила представителей разума въ древности. Она же повредила и дѣятелямъ XVIII-го вѣка; она приноситъ много зла и теперь. Представитель передовой идеи не долженъ скользить по наукѣ, не долженъ дѣлать выводы на авось, не долженъ ставить выше истины тенденцію, какъ бы сія послѣдняя сама по себѣ хороша не была. Ему нужно овладѣть значительной долей самообладанія, саморазбора, самокритики, которые никогда не допускаютъ поверхностности и празднославія. Только тотъ лишенъ этихъ качествъ, кто самъ не твердо увѣренъ въ своихъ идеяхъ. Твердая же увѣренность въ неизбѣжности торжества своей идеи есть единственная вѣрная гарантія противъ такихъ слабостей. Серьезное изученіе предмета, о которомъ приходится писать, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надежное средство для успѣшнаго примѣненія своихъ идей на дѣлѣ. Тенденціозность же чуждая положительнымъ знаніямъ и точнымъ доказательствамъ, приводитъ только къ пагубѣ самой идеи».

Я не стану добираться до корней и нитей многихъ мѣстъ этой интересной рѣчи, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, пришлось бы замѣнить мои отрывочныя воспоминанія цѣлой статьей, скажу только въ заключеніе, что между руководительными идеями Лаврова и суемудріемъ разглагольствующаго о матеріализмѣ Никитенка при сопоставленіи ихъ оказывается, въ самомъ дѣлѣ, «дистанція огромнаго размѣра».

Вл. Лесевичъ.

Крестьянинъ и рабочій, какъ категоріи хозяйственнаго строя.

Въ семидесятые годы въ русской литературѣ былъ выставленъ одинъ широкій принципъ, который, будучи положенъ во главу угла общественнаго міросозерцанія того времени, все окрашивалъ собою, всему придавалъ печать своего идейнаго содержанія. Этотъ руководящій принципъ давалъ передовому направленію того времени основную точку зрѣнія, съ которой надлежало освѣщать явленія жизни. Онъ былъ тою красною нитью, которая проходила черезъ міросозерцаніе передовыхъ людей того времени и связывала всѣ ихъ отдѣльные взгляды, стремленія, убѣжденія, симпатіи и антипатіи въ одно стройное, цѣлостное зданіе.

Интересы личности, или, конкретнѣе, интересы труда, или, еще конкретнѣе, интересы народа, какъ совокупности трудящихся классовъ — таково было внутреннее содержаніе этого принципа.

Съ точки зрѣнія интересовъ личности, свобода, самостоятельность, активность и счастье которой мыслимы единственно при условіи гармоничнаго развитія всѣхъ ея силъ и способностей,— оцѣнивалось, такъ или иначе, значеніе всего того, что стояло или что старались поставить выше этой личности, надъ нею. Понятія общества, національности, отечества, семьи, государства предстали въ новомъ свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи «борьбы за индивидуальность». Безусловное знаніе, абсолютная справедливость, наука для науки, искусство для искусства,—все это было совлечено со своихъ пьедесталовъ и призвано къ новой роли—служителей развитія и достоинства личности на тернистомъ пути все той же ея «борьбы за индивидуальность».

Но реализація этого гармоническаго развитія, дѣйствительное развитіе и проявленіе всѣхъ силъ и способностей, дремлющихъ въ человѣкѣ—заключается только въ одномъ: въ упражненіи, въ

трудѣ. Безъ упражненія, безъ труда наступаетъ атрофія человѣческихъ силъ; при трудѣ, односторонне направленномъ, при трудѣ, ненормально обставленномъ—та же атрофія однѣхъ способностей при гипертрофіи другихъ. Расчистить дорогу цѣлесообразному и планомѣрному труду, обезпечить его нормальное функціонированіе, создать для него нормальныя условія, словомъ, ограждать интересы труда—такова была практическая задача, продиктованная теоріей «борьбы за индивидуальность». Трудъ и развитіе—двѣ стороны одной и той же медали. Способность всесторонне развиваться въ трудѣ и посредствомъ труда вмѣстѣ съ другими индивидами и ради нихъ и себя самого—такова была основная, чисто-*человѣческая* черта, тенденція личности, принятая подъ свое покровительство новой теоріей. И въ то же время эта тенденція была признана единственной, къ которой вполнѣ подходило имя *общечеловѣческой*. Интересы труда не создавали никакой новой монополіи, никакой привилегіи, никакого несправедливаго изъятія въ средѣ человѣчества. Способность трудиться присуща всякому. Въ нормальномъ, разностороннемъ трудѣ—залогъ развитія, самостоятельности индивида, залогъ его счастія. Итакъ, интересы личности въ болѣе конкретной формулировкѣ сводились къ интересамъ *труда*.

Интересы труда, въ еще болѣе конкретной формулировкѣ, сводились, далѣе, къ интересамъ живыхъ его носителей. Это не была подстановка, замѣна широкаго, общечеловѣческаго понятія болѣе узкимъ. Это не было выдѣленіе какой нибудь узкой группы,—сословія или класса,—съ ея спеціальными, исключительными интересами. Это была простая жизненная необходимость. Борясь за извѣстную идею, извѣстный принципъ, необходимо приходится бороться за ихъ конкретное воплощеніе. Защищая интересы труда, необходимо защищать живыхъ носителей этого труда,—но защищать не больше и не меньше, какъ такихъ носителей. Ровно постольку, поскольку индивидъ—будь-то «воинъ, купецъ иль пастухъ» — является воплощеніемъ данной категоріи труда, — онъ имѣетъ право на защиту своихъ интересовъ. При этомъ одинъ индивидъ со своими интересами можетъ быть болѣе или менѣе чистымъ воплощеніемъ этой категоріи, болѣе или менѣе свободнымъ отъ другихъ наслоеній. Учитель, адвокатъ, чиновникъ, ремесленникъ, купецъ, солдатъ — тоже въ извѣстномъ отношеніи люди трудящіеся, слѣдовательно, и они одной стороной своего существа входятъ въ понятіе «народа, какъ совокупности трудящихся классовъ». Но къ этой сторонѣ у нихъ прибавляется другая, которой, напротивъ, они выходятъ, выдѣляются изъ понятія «народа». И понятно, что чѣмъ болѣе интересы той или другой общественной группы покрываются интересами труда, тѣмъ болѣе

они заслуживаютъ, съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность, положительнаго къ себѣ отношенія; и, наоборотъ, чѣмъ менѣе интересы группы покрываются интересами труда, чѣмъ болѣе они отдѣляются отъ послѣднихъ—тѣмъ болѣе они заслуживаютъ отношенія *отрицательнаго.*

Такъ какъ для историческаго момента, о которомъ шла рѣчь, всѣ прочіе виды труда количественно совершенно тонули въ трудѣ огромной сермяжной массы крестьянства, то именно интересы этой общественной группы заняли первенствующее мѣсто въ міросозерцаніи «людей семидесятыхъ годовъ». Само по себѣ міросозерцаніе было достаточно широко, чтобы примѣниться ко всякимъ мѣняющимся условіямъ жизни. Выдвигать на первый планъ крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей, еще владѣющихъ средствами производства, еще не разлученныхъ съ ними—принуждала, конечно, не теорія, не то или иное абстрактное соображеніе, а сама жизнь, ея данное, конкретное содержаніе. И само собой разумѣется, что крестьянство бралось здѣсь не какъ сословная единица, не какъ культурная группа, а лишь какъ трудящаяся масса и поскольку она была такой трудящейся массой.

Таково было это стройное общественное міросозерцаніе, выдвинутое русской интеллигенціей 70-хъ годовъ, міросозерцаніе «Отечественныхъ Записокъ», блиставшее именами Некрасова, Щедрина, Елисѣева, Успенскаго, Михайловскаго... Само собой понятно, что оно не могло встрѣтить особенно дружественнаго пріема въ тогдашней литературѣ. Его опредѣленность и безпощадная послѣдовательность не могла не плодить ему множество враговъ. Но оно было силой, могущественной идейной силой, которую многіе могли ненавидѣть, но которой трудно было до извѣстной степени не подчиняться. Къ величайшему ужасу бельэтажей русской литературы, въ ней повсюду «запахло мужикомъ...» Русская жизнь такъ сложилась, что не могла выдвинуть въ противовѣсъ данному идейному направленію никакого другого, которое бы могло «на поприщѣ ума» хоть сколько нибудь состязаться съ нимъ. Всѣ теченія, добровольно или вынужденно, должны были подлаживаться къ нему, пѣть—искренно или фальшиво - въ унисонъ съ нимъ. «Народъ» до извѣстной степени окрасилъ собою постепенно даже солидное западничество «Вѣстника Европы»; «народъ», въ качествѣ мистическаго идола, «написала на своемъ знамени начавшая «народничать» «Недѣля», къ «народу», съ той или другой стороны, пробовали пристроиться и разные обскуранты, наскоро перекрасивъ въ новый цвѣтъ полинявшіе обрывки стараго славянофильскаго знамени; наконецъ, явилась даже пресловутая маргариновая «народная политика»...

Все это отошло теперь въ область преданій. И тяжелый кризисъ восьмидесятыхъ годовъ, и жадная погоня за новыми знаменами—девяностыхъ, и современный умственный разбродъ, съ растущей, но еще не заявившей властно о себѣ, потребностью единенія, соглашенія сняли со всевозможныхъ литературныхъ подворотень и лавочекъ тяжелую и несвойственную имъ повинность прикрываться какими-то идейными вывѣсками. Обскуранты откровенно объявились обскурантами; нѣкогда усердно пытавшаяся перенародничать всѣхъ народниковъ «Недѣля» храбро провозгласила теорію «малыхъ дѣлъ», «свѣтлыхъ явленій» и «примиренія съ дѣйствительностью». Самое слово «народная политика» такъ же быстро провалилось сквозь землю, какъ быстро — хотя и неуклюже—вылѣзло прежде на свѣтъ Божій подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій. Потеря, конечно, небольшая, и плакать рѣшительно тутъ не о чемъ. Но все это—маленькіе симптомы кое-чего большого, и прежде всего идейной разрозненности, царящей теперь въ передовыхъ рядахъ нашей литературы.

Старое, славное знамя семидесятыхъ годовъ, донесенное до настоящаго времени «послѣднимъ изъ могиканъ» той эпохи, Н. К. Михайловскимъ, вышедшее незапятнаннымъ изъ всѣхъ столкновеній и трудныхъ моментовъ пережитаго прошлаго, въ настоящее время подвергается нападеніямъ критики съ другой стороны. Говорятъ, что понятіе «народа, какъ совокупности трудящихся классовъ», не можетъ болѣе оставаться во главѣ угла современнаго міросозерцанія, что оно слишкомъ широко и неопредѣленно, что оно должно быть замѣнено другимъ понятіемъ, болѣе узкимъ, но за то и болѣе опредѣленнымъ понятіемъ «пролетаріата». Самая огромная общественная группа, занимавшая центральное мѣсто въ прежнемъ понятіи «народа», именно крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей-земледѣльцевъ, совершенно оттѣсняется, исключается... Единственно интересы труда, уже отлученнаго отъ средствъ производства, признаются заслуживающими положительнаго отношенія; всѣ остальные интересы признаются лишь постольку, поскольку они совпадаютъ съ интересами отлученнаго отъ средствъ производства труда, съ интересами чистыхъ пролетаріевъ.

Дѣйствительно ли нужна эта поправка? Дѣйствительно ли слѣдуетъ предпочесть старой широкой формулировкѣ болѣе узкую? Мы попытаемся въ настоящей статьѣ дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, подробно разсмотрѣвши аргументацію сторонниковъ болѣе узкой формулировки, разобравъ ее шагъ за шагомъ, доводъ за доводомъ. Наиболѣе полно, обстоятельно и доказательно изложена эта аргументація въ извѣстной новой нѣмецкой книгѣ «Die Agrarfrage» Каутскаго, гдѣ ей посвящена спеціальная глава

„Bauer und Proletarier“ *). Авторитетъ и талантливость автора, живость и ясность его изложенія, необычайное умѣніе стройно располагать и систематически развивать свои доводы, дѣйствуя на умъ читателя не только внутренней силою, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлостностью и симметричностью всего построенія — все заставляетъ насъ остановиться на этой книгѣ, какъ лучшемъ, классическомъ образцѣ мотивировки того суженія формулы, о которомъ шла рѣчь выше.

Въ Германіи однимъ изъ ярыхъ противниковъ принципіально различнаго отношенія къ пролетарію и къ крестьянину является Фольмаръ. Основанія этого его взгляда очень просты. «Изъ общаго числа хозяйствъ,—говоритъ онъ, —круглымъ счетомъ $^{9}/_{10}$ мы должны отнести къ разряду самостоятельныхъ, независимыхъ тружениковъ-хозяевъ (по нѣмецки это хорошо выражается однимъ словомъ—der selbstwirthschafter), которые обрабатываютъ свою землю трудами собственныхъ рукъ и рукъ своихъ домашнихъ, своего семейства. Эти крестьяне въ хозяйственномъ смыслѣ отличаются отъ современнаго пролетаріата лишь тѣмъ, что они все еще обладаютъ своими собственными средствами производства. Но это обладаніе, эта собственность, которая покоится на нераздѣльности независимо трудящагося индивида и средствъ его труда, существеннымъ образомъ отличается отъ капиталистической формы собственности, которая по самому существу своему покоится на эксплуатаціи чужого труда. Страданія этихъ крестьянъ по существу одинаковы съ страданіями наемныхъ рабочихъ; причины ихъ лежатъ въ томъ фактѣ, что въ области сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе совершается вторженіе капиталистической эксплуатаціи. Чистый доходъ сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе переходитъ въ руки капитала; тѣмъ самымъ крестьянинъ спускается на степень данника, раба, простого управляющаго или приказчика повелителя—капитала» **). Такимъ образомъ, для Фольмара различія между крестьянами и рабочими —различія, въ значительной степени чисто внѣшнія, формальныя, — кажутся мало существенными, существенно же *сходство* ихъ соціологическаго мѣста въ современномъ хозяйственномъ строѣ, отношеніе этого строя къ ихъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ,

---

*) Есть уже нѣсколько переводовъ этой книги Каутскаго на русскій языкъ, но мнѣ не попадалось на глаза ни одного, и я не знаю, переведена ли данная глава въ какомъ-нибудь изъ этихъ переводовъ.

**) См. его „Handbuch für Landtagswähler“, изд. баварскаго Landesforstand'a. Nürnberg, 1899.

что то міросозерцаніе, которое онъ раздѣляетъ вмѣстѣ со своими товарищами, не должно быть «узкой партійной доктриной пролетаріата», «индустріальныхъ наемныхъ рабочихъ», а должно выражать интересы и стремленія «всего трудящагося *народа* (des ganzen werkthätigen Volkes)».

Противъ этой системы взглядовъ и направляется аргументація Каутскаго. «Нельзя отрицать,—говоритъ онъ,—что уровень благосостоянія типичнаго современнаго крестьянина — пролетарскій и даже, можно сказать, подъ-пролетарскій. Однако же этимъ отнюдь еще не сказано, что его классовые интересы — пролетарскіе». Соединеніе людей въ группы съ сознанною общностью интересовъ вовсе не является простою функціей одинаковой обезпеченности или необезпеченности. Нѣтъ, лишь роль данныхъ лицъ въ хозяйственной системѣ общества, тѣ отношенія къ себѣ подобнымъ и къ чужимъ, которыя вытекаютъ для нихъ изъ самаго положенія въ производствѣ—вотъ что является здѣсь основнымъ опредѣляющимъ моментомъ. Короче говоря, нужно рѣшить вопросъ, что такое крестьянство и пролетаріатъ, какъ *экономическія категоріи*? Каковы тѣ основные хозяйственные признаки, которые диктуютъ рабочимъ поведеніе, характеризующее ихъ, какъ совершенно новый элементъ всемірной исторіи? Есть ли эти признаки у крестьянъ? Если есть, то, очевидно, нѣтъ никакого основанія противополагать другъ другу крестьянъ и пролетаріевъ, какъ различные *классы*; если нѣтъ, — то столь же очевидно a priori, что крестьяне должны понимать свои интересы совершенно не такъ, какъ наемные рабочіе, и видѣть ихъ удовлетвореніе не въ одномъ и томъ же. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Каутскій и пытается дать такое опредѣленіе «пролетаріату», чтобы пропасть, отдѣляющая его отъ крестьянства, вырисовалась съ возможно большею рѣзкостью и очевидностью. Мы попытаемся критически разобрать шагъ за шагомъ всю его аргументацію.

Каутскій находитъ всего *четыре* признака, характеризующихъ пролетаріатъ, какъ особую экономическую категорію новаго времени.

I. «Первый признакъ *современнаго* пролетаріата — это важная роль, которую играетъ онъ въ производствѣ. На немъ покоится все господствующее нынѣ капиталистическое производство. Этимъ онъ отличается, какъ небо отъ земли, отъ Lumpenproletariat'a стараго и *новаго времени* (курсивъ нашъ)».

Замѣтимъ прежде всего, что Каутскій незамѣтно суживаетъ понятіе «современнаго» пролетаріата. Онъ пользуется двойственнымъ значеніемъ слова «современный». Начавъ съ того, что заговорилъ просто о пролетаріатѣ современной намъ эпохи, Каутскій кончаетъ выдѣленіемъ изъ общей массы нынѣшняго проле-

таріата «современнаго» пролетаріата въ субъективномъ смыслѣ и значеніи этого слова—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ «настоящій» употребляется не какъ синонимъ *нынѣшняго*, а какъ синонимъ *истиннаго*, подлиннаго, первосортнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напр., лондонскій Lumpenproletariat, въ томъ видѣ, какъ описываютъ его побывавшіе «въ трущобахъ Англіи»—не есть типическій «продуктъ послѣдняго столѣтія»? Развѣ прежнія хозяйственныя формаціи знали такого рода Lumpenproletariat, рекрутирующійся изъ «деклассированныхъ» разныхъ слоевъ и особенно изъ «избыточной рабочей арміи», — въ качествѣ массоваго явленія? А если нѣтъ, то какое основаніе имѣетъ Каутскій давать понятію «современнаго пролетаріата» суженное опредѣленіе, подъ которое не подходитъ значительный слой современнаго городского пролетаріата? Объективно-логическаго основанія нѣтъ никакого, есть лишь субъективно-психологическое: Lumpenproletariat для марксиста хоть и Θедотъ, да не тотъ, хоть и пролетаріатъ, да не «настоящій», не «истинный», не «современный»—проще и откровеннѣе говоря, просто не такой пролетаріатъ, на которомъ покоятся виды и разсчеты марксистовъ. Отмѣтимъ также, что «важная роль въ производствѣ», характеризуя, съ одной стороны, не всѣ виды пролетаріата, съ другой стороны, является признакомъ, общимъ для нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата съ непосредственными производителями — крестьянами. Современный капиталистическій порядокъ, съ его торговымъ, кредитнымъ и ростовщическимъ капиталомъ, съ его крупнымъ землевладѣніемъ и системой налоговъ тоже существеннымъ образомъ «покоится» на трудѣ крестьянъ, который эксплуатируется имъ различными прямыми и косвенными путями.

II. Важная роль «современнаго» пролетаріата въ производствѣ обусловливаетъ и другой признакъ, отличающій его отъ Lumpenproletariat'a. Первый вовсе не является въ такой степени «неимущимъ», какъ второй. Первый является «неимущимъ» лишь по отношенію къ *средствамъ производства*, что вовсе не предполагаетъ непремѣнно бѣдности средствами существованія, — она можетъ быть, можетъ и не быть. Второй—наоборотъ; онъ страдаетъ отъ недостатка средствъ потребленія, отъ хроническаго недоѣданія, и эти страданія стоятъ для него на первомъ планѣ, заслоняя отъ него совершенно вопросъ объ отсутствіи средствъ производства. «Современный наемный рабочій остается пролетаріемъ, пока онъ не владѣетъ условіями своего производства, хотя бы его положеніе, какъ потребителя, было вполнѣ удовлетворительно, хотя бы даже, какъ потребитель, онъ былъ имущимъ, т. е. былъ собственникомъ мебели, украшеній, даже домика для своего жилья». Его стремленіе улучшить свое положеніе «проистекаетъ не изъ

его бѣдности, а изъ противоположности между нимъ и владѣльцемъ его средствъ производства».

Къ этому пока мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Каутскій, въ иныхъ отношеніяхъ крайне строго намѣчающій границы, внѣ которыхъ человѣкъ уже не имѣетъ права на титулъ «современнаго пролетарія», здѣсь оказывается довольно снисходительнымъ. Наемный рабочій оказывается «пролетаріемъ» даже тогда, если онъ — домовладѣлецъ, предполагая лишь, что домъ служитъ ему не для полученія ренты путемъ отдачи его въ наемъ, а для собственнаго пользованія. Это все прекрасно, но вотъ рядъ вопросовъ, которые возникаютъ при этомъ. Ну, а если у рабочаго есть огородъ, тоже служащій для цѣлей потребленія его семьи,— останется ли онъ пролетаріемъ? Очевидно, да, ибо, какъ потребитель, — онъ можетъ быть «имущимъ». Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, разница между собственностью на домикъ и собственностью на огородъ? Но если онъ можетъ имѣть огородъ, — оставаясь при этомъ «современнымъ пролетаріемъ», то отчего бы, вмѣсто огорода, ему нельзя было имѣть клочка земли, засѣяннаго рожью— если, опять таки, эта рожь служитъ ему для собственнаго потребленія? Мы хотимъ этимъ сказать, что положеніе — «какъ потребитель, пролетарій можетъ быть въ то же время имущимъ» или достаточно растяжимо, чтобы включить въ себя и крестьянина,—собственно живущаго натуральнымъ хозяйствомъ,—или же страдаетъ съ самаго начала внутреннимъ противорѣчіемъ и потому цѣликомъ должно быть отвергнуто. Это соображеніе еще пригодится намъ ниже.

III. Третій пунктъ отличія «современнаго пролетаріата» отъ другихъ слоевъ «труждающагося и обремененнаго» народа состоитъ въ слѣдующемъ. «Пролетарій является работникомъ не на индивидуальныхъ, а на общественныхъ средствахъ производства, на средствахъ производства, сосредоточенныхъ въ такихъ размѣрахъ, что пользоваться ими, употреблять ихъ въ дѣло можетъ не рабочій-одиночка, а только цѣлое общество рабочихъ».

Здѣсь Каутскому можно было бы указать, что и самостоятельные, непосредственные производители, поскольку они объединяются на почвѣ различныхъ кооперацій и ассоціацій, также становятся «работниками на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства», слѣдовательно, данный признакъ не исключительно присущъ пролетаріату. Каутскій предвидитъ это указаніе и заранѣе старается предупредить его. «При господствѣ частной собственности на средства производства,—говоритъ онъ,—кооперативная собственность на нихъ никогда не можетъ сдѣлаться всеобщей формой собственности; и всѣ попытки въ этомъ направленіи, какъ скоро онѣ оказываются удачными, рано или

поздно принимаютъ буржуазно-капиталистическое направленіе». Это отголосокъ стараго взгляда на кооперативное движеніе, какъ на палліативъ, въ извѣстномъ отношеніи даже вредный: коопераціи улучшаютъ положеніе небольшихъ группъ рабочихъ, поднимаютъ ихъ надъ положеніемъ своего класса, вмѣсто того, чтобы повышать разомъ общій классовой уровень; чѣмъ удачнѣе такая попытка, чѣмъ выше поднялась данная группа надъ общимъ жизненнымъ уровнемъ своего класса, тѣмъ больше для нея опасности выродиться въ привилегированную группу, въ своего рода рабочую аристократію. Само собой понятно, что подобный аргументъ можетъ быть выставленъ и противъ всякой частичной стачки, противъ всякаго рода синдикатовъ и коалицій *). Смѣлое утвержденіе Каутскаго о какой-то внутренней неизбѣжности буржуазнаго вырожденія всякихъ кооперацій было бы, по крайней мѣрѣ, понятно въ концѣ многотомнаго фактическаго и статистическаго изслѣдованія реальной исторіи кооперативнаго движенія,— исторіи, пока еще не завершонной; исторіи, послѣднимъ шагомъ которой пока является замѣтное сближеніе между кооперацією и коллективизмомъ (бельгійское движеніе, многіе опыты во Франціи, въ родѣ извѣстнаго стекляннаго завода въ Альби, въ Швейцаріи, въ родѣ Бирсекскаго товарищества, etc.). Здѣсь же аргументировать столь смѣлыми догматическими и апріорными пророчествами, значитъ, доказывать одно сомнительное положеніе другимъ, еще болѣе сомнительнымъ, а это пріемъ, врядъ ли особенно научный.

Съ другой стороны, не только есть независимые, самостоятельные производители, работающіе на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства; есть и пролетаріи, работающіе на индивидуальныхъ, мелкихъ средствахъ производства, какъ, напр., почти всѣ пролетаріи художественной промышленности Франціи, работающіе въ мелкихъ ateliers. Всѣ они, по Каутскому, «не современны», не «настоящіе» пролетаріи! Но на «общественно-сосредоточенныхъ» средствахъ производства работаетъ и громадное большинство пролетаріевъ умственнаго труда.

IV. «Наконецъ,—говоритъ Каутскій,—есть еще четвертый характеристическій признакъ современнаго пролетаріата... это его отдѣленіе отъ домашняго обихода своего патрона. Наемные рабочіе прежнихъ временъ, по общему правилу, представляли изъ себя простой придатокъ домашняго обихода работодателя, они составляли принадлежность его семейства, его дома, не только какъ рабочіе, но и какъ люди; они и внѣ работы были ему подвластны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Современный наемный рабочій при-

*) Только проблематическая grève générale и свободна отъ такого упрека, но къ ней-то какъ разъ и относятся съ наибольшими сомнѣніями марксисты.

надлежитъ внѣ работы только себѣ самому. Онъ тѣмъ болѣе дѣлается свободнымъ человѣкомъ и противостоитъ внѣ работъ своему капиталисту, какъ равный равному, чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства и устраняетъ феодальныя переживанія».

Во-первыхъ, очевидно, что такимъ образомъ изъ состава «современнаго» пролетаріата исключается еще новый слой трудящихся: прислуга.

Во-вторыхъ, тѣмъ же самымъ исключается изъ рядовъ его и сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ дальше характеризуетъ сельскихъ батраковъ тотъ же самый Каутскій. «Положеніе наемнаго рабочаго въ земледѣліи... принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ городской индустріи. Въ деревнѣ наемный рабочій, совершенно неимѣющій собственности, и въ то же время имѣющій свой свободный домашній очагъ— исключительное явленіе». «Свободные» неимущіе поденщики «ближе всего походятъ на городскихъ пролетаріевъ, но въ то же время существенно отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, *что образуютъ придатокъ, составную часть чужого домашняго обихода*». Словомъ, четвертый отличительный признакъ, дающій право на званіе «современнаго пролетаріата», у земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ отсутствуетъ.

Итакъ, Каутскій нашелъ четыре признака, которые дѣлаютъ неимущихъ, трудящихся, эксплуатируемыхъ людей опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, опредѣленною историческою силою, съ вполнѣ опредѣленными интересами и столь же опредѣленнымъ соціальнымъ поведеніемъ.

Какъ было сказанно выше, для Каутскаго не та или другая степень благосостоянія объединяетъ людей въ классы, а положеніе въ производствѣ, положеніе, создаваемое для людей ихъ ролью въ хозяйственномъ механизмѣ страны. Современный капиталистическій строй, напримѣръ, вызвалъ къ жизни особый слой людей, составляющихъ трудовую основу капиталистическаго производства, занятыхъ на средствахъ производства, общественно-сосредоточенныхъ и не имъ принадлежащихъ, людей, внѣ работъ независимыхъ отъ своихъ нанимателей. Этотъ общественный слой и является современнымъ пролетаріатомъ, особымъ общественнымъ классомъ, альфой и омегой практическаго марксизма.

Нетрудно видѣть, что такимъ образомъ для Каутскаго только индустріальный, фабрично-заводскій наемный рабочій и является «настоящимъ» пролетаріемъ *).

*) Иначе смотрѣлъ на дѣло, напр., покойный Либкнехтъ—этотъ въ общемъ ортодоксальнѣйшій изъ марксистовъ старой школы. „Насъ—говоритъ онъ

Теперь понятно, какъ долженъ относиться Каутскій къ крестьянству. То приравниванье трудового крестьянства по его интересамъ къ пролетаріату, которое мы видѣли у Либкнехта и Фольмара, для Каутскаго, конечно, должно казаться грубо-ошибочнымъ. «У крестьянъ ни въ какомъ случаѣ нельзя найти всѣ эти четыре признака, характеризующихъ пролетаріатъ»—и это въ глазахъ Каутскаго безповоротно рѣшаетъ вопросъ. Крестьянство есть совершенно особый общественный классъ, съ особыми интересами, и объединять его въ одной рубрикѣ съ индустріальнымъ пролетаріатомъ, какъ «трудящійся» или «рабочій» народъ—неправильно.

Нельзя не признать, что этотъ выводъ сдѣланъ Каутскимъ совершенно логично. Изъ его предпосылокъ иныхъ заключеній нельзя было и сдѣлать. Достаточно было найти возможно болѣе узкое опредѣленіе понятія «пролетаріатъ», чтобы вырыть между нимъ и крестьянствомъ цѣлую бездну. И Каутскій дѣйствительно сдѣлалъ для этого все возможное. Его опредѣленіе «пролетаріата» настолько узко, что сквозь него, какъ сквозь игольныя уши, не не проходитъ ни современный Lumpenproletariat, ни прислуга, ни сельско-хозяйственный батракъ, ни ремесленный подмастерье, ни работникъ художественной промышленности, ни пролетарій интеллигентныхъ ремеслъ, ни рабочій въ системѣ «домашней промышленности».

Но, изгнавши изъ рядовъ пролетаріата такое множество самаго доподлиннаго рабочаго люда, добился ли, по крайней мѣрѣ, Каутскій своей основной цѣли? Получилъ ли онъ въ итогѣ массу, вполнѣ однородную, съ совершенно одинаковыми интересами и соціальной психологіей? Вотъ вопросъ. И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: нѣтъ! Каутскій, въ качествѣ яраго объективиста, искалъ непремѣнно внѣшнихъ, объективныхъ, формальныхъ признаковъ для характеристики класса. Но внѣшнее, формальное сходство слишкомъ часто бываетъ поверхностнымъ. Возьмемъ хотя бы управляющаго заводомъ или директора акціонерной компаніи. По Каутскому должно выходить, что это «настоящіе современные пролетаріи»... Въ самомъ дѣлѣ, 1) средствами производства они не владѣютъ, 2) въ производствѣ роль играютъ чрезвычайно важную, 3) работаютъ (трудъ управленія) общественно-сосредоточенными средствами производства, 4) внѣ производства свободны и равны нанимателю, не составляютъ простого придатка къ его

въ своей брошюрѣ: „Grund- und Bodenlage“—часто старались выставить защитниками исключительно *рабочихъ*, принимая слово рабочій въ узкомъ и тѣсномъ смыслѣ промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Но развѣ земледѣліе не такая же промышленность, какъ и другія? И не только *наемный* рабочій въ городѣ и деревнѣ есть рабочій, но каждый, кто живетъ не отъ эксплуатаціи чужого труда, слѣд., и крестьянинъ, и мелкій ремесленникъ...“

жизненному обиходу... Но вѣдь это же—скажете вы—заправскіе буржуи! Они получаютъ тысячное жалованье, купаются въ шампанскомъ! Нужды нѣтъ: «пролетаріи должны быть неимущими лишь по отношенію къ средствамъ производства, а не къ предметамъ потребленія»...

Вотъ результатъ увлеченія формальнымъ опредѣленіемъ. Оно одновременно и слишкомъ широко, и слишкомъ узко *).

Обратнаго рода операцію продѣлываетъ Каутскій съ крестьянствомъ. Здѣсь онъ не только не опредѣляетъ заранѣе, что онъ понимаетъ подъ крестьянствомъ, но, напротивъ того, умышленно оставляетъ это слово въ широкомъ и неопредѣленномъ значеніи, чтобы можно было потомъ втиснуть въ него самыя разнородныя соціологическія величины. По этому методу легко превратить въ противоположности два любыхъ родственныхъ понятія: стоитъ только одно взять въ самомъ широкомъ, а другое—въ самомъ узкомъ смыслѣ слова.

Но предоставимъ слово самому Каутскому. «У крестьянина никоимъ образомъ нельзя найти всѣхъ этихъ характерныхъ признаковъ. Указываютъ на ипотечнаго кредитора, который является-де фактически господиномъ, владѣльцемъ крестьянскаго имѣнія. Но на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ нему не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю. Благодаря своему ипотечному долгу, крестьянинъ *такъ же мало дѣлается пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ оттого, что ведетъ свое предпріятіе въ наемномъ помѣщеніи, вмѣсто собственнаго...* Крестьянинъ всегда остается владѣльцемъ средствъ производства: владѣльцемъ своихъ орудій, инструментовъ, скота, словомъ, своего хозяйственнаго инвентаря. Конечно, все это также можетъ быть отягощено долгами; однако онъ, тѣмъ не менѣе, все-таки выполняетъ функціи предпринимателя, а какъ таковой онъ остается *въ противорѣчіи* (курсивъ подлинника) *къ пролетаріату* (in einem *Gegensatz* zum Proletariat), *такъ же, какъ и фабрикантъ*, который только производство свое ведетъ *на заемный капиталъ*, которому тоже не принадлежатъ его средства производства, но который, однако,

*) Насколько проще и глубже опредѣленіе, данное самимъ Марксомъ въ I т. „Капитала"! Вотъ оно: „въ экономическомъ смыслѣ пролетаріями называются *наемные* рабочіе, которые производятъ „капиталъ" и увеличиваютъ его стоимость, и которыхъ онъ выбрасываетъ на улицу, когда они становятся излишними для округленія „господина капитала" (т. I, стр. 536). Здѣсь только два признака: одинъ формальный (наемные), другой—реальный (округленіе „господина капитала"). И въ то же время отсюда прямо явствуетъ правота Фольмара, для котораго крестьянинъ и пролетарій суть одинаковыя экономическія *сущности* при разницѣ *формъ проявленія*.

функціонируетъ, какъ индустріальный *капиталистъ* и въ качествѣ такового *враждебно противостоитъ пролетаріату*“ *).

Такъ аргументируетъ искусный діалектикъ — Каутскій. И, несомнѣнно, его аргументація имѣетъ всю внѣшнюю видимость правдоподобія. Скажу даже болѣе: съ чисто-формальной точки зрѣнія онъ совершенно правъ. Но извѣстны свойства этого рода правоты, правоты исключительно формальной. Именно про нее сказано, что summum jus—summa injuria. И мы поставимъ своей задачей доказать, что формальная правота Каутскаго есть величайшая неправота, величайшій грѣхъ, величайшее насиліе надъ цѣлымъ рядомъ неоспоримѣйшихъ истинъ политической экономіи. Именно этимъ мѣстомъ Каутскій, правовѣрнѣйшій и умнѣйшій изъ современныхъ правовѣрныхъ нѣмецкихъ марксистовъ, показываетъ или полное неумѣнье, или полное нежеланіе понять относящіяся сюда положенія своего великаго учителя, Карла Маркса. Говорю это смѣло, потому что чувствую подъ собою твердую почву: тѣ мѣста изъ Маркса, которыя я приведу, не оставляютъ ничего желать въ смыслѣ ясности и не допускаютъ никакихъ перетолкованій.

Раскроемъ третій томъ «Капитала», въ которомъ заключается все ученіе Маркса о кредитѣ. Посмотримъ, можно-ли, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія теоріи Маркса, ставить, какъ это дѣлаетъ Каутскій, знакъ равенства между отношеніемъ крестьянина къ своему ипотечному кредитору-ростовщику и отношеніемъ фабриканта къ своему банкиру.

Какая разница между *кредитомъ и ростовщичествомъ?* вотъ вопросъ, которымъ, между прочимъ, задается Марксъ въ 36 главѣ III-го тома. Существующіе отвѣты на этотъ вопросъ онъ считаетъ неудовлетворительными. Онъ не признаетъ, чтобы это различіе было только количественнымъ и цѣликомъ сводилось на ту или иную высоту взимаемаго $^0/_0$. Въ самомъ дѣлѣ, если я на занятый капиталъ получаю 100$^0/_0$ прибыли, и если я владѣльцу занятаго капитала отдаю половину или даже треть, то врядъ ли его по отношенію ко мнѣ можно назвать ростовщикомъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ тѣ же 30 или 50$^0/_0$ на занятый капиталъ были бы самымъ жестокимъ ростовщичествомъ. Высота общаго $^0/_0$, какъ и высота $^0/_0$ ростовщическаго, измѣняется подъ вліяніемъ особыхъ экономическихъ законовъ, и по одному этому непосредственнаго, рѣшающаго значенія не имѣетъ. Различіе между обоими способами употребленія капитала чисто принципіальное, оно лежитъ въ существѣ этихъ обоихъ способовъ. «Newmann,—говоритъ

*) „Die Agrarfrage“, S. 307—308. Курсивъ вездѣ нашъ, кромѣ мѣста, которое оговорено въ текстѣ.

Марксъ,—выражаетъ это въ нелѣпой формѣ, когда говоритъ, что банкиръ пользуется уваженіемъ, между тѣмъ какъ на ростовщика смотрятъ съ ненавистью и презрѣніемъ, вслѣдствіе того, что одинъ даетъ ссуду богатымъ, а другой — бѣднымъ... Онъ не замѣчаетъ, что между тѣмъ и другимъ *лежитъ различіе двухъ общественныхъ способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ укладовъ*» *). Какъ мы видѣли, еще менѣе замѣчаетъ это Каутскій.

Въ чемъ же дѣло? Да въ самомъ назначеніи кредита, въ самомъ смыслѣ этой операціи для заемщика. Когда капиталистъ занимаетъ деньги, онъ употребляетъ ихъ, какъ капиталъ, какъ самовозрастающую стоимость. Занятыя деньги, затрачиваемыя имъ въ производство, даютъ ему возможность купить на рынкѣ особаго рода товаръ—рабочую силу,—имѣющій свойство доставлять прибавочную стоимость. Кредитъ, такимъ образомъ, *обогащаетъ* заемщика. То, что онъ уплачиваетъ своему кредитору въ видѣ $^0/_0$ на капиталъ, есть лишь часть *прибавочной стоимости*, доставшейся ему, благодаря своеобразной «производительной силѣ» занятаго капитала. Такимъ образомъ, заемъ здѣсь оказался сдѣлкой, въ которой выигрываютъ обѣ стороны—и заимодавецъ, и заемщикъ—на счетъ третьей. Немудрено, что идеологическіе представители современнаго хозяйственнаго строя не устаютъ пѣть хвалы кредиту, и, «вмѣсто того, чтобы предавать анаѳемѣ капиталъ, приносящій проценты вообще», «поставили, напротивъ того, положительное признаніе его своей исходной точкой». Ростовщичество же до сихъ поръ возбуждаетъ всеобщее порицаніе.

И, однако, «капиталъ, приносящій проценты, поскольку онъ составляетъ существенный элементъ капиталистическаго способа производства, ни въ какомъ случаѣ не отличается ни сущностью, ни характеромъ отъ ростовщическаго капитала (Это и есть то формальное тождество, которое соблазнило К. Каутскаго. *В. Ч.*). Отличны только измѣненныя условія, при которыхъ ему приходится дѣйствовать, а потому также *совершенно преобразовывается и заемщикъ*, который противополагается заимодавцу» **).

Когда занимаетъ деньги непосредственный производитель, живущій собственнымъ трудомъ, характеръ отношенія между нимъ и заемщикомъ существенно мѣняется, какова бы ни была величина процента. Это уже не сдѣлка, въ которой выигрываютъ обѣ стороны. Занимаемыя деньги не даютъ заемщику дарового фонда для уплаты $^0/_0$. Деньги сами по себѣ, по своей вещественной природѣ, не способны рождать новыя деньги. Платежъ процентовъ

*) „Капиталъ“, т. Ш, стр. 490.
** Ibid., стр. 494.

заемщикомъ здѣсь знаменуетъ только то, что въ карманъ заимодавца перекочевало изъ кармана заемщика въ видѣ денегъ известная часть «кристаллизованнаго труда», и перекочевала безъ всякаго соотвѣтственнаго эквивалента, — т. е. по существу точно такимъ же образомъ, какъ перекочевываетъ въ карманѣ промышленнаго капиталиста безъ соотвѣтственнаго эквивалента прибавочная стоимость, неоплаченный трудъ наемнаго работника. И это при всякомъ, хотя бы самомъ низкомъ размѣрѣ %. Съ ростомъ % мѣняется не сущность, а лишь размѣры, лишь интенсивность процесса, который по существу совершенно аналогиченъ процессу чисто-капиталистической эксплуатаціи. «Подъ видомъ % ростовщикъ можетъ при этомъ поглотить всякій избытокъ сверхъ необходимѣйшихъ средствъ существованія производителя... ростовщикъ, недовольный еще тѣмъ, что выжимаетъ прибавочный трудъ своей жертвы, мало-по-малу пріобѣтаетъ право собственности на самыя условія труда крестьянина, на его землю, домъ и пр. и постоянно занятъ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ экспропріировать его» *).

И вотъ, къ этой-то несчастной, разоряемой и эксплуатируемой жертвѣ ростовщичества подходитъ Каутскій, смотритъ на нее сквозь очки своего доктринерскаго формализма и хладнокровно заявляетъ: «онъ такъ же мало дѣлается, благодаря этому, пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ, оттого, что ведетъ свое предпріятіе на заемный капиталъ»... Если бы это не объяснялось доктринерствомъ, которое способно ослѣплять самыхъ лучшихъ людей, то это было бы свидѣтельствомъ по истинѣ изумительной нравственной черствости. Сравненіе этой гибнущей въ сѣтяхъ ростовщическаго капитала жертвы съ фабрикантомъ (!) мыслимо только, какъ увлеченіе оторвавшагося отъ жизни кабинетнаго мыслителя, или какъ издѣвательство надъ человѣческими страданіями.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что Каутскій говорилъ не о ростовщичествѣ, а *просто* объ ипотечной задолженности. На это мы отвѣтимъ словами Маркса: «капиталъ, приносящій %, *сохраняетъ форму ростовщическаго* капитала по отношенію къ лицамъ и классамъ, или въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ займы совершаются и могутъ совершаться *не въ смыслѣ капиталистическаго способа производства*; когда занимаютъ на личныя потребности... или когда производитель *не есть производитель капиталистическій*, а *мелкій крестьянинъ*, ремесленникъ и пр., т. е. пока непосредственный производитель остается еще владѣльцемъ условій своего производства» **).

*) „Капиталъ", т. III, стр. 490.
**) Ibid., стр. 494.

Таково чисто принципіальное различіе между капиталистическимъ и не капиталистическимъ кредитомъ, т. е. ростовщичествомъ (въ томъ глубокомъ, научномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ его употребляетъ Марксъ). Капиталистическій кредитъ служитъ могучимъ орудіемъ промышленнаго процвѣтанія. Онъ сосредоточиваетъ капиталы, не дастъ имъ праздно лежать, переводитъ ихъ изъ рукъ неумѣлыхъ и праздныхъ въ дѣятельныя и предпріимчивыя; онъ удваиваетъ, утраиваетъ и т. д. производительныя силы общества, увеличиваетъ спросъ на трудъ со всѣми вытекающими отсюда благопріятными для рабочаго послѣдствіями. Что же касается не капиталистическаго, ростовщическаго кредита *) и кредитнаго капитала, то онъ «обладаетъ способомъ эксплуатаціи капитала, не обладая его способомъ производства» **). «Ростовщическій капиталъ, въ такой формѣ, когда онъ фактически присваиваетъ весь прибавочный трудъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа производства... приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, *ослабляетъ* производительныя силы, вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы труда *не развиваются* насчетъ самого рабочаго, какъ при капиталистическомъ способѣ производства» ***). Онъ «способа производства не измѣняетъ, но, какъ паразитъ, присасывается къ нему и приводитъ его въ бѣдственное состояніе... высасываетъ его, лишаетъ его живучести, и принуждаетъ воспроизводство совершаться при все болѣе и болѣе ухудшающихся условіяхъ» ****). Словомъ, и по существу сдѣлки, по ея хозяйственному смыслу для контрагентовъ, и по историческому своему значенію кредитъ капиталистическій и кредитъ не капиталистическій представляютъ чуть-чуть не прямыя противоположности *****). Такова теорія Маркса. И Каутскій, ставящій себѣ въ честь свою «ортодоксальность», не знаетъ или ничего не хочетъ знать объ этой противоположности!

Марксъ характеризуетъ отношеніе крестьянина къ своему кредитору такъ, что послѣдній «фактически присваиваетъ прибавоч-

---

*) А не капиталистическій кредитъ не будетъ ростовщичествомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ организованъ цѣлесообразно самимъ обществомъ, или какъ безпроцентный, или при процентѣ, лишь покрывающемъ необходимые расходы по организаціи доставленія кредита, т. е. безъ всякой прибыли.

**) „Кап.“, III, стр. 492.

***) Ibid., стр. 490—491.

****) Ibid., стр. 491.

*****) Этимъ и объясняется, почему % въ старыя времена пользовался такимъ общимъ осужденіемъ. Наши прадѣды не знали капиталистическаго кредита, и для нихъ кредитъ и ростовщичество были величины, другъ друга взаимно покрывавшія. Одно время % былъ запрещенъ церковью.

ный трудъ (а иногда даже весь прибавочный трудъ) непосредственнаго производителя». А Каутскій рѣшается утверждать, что онъ, на худой конецъ, стоитъ къ нему «не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю». Для Маркса крестьянинъ есть эксплуатируемый трудящійся, жертва заимодавца, а для Каутскаго онъ «выполняетъ функцію предпринимателя и, какъ таковой, стоитъ въ противорѣчіи къ пролетаріату, такъ же, какъ и фабрикантъ»... Болѣе вопіющее противорѣчіе было бы трудно придумать даже нарочно.

Все, что сказано относительно капиталистическаго и не капиталистическаго кредита, примѣнимо также къ капиталистической и не капиталистической арендѣ. То, что отдаетъ арендаторъ-капиталистъ землевладѣльцу, есть особая экономическая категорія—рента, источникомъ которой—какъ и источникомъ процента на ссужаемый капиталъ *)—въ послѣднемъ счетѣ является прибавочная стоимость. Рента,—говоритъ Марксъ въ «Misère de la Philosophie»,—«ставитъ передъ земледѣльцемъ... промышленнаго капиталиста, извлекающаго изъ земли доходъ посредствомъ труда наемныхъ рабочихъ и отдающаго землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, *лишь излишекъ* надъ издержками производства, *включая въ нихъ и прибыль на капиталъ*». Иное дѣло при не капиталистической арендѣ мелкаго крестьянина. «То, что онъ платитъ въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ часть его прибыли, т. е. часть его собственнаго прибавочнаго труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной рабочей платы, которую бы онъ получилъ при другихъ условіяхъ за такое же количество труда» **). А въ Misère Марксъ даже говоритъ еще прямѣе, что въ этомъ случаѣ «доходъ землевладѣльца берется изъ заработной платы».

Для Каутскаго этотъ крестьянинъ, конечно, всетаки равенъ фабриканту, который только ведетъ производство въ нанятомъ помѣщеніи, вмѣсто собственнаго!

Всѣ эти различія сводятся къ одному. Тогда какъ Каутскій пользуется общимъ и неопредѣленнымъ терминомъ «Unternehmer» (предприниматель), чтобы сдѣлать рядъ невыгодныхъ для крестьянина сравненій («als Fabricant», «als Kapitalist») Марксъ съ от-

*) Земля есть тоже капиталъ, поэтому рента до нѣкоторой степени аналогична проценту. Аренду можно разсматривать, какъ ссуду капитала-земли. Но такъ какъ земля есть капиталъ особаго рода (прежде всего, не увеличиваемый по произволу), то и движеніемъ ренты управляютъ законы, особые отъ движенія процента.

**) Кап., III, стр. 516.

личающей его всегда глубиной замѣчаетъ, что «мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства, и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, *вовсе не составляютъ капитала*» *). Поэтому, говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, въ рукахъ мелкихъ крестьянъ земля «ein reines Productionsinstrument», и «эксплуатація крестьянъ только по своей *формѣ* отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ. Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же—капиталъ».

Отсюда ясно, кто въ данномъ пунктѣ—въ спорѣ о соціологическомъ мѣстѣ крестьянства—болѣе «марксистъ» (въ настоящемъ, а не въ ироническомъ смыслѣ этого слова)—еретикъ ли Фольмаръ, или правовѣрнѣйшій изъ правовѣрныхъ Каутскій...

Раздѣлавшись такъ неудачно съ первымъ пунктомъ, характернымъ для пролетаріата и противополагающимъ ему крестьянство, Каутскій поочередно перебираетъ другіе: важную роль въ производствѣ, отдѣльность жизненнаго обихода работника отъ производства, въ которомъ онъ занятъ, наконецъ, работу на общественно-сосредоточенныхъ, а не разрозненныхъ, индивидуальныхъ средствахъ производства. Мы уже видѣли, что эти признаки или характерны не для всѣхъ видовъ пролетаріата (понимая подъ пролетаріями людей, живущихъ продажей своего труда, какъ товара, владѣльцамъ капитала), или же при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказаться приложимыми и къ крестьянину.

Всѣ эти соображенія рѣшаютъ a priori для Каутскаго вопросъ о крестьянинѣ и пролетаріи въ томъ смыслѣ, что, какъ категоріи хозяйственнаго строя, они не только различны, но и во многихъ отношеніяхъ противоположны. Отсюда вытекаетъ, что соотвѣтственное различіе и противорѣчіе должно существовать и въ *интересахъ* крестьянина, съ одной стороны, пролетарія—съ другой. Каутскій ищетъ далѣе апостеріорнаго подтвержденія этому положенію, спѣшитъ провѣрить свою дедукцію индукціей. За доказательствомъ вѣрности своего положенія Каутскому не приходится идти далеко: «всего рѣзче эта противоположность интересовъ должна выражаться среди крестьянъ у тѣхъ, которые употребляютъ обычно наемныхъ рабочихъ, т. е. у крупныхъ крестьянъ» **).

Здѣсь мы видимъ новый образецъ чисто-адвокатскаго способа аргументаціи Каутскаго. Пока онъ оперировалъ съ понятіемъ «пролетаріата», онъ старался вложить въ него вполнѣ опредѣленное, строго отграниченное отъ сопредѣльныхъ понятій содержа-

*) „Кап.". I, 616.
**) „Die Agrarfrage", S. 308.

ніе; настолько отграниченное, что множество видовъ пролетаріата, осталось за порогомъ, по изреченію: «много званныхъ, но мало избранныхъ». Напротивъ, говоря о крестьянствѣ, онъ не позаботился ни о чемъ подобномъ.

Спрашивается, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Каутскій слово «крестьянство»? Есть только два точно опредѣленныхъ, ясныхъ для науки смысла. Крестьянство можно разсматривать какъ *сословіе*, какъ категорію юридическаго строя, и какъ *классъ*, какъ категорію хозяйственнаго строя. «Bauernklasse»—этотъ терминъ *Марксъ неоднократно* прилагаетъ *) какъ разъ къ тѣмъ самымъ крестьянамъ, для которыхъ земля «ein reines Productionsinstrument», которымъ Фольмаръ даетъ названіе «Selbstwirtehschafter», т. е. непосредственный производитель-земледѣлецъ. Его хозяйственный обликъ нашъ крестьянинъ-поэтъ Кольцовъ обрисовалъ замѣчательно образно и мѣтко, заставивъ его говорить, обращаясь къ своей сохѣ и сивкѣ: «я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ». Онъ именно «слуга и хозяинъ» своихъ орудій производства.

Спрашивается: какое же изъ этихъ двухъ понятій соединяетъ Каутскій со словами «крестьянство», «крестьянинъ»? Беретъ ли онъ его въ качествѣ сословія? Но это было бы болѣе чѣмъ странно. Въ сословномъ смыслѣ крестьяниномъ можетъ быть и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и мелкій торговецъ, и кабатчикъ, и крупный землевладѣлецъ, и фабричный рабочій, и кучеръ, и швейцаръ, и студентъ, и докторъ философіи, и еще, ужъ я не знаю кто. Но вѣдь Каутскій пишетъ не юридическій трактатъ, а политико-экономическій. А съ экономической стороны «крестьянское сословіе» такой сложный конгломератъ, что о немъ, какъ цѣломъ, говорить вовсе не приходится: какъ таковое, оно есть объектъ права, а не политической экономіи. Очевидно, что говорить о хозяйственныхъ интересахъ такого, съ экономической точки зрѣнія, винигрета (sit venia verbo) вовсе не приходится, и сравнивать его съ пролетаріатомъ—категоріей экономической—просто немыслимо. Сравниваютъ только величины однородныя. Аршины нельзя сравнивать съ пудами.

Такъ, можетъ быть, Каутскій говоритъ о крестьянствѣ во второмъ, экономическомъ смыслѣ? Опять таки нѣтъ, ибо онъ къ крестьянамъ относитъ Grossbauer'овъ, а ихъ соціологическое мѣсто, несомнѣнно, не рядомъ съ тѣми, для кого земля «ein reines Productionsinstrument», а въ рядахъ сельско-хозяйственной буржуазіи. Въ экономическомъ смыслѣ все равно, изъ дворянъ ли, изъ мѣщанъ, изъ купцовъ, изъ духовныхъ или крестьянъ данный

*) См. «Achtzente Brumaire», стр. 21 и др.

землевладѣлецъ. Разъ онъ съ земелькой «ведетъ коммерцію»—онъ относится къ буржуазіи, хотя бы родомъ онъ былъ раскрестьянинъ. И наоборотъ, въ классъ самостоятельныхъ производителей-крестьянъ попадутъ и подгородные мѣщане, занимающіеся «въ потѣ лица своего» хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, и малоземельные «однодворцы», и надѣленные землей отставные солдаты или духовные, и даже увлекающіеся толстовствомъ «земледѣльцы изъ образованнаго класса»...

Въ какомъ же, наконецъ, смыслѣ говоритъ о «крестьянахъ» Каутскій? Да неизвѣстно въ какомъ... Или, лучше сказать, онъ беретъ это слово просто въ его *уличномъ*, вульгарномъ и до безконечности неопредѣленномъ и растяжимомъ значеніи. Это даетъ ему возможность въ первый рядъ среди крестьянства поставить «*вышедшихъ* изъ крестьянъ» буржуйчиковъ и тѣмъ доказать наличность «классового противорѣчія» крестьянъ съ пролетаріатомъ. Это, конечно, удобный и легкій способъ аргументаціи; вопросъ другой, насколько *научент* этотъ способъ. Что сказали бы вы о томъ философѣ или психологѣ, который, взявшись разсуждать объ отношеніи между душой и тѣломъ, взялъ бы оба эти термина или одинъ изъ нихъ въ ходячемъ, вульгарномъ смыслѣ, согласно которому, напримѣръ, чувство голода относится къ «тѣлу», и только горнія мечты «къ духу»? Вы, вѣроятно, сказали бы, что это—вульгарная психологія, вульгарная философія. Такъ вотъ и Каутскій, стремясь найти доказательство искомой «противоположности интересовъ», попадаетъ одной ногой въ область вульгарной экономіи, вульгарнаго марксизма...

Нѣтъ ничего легче, какъ на подобный аргументъ отвѣтить подобнымъ же, даже еще болѣе сильнымъ аргументомъ. Статистика показываетъ, что порядочная доля ипотечныхъ долговъ на крестьянскихъ земляхъ сосредоточена въ рукахъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, въ которыя помѣщаютъ свои сбереженія рабочіе. Такимъ образомъ, источникомъ процента, получаемаго рабочимъ на свою книжечку, въ послѣдней инстанціи является неоплаченный трудъ крестьянина, этого «предпринимателя», яко бы функціонирующаго «als Fabrikant»... Роли перемѣняются, эксплуатируемые превращаются въ эксплуататоровъ и обратно...

Но послушаемъ Каутскаго далѣе. Онъ и помимо гроссбауеровъ находитъ свидѣтельство противорѣчивости интересовъ крестьянъ и пролетаріевъ. Возьмемъ, говоритъ онъ, среднихъ крестьянъ, въ общемъ не употребляющихъ наемнаго труда, живущихъ «трудами рукъ своихъ», но производящихъ свои продукты для рынка. «Здѣсь пропадаетъ противорѣчіе эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; но остается и здѣсь еще то противорѣчіе, которое существуетъ между наемными рабочими и всѣми производителями

средствъ существованія для рынка: противорѣчіе между продавцами и покупателями» *).

Новая противоположность интересовъ! О, да, конечно, всякій продавецъ всегда хочетъ взять за свой товаръ дороже, а покупатель—купить его дешевле. Этого противорѣчія никто отрицать не будетъ. Но не надо забывать и того, что *такое* противорѣчіе проникаетъ собой все современное общество. Всѣ его члены—даже члены одного и того же класса капиталистовъ и торговцевъ—является по отношенію другъ къ другу попеременно то покупателями, то продавцами. И если бы это противорѣчіе необходимо вело къ соціальному расколу, къ расколу на отдѣльные классы, то классовъ явилось бы болѣе, чѣмъ отраслей производства и торговли... Я, конечно, не отрицаю, что классъ есть понятіе относительное, что между нѣкоторыми отдѣльными отраслями капиталистическаго производства есть даже кое-какія очень серьезныя столкновенія интересовъ. Я говорю только, что это не является еще рѣшающимъ факторомъ. Противорѣчіе интересовъ между продавцомъ и покупателемъ не только допускаетъ вообще соглашеніе; оно нисколько не мѣшаетъ тому и другому быть въ предѣлахъ одного и того же общественнаго класса. Если ужъ на то пошло, такъ противорѣчіе интересовъ, существующее между продавцами одного и того же товара будетъ, пожалуй, посущественнѣе противоположности покупателей - продавцовъ. Продавцы одного и того же товара—конкурренты, а въ конкурренціи—homo homini lupus. Рабочіе—также продавцы нѣкотораго товара—труда, и также конкуррируютъ между собою. Это не мѣшаетъ (т. е., конечно, мѣшаетъ, но не настолько, чтобы вліять рѣшающимъ образомъ) ихъ единству и классовой солидарности. Далѣе, и между отдѣльными слоями рабочаго класса тоже существуютъ немалые диссонансы. Ими особенно богата исторія англійскаго узкаго стараго трэдъ-юніонизма. Да и одного ли англійскаго! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ въ своей исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія Мерингъ, являющійся вмѣстѣ со своимъ другомъ Каутскимъ однимъ изъ наиболѣе «правовѣрныхъ»: ростъ профессіональныхъ организацій рабочихъ въ металлургической промышленности долгое время шелъ туго, «частью оттого, что они организовались безъ достаточнаго обособленія отраслей, вслѣдствіе чего столкнулись очень различные, даже противоположные интересы» (Geschichte etc., S. 325). Принципъ объединенія долженъ бороться съ многочисленными разъединяющими вліяніями. Но противорѣчіе интересовъ при болѣе узкомъ ихъ пониманіи превращается въ *солидарность* при взглядѣ болѣе широкомъ, ра-

*) „Die Agrarfrage", S. 308.

зумномъ и сознательномъ. Такова оборотная сторона медали въ вопросѣ о конкурренціи рабочихъ изъ-за платы.

Такая же оборотная сторона есть и въ отношеніяхъ между крестьянами и пролетаріями, какъ покупателями и продавцами; и Каутскій про эту оборотную сторону знаетъ. «Рабочій классъ—главный потребитель сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; чѣмъ выше заработная плата рабочаго, тѣмъ больше его покупательная сила, тѣмъ сильнѣе спросъ на продукты крестьянскаго хозяйства, тѣмъ благопріятнѣе условія ихъ сбыта. Слѣдовательно, крестьянинъ заинтересованъ въ благосостояніи рабочаго».

Съ обычной своей діалектической ловкостью Каутскій полемизируетъ противъ этого взгляда. Конечно, говоритъ онъ, общество есть сложный организмъ, и въ немъ нельзя тронуть ни одной части, чтобы это не отозвалось косвенно на другихъ. Но если выводить отсюда солидарность крестьянъ и пролетаріевъ, то, будучи послѣдовательнымъ, придешь къ самой вульгарной теоріи всеобщей гармоніи интересовъ. Такъ вѣдь, можно сказать, что и капиталисты должны повышать заработную плату своихъ рабочихъ, потому что это—лучшее средство расширить внутренній рынокъ. А съ другой стороны, можно сказать, что рабочіе заинтересованы въ высотѣ прибыли капиталистовъ—чѣмъ выше прибыль, тѣмъ сильнѣе накопленіе капитала, тѣмъ больше спросъ на рабочія руки, а стало быть, тѣмъ выше заработная плата, etc., etc. «То, что опредѣляетъ взаимныя отношенія различныхъ классовъ и благодаря чему эволюціонируетъ капиталистическое общество,—это вовсе не косвенная отдаленная гармонія ихъ интересовъ, или по крайней мѣрѣ, лишь въ малой мѣрѣ она; въ первой линіи это—непосредственныя противорѣчія ихъ классовыхъ интересовъ» *).

Чѣмъ непосредственнѣе единство или противорѣчіе интересовъ, тѣмъ, конечно, легче оно сознается; и, наоборотъ, чѣмъ болѣе оно является косвеннымъ и отдаленнымъ, тѣмъ труднѣе его разглядѣть. Это истина несомнѣнная. Но только это и вѣрно въ приведенной аргументаціи Каутскаго.

И прежде всего онъ поторопился, уподобивъ идею о выгодности для крестьянъ высокой заработной платы городскихъ рабочихъ доказательствомъ полезности для капиталистовъ возвышать заработную плату для расширенія рынка сбыта собственныхъ продуктовъ. Каутскій просмотрѣлъ маленькую разницу, которая опрокидываетъ все его сравненіе. Чтобы расширить сбытъ своихъ продуктовъ указаннымъ путемъ, фабрикантъ долженъ сначала *изъ собственнаго кармана* выложить всю лишнюю сумму,

*) „Die Agrarfrage", S. 309.

на которую возрастетъ потомъ его рынокъ. Такая операція хуже переливанія изъ пустого въ порожнее. Лучше же онъ самъ на эту сумму купитъ у себя соотвѣтственное количество продукта. Нечего говорить, что въ отношенія между крестьянами и городскими рабочими не вкрадывается никакихъ подобныхъ препятствій.

Нѣтъ сомнѣнія, если бы капиталистъ могъ улучшать положеніе своихъ рабочихъ деньгами, падающими съ неба, а не таскаемыми изъ собственнаго кармана, онъ ни на минуту не задумался бы сдѣлаться филантропомъ, а кстати этимъ способомъ увеличить и покупательную силу внутренняго рынка. Такъ, напр., въ Англіи промышленная буржуазія не упускала случая взять подъ покровительство закона сельско-хозяйственныхъ рабочихъ противъ землевладѣльцевъ; а послѣдніе въ отместку оказывались столь же ярыми демократами по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ. Точно такъ же и фабричные рабочіе ничего не имѣютъ противъ повышенія капиталистической прибыли, если оно идетъ не на ихъ счетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе цвѣтущи дѣла фабрики, тѣмъ легче добиться уступокъ и рабочимъ. Въ наиболѣе богатыхъ капиталистическихъ странахъ и положеніе рабочихъ сравнительно легче, и шансы успѣшности ихъ экономической борьбы больше *). Неудивительно поэтому, что среди значительной части англійскихъ рабочихъ долгое время имѣлъ успѣхъ даже имперіализмъ. Англійской промышленности нужны рынки, нужна агрессивная политика для ихъ захвата, а съ положеніемъ этой промышленности на всемірномъ рынкѣ тѣсно связано и благосостояніе англійскаго рабочаго. И вотъ результаты изъ хроники только что закончившихся англійскихъ парламентскихъ выборовъ. «Если Шотландія, Ирландія и большинство сельскихъ центровъ продолжаютъ голосовать противъ министерства, за то м-ръ Чемберленъ, видимо, имѣетъ за себя значительное большинство во всѣхъ большихъ городахъ» пишетъ одна французская газета («La Petite République», 7 oct. 1900). А вотъ еще маленькая частная иллюстрація изъ той же газеты: «Имперіалисты побѣдили въ Шеффильдѣ, гдѣ либеральный депутатъ, рабочій Маддисонъ, побитъ довольно сильнымъ большинствомъ... «Daily Chronicle» приписываетъ этотъ результатъ тому факту, что городъ Шеффильдъ, гдѣ фабрикуются въ громадномъ количествѣ стальныя издѣлія, сильно заинтересованъ въ производствѣ военныхъ снарядовъ и орудій, откуда и джингоизмъ его обитателей» (Ib. 6 oct. 1900). Какъ видите, и рабочіе, хотя и не являются непосредственно поставщиками товаровъ на рынокъ, однако порою даже очень чувствуютъ

*) Ср. что говоритъ по этому поводу Зомбартъ „Soziale Bewegung des XIX Jahrh", S. 30.

себя заинтересованными въ большомъ спросѣ и хорошихъ цѣнахъ на продукты того производства, въ которомъ они заняты... Этотъ случай съ Шеффильдомъ напоминаетъ мнѣ другой аналогичный случай, о которомъ Каутскій самъ разсказываетъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ «Die Klassengegensätze von 1789». Онъ отмѣчаетъ слѣдующую странность: вмѣстѣ съ отсталой, некультурной Вандеей, центромъ клерикальной и легитимистской реакціи очень долго, почти во все время великой французской революціи былъ самый крупный индустріальный центръ Франціи—Ліонъ. Ларчикъ просто открывался. Ліонъ былъ центромъ шелковой промышленности, шитья золотомъ и т. д., и вынужденная эмиграція феодальнаго дворянства сильно ударила его по карману... И кромѣ Ліона, продолжаетъ Каутскій, значительное число фабрикантовъ и торговцевъ (главнымъ образомъ, предметами роскоши) тяготѣли къ знати, которая была потребителемъ ихъ продуктовъ. Отсюда и привязанность этой части буржуазіи къ старому порядку. Таковы факты, сообщаемые Каутскимъ-историкомъ. А Каутскій-догматикъ, наперекоръ ему, конструируетъ «непосредственное классовое противорѣчіе» между продавцами и покупателями...

Въ чемъ, однако, конкретномъ можетъ выразиться противорѣчіе между покупателями-рабочими и продавцами-крестьянами? Да, конечно, въ томъ, что крестьяне могутъ желать и требовать искусственнаго повышенія цѣнъ на свои продукты путемъ возвышенія покровительственныхъ пошлинъ, путемъ привилегіи насчетъ потребителей. Всмотримся поближе въ этотъ послѣдній теоретическій козырь Каутскаго.

Прежде всего, отмѣтимъ слѣдующее. О покровительственныхъ пошлинахъ можетъ быть рѣчь лишь въ странахъ не вывозящихъ, а ввозящихъ хлѣбъ—слѣд., странахъ, гдѣ собственное сельскохозяйственное производство отошло на второй планъ и не можетъ удовлетворять потребностямъ всего населенія страны. Слѣдовательно, пресловутое «противорѣчіе», прежде всего, замкнуто въ сравнительно узкихъ, мѣстныхъ границахъ и всеобщаго характера не имѣетъ. Мало того. Какъ разъ для тѣхъ странъ, гдѣ земледѣліе, а слѣд., и крестьянство имѣютъ *наибольшее значеніе*,— аргументъ Каутскаго не имѣетъ *никакого значенія*. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, никто иной, какъ самъ Каутскій въ томъ же своемъ «Аграрномъ вопросѣ» превосходно освѣтилъ интересный и важный вопросъ: кому, собственно говоря, выгодны ввозныя пошлины на продукты сельскаго хозяйства? Онъ категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что «еще до сихъ поръ *сельскому хозяйству* покровительственныя пошлины ни разу не помогли... если бы даже и была возможной энергичная, дѣйственная поли-

тика въ духѣ аграрнаго протекціонизма, ея результаты послужили бы поощреніемъ не *сельскаго хозяйства*, а лишь *землевладѣнія*, т. е. возвысились бы цѣны на землю, благодаря поддержанію на высокомъ уровнѣ земельной ренты... это только продолжило бы отягощеніе сельскаго хозяйства» *). Настоящее, трудовое западно-европейское крестьянство (но не выдѣлившаяся или выдѣляющаяся изъ него буржуазія) чувствуетъ всегда одну, самую настоятельную потребность, общую для него съ его восточными собратьями: «землицы-бы»... Недаромъ иные новѣйшіе политико-экономы разсматриваютъ даже вопросъ о цѣнѣ земли, какъ частное проявленіе, своеобразную, превращенную форму вопроса о безработицѣ. Земля для крестьянъ и сельскихъ рабочихъ, особенно въ густо населенныхъ странахъ, есть просто средство обезпеченія себѣ заработка и средствъ существованія. Гумпловичъ называетъ сельскаго пролетарія, занятаго лишь часть года и потому вынужденнаго или уходить за болѣе постояннымъ заработкомъ въ городъ, или обзавестись хоть маленькимъ, да собственнымъ хозяйствомъ —«Bauern-Axolotl», или, въ вольномъ переводѣ, личинка крестьянина. Усиленный спросъ на землю повышаетъ арендную и покупную стоимость земли далеко надъ уровнемъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, надъ уровнемъ нормальной капитализированной ренты, поглощаетъ громадную долю дохода, въ томъ числѣ не только ту часть, которая соотвѣтствуетъ «прибыли», но даже нерѣдко вычеты ихъ нормальной заработной платы. Аграрный протекціонизмъ, согласно марксовской теоріи ренты, разумѣется, долженъ вести къ новому росту послѣдней, новому, тягчайшему для крестьянъ росту арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Это будетъ поважнѣе, чѣмъ болѣе высокая рыночная цѣна на продукты сельскаго хозяйства. Не надо забывать, что громадная часть тѣхъ крестьянъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, производитъ, главнымъ образомъ, не для рынка, а для собственнаго потребленія. Это не то, что крупный сельскій хозяинъ, у котораго потребленіе своихъ продуктовъ in natura начинаетъ приближаться, по своему хозяйственному значенію, къ употребленію своихъ издѣлій городскимъ ремесленникомъ—сапожникомъ, портнымъ и т. п. Въ практикѣ такихъ крестьянъ не рѣдко встрѣчается продажа хлѣба для того, чтобы потомъ вновь купить его по болѣе дорогой цѣнѣ—при чемъ подъ внѣшнею абсурдною оболочкой продажи для обратной покупки скрыта совершенно иная по существу хозяйственная операція: заемъ денегъ, подъ залогъ хлѣба, за неизвѣстный заранѣе проц., даже съ неувѣренностью, удастся-ли получить обратно заложенную вещь, или придется

*) „Die Agrarfrage", S. 249.

довольствоваться худшей. Только тѣ мелкіе крестьяне, земля которыхъ находится подъ различными спеціальными культурами, болѣе заинтересованы въ уровнѣ рыночныхъ цѣнъ, но продукты спеціальныхъ культуръ какъ разъ наименѣе страдаютъ отъ заатлантической конкурренціи, а, слѣдовательно, наименѣе заинтересованы во ввозныхъ пошлинахъ: сильнѣйшую конкурренцію терпитъ зерновое хозяйство, а въ немъ роль собственнаго потребленія крестьянъ всего больше. Итакъ, все это «противорѣчіе интересовъ» сводится къ слѣдующему. Рабочіе заинтересованы въ дешевизнѣ цѣнъ на съѣстные припасы (хотя также не нужно преувеличивать интенсивность этого интереса, ибо до извѣстной степени заработная плата—не смотря на свойственную ей силу инерціи—тоже приспособляется къ колебаніямъ этихъ цѣнъ). Очень малая часть трудового крестьянства очень мало заинтересована въ высотѣ рыночныхъ цѣнъ на эти припасы, слѣдовательно, и въ аграрномъ протекціонизмѣ. Съ другой стороны, гораздо большая часть крестьянства заинтересована въ низкомъ уровнѣ арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Самъ Каутскій не станетъ отрицать, что противоположность интересовъ между трудовымъ крестьянствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ гораздо больше, чѣмъ принимаемая имъ рознь крестьянъ и рабочихъ, какъ покупателей и продавцовъ. А вѣдь всякое вздорожаніе продуктовъ сельскаго хозяйства, представляющее ничтожный плюсъ для хозяйства мелкаго крестьянина, одновременно представляетъ громадный плюсъ для его крупнаго конкуррента. Но плюсъ моего конкуррента есть мой минусъ; не ясно ли, что въ этомъ минусѣ совершенно тонетъ безъ остатка весь предыдущій ничтожный плюсъ? Я уже не говорю о томъ, что индустріальные капиталисты, которымъ невыгодны высокія цѣны на съѣстные припасы—дороже стоитъ содержаніе рабочихъ, приходится больше имъ платить—требуютъ въ протекціонистской политикѣ соотвѣтственнаго эквивалента и для себя. Въ качествѣ крупной общественной силы, они почти всегда добиваются этого эквивалента. Кто же долженъ его выплатить? Потребитель индустріальныхъ продуктовъ, въ томъ числѣ этотъ же самый крестьянинъ. Можно поэтому, не колеблясь, сказать, что при торжествѣ протекціонной системы различныя *переплаты* крестьянина способны по два, по три и болѣе разъ покрыть его *переборы* на болѣе высокихъ цѣнахъ при продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Нѣтъ сомнѣнія, что не всегда крестьянинъ понимаетъ всю эту сложную сѣть хозяйственныхъ условій, которая его окружаетъ. А всякій лишній пятакъ или гривенникъ, который можетъ ему перепасть на рынкѣ, есть нѣчто явное, осязательное. Да, конечно; на этомъ-то и выѣзжаютъ прусскіе аграріи въ своей реакціонно-

демагогической тактикѣ. Они пользуются темнотой крестьянина и стараются посѣять между нимъ и городскимъ рабочимъ сѣмена вражды. Задача лучшихъ людей — разогнать этотъ туманъ, освѣтить крестьянину его положеніе, его истинные интересы, поднять его отъ узкаго пониманія этихъ интересовъ до болѣе широкаго. Вѣдь и фабричный рабочій не отъ природы «мыслитъ діалектически». Его подняло на ноги болѣе чѣмъ полустолѣтіе культурно-образовательнаго воздѣйствія, осуществлявшаго «Das Bündnis der Denkenden und Leidenden».

Но предположимъ даже на время, что Каутскій правъ. Предположимъ, что высокія цѣны и протекціонизмъ приносятъ крестьянину непосредственныя выгоды. Стремясь къ высокимъ цѣнамъ, требуя привилегіи для своихъ продуктовъ, крестьянинъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ превратно понятаго интереса, а подъ вліяніемъ правильно понятаго, но узкаго, исключительнаго интереса, который заставляетъ его враждебно сталкиваться съ массой своихъ покупателей-рабочихъ. Если бы мы даже это признали, развѣ мы получили бы искомое принципіальное различіе между работникомъ и крестьяниномъ? Вовсе нѣтъ. Мы уже видѣли, что и рабочій, хотя онъ непосредственно не выноситъ на рынокъ производимые имъ товары, однако можетъ быть очень сильно заинтересованъ въ хорошей на нихъ цѣнѣ. Не только пошлина, но даже война, если только она дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, можетъ отвѣчать его *узкимъ*, *непосредственнымъ* интересамъ. Этого мало. Рабочій и самъ, непосредственно выноситъ на рынокъ особый товаръ—свой трудъ, свою мускульную и нервную силу. И какъ крестьянинъ можетъ требовать несправедливыхъ привилегій для своего товара, такъ можетъ ихъ требовать и рабочій. Напримѣръ, конкурренція итальянцевъ даетъ себя сильно чувствовать въ Швейцаріи, на югѣ Франціи. Мѣстные рабочіе этимъ сильно недовольны. Нерѣдко случаются у нихъ съ итальянцами и ссоры, и драки, и побоища. Какъ крестьянину иногда кажется (хотя и напрасно) полезнымъ оградить національный рынокъ отъ ввоза болѣе дешеваго чужеземнаго хлѣба, такъ и рабочимъ-пролетаріямъ кажется выгоднымъ (и дѣйствительно, пролетаріямъ *данной страны* это было-бы *непосредственно* выгодно) оградить національный рабочій рынокъ отъ ввоза болѣе дешевой чужеземной рабочей силы. Точно такъ же рабочій можетъ требовать привилегіи и даже монополіи для *мужской* работы противъ конкурренціи *женской*. Въ другомъ мѣстѣ своего «Agrarfrage» Каутскій самъ говоритъ про тотъ типъ рабочаго движенія, который онъ называетъ «чисто-практическимъ», и существо котораго заключается въ служеніи исключительно узкимъ, непосредственнымъ интересамъ рабочаго класса. «Общественное развитіе—заявляетъ онъ даже—

стоитъ для насъ выше интересовъ пролетаріата; мы не можемъ защищать такіе пролетарскіе интересы, которые стоятъ поперекъ пути общественному развитію» *).

Конечно, Каутскій тотчасъ же прибавляетъ, что *въ общемъ* такого противорѣчія нѣтъ, въ общемъ интересы того и другого совпадаютъ. Однако же, въ частности «внутри пролетаріата можно найти самые различные слои. Существуетъ рабочая аристократія... которая слишкомъ легко становится въ противорѣчіе интересовъ съ общей массой пролетаріевъ». Эта рабочая аристократія особенно склонна къ «чисто практической» тактикѣ. Отсталые элементы, идущіе изъ города въ деревню, не квалифицированные рабочіе, конкурренты-рабочіе изъ-за границы, женщины-работницы —всѣ они возбуждаютъ недоброжелательное отношеніе «элитовъ пролетаріата». Чувство широкой солидарности, гармоніи интересовъ не всегда скоро пробивается сквозь голосъ «непосредственнаго», узкаго интереса.

Когда рѣчь шла объ отношеніяхъ между крестьянами и рабочими, то Каутскій утверждалъ, что именно непосредственныя противорѣчія интересовъ, а не отдаленная ихъ солидарность, являются рѣшающимъ, опредѣляющимъ моментомъ. Исходя изъ этого положенія, онъ долженъ былъ бы такъ же поставить крестъ надъ рабочей аристократіей, какъ и надъ крестьянами. Не тутъ-то было... Обученные, квалифицированные рабочіе, не смотря на ихъ аристократическія замашки, по своему культурному уровню, выучкѣ, стойкости, дѣловитости etc. представляютъ элементъ слишкомъ цѣнный. Немудрено, что для нихъ у Каутскаго находится другой аршинъ, чѣмъ для крестьянъ... **).

Такова аргументація Каутскаго. Необходимо замѣтить, что онъ въ разборѣ отношеній между крестьянами и рабочими совершенно опустилъ еще два пункта, въ которыхъ солидарность ихъ интересовъ является въ достаточной степени *непосредственною*. Во-первыхъ, высота общаго уровня заработной платы чрезвычайно важна для всякой крестьянской семьи, потому что она нерѣдко обращается къ разнаго рода отхожимъ, подсобнымъ заработкамъ— въ томъ числѣ и къ фабричнымъ. То отдѣльные члены крестьянской семьи, не порывая съ ней связи, спеціально посвящаютъ себя фабричному заработку, то отправляются на него поперемѣнно, спорадически. Состояніе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства всегда представляетъ очень разнообразную и

*) „Die Agrarfrage", S. 318.

**) Вѣдь если разобраться, такъ въ рядахъ „современнаго пролетаріата", изъ которыхъ Каутскій изгналъ множество категорій рабочихъ, остается, главнымъ образомъ именно эта „рабочая аристократія".

пеструю картину. Это не мѣшаетъ существованію нѣкотораго общаго уровня, такъ же, какъ переливы волнъ не мѣшаютъ существованію общаго уровня воды въ морѣ. Степень колебаній и высоты отдѣльныхъ волнъ опредѣляется своими частными условіями, но и общій уровень имѣетъ свое особое движеніе — слѣдствіе болѣе общихъ причинъ. Этого мало. Между оплатой труда одного качества и оплатой труда другого, высшаго или низшаго качества существуетъ извѣстная пропорціональность, которая имѣетъ тенденцію сохраняться при одновременномъ движеніи вверхъ или внизъ всѣхъ платъ. Между рабочими платами различныхъ отраслей, говоря иными словами, есть извѣстное взаимодѣйствіе. И потому всегда, когда крестьянинъ обращается къ какому нибудь подсобному заработку, онъ ощущаетъ на себѣ выгоды или невыгоды даннаго состоянія, даннаго уровня всѣхъ національныхъ заработныхъ платъ.

Во-вторыхъ, для рабочаго уровень крестьянскаго благосостоянія тоже не безразличенъ. Ничто такъ дурно не вліяетъ на величину его заработка, какъ количественный и качественный составъ «резервной рабочей арміи». До сихъ поръ она рекрутировалась, главнымъ образомъ, изъ деревень, изъ бѣглецовъ земледѣлія. Чѣмъ сильнѣе шло разореніе крестьянъ, тѣмъ стремительнѣе оказывался приливъ свободныхъ рабочихъ рукъ въ города, тѣмъ обостреннѣе становилась конкурренція. Заработная плата начинала тяготѣть къ пониженію, и требовались героическія усилія, чтобы удержать ее на прежнемъ уровнѣ. Съ этой стороны прекращеніе пролетаризаціи крестьянъ несомнѣнно въ интересѣ городскихъ рабочихъ.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній мы и не можемъ согласиться съ окончательными выводами Каутскаго: «крестьяне имѣютъ общимъ съ пролетаріями только жизненный уровень, только степень благосостоянія, а не интересы», а потому—если оставить въ сторонѣ временные союзы, которые въ исторіи возможны между самыми различными классами — какъ общее правило, они должны будутъ въ исторіи идти разными дорогами, и нынѣшній союзникъ завтра можетъ превратиться во врага» *). Это только болѣе осторожная форма выраженія того, что нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ марксистовъ высказываютъ яснѣе и откровеннѣе, напр.: «настоящіе крестьяне всегда будутъ нашими врагами», «крестьяне, какъ классъ, должны будутъ враждебно противостоять намъ». Это — возвращеніе къ той старой, отжившей точкѣ зрѣнія, на которой Марксъ и Энгельсъ стояли въ сороковыхъ годахъ, когда они считали крестьянство без-

*) „Die Agrarfrage", S. 310.

условно реакціоннымъ элементомъ, а Энгельсъ даже предсказывалъ для пролетаріата въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ необходимость «подавить всеобщую крестьянскую войну»; когда еще перомъ того же самаго Энгельса не были написаны слова: «Итакъ, мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина...»

На этомъ мы и кончаемъ анализъ главы „Bauer und Proletarier". Но намъ остается еще разсмотрѣть коротенькую статейку Каутскаго „Bauernschutz und Arbeiterzschutz", чтобы окончательно убѣдиться, до какой степени Каутскому измѣняетъ чувство самой элементарной справедливости всякій разъ, когда онъ говоритъ о крестьянахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочимъ; до какой степени систематически мѣряетъ онъ тѣхъ и другихъ различными аршинами. Эта статья является классическимъ образцомъ того, какъ подъ вліяніемъ узкой доктрины умный, талантливый, образованный, проникнутый гуманнымъ идеализмомъ авторъ теряетъ всякое чутье дѣйствительности, проявляетъ какую-то непонятную нравственную черствость и сухость, отсутствіе живой, сердечной любви къ брату-человѣку, къ страдающему труженику, который нуждается въ этой любви, нуждается въ дѣятельномъ сочувствіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо...

Нѣкоторые товарищи, говоритъ Каутскій, полагаютъ, будто мы, выступая въ пользу цѣлаго ряда мѣропріятій, охраняющихъ и защищающихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ интересы рабочаго, должны совершенно такимъ же образомъ выступить въ пользу мѣропріятій, защищающихъ и крестьянскіе интересы. Каутскій полагаетъ, напротивъ, что защита интересовъ крестьянъ и защита интересовъ рабочихъ—вещи, въ принципіальномъ отношеніи существенно не одинаковыя и даже противоположныя *до полной несовмѣстимости.*

Послушаемъ доказательства. «Когда мы выступаемъ съ защитой рабочихъ,—говоритъ Каутскій, — то мы этимъ самымъ становимся въ противорѣчіе со всѣми другими общественными направленіями и группами. Если нѣкоторыя изъ нихъ и выставляютъ на своихъ знаменахъ защиту рабочихъ, то это происходитъ лишь подъ давленіемъ нашей конкурренціи, какъ актъ вынужденный, безъ достаточной силы, безъ серьезнаго отношенія (nur unwillig... schwächlich und ohne Ernst...). «Иначе обстоитъ дѣло съ защитой крестьянъ. Ея требуютъ *всѣ другія партіи*; въ этой области мы вступаемъ не въ противорѣчіе, а въ соревнованіе, въ конкурренцію съ этими партіями, желающими консервировать нынѣшнее хозяйственное положеніе. При томъ же мы вступаемъ въ такую конкурренцію, при которой мы могли бы дать меньше, чѣмъ иные изъ нашихъ противниковъ, такъ какъ мы должны считаться съ

интересами пролетаріата, которые ихъ не связываютъ». «Въ одномъ случаѣ мы выступаемъ единственными защитниками дѣла, ненавистнаго нашимъ противникамъ, въ другомъ — пускаемся въ состязаніе изъ-за равной цѣли съ прежнимъ врагомъ, котораго не отягощаютъ ни теоретическія сомнѣнія, ни необходимость считаться съ интересами рабочихъ классовъ».

Съ глубокимъ изумленіемъ останавливаемся мы передъ этими словами Каутскаго. Очевидно, это потому, что мы совсѣмъ не знаемъ Германіи. Мы и не предполагали, что это — настоящая мужицкая Аркадія. Какъ! Всѣ партіи — *всѣ*, такъ таки прямо и написано *всѣ* — конкуррируютъ, состязаются тамъ одна передъ другой въ стремленіи къ защитѣ крестьянъ. И конкуррируютъ не такъ, какъ въ защитѣ рабочихъ, а «иначе», слѣдовательно, не изъ тонкаго политиканства, не «вынужденно» (unwillig) не кое какъ (schwächlich), а относясь къ дѣлу совершенно серьезно (не „ohne Ernst“). Мало того, въ этой конкурренціи они могутъ крестьянамъ больше дать, чѣмъ Каутскій и К°, ибо не отягощены, подобно послѣднимъ, «ни теоретическими сомнѣніями, ни необходимостью считаться съ интересами рабочихъ классовъ». Однако, неужели же имъ вовсе не приходится считаться съ интересами другихъ классовъ, хотя бы «не-рабочихъ»? И неужели эти интересы «не-рабочихъ» не «отягощаютъ», не «связываютъ» въ дѣлѣ защиты крестьянъ? Трудно на первый взглядъ повѣрить, чтобы все это написалъ такой человѣкъ, какъ Каутскій, и мнѣ въ собственномъ интересѣ необходимо привести въ примѣчаніи подлинный текстъ, хотя бы самыхъ странныхъ изъ этихъ заявленій, и отойти въ сторону, умывая руки *).

Таково, по Каутскому, первое отличіе «охраны крестьянскихъ интересовъ» отъ «охраны рабочихъ интересовъ». Еще существеннѣе второе отличіе.

«Къ чему стремится наша охрана интересовъ рабочаго»?—спрашиваетъ Каутскій. «Къ защитѣ государствомъ рабочаго въ хозяйственномъ отношеніи (wirtschaftlichen Schutz)? Никоимъ образомъ! Мы объявляемъ государственное вмѣшательство въ экономическій круговоротъ въ пользу хозяйственнаго существованія (zu Gunsten der wirthschaftlichen Existenz) рабочаго не нужнымъ, даже опаснымъ, пока существуетъ общее господство капитализма... **). Мы всегда пренебрегали снискивать дешевую попу-

*) „Anders steht es mit dem Bauernschutz. Diesen verlangen *alle anderen Parteien* (что всего любопытнѣе, курсивъ подлинника!); auf diesem Gebiete treten wir nicht in *Gegensatz*, sondern in *Konkurrenz*... in ein Wettrennen zum gleichen Ziel mit dem sonstigen Gegner, den weder theoretische Skrupel, noch Rücksichten auf die arbeitenden Klassen belasten“.

**) „Wir erklären das staatliche Eingreifen in das ökonomische Getriebe zu

лярность выставленіемъ требованій защиты экономическаго существованія (zum Schutz der ökonomischen Existenz) рабочаго, какъ, напр., гарантированный государствомъ минимумъ заработной платы, право на трудъ, требованіе государственной поддержки производительнымъ товариществамъ... Что можно и должно охранять отъ гибельнаго вліянія капитализма чрезъ посредство «защиты рабочихъ»—такъ это *физическую и духовную личность* работника».

«Къ чему, напротивъ того, стремится «защита крестьянъ»? Развѣ она обозначаетъ охрану физической и духовной личности крестьянина? Развѣ требуютъ распространенія фабричнаго законодательства на крестьянскія семьи, такъ же, какъ хотятъ ихъ распространенія на систему домашней промышленности? Развѣ хотятъ запретить крестьянину драть по двѣ шкуры со своихъ собственныхъ дѣтей (seine Kinder zu schinden), поручать своей женѣ опасныя работы, наконецъ, морить на работѣ самого себя до состоянія полнаго истощенія? Развѣ хотятъ предписывать для его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, чистоты и т. п.? На такую защиту крестьянъ мы, пожалуй, согласились бы съ удовольствіемъ (einen solchen Bauernshutz liessen wir uns wohl gefallen). Насколько послужила бы она намъ для пріобрѣтенія популярности въ крестьянской средѣ, это другой вопросъ. Но наши сторонники «защиты крестьянъ» не хотятъ знать ничего этого; то, чего они требуютъ, это вовсе не защита *физической и духовной личности* крестьянъ, но защита ихъ хозяйственнаго существованія. Итакъ, мы должны сдѣлать для крестьянъ то самое, чего мы не можемъ дѣлать даже для пролетаріата»!

Проанализируемъ хорошенько эту аргументацію Каутскаго.

Во-первыхъ, правда ли, будто «охрана рабочихъ» имѣетъ своимъ объектомъ лишь ихъ «физическую и духовную личность», а не «экономическое» или «хозяйственное существованіе»? Развѣ отказъ отъ «минимума заработной платы» и стараго, Луи-Блановскаго «права на трудъ», есть уже отрицаніе всякой «хозяйственной» защиты? Ну, а государственное страхованіе, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, наконецъ, старости? Оберегаютъ ли они только физическую и духовную личность рабочаго, или, гораздо болѣе, *экономически вознаграждаютъ* его за ущербъ, нанесенный этой «физической и нравственной личности» колесами капиталистической машины? Развѣ пожизненная рента престарѣлымъ, инвалидамъ труда не есть мѣра нѣкотораго обезпеченія

Gunsten der Wirthschaftlichen Existenz des Arbeiters für vergeblich, ja gefährlich so lange Kapitalismus in Staat und Gesellschaft herrscht, die Productionsmittel Privatligenthum der Kapitalisten sind".

именно ихъ «*хозяйственнаго существованія*»? Проводить сколько нибудь послѣдовательно тотъ взглядъ, что при капиталистическомъ режимѣ нужно считать «государственное вмѣшательство въ экономическій круговоротъ въ пользу хозяйственнаго существованія рабочаго ненужнымъ и даже вреднымъ»—значитъ практически впадать въ своеобразное манчестерство, класть начало новой его разновидности—«соціалъ-манчестерству». Я уже не говорю о томъ, что запрещеніе дѣтской работы и ограниченіе женскаго и мужского труда—согласно Каутскому, образецъ «защиты духовной и нравственной личности рабочаго»—имѣютъ однимъ изъ своихъ результатовъ сокращеніе конкурренціи между рабочими, и повышаютъ минимумъ заработной платы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то государственное его фиксированіе, которое просто таки неосуществимо по чисто практическимъ соображеніямъ. И если, такимъ образомъ, государственное фабричное законодательство косвенно служитъ и «охранѣ хозяйственнаго существованія» рабочихъ, то, думаю, что это лишній плюсъ, а вовсе не неизбѣжное зло, съ которымъ только можно примириться изъ-за благъ «защиты духовной и нравственной личности». Далѣе, пусть мы отказываемся отъ государственной субсидіи товариществамъ; но сами эти товарищества, безъ субсидіи, развѣ они даютъ «въ первой линіи» нѣкоторое обезпеченіе не *экономическому*, не *хозяйственному* существованію? Всѣ эти «Maisons de peuple» въ родѣ брюссельскаго, или предпріятія въ родѣ принадлежащаго самимъ рабочимъ стекляннаго завода въ Альби, даже всѣ скромнѣйшія потребительныя общества—развѣ они не превращаютъ до извѣстной степени рабочихъ въ «хозяевъ» коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій? Да что и говорить! Я не причисляю себя къ «экономическимъ матеріалистамъ», но, признаюсь, что и для меня связь между всѣми сторонами общественной жизни кажется настолько сильной, настолько неразрывной, что я не представляю себѣ, какъ это можно сколько-нибудь серьезно охранять «физическую и духовную личность» рабочаго, не охраняя параллельно его хозяйственнаго существованія, не обезпечивая его, поскольку возможно, экономически. Но какъ же можетъ себѣ это представить Каутскій, для котораго экономика — всеопредѣляющій фундаментъ, а все прочее — только надстройка?

А, между тѣмъ, именно на этомъ разграниченіи защиты «экономической» отъ защиты «физическо-моральной» покоится весь второй аргументъ Каутскаго противъ допустимости «защиты крестьянства». Съ исходной точкой падаетъ и выводъ. Однако намъ нужно разсмотрѣть также и тѣ мѣры «физическо-моральной» защиты крестьянства, на которыя Каутскій соглашается «съ удовольствіемъ». Въ этомъ «удовольствіи» скрыта не малая доза

ироніи по адресу противниковъ Каутскаго, марксистовъ-крестьянофиловъ, такъ какъ «насколько эти мѣры могутъ посодѣйствовать ихъ популярности въ крестьянской средѣ — это другой вопросъ».

Первый пунктъ: запрещеніе крестьянину чрезмѣрно эксплуатировать своихъ семейныхъ, въ особенности дѣтей. Это предложеніе Каутскаго подчеркиваетъ снова и снова, что крестьянинъ—Unternehmer, что если у него не хватаетъ средствъ эксплуатировать чужого рабочаго, такъ онъ всетаки не хуже любого фабриканта эксплуатируетъ тѣхъ, кого можетъ,—не чужихъ, такъ членовъ собственной же семьи. Итакъ, прежде всего нужно защищать не *его*, а *противъ него* другихъ. Увы! случай, взятый Каутскимъ, неудаченъ и ничего не говоритъ спеціально противъ крестьянина. Фабричный рабочій—не Unternehmer, однако же его patria potestas даетъ ему возможность иной разъ эксплуатировать своихъ дѣтей ужъ во всякомъ случаѣ не меньше крестьянина. Послушаемъ объ этомъ самого Маркса. Говоря въ первомъ томѣ своего «Капитала» о томъ, что съ введеніемъ машинъ мускульная сила становится излишнею, и поэтому открывается возможность приложенія женскаго и дѣтскаго труда, Марксъ продолжаетъ: «основное условіе обмѣна товаровъ предполагаетъ, что рабочій и капиталистъ встрѣчаются, какъ личности свободныя... теперь же капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или не совсѣмъ полноправныхъ. Прежде рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которою онъ располагалъ, какъ вполнѣ свободная личность. Теперь *онъ продаетъ жену и дѣтей*. Онъ становится *торговцемъ рабовъ*». «Сцены и разговоры во время этого торга по истинѣ *возмутительны... возмутительныя наклонности* родителей-рабочихъ напоминаютъ *торговцевъ невольниками*» *). Поэтому фабричному законодательству «приходилось провозгласить права дѣтей. Къ несчастію, — говоритъ заключительный отчетъ Ch. Empl. Comm. 1866 г., — изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній видно, что дѣти обоего пола нуждаются въ защитѣ всего болѣе отъ произвола своихъ родителей. Система неограниченной эксплуатаціи дѣтскаго труда вообще и домашняго въ особенности держится тѣмъ, что родители имѣютъ надъ своими малолѣтними дѣтьми безконтрольную, произвольную, необузданную власть... Власть родителей надъ дѣтьми не должна доходить до того, чтобы они обращали ихъ въ простыя *машины съ цѣлью полученія того или другого количества недѣльной платы*... Поэтому дѣти и несовершеннолѣтніе имѣютъ право на защиту со стороны законодательства противъ злоупотребленій

*) „Кап." I, 346—347.

родительской властью, которая преждевременно разрушаетъ ихъ физическія силы и понижаетъ ихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи» *). Даже послѣ введенія соотвѣтственной статьи въ фабричное законодательство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, для обхода закона, наблюдалось, какъ система, преувеличеніе путемъ подлоговъ возраста дѣтей «для удовлетворенія страсти эксплуатаціи капиталистовъ и *потребности наживы самихъ родителей*» **).

Итакъ,поскольку крестьянинъ можетъ «драть по двѣ шкуры» съ собственныхъ дѣтей и жены, это вовсе не является результатомъ того, что онъ—*именно* крестьянинъ. Это приходится отнести вовсе не на счетъ его «фанатизма собственности», какъ мелкаго производителя. Единственной причиной здѣсь является горькая нужда, которая одинаково дѣйствуетъ на него, какъ и на пролетарія. Съ этой стороны и слова Маркса, приведенныя выше, нуждаются въ нѣкоторыхъ оговоркахъ. Намъ, въ нашемъ привилегированномъ положеніи, конечно, не трудно клеймить «возмутительныя наклонности», «необузданный произволъ», «страсть къ наживѣ» тѣхъ рабочихъ (а также и крестьянъ)—отцовъ, которые обращаютъ жену и дѣтей въ живыя машины. Но вѣдь, въ сущности, эта легкость зависитъ въ немалой степени отъ того, что намъ трудно поставить себя на ихъ мѣсто, понять, прочувствовать самимъ весь трагизмъ ихъ положенія. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, имъ чуждъ тотъ инстинктъ родительской любви къ своему дѣтищу, который не чуждъ даже дикому звѣрю? Конечно, отдѣльныя нравственныя уродства возможны, но вѣдь мы говоримъ о явленіяхъ общаго, массового характера, а не объ исключеніяхъ. А, какъ общее правило, развѣ отцы просто на просто строютъ на трудѣ своихъ дѣтей собственное благополучіе? Не идетъ-ли скорѣе вопросъ о благополучіи—или даже не о благополучіи, а просто о существованіи – всей семьи, въ томъ числѣ и самихъ дѣтей? «Страсть къ наживѣ!» Какой горькой ироніей звучатъ для бѣдняка эти слова! Нѣтъ, когда дѣло доходитъ до торговли собственными дѣтьми, какъ невольниками, тутъ приходится думать не про «*наживу*», а лишь *быть бы живу*!

Это не значитъ, конечно, чтобы не нужно было охранять правъ дѣтей. Очень нужно, и, напримѣръ, законъ объ обязательности обученія является однимъ изъ средствъ спасенія физической и духовной личности ребенка. Нельзя только ограничиваться этимъ, нельзя, отнимая у бѣдняка одно средство борьбы за существованіе, отказываться дать ему какое-нибудь другое, т. е.

*) „Кап.“ I, 428.
**) Ibid., 347.

отказываться помочь ему *экономически*, согласно соціалъ-манчестерству Каутскаго. Покажите крестьянину другой исходъ, другой способъ житейской борьбы за лучшую долю, за непосредственное облегченіе своего положенія—тогда дѣло другое! И фабричные работники, если-бы они не нашли иныхъ средствъ помочь себѣ именно въ *хозяйственномъ* отношеніи, до сихъ поръ бы «торговали невольниками» и говорили всѣмъ филантропамъ — «руки прочь!»

Интересенъ второй пунктъ, второй видъ защиты крестьянина, какъ «физической и духовной личности», по методу Каутскаго: «запретить крестьянину морить самого себя на работѣ до состоянія полнаго истощенія». Это, конечно, очень хорошее, а главное, простое средство; столь же простое, какъ и тотъ рецептъ, который далъ расхворавшемуся бѣдняку-рабочему приглашенный имъ жрецъ эскулапа:

Мнѣ докторъ преважно тогда прописалъ
Гулять, отдыхать и кататься,
Да кстати совѣтъ утѣшительный далъ—
Здоровою пищей питаться.

Когда же паціентъ задалъ въ отвѣтъ совершенно не умѣстный вопросъ, чѣмъ же ему жить—ученый мужъ очень логично отвѣтилъ, что это его не касается. Дѣло не доктора, а самого паціента найти себѣ такое занятіе, которое бы позволило выполнять всѣ указанія медицинской науки... Въ этомъ родѣ говоритъ и Каутскій. Положеніе крестьянина безусловно жалкое; но это не значитъ, чтобы крестьянину слѣдовало помогать. Нечего чинить разваливающійся домъ, изъ котораго просто нужно выйти и завести новое жилище. «Сохраненіе мелкаго производства въ земледѣліи», говоритъ Каутскій,—«это лучшее средство вырожденія населенія; поэтому мы не имѣемъ никакихъ основаній, со своей стороны, еще поддерживать такое жалкое существованіе». Каутскій забываетъ, легко ли крестьянину—не единичному, конечно, а массѣ—замѣнить его чѣмъ нибудь лучшимъ? И не придется ли при массовой пролетаризаціи крестьянъ многимъ распроститься не только съ «*жалкимъ* существованіемъ», но и вообще съ земнымъ *существованіемъ*?

Но перломъ всей «исключительно физическо-моральной» охраны крестьянина является, всетаки, третій пунктъ: «предписывать для его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, чистоты и т. д.».

Я затрудняюсь въ пріисканіи словъ для критики... Бываютъ стихотворенія, на которыя никакія пародіи невозможны: они сами себѣ—лучшія пародіи... Здѣсь, кажется, даже слѣпой увидитъ, на-

сколько разная у Каутскаго мѣрка для крестьянина и для рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, отсутствіе «минимальнаго содержанія воздуха, свѣта, чистоты и т. п.» наблюдается и въ жилищахъ рабочихъ; мало того, оно принимаетъ нерѣдко такіе угрожающіе размѣры, что разростется въ цѣлый огромный, спеціальный вопросъ, которому давно дано и особое имя «Wohnungsfrage». Надъ проблемой этого «жилищнаго вопроса» работаютъ многіе, работалъ и самъ Каутскій; много было придумано разнаго рода средствъ, но никто еще, кажется, не додумался до того, чтобы разрѣшить его по-просту, безъ затѣй, методомъ становыхъ приставовъ — «предписать» самимъ жертвамъ дурныхъ жилищныхъ условій, чтобы у нихъ было вездѣ чисто, свѣтовая площадь и кубическій объемъ помѣщенія—такіе, какіе предписаны врачебнымъ управленіемъ, и такъ далѣе. Но вѣдь у насъ рѣчь не о городскихъ рабочихъ, а о крестьянахъ—и вотъ почему «einen solchen Schutz wir uns wohl gefallen»!

Я боюсь, однако, что кто нибудь отсюда сдѣлаетъ умозаключеніе, что Каутскій и въ самомъ дѣлѣ или просто самъ по себѣ нравственно-черствый и несправедливый человѣкъ, или «ученый мужъ» въ родѣ комическаго доктора въ цитированномъ выше стихотвореніи. Я боюсь, далѣе, что тонъ и характеръ моихъ критическихъ замѣчаній можетъ подкрѣпить такое отношеніе къ Каутскому. И я спѣшу сказать, что оно было бы глубоко несправедливымъ. Каутскій отнюдь не такой «комикъ», Каутскій въ самомъ серьезномъ, а вовсе не въ ироническомъ смыслѣ ученый человѣкъ, Каутскій, какъ широкій идеалистъ, несомнѣнно, въ нравственномъ отношеніи высоко поднимается надъ обычной нормой. Онъ только логически-послѣдователенъ, что, при невѣрности исходной точки, и приводитъ къ болѣе чѣмъ страннымъ выводамъ... Но попробуйте судить Каутскаго не со своей, а съ его точки зрѣнія. Припомните, что для Каутскаго крестьянинъ—это Unternehmer als Kapitalist, als Fabrikant. Согласитесь только съ нимъ на минуту—и всѣ его практическіе выводы будутъ не только не дикими, не только естественными и понятными, но даже единственно возможными по правиламъ логики. Каутскій желаетъ лишь распространить на деревню фабричное законодательство. Оно диктуетъ предпринимателямъ, капиталистамъ извѣстныя мѣры—минимальный рабочій день, минимумъ свѣта и воздуха въ помѣщеніяхъ, чистоту въ нихъ, etc. Крестьянинъ—самъ свой капиталистъ, самъ предприниматель. Вотъ онъ, какъ всѣ предприниматели, и будетъ обязанъ, согласно *предписаніямъ*, занимать своихъ рабочихъ, т. е. себя же, свою жену и своихъ дѣтей, не дольше извѣстнаго времени и перестроить свое помѣщеніе по всѣмъ правиламъ науки (можетъ быть даже образовать изъ своей «предпринимательской прибыли» страхо-

вой, инвалидный, школьный и больничный капиталы?). Какъ это отзовется на немъ, спросите, можетъ быть, вы? Да какъ бы ни отозвалось, это безразлично. Мало-ли предпринимателей—и крупныхъ, и мелкихъ — разоряются или стоятъ наканунѣ банкротства! Тотъ или другой фабрикантъ можетъ быть несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, еле сводить концы съ концами, запутаться кругомъ въ долгахъ, голодать, наконецъ—не прекращать же дѣйствіе фабричныхъ законовъ въ его мастерской, не дозволять же ему поправляться на счетъ своихъ рабочихъ. Прилагая эту точку зрѣнія къ крестьянину, мы получимъ безукоризненно-логическій выводъ: нельзя крестьянину, какъ предпринимателю, въ конкурренціи съ крупнымъ производствомъ позволить держаться на счетъ себя самого, какъ рабочаго, или—говоря иными словами, словами самого Каутскаго: «*защищать крестьянина, какъ работника, значитъ уничтожать его, какъ самостоятельнаго сельскаго хозяина* (denn den Bauer als Arbeiter schutzen, hiesse den Bauer als Landwirth ruiniren)».

Тѣмъ самыхъ мы подошли вплотную къ третьему пункту, также отличающему, по мнѣнію Каутскаго, защиту рабочихъ отъ защиты крестьянъ. Законодательная защита рабочихъ есть лучшее средство устранить съ дороги такія производства, которыя стоятъ не на высотѣ своего времени въ техническомъ отношеніи и могутъ держаться лишь усиленной эксплуатаціей рабочихъ. Фабричное законодательство есть могучій факторъ промышленнаго прогресса, даже болѣе того—прогресса капитализма *). Иное дѣло—крестьянство. Что угрожаетъ его существованію? «Очевидно, развитіе экономическихъ отношеній, которое во всѣхъ странахъ съ современнымъ способомъ производства идетъ закономѣрно, однимъ и тѣмъ же ходомъ... Если защита крестьянъ можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, такъ только одинъ: она должна обозначать противодѣйствіе экономическому развитію».

Этотъ аргументъ Каутскаго прежде всего основанъ, какъ на истинѣ доказанной, на положеніи, что хозяйственное развитіе можетъ совершаться во всѣхъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ производства только въ одной формѣ — капиталистической; что какъ въ индустріи, такъ и въ земледѣліи существуетъ «единый капитализмъ», развивающійся закономѣрно, по опредѣленному масштабу; что, наконецъ, крестьянское хозяйство неспособно ни при какихъ условіяхъ развить изъ себя самостоятельную прогрессивную тенденцію. Каутскій исходитъ изъ этихъ положеній, какъ

*) Ср. К. Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 417: „Но если фабричный законъ искусственно способствуетъ болѣе быстрому развитію мануфактурнаго производства въ фабричное, то въ то же время онъ ускоряетъ какъ *гибель мелкихъ хозяйствъ*, такъ и накопленіе капитала *въ немногихъ рукахъ* вслѣдствіе необходимости большихъ затратъ капитала".

изъ доказанныхъ уже. Я лично ихъ не раздѣляю. Я, напротивъ, исхожу изъ трехъ совершенно иныхъ положеній: существуютъ различные мѣстные или національные типы цикловъ капиталистической эволюціи, въ зависимости отъ положенія страны на всемірномъ рынкѣ, мѣста, занимаемаго ею въ системѣ международнаго раздѣленія труда, времени выступленія на путь хозяйственнаго развитія и, наконецъ, силы переживаній старыхъ историческихъ формацій; что касается отдѣльныхъ отраслей производства, то въ земледѣліи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, наблюдается преобладаніе капиталистической *формы* надъ *содержаніемъ*, эксплуататорскихъ, разрушительныхъ сторонъ капитализма надъ исторически-созидательными; на почвѣ кооперацій, обобществленія снизу, свободнаго ассоціированія труда и собственности по иниціативѣ самихъ землевладѣльцевъ возможна (наряду съ капиталистической) и некапиталистическая эволюція сельскаго хозяйства. Вдаваться въ разсмотрѣніе трехъ этихъ спорныхъ пунктовъ, конечно, здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что я посвятилъ имъ особую статью въ «Русскомъ Богатствѣ» («Типы капиталистической и аграрной эволюціи»).

Разсмотримъ здѣсь поэтому только одинъ вопросъ: правда-ли, что защита крестьянъ не можетъ содѣйствовать экономическому развитію, даже понимая это развитіе въ узкомъ смыслѣ раціонализаціи хозяйства въ капиталистической формѣ? Вѣдь одно изъ самыхъ важныхъ препятствій такой раціонализаціи заключается въ чрезмѣрной легкости и выгодности поверхностной капиталистической эксплуатаціи въ самыхъ различныхъ формахъ: самаго ненормальнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ, укороченія арендныхъ сроковъ, ростовщичества, спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ въ «трудныя времена»; примѣненія дешеваго труда крестьянъ, для которыхъ наемка является лишь «подспорьемъ», а не основнымъ фондомъ существованія. Къ тому же ведетъ произволъ землевладѣльцевъ, запускающихъ порою земли подъ лѣсъ ради охотничьихъ цѣлей и т. д.

Рядъ мѣръ, которыя подорвали-бы эти легкіе способы «накопленія капитала помимо реорганизаціи производства», имѣли бы громадное прогрессивное значеніе для сельскаго хозяйства. Регулированіе арендныхъ контрактовъ, въ смыслѣ платежа аренды исключительно изъ чистаго дохода хозяйства *), вознагражденіе арендатора за произведенныя улучшенія почвы, организація дешеваго кредита государствомъ въ противовѣсъ ростовщичеству и

*) Т. е. за вычетомъ изъ валового дохода, кромѣ издержекъ постояннаго капитала, еще нормальной заработной платы непосредственныхъ работниковъ и суммы, необходимой для пропитанія арендатора.

и спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ, обезпеченіе землею и средствами производства крестьянскихъ товариществъ и общинъ по экспропріаціи лежащихъ впустѣ или плохо обработываемыхъ частными владѣльцами земель—вотъ эти мѣры. Онѣ сдѣлали-бы невозможными худшія паразитическія формы капитализма въ земледѣліи, оставляя жизнеспособность лишь за такими капиталистическими хозяйствами, которыя держатся *раціонализаціей* земледѣлія. Болѣе того, онѣ поставили-бы передъ всѣми крупными хозяйствами дилемму: раціонализація или уничтоженіе! И поскольку капитализмъ можетъ имѣть raison d'être, поскольку онъ можетъ выступать, какъ творческое начало,—постольку, не болѣе, онъ и развивался-бы. Съ другой же стороны, мелкія хозяйства, освободившись изъ подъ гнета грубыхъ, первобытныхъ формъ эксплуатаціи, могли бы также развить на свободѣ всѣ свои потенціальныя силы, испробовать безъ помѣхъ на опытѣ *свою* способность къ экономическому развитію въ новыя формы.

Такъ думаемъ мы. Не таково, однако, мнѣніе Каутскаго. Логически исходя изъ своей принципіальной точки зрѣнія, которая, кромѣ «единаго капитализма», знаетъ лишь «отжившія формы», стоящія ему поперекъ пути — Каутскій приходитъ къ своему окончательному выводу, къ практической морали всѣхъ своихъ теоретическихъ выкладокъ. «Такимъ образомъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ изъ простого созвучія послѣднихъ слоговъ (Bauernschutz — Arbeiterschutz) умозаключать, будто защита крестьянъ обозначаетъ перенесеніе общей идеи защиты рабочихъ съ индустріи на сельское хозяйство. Въ дѣйствительности, напротивъ, защита крестьянъ является *прямою противоположностью* защиты рабочихъ и съ послѣдней *совершенно несовмѣстима* (das gerade Gegentheil des Arbeiterschutzes und mit diesem völlig unvereinbar)».

Что же можно сказать объ этомъ? Finis coronat opus...

Мы не случайно выбрали Каутскаго, какъ представителя той точки зрѣнія, которая, на нашъ взглядъ, является слишкомъ односторонней и узкой. Мы взяли его не только потому, что онъ человѣкъ выдающагося таланта, ума и образованія. И не только потому, что онъ сейчасъ—признанный теоретическій глава, глава того теченія въ нѣмецкомъ марксизмѣ, которое уже давно перссажено на русскую почву. Правда, оригиналъ всегда предпочтительнѣе копіи, тѣмъ болѣе, что не всегда и не всѣ копіи хорошо дѣлаются; но одно это еще не оправдало бы удаленія за границу искать изложенія той точки зрѣнія, съ которой можно встрѣтиться и дома. Нѣтъ, спеціально-нѣмецкая постановка вопроса имѣетъ за себя еще то громадное преимущество, что она обладаетъ всегда той законченностью и округленностью, которою не

обладаетъ и по всѣмъ условіямъ не можетъ обладать русская постановка. Дѣло въ томъ, что всѣ наши споры обычно имѣютъ слишкомъ теоретическій и отвлеченный характеръ, они отрознены отъ живой связи съ практической жизнью и потому итоги ихъ не облекаются непосредственно въ плоть и кровь, не ведутъ къ ясной и опредѣленной модификаціи практическаго поведенія. Не то въ Германіи. Голосъ Каутскаго и любого изъ его товарищей, нынче раздающійся въ партейтагѣ или просто находящій свой отголосокъ на страницахъ журналовъ или газетъ, завтра встаетъ лицомъ къ лицу съ непосредственной жизнью въ ландтагѣ или рейхстагѣ, при обсужденіи и рѣшеніи судьбы какого-нибудь законопроекта, касающагося непосредственно интересовъ крестьянскаго населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякая теоретическая мысль должна быть обязательно продумана до всѣхъ своихъ прикладныхъ, практическихъ выводовъ...

И поэтому, выслушавъ Каутскаго, мы можемъ охватить новую точку зрѣнія во всемъ ея объемѣ. Нѣтъ ничего неяснаго, ничего недоговореннаго. Я знаю не только то, какъ она выглядитъ съ точки зрѣнія теоретической стройности и симметріи, но и къ чему она обязываетъ. Личныя свойства Каутскаго какъ нельзя болѣе содѣйствуютъ этому. Именно логическая послѣдовательность, неумолимая, безстрашная, не останавливающаяся передъ самыми, казалось бы, законными человѣческими чувствами и симпатіями, когда они стоятъ поперекъ дороги торжеству принципа, именно эта послѣдовательность и составляетъ силу Каутскаго. Впрочемъ, одновременно и силу, и слабость... Силу—потому, что это не эклектическая смѣсь стараго и новаго, а дѣйствительно единая, стройная система, какъ бы высѣченная изъ одного цѣльнаго куска гранита. Слабость—потому, что быть послѣдовательнымъ, исходя изъ невѣрной точки зрѣнія, значитъ продѣлывать самому со своими взглядами убійственное reductio ad absurdum.

Только при такомъ цѣлостномъ и практическомъ сопоставленіи двухъ точекъ зрѣнія и возможенъ сознательный выборъ между ними. И, оглядываясь на весь логически пройденный нами въ этой статьѣ путь, мы заявляемъ съ полной убѣжденностью и энергіей: нѣтъ, мы рѣшительно отвергаемъ такую поправку къ нашей старой, испытанной формулѣ, которую болѣе четверти вѣка тому назадъ провозгласилъ Н. К. Михайловскій: интересы *народа*, какъ совокупности трудящихся классовъ, являющихся для насъ *народомъ* ровно постольку, поскольку они воплощаютъ и представляютъ *трудовое начало*. Мы остаемся при этой формулѣ, потому что въ ней больше и широкой теоретической истины, и конкретной жизненной правды и—*человѣчности!*

Викторъ Черновъ.

Система правды и наши общественныя отношенія.

Въ исторіи нашей мысли есть нѣсколько дѣятелей, имена которыхъ навсегда связаны съ извѣстными общественными теченіями. Они имѣли счастье чувствовать себя не только мыслителями, но и вождями, выразителями назрѣвшихъ общественныхъ задачъ. Судьба ихъ не баловала, и имъ приходилось терпѣть отъ быстрой смѣны волнъ общественныхъ симпатій, идеаловъ и идоловъ. Но проходили моменты реакціи или страстнаго увлеченія новыми богами, и они опять оказывались во главѣ литературныхъ борцовъ за человѣческое счастье и прогрессъ.

Среди такихъ счастливыхъ работниковъ русской мысли одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Н. К. Михайловскому, почти единственному уцѣлѣвшему отъ славной плеяды 60 — 70 годовъ. Отношенія литературы и жизни всегда глубоко его интересовали. Мнѣ хотѣлось бы разсмотрѣть, какъ эти отношенія переплетались въ его собственной литературной дѣятельности и въ тѣ эпохи, когда его работа выражала глубокія теченія въ нашей интеллигенціи, и тогда, когда жизненная волна откатывалась въ другую сторону. Не останавливаясь подробно на основныхъ чертахъ міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго, слишкомъ извѣстнаго, чтобъ оно нуждалось въ изложеніи, я всетаки долженъ напомнить нѣкоторыя его стороны.

Чтобъ сразу близко подойти къ основному пункту міросозерцанія Н. К. Михайловскаго, мы укажемъ на то понятіе, которое доминируетъ въ его соціологической системѣ, понятіе о *человѣческой индивидуальности*, цѣлостной человѣческой личности. Соціологъ, анализируя элементы своей дисциплины, сталкивается съ двумя крайними терминами: обществомъ—съ одного конца, человѣкомъ—съ другого. Онъ изучаетъ ихъ развитіе и ихъ взаимныя отношенія. Отъ того или иного рѣшенія этой основной задачи зависитъ характеръ всей его соціологической системы. Европейская

соціологія, въ серединѣ нашаго столѣтія вплотную подойдя къ этой проблемѣ, въ трудахъ Спенсера рѣшительно стала на точку зрѣнія развитія *общества*, создала органическую теорію общественнаго развитія. На вопросъ: что такое прогрессъ?—она отвѣтила: усложненіе общественнаго организма, дифференціація его отправленій и органовъ, переходъ отъ простого, неразвитаго состоянія къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному, путемъ послѣдовательныхъ расчлененій.

Любопытно разсмотрѣть обстановку, которую застало у насъ такое рѣшеніе вопроса въ европейской соціологической литературѣ.

Мы переживали въ это время нашъ Sturm und Drang-Periode. Послѣ долгихъ лѣтъ суроваго стѣсненія человѣческой личности во всѣхъ ея общественныхъ проявленіяхъ, шестидесятые годы принесли съ собою первые проблески лучшаго будущаго, были сдѣланы первые шаги раскрѣпощенія личности. Интересы человѣка, свободное проявленіе всѣхъ его способностей, свободное удовлетвореніе всѣхъ его потребностей стали центральнымъ пунктомъ общественнаго вниманія. Собственно говоря, эта задача въ связи съ другою, со стремленіемъ отдать свои духовныя силы на служеніе тѣмъ, кому судьба не даровала возможности развить свое человѣческое достоинство, были издавней задачей русской интеллигенціи. Неудачи, встрѣтившія ея стремленіе выработать связующія звенья межъ нашимъ историческимъ прошлымъ и обще-культурнымъ будущимъ, заставили дѣятельную и, можетъ быть, лучшую часть этой интеллигенціи извѣриться въ свои силы, перенести центръ тяжести съ себя на массы, въ надеждѣ, что эти массы своими силами преодолѣютъ сопротивленіе всѣхъ завѣщанныхъ прошлымъ отсталыхъ элементовъ. Но когда и новое поколѣніе убѣдится, что «сѣра теорія и вѣчно зелено древо жизни», что нельзя принижать выработанныя исторіей прогрессивныя силы, пользуясь ихъ временными неудачами, то это новое поколѣніе иначе оцѣнитъ историческую роль нашей интеллигенціи, съ любовью вспомнитъ о первыхъ ея работникахъ и объ ихъ продолжателяхъ...

Прошло уже больше ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ голоса Новикова и Радищева глухо прозвучали въ некультурной Россіи, еще невыбившейся изъ татарскихъ сѣтей, которыя такъ прочно прикрѣпили ее къ Востоку, что даже могучій геній Петра не смогъ разорвать ихъ. Русское общество въ то время еще не могло создать общественной силы, которая поставила бы своею цѣлью разрѣшеніе задачи, намѣченной трудами просвѣтителей, задачи—поставить интересы народа во главу угла общественнаго устроительства. И только среди отдѣльныхъ представителей нарождавшейся интеллигенціи эта задача нашла послѣдователей. Особыя

историческія условія сплотили эти разрозненныя личности, придали имъ крупное общественное значеніе. Но между интеллигенціею двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія,—этимъ цвѣтомъ русскаго общества и представительницею европейскаго ума и образованности,—съ одной стороны, и культурною толпой (о некультурной толпѣ нечего и говорить)—съ другой, была глубокая, непроходимая пропасть. Здѣсь Европа столкнулась съ Азіей, но первая была представлена слабою горстью интеллигентовъ, вторая — подавляющею, неподвижной массой. Роковой исходъ этого столкновенія указалъ интеллигенціи задачу на многіе годы. Предстояло прежде всего хоть отчасти заполнить эту ужасную пропасть, выработать для европейскихъ вершинъ хоть сколько нибудь прочный фундаментъ въ культурныхъ массахъ «командующихъ классовъ»; предстояло, съ другой стороны, подготовить условія для будущей исторической роли некультурныхъ массъ, т. е. прежде всего снять съ нихъ крѣпостныя оковы. Это была задача, которой посвятили себя «люди сороковыхъ годовъ». Многіе не могли довести ее до конца, надорвались въ стремленіи примирить еврепейскія идеи съ русскою дѣйствительностью. Одни превратились въ Рудиныхъ, другіе—въ отчаяніи извѣрились въ силу своей родины, какъ Чаадаевъ. Но дѣйственная проповѣдь Бѣлинскаго и его друзей расшевелила культурную массу, выдѣлила изъ нея лучшіе и уже не столь малочисленные элементы, которые при первой же возможности проявили себя активной общественной силой. Эта блестящая литературная дѣятельность подготовила почву для расцвѣта шестидесятыхъ годовъ. Нить развитія русской общественной мысли становилась все замѣтнѣе. Поколѣніе за поколѣніемъ пряло ее, и каждое являлось естественнымъ и вполнѣ законнымъ наслѣдникомъ предыдущаго. Мало-по-малу формировалась русская интеллигенція, у которой являлись свои особыя общественныя задачи. Русская экономическая и общекультурная дѣйствительность въ значительной степени способствовала развитію и даже самой возможности такихъ задачъ. Старыя сословныя раздѣленія были слишкомъ грубы, отталкивали отъ себя всякую живую, проникнутую прогрессивными стремленіями личность. Новыя классовыя противоположности развивались слишкомъ медленно на почвѣ страшной экономической отсталости. На Западѣ буржуазія сыграла блестящую культурную роль, привлекая къ себѣ всѣ лучшія прогресивныя силы въ самомъ началѣ своей борьбы съ феодальнымъ строемъ, и впослѣдствіи надолго закрѣпостила на служеніе своимъ интересамъ европейскую интеллигенцію. Пользуясь прошлыми трофеями, звучными, хотя и утратившими первоначальное значеніе девизами, она сумѣла окутать идеологической дымкой свои узкіе, своекорыстные разсчеты; она воздвигла исто-

рическіе мостки, по которымъ сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно удобно было умственнымъ силамъ страны пойти на служеніе интересамъ владѣющихъ классовъ. Не такъ обстояло дѣло въ Россіи. Здѣсь не только удобныхъ, но и никакихъ мостковъ не было, и всякому мыслящему человѣку предстояло по-просту выбирать между служеніемъ кулачному праву,—открытымъ, наглымъ, не прикрывающимся никакимъ фиговымъ листомъ,—и служеніемъ интересамъ народа, между защитою крѣпостническихъ тенденцій и гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Конечно, это только общіе контуры. Чѣмъ больше усложнялась русская жизнь, тѣмъ сильнѣе дифференцировалась и и интеллигенція. Однако, долголѣтняя работа въ извѣстномъ направленіи, непрестанное вліяніе гуманистической литературы и медленный темпъ экономическаго развитія, далъ возможность выработаться особой исторической группѣ, представлявшей интересы всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ».

Другая задача—подготовленіе условій самостоятельнаго развитія некультурныхъ массъ—была разрѣшена только частью. Страшное зло исторической Руси—крѣпостное право пало. Но уже въ моментъ паденія его нашъ великій поэтъ Некрасовъ провидѣлъ будущее:

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

И, къ несчастью, другое его пророчество о томъ, что ихъ «легче распутать народу»—еще не оправдалось.

Въ рамкахъ этой суровой дѣйствительности пришлось работать преемникамъ дѣятелей «людей сороковыхъ годовъ».

На первыхъ порахъ, когда на очереди стоялъ крестьянскій вопросъ, въ которомъ концентрировались всѣ идейныя стремленія предшествующаго поколѣнія, новые дѣятели должны были отдать всѣ свои силы ликвидаціи этого вопроса, его практическому рѣшенію. И мы видимъ, что въ то время, какъ одна часть передовой интеллигенціи содѣйствовала практическому рѣшенію крестьянскаго вопроса, другая намѣчала пути его дальнѣйшаго развитія, расширяла вопросъ до выработки цѣлостнаго міросозерцанія, въ основу котораго клались интересы освобожденнаго народа. Это была эпоха идейнаго вліянія Чернышевскаго и Добролюбова. Первый отдалъ свои силы исторической разработкѣ общественныхъ движеній теоретической выработкѣ справедливыхъ основаній экономической жизни, изученію въ современной практической жизни зародышей лучшаго будущаго. Добролюбовъ разсматривалъ всѣ вопросы литературы и науки съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Характеризуя задачи новаго поколѣнія, онъ говоритъ: «Сознаніе

своего кровнаго, живого родства съ человѣчествомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между собою,— вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у людей новаго времени мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдняя цѣль... принесеніе возможно большей пользы человѣчеству; въ ихъ сужденіяхъ люди возвышаются по тому, сколько они желали и умѣли сдѣлать пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя ихъ особенное вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный или патетическій, а тѣ, которыя сколько нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества» (Добролюбовъ, II, 392). Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ коротко и рѣзко формулируетъ современныя задачи: «насущная современная задача—это законное обезпеченіе гражданскихъ правъ и матеріальнаго быта милліоновъ народа» (III, 365). «Въ глазахъ истинно образованнаго человѣка, говоритъ онъ, есть только люди трудящіеся и дармоѣды. Уничтоженіе дармоѣдовъ и *возвеличеніе труда*—вотъ постоянная тенденція исторіи. По степени большаго или меньшаго уваженія къ труду и по умѣнію оцѣнивать трудъ болѣе или менѣе соотвѣтственно его истинной цѣнности—можно узнать степень цивилизаціи народа» (II, 293).

Вскорѣ, однако, теченіе общественной мысли направляется по другому руслу. На историческую сцену выступаетъ новый общественный слой, а вмѣстѣ съ нимъ и новое общественное настроеніе.

Эпоха великихъ реформъ глубоко всколыхнула русскую жизнь. Самъ народъ еще не могъ выступить на арену исторіи активнымъ дѣятелемъ. Но тѣ общественные слои, которые стояли близко къ нему, которые до реформы раздѣляли его закрѣпощеніе, если не въ формально-юридическомъ, то въ нравственно-политическомъ отношеніи, теперь были разбужены, стали проявлять себя, какъ самостоятельная часть русскаго общества. Первые шаги этого такъ называемаго *разночинства* были направлены не въ ту сторону, какъ предшествующая работа интеллигентныхъ дѣятелей эпохи реформъ. Послѣдніе были такъ сильно озабочены выпавшей на ихъ долю задачей освободить крѣпостной людъ, что предъ этимъ отступили на задній планъ всѣ остальные элементы ихъ міровоззрѣнія. Разночинецъ же какъ разъ эти элементы рѣзко подчеркнулъ и выдвинулъ. Онъ самъ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ народомъ, но въ то время, какъ тотъ «безмолвствовалъ», онъ, увлеченный открывавшимися передъ нимъ перспективами блестящаго будущаго, властно предъявилъ запросы на основныя, «естественныя права» человѣческаго существованія, и прежде всего на право свободно мыслить, свободно чувствовать, свободно работать. На смѣну научно-реалистической общественной мысли явилась матеріалистическая, индивидуалистическая этика Писарева. Для

первой—центръ тяжести былъ въ улучшеніи правового и экономическаго положенія массъ, задача чисто общественная; для второго—въ свободѣ индивидуума. Этою свободой не хотѣло поступаться и поколѣніе Добролюбова, который писалъ: «осмотрѣвшись вокругъ себя, люди новаго времени увидали въ мірѣ только *человѣка*, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру... На первомъ планѣ у нихъ всегда стоитъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ» (II, 393). Но сейчасъ же за этимъ слѣдуетъ уже приведенное мѣсто, гдѣ «прямое и существенное благо» человѣка растворяется въ человѣческой *солидарности*. Писаревъ же, по обыкновенію прямо и рѣшительно, разграничиваетъ интересы *личности* отъ интересовъ *солидарности*, отъ народныхъ интересовъ. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей «Схоластика XIX вѣка» онъ рѣзко формулируетъ свои взгляды: «Литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна бить въ одно точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, *стремленіе къ общему идеалу* и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны» (Писаревъ, I, 339). Позднѣе Писаревъ еще рѣзче подчеркиваетъ расхожденіе интересовъ личности и народа. «Люди третьяго разряда (Базаровы) идутъ дальше,—*они сознаютъ свое несходство съ массою* и *смѣло отдаляются отъ нея* привычками, поступками, всѣмъ образомъ жизни. Пойдетъ ли за ними общество—*до этого имъ дѣла нѣтъ*. Они полны собою, своею внутреннею жизнью и не стѣсняютъ ея въ угоду принятымъ обычаямъ и церемоніаламъ. Здѣсь личность достигаетъ полнаго самоосвобожденія, полной особности и самостоятельности» (II, 394—5).

Это, конечно, еще не значитъ, что Писаревъ вовсе не интересовался судьбою народа, но эта судьба занимала его не какъ задача современнаго момента, а какъ болѣе отдаленная цѣль. Удовлетвореніе потребности разночинца («мыслящаго пролетарія») само собою пойдетъ на пользу народу. «Изданіе книгъ по естественнымъ наукамъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ» (III, 274). Особенно ярко сказывается противоположность міросозерцанія Добролюбова и Писарева, если сопоставить извѣстную тираду Писарева объ «образованныхъ капи-

талистахъ» со словами Добролюбова на ту же тему. «Если, говоритъ Писаревъ, естествознаніе обогащаетъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребность иного міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эта потребность совершенно сливаются между собою, поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя соруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи» (III, 774—5). Этимъ надеждамъ на «просвѣщенныхъ капиталистовъ» достаточно противопоставить слѣдующія прямыя строки Добролюбова, чтобы понять, какія перемѣны внесены были новымъ общественнымъ настроеніемъ. «Если разсмотрѣть дѣло поближе, то окажется, что межъ грубымъ произволомъ и просвѣщеннымъ капиталомъ, не смотря на ихъ видимый разладъ, существуетъ тайный, невыговоренный союзъ, вслѣдствіи котораго они дѣлаютъ другъ другу разныя деликатныя и трогательныя уступки, и щадятъ другъ друга, и прощаютъ мелкія оскорбленія, имѣя въ виду одно: общими силами противостоять рабочимъ классамъ, чтобы тѣ не вздумали потребовать своихъ правъ» (III, 181).

Писаревъ такъ формулировалъ тотъ верховный критерій, ради котораго онъ жертвовалъ идеалами предшествующаго поколѣнія: «я все основываю на непосредственномъ чувствѣ, я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалы; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ *цѣльной личности*, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою» (I, 368—9).

Въ этихъ словахъ Писаревъ является намъ не какъ оригинальный только мыслитель, а какъ властитель думъ своего поколѣнія, трибунъ новаго общественнаго слоя, выступившаго на историческую сцену, блестящій представитель и вождь молодого поколѣнія. Безъ увертокъ, безъ лицемѣрія, съ глубокой вѣрой въ свою правоту онъ высказываетъ свой символъ вѣры: намъ не надо идеала и цѣли въ жизни, будемъ наслаждаться самимъ процессомъ жизни! Служеніе идеаламъ только давитъ свободную личность; аскетизмъ только уродуетъ, не даетъ ей свободно проявляться... Легко, конечно, по поводу такого откровеннаго заявленія расточать возгласы ужаса, проявлять аффектированное

нравственное возмущеніе и потонуть въ потокахъ благородныхъ фразъ. Такъ и сдѣлали тогдашніе противники Писарева, и все же они были нравственно неизмѣримо ниже этого противника идеаловъ, отдавшаго свою короткую жизнь служенію идеалу, противника аскетизма, проведшаго лучшую часть своей жизни въ мрачномъ уединеніи... Еще легче подвергнуть легкомысленныя разсужденія молодого публициста глубокомысленной профессорской критикѣ и солидно перечислить всѣ его заблужденія и противорѣчія! Но чтобы понять Писарева, надо глубоко всмотрѣться въ переломъ общественныхъ отношеній, вызванный паденіемъ крѣпостного права. Какъ я уже сказалъ, на арену русской жизни стремительно вырвались общественные слои, до того времени порабощенные и задавленные, но накопившіе большой запасъ потенціальныхъ силъ, дѣйственной энергіи. Мораль рабовъ, добродѣтели аскетизма, самоотреченія, въ надеждѣ на вознагражденіе будущими благами,—ихъ не удовлетворяли. Они возненавидѣли не только давившую ихъ раньше житейскую фальшь, но и все то, что хоть отдаленно ее напоминало. Не только обѣщанія, даваемыя традиціонными утѣшеніями, заставляли ихъ настораживаться, но и всякія идеальныя подобія такихъ утѣшеній за непосредственно переживаемыя страданія. «А изъ меня будетъ лопухъ расти!» — это восклицаніе служило имъ оружіемъ не только противъ слащавыхъ напоминаній Кирсановыхъ старшаго поколѣнія, но и противъ призыва къ исторической работѣ на пользу грядущихъ поколѣній. Они *сами* требовали своей доли на жизненномъ пиру, они хотѣли свободно и полно проявить *свою* личность, *свою* индивидуальность, хотѣли свободно жить, дышать, наслаждаться, увѣренные, что изъ этой свободы проистечетъ въ милліонъ разъ больше добра для всего человѣчества, чѣмъ изъ высокихъ, но лицемѣрныхъ фразъ ихъ недавнихъ властителей. Вожди только что пережитой эпохи общественности сошли со сцены. Слѣдовавшіе за ними были истощены только что выполненнымъ крупнымъ дѣломъ и почувствовали свое безсиліе предъ огромными препятствіями на пути къ осуществленію новыхъ грандіозныхъ задачъ. Многіе лучшіе представители этого поколѣнія понимали, какъ важно для этихъ задачъ созданіе сильныхъ самостоятельныхъ дѣятелей и потому сочувственно прислушивались къ новой проповѣди. Многіе, подобно Рахметову, сошли съ открытой сцены и спустились въ самые низы русскаго общества, надѣясь тамъ отыскать сильную поддержку. Такимъ образомъ, общественная арена очутилась во власти разночинца, который на первыхъ порахъ своей дѣятельности задавалъ тонъ прогрессивнымъ элементамъ общества. Выставляя требованіе всесторонняго, ничѣмъ не сдерживаемаго

развитія личности, полнаго проявленія человѣческой индивидуальности, разночинецъ еще не задумывался надъ положеніемъ тѣхъ, кто остался тамъ, позади... Если же и задумывался, то стремился найти быстрое утѣшеніе, которое не погнало бы его обратно въ тѣ подвалы, изъ которыхъ онъ только что вырвался. Онъ старался убѣдить себя, что развитіе человѣческой личности среди тѣхъ, кто уже поднялся изъ подваловъ, пойдетъ на пользу этимъ же подваламъ, реформируетъ все общество, осчастливитъ тѣхъ, кто самъ еще не дорось до пониманія своихъ интересовъ, но, понявши, примкнетъ къ разночинцу. «Рабочіе,—говоритъ Писаревъ въ одной изъ наиболѣе зрѣлыхъ своихъ статей «Реалисты»,—составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало... Онъ остается въ тѣхъ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. *Что же намъ дѣлать съ этими подвалами? Покуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда*, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда прямо *или косвенно* клонится къ созданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы» (IV, 68—69). Дѣйствительность очень скоро показала, какъ мало «общественные подвалы» могутъ надѣяться на обѣщанную имъ дезинфекцію; но въ ту пору свободные порывы торжествующаго разночинца еще не разбивались о непреклонныя историческія преграды; надрывающіе душу стоны, доносившіеся изъ подваловъ, не указали еще властно на новыя общественныя задачи, и голосъ народившагося «кающагося дворянина», понявшаго свою историческую вину передъ народомъ, стремящагося искупить эту вину, еще не омрачалъ жизнерадостнаго настроенія «мыслящаго пролетарія...»

Вотъ въ такую-то эпоху нашего общественнаго развитія и создалась у насъ русская соціологическая школа.

Европейская соціологія, какъ мы уже указали, выдвинула на первый планъ развитіе общества, какъ цѣльнаго организма; она поставила въ основу развитія — раздѣленіе труда между отдѣльными органами этого организма, его усовершенствованіе путемъ борьбы за существованіе между особями, каждая изъ которыхъ приспособлялась къ своей отдѣльной функціи общественнаго органа. Такимъ образомъ, получилась очень стройная картина общественнаго организма Левіаѳана, и на алтарѣ его была заклана человѣческая личность, куда-то стушевавшаяся, исчезнувшая изъ твореній ученыхъ соціологовъ. Ихъ перестало интересовать *ея* развитіе, *ея* горе и радости, *ея* побѣды и пораженія. Довольные тѣмъ, что въ ихъ фантастическихъ картинахъ одни особи только

и дѣлаютъ, что предаются умственнымъ занятіямъ; другіе—всю жизнь работаютъ мозолистыми руками, превративъ самый мозгъ въ ненужный придатокъ къ системѣ мускуловъ — ученые соціологи порѣшили, что объективнымъ путемъ дошли до познанія соціальныхъ отношеній.

И на Западѣ эта органическая теорія встрѣтила рѣзкій отпоръ. Тамъ соціологи, мысль которыхъ не остановилась на двухъ крайнихъ полюсахъ общественной жизни, личности и обществѣ, разглядѣли, благодаря развитымъ общественнымъ отношеніямъ, что реальный процессъ жизни заключается не только въ борьбѣ этихъ двухъ элементовъ, но гораздо больше въ борьбѣ различныхъ общественныхъ организацій и группъ; рѣзкое противопоставленіе двухъ крайнихъ терминовъ и подчиненіе личности обществу, затушевывая обозначившіеся групповые антагонизмы, идетъ на пользу болѣе сильнымъ.

У насъ органическая теорія попала въ своеобразную атмосферу, о которой мы говорили выше. Съ одной стороны, неразвитость формъ общественной жизни, отсутствіе исторически сложившихся общественныхъ классовъ и слабая организація сословій не давали почвы для развитія классовой борьбы, какъ основного фактора общественной жизни; такая борьба не ослабляла рѣзкаго противоположенія личности и общества; личность не могла въ союзѣ съ тѣми, чьи интересы были однородны, искать защиты отъ Левіаѳана-общества и отдавалась органической теоріей совершенно безъ всякой защиты на растерзаніе тѣмъ, кто въ данную историческую минуту олицетворялъ это общество-Левіаѳанъ. Съ другой стороны, моментъ болѣе рельефной и рѣзко проявлявшейся общественной роли, которую играла вновь образовавшаяся русская интеллигенція, страстно вѣровавшая въ силу человѣческой личности и склонная преувеличивать ея вліяніе въ историческомъ процессѣ,—подготовилъ почву для рѣзкой критики органической теоріи и для противопоставленія ей другой теоріи, опирающейся на всесторонне развитую индивидуальность.

Эту критику органической теоріи и формулировку общественной роли и судьбы личности далъ въ нашей соціологической литературѣ Н. К. Михайловскій, но онъ имѣлъ предшественника, котораго самъ въ своихъ полу-автобіографическихъ запискахъ «Въ перемежку» называетъ «геніальнымъ учителемъ-другомъ». Это былъ молодой, безвременно умершій Николай Дмитріевичъ Ножинъ (въ «запискахъ Темкина»—Бухарцевъ). Какъ мы увидимъ позднѣе это «учительство» было, какъ для всякаго умѣющаго самостоятельно мыслить и развиваться ученика, одностороннее. Цѣлый рядъ положеній соціологической теоріи Н. К. Михайловскаго мы, дѣйствительно, находимъ у Ножина въ довольно яркой и опре-

дѣленной формулировкѣ. Но они явились только одной стороной въ той «системѣ правды», служенію которой посвятилъ свои силы Н. К. Михайловскій, тогда какъ, съ другой стороны, эта система явилась прямымъ продолженіемъ дѣятельности гуманистовъ 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ результатѣ—цѣлое, «система правды», стало совершенно своеобразнымъ проявленіемъ русской общественной мысли. Она сложилась не въ безвоздушномъ пространствѣ чистаго мышленія, а въ извѣстной опредѣленной общественной средѣ, полной торжествующихъ криковъ побѣдителей, стоновъ и проклятій побѣжденныхъ, полной надеждъ, чаяній, разочарованій, колебаній, однимъ словомъ, въ живой жизни.

Во многомъ отношенія между Ножинымъ и Н. К. Михайловскимъ напоминаютъ обрисованныя нами отношенія между Добролюбовымъ и Писаревымъ, только хронологически-вывернутыя на изнанку. Первые шаги друзей народа нашли свое теоретическое выраженіе въ трудахъ Добролюбова и всей школы «Современника» до 1862 г. и затѣмъ уступили господство въ интеллигентной средѣ идеямъ разночинства, не отказавшагося вполнѣ отъ традицій предшествующаго поколѣнія, но только затемнившаго ихъ рѣзко подчеркнутыми проявленіями индивидуализма. Ножинъ былъ напитанъ тѣми-же идеалами разночинства и далъ имъ соціологическое освѣщеніе. Какъ соціологъ, онъ наиболѣе ярко проявилъ тѣ черты, которыя составляли духовную сущность господствовавшаго въ 60-хъ годахъ разночинства. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала формулировкѣ идей этого оригинальнаго мыслителя, и намъ по неволѣ приходится довольствоваться отрывками и догадками. На идеяхъ Ножина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отразились идеи великаго французскаго разночинца—Прудона. Но тогда какъ Прудонъ, не смотря на рѣзкое подчеркиваніе роли свободной личности, все же долженъ былъ считаться съ развитыми въ значительной мѣрѣ классовыми отношеніями Франціи, съ историческимъ значеніемъ буржуазіи и пролетаріата, нашъ соціологъ свободно парилъ смѣлой мыслью между двумя полюсами общественной жизни, обществомъ и индивидуумомъ, не связанный никакими отношеніями къ общественнымъ группамъ, классамъ, кромѣ своей принадлежности къ безформенной массѣ интеллигенціи, тогда еще праздновавшей медовый мѣсяцъ своей духовной независимости. Въ то время эта интеллигенція, — какъ мы уже сказали, — мечтала своими усиліями, своей умственной работой принести счастье всему человѣчеству, добившись полнаго проявленія независимой, цѣлостной человѣческой личности, расширяя ряды «мыслящихъ реалистовъ», «образовывая новые міры изъ первобытнаго тумана». *Наука*—стала единственнымъ орудіемъ для разрѣшенія всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Она исцѣлитъ всѣ язвы совре-

меннаго общества. Въ сознаніи своего высокаго предназначенія, она можетъ съ легкимъ сердцемъ проходить мимо «темныхъ подваловъ», ждущихъ немедленной помощи только по своему невѣжеству, но эта легкость сердца дается не жесткимъ презрѣніемъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ, а глубокой убѣжденностью въ мощь и чудотворныя силы знанія. Ученый только потому можетъ предаваться изслѣдованіямъ, что сознаетъ себя слугою общества, отдавъ себя, свои труды отысканію путей лучшаго будущаго. Ножинъ прямо высказываетъ этотъ взглядъ, таящій въ себѣ уже возможность перехода къ другимъ формамъ служенія народу, и намѣчаетъ для ученыхъ слѣдующую задачу. «Ученые—въ настоящемъ смыслѣ этого слова—это общественные дѣятели, почерпающіе изъ предмета своихъ познаній какіе либо практическіе выводы, отдающіе свою жизнь наукѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, что признаютъ въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала: разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Наука для науки, какъ и искусство для искусства, справедливость для справедливости, порядокъ для порядка, трудъ для труда, словомъ—спеціальность для спеціальности, уже понятія умершія. Существованіе ихъ кажущееся, и они обречены на близкую конечную погибель; полное отрицаніе узкихъ спеціальностей есть только полное отрицаніе эгоизма, и только наивные люди, не понимающіе собственныхъ своихъ выгодъ, и люди безчестные, слишкомъ хорошо ихъ понимающіе, могутъ еще искренно или притворно ужасаться такому требованію здраваго смысла» («Книжный Вѣстникъ», 1866 г. «Наша наука и ученые»; единственная, кажется, крупная публицистическая работа Ножина, оставшаяся, къ слову сказать, незаконченной—стр. 18). «Наука до сихъ поръ не разрѣшала общественныхъ вопросовъ и постоянно служила только поддержкой существующаго порядка вещей: *всѣ научныя обобщенія* въ рукахъ честнаго мыслителя—сами по себѣ стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ торжествующимъ порядкомъ вещей». Эта вѣра въ науку принимаетъ прямо фанатическій характеръ и приводитъ Ножина къ выводамъ, которые находились въ коренномъ противорѣчіи какъ съ идеями только что пережитой эпохи владычества надъ умами «Современника», такъ и со всей прогрессивной работой западной мысли и практическаго творчества. Ножинъ высказываетъ свои взгляды, по обыкновенію, рѣшительно и безбоязненно. «Наука есть *единственная* область человѣческой дѣятельности, въ которой въ настоящее время еще возможенъ позитивный характеръ, творческая, созидающая дѣятельность; по всѣмъ остальнымъ отправленіямъ общественной жизни дѣйствительно серьезная, вполнѣ разумная и въ то же время вполнѣ честная дѣятельность совершенно невоз-

можна, чистая утопія. Вся творческая дѣятельность по справедливости принадлежитъ въ настоящее время во всей Европѣ правительствамъ (вспомните, что это писалось въ эпоху господства Наполеона III во Франціи и побѣды юнкерства въ Пруссіи!)... Соціализмъ въ томъ смыслѣ, какъ его слѣдуетъ понимать—государство въ государствѣ, и правительства не могутъ допускать такого рода дѣятельности; *поэтому* проповѣдывать и вѣрить въ соціализмъ—ребяческая наивность или хитрая уловка эксплуататоровъ» (тамъ же). Этотъ безапелляціонный отказъ отъ всякой общественной дѣятельности послѣ того могущественнаго содѣйствія освобожденію закрѣпощеннаго народа, которое оказала наша интеллигенція, вмѣстѣ съ фанатической вѣрой въ разрушительныя и преобразовательныя силы научной дѣятельности—не есть плодъ размышленій какого-нибудь одинокаго, далекаго отъ жизни мыслителя. Какъ можно видѣть изъ воспоминаній Н. К. Михайловскаго, Ножинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ въ кружкѣ, группировавшемся вокругъ «Книжнаго Вѣстника», и, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣлъ отношеніе къ другимъ кругамъ, проявившимъ себя въ ту эпоху. Ножину не удалось подробнѣе развить свою точку зрѣнія, приведшую его къ такому рѣзкому отрицанію прогрессивныхъ теченій вѣка, но и въ томъ немногомъ, что было высказано имъ, мы чувствуемъ отголоски извѣстнаго общественнаго настроенія. Всякое стремленіе къ творческой дѣятельности во имя насущныхъ народныхъ интересовъ только отвлекаетъ мыслящій пролетаріатъ отъ служенія всеспасающей наукѣ. Не то же ли самое высказывалъ Писаревъ, когда писалъ: «Наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образомъ перевоспитаетъ человѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую каѳедру, на фабрику и къ постели больного, въ степную деревню и въ уѣздный городъ, то, безъ сомнѣнія, скромное изученіе химическихъ силъ и органической клѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальныя силы» (Сочиненія, III, 273). Или еще сильнѣе: «Пока наука не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и простого мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безнравственность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, не смотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лѣкарство—наука» (Ib., IV, 128). Чтобъ

понять всю пропасть, отдѣляющую эти воззрѣнія отъ идей «Современника», достаточно, кажется мнѣ, напомнить простую и ясную мысль, высказанную Добролюбовымъ: «Не жизнь идетъ по литературнымъ теоріямъ, а литература измѣняется сообразно съ направленіемъ жизни... Разнообразіе общественныхъ интересовъ и *успѣхи борьбы изъ-за нихъ* опредѣляютъ развитіе лигературы» (Сочиненія, I, 468).

Эта вѣра въ науку есть только одно изъ проявленій идеологіи первой эпохи дѣятельности разночинцевъ. Устремившись къ собственному освобожденію путемъ работы критической мысли, они на время забыли завѣты своихъ первыхъ учителей и еще не успѣли смутиться отъ стоновъ тѣхъ, кому некогда было ждать благодѣтельныхъ результатовъ научной работы, еще не прислушались къ покаяннымъ рѣчамъ «кающихся дворянъ» о нашемъ огромномъ историческомъ долгѣ народу. Въ нихъ еще не заговорила (пользуясь терминами Н. К. Михайловскаго) встревоженная совѣсть, они послушны только горделивому зову оскорбленной чести. Имъ хочется прежде всего освободить свою собственную мысль отъ тѣхъ путъ, которыя наложены на нее предшествующей исторіей, вѣками тьмы и порабощенности. Тогда они своей мыслью перекроятъ міръ, а пока все, мѣшающее этой ихъ творческой работѣ—только вредныя утопіи...

Въ чемъ же заключаются истины этой открывающей такія свѣтлыя перспективы науки? Ножинъ даетъ первые абрисы соціологическаго знанія, исходя изъ своихъ глубокихъ познаній біологіи.

«Какая это причина, спрашивается въ одной рецензіи «Книжнаго Вѣстника» *), нарушающая гармонію жизни межъ индивидуумами одного вида? Отвѣчаемъ двумя словами: *раздѣленіе труда между индивидуумами* и *нарушенная* этимъ *цѣлостность личности*. Политико-экономы этого не могутъ понять и все еще ищутъ причину зла въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства, признавая въ то же время раздѣленіе труда (т. е. нецѣлостность организмовъ) за условіе, не только не вредное само по себѣ, но даже необыкновенно выгодное для успѣховъ развитія... Чѣмъ сильнѣе раздѣленіе труда, тѣмъ меньше солидарности межъ отдѣльными кастами, тѣмъ меньше взаимнаго пониманія другъ друга и, наконецъ, тѣмъ меньше индивидуумы различныхъ кастъ самостоятельны и свободны, слѣдовательно, каждому въ отдѣльности хуже».

Такимъ образомъ,—*раздѣленіе труда* признано главнымъ врагомъ человѣческаго развитія. Эта исходная точка не является чѣмъ-либо новымъ, неожиданнымъ въ русской литературѣ. Противъ золъ, вызываемыхъ мануфактурной системой раздѣленія труда,

*) Намъ кажется, что эта рецензія принадлежитъ Ножину.

ратовалъ уже Н. Г. Чернышевскій—вслѣдъ за европейскими критиками этого подавленія человѣческой личности, сведенія ея на «палецъ отъ ноги». Но оригинальна на этотъ разъ форма критики. Раздѣленіе труда преслѣдуется Ножинымъ не только за крайности своего вліянія, а въ самой основѣ, какъ противоположность солидарности совершенно самостоятельныхъ и равноправныхъ личностей. «Солидарность, говоритъ Ножинъ, всѣхъ членовъ общества какъ умственная, такъ и нравственная, сліяніе интересовъ всѣхъ сословій и, *слѣдовательно, предметовъ ихъ занятій*, взаимный обмѣнъ услугъ между всѣми членами общества и взаимный контроль и отвѣтственность—вотъ тѣ современныя требованія здраваго смысла, во имя которыхъ мы намѣрены обсуждать направленіе и предметъ изслѣдованій ученыхъ» («Книжн. Вѣст.», 1866 г., стр. 20). Съ этой точки зрѣнія—все прошлое человѣчества является однимъ регрессивнымъ развитіемъ. «Вмѣсто этого историческаго *развитія* человѣчества, мы бы предпочли сказать—историческое *разложеніе* человѣчества, но намъ не повѣрятъ или, вѣрнѣе, насъ не поймутъ» (Ib. 51). «Если вообще начало раздѣленія труда будетъ развиваться межъ людьми, то разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ сдѣлается невозможно и число такихъ вопросовъ или «экономическихъ противорѣчій» (?) будетъ рости» (Ib. 53). Изъ уничтоженія раздѣленія труда, результатомъ котораго явится «осуществленіе всего идеала человѣчества, именно—гармоническое сочетаніе всѣхъ вообще отправленій»—слѣдуетъ уничтоженіе борьбы за существованіе и физіологическій расцвѣтъ личности. Самую полную характеристику этого соціологическаго положенія даетъ Ножинъ въ послѣдней своей статьѣ, напечатанной уже послѣ его смерти. «Дарвинъ не видитъ, что борьба за существованіе невыгодна для развитія. Вся теорія Дарвина поэтому можетъ быть названа теоріей геніальнаго буржуа-натуралиста. Теорія постепеннаго развитія органической жизни на землѣ должна неизбѣжно допустить преобладаніе физіологическихъ явленій развитія (т. е. усложненіе организма, его ростъ) надъ патологическими, иначе невозможно было бы постепенное увеличеніе массы органической жизни, постоянно обособляющей все большія количества неорганическаго вещества, превращая ихъ въ органическія соединенія». «Какъ ростъ и размноженіе, такъ и развитіе, т. е. усложненіе организма не обусловлены непремѣнно нарушеніемъ цѣлостности организмовъ, которая нарушается лишь вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій при развитіи, нарушающихъ гармонію межъ отдѣльными частями развивающагося организма. Борьба же за существованіе межъ организмами лишь результатъ несходства ихъ организаціи или, когда они сходны (т. е. принадлежатъ къ одной ступени развитія, къ одному виду), то результатъ *антагонизма интересовъ или—что*

то же самое—раздѣленія труда. При отсутствіи раздѣленія труда вполнѣ сходные другъ съ другомъ и органически независимые организмы не борются межъ собою за существованіе: они всѣ борются только съ окружающими ихъ внѣшними условіями и, управляясь одними и тѣми же интересами, имъ невыгодно вредить другъ другу и паразитничать на индивидуумахъ своего собственнаго вида. Поэтому единство физіологическихъ интересовъ, возможное только межъ одинаковыми особями, не нарушается ни размноженіемъ, ни развитіемъ, а потому всѣ общественныя противорѣчія (contradictions économiques Прудона), въ томъ числѣ и законы Мальтуса и Дарвина, явленія патологическія, возможныя только при нарушеніи цѣлостности организмовъ, при неизбѣжной зависимости другъ отъ друга односторонне развитыхъ индивидуумовъ, слѣдовательно—опять таки только при раздѣленіи труда» *). Наконецъ, Ножинъ резюмируетъ свои взгляды и дѣлаетъ окончательный общественный выводъ, открыто присоединяющій его къ тому теченію, которое имѣло тогда въ Европѣ своимъ блестящимъ представителемъ Прудона. «Вполнѣ сходные другъ съ другомъ организмы не борются межъ собою за существованіе, но стремятся, напротивъ, сливаться другъ съ другомъ, такъ сказать, связывать во-едино свои однородныя силы, и при этомъ вмѣсто раздѣленія труда замѣчается въ ихъ отношеніяхъ только сотрудничество... Менѣе всего самостоятельны и свободны органы, уже болѣе самостоятельны почки, затѣмъ индивидуумы при раздѣленномъ трудѣ и, наконецъ, болѣе всего независимы другъ отъ друга цѣлостные индивидуумы; нецѣлостные, хотя бы и свободные индивидуумы неизбѣжно подвержены взаимной зависимости и гнету, находящимся въ прямомъ противорѣчіи съ индивидуальными выгодами, съ выгодами *полнаго здоровья*, *свободы*, *анархіи*“...

Здѣсь Ножинъ поставилъ точку надъ *i*, опредѣливъ ту систему общественныхъ отношеній, которая вытекаетъ изъ его абсолютнаго, никакими оговорками не ограниченнаго отрицанія раздѣленія труда. Русскій разночинецъ пришелъ къ анархіи въ теоріи, какъ къ ней практическими условіями жизни приведенъ былъ французскій разночинецъ Прудонъ. Но русскій анархизмъ былъ совершенно непригоднымъ факторомъ тамъ, гдѣ предстояли громадныя, еще до сихъ поръ далеко не разрѣшенныя общественно-политиче-

*) Въ этой статьѣ, между прочимъ, Ножинъ подробно развиваетъ взглядъ на значеніе *взаимопомощи*, въ противоположность борьбѣ за существованіе, для органическаго развитія. Въ недавно вышедшихъ мемуарахъ русскаго географа и общественнаго дѣятеля, посвятившаго этому вопросу рядъ статей въ „Nineteenth Century“—„Mutual and among animals and men“, указывается русскій зоологъ, проф. Кесслеръ, впервые высказавшій эту идею, имя же Ножина совершенно не упоминается.

ческія задачи,—гдѣ предстояло установить правильныя соотношенія межъ различными общественными слоями, закончить начатое 19 февраля 1861 г. раскрѣпощеніе личности, развить тѣ зародышевыя формы общественной зависимости, которыя, какъ общинное владѣніе землею или артель, суживая самостоятельность личности, расширяютъ возможность ея общественнаго проявленія, создать новыя группы, которыя могли бы взять на себя историческую миссію развитія человѣческой солидарности.

Этимъ именно задачамъ посвятилъ себя и блестяще выполнялъ ихъ во всю свою долгую литературную дѣятельность Николай Константиновичъ Михайловскій, сумѣвшій объединить въ одно стройное цѣлое истинное ядро идей своего «учителя-друга» Ножина съ традиціями, завѣщанными эпохой 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ этой работѣ онъ могъ опереться на вновь народившіеся или рѣшительнѣе себя заявившіе слои русскаго разночинства, русской интеллигенціи.

Отходя отъ изложенія взглядовъ Ножина, мнѣ не хотѣлось бы оставить читателя подъ впечатлѣніемъ, будто Ножинъ далъ намъ вполнѣ выработанную систему воззрѣній. Скорѣе мы имѣемъ дѣло только съ намеками, эскизами. Если бы онъ развилъ ихъ болѣе подробно, мы принуждены были бы, можетъ быть, значительно измѣнить сказанное выше. Но тѣ фрагменты, которые сохранились отъ этого оригинальнаго мыслителя, въ связи съ пережитымъ въ эту эпоху настроеніемъ, невольно заставляютъ слегка дополнить и закруглить міровоззрѣніе Ножина. Къ этому побуждаетъ и отсутствіе въ его статьяхъ какихъ-либо указаній на тѣ общественныя задачи, которыя вскорѣ такъ взволновали русское интеллигентное общество, и его постоянныя ссылки (вплоть до терминологіи) на западнаго представителя автономіи личности—Прудона. Съ другой стороны, я нѣсколько подробно останавливался на взглядахъ Ножина еще потому, что они въ значительной степени перешли въ соціологическое ученіе Н. К. Михайловскаго, какъ могъ уже замѣтить читатель, знакомый съ этимъ ученіемъ.

А теперь вернемся къ исторіи нашего разночинства, нашей интеллигенціи.

Послѣ первыхъ головокружительныхъ историческихъ дебютовъ разночинца, послѣдній понялъ, что ему не удастся однимъ-двумя взмахами построить новую исторію человѣчества на развалинахъ стараго. Le mort saisit le vif. Онъ самъ оказался слишкомъ крѣпко привязаннымъ къ міру традицій, и міръ традицій цѣпкими лапами охватывалъ его, когда онъ пытался вырваться изъ этихъ объятій. Прежде всего разночинцы увидѣли себя слабой горстью людей, безсильныхъ передъ историческими тисками, не дававшими имъ свободно проявлять свое *я*. Тѣ необходимыя условія для безпрепятственнаго научнаго изслѣдованія, которыя составляютъ для

него conditio sine qua non, которыя должны были совершить чудеса, рисовавшіяся пылкому воображенію Ножина и его друзей, отсутствовали вовсе или привились на нашей почвѣ въ слишкомъ неразвитомъ, зачаточномъ состояніи. Работа «превращенія тумана, наполняющаго подвалы, въ новые міры» или, выражаясь менѣе фигурально, — превращеніе все большаго количества людей въ «мыслящихъ реалистовъ» — шла очень туго ,— и разночинецъ, почувствовавъ свое безсиліе, сталъ раздумывать. Результатомъ этого раздумья явилось новое, совершенно своеобразное настроеніе... Къ этому времени стали все громче раздаваться голоса «кающихся дворянъ», сознавшихъ всю неправоту своего долгаго историческаго господства, чувствовавшихъ необходимость удовлетворить требованія своей возмущенной совѣсти. Эти голоса собственно никогда не умолкали совершенно, начиная съ знаменитаго творенія Радищева. Внимательно прислушиваясь, мы найдемъ отголоски этого настроенія и въ журналѣ Пнина начала нашего столѣтія, и въ документахъ слѣдственной коммиссіи 1825 года и далѣе во всѣхъ проявленіяхъ истинно-интеллигентной русской мысли. Но теперь они стали самымъ характернымъ признакомъ господствующаго надъ чуткими умами направленія. Въ настоящую минуту, когда много воды утекло съ того времени, воды, смывшей многія чудныя страницы нашей исторіи, это покаянное настроеніе плохо понимается, иногда даже забрасывается грязью. Мнѣ, напр., пришлось встрѣтить въ одномъ прогрессивномъ изданіи даже такое сопоставленіе, въ которомъ «кающіеся дворяне, захватившіе своимъ покаяніемъ цѣлую полосу нашей общественной и литературной жизни», поставлены рядомъ съ «кающимися литераторами, оплевывающими литературную работу всей своей пройденной жизни» и «кающимися администраторами»... Еще очень недавно самая мысль о подобномъ сопоставленіи была невозможна. Когда покойный Шелгуновъ, въ ту эпоху сохранившій еще многое изъ воззрѣній близкой ему редакціи «Русскаго Слова» и Писарева,—возсталъ противъ автора «Историческихъ писемъ» за то, что онъ уплату долга прошедшему человѣчеству «вѣшаетъ, какъ Дамокловъ мечъ надъ головою людей», этотъ авторъ отвѣчалъ такъ: «Между знаніемъ и знаніемъ рѣшаетъ начало противорѣчія; между знаніемъ и дѣйствіемъ оно ничего рѣшить не можетъ, потому что представленія—*это справедливо* и *я сдѣлаю это*—между собою несоизмѣримы. Убѣжденіе *нравственное*, налагающее обязательство и требующее поступка, совсѣмъ не то-же, что убѣжденіе *умственное*, требующее лишь согласія. Убѣжденіе умственное должно обратиться въ убѣжденіе нравственное, и прежде стремленія осуществить свою теорію прогресса, личность должна воспитать въ себѣ рѣшимость дѣйствовать по убѣжденію, сознаніе

нравственной обязанности. На личности лежитъ долгъ не прошедшему человѣчеству, но своему личному достоинству. Можетъ быть, г. Шелгуновъ и правъ, что авторъ слишкомъ рѣзкими красками очертилъ эту отвѣтственность, лежащую на личности, и требованія, которыя она сама себѣ ставитъ, какъ критически-мыслящая личность. Но *этого* рода страхи и *этого* рода рефлексіи намъ кажутся не очень еще опасными. Что-то мало приходится видѣть людей, которые бы портили себѣ и другимъ жизнь, налагая на себя обязательства, первое условіе для которыхъ—безусловная критика и борьба за идеалы. Намъ кажется, что вовсе не худо умственно-развитымъ людямъ иногда подумать о томъ, чего стоило ихъ развитіе человѣчеству, и еще менѣе худо, чтобъ эта мысль перешла въ нравственное требованіе отъ себя уплаты хоть нѣкоторой доли этой цѣны».

Такъ обосновывалось въ теоріи покаянное настроеніе, а въ жизни оба теченія соединились, поруганная честь разночинца, оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ мечтаніяхъ, понявшаго свое безсиліе, и встревоженная совѣсть недавняго душевладѣльца—слились во-едино, вліяя другъ на друга,—и въ своемъ единеніи дали удивительный историческій феноменъ, названный Н. К. Михайловскимъ «правдоискательствомъ». Я такъ долго на немъ останавливаюсь потому, что оно глубоко повліяло на общій обликъ всѣхъ произведеній Н. К. Михайловскаго, всей его научной и публицистической дѣятельности. Краеугольный камень этого «правдоискательства» составляли уже не мечты путемъ научной дѣятельности измѣнить торжествующій порядокъ вещей. Разночинецъ отказался отъ этой идеи, какъ покаявшійся дворянинъ отъ «тѣсной раковины собственной чистоты», отъ стремленія «устроить себѣ уютное гнѣздышко въ томъ самомъ зданіи, въ нижнемъ этажѣ котораго гнѣздилось непроглядное невѣжество, безысходная нищета». Въ основу «правдоискательства» положены были *интересы народа*. «Духъ времени, говоритъ Н. К. Михайловскій въ одной изъ раннихъ статей своихъ (1868 г.), разсѣялъ образы поселянъ и поселянокъ, мирно срывающихъ полевые цвѣтки. Вмѣсто нихъ поднялся мужикъ, мужикъ поротый, грубый, невѣжественный, надъ которымъ надо подумать, чтобъ высмотрѣть въ немъ едва тлѣющую искру божію. Намъ и въ голову не могло придти сожалѣніе о мірѣ замковъ, подвиговъ и путешествій. Если мы и оглядывались на прошедшее, такъ только съ допросомъ: вы скрывали отъ насъ этотъ образъ и малевали вмѣсто него эту куклу? значитъ и вездѣ и во всемъ вы насъ такъ надували? Такъ прочь же ваше лживое искусство, прочь ваши кумиры! Что у васъ есть еще? Любовь, честь, вѣжливость, жертва, родственное чувство, нравственность, патріотизмъ, народность? вотъ они—смотрите... Все,

за что мы ни хватались изъ наслѣдія нашихъ предковъ, оказывалось расписанной и позолоченной ложью, а намъ правда нужна была, правда, во что бы то ни стало... Наше отрицаніе вытекало изъ чистаго и свѣтлаго источника... Намъ били по глазамъ, по сердцу безобразія, и мы отдавали удары. Многіе дѣлали это непосредственно, безъ призыва къ намъ какихъ бы то ни было западныхъ теорій, даже смутно представляли ихъ себѣ, наконецъ, даже вовсе не зная объ ихъ существованіи» (Сочиненія, I, 21—22). «Въ годину нашего общественнаго возрожденія,—говорилъ позднѣе въ «Запискахъ Профана» Н. К. Михайловскій,—всплыли наверхъ и завладѣли движеніемъ двѣ группы людей, которыхъ я назвалъ разночинцами и кающимися дворянами. Первые, выйдя изъ низшихъ слоевъ общества, были болѣе или менѣе близки народу (ихъ дѣдъ сплошь и рядомъ, какъ у Базарова, пахалъ землю), знали его и принимали его интересъ непосредственно къ сердцу»... «Кающіеся дворяне, чуткія души изъ привилегированныхъ классовъ, пристали къ разночинцамъ по чувству отвѣтственности за свое привилегированное положеніе, ихъ одушевляло страстное желаніе омыть грѣхи прошлаго и смыть всѣ его слѣды, стать лучше и чище...» Такимъ образомъ, «интересы народа стали намъ дороги по двумъ различнымъ причинамъ, однимъ по близости къ народу, другимъ по оторванности отъ него» (III, 771—2).

Исканіе *правды* и, какъ слѣдствіе, поставленіе интересовъ народа во главу угла всего міросозерцанія—помогли новому поколѣнію интеллигенціи и выразителю его настроенія Н. К. Михайловскому—пройти черезъ всѣ Сциллы и Харибды, мимо всѣхъ подводныхъ скалъ, о которыя разбилось судно шестидесятниковъ-нигилистовъ или «мыслящихъ реалистовъ». Эта правда вернула ихъ къ исходной точкѣ зрѣнія, къ тѣмъ задачамъ, которыя были намѣчены передовой интеллигенціей въ эпоху освобожденія крестьянъ. Исканію «правды» посвятилъ свою литературную дѣятельность Н. К. Михайловскій... «Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то-же время, охранять правду-справедливость, правду-субъективную—такова задача всей моей жизни»—говоритъ онъ. Воспринявъ многіе элементы ножинскаго анархизма (если можно такъ выразиться), онъ подчинилъ ихъ, какъ и всѣ другіе вопросы, принципу «великой двуединой правды». Онъ сохраняетъ характерное для Ножина стремленіе къ полнотѣ человѣческаго существованія, дѣлающаго человѣка *независимымъ*, ненуждающимся въ другихъ индивидуумахъ, въ человѣчествѣ, какъ цѣломъ, но подчиняетъ его другому верховному критерію. Его больше всего занимаетъ вопросъ, который онъ считаетъ общей задачей нашего вѣка: найти *такую общественную форму*, которая гарантировала бы полный

возможный расцвѣтъ личности. Такимъ путемъ индивидуалистическая задача замѣняется общественной. Тогда какъ Ножинъ пришелъ къ убѣжденію, что всякая общественная дѣятельность теперь утопія, и спасеніе—въ одной наукѣ, Н. К. Михайловскій уже въ ранней статьѣ «Что такое прогрессъ» призываетъ къ энергичной общественной работѣ, при которой человѣкъ, стремясь къ полнотѣ существованія, отдаетъ себя всего человѣчеству. «На пути къ счастью человѣчества остается пройти еще однѣ великія историческія ворота, надъ которыми стоитъ надпись: *человѣкъ для человѣка, все для человѣчества*». А чтобы такая общественная дѣятельность не расплылась, чтобы за общими фразами не затуманилась истинная цѣль, къ которой призываетъ правда-истина и правда-справедливость, Н. К. Михайловскій точно опредѣляетъ, кого онъ разумѣетъ подъ человѣчествомъ, подъ народомъ, которому надо *все* отдать, если желаешь расцвѣта человѣческой личности. «Въ Западной Европѣ,—писалъ онъ въ 1872 г.,—гдѣ за громаднымъ развитіемъ различныхъ взаимно враждебныхъ элементовъ гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ, выяснить понятіе народа, выработался на этотъ счетъ простой и глубоко-вѣрный взглядъ: народъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть совокупность трудящихся классовъ общества; служить народу—значитъ работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду».

Человѣку, поставившему себѣ такую цѣль, человѣку, познавшему отвѣтственность каждаго единичнаго существованія за общіе грѣхи человѣчества и пожелавшему во имя великой двуединой правды снять съ себя служеніемъ человѣчеству эту отвѣтственность, недостаточно было только познать объективную связь общественныхъ явленій. Онъ долженъ былъ научиться оцѣнивать всякое явленіе со своей человѣческой, *гуманной* точки зрѣнія. Взглянувши безбоязненно въ глаза дѣйствительности, онъ долженъ былъ отыскать точку приложенія своихъ силъ, чтобъ работа его на благо людей, его служеніе труду были цѣлесообразны. «Можетъ быть, спрашиваетъ Н. К. Михайловскій, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями, можетъ быть, грозный образъ страдающаго человѣчества, соединившись съ логикою вещей, мститъ всякому, кто его забудетъ, кто не проникнется его страданіями... Можетъ быть, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемы-

слитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданія, проплачетъ его слезами».

Этотъ субъективный методъ или точка зрѣнія, вызвавшая столько нападокъ на Н. К. Михайловскаго, является необходимымъ элементомъ всякаго соціологическаго міросозерцанія, не чуждающагося жгучихъ запросовъ жизни. Онъ вредитъ научному міропониманію только въ томъ случаѣ, когда двуединая правда насильственно разрывается, когда правда-истина вступаетъ въ конфликтъ съ правдой-справедливостью, когда вмѣсто полной гармоніи ихъ—начинается подчиненіе или уступка съ какой либо стороны.

Хотя взгляды Н. К. Михайловскаго слишкомъ общеизвѣстны, но, прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ его общественной роли, мнѣ надо отмѣтить основные моменты его міросозерцанія.

Изслѣдуя общественныя явленія, Н. К. Михайловскій, вслѣдъ за Ножинымъ, остановился на полярной противоположности общества и личности. Съ тѣхъ поръ, какъ неожиданно оборвалась жизнь его «геніальнаго учителя-друга» и расцвѣла его собственная литературная дѣятельность, прошло слишкомъ немного времени, и общественныя измѣненія, о которыхъ мы говорили, не пошли дальше поверхностныхъ слоевъ общества, не проникли въ глубь народной массы. Все такъ же, какъ и раньше, Россія представляла изъ себя страну съ крайне неразвитыми классовыми отношеніями, и личность, вырвавшаяся изъ устарѣвшихъ сословныхъ рамокъ, непосредственно противопоставляла себя обществу и тѣмъ, кто представлялъ это общество, какъ цѣлое. Понятно поэтому, что органическая теорія должна была обратить на себя живое вниманіе молодого соціолога. Сперва она его, какъ и Ножина, интересовала преимущественно съ точки зрѣнія гармоничнаго развитія личности, которому препятствуютъ раздѣленіе труда, сложная кооперація и борьба за существованіе. Но чѣмъ дальше, тѣмъ основной общественный процессъ все больше вырисовывался какъ одна изъ разновидностей мірового процесса—*борьбы за индивидуальность*.

«Стремясь въ силу закона развитія все къ большей сложности и цѣльности, т. е. къ количественному увеличенію и качественной подчиненности частей, всякая индивидуальность враждебно сталкивается съ сосѣдними какъ высшими, такъ и низшими: клѣтка борется съ органомъ, органъ съ организмомъ, организмъ съ обществомъ или общественными организаціями менѣе крупными, какъ семья, каста, нація, государство,—которыя стараются поработить его, сдѣлать своимъ послушнымъ орудіемъ. Исторія жизни во всемъ ея разнообразіи, со всей ея красотою и безобразіемъ, состоитъ изъ ряда возникающихъ отсюда побѣдъ и пораженій. Борьба ведется съ перемѣннымъ счастьемъ: одолѣваетъ то

одна, то другая ступень индивидуальности. Но борьба не прекращается. Пораженная, разбитая сторона или какъ бы выжидаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ для заявленія себя, или, наталкиваясь на непреодолимую преграду для своего развитія, ищетъ, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь обхода. Человѣкъ, какъ индивидъ, человѣческая личность представляетъ собою одну изъ степеней индивидуальности... Борьба за индивидуальность обязательна, очевидно, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, личность должна безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; должна, слѣдуя старому девизу—divide et impera—строго проводить раздѣленіе труда межъ своими органами, требовать отъ нихъ отъ всѣхъ напряженной спеціальной работы въ ея, личности, интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодѣйствовать тому, чтобъ римскій девизъ—divide et impera—прилагался къ ней самой со стороны какой бы то ни было ступени индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась. Этими двумя требованіями, въ сущности, исчерпывается *антропологическая или гуманная точка зрѣнія на міръ*». Въ человѣкѣ спаяны много субъектовъ и много сознаній (давно ужъ низведенныхъ процессомъ органическаго развитія до степени совершенно подчиненныхъ единицъ, самостоятельное значеніе которыхъ утопаетъ въ сознаніи цѣлаго). Они іерархически подчинены цѣлому, сознающему себя и проявляющему свою волю, какъ единое, нераздѣльное *я*. Чѣмъ централизованнѣе эта единица, чѣмъ болѣе путемъ приспособленія къ спеціальнымъ служебнымъ функціямъ подавлены входящія въ ея составъ низшія единицы, тѣмъ личность выше. Въ этой деспотической централизаціи лежитъ залогъ здоровья, счастья, нравственной высоты личности. Наоборотъ, болѣзнь и нравственное паденіе объективно выражаются децентрализаціей нашего *я*, распаденіемъ индивидуальности, какъ бы возстаніемъ низшихъ индивидуальностей противъ законнаго господства цѣлаго *я* (Сочиненія, II, 353—358, passim).

Борьба за индивидуальность въ настоящій историческій моментъ отражается и на двухъ противоположныхъ теченіяхъ европейской нравственно-политической мысли,—буржуазномъ, стремящемся утопить интересы личности въ цѣломъ обществѣ, выдвигая ея покорность «системѣ наибольшаго производства»,—и его антиподѣ, выставляющемъ суверенитетъ личности. «Эта борьба, говоритъ Н. К. Михайловскій, тѣмъ поучительнѣе, что происходитъ не только въ головахъ одиночныхъ мыслителей, а и на почвѣ исторіи, *коренясь въ самой механикѣ взаимнаго тренія интересовъ*». Система наибольшаго производства или, иначе, капиталистическая система—совершенно подавляетъ личность, и преобла-

даніе личнаго начала есть миѳъ, ничѣмъ пока не отразившійся на фактическомъ положеніи вещей. Дѣло только въ томъ, что личность европейскаго рабочаго, освободившись отъ формально-обязательныхъ узъ и не будучи безгласною, можетъ безпрепятственно заявлять о томъ, что ея интересы и интересы обнимающаго ее цѣлаго—совсѣмъ не одно и то же, что интересы этого цѣлаго, собственно говоря, вовсе не существуютъ, потому что подъ ними скрываются интересы хозяевъ. Вотъ если бы цѣлое было разорвано, если бы рабочій могъ не нуждаться въ хозяинѣ или... что, въ концѣ концовъ, одно и то же—наоборотъ, тогда можно было бы говорить о торжествѣ личнаго начала, потому что тогда въ одной личности сосредоточивались бы всѣ ея аттрибуты, которые теперь распредѣлены по разнымъ группамъ. Теперь же мы видимъ преобладаніе не личности, а одного оторваннаго, отвлеченнаго аттрибута личности, усвоеннаго группою людей со своими собственными интересами» (IV—451).

Здѣсь Н. К. Михайловскій только намѣчаетъ вопросъ объ антагонизмѣ интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, о борьбѣ классовъ, какъ разновидности борьбы за индивидуальность. Условія нашей мало дифференцированной въ то время общественной жизни давали еще мало побужденій ближе разсмотрѣть этотъ въ высшей степени жгучій въ западной Европѣ вопросъ, начинающій и у насъ играть все большую роль. И нашъ соціологъ отдалъ свои силы болѣе общимъ вопросамъ борьбы личности съ обществомъ.

Не легко дается человѣку борьба за свою индивидуальность. «Процессъ развитія общества по органическому типу, т. е. побѣда общества надъ личностью, вызываетъ, между прочимъ, несоразмѣрность потребности со все убывающей возможностью ея удовлетворенія... Поступательный ходъ цивилизаціи постоянно будитъ новыя потребности въ людяхъ, но не всегда и не всѣмъ разбуженнымъ даетъ средства удовлетворенія. Бываютъ такіе историческіе моменты, когда эта неудовлетворенность достигаетъ крайняго напряженія. Тогда возникаютъ два, повидимому, противоположныя, но несомнѣнно изъ одного источника вытекающія и весьма часто сливающіяся движенія: формируются *вольница* и *подвижники*. Вольница стремится во что бы то ни стало, не останавливаясь ни предъ какими крайними средствами, добыть себѣ удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Подвижники, напротивъ, опять таки во что бы то ни стало, стремятся заглушить свои потребности и довести ихъ до minimum'а. И тѣ, и другіе порываютъ всякія связи съ обществомъ. При этомъ вольница идетъ напроломъ и доходитъ до попытокъ смести весь установившійся общественный строй, мѣшающій ей жить такъ, какъ ей хочется. Под-

вижники уходятъ изъ общества, которое не дало имъ ничего, кромѣ муки, въ лѣса и пустыни, умерщвляютъ свою плоть или основываютъ общества аскетическаго характера. Исторически это родные братья. Ихъ протестъ направленъ противъ однихъ и тѣхъ же явленій, единаково имъ ненавистныхъ».

Но такъ протестовать противъ обезличенія человѣка, отъ имени поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности, могутъ только болѣе выдающіеся общественные элементы; масса же примыкаетъ къ нимъ лишь въ рѣдкіе моменты историческаго возбужденія. Обыкновенно, масса, еще не просвѣтленная сознаніемъ своихъ разумно понятыхъ интересовъ, не опредѣлившая своихъ историческихъ задачъ,—пассивно подчиняется обезличивающему вліянію историческаго процесса. Она теряетъ свою человѣческую индивидуальность, ея сознаніе суживается, подавляется однообразнымъ процессомъ животнаго существованія, суровой борьбой за жалкую жизнь, узкими рамками спеціальныхъ интересовъ, и на почвѣ этой подавленности выростаютъ движенія, радикально противоположныя движенію вольницы и подвижниковъ. Какими бы изувѣрствами ни сопровождались иногда движенія послѣдняго рода, но элементъ сознательнаго недовольства всегда своеобразно окрашиваетъ ихъ. Въ большинствѣ случаевъ эти попытки разобраться въ сложной сѣти общественныхъ отношеній входятъ существеннымъ элементомъ въ крупныя историческія движенія, при чемъ или вольница, или подвижники налагаютъ на нихъ свою печать, иногда же тѣ и другіе самымъ причудливымъ образомъ переплетаются. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло съ тѣми конвульсивными движеніями, которыя возникаютъ въ сферѣ безсознательной общественности, какъ крестовые походы или флагелянты въ средніе вѣка, какъ холерные или антиеврейскіе безпорядки въ наше время. Для безсознательныхъ массовыхъ движеній, говоритъ Н. К. Михайловскій, долженъ быть на лицо извѣстный контингентъ людей, склонныхъ къ автоматической покорности, легко, безъ критики воспринимающихъ невѣжественные или злонамѣренные подуськиванія тѣхъ, кто хорошо понимаетъ, на что онъ ведетъ обезумѣвшую массу, или же самъ является печальнымъ продуктомъ психопатическаго настроенія. Такъ устанавливаются своеобразныя отношенія, окрещенныя Н. К. Михайловскимъ терминами—«герой и толпа», при чемъ слову «герой» придается не общепринятое значеніе, а специфическое—перваго капрала, взявшаго палку, иногда крупнаго историческаго дѣятеля, но часто и просто озвѣрѣлаго, сумасшедшаго или преступнаго человѣка. Мы не станемъ подробно останавливаться на этой любимой темѣ Н. К. Михайловскаго, надъ которой онъ много и плодотворно поработалъ, опередивъ европейскихъ изслѣдователей мас-

совыхъ движеній, при чемъ его взгляды по этому вопросу явились слѣдствіемъ какъ богатой фактами индукціи въ области коллективной психологіи, такъ и дедукціи изъ его теоріи борьбы за индивидуальность. Порабощеніе человѣческой индивидуальности, отсутствіе работы критической мысли, автоматическая покорность чужой волѣ,—все это, въ противоположность сознательному политическому воспитанію, тѣсно связано съ «однообразіемъ впечатлѣній, скудостью жизни, узостью интересовъ, односторонностью духовной дѣятельности. Все это развинчиваетъ индивидуальность и готовитъ изъ нея раба, жадно ищущаго предъ кѣмъ преклониться, кому отдать въ руки свою волю».

Мы ограничимся этими общими контурами для изложенія основныхъ чертъ соціологическихъ воззрѣній Н. К. Михайловскаго. Насъ болѣе интересуетъ другая сторона—историческое значеніе его идей, ихъ связь съ крупными общественными движеніями 70-хъ годовъ. Нарисовавъ въ началѣ статьи смѣну настроеній и стремленій нашей интеллигенціи, мы уже указывали, какой рѣзкій въ нихъ проявился поворотъ, когда идеи Добролюбова и «Современника» смѣнились идеями Писарева и Ножина. Мы пытались также указать, какіе общественные элементы поддерживали эти идеи, и какъ естественная эволюція соединила всѣ прогрессивныя силы подъ старымъ знаменемъ русской интеллигенціи,—развитіе нравственнаго достоинства личности и служеніе интересамъ народа. Направленіе Писарева и редакціи «Русскаго Слова», анархическія идеи Ножина (поскольку они изолировали личность отъ служенія народнымъ интересамъ) не могли надолго закрѣпить за собою господство надъ умомъ и чувствомъ русской интеллигенціи. Эта «реакція сравнительно съ направленіемъ Добролюбова и другихъ», какъ выразился одинъ изъ историковъ русской мысли, должна была, сыгравши свою полезную роль въ смыслѣ выработки самостоятельной личности, сойти съ исторической сцены. Лучшіе элементы отъ нея отшатнулись, а прежніе лозунги и формулы стали прикрывать нѣчто очень далекое отъ писаревскаго «критическаго реализма», хотя и находившееся съ нимъ въ нѣкоторой генетической связи.

Н. К. Михайловскій, пережившій эту фазу нашего общественнаго развитія, такъ передаетъ печальную эпопею вырожденія «мыслящаго реализма».—«Какъ волны морскія, отхлынувъ отъ берега, оставляютъ на немъ рыбъ, моллюсковъ, которымъ предстоитъ умереть внѣ родной стихіи, такъ и волны нашего общественнаго движенія, отхлынувъ, оставили на берегу краткія и грубыя формулы, которыя сами по себѣ, безъ оживляющаго насъ недавно духа, мертвы. Пришли люди, не мучившіеся надъ ихъ выработкой, не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней

гарантіи, которая не допускала бы практическаго паденія, не смотря на односторонность теоретическихъ положеній. Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы, реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма, нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы—реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма—жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей утробы... Мы—реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма—человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ, то мы объявляемъ себя неотвѣтственными за всѣ тѣ подлости, которыя мы сдѣлали, дѣлаемъ и имѣемъ дѣлать»... (Сочиненія, IV, 40—41).

Расчистить почву для новаго перехода къ вопросамъ общественности—досталось на долю автора «Опыта исторіи мысли» и Н. К. Михайловскаго. Мы уже указывали, подъ какими вліяніями сложились соціологическія воззрѣнія послѣдняго. Эти воззрѣнія за послѣдніе годы встрѣтили рѣзкую критику. Новѣйшія нападки исходили не изъ рядовъ нашихъ обскурантовъ, постоянно дарившихъ Н. К. Михайловскаго своею неблагосклонностью, а отъ представителей демократическихъ теченій. Н. К. Михайловскаго упрекали въ томъ, что онъ предается безсодержательной постройкѣ «формулъ прогресса», придаетъ преувеличенное значеніе борьбѣ противъ спеціализаціи личности, толкаетъ соціологію на путь произвольныхъ субъективныхъ фантазій и пр. Но главное преступленіе, его первородный грѣхъ, это—оцѣнка роли личности въ исторіи. Многое въ этихъ обвиненіяхъ объясняется полемическимъ увлеченіемъ, къ которому склонно всякое новое теченіе, часто болѣе рѣзко относящееся къ родственнымъ, близко стоящимъ направленіямъ, чѣмъ къ прямо противоположнымъ, враждебнымъ. Иногда мы имѣли дѣло съ безсознательнымъ перенесеніемъ на русскую почву совершенно другой полемики, происходившей при своеобразныхъ историческихъ условіяхъ. Знакомясь съ современной демократической литературой на западѣ, особенно въ Германіи, мы убѣждаемся, что въ нападкахъ на Н. К. Михайловскаго слышатся отголоски нѣмецкой полемики противъ различныхъ буржуазныхъ философовъ и экономистовъ. Послѣдніе, дѣйствительно, полемизируя съ экономико-матеріалистическими взглядами школы Маркса, подчеркиваютъ творческую роль личности, настаиваютъ на томъ, что исторія опредѣляется не однимъ экономическимъ факторомъ, а совокупностью общественныхъ элементовъ. Внимательно всмотрѣвшись въ эту полемику, легко понять, что заставило буржуазныхъ философовъ занять такую позицію: личность, интеллигентная личность, т. е. именно та, кото-

рая, по ихъ мнѣнію, главнымъ образомъ, «творитъ исторію», до послѣдняго времени была порабощена буржуазіею, находилась въ ея услуженіи, творила то, что ей приказывала ея «благородная госпожа». Понятно, съ какою ревностью нѣмецкіе филистеры подчеркивали благодѣтельную роль этой личности, какъ старательно они прикрывали эти рабскія отношенія идеологическимъ покрываломъ свободы, самоопредѣляющейся активности и проч. Понятно также возмущеніе нѣмецкихъ демократовъ этимъ лицемѣрнымъ подчеркиваніемъ творческой роли личности, возмущеніе, находящее для себя выходъ въ противоположной крайности, въ отрицаніи роли личности. Эта теоретическая крайность, эта ложная историческая концепція еще и потому вызывала мало протеста въ рядахъ демократической интеллигенціи, что ея господство совпадало съ расцвѣтомъ самосознанія массъ. Исторія, по этой концепціи, опредѣляется развитіемъ производственныхъ отношеній, въ свою очередь, опредѣляющихъ *сознаніе массъ*. Пока дѣятельность демократической интеллигенціи сосредоточивалась въ городскихъ центрахъ, гдѣ это сознаніе было высоко развито, можно было спокойно принимать такую теорію, по которой естественный ходъ вещей представляется чѣмъ-то непреоборимымъ. Какъ неоднократно высказывалось марксистами, дѣйственная сила, активность не только не ослабляется, а удесетеряется, когда сознаешь, что твои стремленія совпадаютъ съ фатальными историческими теченіями. Но когда и работа теоретической мысли, и вліяніе жизненной практики выдвинули на Западѣ новыя задачи и заставили пересмотрѣть уже порѣшенные вопросы, обстоятельства сильно измѣнились. Тамъ, гдѣ раньше предполагалось существованіе «желѣзныхъ законовъ», и теорія, и практика принудили замѣнить ихъ эластическими, допускающими крупныя уклоненія въ ту или другую сторону. Прежній «единый» путь промышленнаго развитія, на который достаточно было ступить хоть одной ногой, чтобы фатально продѣлать всѣ этапы капиталистическаго развитія, широкая столбовая дорога «естественнаго, закономѣрнаго развитія» — уступили мѣсто мучительнымъ странствованіямъ человѣчества по разнымъ закоулкамъ историческаго пути. На ряду съ крупной ролью городскихъ центровъ пришлось признать и выступленіе на историческую сцену земледѣльческаго класса, все болѣе разстающагося съ «идіотизмомъ деревенской жизни», все сознательнѣе относящагося къ своей судьбѣ. При этомъ наплывѣ новыхъ идей и понятій, новыхъ историческихъ силъ, когда труды новыхъ геніевъ еще не освѣтили объединяющей мыслью теорію, а жизненная практика еще не выставила рѣзко очерченной программы, критически мыслящій человѣкъ въ значительной степени теряетъ пріятное сознаніе, что, плывя вмѣстѣ съ господствующимъ теченіемъ

онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ анализирующаго ума и встревоженной совѣсти, требованіямъ правды-истины и правды-справедливости. Все большую роль начинаетъ играть выработка сознательныхъ общественныхъ элементовъ, и организація ихъ для того, чтобы бросить на чашку историческихъ вѣсовъ эту новую силу и тѣмъ дать исторической равнодѣйствующей желательное направленіе. Только въ этомъ новомъ построеніи, близкомъ тому, которое представлено въ нашей литературѣ Н. К. Михайловскимъ, видимъ мы заслуги такъ называемаго «бернштейніанства», а вовсе не въ характерномъ для него духѣ компромисса, благодушія, безосновательнаго оптимизма и увлеченія «малыми дѣлами». Противъ этихъ сторонъ новаго направленія мы въ сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго можемъ найти цѣлый арсеналъ доводовъ.

Но если мы можемъ понять, въ какой исторической обстановкѣ создались теоріи, во имя которыхъ труды Н. К. Михайловскаго подвергались такимъ суровымъ нападкамъ, то достаточно вспомнить про нашу общественную среду, чтобъ понять, какъ необходимо было подчеркиваніе роли личности. Н. К. Михайловскій сдѣлалъ многое не только въ теоретическомъ, но и въ чисто общественномъ смыслѣ, поставивъ во главу своего міросозерцанія понятіе объ «индивидуальности», о прогрессивной, всесторонне развитой личности, борющейся не за свое существованіе съ себѣ подобными, а отстаивающей свою независимость отъ всяческаго гнета сословныхъ классовыхъ перегородокъ, отъ мистическихъ и метафизическихъ страховъ, отъ стремленій задушить ее какою-нибудь односторонней работою, ожесточить ее въ безпощадной зоологической борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба. Какъ далеки были блестящія, сверкавшія всѣми цвѣтами радуги рѣчи Н. К. Михайловскаго отъ безплодныхъ схематическихъ построекъ, какъ сильно врѣзались онѣ въ самую глубь нашей жизни, освѣщая яркимъ свѣтомъ всѣ ея темные закоулки, обнажая скрытыя язвы, отыскивая здоровые ростки и вѣчно призывая къ работѣ, къ борьбѣ за человѣческое достоинство, къ покаянію за прошлые историческіе грѣхи, къ проявленію оскорбленной всѣми жизненными неправдами чести! Эта «борьба за индивидуальность», какъ можно было бы охарактеризовать всю литературную дѣятельность Н. К. Михайловскаго, конечно, сильно подчеркивала значеніе личности въ исторіи, иногда, можетъ быть, даже преувеличивала его, но это именно и требовалось тамъ, гдѣ личность въ массѣ была совершенно подавлена, гдѣ человѣкъ былъ всей исторіей обезличенъ, раздавленъ, гдѣ незакрѣпощенной на служеніе «командующимъ классамъ» интеллигенціи предстояла великая освободительная работа.

Противники Н. К. Михайловскаго выставляютъ противъ него

и новое обвиненіе: приписывая личности активное значеніе въ исторіи, онъ грѣшитъ противъ монистическаго пониманія общественныхъ явленій, вводитъ старый дуализмъ въ исторію. Несомнѣнно, что созданіе монистической соціологіи — одна изъ насущныхъ задачъ науки, но нельзя на этомъ основаніи радостно привѣтствовать всякую попытку ввести въ соціологію монизмъ, даже если это введеніе достигается только тѣмъ, что общественныя явленія укладываются на прокрустовомъ ложѣ. Мы признаемъ одной изъ громадныхъ заслугъ Н. К. Михайловскаго передъ наукою общественности его безпощадную борьбу съ ложными монистическими ученіями, нарушающими основное правило всякой созидающейся теоріи—не допускать въ свой фундаментъ ни одной гипотезы, не могущей выдержать напора критической мысли. Эволюціонный монизмъ Спенсера, такъ легко приспособившійся и къ защитѣ буржуазнаго общества, съ его безпощадной борьбою за существованіе, и къ анархическому индивидуализму, уничтожающему всѣ общественныя связи; интеллектуальный монизмъ Бокля и, еще больше, его эпигоновъ — поставившій человѣческій прогрессъ въ исключительную зависимость отъ накопленія знаній и пренебрежительно относившійся къ накопленію моральной энергіи; моральный монизмъ Льва Толстого, мечтающій спасти міръ одной силой нравственнаго энтузіазма, наконецъ, экономическій монизмъ послѣднихъ дней,—все это давало поводъ Н. К. Михайловскому приложить свои крупныя аналитическія силы. И если созданіе монистической соціологіи является насущной современной задачей, то именно Н. К. Михайловскій сильнѣе всѣхъ односторонихъ монистовъ содѣйствовалъ ей, расчищая путь и отмѣчая тѣ здоровые ростки, которые заключались въ каждомъ изъ односторонихъ ученій.

Въ тѣсной связи съ ролью личности въ исторіи находится такъ называемый «субъективный методъ въ соціологіи», вызвавшій особенно ожесточенное отношеніе къ Н. К. Михайловскому: этотъ субъективизмъ приравнивался къ прикрашиванію дѣйствительности, къ фантастическимъ надеждамъ на то, что «пріятное и желательное» для насъ ставится выше дѣйствительно существующаго и развивающагося. Чтобъ на конкретномъ примѣрѣ показать, насколько такое пониманіе субъективнаго отношенія къ дѣйствительности далеко отъ истины, остановимся на самомъ жгучемъ вопросѣ послѣдняго времени—на вопросѣ о развитіи капитализма въ Россіи. Н. К. Михайловскій выступилъ съ протестомъ противъ односторонняго примѣненія ко всѣмъ странамъ единой историко-философской теоріи. Ужъ очень давно онъ провидѣлъ возможность мучительнаго разлада въ душѣ сознательно относящагося къ жизни человѣка, когда произойдетъ расхожденіе выра-

ботаннаго идеала съ реальнымъ ходомъ жизни. Но отсюда онъ заключалъ не о необходимости закрывать глаза передъ дѣйствительностью (уча «безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію правдѣ-истинѣ»), а только внимательнѣе къ ней прислушиваться, чутко относиться къ различнымъ ея теченіямъ. Въ шестидесятые годы была высказана надежда, что, благодаря опыту Западной Европы, намъ не придется продѣлывать страдальческаго шествія ея цивилизаціи, что мы сумѣемъ миновать «среднія ступени развитія», что въ нашихъ первобытныхъ учрежденіяхъ, въ безсознательныхъ формахъ общинности мы можемъ найти основы развитія сознательной коллективности. Все это стало предметомъ изслѣдованій Н. К. Михайловскаго. И если русская жизнь, упорно оставаясь на пути развитія по капиталистическому типу, безжалостно разбила надежды и иллюзіи тѣхъ, кто стремился отыскать другіе возможные пути эволюціи, то законность этихъ надеждъ во всякомъ случаѣ легко понять. Маниловщиной со стороны Н. К. Михайловскаго и его единомышленниковъ было бы лишь закрываніе глазъ на опасность положенія и на растущія побѣды антагонистическихъ теченій. Однако, еще въ 1875 году Н. К. Михайловскій писалъ: «дѣйствительность не оправдываетъ оптимистическихъ надеждъ, что типъ русскаго развитія будетъ и впредь иной, чѣмъ на Западѣ. Мы видимъ, что чуть не съ каждымъ годомъ типъ народной жизни грозитъ измѣненіемъ и приближеніемъ къ европейскому. Цѣлые вѣка пронеслись надъ нашимъ народомъ, почти не затронувъ его духовной жизни, но наше время совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашьяго хода». Позднѣе, въ 1880 году, онъ писалъ: «Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, при чемъ для насъ важно было, чтобъ путь былъ хорошій, т. е. путь сознательной практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа. Это была возможность. Но она убываетъ, можно сказать, почти съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа усложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства» (IV, 952).

Такимъ образомъ, субъективизмъ въ соціологіи очень далекъ отъ желанія подгонять жизнь подъ излюбленныя формулы, отъ самоуслажденія фантастическими идеалами. Нѣтъ, онъ учитъ внимательно вглядываться во всѣ измѣненія дѣйствительности, но для того только, чтобъ въ реальныхъ данныхъ найти опору для идеаловъ правды-истины и правды-справедливости. Еще въ первые годы журнальной своей дѣятельности (1872 г.) Н. К. Михайловскій писалъ: «что общество повинуется въ своемъ развитіи извѣстнымъ законамъ—это несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно

и присущее человѣку сознаніе свободнаго выбора дѣятельности. Возможность и даже обязанность плыть по теченію, только формулируя его, а не подвергая нравственной оцѣнкѣ, малый запросъ на силу и ясность идеаловъ и большой спросъ на покорность ходу вещей, не вѣря въ собственныя силы,—вотъ что сопряжено съ одностороннимъ примѣненіемъ законосообразности къ явленіямъ общественной жизни» (I. 777—8).

Пока можно отъ покорнаго слѣдованія за безсознательными историческими процессами перейти къ творчеству въ исторіи,—соціологъ долженъ призывать къ этому. Пока была надежда перейти отъ зоологическихъ пережитковъ общинности къ высшимъ формамъ коллективности, соціологъ долженъ былъ изслѣдовать пути такого развитія. Но если эта возможность стала проблематичной, то субъективная соціологія, не закрывая глазъ предъ грозящею опасностью, старается отыскать новые пути развитія, стремясь другими средствами къ тому же идеалу, счастью человѣчества, пытливо изслѣдуя многоразличныя теченія жизни. Задача для изслѣдователей русской общественности поставлена неоправдавшимися надеждами очень серьезная. Вполнѣ объективныя научныя изслѣдованія не даютъ основаній вѣрить, что разрушительная роль вторженія капитализма есть только, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, оборотная сторона его творческой роли, что капитализмъ сумѣетъ объединить достаточное число производительныхъ силъ (сравнительно съ населеніемъ) и создать рѣшающую прогрессивно-общественную силу, что онъ, наконецъ, разрѣшитъ самый насущный для Россіи земледѣльческій вопросъ, который и на Западѣ тревожитъ теперь пытливые умы. Такимъ образомъ, наука констатируетъ и побѣдоносное вторженіе капитализма, и недостаточность его творческой роли. Выходъ изъ этой дилеммы долженъ занимать всякаго любящаго свою родину общественнаго дѣятеля. Субъективизмъ въ соціологіи въ этомъ вопросѣ, какъ и во всякомъ другомъ, идетъ рука объ руку не съ разслабляющимъ фантазерствомъ, а съ трезвымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Не отрицая могущественнаго вліянія реальныхъ жизненныхъ факторовъ, онъ находитъ среди нихъ мѣсто и для активной роли личности и, еще болѣе, для исторической роли организаціи личностей. Это соединеніе реализма съ идеализмомъ, столь характерное для художественной русской литературы, Н. К. Михайловскій прекрасно и мѣтко выразилъ словомъ—*правда*, подъ которымъ народъ понимаетъ какъ истину, такъ и справедливость. «Система Правды», какъ можно было бы характеризовать всѣ соціологическія работы, всю публицистическую дѣятельность Н. К. Михайловскаго, требуетъ такого принципа, который 1) служилъ бы руководящей нитью при изученіи окружающаго міра

и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на вопросы, естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; который, во 2) служилъ бы руководящей нитью въ практической дѣятельности и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на запросы совѣсти и нравственной оцѣнки, опять таки естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ, и который, наконецъ, 3) дѣлалъ бы это съ такой силою, чтобъ прозелитъ съ религіозной преданностью влекся къ тому, въ чемъ принципъ системы полагаетъ счастье (IV, 406). Построеніе такой вполнѣ законченной системы еще дѣло будущаго. Во всякомъ случаѣ, ученіе Н. К. Михайловскаго о борьбѣ за человѣческую индивидуальность можетъ оказать большое вліяніе на такое построеніе. Если мы не всегда находимъ у Н. К. Михайловскаго вполнѣ законченное ученіе, если часто онъ бросалъ начатую тему, отдавая свое время и силы насущнымъ злобамъ дня, это только усиливало возбуждающее мысль дѣйствіе его статей. Пользуясь его собственной характеристикой Прудона, можно сказать, что «чтеніе его сочиненій дѣйствуетъ замѣчательнымъ образомъ, какъ ферментъ: каждая его статья поднимаетъ въ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ, которые требуютъ отвѣтовъ, цѣлый рядъ мыслей, которыя вторгаются въ вашъ умственный запасъ, требуютъ себѣ въ немъ мѣста, раздвигаютъ и тормошатъ своихъ сосѣдей, требуютъ отъ васъ пересмотра, критики и самокритики. Это чтеніе дорого именно тѣмъ состояніемъ умственнаго безпокойства, которое производитъ. Это объясняется обаяніемъ личности писателя, тѣмъ бурнымъ клокотаніемъ жизни, которымъ она полна и которое брызжетъ изъ каждой строки, то въ видѣ истинно громогласнаго гнѣва, то въ видѣ пламеннаго призыва къ чему-то всегда высокому и свѣтлому, то въ видѣ смѣлаго отрицанія и критики»...

М. Рафаиловъ.

Въ мірѣ случайностей.

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?..
Некрасовъ.

„Пѣсни о свободномъ словѣ".

Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ.
Н. К. Михайловскій.
„Изъ литерат. и журнал. замѣтокъ".

I.

Въ уставѣ о цензурѣ и печати есть особое «отдѣленіе», заключающее въ себѣ пятнадцать статей, подъ общимъ заглавіемъ: о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ. Послѣднія, какъ мы увидимъ, довольно многочисленны и разнообразны. Въ общемъ это—своего рода уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, спеціально предназначенное для печати. Но существенное отличіе его отъ настоящаго уложенія состоитъ въ томъ, что, предъявляя сложную, хоть и не стройную, систему возмездія за преступленія печати, наши цензурныя узаконенія оставляютъ открытымъ вопросъ, за что именно и въ какихъ случаяхъ налагаются тѣ или другія кары. На этотъ вопросъ, за единственнымъ исключеніемъ, вы получаете неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ: повременныя изданія подлежатъ административнымъ взысканіямъ за вредное направленіе. Но что разумѣется подъ вреднымъ направленіемъ—законъ не разъясняетъ,—и это не случайная недомолвка.

Извѣстно, что въ 1865 году мы позаимствовали у наполеоновской Франціи ея систему административныхъ взысканій съ періодической печати. Не мы первые взялись за пересадку цензур-

ныхъ порядковъ второй Имперіи на родную почву. Раньше были сдѣланы такія же попытки въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, напр., въ Пруссіи, въ Австріи. «Система эта,—говорится въ одномъ изъ министерскихъ отзывовъ на проектъ цензурныхъ правилъ, возымѣвшихъ силу закона 6 апрѣля 1865 г.,—система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней, какъ можно болѣе» *). Однако нигдѣ на Западѣ не удалось удержать эти порядки на долгое время. Даже во Франціи они просуществовали неполныхъ шестнадцать лѣтъ и сошли со сцены вскорѣ послѣ того, какъ были позаимствованы нами.

Иная судьба ждала цензурное изобрѣтеніе второй Имперіи въ нашемъ отечествѣ. Начать съ того, что этотъ законодательный шагъ, на Западѣ безусловно реакціонный, у насъ былъ сдѣланъ и оффиціально истолковывался въ качествѣ переходной мѣры къ освобожденію печати отъ цензурной опеки. «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, — говорилось въ Высочайшемъ указѣ 6 апрѣля 1865 года,—Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ положеніи судебной у насъ власти и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія». Эти перемѣны и дополненія, въ главномъ и существенномъ, поскольку они касаются періодической печати, сводились къ освобожденію отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія они подлежатъ дѣйствію административныхъ взысканій по особо установленнымъ на то правиламъ. Образцомъ для послѣднихъ и послужилъ французскій законъ 17 февраля 1852 года. Слѣдуя тому же примѣру, наше законодательство о печати отказалось и отъ опредѣленной формулировки проступковъ, за которыми можетъ послѣдовать административное взысканіе. Коммиссія, составлявшая проектъ закона 6 апрѣля, по ея собственнымъ словамъ, «признала болѣе приличнымъ вовсе не указывать въ законѣ, за что именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словомъ *вредное направленіе* выражается мысль общая, неограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи *вреда*; но такъ какъ нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то приличнѣе, откровеннѣе и достойнѣе не прикрывать закона наружною формою опредѣлительности, когда внутреннее содержаніе

*) Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, стр. 237.

его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе» *). Останавливаясь на такомъ рѣшеніи вопроса о проступкахъ печати, вызывающихъ административную кару, составители закона 6 апрѣля, объяснили, что они предлагаютъ эту мѣру въ качествѣ чрезвычайной, которая имѣетъ извѣстныя преимущества по сравненію съ дореформенными условіями печати, но не можетъ быть принята за нормальный, постоянный порядокъ. Тридцать пять лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ предположенія коммиссіи были осуществлены въ законѣ; многое впослѣдствіи было измѣнено въ немъ, но не измѣнилось отношеніе его къ вопросу, въ какихъ случаяхъ періодическія изданія подлежатъ карѣ, что разумѣется подъ «вреднымъ направленіемъ».

Вообще, въ мотивахъ цензурной реформы послѣдовательно развивается взглядъ на законъ 6 апрѣля, какъ на переходную мѣру къ другому порядку, вѣрнѣе обезпечивающему интересы печати. Правиламъ 1865 года придается значеніе льготъ для печати, но именно по сравненію съ дореформеннымъ цензурнымъ режимомъ. «Въ настоящее время,—говорится, между прочимъ, въ объяснительной запискѣ коммиссіи, составлявшей проектъ,—на основаніи временныхъ правилъ и предшествующаго законодательства, административной надзоръ за повременными изданіями выражается не только въ предварительной цензурѣ, но и во взысканіяхъ за статьи, уже пропущенныя цензурой; административная власть въ настоящее время имѣетъ право не только произвольно цензуровать, но и произвольно останавливать или запрещать изданія. При такомъ положеніи законодательства, ограниченіе административнаго надзора одною правительственною цензурою есть уже льгота, но на ней проектъ не останавливается. Онъ стремится открыть для повременныхъ изданій способъ выйти изъ докучливой, тяжкой и мелочной ежедневной опеки цензуры и предоставить имъ средство къ болѣе самостоятельному пользованію орудіемъ печати. Для осуществленія этого стремленія проектъ предоставляетъ всякому издателю право освободиться отъ цензуры, но при условіи, въ замѣнъ ея, подчиниться правиламъ административныхъ взысканій. Это условіе есть послѣдствіе признанія недостаточности судебныхъ средствъ преслѣдованія. Отрицать пользу или необходимость этого условія можно, только доказавъ, что предположенія проекта о недостаточности суда—неосновательны. Скоро-ли послѣдуетъ общая реформа суда, какъ она, въ особенности въ первое время, примется на почвѣ, еще такъ мало у насъ подготовленной, и въ какой мѣрѣ, въ особенности по дѣламъ печати, будетъ она соотвѣтствовать дѣйствительной потреб-

*) „Сѣверная Почта", 1867 г., № 279.

ности—объ этомъ можно дѣлать только болѣе или менѣе гадательныя предположенія. Но основать на этихъ предположеніяхъ законоположеніе, коего сила и значеніе проявятся въ дѣйствіи въ самый день его введенія, было бы въ высшей степени неосторожно, и это повредило бы успѣху всей реформы. Существующій фактъ долженъ быть принятъ за точку отправленія для начертанія правилъ, которымъ суждено измѣниться сообразно измѣненію обусловливающихъ ихъ обстоятельствъ» *). Словомъ, составители проекта закона 6 апрѣля разсматривали эту мѣру какъ временную, вынужденную неудовлетворительнымъ состояніемъ дореформеннаго суда. Мало того: они заявляли, что «принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы несогласно съ понятіями о правильномъ законодательствѣ». Въ пользу намѣченнаго ими рѣшенія вопроса говорило, по мнѣнію составителей закона, однако, то соображеніе, что «какъ бы строга ни была угроза административныхъ взысканій, она на дѣлѣ внесетъ несравненно большую массу свободы слова, чѣмъ самая снисходительная цензура... Поэтому,—говорила коммиссія,—соглашаясь освободить повременныя изданія отъ предварительной цензуры даже подъ условіемъ административныхъ взысканій, правительство дѣлаетъ шагъ впередъ къ освобожденію слова. Въ виду прямыхъ и нетерпѣливыхъ требованій современной литературы, быть можетъ, осторожныя мѣры, предложенныя проектомъ,—замѣчали авторы послѣдняго—покажутся, съ перваго взгляда, неудовлетворительными; но нѣтъ сомнѣнія, что опытъ убѣдитъ истинныхъ друзей свободы слова, что избранный коммиссіей путь вѣрнѣе приведетъ къ желанной цѣли, чѣмъ смѣлыя попытки нарушить постепенный ходъ полезныхъ преобразованій» **).

Дѣйствительно, не вся современная составителямъ проекта литература признавала путь, предложенный ими, вѣрнымъ путемъ къ желанной цѣли. Но было бы несправедливо сказать это обо всей литературѣ того времени. Какъ всегда, и въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ нашлось немало людей, въ сердцахъ которыхъ легко и быстро расцвѣтаютъ надежды. Общее настроеніе литературной среды превосходно отразилось въ извѣстномъ коротенькомъ стихотвореніи Некрасова «Литераторы», вылившемся на бумагу подъ первымъ впечатлѣніемъ цензурной реформы:

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
— Теперь пойдутъ иныя рѣчи!—

*) „Сѣверная почта", № 280.

**) Тамъ же, 1876 г., №№ 279 и 280. Было перепечатано въ 1878 году въ „Сборникѣ Узаконеній и распоряженій правительства по дѣламъ печати". Спб.

Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждутъ просторъ и слава! —
Другой восторженно сказалъ.
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!

Во всякомъ случаѣ недостатка въ восторгахъ на первыхъ порахъ не было, и если среди нихъ звучала всетаки и скептическая нотка некрасовскаго третьяго, то ужъ совсѣмъ не такъ громко, чтобы повліять на общій ликующій тонъ печати. Посмотрите, сколько надеждъ выражено въ первыхъ статьяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ безъ предварительнаго просмотра цензоромъ. Литераторы привѣтствовали «освобожденіе слова отъ крѣпостной зависимости», объявляя, что чувствуютъ подъ собою и своимъ дѣломъ «твердую почву закона», восхищались «неслыханнымъ, невиданнымъ правомъ: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ» *). И не лукавый взглядъ некрасовскаго третьяго умѣрилъ пылъ этихъ восторговъ, отрезвила отъ нихъ подлинная русская дѣйствительность—и очень скоро отрезвила.

Законъ 6 апрѣля 1895 года былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 сентября того же года, и уже, менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли, 20 сентября послѣдовало первое, по времени объявленія, предостереженіе русскому періодическому изданію. Оно было дано Коршевскимъ «Спб. Вѣд.» по такому поводу и при такихъ обстоятельствахъ, что могло бы навести на раздумье самыхъ искренныхъ энтузіастовъ. А послѣдующая практика примѣненія закона 6 апрѣля въ первые годы послѣ его изданія не оставила и слѣда былого увлеченія. Уже въ 1867 году органъ министерства внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ опровергнуть слухи о предстоявшей будто бы отмѣнѣ системы предостереженія по дѣламъ печати и, полемизируя съ газетами и журналами, высказывавшимися въ пользу такой мѣры, выступилъ съ длиннымъ разсужденіемъ въ защиту этой системы. «Никто,—говорилось въ «Сѣверной Почтѣ»,—не могъ сомнѣваться въ существенной важности или значеніи этой части закона. Никто не могъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ въ правѣ предполагать, что эта именно часть закона останется мертвою буквою, и никто въ настоящее время не можетъ утверждать, что издатели журналовъ и газетъ, подвергшихся предостереженіямъ, не были достаточно и въ полной мѣрѣ предупреждены. Ни одно изданіе не было пріостановлено, на осно-

*) См. Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ“. Въ главѣ, посвященной „первымъ шагамъ безцензурной печати“, приведены выписки изъ первыхъ статей „Дня“, „Голоса“, „Спб. Вѣд.“, „Москов. Вѣд.“. Тамъ же подробности о первыхъ предостереженіяхъ.

ваніи закона 6 апрѣля, безъ собственной и очевидной настойчивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ и непринятіемъ его къ соображенію и къ руководству на послѣдующее время. Въ первомъ случаѣ предостереженіе не повторяется, въ послѣднемъ оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели» *). Но въ то время, когда оффиціальный журналъ печаталъ эти строки, литература уже на опытѣ успѣла убѣдиться въ томъ, что система административныхъ каръ не можетъ служить твердой почвой для независимой печати. Теперь, дѣйствительно, по этому вопросу въ литературной средѣ не могло быть разныхъ мнѣній. «Безспорно,— отвѣчалъ тогда же на это заявленіе оффиціальной газеты К. К. Арсеньевъ, - безспорно бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости его высказать прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою *неизбѣжно* должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстимые съ тою осторожностью, къ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ для каждаго журнала въ каждую данную минуту; *вѣроятность* же его не поддается никакимъ опредѣленіямъ и разсчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя примѣниться; изъ прежнихъ примѣромъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, п. ч. въ нихъ нѣтъ логической связи» **). Подъ этой оцѣнкой практическаго значенія системы предостереженій въ то время (въ 1869 г.) подписались бы, вѣроятно, люди, радикально расходившіеся въ своихъ взглядахъ на вещи, представители всѣхъ литературныхъ лагерей. Но «основныя начала» цензурной реформы считались тогда неприкосновенными; органъ министерства внутреннихъ дѣлъ закончилъ свое разъясненіе категорическимъ заявленіямъ: «ни отмѣны, ни существеннаго измѣненія этихъ началъ теперь не предвидится».

Но трудно быть пророкомъ въ отечествѣ. Если составители законопроекта, санкціонированнаго 6 апрѣля 1865 г., ошибались, полагая, что они создаютъ временную мѣру; если цензурному изобрѣтенію Наполеона III, думавшаго при помощи предостереженій сломить «вредное направленіе» вольнолюбивой французской прессы, не повезло во Франціи, но сужденъ былъ долгій вѣкъ въ Россіи, вопреки ожиданіямъ сторонниковъ этой реформы, то и

*) „Сѣверная Почта", 1867, №№ 279 и 280.
**) „Вѣстникъ Европы", 1869, кн. 4.

«Сѣверная Почта» обманулась на счетъ ближайшаго будущаго нашихъ цензурныхъ порядковъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, пробѣжавъ названное выше «отдѣленіе» устава о цензурѣ и печати.

Законъ 6 апрѣля ввелъ въ нашу цензурную практику систему предостереженій и пріостановокъ, на срокъ и на всегда, допустивъ существованіе изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Указанныя мѣры воздѣйствія предназначались только для безцензурныхъ изданій. Никакихъ другихъ административныхъ взысканій, по правиламъ 6 апрѣля, не налагается на печать, а что касается подцензурныхъ изданій, то для нихъ, по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ, никакихъ каръ и не должно было существовать при этой системѣ. Не даромъ въ мотивахъ къ проекту, ставшему закономъ 6 апрѣля 1865 года, упоминалось о томъ, что новыя правила не останавливаются лишь на «ограниченіи административнаго надзора одною правительственною цензурою», т. е. только на отмѣнѣ существовавшаго ранѣе у администраціи права «взысканія за статьи, уже пропущенныя цензурою» и права пріостановки подцензурныхъ изданій. Разрѣшить журналамъ и газетамъ выходъ безъ предварительной цензуры, подчинить изданія административнымъ взысканіямъ, по системѣ предостереженія, т. е. предупрежденій о могущей послѣдовать карѣ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить правила о пріостановкѣ подцензурныхъ изданій, или установить для періодической прессы какія-либо другія взысканія, которыя могутъ налагаться безъ предостереженій,—составители закона 6 апрѣля не допускали и мысли о совмѣстномъ существованіи такихъ, казалось бы, взаимно-исключающихъ порядковъ. Но дѣйствующій уставъ о цензурѣ и печати можетъ служить лучшимъ доказательствомъ ошибочности мнѣнія творцовъ цензурной реформы.

Все то, что придумали или, лучше, заимствовали они изъ французскаго закона для противодѣйствія «вредному направленію» повременныхъ изданій, остается на мѣстѣ, такъ что у насъ можно говорить о долговѣчности системы предостереженій. Но рядомъ съ ней и даже тѣсно переплетаясь съ нею, за тѣ же тридцать пять лѣтъ выросла и другая система административныхъ взысканій съ печати.

Въ самомъ дѣлѣ, обратясь къ помянутому «отдѣленію» устава о цензурѣ, вы увидите, что на основаніи ст. 144, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ, выходящимъ безъ предварительной цензуры, предостереженія съ указаніемъ статей, подавшихъ къ тому поводъ. Изданіе, подвергшееся предостереженію, обязано напечатать его во главѣ ближайшаго нумера, безъ всякихъ измѣненій и возраженій (ст. 145). Третье предостереженіе влечетъ за собою для всѣхъ изданій вре-

менную пріостановку на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Это все было въ правилахъ 6 апрѣля, но рядомъ вы найдете кое-что новое. Газеты и еженедѣльные журналы, пріостановленные по третьему предостереженію, согласно прим. къ ст. 144, подчиняются затѣмъ предварительной цензурѣ на особыхъ основаніяхъ. Отъ нихъ не требуютъ, какъ отъ обыкновенныхъ подцензурныхъ изданій, представленія цензору каждой статьи въ отдѣльности до напечатанія. Но редакціи газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи этихъ изданій, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ. При этомъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Предѣльнаго срока для такого порядка цензурнаго просмотра газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ не установлено: эта мѣра принимается, по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, на назначенный имъ самимъ срокъ, или даже безсрочно.

Временной пріостановкѣ всякое періодическое изданіе какъ выходящее безъ предварительной цензуры, такъ и подцензурное можетъ, однако, по дѣйствующему уставу, подвергнуться и безъ предостереженія. По ст. 156, въ случаѣ неисполненія редакторомъ безцензурнаго изданія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности, такое изданіе можетъ быть пріостановлено на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Для подцензурной періодической печати существуетъ правило (ст. 154), по которому министръ внутреннихъ дѣлъ уполномочивается, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо изъ изданій, подлежащихъ предварительной цензурѣ, пріостанавливать такое изданіе на срокъ не свыше восьми мѣсяцевъ. Затѣмъ вся періодическая печать подлежитъ еще двойного рода взысканіямъ: повременному изданію можетъ быть воспрещено (ст. 155), на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, печатаніе частныхъ объявленій и на неопредѣленный срокъ (ст. 178)—розничная продажа нумеровъ. Послѣдняя кара примѣняется, какъ извѣстно, довольно часто, но даже въ дѣйствующемъ уставѣ она не отнесена къ числу мѣръ воздѣйствія на органы «вреднаго направленія». Наконецъ, уставъ о цензурѣ и печати предусматриваетъ и случаи окончательнаго прекращенія повременнаго изданія за вредное направленіе. Если послѣ третьяго предостереженія—гласитъ ст. 148—министръ внутреннихъ дѣлъ

признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ правительствующаго сената. Но этотъ порядокъ прекращенія періодическаго изданія въ настоящее время фактически отмѣненъ, такъ какъ съ 1882 года введено въ дѣйствіе слѣдующее правило, изложенное въ примѣчаніи къ той же 148 статьѣ: вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія ея срока, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, при участіи тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы. Это правило распространяется не только на безцензурныя изданія, о которыхъ шла рѣчь въ ст. 148, но и на изданія, подлежащія предварительной цензурѣ. Редакторъ и издатели прекращенныхъ такимъ порядкомъ навсегда газетъ и журналовъ лишаются также навсегда права быть редакторами и издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій.

Такимъ образомъ, постановленіе позднѣйшаго времени не только перенесло рѣшеніе вопроса о закрытіи періодическихъ изданій изъ перваго департамента сената въ особое совѣщаніе четырехъ министровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширило сферу примѣненія этой мѣры и усилило тяжелыя послѣдствія ея для редакторовъ и издателей. Мы видѣли, что это не единственное отличіе дѣйствующихъ узаконеній объ административныхъ карахъ отъ закона 6 апрѣля. Прежде, чѣмъ принять настоящій свой видъ, этотъ отдѣлъ нашего законодательства о печати подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ.

Къ числу первыхъ по времени и важнѣйшихъ по значенію наслоеній на карательной части закона 6 апрѣля нужно отнести нынѣшнюю статью 178 уст. о ценз. и печ., на которую постоянно съ 1870 года и до нашихъ дней дѣлаются ссылки въ распоряженіяхъ о прекращеніи розничной продажи періодическихъ изданій. Она основана на положеніи комитета министровъ, Высочайше утвержденномъ 14 іюня 1868 года и обнародованномъ въ іюлѣ того же года. Повидимому, при изданіи его не имѣлось въ виду дополнить систему административныхъ взысканій. Комитетъ министровъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ ими дозволеній на розничную торговлю произведеніями печати, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ. Такимъ образомъ, основываясь на текстѣ этого положенія, слѣдовало бы заключить, что

указаннымъ порядкомъ можетъ быть воспрещена розничная продажа періодическихъ изданій не вообще, а только лицамъ, производящимъ уличную и разносную торговлю произведеніями печати. Полицейскія дозволенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ положеніи 14 іюня, требуются только для лицъ, занимающихся этимъ промысломъ (ст. 177). Ни редакціи газетъ, ни книжные магазины не должны испрашивать подобныхъ дозволеній, такъ какъ выдача разрѣшеній на періодическое изданіе и книжные магазины производится особымъ порядкомъ и на мѣстное полицейское начальство не возглагается. Повидимому, именно такъ понималось это узаконеніе въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по его обнародованіи. Но съ 1870 года оно получило болѣе широкое толкованіе: 28 сентября этого года впервые было объявлено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи розничной продажи одной газеты (старыхъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», позднѣе переименованныхъ въ «Молву»).

Въ 1873 году положено начало другому административному взысканію. 14 іюня этого года Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о взысканіяхъ съ періодическихъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, за оглашеніе вопросовъ, не подлежащихъ въ теченіе извѣстнаго времени опубликованію. Государственный совѣтъ,—говорится въ этомъ важномъ законодательномъ актѣ, распубликованномъ въ томъ же году,—«принялъ во вниманіе, что въ существующихъ законоположеніяхъ о печати не предвидѣны случаи, когда, по высшимъ правительственнымъ соображеніямъ, представляется необходимымъ, чтобы періодическая печать въ теченіе нѣкотораго времени не касалась какого-либо вопроса внѣшней или внутренней политики, гласное обсужденіе котораго могло бы быть сопряжено со вредомъ для государства. Между тѣмъ, опытъ, и весьма еще недавняго времени, доказалъ, что подобные случаи встрѣчаются и за неимѣніемъ закона, въ силу коего обсужденіе государственнаго вопроса могло бы быть возбранено, оказалось необходимымъ испрашивать каждый разъ особыя по этому предмету Высочайшія повелѣнія. Въ виду очевиднаго неудобства облекать Именемъ Его Императорскаго Величества распоряженія, непредуказанныя въ законѣ, государственный совѣтъ призналъ нужнымъ пополнить вышеозначенный пробѣлъ законодательства, опредѣливъ въ особомъ постановленіи порядокъ извѣщенія редакторовъ періодическихъ изданій о неоглашеніи того или другого вопроса государственной важности. Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе

и общественные вопросы. Новое постановленіе, по своему разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайно рѣдкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и само собою, безъ всякаго понужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности». Таковы были основанія къ изданію нынѣшнихъ ст. 140 уст. о цензурѣ и печати, получившей, какъ извѣстно, широкое примѣненіе, и ст. 156, карающей за нарушеніе распоряженій о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности пріостановкою изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Впервые это взысканіе было наложено на «Московскія Вѣдомости» въ августѣ 1874 года.

До 1879 года послѣ цензурной реформы не было случаевъ запрещенія періодическому изданію печатанія частныхъ объявленій, не было и пріостановокъ подцензурныхъ изданій. Въ 1879 году въ первыхъ числахъ мая была пріостановлена газета «Sakala» (на эстонскомъ языкѣ), въ концѣ октября та же мѣра принята по отношенію къ «Смоленскому Вѣстнику», а 23 ноября послѣдовало первое запрещеніе частныхъ объявленій—«Молвѣ». Взысканія того и другого рода основываются на временныхъ правилахъ, изданныхъ до цензурной реформы въ 1862 и 1863 гг. Затѣмъ, съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 года, въ теченіе многихъ лѣтъ, правила объ этихъ взысканіяхъ не только не примѣнялись, но и не значились въ числѣ дѣйствующихъ законовъ, ибо при самомъ изданіи ихъ было объявлено, что «правила сіи изданы на время до окончанія работъ коммиссіи по дѣламъ книгопечатанія». Съ этимъ постановленіемъ первое время сообразовалась и кодификаціонная практика, но въ сводномъ продолженіи свода законовъ 1876 года появились нѣкоторыя статьи этихъ старыхъ временныхъ правилъ, и сила дѣйствующаго закона была присвоена, между прочимъ, постановленіямъ о пріостановкѣ подцензурныхъ изданій и о воспрещеніи частныхъ объявленій.

Чтобы закончить обзоръ нововведеній, послѣдовавшихъ въ законѣ объ административныхъ карахъ послѣ 1865 года, намъ остается указать еще на положеніе комитета министровъ 27 августа 1882 г. На этомъ положеніи основано, во-первыхъ, примѣчаніе къ ст. 148, которымъ кореннымъ образомъ, какъ мы видѣли, измѣненъ порядокъ прекращенія періодическихъ изданій навсегда.

Тѣмъ же закономъ установлена и та особая цензура, которой отнынѣ подлежатъ, послѣ третьяго предостереженія, газеты и еженедѣльные журналы. Первый случай примѣненія этого послѣдняго правила относится къ январю 1883 г. («Страна»); въ томъ-же году впервые состоялось постановленіе особаго совѣщанія о прекращеніи періодическаго изданія навсегда («Московскій Телеграфъ»).

II.

Мы видѣли, что ни одна изъ приведенныхъ карательныхъ статей дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати не оставалась безъ примѣненія на практикѣ. «Сѣверная Почта», органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, еще въ 1867 году основательно замѣтила, что «никто не могъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ въ правѣ предполагать, что эта именно часть закона останется мертвою буквою». Но и не оставаясь мертвой буквой, законъ можетъ примѣняться чаще и рѣже, и эта количественная сторона дѣла не лишена практическаго значенія. Правда, какъ справедливо утверждаетъ К. К. Арсеньевъ, въ цитированной раньше статьѣ 1869 года, «о силѣ гнета, тяготѣющаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти» *). И тѣмъ не менѣе цифры административныхъ взысканій, послѣдовавшихъ за тридцати-пятилѣтній періодъ, на нашъ взглядъ, могутъ оказаться небезполезными для выясненія положенія русской журналистики въ настоящее время.

Общее число административныхъ взысканій, наложенныхъ на поріодическія изданія съ 1865 года по 1899 годъ, по нашимъ, къ сожалѣнію, неполнымъ даннымъ, равняется 615 **). Имъ подверглось 139 изданій. Быть можетъ, здѣсь небезполезно напомнить, что отъ начала нашей образованности до 1894 года въ разное время возникло у насъ всего 641 періодическихъ изданій того типа (литературные и политическіе журналы и газеты), на долю

*) „Вѣст. Европы", 1869 г., кн. 4.

**) Свѣдѣнія объ административныхъ взысканіяхъ почерпнуты въ „Сѣверной Почтѣ" за 1865—68 гг. и „Правительственномъ Вѣстникѣ" за 1869—99 гг.

котораго выпали почти всѣ эти взысканія *). Добрая половина этихъ изданій прекратила свое существованіе до 1865 года. Очевидно, что вѣроятность подвергнуться карѣ всегда была для періодическихъ изданій весьма велика, хоть и не одинакова въ разное время. По пятилѣтіямъ всѣ взысканія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	Число взысканій:
1865—69	60
1870—74	102
1875—79	157
1880—84	91
1885—89	58
1890—94	47
1895—99	100

Съ 1865 г. по 1880 г., число административныхъ взысканій прогрессивно и довольно быстро возрастало; въ слѣдующіе затѣмъ пятнадцать лѣтъ происходитъ такое же постепенное уменьшеніе; наконецъ, послѣднее пятилѣтіе ознаменовалось новымъ крупнымъ приростомъ взысканій. При разсмотрѣніи этихъ цифръ нужно имѣть въ виду два немаловажныхъ факта. Болѣе многочисленныя кары перваго пятнадцатилѣтія были относительно легче, такъ какъ усиленіе репрессіи по отношенію къ безцензурнымъ изданіямъ послѣдовало въ 1882 году, а правило о запрещеніи подцензурныхъ изданій стало примѣняться лишь съ 1879 г. Затѣмъ, въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ дѣйствія системы административныхъ взысканій, трижды (въ 1866, 1872 и 1877 гг.), по Высочайшему повелѣнію, слагались съ повременныхъ изданій предостереженія. Поэтому, съ одной стороны, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изданій создавались болѣе льготныя условія существованія: пріостановкѣ предшествовало не два, а три, четыре предостереженія; съ другой стороны, замѣчается также нѣкоторое увеличеніе числа предостереженій вслѣдъ за снятіемъ прежнихъ. Такъ, въ теченіе 1878 и 1879 года, непосредственно за обнародованіемъ Высочайшаго повелѣнія 16 декабря 1876 г., почти всѣ важнѣйшія изданія обѣихъ столицъ получили по одному, по два предостереженія. Общее число послѣднихъ достигло въ эти два года 31, больше, чѣмъ когда-либо раньше или послѣ того въ такой же промежутокъ времени. Наконецъ, свою долю вліянія должны были оказать и перемѣны въ общихъ условіяхъ нашей

*) „Энциклопедическій Словарь“, И. Е. Андреевскаго и К. К. Арсеньева, ст. „Россія“; свѣдѣнія о періодической печати сообщены въ этой статьѣ „Словаря“ Н. М. Лисовскимъ.

общественной жизни, замѣтно отразившіяся на настроеніи печати во вторую половину разсматриваемаго тридцати-пятилѣтія.

Изъ административныхъ каръ, послѣдовавшихъ въ теченіе этого періода самыми многочисленными оказываются предостереженія: они были объявлены въ 251 случаяхъ 66 повременнымъ изданіямъ. По пятилѣтіямъ предостереженія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	Число предостер.:
1865—69	46
1870—74	53
1875—79	66
1880—84	41
1885—89	13
1890—94	7
1895—99	25

Колебанія въ числѣ предостереженій, по пятилѣтіямъ, соотвѣтствуютъ колебаніямъ общаго числа административныхъ взысканій. Только движеніе на убыль во второмъ пятнадцатилѣтіи шло тутъ нѣсколько быстрѣе. Это объясняется, съ одной стороны, особенной серьезностью, какую пріобрѣлъ, съ изданіемъ закона 27 августа 1882 года, этотъ разрядъ взысканій, съ другой стороны—въ описываемое время замѣтно сократилось число безцензурныхъ изданій, такъ какъ убыль за прекращеніемъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ весьма медленно пополнялась открытіемъ новыхъ. Наибольшее число предостереженій за все время своего существованія получили: «Голосъ» (20 пред.), «Недѣля» (15), «Русское Обозрѣніе» (11), «Новое Время» (9), «Москва» (9), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (8), «Русскій Міръ» (8), «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости», «Русская Правда» (по 7), «Современныя Извѣстія» и «Русскій Курьеръ» (по 6).

Второе мѣсто въ количественномъ отношеніи среди административныхъ взысканій, наложенныхъ на печать, занимаетъ воспрещеніе розничной продажи. Съ 1870 года эта мѣра была принята въ 192 случаяхъ по отношенію къ 65 изданіямъ. Распредѣлимъ и эти данныя по пятилѣтіямъ.

Годы:	Число запрещеній розничной продажи:
1870—74	34
1875—79	58
1880—84	26
1885—89	21
1890—94	22
1895—99	31

Наибольшее число запрещеніи розничной продажи было объявлено: «Голосу» — 18 разъ, «Новому Времени» — 12 разъ, «Русскимъ Вѣдомостямъ» — 11 разъ, «Современнымъ Извѣстіямъ» — 11 разъ. Обыкновенно такая кара налагалась безсрочно, но бывали случаи и срочнаго воспрещенія розничной продажи. Нерѣдко запрещеніе лежало на газетѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, случалось, что оно не снималось по году и болѣе, въ одномъ случаѣ взысканіе длилось слишкомъ пять лѣтъ: «Петербургскій Листокъ» былъ запрещенъ въ розничной продажѣ съ 4 апрѣля 1871 года по 21 апрѣля 1876 года.

Временная пріостановка періодическихъ изданій была объявлена въ 126 случаяхъ. Этой мѣрѣ взысканія подверглись 82 изданія; изъ нихъ были пріостановлены:

по 1 разу	55 изданій	
» 2 раза	17 »	
» 3 »	6 »	
» 4 »	2 »	
» 5 разъ	1 »	(«Гражданинъ»).
» 6 »	1 »	(«Голосъ»).

Всѣ эти пріостановки можно распредѣлить на три группы: послѣдствіемъ предостереженій временная пріостановка явилась въ 61 случаяхъ, карою за нарушенія циркуляровъ, сообщенныхъ редакторамъ безцензурныхъ повременныхъ изданій, она была въ 20 случаяхъ, и въ 45 случаяхъ пріостановкѣ подверглись подцензурныя изданія.

Распредѣленіе временныхъ пріостановокъ періодическихъ изданій по пятилѣтіямъ представляетъ большой интересъ.

ГОДЫ:	Пріостанов. послѣ предос.	Пріостанов. по ст. 156.	Пріостанов. подц. изд.	Общее число пріостанов.
1865—69	10	—	—	10
1870—74	13	1	—	14
1875—79	18	9	2	29
1880—84	8	6	5	19
1885—89	4	4	7	15
1890—94	1	—	9	10
1895—99	7	—	22	29

Изъ послѣдняго столбца этой таблички видно, что колебанія общаго числа пріостановокъ совпадаютъ съ колебаніями въ численности всѣхъ вообще административныхъ взысканій. Такое же

соотвѣтствіе наблюдается и между данными о пріостановкахъ безцензурныхъ изданій послѣ предостереженій и другими изложенными выше данными о цензурныхъ карахъ. Пріостановка за нарушеніе циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати практиковалась, какъ оказывается, въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ изданія закона 16 іюня 1873 года, но въ послѣднее десятилѣтіе эта мѣра вышла изъ употребленія. Лишь недавно, уже въ 1900 году, она была принята по отношенію одного изданія. Данныя о пріостановкахъ подцензурныхъ изданій, напротивъ, указываютъ на то, что роль этой мѣры въ общей системѣ неизмѣнно возрастаетъ съ годами. Этому взысканію подверглось 36 изданій, изъ нихъ только 3 столичныхъ. Нѣкоторыя изъ провинціальныхъ изданій пріостановились по 2 («Донская Рѣчь», «Нижегородскій Листокъ», «Смоленскій Вѣстникъ», «Сибирскій Вѣстникъ», «Сибирская Газета») и по 3 раза («Курскій Листокъ», «Одесскій Листокъ»).

Запрещеніе частныхъ объявленій, какъ мѣра взысканія, налагалась на періодическія изданія въ 26 случаяхъ. Ей подверглись 20 изданій, въ томъ числѣ «Русская Жизнь»—3 раза, «Биржевыя Вѣдомости», «Голосъ», «Гражданинъ» и «Народъ» по 2 раза.

По пятилѣтіямъ случаи взысканій этого рода распредѣляются такъ:

Годы:	Запрещеніе частныхъ объявленій:
1874—79	1
1880—84	3
1885—89	6
1890—94	6
1895—99	10

Такимъ образомъ, случаи запрещенія частныхъ объявленій въ повременныхъ изданіяхъ съ теченіемъ времени, какъ и случаи запрещенія подцензурныхъ газетъ и журналовъ, непрерывно учащаются.

Теперь отмѣтимъ, что изъ 17 періодическихъ изданій, закрытыхъ навсегда въ теченіе 1865 — 99 гг., пять (въ 1866—78 гг.) подверглись этой карѣ въ особомъ порядкѣ, два (1868 - 88 гг.) по рѣшенію Правительствующаго Сената, на основаніи ст. 148 уст. ценз., остальныя десять (1883—99 гг.) — по постановленіямъ особаго совѣщанія министровъ. Приводимъ здѣсь списокъ этихъ изданій, съ обозначеніемъ года прекращенія.

	Годъ прекращенія:
1. «Заря», издавалась въ Кіевѣ	1886
2. «Москва», изд. въ Москвѣ	1868
3. «Москвичъ», изд. въ Москвѣ	1868

		Годъ прекращенія:
4.	«Московскій Телеграфъ», изд. въ Москвѣ .	1883
5.	«Начало», изд. въ С.-Петербургѣ	1899
6.	«Новое Слово», изд. въ С.-Петербургѣ . .	1897
7.	«Отечественныя Записки», изд. въ С.-Пет. .	1884
8.	«Русская Жизнь», изд. въ С.-Петербургѣ .	1895
9.	«Русскій Трудъ», изд. въ С.-Петербургѣ .	1899
10.	«Русское Обозрѣніе», изд. въ С.-Петерб. .	1878
11.	«Русское Слово», изд. въ С.-Петербургѣ .	1866
12.	«Свѣточъ», изд. въ Москвѣ	1885
13.	«Собесѣдникъ», изд. въ С.-Петербургѣ . .	1877
14.	«Современникъ», изд. въ С.-Петербургѣ . .	1866
15.	«Сибирская Газета»	1889
16.	«Сѣверный Вѣстникъ», газ., изд. въ С.-Пет.	1878
17.	«Ардзагангъ» (на армянскомъ языкѣ) . . .	1898

Въ дополненіе къ этому списку небезполезно указать еще на слѣдующія свѣдѣнія. Изъ 16 періодическихъ изданій, временно пріостановленныхъ съ 1883 года, 14 подлежали дѣйствію, на основаніи прим. къ ст. 144 уст. ценз., особому порядку цензурованія. Въ настоящее время выходятъ пять изъ этихъ газетъ («Русскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «Хозяинъ», «Гражданинъ» и «Восточное Обозрѣніе»). По Высочайшему повелѣнію, къ «Гражданину» означенная мѣра не примѣнялась. «Восточное Обозрѣніе» перенесено изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ и тамъ выходитъ съ разрѣшенія обыкновенной предварительной цензуры. Семь изданій, пріостановленныхъ на этихъ условіяхъ, сколько извѣстно, не возобновлялись («Голосъ», «Страна», «Востокъ», «Русское Дѣло», «Русскій Курьеръ», «Русь» и «Сибирь»). «Газета Гатцука» возобновлялась, но прекратилась. «Русскій Трудъ», какъ мы видѣли, подпалъ, послѣ временной пріостановки, подъ дѣйствіе примѣчанія къ ст. 148 уст. ценз.

Наконецъ, три взысканія, наложенныя на повременныя изданія, не могутъ быть включены ни въ одну изъ указанныхъ группъ. Въ 1893 году редакціямъ «Гражданинъ» и «Новаго Времени» было сдѣлано за помѣщенныя въ этихъ изданіяхъ статьи «строгое внушеніе», о чемъ другія изданія были постановлены въ извѣстность, черезъ опубликованіе объ этой мѣрѣ въ «Прав. Вѣстн.», «въ предотвращеніе чего-либо подобнаго». Въ 1870 году редакторъ одного оффиціальнаго изданія былъ уволенъ отъ должности за напечатаніе статьи, пропущенной цензурой. Объ этомъ взысканіи была тоже сдѣлана публикація въ «Прав. Вѣстникѣ».

III.

«Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его дѣйствительность, опытные издатели не могутъ отговариваться». «Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ и непринятіемъ его къ соображенію и руководству на послѣдующее время». Такъ поучала «Сѣверная Почта» въ 1867 году. Съ развитіемъ системы воспрещенія розничной продажи и частныхъ объявленій, это замѣчаніе стало анахронизмомъ. Распоряженія этого рода, по общему правилу, не сопровождаются ни разъясненіемъ поводовъ къ наложенію кары, ни указаніемъ статьи, вызвавшей ее. Только въ видѣ рѣдкаго исключенія (за все время въ какомъ-нибудь десяткѣ случаевъ) бывали отступленія отъ такого правила. Такъ, «Петербугская Газета» была лишена розничной продажи въ 1874 году «за сообщеніе слуха, лишеннаго основанія»; въ 1877 году «Голосъ» подвергся той же карѣ за статью «Земская школа.—Система недовѣрія» и «Русскій Міръ»—«за сообщеніе совершенно ложнаго слуха о высадкѣ турокъ въ Евпаторіи»; въ 1878 году прекращеніе розничной продажи номеровъ «Новаго Времени» и «Сѣвернаго Вѣстника» мотивировалось такъ: «за распространеніе ложныхъ извѣстій». Было нѣсколько случаевъ назначенія той же кары за нарушеніе циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Такъ, «Биржевымъ Вѣдомостямъ», «Новому Времени» и «Русскому Міру» въ 1879 году была запрещена розничная продажа «за нарушеніемъ циркуляровъ 2 и 18 ноября 1876 г.». Еще нѣсколько разъ бывало, что розничная продажа воспрещалась одновременно съ предостереженіемъ и, такимъ образомъ, служила дополнительнымъ взысканіемъ за «вредное направленіе». Понятно, что ни умолчаніе о мотивахъ кары, ни указанные исключительные случаи, когда она сопровождалась отмѣткою повода къ ней, не могли служить надежнымъ «руководствомъ на послѣдующее время». Сообщеніе неосновательныхъ слуховъ нежелательно, но никакія кары не могутъ убѣдить въ этомъ издателя больше, нежели собственный интересъ, нежели забота о томъ, чтобы изданіе пользовалось довѣріемъ публики. О томъ, что нарушеніе цензурныхъ циркуляровъ влечетъ за собою кару, по закону даже не воспрещеніе розничной продажи, а временную пріостановку, редакціи газетъ и журналовъ знаютъ. Но если нарушеніе такого рода бываетъ, всегда ли это обусловливалось отсутствіемъ у журналистовъ «чувства долга и нравственной отвѣтственности» передъ «опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромностью». На этотъ вопросъ трудно, конечно,

отвѣтить, основываясь лишь на оффиціальныхъ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе данныхъ, которыми мы пользуемся въ настоящей статьѣ. Но кое-какія указанія можно всетаки найти и тутъ.

Устанавливая правила о взысканіяхъ за нарушеніе циркуляровъ, государственный совѣтъ, какъ значится въ Высочайше утвержденномъ 16 іюня 1873 года мнѣніи его, полагалъ, что «новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ, чрезвычайно рѣдкихъ». На практикѣ же взысканія этого рода налагались на повременныя изданія довольно часто въ срединѣ семидесятыхъ годовъ. Въ то время иногда въ распоряженіяхъ, основанныхъ на ст. 156 уст. цензур., отмѣчались даты нарушенныхъ циркуляровъ, и вотъ оказывается, что, напр., въ теченіе двухъ лѣтъ (1876—77 гг.) рядъ изданій подвергся карамъ (пріостановка и воспрещеніе розничной продажи) за статьи по вопросамъ, обсужденіе которыхъ было возбранено шестью циркулярами (15 октября 1875 г., 23 августа, 11 октября, 2 и 18 ноября 1876 г. и 3 апрѣля 1877 г.). Трудно предположить, чтобы газетами въ то время систематически нарушались всѣ распоряженія этого рода. Съ другой стороны, едва ли вѣроятно, чтобы руководители значительнаго числа изданій (среди подвергшихся взысканіямъ по ст. 156 уст. цен. въ тѣ два года находятся: «Гражданинъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Новое Время», «Русскій Міръ», «Современныя Извѣстія», «Нашъ Вѣкъ», «Спб. Вѣд.», «Судебный Вѣстникъ», «Петербургская Газета»), едва ли вѣроятно, говоримъ мы, чтобы редакціи всѣхъ этихъ изданій были повинны въ неосторожности или чрезмѣрной нескромности. Если нарушенія повторялись и повторялись, не смотря на взысканія, если повинными въ нихъ оказывались органы разныхъ направленій, при томъ нерѣдко въ нарушеніи однихъ и тѣхъ же циркуляровъ, то, очевидно, что побудительною причиною къ тому являлось не отсутствіе «чувства долга и нравственной отвѣтственности». Ключъ къ разгадкѣ даетъ, быть можетъ, одно изъ тѣхъ распоряженій, о которыхъ мы теперь говоримъ. Въ немъ было помѣщено нѣсколько строкъ, дающихъ понятіе о содержаніи нарушеннаго циркуляра: 15 октября 1875 года редакціямъ повременныхъ безцензурныхъ изданій было объявлено распоряженіе «касательно отношеній печати къ дѣйствіямъ и видамъ правительства по Герцоговинскому возстанію». Мудрено ли, что въ 1876—77 гг. русской печати было трудно воздерживаться отъ обсужденія подобныхъ вопросовъ, не смотря на угрозу административной кары?

Еще меньше, конечно, предупредительное значеніе немотивированныхъ каръ. Бывали случаи, что «Правительственный Вѣстникъ» считалъ себя вынужденнымъ дѣлать оффиціальныя сообщенія съ тѣмъ, чтобы разсѣять недоумѣнія, возбужденныя подоб-

ными взысканіями безъ объясненія причинъ. Такъ, въ № 196 «Правительственнаго Вѣстника», за 1881 годъ появилась оффиціальная замѣтка слѣдующаго содержанія: «Въ передовой статьѣ № 222 «Биржевыхъ Вѣдомостей», по поводу воспрещенія розничной продажи журнала «Шутъ», выражено недоумѣніе, какимъ образомъ подцензурное изданіе можетъ быть караемо въ административномъ порядкѣ за то, что одобрено цензоромъ, на котораго, казалось бы, и можетъ падать отвѣтственность за все напечатанное съ его разрѣшенія». Оффиціальная газета такъ разъяснила этотъ вопросъ: «Воспрещеніе розничной продажи отдѣльныхъ нумеровъ журнала «Шутъ», — говорилось въ «Прав. Вѣстн.», — послѣдовало не за статьи, дозволенныя къ печати цензоромъ, а за печатаніе мѣстъ, вовсе не представленныхъ на разсмотрѣніе предварительной цензуры». Къ сожалѣнію, ни одно изъ многочисленныхъ взысканій, павшихъ на подцензурныя изданія въ послѣдующіе года, не сопровождалось даже такого рода разъясненіями чисто формальной стороны дѣла. Поэтому и эти кары не могли быть приняты печатью къ «соображенію и руководству».

Можно ли, однако, признать такую руководящую роль за предостереженіями? И они не всегда бывали подробно мотивированы. Часто за указаніемъ статьи слѣдовала только глухая ссылка на «вредное» или «предосудительное» направленіе подвергаемаго взысканію органа печати. Но прежде всего, какъ справедливо, съ оффиціальной стороны, было отмѣчено еще при составленіи проекта закона 6 апрѣля, «безспорныхъ признаковъ вреднаго направленія» не существуетъ. И если отъ задачи опредѣленія ихъ отказывается законодатель, то можно ли ожидать, что ихъ выяснитъ для себя издатель газеты или журнала? Правда, ему указываютъ на конкретные случаи «вреднаго направленія»; но на бѣду и этотъ путь оказывается ненадежнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, направленіе «Московскихъ Вѣдомостей» при Катковѣ, при томъ даже въ 1871 году, признавалось вреднымъ, вредно и предосудительно направленіе антисемистскаго «Наблюдателя», вреденъ и еврейскій «Восходъ», вредна и даже «несомнѣнно вредна» «Газета Гатцука», по содержанію родная сестра «Крестнаго Календаря» того же издателя. Кажется, за всѣ тридцать пять лѣтъ, только объ одномъ изданіи, подвергшемся карѣ, было сказано, что оно не вредно по направленію. «Гражданинъ»,—читаемъ мы въ предостереженіи, объявленномъ ему въ 1888 году, — «при благонамѣренномъ вообще направленіи позволяетъ себѣ постоянно крайне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, внушая такимъ образомъ неуваженіе къ нимъ».

Вообще, если судить русскую прессу по тѣмъ отзывамъ, ко-

торые о ней даны въ предостереженіяхъ, трудно будетъ придти къ иному заключенію, чѣмъ высказанное «Сѣверной Почтой» еще въ 1869 г.: пожалуй, и впрямь, издатели русскихъ газетъ и журналовъ постоянно обнаруживаютъ «настойчивую рѣшимость» вызвать на свои органы кары.

Все пошатнулось... О, гдѣ ты,—

говоритъ публика въ некрасовскихъ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ»,—

Время безъ бурь и тревогъ?
Въ Бога не вѣрятъ газеты,
И отрицаютъ поэты
Пользу желѣзныхъ дорогъ!
Дыбомъ становится волосъ,
Чѣмъ наводнилась печать,—
Даже умѣренный „Голосъ"
Началъ не въ мѣру кричать.
Ни одного элемента
Не пропустилъ, не задѣвъ,
Онъ положеньемъ Ташкента
Разволновался какъ левъ:
Бдитъ онъ надъ западнымъ краемъ
Онъ о Россіи болитъ,
Съ ожесточеньемъ и лаемъ
Онъ обо всемъ говоритъ...
Но отъ чиновниковъ быстро
Дѣло дошло до тузовъ,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катковъ.
Тронуто тамъ у него же
Много забористыхъ темъ...
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Вы улыбаетесь, читая объ этихъ прегрѣшеніяхъ «свободной прессы», такъ напугавшихъ некрасовскаго добродушнаго обывателя. Но обратитесь къ предостереженіямъ 1865—67 гг., и вы увидите, что, напр., некрасовская «Желѣзная дорога» вызвала кару на «Современникъ», что «умѣренному Голосу» не прошли даромъ ни его волненія по поводу Ташкента, ни его отзывы объ остзейскихъ баронахъ, ни даже статьи о Наполеонѣ III. Въ то время во всемъ этомъ усматривались то «рѣзкія порицанія и неприличныя сужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ», то «оскорбленіе всего дворянскаго сословія и лицъ, служащихъ правительству», то «безусловное сочувствіе къ лицамъ, противодѣйствующимъ правительству» и даже «нарушеніе всѣхъ приличій». Столь же умѣренныя, какъ «Голосъ», и чрезвычайно осторожныя коршевскія «Спб. Вѣдомости» оказывались виновными въ «систематическомъ порицаніи администраціи вообще и враждебномъ сопоставленіи

оной съ земскими учрежденіями». Въ Бога не вѣрятъ газеты!— восклицаетъ некрасовскій обыватель. Да, и газеты, и журналы оказывались причастными «дерзкимъ и буйственнымъ мудрованіямъ, равно противнымъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію» (ст. 94 уст. о ц. м. печ.). Въ спискѣ преступившихъ эту цензурную заповѣдь находится не только «Современникъ», высказывавшій «неприличныя сужденія о значеніи православія», или «Русское слово», обвиненное въ «стремленіи поколебать авторитетъ христіанской религіи», но и «Москва» И. С. Аксакова, и «Современныя Извѣстія» Н. П. Гилярова-Платонова, и «Новое Время». «Москва», напр., въ 1867 году, получила одно изъ своихъ предостереженій за рѣзкія сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, а въ другомъ предостереженіи уличалась въ «желаніи обоюдной свободы борьбы между православіемъ и протестантизмомъ, хотя это желаніе несоотвѣтствуетъ всѣмъ дѣйствующимъ, относительно православной церкви въ имперіи, узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанію статей газеты». Гиляровъ-Платоновъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1870 г., какъ оказывается, помѣщалъ, «крайне неприличные отзывы о такихъ предметахъ всенароднаго почитанія, какъ обряды православнаго богослуженія, высшія духовныя учрежденія и т. п.». Но если таковы проступки противъ вѣры и церковныхъ властей Аксакова и Гилярова-Платонова, что невѣроятнаго въ обвиненіи «Новаго Времени» (1872 г.) «въ явномъ сочувствіи антирелигіозной пропагандѣ» или въ томъ, что «Московскія Вѣдомости» въ 1892 году навлекли на себя кару (второе предостереженіе) статьею «по поводу архипастырскаго посланія».

Но что всего удивительнѣе, это необыкновенное пристрастіе русской журналистики къ распространенію «вредныхъ ученій соціализма и коммунизма, клонящихся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи». (ст. 95). Изъ журналовъ въ этомъ неповиненъ, кажется, только одинъ «Русскій Вѣстникъ»; даже «Наблюдатель» еще сравнительно недавно «продолжалъ упорствовать въ своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чего служитъ статья «Новыя умственныя движенія въ Германіи», явно проникнутая сочувствіемъ къ соціалистическимъ теоріямъ». Понятно, что и въ газетахъ обнаруживалось подобное же сочувствіе, примѣромъ чему можетъ служить, судя по предостереженіямъ, «Новое Время» (1872) или «Петербургская Газета», «сужденія» которой, по крайней мѣрѣ, въ 1873 году «были основаны на началахъ соціализма». Въ 1870 году такое же обвиненіе было направлено даже противъ одного казеннаго изданія. «Въ № 3 журнала «Архивъ Судебной Медицины», издаваемаго медицински департаментомъ, напеча-

тана была статья подъ заглавіемъ «О положеніи рабочихъ въ Западной Европѣ въ гигіеническомъ отношеніи», въ которой настойчиво проводились крайнія соціалистическія идеи». Вслѣдствіе сего, говорится въ сообщеніи «Прав. Вѣстника» (№ 234), статья была уничтожена, редакторъ уволенъ отъ должности, а цензору сдѣлано внушеніе.

Нетрудно показать, что въ дѣйствительности дѣло не заходило такъ далеко. Едва-ли кому придетъ на мысль предъявить въ серьезъ подозрѣніе въ томъ, что Гиляровъ-Платоновъ способенъ оскорблять православную святыню, что Аксакову не достаетъ «истиннаго патріотизма», что статья объ Огюстѣ Контѣ можетъ поколебать «авторитетъ христіанской религіи» или что изложеніе данныхъ о рабочихъ ассоціаціяхъ на Западѣ обнаруживаетъ «косвенное намѣреніе дать приложеніе коммунизму». По временнымъ, иногда скоропреходящимъ соображеніемъ, та или иная статья могла казаться неумѣстной или неудобной; рѣзкость тона, за что такъ часто приходилось платиться Аксакову, могла раздражить; могли быть и другія причины для недовольства со стороны того или другого лица, учрежденія, вѣдомства, даже группы населенія. При системѣ административныхъ взысканій за такимъ недовольствомъ или раздраженіемъ легко можетъ послѣдовать кара. Но если въ мотивахъ ея по адресу подвергающихся взысканію журнала или газеты посылаются столь грозныя обвиненія, то это объясняется, съ одной стороны, неопредѣленностью понятія «вредное направленіе», и съ другой—существованіемъ въ законѣ небольшого числа готовыхъ общихъ формулъ для проступковъ печати. «Правила въ руководство цензуры» (ст. 93—113 уст. о ценз. и печ.) воспрещаютъ «дерзкія и буйственныя мудрованія, равно противныя истинной вѣрѣ и истинному любомудрію», не допускаютъ «вредныхъ ученій соціализма и коммунизма», осуждаютъ статьи, «возбуждающія непріязнь и ненависть одного сословія къ другому» и т. д. И вотъ, глядя по темѣ статьи, давшей поводъ къ предостереженію, въ мотивахъ его «вредное направленіе» повременнаго изданія пріурочивается къ одной изъ готовыхъ формулъ. Но послѣднія весьма нерѣдко совпадаютъ съ опредѣленіями преступныхъ дѣяній, обложенныхъ по закону тяжкими уголовными карами. Можно-ли допустить, чтобы власти систематически оставляли безнаказанными, полагаясь на одни лишь цензурныя мѣры, подобныя дѣянія, если бы они дѣйствительно совершались русской періодической печатью? Конечно, нѣтъ. Поэтому, если вы, просматривая поводы къ предостереженіямъ за много лѣтъ, видите, напр., что органы всѣхъ направленій, какъ «Голосъ», такъ и «Гражданинъ», какъ «Московскія Вѣдомости», такъ и «Русскія Вѣдомости», какъ «Новое Время», такъ и аксаковская «Русь» или «Москва», всѣ и

неоднократно считались повинными въ «возбужденіи недовѣрія къ правительству», или «въ враждебномъ сопоставленіи различныхъ классовъ и сословій», или въ «изображеніи положенія дѣлъ нашего отечества въ превратномъ видѣ»,—вы знаете, что дѣянія какъ названныхъ, такъ и многихъ другихъ органовъ печати, дѣлившихъ съ ними участь, подверглись въ свое время, такъ сказать, переоцѣнкѣ. Были, конечно, статьи, нежелательныя для кого-нибудь въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Но мѣняются обстоятельства, мѣняется и отношеніе къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ этихъ статьяхъ, и то, что считалось проявленіемъ «вреднаго направленія», оказывается лишь признакомъ критическаго отношенія къ тому или другому факту государственной или общественной жизни. Конечно, и критика не всегда пріятна, но она можетъ быть полезной и во всякомъ случаѣ законна и дозволена. Яркимъ примѣромъ того, какъ можетъ мѣняться оцѣнка вредоносности тѣхъ или иныхъ сужденій печати можетъ служить хотя бы полемика по вопросу о гимназіяхъ. Сколько предостереженій было дано въ началѣ семидесятыхъ годовъ изданіямъ, относившимся критически къ принятой нами системѣ средняго образованія: «превратныя толкованія о происходящихъ будто бы отъ введенія оной вредныхъ послѣдствій», взглядъ на нее, какъ на «совершенно несостоятельную»—вотъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ признаковъ «вреднаго направленія» повременныхъ изданій семидесятыхъ годовъ. Но не только въ то время, но и гораздо позже, быть можетъ, еще пять—шесть лѣтъ назадъ къ этому вопросу періодическая печать у насъ не рѣшалась приступать безъ крайнихъ опасеній. Теперь система гимназическаго образованія переживаетъ кризисъ, и хотя рамки дозволеннаго для нашей печати съ того времени отнюдь не расширились, рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ и несостоятельности принятой у насъ системы общаго средняго образованія, кажется, считаются не такъ уже опасными. Подобная метаморфоза наблюдалась и наблюдается и во многихъ другихъ случаяхъ. Для того, чтобы признакъ «вреднаго направленія» превратился, если не въ свидѣтельство о благонамѣренности, то хоть въ безобидную, терпимую рѣчь, часто не нужно даже много времени. За то никогда нельзя съ увѣренностью сказать: все то, что было дозволительно вчера, будетъ считаться безвреднымъ и завтра. Многое зависитъ отъ случая, отъ преходящихъ вліяній и настроеній.

Но въ мірѣ случайностей трудно быть въ достаточной мѣрѣ предусмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ трудно, что и «опытные издатели», о которыхъ говорила «Сѣверная Почта», имѣютъ право «отговариваться» незнаніемъ предѣловъ риска.

Владиміръ Розенбергъ.

Встрѣча съ С. Ѳ. Дуровымъ.

Это было весной 1857 г. въ Омскѣ. Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, одинъ изъ Петрашевцевъ, содержавшійся въ омскомъ военномъ острогѣ, получивъ свободу, остался въ Омскѣ на зиму, чтобы дождаться теплаго времени; лѣтомъ онъ хотѣлъ уѣхать въ Россію; въ острогѣ онъ нажилъ мучительный ревматизмъ и не рѣшался даже съ началомъ весны тронуться въ путь; поджидалъ еще болѣе теплыхъ дней. Въ это-то время меня познакомилъ съ нимъ мой товарищъ по школьной жизни, киргизскій султанъ Чоканъ Валихановъ и вотъ по какимъ побужденіямъ.

Я былъ въ это время казачьимъ офицеромъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ полку на Иртышѣ и на Алтаѣ, я былъ вызванъ въ Омскъ для службы въ войсковомъ казачьемъ правленіи. Мой однокашникъ Чоканъ Валихановъ—мы вмѣстѣ учились въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ—нерѣдко заѣзжалъ ко мнѣ по вечерамъ, и мы много спорили по поводу тогдашнихъ направленій въ журналистикѣ; во многихъ пунктахъ наши взгляды не сходились, мы горячились, сердились другъ на друга и на самихъ себя, и расходились очень раздраженными. Что мы теперь расходились во мнѣніяхъ, хотя на школьной скамьѣ наши мнѣнія были одинаковы, это было понятно. По выходѣ изъ кадетскаго корпуса я уѣхалъ изъ Омска и провелъ нѣсколько лѣтъ въ глухихъ казачьихъ станицахъ въ тысячѣ верстъ отъ Омска, умственнаго центра Западной Сибири, тогда какъ мой другъ Чоканъ въ это время жилъ въ этомъ умственномъ центрѣ, принадлежалъ къ свитѣ генералъ-губернатора (онъ былъ его личнымъ адъютантомъ) и вращался въ лучшемъ обществѣ. Пока я жилъ въ захолустномъ Алтаѣ, кончилась севастопольская кампанія, ослабли цензурные тиски, появились новыя вѣянія и мечты; Чоканъ постепенно усвоивалъ новыя идеи, приносимыя книжками журналовъ, и когда

я вернулся въ Омскъ, это былъ преобразованный человѣкъ, а я остался при тѣхъ взглядахъ, съ какими вышелъ изъ кадетскаго корпуса.

Складъ политическихъ воззрѣній, съ которыми я и мои сверстники вышли тогда изъ корпуса (въ 1852 г.), можно бы назвать политическимъ довѣріемъ или политическимъ двоемысліемъ. Сразу не поймешь, какимъ образомъ могли въ насъ уживаться симпатіи къ совершенно противоположнымъ вещамъ, какимъ образомъ мы могли одновременно принадлежать къ двумъ враждебнымъ лагерямъ. Учебнымъ дѣломъ въ корпусѣ руководилъ инспекторъ классовъ Жданъ-Пушкинъ, и ему были мы, конечно, обязаны своимъ воспитаніемъ; это былъ прекрасный, благородный педагогъ и въ его программу, вѣроятно, не входило создать изъ насъ такихъ двоевѣровъ; это вышло само собою. Его намѣреніемъ было только сдѣлать изъ насъ рыцарей, способныхъ безстрашно прямить царю. Съ этою цѣлью онъ старался лучше поставить наше религіозное воспитаніе и преподаваніе всеобщей исторіи. Для преподаванія исторіи онъ пригласилъ Гонсѣвскаго; это былъ молодой, чрезвычайно застѣнчивый полякъ; хотя по тогдашней программѣ преподаваніе исторіи должно было кончаться 1815 годомъ, Гонсѣвскій довелъ свой разсказъ до 1835 года, и такимъ образомъ запретный періодъ сократилъ на половину. Исторію французской революціи 1789 года онъ разсказалъ подробно и сдѣлалъ изъ насъ республиканцевъ; Лафайэтъ и Демуленъ стали нашими любимцами. Для преподаванія закона Божія Жданъ-Пушкинъ пригласилъ молодого священника А. Сулоцкаго; это былъ скромный, добрый и набожный человѣкъ; онъ былъ искренно убѣжденъ, что Богъ выше земныхъ царей и энергически внушалъ намъ эту идею. Онъ вѣрилъ въ существованіе Бога съ такою силою, какъ развѣ только пророкъ Давидъ, когда тотъ обращался въ псалмѣ съ упреками къ Богу: «Мечъ враговъ твоихъ въ бедрѣ моемъ, ты бездѣйствуешь, а они смѣются и спрашиваютъ: гдѣ же твой Богъ?» Сильный такою вѣрою, онъ не смущался земною властью, и намъ внушалъ, что нашимъ девизомъ долженъ служить текстъ: не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. До какой степени онъ наивенъ былъ въ отношеніи къ цензурнымъ требованіямъ, объ этомъ засвидѣтельствовалъ одинъ случай. Въ Омскъ пріѣхалъ изъ Петербурга для ревизіи генералъ-адъютантъ Анненковъ. Въ день восшествія на престолъ императора Николая I въ городскомъ соборѣ былъ молебенъ и парадъ; за обѣдней о. Сулоцкій говорилъ проповѣдь о значеніи мvропомазанія. Ему хотѣлось какъ можно рѣзче выразить, какая сила перерожденія заключается въ этомъ таинствѣ, какая разница между помазанникомъ и человѣкомъ непомазаннымъ; разъяснивъ, что такое значитъ священная особа императора, ора-

торъ задалъ вопросъ: а что же такое былъ императоръ Николай I до помазанія? и отвѣтилъ: всего только кирасирскій полковникъ. Петербургскій генералъ сильно смутился, но ему объяснили, что тривіальное выраженіе выскочило у проповѣдника безъ дурного намѣренія, отъ недостатка навыка въ оффиціозномъ языкѣ. Инцидентъ окончился благополучно, безъ дурныхъ послѣдствій.

Третій учитель, имѣвшій вліяніе на формированіе нашихъ убѣжденій и правилъ жизни былъ Костылецкій, преподаватель русскаго языка и исторіи русской словесности. Двое предыдущихъ, Гонсѣвскій и о. Сулоцкій были мирные проповѣдники истины, въ ихъ спокойной рѣчи не было протеста; не въ томъ родѣ былъ Костылецкій. Въ классахъ онъ намъ ничего не разсказывалъ и не читалъ изъ курса, а къ концу года приносилъ записки по исторіи русской литературы, по которымъ мы должны были готовиться къ экзамену. Впослѣдствіи, можетъ быть лѣтъ черезъ десять, мы узнали, что эти записки Костылецкій составлялъ по критическимъ статьямъ Бѣлинскаго, тайнымъ поклонникомъ котораго онъ былъ. Въ классахъ же Костылецкій все время или занимался грамматическимъ разборомъ, или заставлялъ декламировать стихи и избранную прозу, или заставлялъ насъ писать сочиненія. Во время этихъ классныхъ занятій онъ часто вставлялъ свои замѣчанія, которыя нерѣдко пріобрѣтали характеръ ядовитыхъ насмѣшекъ; онъ поднималъ на смѣхъ наши маленькіе ученическіе грѣхи, но не щадилъ и начальства, которому здорово таки отъ него доставалось. Эти его ядовитыя замѣтки и вставки, разсыпанныя среди учебныхъ занятій, сливались въ нашей памяти въ непрерывный протестъ противъ глупости, пошлости, ложнаго мишурнаго блеска, противъ бездарности, пользующейся не заслуженной почестью и т. п. Въ Гонсѣвскомъ и о. Сулоцкомъ мы признавали большое количество знаній, Костылецкій дѣйствовалъ на насъ своимъ умомъ. Тѣ двое разскажутъ свою лекцію съ каѳедры и уйдутъ, Костылецкій же всегда велъ практическія занятія, поэтому отношенія его съ отдѣльными учениками были чаще, онъ лучше зналъ каждаго ученика въ отдѣльности, давалъ ученикамъ мѣткія клички и, вышучивая отъявленныхъ лѣнтяевъ и тупоголовыхъ, вносилъ свое участіе въ нашу товарищескую жизнь. У Гонсѣвскаго и о. Сулоцкаго мы учились думать, у Костылецкаго жить.

Благодаря такому составу учителей, мы вышли изъ корпуса съ большимъ интересомъ къ общественнымъ дѣламъ. Еще на школьной скамьѣ мы задумывались, какъ мы будемъ служить прогрессу. Любовь къ прогрессу у насъ включалась въ любовь къ родинѣ. Жданъ-Пушкинъ хотѣлъ, чтобы любовь къ родинѣ являлась руководящей идеей въ будущей нашей жизни и любовь

къ Россіи, дѣйствительно, стала религіей нашего сердца. О прогрессѣ вообще мы могли думать не иначе, какъ только такъ, что мы будемъ толкать Россію по пути прогресса. Мы смотрѣли на себя, какъ на будущихъ борцовъ, и реформы могли быть встрѣчены нами только рукоплесканіями. Мы даже сочувствовали революціямъ тамъ, гдѣ общество не могло мирными средствами проложить путь къ прогрессивнымъ учрежденіямъ; мы поклонялись Петру Великому, но за современную намъ Россію мы были спокойны. Конечно, мы не представляли себѣ русскую жизнь въ розовомъ свѣтѣ, но намъ казалось, что недостатокъ ея заключался только въ дурныхъ нравахъ, и что люди съ добрыми намѣреніями не лишены иниціативы въ дѣятельности, направленной къ исправленію нравовъ. Предстоявшія намъ задачи казались намъ гораздо болѣе легкими, чѣмъ онѣ были въ самомъ дѣлѣ; съ дѣйствительными отрицательными сторонами русской жизни мы были не ознакомлены, и дезидераты передъ нами не были поставлены. Гласность, свобода слова, судъ присяжныхъ, самоуправленіе, все это термины, которые совсѣмъ не существовали въ нашемъ словарѣ; выраженія: крѣпостное право, крѣпостной столъ, я помню, вызывали въ моемъ умѣ представленіе о крѣпостныхъ стѣнахъ съ зубцами и башнями, такъ какъ истинное значеніе этихъ выраженій сибирская жизнь намъ не могла подсказать: въ Сибири не было крѣпостного сословія, и я о его существованіи узналъ чуть ли не черезъ десять лѣтъ по выходѣ изъ корпуса.

Мы представляли себѣ Россію несущеюся впередъ, не встрѣчая препятствій. Вмѣстѣ съ Костылецкимъ, превосходно читавшимъ Гоголя и однажды съ большимъ пафосомъ прочитавшимъ послѣднюю страницу «Мертвыхъ Душъ», мы вѣрили, въ картину, изображавшую наше отечество въ видѣ скачущей тройки; тройка мчится, духъ захватываетъ, и народы сторонятся съ дороги; конями управляетъ опытная рука, и тарантасъ ни въ ровъ не угодитъ, ни на камень не наткнется: мы вѣрили, что управляющій лошадьми воодушевленъ идеей прогресса еще болѣе, чѣмъ мы. Молодому уму обидно, если новое, ему современное, оказывается хуже стараго; новые люди лучше людей стараго вѣка, современный царь доженъ быть способнѣе стараго царя; мы соглашались, что Петръ Великій былъ геній, но не могли допустить, чтобы современный намъ императоръ Николай I былъ ниже его; это значило допустить регрессъ Россіи; Николай I долженъ быть умнѣе Петра, и мы ласкали себя этой вѣрой, поддержку которой мы находили въ вырывавшихся иногда откровенныхъ признаніяхъ нашего учителя Костылецкаго, того самаго Костылецкаго, который сатанински издѣвался надъ омскими генералами и подрывалъ въ насъ къ нимъ всякое уваженіе.

Да, мы были политическіе двоевѣры, можетъ быть, въ родѣ Карамзина, который о себѣ писалъ, что онъ въ душѣ республиканецъ, хотя въ то же время искренно любитъ своего монарха, какъ вѣрноподданный, или, можетъ быть, въ родѣ тѣхъ иркутянъ прошлаго вѣка, которые два раза, недовольные царскими воеводами, поднимали противъ нихъ бунтъ, заковывали ихъ въ кандалы, садили въ острогъ, на воеводскій стулъ садили сыновей этихъ воеводъ, грудныхъ ребятъ, вводили казачій кругъ, т. е. казачью республику, учреждали народное правительство, а въ Москву отписывали, что они выправили царскую службу и сокрушили крамолу противъ царя.

Такимъ двоевѣромъ я вернулся съ Алтая въ Омскъ. Въ промежутокъ времени между моимъ выходомъ изъ корпуса и возвращеніемъ въ Омскъ совершились государственныя событія: умеръ императоръ Николай; я и мои товарищи были въ отчаяніи; война, а мы лишились вождя, а въ этомъ вождѣ мы воплощали всю силу, все могущество Россіи; намъ казалось, что молодой государь не справится съ задачей, и что теперь само небо обрушится на Россію; за этимъ ударомъ слѣдовалъ другой—паденіе Севастополя; отчаяніе еще усилилось; купцы и приказчики въ Семипалатинскѣ, гдѣ я въ это время жилъ, читавшіе газеты, сидя у своихъ лавокъ въ гостиномъ дворѣ, плакали; мы, молодые, сочли положеніе отечества безнадежнымъ; мы думали, что теперь союзники свободно пронесутся до Москвы, и государство будетъ раздроблено. Но, слава Богу, ничего подобнаго не случилось, мы остались цѣлы. При новомъ царѣ жизнь пошла тѣмъ же порядкомъ, безъ остановки; послѣ паденія Севастополя былъ заключенъ миръ, постыдный для насъ, какъ мы, впрочемъ, узнали о томъ только впослѣдствіи, но журналы послѣ этого стали интереснѣе; жить стало не только не хуже, а даже легче, чѣмъ до войны. Когда я переѣхалъ въ Омскъ, появился катковскій «Русскій Вѣстникъ» и въ немъ «Губернскіе очерки» Щедрина и статья Громеки «Полиція внѣ полиціи», сдѣлавшая сенсацію и у насъ въ Омскѣ; все это я читалъ съ увлеченіемъ, но Чоканъ, который меня навѣщалъ въ Омскѣ, напрасно бился со мной: я оставался по прежнему двоевѣромъ. Когда онъ послѣ спора уѣзжалъ отъ меня, я сознавалъ себя разбитымъ на голову; мой арсеналъ былъ бѣднѣе его, я сознавалъ себя большимъ невѣждой, но всетаки не уступалъ; слишкомъ глубоко вкоренились во мнѣ тѣ симпатіи, которыя онъ хотѣлъ разрушить.

Однажды Чоканъ предложилъ мнѣ поѣхать къ одному своему знакомому. Онъ говорилъ мнѣ про него, что это человѣкъ съ такимъ многостороннимъ образованіемъ и съ такой изящной душой, какого я еще не видывалъ; что онъ бываетъ въ домѣ

К—ыхъ и это тамъ любимый гость, а это былъ домъ, въ которомъ собиралась лучшая омская молодежь. Черезъ нѣсколько дней Чоканъ снова явился ко мнѣ, и мы поѣхали къ Дурову.

Дуровъ жилъ на Мокромъ; такъ называется часть города Омска, расположенная въ треугольникѣ между берегомъ рѣки Оми, горой и площадью; домъ, въ которомъ квартировалъ Дуровъ, выходилъ на площадь; этотъ рядъ домовъ, когда-то бывшій казовой линіей Мокраго, теперь заслоненъ новыми каменными постройками. Мы подъѣхали къ дому Дурова, когда было еще свѣтло, около часу оставалось до сумерекъ. Когда мы вошли въ комнату, къ намъ вышелъ человѣкъ средняго роста съ сутулой спиной, съ черными волосами и черными глазами; глаза болѣзненно блестѣли; иногда отъ него доносилось затхлое дыханіе, какъ отъ чахоточнаго. Дуровъ занималъ двѣ комнаты; одна побольше была вмѣсто залы, въ другой была его спальня и кабинетъ; два окна большой комнаты, выходившія на площадь, были почему-то закрыты ставнями, такъ что комната освѣщалась только однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ.

Дуровъ позвалъ слугу, чтобъ распорядиться о чаѣ, и когда тотъ пришелъ, Дуровъ началъ съ братскимъ участіемъ разспрашивать его о какой-то болѣзни, приключившейся съ нимъ, что ему сказалъ докторъ, и купилъ ли онъ лѣкарство, и потомъ попросилъ его поставить самоваръ: «Поставьте, пожалуйста, самоваръ»! Это обращеніе со слугою на вы было для меня неожиданностью; я почувствовалъ, что очутился въ какой-то новой для меня сферѣ.

Чоканъ не остался у Дурова пить чай; ему куда-то было нужно спѣшить. Онъ наскоро передалъ ему городскія новости, разсказалъ, какъ онъ вчера былъ дежурнымъ въ домѣ генералъ-губернатора, какъ генералъ въ пухъ и прахъ распекъ какого-то чиновника и въ заключеніе приказалъ Чокану отвести этого чиновника на гауптвахту, и когда они вдвоемъ подходили къ гауптвахтѣ, какъ два чиновника, ранѣе посаженные подъ арестъ, сидѣвшіе на верандѣ и игравшіе въ шашки, завидѣвъ идущихъ, радостно закричали: ведутъ, ведутъ! (да это страничка изъ Диккенса! вставилъ Дуровъ); простился, сказалъ, что онъ меня можетъ здѣсь оставить одного, и уѣхалъ. Мы остались съ Дуровымъ вдвоемъ. Чоканъ уже сказалъ ему, что я подалъ въ отставку и собираюсь поѣхать въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ; Дуровъ поинтересовался узнать, какія были такія особыя обстоятельства въ моей жизни, что изъ меня не вышелъ обыкновенный казачій офицеръ, задающій киргизамъ впередъ товаръ и потомъ собирающій долги баранами. Я разсказалъ ему, что дѣтство мое было исключительное, что я попалъ въ семью одного

полковника, который, хотя служилъ въ казакахъ, но былъ изъ Россіи, родомъ нѣмецъ; жена его была образованная дама; я жилъ въ этой семьѣ на однихъ правахъ съ другими дѣтьми этой дамы; мы вмѣстѣ играли и вмѣстѣ учились; мать семейства по вечерамъ собирала насъ вокругъ себя и заставляла читать разсказы изъ дѣтскихъ журналовъ. Изъ этой семьи я поступилъ въ кадетскій корпусъ, какъ я теперь думалъ, уже облагороженнымъ казачонкомъ; словомъ, я приписывалъ этой дамѣ выдающееся вліяніе въ моей жизни. Тутъ произошло то, чего я никакъ не ожидалъ; Дуровъ былъ растроганъ моимъ разсказомъ, хотя онъ былъ сухъ, какъ протоколъ. Онъ назвалъ мою благодѣтельницу святой женщиной, припомнилъ другихъ такихъ женщинъ, которыхъ онъ самъ зналъ, и такъ живо представилъ себѣ доброжелательную женскую натуру, о которой я разсказалъ ему, съ такимъ теплымъ участіемъ сталъ просить еще объ ней разсказать, что у меня невольно вырвался вопросъ: «вы ее знали?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ онъ, и я отчего-то сконфузился.

Пламенная рѣчь Дурова перешла потомъ на другую женщину. К. И. К—на была мать большого семейства и жила съ своимъ мужемъ въ Омскѣ. Это было чисто сибирское семейство; тѣмъ драгоцѣннѣе былъ этотъ фактъ. Дуровъ нѣсколько разъ назвалъ ее святою женщиной; въ ея гостиной онъ находилъ радушный пріемъ; онъ цѣнилъ это, потому что во всѣхъ другихъ омскихъ домахъ его чурались, какъ опаснаго человѣка. Можетъ быть, потому онъ и къ моему разсказу такъ горячо отнесся, что нашелъ нѣкоторое сходство въ моихъ отношеніяхъ къ моей благодѣтельницѣ со своими къ К. И. К—ой. Въ одномъ случаѣ женской рукой обласканъ осиротѣвшій казачонокъ, въ другомъ — изгнанникъ изъ интеллигентнаго общества, униженный и оскорбленный

Меня подкупила эта воспріимчивость Дурова къ чужому чувству, способность быстро проникаться чужимъ душевнымъ состояніемъ. Я въ первый разъ видѣлъ передъ собою человѣка, экзальтированнаго гуманными идеями.

Я не помню, спросилъ ли онъ меня, зачѣмъ я хочу учиться и какое употребленіе сдѣлаю изъ знаній, которыя надѣюсь пріобрѣсть, но я увѣренъ, что онъ не приписалъ мнѣ меркантильныхъ разсчетовъ, потому что отнесся къ моему намѣренію съ полнымъ сочувствіемъ. Съ подъемомъ духа, который начинаетъ охватывать Россію, говорилъ Дуровъ, жаждущіе знанія стали появляться въ такой средѣ, въ такихъ захолустьяхъ, откуда прежде этого нельзя было бы ожидать. Дуровъ говорилъ, что эти ростки новой силы, выходящіе изъ русской земли на смѣну погибшихъ поколѣній, радуютъ его и укрѣпляютъ въ немъ вѣру въ русскій на-

родъ, но онъ опасался за прочность движенія и спрашивалъ: это оживленіе русскаго общества не временное ли только? Молодежь увлечется, ринется впередъ, а жизнь возьметъ да и прихлопнетъ ее. Онъ не довѣрялъ совершавшемуся въ русской жизни и думалъ, что тутъ скрывается западня. А между тѣмъ, онъ считалъ своей святой обязанностью уважать всякое стремленіе къ знанію. Онъ мнѣ разсказалъ, что къ нему иногда заходитъ господинъ, помѣшанный на отысканіи perpetuum mobile. Математическія выкладки этого господина были безнадежны, но Дуровъ съ удовольствіемъ наблюдалъ въ этомъ человѣкѣ безкорыстную преданность идеѣ, настойчивость и твердость, съ которою онъ переносилъ неудачи. Дуровъ какъ будто прежде всего спѣшилъ почтить подвигъ труда, а потомъ уже результаты труда.

Въ половинѣ вечера я былъ уже очарованъ бесѣдой Дурова. Мнѣ было очень пріятно, что всему, чему я сочувствовалъ, сочувствовалъ и онъ, но я не могъ съ тѣмъ же умѣньемъ защитить свои вкусы, тогда какъ онъ подробно излагалъ мотивы своихъ симпатій.

Потомъ разговоръ зашелъ о сибирскихъ властяхъ, о предметѣ, меня сильно интересовавшемъ. Генералъ-губернаторомъ западной Сибири былъ тогда Гасфордъ, не разъ изображавшійся въ «Искрѣ» подъ именемъ Оксенкопфа. Объ немъ разсказывали цѣлую кучу анекдотовъ,—какъ онъ хотѣлъ поставить себѣ монументъ въ Березовѣ въ память посѣщенія имъ этого города, какъ началъ строить вооруженныя казармы въ Омскѣ, изъ котораго въ тридцать лѣтъ не доскачешь ни до какой непріятельской границы, какъ онъ составлялъ проектъ религіи, промежуточной между православіемъ и мусульманствомъ, и хотѣлъ представить этотъ проектъ на высочайшее усмотрѣніе. Въ краѣ царило безшабашное взяточничество и казнокрадство; мы, маленькіе люди, стоявшіе внизу, снизу все это хорошо видѣли и знали, а наивный генералъ имѣлъ смѣлость думать, что онъ всюду видитъ, и что у него все обстоитъ благополучно.

Я уже былъ порядочно зараженъ антипатіями къ тогдашней администраціи Западной Сибири или, вѣрнѣе, къ Гасфордовской кликѣ и мнѣ было пріятно слушать Дурова, когда онъ не стѣснялся въ сильныхъ выраженіяхъ, перебирая ея грѣхи и преступленія. Мнѣ понравилось также, что Дуровъ выдвигалъ право молодости. Только что произошелъ случай: одинъ генералъ раскричался публично на подчиненнаго молодого человѣка; тотъ обидѣлся и что-то отвѣтилъ; генералу отвѣтъ показался дерзостью, онъ раскричался пуще прежняго и началъ поучать юношу, что если у стараго человѣка сорвется съ языка неумѣстное оскорбительное слово, то ему это позволительно въ виду его сѣдинъ и его заслугъ, а что

молодого человѣка его молодость обязываетъ обуздывать себя въ разговорѣ со старшими, и повышеніе голоса для молодого человѣка непростительно. Совершенно наоборотъ, не правда-ли? спрашивалъ меня Дуровъ. Отъ человѣка, дожившаго до сѣдинъ, кажется, скорѣе бы надо требовать умѣнія управлять своими страстями и языкомъ, чѣмъ отъ молодого человѣка.

Я тогда еще не понималъ, что дѣло въ системѣ управленія, а не въ отдѣльныхъ личностяхъ. Мнѣ представлялось, что разныя бездарныя и нечестныя личности случайно залѣзли въ сибирскій край, и что вся сила въ нихъ. Иронія надъ краемъ заключалась въ томъ, что стоящимъ внизу, въ толпѣ, отлично было видно, кто гдѣ воруетъ, что всѣ воруютъ и берутъ взятки, а генералъ, сидящій наверху, думаетъ, что онъ водворилъ въ краѣ законъ, и что толпа благоденствуетъ, благословляетъ его и хочетъ ставить ему памятникъ. И никто не соберется разсказать ему, какъ смѣшно это самообольщеніе толпѣ, стоящей внизу; и я тоже не рѣшаюсь выступить, потому что рядомъ со мною есть люди, болѣе меня образованные, болѣе знающіе, но они не выступаютъ, и мнѣ не хочется быть выскочкой. Я терялся въ догадкахъ о средствахъ для борьбы и надумывалъ только одну идею: нужно, чтобы явился свой сибирскій Гоголь. Дуровъ, однако, развѣнчалъ мою идею. Смѣхъ, сказалъ онъ, слабое, недѣйствительное средство: смѣхъ примиряетъ со зломъ. Портреты Ноздрева, генерала Бетрищева, Сквозника-Дмухановскаго забавляютъ насъ, а не удручаютъ. Скучно, взглянешь на эту русскую галлерею, расхохочешься и повеселѣешь. Нуженъ не смѣхъ, а прямое указаніе зла.

Отъ сибирской администраціи разговоръ перешелъ къ внутренней политикѣ только что окончившагося тридцатилѣтія, которое, какъ я сказалъ, казалось мнѣ самой славной страницей русской исторіи.

Конечно, Дуровъ былъ иного мнѣнія о значеніи этого тридцатилѣтія. Онъ говорилъ съ воодушевленіемъ, какъ будто торопился. Мнѣ запомнилась одна манера изъ его рѣчи. Когда онъ задумывался, какъ бы построить красивую фразу, то, чтобы выиграть время, онъ повторялъ по нѣсколько разъ первое слово фразы; напримѣръ, если это было вставочное предложеніе, начинавшееся съ мѣстоименія «который», то онъ быстро повторялъ: который, который, который, пока не находилъ приличную фразу. Мнѣ пришлось выслушать горячій протестъ человѣка, раздавленнаго режимомъ только что минувшаго тридцатилѣтія, и я понялъ, что та же лавина раздавила бы и меня, если бъ ея движеніе не остановилось. Я не знаю, какъ бы я отнесся къ этому развѣнчанію славной страницы, если бъ оно пришлось въ самомъ началѣ нашей бесѣды съ Дуровымъ, но теперь, въ концѣ вечера, я легко пере-

шелъ въ другую вѣру, потому что между моей старой симпатіей и ея отрицаніемъ стоялъ апостолъ прогресса, къ которому я теперь чувствовалъ сердечное влеченіе. Со мной совершился переворотъ. Я ушелъ отъ Дурова тѣмъ, до чего меня хотѣлъ довести мой другъ Чоканъ. Собственно, это не былъ переворотъ; мое идейное содержаніе было уже сформировано въ приблизительномъ духѣ, чего-то немногаго не доставало, чтобы перемѣнить кличку. Это—какъ съ дѣтскими кубиками: вотъ сложена изъ нихъ картина — индійскій магараджа и его свита ѣдутъ на слонахъ, украшенныхъ коврами и перьями; тропическій пейзажъ; но кубики перемѣшаны,—только полминуты времени, и дружеской рукой они приведены въ новый порядокъ; кубики тѣ же самые, но лежатъ другими боками кверху, и картина уже другая: Аѳины, Акрополь и Пантеонъ.

Больше я Дурова не видалъ; онъ уѣхалъ въ Россію. Впослѣдствіи, когда я былъ уже въ Петербургѣ, я слышалъ отъ Чокана, что Дуровъ поѣхалъ лѣчиться отъ ревматизма за границу и застрѣлился гдѣ-то въ южной Германіи или въ Швейцаріи.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я узналъ, что Пальмъ, тоже Петрашевецъ, вывелъ Дурова въ своемъ романѣ «Алексѣй Слободинъ» подъ именемъ Рудковскаго. Когда я прочиталъ относящіяся страницы въ романѣ, я былъ огорченъ тѣмъ изображеніемъ, въ какомъ явился мой апостолъ подъ перомъ Пальма. Правда, портретъ Дурова и у Пальма написанъ въ сочувственномъ тонѣ; и онъ говоритъ о способности Дурова дѣйствовать своими рѣчами на слушателя даже и тогда, когда послѣдній оказывался богаче знаніями оратора; это Пальмъ объясняетъ тѣмъ, что Дуровъ (Рудковскій) былъ одаренъ чуткимъ пониманіемъ ближайшей истины, «которая стояла на очереди». Но всетаки портретъ вышелъ блѣднымъ; вмѣсто интереснаго проповѣдника,—тутъ описанъ либеральный департаментскій чиновникъ. Рѣчи, вставленныя въ уста Дурова (Рудковскаго), не зажигательны; главное, нѣтъ протестующей Дуровской души. Я, конечно, не пишу художественную критику; я разсказываю только, какъ мои субъективныя ожиданія не оправдались. Пальмъ часто выводитъ Рудковскаго даже при гостяхъ въ халатѣ, что ему иногда придавало комическій видъ. Какая досада! халатъ остался, а чувства Дуровскія, душевная экспрессія, которая, какъ мнѣ казалось, прежде всего бросилась бы въ глаза, если бъ Дуровъ былъ одѣтъ даже и въ рубище, не сохранились въ памяти друга-романиста.

Можетъ быть, Пальмъ и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ я; онъ дольше его зналъ, и при томъ могъ судить объ немъ, какъ наблюдатель болѣе зрѣлаго возраста. Но тотъ ореолъ, въ которомъ мнѣ представился Дуровъ, я и теперь не могу выкинуть изъ своей головы. Можетъ быть, я не болѣе, какъ ребенокъ, кото-

рому морщинистое, слезливое и беззубое лицо его сѣдой бабушки кажется самымъ милымъ лицомъ въ мірѣ; взрослый человѣкъ, въ котораго впослѣдствіи превратился этотъ ребенокъ, могъ бы и самъ убѣдиться, въ какой степени онъ обманывался, но бабушка умерла во время его дѣтства, и онъ остался на всю жизнь съ дѣтскимъ объ ней представленіемъ.

Пальмовскій Дуровъ не тотъ, котораго я слышалъ въ Омскѣ. Тотъ образъ этого человѣка, который отпечатался въ моей памяти послѣ личнаго свиданія, съ годами порядочно выцвѣлъ, но не вытѣсненъ портретомъ, написаннымъ Пальмомъ.

Для насъ фетишъ дикаря простой обрубокъ дерева или тряпка, а для дикаря это личность, съ которою связаны событія его личной и семейной жизни, и не легко ему разставаться съ этимъ семейнымъ другомъ Можетъ быть, Дуровъ мой фетишъ, но вѣрнѣе, я думаю, Пальмъ былъ не въ состояніи одухотворить своего героя до уровня дѣйствительности.

Г. Потанинъ.

Индивидуальность и культура.

Въ самый разгаръ господства «этикета» и вычурности, въ вѣкъ «кавалеровъ» и «дамъ», припудренныхъ и накрахмаленныхъ по указанію куртизанокъ версальскаго двора, Руссо съ негодованіемъ сказалъ о современномъ ему человѣкѣ: «il ne veut rien tel que l'a fait la nature, pas même l'homme; il le faut dresser pour lui, comme un cheval de manége; il le faut contourner à sa mode, comme un arbre de son jardin» («Emile», p. 5, изданіе 1874 г.)— и затѣмъ сейчасъ же иронически прибавилъ: «Sans cela, tout irait plus mal encore, et notre espèce ne veut pas être façonnée à demi».

Естественною антитезою этому человѣку, выдрессированному, «какъ лошадь въ манежѣ», и изуродованному искусственною формовкою, подобно «подстриженнымъ» деревьямъ, естественною антитезою этому обезличенному «цивилизаціею» человѣку, конечно, являлся дикарь, «l'homme naturel», самобытная единица, «l'entier absolu» (p. 9), человѣкъ, самъ опредѣляющій свое положеніе въ мірѣ, свое поведеніе и свои поступки. Цивилизованный человѣкъ живетъ такъ, какъ ему велитъ общество, дикарь—такъ, какъ самъ желаетъ; цивилизованный человѣкъ въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ сообразуется съ предписаніями «приличія», дикарь—съ велѣніями собственнаго сердца; цивилизованный человѣкъ одѣвается, слѣдуя модѣ, дикарь—слѣдуя своей фантазіи; однимъ словомъ, цивилизованный человѣкъ—рабъ общества, дикарь—самодовлѣющая единица.

Такія или подобныя мысли и чувства, какъ извѣстно, присущи не одному Руссо. Существуетъ извѣстный складъ ума и характера, извѣстное настроеніе, которое почти неизбѣжно ведетъ къ тому, что недовольство настоящимъ выражается въ формѣ восхищенія прошлымъ. Человѣкъ, одаренный художественной натурою, хорошо «чувствующій» природу и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенный мистическаго настроенія, такой человѣкъ легко поддается соблазну

опоэтизировать прошлое, соблазну, который въ большей или меньшей степени извѣстенъ, быть можетъ, всѣмъ людямъ и, во всякомъ случаѣ, извѣстенъ каждому человѣку, способному испытывать то своеобразное поэтическое чувство, которое возникаетъ въ насъ какъ при разсказахъ «о старинѣ», такъ и при воспоминаніяхъ о собственномъ дѣтствѣ.

Раціоналистъ способенъ преувеличивать успѣхи человѣческаго ума; а если это будетъ еще раціоналистъ не высокой пробы: человѣкъ со средними умственными способностями и съ соотвѣтствующимъ этому образованіемъ,—тогда въ своемъ преклоненіи передъ успѣхами знанія, въ своемъ благоговѣніи передъ «послѣдними словами» науки, онъ легко забудетъ о томъ, какъ мала еще эта область, отвоеванная человѣческимъ умомъ отъ грознаго Невѣдомаго. Мистикъ, если онъ при этомъ талантливъ, ясно видитъ, какъ безсиленъ оказывался человѣческій умъ каждый разъ, когда ему приходилось сталкиваться съ враждебными намъ космическими силами. Мистически настроенный человѣкъ, конечно, наклоненъ преувеличивать это безсиліе человѣческаго ума; мало того, онъ не вѣритъ, чтобы могущество человѣческаго ума когда-либо возросло и, наконецъ, онъ переноситъ свое отрицательное отношеніе и въ область нравственныхъ явленій; онъ не видитъ въ нашей цивилизаціи ничего, кромѣ внѣшняго блеска, эффектной видимости, маскирующей ничтожность внутренняго ея содержанія.

Если подобный мистически настроенный человѣкъ одаренъ способностью къ отвлеченному мышленію, то онъ создастъ или усвоитъ философскую систему, въ которой центральную роль будетъ играть какая-нибудь могучая отвлеченная, *не-человѣческая* сила, какъ бы тамъ она ни называлась. Но если это будетъ человѣкъ съ натурой художественной, мало того, если онъ будетъ болѣе художникъ, чѣмъ мистикъ, если это будетъ человѣкъ, любящій жизнь, человѣкъ, чувствующій неотразимое влеченіе ко «всему человѣческому», и у котораго всѣ идеи слагаются въ образы, взятые изъ окружающей его дѣйствительности,—то полетъ его мысли не будетъ въ состояніи оторваться отъ «человѣческаго», и онъ создастъ или усвоитъ ученіе, согласно которому носителемъ истины и правды явится *человѣкъ*, но не человѣкъ-мыслитель, не человѣкъ сознательно стремящійся къ господству надъ природою, а человѣкъ покорный природѣ, незнакомый съ «мудрствованіями» и живущій стихійной жизнью. Въ этой концепціи находятъ свое выраженіе оба основные элемента художника-мистика: художественный элементъ выражается тѣмъ, что центральнымъ пунктомъ ученія является *человѣкъ*, а элементъ мистическій выражается униженіемъ раціоналистическаго фактора человѣческой жизни.

Сравнительно съ этими основными чертами всякой мистико-

художественной философіи исторіи совершенно второстепеннымъ уже является вопросъ о томъ, выразится-ли это возвеличеніе стихійной жизни въ формѣ восхищенія первобытнымъ человѣкомъ, въ формѣ преклоненія передъ мудростью «народа» или въ какой-либо иной формѣ. Какъ ни далеки, напримѣръ, другъ отъ друга Руссо, Достоевскій и Толстой, однако, въ этомъ пунктѣ, ихъ анти-раціоналистическое настроеніе и ихъ художественная натура неизбѣжно привели ихъ къ аналогичнымъ выводамъ. И, замѣчательно, Руссо, далеко уступавшій и Достоевскому, и Толстому по своимъ художественнымъ дарованіямъ, избралъ предметомъ своего поклоненія именно нѣчто менѣе наглядное, такъ сказать, болѣе отвлеченное: первобытнаго человѣка, тогда какъ Достоевскій и Толстой говорятъ о «народѣ», и Достоевскій даже преимущественно о русскомъ народѣ. Эта основная склонность художественно-мистической натуры весьма любопытно проявляется у Карлейля, человѣка, въ которомъ художникъ и мистикъ далеко перевѣшивали мыслителя. Онъ пишетъ книгу: «Герои и героическое въ исторіи», въ которой вся исторія человѣчества сводится къ индивидуальной дѣятельности «героевъ». Казалось бы, здѣсь долженъ быть данъ широкій просторъ раціоналистическому элементу человѣческаго духа; здѣсь мы могли бы надѣятся найти изображеніе того, какимъ образомъ усиліями индивидуальнаго генія невѣжественное и безпомощное человѣчество было доведено до современнаго его высокаго положенія. И, однако, что же мы видимъ? Конечно, мы встрѣчаемъ не мало похвалъ, расточаемыхъ «героямъ», но всѣ эти похвалы должны, въ сущности, пойти на смарку въ виду эпизодовъ подобнаго рода: напомнивши своимъ читателямъ о фантазіи Платона относительно человѣка, который дожилъ до зрѣлаго возраста въ темной пещерѣ, и котораго затѣмъ внезапно вывели подъ открытое небо посмотрѣть восходъ солнца, Карлейль продолжаетъ: «съ открытымъ, свободнымъ чувствомъ ребенка и вмѣстѣ съ тѣмъ со зрѣлымъ умомъ возмужалаго человѣка глядѣлъ онъ на это зрѣлище, и оно воспламеняло его сердце; онъ распозналъ въ немъ божественную природу, и душа его повергласъ передъ нимъ въ глубокомъ почитаніи. Да, такимъ именно дѣтскимъ *величіемъ отличались первобытные народы* (курсивъ нашъ). ...Первый человѣкъ, начавшій мыслить, представлялъ собою именно такого возмужалаго ребенка Платона: простосердечный и открытый, какъ дитя; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ чувствуется уже сила и глубина зрѣлаго человѣка. Онъ не далъ еще природѣ названія, онъ не объединилъ еще въ одномъ словѣ все это безконечное разнообразіе зрительныхъ впечатлѣній, звуковъ, формъ, движеній, что мы теперь называемъ общимъ именемъ— *вселенная*, *природа*, или какъ-либо иначе, и такимъ образомъ,

отдѣлываемся отъ нихъ однимъ словомъ... Мы избѣгаемъ затруднительнаго положенія, благодаря вовсе не тому, что обладаемъ большею прозорливостью, а благодаря своему болѣе легкому отношенію, своему невниманію, *недостатку* глубины въ нашемъ взглядѣ на природу. Мы перестаемъ удивляться всему этому только потому, что *перестаемъ думать* объ этомъ. Вокругъ нашего существа образовалась толстая затвердѣлая оболочка традицій, ходячихъ фразъ, однихъ только *словъ*, плотно и со всѣхъ сторонъ обволакивающихъ всякое понятіе, какое бы мы ни составили себѣ («Герои и героическое въ исторіи», Томаса Карлейля, пер. В. Яковенко, стр. 10—11).

Такимъ образомъ, что же оказывается? Оказывается, что въ результатѣ дѣятельности всѣхъ этихъ «героевъ» человѣчества только образовалась вокругъ насъ кора изъ «ходячихъ фразъ» и «словъ». Оказывается, что первобытный человѣкъ глубже нашего понималъ природу, и что наше видимое превосходство объясняется лишь тѣмъ, что мы «перестаемъ думать» о великихъ міровыхъ явленіяхъ. Виноваты или не виноваты въ этомъ «герои», это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы ихъ дѣятельность привела къ особенно блестящимъ результатамъ... Здѣсь мы опять отмѣтимъ то обстоятельство, что Карлейль, подобно Руссо, не одаренный, въ сущности, особенно большими художественными способностями, избралъ, опять таки, предметомъ своего восхищенія нѣчто менѣе конкретное: первобытнаго человѣка. Такъ что наряду со всѣми этими перечисляемыми Карлейлемъ индивидуальными героями (среди которыхъ, это характерно, нѣтъ ни людей науки, ни философовъ), слѣдуетъ поставить еще одного и самаго великаго героя—первобытнаго человѣка, который, благодаря своему «природному здравому смыслу» (стр. 12), понималъ вселенную такъ, какъ ее теперь понимаютъ только «мыслители и пророки» (стр. 10), вслѣдствіе чего «міръ, являющійся теперь божественнымъ только въ глазахъ избранниковъ, былъ тогда таковымъ для всякаго, кто обращалъ къ нему свой открытый взоръ» (стр. 12).

Итакъ, мы видимъ, что раціоналистъ ищетъ спасенія въ результатахъ дѣятельности человѣческаго разума, мистикъ-мыслитель стремится свести къ нулю значеніе человѣческой личности, которая въ лучшемъ случаѣ является у него простымъ отблескомъ нѣкоторой реальной *не-человѣческой* силы, при чемъ, чѣмъ болѣе наклоненъ самъ мистикъ къ отвлеченному мышленію, тѣмъ болѣе эта сила утрачиваетъ у него всякіе человѣческіе атрибуты. Наконецъ, художникъ-мистикъ, не довѣряя человѣческому разуму, считая даже человѣческія «мудрствованія» источникомъ существующаго зла, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ относится къ человѣ-

ческой природѣ вообще, къ «естественному», стихійному человѣку.

Теперь, если мы зададимъ себѣ вопросъ, каково количественное распредѣленіе этихъ трехъ (собственно говоря, четырехъ, ибо и раціоналистъ можетъ быть раціоналистомъ-мыслителемъ и раціоналистомъ-художникомъ) душевныхъ типовъ среди нашего общества, то легко замѣтить, что художественно-мистическій типъ является среди насъ самымъ распространеннымъ. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый древній типъ и если не первобытный, то, во всякомъ случаѣ, тотъ, который далеко ранѣе другихъ дифференцировался изъ хаотическаго и неопредѣленнаго первобытнаго состоянія.

Характернѣйшимъ указаніемъ на преобладаніе среди людей художественно-мистическаго типа является широкое распространеніе убѣжденія, что культура ухудшаетъ положеніе человѣка, все равно, принимаетъ-ли это убѣжденіе классическую форму вѣры въ «золотой вѣкъ», въ первобытное блаженство, или форму вѣры въ существованіе особенныхъ некультурныхъ счастливыхъ народовъ (напр., «блаженныхъ гиперборейцевъ»), или же, наконецъ, наиболѣе распространенную форму увѣренности, что «въ старину было лучше». Если спросить поклонниковъ старины, что же въ старину было лучше, то они, конечно, представятъ длинные списки преимуществъ стараго времени, при чемъ, навѣрно, во всѣхъ этихъ спискахъ будетъ, между прочимъ, повторяться одно обвиненіе противъ культуры, а именно то, что она, будто-бы, обезличиваетъ человѣка. Культура подавляетъ индивидуальность; современный культурный человѣкъ, дрессируемый съ пеленокъ, не вырабатываетъ самъ своего отношенія ни къ природѣ, ни къ людямъ; все его міровоззрѣніе, всѣ его нравственныя правила, даже самый внѣшній видъ—все это заранѣе опредѣляется навязаннымъ ему воспитаніемъ, твердо установившимися формами общежитія, правилами приличій и т. п. Такъ, или приблизительно такъ, скажутъ сторонники мнѣнія о подавленіи личности культурою, и, въ качествѣ нагляднаго доказательства справедливости своихъ словъ, они укажутъ на все возрастающее однообразіе культурной жизни. Сравните, скажутъ они, безконечное разнообразіе вѣрованій и убѣжденій, господствовавшихъ среди некультурныхъ народовъ, ихъ безчисленныя божества, имѣвшія каждое свою индивидуальность, всѣ эти многочисленныя космогоніи, всѣ эти миѳы, вѣрованія и сказанія,—сравните все это съ тѣмъ однообразіемъ, которое все болѣе и болѣе устанавливаетъ наука. Сравните, затѣмъ, свободу индивидуальнаго творчества былыхъ временъ, когда всякій осмѣливался думать по-своему, когда отъ всякой новой космогоніи не требовали, чтобы она непремѣнно соображалась съ «предписаніями

науки»; сравните это съ тою заботливостью, которую обнаруживаютъ современные ученые относительно того, чтобы ни въ чемъ не нарушить правилъ научнаго изслѣдованія. Сравните еще все безконечное разнообразіе формъ жизни безчисленныхъ маленькихъ обществъ со сравнительнымъ однообразіемъ общественнаго устойства у современныхъ немногочисленныхъ огромныхъ государствъ. Наконецъ, скажутъ намъ, вотъ, быть можетъ, самое наглядное доказательство: взгляните на современную толпу, однообразно одѣтую на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра, при чемъ это однообразіе тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ болѣе данный народъ втянутъ въ водоворотъ цивилизаціи,—и вспомните при этомъ о разнообразіи и пестротѣ мѣстныхъ («національныхъ») костюмовъ. Можно-ли, скажутъ, послѣ этого отрицать нивеллирующую роль цивилизаціи?

Даже тѣ лица, которыя достаточно знакомы съ исторіей, чтобы знать, что, въ сущности, вся она наполнена борьбою за освобожденіе личности отъ тиранніи общества, даже и они, если только это будутъ представители мистико-художественнаго типа, лишь перемѣнять фронтъ и скажутъ такъ: да, прежде было *внѣшнее* подавленіе личности, грубое насиліе, но личность рвалась изъ оковъ, постоянно нарушая предписанія закона, а теперь мы видимъ *добровольное* рабство: человѣкъ, просто, боится проявить свою индивидуальность.

Борьба школъ и направленій въ области нравственныхъ явленій ведется главнымъ образомъ не путемъ утвержденія и отрицанія существованія извѣстныхъ «фактовъ», а путемъ такого или иного истолкованія этихъ «фактовъ». И въ данномъ случаѣ, мы не станемъ отрицать того, что наука вноситъ однообразіе міровоззрѣнія вмѣсто прежняго разнообразія вѣрованій; что современныя немногочисленныя, большія, однообразно-устроенныя государства поглотили многочисленные, разнородные народцы прежнихъ временъ; что, наконецъ, внѣшній видъ современной толпы отличается значительнымъ однообразіемъ, сравнительно съ пестротою стародавнихъ костюмовъ;—мы не станемъ отрицать всего этого, но только зададимъ себѣ вопросъ, *дѣйствительно ли все это указываетъ на подавленіе индивидуальности цивилизаціей, на все большее подавленіе личности обществомъ.*

Извѣстно, что наша литература особенно богата изслѣдованіями объ отношеніи между личностью и обществомъ, между индивидуальностью и культурою. Называя лишь главнѣйшія работы (въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія), мы напомнимъ читателю, что этотъ вопросъ подвергался всестороннему обсужденію въ «Историческихъ Письмахъ» П. Миртова; въ статьяхъ Н. К. Михайловскаго, особенно въ слѣдующихъ: «Что такое про-

грессъ?», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность», «Вольница и Подвижники» и «Герои и толпа»; затѣмъ, въ книгахъ Н. И. Карѣева: «Основные вопросы философіи исторіи» и «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи»; въ «Соціологическихъ Этюдахъ» С. Н. Южакова; наконецъ, въ книгѣ С. С. Арнольди: «Задачи пониманія исторіи».

Но мы не будемъ изучать здѣсь вопроса объ отношеніи между индивидуальностью и культурою во всемъ его объемѣ. Мы ограничимся всего одною и самой простой его стороною, которая, къ тому-же, не подверглась изученію вышеупомянутыми писателями. Мы остановили нашъ выборъ именно на этой простѣйшей сторонѣ вопроса еще и потому, что при изученіи различныхъ явленій одного и того-же порядка, но неодинаковой сложности, удобнѣе начинать съ наименѣе сложнаго: здѣсь легче всего выяснить основной характеръ явленія, сдѣлать общую характеристику взаимодѣйствующихъ факторовъ и установить законъ ихъ взаимодѣйствія, чтобы затѣмъ, сдѣлавши предположеніе, что этотъ законъ имѣетъ силу и для всѣхъ другихъ явленій даннаго порядка, перейти къ изученію болѣе сложныхъ явленій, руководясь уже ясно формулированнымъ принципомъ.

Примѣняя къ рѣшенію вопроса о нивеллирующей роли цивилизаціи вышеуказанный методологическій пріемъ, мы и перейдемъ къ изученію самаго простого и нагляднаго случая общественной нивеллировки: къ изученію причины все возрастающаго однообразія внѣшняго вида членовъ цивилизованнаго общества.

Чтобы понять исторію возникновенія одежды, нужно умѣть отрѣшиться отъ современныхъ понятій. Люди уже давнымъ-давно забыли эту исторію: уже нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ они, примѣняя къ вопросу о происхожденіи одежды современныя имъ понятія, начали объяснять обычай носить одежду стыдомъ, испытываемымъ человѣкомъ передъ наготою собственнаго тѣла. Это анти-историческое объясненіе общепринято и въ настоящее время среди людей, незнакомыхъ съ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ изслѣдователями первобытнаго состоянія. А между тѣмъ, огромное количество данныхъ, добытыхъ людьми, изучившими жизнь нецивилизованныхъ народовъ, несомнѣнно показало, что одежда развилась изъ украшеній. Прежде всего нужно замѣтить, что украшенія древнѣе одежды. Липпертъ совершенно справедливо говоритъ: «мы знаемъ очень много народовъ, которые, когда ихъ открыли путешественники, не носили никакой одежды, но ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ какого-нибудь грубаго украшенія («Исторія культуры», Ю. Липперта, перев. А. Острогор-

скаго и П. Струве, стр. 104). Затѣмъ, даже среди племенъ, дошедшихъ до употребленія одежды, она долго еще служила исключительно цѣлямъ тщеславія и самовозвеличенія. Ею не только не пользовались въ видахъ «приличія» для «прикрытія наготы», но даже не употребляли ея для прикрытія тѣла отъ холода и влаги. Ее, напримѣръ, надѣвали только въ торжественныхъ случаяхъ, когда нужно было блеснуть своимъ великолѣпіемъ. Въ разсказахъ путешественниковъ можно найти много примѣровъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Спикъ разсказываетъ, что прислуживавшіе ему африканцы съ гордостью наряжались въ свои мантіи изъ козлиной кожи, когда была хорошая погода; когда-же шелъ дождь, они ихъ снимали и ходили нагишомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ; у Гейглина мы читаемъ, что Шилуки ходятъ нагими; даже ихъ султанъ и его визирь показываются въ чемъ-то въ родѣ полуцвѣтной рубахи лишь во время оффиціальныхъ свиданій и во время празднествъ» (Спенсеръ, Обрядовыя учрежденія, пер. И. В. Лучицкаго, стр. 284—5).

Себячувствіе (Selbstgefühl, Self-feeling, по французски «faute d'un meilleur terme», Рибо предлагаетъ терминъ «l'émotion égoïste»), т. е., та своеобразная простѣйшая, первичная эмоція, которая связана съ сознаніемъ нашей личности, съ нашимъ «я»— возникаетъ на самой границѣ между психическою жизнью животнаго и человѣка. Это есть то элементарное психическое образованіе, изъ котораго впослѣдствіи развиваются различныя болѣе сложныя эмоціональныя формы: гордость, тщеславіе, самолюбіе, самомнѣніе и т. п. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, насколько себячувствіе доступно животнымъ, но, во всякомъ случаѣ, нужно помнить, что многіе авторитетные писатели категорически признаютъ существованіе этой эмоціи и у животныхъ. Такъ, напримѣръ, Роменсъ, говоритъ: «Гордость, чувство собственнаго достоинства и самоуваженіе рѣзко проявляются у собакъ, привыкшихъ къ хорошему обращенію» (Роменсъ, Умъ животныхъ, пер. Холодковскаго, стр. 446). Что-же касается человѣка, то несомнѣнно, что себячувствіе есть та интегральная часть человѣческаго духа, полное отсутствіе которой указывало-бы на такое недоразвитіе человѣка, при которомъ ему недоступно сознаніе собственной личности, своего «я». Если мы при этомъ еще вспомнимъ, что обузданіе эгоистическихъ эмоцій возможно лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ духовнаго развитія, то легко увидимъ, какую большую роль должны играть въ жизни дикаря тщеславіе, самолюбіе, гордость и т. п. эмоціи.

Основная форма проявленія себячувствія заключается въ сознаніи собственной силы или собственнаго безсилія, а самый простой и первоначальный видъ «силы» есть, конечно, физическая

сила. Поэтому тщеславіе физическою силою (и ловкостью), обнаружившеюся удачною борьбой съ людьми и животными, должно, конечно, играть очень большую роль въ жизни первобытнаго человѣка. И дѣйствительно, дикарь спѣшитъ показать всѣмъ, насколько онъ силенъ, насколько онъ побѣдоносенъ въ борьбѣ съ врагами. Онъ навѣшиваетъ на себя кости убитаго имъ врага, накидываетъ на плечи шкуру убитаго имъ животнаго и, вообще, по возможности, носитъ на себѣ и при себѣ всѣ свои трофеи. Мы не будемъ подробно выяснять то, что уже и такъ хорошо извѣстно, а именно то, что здѣсь, въ этой демонстраціи собственныхъ успѣховъ, и лежитъ общій источникъ возникновенія одежды, украшеній и знаковъ отличія. Даже такія украшенія, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ борьбѣ съ врагами, даже они пріурочивались къ боевымъ успѣхамъ: такъ, напримѣръ, относительно Чибчасовъ мы читаемъ, что они «прокалываютъ себѣ губы, носы и уши и вѣшаютъ на нихъ золотыя стрѣлы, при чемъ число послѣднихъ соотвѣтствуетъ числу враговъ, убитыхъ ими въ борьбѣ» (Спенсеръ, Обрядов. учрежд., стр. 243).

Разсматривая эту исторію возникновенія одеждъ и украшеній съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса о причинахъ увеличенія однообразія внѣшняго вида людей съ ходомъ цивилизаціи,—мы легко замѣтимъ, какъ мало индивидуальнаго было во всемъ этомъ первобытномъ убранствѣ. Существовала группа людей, гдѣ всѣ и каждый гордились однимъ лишь свойствомъ, уважали одно лишь качество: боевую способность человѣка; въ глазахъ этихъ людей все отличіе одного человѣка отъ другого исчерпывалось ихъ не одинаковой боевой способностью; при обсужденіи достоинства каждаго человѣка дѣлалось не качественное и количественное опредѣленіе многочисленныхъ составныхъ элементовъ его личности, а просто количественное опредѣленіе *одного единственнаго элемента*. «Общественное положеніе» человѣка опредѣлялось только его боевою доблестью, ибо даже такіе факторы, какъ богатство и знатность происхожденія не имѣли значенія: о знатности, конечно, не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока не установилась наслѣдственная преемственность; что-же касается богатства, то, при отсутствіи промышленности и торговли и при несуществованіи наслѣдственныхъ богатствъ, богатство было лишь слѣдствіемъ боевой доблести человѣка. Такимъ образомъ, строеніе общественной группы было, такъ сказать, *одноидейно*; одноидейны были, конечно, и члены этой группы, которые и сами цѣнили въ себѣ лишь свою боевую способность и лишь ею одною гордились.

При той *абсолютной одноидейности*, которая характеризуетъ первобытную общественную группу, по крайней мѣрѣ, въ первый

періодъ ея существованія, *внутреннее содержаніе индивидовъ можетъ быть съ большою точностью выражено ихъ внѣшнимъ видомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на дикаря, обвѣшаннаго своими трофеями и носящаго на себѣ запись о числѣ убитыхъ имъ враговъ, сдѣланную въ той или иной формѣ; спрашивается: что еще остается въ немъ неизвѣстнаго? Рѣшительно ничего. Между его внутреннимъ содержаніемъ, *между всею его «индивидуальностью» и его внѣшнимъ видомъ можно поставить знакъ равенства»*. Такимъ образомъ, всѣ эти украшенія, которыми обвѣшиваетъ себя дикарь, являются не выраженіемъ его личнаго «вкуса», а своего рода «мундиромъ» (значеніе мундира будетъ разобрано ниже) и при этомъ самымъ совершеннымъ изъ когда либо существовавшихъ мундировъ, ибо онъ является не только точнымъ выраженіемъ его общественнаго положенія, не только его полнымъ «послужнымъ спискомъ», но и вообще его прекрасной біографіей. Вотъ почему среди первобытныхъ народовъ мужчины, какъ «болѣе заслуженная» часть общества, и болѣе разукрашены, и болѣе «занимаются своею наружностью», чѣмъ женщины (см., напримѣръ, Гельвальдъ, Естественная исторія племенъ и народовъ, т. I, стр. 28). Женщинамъ, между прочимъ, у нѣкоторыхъ племенъ воспрещалась татуировка (см., напримѣръ, Летурно, Соціологія по даннымъ этнографіи, стр. 49, 50 и др.) и это вполнѣ понятно, ибо главнѣйшій (если не единственный) источникъ происхожденія татуировки заключается въ тщеславіи рубцами отъ ранъ, полученныхъ въ бою. И эти рубцы должны были считаться почетными, и ими должны были гордиться, ибо если трофеи указываютъ на то, насколько побѣда надъ врагами была блестяща, то раны на тѣлѣ говорятъ о томъ, насколько эта побѣда была трудна. Извѣстно, напримѣръ, что даже и въ столь организованномъ обществѣ, какъ древній Римъ, кандидаты на общественныя должности показывали своимъ избирателямъ рубцы и шрамы, полученные ими на войнѣ.

Мы видимъ, что при однодейности первобытной общественной группы стремленіе обнаружить передъ всѣми блестящія стороны своей личности находитъ вполнѣ естественное удовлетвореніе путемъ постояннаго демонстрированія своихъ успѣховъ. Здѣсь нѣтъ мѣста личному вкусу, индивидуальной прихоти: дикарь просто-напросто носитъ на себѣ и при себѣ всѣ тѣ свои трофеи, для ношенія которыхъ нѣтъ физическихъ препятствій. Однако, такъ какъ, по справедливому замѣчанію А. Гумбольдта, всякій народъ носитъ на себѣ ливрею обитаемой имъ страны, то между убранствомъ различныхъ общественныхъ группъ должно возникнуть значительное несходство. Даже относительно тѣхъ трофеевъ, которые состоятъ изъ частей человѣческаго тѣла, даже здѣсь невозможно

предположить, чтобы различныя общественныя группы сдѣлали одинаковый выборъ. Въ настоящее время мы не можемъ, конечно, сказать, почему именно въ извѣстной общественной группѣ начали носить скальпъ побѣжденнаго врага, въ другой—его челюсть, въ третьей—его зубы; случайныя причины, обусловившія тотъ или иной выборъ, намъ, конечно, не извѣстны, но можно было предсказать заранѣе, что различныя общественныя группы разойдутся въ своемъ выборѣ. Что-же касается украшеній, добытыхъ охотою за животными и тѣхъ, которыя (какъ вышеупомянутыя золотыя стрѣлы) лишь символически указываютъ на боевые успѣхи, то здѣсь, конечно, первобытный человѣкъ вполнѣ зависѣлъ отъ мѣстныхъ условій: онъ могъ пользоваться лишь тѣми продуктами, которые находятся въ обитаемой имъ странѣ.

Такимъ образомъ возникла первичная индивидуализація одеждъ и украшеній; первичная дифференціація внѣшняго быта общественныхъ группъ. Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ дальнѣйшихъ фазисовъ этой эволюціи, мы должны напомнить читателю, что наша задача заключается не въ томъ, чтобы дать хотя бы бѣглую *исторію* одеждъ и украшеній, а лишь въ томъ, чтобы, *пользуясь уже извѣстными данными этой исторіи*, отвѣтить на поставленный нами вопросъ о значеніи и смыслѣ все возрастающаго, особенно въ новѣйшее время, однообразія одеждъ въ цивилизованномъ обществѣ. Читатель помнитъ, что мы хотимъ только отвѣтить на вопросъ: не является ли это однообразіе одеждъ внѣшнимъ выраженіемъ все большаго подавленія индивида обществомъ? Нужно замѣтить, что, сверхъ взаимодѣйствія индивидуальности и общественнаго контроля, существуютъ еще и другіе факторы, опредѣляющіе эволюцію костюмовъ (этимъ словомъ мы обозначаемъ и одежды, и украшенія). Прежде всего нужно указать на то, что прогрессъ добывающей и обрабатывающей промышленности, а также и прогрессивное развитіе торговли съ каждымъ столѣтіемъ (а иногда и чаще того) видоизмѣняли матеріалъ, служившій для одеждъ и украшеній. Нужно отмѣтить и самобытную эволюцію костюмовъ, т. е. тѣ ихъ видоизмѣненія, которыя они претерпѣли помимо постороннихъ вліяній, просто вслѣдствіе все большаго приспособленія матеріала къ требованіямъ жизни, т. е. вслѣдствіе прогресса ремесленной техники. Затѣмъ, мы должны вспомнить о томъ, что въ различныя времена и у различныхъ народовъ достоинство человѣка понималось весьма неодинаково: если мы представимъ себѣ, напримѣръ, двѣ *одногидейныя* общественныя группы, изъ которыхъ въ одной мѣриломъ достоинства человѣка будетъ личное мужество, а въ другой—богатство, то легко поймемъ, что во внѣшнемъ обликѣ членовъ этихъ двухъ группъ будетъ весьма значительное различіе. Ука-

заніемъ на измѣнчивость вкуса и эстетическихъ воззрѣній среди людей мы закончимъ перечисленіе главнѣйшихъ факторовъ, вліявшихъ на исторію внѣшняго быта людей. И этого перечисленія вполнѣ достаточно, чтобы понять, что исторія костюмовъ можетъ быть только въ общихъ чертахъ объяснена съ точки зрѣнія вопроса о развитіи индивидуальности.

Мы настаивали на связи между стремленіемъ первобытнаго человѣка украшать себя трофеями и одноидейностью его и его общественной группы. Мы намѣрены показать, что *всякая попытка подчеркнуть внѣшними отличіями свои внутреннія качества вытекаетъ изъ одноидейности индивидовъ и общественныхъ группъ*, и что съ исчезновеніемъ этой одноидейности—исчезаетъ и стремленіе демонстрировать свои качества внѣшними знаками.

Абсолютная одноидейность первобытнаго человѣка существовала лишь до тѣхъ поръ, пока не образовались прочно установившіяся общественныя группы. Съ возникновеніемъ этихъ прочныхъ общественныхъ группъ, находившихся, къ тому же, въ безпрерывной враждѣ между собою, главнѣйшимъ качествомъ, цѣнимымъ въ человѣкѣ, сдѣлалось, конечно, то, что этотъ человѣкъ есть именно членъ данной группы, а не чужой, не врагъ. Такимъ образомъ, къ личной его характеристикѣ, отличавшей его отъ другихъ членовъ данной группы, присоединилась новая и гораздо болѣе важная черта: принадлежность его къ этой именно группѣ. Такъ возникъ первый видъ *относительной одноидейности*, которую можно назвать *одноидейностью племенною*. И эта одноидейность сейчасъ же нашла себѣ внѣшнее выраженіе. Мы уже видѣли, что въ силу чисто мѣстныхъ условій различныя общественныя группы начали отличаться другъ отъ друга своимъ убранствомъ. Это отличіе сдѣлалось теперь внѣшнимъ выраженіемъ принадлежности къ извѣстной группѣ; мало того, къ нему присоединяются еще и другія отличія, имѣющія чисто групповое происхожденіе. Такъ, каждый кланъ имѣетъ свой тотемъ, свой групповой гербъ, который иногда воспроизводится путемъ татуировки, и «какъ каждый охотно гордится преимуществомъ своего племени, такъ несомнѣнно и эти знаки составляли предметъ гордости и украшенія» (Липпертъ, b. c. стр. 105). По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сознаніе своей обособленности отъ остальныхъ общественныхъ группъ, это внѣшнее выраженіе принадлежности къ данной группѣ дѣлается все болѣе обязательнымъ. Чѣмъ интенсивнѣе племенная одноидейность, тѣмъ рѣзче она выражается внѣшними знаками. Когда эта племенная одноидейность получаетъ религіозную окраску, то внѣшнее ея проявленіе получаетъ особенную законченность и обязательность. Еврей, которому не сдѣлали бы обрѣзанія, не былъ бы евреемъ; но этого мало, еврей

получалъ, между прочимъ, и такого рода предписанія: «Сдѣлай себѣ кисточки на четырехъ углахъ покрывала твоего, которымъ ты покрываешься» (Второзаконіе, XXII, 12).

Если мы припомнимъ, какъ малы были первоначально общественныя группы, то легко представимъ себѣ то разнообразіе внѣшняго вида людей, ту пестроту костюмовъ, которая должна была вытекать изъ подобнаго положенія дѣлъ (правда, крайне несовершенная техника не позволяла возникнуть особенно яркимъ контрастамъ, но при подобной низкой техникѣ слѣдуетъ придавать значеніе и самымъ ничтожнымъ отличіямъ). И, однако, какъ мы видимъ, все это разнообразіе явилось не вслѣдствіе широкаго развитія индивидуальности, а только вслѣдствіе племенной одноидейности.

Вслѣдъ за дифференціаціей отдѣльныхъ общественныхъ группъ начинается дифференціація внутри каждой группы. И вслѣдъ за первымъ видомъ относительной одноидейности, одноидейности племенной, возникаетъ второй ея видъ—*одноидейность классовая*, которая сейчасъ же и находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ своеобразномъ распредѣленіи костюмовъ. А такъ какъ эта внутренняя дифференціація общественной группы совпадаетъ всегда со значительнымъ увеличеніемъ объема самой группы, то членамъ ея все рѣже и рѣже приходится имѣть сношенія съ членами другихъ группъ, благодаря чему одноидейность классовая является, въ сущности, лишь немного болѣе относительной, чѣмъ одноидейность племенная. Въ самомъ дѣлѣ, членамъ значительныхъ государствъ (такъ съ этого момента будутъ уже называться общественныя группы) въ огромномъ большинствѣ случаевъ приходится имѣть сношенія лишь со своими согражданами; иноземцевъ они видятъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и поэтому при сношеніи съ другими людьми имъ почти всегда приходится имѣть въ виду не то, членомъ какого государства является данный человѣкъ, а то, къ какому классу общества онъ принадлежитъ. Терминъ «классъ» мы употребляемъ здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, для обозначенія всякаго *первичнаго* дѣленія общества: по аналогіи съ натуралистической классификаціей мы можемъ называть государство «типомъ», а всякое его первичное дѣленіе «классомъ».

Обыкновенно, двѣ категоріи личностей (два класса) особенно выдѣляются своею классовою одноидейностью, это — верховные правители и духовенство. На примѣрѣ верховныхъ правителей мы съ особенною ясностью можемъ показать, что стремленіе внѣшними отличіями выдѣлить себя изъ общей массы остальныхъ людей является не выраженіемъ характерной индивидуальности, а проявленіемъ одноидейности. Въ самомъ дѣлѣ, верховный правитель, особенно съ того момента, какъ онъ становится наслѣд-

ственнымъ монархомъ, является въ глазахъ массы не личностью, обладающею тѣми или иными качествами, а представителемъ нѣкотораго отвлеченнаго принципа: верховной власти. И самъ онъ свои требованія повиновенія и почета основываетъ не на личныхъ своихъ качествахъ, а на своемъ наслѣдственномъ «правѣ». Абсолютный монархъ въ глазахъ его вѣрныхъ подданныхъ есть существо, не имѣющее индивидуальности, и вмѣстѣ съ тѣмъ это есть человѣкъ, который самыми многочисленными и яркими внѣшними знаками отличается отъ всѣхъ остальныхъ людей. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ монархи отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ своихъ костюмовъ (мы употребляемъ терминъ «костюмъ», включая въ него и знаки отличія). Съ этимъ великолѣпіемъ никто не только не могъ, но и не имѣлъ даже права конкуррировать. Регаліи, или инсигніи, являлись знаками царскаго достоинства, и попытка кого бы то ни было присвоить себѣ употребленіе этихъ предметовъ была бы государственнымъ преступленіемъ. Здѣсь одно единственное свойство даннаго лица: его царское достоинство—до такой степени подавляетъ всѣ остальныя его качества, что классовая одноидейность въ данномъ случаѣ является уже не относительною, а абсолютною. Мы не только можемъ повторить здѣсь то, что сказали относительно первобытнаго человѣка, украшеннаго своими трофеями, а именно, что между внѣшнимъ обликомъ и внутреннимъ содержаніемъ въ данномъ случаѣ можно поставить знакъ равенства,—но еще должны отмѣтить и то обстоятельство, что все подавляющее качество, которое получаетъ въ данномъ случаѣ внѣшнее выраженіе, принадлежитъ его обладателю, не какъ индивидуальной личности (подобно храбрости у обладателя трофеевъ), а какъ представителю отвлеченнаго принципа. Такимъ образомъ, самая великая роскошь и *самое совершенное обособленіе костюма совпадаетъ съ самымъ полнымъ отрицаніемъ индивидуальности* носителя этого костюма.

Подобную же абсолютную одноидейность обнаруживаютъ и костюмы духовенства. Духовное лицо, особенно въ моментъ исполненія своихъ обязанностей, перестаетъ быть опредѣленною личностью и дѣлается лишь посредникомъ между божествомъ и человѣкомъ. И сообразно съ этимъ онъ носитъ совершенно исключительный костюмъ, не доступный остальнымъ лицамъ. Тамъ, гдѣ не признается таинство священства, сообщающее человѣку качество, которое подавляетъ своимъ величіемъ всѣ остальныя его качества, — тамъ и костюмы духовныхъ лицъ не имѣютъ такой исключительности.

Мы не станемъ здѣсь перечислять всѣ тѣ внѣшнія отличія, которыя въ различныя времена и у различныхъ народовъ служили для обозначенія кастъ, сословій, профессій и т. п. Замѣ

тимъ только, что большая или меньшая относительность этихъ видовъ классовой одноидейности зависитъ отъ того, болѣе или менѣе фактъ принадлежности къ извѣстному классу подавляетъ собою всѣ другія качества данной личности, а пропорціонально интенсивности классовой одноидейности развивается и исключительность костюмовъ данныхъ лицъ. Тамъ, напримѣръ, гдѣ классовыя подраздѣленія проведены въ рѣзкой формѣ кастъ, тамъ и костюмы, присвоенные каждому общественному подраздѣленію, были опредѣлены весьма тщательно.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется не разъ указывать на способы внѣшняго выраженія классовой одноидейности, а теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію того вида одноидейности, который, будучи, *по крайней мѣрѣ*, *въ принципѣ*, выраженіемъ чисто индивидуальныхъ качествъ, является, уже вслѣдствіе этого одного, и самымъ относительнымъ видомъ одноидейности; это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и такой ея видъ, который, нося въ себѣ внутреннее противорѣчіе и не имѣя, поэтому, устойчивости, споспѣшествуетъ наступленію конца всякой одноидейности.

Мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда люди стараются своимъ внѣшнимъ видомъ дать понятіе о своемъ богатствѣ, когда они стремятся выдѣлиться изъ окружающей среды блескомъ и роскошью своихъ костюмовъ. Эта quasi-классовая *плутократическая одноидейность* весьма существенно отличается отъ одноидейностей племенной и настоящей классовой. Въ то время, какъ при племенной одноидейности на первомъ планѣ стоитъ извѣстная общественная группа, а затѣмъ уже индивидъ, который гордится своею принадлежностью къ этой группѣ, — при плутократической одноидейности впереди всего стоитъ индивидъ, гордый своимъ богатствомъ, а затѣмъ уже изъ индивидовъ образуется группа, обладающая такимъ обаяніемъ, что возникаетъ стремленіе, по крайней мѣрѣ, казаться принадлежащимъ къ ней. Классовая одноидейность занимаетъ въ данномъ случаѣ промежуточное положеніе.

Такъ какъ дѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ основано на принципѣ, совершенно несходномъ съ принципомъ настоящаго классового дѣленія, то развитіе плутократической одноидейности началось еще при полномъ господствѣ одноидейности классовой. Но, конечно, то *подвижное* дѣленіе общества, которое основано на различіи въ богатствѣ отдѣльныхъ людей, выступило на первый планъ лишь тогда, когда кастовыя, сословныя и т. п. *неподвижныя* (по крайней мѣрѣ, теоретически неподвижныя) подраздѣленія общества исчезли или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабѣли.

Конечно, высшіе классы общества всегда были богаче низшихъ

классовъ. Но такъ какъ въ самомъ принципѣ сословно-аристократическаго дѣленія общества не лежитъ (по крайней мѣрѣ, въ открытой формѣ) различіе въ богатствѣ, то и внѣшнее его выраженіе не требовало непремѣнно указанія на основательное богатство классовъ. Аристократъ-брамінъ, напримѣръ, отличался по внѣшнему виду отъ плебея—вайшіи лишь тѣмъ, что носилъ «рубашку изъ тонкой пеньковой ткани и шкуру газели, поясъ изъ сахарнаго тростника и бамбуковую трость, достигающую до начала волосъ на головѣ», тогда какъ вайшія носилъ шерстяную рубаху и козлиную шкуру, «поясъ долженъ былъ быть пеньковый, а... трость изъ фиговаго дерева, не очищеннаго отъ коры, и доходить только до кончика носа» (Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ и до настоящихъ временъ, соч. Германа Вейса, пер. Чаева, т. I, часть 1, стр. 337).

Поэтому, когда члены аристократическихъ семействъ начинаютъ соперничать между собою роскошью своихъ костюмовъ, то это лишь показываетъ, что возрастающее значеніе богатства внесло уже начало разложенія въ сословное дѣленіе общества.

Замѣтимъ, что для обозначенія и этого историческаго момента мы можемъ сохранить терминъ «одноидейность», ибо классовая одноидейность есть лишь одноидейность *относительная*; къ тому же, при аристократо-плутократической разновидности классовой одноидейности одинъ изъ ея составныхъ элементовъ, такъ сказать, только разыгрываетъ варіаціи основной темы, данной другимъ элементомъ.

Плутократическая одноидейность (какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ своей аристократо-плутократической разновидности) ведетъ къ наибольшему развитію роскоши костюмовъ. Матеріальная причина (употребляемъ терминъ Аристотеля) этого лежитъ въ томъ, что эта одноидейность возникаетъ одновременно (правильнѣе сказать, въ связи) съ развитіемъ промышленности и торговли, а causa efficiens заключается въ томъ, что своимъ внѣшнимъ видомъ плутократъ не столько знаменуетъ свое достоинство, сколько демонстрируетъ его. Достоинство брамина основывается на томъ, что онъ произошелъ изъ устъ Брамы; это его качество столь важно, что подавляетъ собою всѣ остальныя его качества, и потому его нужно выразить внѣшнимъ отличіемъ. Но его нельзя *демонстрировать*, его можно только условно обозначить. И вотъ, когда брамину присвояется исключительное право ношенія бамбуковой трости, доходящей до волосъ на головѣ, то этимъ вполнѣ достигается цѣль; ибо кшатріи носятъ только банановую трость и достигающую только до лба, а вайшіи, какъ мы уже видѣли, обязаны носить лишь фиговую трость и достигающую только до кончика носа. Но когда хотятъ указать на свое богатство, то

можно и должно *показать* его, надѣвая на себя брилліанты, золото, кружева и т. п. предметы.

Этою своею чертою плутократическая одноидейность напоминаетъ абсолютную одноидейность первобытнаго человѣка: трофеи, посимые дикаремъ, тоже не знаменуютъ только его доблесть, а демонстрируютъ ее. Но плутократическая одноидейность имѣетъ еще и другую общую черту съ абсолютною одноидейностью первобытнаго человѣта, а именно: реальность своего принципа. Когда, напримѣръ, аристократъ-браминъ указываетъ на свое происхожденіе, то этимъ онъ выдвигаетъ идею, которую можно принять или отвергнуть въ принципѣ, но которая, по своей нереальности, не поддается детальной критикѣ. Мы, люди иного вѣка и иного общества, не признаемъ, что браминъ произошелъ изъ устъ Брамы, но этимъ мы только показываемъ, что мы люди совершенно другого міра. Иначе обстоитъ дѣло съ дикаремъ и плутократомъ. Когда дикарь гордится своими трофеями, то всегда можно детальною критикою выяснить, насколько основательна эта гордость: всегда можно задать вопросъ о томъ, какъ дѣйствительно многочисленны его трофеи, и какія трудности пришлось ему преодолѣть при овладѣніи ими.

Такая же детальная критика возможна и относительно плутократа. Но здѣсь мы должны подчеркнуть то обстоятельство, что плутократическая одноидейность, будучи лишь quasi-классовой одноидейностью, имѣетъ естественное тяготѣніе къ буржуазной идеѣ личныхъ заслугъ. Насколько богатство само по себѣ (а не тогда, когда оно является стоящимъ на заднемъ планѣ, простымъ добавленіемъ къ аристократическому происхожденію) всегда связывается съ идеей личныхъ заслугъ, это легко замѣтить даже изъ повседневныхъ наблюденій. Мы уже говорили, что при господствѣ аристократическаго принципа детальная критика невозможна. Такъ, напримѣръ, вайшія вѣритъ, что онъ произошелъ всего только изъ бедеръ Брамы, тогда какъ браминъ произошелъ изъ самыхъ устъ этого божества; поэтому для него нелѣпъ даже вопросъ о томъ, можетъ-ли онъ быть такимъ же, какъ браминъ. Для того, чтобы задать себѣ подобный вопросъ, нужно перестать вѣрить въ специфическое происхожденіе кастъ, нужно, слѣдовательно, перестать вѣрить въ существованіе самого Брамы, т. е., нужно стать выше господствующихъ идей и понятій, измѣнить свое міровоззрѣніе. Но нѣтъ никакой надобности въ подобной принципіальной ломкѣ всего міровоззрѣнія для того, чтобы бѣднякъ понялъ, что, если-бы къ нему перешло состояніе его богатаго сосѣда, то онъ былъ-бы такимъ же, какъ и тотъ. Поэтому вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ, по какому праву нашъ сосѣдъ владѣетъ своимъ богатствомъ. И повседневныя наблюденія показываютъ намъ, что этотъ

вопросъ, дѣйствительно, постоянно задается, что постоянно обсуждается то, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ и почему извѣстное лицо владѣетъ своими богатствами.

Въ этомъ и заключается указанное нами выше внутреннее противорѣчіе плутократической одноидейности. Ибо, въ то время какъ въ принципѣ богатство есть лишь послѣдствіе личной заслуги, фактически, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, этой связи не наблюдается. Даже и тогда, когда это богатство не унаслѣдовано, когда оно добыто личнымъ «трудомъ», весьма часто оказывается, что успѣху богача способствовали не столько его энергія, сообразительность и предпріимчивость, сколько его своекорыстіе, беззастѣнчивость и безсердечіе. Легко понять, что въ виду подобныхъ обстоятельствъ устойчивость плутократической одноидейности оказывается весьма не прочной. Разъ пробудившаяся критическая мысль не останавливается на частныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что этихъ случаевъ несовпаденія принципа съ дѣйствительностью бываетъ слишкомъ много. Поэтому-то богатство никогда не пользовалось такимъ продолжительнымъ и искреннимъ почтеніемъ, какимъ несомнѣнно пользовалось «высокое происхожденіе». Негодующіе слова о людяхъ, у которыхъ «мѣриломъ достоинства... служатъ вышина ихъ парадныхъ колесницъ и великолѣпіе ихъ одеждъ» (слова Амміана Марцелина. Вейсъ l. c., т. 2, ч. 2, стр. 137), стали раздаваться, конечно, очень скоро послѣ того, какъ накопленіе богатствъ положило начало плутократической одноидейности.

Такимъ образомъ, подвижный и реальный принципъ плутократической одноидейности оказывается неспособнымъ создать устойчивый порядокъ. Въ то время, какъ нереальные и неподвижные (и неподвижные именно вслѣдствіе своей нереальности) принципы кастоваго и вообще аристократическаго дѣленія, не страдая внутреннимъ противорѣчіемъ, не носили въ себѣ задатковъ саморазложенія, реальный принципъ плутократической одноидейности, именно, вслѣдствіе своей реальности, сейчасъ-же обнаружилъ свою несостоятельность. Ибо человѣческая личность есть слишкомъ сложное явленіе, чтобы ее можно было свести на одно какое либо качество.

Читателю извѣстны предѣлы и цѣль нашего изслѣдованія. Съ одной стороны, изъ всей исторіи костюмовъ мы обращали вниманіе лишь на тѣ явленія, которыя способны пролить свѣтъ на отношеніе между индивидуальностью и культурою, а, съ другой стороны, для выясненія этого вопроса объ отношеніи между индивидуальностью и культурою мы рѣшили пользоваться только фактами изъ исторіи костюмовъ. Поэтому мы не будемъ здѣсь изслѣдовать причинъ все возрастающей нравственной солидарности

новѣйшаго общества, ибо, чтобы дать полное объясненіе этого явленія, нужно было-бы охватить всѣ стороны общественной жизни, всѣ области соціологіи, а наша задача очень далека отъ этого: мы рѣшили изучить лишь одно и при томъ самое простое общественное явленіе. Поэтому мы только отмѣтимъ тотъ основной фактъ новѣйшей общественной жизни, что со времени великой французской революціи, уничтожившей послѣдніе остатки средневѣкового режима, сознаніе существеннаго равенства человѣческой природы дѣлаетъ все большіе успѣхи. Первоначально общественное вниманіе было занято однимъ изъ результатовъ великой революціи: свободой, освобожденіемъ личности отъ оковъ принудительнаго режима, но затѣмъ, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ существеннѣйшія задачи освобожденія личности были разрѣшены западно-европейскимъ обществомъ,—на первый планъ выступилъ второй результатъ великой революціи: нравственная солидарность людей. «Никакой терминъ,—говоритъ Маріонъ (De la Solidarité morale, par H. Marion, p. I),—не пользуется большею любовью въ настоящее время (чѣмъ терминъ «солидарность»); никакой терминъ не употребляется чаще и не встрѣчаетъ большаго вниманія. Тамъ, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ говорили: *свобода*, въ настоящее время говорятъ: *солидарность*. Этимъ словомъ кончаются всѣ публичныя рѣчи, ибо посредствомъ него лучше чѣмъ посредствомъ какого-либо другого слова, ораторъ обнаруживаетъ великодушіе своихъ чувствъ и возбуждаетъ великодушныя чувства слушателей».

При поверхностномъ взглядѣ можетъ казаться, что свобода и солидарность суть два малосовмѣстимыя явленія, тогда какъ, наоборотъ, согласно психической организаціи человѣка, онѣ находятся въ естественной связи другъ съ другомъ. Старый режимъ былъ режимомъ принудительной разобщенности, и если свобода явилась вслѣдствіе отмѣны принудительности, то солидарность возникла какъ результатъ уничтоженія той разобщенности, для поддержанія которой и употреблялись принудительныя мѣры. Если современную солидарность поверхностные наблюдатели готовы считать за угнетеніе личности обществомъ, то, съ другой стороны, разобщенность прежней жизни принимается ими за проявленіе индивидуальности. А эта разобщенность была характернѣйшимъ явленіемъ всей прошлой исторіи человѣчества. Мы видимъ сначала безчисленныя мелкія общественныя группы, вполнѣ разобщенныя другъ отъ друга, ибо ихъ взаимныя отношенія выражались только войнами между ними. Такъ какъ «коренной обитатель страны принадлежитъ ей всецѣло» (Вейсъ, I. c., т. I, часть 1, стр. 5), то внѣшній видъ этихъ мелкихъ общественныхъ группъ скоро дѣлается столь-же разнообразенъ, какъ разнообразны обитаемыя ими

страны; и вотъ начало той пестроты мѣстныхъ костюмовъ, которую художественно-мистическіе умы принимаютъ за выраженіе первобытной индивидуальности. Но, какъ мы видимъ, это есть только выраженіе первобытной разобщенности, ибо *внутри каждой общественной группы* царитъ полная безличность. Члены каждой общественной группы считаютъ свой тотемъ, свой способъ татуировки, свои одежды и украшенія за неотъемлемую составную часть общественной группы, часто имѣющую даже мистическое значеніе. Эти внѣшнія отличія и выражаютъ собою наглядно то основное отличіе между людьми, къ которому въ ихъ глазахъ сводится почти вся индивидуальность человѣка, т. е., отличіе между «своимъ» и «чужимъ». И они на это имѣютъ достаточное основаніе, ибо антропологи отмѣчаютъ поразительное однообразіе внутри этническихъ группъ нецивилизованныхъ народовъ. Извѣстно изреченіе Уллоа, что человѣкъ, видѣвшій одного краснокожаго, видѣлъ ихъ всѣхъ. А Вайцъ, напримѣръ, разсказываетъ, что «негроторговецъ Верхняго Египта (Шэнди) справляется подробно только о родинѣ невольника, а не объ особенностяхъ его характера, зная по давнему опыту, что различіе особей извѣстнаго племени въ этомъ отношеніи имѣетъ несравненно менѣе значенія, чѣмъ ихъ происхожденіе: такъ, Нубійцы и Галласы считаются очень вѣрными, уроженцы Фертита—дикими и мстительными, сѣверной Абиссиніи—измѣнническими и злыми» (Антропологія первобытныхъ народовъ, Теодора Вайца, пер. А. П. Федченко, томъ I, стр. 67). Даже лица у этихъ первобытныхъ народовъ мало имѣютъ индивидуальнаго. Гумбольдтъ говоритъ: «у народовъ варварскихъ существуетъ не индивидуальная, а скорѣе племенная физіономія, общая всѣмъ особямъ» (взято у Вайца, l. c., p. 67).

Съ возникновеніемъ значительныхъ государствъ мелкія народности первоначально объединяются чисто механически, при чемъ племенная разобщенность, лишь слегка смягчаясь, превращается въ провинціальную разобщенность; мало того, къ ней присоединяется еще и классовая разобщенность. При господствѣ общей разобщенности даже самыя мелкія общественныя подраздѣленія ведутъ къ образованію небольшихъ группъ, рѣзко отгороженныхъ отъ всего остального міра. А такъ какъ всякая исключительность, всякая одноидейность стремится выразиться внѣшними отличіями, то, такимъ образомъ, и возникаетъ та «художественная» пестрота костюмовъ, которая восхищаетъ любителей средневѣкового режима. Всякая провинція, всякое сословіе, всякая профессія, всякое ремесло, мало того, всякое даже мелкое подраздѣленіе провинцій, сословій, профессій и ремеслъ были разобщены внѣшними отличіями. Законодательство, въ свою очередь, стремилось закрѣ-

лить эти отличія; оно тщательно охраняло «права» и преимущества каждаго даже самаго мелкаго общественнаго подраздѣленія. Такъ, напримѣръ, германское законодательство XV вѣка заботилось о томъ, чтобы графини не смѣли подражать своимъ внѣшнимъ видомъ княгинямъ, вслѣдствіе чего оно требовало, чтобы «графини, вицеграфини или баронессы не могли носить золотыхъ вѣнцеобразныхъ шляпъ и (золотыхъ) головныхъ ободковъ съ цвѣтами, какъ превышающихъ ихъ званіе, ни вводить въ свой гербъ что нибудь подобное; равно не позволялось имъ носить одѣяній изъ витой (крученой?) или еще болѣе дорогой, золотой парчи, а онѣ должны были довольствоваться болѣе простыми матеріями; точно также запрещалось имъ носить горностаевый и всѣ дорогіе черные мѣха» (Вейсъ, l. c. т. III, часть 1, стр. 175—6). Любопытны въ этомъ отношеніи «Кентерберійскіе разсказы» Чосера, изъ которыхъ мы узнаемъ относительно Англіи XIV вѣка, что тамъ «молодые дворяне носили вышитое бѣлыми и красными цвѣтами короткое платье съ длинными и широкими рукавами, и длинные завитые въ локоны волосы. «Yeomen» (вольные однодворцы) одѣвались въ зеленаго цвѣта камзолы; такого же цвѣта были у нихъ и шапки... Грудь была украшена серебрянымъ изображеніемъ Св. Христофора — покровителя охотниковъ и стрѣлковъ. Купцы носили раздвоенныя бороды, пестрыя платья смѣшанныхъ цвѣтовъ, «фландрскія» войлочныя шляпы и шнурованныя полуботинки; «frankelein» или помѣщики (Landedelmann) отличались поясным карманомъ и пояснымъ ножомъ; моряки — широкимъ балахономъ («falding») или толстой курткой, доходившей обыкновенно до колѣнъ, и шпагой на боку; управляющіе или смотрители замковъ носили коротко остриженныя бороды, волосы, выстриженные вокругъ ушей, и длинное «surcot» пестрыхъ цвѣтовъ или сѣровато-синяго и т. п., между тѣмъ какъ ремесленники имѣли особые отличительные знаки, смотря по цеху и гильдіи, къ которымъ они принадлежали, вообще-же принадлежность одежды ремесленниковъ составляли кошельки, пояса и ножи, отдѣланные серебромъ, «а никакъ не мѣдью». Наконецъ, свѣтскіе ученые... одѣвались всѣ почти безъ исключенія въ длинныя и широкія одежды, подобно духовенству, изъ котораго они и выдѣлились. Къ нимъ причислялись преимущественно доктора и хирурги, законовѣды и приказные. Врачи отличались темносинею и голубою верхнею одеждою изъ полотна съ тафтой, судейскіе чиновники, въ особенности Sergeants-at-law—разноцвѣтнымъ полосатымъ или двуцвѣтнымъ (mi-partie) платьемъ съ богатымъ набедреннымъ поясомъ въ серебряной оправѣ; кромѣ того, они носили бѣлую шапку, сначала изъ полотна, потомъ шелковую съ мѣховой опушкой и

особаго рода плечевой воротникъ, обшитый также мѣхомъ» (Вейсъ. l. c. т., Ш, часть I, стр. 100).

Какъ видите, тутъ мы имѣемъ весьма значительное разнообразіе костюмовъ, но это не разнообразіе индивидуальнаго вкуса, а разнообразіе общественной разобщенности. Здѣсь, между прочимъ, любопытенъ слѣдующій фактъ, отмѣченный и самимъ Вейсомъ. Врачи и юристы суть отпрыскъ духовенства, и вотъ, сдѣлавшись уже представителями свѣтскихъ профессій, врачи и юристы все-таки держатся своего стараго вида и своими одеждами «походятъ» на духовныхъ лицъ. Такъ мало личнаго, индивидуальнаго во всемъ этомъ пестромъ разнообразіи костюмовъ!

Но вотъ этотъ режимъ принудительной разобщенности окончательно палъ. Человѣка нельзя уже разсматривать только какъ члена того или иного сословія, той или иной профессіи, того или иного ремесла. Человѣческая личность настолько выросла, что индивидъ не можетъ быть охарактеризованъ однимъ какимъ нибудь своимъ качествомъ. Человѣкъ освободился: старыя неподвижныя дѣленія общества распались, и онъ можетъ сдѣлаться членомъ любой корпораціи, заняться любой профессіей, онъ свободно можетъ передвигаться не только внутри своего государства, но и по всѣмъ областямъ цивилизованнаго міра. И это не было только простою возможностью; напротивъ, благодаря безпримѣрному въ исторіи развитію промышленности, торговли и международныхъ сношеній, всѣ общественныя группы перемѣшались, вслѣдствіе чего чувство групповой исключительности въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно ослабѣло, а въ другихъ случаяхъ и совсѣмъ исчезло. Съ уменьшеніемъ же чувства групповой исключительности, съ ослабленіемъ вниманія къ тому, чѣмъ мы отличаемся отъ другихъ людей, усилилось вниманіе къ тому, что у насъ есть общаго съ остальными людьми. Такимъ образомъ свобода привела къ солидарности. Одноидейность была проявленіемъ частичной солидарности; правда, она выдвигала на первый планъ не столько солидарность внутри своей группы, сколько антагонизмъ со всѣми остальными группами, но все-таки это былъ первый опытъ солидарности. Первичная племенная одноидейность была боевою солидарностью; это было выраженіемъ той скудости психической организаціи первобытнаго человѣка, когда единственный интересъ, который представлялъ для одного человѣка другой человѣкъ, состоялъ въ боевой способности этого послѣдняго. Съ усложненіемъ общественной жизни одноидейность дѣлается болѣе относительною, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются болѣе сложные виды солидарности. Классовая солидарность была болѣе сложнымъ явленіемъ, чѣмъ солидарность племенная, ибо она включала въ себя эту послѣд-

нюю. Сообразно съ этимъ и классовая одноидейность является болѣе относительною, чѣмъ одноидейность племенная.

Плутократическая одноидейность, имѣя своимъ принципомъ личную заслугу, выдвинула на первый планъ не наслѣдственныя отличія, а чисто индивидуальныя свойства. Правда, этимъ выдвигались лишь тѣ индивидуальныя свойства, которыя вели къ обогащенію, но, какъ мы видѣли, вслѣдствіе того, что это были реальныя свойства, они допускали критику. Такимъ образомъ, простого факта владѣнія богатствомъ было уже недостаточно, а анализъ условія достиженія богатства велъ къ разсмотрѣнію человѣческой личности вообще.

Такъ какъ мы здѣсь занимаемся лишь эволюціей костюмовъ, то мы не будемъ обсуждать вопроса о томъ, какая связь была между выдвиганіемъ на первый планъ личныхъ качествъ, совершоннымъ плутократическою одноидейностью, хотя и въ весьма узкой сферѣ, и общимъ усиленіемъ вниманія къ человѣческой личности вообще. Мы не будемъ обсуждать вопроса о томъ, какое изъ этихъ явленій слѣдуетъ считать логически первичнымъ, а какое вторичнымъ; не будемъ говорить даже о томъ, есть-ли между ними причинная связь. Для насъ достаточно того несомнѣннаго историческаго факта, что оба эти явленія выступили на первый планъ одновременно. А такъ какъ плутократическая одноидейность, какъ мы видѣли уже, носитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, которое особенно дѣлается яснымъ при усиленіи вниманія ко всѣмъ элементамъ человѣческой личности, то отрицательныя стороны «успѣха въ жизни» дѣлаются особенно ясными, другія стороны человѣческой личности, не споспѣшествующія, а иногда даже мѣшающія этому «успѣху», начинаютъ цѣниться выше, и, такимъ образомъ, на первый планъ выступаетъ человѣческая личность вообще, а не отдѣльные ея элементы.

Но если мы ставимъ теперь на судъ другихъ людей всю нашу личность, а не единичные ея элементы, то совершенно очевидно, что мы не можемъ стремиться къ тому, чтобы охарактеризовать себя внѣшними отличіями. Ибо подобный способъ обозначенія пригоденъ только для характеристики небольшого числа простыхъ элементовъ, но онъ совершенно не пригоденъ для характеристики сложной и богатой индивидуальности, которая не стремится замкнуться въ узкомъ кругѣ сословной и профессіональной или какой-либо иной одноидейности, а, напротивъ, сознаетъ себя солидарною со всѣми людьми.

Въ результатѣ этого широкаго развитія индивидуальности и вытекающей отсюда всеобщей солидарности и возникаетъ стремленіе не выдѣляться своимъ внѣшнимъ видомъ изъ окружающей среды, не носить на себѣ печати исключительности.

Тардъ, какъ извѣстно, утверждаетъ, что «всякое сходство... замѣчаемое въ соціальномъ мірѣ, есть прямой или косвенный плодъ подражанія во всѣхъ его формахъ: подражанія-обычая или подражанія-моды, подражанія-симпатіи или подражанія-повиновенія, подражанія-обученія (imitation-instruction) или подражанія-воспитанія (imitation-éducation), подражанія-простодушнаго (naïve) или подражанія-обдуманнаго» (Les lois de l'imitation, Étude sociologique par G. Tarde, p. 15). Исходя изъ этого своего основного положенія, онъ разсматриваетъ и современное однообразіе костюмовъ какъ плодъ одного лишь подражанія. На этомъ основаніи онъ не видитъ никакого различія по существу между современнымъ стремленіемъ къ однообразію костюмовъ, стремленіемъ, которое, по его мнѣнію, есть лишь результатъ подражанія-моды, и тѣми требованіями относительно соблюденія ритуаловъ, которыя были, по его мнѣнію, лишь результатомъ подражанія-обычая. Онъ говоритъ: «Эта потребность въ упорядоченіи такъ естественна для человѣка, живущаго въ обществѣ, что по достиженіи ею извѣстной силы она дѣлается сознательною и для своего удовлетворенія прибѣгаетъ къ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Во всѣхъ старыхъ цивилизаціяхъ мы видимъ лицъ, завѣдующихъ церемоніями, высокопоставленныхъ чиновниковъ, обязанность которыхъ заключается въ поддержаніи традиціонныхъ обрядовъ. Этихъ церемоніймейстеровъ, какъ-бы они тамъ ни назывались, мы видимъ не только въ государствахъ монархическихъ: въ древнемъ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Римской имперіи, въ Византіи, въ Эскуріалѣ при Филиппѣ второмъ и его преемникахъ, въ Версали при Людовикѣ XIV,—но также и въ республикахъ: въ Римѣ, гдѣ цензоры блюли за строгимъ соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, даже въ Аѳинахъ, гдѣ религіозная жизнь была подчинена самому неукоснительному формализму. Мы смѣемся надъ всѣмъ этимъ, но при этомъ забываемъ, что наши великіе портные, наши великія модистки, наши фабриканты, даже наши журналисты являются такими-же органами подражанія-моды, какими для подражанія-обычая являлись тѣ великіе распорядители гражданскихъ и религіозныхъ церемоній, и что эти современные церемоніймейстеры мало-по-малу пріобрѣтаютъ такую же шутовскую важность (importance bouffonne), какъ и ихъ древніе собратья. Благодаря имъ, наши одежды... наши вкусы и наши потребности всѣхъ родовъ выливаются въ однообразную форму, отъ которой освободиться весьма неудобно, и однообразіе которой, отъ одного конца континента до другого его конца, считается самымъ явственнымъ признакомъ цивилизаціи» (Tarde, l. c., p. 216—7).

Это утвержденіе Тарда, въ сущности, не находится въ совершенномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ нашимъ взглядомъ

на данный вопросъ: оно страдаетъ лишь односторонностью; однако, какъ всякая односторонность, оно въ конечномъ результатѣ приводитъ къ полному извращенію дѣла.

Что мода для всего цивилизованнаго міра есть то же, что и извѣстный обрядъ-обычай (сообразно съ нашею задачею, мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь ту часть обряда-обычая, которая предписываетъ ношеніе извѣстнаго костюма) для какой-либо опредѣленной группы людей, — это въ значительной степени вѣрно, ибо подобно тому, какъ однообразіе, устанавливаемое обрядомъ-обычаемъ, есть выраженіе солидарности внутри извѣстной группы, такъ и однообразіе, устанавливаемое модою, есть выраженіе солидарности всего цивилизованнаго міра. Но, къ сожалѣнію, Тардъ не обратилъ здѣсь достаточнаго вниманія на то, почему мода имѣетъ тенденцію распространиться на весь міръ, а обрядъ-обычай, напротивъ, замыкается въ тѣсномъ кругу своей группы, благодаря чему, вмѣсто всеобщаго однообразія, замѣчаемаго при господствѣ моды, при господствѣ обряда-обычая мы видимъ пестроту и раздробленность.

Дѣло въ томъ, что обрядъ-обычай знаменуетъ собою не только солидарность внутри извѣстной группы, *но и отчужденность этой группы отъ всего остального міра*. Обрядъ-обычай, въ силу котораго извѣстное племя, извѣстный классъ, извѣстная профессія и т. п. носятъ извѣстныя одежды и украшенія, потерялъ бы всякій смыслъ сейчасъ же, какъ только и всѣ остальные люди получили бы право носить тѣ-же одежды и украшенія. И пока господствовалъ режимъ обряда обычая, до тѣхъ поръ законодательства всѣхъ странъ строго ограждали права каждой общественной группы на исключительное пользованіе своимъ обрядомъ-обычаемъ.

Подражаніе всегда играло большую роль въ жизни общества. Уже въ первобытное время дикарь, завидуя многочисленности боевыхъ шрамовъ на тѣлѣ своего болѣе доблестнаго соплеменника, придумалъ подражать этимъ рубцамъ, дѣлая искусственные надрѣзы, чѣмъ и положилъ начало татуировкѣ. Въ болѣе поздніе времена законодательства всѣхъ странъ постоянно сдерживали стремленіе низшихъ классовъ подражать высшимъ. Такъ называемое законодательство противъ роскоши было, въ сущности, лишь законодательствомъ противъ стремленія одѣваться несоотвѣтственно своему званію. Даже относительно такого суроваго воина, какимъ былъ Карлъ Великій, Вейсъ говоритъ: «Карлъ Великій, не смотря на его старанія обуздать излишнее щегольство дорогими одеждами, не былъ лично врагомъ внѣшняго вели колѣпія, хотя бы для того только, дабы придать болѣе блеска своему царскому достоинству» (Вейсъ, l. c., т. II, ч. 2, стр. 149).

Такъ что все это законодательство противъ роскоши сводилось лишь къ слѣдующему: на верху стоялъ монархъ, роскоши котораго не полагалось никакихъ предѣловъ, и блескъ котораго служилъ образцомъ для всѣхъ окружающихъ; все остальное общество было разбито на множество группъ не одинаковаго достоинства, при чемъ всякая менѣе знатная группа охотно бы приняла внѣшній видъ болѣе знатной группы, но ее отъ этого удерживалъ законъ. Въ «Уставѣ объ одеждѣ всѣхъ сословій», выработанномъ на сеймѣ въ Линдау, въ 1497 г. мы встрѣчаемъ, напримѣръ, требованіе, «чтобы простые мужики и рабочіе какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, не носили сукна дороже половины гульдена локоть (Elle). Также не должны они носить сами, ни дозволять своимъ женамъ и дѣтямъ носить золота, жемчуга, бархата, шелка, ниже кусотчатыхъ (gestückelte) платьевъ; но эта статья не должна стѣснять князей, графовъ, господъ и дворянъ одѣвать ежегодно ихъ прислугу, какъ они привыкли» (Вейсъ, I. с., т. 3, ч. 1, стр. 167).

Съ паденіемъ режима принудительной разобщенности это стремленіе къ подражанію не встрѣчало уже формальныхъ препятствій и въ этомъ, конечно, лежитъ одна изъ причинъ господства моды.

(Во избѣжаніе недоразумѣній мы должны замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ въ виду исключительно мужчинъ [которыхъ, главнымъ образомъ, имѣли въ виду и во всемъ предыдущемъ изложеніи]; что касается женщинъ, то, хотя и къ нимъ въ значительной мѣрѣ приложимо то, что мы будемъ говорить о мужчинахъ, однако, у нихъ привходитъ еще и другой элементъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже).

Однако даже и здѣсь, въ этомъ подражательномъ слѣдованіи модѣ имѣются уже два элемента: во-первыхъ, дѣйствительное подражаніе, подражаніе активное, обусловленное желаніемъ показать, что мы сопричастны свѣтской жизни; во-вторыхъ, пассивное подражаніе, обусловленное нежеланіемъ выдѣляться изъ общей массы и нежеланіемъ придумывать себѣ костюмъ.

Но главное наше возраженіе заключается, конечно, не въ этомъ, а въ томъ, что Тардъ обращаетъ все свое вниманіе на желаніе низшихъ подражать высшимъ и совершенно упускаетъ изъ виду, что эти «высшіе» въ настоящее время не обнаруживаютъ желанія выдѣлиться внѣшними отличіями отъ «низшихъ». Такимъ образомъ, Тардъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на элементѣ общемъ всей исторіи костюмовъ отъ дикаря съ его татуировкой до современнаго человѣка, слѣдующаго модѣ, и совершенно упускаетъ изъ виду тотъ элементъ, который является характернѣйшимъ явленіемъ нашего времени, когда многовѣковое

тщательное огражденіе себя отъ всякаго подражанія смѣнилось желаніемъ не препятствовать другимъ походить на насъ.

Конечно, теперь нѣтъ законодательной регламентаціи одеждъ. Однако стоитъ сравнить по внѣшности двѣ пары: съ одной стороны, милліонера и человѣка средняго достатка и, съ другой стороны, женъ этого милліонера и этого человѣка средняго достатка, чтобы понять, что милліонеръ могъ бы очень легко выдѣлить себя изъ массы средняго люда. Почему же онъ этого не дѣлаетъ? На этотъ вопросъ теорія подражанія не можетъ дать отвѣта. Но мы на это легко отвѣтимъ указаніемъ на то, что время господства одноидейности прошло. Теперь человѣкъ не имѣетъ желанія свести всю свою характеристику на одно качество: обладаніе милліонами. Онъ знаетъ, что это его качество не встрѣтитъ слѣпого поклоненія, что вся его личность будетъ подвергнута критическому разсмотрѣнію, при чемъ тщеславное желаніе блеснуть своими милліонами дастъ только яркій фонъ, на которомъ яснѣе обнаружатся всѣ отрицательныя стороны его личности; а между тѣмъ, онъ самъ сознаетъ, что личность человѣка имѣетъ много важныхъ сторонъ помимо тѣхъ, которыя ведутъ къ пріобрѣтенію милліоновъ. Однимъ словомъ, нашъ милліонеръ не только милліонеръ, но и человѣкъ, и, какъ человѣкъ, онъ чувствуетъ желаніе общенія съ другими людьми, а почвою для этого общенія не можетъ служить плутократическая одноидейность.

Исходя изъ вышеприведенныхъ соображеній, мы можемъ подвергнуть критикѣ и ученіе Герберта Спенсера. Спенсеръ смотритъ на обряды и классовыя различія какъ на выраженіе господства однихъ людей и подчиненія другихъ людей; поэтому у него обрядъ есть спутникъ военнаго режима и вражды; съ усиленіемъ же альтруизма и индустріализма обрядъ теряетъ свое значеніе. Онъ говоритъ: «Громкіе титулы, льстивыя формы обращенія, униженные поклоны, *пышные костюмы, знаки отличія* (нашъ курсивъ), привилегіи дворянства, и т. п.—все это выражаетъ собою желаніе, чтобы на насъ смотрѣли съ дѣйствительнымъ или притворнымъ удивленіемъ и восхищеніемъ. Но по мѣрѣ того, какъ желаніе превозноситься на счетъ униженія другихъ задерживается чувствомъ симпатіи, страсть къ знакамъ почета ослабѣваетъ и находитъ удовлетвореніе въ менѣе громкихъ выраженіяхъ уваженія, даже предпочитаетъ ихъ» (Спенсеръ, l. c., стр. 347—8).

Мы уже знаемъ, насколько недостаточно это объясненіе Спенсера. Мы знаемъ, что желаніе демонстрировать свои достоинства внѣшними отличіями обуздывается прежде всего и главнѣе всего не симпатіей, а тѣми самыми (употребляя терминологію Спен-

сера) ego-альтруистическими чувствами, которыя, по мнѣнію Спенсера, только порождаютъ и поддерживаютъ обрядъ. Спенсеръ говоритъ: «возникая въ обществахъ, гдѣ преобладающимъ чувствомъ является слава вслѣдствіе побѣды, одержанной на войнѣ, обрядъ въ своемъ болѣе развитомъ видѣ принадлежитъ тому состоянію общества, когда руководящимъ мотивомъ всѣхъ дѣйствій служитъ *страсть къ одобренію*» (l. c. стр. 347). Это совершенно справедливо, но Спенсеръ глубоко ошибается, когда думаетъ, что для исчезновенія обряда нужно, чтобы мѣсто ego-альтруистической «страсти къ одобренію» заняло «чувство симпатіи». Нѣтъ, эта самая «страсть къ одобренію», которая при одноидейности общества и индивидовъ ведетъ къ обряду, къ обозначенію внѣшними отличіями своихъ внутреннихъ качествъ,—съ паденіемъ одноидейности ведетъ къ тому, что человѣкъ начинаетъ избѣгать, какъ весьма невыгоднаго для себя пріема, прежняго способа характеристики своей личности при помощи скудныхъ и негибкихъ внѣшнихъ отличій.

Если еще нужны доказательства того положенія, что стремленіе внѣшними отличіями выдѣлиться изъ окружающей среды есть результатъ одноидейности, то мы найдемъ ихъ, разсматривая тѣ случаи внѣшняго обособленія, которые встрѣчаются и въ современномъ обществѣ.

Здѣсь прежде всего мы должны указать на то, что значительная часть половины нашего общества не обнаруживаетъ стремленія къ нивеллирующей одеждѣ, а, напротивъ, по мѣрѣ возможности старается носить костюмы, которые заставляли бы обращать на себя вниманіе. Мы говоримъ о женщинахъ. Конечно, среди женщинъ, «слѣдящихъ за модою», значительное количество слѣдуютъ модѣ чисто пассивно, т. е. чтобы не выдѣляться и вслѣдствіе нежеланія выдумывать для себя особенный костюмъ; къ нимъ, слѣдовательно, примѣнимо цѣликомъ все то, что было сказано о мужчинахъ. Но за то всѣ тѣ женщины, которыя долго и тщательно обдумываютъ свои костюмы и по мѣрѣ возможности ихъ украшаютъ, очевидно, стремятся выдѣлиться своимъ внѣшнимъ видомъ изъ окружающей среды. Если онѣ *только слѣдуютъ* модѣ, то дѣлаютъ это, очевидно, лишь потому, что въ наше время для созданія дѣйствительно оригинальнаго и красиваго костюма нужно много вкуса и еще больше денегъ. Хотя, даже и при простомъ слѣдованіи модѣ, вслѣдствіе значительнаго разнообразія и богатства составныхъ элементовъ женскаго костюма, толпа женщинъ, «одѣтыхъ по модѣ», по разнообразію и пестротѣ своихъ одеждъ представляетъ разительный контрастъ съ толпою мужчинъ, одѣтыхъ въ черные сюртуки или фраки. Но все-таки это разнообразіе и этотъ блескъ, какъ они ни значительны, конечно,

далеко не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, до которыхъ довели бы ихъ женщины, если бы онѣ располагали достаточными для того суммами денегъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть описаніе костюмовъ тѣхъ немногихъ представительницъ прекраснаго пола, средства которыхъ практически неограниченны.

Такимъ образомъ, очевидно, что для защиты своего положенія мы должны указать, какого рода одноидейность заставляетъ женщинъ стремиться къ выдѣленію своей личности внѣшними отличіями. Дать подобный отвѣтъ, очевидно, не трудно. Женщина отлично знаетъ, что въ глазахъ нашего общества физическая красота есть такой подавляющій элементъ ея личности, что всѣ остальные элементы вмѣстѣ взятые не могутъ уравновѣсить этого единственнаго элемента. И вотъ удачно выбранныя одежды выполняютъ двойную роль: они увеличиваютъ красоту своихъ обладательницъ и привлекаютъ вниманіе другихъ людей на самыя прекрасныя стороны ихъ лицъ и фигуръ.

Такимъ образомъ, исключительность костюма женщинъ служитъ выраженіемъ ихъ *косметической одноидейности.* И мы получаемъ здѣсь новое доказательство справедливости защищаемаго нами положенія. Но этого мало; различіе между однообразіемъ мужскихъ костюмовъ и разнообразіемъ костюмовъ женскихъ является настоящимъ experimentum crucis для нашего тезиса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь физическая красота и у мужчинъ считается достоинствомъ; однако, *такъ какъ это достоинство не считается такимъ все подавляющимъ качествомъ, какъ у женщинъ*, то общественное мнѣніе и относится съ неодобреніемъ къ мужчинамъ, которые занимаются своею наружностью «какъ женщина». Такимъ образомъ, очевидно, что общественное мнѣніе дозволяетъ человѣку демонстрировать даже свое безспорно положительное качество лишь въ томъ случаѣ, если это будетъ такое качество, которое одно способно опредѣлить общественную цѣнность его обладателя.

Въ періоды наибольшаго общественнаго упадка, когда отсутствуютъ всякія общественныя стремленія, когда развращенная и изнѣженная толпа встрѣчаетъ лишь ироническою улыбкою всякія заботы «объ общественномъ благѣ», когда разумно устроенною жизнію считается лишь такая, которая вся состоитъ изъ наслажденій, и когда, вслѣдствіе всего этого, къ человѣку не предъявляютъ никакихъ требованій, какъ къ гражданину, — мужчины обыкновенно начинаютъ конкуррировать съ женщинами кокетливостью своихъ нарядовъ, ибо при подобныхъ обстоятельствахъ и у мужчинъ начинаетъ цѣниться только физическая красота.

Намъ остается еще сказать два слова о томъ нарушеніи однообразія костюмовъ, которое обусловливается мундирными отличіями. Въ мундирѣ часто видятъ лишь одну его сторону: его

однообразіе; въ глазахъ многихъ это прежде всего—uniforme. Но такой взглядъ совершенно извращаетъ исторію происхожденія и назначеніе мундира. Назначеніе мундира состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, чтобы подчеркнуть объединеніе внутри мундирной группы, а въ томъ, чтобы внѣшнимъ образомъ отдѣлить эту группу отъ всего остального общества. Такимъ образомъ, оказывается, что архипрозаическій чиновничій вицмундиръ по существу ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ пестрыхъ костюмовъ прежняго времени, которыми такъ восхищаются представители мистико-художественнаго типа. Идеалъ представителей *бюрократической одноидейности* заключается въ томъ, чтобы каждый человѣкъ носилъ на себѣ явственныя указанія на то, какое мѣсто онъ занимаетъ въ сложномъ механизмѣ государственнаго управленія. Конечно, многочисленность агентовъ государственнаго управленія ведетъ къ тому, что много лицъ занимаютъ приблизительно одинаковое положеніе и вслѣдствіе этого носятъ одинаковый мундиръ, однако, это обстоятельство не должно закрывать собою той стороны дѣла, что мундиръ не только объединяетъ, но и разъединяетъ. Самый совершенный изъ современныхъ мундировъ—военный мундиръ таковъ, что для опытнаго глаза одного взгляда достаточно, чтобы съ большою точностью опредѣлить, какое положеніе занимаетъ его носитель, т. е., чтобы сразу выдѣлить его отъ всѣхъ остальныхъ людей.

Представитель бюрократической одноидейности изъ всей сложной и богатой психической организаціи человѣка обращаетъ вниманіе лишь на его желаніе и способность выполнять ту или иную служебную функцію. И такъ какъ другія стороны человѣческой личности его не интересуютъ, то онъ и стремится расклассифицировать все общество согласно этому единственно-важному для него признаку. Переживаемое нами теперь мундирное время, когда постоянно вводятся новые мундиры, значки и т. п., когда, повидимому, стремятся къ тому, чтобы не осталось ни одной профессіи, ни одного занятія, не отмѣченныхъ внѣшнимъ отличіемъ,—является нагляднѣйшимъ выраженіемъ современнаго обѣднѣнія нашей общественной жизни. Послѣ эпохи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, когда принудительная разобщенность общества значительно ослабѣла, когда человѣческая личность выдвинулась на первый планъ и когда, соотвѣтственно съ этимъ, внѣшнія отличія потеряли свое значеніе, — теперь вновь торжествующая бюрократическая одноидейность открыто заявляетъ о своемъ намѣреніи возвратиться къ тому порядку вещей, когда человѣческая личность считалась ничѣмъ, а служебное положеніе—всѣмъ.

Кромѣ постоянныхъ, твердо-установившихся внѣшнихъ отличій, въ наше время возникаютъ еще и мимолетныя отличія. Въ За-

падной Европѣ участники какой либо демонстраціи, процессіи, даже простой экскурсіи имѣютъ обычай надѣвать какой нибудь бантикъ, цвѣтокъ или что-либо подобное. Студенческія корпораціи также носятъ своеобразныя ленты и шапки. Эти временныя отличія имѣютъ, конечно, такое-же значеніе, какъ и выше разсмотрѣнныя постоянныя отличія. Участникъ демонстраціи, надѣвая свой значекъ, тѣмъ самымъ желаетъ показать, что на все время продолженія демонстраціи главною его характеристикой являются не тѣ или иныя особенности его индивидуальности, а тотъ фактъ, что онъ участникъ данной демонстраціи. Онъ отдѣляетъ свои интересы отъ интересовъ всѣхъ другихъ лицъ, не участвующихъ въ демонстраціи (хотя-бы въ остальное время онъ со многими изъ нихъ находился въ тѣсной связи) и объединяется со всѣми участниками демонстраціи (хотя-бы въ остальное время онъ не имѣлъ съ ними никакихъ общихъ интересовъ).

Мы имѣемъ здѣсь случай *временной одноидейности* и, сообразно съ этимъ, случай временнаго внѣшняго отличія.

Дюркгеймъ въ своей книгѣ «De la division du Travail social» старается найти отвѣтъ на вопросъ о томъ, «какимъ образомъ индивидъ, становясь все болѣе независимымъ, дѣлается въ то-же время—все болѣе солидарнымъ» съ остальными людьми (p. IX). Отвѣтъ Дюркгейма, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что основу солидарности людей слѣдуетъ искать въ раздѣленіи труда.

Цѣль нашего изслѣдованія была аналогична цѣли изслѣдованія Дюркгейма: мы спрашивали, указываетъ-ли внѣшняя нивеллировка современнаго общества на нивеллировку внутренняго содержанія индивидовъ. И нашъ отвѣтъ заключается въ томъ, что прежнее разнообразіе костюмовъ выражало собою не своеобразіе индивидуальностей носителей этихъ костюмовъ, а ихъ одноидейность и разобщенность; что богатая индивидуальность не можетъ связывать себя съ немногочисленными и негибкими внѣшними отличіями, и что она, будучи несовмѣстимою съ режимомъ принудительной разобщенности, и находя родственныя себѣ черты среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, имѣетъ естественное стремленіе къ установленію солидарности всѣхъ людей.

Такимъ образомъ, анализъ простѣйшей стороны общественной жизни позволилъ намъ вскрыть основную ошибку мистико-художественной философіи исторіи, смѣшивающей солидарность съ обезличеніемъ, а разобщенность съ индивидуализмомъ. Это можетъ дать руководящую нить для изученія и другихъ болѣе сложныхъ сторонъ общественной жизни.

П. Мокіевскій.

Эстетика Глѣба Успенскаго.

Читатель, знакомый съ произведеніями Глѣба Успенскаго, знаетъ хорошо, что особымъ интересомъ къ эстетикѣ онъ не грѣшитъ; и пожалуй, кто нибудь, прочитавъ этотъ заголовокъ, подумаетъ, что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ многочисленныхъ историко-литературныхъ «изслѣдованій, гдѣ на основаніи двухъ-трехъ незначущихъ словъ дѣлаются серьезные выводы объ отношеніи выдающагося писателя къ явленіямъ, о которыхъ онъ думалъ очень мало. Геніальные виртуозы по этой части есть, какъ и слѣдовало ожидать, у нѣмцевъ, гдѣ статья объ отношеніи Гете къ стрѣльбѣ изъ лука не представляла бы ничего исключительнаго — благо подходящія строки есть у бережливаго и запасливаго Эккермана; есть, однако, и у насъ перлы въ этомъ родѣ: вмѣстѣ съ наукой непремѣнно ростетъ и гелертерство, — и намъ пришлось читать серьезныя изслѣдованія въ родѣ «Пушкинъ и Китай», «Пушкинъ и женскія ножки» и т. п. Но взгляды на искусство, конечно, не стрѣльба изъ лука и не женскія ножки; они занимаютъ серьезное мѣсто среди воззрѣній человѣка, даже очень далекаго отъ эстетики и эстетизма. И не для эстетики было бы важно и нужно знакомство съ художественными вкусами и интересами Глѣба Успенскаго, но для него самого, для выясненія его писательской личности, для характеристики внутренняго міра того направленія, — которому онъ служилъ, сказали бы мы о другомъ,—которое онъ создавалъ, должно сказать объ Успенскомъ. Можетъ быть, попутно воспользуется здѣсь чѣмъ нибудь и эстетика,—но не о ней наша забота.

Читатель, знакомый съ Успенскимъ, догадывается, что рѣчь пойдетъ прежде всего о замѣчательномъ очеркѣ «Выпрямила»— этомъ неожиданномъ эстетическомъ profession de foi, такъ удивившемъ въ свое время читателей Успенскаго.

Не то разсказъ, не то стихотвореніе въ прозѣ, не то критическій этюдъ — Успенскій пріучилъ насъ къ этому смѣшанному жанру—этотъ очеркъ захватываетъ своимъ глубокимъ, проникаю-

щимъ лиризмомъ; едва-ли гдѣ либо за фигурой горемычнаго Тяпушкина проступаетъ съ большей силой и яркостью скорбный обликъ его создателя. Этотъ Тяпушкинъ — образъ отрывочный и незаконченный, до сихъ поръ не только не оцѣненный, но и просто незамѣченный, — принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ созданіямъ русской литературы. Не по винѣ читателя Тяпушкинъ не сдѣлался для него типовымъ средоточіемъ идеи нашего времени, однимъ изъ тѣхъ художественныхъ образовъ, вереница которыхъ обозначаетъ путь нашего общественнаго и индивидуальнаго развитія; не по винѣ читателя имя Тяпушкина не стало нарицательнымъ и общеизвѣстнымъ; для этого его фигура слишкомъ мало закончена и ясна. Но въ ней есть указанія, которыя будущій историкъ русской жизни признаетъ драгоцѣнными; въ ней формулированы нѣкоторыя важныя черты русской души и вмѣстѣ съ нею русской общественности, безъ нея неизвѣстныя и незамѣтныя. Не даромъ создатель Тяпушкина такъ охотно возвращался къ этому герою—быть можетъ, самому «автобіографическому» своему созданію. Онъ вложилъ въ него лучшія движенія своей правдивой, чистой и любящей души; въ немъ онъ признался въ своихъ паденіяхъ, въ немъ торжествовалъ свою лучшую побѣду — побѣду совѣсти. Лучезарнымъ свѣтомъ этого торжества совѣсти залиты всѣ признанія и разсужденія этого удивительнаго въ своемъ родѣ искателя правды, начавшаго съ «атрофіи сердца» и нашедшаго единственное удовлетвореніе своему эгоизму въ теоретической формулѣ и практическомъ завѣтѣ «намъ самимъ ничего не надо». Этимъ торжествомъ совѣсти проникнуты—и въ высшей степени—также всѣ эстетическія впечатлѣнія нѣжнаго и воспріимчиваго Тяпушкина. Онъ восторгается произведеніемъ искусства, съ виду безыдейнымъ и какъ бы чуждымъ всякаго нравственнаго содержанія; но тамъ, гдѣ другіе застываютъ на этихъ восторгахъ, во вѣки вѣковъ оставаясь въ ихъ заколдованномъ кругѣ, онъ переходитъ отъ этихъ самодовлѣющихъ наслажденій къ инымъ радостямъ, инымъ порывамъ.

«Выпрямила» начинается нѣсколькими полемическими замѣчаніями по поводу извѣстныхъ словъ Тургенева о долговѣчности искусства и красоты. «...Кажется, въ *Дымѣ* устами Потугина *) И. С. Тургеневъ сказалъ такія слова: «Венера Милосская *несомнѣннѣе* принциповъ восемьдесятъ девятаго года». Что-же значитъ это загадочное слово *несомнѣннѣе*? Венера Милосская несомнѣнна, а принципы сомнѣнны? И есть-ли, наконецъ, что нибудь общаго

*) Тяпушкинъ ошибся: не въ *Дымѣ*, а въ *Довольно*, и слова, приводимыя имъ, гласятъ здѣсь: „Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89 года“.

между этими двумя сомнѣнными и несомнѣнными явленіями?» И Тяпушкинъ, разомъ взволновавшись за дорогіе ему принципы 89 года, горячо протестуетъ противъ этого дѣленія. Ему кажется, что не только «принципы» стоятъ на той самой линіи, которая заканчивается «несомнѣннымъ», но что даже и самъ онъ, Тяпушкинъ, нынѣ сельскій учитель, ничтожное земское существо, также находится на той самой линіи, гдѣ и принципы, гдѣ и другія удивительныя проявленія жаждущей совершенства человѣческой души, на той линіи, въ концѣ которой онъ, по нынѣшнимъ временамъ, согласенъ поставить фигуру Венеры Милосской. Логическая ошибка Тяпушкина очевидна; не даромъ онъ такъ путается въ противорѣчіяхъ. То онъ спрашиваетъ, есть ли что нибудь общаго между принципами и Венерой, то объявляетъ, что они на одной линіи; то онъ размѣщаетъ ихъ и себя на разныхъ концахъ этой линіи, то находитъ, что это вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ сомнѣннѣе «принциповъ» или чтобы принципы были сомнѣннѣе Венеры Милосской: «всѣ мы, я, Тяпушкинъ, принципы и Венера, — всѣ мы одинаково *несомнѣнны*, т. е. моя, тяпушкинская душа, проявляя себя въ настоящее время въ утомительной школьной работѣ, въ массѣ ничтожнѣйшихъ, хотя и ежедневныхъ, волненій и терзаній, наносимыхъ на меня народною жизнью, дѣйствуетъ и живетъ въ томъ же самомъ несомнѣнномъ направленіи и смыслѣ, которые лежатъ и въ несомнѣнныхъ принципахъ и широко выражаются въ несомнѣнности Венеры Милосской». Между тѣмъ, дѣло ясно: сравнивать принципы 89 года съ Венерой Милосской съ точки зрѣнія ихъ несомнѣнности можно и должно, потому что это прежде всего два идеала, два обобщенія желательнаго. И, очевидно, изъ этихъ двухъ идеаловъ Венера Милосская устойчивѣе и несомнѣннѣе. Принципы 89 года подвергнуты въ нѣкоторой части сомнѣніямъ и серьезной критикѣ именно въ тѣхъ кругахъ, откуда выходили и выходятъ ихъ самоотверженные и убѣжденные поборники. Достаточно напомнить, что эти принципы декретировали не только свободу личности, но и безграничную экономическую свободу. «Декларація правъ человѣка и гражданина» должна была вызвать сомнѣнія и нуждалась въ поправкахъ—въ родѣ манифеста Бабефа. Принципы 89 года велики по духу, но недостаточны и носятъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; свобода, возвѣщенная въ нихъ, не напрасно называлась свободой умереть съ голода. Эти принципы воздвигаютъ непреоборимыя препятствія фактическому осуществленію тѣхъ естественныхъ правъ, которыя они—послѣ многихъ вѣковъ законнаго рабства — возвращаютъ раскрѣпощенной личности. И парижскія впечатлѣнія самого Тяпушкина достаточно сильно свидѣтельствуютъ о весьма возможныхъ ужасахъ въ родѣ саторійской расправы и гнусностяхъ въ родѣ «сохраненія личности»

въ уличной дамѣ, уживающихся отлично съ политическимъ строемъ, который — и не только на словахъ — покоится на «принципахъ». Ихъ воспитанникъ и поборникъ не даромъ находитъ успокоеніе отъ этихъ страшныхъ впечатлѣній у подножья Венеры Милосской: она, а не «принципы» — которыхъ ему мало—уноситъ его мысль въ «какое-то безконечно свѣтлое будущее». Ибо она, въ самомъ дѣлѣ, несомнѣннѣе принциповъ 89 года: дальше ея мы до сихъ поръ не пошли, дальше принциповъ ушли въ моментъ ихъ появленія. Да, очевидно, Тяпушкинъ напрасно спорилъ съ Тургеневымъ: онъ ошибся. Но какъ благородно, привлекательно и свѣтло его заблужденіе, какой силой увлеченія оно дышетъ, какой любовью и вниманіемъ къ человѣку, какъ оно велико и плодотворно. Именно плодотворно: надо было быть пристрастнымъ, грубымъ, фанатичнымъ до заблужденія сторонникомъ принциповъ 89 года, чтобы такъ преклониться предъ Венерой Милосской, чтобы найти въ ней то великое и вѣчное, чего не увидѣлъ никто до Тяпушкина.

Направленіе Успенскаго «отрицало» Венеру Милосскую; направленіе Фета преклонялось и млѣло передъ нею; оно осыпало ее восторгами и посвятило ей обширную литературу восхваленій. Но взгляните на любой восторженный отзывъ о Венерѣ Милосской, хотя бы на стихотвореніе Фета—которое, къ слову сказать, въ цѣломъ много лучше Тяпушкинскихъ цитатъ изъ него — или на прозаическое описаніе Фета—и сравните ихъ *по силѣ* съ впечатлѣніями Тяпушкина: какъ они ничтожны, блѣдны и вялы. Это «ничтожное земское существо», этотъ человѣкъ, «сидящій почему-то въ глуши деревни, измученный ея настоящимъ, опечаленный и истощенный ея будущимъ, толкующій о лаптяхъ, кулакахъ и т. п.», этотъ разрушитель эстетики нашелъ въ своемъ языкѣ такія яркія краски и выраженія для описанія впечатлѣнія, произведеннаго на него Венерой, какихъ не знали ея эстетическіе поклонники. Ихъ впечатлѣнія могли быть по своему глубоки и сильны, но какъ они незначительны въ сравненіи съ этимъ переворотомъ всего человѣческаго существа, неожиданнымъ, могучимъ и безконечно радостнымъ.

«Я стоялъ передъ ней, смотрѣлъ на нее и непрестанно спрашивалъ самого себя: «что такое со мной *случилось?*« Я спрашивалъ себя объ этомъ съ перваго момента, какъ только увидѣлъ статую, потому что съ этого же момента я почувствовалъ, что со мною случилась большая радость... Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ, гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно такъ, когда человѣкъ растетъ, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаковъ

недавняго сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ».

И черезъ много лѣтъ эти потрясающія впечатлѣнія, надолго придавленныя жизнью, вновь оживаютъ съ той же удивительной яркостью, силой и съ тѣмъ же волшебнымъ, животворящимъ дѣйствіемъ.

«Затопивъ печку сырыми дровами, я закутался въ рваный полушубокъ и улегся на самодѣльную деревянную кровать лицомъ въ набитую соломой подушку»—вотъ обстановка, въ которой раздается мысль о Венерѣ Милосской у этого новаго поклонника ея нетлѣнной красоты. А вотъ и подходящее настроеніе: «я заснулъ, но спалъ, чувствуя каждую минуту, что «несчастіе» сверлитъ мой мозгъ, что горе моей жизни точитъ меня всего каждую секунду. Мнѣ ничего непріятнаго не снилось, но что-то заставляло глубоко вздыхать во снѣ, непрестанно угнетало мой мозгъ и сердце. И вдругъ, во снѣ же, я почувствовалъ, что-то другое; это другое было такъ непохоже на то, что я чувствовалъ до сихъ поръ, что я хотя и спалъ, а понялъ, что со мной происходитъ что-то хорошее: еще секунда—и въ сердцѣ у меня шевельнулась какая-то горячая капля, еще секунда—что-то горячее вспыхнуло такимъ сильнымъ и радостнымъ пламенемъ, что я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ вздрагиваютъ дѣти, когда они растутъ, и открылъ глаза».

Вотъ настоящая сила художественнаго впечатлѣнія, вотъ настоящій эффектъ произведенія искусства. И при полномъ сознаніи, что творчество есть актъ прежде всего эгоистическій, услышавъ такія признанія, дышащія всей полнотой жизни, непремѣнно подумаешь: вотъ ради чего стоитъ творить — не ради одного наслажденія своего и чужого, но ради воскресенія. Поклонниковъ и почитателей, цѣнящихъ гармонію красокъ и равновѣсіе формъ, найдетъ всякій талантливый художникъ, но духовныхъ учениковъ, созданныхъ, оживотворенныхъ и «выпрямленныхъ» не проповѣдью, а созерцаніемъ произведенія искусства имѣютъ немногіе счастливцы. Такого ученика, влагающаго свою мысль въ художественное созданіе, оживляющаго его нравственной идеей и, въ свою очередь, имъ оживленнаго, удалось найти творцу Венеры Милосской въ Тяпушкинѣ. Не соображенія, не жажда самопожертвованія, не надежда на будущее «выпрямили» истерзанную душу Тяпушкина, а впечатлѣнія художественныя; *чисто* художественными я не рѣшился бы ихъ назвать, но, несомнѣнно, художественные элементы ихъ выдвинуты имъ самимъ на первый планъ не безъ причины. Вспомнимъ, что не одна Венера Милосская была среди воспоминаній Тяпушкина *въ этомъ родѣ*, и два воспоминанія, подготовляющія въ немъ возрожденіе впечатлѣнія, нѣкогда произ-

веденнаго на него Венерой, носятъ характеръ по преимуществу художественный. *Гармонія* есть преобладающая черта этихъ образовъ, воскрешенныхъ его напряженной памятью. «Дѣвушка строгаго почти монашескаго типа» произвела въ свое время такое же «выпрямляющее» воздѣйствіе не потому, что ее одухотворяла идея самопожертвованія, «печаль о не своемъ горѣ». Нравственный элементъ сознательно отодвинутъ на второй планъ предъ другимъ, болѣе интеллектуальнымъ и художественнымъ: «она оставила во мнѣ также свѣтлое, радостное впечатлѣніе *потому*, что та глубокая печаль—печаль о не своемъ горѣ, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственной ея печалью, до какой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее *одну*, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея сердце, въ ея душу, въ ея мысль, даже въ сонъ ея чему-нибудь такому, что бы могло «не подойти», нарушить *гармонію* самопожертвованія, которое она олицетворяла, — что при одномъ взглядѣ на нее всякое «страданіе» теряло свои пугающія стороны, дѣлалось дѣломъ простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, главное, *живымъ*, что вмѣсто словъ: «какъ страшно!» заставляло сказать: «какъ хорошо! какъ славно!» Такія же художественныя — здѣсь можно даже сказать живописныя — черты выдвинуты на первый планъ и въ другомъ изъ «подготовляющихъ» къ Венерѣ воспоминаній; это была «ничтожная деревенская картинка» — баба, ворошившая сѣно. «Вся она, вся ея фигура съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ этими граблями въ рукахъ, которыми она перебрасывала сухое сѣно справа налѣво, была такъ легка, изящна, такъ «жила», а не работала, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которымъ были слиты и ея тѣло, и ея душа (какъ я думалъ), что я долго, долго смотрѣлъ на нее, думалъ и чувствовалъ только одно: «какъ хорошо!»

Объ этой привлекательной способности «выпрямляться» подъ вліяніемъ сильныхъ художественныхъ впечатлѣній съ удивительной выразительностью говоритъ еще одинъ разсказъ Успенскаго— въ очеркѣ «Рабочія руки» (Письмо съ дороги, IX). Это одно чистое впечатлѣніе живой красоты работы—красоты динамической. Тягостныя подробности изъ жизни этихъ работающихъ дѣвушекъ, совершенно омрачающія прелестную и животворную картину ихъ работы, намѣренно отодвинуты въ конецъ очерка: здѣсь же авторъ только старается передать читателю то чудное, свѣтлое чувство жизненной красоты, которое въ немъ самомъ было первымъ и преобладающимъ впечатлѣніемъ при видѣ этой картины.

Пластическія, живописныя детали — и здѣсь на первомъ планѣ. «Голая, утопающая въ солнечныхъ лучахъ (послѣобѣденное время) степь съ едва примѣтными вдали очертаніями станичныхъ домовъ и мельницъ; на самомъ берегу предо мной ряды какихъ-то стоговъ, которые я принялъ за стоги сѣна, но которые оказались стогами бѣлой шерсти, прикрытыми сверху брезентами, тоже бѣлыми...» Эту шерсть чистятъ въ большомъ сараѣ болѣе трехсотъ молодыхъ дѣвушекъ; «онѣ должны выдергивать всѣ нечистыя и темнаго цвѣта шерстинки. 30 коп. въ день за работу съ 4 час. ночи до 8-ми вечера — кажется, надо бы пожалѣть труженицъ? Но едва я вошелъ въ этотъ сарай и оглядѣлъ его и этихъ труженицъ, какъ во мнѣ *исчезла всякая мысль о трудовой сторонѣ этого соображенія*". Эстетика на мгновеніе занимаетъ все поле сознанія наблюдателя. «Руки работницъ, дѣйствительно, что-то щипали, выдергивали — словомъ дѣлали какую-то кропотливую работу; но въ самыхъ этихъ труженицахъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ пожилыхъ женщинъ и трехъ уродливыхъ калмычекъ, всѣ дѣвушки были молодыя, шестнадцати — двадцати лѣтъ не больше) было такъ много *живой женской красоты, изящества*, молодости, *живой игры жизни*, что представленіе о «работницѣ» совершенно исчезало въ удовольствіи видѣть такое обиліе энергіи жизни. Не знаю, не могу опредѣлить, въ чемъ, въ какихъ мелкихъ подробностяхъ проявлялась этимъ множествомъ красивыхъ женщинъ ихъ жизненная энергія; въ пѣснѣ-ли, какъ зарница, вспыхивавшей сильно и дружно въ одномъ концѣ сарая и замиравшей на другомъ, чтобы и здѣсь вспыхнуть также зарницей, въ ихъ ли врожденномъ умѣніи вкладывать красивое движеніе во всякое мелкое дѣло рукъ — не знаю; но быть среди этого «живья», нисколько не смиреннаго трудомъ и придавшаго даже ему, однообразному и скучному, оттѣнокъ какой-то легкой, шутливой забавы отъ нечего дѣлать—быть здѣсь было весело: просто почему-то ощущалось желаніе *жить*, ничего больше, но желаніе жить было веселое и бодрое». Да, здѣсь вспомнишь знаменитое у насъ опредѣленіе: «прекрасное есть жизнь», — но здѣсь же съ особенной ясностью поймешь, какую поправку должно внести въ это опредѣленіе. Прекрасное есть жизнь, но только жизнь, прошедшая чрезъ горнило художественной мысли. Надо быть чуткимъ къ красотѣ, надо быть настоящимъ творцомъ—хоть только для себя, чтобы почувствовать красоту въ томъ, что есть только жизнь. И надо быть Успенскимъ, чтобы найти добро въ томъ, что есть только красота. Онъ и заботится о томъ, чтобы отграничить свои художественныя впечатлѣнія со всѣми ихъ многообразными слѣдствіями отъ той «специфической» красоты, которую Тяпушкинъ отказывался видѣть въ Венерѣ Милосской. «Сколько разъ—цитата

не изъ «Выпрямила», а изъ «Рабочихъ рукъ» — сколько разъ на своемъ вѣку я видѣлъ художественныя произведенія, въ которыхъ художникъ старался плѣнить меня, зрителя, женской красотой: соберетъ иной штукъ двадцать женскихъ фигуръ и, чтобъ сразу потрясти меня, раздѣнетъ ихъ бѣдныхъ до нага, усадитъ около какой нибудь двухъ-аршинной лужи, разложитъ ихъ по берегамъ этой трясины въ самыхъ вопіющихъ положеніяхъ, какъ ему угодно, безъ зазрѣнія совѣсти. Словомъ, на разные манеры хотятъ насъ восхитить женской красотой — и сколько я ни помню, никогда отъ созерцанія такихъ художественныхъ произведеній не получалось впечатлѣніе *жизни*, радости *жить на свѣтѣ*, безъ всякихъ объясненій и толкованій, дополненій и комментаріевъ. Не получалось именно впечатлѣнія красоты, распрямляющей душу и говорящей измученному человѣку «не робѣй»! Напротивъ, всегда возбуждалась какая-то тяжесть неопрятнаго состоянія духа, ограниченность впечатлѣнія и мысль о прахѣ и тлѣнѣ».

Изъ статьи, посвященной Успенскому однимъ изъ самыхъ выдающихся его сподвижниковъ, мы знаемъ о томъ удивленіи, которымъ въ свое время были встрѣчены восторженныя страницы очерка «Выпрямила». Это было не только удивленіе, но и нѣкоторое смущеніе. Дѣло было не только въ томъ, что никто изъ читателей Успенскаго отъ писателя, «такъ аскетически холодно относящагося къ «искусству», къ художественности, ко всякой красотѣ», не ожидалъ этихъ пламенныхъ восторговъ предъ Венерой Милосской. Не индивидуальныя свойства Успенскаго играли первенствующую роль въ этомъ удивленіи его читателей, но — и въ гораздо большей степени—тѣ эстетическія воззрѣнія, къ которымъ они привыкли. Нужно было нѣкоторое усиліе мысли, чтобы понять, что «Успенскій остается и здѣсь все тѣмъ же Успенскимъ и ни на единый волосъ не измѣняетъ своему всегдашнему, задушевному». Это «задушевное» оказывалось болѣе сложнымъ, чѣмъ думалось заурядному читателю Успенскаго—и, прочитавъ въ *тогдашнемъ* «Сѣверномъ Вѣстникѣ» очеркъ «Выпрямила», этотъ читатель могъ испытать не только удивленіе, но именно нѣкоторое смущеніе. Между тѣмъ никакого отказа отъ «всегдашняго, задушевнаго» здѣсь не было. Было лишь усложненіе воззрѣній, было нѣкоторое расширеніе общепринятыхъ — въ тѣхъ слояхъ, гдѣ имѣлъ вліяніе Успенскій — взглядовъ на суть и роль искусства. Характернѣйшей особенностью этихъ взглядовъ было, такъ сказать, излишество раціонализма. Предполагалось, что смыслъ художественнаго произведенія можетъ быть переданъ дѣловой прозой разсужденія, что содержаніе его исчерпывается его идеями, что возможное воздѣйствіе его поддается предварительному учету. Все было ясно и просто. Голая женщина на полотнѣ или въ

мраморѣ, не нужна, потому что раціональная мысль не видитъ никакого перехода отъ нея къ той «печали не о своемъ горѣ», которую считаетъ для себя обязательной. И вдругъ любимый писатель. въ которомъ слились глубокій мыслитель и великій человѣколюбецъ, соперничая въ силѣ вліянія на читателя, одинъ изъ тѣхъ безконечно немногихъ, кто всю силу и весь блескъ своего вдохновенія черпалъ, въ самомъ дѣлѣ, въ крови своего сердца, со всей искренностью, которую привыкли встрѣчать въ немъ, прямо объявляетъ, что «никакая умная книга, живописующая современное человѣческое общество, не даетъ ему возможности такъ сильно, такъ сжато и при томъ совершенно ясно понять «горе» человѣческой души, «горе» всего человѣческаго общества, всѣхъ человѣческихъ порядковъ, какъ одинъ только взглядъ на эту каменную загадку»—на эту голую женщину изъ мрамора. Вотъ признаніе, способное по истинѣ ошеломить русскаго читателя. Но этого мало. Авторъ сразу даже прямо отказывается «опредѣлить, въ чемъ заключается *тайна* этого *художественнаго произведенія*, и что именно, какія черты, какія линіи животворятъ, «выпрямляютъ» и расширяютъ скомканную человѣческую душу». Правда, онъ отказывается видѣть въ этой безсмертной красотѣ специфическую красоту женскаго тѣла; вѣрнѣе—онъ не находитъ въ своихъ впечатлѣніяхъ ни слѣда восторга предъ *женской* красотой Венеры Милосской. Но онъ не видитъ въ ней ничего, кромѣ красоты. «Высшая цѣль», которую онъ приписываетъ творцу этого художественнаго произведенія, могла, по его мнѣнію, всетаки заключаться лишь въ созданіи идеала пластической красоты — правда, не специфически женской, а такъ сказать — хотя, конечно, такой абстракціи нѣтъ мѣста въ искусствѣ—красоты общечеловѣческой; и всетаки только красоты.

И въ намѣренія вдохновеннаго создателя мраморной богини онъ не вкладываетъ никакихъ морализующихъ стремленій — ничего, кромѣ желанія создать *идеалъ* красоты: нѣчто не существующее, но въ мысли возможное. «Ему (творцу этого художественнаго произведенія) нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ, и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту человѣческаго существа, ознакомить человѣка — мужчину, женщину, ребенка, старика — съ ощущеніемъ счастія быть человѣкомъ, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ насъ возможностью быть прекрасными — вотъ какая огромная цѣль владѣла его душой и руководила рукой. Онъ бралъ то, что для него было нужно, и въ мужской красотѣ, и въ женской, не думая о полѣ, а пожалуй, даже и о возрастѣ, и ловя во всемъ этомъ только человѣческое».

Смѣлы и новы были эти признанія и мысли для всегдашнихъ читателей Успенскаго. «Выпрямила» рѣзко и опредѣленно переноситъ центръ тяжести эстетическихъ требованій отъ художника, вѣрнѣе отъ его произведенія, къ зрителю. Правда, Тяпушкинъ знаетъ въ Луврѣ и другихъ «Венеръ», близъ которыхъ зритель, точно, можетъ размышлять по части наготы тѣла, ибо тамъ «женскія черты выдѣлены съ большей тщательностью и лѣзутъ въ глаза прежде всего», правда, онъ вспоминаетъ о тѣхъ новыхъ произведеніяхъ французской скульптуры, гдѣ «прочтешь въ каталогѣ: *Истина*, а глаза-то смотрятъ совсѣмъ не туда... *Отчаяніе*... подойдешь, поглядишь и думаешь вовсе не объ «отчаяніи», а о томъ, что эка, молъ, баба-то... растянулась — словно бѣлуга!» Но онъ не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, что его «выпрямило», воскресило для новой жизни и для подвига всетаки древнегреческое изображеніе голой женщины — хоть и съ отбитыми руками, хоть и закутанной до чреслъ, но всетаки обнаженной и — что еще неизмѣримо важнѣе—не связанной, видимо, ни съ какими идеями нравственнаго порядка. Здѣсь уже нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, нужна или не нужна эта голая женщина изъ мрамора, имѣлъ ли художникъ создавать ее на диво міру, которому не диво нужно, не изображеніе красотъ человѣческаго тѣла, а воплощеніе живой правды въ человѣческихъ отношеніяхъ. Съ поразительной силой, ясностью и послѣдовательностью каждая строка этого единственнаго въ своемъ родѣ импрессіонистскаго критическаго этюда говоритъ намъ: пусть художникъ ищетъ какой угодно красоты, мы въ его произведеніи увидимъ то, что намъ нужно. Дѣло не въ томъ, что эта голая женщина такъ же нужна, какъ принципы 89 года и не въ томъ, что она «несомнѣннѣе» ихъ, а въ томъ чѣмъ она можетъ явиться для друзей и для враговъ этихъ принциповъ. Феты предъ ней млѣютъ и таютъ, Успенскихъ она выпрямляетъ.

И однимъ дыханіемъ своего любящаго сердца Тяпушкинъ сразу связываетъ эту безцѣльную и безыдейную красоту съ высшими идеями нравственнаго міропорядка. «Изъ этого многообразнаго (общечеловѣческаго) матеріала онъ (художникъ) создавалъ то истинное въ человѣкѣ, что составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что есть въ то же время въ каждомъ человѣческомъ существѣ, въ настоящее время похожемъ на скомканную перчатку, а не на распрямленную». Раціональный мостикъ между красотой и добромъ какъ будто найденъ, — но какъ онъ далекъ отъ прежнихъ эстетическихъ построеній! «Художникъ создалъ вамъ образчикъ такого человѣческаго существа, которое вы, считающій себя человѣкомъ, и живя въ теперешнемъ человѣческомъ обществѣ,

рѣшительно не можете себѣ представить способнымъ принять малѣйшее участіе въ томъ порядкѣ жизни, до котораго вы дожили. Ваше воображеніе отказывается представить себѣ это человѣческое существо въ какомъ бы то ни было изъ теперешнихъ человѣческихъ положеній, не нарушая его красоты. Но такъ какъ нарушить эту красоту, скомкать ее, искалѣчить ее въ теперешній человѣческій типъ—дѣло немыслимое, невозможное, то мысль ваша, печалясь о безконечной «юдоли» настоящаго, не можетъ не уноситься мечтою въ какое-то безконечно-свѣтлое будущее. И желаніе выпрямить, высвободить искалѣченнаго теперешняго человѣка для этого свѣтлаго будущаго, даже и очертаній опредѣленныхъ не имѣющаго, радостно возникаетъ въ душѣ». Вотъ чѣмъ кончились эгоистическіе эстетическіе восторги. Тысячи туристовъ съ Бедекеромъ въ рукахъ приходили—между Bon-Marché и Moulin Rouge—къ каменной богинѣ и, забывъ о томъ, что это въ самомъ дѣлѣ богиня, ничего, кромѣ «естества», въ ней не видѣли. Другіе—настоящіе знатоки и энтузіасты искусства въ родѣ Фета—тоже не могли подняться выше себя и ничего, кромѣ красотъ формы, въ томъ, что было насквозь проникнуто по истинѣ божественнымъ содержаніемъ, узрѣть не сумѣли. А бѣдный, робкій Тяпушкинъ, пришибленный «неподдѣльными» впечатлѣніями европейской и русской жизни, забрелъ, взглянулъ—и нашелъ въ камнѣ богиню и въ себѣ человѣка. И никакія художественныя преклоненія предъ чистотой и красотой формъ, никакіе эстетическіе восторги колѣнопреклоненныхъ знатоковъ и не напомнятъ по силѣ этого безконечно трогательнаго благоговѣнія «ничтожнаго земскаго существа». Я не боюсь сдѣлать эту большую цитату: читатель радъ будетъ отдохнуть на ней. «Съ этого дня, — разсказываетъ Тяпушкинъ о счастливыхъ минутахъ, послѣдовавшихъ за его воскресеніемъ,—съ этого дня я почувствовалъ не то что потребность, а прямо необходимость, неизбѣжность самаго, такъ сказать, безукоризненнаго поведенія: сказать что нибудь не то, что должно, хотя бы даже для того, чтобы не обидѣть человѣка, смолчать о чемъ нибудь нехорошемъ, затаивъ его въ себѣ, сказать пустую, ничего незначущую фразу, единственно изъ приличія, дѣлать какое нибудь дѣло, которое могло бы отозваться въ моей душѣ малѣйшимъ стѣсненіемъ или, напротивъ, могло малѣйшимъ образомъ стѣснить чужую душу—теперь, съ этого памятнаго дня, сдѣлалось немыслимымъ; это значило потерять счастіе ощущать себя человѣкомъ, которое мнѣ стало знакомо, и которое я не имѣлъ желаніе убавить даже на волосокъ. Дорожа моей душевной радостью, я не рѣшался часто ходить въ Лувръ и шелъ туда только въ томъ случаѣ, если чувствовалъ, что могу «съ чистой совѣстью» принять въ себя животворную тайну. Обыкновенно я

въ такіе дни просыпался рано, уходилъ изъ дома безъ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было и входилъ въ Лувръ первымъ, когда тамъ еще никого не было. И тогда я такъ боялся потерять, вслѣдствіе какой нибудь случайности, способность во всей полнотѣ ощущать то, что я ощутилъ здѣсь, что я при малѣйшей душевной нескладицѣ не рѣшался подходить къ статуѣ близко, а придешь, заглянешь издали, увидишь, что она тутъ, та же самая, скажешь самъ себѣ: «Ну, слава Богу, еще можно жить на бѣломъ свѣтѣ!»—и уйдешь».

И черезъ много лѣтъ, когда въ холодной и сырой избѣ, въ темнотѣ и тоскѣ угрюмаго одиночества и безпросвѣтномъ томленіи воспоминаніе о Венерѣ Милосской ожило въ измученномъ Тяпушкинѣ и оживило его — онъ вновь воскресъ не для себя. Его формула «намъ самимъ ничего не надо» — завѣтъ безграничнаго самоножертвованія, завѣтъ той общественной группы, въ идеяхъ которой былъ созданъ Тяпушкинъ,—остается средоточіемъ его художественныхъ наслажденій. Мы уже знаемъ, что мраморная богиня «выпрямила» его только потому, что унесла его мечту въ свѣтлое будущее—не для него, ибо онъ не доживетъ до этого будущаго, — а для другихъ. На этой мысли о другихъ, на этомъ впечатлѣніи эгоизма, отданнаго въ служеніе альтруизму, мы и разстаемся съ Тяпушкинымъ. «Я употреблю всѣ старанія, чтобы мнѣ не утратить проснувшагося ощущенія какъ можно дольше; я куплю себѣ фотографію, повѣшу ее тутъ на стѣнѣ, и когда меня задавитъ, обезсилитъ тяжелая деревенская жизнь, взгляну на нее, вспомню все, ободрюсь и... такую сдѣлаю «оваціо» волостному старшинѣ Полуптичкину, что онъ у меня обѣими руками начнетъ строчить «донесенія».

Очеркомъ «Выпрямила» не исчерпываются матеріалы, на которыхъ — при желаніи возстановлять органическое цѣлое по незначительнымъ элементамъ—можно было бы основать цѣлую эстетику Успенскаго; соотвѣтственныя замѣчанія,—правда, не въ большомъ числѣ разсѣяны въ его произведеніяхъ; отмѣтимъ хотя бы очерки «Новые народные стишки», «Праздникъ Пушкина», «Одинъ на одинъ» біографію Рѣшетникова,—чтобы не останавливаться на нихъ. Но въ «Волей-неволей» есть одно сообщеніе, которое бросается въ глаза тому, кто заинтересовался отношеніемъ Успенскаго къ искусству. Передъ нами опять записки горемычнаго Тяпушкина — того самаго, котораго впослѣдствіи такъ жестоко скомкала жизнь и «выпрямила» Венера Милосская; на этотъ разъ мы имѣемъ большіе отрывки изъ его автобіографіи, мрачной и тягостной, какъ страшныя сцены крѣпостной неволи и «сквозь строя», среди которыхъ прошло дѣтство автора. Могучія страницы, изображающія жизненныя условія, ведущія героя къ все-

россійской «атрофіи сердца», должны стать классическими. И вотъ среди ужасовъ семейнаго разлада, безпросвѣтнаго гнета деревенской тьмы и острожной жизни, одно единственное впечатлѣніе дѣтства, по признанію автора, спасло его отъ душевной смерти. «Дѣйствительность, о которой я едва сказалъ милліонную долю подробностей, прямо и неотразимо вела меня къ полной атрофіи сердца, и я несомнѣнно бы, въ концѣ концовъ, сталъ въ ряды тѣхъ безчисленныхъ на Руси безсердечныхъ исполнителей чужого приказанія, которые и сейчасъ, и каждую минуту, даютъ знать о своемъ огромномъ изобиліи на Руси. Но отъ атрофіи сердца меня спасло... нѣчто совершенно случайное, нѣчто, пожалуй, совершенно неожиданное... Это не было ни доброе слово, ни человѣческое участіе, ни ласка, ни любовное человѣческое вниманіе къ моей человѣческой забитости и угнетенности. Нѣтъ! Я ничего этого не видалъ... Это было... Нѣтъ, это были... Это были просто на просто гусли!»

Музыка — безъ слѣда раціональнаго, дискурсивнаго элемента, простое отраженіе чувствъ исполнителя — сохранила въ мальчикѣ живую душу. Можетъ быть, «доброе слово и человѣческое участіе», объ отсутствіи которыхъ онъ вспоминаетъ, сдѣлали бы это еще лучше, но сдѣлала это и музыка. И тонкія реальныя черты этого благотворнаго нравственнаго вліянія «безсодержательнаго» искусства изображены въ разсказѣ Тяпушкина съ такой глубиной и правдивостью, что не оставляютъ мѣста подозрѣнію, будто эти впечатлѣнія не пережиты лично самимъ писателемъ. «Съ ранняго дѣтства, начиная съ той минуты, когда я испугался «грѣха» и желѣзнаго крюка, зацѣпленнаго за «ребро», продолжая угнетающими сердце впечатлѣніями ада семейнаго и тупымъ ужасомъ впечатлѣній острога, «сквозь строя» и такъ далѣе, я постоянно слышалъ и радъ былъ слышать эти унылые, стройные и нервные звуки, исторгаемые моимъ отцомъ изъ металлическихъ струнъ старыхъ-престарыхъ гуслей, помѣщавшихся то въ углу неряшливой комнаты въ деревнѣ, то передъ тѣмъ самымъ окномъ, которое загораживала въ нашемъ городскомъ домикѣ острожная стѣна». Дальнѣйшая психологическая картина представляетъ собой превосходную иллюстрацію къ Спенсеровскому воззрѣнію на дѣятельность музыки: давая намъ возможность переживать чужую душевную жизнь, она учитъ насъ сочувствію. «Жалобные звуки эти знакомили меня съ чувствомъ жалости; ничто, буквально ничто другое не знакомило съ нимъ, напротивъ, все, что я видѣлъ, могло возбуждать страхъ, тоску, горечь, отраву, испугъ, доходившій до полнаго замиранія сердца, но такого нѣжнаго, деликатнаго чувства, какъ жалость, не возбуждали. Это совершенно случайно сдѣлали гусли, сдѣлали, такъ сказать, механически, отъ

этихъ звуковъ мнѣ становилось просто жалко; кого? Кто несчастнѣй? Мать? Отецъ? Баринъ? Мужикъ? Тотъ, кто билъ? Или тотъ, кого колотятъ? Всѣ несчастны, бѣшены, злы, подлы, измучены, всѣ виноваты, всѣ придавлены. И вотъ, механически возбужденное чувство жалости стало обращаться не къ кому-нибудь и не къ чему-нибудь изъ того, что и кого я передъ собой видѣлъ, а къ чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надъ всѣми и всѣмъ висящему горю». Это послѣднее замѣчаніе полно глубокаго смысла. Чувство жалости, возбужденное не «механически», болѣе сознательными стимулами, болѣе конкретными указаніями, было бы, быть можетъ, острѣе, опредѣленнѣе, дѣятельнѣе; но оно было бы уже. Музыка не учитъ, кого жалѣть, ея роль выше: она учитъ жалѣть, она развиваетъ способность сочувствія; точки приложенія этой способности — уже внѣ ея указаній. Эта неопредѣленность ея воздѣйствія можетъ показаться опасной—и Щедринскій дѣятель тайной полиціи, ежедневно по окончаніи работъ плакавшій надъ Шопеномъ, можетъ быть, при всей своей каррикатурности, выхваченъ изъ дѣйствительности. Но признанія Тяпушкина реабилитируютъ музыку; въ этомъ искусствѣ, съ виду безыдейномъ и ирраціональномъ по преимуществу, его чуткая душа нашла источникъ не только пассивной и механической «жалости», но и сознательнаго отношенія къ тяготамъ чужой жизни. «Отдѣльно обо всѣхъ я могъ бы мучиться безплодно, а жалѣть я началъ всѣхъ. Отвыкнувъ совершенно думать и знать, что́ бы могъ я пожелать «для себя», что́ для меня лучше, что́ для меня хуже, что́ лучше и хуже для отца, матери, я могъ только желать одного: избавиться, освободиться отъ этой безплодной муки... Жалостливое чувство развило вниманіе вообще къ горю, и, не зная, что́ лучше для себя, я начиналъ думать, что́ для всѣхъ (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть лучше и легче!»

Таковы факты. Объ одной чертѣ писательской души они свидѣтельствуютъ съ неотразимой убѣдительностью: о рѣдкой воспріимчивости, объ удивительной силѣ и широтѣ впечатлительности, а вмѣстѣ съ нею — и о широтѣ воззрѣній. Теорія, разрушавшая эстетику, видѣла въ безсознательной музыкѣ пустую бездѣлку. Чуткій Успенскій не могъ не испытать ея тонкаго, глубокаго, всѣмъ доступнаго, но не всѣмъ яснаго воздѣйствія, и это внесло поправку въ его взгляды. Обнаженная Венера была только голой женщиной не для однихъ эстетическихъ смакователей ея специфическихъ красотъ, но и для тѣхъ, кто со всей силой своихъ нравственныхъ убѣжденій отрицалъ ея необходимость и ея право на существованіе. Надо было быть Гейне, чтобы плакать предъ нею, надо было быть Успенскимъ, чтобы стать выше дог-

мата и увидѣть въ ней поглощеніе высшей красоты — а вмѣстѣ съ тѣмъ и многое иное.

Если кому нибудь покажется, что я задумалъ ненужное и немыслимое предпріятіе представить Глѣба Успенскаго эстетомъ, то онъ ошибается. Я хорошо знаю, какъ солидаренъ былъ Успенскій въ основныхъ вопросахъ съ людьми своего толка, и какъ онъ былъ далекъ отъ такъ называемаго эстетическаго міровоззрѣнія. Достаточно вспомнить хотя бы его рѣзкія строки по поводу знаменитаго въ своемъ родѣ разсказа художника Верещагина о томъ, какъ тотъ—въ цѣляхъ художественнаго реализма — просилъ повѣсить двухъ плѣнныхъ турокъ. Правда, едва-ли гдѣ либо основная ложь эстетическаго эгоизма получила болѣе простое, яркое и искреннее выраженіе; но едва-ли гдѣ нибудь она получала болѣе негодующую и, при всемъ внѣшнемъ спокойствіи автора, страстную оцѣнку. «Была война, дѣло ужасное, кровавое. Никто лучше этого художника не сумѣлъ возбудить въ обществѣ своими картинами изъ военнаго времени глубочайшаго изумленія предъ непонятностью этого кроваваго дѣла. Кто не думалъ объ ужасѣ этихъ убійствъ, и кто не былъ увѣренъ, что художникомъ руководятъ самыя нѣжныя, самыя гуманныя чувства? Если водили на выставку его картинъ дѣтей, то послѣ этого ребятишки не просили уже купить саблю, ружье, знали, что это значитъ «стрѣлять» и что означаетъ слово «убью»! У кого не осталось самого благопріятнаго и поучительнаго впечатлѣнія отъ живописи этой странной неправды? И кто не представлялъ себѣ художника человѣкомъ съ самымъ чуткимъ и впечатлительнымъ сердцемъ? Несомнѣнно, сердце его источаетъ медъ. И этотъ же самый человѣкъ, съ хладнокровіемъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе, повѣствуетъ о своемъ душевномъ дегтѣ и источаетъ его въ поразительномъ изобиліи: онъ самъ *просилъ* повѣсить, умертвить двухъ живыхъ людей для того, чтобы нарисовать ихъ! Онъ не видалъ, какъ человѣкъ умираетъ въ петлѣ, и для него нужно было бы повѣсить двухъ человѣкъ, созданныхъ по образу Божію, чтобъ онъ могъ только посмотрѣть, подобрать краску, соотвѣтствующую цвѣту кожи удавленнаго человѣка. Этотъ художникъ можетъ, слѣдовательно, нарисовать намъ распятаго Христа, и для того, чтобы мы почувствовали страданія распятаго, — самъ повѣсить живого человѣка».

Этими строками опредѣляется достаточно ясно отношеніе Успенскаго къ той эстетикѣ, которая живетъ на счетъ этики. Но есть другая эстетика: она не врывается въ неподлежащую ей область, она не питается идеями нравственности, но она проникнута ими; мораль не есть ея цѣль, но ея стихія. И такова эстетика Успенскаго. Онъ не требуетъ отъ художника поученія: онъ

самъ его находитъ; тамъ, гдѣ другіе на протяженіи многихъ вѣковъ видѣли одну красоту, онъ увидѣлъ и указалъ добро. Такова была сила его любящаго сердца, что великое произведеніе, хотя-бы и безыдейное, дѣйствовало на него со всей силой и значительностью моральнаго творчества. Полуголая женщина, въ которой ни ея создатель, ни міріады зрителей не видѣли — надо-же въ этомъ сознаться — ничего, кромѣ обнаженнаго женскаго тѣла, ничего, кромѣ пластической красоты, возносила его мысль въ высшія области человѣколюбія; богиня языческая, преображенная его болѣзненной жаждой подлинной человѣческой, а не скульптурной только красоты и правды, стала богиней христіанской. Было ли это призывомъ къ искусству безыдейному? Ни въ малой степени, конечно. Но мысль о перенесеніи тяжести нравственныхъ требованій съ произведенія на творца, съ художника на человѣка, мысль о возможности расширенія художественной воспріимчивости, о возможности найти нравственную идею въ томъ, что до сихъ поръ казалось «искусствомъ для искусства» — эта свѣтлая и плодотворная мысль здѣсь была несомнѣнно. И это было много.

Въ воспоминаніяхъ объ искусствѣ и художникахъ семидесятыхъ годовъ, не такъ давно напечатанныхъ въ одной газетѣ, среди иныхъ разговоровъ изображено, къ слову, и слѣдующее:

«Товарищество передвижныхъ выставокъ, сгруппировавшее около себя главныя молодыя силы, постановило общимъ правиломъ не принимать на свои выставки изображеній нагого женскаго тѣла. Но понятіе о наготѣ было условное: не допускалась только нагота красивая, изящная; обнажать же безобразныя женскія формы молодымъ художникамъ отнюдь не возбранялось. Такимъ образомъ, огромная и вполнѣ законная область пластическаго искусства была совершенно произвольно устранена на томъ чисто-полемическомъ основаніи, что безобразное — правдиво и сильно, а красивое—ложно и слабо».

Въ этихъ немногихъ строкахъ достаточно всякой неправды, начиная хотя бы съ того, что «Русалки» Маковскаго появились на передвижной выставкѣ и кончая тѣмъ, что «вполнѣ законная область пластическаго искусства» была не устранена, а отодвинута на второй планъ и совсѣмъ не «совершенно произвольно», а въ связи съ глубокими психологическими причинами. «Что безобразное—правдиво и сильно, а красивое—ложно и слабо» не провозглашалъ у насъ никто; но не передвижники и не ихъ толка люди выдумали противоположеніе между красивымъ и характернымъ, и не они, а настоящіе французскіе эстетики объявили: «le beau c'est le laid». Крупица правды здѣсь, однако, есть; то литературное направленіе, изъ котораго вышли передвижники, дѣйствительно, не высоко ставило изображеніе или,

вѣрнѣе, изобразителей нагого женскаго тѣла. Оно исходило при этомъ не только изъ «полемическихъ» основаній. И когда одинъ изъ сильнѣйшихъ его представителей увидѣлъ дѣйствительно великое произведеніе, разсчитанное не на богатаго покупателя, а на жизнь вѣчную, то нагота богини не помѣшала ему преклониться предъ нею. Онъ нашелъ въ ней новую красоту, болѣе великую, могучую и жизненную. И если какому либо направленію надлежитъ гордиться своимъ отношеніемъ къ нагой богинѣ красоты, то, разумѣется, тому, которое порою отворачивалось отъ нея во имя иныхъ, высшихъ началъ, но порою давало ей *такихъ* поклонниковъ и поборниковъ.

Ар. Горнфельдъ.

Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ.

...Съ 1861 г. всегда соединяется представленіе о «19 февралѣ»; но въ теченіе этого года произошелъ рядъ событій, хотя и не столь всеобъемлющаго характера, какъ освобожденіе крестьянъ, но тѣмъ не менѣе имѣвшихъ значительное вліяніе на послѣдующій ходъ нашей жизни; по меньшей же мѣрѣ—ярко характеризующихъ свое время. Но прежде, чѣмъ коснуться внутренняго хода нашей жизни, я долженъ замѣтить, что общее положеніе тогдашнихъ европейскихъ дѣлъ электризирующимъ образомъ дѣйствовало на пробудившееся сознаніе русскаго общества, еще не пережившаго тяжелыхъ разочарованій въ своихъ упованіяхъ, не извѣдавшаго всей силы элементовъ, враждебныхъ обновленію нашей жизни. Упомяну только о главнѣйшихъ. Имя Гарибальди было не только окружено ореоломъ неувядаемой славы, но и являлось символомъ грядущаго освобожденія всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Всѣ были въ ожиданіи его похода на Римъ, освобожденія Венеціи и обѣщанной имъ помощи революціонному движенію въ Венгріи, которое должно было разразиться съ часу на часъ. Люди не молодые, вдумчивые, и тѣ, поддаваясь общему увлеченію, пророчествовали, что черезъ какіе нибудь полгода отъ Австріи, можетъ быть, останется только одно историческое воспоминаніе. Начавшаяся парламентская борьба въ Пруссіи и постоянно возраставшая сила оппозиціи, хотя и въ меньшей степени привлекали общее вниманіе, но давали наглядный примѣръ легальнаго сопротивленія, которое, какъ казалось всѣмъ, должно было привести или къ пораженію короны, или къ революціонному взрыву. Во Франціи, не смотря на весь блескъ, окружавшій имперію послѣ крымской и итальянской войнъ, стало проявляться замѣтное пробужденіе политической жизни, и не лишенный чуткости Наполеонъ III начиналъ первые шаги перехода къ болѣе либеральному режиму. Этому направленію европейской политической жизни прежде всего подпала наша западная окраина.

Весной 61 г. произошли первыя демонстраціи въ Варшавѣ и напомнили о существованіи польскаго вопроса, котораго большинство русскаго общества и не подозрѣвало. Вскорѣ польское движеніе приняло такое развитіе (въ теченіе одного года смѣнилось 4 намѣстника), что возможность революціоннаго взрыва стала весьма вѣроятной и могла угрожать внѣшними осложненіями, весьма неудобными при тогдашнемъ изолированномъ международномъ положеніи Россіи. Вѣдь еще въ 1858 г., при свиданіи съ нашимъ государемъ въ Баденѣ, Наполеонъ заводилъ рѣчь о Польшѣ, указывая на то, что наша система управленія Польшей является помѣхой для установленія болѣе тѣсныхъ отношеній между Россіей и Франціей. Подъ бокомъ Петербурга возрастающее неудовольствіе въ Финляндіи вынудило созваніе «выборной коммиссіи» (24 апр. 61 г.),—прелюдіи къ созванію сейма, не собиравшагося съ 1809 года.

Съ другой стороны, чисто внутреннія дѣла были далеко не успокоительны. Финансовыя затрудненія, — наслѣдіе крымской кампаніи, казались непреодолимыми, и дефицитъ сталъ нормальнымъ явленіемъ; торговый классъ жаловался на плохія дѣла, курсъ падалъ, государственный кредитъ былъ поколебленъ, и правительство съ трудомъ заключало займы, которые обходились ему не дешевле 6%. Какъ во всякое переходное время, неувѣренность и недовольство господствовали во всѣхъ классахъ. Примѣненіе «Положеній» постоянно сопровождалось «недоразумѣніями», причемъ очень часто пускалась въ дѣло военная сила и не обходилось безъ пролитія крови. Одни со страхомъ, другіе съ злорадствомъ ждали —что-то будетъ, когда кончатся два года переходнаго состоянія бывшихъ крѣпостныхъ. Далѣе, въ концѣ лѣта 61 г. появилась первая прокламація, — Михайлова къ «Молодому поколѣнію», потомъ вскорѣ «Великоруссъ» и другія. Распространенію лондонскихъ изданій, не смотря на то, что «Колоколъ» можно было встрѣтить въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ, правительство не придавало особеннаго значенія; иначе оно взглянуло на прокламаціи: Михайловъ и Обручевъ поплатились каторгой, что произвело на общество удручающее впечатлѣніе. Осенью, опять же 61 г., произошли исторіи во всѣхъ университетахъ; изъ нихъ особенно выдѣлилась петербургская. Тогда генералъ-губернаторомъ былъ П. Н. Игнатьевъ. Начавшись демонстративнымъ шествіемъ студентовъ къ попечителю (изъ университета въ Колокольную), она затянулась на два мѣсяца, такъ что университетъ пришлось закрыть. Но студенты завоевали себѣ всеобщее сочувствіе и, когда въ декабрѣ 300 человѣкъ были освобождены изъ Петропавловской крѣпости и Кронштадта,—ихъ только что на рукахъ не носили. Мѣсто студентовъ въ Петропавловской

крѣпости заняли тверскіе мировые посредники. Они письменно заявили губернскому присутствію по крестьянскимъ дѣламъ о невозможности примѣненія «Положеній» 19 февраля, о томъ, что они впредь намѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, не согласными съ положеніями 19 февраля такъ какъ всякій другой образъ дѣйствій считаютъ враждебнымъ обществу *). Губернское присутствіе взглянуло весьма благодушно на это заявленіе; оно увидѣло въ немъ лишь поводъ письменно напомнить подписавшимъ заявленіе, что для всякаго, состоящаго на службѣ, нравственно и юридически обязательно руководствоваться существующими законами. Только прокуроръ усматривалъ въ заявленіи нарушеніе служебныхъ обязанностей, а потому полагалъ, что дѣло слѣдуетъ направить въ Сенатъ. Арестъ и препровожденіе въ крѣпость 13 лицъ были мѣрами экстраординарными, а не по постановленію Сената, которому, однако, пришлось потомъ разбирать это дѣло**). Коротко сказать, къ началу 62 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малѣйшее обстоятельство могло рѣзко толкнуть ходъ жизни въ ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майскіе пожары 62 года въ Петербургѣ.

Пожары въ старое время, благодаря обилію деревянныхъ построекъ, отсутствію водопроводовъ, были нерѣдки въ Петербургѣ и при томъ очень сильные. Въ началѣ 60 годовъ всѣмъ еще памятенъ былъ пожаръ, незадолго передъ тѣмъ уничтожившій большую часть Измайловскаго полка. Но пожары мая 62 года должны были сильно поразить не только народное воображеніе, но даже и часть мыслящаго общества. Начались они съ 16 мая, но особенно выдѣлились 22 и 23 числа, когда выгорѣли Большая и Малая Охты и огромное количество домовъ въ Ямской,—весь четыреугольникъ между Кобыльской улицей и Лиговской, отъ церкви Іоанна Предтечи до Глазова моста. 23 числа было пять пожаровъ. Уже подымались тревожные толки о причинѣ пожаровъ, на что указываетъ замѣтка «Рус. Инв.» (25 мая). «Итого въ одни

---

*) Такъ была изложена сущность заявленія въ „Сѣверной Почтѣ".

**) В. В. Берви, магистрантъ Спб. университета, состоявшій на службѣ въ Сенатѣ, тогда же разослалъ иностраннымъ дипломатическимъ агентамъ находившимся въ Петербургѣ, изложеніе этой исторіи. Это повело за собой арестъ г. Берви и высылку его въ Астрахань.

Вотъ имена 13 лицъ, подписавшихъ заявленіе:

Членъ губ. присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Бакунинъ, предсѣдатели съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, уѣздные предводители дворянства Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенапъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій, Лихачевъ и кандидаты: Широбоковъ и Демьяновъ.

сутки—пять пожаровъ! Понятно, что въ народѣ ходятъ толки о пожарахъ; насколько они справедливы, можетъ быть, откроютъ слѣдствія; но, во всякомъ случаѣ, этотъ рядъ пожаровъ, начавшихся съ 16 мая, хоть на кого наведетъ страхъ».

Правда, дни стояли сухіе и жаркіе, и отъ пожаровъ пострадали, главнымъ образомъ, мѣстности, гдѣ преобладали деревянныя постройки, во дворахъ которыхъ, застроенныхъ всевозможными клѣтушками, оказывалась масса горючаго матеріала. Прошло четыре дня передышки, какъ вдругъ запылалъ Апраксинъ дворъ, и выгорѣло все пространство между Чернышевымъ и Апраксинымъ переулками, а по другую сторону Фонтанки—между Чернышевымъ и Щербаковымъ и значительная часть Троицкаго переулка. Трудно вообразить себѣ весь ужасъ этого дня, всю массу обездоленнаго люда.

Въ крупныхъ пожарахъ у насъ народъ всегда склоненъ видѣть злодѣйскій умыслъ. На этотъ разъ народный голосъ, главнымъ образомъ, завинилъ въ поджогахъ студентовъ *). Народные толки нашли себѣ отраженіе въ печати. Вотъ что писалось въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 143 отъ 30 мая), которую тогда редактировалъ въ умѣренно-либеральномъ направленіи П. Усовъ. «Въ народѣ носится слухъ, что Петербургъ горитъ отъ поджоговъ, и что поджигаютъ его съ разныхъ концовъ 300 человѣкъ. Въ народѣ указываютъ и на сортъ людей, къ которому будто бы принадлежатъ поджигатели, и общественная ненависть къ людямъ этого сорта растетъ съ неимовѣрной быстротой. Равнодушіе къ слухамъ о поджогахъ и поджигателяхъ можетъ быть не безопаснымъ для людей, которыхъ можно счесть членами той корпораціи, изъ среды которой, по народной молвѣ, происходятъ поджоги». Въ № 122 «Нашего Времени» (издавалъ въ Москвѣ Н. Ф. Павловъ) читаемъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что пожары происходятъ вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго плана», въ «Современной Лѣтописи» (№ 23) въ письмѣ изъ Петербурга г. Белюстина встрѣчаемъ: «но на кого указываетъ народъ, какъ на главную причину своего бѣдствія? Горько и тяжело, а нельзя скрыть—на учащуюся молодежь».

*) Говорю—главнымъ образомъ, потому что по старой традиціи завиняли поляковъ. Но и на этомъ дѣло не остановилось; въ народѣ сильно циркулировали характерные для того времени толки, что жгутъ господа, недовольные тѣмъ, что крестьянамъ дана воля. Наконецъ, ходила цѣлая масса невозможныхъ фантастическихъ разсказовъ, напр., о генералѣ, у котораго спина была намазана какимъ-то горючимъ составомъ; стоило ему только потереться спиной о стѣну, стѣна и загоралась; хотя ни одинъ пожаръ не начинался съ заборовъ, но въ народѣ было сильно распространено убѣжденіе, что поджигатели мажутъ заборы какимъ-то воспламеняющимся составомъ,—отсюда паническій страхъ передъ всякимъ пятномъ на заборахъ.

Подобнаго рода замѣтки, перепечатываемыя въ другихъ газетахъ, только подливали масла въ огонь. Правда, эти безсмысленныя обвиненія встрѣчали отпоръ даже нерѣдко со стороны людей, которыхъ ни тогда, ни послѣ нельзя было заподозрить въ склонности къ разрушительнымъ идеямъ. Какъ бы въ отвѣтъ г. Белюстину Д. И. Иловайскій (№ 25, «Соврем. Лѣтописи») въ письмѣ отъ 16 іюня говоритъ: «въ поджоги, съ опредѣленными революціонными цѣлями,—мы не вѣримъ», и затѣмъ настаиваетъ, чтобы «подробные результаты этихъ изслѣдованій (т. е. все слѣдственное дѣло о пожарахъ) сдѣлались извѣстными публикѣ со всѣми именами, прикосновенными къ дѣлу». По всему тону письма можно заключить, что подобное желаніе было внушено Д. И. Иловайскому желаніемъ снять съ учащейся молодежи наброшенную на нее тѣнь. Даже въ «Сѣв. Пчелѣ, первой изъ петербургскихъ газетъ, воспроизведшей на своихъ страницахъ народные толки о студентахъ-поджигателяхъ, черезъ три дня послѣ того (№ 146 отъ 2 іюня) военный инженеръ, поручикъ И. Татариновъ писалъ: «причину пожаровъ видятъ въ поджогахъ. Допустимъ, что оно и такъ: но какимъ образомъ тяжкое обвиненіе поджога взваливать на голову бывшихъ студентовъ? Это болѣе чѣмъ странно!.. Распространеніе такихъ убѣжденій можетъ самымъ ужаснымъ образомъ обрушиться на невинныя головы бѣдныхъ молодыхъ людей... Одна журнальная замѣтка (это прямо по адресу «Сѣв. Пчелы») возбудила въ насъ эти мысли... одно изъ двухъ, или ничего не говорить, или говорить все, если есть факты... нашей журналистикѣ слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы уничтожить нелѣпые толки и подозрѣнія».

Жертвою возбужденія народной массы послѣ 28 мая сдѣлался В. А. Обручевъ, бывшій офицеръ Измайловскаго полка, сотрудникъ «Современника», любимецъ Чернышевскаго. 31 мая на Мытной площади происходила церемонія объявленія ему приговора (4 года кат. работъ) за распространеніе «Великорусса». Толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою за то, что смѣлъ идти противъ царя. Хотя толпа и не имѣла яснаго понятія о причинахъ осужденія Обручева, но поджигателемъ его не считала. Возмутительнѣе всего былъ дикій взрывъ хохота, который пробѣжалъ въ толпѣ, когда на Обручева надѣли арестантскую одежду и шапку, спустившуюся ниже глазъ.

Надо признаться, что тогдашніе толки о поджигателяхъ, вышедшихъ изъ интеллигентной среды, имѣли за себя одно, хотя и косвенное, но довольно вѣское обстоятельство. Въ первой половинѣ мая въ Петербургѣ и Москвѣ появилась прокламація отъ имени Центральнаго Революціоннаго Комитета, она называлась

«Молодая Россія». По внѣшнему виду «Молодая Россія» выгодно отличалась отъ предшествовавшихъ прокламацій; это былъ довольно большой полъ-листъ, очень хорошо отпечатанный. Что касается до ея содержанія, то Герценъ мягко отозвался, что она представляла смѣсь Бабефа и Шиллера (въ прокламаціи было посвящено нѣсколько строкъ и Герцену: онъ объявлялся человѣкомъ уже отсталымъ, хотя и признавались его заслуги въ прошломъ). «Молодая Россія» объявляла кровавую войну не только существующему строю, но и всѣмъ его основамъ; отъ современнаго общества не должно было остаться камня на камнѣ. Понятно, что не только разрѣшались, но прямо рекомендовались всѣ средства, и въ числѣ ихъ убійства, грабежи, пожары и т. п. Помнится, приблизительно 300,000 жизней предлагалось принести въ видѣ жертвы, чтобы расчистить поле для закладки новаго общества. Въ дѣйствительности никакого Центральнаго Революціоннаго Комитета не было, и никакой связи съ петербургскими пожарами «Молодая Россія» не имѣла. Въ началѣ 62 г. въ Петербургѣ было положено въ кружкѣ Н. Серно-Соловьевича начало тайному обществу «Земли и Воли». Но оно и не подозрѣвало, что готовится «Молодая Россія». Послѣдняя была отпечатана въ имѣніи въ одной изъ внутреннихъ губерній и вышла изъ очень небольшого московскаго кружка студентовъ Аргиропуло (вскорѣ умершаго) и Зайчневскаго. Оба они тогда сидѣли подъ арестомъ, Аргиропуло за перепечатаніе запрещенныхъ заграничныхъ изданій, Зайчневскій ожидалъ конфирмаціи приговора въ каторжныя работы, за попытку возмутить крестьянъ въ имѣніи своего отца. Когда послѣ долгихъ трудовъ прокламація была готова, одинъ изъ членовъ кружка былъ откомандированъ въ Петербургъ и здѣсь чуть ли не прежде всего явился къ Чернышевскому. Послѣдній отказывался принять какое нибудь участіе въ распространеніи прокламаціи и вообще довольно холодно принялъ делегата. Среди петербургской молодежи «Молодая Россія» не встрѣтила большого сочувствія; правда, ее распространяли, но просто потому, что тогда, какъ вѣроятно и теперь, молодежь считала обязательнымъ распространять всякую прокламацію. Къ счастью, за нее никто не пострадалъ; а послѣ петербургскихъ пожаровъ тайна ея происхожденія тщательно сохранялась. Самъ Зайчневскій, вернувшійся изъ Сибири, еще разъ административно туда высланный и не особенно давно умершій въ Россіи, не любилъ вспоминать о своемъ произведеніи даже въ кругу лицъ, знавшихъ тайну «Молодой Россіи», хотя до конца жизни оставался, въ своемъ родѣ, якобинцемъ. Да, и вообще, не будь пожаровъ, «Молодая Россія» была бы скорѣе забыта, чѣмъ Михайловская къ «Молодому поколѣнію» и «Великоруссъ», съ которыми была связана

судьба Михайлова и Обручева. Она была просто «порывомъ увлеченія горячихъ головъ», какъ ее довольно вѣрно охарактеризовалъ публицистъ «Сѣв. Пчелы» (№ 151, 1 іюня). Но послѣ 28 мая въ ней увидѣли явное доказательство, что петербургскіе пожары дѣло организованной группы и имѣютъ политическій характеръ. «Въ высшихъ классахъ, говорится въ «Сѣв. Пчелѣ» (№ 157), почти единогласно пожары связываютъ съ послѣдней прокламаціей». Но такой взглядъ шелъ гораздо шире; даже Кавелинъ, котораго никакъ нельзя заподозрить во враждебномъ отношеніи къ молодежи, въ извѣстномъ письмѣ къ Герцену прямо говоритъ, что петербургскіе пожары—дѣло политической группы. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на пожары въ обществѣ сказался поворотъ къ реакціи; половина людей, еще вчера либеральныхъ, сегодня стали крайними реакціонерами, каждый удивлялся, почему не запрещаютъ того или другого, хотя въ репрессивныхъ мѣрахъ скорѣе сказался избытокъ, чѣмъ недостатокъ. Вслѣдъ за 28 мая въ Петербургѣ было объявлено нѣчто въ родѣ военнаго положенія. Учрежденному подъ предсѣдательствомъ генер.-адъютанта Зиновьева Комитету, между прочимъ, было поставлено въ обязанность «изысканіе и принятіе чрезвычайныхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію безопасности столицы»; городъ былъ раздѣленъ на три участка съ военными губернаторами во главѣ, опредѣлено «всѣхъ, кои могли бы быть взяты съ поджигательными снарядами и веществами, или по подозрѣнію въ поджигательствѣ, равно подстрекателей къ безпорядкамъ, судить военнымъ судомъ, въ 24 часа» (отъ 30 мая). Вскорѣ военно-полевой судъ былъ введенъ по всей Россіи по дѣламъ о поджогахъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. На 8 мѣсяцевъ были закрыты «Современникъ» и «Русское Слово», совсѣмъ прекращенъ «День» Аксакова и были объявлены (18 іюля) суровыя временныя правила о печати, впрочемъ, Высочайше утвержденныя еще 12 мая *);

*) Такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ сохраняютъ свою силу, то считаю не лишнимъ полностью привести здѣсь эти „временныя правила". „Впредь до пересмотра всѣхъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія. I. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея атрибутовъ, уваженія къ особамъ Царствующаго Дома, неколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго. II. Не допускать въ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящихся къ ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи. III. При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ, приличнымъ предмету и при томъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ. IV. Въ разсу-

нѣсколькими днями ранѣе 28 мая были распубликованы весьма подробныя правила, утвержденныя 14 мая, о надзорѣ за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями. Въ мотивахъ къ нимъ сказано: «съ нѣкотораго времени начали распространяться у насъ возмутительныя сочиненія, выходящія не только изъ заграничныхъ русскихъ типографій, но и неизвѣстно гдѣ печатаемыя. Хотя эти явленія, не представляющія по своей исключительности ничего общаго съ направленіемъ умовъ благомыслящей части публики, имѣютъ въ глазахъ правительства значеніе единственно какъ нарушеніе полицейскаго порядка, тѣмъ не менѣе нельзя не убѣдиться, что причина ихъ лежитъ въ неполнотѣ существующихъ по части книгопечатанія постановленій» *). Соображая данныя двухъ послѣднихъ мѣропріятій, оказывается, что они были рѣшены еще до пожаровъ; возможно, что появленіе «Молодой Россіи» было толчкомъ къ нимъ; но вѣроятнѣе, что они были предрѣшены еще ранѣе. Идемъ далѣе. Послѣдовали многочисленные аресты политическаго характера, въ томъ числѣ Чернышевскаго, Н. Серно-

---

жденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій. V. Разсужденія, указанныя въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна, съ пересылкою, не менѣе 7 р. въ годъ. VI. Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется, по взаимному соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ п. III и IV, и прекращать каждое періодическое изданіе на срокъ не долѣе 8 мѣсяцевъ. VII. Не допускать въ печати статей: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому и b) въ которыхъ заключаются насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной службы. VIII. Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ, предполагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не будутъ объявлены законнымъ образомъ. IX. Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительному удостовѣренію въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ. X. Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленій печатнымъ словомъ, и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ. XI. Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. XII. Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензора обязаны руководствоваться особыми наставленіями при цензированіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

*) Эти правила, однако, не помѣшали появленію прокламацій; кажется, въ началѣ сентября вышелъ листокъ „Къ образованнымъ классамъ“ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько №№ „Земли и Воли“.

Соловьевича, Рымаренко и другихъ, закрыты воскресныя школы и народныя читальни, вмѣнено въ обязанность М. Н. Пр. разрѣшать чтеніе публичныхъ лекцій въ Петербургѣ не иначе, какъ по соглашенію съ М. В. Д., главнымъ начальникомъ III отд. и спб. Ген. Губернаторомъ (10 іюня). И рядомъ съ этимъ пострадали, какъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ, вещи, самыя невинныя. Такъ было закрыто 2-е отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ, только что передъ тѣмъ открытое спеціально для учащейся молодежи, по подозрѣнію, что это тайное общество, хотя предсѣдателемъ комитета отдѣленія (оно имѣло своихъ членовъ и особый Комитетъ) былъ сенаторъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій *).

Закрытъ былъ также Шахматный клубъ за то, «что въ немъ происходили и изъ него исходили неосновательныя сужденія». Шахматный клубъ открылся въ началѣ 62 года, онъ имѣлъ очень хорошее помѣщеніе въ д. Руадзе, нынѣ Кононова. Это былъ собственно Литературный клубъ; послѣ 2—3 мѣсяцевъ существованія, не смотря на то, что доступъ въ него былъ крайне легокъ, даже для гостей, онъ уже былъ на волоскѣ отъ естественной смерти, за недостаткомъ членовъ и неминуемой финансовой несостоятельностью.

Большое счастье, что тогда въ Петербургѣ былъ генералъ-губернаторомъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ. Это не былъ человѣкъ широкихъ политическихъ взглядовъ, нельзя также сказать, что онъ былъ тонкій и дальновидный политикъ; но Суворовъ былъ человѣкъ добрый, гуманный и замѣчательно довѣрчиво относившійся къ молодежи; а къ студентамъ онъ питалъ просто отеческую нѣжность. Только благодаря его заступничеству, студенческія манифестаціи не были истолкованы въ смыслѣ покушенія на нѣчто болѣе серьезное; дѣло о 300 студентахъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости и Кронштадтѣ, было окончено къ началу декабря, но освободить студентовъ предполагали послѣ 14 декабря; Суворовъ убѣдилъ Государя освободить всѣхъ 6 декабря. Всѣ эти сту-

*) По поводу этого отдѣленія припоминаю слѣдующій случай. Въ средѣ учредителей, большею частью молодежи, было рѣшено выбрать въ Комитетъ Чернышевскаго. Когда онъ узналъ объ этомъ, то высказался такъ: „Я прошу васъ этого не дѣлать, пользы отъ меня никакой не можетъ быть; я даже не имѣю времени, чтобы посѣщать засѣданія Комитета. Между тѣмъ, выборъ меня въ Комитетъ можетъ привлечь ненужное вниманіе начальства къ отдѣленію“.—Но, Николай Гавриловичъ,—отвѣчали ему,—есть люди, которые этимъ резонамъ не придадутъ никакого значенія и будутъ баллотировать за васъ; потому, если мы не будемъ подавать за васъ свои голоса, то выйдетъ скандалъ: вы будете забаллотированы.—„Никакого скандала не будетъ; если вы понимаете справедливость того, что я говорю, то безъ всякихъ колебаній кладите мнѣ черняки; я еще разъ прошу васъ меня не выбирать“. Такъ большинство и сдѣлало, Чернышевскій получилъ, кажется, десятокъ голосовъ изъ сотни собравшихся учредителей.

денты могли оставаться въ Петербургѣ, не иначе, какъ за поручительствомъ родителей или близкихъ родственниковъ; Суворовъ, не справляясь о степеняхъ родства, принималъ въ качествѣ поручителя всякаго, кого только ему приводили. Онъ выхлопоталъ 5000 руб. для пособія студентамъ, потерявшимъ стипендіи или уроки, и деньги эти выдавалъ не иначе, какъ съ согласія полугласнаго студенческаго Комитета. Но возвращаюсь къ дѣлу о пожарахъ. Была назначена слѣдственная Коммиссія, которой пришлось имѣть дѣло съ массой арестованныхъ по подозрѣнію въ поджогахъ, въ томъ числѣ не мало изъ молодежи.

Слѣдственная Коммиссія, однако, не остановилась на этомъ непосредственномъ матеріалѣ; она распубликовала слѣдующее воззваніе: «долгъ каждаго обывателя доводить до свѣдѣнія правительства обо всемъ, что касается какъ общаго блага, такъ и вреда. На этомъ основаніи Коммиссія, независимо отъ оффиціальныхъ мѣръ, обращается къ обывателямъ столицы съ приглашеніемъ содѣйствовать ей, со своей стороны, въ исполненіи возложеннаго на нее порученія, прося всѣхъ и каждаго сообщать обо всемъ, что въ настоящемъ случаѣ можетъ быть полезнымъ, однимъ словомъ, помогать ей всѣмъ, чѣмъ кто можетъ послужить ей на общую пользу». Можно себѣ представить, какой градъ добровольческихъ указаній посыпался въ Коммиссію послѣ этого воззванія.

Противъ нѣкоторыхъ арестованныхъ изъ среды молодежи, напр., покойнаго хирурга Мультановскаго (въ то время студента-медика) были на первый взглядъ подавляющія улики. Въ извѣстныхъ кругахъ требовали рѣшеній въ 24 часа (чему и были примѣры въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Одессѣ). Въ московской газетѣ «Наше Время» сообщалось (№ 122) изъ Петербурга: «въ публикѣ иногда слышны сужденія отъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, что надо пытать... въ Коммиссіи о поджогахъ одинъ изъ членовъ говорилъ о необходимости пытки, прочіе члены не соглашались и возражали, что государь этого никогда не дозволитъ». Суворовъ устоялъ противъ этихъ давленій; и хотя слѣдственная Коммиссія была составлена изъ самыхъ обыкновенныхъ чиновниковъ, однако, по нѣкоторомъ времени всѣ обвиненія противъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ съ политической цѣлью разсыпались въ прахъ, и арестованные были освобождены. «Journal de St.-Petersbourg» даже помѣстилъ статью, изъ которой можно было заключить, что не только политическихъ, но и никакихъ поджоговъ не было. Былъ только сосланъ въ Иркутскую губ. Викторовъ, учитель лугскаго уѣзднаго училища, за имѣніе запрещенныхъ сочиненій и 3 поджога лугскаго училища, «впрочемъ, въ нетрезвомъ видѣ», какъ сказано въ конфирмаціи. Военно-полевымъ судомъ Викторовъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Не могу здѣсь не привести случай, о которомъ мнѣ недавно напомнило одно лицо, весьма близко стоявшее къ А. А. Суворову. Вскорѣ послѣ 26 мая нѣкто М—ъ, служившій, кажется, на варшавской ж. д., проѣзжалъ черезъ такъ называемый Таракановскій мостъ. Когда извозчикъ былъ уже на серединѣ моста, произошелъ взрывъ на мосту. М—мъ быстро вскочилъ съ дрожекъ и бросился бѣжать; но его догнали, схватили и препроводили въ полицію. На мосту былъ найденъ опорожненный отъ взрыва патронъ. М—а судили и приговорили къ смертной казни, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что онъ не далъ никакого объясненія, гдѣ онъ провелъ три часа. Суворову предстояло конфирмовать приговоръ; но прежде, чѣмъ исполнить эту тяжелую обязанность, онъ рѣшилъ повидать преступника и поѣхалъ въ Петропавловскую крѣпость, взявши съ собой состоявшаго при немъ аудитора Цитовича. Въ крѣпости М—ъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Суворова простымъ изложеніемъ своего ужаснаго положенія, разсказомъ о старухѣ-матери, которую онъ содержалъ, о своемъ отчаяніи при мысли, что ему придется умереть при проклятіяхъ народа за мнимо совершенное преступленіе. Не смотря на всѣ убѣжденія Суворова объяснить ему даже не какъ ген.-губ., а просто какъ Суворову—гдѣ и какъ онъ провелъ три часа, относительно которыхъ отказался дать показаніе на судѣ, М—ъ стоялъ на одномъ: этого я вамъ сказать не могу; я знаю, что долженъ умереть, но умру со спокойной совѣстью. Суворовъ вернулся домой, сильно потрясенный этимъ свиданіемъ, хотя отказъ М—а объяснить, гдѣ онъ провелъ роковые три часа, приводилъ его въ крайнее недоумѣніе. Цитовичъ, однако, заявилъ, что, по его мнѣнію, М—ъ невиновенъ. Суворовъ довѣрялъ Цитовичу, а между тѣмъ надо было въ тотъ же вечеръ конфирмовать приговоръ, а утромъ привести его въ исполненіе. При мысли, что можетъ пострадать невинный, Суворовъ сейчасъ же вмѣстѣ съ Цитовичемъ принялся за пересмотръ дѣла и пришелъ къ убѣжденію, что улики противъ М—а были недостаточны. Онъ немедленно по телеграфу испросилъ у Государя позволеніе пріѣхать въ Царское село и послѣ доклада получилъ согласіе Государя на передачу дѣла главному военному прокурору (кажется, тогда онъ именовался глав. воен. аудиторомъ) Философову. Послѣдній далъ заключеніе, что улики противъ М—а слишкомъ недостаточны. Изъ осторожности дѣло побывало еще въ Морскомъ аудиторіатѣ, откуда вернулось съ дополненіемъ, что слѣдовало бы подвергнуть законной отвѣтственности членовъ военнаго суда за слишкомъ легкое отношеніе къ человѣческой жизни. М—ъ былъ освобожденъ.

Спустя нѣкоторое время, годъ или два, М—ъ явился къ Су-

ворову: — Теперь я могу вамъ сказать, гдѣ провелъ три часа, N умеръ... и я женюсь.

За честь любимой женщины М—ъ готовъ былъ отправиться на висѣлицу.

Сколько мнѣ помнится, слѣдственное дѣло о петербургскихъ пожарахъ не было публиковано; въ послѣдующее время (особенно послѣ симбирскаго пожара) въ извѣстномъ лагерѣ завиняли слѣдственную Коммиссію, что она или не хотѣла, или не сумѣла добраться до настоящихъ корней; потому я считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь объ одномъ изъ выдающихся членовъ этой Коммиссіи. То былъ Ростиславъ Захаровичъ Столбовскій (онъ умеръ въ 1867 г. въ должности предсѣдателя спб. Управы благочинія), тесть и единомышленникъ В. Д. Скарятина, который, такимъ образомъ, былъ отлично освѣдомленъ о ходѣ пожарнаго слѣдствія. Столбовскій, какъ онъ самъ того не скрывалъ, много способствовалъ провалу слѣдствія въ смыслѣ политической окраски пожаровъ. Между тѣмъ, Столбовскій далеко не былъ какимъ-нибудь благодушнымъ идеалистомъ или мечтателемъ; совсѣмъ напротивъ, это былъ человѣкъ, посѣдѣлый въ полицейской службѣ. Вотъ какой случай изъ своей служебной практики онъ тогда мнѣ разсказывалъ. Одно время Столбовскій былъ полиціймейстеромъ въ Красноярскѣ. Когда мнѣ пришлось во второй половинѣ 60-хъ годовъ жить въ Красноярскѣ, то я часто слыхалъ отъ красноярцевъ:—былъ у насъ полиціймейстеръ Столбовскій, при немъ не было ни грабежей, ни воровства—онъ шутить не любилъ.—«Разъ,—говорилъ мнѣ Столбовскій,—заѣзжаю я къ знакомымъ и узнаю, что у нихъ пропали каминные часы; я даже зналъ эти часы. Ни на кого изъ прислуги подозрѣнія не заявили. Ѣду отъ нихъ и думаю,—кто-бы могъ украсть часы? Въ это время попадается на улицѣ бродяга (въ тѣ времена безъ особеннаго повода бродягъ въ Сибири не забирали); вдругъ почему-то мнѣ пришло на умъ—не онъ-ли? Приказалъ его забрать. Спрашиваю въ полиціи,—ты укралъ часы?—Никакъ нѣтъ.—Ну-ка разложите его. Дали ему 50 розогъ.—Ты укралъ часы?—Никакъ нѣтъ, ваше в—діе.—Разложите его. Дали еще 50 горячихъ. Опять спрашиваю—ты укралъ часы?—Никакъ нѣтъ.—Ну-ка, еще разложите; а у самого мелькнуло на умѣ—неужто я ошибся? Какъ вдругъ бродяга поднялся.—Виноватъ, ваше в—діе,—и затѣмъ указалъ, какъ и куда спровадилъ часы, которые и были тотчасъ-же разысканы.

— Знаете,—заключилъ свой разсказъ Столбовскій,—отъ долгой практики вырабатывается своего рода полицейское провидѣніе.

Этотъ случай онъ припомнилъ, когда передавалъ мнѣ, какъ удалось ему въ Коммиссіи вывести на свѣжую воду главныхъ лже-

свидѣтелей, которые, кажется, были простымъ орудіемъ полицейскихъ агентовъ.

Не могу, заканчивая о петербургскихъ пожарахъ, не привести одну замѣтку, которая тогда обошла всѣ газеты. «Извѣстно, говорилось въ ней, что въ Духовъ день бываетъ гулянье въ Лѣтнемъ саду; по обыкновенію и въ этотъ годъ собрались туда гуляющіе, какъ вдругъ одновременно съ начатіемъ пожара раздались крики—«горимъ! горимъ!»—и вслѣдъ затѣмъ поднялась суматоха, начался въ полномъ смыслѣ грабежъ, начали срывать бурнусы, вырывать часы и пр., пока не подоспѣла полиція (если успѣла)». Очевидцы этого эпизода разсказывали, что дѣйствительность далеко превосходила то, что можно вообразить, прочитавъ приведенное описаніе. Срывали брошки, вырывали серьги изъ ушей, прямо хватали за карманы и опоражнивали ихъ. Была ли слѣдственной Коммиссіей установлена какая нибудь связь между пожаромъ Апраксинаго двора и эпизодомъ въ Лѣтнемъ саду—это осталось неизвѣстнымъ.

Когда исходъ слѣдствія о пожарахъ сталъ извѣстенъ—въ значительной части общества сказалась реакція въ противоположномъ направленіи,—точно стало стыдно за позорное обвиненіе, взведенное на молодежь; всѣ стали открещиваться, произошло нѣчто въ родѣ извѣстной сцены изъ «Ревизора». Къ чести Скарятина, который тогда выступилъ въ роли публициста-охранителя, онъ еще 6 іюня писалъ: «мы не хотимъ вѣрить всѣмъ этимъ подозрѣніямъ, пока формальное слѣдствіе не обнаружитъ факта... Одни думаютъ, что безсмысленные агитаторы хотятъ создать пролетаріатъ... пропаганда хочетъ ожесточить народъ... мы этому не вѣримъ», а 17 августа оповѣстилъ, что солидарность петербургскихъ пожаровъ съ политикой—не доказана; и, кажется, никогда впослѣдствіи не позволялъ себѣ какихъ нибудь двусмысленныхъ выходокъ по поводу петербургскихъ пожаровъ. Но «Молодую Россію» онъ не забывалъ, и пока «Вѣсть» существовала, въ ней не рѣдко можно было встрѣтить ссылки на нее для доказательства того, какіе ужасы могутъ ожидать Россію отъ распространенія соціально-демократическихъ идей. Хотя Скарятинъ, начиная съ 62 года, не разъ печатно заявлялъ, что не вѣритъ въ силу революціонной партіи въ Россіи, но «Молодая Россія» служила ему крупнымъ полемическимъ козыремъ въ борьбѣ съ «Современникомъ» и пережившими его эпигонами.

Тягостное обвиненіе, взведенное на учащуюся молодежь, разсѣялось, но на свѣтломъ небѣ шестидесятыхъ годовъ осталось дымчатое облако—слово *реакція* было произнесено; и никакія увѣренія Скарятина, что толки о ней не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, не достигали своей цѣли...

Л. Пантелѣевъ.

Размагниченный интеллигентъ.

(Изъ частной переписки половины 90-хъ годовъ).

О моемъ пріятелѣ Иванѣ Егоровичѣ, назову его хоть Корюхинымъ *), потому что nomina sunt odiosa, я не получалъ извѣстій лѣтъ пять. Корюхинъ былъ моимъ однокурсникомъ по университету. Мы вмѣстѣ работали въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, вмѣстѣ участвовали на сходкахъ, вмѣстѣ плясали на студенческихъ вечеринкахъ и вели нескончаемые споры по поводу вѣковѣчныхъ «проклятыхъ вопросовъ» и самыхъ жгучихъ «злобъ дня». Образъ Ивана Егоровича сидѣлъ въ моей душѣ крѣпко, и я никакъ не могъ,—да и не хотѣлъ—выдѣлять его изъ той обстановки, въ которой мы пробыли вмѣстѣ цѣлыхъ четыре года. Вспомнишь Ивана Егоровича,—вспомнишь и ту обстановку, и тѣ прежнія надежды, и стремленія, и даже отъ однихъ воспоминаній о нихъ становится какъ будто легче на душѣ... По окончаніи курса Иванъ Егоровичъ уѣхалъ куда-то въ провинцію служить химикомъ на большой фабрикѣ, тамъ, послѣ какихъ-то фабричныхъ недоразумѣній, серьезно пострадалъ и надолго исчезъ съ горизонта.

И вотъ отъ этого самаго Ивана Егоровича, котораго я цѣлыхъ десять лѣтъ воображалъ все тѣмъ же стройнымъ и цвѣтущимъ юношей съ блестящими глазами и энергичными жестами, въ одинъ прекрасный день я получаю по почтѣ цѣлый пакетъ. Въ пакетѣ — длинное посланіе на 8 страницахъ и фотографическая карточка, на которой изображенъ какой-то субъектъ въ акцизномъ мундирѣ министерства финансовъ, съ одутловатымъ, довольно таки обрюзгшимъ лицомъ, съ полу-облысѣвшей головой и тусклыми, какъ будто сонными глазами, смотрящими возмутительно уныло. Субъектъ этотъ изображенъ сидящимъ на стулѣ; онъ не то съежился, не то распустился; онъ, очевидно, не сумѣлъ придать своей особѣ бодраго вида даже на тотъ минимальный промежутокъ времени, какой требуется для моментальной фото-

*) Умеръ въ 1897 году.

графіи. Въ глазахъ какъ будто и сквозитъ умъ, но онъ сильно подернутъ траурнымъ настроеніемъ. Это настроеніе до такой степени не вязалось въ моемъ умѣ съ прежнимъ настроеніемъ, да и съ самымъ образомъ Ивана Егоровича, что я рѣшительно воспротивился признавать въ этомъ раскисшемъ и успѣвшемъ замѣтно потолстѣть субъектѣ моего прежняго Ивана Егоровича.

Длинное посланіе, которое сопровождало карточку, какъ водится, оказалось исповѣдью. Русскіе люди очень любятъ исповѣдываться, особенно, когда они ужъ очень раскисли и подняться не могутъ. Въ исповѣдяхъ своихъ они очень любятъ бичевать самихъ себя, отлично зная, что отъ этого бичеванія они лучшими не дѣлаются. За то душу свою вымотывать они въ такіе исповѣдальные моменты умѣютъ превосходно. Въ этомъ есть та хорошая сторона, что такимъ способомъ создаются чрезвычайно цѣнные «человѣческіе документы», разработка которыхъ съ психологической и соціальной точекъ зрѣнія, несомнѣнно, могла бы дать не мало интереснѣйшихъ выводовъ для характеристики даннаго историческаго момента, если бы кто нибудь за это принялся какъ слѣдуетъ. Переписка съ частными лицами—это особый видъ текущей литературы. Никакой другой видъ ея не даетъ столько матеріала для сужденія объ общественномъ настроеніи той или иной общественной группы. Правда, бываютъ и такіе моменты, когда даже эта литература писемъ принуждена бываетъ съеживаться, и душа, закупоренная въ конвертъ, не чувствуетъ себя даже тамъ спокойно. Но, какъ ни какъ, а высказаться душѣ нужно, и это исканіе способовъ, чтобы высказаться,—своего рода явленіе замѣчательное, и исторія его должна бы составить особую страницу въ исторіи общественнаго мнѣнія. Есть такія души, которыя въ данный общественный моментъ никакъ не помѣщаются на печальныхъ страницахъ газеты или журнала. Другимъ душамъ и лѣзть туда нечего, такъ какъ, отдѣльно взятая, не всякая душа, даже раскрытая до самаго своего дна, интересна. Но эти неинтересныя въ отдѣльности души становятся чрезвычайно интересными, если принять во вниманіе, что ихъ масса и допустить нѣкоторый, такъ сказать, психологическій подсчетъ; индивидуальный фактъ разростается, такимъ образомъ, въ обширное общественное явленіе, съ которымъ нужно считаться, а то и бороться. Письма Ивана Егоровича, послѣдовавшія за его первымъ посланіемъ и предоставленныя имъ, кстати сказать, въ мое полное распоряженіе, даютъ нѣкоторую возможность нарисовать по нимъ состояніе многихъ интеллигентныхъ душъ и выяснить главныя фазы того процесса, который самъ Иванъ Егоровичъ довольно мѣтко окрестилъ названіемъ *размагничиванія*. Какъ извѣстно, процессъ размагничиванія особенно рѣзко наблюдается на мягкомъ желѣзѣ,

которое обладаетъ способностью быстро пріобрѣтать магнитныя свойства, и также быстро терять ихъ. Закаленная сталь размагничивается не такъ скоро, долго сохраняетъ магнитизмъ, и сама дѣлается тогда способной возбуждать магнитныя явленія вокругъ себя. Впрочемъ, и мягкое желѣзо можетъ сохранять магнитныя свойства неопредѣленно долгое время, если его окружаетъ со всѣхъ сторонъ проводникъ электрической энергіи—проволока, по которой идетъ токъ. Если есть живые токи, то и мягкое желѣзо не размагнитится, а будетъ представлять изъ себя отличный электромагнитъ, который не хуже (а то, можетъ быть, и сильнѣе) постояннаго, и который дѣлаетъ всѣ дѣла, какія надлежитъ дѣлать магниту. Иванъ Егоровичъ въ своихъ письмахъ приравниваетъ и самого себя къ такому же куску мягкаго желѣза. «Другъ мой! Я это самое мягкое желѣзо и есть!.. — восклицаетъ онъ. — Но развѣ я не способенъ и теперь стать снова магнитомъ? Ей Богу, способенъ! Пропусти только живые токи вокругъ меня, — и сила во мнѣ тотчасъ проявится. Вотъ, когда я былъ студентомъ, этихъ токовъ вокругъ было сколько угодно! Ты думаешь, что теперь, десять лѣтъ спустя послѣ университета, я считаю тѣ токи худыми, не выдержавшими критики? Да ничуть! Я вѣрю въ ихъ благотворность и силу по прежнему. Ни въ одномъ пунктѣ своихъ убѣжденій я не раскаялся и не измѣнилъ имъ. Я только размагнитился,—иначе сказать, *настроеніе потерялъ*. Пониманіе осталось старое, а можетъ быть, даже стало рѣзче и опредѣленнѣе; знаній даже прибавилось, потому что всѣ эти десять лѣтъ я читательствую усердно, упорно, вдумчиво. А настроеніе ушло. Дайте мнѣ людей, обладающихъ этими токами, — и я оживу, намагничусь...» «Но такихъ что-то маловато стало по нынѣшнимъ временамъ...»

Въ другомъ письмѣ Иванъ Егоровичъ пишетъ: «Скажите мнѣ, пожалуйста, что за штука это настроеніе? Подъ этимъ словомъ я понимаю не настроеніе минуты, не порывъ или подъемъ духа по случайнымъ причинамъ. Нѣтъ, настроеніе—это *основной тонъ личности*, уровень эмоцій, среднее напряженіе всѣхъ сторонъ ея психики, равнодѣйствующая ихъ. Такъ вотъ я спрашиваю, что за штука это настроеніе, которое, въ сущности, и есть то, что мы называемъ *личностью*. Личность — это настроеніе личности. Безличность — это отсутствіе или низкій уровень настроенія. Я помню, какъ во времена студенчества я чувствовалъ пульсацію всѣхъ сосудовъ во времена нашихъ сходокъ: стою, дрожу отъ волненія и злости и чувствую, какъ кровь течетъ по жиламъ. Пробѣгаю мысленно по своимъ рукамъ и ногамъ — и ощущаю это теченіе крови. Вотъ это было настроеніе! Ужъ не отъ физическихъ ли причинъ оно зависитъ, то есть отъ энергіи сердечной дѣятельности? Крѣпко и здорово сердце — и есть у человѣка бодрое настроеніе; слабо

сердце—и нѣтъ его? Нѣтъ, это не такъ. И больные сердцемъ люди имѣютъ иной разъ—охъ какое,—крѣпкое и бодрое настроеніе, да и я вотъ теперь на сердце не жалуюсь, а вотъ какую пѣсенку сочинилъ. Не угодно ли ее послушать».

Въ этомъ мѣстѣ письма Ивана Егоровича вставлено слѣдующее стихотвореніе, которое, хотя и не обладаетъ поэтическими достоинствами, но настолько характерно, что позволю себѣ выписать его безъ всякихъ передѣлокъ и сокращеній:

Пѣсенка размагниченнаго интеллигента.

Я каждый день обѣдаю:
Какой въ томъ смыслъ—не вѣдаю!
Я каждый день читаю:
Къ чему—не понимаю!
Я также не могу понять,
Зачѣмъ хочу я ночью спать.
Я каждый день хожу, сижу,
И—цѣли въ томъ не нахожу.
Мнѣ ничего не надо,—
Ни рая и ни ада.
Противны мнѣ до смерти
И ангелы, и черти.
Гоню я прочь въ три шеи
И чувства, и идеи.
Мнѣ смерти-бъ не хотѣлось
Но жизнь весьма пріѣлась.
Я, право, самъ не знаю,
Живу иль умираю.

Пѣсня эта, мнѣ кажется, такъ характерна, что господа «размагниченные интеллигенты», которыхъ и въ столицахъ, и въ провинціи не мало, должны бы были переложить ее на музыку и распѣвать хоромъ въ клубахъ, за картами и даже на службѣ. Пѣсенка эта въ краткихъ словахъ отчетливо ревюмируетъ душевное состояніе человѣка, потерявшаго настроеніе. Самъ Иванъ Егоровичъ пишетъ о ней: «Когда я сочинялъ эту пѣсенку, то не зналъ самъ, смѣяться мнѣ надъ ней или плакать. Подумалъ, подумалъ,—подошелъ къ буфету и выпилъ двѣ рюмки водки, потомъ пошелъ къ N. N., прочиталъ ее ему. Онъ засмѣялся и сказалъ: «это хорошо сказано,—бываютъ такіе!»—А мы съ тобой не такіе? спросилъ я.—«Ты холостякъ, ты, быть можетъ, и такой, а я женатъ и у меня дѣти,—отвѣчалъ онъ. Я плюнулъ и ушелъ. И это говоритъ «пострадавшій за правду!» Вотъ фальсификаторъ,—вмѣсто словъ «вселенная», «счастье человѣчества», «царство Божіе на землѣ», этотъ господинъ подставилъ въ свой катехизисъ слова: «жена, дѣти». Изъ-за нихъ вселенной и не стало видно... Ну развѣ это не то же размагничиваніе, да еще съ обманомъ? И развѣ онъ не ту же лямку тянетъ, какъ и я, не такъ же, какъ я? Тошнехонько!»

«Самое главное,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ Иванъ Егоровичъ,—это то, что меня теперь никуда не тянетъ. Я знаю, что есть такіе пункты въ окружающей жизни, гдѣ и мои силы очень бы пригодились. Знаю я, гдѣ слабыя стороны того, что я считаю враждебнымъ съ той теоретической точки зрѣнія, на которой я и теперь стою. Все знаю, а руки висятъ, какъ плети. Не могу начинать. Ничто не задѣваетъ за живое. Что-то во мнѣ притупилось. Трудно собраться начать. Чортъ знаетъ, что это такое — абулія, что ли. Помню, какъ любилъ я на студенческой скамьѣ вмѣшиваться въ практическое разрѣшеніе именно тѣхъ вопросовъ, которые мнѣ подвѣдомственны не были. Это мнѣ удовольствіе доставляло — лѣзть туда, куда не спрашиваютъ. Сожмешь этакъ кулаки, размахнешь руками, — хорошо! Настроеніе борьбы чувствовалось. И теорія, и исторія говорятъ, что всѣ перемѣны къ лучшему происходили и происходятъ въ исторіи именно потому, что нѣкоторые люди вмѣшивались и вмѣшиваются въ то, куда и когда ихъ не спрашиваютъ. Теперь я правомочный обыватель, но этого зуда вмѣшательства—нѣтъ. Помнишь наши студенческіе споры о точкѣ? Я и теперь вѣрю, что если человѣкъ захочетъ, то можетъ найти такую точку, помѣстившись на которую, при всѣхъ своихъ ничтожнѣйшихъ силахъ, онъ, дѣйствительно, станетъ сворачивать шаръ земной, фактически сворачивать. Правда, если масса этого шара безконечно велика, то скорость сворачиванія будетъ безконечно мала, но отъ этого самый фактъ сворачиванія отнюдь не уничтожается, онъ не фикція, не миѳъ. А если на такихъ же точкахъ стоятъ и дѣйствуютъ въ томъ же направленіи другіе (а развѣ они не стоятъ и не дѣйствуютъ?), то тѣмъ болѣе есть основанія чувствовать себя бодро. И вѣдь, ей Богу же, я знаю, гдѣ моя точка. И значеніе ея для меня понятно до тонкости. И она не за горами, а тутъ же, около меня. Почему же я не становлюсь на нее и не дѣйствую? Да просто потому, что собраться не могу. Настроенія нѣтъ. Время идетъ, я вижу, что ничего не дѣлаю, и отъ этого становится во мнѣ настроенія еще меньше. *Такъ я самъ себя и размагничиваю*».

Эта тирада очень поучительна. Она показываетъ, что, когда люди разсмагничиваются, то дѣло не въ пониманіи или сознаніи, а въ настроеніи, и упадокъ настроенія совершается, между прочимъ, отъ причинъ внутреннихъ, отъ своего рода самовнушенія, идущаго въ разные историческіе моменты по разнымъ направленіямъ, смотря по умѣнію видѣть и понимать окружающее. Письма Ивана Егоровича позволяютъ прослѣдить этотъ процессъ самовнушенія, ведущій человѣка интеллигентнаго и сознательно-дѣйствующаго, *сверху внизъ*, отъ дѣланія къ недѣланію. Вся біографія Ивана Егоровича представляетъ изъ себя именно это похоронное

шествіе. Нигдѣ въ своихъ письмахъ Иванъ Егоровичъ особенно не напираетъ на внѣшнія обстоятельства. Центромъ тяжести является въ его письмахъ именно процессъ самовнушенія, а внѣшняя обстановка, среда, фигурируетъ у него лишь въ качествѣ нѣкотораго поставщика матеріаловъ этому самовнушенію. Самовнушеніе упраздняетъ и дѣятеля, и дѣло, и въ этомъ упраздненіи одну изъ главныхъ ролей играетъ *подмѣнъ*. Біографія Ивана Егоровича, какъ многихъ другихъ, подобныхъ ему, отчетливо повторяетъ собою извѣстную сказку о мужикѣ, который, имѣя кусокъ золота съ лошадиную голову, промѣнялъ его на лошадь, а лошадь на корову, а ту на овцу, и т. д. до копѣечной иголки включительно, да и ту потерялъ, оставшись, въ концѣ концовъ, ни съ чѣмъ. Такого сорта мѣна — великолѣпный образъ постепеннаго паденія настроеній въ переходѣ отъ одного дѣланія къ другому. Переходя отъ дѣланія къ дѣланію (при чемъ каждое новое дѣланіе, замѣнившее старое, по его мнѣнію, вело все къ той же цѣли — созданію лучшаго будущаго), Иванъ Егоровичъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ видѣлъ *хорошія* стороны каждаго новаго дѣла, плохо сравнивая его въ количественномъ (да и качественномъ) отношеніи съ тѣмъ, что осталось позади. И вотъ, очнувшись отъ этой непрерывной мѣны, въ одинъ прекрасный день Иванъ Егоровичъ пришелъ въ ужасъ: вмѣсто куска золота съ лошадиную голову, у него въ рукахъ не оказалось *ничего*, все свелось на нѣтъ, и свелось незамѣтно, тайкомъ. Внѣшнія обстоятельства, объ улучшеніи которыхъ онъ такъ мечталъ, будучи студентомъ, вѣдь и теперь были такія же, какъ и прежде; внутреннія силы, которыя онъ могъ бы пустить въ дѣло, теперь, въ сущности, стали даже *больше*, чѣмъ тогда, а настроеніе пропало. Какъ оно ушло, куда ушло — для него неизвѣстно! «Читалъ я «Новый Фаустъ» Ленау,—пишетъ Иванъ Егоровичъ.—Великолѣпное произведеніе! Читая его, я такъ вотъ и чувствую внутри себя этого «Новаго Фауста». Тамъ Фаустъ передъ смертью говоритъ: «Увы! Тоски мнѣ не снести! Пустое, сумрачное Я... мнѣ тѣсно... Рвется грудь моя». Почему пропало у меня настроеніе? Потому что оно было и въ тѣ времена *не мое*, не во *мнѣ*, а *около меня*. Одно дѣло—ты въ сѣнѣ, а другое дѣло—сѣно въ тебѣ. Прости за вульгарное сравненіе. Я всегда жилъ такъ, что какъ будто смотрѣлъ на себя откуда-то со стороны: вотъ, молъ, дѣло, вотъ, молъ, моя личность, тѣло, а вотъ, молъ, я самъ, и этотъ я самъ, какъ нѣкая, *третья* величина, *смотритъ* на то и другое... Этотъ «я самъ»— ни въ дѣлѣ, ни въ тѣлѣ. Дѣло нужно, какъ аксессуаръ, хотя и очень необходимый, дополненіе къ личности, соотвѣтствующее ея интеллигентности, такимъ-то требованіямъ, предъявляемымъ къ личности. Я всегда чувствовалъ и видѣлъ, какъ бы со стороны,

то, что я дѣлаю, но никогда, понимаете-ли, никогда не было такого момента, когда я сливался съ дѣломъ, т. е. когда оно входило въ меня такъ, что насъ нельзя было раздѣлить. Это всегда было можно сдѣлать, потому-то я и намѣнялъ на своемъ вѣку двадцать дѣлъ одно на другое (хотя и при общей одной спеціальности). Я уже потому не могу слиться съ дѣломъ и тѣломъ, что моя собственная личность, выработанная мною не безъ труда, доставляла мнѣ самому не мало удовольствія. Я ее носилъ по свѣту въ родѣ какъ икону во время крестнаго хода. Дѣлаю что хорошее, и въ это время думаю—я, а ни кто другой, дѣлаю это хорошее. Что это за ощущеніе, я плохо могу опредѣлить, — это своего рода себялюбіе, внутренній эгоизмъ, — возвышать себя *черезъ дѣло*, но не сливаться съ нимъ. Впрочемъ, не о сентиментальности самозабвенія я говорю, а о *разстроеніи*. Такое разстроеніе очень помогло моему размагничиванію. Изъ рукъ вырывать легче, чѣмъ изъ нутра вытаскивать. Значитъ, расхваливать свою молодость нечего: *я и тогда былъ такимъ же мягкимъ желѣзомъ, какъ теперь*, и носилъ въ себѣ всѣ задатки размагнититься». Иванъ Егоровичъ особенно напираетъ въ своихъ письмахъ на эту сторону дѣла, и врядъ ли можно отрицать, что, въ данномъ случаѣ, его чутье опытнаго *самоѣда* не ошибается. Мѣна чего-то лучшаго на что-то худшее возможна только потому, что это лучшее кажется чѣмъ-то внѣшнимъ и вырѣзывать его почти изъ нутри не приходится. Впрочемъ, слово «себялюбіе», которымъ пользуется Иванъ Егоровичъ въ данномъ случаѣ, въ сущности, не умѣстно. Люди, которые не сливаются съ дѣломъ, могутъ себя и не любить, и дѣло можетъ имъ искренно нравиться, а все же «дѣло, тѣло и я» могутъ составить не нѣчто единое, а обособленную троицу.

Да обвинять молодежь въ неискренности даже смѣшно: въ ней больше искренности, чѣмъ гдѣ либо. Что касается до самопожертвованія, то и оно можетъ идти рядомъ съ разстроеніемъ и не мѣшать ему, потому что и на свою жертву человѣкъ можетъ смотрѣть словно со стороны и восхищаться ею. Не размагничивается лишь тотъ, кто не знаетъ этого разстроенія, кто чувствуетъ себя частью или орудіемъ дѣла, а не обратно, т. е кто не смотритъ на дѣло, какъ на орудіе своего я...

«Знаешь, надъ чѣмъ я долго работалъ?—пишетъ Иванъ Егоровичъ.—Работалъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать амальгаму изъ дѣла и изъ своего я. И, представь себѣ, ничего не вышло. Мое Я не смѣшивается съ дѣломъ, словно масло съ водой. На моментъ какъ будто и смѣшается, а тамъ опять быстро отстоялось, и вода выходитъ маслянистая, и масло водянистое». «*Я* занимаюсь низведеніемъ своего *я* къ нулю, но ничего не выходитъ. Стараюсь думать о томъ, что не нужно думать о *я*. Выходитъ изъ-

вѣстная сказка о бѣлыхъ медвѣдяхъ. Не перепрыгнешь чрезъ свою голову. Весь складъ ума такой. Я не то что люблю самого себя,—я просто тычу его вездѣ и всюду.

О, бѣсъ, меня, какъ въ тьмѣ могилъ,
Ты въ себялюбьи схоронилъ,
И вотъ подъ крышкой гробовой
Проснулся я, еще живой,
Безсильно мучась и скорбя
И грызть тутъ началъ самъ себя... (Ленау. „Нов. Фаустъ").

Получается такая картина: человѣкъ старается забыть свое *я*, слить его съ дѣломъ, но, стараясь сдѣлать это, грызетъ самого себя, а, грызя самого себя, этимъ только выдѣляетъ себя еще больше и дѣлаетъ слитіе еще болѣе невозможнымъ. — Дѣйствительно, есть отъ чего взвыть.

Просматривая цѣлый рядъ писемъ такихъ же людей, какъ Иванъ Егоровичъ, изъ той же породы размагниченныхъ интеллигентовъ, нельзя не видѣть одной всѣмъ имъ общей черты: съ теченіемъ времени ихъ *я* обостряется или, иначе говоря, дифференцируется все больше и больше. Какое бы дѣло они ни двигали, они не въ дѣлѣ и не дѣломъ живутъ, а живутъ своимъ *я*, и смотрятъ на дѣло и на свое тѣло со стороны. Самозабвенія у нихъ не встрѣчается, да, надо полагать, оно и быть не можетъ. Не мудрено, что при такихъ психическихъ условіяхъ дѣятельности, даже очень хорошія дѣла, даже независимо отъ глубины пониманія ихъ, будутъ въ рукахъ такихъ людей не то игрушкою, забавою, не то своего рода подъемной машиной, которая необходима, чтобъ втащить человѣка на нѣкоторый фундаментъ.

Очень поучительно отношеніе такихъ людей къ т. наз. культурной работѣ. Работа эта, дѣйствительно, необходимая и глубоковажная по своему значенію, работа, которая должна бы укрѣплять и закалять такихъ людей, какъ Иванъ Егоровичъ, какъ это ни странно, въ настоящее время для многихъ выдающихся людей, казавшихся въ молодости настоящими героями, стала однимъ изъ первыхъ этаповъ на пути мѣны, о которой шла выше рѣчь. Культурная работа, непосредственное участіе интеллигенціи въ разнаго рода культурныхъ учрежденіяхъ, ставящихъ своею цѣлью подъемъ экономическій, образовательный, умственный и пр. трудящихся массъ,—разумѣется, сила огромная, лишь поджидающая такихъ людей, которые вдунутъ въ нее душу живу и освятятъ ея смыслъ, но она была бы силой неизмѣримо большей, если бы въ числѣ культурныхъ работниковъ было побольше такихъ людей, которые не разстроятся, какъ Иванъ Егоровичъ, а живутъ въ дѣлѣ и для дѣла. Если бы работники въ этой области относились къ ней именно такъ и поменьше бы смотрѣли на самихъ

себя со стороны, извнѣ, они не превращали бы эту свою работу въ какія-то бирюльки, когда одну бирюльку играющій вытаскиваетъ, не шевеля другихъ. При такой работѣ, т. е. не сопровождаемой разстроеніемъ, при наличности умственнаго развитія и образованія, культурныя начинанія необходимо раскрывали бы передъ работниками самую суть дѣла, потому что, когда видишь передъ собой прежде всего дѣло и когда дорожишь его развитіемъ, когда любишь его и дѣйствительно жаждешь, чтобы дѣло это достигало своей цѣли, то, рано-ли, поздно-ли (и обыкновенно очень даже скоро) наткнешься именно на тѣ основныя противорѣчія жизни, которыя болѣе всего въ данное время и въ данномъ мѣстѣ стоятъ на пути улучшенія коренныхъ условій жизни. Не столкнуться съ этими условіями—нельзя, а столкнувшись съ ними, человѣкъ, любящій дѣло, не броситъ его, а пойдетъ по пути его улучшенія отъ *частнаго къ общему*. Вѣдь понятіе объ этихъ коренныхъ условіяхъ пріобрѣтается обыкновенно еще на студенческой скамьѣ, но разстроеніе личности ведетъ неизбѣжно къ тому, что личность не чувствуетъ и не сознаетъ себя страдающей такъ и тогда, гдѣ и когда страдаетъ дѣло, потому что это послѣднее не внутри, а снаружи личности. «Не научились мы любить и не умѣемъ ненавидѣть». Получается своего рода декорація: умный, развитой человѣкъ не можетъ не сознавать, что, отстранивъ отъ себя стремленія измѣнить къ лучшему основныя условія, онъ все дѣло низводитъ болѣе или менѣе къ игрѣ и декораціи; если бы этотъ самый человѣкъ въ числѣ своихъ отличительныхъ чертъ имѣлъ и цѣльность натуры, то онъ бросилъ бы такую-то форму дѣятельности, перешелъ на другую, болѣе цѣлесообразную дорогу для достиженія основной цѣли, онъ не то что не захотѣлъ-бы, а просто-на-просто не *смогъ-бы* сидѣть, упершись лбомъ въ стѣну. Совсѣмъ не то при существованіи разстроенія: такимъ способомъ можно и около стѣны сидѣть, и даже уставиться въ нее лбомъ. «Я, батенька, отлично чувствую, что сижу, упершись лбомъ въ стѣну,—пишетъ Иванъ Егоровичъ.—И стѣна эта для меня такая прозрачная, словно стеклянная... Еще въ университетѣ я обученъ, какъ сквозь нее видѣть, я и вижу. Но я вижу, что и по сю сторону стѣны я дѣло дѣлаю». Другими словами, Иванъ Егоровичъ смотритъ больше по сю, чѣмъ по ту сторону стѣны. Его утѣшаетъ мысль, что онъ все же дѣло дѣлаетъ. Иначе сказать, мѣна совершена, и хоть хороша штука кусокъ золота съ лошадиную голову, но и у лошадки есть свои достоинства. Объ этомъ что и говорить.

Въ эту фазу своей дѣятельности, когда Иванъ Егоровичъ, очутившись въ провинціи, принялся за всякія культурныя начинанія, онъ смотрѣлъ на эти послѣднія сверху внизъ, потомъ мало-по-малу сталъ смотрѣть на нихъ снизу вверхъ. Приступая къ

этого сорта работѣ, Иванъ Егоровичъ, какъ видно изъ его писемъ, относился къ ней совершенно правильно и никакъ не называлъ ее тою точкой, съ которой, по его мнѣнію, можно сдвигать шаръ земной. Принимая участіе въ разнаго рода «маленькихъ дѣлахъ», онъ понималъ, что эти послѣднія только тогда и цѣнны, когда осмыслены опредѣленнымъ отношеніемъ къ кореннымъ задачамъ времени. Онъ шелъ въ эти дѣла, чтобы ихъ возвышать до служенія этимъ задачамъ и привлекать и оживлять съ ихъ помощью («намагничивать», по его выраженію) тѣ силы, которымъ еще негдѣ и не отъ кого было намагнититься. Для тѣхъ силъ эта работа была дѣйствительно крупнымъ шагомъ впередъ. Для Ивана же Егоровича она оказалась, въ концѣ концовъ, крупнымъ шагомъ назадъ, такъ какъ изъ средства сдѣлалась въ его глазахъ цѣлью. «Знаешь, что такое культурная работа? Это—настоящая работа и есть! Это — умѣніе сражаться съ врагомъ въ рукопашную. Помнишь разсказъ какого-то французскаго писателя: «Какъ Плункетъ не видалъ сраженія». Этотъ самый Плункетъ все стрѣлялъ по врагу изъ пушки, которая хватала безъ малаго за десять верстъ. Всѣ тамъ теоретическіе споры — пустяки, сравнительно съ состязаніями съ врагами просвѣщенія изъ за какихъ нибудь библіотечныхъ правилъ вотъ тутъ, въ одной съ ними комнатѣ. Враги тутъ не за десять верстъ, а лицомъ къ лицу! Эге, что это за птицы! Просто прелесть! Олицетвори-ка теорію кн. Мещерскаго въ лицѣ такого этакого пузатаго господина, да и посражайся съ ней. Настоящая борьба и есть такая рукопашная. Наступаешь шагъ за шагомъ. Отступаешь — шагъ за шагомъ. Иной разъ жарко приходится, но *эти-то мелочи и осмысливаютъ цѣль*. Безъ этого она была бы абстракціей». «Мы устроили кустарный музей,—пишетъ немного спустя Иванъ Егоровичъ,—завели читальню, ремесленную школу. Я засѣдаю въ попечительствѣ. Работа кипитъ». Понемногу и незамѣтно для себя Иванъ Егоровичъ уже радуется не тому, что выходитъ изъ его работы, а тому, что онъ работаетъ, и такъ хорошо работаетъ. Ему нравится и самая суета, толчея, споры, интриги, состязанія, среди которыхъ идея, основное стремленіе отходитъ на задній планъ, хотя могло бы и должно бы не отходить. Происходитъ раздѣленіе того, что должно бы быть соединено, что осмысливаетъ одно другое. «У насъ вышелъ скандалъ: отобрали каталогъ нашей читальни и обрѣзали, а книжный складъ попечительства подчинили министерскому каталогу. Беззаконно! Я *хотѣлъ было* протестовать, но это было бы *непрактично*. Рѣшилъ *подождать* и вести свою линію инымъ способомъ». Но эта «своя линія», безъ вѣдома Ивана Егоровича, мало-по-малу уже превращалась въ другую, *не-прежнюю* линію. Вообще, мѣсто, которое Иванъ Егоровичъ занималъ чуть-ли не во всѣхъ культур-

ныхъ учрежденіяхъ своего города, возвышало его въ его собственныхъ глазахъ. Онъ гордился тѣмъ, что за жалованіемъ и наживой онъ не гонится, въ карты не играетъ, къ начальству не подлаживается; онъ чувствовалъ себя и борцомъ, и нужнымъ человѣкомъ, а главное, практикомъ, умѣющимъ дѣлать полезныя принципіальныя дѣла, вводить новый принципъ въ жизнь, но вводить тихо, тайкомъ, незамѣтно для другихъ. «Что я сталъ бы дѣлать безъ такой работы?—пишетъ онъ въ одномъ своемъ письмѣ, относящемся къ этому времени его жизни.—У меня силушка по жилушкамъ живчикомъ переливается. Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени! Клапанъ нужно, чтобы предохранить мнѣ душу отъ взрыва. Вотъ клапанъ у меня и есть на лицо—эта работа! Развѣ мои читальни, музеи, школы, попечительства, чайныя—не тѣ же клапаны? Самые настоящіе! Предохранительные! Ты, можетъ быть, назовешь ихъ пустяками, а по мнѣ не такъ,—они мнѣ жить даютъ. Я жизнь чувствую, благодаря имъ».—Иванъ Егоровичъ ужъ не задается вопросомъ, чувствуетъ ли жизнь ихъ, чувствуетъ ли она, что есть на свѣтѣ эти учрежденія, и много ли чувствуетъ? Для него на первомъ планѣ то, что *онъ* ихъ чувствуетъ. Для него всѣ они—своего рода гашишъ и призраки, имъ навѣянные,—они дѣлаютъ совсѣмъ ненужными, лишними *тѣ* идеи, прежнія, старыя. Вѣдь и въ новой формѣ, по мнѣнію Ивана Егоровича, осуществляется то, старое стремленіе. Мѣна даже выгодна: фикція промѣнивается на фактъ, журавль—на синицу. Но такъ какъ прежній червякъ еще не совсѣмъ умеръ въ Иванѣ Егоровичѣ, то минуты сознанія все же наступаютъ и для него: «Эхъ, не то! Иногда я чувствую, что все это не то,—пишетъ онъ и затѣмъ прибавляетъ, что «все же нѣчто лучше, чѣмъ ничто». Но самоуспокоеніе еще непродолжительно: «недоразумѣнія» и «непріятности» совершаются чуть не каждый день и увлекаютъ мысль за предѣлы декораціи, настроеніе портится, недовольство грызетъ, сознаніе не даетъ покоя, факты жизни не радуютъ: темные—у всѣхъ на глазахъ, свѣтлые—за утратой связи съ прежними товарищами, перестали быть видны и слышны въ своей массѣ или, по крайней мѣрѣ, самые главные, а чтобы улавливать, чувствовать ихъ по намекамъ жизни, не хватаетъ воспріимчивости и отзывчивости. Гашишъ становится все болѣе и болѣе необходимъ. Къ гашишу культурному присоединяется, благодаря «неизбѣжной и необходимой компаніи», и физическій,—вино. Оно нужно для подъема духа, который безъ искусственныхъ средствъ не появляется, за отсутствіемъ индукціи извнѣ (нѣтъ людей, неизвѣстны факты). Самовнушеніе начинаетъ дѣйствовать сильнѣе и иначе, чѣмъ прежде: человѣкъ воображаетъ себя не тѣмъ, что онъ есть, а тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ бы быть, по его мнѣнію.

Является потребность себя возвышать.

Человѣкъ *старается* воображать себя героемъ и бойцомъ: онъ преувеличиваетъ значеніе мелочей, съ которыми сражается, или которыя, такъ или иначе, доставляютъ ему непріятности, но безъ которыхъ ему было бы такъ скучно и нечего было бы дѣлать. Онъ старается убѣдить и себя, и другихъ, что эти мелочи, въ сущности, не мелочи, что въ каждой изъ нихъ скрывается принципъ. И правда,—и въ мелочахъ сквозятъ принципы, но барахтанье въ однѣхъ мелочахъ дѣлаетъ то, что принципы искажаются и забываются, а вмѣсто нихъ являются ихъ суррогаты... Идейность, святой огонекъ, освѣщавшій дорогу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, меркнетъ, потому что сложность жизни становится виднѣе, а привычка разбираться въ этой сложности не развивается. Даже сознаніе является на этой фазѣ орудіемъ утѣшенія, а не побужденіемъ измѣниться къ лучшему, вернуться къ старому. «Право, я иногда чувствую,—пишетъ Иванъ Егоровичъ,—что я ѣду въ моей дѣятельности какъ будто по другому адресу. Но я самъ не знаю, обманываюсь я или нѣтъ, единица сравненія пропала, мѣрки не стало, не знаю, съ чѣмъ подходить... Впрочемъ, я думаю, это нервы,—излишняя щепетильность. Истинная мѣрка—совѣсть». Но эта «истинная мѣрка», къ сожалѣнію, не есть величина постоянная, и Иванъ Егоровичъ, уцѣпившись за нее, какъ утопающій за соломенку, совершенно не желаетъ знать, что совѣсть человѣческая тоже подвержена той или иной эволюціи всю жизнь и сама нуждается въ опредѣленной, сознательной провѣркѣ, подобно тому, какъ и лучшіе барометры, хронометры, градусники тоже не мѣшаетъ и даже необходимо отъ времени до времени провѣрять. Совѣсть—своего рода отзывчивость, чувствительность, впечатлительность, а эти послѣднія, какъ извѣстно, способны и притупляться. Законъ Фехнера приложимъ и въ данномъ случаѣ. Если какое либо явленіе, напр., новое настроеніе, не имѣющее ничего общаго съ прежнимъ, студенческимъ, повторяется, и къ тому же не одинъ, а нѣсколько разъ, то психика привыкаетъ къ нему, и человѣкъ не замѣчаетъ и самъ, что это новое было ему когда-то чуждо, что оно «не то, совсѣмъ не то». Что же именно «то» и что именно «не то»,—и это понимать—легко разучиться. Да и самая жизнь сильно таки помогаетъ уменьшенію чувствительности и отзывчивости. Ужъ чего трудно, напр., привыкнуть къ тому, что гдѣ нибудь каждый годъ голодовка. Первыя извѣстія объ этомъ въ 1891—92 г. были встрѣчены чуть не съ ужасомъ, а потомъ, понемногу и потихоньку, и голодовки перестали пугать, потому что къ извѣстіямъ о нихъ привыкли. Это постепенное привыканіе души человѣческой къ тому самому, что она еще вчера считала «не тѣмъ», еще яснѣе сказывается въ мелочахъ.

Это привыканіе заполоняетъ душу и измѣняетъ ее въ конецъ. Волна эмоцій при этомъ можетъ и не понизиться, но она, такъ сказать, устремится по другому адресу. Прежнимъ эмоціямъ не достанетъ уже мѣста въ душѣ. «Душа полна,—пишетъ Иванъ Егоровичъ,—а чувствуешь пустоту. Обыкновенно мнѣ кажется, что я прежній, а на самомъ дѣлѣ—иногда нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ сознаніе, что я не прежній, а кто-то другой». Въ одномъ письмѣ Ивана Егоровича, написанномъ года за четыре до его смерти, сквозитъ замѣчательная нотка. Онъ пишетъ: «Когда-то я предполагалъ врѣзаться въ жизнь и дѣйствовать по отношенію къ ней наступательно. Ну, врѣзался, ну, сражался, ну, и теперь не покладаю рукъ. Перспективы были видны, зналъ, куда шелъ. Искалъ выхода—нашелъ выходъ. Работы навалилъ на себя, чуть не задохся. Нашелъ въ ней все же удовлетвореніе. Примирила она меня съ жизнью... Да вѣдь это-то и скверно, что примирила! Примиряться-то я вѣдь и не хотѣлъ, и не хочу. Не нужно мнѣ этого примиренія. Послѣ этакого-то разбѣга да такой скачокъ! Чортъ знаетъ, что такое. Не человѣкъ, а ракета: поднялся, разсыпался на мелкія искорки и исчезъ. Ни свѣтло, ни жарко».

Но эти минутки сознанія въ письмахъ Ивана Егоровича становится рѣже и рѣже. Вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются восклицанія: «Боже мой, какая въ народѣ тьма! Боже мой, какая среди него бѣдность! Дикари, которыхъ, впрочемъ, нельзя не любить»... Иванъ Егоровичъ неизбѣжно и логично, въ концѣ концовъ, дошелъ до того, что сталъ считать культурную работу единственно необходимой, единственно не преждевременной, независимо отъ осмысливанія ея высшими идеалами и задачами. Онъ дѣйствительно примирился и успокоился,—на этотъ разъ навсегда. Для притупленія чувствительности и отзывчивости не стало больше препятствій внутреннихъ. За то жизнь усерднѣе и усерднѣе содѣйствовала ея притупленію извнѣ.

И вотъ, когда, по какой-то причинѣ чисто случайнаго свойства, сильно проснулось въ Иванѣ Егоровичѣ на одно мгновеніе прежнее, давно исчезнувшее настроеніе, когда сознаніе вдругъ прояснилось снова,—этого проясненія лишь хватило на то, чтобы заглушить и всѣ прочія иллюзіи, позднѣе пришедшія, но свившія просторное гнѣздо въ его душѣ. Пробужденія сознанія хватило лишь на то, чтобы отмахнуться,—отмахнуться и отъ культурной работы, и отъ всякой другой, кромѣ той, которая кормитъ, и, махнувъ рукой, сказать ей: «вся эта культурщина—чепуха! Все это такая канитель, что, ей Богу, отъ нея никому ни тепло, ни холодно!» Энергія, какая осталась (а осталось ея все же, повидимому, не мало), если не исчезла, то могла бы потечь по какому

угодно руслу... «Дѣло» уже не было окружено ореоломъ; *Я*—ужъ размагнитилось.

Иванъ Егоровичъ, дѣйствительно, размагнитился и запѣлъ отъ всего своего нутра сочиненную имъ въ минуту сознанія горько-веселую пѣсенку размагниченнаго интеллигента.

Разочарованіе въ *такой* культурной работѣ, въ какую увѣровалъ Иванъ Егоровичъ, въ концѣ концовъ, явилось неизбѣжнымъ выводомъ и изъ его Я, да и изъ окружающей жизни.

Что же его размагнитило? Во всякомъ случаѣ, не одни обстоятельства внѣшнія, потому что и въ культурной своей дѣятельности онъ считался съ ними и боролся въ рукопашную. Онъ до послѣдняго момента сохранилъ способность борьбы. Онъ перемѣнялъ, и къ тому же незамѣтно для себя, лишь объекты борьбы, замѣняя важные неважными и далекіе – близкими, т. е. крупные мелкими. Настроеніе не исчезло, а *перемѣнило видъ*, сосредоточилось не на кускѣ золота съ лошадиную голову, а на отысканіи иголки, упавшей въ сорную траву. Такого рода занятіе не могло не надоѣсть, въ концѣ концовъ, умному и образованному человѣку. А когда и оно надоѣло, то не стало охоты и жить, и ходить, и читать: «Есть примѣнимыя идеи въ книгахъ,—пишетъ Иванъ Егоровичъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ,—но я-то ихъ никогда не примѣню. Есть осуществимыя мечтанія, но я-то вѣдь ихъ никакъ не осуществлю. Я—нѣчто постороннее всему этому. Я—созерцатель, я—мыслящая, анализирующая единица. Мыслю—значитъ, еще существую. Но я не могу не смотрѣть и на все окружающее, и на самаго себя откуда-то со стороны, а смотря со стороны, я чувствую, что окружающее не очень-то теперь меня волнуетъ. Всему есть свои причины. Всякому овощу свое время. Я грызу себя немилосердно. Чувствующая, нервная поверхность моего *я вывернулась на изнанку*, снаружи очутилось внутри. Я очень рѣзко и больно ощущаю самого себя, живу въ себѣ и собой. А отъ окружающаго меня отдѣляетъ моя собственная кожа въ достаточной степени! За то какъ больно я себя чувствую!.. Эта боль рѣшительно мѣшаетъ мнѣ оглядываться по сторонамъ, и я гоню въ три шеи и чувства, и идеи. Дайте же мнѣ пожить, чортъ возьми, и личною жизнью».

Эти слова «личная жизнь» очень характерны въ устахъ Ивана Егоровича: онъ и самъ не замѣчаетъ, что вся его жизнь состояла, если строго разобрать, въ самоуслажденіи, а ужъ никакъ не въ самопожертвованіи...

Н. Рубакинъ.

Общественное мнѣніе.

У насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія! Зачастую приходится слышать такое не лестное для самолюбія нашего утвержденіе. Оно раздается печатно. Каждый печатный органъ, при каждомъ враждебномъ ему общественномъ явленіи скажетъ, что оно могло имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія. Даже органы, у которыхъ вмѣсто знамени балаганный флагъ, и тѣ вопіютъ: у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія. И въ обыденной жизни, наталкиваясь, среди будничныхъ житейскихъ отношеній, и частныхъ, и общественныхъ, на рядъ вопіющихъ безобразій, мы слышимъ все ту же жалобу: все это возможно у насъ, потому что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія.

Принимать слова эти въ абсолютномъ смыслѣ невозможно. Это значило бы сказать: наше общество безусловно не мыслитъ, не различаетъ добра отъ зла. Разъ существуетъ общество, значитъ, есть у членовъ общества извѣстная идейная связь, общій критерій добра и зла. Общія условія жизни, преданія, обычаи, понятія создали эту связь и, слѣдовательно, и свое общественное мнѣніе. Чѣмъ болѣе первобытна и менѣе сложна жизнь общества, тѣмъ однороднѣе понятія и тѣмъ дружнѣе высказывается общественное мнѣніе. Дикари единодушно обрекаютъ на смерть нарушителя табу, отецъ не смѣетъ спасти сына отъ казни, сынъ—отца. Еще въ недавнее время въ Индіи вдовы, которыя могли властью англичанъ избавиться отъ сожженія, шли на костеръ изъ страха стать паріями: мать толкала въ огонь дочь-вдову. Голосъ природы нѣмѣлъ передъ общественнымъ мнѣніемъ.

У дикарей, поднявшихся надъ животнымъ бытомъ, есть свой кодексъ добра и зла, истины и лжи, обязательный для всѣхъ членовъ общества. За нарушеніе его караетъ общественное мнѣніе. Нарушившій этотъ кодексъ—врагъ общества. Не стоимъ же мы ниже бушменовъ. Должно же существовать у насъ общественное мнѣніе, которое руководило бы жизнью. Оно и существуетъ, но

существованіе его крайне мутно и слабо; и надо опредѣлить, въ чемъ оно заключается и какъ проявляется.

Одного общественнаго мнѣнія нѣтъ у насъ, какъ нѣтъ его нигдѣ, кромѣ странъ первобытныхъ и замкнутыхъ для цивилизаціи. Только тамъ, при несложности общественныхъ условій, низкомъ уровнѣ понятій и косности общества, возможно полное единодушіе общественнаго мнѣнія. Въ странахъ, развивающихся, единодушія быть не можетъ; существуетъ рядомъ нѣсколько различныхъ мнѣній, и каждое называетъ себя общественнымъ мнѣніемъ. Рознь—неизбѣжное слѣдствіе роста общества. Наиболѣе сильные умы не удовлетворяются ходячими, вошедшими въ плоть и кровь понятіями, смотрятъ впередъ. Наиболѣе культурныя общества тѣ, въ которыхъ борьба различныхъ мнѣній ведется открыто и прямымъ, не эзоповскимъ языкомъ. Истина—едина, но то время, когда она будетъ признана всѣми и установится единодушіе, такъ отдаленно, что оно можетъ только сниться въ лучезарныхъ грезахъ. Рознь общественныхъ мнѣній свидѣтельствуетъ о поискахъ истины.

Жалобы наши на то, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, съ одной стороны, доказываютъ то, что въ данную минуту безсильно то мнѣніе, котораго держится жалующійся, а торжествуетъ противоположное.

Но есть и другая сторона. Подъ всѣми различіями въ мнѣніяхъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ, каковы бы они ни были, всетаки существуетъ нѣкоторая общая связь людей, выработанная вѣками культурности, ростомъ чувства альтруизма, развитіемъ общихъ понятій о добрѣ и злѣ—а потому должно существовать и нѣкоторое, всѣми признаваемое общее мнѣніе, которое несетъ свой критерій, свой идеалъ общаго блага. Идеалъ этотъ элементарный и общій. Каждое групповое общественное мнѣніе неизмѣнно считаетъ себя вмѣстѣ выразителемъ и этого общаго идеала, каждая партія, каждая секта, господствующая или гонимая, старается завербовать на свою сторону *общее* общественное мнѣніе. Въ противномъ случаѣ она рискуетъ проиграть свое дѣло. Политическія партіи, вездѣ и во всѣ времена на практикѣ слѣдовавшія правилу оправданія средствъ цѣлью, не рисковали на иныя средства, какъ бы выгодны ни были тѣ въ данную минуту, если культурный уровень общества не допускалъ примѣненія этихъ средствъ. Самыя безчеловѣчныя репрессаліи Наполеона III не запруживали рѣкъ трупами; только продѣлавъ юридическій фарсъ суда сильнаго врага надъ слабымъ, они обрекали на смерть наиболѣе талантливыхъ и энергическихъ противниковъ. Юридическій фарсъ опирался на высшія соображенія о благѣ общественномъ, о спасеніи основъ порядка и самой цивилизаціи отъ вра-

говъ. Эти цѣли выставлялъ и де-Местръ, дѣлая палача охраной своего государства.

Фарисейское изреченіе: лучше, чтобы погибъ одинъ человѣкъ, нежели весь народъ—все такъ же въ ходу и теперь, какъ и въ тотъ годъ, когда распинали Христа. И юридическіе фарсы, и фарисейское изреченіе—лицемѣріе силы, которая признаетъ необмодимымъ дѣлать уступку мнѣнію не какой либо партіи или общественной группѣ, но мнѣнію цѣлаго общества, переросшаго пору дикой кровожадной расправы съ врагомъ. Французскій избитый афоризмъ: лицемѣріе есть дань порока добродѣтели—никогда не утрачиваетъ своей истины. Необходимость прикрываться личиной доказываетъ сознаніе того, что общественное мнѣніе признаетъ порокъ—порокомъ. Но, съ другой стороны, личина доказываетъ то, что общественное мнѣніе еще не переросло фарисейскихъ соображеній о томъ, что пролитіе крови спасаетъ порядокъ. Эта недозрѣлость общественнаго мнѣнія несетъ въ себѣ и фанатическую вѣру въ обновляющую силу проливаемой крови. Ирландскіе феніи и англійскіе судьи ихъ могутъ въ этомъ дѣлѣ подать другъ другу руку.

То *общее* общественное мнѣніе, съ которымъ считаются Наполеоны, есть мѣрило степени человѣческаго развитія страны. Посмотримъ, какъ высоко у насъ мѣрило это. По фактамъ общественной жизни, о которыхъ оно умалчиваетъ, мы видимъ, что оно слабо и низменно и легко мирится съ самыми вопіющими дѣлами. Любой общественной воръ найдетъ въ прессѣ краснорѣчивыхъ защитниковъ. У насъ сложилась поговорка: украсть милліонъ можно. И на западѣ оффиціозная пресса не рѣдко распинается, доказывая, что разные грабители—благодѣтели общества. Но дѣло въ мѣрѣ. Есть степень легальнаго мошенничества и юридической эксплуатаціи, которую тамъ общественное мнѣніе не допуститъ: тамъ не всегда можно безнаказанно украсть милліонъ. У насъ помпадуры не постыдятся оказать публично вниманіе человѣку, обокравшему банкъ и даже приговоренному судомъ. На западѣ злостный банкротъ или человѣкъ, обокравшій банкъ, товарищество, не смѣютъ показаться въ публикѣ, по крайней мѣрѣ, пока скандалъ еще свѣжъ въ памяти. У насъ обличенія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; далеко не всегда могутъ они и какъ нибудь вопіять: всего чаще именно въ отношеніи фактовъ, оглашать которые слѣдуетъ при трубныхъ звукахъ, оно не болѣе, какъ заглушенный шопотъ, намеки эзоповскаго языка. Мы до сихъ поръ «бичуемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ». Одно можно сказать въ утѣшеніе, что мы уже больше «не дивимъ дерзостью мальчишекъ» и намъ не дождаться отъ нихъ похвалы.

Когда общественное мнѣніе оказывается настолько слабымъ въ несложныхъ и ясныхъ, какъ дважды два, вопросахъ азбучной честности, то тѣмъ слабѣе оно въ вопросахъ, шире и глубже захватывающихъ жизнь страны.

Въ нашей исторіи можно указать только единичные случаи, когда мнѣніе народа было ясно выставлено и съ нимъ нельзя было не считаться. Такъ оказалось невозможнымъ освобожденіе крестьянъ безъ земли. Чаще на общее мнѣніе только ссылаются, желая найти опору для тѣхъ дѣйствій, источникъ которыхъ лежитъ совсѣмъ въ другихъ областяхъ. Такъ, недавно, общественное мнѣніе выставлялось оффиціально, какъ извѣстная сила во внѣшней политикѣ, когда шли переговоры по восточному вопросу. Газеты тогда много распространялись объ этомъ фактѣ и, путая слова: «національное мнѣніе, народное мнѣніе», раздували его, какъ радостный признакъ нашей зрѣлости. Надо разобраться въ этихъ словахъ для оцѣнки смысла понятія: общественное мнѣніе.

Слово нація обозначаетъ всѣхъ людей, живущихъ на одной территоріи, связанныхъ общими законами, подчиненныхъ одной власти: если понимать то же самое подъ словомъ общество, то слово общественное мнѣніе и національное мнѣніе—синонимы. Но такое толкованіе крайне теоретично. На практикѣ общественное мнѣніе могло быть синонимомъ національнаго развѣ только въ государствахъ въ родѣ Аѳинъ, гдѣ каждый гражданинъ непосредственно рѣшалъ на площади государственныя дѣла. Въ обширныхъ государствахъ нашего времени какъ въ живущихъ наиболѣе широкою политическою жизнью, такъ и въ тѣхъ, гдѣ она сведена до минимума, интеллигентные классы составляютъ руководящее общество, мнѣніе котораго нельзя назвать мнѣніемъ цѣлой націи, но только мнѣніемъ одной части ея. Остальная и самая крупная часть націи, въ сравненіи съ которой интеллигентные классы по численности своей—горсть, эта часть совершенно чужда многимъ вопросамъ политической жизни. Общественное мнѣніе, ища себѣ опоры, зачастую совершенно напрасно ссылается на мнѣніе народа. Но у народныхъ массъ есть свое опредѣленное мнѣніе; въ западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки народъ заявлялъ его то мирными манифестаціями, то вооруженной рукой. Національное мнѣніе, т. е. мнѣніе цѣлой націи, можетъ существовать лишь тогда, когда общественное и народное мнѣнія сольются воедино.

Во время послѣдней восточной войны славянофильствующія газеты много кричали о сочувствіи народа нашего къ братьямъ славянамъ, кричали, что народъ хочетъ войны. Но хотѣлъ ли онъ, понималъ ли онъ, зачѣмъ надо идти? Масса народа не имѣетъ вѣрнаго понятія о Россіи, гдѣ же ей знать отношенія Турціи и

Болгаріи. Ничтожный среди народной массы процентъ грамотныхъ только изъ газетъ узналъ, что сербы и болгаре—православные; въ массѣ ходили самыя нелѣпыя представленія. Автору статьи приходилось въ разныхъ варіантахъ слышать о православной царицѣ Сербіи, которую, по приказу султана, держитъ въ плѣну въ Плевнѣ на горѣ злой Митька-паша. Воинствующія газеты страшно раздували вполнѣ естественный фактъ, что народъ зналъ болѣе о второй восточной войнѣ, чѣмъ о первой. Естественно, что росшій процентъ грамотныхъ, какъ онъ ни былъ малъ, дѣлалъ свое дѣло. Но сочувствіе не шло далѣе интереса при чтеніи и слушаніи газетныхъ реляцій. Газеты кричали о геройскомъ воодушевленіи рекрутъ, которые шли освобождать братьевъ славянъ. А тѣ, кому доводилось видѣть проводы ратниковъ, слышать стоны провожавшихъ, читали на лицахъ, вмѣсто геройскаго воодушевленія, одну фаталистическую покорность судьбѣ и слышали, вмѣсто кликовъ объ освобожденіи братьевъ славянъ, будничные озабоченные толки о проданныхъ задаромъ буренушкахъ и сивкахъ. Каждый, знающій сѣренькую дѣйствительность нашу, подтвердитъ, что сборы черезъ сельское духовенство и становыхъ не могутъ служить выраженіемъ доброхотнаго порыва нести свою лепту. Очевидцы многихъ сборовъ, представленныхъ оффиціозными корреспондентами, какъ начатые самими крестьянами, говорили, что крестьяне давали въ полномъ убѣжденіи, будто царь приказалъ сбирать по всей Россіи. Процентъ геройствовавшихъ въ народной массѣ былъ такъ малъ, что не поставилъ бы и взвода въ армію.

Да и какія средства имѣемъ мы вызнать и повѣрить мнѣніе народа? Собственное наблюденіе, подкрѣпленное наблюденіями знакомыхъ намъ лицъ, газетныя корреспонденціи, съ тою оговоркою, что въ печать проникаетъ вѣсть лишь о какихъ нибудь капляхъ изъ океана. Или пассивное отношеніе народной массы слѣдуетъ считать за выраженіе мнѣнія? Но молчаніе можно счесть за выраженіе какого угодно мнѣнія. Національное чувство, въ смыслѣ выдѣленія своихъ отъ чужихъ, есть и у нашего народа, какъ оно есть и у дикарей. Но національное чувство нашего народа спитъ еще непробуднымъ сномъ въ отношеніи всего, что составляетъ истинно-человѣчное превосходство одной націи надъ другой.

Приведенный выше фактъ признанія общественнаго и народнаго мнѣнія въ сношеніяхъ съ иностранными дипломатами имѣетъ значеніе, конечно, не какъ доказательство вліянія этого мнѣнія на нашихъ дипломатовъ, но только какъ доказательство необходимости ссылаться на голосъ націи, — необходимость, въ которую поставила ихъ внѣшняя политика. Представители другихъ дер-

жавъ опирались каждый на мнѣніе своей страны. Положеніе представителей Россіи оказалось бы слишкомъ невыгоднымъ, если бы они не сдѣлали того же. Упорство ихъ въ требованіи уступокъ имѣло бы какъ бы личный характеръ. Противники могли бы отвѣтить имъ: мы стоимъ на твердой почвѣ, а вы на чемъ?

Иностранцы, не скупясь по отношенію къ намъ на эпитеты: отсталые и варвары, всетаки мѣряютъ нашу жизнь на свой аршинъ, только они берутъ тотъ аршинъ, до котораго мы не доросли. Подъ словами «общественное мнѣніе» они понимаютъ опредѣленные, обоснованные прочные взгляды на теорію и на практику жизни: нравственную силу, способную вліять въ извѣстномъ смыслѣ и мѣрѣ. Но ничего подобнаго нельзя сказать о нашемъ общественномъ мнѣніи. Оно или, точнѣе, разные роды его, въ сущности, мнѣніе горсти, очень ничтожной, въ сравненіи съ массой. Единственнымъ путемъ для выраженія ихъ служитъ пресса. Мнѣніемъ можно признать только взгляды, прочно сложившіеся. О людяхъ, которые сегодня городятъ, завтра разгораживаютъ, послѣ завтра опять городятъ, безразлично по старому или новому, для того, чтобы опять разгораживать,—о такихъ людяхъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ убѣжденій, и органы прессы, поступающіе такимъ образомъ, не могутъ считаться выразителями общественнаго мнѣнія. А много ли у насъ такихъ, которые могутъ считаться? Число печатныхъ органовъ, по количеству населенія, у насъ ничтожно; число читателей представляетъ очень незначительную дробь населенія. Когда и какъ высказываетъ русскій свое мнѣніе? Если онъ не пишетъ въ журналахъ, не членъ какого-нибудь общества съ какими-нибудь спеціально просвѣтительными или филантропическими цѣлями, ему остается одно—бесѣда въ дружескихъ кружкахъ. Нельзя же назвать заявленіемъ такого мнѣнія голосованіе по хозяйственнымъ дѣламъ земствъ и городскихъ думъ. Гдѣ же, при такомъ положеніи дѣла, взять критеріи для опредѣленія нашего общественнаго мнѣнія? Есть мнѣнія оффиціальныя и неоффиціальныя, есть мнѣнія гласныя и негласныя. Послѣднія выражаются молчаніемъ объ извѣстныхъ предметахъ, умѣніемъ читать между строкъ и эзоповскимъ языкомъ.

Въ органахъ нашего общественнаго мнѣнія не найти единодушія даже и по тѣмъ предметамъ, насчетъ которыхъ въ Англіи, Франціи и Германіи единодушно выскажутся публицисты всѣхъ партій. Въ обществѣ сталкиваются интересы и различныя мнѣнія; но каждое общество, если оно поднялось до извѣстной степени цивилизаціи, должно имѣть и общія потребности, обусловленныя этою степенью. Должна же быть одна общая точка, отъ которой можно отправляться по разнымъ, далеко расходящимся радіусамъ. Вотъ этой-то точки опоры нѣтъ у нашей интеллигенціи; а она

есть у западно-европейской, не смотря на борьбу партій. Напр., въ Англіи свобода печати и неприкосновенность личности—то общее, на защиту чего ополчатся всѣ партіи. У насъ обиженная ретроградная газета призываетъ громы цензуры на своихъ враговъ. Отсутствіемъ такой общечеловѣческой и гражданской точки опоры объясняется хаосъ нашего общественнаго мнѣнія. У кого хватитъ терпѣнія перечитать полемику нашихъ газетъ по тѣмъ вопросамъ, которые на Западѣ признаны безспорной аксіомой, тотъ увидитъ, какъ часто у насъ одно и то же слово прикрываетъ разную суть, и разныя слова противоположнаго смысла въ теоріи, на практикѣ сводятся къ одному.

Напр., девизъ народность, народничество породилъ такую путаницу понятій, въ которой разбираются и до сихъ поръ. По человѣческой слабости, обманывая себя невольно, большинство всегда готово принять за истину то, что ему удобнѣе и пріятнѣе. Пока исповѣданіе какой-нибудь истины сопряжено съ неудобствами и непріятностями, она считаетъ число исповѣдниковъ своихъ сотнями, десятками. Когда масса приметъ ее, то это всегда означаетъ, что выгоды истины, вещественныя и невещественныя, стали очевидны. Въ массѣ всегда найдется крупный процентъ людей, имѣющихъ въ виду только одни своекорыстные интересы; они въ истинѣ ищутъ удобную маску для обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ. Въ пору, когда народничество было лозунгомъ дня, у насъ развелось много народолюбцевъ, восклицавшихъ съ паѳосомъ, искреннимъ или дѣланнымъ: мы должны идти за одно съ народомъ. При чемъ люди, вѣдавшіе, что творятъ, добавляли про себя: только при надѣлѣ, который оставитъ намъ дешеваго работника.

Трудно понять, путемъ какой логики изъ такой простой, какъ дважды два, мысли, что страна не можетъ благоденствовать, если народъ голоденъ, нищъ и невѣжественъ, и потому первый долгъ улучшать его бытъ и образовывать его, вывели необходимость думать его головой и смотрѣть его глазами; если онъ вѣритъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, то сомнѣніе въ такой космогоніи есть измѣна народности; если онъ убѣжденъ, что корень всѣхъ бѣдъ его въ томъ, что мало честныхъ становыхъ, то для каждаго мыслящаго человѣка священный долгъ видѣть спасеніе міра въ благодѣтельной опекѣ становыхъ. Замѣчательна была быстрота, съ какою перешли къ преклоненію передъ народною мудростью отъ взглядовъ на народъ, какъ на грубый матеріалъ, съ которымъ можно продѣлывать опыты всякаго рода, начертанные въ кабинетахъ...

Признавая условія времени и пространства, было бы крайнимъ идеализмомъ требовать, чтобы пресса говорила все, что думаетъ и знаетъ, но всегда можно требовать, чтобы все, что можетъ быть

высказано, высказывалось обдуманно, безъ излишнихъ трусливыхъ недомолвокъ, съ тою печатью искренности и силы, какую независимо отъ таланта, придаетъ глубокое непоколебимое убѣжденіе; можно требовать, чтобы не было вольтовъ, къ которымъ кощунственно примѣняютъ слова: сжечь то, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигалъ.

Ретрограды каждой поры служатъ вѣрнымъ мѣриломъ для роста общественнаго мнѣнія. Въ пору ихъ торжества, мнѣніе ихъ партіи указываетъ предѣлы, дальше которыхъ регрессъ не можетъ идти, не вызвавъ общаго негодованія. Регрессъ можетъ унести лишь не вошедшее въ плоть и кровь всей націи изъ того, что принесла пора прогресса. Признаніе этой неприкосновенности есть та доля общаго, которую можно найти въ наиболѣе враждебныхъ другъ другу мнѣніяхъ; эта доля общаго представляетъ обязательную силу, которую нельзя не признать и которой подчиняются, хотя бы и со скрежетомъ зубовнымъ. Теперь никто не осмѣлится потребовать возвращенія крѣпостного права, отмѣны гласнаго суда. Ретроградные элементы нашего времени могутъ только ограничить сферу примѣненія гласнаго суда и замѣнять крѣпостничество кабалой рабочаго.

Въ Западной Европѣ есть извѣстныя учрежденія, въ которыхъ общественное мнѣніе высказывается голосованіемъ. Но при этомъ надо имѣть въ виду, что не всегда преобладаніе какой-либо партіи есть доказательство того, что за нее общественное мнѣніе. Морлей въ книгѣ «О духѣ компромисса въ Англіи» говоритъ, что учрежденія могутъ стоять; партіи были въ силѣ еще извѣстное и даже продолжительное время послѣ того, какъ вымерла дававшая имъ жизнь идея. Въ такомъ случаѣ, и тѣ, и другія держатся только матеріальной силой сцѣпленія интересовъ. Вѣра въ то, что учрежденія и партіи нужны для прогресса, т. е. живутъ истиной, исчезла въ обществѣ и зачастую и въ нихъ самихъ. Общественное мнѣніе, гласное или скрытое, противъ нихъ. Очень часто господствующая партія не понимаетъ, что поетъ свою отходную, что общество переросло принципы ея. Оно дѣлаетъ вѣчную роковую ошибку, воображая, что фактъ преобладанія есть доказательство прочной опоры общественнаго мнѣнія. Даже въ странахъ, гдѣ слову дана полная свобода, сила вліяетъ и прямо, и косвенно, и потому всегда найдется много голосовъ за нее, которые тотчасъ смолкнутъ или перейдутъ на другую сторону, чуть только партія сойдетъ со сцены. Голоса эти создаютъ ошибочное, вредное, общественное мнѣніе, которое надо отличать отъ здороваго, расчищающаго путь лучшему.

Въ нашу пору распространенія газетъ, ошибочное мнѣніе легко ростетъ, какъ катящійся комъ снѣга. Масса читателей бе-

ретъ свои мнѣнія готовыми изъ газетъ; вырабатывать самостоятельно свое мнѣніе—дѣло трудное, требующее критической повѣрки фактовъ и теорій, работы мысли, времени. Благодаря инерціи мысли общественной массы, газета—крупная сила, и горсть людей можетъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ, особенно въ странѣ съ слабымъ политическимъ развитіемъ и съ слабымъ понятіемъ гражданской честности. У насъ не было примѣра, чтобы какой-нибудь вольтъ изолгавшейся газеты принесъ такую убыль подписчиковъ, что хозяину пришлось бы закрыть лавочку. Такіе примѣры бывали въ Западной Европѣ. Это равнодушіе читателей ко лжи слова объясняется спячкой мысли и нравственнаго чувства. Теоретическіе вопросы, глубоко затрогивающіе общественный строй, въ загонѣ; къ практическимъ фактамъ относятся на основаніи поговорки: моя хата съ краю. Но изъ этого равнодушія нельзя заключать, чтобы вовсе не существовало общественнаго мнѣнія, хотя бы насчетъ фактовъ, близко затрогивающихъ личность обывателя или близкихъ ему людей; даже, если затронуты и чуждые ему люди, человѣчное чувство и сознаніе справедливости могутъ возмутиться въ немъ слабо, скрытно. Но какъ только факты будутъ устранены, и то, и другое выскажется открыто, громко. Газета можетъ превозносить иные изъ такихъ фактовъ, но читатель имѣетъ о нихъ свое мнѣніе, онъ можетъ, однако, продолжать выписывать газету, если не дорось до пониманія гражданскаго значенія печати.

Теоретическія мнѣнія могутъ быть слабы въ незрѣломъ обществѣ; однѣ относительно малочисленныя группы сознательно ставятъ какую-нибудь теорію своимъ девизомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ обществѣ не было болѣе или менѣе сильнаго мнѣнія насчетъ пользы или вреда, честности или безчестности разныхъ фактовъ общественной жизни. Въ образованіи такого мнѣнія чувство играетъ несравненно большую роль, нежели въ выработкѣ теоретическихъ мнѣній. Это сила, созрѣваніе которой труднѣе прослѣдить, чѣмъ развитіе мысли и, повидимому, дѣйствующая прихотливо и неравно. Бывали примѣры въ исторіи, что оно по наружности принимало равнодушно крупные факты и проявлялось на какомъ-нибудь сравнительно мелкомъ; но это потому, что мелкій фактъ переполнялъ чашу.

Общественное мнѣніе, несущее лучшіе идеалы будущаго, воплощаетъ въ опредѣленную систему тѣ общіе инстинкты справедливости и человѣчности, которые создали элементарное общее общественное мнѣніе. Спросите, кого хотите, человѣка любого сословія, партіи, религіи, европейца или азіата: хорошо-ли, чтобы у каждаго человѣка былъ свой вѣрный кусокъ хлѣба, который не могла бы отнять ничья прихоть; хорошо-ли, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ

равные шансы на развитіе своихъ способностей—и вы получите утвердительный отвѣтъ. Это общее чувство справедливости и братства—основа ученія Христа.

Но перейдя изъ сферы общихъ понятій въ сферу политическихъ и соціальныхъ теорій, наталкиваешься на крайнія противорѣчія, на сословные, научные и религіозные софизмы, и каждое и каждый зоветъ себя общественнымъ мнѣніемъ. Окажется, что общечеловѣческія положенія о кускѣ хлѣба, о разныхъ шансахъ на развитіе способностей толкуются лишь въ извѣстныхъ границахъ и подъ словомъ «каждый человѣкъ» понимается лишь человѣкъ одной касты. Благочестивый нѣмецкій баронъ, въ отвлеченномъ смыслѣ признающій истину Христовой проповѣди о братствѣ, когда вы ему укажете на противорѣчіе съ нею догматовъ юнкертума, отвѣтитъ: «der Schuster bleib bei seinem Leister» (сапожникъ пусть остается при своемъ шилѣ) и упрекнетъ васъ въ разрушительныхъ идеяхъ. Англиканскій епископъ будетъ дѣлать передержки изъ евангельскихъ текстовъ, чтобы доказать полнѣйшую нравственность и религіозность воззрѣнія на рабочихъ, какъ на трудовыя машины. Рабство негровъ и наше крѣпостное право находило защитниковъ въ духовенствѣ; хотя въ защиту они могли приводить только софизмы.

Когда какой-либо родъ общественнаго мнѣнія находится въ противорѣчіи съ общечеловѣческою моралью,—а это не то, что ходячая мораль,—съ религіознымъ ученіемъ—этою этическою философіею массъ,—съ общечеловѣческими идеалами, когда въ защиту его можно приводить только софизмы, то это доказательство несостоятельности его и пророчество болѣе или менѣе близкаго вымиранія его. Согласіе какого-либо рода общественнаго мнѣнія съ альтруистическими чувствами, все шире разростающимися въ человѣчествѣ, съ чистымъ религіознымъ чувствомъ, съ ученіемъ мыслителей, чертившихъ планы иныхъ лучшихъ временъ—все это ручается за то торжество этого мнѣнія, какъ бы слабо ни вліяло оно на жизнь въ настоящемъ, какимъ бы эзоповскимъ языкомъ оно ни вынужденно было говорить.

Медленно и тернистымъ путемъ идетъ человѣчество къ этому торжеству. Еще задолго до Христа посмѣяніе и смертная казнь были удѣломъ учителей, пророчившихъ торжество ученія о правѣ каждаго человѣка на такую долю хлѣба для тѣла и хлѣба для духа, которыя бы давали силы для жизни. Но, ничто не могло задавить ученія, оно крѣпло и разросталось. Наука явилась для подкрѣпленія истины нравственнаго ядра этого ученія, скрытаго въ мистической оболочкѣ. Мыслители шли тѣмъ же тернистымъ путемъ, какъ и апостолы религіозныхъ ученій. Но, не смотря на гоненія, ученіе ихъ проникало все далѣе и далѣе въ общество, и

создалось въ Европѣ сильное общественное мнѣніе, съ которымъ считаются враги его, личину котораго они часто принимаютъ. Свобода и равноправность не только въ буквѣ закона, но и въ дѣйствительной жизни — вотъ за что стоитъ оно. Это—признаки времени, ясно говорящіе тѣмъ, у кого есть уши, чтобы слышать; они говорятъ о томъ, какого рода общественнаго мнѣнія долженъ держаться каждый честный и мыслящій человѣкъ.

М. Цебрикова.

Соціологическая доктрина Н. К. Михайловскаго.

I.

Сорокалѣтняя разносторонняя и плодотворная литературная дѣятельность Н. К. Михайловскаго сдѣлала его широко извѣстнымъ всему образованному обществу Россіи. Едва ли можно указать изъ русскихъ писателей, не беллетристовъ, кого-нибудь другого, столь читаемаго и перечитываемаго, какъ Михайловскій.

Конечно, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и Писаревъ были тоже въ свое время читаемы и перечитываемы, но это «свое время» для нихъ было гораздо короче (дѣятельность Бѣлинскаго—шестнадцать лѣтъ, Чернышевскаго—около четырнадцати, Добролюбова—пять лѣтъ и Писарева—неполныхъ десять), а читающая публика была вообще малочисленнѣе. Поэтому и прочитанные всѣми образованными читателями своего времени, они имѣли публику, менѣе многочисленную. По счастью русской литературы, продолжительность дѣятельности Н. К. Михайловскаго выражается совсѣмъ другими цифрами, а читающая публика возрасла еще въ большей пропорціи. Цѣлыя поколѣнія воспитались на идеяхъ нашего автора, и эти идеи можно считать усвоенными всѣми образованными русскими людьми. Послѣ этого, казалось бы, слѣдуетъ считать излишнею роскошью это предлагаемое на нижеслѣдующихъ страницахъ сжатое обозрѣніе соціологической доктрины столь широко извѣстнаго, читаемаго и почитаемаго писателя. И, однако, широкое распространеніе идей Михайловскаго и могучее ихъ вліяніе на самосознаніе русскаго мыслящаго общества далеко опередили собою пониманіе и усвоеніе научно-философской основы его идей, той основы, которую выше я назвалъ его «соціологическою доктриною». Происходитъ это не отъ малодоступности научно-философской основы идей Михайловскаго, а, напротивъ того, скорѣе отъ блестящей ихъ общедоступности, съ одной сто-

роны, и отъ несистематичности ихъ изложенія съ другой. Я говорю о несистематичности именно изложенія, потому что по содержанію идеи Н. К. Михайловскаго представляютъ стройную систему, лишь случайно разорванную на клочки ходомъ журнальной работы. Клочки эти, однако, всегда представлены читающей публикѣ въ такомъ блестящемъ и доступномъ видѣ, что легко могутъ быть воспринимаемы и усваиваемы безъ обращенія къ другимъ работамъ автора. Отсюда доктрина Михайловскаго является раздробленною на внѣшне обособленные фрагменты, не только въ статьяхъ, но частью и въ умахъ читателей и даже почитателей. Нѣкоторая систематизація не самой доктрины, конечно, но слишкомъ расчлененнаго представленія о ней въ публикѣ, является далеко не безполезнымъ дѣломъ. Не безполезно указать и на генезисъ этого замѣчательнаго ученія, и на связь его съ другими, предшествующими и современными ученіями. Я не берусь исчерпать этой сложной и трудной задачи, но, давая сжатый обзоръ доктрины, какъ я ее понимаю, думаю при этомъ указать и на нѣкоторыя соотношенія съ умственными теченіями современности, поскольку это необходимо для болѣе яснаго пониманія обозрѣваемой доктрины.

Н. К. Михайловскій выступилъ на литературное поприще въ тѣ знаменитые шестидесятые годы, о которыхъ такъ много говорено и такъ мало сказано. Шестидесятые годы были замѣчательною эпохою историческаго и умственнаго подъема не для одной Россіи, но и для всего европейски цивилизованнаго человѣчества. Эта могучая всемірно-историческая волна вынесла на поверхность и Михайловскаго вмѣстѣ съ другими выдающимися мыслителями и дѣятелями. Она наложила на него свою печать. Она указала ему задачи и дала орудія работы. Средства, исключительно богатыя и могучія, дала природа, но какое употребленіе могло быть сдѣлано изъ этихъ природныхъ средствъ—указала историческая эпоха, которой суждено была сначала быть воспитательницей высоко даровитаго мыслителя, а потомъ стать его ученицей и почитательницей.

Если мы взглянемъ на исторію шестидесятыхъ годовъ, включая и послѣдніе годы предыдущаго десятилѣтія, на этотъ кратковременный періодъ послѣдней французской гегемоніи въ Европѣ, то увидимъ и быстроту историческаго движенія, и многостороннюю историческую работу въ направленіи къ свободѣ, просвѣщенію и гуманности. Паденіе рабства въ Россіи и Америкѣ, освобожденіе и объединеніе Италіи, прогрессивный переворотъ въ Испаніи, возвращеніе свободы Венгріи, объединеніе Румыніи и введеніе въ ней свободныхъ учрежденій, введеніе такихъ же учрежденій въ самой Австріи, рядъ великихъ реформъ въ Россіи,

демократическая избирательная реформа въ Англіи, автономія ея колоніямъ, постепенное паденіе цезаризма во Франціи, упорная борьба большинства прусскаго народа съ деспотизмомъ Бисмарка,— такова исторія этого періода, набросанная въ самыхъ общихъ чертахъ, но и въ этомъ легкомъ абрисѣ выступающая яркимъ, свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ предыдущихъ и послѣдующихъ десятилѣтій многострадальнаго XIX вѣка. Эта волна исторической дѣятельности сопровождала собою еще выше поднявшуюся волну научной и философской мысли. Довольно сказать, что это періодъ, въ который вышли «О происхожденіи видовъ» Дарвина и «Капиталъ» Маркса,—двѣ книги, изъ которыхъ каждая могла бы собою отмѣтить умственную жизнь цѣлаго столѣтія. Вокругъ этихъ двухъ маяковъ человѣческой мысли группируются массою самыя разнообразныя произведенія, преобразующія умственное міровоззрѣніе эпохи. Съ одной стороны, это—вслѣдъ за работою Дарвина—цѣлое море новаго научнаго и научно-философскаго матеріала, всѣ эти труды Гэккеля, Гексли, Гельмгольца, Секки, Клода Бернара, Пастера, Вирхова, которые господствуютъ своею естественно-научною истиною надъ умами современниковъ и которые находятъ для себя сводъ и истолкованіе въ философіи Герберта Спенсера. Съ другой стороны, это—широкое общественное движеніе къ демократизаціи быта цивилизованныхъ народовъ, нашедшихъ себѣ оправданіе и истолкованіе въ «Капиталѣ» Маркса, тоже овладѣвшаго умами современниковъ. И, однако, истины, добытыя естествознаніемъ и политическою экономіей, какъ онѣ выразились въ двухъ правящихъ книгахъ эпохи и затѣмъ отлились въ массѣ другихъ работъ и въ умахъ мыслящихъ современниковъ, оказывались вполнѣ несогласованными и могли развиваться и творить свое культурное дѣло не иначе, какъ въ ущербъ другъ другу. Или добытыя истины не суть истины, или онѣ ошибочно истолкованы, ошибочно послужили для выводовъ, логически и генетически отнюдь съ ними не связанныхъ... Этотъ роковой вопросъ о несогласованности истинъ, добываемыхъ естествознаніемъ и обществовѣдѣніемъ, особенно ярко предсталъ предъ мыслящими людьми шестидесятыхъ годовъ, которые имѣли счастье впервые прочесть трактаты, открывшіе новые широкіе горизонты и для естественно-научной, и для общественно-научной мысли, но которымъ предстояло разрѣшить, казалось, неразрѣшимое противорѣчіе между двумя научными и философскими теченіями, одинаково характеристическими для эпохи, одинаково великими по силѣ мысли, одинаково покорившими своему авторитету обширные слои цивилизованнаго человѣчества.

Книга Дарвина «О происхожденіи видовъ» вмѣстѣ съ другими трудами Дарвина и работами цѣлой плеяды дарвинистовъ, болѣе

или менѣе крупныхъ и даровитыхъ, произвела въ XIX в. приблизительно тотъ же переворотъ въ идеяхъ, какъ система Коперника и открытія Ньютона въ свое время, т. е. прежде всего и первѣе всего, явилась изъ ряда вонъ выходящимъ торжествомъ реалистическаго міровоззрѣнія надъ всякими мистическими и метафизическими идеями, еще пробовавшими, а теперь снова пробующими отстаивать право на существованіе въ умахъ культурныхъ людей. Книга Дарвина и литература дарвинизма наносили этимъ пережиткамъ прежнихъ эпохъ непоправимый ударъ. Эта великая сторона дарвинизма останется навсегда огромною его заслугою, но вмѣстѣ съ тѣмъ была причиною, приковавшею къ нему не только умы, но и сердца современниковъ, и создавшею вокругъ доктрины Дарвина нѣчто въ родѣ культа, страстное поклоненіе, цѣлый сонмъ фанатическихъ послѣдователей, исполненныхъ энтузіазма къ великой заслугѣ дарвинизма, но изъ-за этого и ради этого принимающихъ на вѣру все, что случай и ошибка приплели къ дарвинизму или, вѣрнѣе, къ *трансформизму*, въ эту эпоху не различавшемуся отъ дарвинизма.

Когда появилась книга Дарвина, въ естествознаніи господствовала гипотеза спеціальныхъ твореній и неизмѣняемости видовъ. Геологія уже научила той истинѣ, что въ болѣе отдаленныя эпохи не было нынѣ живущихъ формъ живыхъ существъ; за то существовали совершенно иныя, теперь нигдѣ не встрѣчающіяся. Она уже учила и большему: что такая смѣна комплекса живыхъ существъ, населяющихъ землю, совершилась не разъ и не два раза, а многіе и многіе разы, и что современные виды появились въ относительно позднее время. Надо было объяснить эту смѣну, а рутина мѣшала прикоснуться къ столько времени общепризнанной теоріи о неизмѣняемости видовъ. Такіе умы, какъ Ламаркъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ и Гете ясно видѣли необходимость признать измѣняемость видовъ, но это былъ гласъ въ пустынѣ. Надо было не только указать необходимость такого признанія, но и показать процессъ измѣняемости, раскрыть его факторы и ходъ, причины и сопутствующія обстоятельства. Это сдѣлалъ Дарвинъ и тѣмъ утвердилъ господство трансформизма, который, однако, ошибочно было бы смѣшивать съ дарвинизмомъ и который представляется міровоззрѣніемъ, болѣе широкимъ, включающимъ и дарвинизмъ, и идеи, не всегда отвѣчающія ученію великаго англійскаго натуралиста. Трансформизмъ—это ученіе объ измѣняемости видовъ вообще; дарвинизмъ—ученіе объ измѣняемости видовъ подъ вліяніемъ естественнаго подбора родичей въ борьбѣ за существованіе. Трансформизмъ, не отрицая и процесса, указаннаго Дарвиномъ, можетъ признавать на ряду съ нимъ болѣе или менѣе важное значеніе и за другими процессами, транс-

формирующими жизнь на землѣ. Дарвинизмъ же, не отрицая теоретически возможности и нѣкоторыхъ иныхъ процессовъ, измѣняющихъ виды, признаетъ безусловно господствующимъ естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе. Для трансформизма обиліе средствъ существованія и солидарность живыхъ существъ могутъ представляться факторами органическаго прогресса, между тѣмъ, какъ для дарвинизма такими факторами являются именно скудость средствъ существованія и борьба между живыми существами. Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ вопроса, насколько правъ дарвинизмъ, предпочитая скудость обилію и борьбу солидарности, когда онъ трактуетъ съ этой точки зрѣнія органическій прогрессъ въ эпоху дочеловѣческую и докультурную. Въ настоящее время начинаютъ думать, что и въ этихъ предѣлахъ было чрезмѣрное увлеченіе скудостью и борьбою, и что и въ дочеловѣческія эпохи обиліе средствъ и мирное сожительство живыхъ существъ не были такимъ зломъ, какъ можно было думать, строго слѣдуя доктринѣ дарвинизма. Тогда, однако, когда дарвинизмъ далъ первое объясненіе трансформизма, лучшіе научные умы приняли его цѣликомъ, и не только для отдаленныхъ эпохъ докультурной жизни, но и для человѣческой исторіи, для современнаго человѣчества и его цивилизаціи. И здѣсь скудость средствъ оказывалась благомъ, а обиліе—зломъ. И здѣсь борьба вела къ прогрессу, а гуманность, миръ и солидарность—къ вырожденію и упадку! Было бы напрасно обвинять въ этихъ крайностяхъ лишь не по разуму увлекающихся второразрядныхъ дарвинистовъ, потому что у самихъ Дарвина, Гэккеля и Спенсера можно найти страницы, приводящія къ такимъ заключеніямъ и выводамъ и ставшія въ безвыходное противорѣчіе съ лучшими историческими движеніями эпохи и съ наиболѣе цѣнными научными пріобрѣтеніями современнаго имъ обществовѣдѣнія.

II.

Современное обществовѣдѣніе было: или отвѣтвленіе только что очерченнаго натурфилософскаго движенія (соціологія Спенсера, Шеффле, Лиліенфельда до Стронина включительно), или, по преимуществу, политическая экономія: труды Смита, Рикардо, Родбертуса, Милля, Чернышевскаго, Прудона, Лассаля, Энгельса, Маркса и др. О первомъ мы уже упомянули и указали его генезисъ. Второе теченіе и стало въ непримиримое, казалось, противорѣчіе съ первымъ. Одни видѣли источникъ прогресса въ скудости средствъ, другіе—въ ихъ изобиліи; одни орудіемъ прогресса считали борьбу, другіе—солидарность. Идеи, къ которымъ при-

ходили экономисты прогрессивной школы, не были имъ продиктованы отвлеченными принципами о естественныхъ правахъ, но явились выводомъ продолжительнаго, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изученія и анализа фактовъ общественной жизни и были плодомъ такого же строго научнаго труда, какъ и теоремы естествознанія. Это основное противорѣчіе двухъ великихъ умственныхъ теченій эпохи было болѣзнью вѣка и нуждалось въ разрѣшеніи и согласованіи. Если мы скажемъ, что эту задачу поставилъ себѣ Михайловскій и блистательно ее выполнилъ, то этимъ мы не только объяснимъ великую заслугу его ученія, но укажемъ и мѣсто этого ученія среди разносторонняго умственнаго творчества эпохи. Какъ непосредственный преемникъ школы Добролюбова и Чернышевскаго, Михайловскій явился представителемъ и продолжателемъ того же умственнаго теченія, къ которому они принадлежали, и которое, какъ мы видѣли, стало въ непримиримое противорѣчіе съ дарвинизмомъ. Молодой мыслитель не ограничился защитой этого умственнаго теченія орудіями и доводами, имъ, этимъ теченіемъ, выработанными. Онъ смѣло пошелъ въ лагерь противниковъ и въ богатомъ арсеналѣ ихъ научнаго вооруженія нашелъ необходимыя средства для борьбы съ ними и для полнаго и всесторонняго торжества. Синтезъ великихъ научныхъ завоеваній естествознанія и обществовѣдѣнія — въ этомъ заключается самая характеристическая сторона соціологическаго ученія Михайловскаго. Въ такомъ объемѣ и съ такою силою и до настоящаго времени никто другой во всемірной литературѣ не только не разрѣшилъ, но и не поставилъ этой проблемы, основной, однако, для современной соціологической мысли.

Развитіе жизни на землѣ отъ амебы до человѣка и человѣческаго общежитія было рядомъ медленныхъ преобразованій, при помощи которыхъ комочки протоплазмы, трансформируясь изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе, въ концѣ ряда этихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ едва замѣтныхъ измѣненій, доразвились до образованія сложной группы просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ націй. Мы видѣли, что дарвинизмъ объяснялъ это превращеніе скудостью средствъ и борьбою между живыми существами. Это были *факторы* органическаго процесса. *Продуктомъ* его явились: сочетаніе мелкихъ организмовъ въ крупные, дифференцованіе частей въ этихъ крупныхъ организмахъ и дивергенція (т. е. накопленіе различій) между организмами. Дарвинисты признали эти продукты законами развитія, обязательными для всѣхъ фазисовъ жизни и на всѣхъ ея ступеняхъ. Иными словами, и люди должны сочетаться въ болѣе крупныя и все болѣе и болѣе господствующія надъ ними единицы, въ общества; и въ человѣческихъ обществахъ должно происходить дифференцованіе частей; и между группами

людей должна происходить дивергенція. Эти выводы дарвинизма, какъ и его ученіе о факторахъ развитія, находились въ противорѣчіи съ выводами обществовѣдѣнія. Оно требовало для человѣка свободы, равноправности, солидарности, что было несовмѣстимо ни съ потерею свободы при обязательномъ ростѣ силы сочетанія, ни съ потерею равенства при дифференцованіи на классы, ни съ потерею солидарности при дивергенціи. Эта сторона ученія дарвинистовъ и была избрана Михайловскимъ, какъ исходный пунктъ блестящаго анализа, давшаго истолкованіе этой сложной эволюціи, представлявшейся столь непримиримо противорѣчивой съ разныхъ точекъ зрѣнія, равно, однако, исходившихъ изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній научной и философской мысли. Съ одной стороны, если сочетаніе особей въ болѣе крупныя живыя единицы, дифференцованіе этихъ единицъ и дивергенція между ними составляютъ законъ развитія и прогрессъ, то противоположные процессы: ослабленіе силы сочетанія (пріобрѣтеніе вольностей), уничтоженіе дифференцованія (упраздненіе кастъ, сословій, цеховъ) и ослабленіе дивергенціи (сближеніе и общеніе между націями и между классами) должны быть признаны явленіями вырожденія и упадка. Однако, съ другой стороны, ничѣмъ неопровержимое свидѣтельство исторіи не допускало этого вывода. Только натуралисты, незнакомые съ научною разработкою исторіи, могли остановиться на такихъ выводахъ. И, однако, эти выводы логически вытекали изъ анализа развитія жизни на землѣ... Въ чемъ же разгадка этой страшной загадки? Михайловскій ее разгадалъ и раскрылъ въ *законахъ индивидуальности*, недостаточно принятой во вниманіе дарвинистами.

Натуралисты наблюдали развитіе жизни отъ амебы до человѣка, и предложенные ими законы обнимали это развитіе и на низшихъ, и на среднихъ, и на высшихъ его ступеняхъ. Что повторялось на всѣхъ ступеняхъ жизни, то и было закономъ. Низшія ступени—самыя простыя и легче доступны наблюденію и изслѣдованію. Отсюда и началось изученіе здѣсь впервые и были установлены законы органическаго прогресса. Наблюдая жизнь низшихъ организмовъ, не трудно было установить, что, при ни съ чѣмъ несообразною плодовитостью этихъ существъ, скудость средствъ должна быть ничѣмъ не устранимымъ условіемъ ихъ существованія, а слѣдовательно, и борьба за эти средства должна быть закономъ ихъ жизни и ихъ развитія. Находя затѣмъ и на остальныхъ ступеняхъ жизни, до человѣческаго цивилизованнаго общества включительно, явленіе и скудости средствъ, и борьбы за нихъ, было обязательно сдѣлать обобщеніе, совершенно правильное, если ограничиться утвержденіемъ, что скудость средствъ и борьба за нихъ представляется крупнымъ факторомъ въ исто-

ріи жизни на землѣ, въ томъ числѣ и въ исторіи человѣчества. Крупный факторъ не есть единственный. Крупный факторъ не есть даже постоянно и обязательно господствующій. Онъ таковъ на низшихъ ступеняхъ жизни и оттуда въ той же роли перенесенъ и на высшія, гдѣ плодовитость слабѣе, а культура умножаетъ или можетъ умножать средства параллельно съ размноженіемъ.

То же и съ дивергенціей, и съ сочетаніемъ организмовъ въ высшія единицы при обязательномъ дифференцованіи частей этихъ высшихъ единицъ. Въ этихъ явленіяхъ выражается органическій прогрессъ на низшихъ ступеняхъ. И здѣсь обобщеніе, вполнѣ законное, но тоже ограниченное въ примѣненіи къ высшимъ ступенямъ появленіемъ новаго фактора, какъ и культура, отсутствующаго на ступеняхъ низшихъ. Этотъ новый могущественный факторъ и есть индивидуальность, медленно развивавшаяся въ процессѣ эволюціи животнаго царства и нашедшая свое полное выраженіе лишь въ высшихъ организмахъ, въ позвоночныхъ животныхъ. Полная индивидуальность выражается внѣшнимъ образомъ въ совершенной недѣлимости организма и совершенной его физической особности отъ другихъ организмовъ. Поэтому, *индивидъ* всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *особь*, два термина, обозначающіе различные признаки, но употребляемые, какъ синонимы, вслѣдствіе необходимаго совмѣщенія этихъ признаковъ въ живомъ тѣлѣ, доразвившемся до индивидуальности.

Недѣлимость и особность суть два внѣшнихъ, бросающихся въ глаза признака, необходимо присущіе разсматриваемому нами явленію, но, конечно, не единственные и даже не руководящіе. Оба они являются необходимыми послѣдствіями доведеннаго до конца процесса сочетанія живыхъ существъ въ высшія единицы и дифференцованія частей этого сложнаго организма. Сочетаніе доведено до полнаго физическаго сліянія, а дифференцованіе до совершенной спеціализаціи составныхъ частей организма. Кости, мозгъ, нервы, мышцы, желѣзы, ихъ выдѣленія, сосуды, обращающіяся въ нихъ жидкости, слизистыя оболочки, органы пяти чувствъ, аппаратъ генезиса, покровы, — все это совершенно различныя органическія образованія, безусловно не способныя замѣнить другъ друга, безусловно прикованныя къ одному отправленію и безусловно подчиняющіяся общему руководству управляющаго центра. Сотни тысячъ, если не милліоны и билліоны, прежде отдѣльно существовавшихъ и въ общихъ чертахъ другъ другу подобныхъ живыхъ существъ сочетались въ высшій организмъ, вполнѣ дифференцовались, вполнѣ потеряли свою самостоятельность и самую способность къ самостоятельному существованію. Это полное сочетаніе, исключающее самостоятельность составныхъ единицъ, и это пол-

ное дифференцованіе, уничтожающее ихъ сходство, и, если можно такъ выразиться, и ихъ взаимность, представляя доведенный до конца процессъ органической эволюціи, являются тѣми основными признаками индивидуальности, которые уже вызываютъ недѣлимость и особность. Послѣдній признакъ (особность) необходимъ индивиду, потому что связность съ какимъ нибудь другимъ существомъ вызывала бы зависимость отъ двухъ центровъ, своего и союзнаго, а это было бы нарушеніемъ той централизаціи организма, которая, какъ мы видѣли, является тоже отличительнымъ признакомъ индивида. *Индивидуальность есть, такимъ образомъ, вѣнецъ органической эволюціи, ея высшее и совершеннѣйшее выраженіе.*

Развитію индивидуальности соотвѣтствуетъ и обратный процессъ, потеря индивидуальности. Возможна-ли для уже доразвившагося до индивидуальности существа полная потеря индивидуальности, или такая потеря равняется смерти? Во всякомъ случаѣ, частичная потеря индивидуальности возможна и нерѣдко встрѣчается въ природѣ, принадлежа къ процессамъ вырожденія и деградаціи. Эта частичная потеря индивидуальности, естественно, должна выражаться въ явленіяхъ, противоположныхъ явленіямъ развитія, именно: координація не къ одному, а къ двумъ или болѣе руководящимъ центрамъ; потеря особности; упрощеніе строенія (потеря дифференцованія); наконецъ, дѣлимость. Эти явленія потери индивидуальности, вообще недостаточно обращавшія вниманіе натуралистовъ, стали предметомъ особаго вниманія Михайловскаго. Потеря индивидуальности, хотя бы частичная, несомнѣнно регрессивный процессъ, даже съ точки зрѣнія органической эволюціи. Установить условія и законы, управляющіе этимъ процессомъ, значило бы освѣтить исторію жизни съ новой и существенной стороны на тѣхъ высшихъ ея ступеняхъ, на которыхъ уже появляется индивидуальность. До этого момента всѣ процессы, которые вели къ возникновенію индивидуальности, были явленіями развитія, а такими процессами и было послѣдовательное сочетаніе въ высшіе и высшіе организмы съ все усиливающимся дифференцованіемъ ихъ составныхъ частей, бывшихъ раньше самостоятельными существами (хотя еще не индивидами). Теперь вырастаетъ вопросъ, сохраняютъ-ли эти процессы свое прежнее значеніе, когда эволюція въ этомъ направленіи достигла своего высшаго выраженія, вѣнца своего органическаго творчества, полной индивидуальности?

Сочетаніе въ высшія единицы—это потеря самостоятельности, или, по крайней мѣрѣ, возможная потеря самостоятельности, а потеря самостоятельности есть и потеря координаціи къ одному центру, зависимость отъ другого или другихъ центровъ. Дифференцованіе составныхъ частей такой высшей единицы—это упроще-

ніе этихъ составныхъ частей, индивидовъ, вошедшихъ въ составъ высшей единицы. Словомъ, продолженіе органической эволюціи по прежнему типу влечетъ частичную потерю уже достигнутой индивидуальности и въ этомъ смыслѣ являетъ регрессъ жизни. Достигнутое совершенство организаціи индивидовъ теряется въ большей или меньшей степени. Взамѣнъ этого возникаетъ высшая единица, которая подчиняетъ себѣ и централизуетъ индивиды, попавшіе въ эволюцію, *упрощаетъ и понижаетъ* ихъ строеніе, но *усложняетъ и дифференцуетъ свое* строеніе. Процессъ начинается сначала и усложненіе (т. е. совершенствованіе по органическому типу) высшей единицы совершается насчетъ упрощенія и подчиненія составляющихъ высшую единицу индивидовъ, насчетъ регресса жизни, поскольку ея прогрессъ раньше выразился въ совершенствованіи этихъ затѣмъ вырождающихся индивидовъ. Эта постоянная тенденція жизни складывать свои единицы во все новыя, все высшія единицы, вмѣстѣ съ ярко выраженнымъ антагонизмомъ между совершенствованіемъ такихъ сложныхъ единицъ и совершенствомъ входящихъ въ ихъ составъ единицъ,—названа Михайловскимъ *борьбою за индивидуальность.*

Появленіе индивидуальности въ исторіи жизни, глубокое отраженіе этого факта на развитіи и возникающая изъ него борьба за индивидуальность,—вотъ чего не досмотрѣли дарвинисты и эволюціонисты въ исторіи жизни на землѣ. Между тѣмъ, этотъ фактъ настолько преобразовываетъ значеніе и роль прежнихъ факторовъ и процессъ (борьбы за существованіе, послѣдовательнаго сочетанія съ параллельнымъ дифференцованіемъ и дивергенціи), что установленіе одного общаго типа эволюціи для двухъ періодовъ органическаго развитія представляется явною и крупною ошибкою, которая, однако, именно и поставила выводы естествознанія въ противорѣчіе съ выводами обществовѣдѣнія. Процессы органическаго прогресса, какъ они точно формулированы были дарвинистами, были и безусловно господствующими и, несомнѣнно, совершенствующими жизнь на низшихъ ея ступеняхъ до тѣхъ поръ, пока плодомъ этого совершенствованія не явилось развитіе индивидуальности. Процессы органическаго прогресса продолжаютъ свою дѣятельность и послѣ появленія индивидуальности, въ этомъ дарвинисты правы. Они не правы, когда полагаютъ, что значеніе этихъ процессовъ осталось прежнее, что они по прежнему одни управляютъ исторіей жизни и что по прежнему они жизнь совершенствуютъ. Появляется новый факторъ, борьба за индивидуальность, и новые процессы: пріобрѣтенія и потери индивидуальности живыми формами; параллельнаго усложненія однѣхъ и упрощенія другихъ формъ; совершенствованія и вырожденія. Старые процессы органическаго прогресса, констатированные и опи-

санные дарвинистами и эволюціонистами, являются теперь основною причиною этого вторженія въ эволюцію процессовъ упрощенія и вырожденія. Только въ борьбѣ за сохраненіе индивидуальности, которую ведутъ вовлекаемые въ органическую эволюцію индивиды, жизнь находитъ факторъ, ограничивающій процессы упрощенія и вырожденія. Въ исторіи человѣческой эта борьба за сохраненіе индивидуальности именно и выражается въ тѣхъ стремленіяхъ къ свободѣ, къ неприкосновенности человѣческой личности, солидарности, международному миру, которыя предлагаетъ обществовѣдѣніе. Выводы обществовѣдѣнія оказались въ противорѣчіи съ выводами дарвинизма лишь вслѣдствіе той серьезной научной ошибки, которую съ такою яркостью показалъ и съ такою силою доводовъ устранилъ Н. К. Михайловскій тѣми своими работами, краткую сущность которыхъ я старался дать въ этой главѣ. Эти работы: «Органъ, недѣлимое, общество» («Отеч. Зап.», 1872); рядъ статей «Борьба за индивидуальность» («Сочиненія», изд. «Русскаго Богатства», т. I); очерки, озаглавленные «Вольница и подвижники» («Сочиненія» т. I); главы IX—XI въ статьѣ «Патологическая магія» («Сочиненія» т. II), гдѣ переработана и сокращена вышеназванная статья «Органъ, недѣлимое, общество»; наконецъ, разныя мѣста въ «Запискахъ профана» («Сочиненія» т. III). Русская читающая публика хорошо знакома съ этими столько же блестящими по изложенію, сколько глубокими по мысли работами нашего знаменитаго мыслителя. Ихъ достаточно напомнить, чтобы весь богатый циклъ заключенныхъ въ нихъ идей предсталъ предъ умственнымъ взоромъ читателя. Мнѣ кажется, что выше сдѣланныя сопоставленія и указанія, очень бѣглыя и недостаточныя, всетаки нѣсколько даютъ для опредѣленія соотношеній идей Михайловскаго во всемірной соціологической литературѣ, для уясненія ихъ мѣста среди другихъ умственныхъ теченій эпохи и связи между собою.

III.

Продолженіе органической эволюціи по прежнему типу и въ эпоху господства индивидуальности является, по Михайловскому, какъ мы видѣли, причиною широкаго распространенія въ исторіи жизни вообще, въ исторіи человѣчества въ частности и, въ особенности, процессовъ дегенеративныхъ и регрессивныхъ. Въ подавленіи индивидуальности заключаются эти дегенеративные и регрессивные процессы. Подавленіе индивидуальности въ разныхъ формахъ и при разныхъ условіяхъ сдѣлалось поэтому излюбленною темою соціологическихъ работъ нашего мыслителя. Кромѣ указанныхъ статей, трактующихъ борьбу за индивидуальность въ

ея цѣломъ и нѣкоторыя ея характерныя проявленія въ обществѣ, изслѣдованіе явленія подавленной индивидуальности съ новыхъ очень важныхъ сторонъ находимъ въ статьяхъ «Герои и толпа» («Сочиненія» т. II), «Патологическая магія» (т. II) и «Научныя письма» (тамъ-же). Мы видѣли, что подавленіе индивидуальности (или ея частичная потеря, что то же самое) является необходимымъ послѣдствіемъ дифференцованія общества на классы и группы спеціалистовъ. Это *раздѣленіе труда*, имѣющее свои выгоды для общества (высшей единицы), спеціализуя отправленія (дѣятельность) индивидовъ, его составляющихъ, *должно* упрощать ихъ строеніе, т. е. лишать уже достигнутой степени совершенства. Это совершается многими путями, изъ коихъ немаловажное значеніе имѣетъ однообразіе жизни и сопровождающая ее монотонность и однородность впечатлѣній, получаемыхъ индивидами въ дифференцованномъ обществѣ. Этой въ высокой степени любопытной сторонѣ дѣла и посвящены только что упомянутые труды Михайловскаго, открывшіе собою совершенно новую область вѣдѣнія, ранѣе не обращавшую на себя должнаго вниманія. Массовая психологія— эта новая область вѣдѣнія, которую и основалъ, и въ значительной степени разработалъ нашъ мыслитель.

Сущность этихъ главъ доктрины можетъ быть резюмирована въ немногихъ словахъ. Изученіе гипнотизма, животнаго магнетизма, сомнамбулизма и нѣкоторыхъ другихъ душевно патологическихъ явленій приводитъ къ выводу, что сосредоточеніе вниманія на ограниченномъ кругѣ явленій и сопровождающая такое сосредоточеніе монотонная повторяемость тѣхъ же впечатлѣній, безъ вторженія въ воспріемлющую ихъ душу какихъ либо иныхъ впечатлѣній, влекутъ къ частичной или совершенной утратѣ способности самостоятельно и сознательно управлять своими дѣйствіями, которыя становятся автоматичными, съ одной стороны, а съ другой, —подчиняются руководству извнѣ, все равно—будь то воля другого лица, или его примѣръ, или даже импульсъ со стороны явленій неодушевленной природы. Такимъ образомъ, индивидъ управляется не велѣніями собственнаго правящаго центра, какъ то требуетъ здоровая индивидуальность, а другимъ или другими руководящими центрами, лежащими внѣ организма и снаружи подчиняющими его своей власти. То, что въ указанныхъ патологическихъ явленіяхъ обнаруживается съ поразительною силою и яркостью, сказывается и въ обыденной жизни здоровыхъ индивидовъ, для которыхъ сосредоточеніе вниманія на ограниченномъ кругѣ явленій и скудость впечатлѣній играютъ ту же роль, развивая автоматизмъ, ослабляя силу собственнаго правящаго центра и подчиняя руководству внѣшней власти. А это и есть частичная потеря индивидуальности или ея подавленіе. Представьте себѣ

этотъ процессъ, распространяющимъ свое дѣйствіе на болѣе или менѣе обширные слои населенія, и для васъ выяснится основа массовой психологіи, та причина, которая, вслѣдствіе-ли подчиненія чужой волѣ, вслѣдствіе-ли подражанія, превращаетъ собраніе индивидовъ въ толпу, охваченную однимъ стремленіемъ и одними чувствами и съ настойчивостью автомата отдающуюся какому либо движенію, будь то подвигъ самоотверженія или звѣрское преступленіе, будь то крестовые походы, флагеллантство, кликушество, аскетизмъ, сектантство, избіеніе иновѣрцевъ и инородцевъ, жакеріи, массовыя переселенія... Средневѣковое человѣчество, съ его узкою спеціализаціей по сословіямъ и съ его скудною умственною жизнью, создало для себя условія существованія, при которыхъ вниманіе человѣка было сосредоточено на очень ограниченномъ кругѣ явленій, а впечатлѣнія были скудны и однообразны. Отсюда и средневѣковая исторія такъ изобилуетъ этими автоматическими эпидемическими массовыми движеніями, нѣкоторыя изъ которыхъ нами выше перечислены и которыя иногда принимали прямо патологическій характеръ, какъ флагеллантство, кликушество, пляски, мяукающія и царапающіяся монахини, наконецъ, крестовый походъ дѣтей и пр. т. п. Другія, не столь ярко выразившія сяою патологическую основу, въ сущности, обязаны своимъ происхожденіемъ, развитіемъ и силою все той же частичной потерѣ индивидуальности, особенно всѣ эти фанатическіе массовые взрывы противъ иновѣрцевъ, еретиковъ, инородцевъ, которые, впрочемъ, позорятъ страницы даже новѣйшей исторіи. Все это продукты частичной потери индивидуальности, являющейся послѣдствіемъ дифференцованія общества на классы и дивергенціи между классами, а также между вѣроисповѣдными и племенными группами. Причина какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ явленій, угнетавшихъ, частью и до сихъ поръ угнетающихъ человѣчество, лежитъ, такимъ образомъ, въ развитіи по органическому типу, или, быть можетъ, вѣрнѣе сказать, по первоначальному органическому типу, такъ какъ сохраненіе и дальнѣйшее совершенствованіе индивидуальности тоже должно почитаться развитіемъ органическимъ. Натуралисты не замѣтили возможности такого иного органическаго процесса, пріобрѣтающаго дѣйствительно крупное значеніе и вліяніе уже въ человѣческой исторіи. Всѣ процессы, расширяющіе душевный кругозоръ людей, умножающіе предметы ихъ вниманія, разнообразящія ихъ впечатлѣнія, вообще дѣлающіе ихъ жизнь болѣе многостороннею, т. е. ихъ отправленія болѣе разнообразными, *болѣе дифференцованными*, охраняютъ индивидуальность членовъ общества и тѣмъ предохраняютъ само общество отъ тягостныхъ и болѣзненныхъ потрясеній, отъ всякаго рода дегене-

ративныхъ процессовъ, происходящихъ на почвѣ подавленной и частично утраченной индивидуальности. Вырожденіе людей есть, конечно, и упадокъ того общества, которое изъ нихъ состоитъ. Нелѣпо поэтому думать, что общество можетъ прогрессировать по органическому типу, что прогрессъ историческій долженъ заключаться во все большемъ подчиненіи членовъ общества руководящему центру всего общества, въ дифференцованіи общества на классы и спеціальности и въ дивергенціи между людскими группами. Процессы эти происходятъ часто, даже слишкомъ часто, они даже господствуютъ, но рано или поздно они приводятъ къ вырожденію индивидовъ чрезъ подавленіе полноты ихъ индивидуальности и осуждаютъ одобрившее эти процессы общество на упадокъ, нерѣдко на паденіе. Поэтому и опредѣленіе эволюціонистами прогресса общества, какъ развитіе отъ однороднаго къ разнородному, должно быть отвергнуто. Такова формула развитія для индивида, для человѣческой личности. Для общества же формула развитія должна быть, какъ разъ, обратная: *отъ разнороднаго къ однородному*, т. е. формула свободы, равенства и солидарности, выработанная и предложенная обществовѣдѣніемъ.

Эти идеи о сущности историческаго прогресса впервые были высказаны нашимъ мыслителемъ въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» его первой крупной соціологической работѣ, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1869 годъ (теперь «Сочиненія», томъ I). Статья произвела большое впечатлѣніе и сразу доставила молодому автору не только извѣстность и популярность, но и авторитетъ. Кажется, и до сихъ поръ она наиболѣе извѣстна и популярна, но, какъ читатель легко усмотритъ изъ предыдущаго изложенія, ея глубокій смыслъ и значеніе едва-ли могутъ быть усвоены внѣ того яркаго освѣщенія, которое изложеннымъ въ ней мыслямъ даютъ другія работы Михайловскаго. По времени явившись первою, какъ бы введеніемъ, по существу дѣла, она должна считаться послѣднею главою доктрины, ея заключеніемъ, гдѣ завершается собственно соціологическая сторона ученія и намѣчаются первые штандпункты его примѣненія, первые штрихи практической программы.

IV.

Таковы основоначала соціологической доктрины Н. К. Михайловскаго, изложенныя мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ видѣ обширныхъ рамъ, куда читатель самъ вставитъ тѣ яркія и многосторонне содержательныя картины, которыми наполнены изъ страницы въ страницу сочиненія любимаго мыслителя и которыя такъ хорошо знакомы читателямъ. Эта замѣчательная док-

трина не есть, однако, курсъ соціологіи, не сведенный только въ систему. Въ ней почти отсутствуетъ ученіе о состояніяхъ общества, его строеніи и круговоротѣ его постоянныхъ нормальныхъ отправленій, словомъ то, что Огюстомъ Контомъ было названо *соціальною статикою* (морфологія и физіологія общества). Разсматриваемая соціологическая доктрина имѣетъ дѣло почти исключительно съ теоремами *соціальной динамики*. Это — теорія историческаго прогресса. И во вторую половину XIX в., въ области соціальной динамики, она представляетъ собою самое крупное завоеваніе обществовѣдѣнія подобно тому, какъ въ области соціальной статики такимъ же крупнымъ завоеваніемъ обществовѣдѣнія эпохи являются экономическія изслѣдованія Маркса, отлившія въ окончательную научную форму труды Смита и Рикардо. Ученіе Маркса, однако, не остановилось на этомъ. Оно попыталось выйти изъ области соціальной статики и предложило мыслящему человѣчеству свою соціальную динамику, свою теорію прогресса. Для этой задачи одного статическаго изученія общества недостаточно. Между тѣмъ, ученіе не располагало другимъ *научнымъ* матеріаломъ. Оно его дополнило *метафизикою* Гегеля, создавъ то извѣстное ученіе о трехъ фазисахъ развитія, которое впослѣдствіи проникло въ Россію подъ именемъ *марксизма*. Научныя пріобрѣтенія въ работахъ Маркса относятся къ области статическихъ явленій (ученіе о цѣнности, товарномъ обращеніи, капиталѣ, родахъ и видахъ капитала, рабочей платѣ, рентѣ и т. д.): «марксизмъ» же явился ученіемъ о явленіяхъ динамическихъ, устанавливая фазисы развитія, *необходимо* смѣняющіе другъ друга въ историческомъ процессѣ. Эти три фазиса: натуральное хозяйство, капитализація доходовъ и промысловъ (съ принудительнымъ обобществленіемъ производства), наконецъ, соціализація или обмірщеніе производства (нигдѣ еще не наступившій, но предвидимый ученіемъ фазисъ развитія). Необходимость и неотмѣнимость очередной смѣны этихъ фазисовъ, ихъ *универсальность* для историческаго развитія человѣчества является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ метафизическаго происхожденія ученія. Метафизическая, или какъ гегеліанцы и марксисты предпочитаютъ выражаться, діалектическая логика не считается съ обстоятельствами и условіями. По самому существу своему *она безусловна*. У нея все абсолютно и универсально. Абсолютнымъ и универсальнымъ представляется и *законъ* капитализаціи и слѣдующей за нею соціализаціи производства. Крупный научный умъ, какъ самъ Марксъ (и отчасти Энгельсъ), не могъ совсѣмъ не считаться съ обстоятельствами и условіями. Вѣдь въ научной части своихъ работъ онъ имѣлъ дѣло съ обстоятельствами и условіями. Поэтому самъ Марксъ допускаетъ возможность отклоненія

отъ процесса. Самъ Марксъ, но не марксизмъ, который, какъ типически метафизическое ученіе о прогрессѣ, имѣетъ и долженъ имѣть свою логику, безусловную и универсальную.

Когда выступилъ Марксъ со своей теоріей прогресса въ Западной Европѣ, въ странахъ, гдѣ онъ училъ, уже совершился процессъ капитализаціи, и ученіе Маркса, предлагавшее переходъ къ обмірщенію производства, не становилось этою стороною въ противорѣчіе съ прогрессивными и демократическими стремленіями эпохи. Напротивъ, оно служило имъ, хотя и не съ такою силою, потому что не съ такою истиною, какъ научныя работы Маркса въ области явленій статическихъ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ странахъ, гдѣ капитализація еще не пріобрѣла значенія господствующаго процесса. Здѣсь ученіе предлагало именно эту капитализацію, которая состоитъ: въ сочетаніи многочисленныхъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ въ крупныя (сочетаніе низшихъ единицъ въ высшія); въ широкомъ раздѣленіи труда (дифференцованіи); въ разобщеніи между дифференцованными группами участвующихъ въ производствѣ (дивергенція); въ возникновеніи группы руководителей и подчиненіи имъ массы прежде самостоятельныхъ, нынѣ зависимыхъ работниковъ (централизація къ наружнымъ, внѣ организма лежащимъ центрамъ); въ однообразіи и узости впечатлѣній и т. д. Словомъ, что бы въ будущемъ ни сулилъ третій фазисъ развитія, второй фазисъ несетъ подавленіе индивидуальности, ея дегенерацію. вмѣстѣ съ чѣмъ и опасность упадка и вырожденія для общества, его принявшаго. Говорятъ, что это, однако, необходимо для будущаго торжества противоположнаго процесса. Иначе говоря, *чтобы сохранить индивидуальность, надо ее утратить.* Это—абсурдъ, и очень опасный, но это и есть послѣдовательный «марксизмъ». Совершенно естественно, что съ распространеніемъ этого опаснаго ученія Михайловскій вступилъ въ борьбу, какъ раньше съ ошибками и опасными выводами дарвинизма. Девятидесятые годы заняты были этимъ новымъ большимъ трудомъ, который потомство поставитъ ему въ не меньшую заслугу, какъ и блистательный синтезъ естественно-научныхъ и общественно-научныхъ работъ и выводовъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Эта сторона ученія Михайловскаго собрана въ книгѣ «Литературныя воспоминанія и современная смута» (Спб., 1900, 2 тома). Здѣсь я хотѣлъ лишь указать на тѣсную генетическую и логическую связь критики марксизма со стороны Михайловскаго со всей его соціологической доктриной и съ его же критикой дарвинизма. Это только одно изъ звеньевъ этой замкнутой логической цѣпи, столь, однако, открытой для самаго широкаго и многосторонняго общенія и съ раз-

нообразными областями мышленія, и съ многоразличными сторонами исторической жизни.

Соціологическая доктрина Михайловскаго, въ своемъ конечномъ выводѣ, объявила индивидуальность и ея развитіе (или, замѣняя объективные термины субъективными: личность и ея счастье) выраженіемъ и высшею ступенью органическаго прогресса, а слѣдовательно, и высшимъ критеріемъ для различенія процессовъ развитія и совершенствованія отъ процессовъ вырожденія и упадка. Уже сказано, что критерій этотъ не новъ. Онъ выработанъ всею исторіею обществовѣдѣнія. Ново было его строго научное обоснованіе (столько же естественно-научное, сколько общественно-научное). Изъ сферы желательнаго и нравственно-обязательнаго критерій «счастье личности» переведенъ былъ въ категорію научно-доказанной истины, согласованной со всѣми другими научно-доказанными истинами *). Это научное обоснованіе «правды» въ жизни дало критерію не только новую силу, но и освѣтило его съ такихъ сторонъ, которыя были вовсе не замѣтны или мало замѣтны при прежнемъ освѣщеніи, а это открыло новые обширные горизонты для его примѣненія, для практическихъ программъ. Сорокалѣтняя литературная дѣятельность Н. К. Михайловскаго и была посвящена этому примѣненію, и можно сказать, что нѣтъ такой стороны общественной жизни и мысли, на которую не отозвался бы нашъ мыслитель и которую не освѣтилъ бы съ новой и плодотворной стороны. Велико значеніе Михайловскаго, какъ мыслителя-теоретика. Не менѣе велика и его заслуга, какъ публициста, обильно засѣявшаго русскую умственную ниву сѣменами добра и правды. Эта сторона литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго лежитъ уже внѣ предѣловъ настоящей замѣтки, далеко, конечно, недостаточной для оцѣнки такого крупнаго мыслителя и писателя, очень сложнаго и очень разносторонняго, очень труднаго потому и для такой же, по необходимости, сложной и разносторонней оцѣнки. Это и не было, и не могло быть задачей этой замѣтки. Я хотѣлъ только, какъ уже выше сказано, дать, по возможности, просторныя рамы и указать порядокъ ихъ размѣщенія. Вставить же въ эти рамы надлежащія картины благоволитъ читатель, для котораго эти картины должны быть съ юности родными и памятными.

Сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности—огромный срокъ и

*) Иначе говоря: истина, прежде только субъективная, стала объективною въ наиболѣе строгомъ значеніи этого термина. Замѣчательно, что самъ мыслитель мало цѣнилъ эту сторону своего огромнаго труда, отстаивая законность въ соціологіи и чисто-субъективныхъ теоремъ. Это, однако, частность, о которой здѣсь не мѣсто распространяться.

огромная заслуга, свидѣтельствующая о дарованіяхъ и силахъ, изъ ряда выходящихъ. Но сорокъ лѣтъ непрерывнаго и огромнаго умственнаго творчества въ самомъ строгомъ и полномъ смыслѣ этого слова—явленіе прямо исключительное.

Русская литература и русская нація имѣютъ право гордиться нынѣшнимъ праздникомъ. Онѣ имѣютъ обязанность подумать о тѣхъ терніяхъ, которыми былъ въ изобиліи усыпанъ путь юбиляра, и которыми этотъ путь можетъ быть усыпанъ и въ будущемъ.

С. Южаковъ.

Роль личности и общества въ современномъ кооперативномъ движеніи.

Старый вопросъ о значеніи личности въ историческомъ процессѣ снова выдвинулся и обострился въ наши дни. Очень распространенная нынѣ доктрина, въ отличіе отъ прежнихъ ученій, приписывавшихъ человѣку чуть не полное всемогущество, сводитъ личность на роль простого орудія въ борьбѣ интересовъ, возникшихъ помимо нея, въ осуществленіи тенденцій, связанныхъ съ направленіемъ производительныхъ силъ народовъ. Оживленные споры по этому вопросу ведутся большею частію на абстрактной почвѣ, но иногда спорящія стороны обращаются къ исторіи, чтобы найти тамъ примѣры, подтверждающіе или опровергающіе ихъ утвержденія. Въ такихъ случаяхъ принято по большей части прибѣгать къ великимъ событіямъ, въ родѣ возникновенія христіанства, возрожденія, реформаціи или промышленнаго переворота прошлаго вѣка. Тщательный анализъ подобныхъ явленій, конечно, можетъ пролить много свѣта на спорный вопросъ; но, къ несчастію, эти движенія, совершившіяся въ отдаленномъ прошломъ, оставили послѣ себя сравнительно мало слѣдовъ,—мало, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы можно было съ точностію оцѣнить относительное значеніе разныхъ факторовъ, ихъ обусловившихъ. Какъ въ картинѣ, находящейся на большомъ отдаленіи, такъ и въ этихъ, давно прошедшихъ событіяхъ, детали сливаются въ глазахъ наблюдателя и предъ нимъ выступаютъ только основные контуры. Иногда это исчезновеніе подробностей представляетъ выгоды, выдвигая историческій фактъ въ его основныхъ типическихъ чертахъ, безъ развлекающихъ вниманіе осложненій. Но въ данномъ вопросѣ, по самому его существу, этого недостаточно. Чтобы судить о роли личности, приходится заглянуть въ окружавшую ее обстановку, прослѣдить, какъ зарождалась, зрѣла и переходила въ жизнь идея, ее одушевлявшая, войти, такъ ска-

зать, въ самую лабораторію жизненной работы, спуститься къ конкретному явленію. Съ этой точки зрѣнія представляется болѣе удобнымъ сосредоточить вниманіе на общественныхъ движеніяхъ новаго времени, происходящихъ на виду у современнаго поколѣнія. Такія движенія описаны во всѣхъ деталяхъ, при чемъ сохранена индивидуальность отдѣльныхъ частныхъ случаевъ. Кромѣ обширной научной литературы, у изслѣдователя всегда подъ руками пресса, которая подхватываетъ на лету каждый фактъ и пересматриваетъ его со всѣхъ сторонъ. Если, наконецъ, остается и послѣ того что-либо неясное и недоговоренное, то во многихъ случаяхъ существуетъ возможность обратиться за разъясненіями къ самимъ дѣйствующимъ лицамъ, которыя нерѣдко еще доселѣ находятся на своихъ постахъ.

Наше время богато крупными общественными движеніями. Сколько ихъ хотя бы въ одной сферѣ кооперацій, не говоря уже о томъ, что совершается въ области политики, науки, техники, религіи!.. Рабочіе союзы, профессіональные синдикаты, потребительныя общества, производительныя ассоціаціи, кредитныя товарищества, сельскія кассы, общества взаимнаго вспомоществованія, земледѣльческіе синдикаты,—всѣ эти и имъ подобныя приложенія начала кооперации порождаютъ тысячи новыхъ учрежденій, затрогиваютъ десятки, сотни тысячъ, а нерѣдко и цѣлые милліоны,—лицъ, охватываютъ своею сѣтью цѣлыя страны, а иногда и весь цивилизованный міръ. Каждое изъ этихъ движеній, хотя бы и связанное съ другими, представляетъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу самостоятельное цѣлое, такъ какъ каждое вызвано своими потребностями, имѣетъ иныя задачи, пользуется другими средствами и облекается въ своеобразныя формы. Но этого мало. Упомянутыя выше движенія, обнаруживаясь въ разныхъ странахъ, имѣютъ въ каждой изъ нихъ свою исторію. Такъ, напримѣръ, развитіе сельскихъ ссудныхъ кассъ Райфейзеновскаго типа происходило по своему въ Германіи, въ Австро-Венгріи, въ Италіи, во Франціи, въ Сербіи, въ Канадѣ. Можно даже пойти дальше. Судьба Райфейзеновскихъ кассъ не одна и та же въ Прирейнской провинціи и въ Восточной Пруссіи, въ Нижней Австріи и въ Богеміи и т. д. При обсужденіи нашего вопроса исторія сельскихъ ссудныхъ товариществъ представляетъ, поэтому, не одинъ, а множество фактовъ, потому что въ каждой странѣ и въ каждой отдѣльной области развитіе ихъ имѣло свои индивидуальныя черты. Такимъ образомъ, современная и вполнѣ точно документированная исторія разныхъ совершающихся на нашихъ глазахъ общественныхъ движеній даетъ цѣлую массу матеріаловъ по затронутой выше темѣ. Мы попробуемъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми данными изъ областей кооперації, ближе намъ извѣст-

ныхъ, въ надеждѣ, что эти факты могутъ внести свою лепту въ разъясненіе вопроса.

Каково отношеніе личной иниціативы и условій среды и времени въ общественныхъ движеніяхъ? Несомнѣнно, личность не можетъ творить изъ ничего, — она не въ силахъ уклониться отъ вліянія современныхъ ей условій. Эти условія составляютъ постоянную силу, которая установляетъ предѣлъ для дѣйствій отдѣльной личности. Потребности среды и времени обыкновенно ставятъ задачу, которую нужно рѣшить. Но данная извнѣ задача лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ только одно рѣшеніе; часто рѣшеній можетъ быть нѣсколько. Когда мы бросаемъ кость, число сторонъ ея дано,—и это чисто составляетъ предѣлъ «его же не прейдеши»; но какая изъ сторонъ выпадетъ при отдѣльномъ бросаніи, это не предопредѣлено устройствомъ кости, въ чемъ и заключается сущность игры. Если даже совокупностью историческихъ условій указанъ только одинъ извѣстный способъ удовлетворенія возникшихъ въ обществѣ потребностей,—и въ такомъ случаѣ роль личности нерѣдко можетъ быть чрезвычайно важна. Вѣдь не слѣпыя силы природы, а человѣкъ совершаетъ то, что предназначено исторіей. Отъ него зависитъ, начнется-ли неизбѣжное движеніе немедленно, или съ отсрочкой. Иногда отсрочка портитъ судьбу людей, а иногда улучшаетъ ее. То, что при быстромъ наступленіи вызвало бы массу страданій, при болѣе медленномъ теченіи можетъ произойти мягче. Кому неизвѣстно, напримѣръ, какой суровый режимъ пришлось пережить рабочимъ на фабрикахъ Англіи въ первое время по водвореніи тамъ крупнаго производства, какъ истощались ихъ силы отъ чрезмѣрной продолжительности труда, какъ калѣчились дѣти отъ тяжкой работы съ пяти-шестилѣтняго возраста, какъ люди уродовались машинами при отсутствіи всякихъ мѣръ предосторожности. Между тѣмъ, въ Германіи, которая развила свою крупную промышленность уже послѣ появленія фабричнаго законодательства, рабочему классу удалось миновать всѣ эти ужасы. Кромѣ различій во времени, могутъ быть разницы и въ самыхъ пріемахъ проведенія въ жизнь необходимыхъ перемѣнъ, — съ большими или меньшими жертвами для живущихъ поколѣній. Но еще чаще исторія, намѣчая задачу, оставляетъ не одно, а нѣсколько возможныхъ ея рѣшеній. Здѣсь уже гораздо больше простора для сознательной иниціативы, такъ какъ личность можетъ выбрать любой изъ представляющихся путей. Любопытный примѣръ такого исхода представляютъ, между прочимъ, преобразованія, которыя совершаются теперь въ средѣ мелкаго земледѣлія.

Агрономическія открытія нашего времени намѣтили новый путь земледѣльческой техникѣ. Цѣлый рядъ ученыхъ, начиная

съ Либиха и кончая П. Вагнеромъ, выяснили громадную роль внесенія въ почву питательныхъ элементовъ по строгой научной системѣ, взамѣнъ прежняго эмпирическаго и однообразнаго удобренія. На ряду съ открытіями химіи шли преобразованія въ орудіяхъ обработки земли и ея продуктовъ. Продолжительные труды опытныхъ станцій и практическіе примѣры въ образцовыхъ хозяйствахъ выяснили, что приложеніе новыхъ научныхъ методовъ къ земледѣлію можетъ удвоить и утроить валовой продуктъ и, не смотря на усиленныя затраты, дать большій чистый доходъ. Естественно являлась потребность провести эти открытія въ жизнь, подобно тому, какъ она наступила въ сферѣ промышленности послѣ изобрѣтенія прядильной машины и механическаго станка. Въ первое время казалось возможнымъ помедлить съ примѣненіемъ новыхъ пріемовъ, какъ, напримѣръ, замедлилось на цѣлыя столѣтія распространеніе травосѣянія, извѣстнаго Европѣ и практиковавшагося во Фландріи еще съ среднихъ вѣковъ. Но скоро отсрочка оказалась невозможной, вслѣдствіе наступившаго сельско-хозяйственнаго кризиса. Конкурренція дальнихъ странъ сдѣлала уменьшеніе изцержекъ и увеличеніе валового дохода вопросомъ жизни и смерти для европейскаго земледѣлія. Единственный раціональный исходъ состоялъ въ примѣненіи предлагавшихся наукой новыхъ пріемовъ агрономической техники. Вопросъ этотъ представлялся особенно важнымъ и роковымъ въ приложеніи къ мелкому хозяйству, которое такъ распространено во многихъ странахъ Европы. Казалось, мелкому земледѣлію предстоитъ та же судьба, какъ мелкимъ промысламъ, напримѣръ, ручному ткачеству послѣ великихъ изобрѣтеній прошлаго вѣка, именно—исчезнуть и уступить мѣсто крупнымъ хозяйствамъ. На эту мысль естественно наводила аналогія переворота, происшедшаго въ обрабатывающей промышленности, равно какъ фактъ ранняго усвоенія пріемовъ усовершенствованнаго земледѣлія именно крупными владѣніями. Англія, съ ея латифундіями, давно ввела агрономическія улучшенія, тогда какъ континентальные мелкіе и средніе земледѣльцы еще коснѣли въ допотопной рутинѣ. Въ такомъ видѣ сложилось и укрѣпилось представленіе о будущности мелкаго хозяйства въ научной и публицистической литературѣ передовой части общества. Симпатіи образованныхъ классовъ и даже политика государствъ отвернулись отъ мелкаго земледѣлія въ томъ убѣжденіи, что эта обреченная на вымираніе форма не заслуживаетъ поддержки, и въ самомъ лучшемъ случаѣ должна быть оставлена спокойно доживать свой вѣкъ. Болѣе пылкіе люди думали даже, что государству слѣдуетъ ускорить своими мѣрами разложеніе прежнихъ формъ и тѣмъ облегчить зарожденіе новыхъ

Однако, опытъ послѣдняго времени показалъ, что есть еще

другое рѣшеніе задачи. Мелкіе земледѣльцы нашли средство воспользоваться выгодами усовершенствованной техники безъ перехода въ батраки къ крупнымъ помѣщикамъ. Этимъ средствомъ явилась кооперація. Кооперативное движеніе въ земледѣліи, начавшееся въ серьезныхъ размѣрахъ не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, охватило теперь собою главныя страны Европы и уже успѣло обезпечить мелкому хозяину, при сохраненіи его самостоятельности, всѣ главныя преимущества крупнаго производства. Это движеніе, идущее какъ бы наперекоръ предполагавшейся неизбѣжной исторической тенденціи, представляетъ собою результатъ сознательной работы выдающихся личностей изъ среды такъ называемой интеллигенціи, равно какъ изъ самого народа и даетъ поэтому, на ряду съ другими отраслями кооперацій, массу любопытныхъ и сравнительно новыхъ матеріаловъ для рѣшенія поставленнаго выше вопроса.

Какую бы роль мы ни приписывали сочетанію внѣшнихъ обстоятельствъ въ исторіи кооперативнаго движенія, но, во всякомъ случаѣ, творческою силою является въ немъ работа отдѣльныхъ личностей. Люди, чуткіе къ общественнымъ потребностямъ и просвѣщенные наукою или опытомъ, схватываютъ смутныя идеи, которыя носятся въ воздухѣ, придаютъ опредѣленную форму неяснымъ стремленіямъ и, пользуясь или своимъ общественнымъ вліяніемъ, или силою своего слова, склоняютъ современниковъ испробовать на дѣлѣ зародившіеся въ ихъ головѣ планы. Конечно, ихъ убѣжденія сообщаются вначалѣ небольшому кружку болѣе одаренныхъ людей, а затѣмъ распространяются въ широкіе слои и, иногда, подобно искрѣ, разростаются въ большое пламя.

Исторія всѣхъ изученныхъ нами отраслей кооперативнаго движенія подтверждаетъ великую роль личной иниціативы. Извѣстно, что развитіе современныхъ формъ кредитной кооперацій на континентѣ Европы связывается съ именемъ Шульце-Делича. Конечно, идея кооперацій возникла гораздо раньше, еще въ началѣ истекающаго вѣка; даже практическія попытки ея приложенія на англійской почвѣ были сдѣланы задолго до Шульце-Делича. Но Шульце принадлежитъ неотъемлемая честь примѣненія принципа кооперацій къ мелкому кредиту, — чего до него не было сдѣлано никѣмъ,— и воплощеніе въ практической формѣ носившихся въ 40-хъ годахъ идей о кредитѣ труду. Скромный мировой судья въ саксонскомъ городкѣ Деличѣ, не блиставшій ни особой ученостью, ни высокимъ положеніемъ въ обществѣ, ни имущественными средствами, желалъ помочь ремесленникамъ и рабочимъ своего города, разочарованнымъ, какъ и весь тогдашній рабочій классъ Герма-

ніи, неудачами 1848 года, и удрученнымъ наступившею послѣ того реакціею и экономическимъ кризисомъ. У него были передъ глазами примѣры полублаготворительныхъ учрежденій, распространившихся во множествѣ послѣ 1848 г. въ Берлинѣ и въ другихъ крупныхъ городахъ,—учрежденій, въ которыхъ благожелательные капиталисты оказывали ремесленникамъ и рабочимъ дешевый кредитъ, конечно, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Но Шульце казались ненадежными и несимпатичными эти случайныя подачки со стороны богачей. Онъ былъ увѣренъ, что рабочіе собственными усиліями смогутъ скопить капиталъ и организовать необходимый имъ кредитъ. Въ 1850 г. онъ устроилъ въ Деличѣ первое ссудное товарищество, въ которомъ каждый членъ долженъ былъ ежемѣсячно дѣлать небольшой взносъ въ 1 зильбергрошъ и этимъ путемъ собирать средства для выдачи ссудъ. Но опытъ скоро показалъ, что съ подобными грошевыми сбереженіями далеко не уйдешь. Тогда Шульце пришло въ голову примѣнить къ Деличскому кредитному товариществу начало кругового ручательства, которое дало удачные результаты въ основанныхъ имъ же за годъ передъ тѣмъ двухъ сырьевыхъ ассоціаціяхъ сапожниковъ и столяровъ. Стоило пустить въ ходъ эту простую, но раньше не примѣнявшуюся никѣмъ форму обезпеченія занятыхъ капиталовъ, и дѣла товарищества сразу приняли другой оборотъ. Къ нему тотчасъ же стали приливать постороннія средства, и уже къ концу перваго года въ его кассу поступило вкладовъ на 8.800 талеровъ. Въ слѣдующемъ году было устроено друзьями Шульце-Делича, врачемъ Бернарди и портнымъ Бирманомъ, подобное же товарищество въ сосѣднемъ городѣ Эйленбургѣ. Прошло почти три года со времени основанія товарищества въ Деличѣ прежде, нежели стали являться новыя, по примѣру его и Эйленбургскаго. Лишь въ 1853 г. кружокъ интеллигентныхъ ремесленниковъ собственными силами устроилъ въ сосѣднемъ городкѣ Цёрбигѣ народный банкъ, который въ короткое время достигъ блестящихъ успѣховъ. Въ 1854 г. появились кредитныя общества въ Эйслебенѣ и Целле, а въ 1855 г. въ Мейссенѣ и Биттерфельдѣ. Всѣ эти товарищества приняли безъ измѣненій уставъ, выработанный Шульце и строго держались всѣхъ его указаній. Въ 1855 г. Шульце-Деличъ, убѣжденный пятилѣтнимъ опытомъ въ полной пригодности созданныхъ имъ учрежденій, опубликовалъ свое извѣстное сочиненіе «О ссудныхъ и кредитныхъ товариществахъ, какъ народныхъ банкахъ», которое распространило его идеи повсюду и вызвало въ Германіи многочисленныя подражанія первымъ банкамъ. Такимъ образомъ, обширное движеніе, которое охватило нынѣ не только Германію, но и всю остальную Европу, и даже перенеслось во внѣ-европейскія страны

непосредственно привязывается къ личности и дѣятельности одного человѣка. Шульце-Деличу удалось соединить въ цѣльный планъ разрозненныя детали народнаго кредита и кооперації, имѣвшіяся до него въ литературѣ и въ практическомъ опытѣ. Въ этой комбинаціонной работѣ и въ умѣніи внушить довѣріе къ ней и заключается незабвенная заслуга Шульце.

Идеи Шульце были въ скоромъ времени распространены по всѣмъ странамъ Европы. Въ 1857 г. Горнъ познакомилъ Францію съ теоріей и практикой кредитныхъ товариществъ, устроенныхъ Шульце. Въ концѣ 50-хъ годовъ заговорили о томъ же предметѣ итальянскіе журналы. Вѣсти о начинаніяхъ Шульце дошли до итальянскихъ рабочихъ и вызвали въ ихъ средѣ желаніе пересадить новыя учрежденія на родную почву. Но въ средѣ рабочихъ классовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ происходила борьба между сторонниками скромныхъ предпріятій Шульце и приверженцами грандіозныхъ проектовъ центральнаго банка, который охватывалъ бы всю страну и оказывалъ всякому желающему дешевый или даже вовсе безплатный кредитъ. Въ моментъ этого броженія умовъ выступилъ на сцену молодой профессоръ падуанскаго университета Луццати, который сдѣлалъ для Италіи то же самое, что Шульце для Германіи. Познакомившись во всѣхъ деталяхъ съ произведеніями и съ практическими предпріятіями Шульце, Луццати въ 1863 г. опубликовалъ небольшую книгу «О распространеніи кредита и о народныхъ банкахъ», въ которой съ рѣдкою ясностью мысли и съ свойственнымъ ему увлекательнымъ краснорѣчіемъ доказывалъ полезность и удобопримѣнимость къ итальянскимъ условіямъ придуманныхъ Шульце учрежденій. Тотчасъ по изданіи книги, Луццати съ страстнымъ увлеченіемъ принялся за устную проповѣдь выраженныхъ въ ней идей. Въ Венеціи составился тѣсный кружокъ молодыхъ ученыхъ, которые, продумавъ во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о мелкомъ кредитѣ, рѣшились приняться за его пропаганду и практическое осуществленіе. Луццати нерѣдко вспоминаетъ въ позднѣйшихъ трудахъ о своихъ университетскихъ лекціяхъ въ Падуѣ и о томъ вліяніи, какое онѣ имѣли на распространеніе мелкаго кредита въ Италіи. Но самыми благодарными слушателями Луццати явились рабочіе, соединившіеся къ тому времени въ большихъ городахъ Италіи въ сильныя общества взаимопомощи. Одно изъ самыхъ крупныхъ итальянскихъ рабочихъ обществъ, миланское, сдѣлалось особымъ предметомъ вниманія Луццати и любимой аудиторіей для его блестящихъ лекцій о народномъ кредитѣ.

Но прежде, нежели удалось довести въ Миланѣ излагаемые планы до практическаго осуществленія, Луццати былъ приглашенъ для той-же цѣли въ Лоди. Въ этомъ городѣ общество взаимопо-

мощи рабочихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обсуждало вопросъ о кредитѣ труду. Предсѣдатель общества натолкнулся на книжку Луццати, увлекся ею и немедленно попросилъ автора пріѣхать и дать въ собраніи рабочихъ желательныя разъясненія. Луццати явился и блестящей конференціей настолько увлекъ собраніе, что тотчасъ же было рѣшено приступить къ устройству народнаго банка, который и учредился въ 1864 г. Въ 1865 году, послѣ продолжительныхъ обсужденій и приготовленій, — открылъ свои дѣйствія банкъ въ Миланѣ, и въ томъ же году въ Болоньѣ и въ Кремонѣ.

Эти учрежденія, возникшія въ богатыхъ городахъ, при поддержкѣ сильныхъ рабочихъ обществъ, быстро привлекли къ себѣ всеобщее довѣріе и обильныя средства. Миланскій банкъ, въ теченіе перваго же года, имѣлъ оборотъ болѣе чѣмъ на милліонъ франковъ, а впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ учрежденій народнаго кредита не только въ Италіи, но и въ цѣлой Европѣ. Подобный же, хотя нѣсколько болѣе скромный, успѣхъ имѣли и три прочихъ упомянутыхъ выше банка. Примѣръ четырехъ названныхъ учрежденій увлекъ за собою прочіе города Ломбардіи, а за нею послѣдовали сначала Венеція и Пьемонтъ, а потомъ и прочія провинціи Италіи. Объединеніе Италіи и послѣдовавшая затѣмъ эпоха экономическаго пробужденія страны создали благопріятную почву для новыхъ кредитныхъ предпріятій, и черезъ какихъ-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ Италія заняла первое послѣ Германіи мѣсто по развитію народнаго кредита,— мѣсто, которое она сохранила и донынѣ. Луццати живетъ и энергически дѣйствуетъ и въ настоящее время.

Въ интересной вводной статьѣ къ изданной въ настоящемъ году статистикѣ итальянскихъ народныхъ банковъ, онъ подводитъ итоги своей тридцати-пятилѣтней дѣятельности, и съ чувствомъ справедливаго удовлетворенія указываетъ на 700 банковъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, въ которыхъ объединены почти полмилліона мелкихъ промышленниковъ, торговцевъ, земледѣльцевъ, рабочихъ и т. п., которые привлекаютъ до 400 милліоновъ франковъ чужихъ капиталовъ и выдаютъ въ ссуду ежегодно до 1000 милліоновъ франковъ. Луццати явился въ значительной степени подражателемъ Шульце, но его «banche popolare» не представляютъ собой простой копіи съ нѣмецкихъ кредитныхъ товариществъ. Ему пришлось приспособляться къ итальянскимъ законамъ, которые не знали рабочихъ ассоціацій; съ другой стороны, онъ считалъ неприложимымъ къ итальянскому характеру начало неограниченной отвѣтственности. Онъ былъ увѣренъ, что строгая круговая порука оттолкнула бы отъ участія въ новыхъ учрежденіяхъ болѣе интеллигентные и состоятельные слои общества,

безъ поддержки которыхъ новое дѣло не могло пойти на первыхъ порахъ. Вставивъ въ кадры выработаннаго въ Германіи устава принципъ ограниченной отвѣтственности и введя нѣкоторыя другія видоизмѣненія, о которыхъ намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь подробно, Луццати приноровилъ иноземную форму къ спеціальнымъ условіямъ итальянскаго общества и тѣмъ сообщилъ ей прочность и жизнеспособность. Заслуга Луццати заключается, однако, не въ одной только иниціативѣ народнаго кредита въ Италіи. Въ качествѣ безсмѣннаго президента основанной имъ «Ассоціаціи народныхъ банковъ», редактора спеціальнаго журнала, посвященнаго вопросамъ кредита и кооперації, члена парламента и адвоката, Луццати постоянно является на помощь любимому имъ дѣлу, то разъясняя возникающіе вопросы и устраняя встрѣчающіяся затрудненія, то защищая дѣло кредита въ парламентѣ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и, когда нужно, въ судахъ. Вся его жизнь наполнена заботами о преуспѣяніи основанныхъ имъ учрежденій. Удачное приспособленіе формы народныхъ банковъ къ итальянскимъ условіямъ, въ связи съ неутомимой пропагандой, равно какъ талантливой устной и письменной защитой новаго дѣла, вполнѣ оправдываютъ общепризнанное за Луццати наименованіе «отца итальянскихъ народныхъ банковъ».

Такова же была судьба учрежденій народнаго кредита въ Россіи. Въ нашемъ отечествѣ они также явились отраженіемъ германскаго движенія и возникли почти одновременно съ Италіей, въ 1866 г., въ глухомъ углу Костромской губ., по иниціативѣ извѣстнаго Лугинина. Цѣлые три года этотъ первый опытъ народнаго кредита оставался въ неизвѣстности. Въ концѣ 1869 года В. Д. Лугининъ, вмѣстѣ съ А. В. Яковлевымъ выпустили въ свѣтъ книгу «О сельскихъ ссудныхъ товариществахъ», въ которой излагали значеніе этихъ учрежденій и главныя черты ихъ устройства. Почти одновременно вышли еще два сочиненія, посвященныя описанію народнаго кредита въ Западной Европѣ и изложенію руководящихъ правилъ для основанія и веденія народныхъ банковъ. Одно изъ этихъ сочиненій принадлежало А. В. Яковлеву, другое Н. П. Колюпанову. Эти три книги сыграли крупную роль въ дѣлѣ распространенія народныхъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи. Въ концѣ 1869 г. новгородское губернское земство обратило вниманіе на интересный опытъ г. Лугинина и поручило управѣ подготовить проектъ устройства краткосрочнаго кредита для сельскаго населенія, и въ половинѣ слѣдующаго 1870 г., по выслушаніи доклада управы и разъясненій А. В. Яковлева спеціально приглашеннаго для этой цѣли, утвердило образцовый уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и ассигновало средства на ихъ основаніе. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было устройство

въ Новгородской губерніи сразу восьми товариществъ. Съ тѣхъ поръ, благодаря дѣятельной пропагандѣ А. В. Яковлева и кн. А. И. Васильчикова, ставшихъ во главѣ устроеннаго въ началѣ 1871 г. «Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ», учрежденія народнаго кредита стали быстро распространяться во всѣхъ частяхъ страны такъ что къ концу 1871 г. уже появилось 60 товариществъ, а къ концу 1873 г. ихъ насчитывалось уже болѣе 300. Возникновеніе и первые шаги ссудо-сберегательныхъ товариществъ еще на памяти у многихъ лицъ живущаго поколѣнія, которыя не могутъ не признать, что это новое дѣло было пущено въ ходъ и взлелѣяно напряженными трудами первыхъ дѣятелей названнаго выше Комитета, А. В. Яковлева и кн. Васильчикова. Имъ принадлежитъ честь выработки перваго образцоваго устава, приноровившаго Шульце-Деличевскую организацію къ русскимъ условіямъ, а также распространеніе и пропаганда этого устава. Не даромъ же и до сихъ поръ, не смотря на существованіе цѣлаго ряда другихъ образцовъ народныхъ банковъ, больше половины существующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ приняли этотъ первоначальный уставъ и твердо держатся его. Мы видимъ въ настоящемъ случаѣ такое же торжество личной иниціативы, какъ и въ описанныхъ выше примѣрахъ Германіи и Италіи.

Народные банки Шульце-Делича и Луццати были разсчитаны преимущественно на городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ; крестьяне и земледѣльцы принимали въ нихъ участіе и пользовались ихъ услугами лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, потребность въ кредитѣ была въ особенности настоятельна именно въ средѣ сельскаго населенія, которое, вслѣдствіе удаленности отъ денежныхъ центровъ, являлось главною жертвой ростовщичества. Но, не смотря на всю силу нужды, сельское населеніе особенно туго поддавалось на всякія нововведенія. Преодолѣть недовѣріе крестьянства, пріучить его къ пользованію сложными формами кредита удалось впервые въ прирейнской части Германіи и выпало на долю бургомистра небольшой сельской общины,—Райфейзена. Райфезенъ началъ свою дѣятельность почти одновременно съ Шульце-Деличемъ, именно въ 1848 г., подъ вліяніемъ страшнаго неурожая и экономическаго кризиса, лишившаго прирейнскихъ крестьянъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ Фламмерсфельдской общинѣ, находившейся въ его завѣдываніи, Райфейзенъ основалъ сначала потребительное товарищество, а затѣмъ общество взаимнаго вспомоществованія. Сначала это послѣднее ограничивалось продажей скота крестьянамъ въ разсрочку съ цѣлью высвободить ихъ изъ кабалы ростовщиковъ, а затѣмъ стало выдавать и небольшія денежныя ссуды. Перемѣстив-

шись въ 1852 г. въ другую общину, Геддесдорфъ, на ту же должность бургомистра, Райфейзенъ тотчасъ же основалъ и тамъ общество по образцу помянутаго выше. Это общество тоже оказывало кредитъ земледѣльцамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно ставило себѣ еще множество другихъ цѣлей, каковы: призрѣніе заброшенныхъ дѣтей, помощь безработнымъ, устройство народныхъ библіотекъ и пр. Эта разбросанность задачъ мѣшала ихъ удачному выполненію, такъ что Райфейзенъ, послѣ многолѣтнихъ опытовъ и различныхъ поправокъ, рѣшился преобразовать основанное имъ общество въ чисто кредитное учрежденіе. Въ 1864 г. была учреждена Геддесдорфская ссудная касса, которая и послужила прототипомъ многихъ тысячъ подобныхъ учрежденій, возникшихъ потомъ въ Германіи и перенесенныхъ оттуда во всѣ страны міра. Главныя черты Райфейзеновскихъ кассъ общеизвѣстны. Это небольшіе союзы, ограниченные по большей части предѣлами одной сельской общины или даже одного селенія, составленные изъ людей, близко знающихъ другъ друга и связанныхъ узами полной солидарной отвѣтственности. Цѣль этого союза заключается не только въ выдачѣ ссудъ членамъ для улучшенія ихъ производства, но также въ удовлетвореніи разныхъ другихъ ихъ хозяйственныхъ потребностей, каковы, напримѣръ, покупка необходимыхъ орудій и матеріаловъ производства, продажа продуктовъ хозяйства и т. п. Не легко было убѣдить крестьянъ связать себя круговою порукой, безъ которой, между тѣмъ, невозможно было добыть необходимые для операцій капиталы; однако Райфезену, благодаря его настойчивости и удивительной энергіи, удалось постепенно преодолѣть трудности. Онъ обходилъ деревни, произносилъ передъ крестьянами горячія проповѣди, бесѣдовалъ съ выдающимися хозяевами въ одиночку, стараясь завербовать въ пользу своего дѣла хоть немногихъ, даже хоть одного приверженца. Эти немногіе избранные составляли кружки учредителей, касса основывалась, а къ нимъ постепенно примыкали и другіе. До изданія закона о товариществахъ 1868 г. Райфейзенъ дѣйствовалъ лишь въ тѣсномъ кругу прирейнскихъ общинъ. Благодаря помянутому закону, явилась возможность выступить съ болѣе широкой пропагандой, которая и повела къ всеобщему распространенію кассъ. Водвореніе сельско-хозяйственныхъ товариществъ въ разнообразныхъ частяхъ Германіи и въ прочихъ странахъ, различающимся между собою по основнымъ чертамъ сельскаго быта, равно какъ по природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, вызвало впослѣдствіи нѣкоторыя видоизмѣненія первоначальнаго типа, но въ основныхъ чертахъ сельскія ссудныя кассы остаются повсюду вѣрными началамъ, выработаннымъ Райфейзеномъ, такъ что послѣдній по всей справедливости признается родоначальникомъ громаднаго движенія.

которое уже теперь сопровождается неисчислимыми выгодами для сельскаго населенія, а въ будущемъ обѣщаетъ поставить мелкое хозяйство и крестьянскій бытъ въ новыя условія, соотвѣтствующія современнымъ требованіямъ мірового рынка и крупнаго производства.

Изъ прочихъ странъ попытки Райфейзена прежде всего привлекли къ себѣ вниманіе въ Италіи. Сенаторъ Росси, путешествуя по Германіи, имѣлъ случай лично познакомиться съ благотворными результатами Райфейзеновскихъ кассъ и по возвращеніи на родину началъ пропагандировать ихъ въ печати. Въ 1882 г. профессоръ Келлеръ подробно изслѣдовалъ Райфейзеновскія ассоціаціи и въ обстоятельномъ мемуарѣ, вслѣдъ затѣмъ опубликованномъ, познакомилъ съ ними падуанскую академію наукъ и искусствъ. Но пока это были все литературныя разсужденія. Заслуга перехода отъ слова къ дѣлу принадлежитъ Воллемборгу, бывшему профессору политической экономіи въ Падуѣ, владѣвшему крупнымъ имѣніемъ недалеко отъ этого города. Въ серединѣ 1883 г. Воллемборгу удалось, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ крестьянами своей общины Лореджіа, основать тамъ первую въ Италіи сельскую кассу. Это было дѣло не легкое. Населеніе общины слагалось изъ немногихъ мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, преимущественно же изъ арендаторовъ, большинство которыхъ снимало ничтожные клочки земли и изнемогало подъ бременемъ неурожаевъ и ростовщическихъ процентовъ. Молодому профессору удалось, при помощи мѣстнаго врача и секретаря общины, привлечь на свою сторону нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, за которыми пошли и бѣдные. На первый разъ изъ общины, считавшей въ своемъ составѣ болѣе 3,000 душъ, удалось завербовать всего 32 учредителя. Однако, касса сразу пошла настолько успѣшно и пріобрѣла такое довѣріе, что къ концу пятаго мѣсяца въ ней уже насчитывалось 90 членовъ. Новое учрежденіе возбудило любопытство сосѣднихъ деревень, печать разнесла о немъ свѣдѣнія повсюду, друзья учредителя и самъ онъ начали дѣятельную пропаганду, и кассы быстро стали распространяться не только въ Венеціанской провинціи, но и въ другихъ частяхъ Италіи. Въ началѣ 1884 г., по иниціативѣ профессора Никколи, возникла сельская касса въ Камбіано въ Флорентійской провинціи. Во второй половинѣ того же 1884 г. основано было еще три кассы. Въ 1885 году учредилось уже 10 кассъ, къ началу 1887 г. существовала 31 касса. Чтобы поддержать это движеніе Воллемборгъ основалъ спеціальный журналъ „La Cooperazione rurale“, который слѣдитъ за всѣми успѣхами сельскаго кредита какъ въ Италіи, такъ и за границей и помогаетъ дѣлу сельскихъ кассъ теоретическими и практическими указаніями.

Однако движеніе, столь успѣшно начатое Воллемборгомъ, въ скоромъ времени ускользнуло изъ его рукъ. Оно попало въ вѣдѣніе католическаго духовенства, при участіи котораго приняло громадные, совершенно непредвидѣнные и неожиданные размѣры. Осуществленіе этого поворота опять было дѣломъ одной энергической личности. Въ 1890 г. Черутти, молодой священникъ, только что вышедшій изъ семинаріи, устроилъ въ общинѣ Гамбараре, въ Венеціанской области, сельскую ссудную кассу, на подобіе тѣхъ, какія, по иниціативѣ Воллемборга, возникли въ сосѣднихъ общинахъ. Но въ отличіе отъ Воллемборговскихъ кассъ, въ которыя принимались безразлично лица всякихъ вѣроисповѣданій и политическихъ воззрѣній, донъ-Черутти задумалъ придать устроенному имъ учрежденію строго конфессіональный характеръ. Въ самомъ же началѣ дѣйствій кассы, Черутти пришлось выдержать жестокую борьбу съ вліятельными ея членами, желавшими удержать за ней нейтральный характеръ. Черутти, при помощи другихъ членовъ мѣстнаго клира и находившихся подъ ихъ вліяніемъ прихожанъ, одержалъ верхъ, и за выходомъ противниковъ изъ состава кассы получилъ полную свободу дѣйствій. Дѣла кассы пошли съ полнымъ успѣхомъ. По ея примѣру вскорѣ основалось въ сосѣднихъ селеніяхъ пять другихъ кассъ, которыя тоже находились въ рукахъ духовенства, и также всѣ дали благопріятные результаты. Эти опыты привели Черутти къ убѣжденію, что сельскія кассы, удовлетворяя насущнымъ потребностямъ крестьянъ, могутъ сдѣлаться могущественнымъ орудіемъ для усиленія вліянія духовенства и для распространенія католической пропаганды. Преисполненный самыми широкими планами, молодой аббатъ сдѣлалъ попытку расположить въ пользу новаго дѣла католическій съѣздъ, собиравшійся въ 1891 г. въ Виченцѣ, но былъ на первый разъ принятъ холодно и не встрѣтилъ никакой поддержки. Однако же первая неудача не охладила энергіи Черутти. Въ интересахъ пропаганды своихъ кассъ, онъ началъ издавать популярный журналъ, который, благодаря яркому, горячему и въ то же время простому изложенію, получилъ среди крестьянъ необычайно быстрое распространеніе и вліяніе (съ перваго же года онъ началъ расходиться въ 24,000 экземпляровъ). Къ слѣдующему съѣзду въ Генуѣ. 1892 г., Черутти представилъ уже результаты дѣятельности 18 кассъ, и ему удалось преодолѣть прежнее недовѣріе. Конгрессъ вотировалъ резолюцію, въ которой приглашалъ католическія ассоціаціи содѣйствовать основанію кассъ съ цѣлью поднятія нравственнаго, умственнаго и экономическаго уровня земледѣльцевъ. Римскій конгрессъ 1894 г., ознакомившись съ представленной Черутти статистикой 69 сельскихъ католическихъ кассъ, выразилъ уже пожеланіе, чтобы, по возможности, во вся-

комъ сельскомъ приходѣ, при ближайшемъ содѣйствіи клира, была устроена католическая касса для пріема сбереженій и выдачи ссудъ. Получивъ, такимъ образомъ, торжественное признаніе со стороны вліятельнѣйшаго органа католической партіи, Черутти еще шире повелъ свою проповѣдь. При его ближайшемъ участіи основался цѣлый рядъ мѣстныхъ комитетовъ въ разныхъ провинціяхъ Италіи, возникъ новый спеціальный журналъ «Cooperazione popolare», устроилось нѣсколько центральныхъ католическихъ банковъ для финансовой поддержки сельскихъ кассъ. Благодаря этимъ разнообразнымъ способамъ содѣйствія, кассы стали возникать каждый годъ цѣлыми сотнями. Въ 1894 г. было основано 104 католическихъ кассы, въ 1895 г. 209, въ 1896 г. 240, тогда какъ число нейтральныхъ кассъ, учредившихся въ тѣ же годы, равнялось 7, 8 и 16. Въ настоящее время католическихъ кассъ насчитывается около 1000. Столь быстрый ростъ движенія, не имѣющій себѣ ничего равнаго въ другихъ мѣстностяхъ, конечно, объясняется сплоченной организаціей и дисциплиной католическаго духовенства, но, по общему признанію, иниціаторомъ и душою его является донъ-Черутти, который своимъ словомъ и примѣромъ сумѣлъ увлечь цѣлую могущественную партію въ новую, по видимому совершенно чуждую ей, сферу дѣйствій.

Во Франціи распространеніе Райфейзеновскихъ кассъ было дѣломъ ліонскаго адвоката Дюрана. Познакомившись съ учрежденіями сельскаго кредита въ Европѣ чрезъ посѣщеніе многихъ изъ нихъ на мѣстахъ, а главнымъ образомъ, при помощи литературы, Дюранъ издалъ 1891 г. обширное сочиненіе «О земледѣльческомъ кредитѣ во Франціи и за границей». Придя къ убѣжденію, выраженному и доказанному въ его книгѣ, что самой подходящей формой сельскаго кредита являются для Франціи ссудныя кассы Райфейзеновскаго типа, Дюранъ съ 1892 г. дѣятельно принялся за распространеніе своихъ мыслей въ средѣ крестьянъ. Онъ ѣздилъ по деревнямъ, устраивалъ публичныя бесѣды и обращался съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ интеллигентнымъ силамъ деревни, приглашая ихъ соединиться для избавленія крестьянства отъ тяготѣющаго надъ ними ростовщичества и для доставленія ему средствъ къ реформѣ устарѣлыхъ пріемовъ хозяйства. Первымъ отозвался на его призывъ аббатъ въ общинѣ Ланжэ. Увлеченный горячими словами Дюрана, священникъ подошелъ къ нему по окончаніи лекціи и высказалъ свое намѣреніе основать въ приходѣ сельскую кассу. Аббатъ привлекъ нѣкоторыхъ прихожанъ, которые, послѣ немалыхъ колебаній, согласились обязаться круговою порукою, и такимъ путемъ возникла первая сельская касса въ Ланжэ. Вскорѣ основалась другая касса при помощи школьнаго учителя, а затѣмъ на

окраинѣ Франціи, въ Пиринеяхъ, возникло еще нѣсколько кассъ подъ вліяніемъ одного капуцинскаго монаха. Къ концу 1893 г. уже насчитывалось 17 кассъ. Для удобства пропаганды Дюранъ основалъ въ Ліонѣ «Союзъ сельскихъ и рабочихъ кассъ», завелъ спеціальный журналъ «Ежемѣсячный Бюллетень», устроилъ ежегодные съѣзды представителей кассъ, и этими путями пустилъ въ ходъ новое дѣло съ такою быстротою, которая почти равняется только что описаннымъ успѣхамъ итальянскихъ католическихъ кассъ. Въ 1894 г. основалось 159 кассъ, въ 1895 г. 190, въ 1896 г. 152 кассы, къ концу 1899 г. насчитывалось уже 763 кассы. Столь быстрому успѣху Дюрановскихъ кассъ способствовала поддержка, котроую онъ нашелъ въ средѣ духовенства и земледѣльческихъ синдикатовъ, но, тѣмъ не менѣе, Дюрану удалось сохранить до сихъ поръ руководительство всѣмъ движеніемъ и неоспоримый авторитетъ въ вопросахъ, къ нему относящихся.

Не менѣе ярко проявилось значеніе личной иниціативы въ распространеніи только что упомянутыхъ земледѣльческихъ синдикатовъ. Это самое новое изъ современныхъ кооперативныхъ движеній вызвано было въ Европѣ потребностью мелкихъ сельскихъ хозяевъ улучшить технику производства и способы сбыта своихъ продуктовъ—въ видахъ борьбы съ тяготѣвшимъ надъ ними кризисомъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ поднятію производства являлось примѣненіе химическихъ удобреній и отборныхъ сѣмянъ. Тѣ и другія могутъ принести пользу лишь при условіи обезпеченія надлежащаго ихъ качества. Между тѣмъ, отдѣльному земледѣльцу, по недостатку знаній, почти невозможно гарантировать себя отъ обмановъ въ качествѣ товаровъ, а въ силу ограниченнаго спроса, затруднительно уберечься отъ обсчитыванія на цѣнѣ. Еще больше трудностей представляетъ для изолированнаго земледѣльческаго хозяйства сбытъ произведеній. При современныхъ условіяхъ мірового рынка, колебанія цѣнъ находятся въ зависимости отъ отдаленныхъ и сложныхъ причинъ, которыя умѣетъ эксплуатировать въ свою пользу спекуляція Мелкій земледѣлецъ беззащитенъ передъ уловками спекулянтовъ, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности выискивать себѣ лучшіе рынки и вынужденъ сбывать свой товаръ мѣстнымъ скупщикамъ, какія бы условія не предлагались послѣдними. Естественно, поэтому, явилась мысль объ устройствѣ ассоціацій земледѣльцевъ въ видахъ совмѣстной закупки нужныхъ имъ орудій и матеріаловъ и общей продажи ихъ произведеній. Попытки подобныхъ соединеній встрѣчаются въ Германіи, Италіи и Скандинавскихъ странахъ, но обыкновенно, какъ случайныя прибавки къ другимъ ассоціаціямъ, напримѣръ, кредитнымъ или потребительнымъ. Устройство спеціальныхъ предпріятій между мелкими земледѣль-

цами, съ указанными выше цѣлями, на основахъ кооперації, начинается во Франціи, а потомъ въ Италіи со средины, или даже, собственно, со второй половины 80-хъ годовъ; но серьезное ихъ развитіе приходится лишь на послѣднее десятилѣтіе. Это новое движеніе встрѣчало вначалѣ немалыя трудности. Оно возникло въ такой странѣ, гдѣ широко распространенная и издавна сложившаяся мелкая собственность укрѣпила въ крестьянахъ привычки индивидуальнаго хозяйствованія и отучила ихъ отъ всякихъ дѣйствій сообща. Иниціаторамъ предстояла трудная задача убѣдить людей, что, дѣйствуя совмѣстно, они вѣрнѣе достигнутъ своихъ выгодъ. Выполненіе этой задачи выпало на долю людей, обладающихъ знаніемъ, стоящихъ близко къ крестьянской средѣ и потому внушающихъ ей довѣріе. Таковы были образованные землевладѣльцы, учителя, а въ особенности мѣстные агрономы, такъ называемые «департаментскіе профессора земледѣлія» во Франціи или «директора амбулантныхъ каѳедръ», какъ они именуются въ Италіи. Этимъ людямъ, при поддержкѣ мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, такъ или иначе связанныхъ съ деревней, удалось положить основу движенію, которое, разростаясь съ каждымъ годомъ, уже теперь достигаетъ внушительныхъ размѣровъ, а въ будущемъ обѣщаетъ придать новыя формы всему мелкому земледѣлію. Воспользуемся нѣкоторыми имѣющимися въ нашихъ источникахъ фактами по исторіи зарожденія земледѣльческихъ синдикатовъ въ двухъ странахъ, Франціи и Италіи.

Во Франціи первый синдикатъ былъ основанъ въ мартѣ 1883 г. между земледѣльцами Луары и Шера департаментскимъ профессоромъ г. Танвирэ (Tanviray). Цѣль ассоціаціи заключалась въ «покупкѣ сообща минеральныхъ удобреній съ цѣлью добиться этимъ путемъ удешевленія цѣнъ и устраненія обмановъ при поставкахъ». Косвенная задача синдиката состояла «въ облегченіи земледѣльцамъ выбора удобрительныхъ веществъ соотвѣтственно качествамъ почвы и различнымъ требованіямъ культуры». Моментъ былъ избранъ благопріятный, потому что нужда въ реформѣ земледѣлія чувствовалась настоятельно, и въ деревенскую среду уже начали проникать черезъ школу и прессу слухи о возможности увеличить доходы хозяйства и уменьшить издержки производства чрезъ примѣненіе минеральныхъ туковъ. Когда оказалось, что ассоціація, даже небольшая, какою она была вначалѣ, благодаря вызываемой ею конкурренціи между поставщиками удобреній и строгому контролю при пріемѣ товаровъ, въ состояніи обезпечить и сравнительно высокое качество, и возможно низкую цѣну удобреній, когда правильное примѣненіе туковъ, согласно совѣтамъ болѣе свѣдущихъ и опытныхъ членовъ ассоціаціи, удвоило прежніе сборы продуктовъ, новое дѣло сразу

привлекло къ себѣ всеобщее довѣріе, и мѣстные хозяева бросились запасаться черезъ ассоціацію химическими удобреніями. Къ этому времени подоспѣло изданіе закона о профессіональныхъ синдикатахъ, вотированнаго 21 марта 1884 г. Законъ 1884 г., предоставляя гражданскія права синдикатамъ, обезпечивая за ними широкую свободу дѣйствій и гарантируя имъ покровительство закона и государства, открывалъ широкія перспективы примѣненію начала ассоціаціи. Извѣстно, какое могучее движеніе въ пользу ассоціаціи вызвалъ этотъ законъ среди ремесленниковъ и фабричнаго рабочаго класса, но нигдѣ, быть можетъ, его вліяніе не отразилось такъ сильно, какъ въ области только что зарождавшихся земледѣльческихъ синдикатовъ. Г. Тавиро, тотчасъ по изданіи закона, придалъ своей ассоціаціи форму, установленную въ законѣ и учредилъ «Синдикатъ земледѣльцевъ Луары и Шера», который насчитываетъ въ настоящее время до 4,000 членовъ. Удачный примѣръ быстро сдѣлался извѣстнымъ по всей Франціи и тотчасъ же вызвалъ подражанія. Вскорѣ возникли подобныя же учрежденія въ Орлеанѣ, въ департаментѣ Дромы, въ Авиньонѣ, въ Полиньи. Всѣ они были устроены или мѣстными земледѣльческими обществами, или отдѣльными просвѣщенными дѣятелями, по образцу вышеописаннаго перваго синдиката. Разъ начавшееся дѣло пошло затѣмъ съ замѣчательною быстротой. Какъ скоро сдѣлалось возможнымъ ссылаться на цѣлый рядъ удачныхъ примѣровъ, иногда одной одушевленной конференціи на мѣстѣ бывало достаточно, чтобы положить основаніе новому синдикату. Луи Дюбуа, директоръ одного земледѣльческаго журнала, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и устраивая бесѣды, основалъ до сотни земледѣльческихъ синдикатовъ. Аббатъ Лемиръ учредилъ въ одномъ округѣ Сѣвернаго департамента около 40 небольшихъ общинныхъ ассоціацій крестьянъ, которыя не только преслѣдуютъ обычныя цѣли синдикатовъ, но, кромѣ того, заботятся объ умственномъ и нравственномъ прогрессѣ населенія. Автору настоящей статьи лично извѣстно, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей французскаго синдикатнаго движенія, г. Кергаль, при помощи конференцій на мѣстахъ и издаваемаго имъ популярнаго журнала, ежегодно учреждаетъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи по нѣскольку десятковъ земледѣльческихъ синдикатовъ.

Въ Италіи земледѣльческіе синдикаты, въ качествѣ побочныхъ учрежденій при другихъ предпріятіяхъ, встрѣчались еще въ серединѣ 70-хъ годовъ. Уже въ то время извѣстное земледѣльческое общество въ Фріулѣ составляло кружки сельскихъ хозяевъ для совмѣстной выписки изъ Японіи грены шелковичнаго червя, по случаю болѣзни мѣстнаго червя, устраивало совмѣстную закупку хлѣбныхъ сѣмянъ и земледѣльческихъ машинъ и пр. Подобныя

же общія покупки не разъ осуществлялись также земледѣльческими комиціями въ Мантуѣ, Пизѣ, Пьяченцѣ и пр. Но о настоящихъ синдикатахъ, какъ самостоятельныхъ земледѣльческихъ ассоціаціяхъ, заговорили въ Италіи только во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда сдѣлались извѣстными результаты французскаго движенія и, кромѣ того, стала ясно ощущаться въ народѣ необходимость минеральныхъ удобреній, равно какъ и химическихъ веществъ, для борьбы съ виноградными паразитами. Первый публично заговорилъ о нихъ въ 1887 г. извѣстный руководитель итальянскихъ синдикатовъ, нынѣшній президентъ ихъ федераціи, Энеа Кавальери. На конгрессѣ итальянскихъ сельскихъ хозяевъ въ Сіенѣ, Кавальери сдѣлалъ подробный докладъ объ устройствѣ французскихъ синдикатовъ и горячо рекомендовалъ примѣненіе подобныхъ ассоціацій въ Италіи. Оживленная пропаганда этой мысли въ статьяхъ Кавальери и Воллемборга привела къ тому, что въ августѣ 1889 г. созванъ былъ въ Пьяченцѣ спеціальный конгрессъ для разъясненія вопроса о способахъ пустить въ ходъ новыя учрежденія. Первые правильные синдикаты возникли подъ прямымъ вліяніемъ лицъ, близкихъ къ Кавальери, или его самого. Такъ въ началѣ 1889 г. учредился въ Туринѣ синдикатъ, сначала въ скромныхъ размѣрахъ 57 членовъ, по иниціативѣ профессора Гарелли. Въ Падуѣ, въ томъ же 1889 г., иниціаторомъ явился уже извѣстный намъ Луццати, который выработалъ всѣ детали организаціи по точному образцу французскихъ ассоціацій этого рода. Въ концѣ 1889 г. возникъ синдикатъ во Флоренціи, въ результатѣ доклада профессора Ферарри. Учрежденіе синдикатовъ пошло въ особенности живо съ тѣхъ поръ, какъ по почину Энеа Кавальери и подъ его неизмѣннымъ президентствомъ въ 1892 г. была учреждена въ Пьяченцѣ федерація итальянскихъ синдикатовъ. Это учрежденіе, предназначенное, главнымъ образомъ, для удобнѣйшаго выполненія оптовыхъ закупокъ, поставило, между прочимъ, себѣ цѣлью пропаганду земледѣльческихъ ассоціацій и ведетъ ее настолько успѣшно, что теперь почти вся сѣверная и средняя Италія покрыта ими. Главную роль въ устроеніи синдикатовъ играютъ «профессоры амбулантныхъ кафедръ», которые теперь находятся почти во всѣхъ главныхъ городахъ сѣверной Италіи. Такое происхожденіе имѣли синдикаты въ Пармѣ, въ Кремонѣ, въ Мантуѣ, въ Пезаро, въ Римини, въ Феррарѣ и пр. Кромѣ профессоровъ, у федераціи находятся и другіе полезные помощники. Въ ряду учредителей синдикатовъ сплошь и рядомъ фигурируютъ адвокаты, врачи, чиновники, учителя и т. п. Одинъ изъ вліятельныхъ синдикатовъ былъ устроенъ, напримѣръ, капитаномъ военной школы, въ теченіе временнаго его отпуска.

Мы пересмотрѣли цѣлый рядъ частичныхъ движеній, которыя представляютъ собою развѣтвленія общей кооперативной волны, все болѣе и болѣе охватывающей европейскіе народы. Мы могли бы въ значительной степени увеличить число приводимыхъ фактовъ, привлекая къ разсмотрѣнію другія отрасли кооперації, или анализируя въ уже приведенныхъ отрасляхъ частичныя, мѣстныя ея проявленія. Но уже приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы показать, какое могучее вліяніе имѣетъ талантливая и энергическая личность, если она вѣрно уловитъ потребности эпохи и придумаетъ для ихъ удовлетворенія удачныя учрежденія и формы. Конечно, не всѣ начинанія удаются. Несомнѣнно, что многія изъ нихъ, уже по самому существу своему бываютъ обречены на неуспѣхъ, такъ какъ или не отвѣчаютъ нуждамъ времени, или заключаютъ въ себѣ техническія ошибки и несовершенства. Но если дѣло проектировано удачно, если оно свободно отъ двухъ указанныхъ недостатковъ, то оно прочно водворяется въ окружающей средѣ, постепенно завоевывая все большій и большій кругъ послѣдователей и расширяя область примѣненія.

Впрочемъ, исторія изучаемыхъ нами движеній показываетъ, что начинанія, даже наилучшимъ образомъ задуманныя, даже провѣренныя обширнымъ предшествовавшимъ опытомъ, не всегда и не при всѣхъ обстоятельствахъ распространяются съ одинаковымъ успѣхомъ. Удачное развитіе кооперації, уже по той причинѣ, что послѣдняя представляетъ собою свободное сочетаніе, многихъ лицъ и самопроизвольное единеніе многихъ интересовъ, зависитъ отъ цѣлаго ряда условій, связанныхъ, съ одной стороны, съ количествомъ и качествомъ лицъ, выступающихъ провозвѣстниками кооперації, а съ другой стороны—съ особенностями среды, въ которой совершается проповѣдь.

Какова бы ни была энергія и настойчивость иниціаторовъ движенія, они не могутъ ничего совершить въ одиночку. Ихъ дѣятельность будетъ ограниченна и мало успѣшна, если они не найдутъ сподвижниковъ, не навербуютъ помощниковъ, которые способны проникнуться ихъ идеями, готовы выступить съ проповѣдью и могутъ явиться надежными исполнителями указанныхъ имъ предначертаній. Болѣе или менѣе быстрый ростъ кооперативнаго движенія зависитъ отъ того, имѣется ли на-лицо въ данной мѣстности достаточное количество интеллигентныхъ людей, пригодныхъ для служенія новому дѣлу, и съ другой стороны, готовы ли будутъ эти люди оказать ему искреннюю поддержку. Отчего народные банки особенно удачно идутъ въ Германіи и въ Италіи? Не оттого ли, что въ той и другой странѣ унаслѣдованная отъ старой исторіи децентрализація разбросала по всѣмъ уголкамъ страны интеллигентныя силы, которыя готовы

явиться на поддержку всякому благому начинанію. Въ Германіи, съ нѣсколькими десятками университетскихъ городовъ, съ множествомъ другихъ интеллигентныхъ центровъ, а тѣмъ больше въ Италіи, съ ея знаменитыми ста городами («cento citta d'Italia»), проповѣдь народныхъ банковъ встрѣтила цѣлыя массы убѣжденныхъ послѣдователей и талантливыхъ исполнителей.

При ближайшемъ ознакомленіи съ народными банками Италіи приходится поражаться разнообразіемъ ихъ операцій, числомъ и размѣрами оборотовъ, остроуміемъ и тонкостью придуманныхъ деталей, экономностью, ловкостью и безукоризненной честностью веденія ихъ обширныхъ дѣлъ. Пишущему эти строки приходилось не разъ видѣть въ Италіи народные банки, которые по количеству учтенныхъ векселей равнялись самымъ обширнымъ изъ русскихъ кредитныхъ учрежденій и представляли отъ нихъ только ту разницу, что вмѣсто много-тысячныхъ векселей, учитывались документы въ полсотню или въ сотню франковъ. И вся эта масса мелкихъ дѣлъ ведется съ какимъ-нибудь десяткомъ служащихъ, ведется въ скромномъ наемномъ помѣщеніи, и, однако, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, предписываемыхъ банковой техникой и всѣхъ требованій строжайшей бухгалтеріи. Отъ чего зависитъ это? Отъ того, что усиленное распространеніе коммерческаго и техническаго образованія, въ особенности же старая торговая дѣятельность итальянскихъ городовъ создали обширный классъ людей, пригодныхъ для веденія практическихъ дѣлъ, а живучесть историческихъ традицій, въ связи съ южнымъ увлекающимся темпераментомъ, дѣлаютъ этихъ лицъ способными страстно проникаться проповѣдью такихъ людей, какъ Луццати и видѣть свое счастіе въ служеніи тому, что они считаютъ общимъ интересомъ. Автору настоящей статьи приходилось встрѣчать въ Италіи людей, уже на склонѣ лѣтъ, которые провели всю свою жизнь въ безкорыстномъ завѣдываніи скромной сберегательной кассой или сельскимъ банкомъ и считаютъ себя счастливыми, что имъ выпало на долю поднять благосостояніе небольшого окружающаго района или увеличить въ десятки и сотни разъ обороты предпріятія, задуманнаго и начатаго въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Въ особенности важна наличность подобныхъ людей, когда дѣло идетъ объ учрежденіяхъ, разсчитанныхъ на сельское населеніе, повсюду менѣе развитое, болѣе приверженное къ рутинѣ, менѣе довѣрчивое, чѣмъ городское. Кромѣ знанія и умѣнія, здѣсь требуется отъ руководителей особенно много терпѣнія, выдержки и настойчивости, чтобы многократными повторными увѣщаніями добиться намѣченной цѣли. Всего удобнѣе, если эта задача выпадаетъ на мѣстныхъ людей, знакомыхъ населенію и успѣвшихъ завоевать себѣ его довѣріе. Не удивительно поэтому

что въ Германіи, въ Италіи, во Франціи главными дѣятелями по устройству сельскихъ кассъ и земледѣльческихъ синдикатовъ являются: мѣстный учитель начальной школы, мѣстный священникъ, врачъ, секретарь или писарь общиннаго управленія, землемѣръ, мѣстный землевладѣлецъ. Въ первой Воллемборговской кассѣ, въ Лореджіи, были активными учредителями, кромѣ самого Воллеморга,—врачъ и общинный секретарь. Во второй учрежденной кассѣ дѣйствующими лицами явились школьный учитель, священникъ и сельскій писарь. Подобнымъ же образомъ, въ сельскихъ кассахъ Франціи все дѣло держится по преимуществу на священникахъ и сельскихъ учителяхъ. Авторъ настоящей статьи имѣлъ случай лично познакомиться въ Абано, близъ Падуи, съ общиннымъ писаремъ, который въ теченіе 13 лѣтъ образцовымъ образомъ ведетъ ссудную кассу, самъ выполняя всѣ работы по счетоводству и завѣдуя всѣми сношеніями съ кліентами кассы. Подобнымъ же образомъ, онъ имѣлъ удовольствіе во французской общинѣ Кастелляръ близъ Ментоны, встрѣтиться съ школьнымъ учителемъ, на которомъ лежатъ всѣ заботы по завѣдыванію дѣлами мѣстной сельской кассы, тоже находящейся въ образцовомъ порядкѣ; старый учитель лишь изрѣдка прибѣгаетъ къ помощи школьниковъ для содѣйствія ему въ нѣкоторыхъ работахъ по письмоводству. Обиліе въ странѣ подобныхъ скромныхъ дѣятелей, готовыхъ съ любовью отдать свои силы полезному начинанію, составляетъ настолько необходимое условіе успѣха кооперативныхъ предпріятій, что какъ родоначальникъ сельскихъ кассъ въ Европѣ, Райфейзенъ, такъ и его послѣдователи въ Италіи и Франціи совѣтуютъ не открывать сельской кассы, если нельзя найдти въ данной мѣстности, по крайней мѣрѣ, двухъ интеллигентныхъ лицъ для занятія должности предсѣдателя и секретаря на первое время, пока изъ среды самого сельскаго населенія не выдѣлятся лица, способныя съ успѣхомъ выполнять эти функціи. Историки кооперативнаго движенія въ Германіи, напримѣръ, Эртль, отмѣчаютъ, что въ деревняхъ два совершенно разнородныхъ товарищескихъ предпріятія, напримѣръ, кредитная касса и земледѣльческій синдикатъ для покупки орудій и удобреній, или кооперативная молочная и потребительное общество, бываютъ иногда слиты въ одно единственно потому, что для веденія ихъ въ отдѣльности не оказывается людей.

Однако, мало того, чтобы въ данной странѣ или мѣстности имѣлись люди, способные распространить и примѣнить къ дѣлу новыя формы кооперації. Нужно еще, чтобы эти люди съ сочувствіемъ относились къ вводимымъ учрежденіямъ. Если этого сочувствія нѣтъ на лицо, или оно по какой-либо причинѣ охладѣетъ, или же обратится въ другую сторону, то, при всей настойчивости

иниціаторовъ движенія, дѣло можетъ затормозиться и заглохнуть. Такъ, напримѣръ, случилось въ Италіи съ кассами Воллемборга, которыя на первыхъ порахъ пошли превосходно и начали живо распространяться въ Сѣверной Италіи, но затѣмъ почти замерли, съ тѣхъ поръ, какъ по ихъ примѣру за подобное же дѣло взялось католическое духовенство; мѣстныя дѣятельныя силы, раньше помогавшія кассамъ Воллемборга, принадлежа, по большей части, къ католической партіи, стали работать въ ея рядахъ, какъ скоро она взялась за устройство кредитныхъ и другихъ кооперативныхъ учрежденій для народа. Въ подтвержденіе подобной мысли можно привести еще болѣе рѣзкій примѣръ изъ исторіи нашей собственной страны. Извѣстно, что въ 1870 г. въ Россіи начали основываться во множествѣ ссудо-сберегательныя товарищества, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельной поддержкѣ лучшей части гласныхъ земскихъ собраній. Въ пятилѣтіе съ 1872 до 1877 г. ежегодно получало правительственное утвержденіе отъ 150 до 200 уставовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Если бы развитіе народнаго кредита шло и далѣе подобнымъ же темпомъ, то наша страна въ настоящее время сравнялась бы въ этомъ отношеніи, пожалуй, даже съ Германіей. Но дѣло въ томъ, что съ середины 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ неудачъ, а главнымъ образомъ, вслѣдствіе отрицательнаго отношенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ органовъ литературы къ сельскому кредиту, прежнее увлеченіе смѣнилось почти полнымъ охлажденіемъ. Число возникающихъ товариществъ стало постепенно сокращаться, и, наконецъ, это движеніе почти вовсе остановилось. Достаточно припомнить, что въ 1890 г. было утверждено правительствомъ всего 6 уставовъ новыхъ товариществъ, а въ 1895 г. даже только три. Разница приведенныхъ цифръ съ полной яркостью обрисовываетъ передъ нами все значеніе прилива и отлива сочувствія и содѣйствія образованныхъ классовъ къ распространенію кооперативныхъ предпріятій.

Еще важнѣе для судьбы учреждаемыхъ кооперацій свойства среды, въ которой приходится ихъ водворять. Этими свойствами опредѣляется какъ большая или меньшая быстрота распространенія ассоціацій, такъ нерѣдко и та форма, которую приходится имъ принять. Несомнѣнно, что всякій видъ кооперативныхъ предпріятій легче водворяется въ средѣ интеллигентной, съ широко распространеннымъ образованіемъ, нежели въ мало просвѣщенныхъ слояхъ общества. Тамъ, гдѣ весь народъ прошелъ черезъ начальную школу, гдѣ для всѣхъ болѣе способныхъ лицъ дана возможность расширить свое образованіе дополнительными курсами, гдѣ въ почетѣ у народа книга и газета, тамъ всякая проповѣдь кооперации найдетъ болѣе благодарную почву и принесетъ

болѣе вѣрные и обильные плоды. Чѣмъ инымъ, какъ не этой разницей объясняется наблюдаемый повсюду въ Европѣ фактъ болѣе быстраго развитія народнаго кредита въ городахъ по сравненію съ сельскими округами, въ промышленныхъ мѣстностяхъ сравнительно съ чисто земледѣльческими? Въ Германіи и Италіи народные банки городского типа предшествовали учрежденію сельскихъ кассъ Райфейзеновскаго образца. Сельскія кассы, въ свою очередь, быстрѣе развились въ Германіи среди жителей промышленныхъ прирейнскихъ провинцій, нежели, напримѣръ, въ восточныхъ областяхъ, населенныхъ по преимуществу земледѣльцами. Однако ни въ одной странѣ эта разница не выдѣляется столь значительно, какъ въ Италіи, такъ какъ, можетъ быть, нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ такихъ рѣзкихъ различій между провинціями въ смыслѣ интеллектуальнаго и экономическаго развитія: тогда какъ сѣверъ Италіи, по широкому разливу народнаго образованія и высокому уровню промышленной жизни можетъ поравняться съ самыми бойкими областями Германіи или Франціи, южныя провинціи Италіи до сихъ поръ находятся почти въ періодѣ средневѣковья. Не удивительно поэтому, что первые народные банки, первыя сельскія кассы, первые земледѣльческіе синдикаты возникли именно на сѣверѣ Италіи, въ Ломбардіи и Венеціанской области. Оттуда они постепенно распространялись по другимъ частямъ страны, но даже и теперь, послѣ трехъ десятилѣтій со времени основанія первыхъ банковъ, эта разница съ совершенною ясностью выступаетъ какъ въ распространенности, такъ и въ ходѣ дѣятельности кредитныхъ учрежденій. Ломбардія, Венеція и Эмилія до сихъ поръ рѣзко выдѣляются изъ всѣхъ прочихъ итальянскихъ провинцій по количеству народныхъ банковъ и, въ особенности, по числу участвующихъ въ нихъ членовъ: въ этихъ трехъ провинціяхъ насчитывается почти столько же членовъ, сколько въ остальныхъ тринадцати. И по способамъ веденія дѣла онѣ отличаются отъ прочихъ областей. Луццати въ предисловіи къ послѣднему отчету о состояніи итальянскихъ банковъ за 1898 г. замѣчаетъ, что сила и прочность банковыхъ учрежденій сѣверной Италіи находитъ себѣ, между прочимъ, яркое выраженіе въ ничтожныхъ потеряхъ, составлявшихъ въ Венеціи всего 19 чентезимовъ, а въ Ломбардіи 37 чент. на сто лиръ произведенныхъ операцій. То же нужно сказать и о сельскихъ кассахъ. Воллемборговскія кассы почти сплошь находятся въ Венеціанской области. Даже католическія кассы, не смотря на все могущество поддерживающаго ихъ клира, почти не выходятъ изъ тѣхъ же предѣловъ. Тогда какъ въ 1897 г. насчитывалось въ діоцезѣ Тревизскомъ—94 кассы, въ Веронскомъ — 74, въ Бергамскомъ—66, въ Падуанскомъ—65, въ Венеціанскомъ—54,—на югѣ,

напримѣръ, въ Палермо, въ Мессинѣ, въ Кальяри ихъ существовало всего по одной.

Столь же важную роль, какъ уровень умственнаго развитія въ окружающемъ населеніи, играетъ въ исторіи кооперації большая или меньшая привычка народа къ совмѣстному дѣйствованію. Джонъ Стюартъ Милль въ свое время не даромъ приписывалъ этой привычкѣ такое же значеніе въ дѣлѣ экономическаго прогресса, какъ развитію и распространенію знаній. Людямъ всегда приходилось восполнять свое безсиліе взаимными соединеніями, но никогда эта потребность общенія не выступала такъ ярко, какъ въ современную эпоху. Происходящая повсюду концентрація промышленныхъ предпріятій угрожаетъ поглотить мелкія хозяйства, если они путемъ сочетанія силъ не усвоютъ себѣ, въ большей или меньшей степени, выгодъ и преимуществъ крупнаго производства. Но осуществленіе союзовъ представляется дѣломъ не легкимъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ люди разрознены, гдѣ каждый привыкъ жить и вести свои дѣла безъ всякой связи съ другими. Если даже въ подобной средѣ возникнетъ мысль и пробудится желаніе устроить какое либо общее предпріятіе, послѣднее рѣдко можетъ пойти удачно. Нужно, чтобы люди умѣли согласовать свои дѣйствія, подчиняться общему рѣшенію, повиноваться имъ же самими избраннымъ руководителямъ, а это умѣнье пріобрѣтается только путемъ продолжительнаго упражненія. Навыкъ къ совмѣстной работѣ, образовавшійся въ какомъ либо родѣ дѣятельности, является существеннымъ подспорьемъ для успѣха всякой другой, представляетъ собою драгоцѣнный капиталъ, который потомъ можетъ получить любое назначеніе. Историческія событія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка разрушили въ Европѣ старыя формы союзовъ, которые нѣкогда охватывали собою трудящееся населеніе. Но нѣкоторые остатки старинныхъ корпорацій, а главное, воспитанныя ими привычки всетаки кое гдѣ сохранились и оказали важное содѣйствіе, когда явилась необходимость заводить новыя, современныя формы соединеній. Первыя кооперації нашего времени всего легче возникали тамъ, гдѣ существовали подобные остатки, а къ этимъ первымъ простѣйшимъ формамъ современныхъ соединеній привязывались затѣмъ прочія, представляя собою, такимъ образомъ, какъ бы одну непрерывную цѣпь постепеннаго развитія. Любопытно прослѣдить съ этой точки зрѣнія ходъ современной кооперації на нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣрахъ.

Первыя общественныя молочныя во Франціи, въ Швейцаріи и въ Италіи возникли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже нѣсколько вѣковъ существовали между владѣльцами скота первобытныя соединенія, извѣстныя подъ именемъ «fruitières». Историки возво-

дятъ начала «fruitières» къ XIII в., но въ особенности многихъ возникло съ XVII в. И теперь еще во Франціи ихъ насчитывается болѣе двухъ тысячъ. Особенно распространены они въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ или цѣлая община, или жители отдѣльнаго селенія, или товарищество изъ нѣсколькихъ хозяевъ, отправляя на лѣто скотъ въ горы, нанимаютъ сообща пастуха, который обыкновенно является и маслодѣломъ или сыроваромъ; получаемый отъ всего стада удой превращается на мѣстѣ въ масло и сыръ, распредѣляемые потомъ между отдѣльными хозяевами по количеству доставленнаго скотомъ молока. Современныя общественныя молочныя, возникшія во множествѣ въ тѣхъ же частяхъ Франціи, представляютъ собою лишь распространеніе на зимній періодъ, когда скотъ содержится въ стойлахъ отдѣльно въ каждомъ хозяйствѣ, тѣхъ же порядковъ, какіе издавна примѣнялись во время лѣтней совмѣстной пастьбы скота. Конечно, одновременно съ тѣмъ, общественныя молочныя прилагаютъ и болѣе усовершенствованную технику въ производствѣ молочныхъ продуктовъ и способѣ сбыта ихъ. Подобное же происхожденіе имѣли современные синдикаты винодѣловъ въ Бургундіи и Турэни. Тамъ издавна, еще съ прошлаго вѣка, возникли между мелкими владѣльцами виноградниковъ союзы для взаимной помощи трудомъ. Такъ какъ нѣкоторыя операціи, напримѣръ, сборъ винограда, не терпятъ отлагательства, то, въ случаѣ болѣзни участвующаго въ союзѣ владѣльца, другіе сочлены производятъ нужныя работы въ его виноградникѣ, а иногда, но рѣже, нанимаютъ изъ общаго фонда работника для той же цѣли. Эти общества послужили удобной почвой для пропаганды современныхъ винодѣльческихъ ассоціацій, которыя и охватили тѣсною сѣтью названныя мѣстности. Существующая въ Парижѣ могущественная ассоціація садовниковъ и садоводовъ св. Фіакра представляетъ собою приспособленіе къ условіямъ настоящаго времени старинной корпораціи парижскихъ садовниковъ имени того же святого. Мы упоминаемъ о ней потому, что она послужила, въ свою очередь, прототипомъ для цѣлаго ряда подобныхъ ассоціацій садовниковъ въ окрестностяхъ Парижа и въ сосѣднихъ департаментахъ. Въ департаментѣ Ландовъ съ давнихъ поръ устроившіяся ассоціаціи для взаимнаго вспомоществованія на случай скотскаго падежа, представлявшія, въ свою очередь, подражаніе еще болѣе раннимъ «конфреріямъ», послужили образцомъ для современныхъ обществъ застрахованія скота, быстро развившимся въ этой мѣстности, благодаря такой подготовкѣ.

Выше было показано, что нѣкоторыя изъ болѣе раннихъ и простыхъ формъ современной кооперації непосредственно привязываются къ союзамъ стараго времени, или дожившимъ до на-

шихъ дней, или сохранившимся въ видѣ переживанія. Эти, такъ сказать, первичныя формы новѣйшей кооперації послужили, въ свою очередь, почвой, на которой выросли разнообразныя, болѣе сложныя кооперативныя предпріятія. Особенно ясный примѣръ подобной связи представляетъ собою исторія учрежденій народнаго кредита въ Италіи. Какъ уже было упомянуто выше, первые народные банки возникли среди обществъ взаимопомощи рабочихъ. Мы приводили выше разсказъ о происхожденіи перваго народнаго банка въ Лоди въ 1864 г. Подобнымъ же образомъ произошли въ 1865 г. народные банки въ Миланѣ, въ Кремонѣ и въ Болоньѣ, въ 1867 г.—въ Пьяченцѣ. Эти первые банки, возникшіе по иниціативѣ Луццати, или подъ его вліяніемъ, и послужившіе очагомъ народнаго кредита въ Италіи, и впослѣдствіи долгое время сохраняли слѣды своего происхожденія. Въ Миланскомъ банкѣ, не смотря на его много-милліонные обороты, долгое время въ составѣ членовъ учетнаго комитета обязательно находилось нѣсколько депутатовъ отъ учредившей его рабочей ассоціаціи. Въ Лоди, въ Кремонѣ управленіе народными банками долго совмѣщалось съ предсѣдательствомъ въ рабочихъ обществахъ. И впослѣдствіи множество народныхъ банковъ имѣли такое же начало, какъ упомянутыя выше первыя кредитныя учрежденія для народа: это фактъ—общеизвѣстный для всѣхъ, кто занимался исторіей итальянскаго народнаго кредита. Отъ рабочихъ же ассоціацій пошли въ ходъ въ Италіи потребительныя общества. Первоначально они возникали въ видѣ отдѣленій при обществахъ взаимопомощи, а съ расширеніемъ операцій обособлялись въ самостоятельныя предпріятія.

Столь же ясно проявляется связь новыхъ учрежденій съ прежними въ современномъ синдикальномъ движеніи, и при томъ въ обѣихъ странахъ, гдѣ оно получило особое развитіе,—во Франціи и въ Италіи. Во Франціи еще съ половины прошлаго вѣка стали учреждаться общества сельскаго хозяйства, получившія значительное распространеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ страны. Съ 30-хъ годовъ, наряду съ сельскохозяйственными обществами начали заводиться такъ называемыя «земледѣльческія комиціи», регламентированныя впослѣдствіи закономъ 1851 г. Оба названные рода учрежденій имѣютъ своею задачею распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній и поощреніе улучшеній при помощи конкурсовъ и премій. Когда земледѣльческій кризисъ заставилъ мелкихъ хозяевъ подумать о совмѣстной закупкѣ удобреній и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ, а также о продажѣ продуктовъ сообща, то первыя попытки подобныхъ соединеній естественно возникли въ средѣ членовъ сельскохозяйственныхъ обществъ и комицій, между которыми уже суще-

ствовало взаимное знакомство и болѣе или менѣе продолжительныя связи. Закупки на первыхъ порахъ осуществлялись въ видѣ временной складчины на совмѣстное пріобрѣтеніе оптомъ нужныхъ предметовъ, затѣмъ, при расширеніи дѣла, — въ видѣ особыхъ отдѣленій при обществахъ или комиціяхъ, и, наконецъ, при дальнѣйшемъ развитіи,—въ формѣ устраивавшихся при ихъ участіи самостоятельныхъ синдикатовъ со своими уставами, съ опредѣленнымъ капиталомъ и съ спеціальнымъ составомъ членовъ. Такъ возникло множество земледѣльческихъ ассоціацій во Франціи,—между прочимъ, одинъ изъ самыхъ раннихъ, устроенный въ 1885 г., «Синдикатъ земледѣльцевъ департамента Эндръ», имѣющій теперь около 4,000 членовъ. Не приводя другихъ примѣровъ, мы напомнимъ, что и въ настоящее время синдикальное движеніе находится подъ руководствомъ «Общества сельскихъ хозяевъ во Франціи». Подобнымъ же образомъ, въ Италіи почти половина земледѣльческихъ синдикатовъ существуетъ въ качествѣ отдѣленій при комиціяхъ, устроенныхъ по закону 1866 г., т. е. еще за двадцать лѣтъ до начала настоящаго движенія, или же при сельскохозяйственныхъ обществахъ, имѣющихъ еще болѣе раннее происхожденіе. Такимъ образомъ, и это движеніе, замѣчательное по сложности и разнообразію формъ, равно какъ по его сильному вліянію на прогрессъ итальянскаго мелкаго земледѣлія, возникло въ прямой связи съ ранѣе существовавшими видами союзовъ, и при томъ съ намѣченною выше постепенностью стадій развитія (временная складчина, постоянное отдѣленіе, самостоятельный синдикатъ). Мы не будемъ увеличивать числа примѣровъ, такъ какъ уже изъ приведенныхъ съ несомнѣнностью явствуетъ, что современныя формы кооперацiи, по совершенно понятнымъ и упомянутымъ выше причинамъ, стремятся привязаться къ ранѣе существовавшимъ союзамъ. Устройство новыхъ кооперацій облегчается даже въ томъ случаѣ, если между людьми завязались крѣпкія связи, хотя бы и не на экономической почвѣ. Быстрый ростъ Райфейзеновскихъ кассъ въ Рейнской провинціи и тѣхъ же кассъ во Франціи въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что по удачной мысли ихъ основателей, онѣ обыкновенно пріурочивались къ приходамъ или сельскимъ общинамъ, гдѣ люди связаны были между собою общностью церковныхъ или мѣстныхъ административныхъ интересовъ. Всего ярче значеніе нематеріальныхъ связей между людьми подтверждается быстротою и обширностью распространенія итальянскихъ католическихъ кассъ по сравненію съ Воллемборговскими, нейтральными. Независимо отъ вліянія духовенства, о чемъ была рѣчь выше, легкость возникновенія этихъ кассъ могла зависѣть именно отъ того, что въ давномъ случаѣ къ крѣпкой религіозной связи присоединилась новая,

экономическая, являвшаяся какъ бы только надстройкой надъ зданіемъ, которое было уже сооружено раньше.

Если кооперативное предпріятіе удачно задумано и правильно приноровлено къ средѣ, то оно, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода первоначальнаго устройства, начинаетъ развиваться и разростаться въ разныхъ направленіяхъ. Исторія кооперативныхъ движеній даетъ возможность прослѣдить нѣсколько стадій и различныхъ проявленій этого роста.

Первымъ выраженіемъ развитія возникшей кооперації является увеличеніе размѣровъ отдѣльныхъ предпріятій. На первыхъ порахъ вокругъ проповѣдниковъ и иниціаторовъ новаго дѣла собирается лишь небольшой кружокъ болѣе отзывчивыхъ сторонниковъ, при помощи которыхъ удается учредить его и открыть дѣйствія. Какъ только предпріятіе начнетъ функціонировать, то оно сейчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе окружающихъ и наглядным опытомъ убѣждаетъ ихъ въ выгодности дѣла.

«Какъ бы ни было у васъ мало послѣдователей на первый разъ»,—пишетъ иниціаторъ сельскихъ кассъ во Франціи, Луи Дюранъ,—«основывайте кассу во всякомъ случаѣ; къ ней придутъ потомъ, когда увидятъ, что она существуетъ; придутъ, можетъ быть, не тотчасъ же, но непремѣнно придутъ. Люди привлекаются успѣхомъ, идутъ на то, что уже существуетъ,—на фактъ, а не на принципъ». «Одинъ сантиметръ фактовъ»,—говорилъ на Болонскомъ конгрессѣ горячій пропагандистъ сельскохозяйственной кооперації въ Италіи, Гверчи, — «значитъ больше, нежели километръ разсужденій». Въ глазахъ мало размышляющей публики имѣетъ большую важность уже то обстоятельство, что къ новому предпріятію примыкаютъ и съ нимъ начинаютъ имѣть дѣло люди, которымъ она привыкла вѣрить и въ солидности которыхъ она не сомнѣвается. И вотъ къ первоначальному небольшому ядру постепенно прирастаютъ все новые и новые элементы, операціи развиваются, и каждый новый успѣхъ все болѣе увеличиваетъ притягательную силу учрежденія. Исторія кооперативнаго движенія полна примѣрами того, какъ предпріятія, начатыя въ ничтожныхъ размѣрахъ, черезъ какіе-нибудь два-три года достигали значительнаго развитія, а черезъ десятокъ лѣтъ становились уже въ своемъ родѣ гигантами. Изъ безчисленныхъ фактовъ этого рода приведемъ на выдержку одинъ. Второй по времени основанія изъ итальянскихъ народныхъ банковъ, Миланскій, началъ свои дѣйствія въ январѣ мѣсяцѣ 1866 г. съ 200 членами и съ 27,000 лиръ капитала. Такъ какъ банкъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности мелкихъ промыш-

ленниковъ, ремесленниковъ и рабочихъ, въ средѣ которыхъ онъ и былъ основанъ, то дѣла его сразу пошли превосходно. Съ первыхъ же мѣсяцевъ начали быстро приливать члены и капиталы, такъ что въ половинѣ 1866 г. банкъ имѣлъ уже 1,153 члена и 217,000 лиръ общественнаго капитала. Черезъ два года, къ концу 1868 г., число членовъ дошло до 1,742, а капиталъ до 426,000 лиръ; къ концу 1870 г. членовъ было уже 2,492, а размѣръ капитала достигъ 1.485,000 лиръ и, кромѣ того, имѣлось въ резервѣ 430,000 лиръ: черезъ пять лѣтъ, въ концѣ 1875 г., въ составѣ общества уже находилось 10,841 человѣкъ и имѣлось 7,191,000 лиръ капитала и 3.020,000 лиръ резерва. Дѣло продолжало развиваться и впослѣдствіи, такъ что къ началу 1899 г. въ Миланскомъ банкѣ было 18,261 членъ, 8.757,000 лиръ общественнаго капитала и 4.378,000 лиръ резервовъ. Учетно-ссудная операція банка, составлявшая въ первый годъ его существованія скромную сумму въ 687,000 лиръ, дошла къ 1898 году до 101.929,000 лиръ.

Другимъ выраженіемъ роста кооперації служитъ возникновеніе новыхъ подобныхъ же предпріятій, подъ вліяніемъ удачнаго опыта предшествующихъ. Примѣръ — лучшій учитель. Стоитъ устроиться полезному учрежденію въ извѣстной мѣстности и достигнуть хотя нѣкотораго успѣха, и тотчасъ же являются ему подражанія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. То, что казалось вначалѣ непонятнымъ и недоступнымъ, становится яснымъ и удобнымъ, когда каждый желающій во очію можетъ познакомиться со всѣми подробностями дѣла и убѣдиться въ его пользѣ. Подобное наглядное обученіе, конечно, всего доступнѣе для сосѣднихъ мѣстностей, вслѣдствіе чего новое учрежденіе является обыкновенно центромъ, отъ котораго во всѣ стороны идутъ лучи подражанія, распространяющіеся на все большій и большій районъ. Характерной чертой этого подражательнаго процесса является, обыкновенно, рабское воспроизведеніе образца, даже съ его недостатками. Прежде, нежели приводить фактическія иллюстраціи вліянія примѣра, замѣтимъ, что оно находитъ себѣ яркое выраженіе въ нѣкоторыхъ косвенныхъ признакахъ, связанныхъ съ географіей кооперативныхъ предпріятій. Если вы взглянете на карту, представляющую распредѣленіе по мѣстностямъ любого изъ такихъ предпріятій, то вы увидите, что сѣть ихъ всего гуще въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго возникновенія. Такъ, въ Германіи сельскихъ кассъ и нынѣ всего больше въ Прирейнской Пруссіи, гдѣ дѣйствовалъ Райфейзенъ; долгое же время кассы существовали почти исключительно въ этой провинціи и въ немногихъ сосѣднихъ съ нею. Мы уже раньше приводили тотъ фактъ, что итальянскіе банки возникли первоначально въ Ломбардіи, Венеціанской области и Эмиліи, а затѣмъ долгое время развивались почти исключительно

въ этихъ провинціяхъ и начали распространяться въ южныхъ частяхъ Италіи лишь съ 80-хъ годовъ, послѣ пятнадцатилѣтняго ихъ существованія на Сѣверѣ. Воллемборговскія сельскія кассы, не только въ первое время, но даже въ 1898 г. пріурочивались, главнымъ образомъ, къ Венеціанской области, въ которой онѣ первоначально появились. Въ еще большей степени можно сказать то же о католическихъ кассахъ. Наибольшее ихъ число сосредоточивается не только въ той же Венеціанской области, но даже въ тѣхъ діоцезахъ, или административныхъ округахъ, гдѣ онѣ въ первый разъ появились, именно въ округахъ Тревизскомъ, Веронскомъ, Бергамскомъ, Падуанскомъ и Виченцскомъ. То же можно сказать о французскихъ синдикатахъ. Всего больше ихъ, именно больше сотни, имѣется въ департаментѣ «Indre et Loire», гдѣ возникъ одинъ изъ первыхъ синдикатовъ. Вторымъ косвеннымъ признакомъ подобнаго же подражанія служитъ расположеніе кооперацій островами или группами вокругъ первой, возникшей въ данной области, что ясно бросается въ глаза при взглядѣ на карту. Эта географическая особенность уже давно была констатирована у насъ въ Россіи по поводу распространенія агрономическихъ улучшеній въ народѣ. Извѣстно, напримѣръ, что такими островами расположены въ Московской губерніи крестьянскія селенія, усвоившія себѣ травосѣяніе подъ вліяніемъ пропаганды земскихъ агрономовъ, или въ Тверской губ. сельскія общества, практикующія новый тамъ обычай троекратной вспашки парового поля. Совершенно такого же рода наблюденія сдѣланы и за границей. Такъ, о французскихъ сельскихъ кассахъ Дюрановскаго образца извѣстно, что онѣ размѣщаются по странѣ неправильными группами. Ихъ очень много въ нѣкоторыхъ районахъ, напримѣръ, въ Пиринеяхъ, въ Дубскомъ департаментѣ, въ департаментахъ Жиронды, Юры, въ Па-де-Калэ, тогда какъ въ другихъ почти вовсе не встрѣчается. Кооперативныя молочныя во Франціи также разбросаны островами. Лишь рѣдко можно встрѣтить одиночную молочную; разъ она пошла хорошо, тотчасъ же образуется вокругъ нея цѣлая цѣпь общественныхъ молочныхъ.

Уже приведенные косвенные признаки показываютъ всю силу закона подражанія. Но мы имѣемъ подъ руками множество фактовъ, въ которыхъ вліяніе примѣра констатировано прямымъ наблюденіемъ или свидѣтельствомъ. Такъ, въ области сельскаго кредита, земледѣльческое общество въ Полиньи, первое по времени кредитное учрежденіе, пріуроченное къ синдикату, послужило точнымъ образцомъ для цѣлаго ряда другихъ, подобныхъ же. Въ 1891 г. Дубскій синдикатъ устроилъ въ Безансонѣ общество сельскаго взаимнаго кредита, буквально списанное съ существовавшаго въ Полиньи. Вслѣдъ затѣмъ синдикатъ Нижнихъ Пиринеевъ и нѣ-

сколько другихъ, въ свою очередь, скопировали подобныя же общества. Въ Италіи всѣ послѣдующія Воллемборговскія кассы представляютъ точный сколокъ съ первой, устроенной въ Лореджіи. Во Франціи сельскія кассы Дюрановскаго типа цѣликомъ воспроизводятъ какъ уставъ, такъ и порядки первыхъ возникшихъ учрежденій этого рода, закрѣпленные иниціаторомъ движенія въ образцовомъ уставѣ. Въ особенности много подобныхъ фактовъ представляетъ исторія синдикальнаго движенія во Франціи. Какъ только устроилась первая ассоціація земледѣльцевъ Луары и Шера, тотчасъ же въ сосѣднихъ департаментахъ возникли организованныя совершенно подобнымъ же образомъ соединенія. То же нужно сказать о союзахъ синдикатовъ. Стоило устроиться въ Ліонѣ, въ 1892 г., «Юго-Восточной уніи земледѣльческихъ синдикатовъ», какъ тотчасъ же, по ея примѣру, образовались подобныя же федеративныя организаціи и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстностей, напримѣръ, въ Нормандіи, въ Бургундіи, въ Провансѣ, въ Орлеанѣ и т. д. Еще нагляднѣе проявляется это вліяніе въ разнаго рода спеціальныхъ земледѣльческихъ ассоціаціяхъ, возникающихъ или при синдикатахъ, или внѣ ихъ, но по ихъ иниціативѣ. Такъ, напримѣръ, интересныя небольшія общества «земледѣльческой промышленности», устроенныя впервые Пиринейскимъ земледѣльческимъ синдикатомъ и имѣющія своей задачей закупку, по большей части въ кредитъ, и совмѣстную эксплуатацію земледѣльческихъ машинъ, напримѣръ, паровыхъ молотилокъ, жатвенныхъ и косильныхъ машинъ, тотчасъ же послужили образцомъ для множества подобныхъ же маленькихъ ассоціацій, возникшихъ не только въ томъ же Пиринейскомъ департаментѣ, но и въ цѣломъ рядѣ сосѣднихъ, напримѣръ, Устьевъ Роны, Юры и др. Сартскій синдикатъ первый началъ заводить кассы взаимопомощи противъ падежей скота и, когда такихъ кассъ устроилось нѣсколько, учредилъ между ними союзъ. Этому примѣру быстро послѣдовали многіе другіе синдикаты, въ точности воспроизводя всѣ детали этой организаціи. Маленькое общество взаимнаго застрахованія отъ пожаровъ, устроенное въ 1886 г. для двухъ общинъ департамента Энъ (Ain), послужило моделью для десятка другихъ подобныхъ ассоціацій, возникшихъ въ томъ же департаментѣ и перенесенныхъ затѣмъ въ Юру. Цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ представляетъ исторія синдикальнаго движенія въ Италіи, но мы не будемъ касаться ихъ, такъ какъ они, въ сущности, вполнѣ подобны изложеннымъ. Вездѣ повторяется то же самое: стоитъ одному синдикату завести какое-нибудь новое дѣло, и сейчасъ же оно перенимается, по большей части цѣликомъ, сначала въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, а потомъ и въ болѣе отдаленныхъ частяхъ страны.

Послѣ того, какъ кооперативное начинаніе упрочилось въ

данной мѣстности и распространилось путемъ примѣра въ ближайшей средѣ, оно начинаетъ вызывать подражаніе и въ дальнихъ краяхъ, и даже за предѣлами данной страны. Въ наши дни, благодаря удобствамъ сношеній, широкому разливу грамотности и возростающему вліянію прессы, каждая сколько-нибудь интересная новинка въ кооперативномъ дѣлѣ быстро становится общимъ достояніемъ; къ ней зорко присматриваются, и если она дѣйствительно оказывается удачною, тотчасъ же перенимаютъ ее. Такимъ образомъ, счастливыя нововведенія, возникающія иной разъ по незамѣтному почину какого-нибудь скромнаго труженика, становятся затѣмъ ферментомъ, который приводитъ въ броженіе не только свою страну, но и весь цивилизованный міръ. Сколько многообѣщающихъ предпріятій зародилось въ области кооперації путемъ этого, если можно такъ выразиться, международнаго подражанія. При этихъ словахъ, невольно приходитъ въ голову, какъ особенно выдающійся примѣръ, совершенно непредвидѣнное разлитіе по всему свѣту формъ сельскаго кредита, выношенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Райфейзеномъ въ тиши прирейнской деревни. Мечталъ ли онъ, что его идеи окрылятъ цѣлыя сотни дѣятелей въ разныхъ странахъ, вызовутъ къ жизни десятки тысячъ новыхъ учрежденій, и цѣлымъ милліонамъ людей дадутъ новыя средства въ тяжелой борьбѣ за существованіе. А между тѣмъ, нѣтъ теперь страны, въ которой вопросъ о Райффейзеновскихъ кассахъ не былъ бы уже разрѣшенъ, или поставленъ на очередь. Подобнымъ же образомъ изъ Германіи пошло во всѣ страны движеніе въ пользу устройства народныхъ банковъ Шульце-Деличевскаго типа. Любопытный фактъ того же рода представляетъ распространеніе во многихъ странахъ навѣянныхъ примѣромъ Даніи общественныхъ молочныхъ. Первыя молочныя, учредившіяся во Франціи, представляли полное подражаніе датскимъ; то же можно сказать о молочныхъ Италіи и Россіи. Впослѣдствіи устройство этого рода предпріятій стало принимать въ каждой изъ названныхъ странъ болѣе или менѣе національныя черты, но въ главныхъ подробностяхъ постановки дѣла они всетаки ясно показываютъ слѣды своего первоначальнаго происхожденія.

Ту же роль, какая выпала Германіи въ дѣлѣ народнаго кредита, а Даніи по части общественныхъ молочныхъ, пришлось сыграть Англіи по отношенію къ потребительнымъ обществамъ. Грандіозныя предпріятія этого рода, постепенно развившіяся изъ скромнаго почина Рочдельскихъ піонеровъ, уже давно производятъ непреодолимое впечатлѣніе на всѣ другія страны и вызываютъ болѣе или менѣе удачныя подражанія. Исторія успѣховъ англійскихъ обществъ, разносимая печатью по всему міру, служитъ стимуломъ для мѣстнаго почина въ другихъ странахъ и,

вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ готовые образцы для воспроизведенія. Не касаясь многочисленныхъ прочихъ фактовъ связи потребительныхъ обществъ на континентѣ съ англійскими, мы позволимъ себѣ отмѣтить, что первое такое общество при земледѣльческихъ синдикатахъ, возникшее во Франціи, въ Ларошели, было устроено по точному образцу англійскихъ, организацію которыхъ учредитель его, г. Артуръ Ростанъ, очень хорошо зналъ. Прочія общества явились копіей съ перваго, такъ что обширное движеніе этого рода, пріуроченное къ синдикатамъ, стоитъ въ непосредственной зависимости отъ англійскаго и является его прямымъ отраженіемъ. Чрезвычайно удачный примѣръ Италіи по части сочетанія такъ называемыхъ «амбулантныхъ каѳедръ земледѣлія» съ учрежденіями народнаго кредита и съ земледѣльческими ассоціаціями, начинаетъ находить себѣ отзвукъ во Франціи. Нѣкоторые земледѣльческіе синдикаты, уже обезпечившіе себя въ смыслѣ народнаго кредита, начинаютъ въ послѣднее время приглашать спеціалистовъ-профессоровъ для пропаганды раціональныхъ пріемовъ земледѣлія, и въ особенности для руководства при примѣненіи минеральныхъ туковъ. Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, какое живое международное общеніе существуетъ нынѣ въ разсматриваемой нами области, и какъ далеко иной разъ распространяется воздѣйствіе кооперативныхъ начинаній, которыя, казалось, разсчитаны были на опредѣленныя нужды одной какой либо маленькой мѣстности.

Вмѣстѣ съ ростомъ движенія какъ внѣшнимъ, по количеству возникшихъ однородныхъ предпріятій, такъ и внутреннимъ, по числу членовъ и размѣрамъ дѣятельности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, наблюдается въ развитіи кооперації одно любопытное преобразованіе, именно постепенное расширеніе функцій. Какъ скоро между многими людьми завязались прочныя связи, какъ скоро у нихъ возникла привычка дѣйствовать сообща и выработалась для подобнаго сотрудничества подходящая организація, имъ естественно приходитъ на мысль воспользоваться сложившимся союзомъ для удовлетворенія другихъ нуждъ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣлись въ виду при первоначальномъ соединеніи. Этотъ процессъ постоянно наблюдается во всѣхъ отрасляхъ кооперації, которыя имѣютъ въ себѣ задатки жизненности. Приведемъ нѣсколько фактовъ. Мелкія кредитныя учрежденія существующія въ селахъ, напримѣръ Райфейзеновскія ссудныя кассы въ Германіи, подобныя же кассы въ Италіи и Франціи, мелкіе народные банки въ Италіи сплошь и рядомъ принимаютъ на себя роль потребительныхъ обществъ, производя для своихъ членовъ покупку необходимыхъ товаровъ оптомъ. Потребительныя общества, въ свою очередь, не ограничиваются одной оптовой закупкой товаровъ, а

заводятъ нерѣдко собственное производство предметовъ массоваго спроса, устраиваютъ мельницы, хлѣбопекарни, бойни, мастерскія для платья и обуви и т. п. Сельскохозяйственные синдикаты, вызванные къ жизни желаніемъ облегчить и урегулировать закупку минеральныхъ удобреній и улучшенныхъ сѣмянъ, принимаютъ на себя, кромѣ того, цѣлый рядъ разнообразныхъ задачъ, относящихся къ удовлетворенію частію другихъ матеріальныхъ нуждъ, частію же умственныхъ и нравственныхъ потребностей ихъ членовъ. Такъ французскіе синдикаты нерѣдко предпринимаютъ переработку земледѣльческихъ продуктовъ, напримѣръ, приготовленіе масла, вина, консервовъ и т. п., заботятся объ улучшеніи скота, заводятъ общественныя булочныя, бойни, устраиваютъ сельскій кредитъ, учреждаютъ разные виды страхованія, организуютъ пособія на случай болѣзни, старости и смерти, устраиваютъ рабочіе секретаріаты, справочныя конторы, третейскіе суды, распространяютъ знанія при помощи библіотекъ, популярныхъ курсовъ, конкурсовъ, выставокъ и т. п. Еще шире, пожалуй, дѣятельность итальянскихъ синдикатовъ. Трудно даже перечислить всѣ разнообразныя операціи, какія они берутъ на себя. У многихъ изъ нихъ есть свои лабораторіи для производства анализовъ, свои заведенія для очистки сѣмянъ, сушильни для шелковичныхъ коконовъ, свои питомники плодовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ, и т. д. Но въ особенности разнообразна дѣятельность итальянскихъ синдикатовъ по части популяризаціи сельскохозяйственныхъ знаній. Чего только не дѣлается въ ихъ средѣ для того, чтобы возбудить въ крестьянахъ идею объ агрономическихъ улучшеніяхъ и охоту приняться за нихъ. Синдикаты издаютъ и во множествѣ раздаютъ популярныя брошюры и альманахи, публикуютъ общедоступные журналы, устраиваютъ конференціи и бесѣды въ деревняхъ, учреждаютъ систематическіе курсы въ городахъ, заводятъ опытныя и показательныя поля, равно какъ демонстративные участки при школахъ, поощряютъ выдачею премій учителей начальныхъ школъ къ преподаванію начатковъ раціональнаго земледѣлія, организуютъ безплатную подачу совѣтовъ членамъ и т. п. Мы должны были бы наполнить много страницъ, если бы пожелали въ подробности очертить кругъ дѣятельности этихъ, повидимому, столь скромныхъ учрежденій.

Кромѣ расширенія функцій, развитіе кооперації выражается во вліяніи данныхъ ея отраслей на возникновеніе другихъ, иногда совершенно отличающихся отъ первыхъ по задачамъ. Изъ объединеннаго уже круга выдѣляются люди, которые или принимаютъ на себя проповѣдь новыхъ формъ кооперації, или, переходя отъ мысли къ дѣлу, прямо становятся ихъ учредителями. Каждое удавшееся кооперативное предпріятіе стремится сдѣлаться цент-

ромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются другія, болѣе или менѣе сродныя съ нимъ по цѣлямъ, а не рѣдко и вовсе отличныя отъ него учрежденія. Въ этомъ процессѣ порожденія однихъ видовъ кооперацiи другими, есть своего рода постепенность. Раньше всего возникаютъ такія предпріятія, которыя понятнѣе для массъ по идеѣ, или проще по устройству. Таковы общества взаимомощи, знакомыя людямъ еще съ давнихъ временъ, таковы сберегательныя и кредитныя ассоціаціи. Отъ этихъ трехъ видовъ кооперацiи, по большей части разрослись въ Европѣ и разнообразныя другія ея отрасли. Такъ, было уже указано выше, что итальянскія общества взаимопомощи положили основаніе главнымъ народнымъ банкамъ въ Италіи; тѣми же обществами вызваны на свѣтъ многочисленныя потребительныя ассоціаціи, равно какъ существующія во множествѣ въ Италіи производительныя товарищества чернорабочихъ (bracciantі—«работающіе руками»—куда относятся землекопы, рабочіе въ каменоломняхъ и пр.), а также каменщиковъ (muratori). Что касается до народныхъ банковъ и сельскихъ кассъ, то они являются въ Италіи истинными очагами всякаго рода кооперативныхъ начинаній. Такъ Кремонское общество взаимнаго кредита помогло устроиться и теперь оказываетъ поддержку цѣлому ряду рабочихъ обществъ, каковы, напримѣръ, ассоціаціи типографовъ, каменщиковъ, каретниковъ, лодочниковъ, чернорабочихъ (bracciantі). Оно дало этимъ ассоціаціямъ капиталы для первоначальнаго устройства и затѣмъ ссужаетъ средства на выгодныхъ условіяхъ. Въ Солиго, при непосредственномъ содѣйствіи банка, образовались общественныя молочныя, которыя потомъ достигли блестящаго развитія. Банкъ въ Мантуѣ и многіе другіе помогли устройству земледѣльческихъ синдикатовъ. Болонскій банкъ поддерживаетъ общество для постройки жилищъ рабочихъ. Сельскія кассы въ Италіи, по свидѣтельству Никколи, одного изъ лучшихъ ихъ знатоковъ, рѣдко когда стоятъ одиноко; наряду съ ними почти всегда возникаютъ общества взаимнаго вспомоществованія, ассоціаціи для совмѣстныхъ закупокъ, общества застрахованія скота, товарищества для защиты отъ градобитій и т. п. Въ Германіи, въ сельскихъ округахъ, обыкновенно прежде всего появляются ссудо-сберегательныя кассы, которыя, по ясности цѣли и простотѣ устройства, служатъ какъ бы школой кооперацiи, а уже затѣмъ на ихъ почвѣ строятся потребительныя общества, сельскохозяйственные синдикаты и производительныя ассоціаціи, которые всѣ требуютъ болѣе или менѣе значительной технической подготовки и коммерческой опытности. Нечего и говорить, что синдикаты, въ свою очередь, служатъ разсадниками всякихъ иныхъ кооперацій въ сельскомъ быту. Изъ числа разнообразныхъ созданій французскихъ синдикатовъ упомянемъ для

примѣра мелкія общества для закупки и эксплуатаціи земледѣльческихъ машинъ, вызванныя къ жизни въ Пиринеяхъ, кооперативныя мельницы, общественныя бойни, молочныя, винокуренные заводы, суконныя фабрики для переработки шерсти, получаемой въ хозяйствахъ членовъ и пр., а съ другой стороны, всякаго рода ассоціаціи для взаимнаго вспомоществованія и застрахованія на случай несчастій, постигающихъ какъ самихъ членовъ, такъ и ихъ имущество. Словомъ, въ какую бы область кооперації мы ни обратились, мы повсюду находимъ доказательства тенденціи сколько-нибудь окрѣпшихъ ассоціацій порождать вокругъ не только себѣ подобныя предпріятія, но и всякія другія проявленія общественной солидарности и взаимнаго сотрудничества.

Прогрессивное движеніе кооперації, изображенное выше въ различныхъ его фазисахъ, достигаетъ своего апогея въ устройствѣ соединеній между отдѣльными ассоціаціями, въ созданіи, такъ сказать, кооперацій второго и третьяго порядка. Какъ бы ни были сильны отдѣльныя товарищества, они въ изолированномъ видѣ не могутъ обезпечить всѣхъ благъ, какія доставляетъ людямъ сотрудничество. Даже временное общеніе въ формѣ съѣздовъ и конгрессовъ представляетъ могучее подспорье для кооперації, потому что даетъ удобный случай сдѣлать извѣстными всѣмъ единичные опыты, подѣлиться достигнутыми результатами, разъяснить возникшія недоразумѣнія, завязать полезныя сношенія. Многіе успѣхи кооперації связаны именно съ конгресами. Такъ Шульце-Деличъ прямо заявляетъ въ своемъ сочиненіи, что дѣло придуманныхъ имъ народныхъ банковъ серьезно двинулось впередъ только съ того времени, какъ оно вызвало одобреніе на конгрессѣ нѣмецкихъ экономистовъ, собиравшемся въ 1858 году въ Готѣ, а еще болѣе со времени перваго съѣзда представителей банковъ, осуществившагося въ Веймарѣ въ 1859 году. Еще больше важности имѣютъ союзы постояннаго характера, возникающіе между кооперативными предпріятіями по мѣрѣ ихъ умноженія и развитія. Учрежденія, стоящія во главѣ такихъ союзовъ, имѣютъ возможность комбинировать усилія отдѣльныхъ ассоціацій въ виду какой-либо общей цѣли, направлять ихъ дѣятельность, препятствовать отклоненію отъ истинныхъ задачъ кооперації, контролировать технику веденія дѣла и всѣми этими способами обезпечить единство и цѣлесообразность движенія въ цѣлой области и даже странѣ. Но и помимо этой роли, общей для всѣхъ видовъ ассоціацій, планомѣрное соединеніе въ постоянные союзы приноситъ каждому изъ этихъ видовъ спеціальныя выгоды, которыя не имѣли бы мѣста при работѣ въ разбросъ. Таково, напримѣръ, для кредитныхъ товариществъ доставляемое центральными учрежденіями удобство перемѣщать свободные ка-

питалы оттуда, гдѣ они въ данный моментъ излишни, туда, гдѣ они особенно нужны, и тѣмъ устранять затрудненія, происходящія отъ избытка капиталовъ въ одномъ мѣстѣ и отъ недостатка ихъ въ другомъ. Такова для потребительныхъ обществъ и земледѣльческихъ синдикатовъ возникающая вслѣдствіе концентраціи заказовъ возможность производить крупныя оптовыя закупки на самыхъ выгодныхъ рынкахъ, пользоваться услугами науки и техники для контроля пріобрѣтаемыхъ товаровъ и, что еще важнѣе, заводить во многихъ случаяхъ собственное производство предметовъ массоваго спроса. Таково, наконецъ, для страховыхъ ассоціацій и для обществъ взаимопомощи достигаемое при посредствѣ взаимной ихъ связи раздѣленіе опасныхъ рисковъ и происходящее оттого возрастаніе солидности каждаго отдѣльнаго учрежденія. Мелкое общество страхованія отъ огня или отъ скотскаго падежа безсильно помочь при широкихъ размѣрахъ бѣдствія; союзъ же однородныхъ обществъ, распространяющійся на цѣлую область, а тѣмъ болѣе на всю страну, можетъ смѣло смотрѣть въ глаза всякой опасности. Во всѣхъ отрасляхъ коопераціи справедливо правило, что, благодари союзамъ, происходитъ не «сложеніе», а «умноженіе» силъ входящихъ въ нихъ предпріятій. Неудивительно поэтому, что всѣ роды ассоціацій инстинктивно стремятся къ взаимному сближенію, завязывая связи сначала въ ограниченныхъ областяхъ, а затѣмъ расширяя ихъ на цѣлую страну. Такъ, Шульце-Деличскіе банки соединены въ провинціальные союзы, которые, въ свою очередь, входятъ въ составъ «Всеобщаго союза нѣмецкихъ промышленныхъ товариществъ». Къ этому союзу въ 1898 году принадлежали 32 мѣстныхъ союза и 1589 товариществъ.

Еще обширнѣе организація сельскихъ ссудныхъ кассъ Райфейзеновскаго типа. Въ составъ этого громаднаго Союза, имѣющаго свое мѣстопребываніе въ Нейвидѣ, входило въ 1898 году 3,228 товариществъ. Но наиболѣе грандіозные размѣры имѣетъ учрежденный въ Оффенбахѣ, по иниціативѣ Гааза, «Всеобщій Союзъ нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ», который къ 1899 году имѣлъ въ своемъ составѣ 6,705 товариществъ, подраздѣленныхъ на 28 мѣстныхъ союзовъ. Центральное управленіе этого единственнаго въ своемъ родѣ Союза имѣетъ своей задачею не только представительство интересовъ, координированіе и контроль дѣятельности товариществъ, но также выполненіе для нихъ общихъ закупокъ. Въ этомъ отношеніи существеннымъ успѣхомъ было устройство въ Гамбургѣ особаго Центральнаго Товарищества съ цѣлью совмѣстнаго снабженія всѣхъ германскихъ ассоціацій предметами заграничнаго ввоза, а также для содѣйствія сбыту продуктовъ ихъ членовъ. Благодаря такой ор-

ганизаціи, самое ничтожное товарищество гдѣ-нибудь въ деревенской глуши пользуется при закупкѣ минеральныхъ удобреній, машинъ, и также всѣхъ предметовъ потребленія, равно какъ при продажѣ товаровъ, лучшими условіями, нежели любой крупный землевладѣлецъ Германіи; по той-же причинѣ ему дешевле достается и капиталъ. Подобнымъ же устройствомъ обзавелись и французскіе земледѣльческіе синдикаты. Большая ихъ часть вошла въ составъ десяти областныхъ союзовъ, которые затѣмъ соединены въ «Центральный Союзъ французскихъ синдикатовъ», имѣющій свое пребываніе въ Парижѣ. Цѣль Центральнаго Союза—оптовая закупка всего, что нужно для отдѣльныхъ ассоціацій; для облегченія же сбыта продуктовъ образовалось недавно особое общество съ значительнымъ капиталомъ, такъ называемая «Французская Земледѣльческая унія». Организація земледѣльческихъ производителей, осуществившаяся въ Германіи и Франціи при помощи описанныхъ выше учрежденій, подала мысль вступить при ея помощи въ сношенія съ потребителями земледѣльческихъ продуктовъ. Въ Парижѣ учредилась недавно смѣшанная коммиссія изъ делегатовъ отъ Центральнаго Союза синдикатовъ и отъ главныхъ союзовъ потребительныхъ обществъ. Коммиссія уже успѣла установить нѣкоторыя сношенія, напримѣръ, по прямой поставкѣ вина, но, главнымъ образомъ, она возлагаетъ надежды на будущее, разсчитывая завести связи не только въ предѣлахъ Франціи, но даже за границей, напримѣръ, въ Англіи. Мы не будемъ описывать другихъ центральныхъ союзовъ, каковы въ области изучавшихся нами видовъ кооперации—федераціи народныхъ банковъ и сельскихъ кассъ во Франціи и Италіи, «Національная Лига Взаимности» и другіе союзы, объединяющіе общества взаимопомощи во Франціи, «Лига кооперативныхъ обществъ» въ Италіи, «Союзъ обществъ чернорабочихъ», а упомянемъ въ заключеніе только о союзѣ англійскихъ потребительныхъ обществъ и связанныхъ съ нимъ центральныхъ учрежденіяхъ. Англійское «Центральное Общество» (Wholesale Society), объединяющее болѣе тысячи отдѣльныхъ ассоціацій, кромѣ колоссальныхъ оборотовъ по продажѣ товаровъ, —оборотовъ, превышающихъ на наши деньги сотню милліоновъ рублей въ годъ, завело цѣлый рядъ собственныхъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, приготовляющихъ главные предметы ежедневнаго спроса; при немъ находятся: мельницы, хлѣбопекарни, кондитерскія, табачныя фабрики, мастерскія платья, обуви, бѣлья, мебели, фабрики фортепіанъ, часовъ, минеральныхъ водъ и пр. Эти промышленныя заведенія произвели въ 1898 году издѣлій больше чѣмъ на 15 мил. рублей. Центральное Общество владѣетъ семью собственными пароходами, которые постоянно перевозятъ изъ чужихъ странъ закупаемые товары. При Обществѣ существуетъ банкъ, завѣдующій финансовыми сношеніями ассоціацій. Каковы эти

сношенія, можно судить по тому, что въ 1898 году обороты банка простирались до 350 милліоновъ рублей въ годъ на наши деньги.

Когда бросишь взглядъ на только что изображенныя организаціи, объединяющія многія тысячи кооперативныхъ учрежденій и сотни тысячъ отдѣльныхъ лицъ; когда подумаешь, что всѣ эти союзы разныхъ степеней устроились въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія, и даже преимущественно за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ; когда представишь себѣ дальнѣйшія перспективы у этихъ организацій, по отношенію къ судьбамъ производства и потребленія въ будущемъ,—то не можешь не проникнуться чувствомъ удивленія передъ мощью современнаго человѣка. Могучія силы, накопленныя въ нашемъ поколѣніи, великое наслѣдство научныхъ знаній, перешедшее отъ предшественниковъ и умноженное трудами современныхъ намъ ученыхъ, распространеніе этихъ знаній въ народныхъ массахъ, неоцѣненный капиталъ сложившихся навыковъ къ совмѣстному дѣйствованію на всѣхъ поприщахъ общественной работы,—все это составляетъ такое подспорье для иниціативы отдѣльныхъ личностей, о которомъ нельзя было и мечтать въ былыя времена. Нѣтъ, повидимому, такихъ задачъ, которыхъ не могла бы преодолѣть совокупная сила мелкихъ экономическихъ единицъ, собранныхъ въ цѣлесообразныя соединенія. Каждая не совсѣмъ заурядная личность находитъ въ средѣ этихъ организацій широкое поле для приложенія силъ и, трудясь, повидимому, надъ мелкимъ дѣломъ, можетъ иногда оказать на современниковъ болѣе могущественное вліяніе, нежели въ прежнія эпохи люди съ исключительными дарованіями, съ славными, на первый взглядъ, подвигами. Что можетъ быть скромнѣе дѣятельности Райфейзена, незамѣтнаго чиновника въ ничтожной деревнѣ,—человѣка, который больше десяти лѣтъ перекраивалъ на разные лады уставъ своего миніатюрнаго общества взаимопомощи; а между тѣмъ, можно смѣло сказать, что въ новой Германіи найдется немного государственныхъ людей, которые оставили и оставятъ послѣ себя болѣе яркій слѣдъ, нежели Геддерсдорфскій бургомистръ. Представляется по истинѣ удивительнымъ, какъ въ вѣкъ машинъ,—этихъ воплощеній мысли и науки, въ вѣкъ чудесъ, произведенныхъ кооперацією, могла возникнуть теорія о фаталистическомъ подчиненіи человѣка какимъ-то внѣ его лежащимъ тенденціямъ, которыя превращаютъ его въ слѣпое орудіе таинственныхъ міровыхъ силъ. Это ученіе,—отпрыскъ старой нѣмецкой метафизики,—при видѣ современныхъ успѣховъ кооперативнаго принципа, невольно уступаетъ мѣсто бодрой вѣрѣ въ торжество личнаго разума и личной воли, когда они сочетаются съ коллективнымъ разумомъ и коллективной волей общественныхъ массъ.

А. Чупровъ.

Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго.

По поводу новаго изданія сочиненій *Бѣлинскаго* подъ ред. *С. А. Венгерова*).

Передъ нами два первые тома новаго двѣнадцатитомнаго «Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Нельзя не порадоваться, что за дѣло взялся такой хорошій знатокъ нашей новой литературы. Благодаря его знаніямъ и энергіи, мы получимъ, наконецъ, «все, что когда-либо вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго», включая и его письма; уже теперь мы имѣемъ цѣлую серію юношескихъ переводныхъ статей Бѣлинскаго и его юношескую драму, не вошедшія въ изданіе Солдатенкова. Къ особенностямъ изданія С. А. Венгерова относится также помѣщеніе иллюстрацій; интереснѣйшая изъ нихъ въ двухъ вышедшихъ томахъ есть чрезвычайно любопытный и прекрасно воспроизведенный акварельный портретъ Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ. Редакторъ не ограничился, однако, однимъ изданіемъ возможно полнаго текста и иллюстрацій къ нему; онъ взялъ также на себя обязанность комментатора и присоединилъ къ тексту непрерывныя историко-критическія и историко-библіографическія примѣчанія, имѣющія цѣлью—установить перспективу и дать матеріалъ читателю для сужденія о значеніи литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Безъ сомнѣнія, такой комментарій чрезвычайно увеличиваетъ цѣнность изданія. Замѣтимъ, однако, что, можетъ быть, С. А. Венгеровъ понимаетъ задачи комментатора черезчуръ уже широко. Изъ роли комментатора онъ не только переходитъ постоянно въ роль критика, но и роль критика еще не вполнѣ его удовлетворяетъ: сплошь и рядомъ онъ становится полемистомъ и беретъ на себя не легкую и отвѣтственную задачу—оспаривать взгляды издаваемаго имъ автора. Такой пріемъ оказывается не вполнѣ цѣлесообразнымъ въ томъ отношеніи, что лишаетъ комментатора спокойствія, которое ему необходимо для чисто историко-литера-

турной оцѣнки. Одно изъ самыхъ важныхъ получившихся отсюда увлеченій и односторонностей мы позволили себѣ сдѣлать предметомъ настоящей статьи, въ надеждѣ, что уважаемый критикъ не посѣтуетъ на насъ за эту попытку—очистить заданное имъ изданіе отъ одного изъ недостатковъ, которые мы въ немъ усматриваемъ.

«Изъ крупныхъ критическихъ статей», говоритъ С. А. Венгеровъ въ своемъ предисловіи, «въ I-й томъ входятъ только «Литер. мечтанія». Въ примѣчаніяхъ къ нимъ мы по преимуществу задались вопросомъ о вліяніяхъ, сказавшихся въ знаменитой статьѣ. На этотъ вопросъ давались и до сихъ поръ даются два отвѣта. По мнѣнію однихъ, на «Литер. мечтаніяхъ» и вообще на всей дѣятельности Бѣлинскаго въ «Телескопѣ» и въ «Молвѣ» лежитъ сильнѣйшій отпечатокъ духовной личности редактора обоихъ изданій—Н. И. Надеждина. Другіе видятъ въ первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго по преимуществу слѣды вліянія рано умершаго даровитаго юноши Станкевича. Мы рѣшительно не согласны съ первымъ взглядомъ. Намъ соотношеніе Надеждина и Бѣлинскаго представляется въ такомъ видѣ: лучшее въ «Литер. мечтаніяхъ» то, что сообщаетъ имъ непреходящій интересъ, ничего общаго съ Надеждинымъ не имѣетъ. И только въ худшемъ—вліяніе Надеждина сказалось довольно замѣтно...» «Отрицая вліяніе (конечно, если говорить о вліяніяхъ благотворныхъ) Надеждина, мы, однако, очень настаиваемъ въ своихъ примѣчаніяхъ на томъ, что вообще-то на «Литер. мечтаніяхъ» очень сильно сказался цѣлый рядъ другихъ вліяній. Мы старались подыскать ко всѣмъ сколько-нибудь важнымъ мѣстамъ статьи мѣста параллельныя, изъ статей другихъ представителей критической мысли двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. И въ результатѣ оказалось, что безспорную личную собственность Бѣлинскаго составляетъ только одна блестящая характеристика Марлинскаго *). Все остальное—часто

*) Собственно, и это исключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что говорится объ этомъ въ прим. 157: „насколько блестящая и имѣвшая историческое значеніе характеристика (Марлинскаго) является вполнѣ личною заслугою Бѣлинскаго, и насколько онъ отразилъ тутъ „новое общественное мнѣніе“ или, въ частности, настроеніе кружка Станкевича, опредѣленно сказать трудно. Но отношеніе Станкевича къ Кукольнику, Тимофееву и другимъ дутымъ знаменитостямъ едва-ли даетъ возможность сомнѣваться въ томъ, что и на отношеніе Бѣлинскаго къ Марлинскому главарь кружка имѣлъ свою долю вліянія“. Дѣйствительно, какъ бы мы ни смотрѣли на оригинальность или зависимость Бѣлинскаго, ясно, что его трактованіе Марлинскаго нельзя разсматривать, какъ какой-то исключительный случай: степень оригинальности здѣсь едва-ли меньше или больше, чѣмъ въ его другихъ характеристикахъ писателей, выступившихъ раньше его времени. Эту степень лучше всего опредѣлилъ самъ Бѣлинскій въ той цитатѣ, которую мы дѣлаемъ изъ него ниже.

вплоть до отдѣльныхъ фразъ и выраженій—заимствовано... лучшее—у Полевого, Станкевича, шеллингистовъ «Москов. Вѣстника» и др.; худшее—у Надеждина. Но въ чемъ же тогда настоящій Бѣлинскій, въ чемъ сила статьи, столь знаменитой? На этотъ вопросъ мы сейчасъ дадимъ отвѣтъ, который, подобно Leitmotiv'у Вагнеровскихъ оперъ, пройдетъ чрезъ всѣ наши комментаріи къ Бѣлинскому. Безконечно преклоняясь предъ духовной личностью великаго идеалиста и считая его произведенія однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ новой русской мысли, *мы утверждаемъ, однако, что силу Бѣлинскаго составляютъ по преимуществу качества его сердца*, которое мы называемъ великимъ».

Мы не хотимъ подвергать логическимъ операціямъ послѣдней фразы критика, чтобы доискаться, въ чемъ заключается, по его мнѣнію, слабость или менѣе «преимущественная» сила Бѣлинскаго; но не можетъ скрыть, что вся постановка вопроса кажется намъ здѣсь чрезвычайно странной. Оригинальныхъ мыслителей вообще бываетъ не много, и трудно было бы ожидать найти ихъ среди той культурной обстановки, въ которой выростала наша тогдашняя интеллигенція. Оригинальными мыслителями не были, конечно, и то многое множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, у которыхъ можно подыскать «параллельныя мѣста» къ «Литературнымъ мечтаніямъ» Бѣлинскаго. «Цѣль русскаго критика», говорилъ самъ Бѣлинскій по этому поводу, «должна состоять не столько въ томъ, чтобы расширить кругъ понятій человѣчества объ изящномъ, сколько въ томъ, чтобы распространять въ своемъ отечествѣ уже извѣстныя, осѣдлыя понятія объ этомъ предметѣ. Не бойтесь, не стыдитесь, что вы будете повторять зады и не скажете ничего новаго. Это новое не такъ легко и часто, какъ обыкновенно думаютъ: оно едва примѣтными глыбами налипаетъ на глыбы стараго. Самое старое будетъ у васъ ново, если вы человѣкъ съ мнѣніемъ и глубоко убѣждены въ томъ, что говорите: ваша индивидуальность и вашъ способъ выраженія и самому вашему старому должны придать характеръ новости».

Итакъ, на оригинальность своей мысли Бѣлинскій и самъ не претендовалъ, но онъ имѣлъ бы полное право обидѣться, если бы эту неоригинальность ему стали доказывать «параллельными мѣстами» второстепенныхъ писателей; и можно вообразить, что было бы съ нимъ, если бы въ утѣшеніе ему тотчасъ заговорили объ его «великомъ сердцѣ».

Дѣло въ томъ, что, доказавъ,—чего, пожалуй, и доказывать не надо было,—что Бѣлинскій не оригинальный мыслитель, его критикъ уже слишкомъ многое считаетъ доказаннымъ. Онъ вовсе перестаетъ говорить о Бѣлинскомъ, какъ о мыслителѣ, и въ своихъ комментаріяхъ слишкомъ исключительно подбираетъ доказатель-

ства его «великаго сердца». Отсюда происходятъ всѣ тѣ ошибки, по поводу которыхъ мы собираемся говорить: отсюда, прежде всего, и ошибочность постановки вопроса, который (по нашему мнѣнію, напрасно) критикъ выдвигаетъ на первое мѣсто: вопроса о вліяніи Надеждина на Бѣлинскаго.

Для С. А. Венгерова вопросъ этотъ ставится такъ: что могъ дать редакторъ «Телескопа», съ его дрянным сердцемъ, «великому сердцу» Бѣлинскаго? Поставленный такъ, вопросъ, допускаетъ, конечно, только одно рѣшеніе: ничего. Несомнѣнно, «установленіе сколько нибудь тѣсной душевной связи между даровитымъ, но безпринципнымъ редакторомъ «Телескопа» и неистовымъ Виссаріономъ есть психологическая несообразность». Но нужно ли доказывать «тѣсную душевную связь», чтобы имѣть право говорить объ умственномъ вліяніи?

Впрочемъ, критикъ тотчасъ же самъ допускаетъ ту самую «психологическую несообразность», противъ которой совершенно законно протестовалъ. Мы не помнимъ въ данную минуту, чтобы кто-нибудь говорилъ о «тѣсной душевной связи» между Надеждинымъ и Бѣлинскимъ: но самъ С. А. Венгеровъ о ней говоритъ въ *положительномъ* смыслѣ. Онъ утверждаетъ именно, что эта связь была—и при томъ такая, какой она, съ точки зрѣнія С. А. Венгерова, только и могла быть: дурное вліяніе Надеждина на Бѣлинскаго. Дурное именно въ нравственномъ смыслѣ,—своего рода нравственное затменіе у Бѣлинскаго. Сюда критикъ относитъ всѣ выходки Бѣлинскаго въ духѣ «квасного патріотизма». Но въ самомъ ли дѣлѣ то, что говоритъ Бѣлинскій по этому поводу, такъ ужъ дурно, что не могло бы быть выведено изъ болѣе чистаго источника? И почему, не допуская болѣе вѣроятнаго,—*умственнаго* вліянія, критикъ такъ рѣшительно утверждаетъ менѣе вѣроятное, съ его же собственной точки зрѣнія: нравственное вліяніе?

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ: Бѣлинскій заимствовалъ, оказывается, свои теоретическія мнѣнія отъ кого придется, отъ самыхъ ничтожныхъ въ литературномъ отношеніи посредниковъ,—и ничего не заимствовалъ отъ человѣка въ умственномъ отношеніи весьма значительнаго, перваго выдающагося литератора, съ которымъ онъ сблизился и съ которымъ имѣлъ постоянныя отношенія, какъ начинающій сотрудникъ съ редакторомъ журнала, симпатичнаго ему по общему направленію и по близости къ преобладающему настроенію тогдашней молодежи? И не странно ли, съ другой стороны, что какъ разъ въ той области, въ которой Бѣлинскій былъ обставленъ всего лучше, въ области моральной жизни, находившейся подъ непосредственнымъ и зоркимъ контролемъ друзей, въ высшей степени чуткихъ къ сферѣ нравствен-

ныхъ отношеній—что именно тутъ проскользнулъ огромный фактъ тлетворнаго вліянія Надеждина.

Поставить эти вопросы—значитъ уже на нихъ отвѣтить въ смыслѣ противоположномъ мнѣнію С. А. Венгерова. Очевидно, Надеждинъ могъ имѣть на Бѣлинскаго только умственное, а не нравственное вліяніе. Но наша задача здѣсь не кончается, она только начинается. Мы хотимъ показать, по какой причинѣ критикъ впалъ въ обѣ эти ошибки, которыхъ, казалось бы, такъ легко было избѣжать. Эту причину мы видимъ въ томъ, что авторъ недостаточно внимательно отнесся къ процессу теоретической мысли Бѣлинскаго. Безъ внимательнаго сравненія взглядовъ Надеждина и Бѣлинскаго—этого процесса нельзя прослѣдить; а не прослѣдивши его, нельзя судить о степени и о характерѣ зависимости Бѣлинскаго отъ Надеждина.

Правда, С. А. Венгеровъ находитъ, что и рѣчи о теоретическомъ вліяніи не можетъ быть—уже потому, что «во всѣхъ указанныхъ статьяхъ Надеждина нѣтъ никакой сколько нибудь цѣльной философско-эстетической теоріи искусства». Это С. А. Венгеровъ считаетъ «самымъ главнымъ возраженіемъ» своимъ противъ того мнѣнія (А. Н. Пыпина), по которому «теоретическія понятія и взгляды на искусство, высказанные Бѣлинскимъ, не отступали, въ сущности, отъ положеній Надеждина». Наше мнѣніе въ данномъ случаѣ совсѣмъ не на сторонѣ почтеннаго критика. Мы готовы утверждать даже, что его «главное возраженіе» и составляетъ главный источникъ его ошибки. Разъ навсегда рѣшивши, что у Надеждина нѣтъ цѣльной теоріи, онъ не искалъ цѣльной теоріи и въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Естественно, при такомъ условіи весь споръ о вліяніи Надеждина долженъ былъ сойти съ той единственно вѣрной почвы, на которой онъ только и можетъ быть рѣшенъ—и куда мы постараемся его теперь воротить.

Прежде всего,—есть ли цѣльная теорія у самого Бѣлинскаго? Критикъ въ разныхъ мѣстахъ примѣчаній указываетъ много разныхъ мыслей въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», которыя онъ считаетъ—«однѣми изъ основныхъ»; но онъ нигдѣ не пытается поставить эти мысли въ такую связь между собою, при которой можно бы было рѣшить, которая же изъ нихъ *самая* основная. Онъ не только не ищетъ единства мысли въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», но прямо отрицаетъ это единство, указывая на такія «основныя» мысли знаменитой статьи Бѣлинскаго, которыя находятся въ явномъ противорѣчіи другъ съ другомъ и ни къ какому единству, по мнѣнію С. А. Венгерова, сведены быть не могутъ. Противорѣчіе, о которомъ идетъ рѣчь, оказывается какимъ-то систематическимъ, упорнымъ: это видно уже изъ того,

что изъ «Литер. мечтаній» оно переходитъ въ дальнѣйшія статьи Бѣлинскаго, фигурируетъ у него не только на сосѣднихъ страницахъ, но даже въ сосѣднихъ предложеніяхъ. Словомъ, если такое противорѣчіе—дѣйствительно существуетъ, то мы вполнѣ понимаемъ поспѣшныя восхваленія великаго сердца критикомъ: дѣло въ томъ, что это противорѣчіе гораздо болѣе дѣлаетъ чести сердцу Бѣлинскаго, чѣмъ его,—ужъ скажемъ прямо,—мыслительнымъ способностямъ.

Въ чемъ же дѣло? Рѣчь идетъ о дѣйствительно основной идеѣ всей критической дѣятельности Бѣлинскаго въ ея первый періодъ,—о томъ, что и составляетъ единство, лежащее въ основѣ не только «Лит. мечтаній», но и дальнѣйшихъ критическихъ статей Бѣлинскаго: о его романтической теоріи искусства. Передадимъ эту теорію собственными словами Бѣлинскаго, съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Какое назначеніе и какая цѣль искусства?.. Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства. Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы. Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни». Байронъ и Шиллеръ каждый представили намъ «только одну сторону бытія вселенной»;—«но Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый Шекспиръ постигъ и адъ, и землю, и небо: царь природы, онъ взялъ равную дань и съ добра, и со зла и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной. Каждая его драма есть міръ въ миніатюрѣ; у него нѣтъ, какъ у Шиллера, любимыхъ идей, любимыхъ героевъ... Да,—это безпристрастіе, эта холодность поэта, который какъ будто говоритъ вамъ: такъ было, а впрочемъ, мнѣ какое дѣло,—есть высочайшій зенитъ художественнаго совершенства, есть истинное творчество, есть удѣлъ немногихъ избранныхъ, о коихъ говорятъ:

> Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
> Ручья разумѣлъ лепетанье и т. д.

«Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы можете назвать то или другое явленіе прекраснымъ, а это безобразнымъ безъ отношеній?.. Развѣ не одинъ и тотъ же духъ Божій создалъ кроткаго агнца и кровожаждущаго тигра... развѣ онъ больше любитъ голубя, чѣмъ ястреба?.. Если поэтъ изображаетъ вамъ ...одно ужасное, одно злое природы, это доказываетъ, что кругозоръ ума его тѣсенъ, а ничуть не обнаруживаетъ въ немъ дурного, безнравственнаго человѣка. Вотъ когда онъ своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть

на жизнь съ его точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ онъ уже и не поэтъ, а мыслитель,—и мыслитель дурной, злонамѣренный, достойный проклятія, ибо поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ: но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему,—онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей».

Къ этимъ и дальнѣйшимъ разсужденіямъ Бѣлинскаго С. А. Венгеровъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Холодность поэта защищается здѣсь и далѣе съ такимъ энтузіазмомъ, а «безпристрастіе» съ такою восторженностью, что уже сама по себѣ эта пламенная защита объективизма можетъ привести только къ впечатлѣнію прямо противоположному. Самъ проповѣдникъ объективизма безпрестанно забываетъ о немъ, и уже чрезъ двѣ страницы глава заканчивается диѳирамбомъ «горячему чувству». Вся статья состоитъ изъ цѣлаго ряда такихъ *противорѣчій*. То поэтъ долженъ быть «холоднымъ», то Веневитиновъ тѣмъ хорошъ, что «обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ». То стихи должны быть «выстраданы», и въ нихъ должны быть слышны «вопли души», то поэзія «не имѣетъ цѣли внѣ себя», «цѣль вредитъ поэзіи». Пушкинъ «великъ въ своей безсознательной дѣятельности»: писатель-художникъ долженъ быть безстрастнымъ, но почему-то комедія должна быть плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства» и т. д. И дальше на протяженіи обоихъ томовъ, С. А. Венгеровъ не перестаетъ отмѣчать противорѣчія между теоріей «безпристрастія» и требованіемъ «пламеннаго чувства» *).

Эти многочисленныя «противорѣчія», указываемыя критикомъ, можетъ быть, дѣйствительно существовали бы, если бы подъ «безпристрастіемъ и холодностью поэта» Бѣлинскій разумѣлъ свободу поэта отъ всякаго чувства. Но вѣдь онъ протестуетъ только противъ внесенія въ поэзію «холоднаго ума» и, напротивъ, настаиваетъ на томъ, что «обнять природу» нельзя иначе, какъ «пламеннымъ сочувствіемъ». А безпристрастіе и холодность поэта—заключается лишь въ ихъ способности отзываться этимъ пламеннымъ сочувствіемъ на всѣ явленія природы **). Вопросъ не въ

*) См. прим. 272 къ II тому.

**) Соч. II. 206: „Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственно извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственныя страданія и радости,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ... и

томъ, стало быть, требуетъ-ли Бѣлинскій *чувства* отъ поэта или не требуетъ,—а *какого* чувства онъ требуетъ отъ поэта: эстетическаго ли только, или также и нравственнаго. Въ отвѣтѣ на *этотъ* вопросъ заключается важный шагъ впередъ Бѣлинскаго сравнительно съ романтиками: но этого шага впередъ мы не поймемъ, если не обратимся къ исходной точкѣ разсужденій Бѣлинскаго,— т. е. къ Надеждину.

Вотъ какъ разсуждаетъ по этому вопросу воображаемый противникъ Надеждина, романтикъ Тлѣнскій, выводимый Надеждинымъ въ его діалогѣ: «Литер. опасенія», написанномъ за 6 лѣтъ до «Лит. мечт.» Бѣлинскаго (1828) *). «Только Батте и Лагарпамъ могло придти въ голову, что будто изъ всѣхъ піитическихъ произведеній должны выжимать посредствомъ логической пытки какую нибудь нравственную апофѳегму. Старинныя, сударь, пѣсни.—Нынѣ доказано, что ничто столько не безобразитъ поэзіи, какъ подчиненіе оной умственному или нравственному интересу. Интересъ есѳетическій долженъ быть безпримѣсенъ... Тебѣ не нравится сіе неудержимое пареніе творящаго генія въ безпредѣльной странѣ бытія и дѣйствія; сіе необузданное самовластіе, располагающее всѣми сокровищами вещественнаго міра; сія нелицепріятная всеобъемлемость, для которой всѣ явленія и образы равноцѣнны—лишь бы выражалась въ нихъ ярко идея безпредѣльной и самозаконной жизни?.. Стыдись, братецъ! Ты заклепываешь въ тяжелые кандалы неограниченное могущество генія. Развѣ можетъ для него быть что-нибудь низкое, недостойное и заповѣдное въ великой картинѣ природы? Для орла, парящаго подъ облаками, не всѣ ли земные предметы уравниваются въ одинаковую пропорцію?—Весь міръ есть родовое помѣстье генія; для него здѣсь нѣтъ ничего запретнаго. Изъ безчисленнаго множества чертъ, составляющихъ великую картину природы, властенъ онъ выбирать любыя для поэтическихъ картинъ. Никакіе посторонніе разсчеты не должны имѣть вліянія на его свободный выборъ: ни умозрительная значительность, ни нравственное достоинство, ни общественныя предубѣжденія... Все исполненное жизни—жизни огненной, кипящей, клокочущей—есть уже законная собственность генія».

пр. Напротивъ, это означаетъ скорѣе односторонность и ограниченность таланта, нежели его истинность. Отличительная черта,—то, что составляетъ, что дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности, всегда и безъ всякихъ отношеній къ своему образу мыслей, понимать всякое человѣческое положеніе“ и т. д.

*) Статьи Надеждина, на которыя дѣлаются далѣе ссылки, всѣ приложены С. А. Венгеровымъ къ первому тому, за что нельзя не поблагодарить почтеннаго критика.

Вотъ исходная точка разсужденій Бѣлинскаго. Но онъ не останавливается на разсужденіяхъ Тлѣнскаго; въ своихъ статьяхъ онъ продолжаетъ начатую въ «Лит. опасеніяхъ» полемику Тлѣнскаго съ Надеждинымъ, постепенно углубляя свою основную мысль и дѣлая изъ нея всѣ возможные логическіе выводы. Въ «Литер. опасеніяхъ» Надеждина вопросъ стоялъ такъ: современная поэзія разнуздалась: она дозволяетъ себѣ брать темы, недостойныя поэта, забывая о приличіяхъ и нравственности. Тлѣнскій отвѣчаетъ на это, что нѣтъ темъ, недостойныхъ истиннаго поэта, и что критерій нравственнаго для поэзіи—есть посторонній, чуждый критерій. Надеждинъ съ этимъ не согласенъ и возражаетъ ему: «но что значитъ самый есоетическій интересъ, какъ не гармоническое сліяніе нравственнаго и умственнаго интереса?.. Что значитъ красота, какъ не истина, растворенная добротою?.. Да, мой любезный, изящное неудобомыслимо безъ отношенія къ существеннымъ потребностямъ духа нашего: истинному и доброму». Цѣль возраженія, очевидно,—показать, что эстетическое должно подчиняться требованіямъ нравственнаго и истиннаго. Бѣлинскій по отношенію къ собесѣдникамъ Надеждинскаго діалога занимаетъ совершенно самостоятельное положеніе. Въ общемъ, онъ на сторонѣ Тлѣнскаго: но онъ очень прислушивается и къ возраженіямъ Надеждина, принимая ихъ во вниманіе—и оставаясь противникомъ Надеждина. Онъ, конечно, отлично видитъ, что это, собственно, борьба Надеждина съ самимъ собой, что Надеждинъ «понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма». И вотъ въ данномъ случаѣ онъ смѣло усваиваетъ себѣ возраженіе Надеждина Тлѣнскому, только дѣлаетъ изъ него другое употребленіе. Въ статьѣ, прямо обращенной къ Надеждину (Ничто о ничемъ), онъ принимаетъ Надеждинскій тезисъ о гармоніи красоты съ добромъ и истиной, но формулируетъ его такъ, что первенство остается за эстетической стороной человѣческой натуры. «Чувство изящнаго есть условіе человѣческаго достоинства: только при немъ возможенъ умъ, только съ нимъ ученый возвышается до міровыхъ идей, понимаетъ природу и явленія въ ихъ общности; только съ нимъ гражданинъ можетъ нести въ жертву отечеству и свои личныя надежды, и свои частныя выгоды; только съ нимъ человѣкъ можетъ сдѣлать изъ жизни подвигъ и не сгибаться подъ его тяжестью. Безъ него, безъ этого чувства, нѣтъ генія, нѣтъ таланта, нѣтъ ума—остается одинъ пошлый «здравый смыслъ, необходимый для домашняго обихода жизни, для мелкихъ разсчетовъ эгоизма .. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности... Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а

только благоразумны; не нравственны, а только осторожны; они не борются со зломъ, а только избѣгаютъ его не по ненависти къ злу, а изъ разсчета». Итакъ, Бѣлинскій остается вѣренъ романтическому тезису о первенствѣ эстетической стороны человѣческаго духа; онъ отрицаетъ подчиненіе его нравственности, но потому, что нравственность внѣ чувства изящнаго—есть только мораль; помимо всякаго подчиненія, поэтъ не можетъ быть не нравственнымъ, пока остается самъ собой *). На этой точкѣ зрѣнія, можетъ быть, еще не вполнѣ отчетливо формулированной, Бѣлинскій стоитъ уже и въ «Литер. мечтаніяхъ». Вотъ почему, вмѣсто автономіи эстетическаго чувства, которую защищалъ Тлѣнскій отъ моралистическихъ покушеній Надеждина, Бѣлинскій защищаетъ здѣсь автономію чувства вообще, понимая подъ нимъ и эстетическое, и нравственное. Вотъ почему также нельзя искать противорѣчія въ такихъ утвержденіяхъ Бѣлинскаго, какъ то, что «поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя» и то, что комедія «должна быть плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства»; или что безпристрастіе поэта есть зенитъ художественнаго совершенства—и что стихи должны быть «выстраданы», должны быть «воплями души». Самъ Бѣлинскій не только не избѣгалъ такихъ сопоставленій, но какъ бы нарочно и умышленно накоплялъ ихъ, какъ бы видя въ такомъ накопленіи ту трудную проблему, которую призванъ рѣшить именно онъ. Проблёмой этой была—уже не защита эстетики отъ нравственности, а защита эстетики и нравственности, считаемыхъ за одно и то же, отъ разсудочности и фальсификаціи. Итакъ, то, что С. А. Венгеровъ считаетъ противорѣчіемъ, было въ дѣйствительности первымъ шагомъ впередъ по пути самостоятельнаго мышленія. И, пойдя разъ этимъ путемъ, Бѣлинскій вовсе не считаетъ задачи исчерпанною въ «Литер. мечтаніяхъ». Ему все еще кажется, что онъ недостаточно подчеркнулъ равноправность субъектизма и объективизма въ поэзіи. Какъ бы предчувствуя, что его будутъ обвинять въ колебаніи между тѣмъ и другимъ,—не смотря на его прямое заявленіе, что и поэтъ, изображающій одно ужасное, и поэтъ, изображающій весь міръ въ миніатюрѣ, съ его смѣсью добра и зла,—суть одинаково поэты и одинаково нравственны, если «слѣдуютъ безотчетно вспышкѣ воображенія»,—Бѣлинскій еще разъ продумываетъ эту тему и возвращается къ ней въ статьѣ о «Повѣстяхъ Гоголя». Примиреніе субъективизма и объективизма

*) Ср. II, 489: «не заботьтесь о нравственности, но творите... и будете нравственны даже на зло самимъ себѣ». II, 495: «въ художественномъ произведеніи идея всегда истинна, если вышла изъ души... Возьмите любую застольную пѣсню Беранже» etc.

въ поэзіи является на этотъ разъ въ формѣ различенія двухъ видовъ поэзіи: *идеальной* и *реальной*. «Поэзія двумя, такъ сказать, способами объемлетъ и воспроизводитъ явленія жизни. Эти способы противоположны одинъ другому, хотя ведутъ къ одной цѣли. Поэтъ или пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его воззрѣнія на вещи, отъ его отношеній къ міру, къ вѣку и народу, въ которомъ онъ живетъ, или воспроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности». Послѣднюю, «поэзію реальную», поэзію жизни, поэзію дѣйствительности Бѣлинскій считаетъ «истинной и настоящей поэзіей нашего времени».

«Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности: она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, воссоздаетъ ее и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкою зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной картины... Удивительно-ли, что отличительный характеръ новѣйшихъ произведеній вообще состоитъ въ безпощадной откровенности, что въ нихъ жизнь является, какъ бы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи. Мы требуемъ не идеала жизни, но самой жизни, какъ она есть. Дурна-ли, хороша-ли, но мы не хотимъ ее украшать, ибо думаемъ, что въ поэтическомъ представленіи она равно прекрасна въ томъ и другомъ случаѣ, и потому именно, что истинна, и что гдѣ истина, тамъ и поэзія». Все это—какъ разъ тѣ же аргументы—отчасти даже и тѣ же выраженія,—которыми защищалъ Тлѣнскій романтическую—«новѣйшую» поэзію отъ морализующихъ нападокъ Надеждина. Но какъ далеко уже ушелъ Бѣлинскій отъ своего исходнаго пункта, употребляя эти аргументы на защиту настоящей «новѣйшей» поэзіи—реалистическихъ повѣстей Гоголя! Вмѣсто права эстетическаго чувства на полную свободу выбора—права свободы отъ предписаній этики и отъ соотвѣтствія истинѣ,—мы видимъ отожествленіе «истины» съ «поэзіей» въ новѣйшемъ принципѣ—вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности. Но куда же дѣлась «свобода чувства»—этическаго такъ же, какъ эстетическаго—въ поэзіи,—то, что составляло главный предметъ нападокъ Надеждина? Бѣлинскій совсѣмъ не думаетъ отказываться и отъ этого завоеванія. Свобода чувства остается удѣломъ «идеальной поэзіи». «Идеальной» поэзіей Бѣлинскій считаетъ, прежде всего, то, что по тогдашнимъ общеупотребительнымъ терминамъ принято было называть, по Шлегелю, романтической поэзіей, т. е. поэзію христіанскихъ народовъ, преимущественно средневѣковую. Онъ, однако, не только не считаетъ идеальную поэзію устарѣлой и отжившей, но даже готовъ

утверждать, что «именно въ наше-то время и возможна она, и нашему времени предоставлено развить ее». Въ идеальной поэзіи «естественность, гармонія съ законами дѣйствительности - дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ (поэтъ) какъ бы заранѣе условливается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ его созданіи не жизни, а мысли. Мысль—вотъ *предметъ его вдохновенія*. Какъ въ операѣ для музыки пишутся слова и придумывается сюжетъ, такъ онъ создаетъ, по волѣ своей фантазіи, форму для своей мысли. Въ этомъ случаѣ его поприще безгранично; ему открытъ весь дѣйствительный и воображаемый міръ, все роскошное царство вымысла, и прошедшее и настоящее и исторія и басня, и преданіе, и народное суевѣріе, и вѣрованіе, земля и небо, и адъ. Безъ всякаго сомнѣнія, и тутъ есть своя логика, своя поэтическая истина, свои законы возможности и необходимости, которымъ онъ остается вѣренъ, но только дѣло въ томъ, что онъ же самъ и творитъ себѣ эти условія».

Каково же отношеніе между двумя поэзіями? «Трудно было бы рѣшить», отвѣчаетъ Бѣлинскій, «которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ быть, каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т. е. когда идеальная гармонируетъ съ чувствомъ, а реальная—съ истиной представляемой ею жизни. Но кажется, что послѣдняя, родившаяся вслѣдствіе духа нашего положительнаго времени, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности». Во всякомъ случаѣ,—условія поэтическаго творчества—одинаковы для обѣихъ: обѣ нуждаются во «вдохновеніи», и при наличности его, «какого бы рода ни было произведеніе—идеальное, реальное,—оно всегда истинно, *истинно поэтически*».

Какъ видимъ, въ умѣ Бѣлинскаго кипитъ напряженная работа. Конечно, работу эту задаетъ уму, прежде всего, «великое сердце»; конечно, Бѣлинскій все время продолжаетъ вращаться въ кругу тѣхъ же Надеждинскихъ идей, а его теорія, не смотря на всѣ надстроенные надъ нею эпициклы, продолжаетъ висѣть на гвоздѣ романтической эстетики. Но все же это есть *теорія*, сознательно стремящаяся охватить всѣ объясняемыя ею явленія—и при этомъ остаться цѣльной. Это есть продуктъ личной работы Бѣлинскаго, хотя и совпадающей съ отчасти недоговоренными, отчасти недодуманными мыслями Надеждина. Бѣлинскій *могъ*, конечно, почерпнуть основныя темы своей теоріи и не у Надеждина, такъ какъ міровоззрѣніе, изъ котораго онѣ вытекали, было довольно распространено; тѣмъ не менѣе трудно отрицать, что *фактически* онъ воспринялъ ихъ именно у Надеждина, что даже самыя недомолвки Надеждина дали толчокъ для дальнѣйшей мысли, что полемизируя съ нимъ, онъ надъ нимъ возвысился, и что основу этой эман-

сипаціи положилъ самъ Надеждинъ своей неискренностью защиты и нападенія, а больше всего самой своей основной мыслью, которую, по мнѣнію Бѣлинскаго, онъ «первый сказалъ и развилъ» *), именно, что «поэзія нашего времени не должна быть ни классическою, ни романтическою; но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію». Теорія идеальной и реальной поэзіи (нѣчто въ родѣ «сентиментальной» и «наивной» поэзіи шиллеровской эстетики) была блестящимъ разрѣшеніемъ задачи, самостоятельнымъ и стоившимъ Бѣлинскому много усилій мысли, хотя, конечно, не окончательнымъ въ его же собственныхъ глазахъ.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, остановимся еще на одномъ эпизодѣ, иллюстрирующемъ ту же теоретическую работу Бѣлинскаго въ зависимости отъ Надеждина. На реплику, поданную Надеждинымъ Тлѣнскому и приведенную нами выше, «что эстетическій интересъ долженъ гармонировать съ нравственнымъ и умственнымъ»,—реплику, сдѣлавшуюся исходной точкой умственной работы Бѣлинскаго, Тлѣнскій въ «Литер. опасеніяхъ», въ свою очередь, возражаетъ: «Вотъ хорошо... Но тебѣ уже, чай, извѣстно, что первоначальный законъ искусническаго творчества есть *безцѣльность*? Ты такой знатокъ въ новѣйшей философіи, а позабылъ первые склады ея». На это Надеждинъ побѣдоносно отвѣчаетъ: «дѣйствительно, знаменитый Кантъ постановляетъ началомъ эстетическаго изящества *соразмѣрность съ цѣлью безъ цѣли* (Zweckmässigkeit ohne Zweck). Но что это значитъ?.. Совсѣмъ не то, чтобы изящное произведеніе не должно было имѣть *никакой* цѣли, но что оно должно имѣть единственную цѣль свою *въ самомъ себѣ*, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ постороннимъ видамъ. Піитическія изліянія должны быть свободными изліяніями свободнаго духа... Но для чего же вы опускаете другую черту закона, имъ возвѣщаемаго: соразмѣрность съ цѣлью?.. Кантъ хочетъ, чтобы изящное произведеніе, не стѣсняясь посторонними видами, тѣмъ не менѣе, было, однако, соразмѣрно съ цѣлью, которою должно быть для него всесовершенное выраженіе единой великой идеи, имъ незнаменуемой». Мы видѣли, что уже въ «Литер. мечтаніяхъ» Бѣлинскій принимаетъ эту часть формулы въ редакціи Надеждина, съ его поправкой: онъ говоритъ о «цѣли поэзіи—самой въ себѣ». Но и тутъ мысль его продолжаетъ работать: въ статьѣ о «Повѣстяхъ Гоголя» онъ и къ этой темѣ возвращается вновь, чтобы примирить исходное утвержденіе съ принятой

*) Характерна и эта ссылка Б. на пріоритетъ Надеждина. На самомъ дѣлѣ эту идею раньше Надеждина уже развивалъ И. Давыдовъ и сдѣлалъ ее популярной среди поколѣнія старшихъ сверстниковъ Бѣлинскаго, выросшаго въ 20-хъ годахъ.

имъ поправкой. «Творчество *безцѣльно съ цѣлью*», говоритъ онъ тутъ, «безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостью: вотъ основные его законы». И онъ развиваетъ свой взглядъ на психологію творчества, приходя въ результатѣ къ выводу: «когда поэтъ творитъ, то хочетъ выразить въ поэтическомъ символѣ какую-нибудь идею, слѣд., имѣетъ цѣль, дѣйствуетъ съ сознаніемъ. Но ни выборъ идеи, ни ея развитіе не зависитъ отъ его воли, управляемой умомъ, слѣд., его дѣйствіе безцѣльно и безсознательно».

Такъ развивалъ Бѣлинскій свою основную эстетическую идею, систематически идя навстрѣчу возраженіямъ, вводя соотвѣтственныя поправки и стараясь занять высшую позицію, съ которой и первоначальная мысль, и возраженія противъ нея сливались въ одно болѣе глубокое пониманіе предмета. Тезисъ и антитезисъ принадлежали при этомъ Надеждину, но надеждинскій синтезисъ оказывался черезчуръ мелкимъ и внѣшнимъ,—и Бѣлинскій замѣнялъ его своимъ: старая мысль, дѣйствительно, становилась новой, снова начинала жить и развиваться въ его пониманіи.

Вопросъ объ отношеніи Надеждина къ первымъ критическимъ статьямъ Бѣлинскаго этимъ, однако же, далеко не исчерпывается. Не только оба *имѣли* цѣльную теорію, но оба старались *на ней* основать свое отношеніе къ русской литературѣ: и въ этомъ случаѣ Надеждинъ опять сыгралъ точно такую же роль, какъ въ обсужденіи общей теоріи.

Какая задача «Литер. мечтаній»? Несомнѣнно,—доказать, что при томъ органическомъ пониманіи искусства и изящнаго, изъ котораго исходитъ критикъ,—истиннымъ произведеніемъ искусства будетъ лишь такое, которое само собою вытекло изъ глубинъ народнаго духа. «Литература есть народное самосознаніе—и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія; а для исключеній нѣтъ правила». Эти слова Бѣлинскаго въ одной позднѣйшей статьѣ (II, 383) могли бы служить полнымъ резюме «Лит. мечтаній», съ той только прибавкой, что и отдѣльныя «прекрасныя и изящныя произведенія» объясняются соприкосновеніемъ ихъ авторовъ, болѣе или менѣе случайнымъ, съ тѣми же тайниками народнаго духа. Намъ кажется С. А. Венгеровъ недостаточно подчеркиваетъ единство этой основной идеи «Лит. мечтаній» и ея связь съ тѣмъ общимъ эстетическимъ принципомъ, о которомъ говорилось выше. Иначе онъ вѣрнѣе оцѣнилъ бы зависимость Бѣлинскаго и въ этой части его разсужденій отъ Надеждина и не искалъ бы дурного вліянія На-

деждина тамъ, гдѣ рѣчь могла бы скорѣе идти о новомъ самостоятельномъ шагѣ Бѣлинскаго сравнительно съ Надеждинымъ.

Прежде всего, нельзя не констатировать, что не только общій ходъ мысли Надеждина (въ его «Отрывкѣ изъ диссертаціи» и въ «Отчетѣ за 1831 годъ»), но и взглядъ почти на всѣ частныя явленія и факты русской литературы—одинъ и тотъ же со взглядами «Лит. мечтаній». Надеждинъ, подобно Бѣлинскому, исходитъ изъ мысли, что пора русскимъ внести свою долю во всемірно-историческое развитіе народовъ: онъ и указываетъ роль русскихъ—въ примиреніи противоположности двухъ предыдущихъ міровъ, классическаго и романтическаго. Бѣлинскій только менѣе опредѣленно высказывается о томъ, что именно внесетъ народъ русскій; онъ какъ будто склоненъ болѣе индивидуализировать роль каждаго народа во всемірно-историческомъ прецессѣ. Вмѣсто того, чтобы повторять утвержденія Надеждина: «какъ члены *одного* великаго человѣческаго семейства, мы должны жить *общею* жизнью человѣчества и шествовать наравнѣ съ нимъ, быть преемниками и наслѣдниками сугубой юности рода человѣческаго»,—у Бѣлинскаго встрѣчаемъ другой варіантъ той же шеллингистской темы: «только идя по *разнымъ* дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей цѣли; только живя *самобытной* жизнью, можетъ каждый народъ принесть свою долю въ общую сокровищницу». Варіантъ Надеждина звучитъ болѣе по-западнически, варіантъ—почти отвѣтъ—Бѣлинскаго — по-славянофильски,—если можно употреблять эти термины раньше формальнаго возникновенія славянофильства и западничества. Разница варіантовъ, какъ увидимъ, во всякомъ случаѣ не случайна; и, конечно, если искать тутъ отношенія между мыслями Бѣлинскаго и Надеждина,—то отношеніе это будетъ—полемическое. Нѣтъ сомнѣнія, что не Надеждинъ привилъ Бѣлинскому формулу, отзывающую «кваснымъ патріотизмомъ»,—разъ эта формула употреблена *противъ* Надеждина.

Пойдемъ дальше: у Бѣлинскаго и у Надеждина далѣе слѣдуетъ мысль, что обстоятельства исторической жизни (одинаковая ссылка на Петра) сдѣлали надолго главной особенностью нашей культурной жизни—подражательность, что и объясняетъ, почему до сихъ поръ у насъ нѣтъ самобытной національной литературы. Въ развитіе этой темы опять оба автора вносятъ свои индивидуальные оттѣнки,—и опять славянофильскій оттѣнокъ оказывается особенностью Бѣлинскаго сравнительно съ Надеждинымъ. «Благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности. Обыкновенно ставятъ это въ вину и въ укоръ русскому харак-

теру, признавая его не способнымъ къ самообразной производительности: но не будемъ слишкомъ строги къ самимъ себѣ. Не одна наша словесность терпитъ сію участь: ее раздѣляютъ литературы народовъ, кои раньше насъ приняли участіе въ европейскомъ просвѣщеніи и, слѣдовательно, старше и зрѣлѣе насъ, какъ-то: шведская, датская, голландская (ср. реминисценцію Бѣлинскаго на эти слова, I). Имъ также нечѣмъ похвалиться: они прозябаютъ не своей, но заимствованной жизнью... Само собой разумѣется, что сіи насильственные наросты не могли укореняться глубоко въ литературной нашей почвѣ и разрастаться богатою жатвою. Напротивъ, онѣ весьма скоро выцвѣтали, блекли и опадали; онѣ возникали и увядали по минутнымъ прихотямъ, по эфемернымъ капризамъ моды» (реминисценція Б. см. I, 344).

Бѣлинскій развиваетъ ту же тему иначе,—и очень близко къ тому, какъ трактовало этотъ сюжетъ впослѣдствіи славянофильство. «*Народъ* или, лучше сказать, масса народа и *общество* пошли у насъ врозь. Первый остался при своей прежней грубой и полудикой жизни; второе... забыло *говорить русскій языкъ*... ударилось въ подражаніе, или, лучше сказать, передразниваніе иностранцевъ и т. д.»

Далѣе, и Надеждинъ, и Бѣлинскій дѣлаютъ бѣглыя характеристики старыхъ русскихъ писателей, отмѣчая тѣхъ изъ нихъ, которые сохранили свое значеніе, и объясняя эти исключенія—близостью данныхъ писателей къ народному духу. Подборъ лицъ—очень близокъ, а это объясненіе у обоихъ критиковъ—совершенно одинаково. На Ломоносовѣ, впрочемъ, они расходятся: Бѣлинскій видитъ въ немъ «рабскую подражательность», тогда какъ Надеждинъ считаетъ его «не только истиннымъ поэтомъ (съ чѣмъ готовъ согласиться и Бѣлинскій), но еще по превосходству—поэтомъ *русскимъ*, въ коемъ сей великій народъ пробудился къ полному поэтическому сознанію самого себя». Причиной разногласія послужилъ здѣсь, кажется, классицизмъ Ломоносова, который приводитъ Надеждина въ умиленіе и раздражаетъ Бѣлинскаго. За то Бѣлинскій выдвигаетъ Державина, очевидно, въ пику Надеждину, выставляя его «невѣжество», какъ гарантію его «народности», спасшую его отъ Ломоносовскаго псевдо-классицизма. Общій фонъ эпохи нарисованъ у обоихъ критиковъ довольно одинаковыми красками. Дальше, Надеждинъ объясняетъ «ту высокую степень совершенства, на которую возведена у насъ, преимущественно передъ прочими отраслями поэзіи,—*басня*». «Басня ознаменована у насъ печатью высочайшей народности: всматривается въ бытъ русскій, подслушиваетъ рѣчь русскую, однимъ словомъ, есть вѣстовщица духа и характера русскаго». Бѣлинскій на этотъ разъ совершенно согласенъ съ Надеждинымъ. «Замѣчу,—говоритъ

онъ,—не я первый,—что басня оттого имѣла на Руси такой чрезвычайный успѣхъ, что родилась не случайно, а вслѣдствіе нашего народнаго духа... Вотъ убѣдительнѣйшее доказательство того, что литература непремѣнно должна быть народною, если хочетъ быть прочною и вѣчною»... Переходимъ далѣе прямо къ Пушкину, минуя быструю смѣну заимствованій у французской, нѣмецкой и англійской литературы, характеризованную у Бѣлинскаго, по признанію на этотъ разъ и С. А. Венгерова, весьма близко къ Надеждину (I, стр. 344 и прим. 68; и Надеждинъ, ib., 527 — 528). Пушкинъ причиняетъ комментатору Бѣлинскаго жестокое затрудненіе. Въ первомъ томѣ С. А. Венгеровъ очень рѣшительно высказалъ мнѣніе, что «колѣнопреклоненіе предъ Пушкинымъ составляетъ такую центральную черту «Литературныхъ мечтаній» и всей вообще дѣятельности Бѣлинскаго, что уже однихъ Надеждинскихъ глумленій совершенно достаточно, чтобы между обоими критиками создалась бездна, чрезъ которую нельзя перекинуть никакого соединительнаго моста». Во второмъ томѣ, однако же, этотъ соединительный мостъ С. А. Венгерову пришлось построить собственными руками. Тамъ онъ встрѣтилъ намеки Бѣлинскаго на Пушкинскаго Нулина, совершенно точно воспроизводившія «глумленіе» Надоумки — Надеждина; встрѣтилъ, и на первый разъ не повѣрилъ *). «Мы не могли догадаться, о чемъ тутъ рѣчь», замѣчаетъ онъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту (пр. 358), — «и серьезно ли говорится объ «одномъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей». Неужели это — намеки на графа Нулина»? Скоро, однако, никакія сомнѣнія становятся невозможными; приходится признать печальную дѣйствительность (пр. 419), и С. А. Венгеровъ сразу переходитъ почти въ другую крайность. «Начиная съ «Литературныхъ мечтаній», говоритъ онъ теперь, «Бѣлинскій *упорно твердитъ* объ упадкѣ Пушкина». Нашъ комментаторъ и тутъ, однако, не хочетъ признать открыто, что Бѣлинскій только развиваетъ въ этомъ случаѣ тезисъ Надеждина и повторяетъ его ошибку.

Но перейдемъ лучше опять къ тому, въ чемъ Бѣлинскій отличается отъ Надеждина и въ чемъ онъ, по нашему представленію, пошелъ дальше его. Рѣчь идетъ о пониманіи самаго основного понятія, которымъ оперировали оба: понятія народности. Надеждинъ и въ этомъ случаѣ обнаружилъ ту «неискренность и непря-

*) „Помните ли вы", спрашиваетъ Бѣлинскій Надеждина (въ адресованной прямо ему статьѣ „Ничто о ничемъ"), „какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ геніевъ, угомонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о *ничемъ* и весь вылился въ *ничто*?" Ср. въ приложеніи къ I тому статью Надеждина «Сонмище нигилистовъ» и спеціальный «разборъ гр. Нулина».

моту доказательствъ», то «явное противорѣчіе между воззрѣніями и ихъ приложеніемъ», въ которыхъ обвинялъ его позднѣе Бѣлинскій. Какъ «законы творящаго духа» онъ очень поспѣшно свелъ на правила «здраваго вкуса» (ср. филиппику Бѣлинскаго противъ «вкуса» въ разборѣ критики Шевырева), такъ и для «народности» онъ постарался найти самое подходящее выраженіе въ «патріотизмѣ». «Явно отсюда,—говоритъ онъ по поводу Державина и другихъ нашихъ бардовъ,—что патріотическій енѳусіамъ составляетъ какъ бы родовое непреложное наслѣдіе русской поэзіи: и это ни мало не удивительно, когда вѣковыя преданія и ежедневные опыты свидѣтельствуютъ, что національный характеръ самаго народа русскаго отличается — живою, пламенною, неизмѣнною любовію къ отечеству». Нѣсколько подобныхъ же аккордовъ мы находимъ и на заключительныхъ страницахъ «Литер. мечтаній»; но никакого вліянія на мысль Бѣлинскаго эти стилистическіе хвостики не оказали; возможно, что они были спеціально придѣланы для Надеждинскаго журнала и цензуры. Если бы *этимъ* ограничивалось «дурное вліяніе» Надеждина на Бѣлинскаго, то объ этомъ не стоило бы и говорить. Но С. А. Венгеровъ ставитъ свое обвиненіе гораздо шире. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Бѣлинскій начинаетъ говорить о «самобытности» каждаго народа, какъ объ основѣ его національнаго склада, комментаторъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе (37): «начиная съ этой главы, Бѣлинскій даетъ рядъ общественно-политическихъ воззрѣній, діаметрально-противоположныхъ тому, что составляетъ сущность его дѣятельности во вторую половину жизни, и съ чѣмъ по преимуществу связано представленіе о немъ въ общемъ сознаніи. Начавъ съ утвержденія, что «обычаи—дѣло святое, неприкосновенное», Бѣлинскій постепенно усвоиваетъ себѣ жаргонъ квасного патріотизма, кровожадно восторгается тѣмъ, какъ «разыгрался русскій мечъ» и пишетъ уже даже не слогомъ Погодина и Шевырева, а громоподобнымъ стилемъ отъ XVIII вѣка. Подъ вліяніемъ разъ взятаго тона, Бѣлинскій заговорилъ Шишковскими славянизмами, отечество стало для него не просто дорогимъ, а «драгимъ», Алексѣй Михайловичъ превратился въ «Алексія» и все его изложеніе русской исторіи свелось къ самому грубому бахвальству и прославленію русскаго кулака».

Замѣтимъ, прежде всего, что то, что говоритъ тутъ С. А. Венгеровъ о слогѣ Бѣлинскаго намъ кажется въ очень значительной степени плодомъ простого недоразумѣнія. Выше мы привели выраженіе Бѣлинскаго «говорить русскій языкъ», употребленное имъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ заводитъ бесѣду о подражательности русскаго «общества». Кажется, ясно, что это выраженіе, напечатанное курсивомъ, Бѣлинскій умышленно здѣсь выбралъ, чтобы самымъ оборотомъ рѣчи изобразить разучивающееся говорить по-

русски дворянство. Тѣмъ не менѣе, и къ этому мѣсту встрѣчаемъ примѣчаніе С. А. Венгерова: «этотъ совершенно неправильный французскій оборотъ (parler la langue), вѣроятно, объясняется постоянными переводами съ французскаго, которыми такъ усиленно занимался Б. въ 1833 и 1834 (пр. 44)»; а въ предисловіи критикъ признается, что подобные галлицизмы у Бѣлинскаго прежде его коробили. Не обстоитъ ли дѣло подобнымъ же образомъ и съ шишковизмами, которые коробятъ почтеннаго критика теперь. Вѣдь «драгое отечество» — тоже написано курсивомъ *) и употреблено отъ имени Ломоносова — это его подлинное выраженіе; въ другихъ мѣстахъ совершенно съ тѣмъ же разсчетомъ на большую изобразительность употребленъ «нѣмецкій маниръ», когда рѣчь идетъ о Петрѣ, и «Бироновъ» вмѣсто Байрона, когда рѣчь идетъ о первыхъ глухихъ слухахъ по поводу романтизма, проникшихъ въ русскую публику. Немудрено, что Бѣлинскій загова-риваетъ слогомъ Державинскихъ одъ, когда рѣчь идетъ о времени имп. Екатерины. Такимъ образомъ, едва ли нужно защищать далѣе несравненный слогъ «Литературныхъ мечтаній». Важнѣе разобрать обвиненіе (въ заимствованіи «квасного патріотизма» Бѣлинскимъ отъ Надеждина) по существу. Тутъ мы снова принуждены рѣшительно противорѣчить комментатору Бѣлинскаго. Мы видѣли и раньше склонность Бѣлинскаго къ славянофильскимъ взглядамъ на народность — и при томъ какъ разъ въ противоположность Надеждину. Теперь прибавимъ, что, по нашему мнѣнію, не только не слѣдуетъ слагать вину за эти мнѣнія Бѣлинскаго на Надеждина, но и вообще едва ли умѣстно говорить здѣсь о какой либо «винѣ». Вліяніе этого рода мы скорѣе готовы бы были считать *заслугой* вліявшаго, такъ какъ славянофильское мнѣніе о народности было той ступенькой, по которой Бѣлинскій поднялся надъ мнѣніями Надеждина и выбрался на собственную дорогу. По смыслу его эстетической теоріи ему необходимо было найти такое «безсознательное съ сознаніемъ, безцѣльное съ цѣлью» основаніе, на которомъ бы можно было построить понятіе и ожиданіе самобытной и оригинальной русской литературы. Такое основаніе и было дано ему славянофильской идеей народности— безусловно враждебной казенному понятію и несомнѣнно болѣе глубокой, чѣмъ все, что говорилось по этому поводу до славянофиловъ. Кто далъ ему это? Едва ли можетъ быть и тутъ какое-либо сомнѣніе: Бѣлинскій не предварилъ славянофильскія ученія

*) Значеніе курсива, какъ означающаго чужія подлинныя выраженія или характерныя словечки, — словомъ, все, что мы теперь поставили бы въ ковычки, указано самимъ С. А. Венгеровымъ,—не помнимъ, къ сожалѣнію, въ какомъ именно мѣстѣ.

своими разсужденіями, какъ думаетъ критикъ (пр. 43), а просто взялъ ихъ у славянофиловъ же; могъ взять и у И. Кирѣевскаго, напечатавшаго еще въ 1830 г.: «сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго *отраженія умственной жизни народа*, нѣтъ литературы»; могъ онъ — и это всего вѣроятнѣе — заимствовать эти взгляды— именно на старинный простонародный бытъ, на реформу Петра, на раздѣленіе общества отъ народа — непосредственно у Константина Аксакова, съ которымъ жилъ душа въ душу въ то время, который ни о чемъ другомъ и говорить не умѣлъ, кромѣ какъ разъ этихъ самыхъ темъ—и, навѣрное, вдоволь наговорился о нихъ съ Бѣлинскимъ. По чему другому, какъ не по этому, и оказалось такъ тяжело впослѣдствіи ихъ разставаніе, когда разница взглядовъ, опять по этому же вопросу, развела ихъ въ разныя стороны?

Но согласившись съ тѣмъ, что основа взглядовъ на народность въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» взята у славянофиловъ (чему, собственно, не противорѣчитъ въ другомъ мѣстѣ своихъ примѣчаній и С. А. Венгеровъ), мы, однако, тотчасъ же должны отмѣтить, что Бѣлинскій вноситъ въ обсужденіе вопроса извѣстную самостоятельность. Самостоятельность эта обнаруживается какъ разъ въ вопросѣ о значеніи «обычаевъ» для народности. Значеніе обычаевъ (какъ опредѣляющихъ «физіономію народную») Бѣлинскій выдвигаетъ *насчетъ* значенія религіи *); его «обычаи»—это почти надорганическая среда позднѣйшей соціологіи: междуиспхическая соціальная ткань. Критикъ самъ въ разныхъ мѣстахъ присоединяется къ пониманію народности Бѣлинскимъ: но какъ же дошелъ Бѣлинскій до этого пониманія, какъ не путемъ усвоенія и дальнѣйшей разработки славянофильскаго мнѣнія?

Я упомянулъ о «дальнѣйшей разработкѣ», потому что, какъ всегда у Бѣлинскаго, въ этой разработкѣ — вся сущность дѣла. Разъ усвоивъ себѣ понятіе народности, какъ чего-то невольнаго, чего-то такого, что не можетъ не быть и что само-собой приложится, Бѣлинскій на этой почвѣ—и только на ней—и могъ смѣло выступить противъ всякихъ фальсификацій народности, противъ всякой попытки играть этимъ словомъ, какъ знаменемъ или лозунгомъ національнизма, словомъ, противъ того самаго сведенія «народности» къ «патріотизму», котораго не чуждъ былъ Надеждинъ. Свою позицію въ этомъ вопросѣ Бѣлинскій совершенно опредѣленно занимаетъ уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». «Мнѣ кажется», говоритъ онъ тутъ, «что это стремленіе къ народности произошло оттого, что всѣ живо почувствовали непрочность нашей

*) Надо, впрочемъ, прибавить, что какъ разъ такое центральное значеніе придавалось „обычаямъ“ въ семьѣ Аксаковыхъ.

подражательной литературы и захотѣли создать народную, какъ прежде силились создать подражательную. Итакъ, опять цѣль, опять усилія, опять старая погудка на новый ладъ? Но развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ, онъ объ этомъ ни мало не думалъ; онъ былъ народенъ, потому что не могъ не быть народнымъ: былъ народенъ безсознательно и едва ли зналъ цѣну этой народности которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія («конечно, единственное правильное понятіе о народности», замѣчаетъ по поводу этого мѣста С. А. Венгеровъ, пр. 178»). «Истинный поэтъ»—безсознательно народенъ, точно такъ же, какъ онъ «безсознательно нравственъ» и «безсознательно правдивъ». На томъ же основаніи, прибавимъ кстати, онъ и «безсознательно современенъ» по теоріи Бѣлинскаго, опять считаемой «противорѣчіемъ» въ примѣчаніяхъ С. А. Венгерова.

Эту основную идею Бѣлинскій примѣнитъ къ Пушкину, къ Гоголю; онъ приведетъ ее въ тѣснѣйшую связь съ идеей «безцѣльнаго съ цѣлью» искусства (т. е. реалистической поэзіи),—и въ результатѣ получится міросозерцаніе, которому, что бы противъ него ни возражать, нельзя отказать въ одномъ качествѣ: внутренней цѣльности. Достиженіе этой внутренней цѣльности составляетъ главную задачу Бѣлинскаго во всѣхъ его первыхъ критическихъ статьяхъ. Всмотритесь въ нихъ внимательно: вы найдете, что всѣ онѣ какъ бы отлиты по одной формѣ; каждая слѣдующая составляетъ исправленное и улучшенное изданіе предыдущей. «Литературныя мечтанія», статья о повѣстяхъ Гоголя, «Ничто о ничемъ», отчасти и статья о критикѣ Московскаго наблюдателя—всѣ эти литературныя работы построены на двухъ основныхъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ идеяхъ, генезисъ которыхъ мы старались прослѣдить: на идеѣ безцѣльнаго искусства, которая развивается въ понятіе реальной поэзіи, и на идеѣ конкретной народной индивидуальности, безсознательнымъ выразителемъ которой является писатель-реалистъ. Такъ, фразеологію «абстрактнаго героизма» Бѣлинскій сумѣлъ заставить служить своему инстинкту дѣйствительности. «Великое сердце», конечно, нужно было, чтобы сообщить этой теоретической работѣ всю ея напряженность, всю ея лихорадочность; но сущность сдѣланнаго дѣла все же заключалась въ теоретической работѣ *мысли*. Вліянія Надеждина при этомъ нельзя отрицать, но не надо и преувеличивать; можно сказать, что отрицательными сторонами своей мысли онъ былъ не менѣе полезенъ Бѣлинскому, чѣмъ положительными. Во всякомъ случаѣ, и это, и другія вліянія имѣютъ второстепенное значеніе въ итогахъ мыслительной работы Бѣлинскаго: главное въ этой работѣ принадлежитъ его уму,—тому уму, которому такъ удивля-

лись люди, лично знавшіе Бѣлинскаго и поражавшіеся той проницательностью, той логической силой, съ которой авторъ «Литературныхъ мечтаній» умѣлъ по одному намеку на интересовавшее его міровоззрѣніе возстановлять его во всей цѣлости, во всѣхъ близкихъ или далекихъ выводахъ изъ разъ схваченныхъ посылокъ, словомъ, въ такой полнотѣ и глубинѣ, которыхъ рѣдко удавалось достигнуть даже лицамъ, знавшимъ то же міровоззрѣніе изъ первыхъ источниковъ.

П. Милюковъ.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

Страничка изъ недавняго прошлаго.

Написалъ это заглавіе и невольно остановился надъ словами «изъ *недавняго* прошлаго». Конечно, то прошлое, многіе дѣятели котораго еще до сихъ поръ работаютъ среди насъ, не можетъ быть названо иначе, какъ недавнимъ,—но какою далекою представляется намъ теперь, среди окружающаго насъ холоднаго сумрака, та свѣтлая, весенняя пора молодыхъ упованій и юношескихъ надеждъ!

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1860 году, Россія стояла наканунѣ великаго перелома въ своей исторической жизни. Старый, крѣпостной порядокъ еще сохранялъ свое господство и еще очень больно давалъ себя чувствовать. Но это—казалось намъ—были только послѣднія конвульсіи отходящаго въ вѣчность прошлаго. Мы уже видѣли впереди святое солнце свободы, которое должно разсѣять мракъ окружавшей насъ ночи и разогнать всѣ темныя силы, таившіяся подъ ея покровомъ. Онѣ уже дрогнули и смѣшались, испуганныя предвѣстниками наступающаго, казалось, такого близкаго дня. И мы съ бодрою, живою вѣрою ждали этого дня.

Суровая дѣйствительность показала, какъ много иллюзій было въ этихъ молодыхъ ожиданіяхъ. По горькому опыту мы знаемъ теперь, насколько живуче еще и до сихъ поръ то прошлое, которое мы уже тогда хоронили, и какой трудный и долгій путь борьбы и тяжелаго труда предстоялъ поколѣніямъ, видѣвшимъ зарю освобожденія.

Даромъ ничто не дается,
Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ.

За свѣтлымъ днемъ исхода изъ египетскаго плѣненія крѣпостной эпохи наступили сорокъ лѣтъ мучительнаго скитанія въ пу-

стынѣ; мы пережили за это время и поклоненіе золотому тельцу, и малодушныя воздыханія о мясахъ египетскихъ, а земля обѣтованная, чуть не на порогѣ которой мы уже давно себя видѣли, все еще далеко впереди передъ нами...

Намъ трудно теперь, послѣ всего пережитого за сорокалѣтіе, перенестись въ настроеніе той ранней эпохи. Попытаемся, однако, напомнить хотя нѣкоторыя характерныя его черты.

Въ томъ общественномъ теченіи, которое заполняетъ собою періодъ, не совсѣмъ точно называемый «шестидесятыми» годами мы можемъ отличить двѣ главныя волны. Первая половина этого, періода, — который можно начать съ памятнаго для Россіи 1855 года,—представляетъ собою эпоху общаго подъема, постепенно захватывающаго все болѣе и болѣе широкіе общественные круги. Это была поднимающаяся общественная волна. Банкротство государственнаго и общественнаго строя, державшагося на крѣпостномъ правѣ, ярко выступило наружу среди бѣдствій Крымской войны съ ея позорною «изнанкою». Совпавшій съ этимъ конецъ царствованія, 30 лѣтъ желѣзною рукою поддерживавшаго устои того порядка, который привелъ страну къ кризису,—послужилъ толчкомъ для обновительнаго движенія. О чемъ прежде, подъ гнетомъ суроваго режима эпохи, едва смѣли думать, о томъ теперь заговорили вслухъ. Всѣмъ, казалось, было ясно, что нельзя идти далѣе тѣмъ путемъ, по которому шли до сихъ поръ. Необходимъ былъ выходъ изъ того положенія вещей, несостоятельность котораго стала очевидна. Въ поискахъ этого выхода общественная мысль сильно разбрелась. Рядомъ съ глубокими и сильными теченіями можно было видѣть мелкія и поверхностныя; рядомъ со смѣлыми и широко захватывающими планами общественнаго преобразованія,—дѣтскія измышленія, чуждыя всякой перспективы. Но всѣ эти теченія, при всемъ различіи въ ихъ силѣ, глубинѣ и значеніи, шли въ *одномъ* общемъ *направленіи*. Все общественное движеніе представлялось одною широкою, поднимающеюся волною, захватывающею собою и правящія сферы, и среднія круги обывателей, не совсѣмъ чуждыхъ общественнымъ интересамъ, и передовые ряды интеллигенціи страны. Движеніе казалось, быть можетъ, болѣе широкимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что элементы, ему враждебные, растерявшіеся и смятые первымъ натискомъ новыхъ теченій, не могли дать имъ открытаго отпора,—а глухому и пассивному сопротивленію,—оказавшемуся впослѣдствіи такимъ губительнымъ для преобразовательной работы,—не придавали тогда того значенія, которое оно, къ несчастію, имѣло.

Во вторую половину періода «шестидесятыхъ» годовъ эта однородность общественнаго движенія исчезаетъ; жду разными его

элементами обнаруживается разладъ, порой принимающій острыя формы; прогрессивныя теченія замедляются, а затѣмъ измѣняютъ и самое направленіе; начинается и ростетъ реакція, не только въ правящихъ кругахъ, но и въ значительной части прогрессивно-настроеннаго ранѣе общества; общій тонъ общественнаго настроенія понижается. Въ 1866 г. реакціонное теченіе, послѣ катастрофы 6 апрѣля, рѣзко усиливается и становится господствующимъ; тяжелое, глубокое угнетеніе смѣняетъ бодрое настроеніе начала преобразовательной эпохи.

Въ сущности, 1866 годомъ заканчиваются такъ назыв. «шестидесятые» годы,—если брать это опредѣленіе не въ хронологическомъ смыслѣ, а въ условномъ значеніи періода реформъ и общественнаго обновленія, въ центрѣ котораго стоитъ великій актъ освобожденія крестьянъ. Толчокъ, данный могучимъ освободительнымъ движеніемъ первой половины этого періода, былъ настолько силенъ, что преобразовательные акты продолжались нѣкоторое время и послѣ того, когда на знамени руководящихъ круговъ открыто выставленъ былъ совершенно иной девизъ. Въ томъ же 1866 году, который является поворотнымъ пунктомъ между періодомъ реформъ и періодомъ регрессивнаго теченія, въ маѣ одновременно съ муравьевскою диктатурою и опубликованіемъ программнаго рескрипта на имя кн. Гагарина (тогда предсѣдателя государственнаго совѣта, въ эпоху созданія положенія 19 февраля—одного изъ столповъ крѣпостнической партіи) въ Петербургѣ вводились въ дѣйствіе «Судебные уставы» 20 ноября 1864 г., съ ихъ судомъ общественной совѣсти, съ мировымъ институтомъ (значеніе котораго для бытовыхъ условій населенія столицы въ тотъ моментъ трудно теперь и оцѣнить въ достаточной мѣрѣ), съ ихъ провозглашеніемъ началъ законности и равенства предъ судомъ, такимъ рѣзкимъ диссонансомъ звучащихъ среди всего того, что происходило кругомъ. Но все это были плоды творческой работы прошлаго,—съ которыми безсильна была справиться наступившая реакція. Здѣсь повторилась обычная иронія исторіи. Эпохи застоя и реакціи, всегда лишенныя творческой силы, живутъ и пользуются поневолѣ тѣмъ, что создано предыдущими полосами общественнаго подъема. Въ данномъ случаѣ это было очевидно и ясно. Но часто такія соотношенія между смѣняющими другъ друга періодами являются гораздо болѣе сложными и затемненными, что ведетъ къ совершенно невѣрной оцѣнкѣ относительнаго ихъ значенія. Исторія позднѣйшихъ теченій въ нашей государственной и общественной жизни представляетъ очень наглядныя къ тому иллюстраціи...

Тотъ годъ, воспоминанію о которомъ посвящена наша за-

мѣтка,—1860—относится къ первой половинѣ «шестидесятыхъ» годовъ; поднимающаяся волна общественнаго настроенія въ это время была близка къ своему апогею. Первыя замѣтныя проявленія реакціи—и правительственной, и общественной—обнаруживаются уже позже, съ эпохи петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и, въ особенности, съ польскаго возстанія, вспыхнувшаго въ слѣдующемъ, 1863 году. Наканунѣ 19 февраля 1861 года, никакія тучи еще не заволакивали горизонта свѣтлыхъ надеждъ прогрессивной части общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что и смѣны общественныхъ настроеній, и развитіе общественнаго сознанія стоятъ въ самой тѣсной связи съ движеніемъ общественныхъ фактовъ. Для всего періода шестидесятыхъ годовъ основнымъ общественнымъ фактомъ, который, главнымъ образомъ, опредѣлилъ собою содержаніе всей этой эпохи, былъ фактъ паденія крѣпостного права. Мы видимъ очень близкую связь не только между общимъ тономъ всего идейнаго движенія шестидесятыхъ годовъ и тѣмъ кореннымъ переворотомъ, который происходилъ въ самой жизни, но здѣсь же, въ особенностяхъ эволюціи фактовъ, мы находимъ и ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей эволюціи идей въ этомъ періодѣ. Нельзя, однако, понимать этого такъ, будто измѣненія въ общественныхъ фактахъ всегда предшествуютъ измѣненіямъ въ общественномъ сознаніи и общественномъ настроеніи. Именно въ нашемъ случаѣ мы видимъ какъ разъ обратное. Идейное движеніе, связанное съ паденіемъ крѣпостного права, достигло своего расцвѣта *наканунѣ* самаго акта эмансипаціи. Подъемъ общественнаго настроенія первой половины шестидесятыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ *предварялъ* грядущіе, ожидаемые факты.

Сама по себѣ, русская дѣйствительность въ 1860 году была совсѣмъ не такова, чтобы давать почву для какого-нибудь радостнаго настроенія. Въ странѣ царилъ еще старый порядокъ со всѣми своими типическими чертами. Государственная машина построена была на началахъ бюрократическо-сословныхъ. Полное отсутствіе законности, произволъ по отношенію къ низшимъ и раболѣпіе предъ выше стоящими—проникали ее сверху до низу. Взяточничество составляло повальный недугъ чиновничества чуть не всѣхъ степеней. Помимо взятокъ въ собственномъ смыслѣ, существовали еще такъ наз. «безгрѣшные доходы», которыхъ чиновничья мораль того времени взятками не считала и которыми совѣсть средняго по нравственному уровню чиновника не смущалась. Такъ, на ряду съ жалованіемъ отъ казны чиновники многихъ мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій получали еще и другое жалованіе, отъ всесильнаго тогда откупа. По очень распространенной легендѣ того времени «праздничные» для пристава адмиралтей-

ской части аккуратно два раза въ годъ присылались даже изъ Зимняго дворца. Конечно, это легенда, но легенда очень характеристичная. Обывательская фантазія создавала фактъ такъ, какъ онъ по распространенному мнѣнію долженъ бы былъ быть. Существовалъ родъ опредѣленной таксы сборовъ, сопровождающихъ «ходъ дѣла» въ каждомъ казенномъ учрежденіи. Какой-то остроумный человѣкъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ издалъ брошюрку, въ которой въ видѣ графика изображалось теченіе бумаги въ присутственномъ мѣстѣ - отъ записи полученнаго прошенія во «входящій» журналъ, до отправленія исполнительной бумаги. По наружному своему содержанію брошюра преслѣдовала невинную цѣль— показать наглядно многописаніе и длинную процедуру существовавшаго дѣлопроизводства, но подъ этимъ явнымъ смысломъ былъ и другой, скрытый. Разныя части той линіи, которая обозначала движеніе бумаги отъ одного чиновника къ другому, были окрашены въ разные цвѣта. Эти цвѣта соотвѣтствовали цвѣту той бумажки, которую надлежало поднести каждому чиновнику. Этотъ скрытый смыслъ скоро былъ отгаданъ не только публикою, но и тѣми, кто вѣдаетъ судьбами книгъ, и брошюрка исчезла изъ обращенія. Теперь она могла бы служить интереснымъ историческимъ документомъ о недавнемъ прошломъ. Всѣ эти «безгрѣшные» доходы сопровождали каждый ординарный случай соприкосновенія обывателя съ администраціею. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда нужно было не только двинуть дѣло, но и опредѣленно направить его, требовались и чрезвычайныя субсидіи, размѣръ которыхъ варьировалъ въ зависимости отъ состоятельности челобитчика и свойства самаго дѣла.

Въ рукахъ этого продажнаго чиновничества находилось и достояніе, и честь, а порой и самая тѣлесная неприкосновенность обывателей, которыхъ судьба заставляла обращаться къ защитѣ и къ содѣйствію закона. Само собою разумѣется, что мало кто дѣлалъ это добровольно, но бюрократическая машина такъ цѣпко охватывала жизнь, что отъ соприкосновенія съ нею трудно было уклониться. И рѣдкій обыватель выходилъ изъ такого соприкосновенія безъ болѣе или менѣе чувствительной аваріи...

Судъ и по составу, и по характеру своей дѣятельности нисколько не выдѣлялся изъ дореформеннаго бюрократическаго цѣлаго. Здѣсь,— такъ же, какъ и въ уѣздной полиціи,—замѣтнѣе было только осложненіе бюрократическаго элемента сословнымъ, въ видѣ разныхъ сословныхъ засѣдателей въ судахъ и выборныхъ дворянствомъ исправниковъ. Это прибавляло къ «100,000 полиціймейстеровъ», стоящихъ надъ крестьянами въ лицѣ помѣщиковъ, еще немалое число зависимыхъ отъ этихъ полиціймейстеровъ коронныхъ полицейскихъ и судебныхъ чиновниковъ.

Значительная часть судебныхъ функцій выполнялась полиціей. Такъ, на полиціи лежала слѣдственная часть, возложенная на особыхъ приставовъ слѣдственныхъ дѣлъ—это былъ уже прогрессъ сравнительно съ тѣми временами, когда и слѣдственныя, и распорядительныя полицейскія обязанности выполнялись однимъ и тѣмъ же полицейскимъ чиновникомъ. Но и при «реформированномъ» порядкѣ, конечно, не могло быть и рѣчи о возможности сколько нибудь независимаго отправленія слѣдственныхъ дѣйствій. Полиціи же принадлежало и разбирательство дѣлъ о масоважныхъ проступкахъ. И здѣсь уже никакого раздѣленія не существовало: Сквозникъ-Дмухановскій и Держиморда творили самолично судъ и расправу. Какъ творили—это памятно всѣмъ свидѣтелямъ дореформенной эпохи. На «съѣзжихъ»—какъ назывались въ просторѣчіи частные дома—чуть не круглый день стоялъ стонъ и слышался свистъ розогъ. Пороли беззащитнаго россійскаго обывателя изъ «непривелигированныхъ» и по усмотрѣнію полиціи, и по запискамъ «господъ», и по приказанію начальства,—не разбирая ни пола, ни возраста; пороли не только въ медвѣжьяхъ углахъ разныхъ захолустій, но и въ обѣихъ столицахъ, пороли даже наканунѣ освобожденія и въ самый день его объявленія: какъ извѣстно, въ Петербургѣ, 5 марта 1861 г., одновременно съ объявленіемъ манифеста 19 февраля, были жестоко «наказаны на тѣлѣ» нѣсколько дворниковъ, неосторожно говорившихъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ о предстоящемъ провозглашеніи воли...

Розги и палки безъ устали ходили и по солдатской спинѣ. Съ какимъ усердіемъ—объ этомъ можно судить хотя бы по тому факту, что одинъ отъ высшихъ военныхъ чиновъ (генералъ фонъ-деръ Л.) серьезно ходотайствовалъ объ отводѣ корпусу внутренней стражи лѣсныхъ дачъ для нарѣзки розогъ. Правда, это ходатайство относится ко времени нѣсколько ранѣе того, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, но и непосредственно наканунѣ «періода реформъ» палочная расправа въ войскахъ была въ полномъ ходу. Шпицрутены (прогнаніе сквозь строй) были нормальнымъ наказаніемъ, назначаемымъ даже за маловажные относительно проступки. За тяжкія преступленія законъ опредѣлялъ такія количества шпицрутеновъ, которыя превращали это наказаніе въ квалифицированную смертную казнь. Болѣе легкіе виды тѣлесныхъ наказаній были дѣломъ обыденнымъ. Пишущему эти строки живо памятенъ кантонистскій лагерь въ большомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ, еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, никогда нельзя было пройти мимо такъ наз. «задней линейки», чтобы не натолкнуться на производимую надъ кѣмъ-нибудь экзекуцію.

О томъ, что происходило среди многомилліонной массы по-

мѣщичьяго крестьянства, находившагося подъ двойнымъ гнетомъ, нѣтъ надобности и говорить.

Но среди этого темнаго царства произвола, безправія, продажности и жестокости пробивался уже нѣкоторый свѣтлый лучъ. Старые порядки жизни держались еще внѣшнею силою, но исчезла уже увѣренность въ ихъ незыблемости и непоколебимости. Напротивъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось, что такъ идти далѣе нельзя, что неизбѣжно должны наступить другія времена и иные порядки. Это убѣжденіе, распространяясь все шире и шире, окрыляло надеждами однихъ, смущало и приводило въ уныніе другихъ. Представители стараго, отживающаго строя какъ-то растерялись и потеряли прежнюю самоувѣренность. На почвѣ этой растерянности возникали иногда очень любопытныя неожиданности. Молодые побѣги новой жизни въ то время пробивали уже себѣ выходъ наружу. На общемъ, крѣпостномъ еще фонѣ русской дѣйствительности выступали мѣстами черты совсѣмъ съ нимъ не гармонировавшія. Однородность общей картины была нарушена. Среди сковывавшаго русскую жизнь ледяного покрова то тамъ, то сямъ показывались проталины. По большей части это были только единичные, отдѣльные факты, происходившіе на поверхности общественной жизни. Важны они были не сами по себѣ, а только какъ симптомы начинавшагося процесса общественной перестройки. Но въ глазахъ современниковъ значеніе ихъ часто переоцѣнивалось. Переоцѣнивалось съ обѣихъ сторонъ—и со стороны тѣхъ, кто привѣтствовалъ новыя, наступающія времена, и со стороны тѣхъ, кто стоялъ на стражѣ старыхъ. Отсюда тѣ наивные и комичные восторги предъ проявленіями «русскаго прогресса», которые съ такимъ безпощаднымъ остроуміемъ и временами съ такою горечью бичевалъ Добролюбовъ въ «Свисткѣ». Конечно, вся эта маниловщина никакъ не могла способствовать успѣху общественной работы. Но недоразумѣніе и растерянность другой стороны сослужили свою службу обновительному движенію. Быть можетъ, многіе его слабые ростки безъ труда были бы заглушены и задавлены въ самомъ началѣ, если бы элементамъ его вызвавшимъ и поддерживавшимъ не приписывались силы, гораздо большія тѣхъ, какими они на самомъ дѣлѣ обладали. Зачастую «натискъ пламенный» только потому не вызывалъ «отпоръ суровый», что растерявшіеся защитники порядка утратили перспективу того, что происходило кругомъ. Что-то новое выступало впередъ и властно о себѣ заявляло,—но очертанія, размѣры и сила этого новаго представлялись еще очень смутно. Эта неопредѣленность и давала просторъ всякимъ неожиданностямъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, хотя бы нѣкоторыя явленія изъ жизни школы той эпохи. Въ нее вдругъ ворвалась струя свѣжаго, свободнаго воздуха; подъ

грубою и суровою оболочкою дореформеннаго школьнаго режима начала шевелиться мысль, развязывалась рѣчь. Оригинальную фигуру въ школѣ того времени представлялъ «учитель словесности»,—чаще всего именно на него выпадала роль проводника новыхъ вѣяній, зародившихся въ окружающей средѣ. Данный толчекъ будилъ работу мысли среди молодежи,—а внѣшняя дисциплина, при всей ея грубости, не ставила преградъ для этой работы. То же самое происходило и въ другихъ областяхъ общественной жизни, и здѣсь можно было натолкнуться на рѣзкіе контрасты между общимъ казеннымъ строемъ этой жизни и пробивающимися то тутъ, то тамъ проблесками совершенно иного порядка идей и отношеній. И здѣсь въ очень значительной степени играла роль та же растерянность и неувѣренность въ своей почвѣ охранителей старыхъ устоевъ.

Главнѣйшій изъ этихъ устоевъ — крѣпостное право — несомнѣнно уже шатался; его приближающееся паденіе и давало общій тонъ настроенію, господствовавшему въ обоихъ лагеряхъ, между которыми дѣлилось тогда русское общество Къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, было уже ясно, что дѣло крѣпостниковъ въ общемъ проиграно. Вопросъ могъ идти только о томъ, что именно изъ стараго можно еще отстоять. Около этого и велась борьба.

Мы, конечно, не можемъ касаться здѣсь сколько-нибудь подробно исторіи освободительныхъ работъ. Припомнимъ только кое-какія характеристическія черты внѣшней ихъ обстановки въ тотъ моментъ, къ которому относится наша замѣтка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что освободительная волна составились изъ очень многихъ и очень разнообразныхъ теченій. Дѣло освобожденія никакъ нельзя разсматривать какъ односторонній актъ государственной власти, но *внѣшнимъ образомъ* реформа носила на себѣ именно этотъ обликъ. Прямое и непосредственное участіе въ ней общественныхъ элементовъ было поставлено въ очень ограниченныя рамки. Масса крестьянства, котораго главнымъ образомъ касалась реформа, не имѣла никакихъ путей и формъ для опредѣленнаго выраженія своихъ желаній. Она не была, конечно, элементомъ пассивнымъ. Съ ней считались. Но ея настроеніе, желанія и вѣроятныя или возможныя дѣйствія предполагались и угадывались за нее другими, тѣми, кто ихъ ждалъ или боялся. Само крестьянство только глухимъ броженіемъ заявляло о своихъ ожиданіяхъ и своемъ нетерпѣніи. Единственнымъ организованнымъ общественнымъ элементомъ было въ то время дворянство. Но его роль въ дѣлѣ реформы была скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Оффиціальная фикція, что освобожденіе состоялось по желанію дворянства, такъ мало отвѣчала дѣйствительности, что ею

и тогда уже шокировались многіе, даже въ оффиціальномъ мірѣ. Извѣстенъ, напримѣръ, рѣзкій протестъ въ главномъ комитетѣ противъ составленной въ такомъ смыслѣ редакціи 1-й ст. «Положенія» со стороны крѣпостника гр. Адлерберга: «Это ложь съ перваго слова, дальше читать не стоитъ». Какъ бы то ни было, однако, къ оффиціальному участію въ работахъ по крестьянской реформѣ дворянство не могло не быть призвано; но участіе это старались строго регламентировать. Его не особенно желали и въ общемъ не безъ основанія опасались. Эти опасенія и эти стѣсненія направлялись какъ противъ нерасположеннаго къ реформѣ большинства, такъ и противъ меньшинства, во многихъ случаяхъ шедшаго далѣе руководящихъ круговъ въ различныхъ вопросахъ, связанныхъ съ реформою.

Во второй половинѣ 1859 года на этой почвѣ разыгрался рѣзкій конфликтъ между бюрократическимъ и дворянскимъ элементами. Въ этомъ году въ Петербургъ, въ редакціонныя коммиссіи по составленію положенія о крестьянахъ, приглашены были депутаты отъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ. Вызванные дворяне расположены были разсматривать себя, какъ *представителей* сословія; группа либеральныхъ чиновниковъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, опасаясь вліянія дворянскихъ депутатовъ, въ большинствѣ враждебныхъ реформѣ, стремилась свести ихъ роль къ простой *экспертизѣ* по мѣстнымъ вопросамъ. Въ рѣшающихъ сферахъ взяло верхъ послѣднее направленіе. Среди съѣхавшихся дворянъ и сочувствовавшихъ имъ круговъ петербургскаго общества это вызывало сильное неудовольствіе и раздраженіе. Между дворянами и «чиновниками» происходили рѣзкія полемическія схватки въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Дворяне подавали записки, петиціи, адресы. Сначала они рѣшились дѣйствовать сообща, но вскорѣ разбились на отдѣльныя группы. И дѣйствительно, разные элементы дворянской оппозиціи слишкомъ далеко расходились между собою. Здѣсь были и крайніе крѣпостники, и представители такихъ взглядовъ, которые желали широкихъ реформъ во всемъ строѣ общественной и государственной жизни. Въ адресѣ, подписанномъ пятью дворянами-депутатами говорилось о необходимости немедленнаго выкупа (въ этомъ пунктѣ либеральная оппозиція шла далѣе редакціонныхъ коммиссій), объ образованіи общаго для всѣхъ сословій хозяйственно-распорядительнаго управленія на выборномъ началѣ, о независимомъ и гласномъ судѣ и о свободной критикѣ мѣстнаго управленія въ печати. Но представители узко-сословныхъ, если не прямо крѣпостническихъ тенденцій составляли во всякомъ случаѣ большинство среди депутатовъ,—какъ и среди помѣстнаго дворянства вообще. Этому большинству совершенно чужды были при томъ навыки къ твердому и

самостоятельному отстаиванію своихъ взглядовъ и своихъ правъ—дѣйствительныхъ или мнимыхъ—разъ они сталкивались съ противоположными желаніями власти. Будированіе противъ «чиновничества» вообще и «красныхъ» его элементовъ въ частности—въ какой бы рѣзкой формѣ оно ни проявлялось—конечно, не было еще проявленіемъ дѣйствительной независимости. Все это вмѣстѣ дѣлало дворянскую оппозицію безсильною въ ея цѣломъ. Съ другой стороны, союзъ, хотя бы частичный только, прогрессивнаго меньшинства дворянскихъ дѣятелей съ реакціоннымъ большинствомъ, въ значительной мѣрѣ подрывалъ общественное значеніе дѣятельности и этого меньшинства. Къ тому же союзъ этотъ касался одного изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ реформы, именно вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ и повинностяхъ: и либеральное меньшинство находило, что при проектированномъ редакціонными коммиссіями размѣрѣ этихъ надѣловъ и повинностей «въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены». Благодаря этой ложкѣ дегтя въ бочкѣ меда, протестъ либеральнаго дворянскаго меньшинства находилъ себѣ мало сочувствія и отголоска въ передовыхъ кругахъ тогдашняго общества. Дворянская оппозиція,—послѣдніе акты которой разыгрались на декабрьскихъ дворянскихъ собраніяхъ 1859 г.,—была подавлена, но извѣстнаго вліянія на ходъ реформъ она не могла всетаки не оказать. И, какъ и можно было ожидать, вліяніе это сказалось не въ той части требованій оппозиціи, которыя шли далѣе предположеній правительства и ближайшихъ задачъ собственно крестьянскаго дѣла, — а въ той, которая касалась экономической стороны реформы. Первоначальныя предположенія о размѣрахъ надѣловъ и повинностей подвергнуты были пересмотру сначала въ самой коммиссіи, а затѣмъ испытали еще новыя передѣлки въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ «исправленій» отъ крестьянскаго надѣла отрѣзано около $^1/_5$ части земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ до освобожденія.

Гораздо болѣе положительную и важную службу дѣлу освобожденія сослужило участіе въ немъ «неорганизованнаго» общественнаго элемента—общественнаго мнѣнія и его представительницы—печати. Трудно и оцѣнить въ полной мѣрѣ значеніе этого фактора освободительной реформы, не смотря на тѣ очень тѣсныя внѣшнія рамки, какія ему ставились. Роль прогрессивной печати не ограничивалась въ данномъ случаѣ участіемъ въ дѣловой, такъ сказать, сторонѣ преобразовательной работы, въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, касающихся предположеннаго переустройства крестьянскаго быта. Еще гораздо важнѣе другое, косвенное вліяніе печатнаго слова: именно созданіе той общей *нравственной атмосферы* и того идейнаго теченія въ обществѣ, которыя явля-

лись могучею поддержкою освободительной работы и только при наличности которыхъ и возможно было осуществленіе реформы, въ размѣрахъ, сколько-нибудь отвѣчающихъ потребностямъ времени. Первые оффиціальные шаги на пути реформы были, какъ извѣстно, очень нерѣшительны. Въ ряду тѣхъ условій, благодаря которымъ эти колеблющіяся вначалѣ начинанія не заглохли и дѣло освобожденія твердо стало на ноги, самое видное мѣсто несомнѣнно принадлежало подъему общественнаго настроенія, выразительницею котораго служила независимая печать. Трудно сказать, какія формы приняло бы дѣло освобожденія, если бы оно—какъ этого хотѣлось многимъ—оставалось замкнутымъ въ стѣнахъ канцелярій, если бы голосъ независимой печати не вносилъ въ работу, хотя временами, оживляющей и оздоровляющей струи. Какъ трудно было не запутаться на пути компромиссовъ, среди существовавшихъ въ оффиціальномъ мірѣ теченій, даже искренно преданнымъ идеѣ освобожденія работникамъ, можно найти не мало примѣровъ въ исторіи хода реформы. Укажемъ хотя бы на тѣ колебанія, которыя существовали среди либеральныхъ членовъ редакціонныхъ коммиссій по вопросу о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ въ «переходный періодъ». Печать очень чутко подмѣчала всѣ такія уклоненія. Напомнимъ напримѣръ, тотъ общій взрывъ негодованія, который вызванъ былъ извѣстнымъ проектомъ кн. Черкасскаго объ оставленіи за помѣщиками права тѣлеснаго наказанія крестьянъ, при чемъ для женщинъ и малолѣтнихъ придуманы были особыя «дѣтскія розги». Идейное движеніе, охватившее лучшую часть общества и передовую печать, шло гораздо далѣе области вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ крестьянскою реформою. Но интересы этого дѣла составляли, такъ сказать, центральный пунктъ, къ которому тяготѣли всѣ остальные. До какой степени это опредѣляло отношенія передовой печати ко всѣмъ сторонамъ государственной и общественной жизни, самымъ краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить положеніе, занятое въ то время «Колоколомъ» Герцена.

Никакъ нельзя сказать, однако, чтобы внѣшнія условія для той службы, которую несла независимая печать и общество на пользу дѣла реформы, были обставлены благопріятно. Къ участію въ этомъ дѣлѣ «неорганизованнаго» общественнаго элемента въ руководящихъ сферахъ относились еще болѣе недовѣрчиво и сдержанно, чѣмъ къ элементу организованному. Для сужденій печати по крестьянскому дѣлу все время ставились границы, иногда до крайности ихъ стѣснявшія. То та, то другая сторона вопроса совсѣмъ изымалась изъ обсужденія; цензурныя строгости, ослабляясь по временамъ, затѣмъ опять суживали доступную для печати область. Работы общественной мысли нельзя

было подавить совсѣмъ, нельзя было поставить непреодолимую плотину широкою волною идущему общественному теченію. Но во всякомъ случаѣ, голосъ печати въ общемъ скорѣе терпѣлся, чѣмъ призывался, хотя временами брало верхъ и болѣе благопріятное для печатнаго слова настроеніе. И въ этой области, какъ и въ другихъ въ ту эпоху, можно было встрѣтить довольно неожиданные контрасты. Такъ, съ одной стороны, изъ III отдѣленія, въ 1859 г., съ особаго разрѣшенія пересылался въ редакціонныя коммиссіи одинъ экземпляръ «Колокола», «дабы дѣлать изъ него полезныя позаимствованія» *), а съ другой—въ томъ же году Кошелевъ изъ за цензурныхъ стѣсненій долженъ былъ закрыть издававшійся имъ при «Русской Бесѣдѣ» болѣе чѣмъ умѣренный сборникъ статей по крестьянскому дѣлу—«Сельское Благоустройство».

Въ тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь въ нашей замѣткѣ, оффиціальныя теченія сложились очень неблагопріятно для работы прессы въ области крестьянскаго дѣла. Ходъ этого дѣла опять сталъ окутываться тайною и разсужденія о немъ печати признавались мало желательными. Пробѣгая книжки журналовъ за 1860 г., мы почти совсѣмъ не встрѣчаемъ въ нихъ статей по крестьянскому вопросу, занимавшихъ такое видное мѣсто еще въ предыдущемъ году. А между тѣмъ, 1860 г. для судебъ крестьянской реформы былъ годомъ рѣшительнымъ. Въ этомъ году заканчивались работы редакціонныхъ коммиссій и составленные ею, въ окончательномъ видѣ, законопроекты, относящіеся къ реформѣ, должны были подвергнуться разсмотрѣнію въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу.

Въ самомъ началѣ года (6 февраля) умеръ Ростовцевъ—предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій съ самаго ихъ открытія. Дѣло реформы лишилось въ немъ горячаго и вліятельнаго защитника. Ростовцевъ представляетъ собою фигуру, очень характерную для такихъ историческихъ эпохъ, какъ переживавшаяся тогда Россіею. Несомнѣнно, что ни по своей подготовкѣ, ни, такъ сказать, по своей нравственной и умственной величинѣ онъ не подходилъ къ той крупной исторической роли, которую ему пришлось сыграть. По всему тому, что характеризировало Ростовцева николаевскаго времени, никто не предсказалъ бы, что ему предстоитъ сдѣлаться виднымъ дѣятелемъ освободительной работы. Но случайность судьбы поставила его въ центрѣ этой работы, а создавшаяся вокругъ нея атмосфера захватила его и приподняла. Въ превращеніи Ростовцева-реакціонера въ Ростовцева-работника за освобожденіе крестьянъ мы видимъ одну изъ любопытныхъ иллюстрацій

*) Н. П. Семеновъ. „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи", т. I, 114.

того могущественнаго «внушенія», которое оказываютъ великіе историческіе моменты и эпохи сильнаго общественнаго подъема на индивидуальную психику лицъ, ими захваченныхъ. Ростовцевъ и до конца остался мало разбирающимся въ дѣловыхъ деталяхъ дѣла генералъ-адъютантомъ. Но его горячее и искреннее отношеніе къ судьбамъ реформы въ послѣдніе годы его жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію и большія заслуги его въ этомъ дѣлѣ безспорны. Близость Ростовцева къ государю и то вліяніе, которое онъ могъ имѣть, благодаря неограниченному довѣрію, какимъ пользовался, дѣлали его роль въ крестьянской реформѣ особенно важною.

Смерть Ростовцева, наканунѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса, создавала значительную опасность для дѣла реформы. Опасность эта еще усугублялась выборомъ его замѣстителя. На мѣсто Ростовцева предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій былъ назначенъ министръ юстиціи графъ Панинъ. Панинъ тоже былъ типичною историческою фигурою. Но это былъ типъ дореформенный. Суровый и сухой педантъ, бюрократъ до мозга костей, Панинъ по убѣжденіямъ своимъ былъ открытымъ крѣпостникомъ. Обладая громаднымъ состояніемъ, Панинъ былъ безупреченъ въ своей личной честности (онъ былъ однимъ изъ немногихъ чиновниковъ, не бравшихъ совсѣмъ жалованья отъ казны), но находившіеся подъ его ферулою суды, которые онъ 30 лѣтъ тщательно и строго охранялъ отъ всякой реформы,—были переполнены взяточниками. Панинъ ихъ не только терпѣлъ, но и заботливо охранялъ отъ навѣтовъ «неблагонадежной» печати. По показаніямъ современниковъ министръ юстиціи самъ далъ взятку при совершеніи акта крѣпостныхъ дѣлъ. Его безсердечіе и жестокость въ уголовныхъ дѣлахъ были анекдотическими—такъ же, какъ анекдотично было и его чиновничье самодурство. Извѣстно, что Панинъ запретилъ служить въ министерствѣ юстиціи молебны чудотворцу Николаю, послѣ того, какъ узналъ и не одобрилъ его поступокъ съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ. Но при всѣхъ этихъ проявленіяхъ своего самовластія, Панинъ обладалъ и другою типическою чертою дореформеннаго чиновника,—полнымъ безличіемъ по отношенію къ особамъ, выше его стоящимъ. Не смотря на свои крѣпостническія убѣжденія, Панинъ согласился принять должность предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій съ обязательствомъ вести работы ихъ въ прежнемъ направленіи. «Вы не знаете гр. Панина,—отвѣчалъ Александръ II на замѣчаніе вел. кн. Елены Павловны, удивленной назначеніемъ Панина на должность Ростовцева—его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній».

Панинъ сдержалъ взятое имъ на себя обязательство,—крутого

поворота въ направленіи дѣлъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ съ его назначеніемъ не произошло. Но весь этотъ послѣдній періодъ работы коммиссій представляетъ собою картину постоянной, мелочной борьбы изъ-за разныхъ частностей реформы (главнымъ образомъ, хозяйственной ея стороны) и — порой очень острыхъ—столкновеній между «красными» и охранительными элементами въ составѣ коммиссій.

Гораздо болѣе опасныя испытанія предстояло выдержать дѣлу реформы при разсмотрѣніи законопроектовъ редакціонныхъ коммиссій сначала въ главномъ комитетѣ, а потомъ въ государственномъ совѣтѣ. И въ томъ, и въ другомъ учрежденіи партія крѣпостниковъ имѣла видныхъ представителей. По счастію для реформы—и эти ея противники въ значительной мѣрѣ отличались тѣми же свойствами по отношенію къ теченіямъ, идущимъ сверху, какъ и гр. Панинъ; а ихъ полная дѣловая неподготовленность къ тому крупному государственному дѣлу, которое они призваны были рѣшать, дѣлала ихъ оппозицію внутренно безсильною.

У насъ есть очень любопытный документъ для характеристики нѣкоторыхъ крупныхъ фигуръ «охранительнаго» лагеря того времени. Это именно дневникъ гр. Валуева (тогда одного изъ высшихъ чиновъ министерства государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго стоялъ памятный гр. М. Н. Муравьевъ), дневникъ, напечатанный въ «Русской Старинѣ» 1891 г. На страницахъ этого дневника, относящихся къ концу 1860 года, разсказывается исторія похода, предпринятаго въ главномъ комитетѣ противъ проектовъ редакціонныхъ коммиссій гр. Муравьевымъ въ союзѣ съ шефомъ жандармовъ кн. Долгоруковымъ. Въ этой исторіи самъ авторъ дневника игралъ далеко не блестящую роль,—что, можетъ быть, придало еще болѣе горечи его перу: гр. Валуевъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ относясь (въ дневникѣ) къ своему начальнику и рѣзко осуждая то положеніе, которое тотъ принялъ въ дѣлѣ реформы, тѣмъ не менѣе находилъ для себя возможнымъ служить его орудіемъ въ этомъ дѣлѣ. «Aurea libertas! ubi es»,—восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ—и всетаки покорно садится за приведеніе въ благопристойный видъ направленныхъ противъ реформы измышленій «государственнаго хамелеона», какъ онъ называетъ постоянно М. Н. Муравьева. Валуевъ не щадитъ своего патрона ни со стороны его нравственныхъ свойствъ, ни со стороны его дѣловой подготовленности и государственныхъ способностей. Проникнутый насквозь крѣпостническими симпатіями, Муравьевъ не имѣлъ, однако, мужества рѣшительно отстаивать своихъ взглядовъ и поворачивалъ въ ту сторону, откуда шло болѣе сильное теченіе. Оба союзника были, по выраженію Валуева, крайне «поверхностны и легкопядны» и

обнаруживали очень малое знакомство даже съ элементарными сторонами дѣла. При всей прославленной дѣловитости министра государственныхъ имуществъ онъ, по показанію его сотрудника, постоянно путался въ самыхъ простыхъ вещахъ *). Самовластный и крутой съ низшими, Муравьевъ былъ жалко-подобострастенъ съ тѣми, кого считалъ сильнымъ. Вотъ какъ описываетъ, напримѣръ, Валуевъ одно изъ совѣщаній Муравьева съ кн. Долгоруковымъ.

«Почти можно было бы,—разсказываетъ онъ,—заплатить деньги за право присутствовать при происходившемъ совѣщаніи. Ген. Муравьевъ, столь храбрый въ разговорахъ съ нами, чинами его вѣдомства, игралъ роль оторопѣвшаго столоначальника. Кн. Долгоруковъ съ полунаивнымъ апломбомъ недальновиднаго звѣздоносца посматривалъ на него по временамъ, какъ на плохого столоначальника. Первый постоянно разсыпался «вашими сіятельствами», сидѣлъ en trois quart, что поляки называютъ w pol dupka, махалъ руками и скрещивалъ руки. Второй все говорилъ «Михаилъ Николаевичъ» и не жестикулировалъ» («Русск. Старина», 1891, XI, 415—16).

При всемъ своемъ внутреннемъ ничтожествѣ крѣпостническая оппозиція не осталась безъ вліянія на судьбы реформы. И въ главномъ комитетѣ, и въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторыя части проекта подвергнуты были довольно существеннымъ урѣзкамъ (главнымъ образомъ въ томъ, что касалось размѣровъ надѣловъ и повинностей и отчасти организаціи крестьянскаго управленія). 19 февраля 1861 года отмѣна крѣпостного права сдѣлалась, наконецъ, фактомъ.

По ироніи судьбы, вводить великую реформу въ жизнь пришлось тому самому Валуеву, который игралъ такую двусмысленную

*) «Вечеромъ опять у министра,—разсказываетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ, подъ 2 ноября 1860 г.—Въ началѣ совѣщанія были Нееловъ и Булыгинъ. Жалкое зрѣлище! По сію минуту у государственнаго хамелеона ни одной установившейся мысли. Первое засѣданіе по надѣламъ и повинностямъ, очевидно, было неудачно. Министръ сбитъ или потерялся. Въ цѣломъ составѣ комитета онъ опирался на одного кн. Долгорукова. Панинъ, вмѣсто системы редакціонныхъ коммиссій по надѣламъ, предложилъ какія-то дикія собственныя нормы. Гагаринъ, котораго по этой части магнетизируетъ бывшій экспертъ Желтухинъ, аргументировалъ на основаніи какихъ-то казанскихъ данныхъ. М. Н. Муравьевъ толковалъ про minimum и Bauerland, не зная самъ, что разумѣть подъ тѣмъ и другимъ. Кн. Долгоруковъ говорилъ о минимумѣ на основаніи положенія с.-петербургскаго комитета. Хамелеонъ, набившій свой портфель вѣдомостями Булыгина, струсилъ и ихъ не представилъ. Вечеромъ онѣ вновь сортировались, а ночью будутъ переписываться для представленія завтра. Министръ былъ при этомъ разборѣ въ жалкой ребяческой perplexité. Онъ искалъ аргументовъ (теперь!), какъ ищутъ грибовъ въ лѣсу» («Русская Старина», 1891, XI, 410—11).

роль въ послѣдніе моменты ея разработки. Вскорѣ послѣ 19 февраля онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Ланского, занимавшаго этотъ постъ во все время работъ по составленію положенія. Вмѣстѣ съ Ланскимъ смѣненъ былъ и Н. А. Милютинъ — его товарищъ и spiritus rector въ крестьянскомъ дѣлѣ. Валуевъ выступаетъ, такимъ образомъ, въ крупной и отвѣтственной роли (сохраняя всѣ свои качества) на самомъ порогѣ второй половины періода шестидесятыхъ годовъ. Въ концѣ этого періода хозяиномъ сцены дѣлается, какъ извѣстно, ген. Муравьевъ,— на этотъ разъ обнаружившій, къ сожалѣнію, гораздо болѣе рѣшительности и послѣдовательности въ проведеніи своихъ тенденцій.

Крестьянская реформа, со всѣми перипетіями ея осуществленія, являлась несомнѣнно основнымъ, самымъ выдающимся общественнымъ фактомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Это окрашивало и все идейное теченіе этой эпохи.

Когда рѣчь идетъ объ общественномъ движеніи, широко охватившемъ самые различные общественные слои—а таково именно и было движеніе шестидесятыхъ годовъ—ему трудно дать одну обобщающую характеристику. Одни и тѣ же факты не одинаково воздѣйствуютъ на различные элементы, соединяемые обыкновенно подъ однимъ общимъ названіемъ «общество». Даже въ томъ случаѣ, если движеніе идетъ въ одномъ направленіи, различная его сила и скорость непремѣнно должны нарушить чрезъ нѣсколько времени однородность общественнаго сознанія. Глубоко всколыхнутое какимъ-нибудь крупнымъ фактомъ, общественное настроеніе всегда представляетъ, поэтому, значительную пестроту. Этого нельзя не сказать и о движеніи шестидесятыхъ годовъ; рѣзкіе и неожиданные контрасты, на примѣры которыхъ намъ приходилось уже указывать, встрѣчались тогда зачастую не только во внѣшней обстановкѣ общественной жизни, но и въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Однако, сквозь всю эту пестроту можно всетаки уловить нѣкоторыя общія, типическія черты, окрашивающія эпоху; можно также подмѣтить и тѣсную связь этихъ объединяющихъ общественное движеніе чертъ съ тѣмъ кореннымъ общественнымъ фактомъ, который далъ главный толчокъ этому движенію.

Крѣпостное право было главнымъ основаніемъ не только всего строя дореформенной жизни и всѣхъ общественныхъ порядковъ, но и всего строя общественныхъ воззрѣній средняго обывателя, всего, такъ сказать, житейскаго обихода того времени. Когда этотъ устой пошатнулся, пошатнулось и все на немъ дер-

жащееся. Естественнымъ послѣдствіемъ паденія крѣпостного права должна была явиться перестройка всѣхъ отношеній и всѣхъ ходячихъ воззрѣній и положеній принятаго кодекса общественной морали. Крѣпостныя отношенія опредѣляли не одни лишь внѣшніе только порядки жизни, но налагали рѣзкій отпечатокъ и на самые нравы. Въ зависимости отъ этого и движеніе, вызванное распаденіемъ крѣпостного строя, должно было необходимо отличаться извѣстною *широтою* захвата. Общественная мысль не могла сосредоточиваться на одной какой-нибудь сторонѣ общественной жизни, разъ дѣло шло о перестройкѣ этой жизни въ ея цѣломъ.

Мы видимъ, что и въ дѣйствительности такая широта захвата была типичною чертою идейнаго теченія 60-хъ годовъ. Это было движеніе гораздо болѣе экстенсивное, чѣмъ интенсивное. Оно уступаетъ по глубинѣ позднѣйшей эпохѣ «семидесятыхъ годовъ», но никогда, ни ранѣе, ни позже, общественное теченіе не носило настолько, такъ сказать, всеобъемлющаго характера. Въ 60-хъ годахъ встрепенувшаяся общественная мысль работала во всѣхъ направленіяхъ. Живой интересъ возбуждали и вопросы религіозные и философскіе, вопросы объ общихъ основахъ міросозерцанія, и вопросы общественные въ собственномъ смыслѣ, и вопросы, касающіеся сферы семейной и личной жизни, личной морали и личнаго поведенія, — чуть не до костюма включительно. Бываютъ такіе критическіе моменты въ индивидуальной психикѣ, когда какой-нибудь толчекъ нарушаетъ равновѣсіе душевной жизни, когда то, что принималось на вѣру, непосредственно, теряетъ свою убѣдительную силу. Выпадаетъ какое-нибудь одно важное звено изъ общей цѣпи привычныхъ представленій, и мысль естественно привлекаетъ къ отвѣту и всѣ остальныя звенья до тѣхъ поръ повторявшагося credo. Такіе періоды перелома, перехода отъ непосредственнаго отношенія къ жизни къ сознательному, критическому, обыкновенно совпадаютъ съ годами юности. Нѣчто подобное переживало и русское общество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Оттого и настроеніе этой эпохи отличалось въ значительной степени молодымъ, бодрымъ, хотя порой и наивнымъ задоромъ. Всѣ ходячія воззрѣнія привлечены были къ отвѣту предъ судомъ общественной совѣсти и общественной мысли. Наступила пора повальнаго «возстанія противъ авторитетовъ» вообще и противъ авторитета преданія въ частности. Часто это принимало не только наивный, но и нѣсколько комичный характеръ. Средній русскій человѣкъ того времени былъ очень мало подготовленъ для той задачи сознательной перестройки всего своего міросозерцанія, которая предъ нимъ выдвигалась. Онъ легко терялъ перспективу, не всегда разбирался въ томъ, гдѣ искать

ему отвѣта на мучившіе его вопросы, и успокаивался нерѣдко на мелочныхъ и внѣшнихъ проявленіяхъ своей независимости отъ преданія и завѣтовъ «ветхаго человѣка». Но всетаки въ общемъ это было естественное и здоровое теченіе. Свидѣтельствомъ этого можетъ служить тотъ сильный подъемъ, который сказался въ то время въ разныхъ областяхъ умственной и нравственной жизни общества. Это была эпоха расцвѣта русской литературы. Никогда на такомъ короткомъ промежуткѣ времени не сосредоточивалось столько крупныхъ художественныхъ произведеній. Блестящую пору переживало тогда и университетское преподаваніе. Едва-ли когда-нибудь проявлялся въ массѣ общества такой же, какъ тогда, нѣсколько наивный, но искренній піэтетъ къ наукѣ, который какъ-то странно уживался съ довольно развязнымъ отношеніемъ къ научнымъ «авторитетамъ». Оригинальную картину представляли университетскія аудиторіи того времени. Пишущему эти строки памятенъ петербургскій университетъ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ то время университетскіе порядки регулировались отсталымъ и реакціоннымъ уставомъ 1835 года. Но жизнь далеко ушла отъ буквы закона и, на самомъ дѣлѣ, внутреннія отношенія въ академическихъ стѣнахъ сложились на началахъ очень широкой свободы. Двери университета были открыты для всѣхъ, и аудиторіи популярныхъ профессоровъ были наполнены самою разнообразною массою слушателей. Здѣсь толпились и студенты, и люди изъ общества, старики и молодые, военные, духовные, женщины. Никакъ не одно простое любопытство собирало эти толпы въ университетскихъ стѣнахъ. Отъ науки искренно ждали помощи, чтобы разобраться въ наступающихъ со всѣхъ сторонъ вопросахъ. Съ особенною жадностью толпа «ищущихъ» прислушивалась къ такимъ словамъ, въ которыхъ ей слышался протестъ чего-то новаго противъ установившихся взглядовъ и признаваемыхъ авторитетовъ. Теперь трудно даже понять тотъ бурный интересъ и то общее возбужденіе, которое, напримѣръ, вызывалось тогда извѣстнымъ споромъ Костомарова съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. Повидимому, спеціальный вопросъ о томъ, былъ ли Рюрикъ норманнъ, или нѣтъ, слишкомъ далекъ былъ отъ интересовъ большой публики. «Что ей Гекуба, и что она Гекубѣ?» И, однако, судьба этой Гекубы нѣкоторое время была положительно вопросомъ дня. Статья Костомарова, напечатанная во главѣ январской книжки «Современника», читалась на-расхватъ. Во время публичнаго диспута въ университетѣ публика переполняла залъ; за билеты (диспутъ происходилъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ) готовы были платить двойныя и тройныя цѣны. Странный интересъ къ преніямъ очень мало соотвѣтствовалъ сухости и спеціальности предмета этихъ преній. Но для

тогдашней публики въ спорѣ о норманнахъ слышались отголоски болѣе широкой борьбы новаго со старымъ, смѣлой, молодой мысли съ преданіемъ и «авторитетомъ», и она горячо брала «Литву» подъ свою защиту.

При всей широтѣ того круга вопросовъ, которые волновали и возбуждали молодую мысль русскаго общества шестидесятыхъ годовъ, былъ, однако, одинъ центральный пунктъ, къ которому болѣе всего тяготѣла эта мысль. Этимъ центромъ являлись интересы народной массы. Движеніе шестидесятыхъ годовъ носило на себѣ глубокую демократическую складку. И здѣсь опять таки ясно сказывалось вліяніе той исторической обстановки, въ которой складывалось это движеніе. Для общаго направленія русской общественной мысли имѣло огромное, рѣшающее вліяніе то обстоятельство, что толчекъ для усиленной ея работы данъ былъ историческимъ событіемъ, касавшимся непосредственно и прямо насущныхъ интересовъ массы народа.

Демократическая струя шестидесятыхъ годовъ особенно яркое, полное и глубокое выраженіе нашла въ журналистикѣ того времени. На первомъ планѣ здѣсь стоялъ «Современникъ». Въ первую половину эпохи 60-хъ годовъ этотъ журналъ былъ властителемъ думъ поколѣнія. Здѣсь, главнымъ образомъ въ статьяхъ Чернышевскаго (являвшагося, быть можетъ, наиболѣе типичною фигурою для передовой мысли шестидесятыхъ годовъ), развивалась цѣлая стройная система общественныхъ воззрѣній, построенныхъ на демократическомъ началѣ. Я характеризую эту систему названіемъ «демократической»,—избѣгая позднѣйшаго термина «народничество»,—такъ какъ, во-первыхъ, такъ называлъ ее самъ Чернышевскій, а во-вторыхъ, и потому, что воззрѣніямъ Чернышевскаго совершенно чужды были нѣкоторыя типическія черты народничества позднѣйшаго времени. Въ центрѣ его общественнаго міровоззрѣнія лежали *интересы* народа — и прежде всего интересы крестьянской массы, составлявшей главную часть народа; около этихъ интересовъ въ перспективѣ располагались всѣ остальные общественные вопросы; но Чернышевскій, раціоналистъ до мозга костей, совершенно несклоненъ былъ къ идеализаціи тѣхъ или иныхъ бытовыхъ формъ народной жизни, отличавшей позднѣйшихъ народниковъ.

То, что сдѣлано было въ шестидесятыхъ годахъ для обоснованія и развитія демократической системы общественныхъ воззрѣній, составило прочное завоеваніе общественной мысли. Здѣсь были поставлены крупныя вѣхи для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи.

Но работы этой осталось въ наслѣдіе слѣдующимъ поколѣніямъ—еще очень много.

Какъ ни былъ строенъ и опредѣленъ демократизмъ шестидесятыхъ годовъ, но онъ неизбѣжно ограниченъ былъ уже самыми условіями времени.

Россія только вступала тогда въ совершенно новую полосу своей жизни. Переходъ отъ первобытнаго натуральнаго хозяйства крѣпостной эпохи къ хозяйству денежному, со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями, вскрылъ и выдвинулъ впередъ такія глубокія противорѣчія въ соціальной жизни страны, которыя не выдвигались еще предъ поколѣніемъ, видѣвшимъ зарю освобожденія.

Демократической мысли предстояло выдержать трудное испытаніе. Работа должна была пойти вглубь и разобраться во всей сложности новыхъ отношеній и новыхъ формъ жизни. Съ особенною жгучестью задача эта выступила впередъ въ періодъ «семидесятыхъ» годовъ. И до сихъ поръ еще она не можетъ считаться вполнѣ исчерпанною.

Затѣмъ, нашъ ранній демократизмъ былъ нѣсколько односторонень, и въ другомъ отношеніи. Въ немъ слишкомъ преобладалъ *экономическій* элементъ предъ всѣми остальными. И въ этомъ несомнѣнно сказывалось воздѣйствіе условій и обстановки того историческаго момента, когда складывались воззрѣнія представителей этого демократизма. Слишкомъ властно захватывали тогда вниманіе именно экономическіе интересы народа и предъ ними блѣднѣли всѣ прочіе. Позднѣйшій ходъ жизни показалъ намъ очень ясно и очень больно, что въ ранней формулировкѣ демократической программы было нѣчто недосказанное. Мы не можемъ уже относиться къ «формальной» сторонѣ общественныхъ отношеній съ такимъ же равнодушіемъ, какъ люди шестидесятыхъ годовъ. Развитіе демократической программы въ этомъ направленіи является одною изъ существенныхъ задачъ настоящаго.

. **Анненскій.**

На зарѣ русской общественности.

Полтора вѣка тому назадъ русское общество переживало знаменательную эпоху своего развитія. Восемнадцатое столѣтіе, послужившее началомъ новаго періода въ исторіи русскаго государства, было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ глубокихъ измѣненій въ характерѣ русской общественной жизни. Ранѣе всего такія измѣненія сказались въ соціальномъ строѣ общества. То зданіе «крѣпостного устава», фундаментъ котораго былъ заложенъ еще въ старомъ московскомъ государствѣ, было быстро достроено въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Крестьянское прикрѣпленіе за это время окончательно превратилось въ крѣпостную неволю, и одновременно бывшій государевъ служилый человѣкъ выросъ въ благороднаго россійскаго дворянина, привилегированнаго владѣльца крѣпостныхъ душъ. Освободившись отъ личныхъ обязанностей по отношенію къ государству, дворянинъ XVIII вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ значительную долю государственной власти надъ массою крѣпостного крестьянства. Ко второй половинѣ столѣтія зданіе сословныхъ привилегій дворянства было въ общихъ чертахъ уже готово, и на долю Екатерининской эпохи досталось лишь завершеніе и увѣнчаніе его.

На ряду съ этимъ процессомъ измѣненій соціальнаго строя въ жизни общества шелъ и другой процессъ, лишь на первыхъ порахъ совпадавшій въ своихъ результатахъ съ упомянутымъ выше. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое первоначально государственною властью ради ея спеціальныхъ нуждъ, скоро стало цѣлью самостоятельныхъ стремленій русскаго общества. На первыхъ порахъ, правда, стремленія, направленныя въ эту сторону, не отличались ни особенной глубиной, ни большою сознательностью. Верхи русскаго общества, располагавшіе теперь бо́льшимъ досугомъ и щедро надѣленные матеріальными средствами, жадно набросились на внѣшнюю оболочку европейской цивилизаціи, мало обращая вниманія на внутреннее ея существо. Нерѣдко такое заим-

ствованіе шло и далѣе условій матеріальной обстановки, продолжая, однако же, оставаться чисто поверхностнымъ. Идеи, составлявшія на Западѣ величайшія завоеванія человѣческой мысли, дававшія содержаніе жизни цѣлыхъ поколѣній, переносились въ Россію въ качествѣ болѣе или менѣе красивыхъ декорацій барскаго быта, не оказывая на него сколько-нибудь глубокаго вліянія. Фразы о равенствѣ людей спокойно уживались въ этомъ быту рядомъ съ грубѣйшими насиліями крѣпостного права, фразы о свободѣ нисколько не мѣшали широкому распространенію культа безправія. Заимствованныя слова не претворялись въ идеи и, не проникая въ глубину сознанія, не находили себѣ и никакого реальнаго примѣненія въ жизни. На этой своей ступени европейское вліяніе лишь расширяло и углубляло ту пропасть, какая была вырыта между русскими общественными классами условіями ихъ соціальнаго развитія. Грубая роскошь барства, ослѣплявшая глаза современниковъ этой эпохи, оплачивалась быстро возраставшею тяжестью невольнаго крестьянскаго труда, а верхушки европейскаго просвѣщенія, схваченныя высшими классами общества, лишь рѣзче подчеркивали грань, раздѣлявшую эти классы отъ невѣжественной массы народа.

Но, разъ войдя въ русскую жизнь, западное вліяніе постепенно стало отвоевывать себѣ въ ней и иного рода роль, болѣе самостоятельную и активную. Обстоятельства благопріятствовали этому. Средневѣковыя понятія и представленія, составлявшія содержаніе умственной жизни московской Руси, были изжиты ею уже къ концу XVI вѣка, когда несостоятельность ихъ обнаружилась съ полною очевидностью. Съ той поры старое міросозерцаніе потеряло безграничную власть надъ умами не только высшихъ слоевъ общества, но и значительной части народа. Но въ то время, какъ народная масса, отрѣзанная отъ просвѣщенія и предоставленная лишь собственнымъ своимъ силамъ, искала основъ новаго міросозерцанія почти исключительно на почвѣ религіозныхъ представленій, передъ верхними слоями русскаго общества открывалась широкая дорога къ источникамъ европейскаго просвѣщенія. Моментъ, въ который они ступили на эту дорогу, совпадалъ съ необычайнымъ оживленіемъ философской и научной мысли на самомъ Западѣ. Какъ разъ въ это время просвѣтительная философія гордо поднимала во Франціи свое знамя и во имя требованій разума начинала ожесточенную борьбу съ остатками феодально-католическаго строя. Едва успѣвъ выработать себѣ формы замкнутаго сословнаго быта, русское общество становилось, такимъ образомъ, свидѣтелемъ могучаго идейнаго движенія, заключавшаго въ себѣ горячій протестъ противъ основныхъ принциповъ такого быта, и вступало даже въ извѣстное общеніе съ этимъ движеніемъ. Противорѣчіе,

заключавшееся въ такомъ положеніи вещей, могло оставаться не вскрытымъ лишь до той поры, пока самое общеніе съ Западомъ носило чисто внѣшній и механическій характеръ. Для большинства общества оно и оставалось такимъ въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія. Но, по крайней мѣрѣ, часть общества, хотя и небольшая, за это время успѣла перейти отъ простого заимствованія иноземныхъ обычаевъ и взглядовъ къ сознательному усвоенію плодовъ теоретической мысли Запада. Прямымъ послѣдствіемъ такого перехода для испытавшихъ его общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей явились попытки осмыслить собственное положеніе и выработать новое міросозерцаніе на основѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній и взглядовъ. Эти попытки не одинаково складывались у различныхъ группъ общества, въ разной мѣрѣ испытавшихъ на себѣ воздѣйствіе западныхъ вѣяній, но онѣ во всякомъ случаѣ уводили мысль на новые пути и неизбѣжно порождали критику русской дѣйствительности съ новыхъ точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ, на почвѣ общенія съ умственными теченіями Запада зарождалось идейное движеніе въ нѣдрахъ самого русскаго общества. Въ рамкахъ настоящаго очерка мы попытаемся представить читателю характеристику одного, — быть можетъ, самаго крупнаго, — изъ дѣятелей этого движенія, А. Н. Радищева. Среди своихъ современниковъ Радищевъ явился наиболѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ европейскихъ идей своей эпохи въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Поэтому, прослѣдивъ тотъ путь, какимъ сложилось его міровоззрѣніе, и ту судьбу, какая выпала на его долю въ жизни, мы получимъ возможность сдѣлать и нѣкоторые общіе выводы о характерѣ и результатахъ умственнаго движенія, ознаменовавшаго собою послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка въ Россіи.

I.

О раннихъ годахъ жизни Радищева сохранились лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Онъ родился 20 августа 1749 г., въ зажиточной дворянской семьи, по своему происхожденію принадлежавшей къ массѣ рядового русскаго дворянства. Дѣдъ его изъ Петровскихъ потѣшныхъ дослужился до бригадирскаго чина и путемъ женитьбы на богатой невѣстѣ пріобрѣлъ имѣніе въ Саратовской губерніи. Сынъ его и отецъ писателя былъ помѣщикомъ средней руки, по своему времени довольно образованнымъ и гуманнымъ, хотя его образованіе мирно уживалось съ немалою долею суевѣрія. Въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ не было жестокости, и его крѣпостные, въ свою очередь, любили добраго помѣщика. Впослѣдствіи Пугачевщина, оставившая по себѣ кровавые

слѣды во многихъ дворянскихъ семьяхъ Екатерининской эпохи, не коснулась семьи Радищевыхъ, благодаря крестьянамъ, которые не указали полчищамъ самозванца убѣжища своего помѣщика и спрятали у себя нѣкоторыхъ изъ его дѣтей. Первые годы дѣтства А. Н. Радищева прошли въ саратовской деревнѣ его отца. Здѣсь началось и его ученіе, не отклонявшееся первоначально отъ обычнаго для того времени пути. Читать онъ выучился по часослову и псалтырю, а когда онъ достигъ шестилѣтняго возраста, къ нему былъ приглашенъ учитель-французъ. Громадный спросъ, существовавшій въ тогдашней Россіи на педагоговъ иностраннаго происхожденія, и низкія требованія, предъявлявшіяся къ нимъ необразованнымъ обществомъ, создали увѣковѣченный въ позднѣйшей сатирической литературѣ типъ случайнаго педагога, видѣвшаго въ учительской профессіи исключительно выгодное ремесло и бравшагося за нее безъ малѣйшаго о ней понятія. Подобный педагогъ достался и на долю Радищева. Первый его учитель оказался бѣглымъ солдатомъ и вскорѣ былъ удаленъ. Послѣ того отецъ отправилъ Радищева къ своему родственнику въ Москву, гдѣ онъ и воспитывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюденіемъ опять таки француза-гувернера, который на родинѣ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но бѣжалъ отъ преслѣдованій правительства Людовика XV и укрылся въ Россіи. Въ Москвѣ Радищевъ пользовался, сверхъ того, и уроками профессоровъ только что открытаго здѣсь университета, но всѣ эти уроки едва-ли могли идти далѣе усвоенія элементарныхъ свѣдѣній. Тринадцати лѣтъ отъ роду Радищевъ былъ уже переведенъ отцомъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ пажескій корпусъ, въ которомъ и пробылъ до 1766 года, дѣля свое время между учебными занятіями и дежурствами при дворѣ императрицы. Въ пажескомъ корпусѣ, который, подобно большинству русскихъ учебныхъ заведеній этой эпохи, обладалъ широкой и разносторонней программой, плохо, однако, примѣнявшейся на практикѣ *), Радищевъ выдѣлился изъ среды товарищей своими блестящими способностями, но, надобно думать, не могъ пріобрѣсти особенно серьезныхъ познаній. Тѣмъ временемъ въ его судьбѣ готовился серьезный поворотъ, опредѣлившій собою

*) Согласно составленному академикомъ Миллеромъ плану, пажи должны были обучаться: русскому языку и каллиграфіи; математикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механикѣ; философіи, морали, естественному и народному праву; исторіи, географіи, генеалогіи и геральдикѣ; юриспруденціи, гражданскому и государственному праву и церемоніаламъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, СПБ. 1889, т. I, сс. 543—4). Легко видѣть, что съ такимъ количествомъ предметовъ мудрено было основательно познакомить малолѣтнихъ учениковъ въ 4 года.

не только дальнѣйшій ходъ его образованія, но и всю его послѣдующую жизнь. Екатерина II, въ эту пору своей жизни увлекавшаяся мыслью о широкихъ реформахъ, испытывала нужду въ образованныхъ чиновникахъ и, желая «получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ» *), вознамѣрилась для этой цѣли воспользоваться услугами заграничныхъ университетовъ. Для осуществленія плановъ императрицы въ 1766 г. рѣшено было отправить въ лейпцигскій университетъ на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ томъ числѣ шесть пажей, изъ наиболѣе способныхъ къ наукамъ. Въ число избранныхъ пажей попалъ и Радищевъ, и въ сентябрѣ 1766 года онъ уже выѣхалъ съ новыми своими товарищами за границу.

Такимъ образомъ, семнадцатилѣтнимъ юношей Радищевъ изъ классовъ пажескаго корпуса непосредственно перешелъ въ аудиторію нѣмецкаго университета, и мѣсто впечатлѣній отъ русскаго придворнаго быта въ его умѣ заняли наблюденія надъ западноевропейскою жизнью. При всей рѣзкости такого перехода его благотворное вліяніе не замедлило сказаться. Научныя занятія скоро сдѣлались господствующимъ интересомъ въ кружкѣ лейпцигскихъ стипендіатовъ. Главаремъ и руководителемъ кружка въ этомъ отношеніи явился старшій членъ его, Ѳ. В. Ушаковъ. Въ Россіи онъ занималъ уже видное мѣсто, обѣщавшее ему быструю служебную карьеру, но, когда рѣшена была посылка молодыхъ людей въ Лейпцигъ, онъ увлекся желаніемъ пополнить свое образованіе и исхлопоталъ себѣ назначеніе въ число отправлявшихся за границу дворянъ. Благодаря своему сравнительно болѣе зрѣлому возрасту и твердому характеру, Ушаковъ быстро пріобрѣлъ сильное волненіе на своихъ товарищей и, самъ со страстью отдаваясь наукѣ, поддерживалъ и во всемъ кружкѣ энтузіазмъ къ научнымъ занятіямъ. Плоды этого энтузіазма скоро стали замѣтны и постороннему глазу. Черезъ полтора года по прибытіи русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ русскій посланникъ въ Дрезденѣ сообщалъ объ ихъ успѣхахъ такіе отзывы: «всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются; особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ—Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей“ **).

Ранѣе, однако, чѣмъ русскіе студенты получили возможность свободно отдаться научнымъ занятіямъ и впечатлѣніямъ за-граничной жизни, имъ пришлось пережить довольно серьезное испы-

*) Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. X, 116.
**) Сухомлиновъ, назв. соч., сс. 546—7.

таніе, длившееся немалое время. Порядокъ ихъ занятій и жизни въ Лейпцигѣ былъ опредѣленъ инструкціей, составленной самою Екатериной. Согласно этой инструкціи, студентамъ предписывалось „обучаться всѣмъ латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, словянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву». «Прочимъ наукамъ обучаться—продолжала инструкція—оставить всякому на произволеніе». На каждаго студента отпускалось изъ казны въ годъ 800 р.; изъ этой суммы, сверхъ расходовъ на содержаніе студентовъ, имъ должны были еще выдаваться карманныя деньги на мелкіе расходы. Позднѣе эта, довольно значительная по тогдашнему времени, сумма была еще повышена до 1,000 р. въ годъ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ студентовъ возлагался инструкціей на особаго инспектора, права котораго, въ свою очередь, точно опредѣлялись ею. «Если кто изъ дворянъ—гласилъ одинъ изъ параграфовъ инструкціи—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, того инспектору увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, объявлять профессору». Наконецъ, если бы и это средство не помогло, инспекторъ обязывался обратиться къ ближайшему русскому посланнику для отправленія виновнаго «при первомъ удобномъ случаѣ въ Россію, дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена». Никакихъ же наказаній инспекторъ не могъ налагать на студентовъ *).

Дѣйствительность, ожидавшая русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, плохо согласовалась съ предписаніями инструкціи. Назначенный инспекторомъ или «гофмейстеромъ» молодыхъ дворянъ маіоръ Бокумъ былъ человѣкъ грубый, до крайности корыстолюбивый и жестокій. Не довольствуясь своимъ жалованіемъ и подарками, которые онъ получалъ отъ родителей порученныхъ ему дворянъ, онъ удерживалъ еще въ свою пользу немалую часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на одежду, пищу и квартиру студентовъ. Благодаря этой своеобразной экономіи, послѣдніе помѣщались въ темныхъ, сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, вынуждены были иногда носить платье съ чужого плеча, порою даже голодали. Проѣзжавшій черезъ Лейпцигъ кабинетъ-курьеръ Яковлевъ сообщалъ позднѣе въ Россіи, что во время пребыванія его въ этомъ городѣ Бокумъ кормилъ студентовъ несвѣжей провизіей; Радищевъ въ это время «за болѣзнію, къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ—прибав-

*) Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, 107—111.

лялъ Яковлевъ—въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ» *). На этой почвѣ между гофмейстеромъ и студентами скоро возникли рѣзкія столкновенія, еще осложнившіяся тѣмъ, что Бокумъ смотрѣлъ на молодыхъ людей, къ которымъ онъ былъ приставленъ, какъ на дѣтей, обязанныхъ во всемъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и вопреки инструкціи не стѣснялся примѣнять къ нимъ разнообразныя наказанія, не исключая и тѣлесныхъ. «Не зналъ нашъ путеводитель,—разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ Радищевъ,—что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть» **). Единичныя столкновенія перешли въ систематическую борьбу; студенты все чаще отказывали своему оффиціальному руководителю въ повиновеніи. Бокумъ чаще и чаще прибѣгалъ къ унизительнымъ наказаніямъ непокорныхъ, сѣкъ ихъ розгами, билъ фухтелями и т. п. Не довольствуясь обычными видами наказаній, онъ самъ изобрѣлъ новую кару. Курьеръ Яковлевъ «видѣлъ выдуманную Бокумомъ клѣтку, въ которую намѣренъ онъ былъ запирать и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ здоровью ихъ опасномъ весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому вымыслу сему ничего недоставало, то похвалялся его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднявъ на блокѣ, держать черезъ опредѣляемое къ тому время повѣшанною на воздухѣ» ***). Жалобы студентовъ, пытавшихся указать на то, «въ коль несчастную и горестную жизнь ввергнулъ ихъ г. маіоръ Бокумъ», частью перехватывались послѣднимъ, частью не находили себѣ вѣры у тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ были обращены, и лейпцигскіе стипендіаты оставались предоставленными самимъ себѣ въ этой неравной борьбѣ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло и однажды, когда Бокумъ оскорбилъ студента Насакина, послѣдній, подчиняясь единогласному рѣшенію товарищей, возвратилъ ему пощечину. Растерявшійся гофмейстеръ въ первую минуту поднялъ исторію, обвинилъ студентовъ въ покушеніи на его жизнь и посадилъ ихъ всѣхъ подъ арестъ. Они уже ждали крайне суровыхъ каръ по

*) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 545.

**) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева, М. 1811, ч. V, с. 23.

***) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 123.

отношенію къ себѣ и задумывались даже надъ вопросомъ, не лучше ли заблаговременно бѣжать изъ-подъ ареста и, скрывшись изъ Лейпцига, навсегда отказаться отъ возвращенія въ отечество. Дѣло окончилось, однако же, тѣмъ, что студенты просидѣли нѣкоторое время подъ стражей, а затѣмъ были освобождены по приказанію русскаго посланника въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскаго, до свѣдѣнія котораго дошла вся эта исторія. Съ той поры, по крайней мѣрѣ, старшіе студенты освободились, если не отъ экономическихъ поползновеній Бокума, то хотя отъ его назойливой опеки: «онъ рачилъ о своемъ карманѣ,—разсказываетъ Радищевъ,—а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два» *).

Въ Россію свѣдѣнія объ обращеніи Бокума съ посланными въ Лейпцигъ дворянами и о налагаемыхъ на нихъ наказаніяхъ дошли поздно—лишь въ концѣ 1770 года. Когда такія свѣдѣнія были получены, изъ императорскаго Кабинета отправлено было къ Бокуму длинное посланіе. Въ Кабинетѣ, говорилось здѣсь, «усмотрѣно не только съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ, что точно въ противность высочайшей ея и. в—ва волѣ имѣли вы неслыханное дерзновеніе неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ. Вѣдать вамъ надлежало. что не только всякія тѣлесныя наказанія, но и въ выговорахъ всякая суровость, гнѣвъ и брань,—какъ средства, благоразумному и пристойному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ ея и. в—во отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, совсѣмъ безчестныя, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя,—изъ данной вамъ инструкціи... вовсе исключены». «Какою властью и по чьему дозволенію,—спрашивалъ Кабинетъ,—осмѣлилися вы попустить себя на такую преподлую и прегнусную дерзость, подвергающую россійское дворянство явному безславію, въ самихъ же дворянахъ не иное что, какъ уныніе и подлость духа, произвести могущую?.. Не варварство ли это и тиранство? При такихъ подлыхъ съ благородными людьми поступкахъ возможно ли надѣяться, что вкоренены будутъ въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ человѣколюбіе, добронравіе и истинное любочестіе? Да и вы сами можете ли чаять пріобрѣсть чрезъ такое звѣрское воспитаніе любовь ихъ къ себѣ, дружескую довѣренность и почтеніе, къ чему, однако жъ, всѣ старанія ваши устремить вы обязаны?.. Вѣчно стыдиться вамъ и продерзость толикую оплакивать должно». На будущее время Бокуму строго предписывалось, если бы онъ по усвоенной отъ собственнаго воспитанія привычкѣ даже своихъ дѣтей задумалъ исправлять «по обычаю подлаго народа, побоями, суровостью, крикомъ и

*) Собраніе сочиненій А. Н. Радищева, ч. V, с. 55.

бранью», «и въ томъ случаѣ чинить сіе съ такою предосторожностью, въ такое время и въ такомъ уединеніи, чтобъ никто изъ дворянъ россійскихъ сихъ гнусностей никогда не видалъ и объ нихъ не вѣдалъ». Въ заключеніе Кабинетъ настоятельно требовалъ, «чтобъ всякая лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемѣрно отъ глазъ и ушей дворянъ россійскихъ оставались сокровенны» *). Слухи, разошедшіеся по Петербургу о насиліяхъ Бокума надъ русскими юношами, и сѣтованія нѣкоторыхъ родителей, что ихъ сыновья частыми побоями «въ такую уже приведены подлую нечувствительность, что сего почти ни во что вмѣнять начинаютъ» **), видимо, раздражали, однако, Екатерину. 15 января 1771 г. она обратилась къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну съ запискою такого содержанія: «Князь Александръ Михаиловичъ! Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитаютъ, что дѣти ихъ въ Лейпцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттудова отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе, для того, что много отъ него безпокойства, нежели пользы: я трачу пятнадцать тысячъ, а принимаю негодованіе. Если есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать». Но нѣсколькими днями раньше императрица тому же вице-канцлеру поручала «отписать къ кн. Бѣлосельскому, чтобъ онъ послалъ въ Лейпцигъ г. Бокуму сказать, что я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами ему отъ меня повѣренныхъ дворянъ, и что чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ, ибо, если бъ умѣлъ съ ними обходиться, то бы не нужно было къ такимъ суровымъ приступить средствамъ; что я ему запрещаю вновь осмѣлиться кого изъ нихъ бить» ***).

Исполняя порученіе императрицы, кн. Голицынъ 7 янв. 1771 г. написалъ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, поручая ему черезъ вѣрнаго человѣка провѣрить справедливость слуховъ объ обращеніи Бокума съ порученными его надзору дворянами и въ томъ случаѣ, если эти слухи подтвердятся, объявить Бокуму повелѣніе императрицы, но такъ, «чтобъ наша маладежа о томъ не свѣдома

*) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 119—21.

**) Тамъ же, 123.

***) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ; въ обѣихъ запискахъ имп. Екатерины мною не воспроизведена орѳографія подлинника. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь живѣйшую благодарность В. И. Семевскому, дружески сообщившему мнѣ собранные имъ рукописные матеріалы, касающіеся Радищева.

была *). Тайною, которая должна была облекать выговоръ, разсчитывали, очевидно, спасти авторитетъ воспитателя въ глазахъ его воспитанниковъ. Но, не говоря уже о томъ, что въ сознаніи послѣднихъ авторитетъ Бокума давно и безвозвратно исчезъ, и правительству не удалось удержаться на той позиціи, которую оно заняло было относительно Бокума. Слѣдствіе, произведенное кн. Бѣлосельскимъ, выяснило не только суровость дисциплинарныхъ мѣръ, принимавшихся Бокумомъ, но и его казнокрадство, и въ результатѣ этого слѣдствія строгій маіоръ потерялъ свою должность **). Но это случилось уже тогда, когда старшіе изъ лейпцигскихъ стипендіатовъ, и въ томъ числѣ Радищевъ, оканчивали курсъ своего ученія. Такимъ образомъ, поскольку имъ удалось добиться смягченія суроваго вначалѣ режима своего «гофмейстера» и сломить его произволъ, это было достигнуто болѣе ихъ собственными усиліями, нежели распоряженіями правительства.

Вся эта исторія борьбы съ Бокумомъ заняла видное мѣсто въ лейпцигскихъ впечатлѣніяхъ юноши-Радищева. Не даромъ впослѣдствіи, достигнувъ уже зрѣлаго возраста, онъ такъ хорошо помнилъ всѣ детали этой исторіи и такъ подробно описывалъ ее въ составленномъ имъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова». Въ столкновеніяхъ съ мелочнымъ деспотизмомъ Бокума Радищевъ и его товарищи впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и отстаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство. Эти же столкновенія, уравнивавшія всѣхъ членовъ студенческаго кружка и объединявшія ихъ въ одномъ и томъ же чувствѣ, завязали между ними первыя узы взаимнаго общенія. Разъ установившись, такое общеніе и обусловленное имъ единство стремленій кружка не исчезли и тогда, когда первоначальный поводъ къ нимъ былъ устраненъ, и студентамъ удалось до нѣкоторой степени оградить себя отъ насильственной опеки со стороны Бокума. Къ этому времени нашлась новая и болѣе серьезная почва для общенія членовъ кружка въ совмѣстныхъ занятіяхъ наукой, которымъ они и отдались съ пламеннымъ увлеченіемъ.

Для такого увлеченія было немало поводовъ въ той обстановкѣ, какая окружила юныхъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Уже однѣ университетскія лекціи сами по себѣ открывали имъ доступъ въ міръ научнаго знанія, мало похожій на тѣ традиціонныя, на по-

*) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ В. И. Семевскимъ: письмо кн. Голицына было исправлено имп. Екатериной и поставленныя въ кавычкахъ слова внесены ею.

**) Сборникъ Р. Ист. Общ., X, 126—8.

ловину дѣтскія, на половину невѣжественныя представленія, какими снабдило ихъ предшествовавшее воспитаніе. Наивное міросозерцаніе, основанное на этихъ представленіяхъ, рушилось тѣмъ скорѣе, что къ вліянію нѣмецкой университетской науки, не вполнѣ еще сбросившей съ себя схоластическую одежду, присоединилось еще болѣе глубокое вліяніе французской литературы. «Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе,—замѣчалъ впослѣдствіи Радищевъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, — любятъ метафизику; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ» *). Въ исторіи европейской литературы немного можно насчитать моментовъ, когда она давала бы такой полный и сочувственный откликъ на эти инстинктивныя стремленія юности къ свободѣ и къ свѣту обобщеннаго знанія, какъ это было во второй половинѣ прошлаго вѣка. Французская философская и политическая литература этого вѣка съ ея рѣшительными отвѣтами на важнѣйшіе вопросы міроздания, съ ея страстною проповѣдью господства разума и правъ человѣка какъ нельзя болѣе способна была разбудить молодой умъ и взволновать неокрѣпшее чувство. Живя въ Лейпцигѣ, русскіе студенты не могли избѣжать знакомства съ этой литературой, вліяніе которой широко распространилось по всей тогдашней Европѣ, и толчокъ къ такому знакомству, дѣйствительно, не заставилъ себя ждать. Одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ Лейпцигъ русскихъ, разсказываетъ Радищевъ, «возбудилъ во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу Гельвеціеву о Разумѣ... По его совѣту мы читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научалися» **). Отъ Гельвеція русскіе студенты перешли къ другимъ корифеямъ современной имъ французской литературы и послѣ философскаго радикализма ихъ вниманіе поглотили идеи политическаго демократизма, главными представителями котораго являлись Мабли и Руссо. Изученіе произведеній этихъ послѣднихъ писателей, раскрывшихъ передъ мыслью своихъ русскихъ читателей новые горизонты, произвело на Радищева и его товарищей неизгладимое впечатлѣніе. Сочиненія Мабли представлялись имъ верхомъ совершенства. Когда проф. Беме объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ о публичномъ правѣ Европы, трое изъ русскихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Радищевъ, предпочли слушанію этого курса чтеніе книги Мабли «Droit public de l'Europe fondé sur les traités», будучи, по ихъ словамъ, увѣрены, что «образцовое, по мнѣнію всего свѣта, произведеніе Мабли, конечно, содержитъ

*) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 26.
**) Тамъ же, 60—61.

въ себѣ болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи» *).

Было бы ошибочно видѣть въ этомъ отзывѣ, не лишенномъ доли наивной заносчивости неофита, свидѣтельство умственной лѣни или слѣпого фанатизма его авторовъ. Умственное возбужденіе, испытанное русскими студентами при встрѣчѣ съ философскою мыслью Запада, въ большинствѣ изъ нихъ вызвало жажду серьезнаго знанія, и они съ удвоенной энергіей набросились на занятія, торопясь удовлетворить эту жажду и захватить все наиболѣе цѣнное изъ раскрытой передъ ними сокровищницы науки. Старшій изъ членовъ студенческаго кружка, Ѳ. В. Ушаковъ, неумѣренными занятіями въ конецъ расшаталъ даже свое и безъ того уже разстроенное здоровье и довелъ себя до преждевременной смерти въ Лейпцигѣ. Радищевъ, также далеко не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ, помимо главнаго предмета своихъ занятій, заключавшагося въ юридическихъ наукахъ, усовершенствовалъ свои познанія въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, много занимался естественными науками, въ особенности же химіей, и настолько изучилъ медицину, что могъ выдержать экзаменъ на врача. Широко раздвигая кругъ своихъ научныхъ интересовъ, Радищевъ и въ области общихъ философскихъ взглядовъ не ограничился изученіемъ лишь той системы, которая дала ему первый серьезный толчокъ къ самостоятельной умственной работѣ. Въ нашей литературѣ за нимъ съ давнихъ поръ прочно укрѣпилась репутація безусловнаго послѣдователя французскихъ философовъ-матеріалистовъ, и въ частности Гельвеція, основанная, въ сущности, лишь на приведенныхъ выше словахъ самого Радищева, что онъ учился мыслить по книгѣ Гельвеція. Но въ дѣйствительности изученіе книги Гельвеція было для Радищева лишь первымъ сознательнымъ шагомъ въ область философскихъ вопросовъ и на немъ онъ не остановился, какъ не ограничился и знакомствомъ съ французской философской литературой. Лекціи лейпцигскаго профессора Платнера, слѣдовавшаго въ своемъ курсѣ философіи воззрѣніямъ Лейбница, ознакомили его съ системою знаменитаго нѣмецкаго мыслителя, и подъ вліяніемъ этихъ лекцій Радищевъ принялся за внимательное изученіе взглядовъ Лейбница. Двадцать лѣтъ спустя, Платнеръ въ разговорѣ съ Карамзинымъ вспоминалъ о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ русскихъ учениковъ своихъ **).

Эта разносторонняя и богатая результатами умственная дѣя-

*) Сухомлиновъ, назв. соч., 549—50.

**) Карамзинъ. Письма русскаго путешественника.

тельность сопровождалась сильнымъ подъемомъ нравственнаго чувства. Входя въ соприкосновеніе съ жизнью Запада и воспринимая плоды существовавшаго въ ней идейнаго движенія, поскольку они выразились въ университетской наукѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ, Радищевъ и его товарищи искали и находили въ нихъ не только теоретическую истину, но и этическій идеалъ. Основныя черты этого идеала стояли въ тѣсной и непосредственной связи съ высокимъ понятіемъ о значеніи человѣческаго разума, опредѣляющаго собою всю жизнь. «Помни,— говорилъ Радищеву умирающій Ушаковъ, — что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» *). Каковы бы ни были эти дающія блаженство въ жизни «правила», они являлись уже результатомъ самостоятельной работы мысли, а не рабскаго слѣдованія традиціи. При этомъ смыслъ тѣхъ нравственныхъ уроковъ, какіе могли быть извлечены и извлекались въ дѣйствительности изъ основныхъ идей умственнаго движенія XVIII столѣтія, не ограничивался въ сознаніи русскихъ наблюдателей этого движенія узкими рамками ихъ личной жизни. Глубоко космополитическая по существу своему, французская литература XVIII вѣка умѣла силою выставляемыхъ ею общихъ идеаловъ зажигать въ сердцахъ искреннихъ своихъ адептовъ горячую любовь къ родинѣ, любовь, чуждую всякаго шовинизма и тѣмъ самымъ наиболѣе плодотворную. Русскіе студенты во время пребыванія своего за границей забыли нѣсколько даже русскій языкъ и должны были подучиваться ему по возвращеніи, но Россіи они не забыли. Много лѣтъ спустя послѣ возвращенія на родину, Радищевъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ вспоминалъ тотъ доходившій до изступленія восторгъ, съ которымъ онъ и его товарищи «узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую» **).

Пробывъ пять лѣтъ въ Лейпцигѣ, Радищевъ возвратился въ Россію позднею осенью 1771 г. ***). Онъ уѣхалъ юношей и вернулся вполнѣ сложившимся человѣкомъ, усвоившимъ себѣ европейское просвѣщеніе, обогащеннымъ познаніями и готовымъ отдать ихъ на службу родинѣ. Но отъ того, что онъ засталъ въ отечествѣ, на него повѣяло разочарованіемъ. Разсказывая впослѣдствіи о своемъ энтузіазмѣ при возвращеніи на родину, Радищевъ прибавлялъ: «послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами!—замѣ-

*) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 80.

**) Тамъ же, 51.

***) Онъ выѣхалъ изъ Лейпцига не ранѣе 22 октября и пріѣхалъ въ Петербургъ не позже 25 ноября 1771 г. См. сборникъ Р. Ист. Общ. X, 129 и Р. Архивъ, 1870 г. № 4—5, стр. 946—7.

чалъ онъ — колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою» *). И онъ имѣлъ основаніе для этихъ горькихъ сѣтованій. За годы, проведенные Радищевымъ въ аудиторіяхъ лейпцигскаго университета, неясный вначалѣ характеръ правленія Екатерины II успѣлъ окончательно опредѣлиться. Ко времени пріѣзда изъ Лейпцига первыхъ студентовъ, нѣкогда отправленныхъ туда императрицею, она уже забыла высказанное ею въ Наказѣ намѣреніе поставить Россію на высшую ступень процвѣтанія путемъ установленія въ ней справедливости и избрала для своей государственной дѣятельности другіе пути. Главною своею цѣлью ея правительство поставило внѣшнія завоеванія, а во внутренней его дѣятельности планы реформъ, направленныхъ къ установленію законности въ управленіи и равенства гражданъ, уступили свое мѣсто заботамъ объ упроченіи господства дворянскаго класса въ соціальной жизни страны путемъ сокращенія и безъ того ничтожныхъ правъ массы крѣпостного крестьянства. Въ рамки такой дѣятельности плохо укладывались идеи Мабли и Руссо, и ученикъ этихъ мыслителей скоро долженъ былъ сознать это и испытать холодъ разочарованія. Но хотя сознаніе глубокаго разлада этихъ идей съ русскою дѣйствительностью и охладило нѣсколько юношескій энтузіазмъ Радищева, оно не заставило его ни измѣнить своихъ взглядовъ, ни впасть въ индифферентизмъ. Внѣшній обликъ его жизни въ Петербургѣ мало отличался, правда, отъ порядковъ жизни большинства того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Не располагая такимъ состояніемъ, которое давало бы ему полную матеріальную независимость, онъ добывалъ себѣ средства къ жизни путемъ государственной службы. Сперва онъ поступилъ протоколистомъ въ сенатъ, затѣмъ перешелъ въ штабъ командовавшаго въ Петербургѣ генералъ-аншефа Брюса, но въ 1775 г. вышелъ въ отставку. Черезъ три года, однако, онъ вновь вступилъ на службу, на этотъ разъ въ коммерцъ-коллегію; отсюда онъ перешелъ черезъ десять лѣтъ въ петербургскую таможню и въ ней быстро дослужился до должности управляющаго. Служба далеко не заполняла, однако, всего времени Радищева. Живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ однажды завязанныхъ связей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, много читалъ и составилъ себѣ хорошую библіотеку. Понемногу онъ и самъ сталъ браться за перо и пытать свои силы въ литературной работѣ, при чемъ въ его рукахъ эта работа неизбѣжно принимала характеръ пропаганды его идей

*) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 51.

и писательское перо становилось орудіемъ проведенія въ жизнь общества завѣтныхъ мыслей самого писателя.

Первый литературный трудъ Радищева имѣлъ полу-оффиціальное происхожденіе. Екатерина II въ своихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи учредила, между прочимъ, общество для перевода замѣчательныхъ литературныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій, при чемъ средства на изданіе этихъ переводовъ ассигновались изъ собственной шкатулки государыни. Къ участію въ работахъ этого общества былъ приглашенъ и Радищевъ, и на его долю достался переводъ книги Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce». Радищевъ не только перевелъ эту книгу, но и снабдилъ переводъ своими примѣчаніями, съ которыми онъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1773 году. Въ этихъ примѣчаніяхъ ихъ авторъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи естественнаго права и идеи народнаго суверенитета. «Самодержавство, — говоритъ онъ, переводя этимъ терминомъ слово despotisme и поясняя его значеніе, — есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» *). Такимъ образомъ въ книгѣ, изданной на средства императрицы, проводилась мысль объ отвѣтственности верховной власти передъ народомъ и объ ограниченности ея полномочій. Екатерина II не раздѣляла этихъ идей, но и не усматривала еще въ нихъ никакой опасности для прочности государственнаго порядка.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Радищева совершалась съ большими перерывами. Существуетъ преданіе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ «Живописцѣ». Преданіе это не подтверждается никакими современными доказательствами, но его можно считать довольно вѣроятнымъ въ виду того, что

*) Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли. Спб. 1773 г., стр. 126–7.

письма о положеніи крестьянъ, помѣщенныя въ этомъ сатирическомъ журналѣ, и по высказаннымъ въ нихъ мнѣніямъ, и по своей писательской манерѣ сильно напоминаютъ Радищева. Во всякомъ случаѣ участіе его въ Новиковскомъ журналѣ не могло быть очень значительно, и если даже оно существовало въ дѣйствительности, то послѣ того Радищевъ надолго замолкъ въ литературѣ. Вновь выступилъ онъ на литературномъ поприщѣ лишь въ 1789 году. Тогда какъ позднѣйшіе русскіе источники приписываютъ издававшійся въ этомъ году сатирическій журналъ «Почта Духовъ» Крылову, хорошо освѣдомленный современникъ—иностранецъ (Массонъ) называетъ его издателемъ Радищева *), и можно дѣйствительно, съ большою вѣроятностью предполагать, что послѣднему принадлежитъ значительная и при томъ наиболѣе рѣзкая часть этого журнала, отличавшагося, къ слову сказать, серьезнымъ общественнымъ характеромъ своей сатиры **). Въ томъ же 1789 г. Радищевъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, содержавшую въ себѣ біографію Ушакова съ присоединеніемъ оставшихся послѣ него сочиненій и озаглавленную «Житіе Ѳ. В. Ушакова». Въ этой книжкѣ Радищевъ особенно подробно разсказываетъ о жизни Ушакова въ Лейпцигѣ, выясняя значеніе своего покойнаго друга въ русскомъ студенческомъ кружкѣ и характеризуя направленіе умственныхъ интересовъ послѣдняго, благодаря чему весь этотъ трудъ пріобрѣтаетъ автобіографическое значеніе. Очевидно, мысль писателя охотно уходила отъ текущаго дня въ далекое прошлое, съ любовью возстановляя его черты и упиваясь воспоминаніями о смѣлыхъ надеждахъ и пылкихъ мечтахъ юности. Въ противоположность этому прошлому переживаемое настоящее, какъ можно судить по нѣсколькимъ намекамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ, внушало ея автору настроеніе, далекое отъ жизнерадостности. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ заключеніе книги. Радищевъ разсказываетъ въ немъ, какъ Ушаковъ въ тяжелыхъ предсмертныхъ мученіяхъ, зная уже о неизбѣжности своей смерти, просилъ своего товарища и друга, А. М. Кутузова, дать ему яду. Кутузовъ, посовѣтовавшись съ Радищевымъ, не исполнилъ этой просьбы. Теперь такое рѣшеніе представлялось Радищеву неправильнымъ: самоубійство является въ его глазахъ естественнымъ исходомъ, разъ жизнь обратилась въ мученіе. «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, — обращается онъ къ Кутузову,—если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гнушающемуся и

*) Mémoires secrets sur la Russie, t. II. pp. 188—9.

**) Пыпинъ, Крыловъ и Радищевъ, „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., № 5.

ее возненавидѣвшему» *). Но мрачное настроеніе, вылившееся въ этомъ воззваніи къ другу, не мѣшало во всякомъ случаѣ Радищеву дѣятельно работать. Онъ началъ было писать исторію сената, но затѣмъ уничтожилъ написанное. Историческое изслѣдованіе, повидимому, мало удовлетворяло его умъ, занятый по преимуществу анализомъ современной дѣйствительности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ дальнѣйшія его работы приняли чисто публицистическій характеръ. Воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ, дававшимъ право всякому желающему печатать книги съ разрѣшенія управы благочинія, онъ завелъ у себя домашнюю типографію, въ которой работали его крѣпостные. Въ 1790 г. изъ этой типографіи вышла брошюра, носившая заглавіе: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ». Въ ней Радищевъ разсказывалъ объ открытіи въ Петербургѣ памятника Петру I, пересыпая свой разсказъ размышленіями о существѣ и назначеніи верховной власти. Но это «Письмо» было только первой пробой. За нимъ въ томъ же году послѣдовала большая книга, которая занимала вниманіе Радищева въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и окончательный толчокъ къ написанію которой дало ему «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Свой новый трудъ Радищевъ посвятилъ Кутузову, скрывъ его имя подъ буквами А. М. К. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»,—какъ называлась эта книга Радищева, напечатанная имъ въ своей типографіи безъ имени автора,—вышло въ свѣтъ съ разрѣшенія петербургскаго полиціймейстера Рылѣева и въ концѣ іюня 1790 г. появилось въ продажѣ. Публика стала быстро раскупать его, но уже черезъ нѣсколько дней «Путешествіе» исчезло изъ продажи. На этой книгѣ, имѣвшей такое кратковременное существованіе и составившей несчастье и славу Радищева, намъ предстоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

II.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» носитъ на себѣ явственные слѣды подражанія литературной манерѣ Стерна. Вся книга написана въ формѣ дорожныхъ замѣтокъ, составленныхъ на пути между двумя русскими столицами, при чемъ отдѣльныя ея главы названы именами почтовыхъ станцій, лежащихъ на этомъ пути. Никакой другой внѣшней связи между различными частями этихъ замѣтокъ не существуетъ, какъ не существуетъ въ нихъ и единства формы изложенія, отличающейся, напротивъ, полной сво-

*) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 48.

бодой: описанія дорожныхъ приключеній и встрѣчъ смѣняются размышленіями и воспоминаніями самого автора, а послѣднія, въ свою очередь, уступаютъ мѣсто историческимъ этюдамъ, либо передачѣ содержанія найденныхъ на дорогѣ бумагъ. Но подражаніе иностранному образцу не идетъ въ книгѣ далѣе внѣшней манеры изложенія, въ выборѣ же и расположеніи своего матеріала русскій авторъ остался совершенно самостоятельнымъ. Матеріалъ, внесенный имъ въ свою книгу, является опять таки крайне разнообразнымъ и на первый взглядъ даже поражаетъ своею пестротою и кажущеюся безпорядочностью. Широко пользуясь преимуществами избранной имъ литературной формы, Радищевъ затрогиваетъ самые различные и, казалось бы, отдаленные другъ отъ друга вопросы семейнаго, общественнаго и государственнаго быта, постоянно переходя отъ частныхъ случаевъ русской дѣйствительности къ общимъ размышленіямъ и отъ теоріи вновь возвращаясь къ мелочамъ жизни. При этомъ онъ не скупится на лирическія отступленія во вкусѣ только что начинавшаго тогда входить въ моду сентиментализма, а въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ многое прямо заимствуетъ у излюбленныхъ имъ иностранныхъ писателей, по преимуществу у Руссо. Послѣднее обстоятельство неоднократно давало поводъ строгимъ критикамъ книги Радищева признавать всю ея теоретическую часть простымъ заимствованіемъ, при чемъ источникомъ, изъ котораго было совершено такое заимствованіе, часто считали произведенія французскихъ матеріалистовъ. Даже такой компетентный и осторожный историкъ литературы, какъ покойный Сухомлиновъ, нашелъ возможнымъ утверждать, что «въ книгѣ Радищева рѣзко отличаются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны — заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой — свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта», при чемъ «между своимъ и чужимъ нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другого теченія» *). Внимательное изученіе книги Радищева не позволяетъ, однако же, согласиться съ подобными отзывами объ ней. При такомъ изученіи за внѣшнею пестротою содержанія «Путешествія» не трудно разглядѣть въ немъ внутренній порядокъ и гармонію, подчиняющую отдѣльныя части книги общей ея задачѣ. Многочисленныя литературныя заимствованія Радищева не даютъ еще права считать его ни слѣпымъ рабомъ какого-либо авторитета, ни трудолюбивой пчелой, безъ разбора слѣпляющей въ одно цѣлое части различныхъ доктринъ. Не выступая въ «Путешествіи» самостоятельнымъ мыслителемъ въ строгомъ смыслѣ

*) Сухомлиновъ, наз . соч., с. 556.

этого слова, Радищевъ пытается, однако, на фундаментѣ извѣстныхъ ему философскихъ и политическихъ теорій воздвигнуть зданіе болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія, и, принимая во вниманіе историческія условія, нельзя отрицать за этимъ міросозерцаніемъ ни продуманности, ни извѣстной стройности. Равнымъ образомъ странно отрицать и существованіе тѣсной связи между основными идеями этого міросозерцанія и тѣмъ изображеніемъ, какое получила русская дѣйствительность въ книгѣ Радищева. Но для ближайшаго опредѣленія этой связи необходимо обратиться къ самому содержанію «Путешествія» и возстановить, хотя бы въ наиболѣе общихъ чертахъ, важнѣйшія воззрѣнія его автора и характеръ наблюденій, сдѣланныхъ имъ надъ русскою жизнью.

Собирая въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія, разсѣянныя на различныхъ страницахъ «Путешествія», не трудно составить опредѣленное представленіе объ общихъ взглядахъ Радищева. Въ своей книгѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ мистицизма. По его мнѣнію, усиленіе и распространеніе мистицизма является вѣрнымъ признакомъ упадка человѣчества и соотвѣтственно этому Радищевъ и къ современнымъ ему мистикамъ—мартинистамъ относился враждебно и насмѣшливо *). Но, отстаивая права разума и отказываясь подчинить его въ области познанія чувству, Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ не примкнулъ и къ главнымъ выводамъ философіи матеріализма. По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ являлся послѣдовательнымъ деистомъ. «Не могу повѣрить, о Всесильный,—говоритъ онъ въ своей книгѣ,—чтобы человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ къ другому какому либо существу, а не къ тебѣ... Если смертный въ заблужденіи своемъ странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его, однако же, стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ поклоняемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія» **).

Деизмъ не былъ уже во времена Радищева совершенною новостью на русской почвѣ. Деистомъ являлся въ своихъ произве-

*) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сс. 92—8.
**) Тамъ же. 115—117.

деніяхъ и другой видный публицистъ этой поры, кн. Щербатовъ, но для него вопросъ о положеніи религіи въ государствѣ опредѣлялся по преимуществу соображеніями государственнаго порядка. Для Радищева послѣднихъ въ области религіозныхъ вопросовъ не существовало. Исходя изъ понятія о правахъ отдѣльной личности, онъ ставилъ вопросъ о свободѣ религіознаго мышленія гораздо шире и рѣшалъ его гораздо послѣдовательнѣе, нежели допускалъ это самъ его учитель, Руссо. Высказываясь за полную и безусловную свободу мысли въ области религіи, авторъ «Путешествія» полагалъ, что слѣдуетъ «дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Не существовало для него и особыхъ религіозныхъ преступленій, такъ что самое преслѣдованіе за богохульство представлялось ему совершенно невозможнымъ: «если думаешь,—говорилъ онъ, становясь на точку зрѣнія воображаемаго противника,—что хуленіемъ Всевышній оскорбится,—урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?» Свобода мысли, не стѣсняемая никакими внѣшними рамками, вообще составляетъ въ глазахъ Радищева необходимое благо. Для борьбы съ предразсудками и суевѣріемъ онъ знаетъ лишь одно дѣйствительное средство, заключающееся въ свободѣ устнаго и печатнаго слова. Согласно этому воззрѣнію, цензура можетъ существовать лишь какъ средство защиты авторитета, въ самомъ существѣ своемъ несостоятельнаго, и Радищевъ, обстоятельно доказывая такой порядокъ возникновенія цензуры, ссылками на Екатерининскій Наказъ доказываетъ необходимость ея уничтоженія. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ,—разсуждаетъ онъ.—Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина» *).

Но мы зашли уже въ область вопросовъ общественнаго и государственнаго быта. Вернемся еще назадъ, ко взглядамъ писателя на человѣка и его природу. Радищевъ вполнѣ сознательно усвоилъ себѣ основную идею Руссо о благѣ, лежащемъ въ основѣ нравственной природы человѣка, и развилъ изъ нея рядъ общихъ

*) Тамъ же, 297, 296, 294--5.

положеній, не впадая при томъ въ неосторожныя крайности женевскаго философа. Нравственное существо человѣка покоится на страстяхъ, говоритъ авторъ «Путешествія» устами дворянина, встрѣченнаго имъ въ Крестцахъ. «Корень страстей благъ», такъ какъ онѣ основаны на природѣ нашихъ чувствъ и могутъ ослабѣвать лишь съ ослабленіемъ чувствъ, а, слѣдовательно, и самой жизни въ человѣкѣ. Поэтому полное подавленіе страстей не можетъ служить идеаломъ: «совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый». Если «чрезвычайность въ страсти есть гибель», то «безстрастіе есть нравственная смерть» и истинное благо представляетъ лишь «умѣренность въ страсти», дѣлающая человѣка господиномъ его духовной жизни. На почвѣ этихъ общихъ представленій о правахъ личности и нравственной природѣ человѣка у Радищева возникаетъ опредѣленный идеалъ семейной жизни и воспитанія. Семейный союзъ какъ между супругами, такъ и между родителями и дѣтьми можетъ быть основанъ только на нравственной связи, въ видѣ взаимной любви, и не долженъ знать никакихъ другихъ узъ. Родители не имѣютъ никакой власти надъ достигшими совершеннаго возраста дѣтьми, дѣти не связаны никакими обязательствами по отношенію къ родителямъ, включая сюда и благодарность, такъ какъ всѣ заботы послѣднихъ о дѣтяхъ вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденій. Воспитаніе дѣтей въ этой идеальной семьѣ должно принадлежать самимъ родителямъ, услуги же «наемныхъ рачительницъ» и «наемныхъ наставниковъ» рѣшительно исключаются. Съ ранняго дѣтства въ воспитаніи не должно быть никакого принужденія, чтобы воспитать «духъ, нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества». Необходимо укрѣпить тѣло ребенка физическими упражненіями и трудами, развить его умъ размышленіями, избѣгая излишняго отягощенія памяти, воспитать въ немъ нравственное чувство, которое сообщило бы ему умѣренность въ удовлетворенія чувствъ и страстей, наконецъ, создать въ немъ чувство собственнаго достоинства, которое сдѣлало бы его судьею собственныхъ поступковъ и заставило бы его избѣгать «даже вида раболѣпствованія». Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ явится полезнымъ членомъ общества и будетъ въ состояніи достигнуть истиннаго блага жизни, заключающагося въ добродѣтели, «вершинѣ дѣяній человѣческихъ».

«Добродѣтели суть—по словамъ Радищева—или частныя, или общественныя». Корень первыхъ «всегда благъ», такъ какъ побужденія къ нимъ вытекаютъ изъ любви къ ближнему. Общественныя же добродѣтели могутъ быть порождаемы и чисто эгоистическими мотивами тщеславія и честолюбія, не заслуживая и въ этомъ случаѣ пренебреженія. Но особеннаго блеска онѣ дости-

гаютъ тогда, когда источникомъ ихъ также является человѣколюбіе, и поэтому упражненіе въ частныхъ добродѣтеляхъ служитъ подготовительной ступенью къ добродѣтели общественной. Въ общественной жизни человѣкъ имѣетъ дѣло съ обычаями или нравами народа, съ требованіями закона и съ предписаніями добродѣтели. Эти три источника общественной морали имѣютъ не одинаковое значеніе. Закономъ нельзя поступаться въ пользу обычая, такъ какъ «законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества», и даже въ силу прямого требованія со стороны верховной власти нельзя нарушить законъ, пока онъ остается неотмѣненнымъ. Но важнѣе закона—велѣнія добродѣтели. Ни приказанія власти, ни авторитетъ закона не могутъ стать выше этихъ велѣній, передъ которыми должны быть равно безсильны обольщенія и угрозы, насмѣшки и гоненія, и даже самая смерть. Эта добродѣтель не знаетъ уступокъ обстоятельствамъ, не допускаетъ сдѣлокъ съ «робостью благоразумія» и не позволяетъ «именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага». Можетъ случиться, правда, что высокій идеалъ окажется недостижимымъ въ современной жизни, что послѣдняя выбьетъ оружіе изъ рукъ борца за добродѣтель и раздавитъ его своею тяжестью. Тогда есть надежный исходъ. «Если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри» *). Такимъ образомъ самоубійство, на которое Радищевъ въ «Житіи Ушакова» указывалъ, какъ на средство уйти изъ жизни, сдѣлавшейся несносной вслѣдствіе физическихъ страданій, пріобрѣтало въ его глазахъ и другое значеніе: въ самоубійствѣ онъ видѣлъ послѣднее оружіе въ борьбѣ съ неблагопріятною судьбою, крайнее средство для охраны человѣческаго достоинства личности и избавленія отъ нравственныхъ мученій, какія можетъ повлечь за собою борьба съ существующимъ общественнымъ порядкомъ.

Что касается права личности на такую борьбу, то оно, по взгляду Радищева, заключается уже въ самыхъ условіяхъ возникновенія человѣческаго общества. Принимая общую почти всѣмъ писателямъ XVIII вѣка теорію естественнаго права и происхожденія общества изъ первоначальнаго договора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаетъ къ наиболѣе демократическимъ выводамъ изъ этой теоріи. «Человѣкъ родится въ міръ,—говоритъ одинъ изъ положительныхъ героевъ «Путешествія»,—равенъ во всемъ одинъ

*) амъ же, 179—80, 160—178, 186—7, 182—6, 191.

другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ». Но съ моментомъ возникновенія общества человѣкъ соглашается повиноваться не одной лишь своей волѣ и признавать надъ собою установленную въ обществѣ власть. «Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть?.. Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ его заступить, или того не хочетъ... тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія... Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность есть собственная сохранность, защита, благосостояніе». Цѣлью государственнаго устройства служитъ благосостояніе страны, слагающееся изъ благосостоянія отдѣльныхъ гражданъ. Нельзя назвать «блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова». Не можетъ быть названа блаженной и такая страна, которая не знаетъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, уподобляясь въ своемъ устройствѣ военному лагерю. «Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы» *). Такимъ образомъ изъ естественнаго равенства людей, опредѣлившаго собою условія первоначальнаго общественнаго договора, мысль писателя непосредственно выводитъ равенство гражданъ въ государствѣ и права народа передъ верховною властью. Когда то или другое изъ этихъ требованій нормальнаго государственнаго строя нарушается послѣдней, природное право защиты можетъ быть обращено противъ нея, и съ этой точки зрѣнія Кромвель и Франклинъ равно являются въ глазахъ Радищева носителями общественной добродѣтели. «Я чту,—обращается онъ къ первому изъ нихъ въ своей одѣ «Вольность»,—я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,—что, власть въ рукѣ своей имѣя,—ты твердь свободы сокрушилъ.—Но научилъ ты въ родъ и роды,—какъ могутъ мстить себя народы:—ты Карла на судѣ казнилъ» **).

Таковы основныя воззрѣнія Радищева, поскольку они были имъ высказаны въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву».

*) Тамъ же, 143—4, 248—51.
**) Тамъ же, 366.

Многое въ нихъ, несомнѣнно, заимствовано, но это заимствованіе во всякомъ случаѣ стояло очень далеко отъ рабскаго подражанія однажды избраннымъ образцамъ. Сознательно усвоивъ себѣ главные результаты теоретической мысли Запада, онъ переработалъ ихъ самостоятельно и слилъ въ одно органическое цѣлое. Жизненность создавшагося такимъ путемъ міровоззрѣнія всего лучше проявлялась въ томъ примѣненіи, какое оно получало въ условіяхъ русской жизни.

Въ своей книгѣ Радищевъ касается самыхъ различныхъ сторонъ современнаго ему русскаго быта, являясь глубокимъ знатокомъ послѣдняго. О знакомствѣ его съ народнымъ бытомъ въ извѣстной мѣрѣ свидѣтельствуетъ уже самый языкъ книги. Тяжелый и нѣсколько напыщенный въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, онъ въ описаніяхъ бытовыхъ сценъ нерѣдко переходитъ въ живую разговорную рѣчь, изобилующую народными оборотами и подчасъ блещущую искрами неподдѣльнаго юмора. Богатство разбросанныхъ въ книгѣ типичныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни различныхъ общественныхъ классовъ и умѣлый подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ государственнаго и соціальнаго строя Россіи въ еще большей степени обличаютъ въ ея авторѣ человѣка, пристально вглядывавшагося въ окружавшую его дѣйствительность и хорошо изучившаго ее. Большую роль въ этомъ изученіи должна была сыграть наблюдательность Радищева, возникавшая на почвѣ его необыкновенной воспріимчивости и живого ума, быстро схватывавшаго впечатлѣнія и легко разбиравшагося въ нихъ. Но къ этимъ особенностямъ духовной природы писателя присоединялась и еще одна, созданная внѣшними условіями его жизни. Въ противоположность большинству своихъ современниковъ, Радищевъ приступилъ къ сознательнымъ наблюденіямъ надъ русскою дѣйствительностью во всеоружіи теоретическаго знанія и твердыхъ убѣжденій. Выѣхавъ изъ Россіи въ поискахъ за образованіемъ на зарѣ юности, онъ вернулся человѣкомъ съ установившимся міровоззрѣніемъ, и это обстоятельство должно было значительно облегчить ему самое наблюденіе фактовъ родной дѣйствительности. Проходя сквозь призму опредѣленнаго міровоззрѣнія, эти факты пріобрѣли болѣе яркую окраску и, не утрачивая конкретныхъ своихъ чертъ, вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе обнаруживали свой общій смыслъ. Благодаря этому счастливому соединенію въ лицѣ автора «Путешествія», человѣка съ широкимъ размахомъ теоретической мысли и внимательнаго наблюдателя повседневной жизни, онъ смогъ въ своей на половину лирической книгѣ произвести глубокій и смѣлый анализъ современной ему дѣйствительности и дать такую яркую и обобщенную картину

пороковъ и золъ Екатерининской Россіи, какую напрасно было бы искать въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ сатиры этой эпохи.

Такая картина не развертывается въ «Путешествіи» сразу во всей ея широтѣ. Она создается въ умѣ читателя книги постепенно, путемъ своего рода мозаичной работы. Авторъ приводитъ безъ всякаго видимаго порядка лишь частные факты изъ различныхъ сферъ русской общественной жизни, но въ каждомъ изъ нихъ онъ подчеркиваетъ его наиболѣе общую сторону, связываетъ отдѣльные эпизоды нитями теоретическихъ разсужденій, — и понемногу въ глазахъ читателя вырисовывается то «чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй», о которомъ говоритъ эпиграфъ книги Радищева. Въ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ на первый взглядъ явленіяхъ жизни авторъ умѣетъ найти и показать читателю мрачные слѣды этого чудища.

Наибольшее количество такихъ слѣдовъ находилъ Радищевъ въ положеніи низшаго общественнаго класса своей родины—крѣпостного крестьянства. Жалкое положеніе крѣпостныхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ темъ въ изображеніи Радищевымъ русской жизни и доставляетъ наибольшее количество эпизодовъ, вплетенныхъ въ повѣствовательное кружево «Путешествія». Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядающую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ» и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей» *). Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостного права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ. Помѣщикъ, заставляющій крестьянъ шесть дней въ недѣлю работать на господской пашнѣ и лишь воскресенье оставляющій имъ для работы на ихъ собственныя семьи; крестьяне, осужденные за убійство семьи помѣщика, который не только обратилъ ихъ въ батраковъ, отнявъ у нихъ всю землю, и истязалъ ихъ жестокими наказаніями, но еще и безчестилъ ихъ женъ и дочерей; помѣщикъ, введшій въ своемъ имѣніи jus primae noctis и лишь случайно спасшійся отъ смерти, уготованной ему крестьянами; распродаваемые съ аукціона люди, въ томъ числѣ дядька, кормилица, любовница и сынъ продающаго ихъ барина; дворовый, по барскому капризу получившій образованіе и, благодаря этому, тѣмъ съ большею силою чувствующій

*) Тамъ же, 269—270.

тяготѣющій надъ нимъ произволъ; крестьяне, вступающіе въ бракъ по принужденію господина; казенные крестьяне, покупающіе крѣпостныхъ у помѣщика для отдачи ихъ въ рекруты, — таковы важнѣйшія фигуры этой галлереи, наглядно убѣждающія Радищева въ томъ, что въ Россіи «крестьянинъ въ законѣ мертвъ» *). Какъ бы заключая рядъ впечатлѣній, получаемыхъ читателемъ отъ этихъ фигуръ, и сводя въ одно цѣлое ихъ разрозненныя черты, Радищевъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своей книги изображаетъ внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Рѣзкими штрихами набрасываетъ онъ картину жалкаго убожества этой обстановки, граничащаго съ нищетой. Жилище крестьянина—курная изба съ покрытыми сажей и грязью стѣнами, съ затянутыми пузыремъ окнами, изба, въ которой люди спятъ ночью вмѣстѣ съ животными, въ спертомъ воздухѣ которой свѣча горитъ, какъ въ туманѣ. Внутреннее убранство этой избы состоитъ изъ скудной утвари: двухъ-трехъ горшковъ—«счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ есть пустыя щи», — деревянной чашки и кружковъ вмѣсто тарелокъ, срубленнаго топоромъ стола, корыта для корма свиней и телятъ и кадки съ квасомъ, похожимъ на уксусъ. Одежда крестьянина— «посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода». «Вотъ въ чемъ,—восклицаетъ писатель, — почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе. — Звѣри алчные, піявицы ненасытны, что крестьянину мы оставляемъ? — то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.—Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны—почти всесиліе; съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребіи заклепаннаго въ узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ» **)...

Жизнь другихъ сословій, внѣ ихъ отношенія къ крестьянамъ, менѣе привлекала къ себѣ вниманіе автора «Путешествія». Но и эти стороны общественной жизни не остались вовсе не затронутыми его критикою. Онъ указывалъ на плутни и обманы, на почвѣ которыхъ создавались нерѣдко богатства купечества, на раболѣпство

*) Тамъ же, 15—18, 125—8, 217—8, 342—6, 373—85, 417—8, 385—9.
**) Тамъ же, 412—14.

дворянъ, выходящихъ на видныя служебныя мѣста черезъ придворные чины и видящихъ въ службѣ лишь источникъ личнаго благостоянія, на изнѣженную и развратную жизнь высшихъ общественныхъ классовъ, создающую ихъ физическое вырожденіе.

Въ гораздо большей мѣрѣ сосредоточивали на себѣ вниманіе Радищева тѣ явленія русской жизни, которыя стояли въ непосредственной связи съ существовавшими въ ней административными порядками. Если въ соціальномъ строѣ Россіи автора «Путешествія» поражало безправіе народной массы, если въ общественной жизни онъ констатировалъ отсутствіе сколько-нибудь высокаго этическаго идеала, то порядки современной ему администраціи и суда оставили въ его умѣ не менѣе опредѣленное впечатлѣніе. Слѣдуя общей своей манерѣ, онъ возсоздаетъ это впечатлѣніе передъ читателемъ въ рядѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, сливающихся подъ конецъ въ одну широкую и цѣльную картину. На страницахъ «Путешествія» передъ глазами читателя проходятъ одинъ за другимъ типы администраторовъ, въ своей дѣятельности не считающихся съ требованіями закона и не заботящихся о благосостояніи гражданъ, но широко пользующихся властью для удовлетворенія личныхъ своихъ интересовъ. Почтовый коммиссаръ, вопреки правиламъ не отпускающій проѣзжимъ лошадей ночью, смѣняется на этихъ страницахъ начальникомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, хотя отъ этого зависитъ спасеніе погибающихъ людей. Вслѣдъ за ними авторъ, постепенно поднимаясь по ступенямъ административной лѣстницы, выводитъ намѣстника, расходующаго казенныя деньги на свои прихоти и обращающаго подчиненныхъ ему чиновниковъ въ своихъ слугъ, другого намѣстника, оказывающаго противозаконное давленіе на судей, наконецъ, самихъ судей, доступныхъ обольщеніямъ, угрозамъ и подкупу и рѣшающихъ дѣла вопреки закону и совѣсти. Честные люди, входящіе въ административныя учрежденія, напрасно истощаютъ свои силы въ борьбѣ съ этими порядками, и въ концѣ концовъ, принуждены признать всю безполезность такой борьбы. Произволъ администраціи и продажность суда лишаютъ и частныхъ лицъ всякой возможности добиться справедливости въ борьбѣ съ общественной неправдой. Единственной надеждой ихъ при этихъ условіяхъ остается верховная власть, которая «въ самодержавномъ правленіи одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна». Въ связи съ этимъ авторъ «Путешествія» разсказываетъ содержаніе видѣннаго имъ сна. Въ этомъ снѣ онъ видѣлъ себя царемъ, сидящимъ на престолѣ и окруженнымъ толпою своихъ слугъ. Они льстиво увѣряютъ его въ благоденствіи его царства: по ихъ словамъ, онъ обогатилъ государство, расширилъ торговлю, содѣйствовалъ процвѣтанію наукъ и искусствъ, облегчилъ положеніе народа,

установилъ справедливые законы и правосудіе. Его министры быстро исполняютъ его повелѣнія и доносятъ ему о счастливыхъ ихъ результатахъ: его арміи совершаютъ блестящія завоеванія, флоты обтекаютъ моря, внутри его государства царятъ правосудіе и милосердіе. Но изъ толпы богато разодѣтыхъ придворныхъ къ нему подходитъ скромная странница въ простой одеждѣ, называющая себя Истиной. Она снимаетъ бѣльма съ глазъ царя, и онъ видитъ, что его солдаты умираютъ отъ голода и болѣзней, суда разваливаются, полководцы и министры расхищаютъ казну, разоренный и угнетаемый народъ бѣдствуетъ, а царскія милости обращаются въ предметъ торговли и достаются лишь недостойнымъ. Въ ужасѣ онъ просыпается. «Властитель міра, — заключаетъ Радищевъ свой разсказъ, — если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается» *).

Между тѣми теоретическими воззрѣніями, какія выработалъ себѣ Радищевъ, и тѣми наблюденіями, какія онъ сдѣлалъ надъ русскою жизнью, существовала, очевидно, самая тѣсная и неразрывная связь. Общеніе съ умственными теченіями Запада, расширивъ его умственный горизонтъ и укрѣпивъ его нравственное чувство, тѣмъ самымъ усилило и углубило въ немъ интересъ къ явленіямъ родной дѣйствительности, въ которыхъ ему пришлось наблюдать черты, прямо противоположныя его идеалу. Соотвѣтственно этому, и даваемая имъ критика этой дѣйствительности, согрѣтая чувствомъ глубокой вѣры въ достоинство человѣческой личности и горячей симпатіи къ народной массѣ, носила строго общественный характеръ, не переходя въ узкую мораль. Но одною критикою Радищевъ не ограничивается и идетъ еще дальше. Онъ подводитъ общій итогъ своимъ наблюденіямъ надъ русскою жизнью и указываетъ тотъ путь, на которомъ могутъ быть исправлены ея недостатки. Главнымъ изъ нихъ, отъ котораго болѣе или менѣе зависятъ всѣ другіе, онъ считаетъ крѣпостное право. Возможно ли, спрашиваетъ онъ, «наслаждаясь внутренней тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя, доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія», оставлять «цѣлую треть согражданъ, намъ равныхъ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи?» Право естественное и гражданское учитъ, что люди должны быть равны, что государство должно обезпечивать благосостояніе гражданъ и что только злодѣй или непріятель можетъ быть повергнутъ въ неволю. «Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ!.. тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто

*) Тамъ же, 4—6, 21—40, 43—7, 58, 58—9, 61—85.

житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея»? Тогда какъ въ началѣ общества, кто обработывалъ землю, тотъ и владѣлъ ею, теперь «тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, обработывая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого». «Можетъ ли,—спрашиваетъ еще писатель,—государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ положеніе крестьянина въ Россіи?» Противорѣча основнымъ требованіямъ естественнаго и государственнаго права, крѣпостное состояніе, какъ доказываетъ далѣе писатель, приноситъ тяжелый вредъ всему обществу и грозитъ опасностью государственному порядку. Невольный трудъ по самому существу своему менѣе выгоденъ, нежели свободный; благодаря этому, при существованіи перваго задерживается ростъ богатства страны и размноженіе ея народонаселенія. Еще болѣе опасны нравственныя послѣдствія крѣпостного права, исключающаго во всемъ обществѣ возможность какихъ-либо другихъ узъ, кромѣ насилія. При существованіи рабства крестьянъ вся нравственная жизнь общества проходитъ въ атмосферѣ произвола, такъ какъ среди самихъ рабовладѣльцевъ «съ одной стороны, родится надменность, а съ другой—робость». Среди подобнаго общества нѣтъ мѣста ни сознанію своего достоинства, ни истинной свободѣ, такъ какъ владѣльцы рабовъ, сами не будучи въ состояніи воспользоваться свободой, являются вмѣстѣ съ тѣмъ горячими поборниками неволи. Между тѣмъ, лишенный своихъ правъ, народъ не можетъ примириться съ этимъ лишеніемъ и, предпринимая время отъ времени отчаянныя попытки возвратить себѣ свободу, жестоко мститъ своимъ угнетателямъ и потрясаетъ самое зданіе государства.

Исходя изъ этихъ соображеній, Радищевъ горячо убѣждаетъ своихъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ и набрасываетъ свой планъ такого освобожденія, отличающійся замѣчательною для того времени широтой и трезвостью мысли. Все дѣло освобожденія дѣлится, согласно его проекту, на три періода. Въ первомъ устанавливается «раздѣленіе сельскаго рабства и рабства домашняго»: уничтожается помѣщичья дворня и помѣщикъ лишается права брать крестьянъ въ дворовые, а взятый во дворъ крестьянинъ становится свободнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне получаютъ право вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и уничтожаются выводныя деньги. Во второмъ періодѣ крестьянинъ получаетъ собственность и нѣкоторыя гражданскія права. «Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть

собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Одновременно крестьяне надѣляются правомъ пріобрѣтать въ собственность землю и движимое имущество, судиться у избранныхъ ими самими судей и выкупаться на волю за опредѣленную сумму и избавляются отъ произвольныхъ наказаній, налагаемыхъ безъ суда. Послѣ того наступаетъ третій періодъ — «совершенное уничтоженіе рабства» *).

Проектируя такимъ образомъ въ качествѣ перваго шага къ обновленію Россіи освобожденіе крестьянъ, сопровождаемое предоставленіемъ въ ихъ собственность обработываемыхъ ими земельныхъ надѣловъ, Радищевъ далеко опередилъ не только всѣхъ русскихъ своихъ современниковъ, но и большинство западноевропейскихъ мыслителей своей эпохи. Достаточно напомнить, что изъ 115 иностранцевъ, отозвавшихся на поставленную въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II задачу, долженъ-ли крестьянинъ имѣть собственность, лишь одинъ французъ Граслэнъ категорически высказался за обращеніе всего земельнаго надѣла крестьянъ въ ихъ собственность. Около этого же времени Мабли, ставившій идеаломъ далекаго будущаго общность имуществъ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему барскими конфедератами вызовъ,—указать необходимыя для Польши реформы, ограничился лишь неопредѣленными намеками на желательность предоставленія крестьянамъ не только свободы, но и земельной собственности, тогда какъ Руссо опасался и самаго освобожденія, считая необходимымъ раньше сдѣлать рабовъ достойными свободы и способными пользоваться ею **). Радищевъ смѣлѣе своихъ учителей переходилъ отъ теоріи къ практикѣ жизни. Но, выступая съ такимъ рѣшительнымъ проектомъ, онъ долженъ былъ задуматься и надъ вопросомъ, какія силы смогутъ перекинуть этотъ мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую его идеалъ отъ современной ему дѣйствительности. Подъ той сентиментальной и даже риторической оболочкой, въ которую Радищевъ одѣвалъ подчасъ свою мысль, послѣдняя всегда сохраняла въ существѣ своемъ глубоко реальное направленіе, никогда не утрачивая способности взвѣшивать силу конкретныхъ условій дѣйствительности. Радищевъ не ждалъ большой симпатіи къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ главныхъ силъ современнаго ему общественнаго порядка и всего менѣе надеждъ возлагалъ въ этомъ отношеніи на помѣщиковъ. Задавая

*) Тамъ же, 238—63, 265—7.

**) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., т. I, сс. 64—6; В. Мякотинъ, Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, Спб. 1889, сс. 95—102.

себѣ вопросъ, какъ можетъ существовать продажа людей въ государствѣ, «гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ», онъ отвѣчалъ: «установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ какъ-то, говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могли свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ эту мысль, сказавъ, что крестьянинъ въ законѣ мертвъ, и немедленно прибавляя: «нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ» *). Итакъ, стремленія самой народной массы, естественно порождаемыя тяжестью ея положенія, могутъ измѣнить существующій порядокъ вещей. Оставаясь вѣрнымъ духу раціоналистической философіи XVIII вѣка, Радищевъ находилъ и другую силу, способную дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи. Такою силою является для него просвѣщенный разумъ, способный перестраивать жизнь общества. Въ посвященіи своей книги Кутузову, Радищевъ говоритъ о томъ глубокомъ унынiи, которое охватило его, когда онъ вглядѣлся въ современную ему русскую жизнь. Но,—продолжаетъ онъ, — «я обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Признаніе такого положенія открывало выходъ изъ печальнаго настоящаго въ свѣтлое будущее и давало возможность отдѣльному человѣку принимать дѣятельное участіе въ работѣ надъ созданіемъ условій, облегчающихъ наступленіе этого будущаго. Если главная причина бѣдствій человѣка заключается въ неправильныхъ понятіяхъ, заслоняющихъ его природныя чувства, то просвѣщенный разумъ можетъ устранить эти понятія и тѣмъ самымъ содѣйствовать дѣлу общественнаго прогресса. Въ такомъ содѣйствіи заключался для Радищева и весь смыслъ его собственной книги. «Я человѣку,—говоритъ онъ,—нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду... Воспрянулъ я отъ унынія моего... и — веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь». Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвышающее ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами,—таковы, стало быть, были въ представленіи Ради-

*) Путешествіе, 349, 218.

щева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти.

III.

Въ свое время книга Радищева явилась наиболѣе зрѣлымъ плодомъ того идейнаго движенія, какое зарождалось подъ конецъ XVIII вѣка въ жизни русскаго общества подъ вліяніемъ встрѣчи его съ умственными теченіями европейскаго Запада. Ни одинъ изъ писателей его эпохи не усвоилъ себѣ такъ полно и сознательно этихъ теченій, ни одинъ не вглядывался такъ глубоко въ русскую жизнь и не указывалъ такъ вѣрно на присущія ей болѣзни. Но идеи, лежавшія въ основѣ этого движенія, ставили наиболѣе послѣдовательныхъ своихъ адептовъ въ черезчуръ рѣшительное противорѣчіе съ коренными условіями русской дѣйствительности той поры, а слабость только что начинавшагося движенія заранѣе предрѣшала трагическій исходъ этого противорѣчія. Радищеву первому довелось извѣдать такой исходъ на собственномъ опытѣ. Почти немедленно вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его книги ему пришлось имѣть дѣло съ такими послѣдствіями этого шага, какихъ онъ не предвидѣлъ и не ожидалъ. Когда «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появилось въ книжныхъ лавкахъ, продажа его сразу пошла хорошо и книга видимо, легко находила себѣ читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ стали распространяться настолько неблагопріятные слухи относительно вѣроятной судьбы остававшагося пока безъименнымъ автора, что послѣдній уже черезъ нѣсколько дней рѣшился пріостановить продажу, а затѣмъ и сжегъ всѣ оставшіеся у него экземпляры книги. Но было уже поздно: за эти дни надъ головой Радищева нависла бѣда, и ему не удалось предотвратить ее.

Въ числѣ первыхъ читателей «Путешествія» оказалась сама имп. Екатерина. Секретарь ея, Храповицкій, 26 іюня 1790 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Говорено о книгѣ: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Впечатлѣніе, произведенное на императрицу чте-

ніемъ «Путешествія», было чрезвычайно сильно. Екатерина II, о которой въ свое время приближенный къ ней человѣкъ, П. В. Завадовскій, въ интимномъ письмѣ отзывался: «мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» *), которая до сихъ поръ привыкла слышать лишь истину, говоренную «съ улыбкою», иначе говоря, малую долю истины, приправленную значительною долею лести, въ книгѣ Радищева впервые столкнулась съ такою свободою рѣчи и смѣлостью критики, какихъ она ранѣе не знала въ примѣненіи къ условіямъ русскаго быта. Если уже языкъ Новиковскихъ журналовъ и Фонъ Визинской сатиры непріятно рѣзалъ ея ухо, то Радищевское «Путешествіе» глубоко поразило и оскорбило ее. Вдобавокъ сама Екатерина къ этой порѣ своей жизни значительно измѣнилась по сравненію съ первыми годами ея царствованія. Бывшая ученица французскихъ философовъ, всегда, впрочемъ, воздерживавшаяся отъ сколько-нибудь широкаго примѣненія ихъ теорій на практикѣ, пугливо отшатнулась отъ ихъ ученія при первыхъ признакахъ революціоннаго движенія въ Европѣ, всецѣло поставленнаго ею на счетъ этого ученія. Первыя же вспышки революціи во Франціи заставили ее съ опасливымъ вниманіемъ вглядываться въ настроеніе русскаго общества, и однажды возбужденная въ этомъ направленіи подозрительность доходила до того, что даже въ скромныхъ московскихъ масонахъ Екатерина готова была видѣть предтечъ революціонеровъ, а въ ихъ благотворительной дѣятельности—преступную пропаганду. При такомъ настроеніи императрицы авторъ «Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ» и «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» представился ей ни болѣе, ни менѣе, какъ «первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи» **). Прочитавъ лишь тридцать страницъ «Путешествія», Екатерина уже произнесла надъ нимъ суровый приговоръ. «Намѣреніе сей книги,—записала она,—на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едва-ли не мартинистъ или чего подобное» ***). Дальнѣйшія главы «Путешествія» Екатерина читала очень внимательно, съ перомъ въ рукѣ, тщательно конспектируя содержаніе прочитаннаго изъ страницы въ страницу. Но это не было вниманіе читателя-друга. Взгляды читательницы были черезчуръ далеки отъ міро-

*) Въ письмѣ Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 16 марта 1777 г. см. Архивъ кн. Воронцова, XXIV. 154.

**) Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. III, смѣсь, с. 77.

***) Архивъ кн. Воронцова, V, 407.

созерцанія писателя и между ними оказывались возможными лишь рѣзкія и враждебныя столкновенія. Благодаря этому, конспектъ ежеминутно переходилъ въ желчную полемику, а послѣдняя обращалась въ тяжелыя обвиненія, становившіяся весьма опасными въ устахъ того лица, отъ котораго они исходили.

Въ этой любопытной полемикѣ, которую императрица въ тайнѣ отъ другихъ читателей вела въ стѣнахъ своего кабинета съ Радищевымъ, ясно сказалось, какъ глубоко задѣла книга послѣдняго ея самолюбіе. Въ своихъ замѣчаніяхъ Екатерина не пропустила ни одного случая указать на несостоятельность мнѣній непріятнаго ей автора, выставить въ непривлекательномъ видѣ нравственную сторону его взглядовъ или насмѣяться надъ нимъ, не особенно заботясь при этомъ объ основательности собственныхъ аргументовъ и утвержденій. Подмѣтивъ въ философскихъ мѣстахъ книги присутствіе идеалистическихъ воззрѣній и не умѣя опредѣлить истиннаго ихъ источника, она безъ дальнихъ размышленій отнесла автора къ мартинистамъ. Замѣчаніе Радищева, что человѣкъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи въ себѣ самоуваженія, дало ей поводъ заключить, что «сочинитель эгоистъ сущій и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ». Сентиментальная манера повѣствованія, усвоенная Радищевымъ, вызывала злыя насмѣшки его вѣнчаннаго критика: «начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина»,— записала Екатерина при разсказѣ о продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона. Язвительное замѣчаніе вылилось изъ-подъ ея пера и при чтеніи разсужденій автора о вредѣ крѣпостного права: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». «Ѣдетъ,—отозвалась она въ другомъ мѣстѣ объ авторѣ, — оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Насмѣшливое отношеніе къ автору книги, усвоенное Екатериною, и категорическое отрицаніе ею справедливости общихъ его утвержденій такъ мало, однако, были согласованы съ дѣйствительностью, что самъ суровый критикъ не только не рѣшался заподозривать правдивость отдѣльныхъ фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ, но даже могъ въ разсказы объ нѣкоторыхъ изъ нихъ вписать имена ихъ виновниковъ, укрытыя авторомъ: «едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова», — приписала Екатерина, прочитавъ разсказъ о помѣщикѣ, котораго крестьяне собирались убить за систематическое обезчещеніе дѣвушекъ *).

Но если такимъ образомъ въ полемикѣ, предпринятой Екате-

*) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 416, 420, 419, 414, 417—8.

риною, преимущества, даваемыя точнымъ знаніемъ фактовъ и искренностью и послѣдовательностью мысли, въ большинствѣ случаевъ были не на ея сторонѣ, то это обстоятельство могло не облегчить, а развѣ усугубить тяжесть тѣхъ обвиненій, какія она выставляла противъ автора книги. Черезъ весь разборъ «Путешествія», написанный Екатериною, красною нитью проходитъ тенденція отыскать въ немъ противозаконныя мысли и преступныя стремленія. Въ этомъ разборѣ трудно узнать ту самую государыню, которая нѣкогда переписывала въ свой Наказъ афоризмы Монтескье, утверждая, что «все превращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное», и что «великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи... ниже свободно говорить своего мнѣнія». Теперь общіе взгляды, высказанные въ книгѣ Радищева, представлялись въ ея глазахъ равносильными преступленію, а критика, направленная не на отдѣльныхъ лицъ, а на нравы и учрежденія, казалась ей «опорочиваніемъ всего установленнаго и принятаго». Екатерина, которая сама была, какъ хорошо знали ея современники, болѣе, чѣмъ холодна къ религіи, отмѣчала, однако же, тѣ страницы книги Радищева, которыя «доказываютъ, что сочинитель совершенный деистъ, и несходственны православному восточному исповѣданію». Она усмотрѣла въ разбираемой ею книгѣ «ядъ французской» и мнѣнія, «уничтожающія законы и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена». Идеалъ воспитанія, выставленный Радищевымъ, вызвалъ съ ея стороны замѣчаніе, что мнѣнія писателя ведутъ «къ разрушенію союза между родителей и чадъ и совсѣмъ противны Закону Божію, десяти заповѣдямъ, Святому Писанію и гражданскому закону». Наконецъ, утверждая, что мысль автора «клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства,» Екатерина и по отношенію къ правительствамъ находила въ книгѣ «страницы криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія», и заключала, что сочинитель «себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою ли, или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей». «Но какъ,—прибавляла она,—сіе исполнить онъ единъ не могъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить, какъ о семъ, и о подлинномъ намѣреніи и сказать ему, чтобъ онъ написалъ самъ, какъ онъ говоритъ, что правду любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательства, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго». «Скажите сочинителю,—написала еще Екатерина въ концѣ своихъ замѣчаній, вскрывая одинъ изъ главныхъ мотивовъ своего раздраженія,—что я читала его

книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды? Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія» *).

Заключеніе замѣчаній Екатерины говорило уже о допросѣ автора «Путешествія» и судѣ надъ нимъ. Но допросъ Радищева начался еще ранѣе, чѣмъ Екатерина закончила свои замѣчанія. Съ первыхъ страницъ книги императрица заинтересовалась вопросомъ о личности ея автора. Купецъ, въ лавкѣ котораго продавалась книга, и таможенный служащій, бывшій книгопродавецъ, носившій ее на цензуру оберъ-полиціймейстера Рылѣева, были арестованы, но они не назвали имени автора. Указанія на послѣдняго были однако даны Екатеринѣ самимъ содержаніемъ «Путешествія». Слова автора о «знаніи, которое онъ къ счастью своему имѣлъ случай узнать», обратили вниманіе Екатерины на Радищева и его бывшаго товарища по лейпцигскому университету Челищева, о которыхъ она слышала, что у нихъ имѣются домашнія типографіи, а знакомство автора съ «подробностями купецкихъ обмановъ,—чего у таможни приглядѣться можно»,—укрѣпило ея подозрѣнія на Радищева **). 27 іюня гр. Безбородко именемъ императрицы поручилъ гр. А. Р. Воронцову, непосредственному начальнику Радищева по службѣ, допросить послѣдняго, не онъ-ли авторъ инкриминированной книги, но въ тотъ же день Безбородко другимъ письмомъ извѣстилъ Воронцова объ отмѣнѣ этого порученія въ виду того, что «дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ» ***). Послѣднее передано было знаменитому начальнику тайной экспедиціи, Шешковскому. Когда Радищевъ, вызванный къ допросу, услышалъ страшное имя слѣдователя, которому поручено было его дѣло, онъ упалъ въ обморокъ ****). 30 іюня онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость, а 2 іюля Храповицкій занесъ въ свой дневникъ такую отмѣтку: «Радищевъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости».

Тяжелый ударъ, обрушившійся на Радищева, ошеломилъ его. Поставленный въ положеніе государственнаго преступника, «препорученный» прославившемуся своимъ «кнутобойничаніемъ», по выраженію Потемкина, Шешковскому, предупрежденный отъ имени самой Екатерины, что упорство съ его стороны вынудитъ ее «сыскать доказательства» и сдѣлаетъ его дѣло «дурнѣе прежняго», онъ палъ духомъ. Этому содѣйствовалъ и самый характеръ

*) Тамъ же, 411, 413, 414, 415, 419, 421—2, 421.

**) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 411.

***) Тамъ же, XIII, 199—201.

****) П. А. Радищевъ. А. Н. Радищевъ. По воспоминаніямъ сына. „Рус. Вѣстникъ", 1858, т. 18, с. 407.

допроса и обвиненій, къ нему предъявлявшихся. Шешковскій, которому Екатерина переслала свои замѣчанія на «Путешествіе», обратилъ содержаніе всѣхъ этихъ замѣчаній въ допросные пункты Радищеву. Послѣднему легко было доказать, что онъ при написаніи своей книги не руководился никакими мотивами личнаго раздраженія, для которыхъ не было мѣста въ его жизни и служебной дѣятельности, и не питалъ никакихъ преступныхъ замысловъ. «Если кто скажетъ,—говорилъ онъ по поводу послѣдняго пункта въ своей повинной,—что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина, и можетъ-ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ; возмогъ-ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно» *). Легко, наконецъ, было Радищеву доказать свою непричастность къ мнѣніямъ, несправедливо приписаннымъ ему, въ родѣ симпатіи къ мартинистамъ, простою ссылкою на свою книгу. Но затѣмъ оставался еще вопросъ о мнѣніяхъ, которыя были, несомнѣнно, высказаны Радищевымъ въ его книгѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ вопросныхъ пунктахъ были квалифицированы, какъ преступныя. Радищевъ не нашелъ въ себѣ мужества,—которое при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, было бы равносильно геройству,—всецѣло подтвердить эти свои мнѣнія. Онъ призналъ себя «преступникомъ», свою книгу — «пагубной, наполненной «безразсудною дерзостью», «гнусными, дерзкими и развратными выраженіями», заявилъ, что написалъ и напечаталъ ее исключительно для того, чтобы получить славу смѣлаго писателя и денежную выгоду отъ продажи книги, сознался, что многое написалъ «по сумасшествію на то время и сумасбродству своему», и молилъ о помилованіи **). Словомъ, на допросахъ Шешковскаго Радищевъ отрекся отъ своихъ мнѣній. Но, какъ было уже однажды указано въ нашей литературѣ ***), это отреченіе не было ни искреннимъ, ни даже полнымъ. Свое отреченіе Радищевъ иногда сопровождалъ такими оговорками, которыя, если и не уничтожали, то, по крайней мѣрѣ, значительно смягчали его смыслъ. Въ первоначальныхъ двухъ своихъ повинныхъ онъ, признавая въ общихъ выраженіяхъ свою вину, вмѣстѣ съ тѣмъ пытался отстаивать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, объяс-

*) Архивъ кн. Воронцова, V, 438.

**) Тамъ же, 423, 429, 437, 431, 433.

***) В. Якушкинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., „Рус. Старина“, 1882, № 9, с. 480—4.

няя, что въ нихъ не заключалось ничего преступнаго. Когда вслѣдъ затѣмъ предложенные ему Шешковскимъ вопросные пункты вновь потребовали у него объясненій этихъ мнѣній, какъ преступныхъ, ему пришлось идти въ своихъ уступкахъ грозному слѣдователю дальше. Такъ, въ своей повинной отъ 1 іюля онъ говорилъ: «если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе: думалъ, что она не нужна и, если не будетъ существовать, то обязанный всякъ самъ отвѣтствовать на цензуру полагаться не будетъ». Но въ поставленныхъ ему послѣ того допросныхъ пунктахъ вновь былъ повторенъ вопросъ, почему онъ хочетъ уничтожить цензуру, и на этотъ разъ Радищевъ заявилъ, что признаетъ свое заблужденіе, на собственномъ опытѣ убѣдившись въ пользѣ цензуры, которая можетъ спасти многихъ «заблужденно мыслящихъ» отъ погибели, подобной той, въ какую онъ ввергнулъ себя. Подобнымъ же образомъ на вопросъ о цѣли его размышленій о желательности уничтоженія придворныхъ чиновъ онъ отвѣтилъ: «мысль моя отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишніе, и въ томъ признаю себя виновнымъ». По вопросу объ его мнѣніяхъ относительно семейнаго быта, онъ сперва пытался доказать, что, не помышляя «умалить власти родительской», онъ хотѣлъ только показать, какимъ образомъ она можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца», но затѣмъ призналъ «не только ошибку, но и совершенное безуміе» своего мнѣнія, будто дѣти не обязаны благодарностью по отношенію къ родителямъ. Однако по нѣкоторымъ пунктамъ Радищевъ и на вторичномъ допросѣ Шешковскаго снабжалъ признаніе своей вины знаменательными оговорками. Соглашаясь, что не его дѣло было судить о злоупотребленіяхъ администраціи, онъ тѣмъ не менѣе не бралъ назадъ своихъ мнѣній по этому вопросу, заявляя, что «писалъ по умствованію своему о слышанныхъ имъ иногда въ народной молвѣ якобы происходившихъ иногда по разнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ», будучи «наслышанъ въ народной молвѣ, будто бъ господа намѣстники употребляютъ данную имъ власть иногда по своимъ прихотямъ, не держась высочайшихъ учрежденій» *).

Былъ, наконецъ, одинъ вопросъ, въ которомъ такія оговорки Радищева становились особенно настойчивыми, уничтожая почти весь смыслъ его отреченія отъ идей «Путешествія». Это былъ вопросъ о тяжести положенія крѣпостныхъ и о необходимости ихъ освобожденія. Въ первой своей повинной, говоря о мотивахъ, вызвавшихъ его къ написанію «Путешествія», Радищевъ замѣ-

*) Арх. кн. Воронцова, V, 428, 438, 426, 435—6, 433, 434.

чалъ: «я думалъ въ заблужденіи моемъ, что могу принести иногда пользу, описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ; думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо». Оправдывая далѣе свой проектъ освобожденія крестьянъ, онъ говорилъ: «въ проектѣ... я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ законоположницей, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписаннымъ къ заводамъ крестьянамъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ, если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія». Когда ему поставлено было на видъ мнѣніе Екатерины, согласно которому нигдѣ не было лучше судьбы русскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика, онъ заявилъ, что въ этомъ онъ и самъ увѣренъ, но писалъ о тяжеломъ ихъ положеніи, «чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Равнымъ образомъ и на другіе вопросы относительно заключающихся въ «Путешествіи» разсказовъ о насиліяхъ помѣщиковъ и убійствахъ послѣднихъ крестьянами онъ повторялъ, что этими разсказами онъ хотѣлъ помѣщиковъ отъ «дурныхъ поступковъ воздержать», и «посрамить, а не меньше и навести страхъ». «Чтобъ крестьяне были вольные, — прибавлялъ онъ, — то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что-де сіе сдѣлано будетъ по волѣ государыни», и когда ожидалъ крестьянской свободы отъ самой тяжести порабощенія, то «разумѣлъ: если бъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ» *). Такимъ образомъ, даже лицомъ къ лицу съ Шешковскимъ, наканунѣ суда и приговора, Радищевъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы, хотя коснѣющимъ отъ страха языкомъ, все же признать свою скорбь о крѣпостномъ крестьянствѣ и выговорить передъ правительствомъ слово защиты за него. Не даромъ въ его семьѣ сохранилось преданіе, что, находясь подъ арестомъ, онъ заказалъ своему крѣпостному живописцу образъ одного заключеннаго за чрезмѣрную смѣлость обличеній святого съ надписью: «блаженны изгнанніи правды ради» **). Не даромъ также, возобновивъ въ тоскѣ заключенія свою литературную дѣятельность и начавъ писать повѣсть въ поученіе своимъ дѣтямъ,

*) Тамъ же, 423, 426—7, 434—5, 437, 439.
**) „Р. Вѣстникъ“ 1858, т. 18, с. 409.

онъ выбралъ героемъ ея Филарета милостиваго и его примѣромъ убѣждалъ своихъ будущихъ читателей выше всѣхъ добродѣтелей цѣнить любовь къ ближнему или, говоря его языкомъ, «мягкосердіе» *).

Слѣдствіе Шешковскаго закончилось около 11 іюля и 13 іюля именной указъ Екатерины, данный на имя петербургскаго главнокомандующаго гр. Брюса, передалъ дѣло Радищева въ палату уголовнаго суда. Предварительное слѣдствіе, произведенное Шешковскимъ, опровергло обвиненія Радищева въ преступныхъ замыслахъ и дало новый матеріалъ для другихъ обвиненій лишь въ видѣ признанія самимъ обвиняемымъ преступности его мнѣній; новое свѣдѣніе, доставленное слѣдствіемъ, заключалось лишь въ сознаніи самого Радищева, что онъ послѣ цензуры Рылѣева внесъ въ свою книгу кое-какія не особенно значительныя дополненія и поправки, имѣвшія по преимуществу характеръ корректурныхъ исправленій. Соотвѣтственно этому и указъ Екатерины выставлялъ противъ Радищева главнымъ образомъ тѣ обвиненія, которыя были сформулированы ею при самомъ началѣ чтенія «Путешествія». Радищевъ предавался суду за то, что, по собственному признанію, напечаталъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской», и «послѣ цензуры управы благочинія внесъ многіе листы въ помянутую книгу» *). Одновременно съ этимъ указомъ гр. Брюсъ получилъ отъ Безбородка и инструкцію, какъ должно вести дѣло въ уголовной палатѣ. Согласно этой инструкціи, палата должна была предложить Радищеву четыре вопроса: 1) онъ ли сочинитель книги? 2) въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее? 3) кто его сообщники? 4) чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія? «По таковомъ допросѣ,—гласила инструкція, — не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный». Допросы же, произведенные Радищеву въ тайной экспедиціи, было признано совершенно излишнимъ сообщать палатѣ, и они остались въ тайнѣ. «Многія тутъ вещи,—писалъ Безбородко,—никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія, или обиды на ея величество?» отнюдь непристойно выводить передъ судомъ». На-

*) См. эту повѣсть у Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, I, 598—611.
**) Сочиненія имп. Екатерины II, Спб. 1850 г., т. III, стр. 393.

конецъ, послѣдній пунктъ инструкціи содержалъ въ себѣ такое указаніе: «раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ» *).

Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ данною ей инструкціей, уголовная палата предложила Радищеву указанные ей вопросы и, признавъ его по выслушаніи его отвѣтовъ виновнымъ, буквально переписала въ свой приговоръ ту часть указа 13 іюля, въ которой перечислялись преступленія Радищева. Труднѣе было отыскать прямые законы, на основаніи которыхъ возможно было бы покарать эти преступленія. Въ тогдашней Россіи не существовало законовъ, которые предусматривали бы преступленія, за какія обвинялся Радищевъ. Изъ этого затрудненія палата вышла, примѣнивъ къ автору «Путешествія» почти всѣ статьи тогдашнихъ законовъ: Уложенія, Воинскаго Регламента и Морского Устава,—трактовавшія о государственныхъ преступленіяхъ и назначавшія за нихъ смертную казнь. Къ Радищеву были такимъ путемъ примѣнены статьи законовъ, говорившія о «ворахъ, которые чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла», о преступникахъ, «умышляющихъ на государево здоровье злое дѣло» или желающихъ «московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти», объ офицерахъ, сдавшихъ непріятелю крѣпость безъ крайности, и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ законовъ палата 24 іюля приговорила Радищева къ смертной казни **). Въ такомъ видѣ приговоръ поступилъ въ сенатъ, согласно ст. 13 жалованной грамоты дворянству, предписывавшей дѣла о лишеніи дворянина жизни, чести или имущества вносить на разсмотрѣніе сената и на утвержденіе верховной власти. Сенатъ призналъ приговоръ палаты правильнымъ, и съ своей стороны, полагалъ лишь до подписанія указа о смертной казни Радищеву, «заклепавъ его въ кандалы, сослать въ каторжную работу... въ Нерчинскъ» ***). 11 августа мнѣніе сената было доложено императрицѣ, которая нашла нужнымъ передать его на разсмотрѣніе существовавшаго въ это время для особо важныхъ дѣлъ «совѣта ея величества». «Съ примѣтною чувствительностію,—отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій,—приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю». Черезъ восемь дней послѣ того докладъ сената и былъ внесенъ въ совѣтъ, при чемъ Безбородко объявилъ

*) Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, I, 591.

**) Якушкинъ, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., „Рус. Старина“, 1882 г., № 9, стр. 495—501 и 505—6.

***) Тамъ же, стр. 5 1.

послѣднему замѣчаніе императрицы, что въ сенатскомъ докладѣ «выписаны всѣ законы, кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился», и заявленіе Екатерины, что она «презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано». Такимъ образомъ совѣту были указаны два новыя обстоятельства, отягчавшія вину Радищева: нарушеніе присяги и личное оскорбленіе, нанесенное императрицѣ. Совѣтъ, выслушавъ докладъ и «сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» *).

Если вся судебная процедура по дѣлу Радищева потребовала для себя такимъ образомъ лишь немногимъ болѣе мѣсяца, то окончательное рѣшеніе дѣла затянулось на несоразмѣрно долгій срокъ. Лишь 4 сентября 1790 г. состоялся именной указъ сенату, опредѣлившій судьбу Радищева. Въ началѣ этого указа перечислялись всѣ преступленія, поставленныя въ вину Радищеву во время прохожденія его дѣла черезъ различныя судебныя инстанціи. Онъ, по словамъ указа, «оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того ложный поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу». За эти преступленія палата уголовныхъ дѣлъ и сенатъ присудили его къ смертной казни. «И хотя,—продолжалъ указъ,—по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости», по случаю заключенія мира со Швеціей, «освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на 10-лѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ» **). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чрезвычайною поспѣшностью и большою суровостью. Радищеву не удалось даже передъ отъ-

*) Архивъ государственнаго совѣта, т. I. Спб. 1869 г., стр. 737.
**) П. С. З., № 16.901.

ѣздомъ проститься съ своей семьей — дѣтьми отъ умершей жены и жившей съ ними свояченицей его. Прямо изъ петербургскаго губернскаго правленія, куда онъ былъ привезенъ изъ мѣста своего заключенія для выслушанія приговора, онъ и былъ отправленъ въ дорогу, при чемъ правленіе отъ себя распорядилось заковать его въ кандалы. У него не было теплой одежды, — на него надѣли «гнусную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата». Лишь въ Новгородѣ догналъ его курьеръ съ исходатайствованнымъ гр. А. Р. Воронцовымъ приказаніемъ Екатерины снять съ него оковы и доставить ему нужныя для дороги вещи *).

Воронцовъ и вообще принялъ большое участіе въ судьбѣ Радищева. Въ качествѣ президента коммерцъ коллегіи онъ еще съ 1777 года былъ начальникомъ Радищева по службѣ и, успѣвъ оцѣнить въ немъ не только честнаго чиновника, но и человѣка большого образованія и высокихъ душевныхъ качествъ, дружески сблизился съ нимъ. Не покинулъ онъ Радищева и въ бѣдѣ, хотя самъ въ это время не пользовался расположеніемъ Екатерины и петербургская молва даже называла его, правда, безъ всякихъ основаній, соучастникомъ въ книгѣ Радищева. Когда состоялся уже приговоръ палаты надъ послѣднимъ и братъ его, М. Н. Радищевъ, служившій въ архангельской таможнѣ, рѣшилъ было выйти въ отставку, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей своего брата, Воронцовъ уговорилъ его выждать окончанія дѣла, обѣщая во всякомъ случаѣ съ своей стороны не оставить осиротѣвшей семьи. Послѣ того, какъ судьба Радищева была рѣшена указомъ 4 сентября, Воронцовъ назначилъ его семьѣ пенсію изъ своихъ средствъ и принялъ мѣры къ облегченію участи его самого. Съ этой цѣлью онъ написалъ тверскому, нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторамъ, прося ихъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ облегченію участи Радищева при проѣздѣ его черезъ ихъ губерніи, и пересылалъ черезъ нихъ деньги для Радищева, вскорѣ вступивъ съ нимъ и въ прямую переписку **). Большое сочувствіе къ судьбѣ Радищева выказывали и другія знавшія его лица. Не только купцы на биржѣ плакали, узнавъ объ его участи, но даже полицейскій чиновникъ, объявлявшій его семейству о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ, исполнялъ это порученіе со слезами ***). Приговоръ надъ авторомъ «Путешествія» многихъ изъ современниковъ поражалъ своею суровостью. Тогдашній русскій посланникъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ своему брату, что подобное наказаніе, наложенное за простую опрометчивость, заста-

*) Архивъ кн. Воронцова, V, 399, 285.
**) Тамъ же, 395—6, 396—400.
***) „Р. Вѣстникъ", 1858, т. 18, 409, 408.

вляетъ содрогаться *). Около этого же времени одинъ изъ московскихъ масоновъ писалъ въ Берлинъ Кутузову, другу Радищева: «жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности». Въ обществѣ не могли сразу примириться съ мыслью, что приговоръ, заключавшійся въ указѣ 4 сентября, будетъ осуществленъ на дѣлѣ во всей своей строгости и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Радищевъ былъ вывезенъ изъ Петербурга, въ различныхъ кругахъ общества все еще упорно возникали одинъ за другимъ слухи о предстоящемъ или даже уже совершившемся смягченіи его участи. Черезъ два мѣсяца по объявленіи приговора, 31 октября 1790 г., Лопухинъ писалъ Кутузову, что въ Москвѣ ходитъ слухъ, будто Радищева велѣно отправить не въ Сибирь, а къ отцу его въ Саратовскую губернію. Еще ранѣе того до Кутузова дошелъ въ Берлинъ слухъ, будто императрица приказала возвратить его друга изъ Сибири и лишь запретила ему въѣздъ въ обѣ столицы **). Отцу Радищева многіе совѣтовали обратиться съ просьбою о смягченіи наказанія, постигшаго его сына, къ Потемкину, а въ Архангельскѣ въ маѣ 1791 г. было получено даже извѣстіе изъ Петербурга, будто Потемкинъ уже исходатайствовалъ свободу Радищеву и къ послѣднему посланъ въ Сибирь курьеръ съ разрѣшеніемъ возвратиться ***). Сочувствіе общества, сказавшееся во всѣхъ этихъ слухахъ и ожиданіяхъ, было, однако, безсильно въ чемъ-либо измѣнить судьбу автора «Путешествія», и онъ остался въ Сибири до конца царствованія Екатерины.

IV.

Кара, постигшая Радищева, въ первую минуту тяжело отозвалась на немъ. Изданіе «Путешествія» не было съ его стороны результатомъ легкомысленнаго увлеченія или неосторожной ошибки. Когда онъ издавалъ свою книгу, онъ приближался уже къ концу сорокъ перваго года своей жизни и былъ, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ обыкновенно не подчиняется первому влеченію чувства, а болѣе или менѣе тщательно взвѣшиваетъ свои рѣшенія и ихъ возможные результаты. Авторъ «Путешествія» могъ, конечно, предполагать, что его книга не осо-

*) „La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extreme. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie.. Cela fait fremir". Архивъ кн. Воронцова, IX, 181, письмо отъ 1 октября 1790 г.

**) Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II, „Р. Старина". 1874, № 1, с. 72; № 2, с. 262; № 3, с. 466.

***) Письма къ А. Р. Воронцову Н. А. Радищева отъ 9 марта и М. Н. Радищева отъ 17 мая 1791 г., Архивъ кн. Воронцова, V, 401 и 402.

бенно благосклонно будетъ встрѣчена императрицей, и онъ потеряетъ расположеніе послѣдней, но онъ, несомнѣнно, не ожидалъ, что его мысли будутъ вмѣнены ему въ преступленіе. Тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать для себя такой кары, какая послѣдовала въ дѣйствительности, и она глубоко потрясла его. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ссылку разбитымъ и физически, и нравственно. Трехмѣсячное заключеніе, долгая и томительная неизвѣстность о своей судьбѣ и лишенія, испытанныя въ началѣ пути, надломили его и безъ того слабое здоровье, и въ Москву его привезли настолько больнымъ, что здѣсь пришлось остановиться и ждать его выздоровленія. Выѣхавъ изъ Нижняго, онъ опять было заболѣлъ и болѣе или менѣе оправился, лишь подъѣзжая къ Казани. Но сильнѣе физическихъ страданій мучила его въ это время мысль о дѣтяхъ, оставшихся безъ призора и обезпеченія. «Какъ скучно вспомнить, — писалъ онъ Воронцову изъ Перми,—что я живу въ разлученіи съ дѣтьми... Если кто знаетъ, что дѣйствительнымъ блаженствомъ я полагалъ быть съ ними, тотъ можетъ себѣ вообразить, что скорбь моя должна быть безпредѣльна». «Признаюсь,—писалъ онъ въ другой разъ,—что чувствительно было видѣть на себѣ желѣзы, но разлука съ дѣтьми моими есть для меня томная смерть» *). Переживая эту скорбь разлуки съ дѣтьми и безпокойства объ нихъ, Радищевъ готовъ былъ даже винить исключительно себя въ томъ, что попалъ въ бѣду, которой не случилось бы, если бы онъ не утаилъ своего «безразсудства» отъ Воронцова. «Пенять, ни сѣтовать мнѣ не на кого совершенно, — писалъ онъ послѣднему, соглашаясь съ его словами въ письмѣ къ тверскому губернатору.—Я самъ себѣ устроилъ бѣдствіе и стараюсь сносить казнь мою съ терпѣніемъ». Извѣстіе о томъ, что Воронцовъ принялъ на себя заботу объ его семьѣ, нѣсколько успокоило Радищева, но все же его не переставала волновать мысль о дѣтяхъ и о своей винѣ передъ ними, и въ своихъ письмахъ съ дороги къ Воронцову онъ не разъ говоритъ о своемъ раскаяніи въ совершонномъ проступкѣ и о намѣреніи «исправиться». Порою эти выраженія скорби и печали были очень рѣшительны, до нѣкоторой степени напоминая даже показанія, данныя Радищевымъ на допросахъ. Еще 8-го марта 1791 г., въ письмѣ, отправленномъ изъ Тобольска, онъ говорилъ, что самъ навлекъ на себя несчастье «безразсудствомъ, непростительнымъ въ его годы». Восемь мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ, посланномъ изъ Иркутска 5 ноября 1791 г., онъ опять повторялъ, что ничто не можетъ заглушить въ его душѣ печали, происходящей отъ разлуки съ дѣтьми, и что эта печаль, заставляя его раскаиваться въ со-

*) Тамъ же, V, 400 и XII, 428, 426.

вершонномъ проступкѣ, не позволила бы ему вновь «впасть въ преступленіе». «И признаюсь вамъ чистосердечно, — прибавлялъ онъ, — каково должно быть мое поведеніе, чтобы раскаяніе изъявляло, не знаю» *).

Но какъ ни велика была душевная растерянность, охватившая Радищева въ первый моментъ послѣ осужденія, какъ ни сильна была въ его сердцѣ любящаго отца печаль о покинутыхъ дѣтяхъ, его дѣятельный умъ не могъ долго жить одними лишь впечатлѣніями сухой и безплодной скорби. Путешествіе, хотя бы и невольное, само по себѣ уже до нѣкоторой степени разсѣивало эти впечатлѣнія, давая обильный и разнообразный матеріалъ для наблюденій надъ природой и жизнью страны, которую путешественнику предстояло проѣхать изъ конца въ конецъ. Такого рода наблюденія могли производиться имъ тѣмъ съ бо́льшимъ удобствомъ, что хлопоты Воронцова передъ мѣстнымъ начальствомъ тѣхъ губерній, которыя долженъ былъ проѣзжать Радищевъ, не остались безъ послѣдствій: начиная съ Твери, онъ былъ уже снабженъ необходимыми вещами, могъ запасаться книгами и вещами и пользовался нѣкоторыми другими льготами. Въ свою очередь, нравственная поддержка Воронцова, тѣ утѣшенія и ободренія, какія находилъ въ его письмахъ Радищевъ, забрасывали искру надежды въ его измученную душу и воскрешали въ ней энергію. «Если бы не блисталъ лучъ надежды, хотя въ отдаленности, — писалъ онъ по этому поводу Воронцову,—если бы я не находилъ толикое соболѣзнованіе и человѣколюбіе отъ начальства въ проѣздъ мой чрезъ разныя губерніи, то, признаюсь, что лишился бы, можетъ быть, и совсѣмъ разсудка». Во всякомъ случаѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ совершалась поѣздка Радищева, впечатлѣнія дороги скоро завладѣли его вниманіемъ и дали богатую пищу его разностороннему и воспріимчивому уму. «Разумъ мой, — писалъ онъ уже изъ Нижняго 20-го октября 1790 г.,—можетъ иногда заниматься упражненіемъ. Когда я стою на ночлегѣ, то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе» **). Если первоначально эти наблюденія служили для Радищева по преимуществу средствомъ разсѣяться, «примѣчаніями и наблюденіями естественности разогнать черноту мыслей» ***), то постепенно они все болѣе занимали его и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали совершенно самостоя-

*) Тамъ же, V, 288, XII, 427; V, 289 и 328.
**) Тамъ же, XII, 428; V, 286.
*** Тамъ же, XII, 428.

тельное значеніе. Его письма къ Воронцову съ теченіемъ времени все въ большей мѣрѣ переполнялись разнообразными замѣчаніями о характерѣ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и о бытѣ ихъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начиналъ помышлять о систематическихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ своего будущаго пребыванія и все чаще обращался къ Воронцову съ просьбами о высылкѣ необходимыхъ инструментовъ и книгъ. Начиная съ Казани, куда онъ прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, онъ сталъ вести путевыя замѣтки въ формѣ дневника и прекратилъ ихъ составленіе лишь незадолго до окончанія своего длиннаго пути, 20 декабря 1791 г. *). Эти непритязательныя замѣтки, набросанныя ихъ авторомъ исключительно для самого себя, представляютъ большой интересъ, указывая тѣ вопросы, которые привлекали къ себѣ мысль ихъ составителя. Изо дня въ день Радищевъ, наряду съ названіями проѣзжаемыхъ станцій и числомъ раздѣляющихъ ихъ верстъ, заносилъ въ свои замѣтки самыя разнообразныя свѣдѣнія, какія ему удавалось пріобрѣсти на пути. Геологическія наблюденія и краткія описанія мѣстности смѣняются здѣсь свѣдѣніями объ ея флорѣ и фаунѣ, которыя уступаютъ мѣсто отмѣткамъ объ этнографическихъ особенностяхъ жителей, ихъ бытѣ, промыслахъ и т. д. Экономическій бытъ населенія, въ свою очередь, привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора замѣтокъ, съ особенною подробностью записывавшаго въ нихъ тѣ свѣдѣнія, какія ему удавалось собрать относительно тяжелаго положенія приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Очевидно, мысль писателя не только сохранила свой широкій кругозоръ и работала съ прежнею энергіей, но и возвращалась упорно на тѣ самые пути, отъ слѣдованія по которымъ Радищевъ хотѣлъ было «исправиться».

Ко времени его пріѣзда въ Сибирь эти наблюденія перешли уже въ попытки систематическаго изученія. «Время моего здѣсь пребыванія,—писалъ онъ изъ Тобольска,—я по возможности стараюсь употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній» **). Условія его обстановки до нѣкоторой степени благопріятствовали этому. Онъ могъ теперь менѣе тревожиться о своей семьѣ: младшія его дѣти были привезены къ нему уже въ Тобольскъ его свояченицей, Е. В. Рубановской, на которой онъ впослѣдствіи женился въ Илимскѣ, а старшія были отосланы, по его желанію, къ жившему въ Архангельскѣ брату его. Мѣстная высшая администрація, предувѣдом-

*) Копія этихъ замѣтокъ, какъ и замѣтокъ, веденныхъ Радищевымъ на пути изъ Сибири, любезно сообщена мнѣ В. И. Семевскимъ.

**) Архивъ кн. Воронцова, V, 291.

ленная о Радищевѣ Воронцовымъ и впервые увидѣвшая въ Сибири ссыльнаго новаго типа, отнеслась къ нему мягко, и онъ могъ, не торопясь въ мѣсто своей ссылки, прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ и болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ. Но въ концѣ концовъ надо было уѣзжать и изъ послѣдняго города, тѣмъ болѣе, что этого настоятельно требовалъ и Воронцовъ, опасавшійся новой вспышки гнѣва Екатерины. 3 января 1792 г. Радищевъ пріѣхалъ съ своею семьей въ Илимскъ, глухой городишко Иркутской губерніи, не насчитывавшій въ себѣ и 500 жителей. Здѣсь онъ прожилъ еще шесть лѣтъ, отрѣзанный отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ.

Но и въ этомъ медвѣжьемъ углу Сибири Радищевъ не остался въ бездѣйствіи. Вспомнивъ свои лейпцигскія занятія медициной, онъ сдѣлался врачемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія Илимска, при чемъ ему случалось выступать въ роли не только врача-терапевта, но и хирурга *). Не ослабѣла въ новой обстановкѣ жизни и его умственная энергія. Выписавъ въ Сибирь часть собственной библіотеки, онъ сверхъ того черезъ Воронцова получалъ французскіе и нѣмецкіе журналы и книги и такимъ путемъ по возможности слѣдилъ за европейской литературой и наукой. Въ своей перепискѣ съ Воронцовымъ онъ продолжалъ сообщать послѣднему обстоятельныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ сибирской жизни, которую онъ изучалъ съ большимъ вниманіемъ, на сколько позволяло это его положеніе прикрѣпленнаго къ одному мѣсту человѣка. Плодомъ такого изученія явился, между прочимъ, его трактатъ «О китайскомъ торгѣ», написанный въ 1792 г. въ формѣ письма къ тому же Воронцову. За время пребыванія въ Илимскѣ было написаны имъ еще два произведенія—«Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири» и большой философскій трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи». Основныя идеи этой разносторонней литературной дѣятельности, въ которой изученіе основныхъ проблемъ философіи соединялось съ изслѣдованіемъ вопросовъ современнаго экономическаго быта и попытками историческаго повѣствованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были болѣе детально развиты, чѣмъ это удавалось сдѣлать Радищеву ранѣе, но въ общемъ ихъ направленіе осталось прежнимъ. Иногда же, наоборотъ, идеи, высказан-

*) Тамъ же, XII, 430.

ныя въ «Путешествіи», въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Радищева являются лишь въ видѣ мимоходомъ брошенныхъ намековъ, достаточно, однако же, ясныхъ для того, чтобы не могло возникать сомнѣнія насчетъ ихъ смысла. Главной задачей государства въ глазахъ Радищева по прежнему является развитіе гражданственности, и въ своей статьѣ о завоеваніи Сибири онъ высказываетъ надежду на то, что когда-нибудь великія силы русскаго народа будутъ обращены отъ пріобрѣтенія внѣшняго могущества «на снисканіе всего того что содѣлать можетъ блаженство общественное» *). Въ области вопросовъ экономическаго и въ частности промышленнаго быта онъ въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ интересовъ народной массы, которые въ его пониманіи ведутъ къ предпочтенію деревенскихъ кустарныхъ промысловъ большимъ городскимъ фабрикамъ: выше мануфактуръ, которыя «за каждыми 200, 300, 500 или 1.000 человѣкъ, получающихъ хлѣбъ насущный, обогащаютъ одного или двухъ гражданъ», ставитъ онъ такое «рукодѣліе», которое, «не обогащая ни одного, многимъ частнымъ и большею частію сельскимъ жителямъ поставляетъ довольственное житіе» **). Но изъ всѣхъ трудовъ этой поры жизни Радищева наиболѣе важенъ для выясненія его воззрѣній и мѣста, занимаемаго имъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, его философскій трактатъ. Поставивъ его задачею рѣшеніе вопроса о безсмертіи, Радищевъ обнаруживаетъ въ немъ основательное знакомство съ западно-европейской естественно-научной и философской литературой и рѣдкое для своей эпохи умѣніе пользоваться пріемами мыслителя. Съ одинаковою обстоятельностью и съ одинаковымъ почти безпристрастіемъ излагаетъ онъ доводы за и противъ признанія безсмертія, при чемъ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, выступая ученикомъ и послѣдователемъ Лейбница, изложеніе идей котораго и составляетъ главное содержаніе трактата ***).

Эта любопытная работа, явившаяся первою по времени попыткою перенесенія въ среду русскаго общества идей нѣмецкаго фило-

*) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, VI, с. 11.

**) Тамъ же, с. 94.

***) См. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. Ш. Казань. 1900 (II. А. Н. Радищевъ, какъ философъ). Г. Боброву принадлежитъ несомнѣнная заслуга перваго въ литературѣ рѣшительнаго указанія на ученіе Лейбница, какъ на источникъ философскихъ воззрѣній Радищева. При этомъ онъ ограничился, впрочемъ, лишь пересказомъ труда Радищева и приведеніемъ историко-литературныхъ справокъ объ упоминаемыхъ имъ писателяхъ, не давъ сколько-нибудь обстоятельнаго разбора этого труда.

софскаго идеализма въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ моментъ, непосредственно предшествовавшій Канту, въ свое время не была напечатана и появилась въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими трудами Радищева, послѣдовавшими за «Путешествіемъ», лишь послѣ смерти автора, въ 1809 г., когда она не обратила на себя ничьего вниманія.

Среди неустанной умственной дѣятельности, наполнявшей досуги илимскаго узника, постепенно ослабѣвали болѣзненныя ощущенія, пережитыя имъ въ первый моментъ постигшей его кары и, оглядываясь на прошлое, Радищевъ получалъ возможность спокойнѣе судить о немъ и сознательнѣе оцѣнивать ту роль, какая досталась на его собственную долю въ развитіи русскаго общества. Ссылка по прежнему давила его тяжестью соединенныхъ съ ней лишеній, но, мечтая объ облегченіи этой тяжести, онъ не сгибался болѣе подъ нею. Въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» онъ говоритъ, что счелъ бы благодѣяніемъ, если бы ему позволено было въ цѣляхъ изученія Сибири отлучаться изъ мѣста своего пребыванія. «Если—съ нескрываемою горечью прибавляетъ онъ,—глаголъ мой заразителенъ, если дышу язвою и взоръ мой возмущеніе разсѣеваетъ, — скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, преходя лѣса, скалы и пропасти, — кто можетъ чувствовать дѣйствіе толико злодѣйственна существа. Пускай гласъ мой не перемѣнился, пускай выя не стерта и носится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля: а Тотъ, кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, тотъ знаетъ, что я, что быть бы могъ и что буду». Вспоминая прошлое, онъ въ томъ же трудѣ находилъ возможнымъ заявить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія. По его словамъ, онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, если бы его убѣждали «доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые,—продолжалъ онъ,—я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается». Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился, въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей, говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ, новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. «Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ

вся окрестность согрѣвается его огнемъ и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе; а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время, уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны» *). За личными и случайными элементами своей судьбы Радищевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провозвѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества.

Извѣстіе о воцареніи Павла вновь оживило въ душѣ Радищева надежду на возвращеніе изъ ссылки. 23 ноября 1796 года дѣйствительно состоялся рескриптъ имп. Павла на имя гр. Самойлова, разрѣшавшій Радищеву вернуться на родину и жить въ своихъ деревняхъ подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора, которому предписывалось наблюдать за его поведеніемъ и перепиской **). Въ началѣ слѣдующаго года это повелѣніе дошло до Илимска, и 20 февраля 1797 г. Радищевъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти Илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О, колико возрадовалось сердце наше!.. и если бы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаваютъ, то выѣздъ нашъ былъ бы торжественный»... Со дня выѣзда изъ Илимска Радищевъ вновь началъ вести дневникъ и продолжалъ его до пріѣзда своего въ Москву 11 іюля 1797 г. Нося въ общемъ тотъ же характеръ, что и замѣтки, веденныя на пути въ Сибирь, этотъ дневникъ отличается большею подробностью сдѣланныхъ въ немъ записей и обиліемъ внесенныхъ въ него бытовыхъ свѣдѣній. Какая-либо опредѣленная система записей отсутствуетъ въ немъ: авторъ то отводитъ цѣлыя страницы на запись слышанныхъ имъ мѣстныхъ преданій и разсказовъ и на описаніе поразившихъ его воображеніе видовъ, то заноситъ въ свой дневникъ рядъ краткихъ отмѣтокъ о различныхъ явленіяхъ экономической и соціальной жизни населенія, привлекшихъ къ себѣ его вниманіе, перемѣшивая ихъ съ такими же краткими записями о различныхъ происшествіяхъ, какія ему пришлось наблюдать во время пути. Ключъ ко многимъ изъ этихъ отмѣтокъ и записей въ настоящее время потерянъ безвозвратно, но въ тѣхъ конспективныхъ наброскахъ, какіе онѣ представляютъ собою, живо чув-

*) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, ч. VI, сс. 138—9 и 68—9; М. 1809, ч. III, с. 110.

**) „Р. Старина", 1882, № 12, с. 499.

сутвуется пытливый и глубокій умъ автора «Путешествія», быстро схватывающій характерныя черты наблюдаемыхъ явленій и связывающій въ одно стройное цѣлое разнородныя впечатлѣнія, получаемыя отъ окружающей дѣйствительности. Среди разнообразныхъ замѣтокъ, составляющихъ содержаніе дневника, особенно часто мелькаютъ свѣдѣнія, относящіяся къ быту поселенцевъ и крестьянъ Сибири и помѣщичьихъ крѣпостныхъ русскихъ губерній. На первыхъ же страницахъ дневника авторъ записываетъ собранныя имъ свѣдѣнія о бытѣ и работахъ крестьянъ, приписанныхъ къ Колывановоскресенскимъ заводамъ. При проѣздѣ черезъ барабинскій округъ онъ отмѣчаетъ тѣ улучшенія, какія ему пришлось наблюдать въ жизни мѣстныхъ поселенцевъ, и прибавляетъ: «можно предсказать, что если разорительная рука начальства частнаго не простретъ свое опустошеніе, если равняющаяся огню для сельскаго жителя приписка къ заводамъ не распространится на барабинскихъ жителей, то благосостояніе ихъ будетъ лучше и лучше». Плывя по Камѣ и Волгѣ съ караваномъ судовъ, нагруженныхъ желѣзомъ, Радищевъ заноситъ въ свой дневникъ наблюденія надъ порядками каравана и обращеніемъ съ рабочими, свѣдѣнія о размѣрахъ оброка помѣщичьихъ крестьянъ въ окрестныхъ селахъ, разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по преимуществу дворянъ. Такимъ образомъ и въ эти мѣсяцы возвращенія изъ ссылки въ Радищевѣ, повидимому, ни на минуту не ослабѣвалъ горячій интересъ къ положенію крестьянства, и онъ не переставалъ внимательно вглядываться въ условія этого положенія и въ тѣ факты протеста противъ крѣпостничества, какіе порою являла крестьянская жизнь.

Получивъ въ Сибири первыя извѣстія о воцареніи Павла, Радищевъ возлагалъ сначала большія надежды на это событіе. Но по возвращеніи въ Россію онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что новое царствованіе далеко не является зарею того свѣтлаго дня обновленія русской общественной жизни, о которомъ онъ такъ упорно мечталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная жизнь оставалась значительно стѣсненной. Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, онъ всетаки оставался на положеніи осужденнаго преступника: ему не были возвращены его сословныя и имущественныя права, жить онъ долженъ былъ безвыѣздно въ своей деревнѣ Нѣмцово, въ Калужской губерніи, надъ его поведеніемъ и перепиской тяготѣлъ полицейскій надзоръ. Въ концѣ 1797 года онъ обратился къ императору съ просьбою о разрѣшеніи ѣздить для свиданія съ своимъ отцомъ и матерью въ отцовское имѣніе въ Саратовской губерніи. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, разрѣшавшій ему съѣздить въ Саратовскую губернію одинъ разъ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ разрѣшеніи

не былъ указанъ маршрутъ пути, какъ не былъ назначенъ и срокъ пребыванія въ Саратовской губерніи, Радищевъ использовалъ, правда, полученное дозволеніе довольно широко: онъ поѣхалъ черезъ Москву, гдѣ у него были родственники, и оставался у отца около года *). Но за то остальное время Павловскаго царствованія онъ долженъ былъ, дѣйствительно, безвыѣздно прожить въ своей Калужской деревнѣ, и досугъ этого невольнаго уединенія онъ посвятилъ главнымъ образомъ литературной работѣ, плоды которой не разсчитаны были, однако, на вниманіе современниковъ, такъ какъ написанныя Радищевымъ въ эту пору его жизни произведенія увидѣли свѣтъ лишь послѣ его смерти. За эти годы онъ написалъ большую поэму: «Бова» въ 11 пѣсняхъ, нѣсколько мелкихъ статей и трактатъ, названный имъ: «Описаніе моего владѣнія». Въ послѣдней работѣ, посвященной по преимуществу обсужденію агрономическихъ и экономическихъ вопросовъ, Радищевъ касался и положенія крѣпостныхъ крестьянъ, и тѣ мѣста его работы, которыя такъ или иначе затрогиваютъ это положеніе, представляютъ большой интересъ. Въ самомъ началѣ «Описанія», рисуя картину возвращающихся осенью съ убранныхъ полей крестьянъ, авторъ сопровождаетъ ее восклицаніемъ: «Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы!» Въ другомъ мѣстѣ авторъ, говоря объ обязанностяхъ крестьянина по отношенію къ государству и помѣщику, подводитъ итогъ правамъ помѣщика надъ крестьянами. Господинъ, говоритъ Радищевъ, можетъ крестьянина «продать оптомъ или подробно» и «есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы». Господинъ можетъ, далѣе, «заставить крестьянина работать, сколько хочетъ». Законъ Павла о трехдневной барщинѣ, вызвавшій въ свое время горячія похвалы со стороны нѣкоторыхъ нетребовательныхъ защитниковъ крестьянства, не имѣетъ серьезнаго значенія въ глазахъ Радищева, дающаго ему трезвую и справедливую оцѣнку. «Нынѣ,—замѣчаетъ онъ,—только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дворовaго не опредѣлено». Указывая затѣмъ, что помѣщикъ располагаетъ правомъ суда и наказанія надъ крестьяниномъ, можетъ распоряжаться его имуществомъ и дѣтьми и принуждать его къ браку, Радищевъ заключаетъ, что

*) Чтенія въ обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. 3, смѣсь, с. 197—8; Архивъ кн. Воронцова, XII, 443; Русск. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 421—2.

по отношенію къ помѣщику «земледѣлецъ есть рабъ совершенно»: помѣщикъ не можетъ лишь «уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо». Между тѣмъ по отношенію къ государству крестьянинъ обязанъ только «жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ». Если крестьянинъ что и имѣетъ, то лишь въ силу милости господина. «Но кажется,—прибавляетъ авторъ,—поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность, и проч.» *). На этомъ Радищевъ и останавливаетъ свое разсужденіе о крестьянахъ, обрывая мысль на полусловѣ, но уже одинъ характеръ даннаго имъ перечня помѣщичьихъ правъ въ связи съ требованіемъ земельной собственности для крестьянина достаточно ясно говоритъ, что авторъ «Путешествія» и въ эту эпоху своей жизни сохранилъ не только свой интересъ къ положенію крестьянства, но и свои широкіе реформаторскіе планы.

Воцареніе имп. Александра I, казалось, открыло дорогу къ проведенію этихъ плановъ въ дѣйствительную жизнь. Черезъ три дня послѣ своего восшествія на престолъ онъ «простилъ и освободилъ» изъ ссылки и заточенія 156 лицъ, осужденныхъ тайной экспедиціей, возвративъ при этомъ чины и дворянство тѣмъ изъ нихъ, которые при осужденіи были лишены ихъ. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Радищевъ. Пять мѣсяцевъ спустя, 6 августа 1801 г., онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго коммиссіи о составленіи законовъ, цѣлью дѣятельности которой являлось созданіе общаго руководящаго плана работъ по различнымъ отраслямъ законодательства. Гласно выраженное намѣреніе новаго государя «поставить въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства» придавало, повидимому, работамъ коммиссіи особенное значеніе, и Радищевъ ревностно взялся за представившееся ему дѣло. «Когда разсматривали мы сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ товарищей его по этой коммиссіи,—онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основываясь единственно на философскомъ свободомысліи» **). Философское свободомысліе Радищева, какъ показываютъ сохранившіеся подлинники его мнѣній по частнымъ дѣламъ, рѣшавшимся коммиссіей, заключалось въ отстаиваніи человѣческихъ

*) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, ч. IV, 99, 145—7.
**) Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго, „Р. Архивъ", 1879, № 12, с. 415—6.

правъ крѣпостныхъ и въ стремленіи оградить подсудимаго въ уголовныхъ дѣлахъ отъ произвола судей путемъ предоставленія ему права отвода послѣднихъ *). Но скоро его встрѣтило новое и горькое разочарованіе. Не ограничиваясь частными вопросами, поднимавшимися въ коммиссіи, онъ составилъ было общій планъ реформы законодательства. Содержаніе этого плана дошло до насъ лишь въ неясныхъ намекахъ **), но онъ во всякомъ случаѣ былъ настолько радикаленъ, что гр. Завадовскій сдѣлалъ Радищеву строгій выговоръ и даже пригрозилъ ему Сибирью. Надежда, вспыхнувшая было въ душѣ Радищева, погасла при этой угрозѣ: вновь пришлось ему убѣдиться, что его завѣтныя идеи не могутъ быть проведены въ жизнь, что между ними и дѣйствительностью лежитъ по прежнему глубокая и непереходимая пропасть, и онъ не вынесъ тяжести этого разочарованія. Усталый и разбитый тѣми испытаніями, какія ранѣе выпали на его долю, онъ не находилъ въ себѣ силы для новой борьбы и, быть можетъ, новаго мученичества, но не могъ и отказаться отъ тѣхъ идей,

---

*) Сухомлиновъ. Статьи и изслѣдованія, I, 629—34.

**) Старшій сынъ Радищева въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ („Р. Старина", 1872, № 11) ничего не говоритъ объ этомъ проектѣ. Кн. П. А. Вяземскій, которому онъ передалъ свою записку, сдѣлалъ къ ней такую добавку: „Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ коммиссіи о составленіи законовъ подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній". Вяземскій не указываетъ, однако, источника своего сообщенія и Сухомлиновъ (назв. соч., с. 619) считаетъ его требующимъ подтвержденія. Въ дѣйствительности это сообщеніе настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о Радищевѣ и въ томъ числѣ открытымъ самимъ Сухомлиновымъ подлиннымъ мнѣніямъ его по крестьянскому вопросу, что ему нельзя придавать никакой вѣры. Пушкинъ говоритъ, что Радищевъ изложилъ свои „мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій" въ проектѣ, представленномъ имъ по начальству. Младшій сынъ Радищева сообщаетъ, что его отецъ составилъ проектъ гражданскаго уложенія, въ которомъ предлагалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, уничтожить табель о рангахъ, ввести гласный судъ присяжныхъ, установить свободу вѣроисповѣданія и свободу книгопечатанія, освободить крѣпостныхъ и прекратить продажу людей въ рекруты-ввести поземельную подать вмѣсто подушной, установить свободу торговли и отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ („Р. Вѣстникъ", 1858, т. 18, 424—5). Сухомлиновъ усматриваетъ въ такой передачѣ проекта нѣкоторое подновленіе и, не найдя никакого общаго проекта Радищева въ архивѣ коммиссіи о составленіи законовъ, склоненъ предполагать, что такого проекта и не существовало (назв. соч., с. 620—4). Но о проектѣ Радищева и его послѣдствіяхъ говоритъ и цитированный уже нами товарищъ Радищева по коммиссіи—Ильинскій. По его словамъ, Радищевъ „написалъ коммиссіи такое мнѣніе, что она должна быть поставлена почти вмѣсто сената и для составленія лучшихъ и твердыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ".

какія составляли весь смыслъ его жизни. Онъ выбралъ тотъ исходъ, на который самъ нѣкогда указывалъ, и прекратилъ ставшую непосильной борьбу, не складывая оружія. Въ ночь на 12 сентября 1802 г. онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ. «Радищевъ умеръ,—писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ *)—и, какъ сказываютъ, насильственною, произвольною смертію. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостію философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей?—Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?—Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества».

Горячему защитнику интересовъ народной массы, исходившему въ своей дѣятельности изъ идеала общественнаго равенства и свободнаго развитія человѣческой личности, не нашлось такимъ образомъ мѣста въ русской дѣйствительности на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, и богатая идейнымъ содержаніемъ жизнь писателя-гражданина оборвалась трагическимъ концомъ. Но эта трагическая судьба самого писателя еще не рѣшала вопроса о судьбѣ его идей въ современномъ ему обществѣ. На судѣ, происходившемъ въ 1790 г., Радищевъ совершенно правильно показывалъ, что онъ при составленіи своей книги «общниковъ не имѣлъ». Не имѣлъ онъ сообщниковъ и въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности, оставаясь въ ней совершенно одинокимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся эта дѣятельность не установила и никакого общенія между идеями писателя и умственною жизнью современнаго ему общества, пройдя для послѣдней совершенно безслѣдно?

Тѣ условія, въ какихъ проходила литературная дѣятельность Радищева, сами уже по себѣ затрудняли пріобрѣтеніе писателемъ вліянія на общество. Они не только создавали крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку для дѣятельности самого писателя, но и ставили серьезныя преграды на пути къ проникновенію достигнутыхъ ею результатовъ въ читательскую среду. Несомнѣнно, что, благодаря этому, далеко не всѣ плоды богатой и разносторонней дѣятельности Радищева нашли себѣ дорогу въ сознаніе русскаго общества и были такъ или иначе восприняты жизнью послѣдняго. Въ иныхъ случаяхъ писатель, независимо отъ своей воли, оказывался обойденнымъ этою жизнью. Ссылка отрѣзала Радищева не только отъ умственнаго движенія Западной Европы, за которымъ онъ по возможности старался все же слѣдить изъ

*) Борнъ въ альманахѣ „Свитокъ Музъ», Спб. 1803

Сибири, но и отъ русской литературы. Всѣ произведенія, написанныя имъ послѣ изданія «Путешествія», увидѣли свѣтъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя по смерти ихъ автора, и къ этому времени лучшія изъ нихъ оказались ненужными, а немного позже — и запоздалыми. Тотъ поворотъ въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, который сказался уже въ ссылкѣ Радищева и дѣйствіе котораго продолжалось затѣмъ до воцаренія Александра I, не прошелъ безъ замѣтныхъ результатовъ для общества. Если онъ не могъ остановить самаго развитія просвѣщенія, то во всякомъ случаѣ успѣлъ оборвать нѣкоторыя нити его и сдѣлать это развитіе болѣе одностороннимъ. Стремленіе усвоить не только политическія теоріи Запада, но и его философскія системы вновь проявилось въ русскомъ обществѣ лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, но къ этому времени главный трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни Радищева—его философскій трактатъ, для своего времени имѣвшій большое значеніе, уже совершенно устарѣлъ. Иначе стояло дѣло съ самымъ важнымъ трудомъ Радищева—«Путешествіемъ», носившимъ болѣе общій характеръ и заключавшимъ въ себѣ не только изложеніе теоретическихъ взглядовъ автора, но и критику конкретныхъ явленій русской жизни. Уничтоженіе этой книги, произведенное сперва авторомъ, а затѣмъ судомъ, сильно сократило, правда, предѣлы ея распространенія. Тѣмъ не менѣе такое уничтоженіе не было полнымъ. Когда книга только что вышла въ свѣтъ, она, по словамъ гр. Безбородко въ его письмѣ къ правителю канцеляріи кн. Потемкина, Попову, «начала входить въ моду у многой шали» *). О «великомъ любопытствѣ публики» къ книгѣ Радищева свидѣтельствовалъ на допросахъ у Шешковскаго и писатель Осиповъ **). Это любопытство публики спасло книгу отъ совершеннаго истребленія и послѣ состоявшагося надъ нею приговора. Массонъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что, не смотря на обыски въ домахъ съ цѣлью истребить «Путешествіе», оно сохранилось во многихъ домахъ, и находились люди, которые платили по 25 р. за то, чтобы на одинъ часъ получить для чтенія эту книгу***. Въ книжныхъ магазинахъ Москвы «Путешествіе» можно было достать и послѣ процесса Радищева ****). Заходила книга послѣдняго если не въ печатныхъ, то въ рукописныхъ экземплярахъ и въ далекіе провинціальные углы: самъ Радищевъ, возвращаясь въ 1797 г. изъ ссылки, нашелъ копію своей книги въ Кунгурѣ *****). Наконецъ,

*) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. 1881, т. II, 94—5.

**) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 589.

***) Mémoires secrets sur la Russie, t. II, pp. 188—91, 200.

****) „Р. Старина". 1874, № 2, с. 259.

*****) Изъ рукописнаго дневника Радищева.

по свидѣтельству Гельбига, рукописное «Путешествіе» проникло и за границу, и многіе отрывки изъ него были помѣщены въ «Эндорскомъ Оракулѣ» («Das Orakel zu Endor»), издававшемся въ Лейпцигѣ въ 1794—5 гг. Самъ по себѣ этотъ фактъ распространенія книги Радищева, конечно, не говоритъ еще о его вліяніи на современное ему общество, какъ и сочувствіе разныхъ лицъ въ обществѣ къ судьбѣ автора «Путешествія» не говоритъ еще о сочувствіи къ его идеямъ. Если судьба Радищева могла вызывать и вызывала дѣйствительно сочувствіе къ нему даже у лицъ, не раздѣлявшихъ его идей, то и успѣхъ его книги въ извѣстной мѣрѣ могъ быть созданъ тяготѣвшимъ надъ ней запретомъ. Но у насъ есть и свидѣтельства, говорящія, что успѣхъ «Путешествія» не былъ исключительно внѣшнимъ и что, по крайней мѣрѣ, часть общества оцѣнила по достоинству значеніе идей, высказанныхъ Радищевымъ въ этомъ его произведеніи.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ 1792 г. есть такой «Отвѣтъ г-на Радищева, во время проѣзда его черезъ Тобольскъ, любопытствующему узнать о немъ»:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ.
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду *).

Если даже предположить, какъ дѣлаетъ это г. Якушкинъ **), что стихотвореніе это принадлежитъ самому Радищеву, то включеніе его въ сборникъ показываетъ, что въ обществѣ были люди, живо интересовавшіеся, хотя бы и со словъ самого писателя, общимъ смысломъ его дѣятельности. Опредѣленіе этой дѣятельности, весьма близкое по своему содержанію къ приведенному стихотворенію, дано было по смерти Радищева двумя молодыми писателями. «Друзья!—писалъ цитированный уже нами Борнъ въ своемъ некрологѣ Радищева,—посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучемъ вѣчности; жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество обманъ подъ личиною святости—и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ

*) Приведено г. Ефремовымъ въ его примѣчаніяхъ къ „Живописцу“, изд. 1864 г., с. 349.

**) „Р. Старина“, 1882, № 9, с. 519.

гробъ; въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его»! У другого писателя и поэта этой эпохи—Пнина смерть Радищева вызвала такой откликъ:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ современниковъ Радищева успѣли уловить смыслъ его проповѣди и трагедіи его личной жизни, и между писателемъ и обществомъ установилось извѣстное общеніе, хотя бы и весьма слабое. Не исчезло это общеніе и въ слѣдующую эпоху: у Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву...

Въ лицѣ Радищева русское общество въ концѣ XVIII столѣтія впервые выставило изъ своей среды человѣка, глубоко усвоившаго главные результаты западно-европейской мысли и сознательно увидѣвшаго въ нихъ не только теоретическую истину, но и средство служенія благу народной массы на своей родинѣ. Далеко опередивъ свой вѣкъ, Радищевъ палъ жертвою смѣлости своей мысли. Но начатое движеніе не остановилось съ его гибелью и дѣятельность его самого не прошла безплодно. Брошенное сѣмя вошло въ почву и слѣдующія поколѣнія увидали его первые ростки.

В. Мякотинъ.

Къ библіографіи сочиненій Н. К. Михайловскаго (1860—1900 гг).

Цѣлью настоящей работы—было розыскать и указать въ хронологическомъ порядкѣ статьи Н. К. Михайловскаго, напечатанныя имъ съ 1860 г. по октябрь 1900 года включительно, которыя не пошли ни въ послѣднее, 3-е по общему счету, большое шести-томное изданіе его «Сочиненій» (Спб. 1896—97), ни въ изданіе «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты» (Спб. 1900, 2 тома), составляющее, такъ сказать, прямое продолженіе и дополненіе 3-го изданія «Сочиненій». Такихъ статей оказалось девяносто; но всетаки нашъ указатель не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ рецензіи, которыя помѣщалъ Н. К. Михайловскій въ «Книжномъ Вѣстникѣ» 1866 и 1867 годовъ и въ «Отечеств. Запискахъ» въ періодъ времени съ 1869 по 1884 годъ, не могутъ быть указаны, такъ какъ рецензіи въ означенныхъ журналахъ не подписаны и указать, какія ихъ нихъ именно принадлежатъ Н. К. Михайловскому—весьма затруднительно. Кромѣ того, за краткостью времени, которымъ мы располагали, мы не успѣли просмотрѣть «Русскія Вѣдомости» за послѣднія 15 лѣтъ, и хотя печатавшіяся Н. К. Михайловскимъ въ этой газетѣ «Случайныя замѣтки» и «Письма о разныхъ разностяхъ» (въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ) и вошли въ 6-й томъ (стр. 619—1046) 3-го изданія его «Сочиненій», но легко могло случиться, что та или другая изъ этихъ газетныхъ статей могла быть пропущена или намѣренно не помѣщена авторомъ въ 3-е изданіе «Сочиненій».

Замѣтимъ еще, что въ нашемъ указателѣ встрѣчаются и статьи, печатавшіяся безъ всякой подписи, но принадлежность ихъ Н. К. Михайловскому намъ достовѣрно извѣстна.

I.

Статьи въ журналахъ и газетахъ.

1. «Софья Николаевна Бѣловодова». Пять главъ изъ романа «Эпизоды изъ жизни Райскаго» И. А. Гончарова («Современникъ» 1860 года, № 2). «Разсвѣтъ» 1860 г., № 4 (апрѣль), отд. II, стр. 5—14. Безъ подписи *).

*) Этой статьей Н. К. Михайловскій началъ свою литературную дѣятельность. Согласно цензурной датѣ, № 4 „Разсвѣта" за 1860 г. вышелъ 6 апрѣля.

2. Мужской вопросъ или женскій (Старая погудка на новый ладъ). «Русь» (еженедѣльная газета) 1864 г., № 18, стр. 227—228 (8 столбцовъ). Подписана.

3. Къ женскому вопросу. «Якорь» (еженед. газета) 1864 г., №№ 46 и 47 (вышли въ свѣтъ 8 января 1865 г.), стр. 9 — 11 (8 столбцовъ). Подписана.

4—5. Литературное обозрѣніе. 2 статьи (I. «Литературная Библіотека». — «Собраніе сочиненій Герберта Спенсера». — Роль искусства. — Прогрессъ органическій и общественный. — Соціальный организмъ. — II. Спенсеръ и соціальный организмъ. — Люди добраго стараго времени и «новые люди»). «Гласный Судъ» (ежедневная газета) 1867 г., №№ 257 и 266, 11 и 20 іюля. Обѣ статьи безъ подписи.

6. Старички («Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности». Выпускъ I. М. 1867). «Современное Обозрѣніе» 1868 г., № 4, отд. II, стр. 10—20. Подпись: *Н. М.*

7. Письма о русской интеллигенціи. Письмо 1. Ibid., 1868 г., № 6, отд V, стр. 336—351. Подпись: *Аркадій Протасовъ.*

8—11. Журнальное обозрѣніе. 4 статьи. «Недѣля» 1868 г., № 7, стр. 214—217; № 9, стр. 283—288; № 10, стр. 309—312 и № 15, стр. 476—480. Подписаны.

12. О мѣрахъ къ противодѣйствію проституціи «Отеч. Записки» 1869 г., № 7, отд. II, стр. 187—208. Безъ подписи.

13—14. Іеронимъ Саванарола (По Перрану). 2 статьи. Ibid., 1870 г., отд. II, № 6, стр. 253—285 и № 7, стр. 759—788. Безъ подписи.

15. Органъ, недѣлимое, общество. Ibid., 1870 г., № 12, отд. II, стр. 683 — 706 (Статья эта въ измѣненномъ и переработанномъ видѣ вошла, какъ часть, въ статью «Патологическая магія» въ «Сочин.», 3-е изд., т. II, стр. 326—366).

16. По поводу русскаго изданія книги Карла Маркса. Ibid., 1872 г., № 4. отд. II, стр. 176—184. Безъ подписи.

17. Литературныя и журнальныя замѣтки. Ibid., 1872 г., № 5, отд. II, стр. 51—75 (Докторская диссертація г. Григорія Симоненко —Школьная наука и журналистика.—Свобода слова и эмансипированные.—«Заря», № 1.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», ихъ настоящее и будущее).

18. Литературныя и журнальныя замѣтки. Ibid., 1872 г., № 6, отд. II, стр. 296 — 320 (Изъ романа одного моего пріятеля.— Лишніе люди. — Герой романа г. Ромера «Диллетанты». — Судьбы отрицанія на Руси. — Стихотвореніе г. Полонскаго «Что съ ней?»— «Забытый вопросъ» г. Болеслава Маркевича. — Нужные люди.— «С.-Петербургскія Вѣдомости». Ваньки-встаньки).

19. Литературныя и журнальныя замѣтки. Ibid., 1872 г., № 7, отд. II. (Первая половина этой статьи вошла въ 1-ый томъ «Сочиненій» стр. 633 — 669, но вторая половина, на стр. 296—320, имѣющая предметомъ полемику съ г. Буренинымъ, исключена изъ «Сочиненій»).

20. Литературныя и журнальныя замѣтки. Ibid., 1873 г., № 5, отд. II, стр. 43 — 63 («Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра».— «Завѣщаніе отеческое сыну» Ивана Посошкова.—«Солдатскій букварь».—Современные Посошковы. — Статья г. Спасовича о книгѣ г. Стронина).

21. Фельетонъ о диспутѣ Владиміра Соловьева. «Бирж. Вѣдомости» 1874 г., № 324.

22. Л. О. Котелянскій. Некрологъ. «Отеч. Зап.» 1879 г., № 4, отд. II, стр. 332—333.

23. Письмо въ редакцію «Посторонняго». Ibid., 1883 г., № 12, отд. II, стр. 256—258 (Эта статья написана по поводу 1-го Павленковскаго изданія сочиненій Глѣба Успенскаго въ 6-ти томахъ).

24. Дневникъ читателя. «Сѣверный Вѣстникъ» 1885 г., № 3 (ноябрь), отд. II, стр. 250—174 (о драмѣ г. А. Молчанова и объ Островскомъ).

25. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ (Нѣсколько словъ г. Л. Слонимскому). «Русская Мысль» 1889 г., № 3, отд. II, стр. 261—278.

26. О дневникѣ Башкирцевой. «Русское Богатство» 1893 г., № 1, стр. 24—38 *).

27. Литература и жизнь. Ibid., 1893 г., № 4, стр. 120—136.

28. Литература и жизнь. Ibid., 1893 г., № 9, стр. 79 — 85. (Часть статьи, не включенная въ 1-й томъ «Литер. воспоминаній и соврем. смуты»).

29. Литература и жизнь. Ibid., 1893 г., № 10, стр. 139—141 (Конецъ статьи, написанный по поводу смерти А. Н. Плещеева, не включенный въ 1-й томъ «Литер. воспом.»).

30. Замѣтка о литературномъ фондѣ. Ibid., 1894 г., № 9, стр. 72—80.

31. Литература и жизнь. Ibid., 1895 г. № 1, стр. 124—154.
32. Тоже заглавіе. Ibid., 1895 г., № 2, стр. 137—154.
33. » » » » № 3, » 132—153.
34. » » » » № 4, » 100—132.
35. » » » » № 5, » 78—102.
36. » » » » № 6, » 47— 67.
37. » » » » № 9, » 75—100.
38. » » » » № 10, » 30— 52.
39. » » » » № 11, » 24— 60.
40. » » » » № 12, » 1— 25.
41. » » » 1896 г., № 1, » 40— 66.
42. » » » » № 2, » 132—163.
43. » » » » № 3, » 66— 81.
44. » » » » № 4, » 115—138.
45. » » » » № 5, » 142—172.
46. » » » » № 6, » 42— 61.

*) Указаніе страницъ всѣхъ статей въ „Рус. Бог." относится ко 2-му отдѣлу этого журнала.

47. Литер. и жизнь. Ibid., 1896 г., № 9, стр. 124—140.
48. » » » » № 11, » 20— 47.
49. » » » » № 12, » 115—143.
50. » » » 1897 г., № 1, » 74— 98.
51. » » » » № 2, » 124—147.
52. » » » » № 4, » 178—203.
53. » » » » № 5, » 147—170.
54. » » » » № 6, » 97—126.

55. Тоже («О совѣсти г. Минскаго, страхѣ смерти и жаждѣ безсмертія.—О нашихъ умственныхъ теченіяхъ за полвѣка.—О новыхъ словахъ и «Новомъ Словѣ».—О рѣчи проф. Свѣтлова.—О г. Волынскомъ и о скандалистахъ вообще»). Ibid., 1897 г., № 10, стр. 161—195.

56. («О народничествѣ, діалектическомъ матеріализмѣ, субъективизмѣ и проч.—О страшной силѣ г. Novus'a, о моей робости и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ.—Н. Н. Златовратскій»). Ibid., 1897 г., № 11, стр. 115—139.

57. Тоже («О дѣлѣ г-жи Поповой и о союзѣ писателей»). Ibid., 1897 г., № 12, стр. 139—160.

58. Тоже («Рождественская сказка г. Буквы.—Нѣчто о Некрасовѣ.—Запрещеніе «Новаго Слова»). Ibid., 1898 г., № 1, стр. 113—127.

59. Тоже («Рождественская сказка г. Мамина.—Будущность цивилизаціи.—Вырожденіе и прогрессъ.—Дарвинизмъ и ницшіанство»). Ibid., 1898 г., № 2, стр. 132—162.

60. Тоже («Опроверженіе г. Захарьина-Якунина.—«Что такое искусство?»—статья гр. Л. Н. Толстого.—Эстетическіе взгляды Фехнера и Эннекена.—Герои и толпа въ искусствѣ.—Четыре художественныя выставки»). Ibid., 1898 г., № 3, стр. 125—161.

61. Тоже («Еще объ искусствѣ и гр. Толстомъ.—Справка о Некрасовѣ»). Ibid., 1898 г., № 4, стр. 137—152.

62. Бѣлинскій драматургъ Ibid., 1898 г., № 5, стр. 155—162.

63. Памяти Н. Я. Ярошенко. Ibid, 1898 г., № 7, стр. 171—175.

64. Литература и жизнь («О г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ»). Ibid., 1898 г., № 9, стр. 55—75.

55. Тоже («Еще о г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ»). Ibid., 1898 г., № 10, стр. 61—94.

66. Тоже («О шутахъ»). Ibid., 1898 г, № 11, стр. 30—56.

67. Памяти Я. П. Полонскаго. Ibid., 1898 г., № 11, стр. 56—62.

68. Литература и жизнь («Кое-что о современной беллетристикѣ»). Ibid., 1899 г., № 1, стр. 71—99.

69. Тоже («Еще кое-что о современной беллетристикѣ.—Къ Пушкинскому юбилею»). Ibid., 1899 г. № 2, стр. 83—100.

70. Поправка (Къ предыдущей статьѣ). Ibid., 1899 г., № 3, стр. 187—188.

71. Литература и жизнь («Книга г. Котляревскаго о «міровой скорби».—Журналы «Начало» и «Жизнь».—Любовь къ ближнему и любовь къ дальнему). Ibid., 1899 г., № 4, стр., 189—219.

72. Тоже («О нѣкоторыхъ мнѣніяхъ г. Невѣдомскаго»). Ibid., 1899 г., № 5 (8), стр. 141—159.

73. Тоже («Памяти Салтыкова.—О лживыхъ словахъ, ихъ многообразіи и разнообразіи.—Г. Величко и «Гражданскіе мотивы»). Ibid., 1899 г., № 6 (9), стр. 150—176.

74. Тоже («О г. Соловьевѣ» *), какъ «моменталистѣ-трансформистѣ» и развязномъ человѣкѣ вообще»). Ibid, 1899 г., № 7 (10). стр. 194—218.

75. Тоже (О «Повѣстяхъ и разсказахъ» г-жи Лѣтковой. — О двойственныхъ чувствахъ и одиночествѣ.—О рабствѣ и условіяхъ, при которыхъ «стыдно жить»). Ibid., 1899 г., № 8 (11), стр. 157—184.

76. Тоже («О г. Розановѣ»). Ibid., 1899 г., № 9 (12), стр. 150—168.

77. Памяти Григоровича. Ibid., 1900 г., № 1, стр. 188—194.

78. Литература и жизнь («Прогрессъ, какъ эволюція жестокости» г. М. Энгельгардта. — «Накипь» г. Боборыкина. — «Добро въ ученіи гр Толстого и Ф. Ницше» г. Л. Шестова»). Ibid , 1900 г., № 2, стр. 139—167.

79. Тоже («Нѣсколько словъ по поводу двухъ писемъ.—Г. Шестовъ о гр. Л. Н. Толстомъ.—«Воскресеніе»). Ibid., 1900 г., № 3, стр. 112—135.

80. Тоже («Кое-что о г. Чеховѣ»). Ibid., 1900 г., № 4, стр. 119—140.

81. Тоже («Объ «Альмѣ», «трагедіи изъ современной жизни» г. Минскаго). Ibid., 1900 г., № 5, стр. 110—128.

82. Тоже («Китайскія дѣла».—Предвидѣнія г. Мамина и Лапужа.—Повѣсть объ антихристѣ г. Вл. Соловьева. — «Будущность бѣлой расы» г. Я. Новикова). Ibid., 1900 г., № 7, стр 97—108.

83. Тоже («Знаменія времени», романъ г. Мордовцева—«Критическія замѣтки» о немъ г-на А. Б. въ «Мірѣ Божіемъ»). Ibid., 1900 г., № 9, стр 108—132.

84. Сверхъ-патріотъ. Замѣтка (Кн. Эсперъ Ухтомскій: «Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку». Спб., 1900). Ibid, 1900 г., № 9, стр. 227—236.

85. Литература и жизнь («Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія» Людвига Штейна. — Нѣсколько словъ «Міру Божію»). Ibid., 1900 г., № 10, стр. 71—87.

II.

Статьи въ литературныхъ сборникахъ и въ отдѣльныхъ книгахъ.

86. Параллели и контрасты. Введеніе къ ненаписанной книгѣ. «Невскій Сборникъ», изд. Вл. Курочкина (Спб. 1867 г.), стр. 475—497.

---

*) Евгеніи.

87. Предисловіе къ первому изданію русскаго перевода книги Джона-Стюарта Милля «Подчиненность женщины» (Спб. 1869), стр. I—XXVIII.

88. Сказки Таволгина. Отрывокъ изъ романа «Карьера Оладушкина». Сборникъ «Красный цвѣтокъ» (Спб. 1889), стр. 41 — 59 (Перепечатано изъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1885 г.).

89. Предисловіе къ русскому переводу (изданія О. Н. Поповой) книги Б. Кидда «Соціальная эволюція» (Спб. 1897).

90. Изъ романа «Карьера Оладушкина». Часть первая. Въ провинціи. Сборникъ «Русскаго Богатства» (Спб. 1899), стр. 1—99 (Первыя три главы были напечатаны ранѣе въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра», Спб. 1895, стр. 187—210).

Къ этому указателю надобно еще прибавить, что Н. К. Михайловскимъ было переведено, съ французскаго, посмертное сочиненіе П. Ж. Прудона «Французская демократія» (De la capacité politique des classes ouvrières»), Спб. 1867, и изданы отдѣльно 3 томика его «Критическихъ опытовъ»: I «Гр. Л. Н. Толстой, Спб. 1887, II. «Щедринъ», Спб. 1891 и III. «Иванъ Грозный въ русской литературѣ», Спб. 1895 и книга «Литература и жизнь» (Спб. 1892). «Критическіе опыты» вошли въ составъ 3-го изданія его «Сочиненій», а статьи, составившія книгу «Литература и жизнь» включены въ 1-й томъ «Литературныхъ воспоминаній и современной смуты».

Дѣло будущихъ библіографовъ—розыскать и составить полный указатель критическихъ статей и рецензій, посвященныхъ ему за весь періодъ его научно-литературной дѣятельности. Для такой работы пришлось бы внимательно пересмотрѣть *всѣ* какъ столичные, такъ и провинціальные журналы и газеты чуть-ли не за 35 послѣднихъ лѣтъ. По крайней мѣрѣ, первый намъ извѣстный отзывъ (о статьѣ «Параллели и контрасты») относится еще къ 1867 году (въ фельетонѣ: «Новости русской прессы»—«Гласный Судъ» 1867 г., № 214, 14-го мая). Но громадное большинство мелкихъ рецензій, вѣроятно, не представляетъ особаго интереса. Изъ болѣе же серьезныхъ статей нельзя не отмѣтить указаній В. В. Лесевича (о статьѣ Н. К. «Суздальцы и суздальская критика») въ его работѣ «Новѣйшая литература позитивизма» (въ «Отеч. Запискахъ» 1870 г., № 12, отд. II, стр. 191 — 194), статьи покойнаго П. Л. Лаврова: «Формула прогресса г. Михайловскаго» (тамъ же, 1870 г., № 2, отд. II, стр. 228—255), «Письмо къ Н. К. Михайловскому» г. В. Яковенко (въ «Сѣв. Вѣстникѣ» 1886 г., отд. II, № 11, стр. 195 — 211, отвѣтъ Н. К. Михайловскаго на это «Письмо», помѣщенный тамъ, перепечатанъ въ его «Сочиненіяхъ», 3-е изд., т. VI, стр. 458—478 и 485—492), С. Н. Южакова («Соціологическіе этюды». Этюдъ III. Субъективный методъ въ соціологіи. Разборъ мнѣній гг. Миртова и Михайловскаго» въ «Знаніи» 1873 г., № 10, стр. 37—71) статьи

И. И. Иванюкова (о 3-мъ томѣ 1-го изданія «Сочиненій» въ «Русской Мысли» 1883 г., № 1, отд. II, стр. 79—82), двухъ статей въ той-же «Русской Мысли»: о «Сочиненіяхъ» (1885 г., № 4) и о 1-й книжкѣ «Критическихъ опытовъ» (1887 г., № 3). Кромѣ того, объ общемъ характерѣ дѣятельности Н. К. Михайловскаго говорили: уже упомянутый нами выше В. В. Лесевичъ, въ своей книгѣ «Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи» (Спб. 1877, стр. 8, 243 — 255) и проф. Н. И. Карѣевъ въ своемъ трактатѣ «Основные вопросы философіи исторіи» (2-е, переработанное изданіе, Спб. 1887 г., стр. 79 и слѣд., 212 и слѣд.). Наконецъ, недавно вышла въ свѣтъ спеціально посвященная дѣятельности Н. К. Михайловскаго книжка А. И. Красносельскаго: «Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго» (Спб. 1900). Кромѣ нея, въ Одессѣ, еще въ 1889 г., появилась брошюра г. Н. Рашковскаго: «Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики», а нынѣ книга г. Бердяева: «Субъективизмъ и идеализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ П. Струве».

Изъ сочиненій Н. К. Михайловскаго на французскій языкъ переведено одно изъ важнѣйшихъ — соціологическій его трактатъ «Что такое прогрессъ?» «Qu'est-ce que le Progrès? Examen des idées de M. Herbert Spencer. Traduction du russe, revue par Paul Louis». Paris, Félix Alcanedit., 1897. 200 pag. Рецензія этого перевода (I. Seitz'a помѣщена въ «Vierteljahrsschrift für Wissentschaftliche Philosophie» за 1899 г. (Heft I, Band XXIII. S. 126—127.

Изъ біографическихъ очерковъ, посвященныхъ Н. К. Михайловскому, первый по времени принадлежитъ пишущему настоящія строки (въ 1-мъ вып. «Дополненія къ Настольному Словарю Ф. Толля», Спб. 1877, стр. 732). Затѣмъ слѣдовали болѣе пространныя и обстоятельныя характеристики А. М. Скабичевскаго (въ «Исторіи новѣйшей русской литературы») и С. А. Венгерова (въ XIX-мъ томѣ «Энциклопед. Словаря» Брокгауза и Ефрона, Спб. 1896, стр. 491—493).

Д. П. Сильчевскій.

БИБЛІОТЕКА
АЛИСТИЧЕСКОЙ
КАДЕМІИ.